Полное собрание сочинений

ВИКТОРА ГЮГО

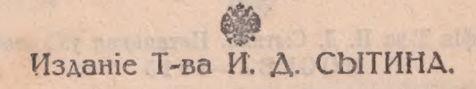
ННП

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ВИКТОРА ГЮГО

Томъ V.

Съ критико-біографическимъ очеркомъ профессора А. И. Кирпичникова.



Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., свой домъ.
МОСКВА.—1915

ДЕВЯНОСТО ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Романъ въ трехъ частяхъ. — Перев. подъ редакціей Е. Н. Киселева.

Часть первая.—НА МОРѢ.

Книга первая.—СОДРЕЙСКІЙ ЛѢСЪ.

Въ послѣднихъ числахъ мая 1793 года одинъ изъ батальоновъ парижской національной гвардіи, приведенныхъ въ Бретань Сантерромъ, дѣлалъ поиски въ страшномъ Содрейскомъ лѣсу близъ Астилье. Въ батальонѣ было подъ ружьемъ не болѣе трехсотъ человѣкъ, такъ какъ всѣ остальные офицеры и солдаты выбыли изъ строя во время трудной кампаніи. Подобное явленіе, впрочемъ, въ тѣ времена было не въ рѣдкость: такъ, послѣ сраженій при Аргоннѣ, Жемаппѣ и Вальми отъ перваго парижскаго батальона, состоявшаго изъ шестисотъ волонтеровъ, осталось 27 человѣкъ, отъ второго—33 и отъ третьяго—57. То была эпоха эпической борьбы.

Всего въ батальонахъ, присланныхъ изъ Парижа въ Вандею, насчитывалось теперь только 912 человѣкъ. При каждомъ батальонѣ было по три орудія. Мобилизація ихъ совершилась очень быстро. 25 апрѣля, при министрѣ юстиціи Гойэ и военномъ министрѣ Бушоттѣ, комитетъ общественной безопасности предложилъ послать въ Вандею батальоны волонтеровъ; докладчикомъ по этому предложенію былъ Любенъ. 1 мая Сантерръ уже въ состояніи былъ отправить 12.000 солдатъ, тридцать полевыхъ орудій и одинъ батальонъ канонировъ. Эти батальоны, несмотря на быстроту ихъ мобилизаціи, были такъ хорошо снаряжены, что въ этомъ отношеніи они могли бы служить образцомъ и въ наши дни. Дѣйствительно, современные линейные батальоны формируются совершенно по той же системѣ; лишь нѣсколько измѣнена прежняя пропорція между числомъ солдатъ и числомъ офицеровъ.

28 апрѣля парижская Коммуна дала волонтерамъ Сантерра слѣдующій лозунгъ: «Не давать пощады никому». Къ концу мая изъ 12.000 человѣкъ, отправившихся изъ Парижа, восьми тысячъ уже не было въ живыхъ.

Батальонъ, вступившій въ Содрейскій лѣсъ, подвигался впередъ съ величайшею осторожностью, не торопясь, стараясь глядѣть одновременно и направо, и налѣво, и впередъ, и назадъ. Не даромъ Клеберъ сказалъ, что у солдата одинъ глазъ долженъ быть на затылкѣ. Шли что-то ужъ очень долго. Который бы могъ быть часъ? Какое время дня? Трудно было бы отвѣтить на эти вопросы, потому что въ такихъ непроходимыхъ дебряхъ всегда бываютъ какія-то сумерки и никогда не бываетъ полудня.

Содрейскій лѣсъ уже раньше имѣлъ трагическое прошлое. Именно въ немъ, въ ноябрѣ 1792 года, начались ужасы междоусобной войны. Хромоногій извергъ Мускетонъ вышелъ именно изъ его зловѣщей чащи; отъ однихъ разсказовъ о совершонныхъ именно въ этомъ лѣсу преступленіяхъ волосы на головѣ становятся дыбомъ. Словомъ, болѣе зловѣщаго мѣста трудно было бы отыскать. Солдаты подвигались впередъ, точно ощупью. Все было въ полномъ цвѣту. Кругомъ возвышалась трепещущая стѣна изъ вѣтвей, распространявшая пріятную прохладу; солнечные лучи пронизывали тамъ и сямъ эту зеленоватую тѣнь; шпажникъ, болотный касатикъ, луговой нарциссъ, ландышъ, весенній шафранъ разстилались по землѣ, образуя пышный и пестрый растительный коверъ, фонъ котораго составляли разныя породы мха, начиная отъ такого, который похожъ на гусеницъ, и кончая тѣмъ, который похожъ на звѣздочки. Солдаты подвигались впередъ медленнымъ шагомъ, молча, потихоньку раздвигая кусты. Птички щебетали, носясь надъ остреями штыковъ.

Содрейскій лѣсъ былъ одной изъ непроходимыхъ лѣсныхъ дебрей, въ которыхъ, во времена оны, въ мирныя времена, устраивались ночныя охоты на птицъ; теперь въ немъ производилась охота на людей. Въ немъ росли березы, буки и дубы, почва была ровная; мохъ и густая трава заглушали шумъ людскихъ шаговъ. Въ немъ не было почти никакихъ тропинокъ, а если какія и попадались, то онѣ тотчасъ же терялись опять. По бокамъ тянулись остролистники, дикій тернъ, папоротникъ, цѣлыя изгороди колючихъ кустовъ, такъ что невозможно было въ десяти шагахъ разглядѣть человѣка. По временамъ въ кустарникѣ пролетали цапли или бекасы, свидѣтельствовавшіе о близости болотъ.

Солдаты подвигались впередъ. Они шли наугадъ, испытывая тревогу и опасаясь найти то, чего они искали. По временамъ встрѣчались слѣды недавнихъ лагерей: выжженныя мѣста, смятая трава, жерди въ видѣ крестовъ, окровавленные сучья. Здѣсь варили похлебку, тамъ служили обѣдню, въ третьемъ мѣстѣ перевязывали раненыхъ. Но тѣ, которые побывали здѣсь, исчезли. Гдѣ жъ они? Быть-можетъ, далеко. А быть-можетъ и тутъ, совсѣмъ близко, гдѣ-нибудь за кустомъ, съ мушкетомъ въ рукѣ. Лѣсъ казался пустыннымъ. Батальонъ удваивалъ осторожность. Безмолвіе—значитъ есть поводъ опасаться. Никого не видно — значитъ, есть лишній поводъ предполагать, что тутъ кто-нибудь спрятался. Лѣсъ вообще пользовался недоброй славой, и было полное основаніе опасаться засады.

Тридцать гренадеровъ, высланныхъ подъ командой одного сержанта впередъ въ качествѣ развѣдчиковъ, шли на довольно значительномъ разстояніи впереди отряда; ихъ сопровождала маркитантка батальона. Маркитантки вообще любятъ присоединяться къ авангардамъ; ихъ побуждаетъ къ тому любопытство: хотя и опасно, но зато скорѣе увидишь что-нибудь интересное. Любопытство является у женщинъ стимуломъ храбрости.

Вдругъ солдаты этого небольшого передового отряда вздрогнули, какъ вздрагиваетъ охотникъ, замѣтившій логовище звѣря. Среди чащи послышалось точно чье-то дыханіе и листья какъ будто зашевелились. Солдаты переглянулись. Въ развѣдочной службѣ офицерамъ рѣдко приходится вмѣшиваться и что-нибудь приказывать: то, что должно быть сдѣлано, дѣлается само собою.

Менѣе чѣмъ въ минуту то мѣсто, въ которомъ замѣчено было движеніе, было окружено, и дула ружей направились въ одну точку, въ темную середину чащи; солдаты, взведя курки и уставивъ глаза въ подозрительный пунктъ, ждали только команды сержанта, чтобы начать стрѣльбу. Однако маркитантка рѣшилась заглянуть сквозь кустарникъ въ чащу и въ то самое мгновеніе, когда сержантъ собирался скомандовать «пли», она воскликнула: «Стой!» и прибавила, обращаясь къ солдатамъ: «Товарищи, не стрѣляйте!»

Затѣмъ она бросилась въ чащу. Солдаты послѣдовали за нею.

Въ самой густой чащѣ, на краю одной изъ тѣхъ круглыхъ крохотныхъ лужаекъ, которыя образуются въ лѣсахъ отъ угольныхъ печей, сжигающихъ корни деревьевъ, и которыя похожи на круглыя бесѣдки, сидѣла на мху въ углубленіи, заваленномъ вѣтками и похожемъ на альковъ, женщина, кормившая грудью ребенка, между тѣмъ какъ на колѣняхъ ея лежали двѣ бѣлокурыя головки двухъ другихъ спящихъ дѣтей. Вотъ и вся была засада.

— Эй вы, что вы тутъ дѣлаете?—окликнула ее маркитантка.

Женщина подняла голову.

— Что вы съ ума сошли?—продолжала маркитантка, сердитымъ голосомъ.—Вѣдь еще одну секунду—и васъ бы подстрѣлили.

И затѣмъ, обращаясь къ солдатамъ, маркитантка прибавила:

— Это женщина.

— Сами видимъ что женщина, чортъ побери!—пробормоталъ одинъ гренадеръ.

— Что за фантазія забираться въ лѣсъ, чтобы быть убитой!—продолжала маркитантка.—Вѣдь придетъ же въ голову этакая глупость!

Женщина, изумленная, растерянная, какъ бы окаменѣлая, озиралась вокругъ себя, какъ спросонокъ, переводя глаза то на ружья, то на сабли, то на штыки, то на сердитыя лица солдатъ. Спавшія на колѣняхъ ея дѣти проснулись и закричали.

— Я ѣсть хочу!—вопилъ одинъ.

— Я боюсь!—ревѣлъ другой.

Только грудной ребенокъ продолжалъ спокойно сосать грудь.

— Въ своемъ ли ты умѣ?—продолжала, обращаясь къ женщинѣ маркитантка.

Но женщина отъ испуга не могла произнести ни слова. Наконецъ сержантъ крикнулъ ей:

— Не бойтесь! Мы—солдаты республики.

Женщина задрожала всѣмъ тѣломъ. Она взглянула на сержанта. Лицо у того, все обросшее волосами, изъ-подъ которыхъ, какъ два уголька, свѣтились два глаза, не имѣло въ себѣ ничего особенно успокоительнаго.

— Да, да, это батальонъ Красной Шапки, бывшій Краснаго Креста,—подтвердила маркитантка.

— Ты кто такая будешь, мадамъ?—продолжалъ сержантъ.

Но женщина только испуганно таращила на него глаза. Она была молода, блѣдна, худощава и одѣта въ рубище; вмѣсто всякой одежды на ней накинуто было старое шерстяное одѣяло, завязанное около шеи бечевкой, а на головѣ у нея былъ надѣтъ неуклюжій капоръ бретонскихъ крестьянокъ. Она выставляла напоказъ свою обнаженную грудь съ равнодушіемъ самки. Ея босыя ноги были всѣ въ крови.

— Это, должно-быть, нищенка,—проговорилъ сержантъ.

— Какъ васъ звать?—спросила маркитантка болѣе мягкимъ голосомъ.

— Михалина Флешаръ,—пробормотала женщина, запинаясь и едва слышно.

Маркитантка, приблизившись къ ней, стала гладить своей большой и грубой рукой голову грудного ребенка.

— Сколько ему мѣсяцевъ?—спросила она.

Мать не поняла, и маркитантка повторила свой вопросъ.

— А-а!—отвѣтила мать.—Восемнадцать мѣсяцевъ.

— Ну, въ такомъ возрастѣ пора бы уже и отнять его отъ груди,—замѣтила маркитантка.—Поручите-ка его мнѣ; мы его накормимъ супомъ.

Мать стала успокаиваться. Оба старшихъ ребенка, окончательно проснувшись, выказывали больше любопытства, чѣмъ испуга, и съ видимымъ удовольствіемъ разсматривали султаны солдатъ.

— Да, да,—заговорила мать,—они очень голодны. А у меня больше нѣтъ молока,—прибавила она.

— Ихъ накормятъ,—закричалъ сержантъ,—и тебя также. Но прежде всего: каковы твои политическія убѣжденія?

Женщина взглянула на сержанта и молчала.

— Слышала, что я тебя спрашиваю?—строго промолвилъ сержантъ.

— Меня отдали въ монастырь ребенкомъ,—пробормотала она,—но я не захотѣла сдѣлаться монахиней и вышла замужъ. Сестры научили меня говорить по-французски. Нашу деревню сожгли. Я такъ торопилась бѣжать, что не успѣла обуться.

— Я тебя спрашиваю, каковы твои политическія убѣжденія?

— Я не знаю, что это значитъ.

— Дѣло въ томъ, что здѣсь немало развелось шпіонокъ,—продолжалъ сержантъ,—а мы ихъ разстрѣливаемъ, этихъ шпіонокъ. Ну же, говори! Вѣдь ты не цыганка? Гдѣ твое отечество?

Женщина продолжала смотрѣть на него, какъ бы не понимая его. Сержантъ повторилъ свой послѣдній вопросъ.

— Я не знаю,—отвѣтила она.

— Какъ?.. ты не знаешь, гдѣ твоя родина?

— А-а, гдѣ моя родина? Какъ же, знаю.

— Ну, такъ гдѣ же твоя родина?

— Въ Азескомъ приходѣ, на Сисконьярской фермѣ,—отвѣтила женщина.

Теперь сержантъ удивился въ свою очередь. Онъ на минуту задумался и затѣмъ переспросилъ:

— Какъ ты сказала? Сисконьярская ферма? Да это не отечество!

— Но я тамъ родилась,—настаивала женщина и прибавила, подумавъ съ минуту:—А-а, теперь я поняла, сударь! Вы родомъ изъ Франціи, а я—изъ Бретани.

— Ну, такъ что жъ такое?

— Да вѣдь это двѣ различныя страны!

— Но отечество-то это общее!—закричалъ сержантъ.

— Я родомъ изъ Сисконьяра,—продолжала твердить женщина.

— Ну, пусть будетъ изъ Сисконьяра,—согласился сержантъ.— Такъ тамъ живетъ твоя семья? Чѣмъ она занимается?

— Моя семья вся вымерла. У меня никого не осталось родныхъ.

Сержантъ, будучи отъ природы не дуракъ поговорить, продолжалъ свой допросъ:

— Ну, такъ если теперь не осталось, такъ были же прежде, чортъ побери! Кто ты такая? Говори!

Женщина продолжала слушать, вся растерянная. Наконецъ маркитантка нашла нужнымъ вмѣшаться въ дѣло. Она снова принялась гладить грудного младенца по головкѣ и похлопала по щечкамъ двухъ старшихъ.

— Какъ зовутъ эту сосунью?—спросила она.—Вѣдь это дѣвочка, не такъ ли?

— Жоржетта,—отвѣтила мать.

— А старшаго? Вѣдь это мужчина, этотъ шалунъ?

— Рене-Жанъ.

— А младшаго? Вѣдь это тоже мужчина, да еще какой толстощекій?

— Гро-Аленъ,—отвѣтила мать.

— Хорошенькіе мальчики,—продолжала маркитантка.—Надо полагать, что изъ нихъ выйдетъ прокъ.

— Ну, такъ говори же, сударыня,—настаивалъ сержантъ,— есть ли у тебя свой домъ?

— Былъ домъ, въ Азэ, но теперь нѣтъ.

— Отчего же ты не живешь въ своемъ домѣ?

— Потому что его сожгли.

— Кто сжегъ?

— Не знаю. Кажется, битва сожгла.

— Откуда же ты идешь?

— Оттуда и иду.

— А куда?

— Я сама не знаю.

— Дѣло говори. Кто ты такая?

— Не знаю.

— Какъ, ты не знаешь, кто ты такая?

— Я просто женщина, ищущая спасенія для себя и для своихъ дѣтей.

— Къ какой ты принадлежишь партіи?

— Не знаю.

— Принадлежишь ли ты къ синимъ? къ бѣлымъ? За кого ты стоишь?

— Я стою за своихъ дѣтей.

Наступило молчаніе. Наконецъ маркитантка снова вмѣшалась въ разговоръ.

— У меня никогда не было дѣтей,—замѣтила она.—У меня на это не хватало времени.

— А родители твои?—продолжалъ сержантъ.—Изволь-ка, сударыня, сообщить намъ что-нибудь о твоихъ родителяхъ. Моя фамилія Радубъ, я сержантъ, я родился въ Парижѣ на улицѣ Шершъ-Миди, гдѣ родились также и мой отецъ и моя мать. Видишь, я не стѣсняюсь говорить о своихъ родителяхъ. Такъ не угодно ли и тебѣ разсказать о своихъ.

— Ихъ фамилія была Флешаръ. Вотъ и все.

— Ну, Флешаръ, такъ Флешаръ, Радубъ, такъ Радубъ. Но всякій человѣкъ принадлежитъ къ какому-нибудь сословію. Къ какому же сословію принадлежали твои родители? Чѣмъ они занимаются или, по крайней мѣрѣ, чѣмъ они занимались?

— Они были земледѣльцы. Отецъ мой былъ человѣкъ хворый и не могъ работать, вслѣдствіе того, что баринъ, его баринъ, нашъ баринъ, приказалъ избить его палками, что было еще очень милостиво, такъ какъ отецъ мой укралъ кролика, за что собственно полагается смертная казнь. Но баринъ нашъ помиловалъ его и сказалъ: «Дайте ему только сто палокъ». И отецъ мой остался калѣкой.

— Продолжай.

— Дѣдъ мой былъ гугенотъ, и нашъ приходскій священникъ устроилъ такъ, что его сослали въ каторжныя работы. Я въ то время была еще совсѣмъ маленькая.

— Продолжай.

— Отецъ моего мужа занимался продажей корчемной соли. Король велѣлъ его за это повѣсить.

— А мужъ твой? Чѣмъ онъ занимается?

— Въ послѣдніе дни онъ сражался.

— За кого?

— За короля, за нашего барина, за господина кюрэ.

— Чортъ побери этихъ скотовъ!—воскликнулъ одинъ изъ гренадеровъ.

Женщина вздрогнула.

— Вы видите, сударыня, что мы парижане,—любезно замѣтила маркитантка.

— О, Господи Іисусе!—воскликнула женщина, складывая руки, какъ бы для молитвы.

— Пожалуйста, безъ этихъ глупостей!—строго замѣтилъ сержантъ.

Маркитантка усѣлась возлѣ женщины и привлекла къ себѣ на колѣни одного изъ мальчиковъ, который нисколько не упирался.

Дѣти такъ же легко успокаиваются, какъ и легко пугаются. То и другое часто бываетъ безъ всякой видимой причины. Должно-быть, въ нихъ говорилъ какой-нибудь внутренній голосъ.

— Ну, милая моя землячка,—заговорила маркитантка,—у васъ премилые ребята, это вѣрно. Не трудно угадать ихъ возрастъ. Старшему четыре года, а вотъ этому—три. А эта сосунья—удивительная обжора. Ахъ, ты дрянная дѣвчонка! Да ты этакъ совсѣмъ съѣшь свою маму! Не бойтесь, сударыня. Только я бы посовѣтовала вамъ поступить въ нашъ батальонъ. Берите примѣръ съ меня. Зовутъ меня Гусарихой. Это, конечно, прозвище, но мнѣ больше нравится, чтобы меня звали Гусарихой, чѣмъ мамзель Бикорно, какъ звали мою мать. Я—шинкарка, я, такъ сказать, утоляю жажду людей, занятыхъ взаимнымъ истребленіемъ. Всякому свое. У насъ съ вами ноги, кажется, одинаковой величины: я вамъ дамъ надѣть свои башмаки. Я была въ Парижѣ 10 августа и угощала виномъ самого Вестерманна. Вотъ это былъ денекъ! Я видѣла, какъ отрубили голову Людовику XVI, т.-е. Людовику Капету, хотѣла я сказать. Ахъ, какъ ему не хотѣлось умирать! Послушайте-ка, вы знаете, что еще не далѣе, какъ 13 января, онъ самъ жарилъ каштаны и смѣялся въ кругу своего семейства. Когда его насильно положили на доску, на немъ не было уже ни кафтана ни башмаковъ; онъ былъ одѣтъ только въ рубашку, пикейный жилетъ, панталоны изъ сѣраго сукна и сѣрые же шелковые чулки. Ну, такъ идемте съ нами, что ли? Славные ребята въ нашемъ батальонѣ. Вы будете второй маркитанткой, я васъ научу всѣмъ пріемамъ. Тутъ, впрочемъ, нѣтъ ничего мудренаго. У васъ будетъ манерка и колокольчикъ, вы будете расхаживать среди сражающихся, звоня въ колокольчикъ, чтобы васъ было слышно при пушечной и ружейной пальбѣ и вообще среди шума битвы, и будете выкрикивать: «кто желаетъ выпить чарочку, ребята?» Вотъ и вся недолга! Я угощаю всѣхъ безъ различія, и бѣлыхъ и синихъ,—ей Богу!—хотя сама я принадлежу къ синимъ и даже къ темно-синимъ. А все же я не откажу никому въ чаркѣ вина. Вѣдь раненые всегда чувствуютъ сильную жажду, а умирать одинаково тяжело, къ какой бы партіи ни принадлежать. Знаете ли, людямъ умирающимъ слѣдовало бы передъ смертью пожимать другъ другу руку. Какъ глупо драться! Ну, такъ идемте же съ нами. Если меня убьютъ, вы заступите мое мѣсто. Видите ли, я въ сущности добрая женщина и хорошій человѣкъ. Не бойтесь ничего.

Когда маркитантка перестала тараторить, женщина пробормотала:

— Нашу сосѣдку звали Мари-Жанной, а нашу работницу Мари-Клодъ.

Тѣмъ временемъ сержантъ Радубъ журилъ гренадера.

— Замолчишь ли ты, — говорилъ онъ. — Ты ее напугалъ. Въ присутствіи дамъ нельзя браниться.

— Да какъ же тутъ не браниться честному человѣку,—ворчалъ гренадеръ, когда видишь такихъ уродовъ, свекоръ которыхъ былъ искалѣченъ бариномъ, тесть отправленъ по милости попа на ка-

торгу, а отецъ повѣшенъ по милости короля, и которые тѣмъ не менѣе, чортъ побери, бунтуютъ, хватаются за оружіе и лѣзутъ на смерть изъ-за своего барина, попа, короля!

— Молчать!—закричалъ сержантъ.

— Молчу, молчу, г. сержантъ, — произнесъ гренадеръ. — Но тѣмъ не менѣе досадно видѣть, что такая хорошенькая женщина рискуетъ жизнью изъ-за какого-то сумасброда.

— Гренадеръ,—строго замѣтилъ сержантъ, — здѣсь не политическій клубъ, нечего разглагольствовать. — И онъ продолжалъ, обращаясь къ женщинѣ:—А твой мужъ, сударыня? Чѣмъ онъ занимается? Что съ нимъ сталось?

— Онъ ничѣмъ не занимается, такъ какъ его убили.

— Убили? Когда? Гдѣ?

— Три дня тому назадъ, въ рядахъ ополченія.

— Кто же его убилъ?

— Не знаю.

— Какъ, ты не знаешь, кто убилъ твоего мужа? По крайней мѣрѣ былъ ли это синій, бѣлый?

— Не знаю. Я знаю только, что онъ былъ убитъ выстрѣломъ изъ ружья.

— Три дня тому назадъ, говоришь ты? Но въ какомъ мѣстѣ?

— Около Эрнэ. Мой мужъ былъ убитъ въ сраженіи. Вотъ и все.

— А съ тѣхъ поръ, какъ мужъ твой умеръ, что ты дѣлаешь?

— Вотъ, несу моихъ малютокъ.

— Куда же ты ихъ несешь?

— Куда глаза глядятъ.

— А гдѣ же ты ночуешь?

— Подъ открытымъ небомъ.

— Чѣмъ ты питаешься?

— Ничѣмъ.

Сержантъ повелъ своими усищами и переспросилъ:

— Ничѣмъ?

— Т.-е. терновыми ягодами, ежевикой, морошкой, которыя остались отъ прошлаго года, черникой, молодыми побѣгами папоротника.

— Только-то? Ну, это все равно, что ничѣмъ.

Старшій изъ мальчиковъ, должно-быть, понявъ, о чемъ шелъ разговоръ, пролепеталъ:

— Ѣсть хочется!

Сержантъ вынулъ изъ кармана кусокъ чернаго хлѣба и подалъ его матери. Та разломила кусокъ пополамъ и отдала по куску каждому изъ мальчиковъ, которые съ жадностью принялись его ѣсть.

— А для себя она ничего не оставила, — проворчалъ сквозь зубы сержантъ.

— Значитъ не голодна,—замѣтилъ одинъ изъ солдатъ.

— Нѣтъ, это значитъ, что она мать,—возразилъ сержантъ.

— Я пить хочу,—заговорилъ одинъ изъ мальчиковъ.

— Я пить хочу,—повторилъ другой.

— Да вѣдь въ этомъ чертовскомъ лѣсу нѣтъ даже и ручейка,—сердито произнесъ сержантъ.

Маркитантка сняла съ своего пояса мѣдную чарочку, прицѣпленную рядомъ съ колокольчикомъ, отвернула кранъ жбана, висѣвшаго у нея черезъ плечо, наполнила чарочку и поднесла ее къ губамъ дѣтей. Старшій хлебнулъ и состроилъ гримасу. Младшій хлебнулъ и выплюнулъ.

— Что же вы? Вѣдь это же вкусно?—сказала маркитантка.

— Это что такое? Горлодеръ?—спросилъ сержантъ.

— Да, и притомъ перваго сорта. Но вѣдь они мужичье! — и она сердито вытерла чарочку.

— Итакъ, сударыня, — снова началъ сержантъ, — ты такимъ образомъ спасаешься въ лѣсу?

— Что же дѣлать! Я бѣгу, пока хватаетъ силъ, потомъ иду потише, потомъ падаю.

— Вотъ бѣдняга!—проговорила маркитантка.

— Кругомъ дерутся,—пробормотала женщина.—Отовсюду только и слышишь, что ружейные выстрѣлы. Я не знаю, чего имъ другъ отъ друга нужно. У меня убили мужа, — я смогла понять только это.

— Что за глупая вещь война, чортъ побери! — воскликнулъ сержантъ, стукнувъ оземь прикладомъ своего ружья.

— Прошлую ночь мы переночевали въ мшинникѣ,—продолжала женщина.

— Какъ въ мшинникѣ? Быть-можетъ, въ дуплѣ? Значитъ, вы всѣ четверо ночевали стоя?

И онъ продолжалъ, обращаясь къ солдатамъ:

— Ребята, эти дикари называютъ мшинникомъ толстое, пустое внутри дерево, въ которое человѣкъ можетъ влѣзть, точно въ футляръ. Что подѣлаешь съ ихъ невѣжествомъ! Вѣдь не всякому довелось побывать въ Парижѣ.

— Спать въ дуплѣ! — воскликнула маркитантка. — Да еще съ тремя ребятишками!

— Воображаю себѣ, — продолжалъ сержантъ, — какъ смѣшно было прохожимъ, ничего не видѣвшимъ, слышать раздававшійся изъ дупла дѣтскій ревъ и крики: «папа», «мама».

— Хорошо еще, что теперь лѣто!—вздохнула женщина; и она, съ видомъ покорности, потупила глаза въ землю, какъ бы преклоняя голову передъ обрушившеюся на нее тяжестью катастрофъ.

Солдаты обступили ее и хранили глубокое молчаніе. Вдова, трое сиротъ, бѣгство, одиночество, безпомощность, война, обложившая тучами весь горизонтъ, голодъ, жажда, трава для утоленія голода, небо вмѣсто крова — этотъ избытокъ несчастія, очевидно, производилъ на нихъ тяжелое впечатлѣніе.

Сержантъ приблизился къ женщинѣ и сталъ пристально смотрѣть на сосавшаго ребенка. Малютка перестала сосать, поти-

хоньку повернула голову, взглянула своими свѣтлыми голубыми глазками на наклонившееся надъ нею страшное, обросшее волосами лицо, и улыбнулась. Сержантъ выпрямился, и крупная слеза скатилась по его щекѣ, остановившись, точно жемчужина, на кончикѣ его громаднаго уса.

— Ребята,—заговорилъ онъ,—я по всему вижу, что батальону вскорѣ придется сдѣлаться отцомъ семейства. Не такъ ли? Давайте, усыновимъ этихъ трехъ малютокъ!

— Да здравствуетъ республика! — раздалось въ группѣ гренадеръ.

— Значитъ, дѣло кончено,—промолвилъ сержантъ.—Онъ распростеръ обѣ руки надъ головами матери и дѣтей и прибавилъ:— Вотъ дѣти батальона Красной Шапки.

— Три головки подъ одной шапкой!—воскликнула маркитантка и даже подпрыгнула отъ радости. Потомъ она зарыдала, принялась цѣловать бѣдную вдову и сказала ей: — А какая плутовская рожица у твоей малютки!

— Да здравствуетъ республика!—повторили солдаты,

А сержантъ, обращаясь къ матери, промолвилъ:

— Такъ идите же съ нами, сударыня!

Книга вторая.—КОРВЕТЪ КЛЭЙМОРЪ.

I.

Англія и Франція схватились драться.

Весною 1793 года, въ то время, какъ Франція, подвергшаяся одновременному нападенію со всѣхъ сторонъ, развлекалась трагическимъ паденіемъ жирондистовъ, въ Ла-Маншскомъ архипелагѣ происходило слѣдующее:

1 іюня вечеромъ, приблизительно за часъ до солнечнаго захода, въ туманную погоду, удобную для бѣгства именно потому, что она опасна для плаванія, въ небольшой, пустынной бухтѣ Боннюи поднималъ паруса какой-то корветъ. Экипажъ этого судна состоялъ изъ французовъ, хотя само оно и входило въ составъ крейсеровавшей около этого берега англійской флотиліи и какъ бы стояло на часахъ у западной оконечности острова. Англійской флотиліей командовалъ князь Латуръ-д'Овернь, потомокъ герцоговъ бульонскихъ, по приказанію котораго и былъ отправленъ сюда корветъ для исполненія важнаго и спеціальнаго порученія.

Корветъ этотъ, названный при спускѣ «Клэйморъ», съ виду напоминалъ транспортное судно, но въ сущности былъ военнымъ корветомъ. Дѣйствительно онъ былъ построенъ по тяжеловѣсному и мирному типу коммерческихъ судовъ; но на это не слѣдовало полагаться. При постройкѣ его имѣлись въ виду двѣ цѣли: боевая способность и отводъ глазъ; въ случаѣ необходимости онъ долженъ былъ сражаться, въ случаѣ возможности—вводить въ обманъ. Въ виду возложеннаго на судно въ эту ночь порученія, между деками, вмѣсто груза, были поставлены тридцать орудій большого калибра, такъ называемыхъ «каронадъ». Но эти пушки—потому ли что ожидалась буря, или для того, чтобы придать судну совершенно мирный видъ — были прикрѣплены къ внутреннему обшивному поясу тройными цѣпями, съ приставленными къ закрытымъ люкамъ жерлами. Снаружи ничего нельзя было замѣтить; пушечные порты были закрыты наглухо ставнями; корветъ точно надѣлъ на себя маску. «Каронады» стояли на мѣдныхъ лафетахъ стариннаго образца. Обыкновенные корветы вооружены орудіями только на палубѣ; этотъ же, предназначенный для засады и для нападенія врасплохъ, имѣлъ палубу невооруженную и всѣ его орудія, какъ уже сказано, были скрыты между деками. «Клэйморъ» представлялъ собою массивное, довольно неуклюжее сооруженіе, но тѣмъ не менѣе обладалъ хорошимъ ходомъ. Едва ли во всемъ англійскомъ флотѣ можно было встрѣтить болѣе прочный корабельный кузовъ, а въ морскомъ сраженіи это судно постояло бы за себя не хуже фрегата, хотя вмѣсто бизань-мачты у него была всего небольшая жердь, съ косымъ гротъ-контръ-бизанемъ. Руль на

немъ, очень рѣдкаго и искуснаго устройства, имѣлъ короткіе тамберсы и стоилъ 50 фун. ст. на Соутэмптонской верфи.

Экипажъ корвета состоялъ исключительно изъ французовъ — офицеровъ-эмигрантовъ и матросовъ-дезертировъ. Весь онъ былъ подобранъ весьма тщательно: всѣ были хорошіе моряки, храбрые солдаты, убѣжденные роялисты; всѣ были воодушевлены тройнымъ фанатизмомъ: своего судна, своего меча и своего монарха. Кромѣ собственно экипажа судна, на корветѣ находился еще полубатальонъ морской пѣхоты, который въ случаѣ надобности могъ служить десантомъ.

Капитаномъ «Клэймора» былъ графъ Буабертло, кавалеръ ордена св. Людовика, одинъ изъ лучшихъ офицеровъ бывшаго французскаго королевскаго флота, помощникомъ его—шевалье [1]) де-Ла-Вьёвилль, командовавшій въ королевской гвардіи тою самою ротой, въ которой Гошъ былъ сержантомъ; а лоцманомъ — самый опытный изъ джерсейскихъ судохозяевъ, нѣкто Филиппъ Гакуаль.

Не трудно было догадаться, что это судно предназначалось для чего-то необычайнаго. Дѣйствительно, на него только что сѣлъ человѣкъ, который, какъ по всему было видно, пускался въ какое-то приключеніе. Это былъ старикъ высокаго роста, крѣпко сложенный, державшійся прямо, съ строгимъ лицомъ, по которому было бы трудно опредѣлить возрастъ этого человѣка, такъ какъ оно казалось одновременно и старымъ и молодымъ; одинъ изъ тѣхъ людей, у которыхъ за спиною много лѣтъ, но которые еще полны силы, волосы которыхъ сѣды, но глаза блестятъ юношескимъ огнемъ, которымъ, судя по ихъ бодрости, можно дать сорокъ лѣтъ, а судя по ихъ почтенному виду— и всѣ восемьдесятъ. Въ то время, какъ онъ поднимался на корветъ, его морской плащъ распахнулся, и изъ-подъ него показались широкія шаровары, высокія ботфорты и куртка изъ козьей шкуры, шерстью внизъ, обшитая позументомъ,—словомъ, полный костюмъ бретонскаго крестьянина. Эти бретонскія куртки имѣли двоякое назначеніе, служили въ одно и то же время и будничнымъ, и праздничнымъ костюмомъ и могли, по желанію, выворачиваться или мѣхомъ или кожей кверху—въ первомъ случаѣ для будней, во второмъ—для праздниковъ. Крестьянскій костюмъ, надѣтый на этомъ старикѣ, какъ бы для бо̀льшаго сходства съ дѣйствительностью, былъ потертъ на локтяхъ и на колѣняхъ и, повидимому, былъ уже достаточно поношенъ, а морской плащъ изъ грубой матеріи былъ похожъ на плащъ обыкновеннаго рыбака. На головѣ старика была надѣта модная въ то время широкополая и высокая шляпа, которая, когда поля ея были опущены, напоминала шляпы земледѣльцевъ, а съ приподнятыми полями и пристегнутой къ тульѣ петлицей съ кокардой была похожа на шляпы тогдашнихъ военныхъ. Въ данную минуту шляпа на старикѣ была надѣта по-крестьянски, безъ петлицы и кокарды.

Губернаторъ Джерсея, лордъ Балькаррасъ, и князь Латуръ-д'Овернь лично проводили его на корветъ и водворили его на немъ.

---

[1]) Старинный дворянскій титулъ во Франціи. *Прим. ред.*

Довѣренное лицо принцевъ-эмигрантовъ Желамбръ, бывшій адъютантъ графа д'Артуа, самъ наблюдалъ за устройствомъ его каюты и довелъ свою почтительность и заботливость до того, что несъ за старикомъ его чемоданъ, хотя самъ былъ природный дворянинъ. Разставаясь съ этимъ старикомъ, чтобы вернуться на берегъ, Желамбръ отвѣсилъ ему низкій поклонъ. Лордъ Балькаррасъ сказалъ ему: «Желаю вамъ успѣха, генералъ», а князь Латуръ-д'Овернь обратился къ нему со словами: «До свиданія, кузенъ».

Экипажъ тотчасъ же послѣ появленія на корветѣ этого пассажира сталъ называть его въ краткихъ и отрывистыхъ разговорахъ между собою: «Крестьянинъ»; но, не зная о немъ никакихъ дальнѣйшихъ подробностей, всѣ отлично понимали, что этотъ пассажиръ настолько же крестьянинъ, насколько ихъ военный корветъ—коммерческое судно.

Дулъ слабый вѣтеръ. «Клэйморъ» вышелъ изъ Боннюи, прошелъ мимо Булей-бея и держалъ нѣсколько времени вдоль берега; затѣмъ онъ повернулъ въ море и вскорѣ совсѣмъ скрылся въ темнотѣ.

Часъ спустя Желамбръ, возвратившись въ свою квартиру въ Сентъ-Элие, послалъ съ срочнымъ соутэмптонскимъ почтовымъ судномъ графу д'Артуа, находившемуся при главной квартирѣ герцога Йоркскаго, слѣдующія строки: «Ваше высочество, отъѣздъ состоялся. Успѣхъ несомнѣненъ. Черезъ недѣлю весь берегъ, отъ Гранвиля до Сенъ-Мало, будетъ объятъ пламенемъ».

За четыре дня передъ тѣмъ марнскій депутатъ Пріэръ, посланный съ особыми порученіями къ арміи, занимавшей побережье близъ Шербурга, и находившійся въ данное время въ Гранвиллѣ, получилъ написанное тѣмъ же почеркомъ, какъ и вышеупомянутая записка, слѣдующее письмо:

«Гражданинъ-депутатъ! 1 іюня, во время прилива, военный корветъ «Клэйморъ», съ замаскированными батареями, выйдетъ изъ порта для того, чтобы высадить на берегъ Франціи одного человѣка съ нижеслѣдующими примѣтами: высокаго роста, старикъ, сѣдые волосы, аристократическія руки, одѣтъ въ крестьянское платье. Завтра вышлю вамъ дальнѣйшія подробности. Онъ высадится 2-го числа, утромъ. Дайте знать нашимъ крейсерамъ, захватите корветъ, а этого человѣка прикажите гильотинировать».

II.

Ночь на кораблѣ и надъ пассажиромъ.

Корветъ, вмѣсто того, чтобы взять южное направленіе и итти въ Сентъ-Катринъ, сначала пошелъ на сѣверъ, затѣмъ повернулъ на западъ и вошелъ между островами Серкъ и Джерсей въ проливъ, называемый «Гибельнымъ Проходомъ». Въ то время въ этомъ проливѣ не было ни одного маяка ни на томъ, ни на другомъ берегу.

Солнце зашло; ночь была темнѣе, чѣмъ обыкновенно бываютъ лѣтнія ночи. Хотя по календарю и полагалась луна, но

густыя тучи, какія чаще бываютъ во время равноденствія, чѣмъ во время солнцестоянія, покрывали небо, и по всему можно было заключить, что луна будетъ видна только тогда, когда она приблизится къ горизонту, т.-е. передъ самымъ ея заходомъ. Нѣсколько тучъ опустилось къ самому морю и окутало его туманомъ.

Темнота была для корвета какъ нельзя болѣе на руку. Намѣреніе лоцмана Гакуаля заключалось въ томъ, чтобъ, оставивъ Гернсей направо, добраться при помощи какого-нибудь смѣлаго морского маневра, пройдя между Ганyа и Дувромъ, до какой-нибудь бухты на побережьѣ Сенъ-Мало. Путь этотъ былъ болѣе длиненъ, чѣмъ черезъ Ле-Менкье, но зато болѣе безопасенъ, такъ какъ французскому крейсеру велѣно было стеречь преимущественно побережье между Сентъ-Эліе и Гранвиллемъ. Если вѣтеръ будетъ благопріятенъ, такъ что можно будетъ распустить всѣ паруса и если не случится ничего особеннаго, Гакуаль надѣялся пристать съ разсвѣтомъ къ берегу Франціи.

Все шло хорошо. Корветъ только что прошелъ Большой Носъ. Около девяти часовъ вѣтеръ началъ свѣжѣть и море заволновалось, но вѣтеръ былъ попутный, хотя при нѣкоторыхъ шквалахъ носъ корвета совсѣмъ погружался въ воду.

«Крестьянинъ», котораго лордъ Балькаррасъ назвалъ «генераломъ», а князь Латуръ-д'Овернь «кузеномъ», повидимому, не боялся качки и съ спокойной важностью прогуливался по палубѣ корвета, какъ бы вовсе не замѣчая раскачиваній судна. По временамъ онъ вынималъ изъ кармана своей куртки палочку шоколада, откусывалъ отъ него кусочекъ и разжевывалъ, доказывая этимъ, что, несмотря на бѣлые волосы, у него еще достаточно крѣпкіе зубы. Онъ ни съ кѣмъ не разговаривалъ, обращая лишь по временамъ нѣсколько отрывистыхъ словъ вполголоса капитану, слушавшему его съ выраженіемъ величайшаго почтенія и считавшаго, повидимому, настоящимъ капитаномъ судна этого пассажира, а не самого себя.

«Клэйморъ», подъ искуснымъ руководствомъ лоцмана, прошелъ совершенно незамѣченный, благодаря туману, мимо сѣвернаго берега Джерсея, держась къ нему очень близко, очевидно, для того, чтобы не наткнуться на опасный подводный камень Пьеръ-де-Лекъ, находящійся какъ разъ посрединѣ пролива между Джерсеемъ и Серкомъ. Гакуаль, стоя у руля и различая поочередно сквозь туманъ Гревъ-де-Лекъ, Большой Носъ и Плэнмонъ, ловко проводилъ корветъ между этими подводными утесами, такъ сказать, ощупью, но съ увѣренностью человѣка, чувствующаго себя здѣсь дома и знакомаго съ капризами океана. На носу корвета не было выставлено огня изъ опасенія, чтобы судно не было замѣчено въ этихъ строго-оберегаемыхъ водахъ; экипажъ его даже радовался туману. Наконецъ корветъ поравнялся съ Грандъ-Этапомъ; туманъ былъ такъ густъ, что едва можно было различить высокій силуэтъ Пинакля. Слышно было, какъ на Сентъ-Уэнской колокольнѣ пробило десять часовъ—ясное доказательство того, что вѣтеръ продолжалъ дуть съ берега. Все шло попрежнему хорошо; только

море становилось болѣе неспокойнымъ, благодаря сосѣдству Корбьера.

Въ началѣ одиннадцатаго часа графъ Буабертло и шевалье Ла-Вьёвиль проводили пассажира въ крестьянскомъ костюмѣ въ отведенную ему каюту, т.-е. въ собственную каюту капитана. Прежде, чѣмъ войти въ нее, онъ сказалъ имъ, понизивъ голосъ:

— Вамъ извѣстно, господа,— только это тайна, величайшая тайна, молчаніе до самаго момента взрыва!—Вамъ однимъ извѣстно здѣсь мое имя.

— Мы унесемъ его съ собою въ могилу,—отвѣтилъ Буабертло.

— Что касается меня,—сказалъ старикъ,—то я не назову его, хотя бы мнѣ угрожала смерть.

И затѣмъ онъ вошелъ въ свою каюту.

III.

Смѣсь дворянства и разночинства.

Капитанъ и его помощникъ снова поднялись на палубу и стали, разговаривая, расхаживать по ней. Разговоръ ихъ касался ихъ страннаго пассажира, и вотъ приблизительное содержаніе ихъ рѣчей, которыя вѣтеръ разносилъ по ночному сумраку.

— Мы вскорѣ увидимъ, предводитель ли это, — прошепталъ Буабертло на ухо Вьёвиллю.

— Пока мы знаемъ только, что это князь, — отвѣтилъ Вьёвилль.

— Да, болѣе или менѣе.

— То-есть, во Франціи-то онъ просто дворянинъ, но въ Бретани—князь.

— Въ родѣ князей Ла-Тремуйль, Рогановъ...

— Онъ кстати и въ родствѣ съ ними.

— Но во Франціи, при дворѣ короля, — продолжалъ Буабертло,—онъ такой же маркизъ, какой я графъ, а вы шевалье.

— Ну, дворъ-то этотъ теперь далеко. Про него можно, пожалуй, сказать: поминай, какъ звали.

Послѣ нѣкотораго молчанія Буабертло продолжалъ:

— Что дѣлать! За неимѣніемъ французскаго князя, приходится довольствоваться княземъ бретонскимъ.

— За неимѣніемъ дроздовъ... нѣтъ, за неимѣніемъ орла, удовольствуемся ворономъ.

— Коршунъ бы, по-моему, лучше,—проговорилъ Буабертло.

— Конечно! Все же когти и клювъ!—согласился Вьёвилль.

— Вотъ увидимъ.

— Да,—продолжалъ Вьёвилль,—пора, наконецъ, чтобы явился настоящій предводитель. Я согласенъ съ мнѣніемъ Тентеньяка, что все, что теперь нужно, это—предводитель и порохъ. Видите ли, капитанъ, я знаю почти всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ вождей: бывшихъ, настоящихъ и будущихъ: но ни одного изъ нихъ я не считаю той умной башкою, которая намъ теперь необходима. Въ этой чертовской Вандеѣ необходимъ генералъ, кото-

рый былъ бы въ то же время и прокуроромъ. Нужно надоѣдать врагу, оспаривать у него каждую мельницу, каждый кустикъ, каждый ровъ, каждый камешекъ, дразнить его, пользоваться всѣмъ, слѣдить за всѣмъ, убивать безпощадно, застращивать, не знать ни сна ни жалости. Въ настоящее время въ этой мужицкой арміи встрѣчаются герои, но нѣтъ вождя. Д'Эльбе—ничтожество. Лескюръ—человѣкъ хворый, Боншанъ—склоненъ всѣхъ миловать и щадить; онъ черезчуръ добръ, а это глупо. Ларошжакленъ превосходенъ, какъ второстепенный дѣятель; Сильцъ недуренъ въ открытомъ полѣ, но не годится для партизанской войны; Катлино—наивный извозчикъ, Стоффле—хитрый лѣсной объѣздчикъ, Бераръ—тупица, Буленвилье—просто смѣшонъ, Шарретъ—ужасенъ. Я уже не говорю объ этомъ цырюльникѣ Гастонѣ. Вѣдь для чего же, чортъ возьми, мы придираемся послѣ этого къ революціи и какая же послѣ того разница между нами и республиканцами, если мы сами назначаемъ парикмахеровъ начальниками надъ дворянами!

— Дѣло въ томъ, что эта проклятая революція начинаетъ отравлять и насъ.

— Это просто какая-то короста на тѣлѣ Франціи.

— То-есть короста собственно только на третьемъ сословіи,— отвѣтилъ Буабертло.—Одна только Англія можетъ помочь намъ въ этомъ дѣлѣ.

— И поможетъ, вы въ этомъ не сомнѣвайтесь, капитанъ.

— Да, но пока все это очень некрасиво.

— Конечно! Всюду какое-то мужичье. Монархія, имѣющая главнокомандующимъ какого-то Стоффле, бывшаго лѣсного объѣздчика у г. де-Молеврье, ничѣмъ не лучше республики, имѣющей министромъ Паша, сына швейцара герцога де-Кастри. Прелестныя парочки встрѣчаются въ этой Вандейской войнѣ; съ одной стороны, пивоваръ Брассеръ, съ другой—парикмахеръ Гастонъ.

— Нѣтъ, любезный Вьёвилль, я нѣсколько иначе смотрю на этого Гастона. Онъ дѣйствовалъ совсѣмъ не дурно, находясь подъ начальствомъ Гемене. А какъ онъ разстрѣлялъ триста синихъ, предварительно заставивъ ихъ самихъ вырыть для себя ямы! Вѣдь это очень недурно!

— Великая важность! И я точно такъ же поступилъ бы на его мѣстѣ.

— Кто же въ этомъ сомнѣвается! И я такъ же...

— Для войны,—продолжалъ Вьёвилль,—нужны дворяне. Это дѣло рыцарское, а не парикмахерское.

— Однако въ этомъ, такъ называемомъ, третьемъ сословіи,— возразилъ Буабертло,—встрѣчаются почтенныя личности. Возьмите, напримѣръ, этого часовщика Жоли. Онъ прежде былъ сержантомъ во Фландрскомъ полку, а затѣмъ сдѣлался предводителемъ вандейцевъ и начальствуетъ теперь бандой на побережьи; а сынъ его—республиканецъ, такъ что отецъ служитъ бѣлымъ, а сынъ—синимъ. Оба отряда встрѣтились, произошла стычка, отецъ беретъ сына въ плѣнъ и убиваетъ его изъ пистолета.

— Молодецъ!—воскликнулъ Ла-Вьёвилль.

— Да, настоящій роялистскій Брутъ.

— А все-таки нѣтъ ничего веселаго въ томъ, что нами предводительствуютъ разные Кокеро, Жанъ-Жаны, Мулены, Фокары, Бужю, Шуппы.

— Любезный шевалье, да вѣдь мы то же видимъ и съ противной стороны. Въ нашихъ рядахъ немало мѣщанъ, въ ихъ рядахъ не меньше дворянъ. Неужели вы думаете, что санкюлотамъ очень пріятно состоять подъ начальствомъ виконта Богарнэ, виконта Миранда, Канкло, графа Валанса, маркиза Кюстина, герцога Бирона и, наконецъ, самого герцога Шартрскаго?

— Ахъ, да, сынъ Филиппа Эгалите. Кстати, когда же этотъ Филиппъ сдѣлается королемъ?

— Надѣюсь, что никогда.

— А между тѣмъ онъ пробирается къ престолу, выказывая притомъ крайнюю неразборчивость въ средствахъ.

— Но ему къ тому явятся сильной помѣхой его пороки.

— Онъ бы, однако, не прочь былъ бы помириться,—продолжалъ Буабертло послѣ нѣкотораго молчанія.—Онъ пріѣзжалъ въ Версаль къ королю, и я самъ былъ свидѣтелемъ того, какъ ему плюнули въ глаза съ верхней ступеньки большой лѣстницы.

— И прекрасно сдѣлали.

— Мы называли его Бурбономъ Грязнымъ [1]).

— Онъ лысъ, угреватъ, онъ цареубійца—фу!—И затѣмъ Вьёвилль прибавилъ:—Я былъ вмѣстѣ съ нимъ въ Уэссанѣ, на кораблѣ «Святой Духъ».

— Если бъ онъ послушался сигнала, который давалъ ему адмиралъ д'Орвилье, держаться къ вѣтру, то онъ помѣшалъ бы англичанамъ пройти. Да, правда ли, что онъ спрятался въ трюмѣ?

— Нѣтъ, этого, положимъ, не было,—отвѣтилъ Вьёвилль, разсмѣявшись,—но все равно это нужно утверждать.

— Да, для дураковъ,—промолвилъ Буабертло.—А этого Буланвилье, о которомъ вы упоминали, Вьёвилль, я знавалъ лично. Вначалѣ крестьяне были вооружены копьями; вотъ онъ и вздумалъ сдѣлать изъ нихъ копейщиковъ. Онъ желалъ научить ихъ маневривовать пиками и накось и наотмашь. Онъ вообразилъ, будто этихъ дикарей можно превратить въ линейныхъ солдатъ. Онъ увѣрялъ, что научитъ ихъ притуплять углы карре и строить батальоны съ пустой серединой. Онъ говорилъ съ ними на старинномъ военномъ языкѣ. Вдругъ ему пришло въ голову составить цѣлый полкъ изъ браконьеровъ; и дѣйствительно, ему удалось сформировать правильныя роты, командиры которыхъ собирались каждый вечеръ въ его ставкѣ для того, чтобы получать пароль отъ сержанта, который передавалъ его наухо ближайшему капралу, а тотъ, въ свою очередь, передавалъ ее наухо своему сосѣду, и т. д. Онъ разжаловалъ одного офицера, не снявшаго головного

---

[1]) Непереводимая игра словъ: у Гюго сказано: „Bourbon, le Bourbeux“.
Примѣчаніе переводчика.

убора въ то время, когда ему говорили пароль. Можете вообразить себѣ, насколько все это привилось. Болванъ этотъ не понималъ, что мужиками нужно предводительствовать по-мужицки, и что изъ человѣка, взятаго отъ сохи, нельзя въ нѣсколько дней сдѣлать настоящаго солдата. Да, да, я знавалъ этого Булэнвилье.

Они оба сдѣлали нѣсколько шаговъ, погруженные въ задумчивость; затѣмъ бесѣда возобновилась.

— Кстати, подтверждается ли, что Дампьерръ убитъ?

— Да, капитанъ, при Памарѣ, пушечнымъ ядромъ.

— Графъ Дампьерръ,—вздохнулъ Буабертло,—еще одинъ изъ нашихъ, перешедшій въ ихъ ряды.

— Скатертью дорога!—проговорилъ Ла-Вьёвилль.

— А сестры короля? Что онѣ все еще въ Тріестѣ?

— Да, въ Тріестѣ,—отвѣтилъ Ла-Вьёвилль и затѣмъ воскликнулъ:—Охъ, ужъ эта республика! Сколько бѣдствій изъ-за пустяковъ! Какъ подумаешь, что вся эта революція стряслась изъ-за дефицита въ нѣсколько милліоновъ!

— Изъ этого слѣдуетъ, что и ничтожныя причины могутъ вести къ важнымъ послѣдствіямъ.

— А вѣдь плохо идутъ дѣла,—продолжалъ Ла-Вьёвилль.

— Да, Ла-Руари умеръ, Дю-Дренэ — просто идіотъ. И что за жалкіе предводители всѣ эти епископы, этотъ Куси, епископъ ла-рошельскій, этотъ Бопуаль-Сентъ-Олэръ, епископъ изъ Пуатье, этотъ Мерси, епископъ люсонскій, любовникъ г-жи де-Л'Эшассери!

— А вѣдь настоящее ея имя Серванто, вы это знаете, капитанъ; Эшассери, это—названіе помѣстья.

— Или этотъ мнимый епископъ агрскій, который собственно простой кюрэ.

— Да, кюрэ изъ Доля; его фамилія—Гильо-де-Фольвилль. Онъ, впрочемъ, лично храбръ въ бою.

— Но на кой прахъ имъ попы, когда имъ нужны солдаты? Что это за мнимые епископы и мнимые генералы!

— Капитанъ, — перебилъ Ла-Вьёвилль графа Буабертло, — я, кажется, видѣлъ у васъ въ каютѣ послѣдній «Монитёръ». Мнѣ бы хотѣлось знать, что теперь играютъ въ Парижѣ.

— «Адель и Павлина» и «Пещеру».

— Интересно было бы посмотрѣть эти пьесы!

— Вы ихъ увидите. Черезъ мѣсяцъ мы будемъ въ Парижѣ. Да, самое большее черезъ мѣсяцъ, — прибавилъ Буабертло, подумавъ съ минуту.—Мистеръ Виндгэмъ сказалъ это лорду Гуду.

— Но въ такомъ случаѣ, капитанъ, дѣла обстоятъ еще не такъ плохо.

— Все бы пошло хорошо, чортъ побери, только бы повести съ толкомъ эту бретонскую войну.

— А что, капитанъ,—спросилъ Вьёвилль, пожимая плечами,— мы высадимъ морскую пѣхоту?

— Да, если приморское населеніе выскажется за насъ, и нѣтъ, если оно окажется намъ враждебнымъ. Иногда на войнѣ нужно

итти напроломъ, иногда—крадучись. Тотъ, кто ведетъ междоусобную войну, долженъ всегда имѣть въ карманѣ подобранный ключъ. Нужно стараться дѣлать все, что только возможно. Главное—необходимъ хорошій предводитель.—И, подумавъ немного, Буабертло прибавилъ:—Ла-Вьёвилль, какого вы мнѣнія о молодомъ шевалье де-Дьёзи?

— Какъ о начальникѣ? Да опять-таки я скажу, что онъ пригоденъ только для правильной войны, въ открытомъ полѣ, а не для партизанской войны противъ этого мужичья.

— Въ такомъ случаѣ намъ приходится довольствоваться генераломъ Стоффле и генераломъ Катлино.

— Тутъ нуженъ бы принцъ,— сказалъ Ла-Вьёвилль послѣ минутнаго молчанія.—Настоящій французскій принцъ, принцъ крови.

— Зачѣмъ же это? Не понимаю. Вѣдь настоящіе принцы...

— Трусы. Я знаю это, капитанъ. Но это необходимо, чтобы пустить пыль въ глаза нашему мужичью.

— Любезный мой кавалеръ, да что же намъ дѣлать, если настоящіе принцы прячутся!

— Ну, въ такомъ случаѣ обойдемся и безъ нихъ.

Буабертло сталъ машинально тереть лобъ рукою, какъ бы желая выдавить изъ него мысль и, наконецъ, произнесъ:

— Что жъ, сдѣлаемъ опытъ съ этимъ генераломъ.

— Это во всякомъ случаѣ чистокровный дворянинъ.

— А вы думаете, что онъ окажется на высотѣ своего призванія?

— Не знаю. Главное то, чтобъ онъ какъ слѣдуетъ понялъ свою задачу,—отвѣтилъ Вьёвилль.

— То-есть, чтобъ онъ былъ свирѣпъ?—замѣтилъ Буабертло.

Графъ и кавалеръ взглянули другъ другу въ глаза.

— Г. Буабертло,—проговорилъ Ла-Вьёвилль,—вы угадали мою мысль. Да, чтобы былъ свирѣпъ—вотъ что намъ нужно. Эта война не должна знать пощады. Теперь наступило время кровожадныхъ людей. Цареубійцы отрубили голову Людовику XVI, мы будемъ рубить ноги и руки цареубійцамъ. Да, теперь мыслимъ только неумолимый полководецъ. Въ Анжу и верхнемъ Пуату вожди играютъ въ великодушіе, изображаютъ собою милостивцевъ, это никуда не годится; а между тѣмъ на побережьи предводители свирѣпы — и дѣла идутъ сносно. Шарретъ свирѣпъ, и потому онъ удачно справляется съ Парреномъ. Противъ гіэны—гіэна!

Буабертло не успѣлъ отвѣтить Ла-Вьёвиллю: слова послѣдняго были прерваны пронзительнымъ крикомъ, и въ то же время раздался шумъ, отличный отъ всѣхъ другихъ звуковъ, раздававшихся на морѣ, среди ночной тишины. И крикъ этотъ и шумъ раздались съ носа корабля.

Капитанъ и его помощникъ бросились въ междудечное пространство, но не могли войти туда, такъ какъ имъ навстрѣчу поднимались по узкому трапу .перепуганные артиллеристы корвета.

Случилась ужасная вещь.

IV.

Ужасы войны.

Оказалось, что одно изъ орудій батареи, двадцати-четырехъ-фунтовая пушка-каронада, сорвалась съ цѣпи. Это, быть-можетъ, одно изъ самыхъ большихъ несчастій, какое только можетъ приключиться съ военнымъ судномъ, находящимся на полномъ ходу, въ открытомъ морѣ.

Пушка, сорвавшаяся при такой обстановкѣ съ цѣпи, сразу превращается въ какое-то чудовище, въ звѣря. Изъ обыкновенной машины вдругъ получается дикій звѣрь. Эта грузная масса катится на своихъ колесахъ, отскакиваетъ, какъ бильярдный шаръ, перекатывается при боковой качкѣ, погружаетъ носъ судна въ воду при килевой, носится туда и сюда, останавливается какъ бы для размышленія, снова принимается катиться, переносится съ одного конца судна на другой, вертится, ускользаетъ, прячется, становится на дыбы, стукается обо все, все ломаетъ, истребляетъ, убиваетъ. Это тотъ же таранъ, разбивающій стѣнки судна по своему капризу; ужаснѣе всего то, что стѣнки — деревянныя, а таранъ— чугунный. Мертвая матерія освободилась; рабъ сломалъ свои цѣпи и принимается мстить; давно сдерживаемая злоба, заключающаяся въ этой твердой матеріи, вдругъ какъ бы прорывается наружу; она какъ бы потеряла терпѣніе и торопится наверстать прошлое. Ничего не можетъ быть ужаснѣе ярости неодушевленнаго предмета. Пришедшій въ изступленіе чурбанъ пріобрѣтаетъ гибкость членовъ барса, тяжеловѣсность слона, ловкость мыши, настойчивость сѣкиры, неожиданность шквала, быстроту молніи, мрачность гробницы. Подобная машина имѣетъ десять тысячъ фунтовъ вѣса, а прыгаетъ, какъ дѣтскій мячъ. То она кружится, какъ волчокъ, то носится подъ прямыми углами. И что съ ней подѣлаешь? Какъ съ нею справиться? Буря, рано или поздно, все-таки прекратится, вихрь пронесется, вѣтеръ стихнетъ, сломанная мачта будетъ замѣнена новою, отверстіе, въ которое просачивается вода, будетъ законопачено, пожаръ — потушенъ; но что подѣлаешь съ этимъ громаднымъ чугуннымъ или мѣднымъ звѣремъ? Какъ къ нему подступиться? Вы можете прикрикнуть на пса, ошарашить быка, укротить взоромъ змѣю, напугать тигра, разжалобить льва; но противъ этого чудовища — сорвавшейся съ цѣпи пушки — вы безсильны. Убить его вы не можете,—оно предметъ неодушевленный, но въ то же время живетъ какою-то зловѣщей жизнью, вѣющей на него изъ безконечности. Полъ подъ нимъ колеблется, раскачиванія судна двигаютъ его такъ же, какъ море двигаетъ судно, а вѣтеръ — море. Этотъ истребитель, въ свою очередь, является игрушкой стихій. Онъ зависитъ одновременно и отъ волнъ и отъ вѣтра, и отъ судна,—словомъ, существованіе его самое ужасное. Какъ справиться съ такою тяжестью? Какъ обуздать это ужасное орудіе кораблекрушенія? Какимъ образомъ остановить его движенія, его скачки, его толчки? Каждый изъ его ударовъ можетъ пробить

стѣны судна. Какъ угадать его ужасныя излучины? Тутъ имѣешь дѣло съ тяжестью, которая то останавливается, какъ бы размышляя, то внезапно измѣняетъ направленіе. Какъ остановить то, отъ чего приходится бѣжать? Страшное орудіе бѣснуется, подвигается впередъ, отступаетъ, ударяется вправо, ударяется влѣво, проходитъ, бѣжитъ, разрушаетъ всякіе расчеты, ломаетъ все, что ему попадается на пути, давитъ людей, точно мухъ. Весь ужасъ положенія заключается въ подвижности пола. Какъ удержать что-нибудь на постоянно измѣняющей свое направленіе наклонной плоскости? Въ чревѣ корабля, такъ сказать, заключены газы пороха, ищущіе выхода; это нѣчто въ родѣ не то грома, не то землетрясенія.

Въ одинъ мигъ весь экипажъ судна былъ на ногахъ. Вина падала на канонира, который забылъ завинтить гайку швартовой цѣпи и плохо подложилъ тормазы подъ четыре колеса орудія, вслѣдствіе чего орудіе стало ерзать взадъ и впередъ, пока, наконецъ, не лопнулъ канатъ и орудіе не перестало твердо держаться на лафетѣ. Въ то время еще не былъ введенъ въ употребленіе неподвижный брусъ, препятствующій откату орудія. Сильная волна ударила въ бортъ, плохо прикрѣпленное орудіе откатилось назадъ. Цѣпь лопнула, и тяжелое чудовище принялось кататься и прыгать между деками, точно капля воды, стекающая по запотѣлому стеклу.

Въ ту минуту, когда лопнула цѣпь, артиллеристы были въ батареѣ; одни сидѣли кучками, другіе бродили поодиночкѣ, занимаясь разными приготовленіями, въ ожиданіи возможной во всякое время на морѣ въ военное время тревоги. Пушка, подбрасываемая килевой качкой, навалилась на эту кучку людей, сразу же задавила четырехъ изъ нихъ, затѣмъ, подхваченная боковою качкою, перерѣзала пополамъ пятаго несчастнаго канонира и, ударившись о лѣвый бортъ судна, сдвинула съ мѣста другое орудіе. Это-то и вызывало только что услышанный крикъ ужаса. Всѣ бывшіе между деками бросились къ узкой витой лѣстницѣ, и батарея вмигъ опустѣла.

Громадное орудіе было предоставлено самому себѣ; оно сдѣлалось само себѣ хозяиномъ и хозяиномъ всего судна; ему предоставлено было дѣлать, что ему заблагоразсудится. Всѣ эти люди, закаленные въ бою, привыкшіе смѣяться во время сраженія, теперь дрожали, доказывая тѣмъ, что есть нѣчто ужасное и для самыхъ безстрашныхъ людей.

Капитанъ Буабертло и лейтенантъ Вьёвилль, извѣстные оба своею храбростью, остановились на верху лѣстницы и глядѣли внизъ, въ пространство между деками, блѣдные, нѣмые, не зная, что дѣлать. Кто-то отстранилъ ихъ локтемъ и спустился внизъ.

То былъ ихъ пассажиръ, одѣтый въ крестьянское платье, тотъ человѣкъ, о которомъ они говорили за минуту передъ тѣмъ.

Спустившись съ винтовой лѣстницы, онъ сталъ смотрѣть.

V.

Vis et vir [1]).

Пушка продолжала прыгать въ пространствѣ между деками, являя собой какъ бы живую колесницу апокалипсиса. Морской фонарь, мигая на форъ-штевенѣ, бросалъ на это прыгающее чудовище колеблющійся, мигающій свѣтъ. Вслѣдствіе быстроты движеній орудія нельзя было разглядѣть его формы и то оно казалось чернымъ, попадая въ снопъ свѣта, то отсвѣчивало металлическимъ блескомъ, попадая въ темноту.

Оно продолжало разбивать судно. Оно сбило уже четыре другихъ орудія и пробило двѣ трещины въ стѣнѣ, къ счастію, выше ватеръ-линіи, но сквозь которыя вода все-таки могла бы проникнуть въ судно, если бы налетѣлъ шквалъ. Оно яростно ударялось о тамберсы; очень крѣпкіе шканцы еще держались, благодаря, главнымъ образомъ, эластичности дерева; но слышно было, какъ они трещали подъ ударами этой громадины, успѣвавшей ударять, по какой-то неслыханной вездѣсущности, почти одновременно въ разныя стороны. Дробинка, положенная въ пустую бутылку, не могла бы подпрыгивать быстрѣе и неистовѣе. Четыре колеса тяжелаго лафета то и дѣло перекатывались по тѣламъ убитыхъ канонировъ, рѣзали и рвали ихъ на части и сдѣлали изъ пяти труповъ двадцать обрубковъ, катавшихся по батареѣ; мертвыя головы разинули рты, какъ бы крича; струи крови переливались по полу соотвѣтственно колебаніямъ судна. Внутренняя обшивка корвета, поврежденная въ нѣсколькихъ мѣстахъ, начала расползаться. Весь корабль наполнился какимъ-то зловѣщимъ гуломъ.

Къ капитану быстро возвратилось его хладнокровіе, и по его приказанію стали кидать на полъ въ междудечное пространство все, что только въ состояніи было мѣшать ужаснымъ скачкамъ каронады и ослаблять удары—матрацы, койки, запасные паруса, мотки канатовъ, мѣшки съ матросскимъ скарбомъ и, наконецъ, тюки фальшивыхъ ассигнацій, которыхъ на корветѣ былъ цѣлый грузъ, такъ какъ англичане того времени считали подобную подлость вполнѣ дозволенною на войнѣ. Но какую пользу могло принести все это тряпье, если никто не рѣшался спуститься внизъ, чтобы расположить его какъ слѣдуетъ? Къ несчастію,—въ данномъ случаѣ именно къ несчастію,—море было въ это время довольно спокойно. Буря была бы предпочтительнѣе, такъ какъ она, быть-можетъ, перевернула бы пушку вверхъ колесами и тогда можно было бы съ ней справиться.

Тѣмъ временемъ кораблю наносились все новыя и новыя поврежденія. Отъ яростныхъ ударовъ орудія основанія мачтъ уже дали трещины. Подъ судорожными ударами пушки фокъ-мачта расщепилась, да и сама гротъ-мачта была повреждена. Вся батарея приходила въ полное разстройство. Десять орудій изъ три-

---

[1]) Сила и мужъ

дцати были сбиты; число бортовыхъ пробоинъ увеличивалось, и корветъ начиналъ давать течь.

Старикъ-пассажиръ, спустившійся въ междудечное пространство, былъ похожъ на каменную статую, поставленную на нижнюю ступеньку. Онъ пристально смотрѣлъ на это разрушеніе, но не двигался; да и, дѣйствительно, казалось невозможнымъ ступить хоть одинъ шагъ въ помѣщеніи батареи. Каждое движеніе сорвавшагося съ цѣпи орудія, казалось, приближало судно на одинъ шагъ къ гибели. Еще нѣсколько мгновеній — и крушеніе сдѣлается неизбѣжнымъ. Приходилось или погибать или принять какое-нибудь рѣшеніе для предотвращенія гибели. Но какое? Вѣдь съ этимъ неодушевленнымъ врагомъ не такъ-то легко было справиться. Какъ обуздать эту ужасную сумасшедшую? Какъ пригвоздить молнію? Какъ остановить этотъ громъ?

— Вѣрите ли вы въ Бога, шевалье?—обратился, наконецъ, Буабертло къ Ла-Вьёвиллю.

— Смотря какъ... Иногда—да, иногда—нѣтъ,—отвѣтилъ тотъ.

— Ну, а во время бури?

— Во время бури — да, а также и въ такія минуты, какъ настоящая.

— Да, одинъ только Богъ можетъ спасти насъ отъ этой опасности,—проговорилъ Буабертло.

И они замолчали, предоставляя орудію производить свое страшное опустошеніе. А снаружи морскіе валы, ударяясь о борта корабля, какъ бы вторили ударамъ, наносимымъ пушкой внутри. Точно перемежающіеся удары двухъ ужасныхъ молотковъ!

Вдругъ въ этой недоступной аренѣ, на которой яростно прыгало сорвавшееся орудіе, появился человѣкъ съ желѣзной полосой въ рукѣ. То былъ виновникъ несчастія, нерадивый канониръ, забывшій прикрѣпить свою пушку. Будучи причиной зла, онъ желалъ теперь поправить его. Онъ схватилъ въ одну руку ганшпугъ, въ другую—бейфутъ съ глухой петлей, и соскочилъ черезъ перила въ междудечное пространство.

Тутъ началось нѣчто ужасное: какая-то борьба титановъ, борьба пушки съ канониромъ, грубой матеріи съ разумомъ, поединокъ между вещью и человѣкомъ.

Человѣкъ всталъ въ уголъ, держа въ обѣихъ рукахъ ганшпугъ и бейфутъ, прислонившись спиною къ двери, разставивъ ноги, мускулы которыхъ напряглись, точно они были изъ стали, какъ бы пригвожденный къ полу, блѣдный, но спокойный и съ выраженіемъ рѣшимости въ лицѣ. Онъ ждалъ — ждалъ момента, когда пушка понесется мимо него. Канониръ этотъ зналъ свое орудіе, и ему казалось, что и оно должно было знать его: вѣдь они уже столько времени жили вмѣстѣ. Сколько разъ онъ запускалъ свою руку въ его пасть! Это было для него прирученное чудовище. Онъ сталъ говорить съ нимъ какъ съ собакой: «Сюда, сюда», повторялъ онъ. Быть - можетъ, онъ любилъ его; во всякомъ случаѣ онъ, очевидно, желалъ, чтобъ оно къ нему приблизилось.

Но подойти къ нему въ данномъ случаѣ—значило навалиться на него, а это послѣднее было равносильно его гибели. Какъ устроить, чтобы пушка его не раздавила? — вотъ въ чемъ заключался весь вопросъ. Всѣ глядѣли въ ужасѣ; у всѣхъ въ груди сперлось дыханіе, за исключеніемъ, быть-можетъ, старика, который одинъ, вмѣстѣ съ отважнымъ канониромъ, рѣшился спуститься въ междудечное пространство, одинъ являлся какъ бы секундантомъ при этой ужасной дуэли. Онъ самъ могъ быть раздавленъ орудіемъ, но между тѣмъ онъ не шевелился. Надъ ихъ головами управляла поединкомъ слѣпая волна.

Въ ту минуту, когда канониръ рѣшился вступить съ пушкой въ это ужасное единоборство и вызывалъ орудіе на бой, послѣднее, вслѣдствіе одного изъ капризовъ колебанія моря, осталось на мгновеніе неподвижнымъ, какъ бы изумленнымъ. «Ну, иди же!» повторилъ канониръ. Оно какъ бы прислушивалось.

Вдругъ пушка кинулось на него, но канониръ успѣлъ увернуться отъ удара. Началась борьба,—борьба неслыханная. Такое хрупкое созданіе, какъ человѣкъ, сцѣпилось съ неуязвимымъ предметомъ, плоть вступила въ бой съ металломъ. Съ одной стороны — былъ силой матеріалъ, съ другой — душа.

Все это происходило въ полутьмѣ, точно неясное видѣніе какого-то чуда. Странное дѣло: казалось, будто и пушка имѣетъ душу, но душу, преисполненную ненависти и ярости; казалось, будто и у этого слѣпого предмета были глаза; наконецъ казалось, будто чудовище подстерегаетъ человѣка. Въ этой грузной массѣ, можно было подумать, заключалось не мало хитрости. И она какъ будто умѣла выбирать удобный моментъ, словно какое-нибудь гигантское чугунное насѣкомое, имющее или какъ будто имѣющее демоническую волю. По временамъ эта колоссальная саранча ударялась о низкій потолокъ батареи, затѣмъ снова падала на свои четыре колеса, точно тигръ на свои четыре лапы, и снова бѣжала къ человѣку. Но тотъ, ловкій и увертливый, извивался какъ ящерица, устраняясь отъ этихъ яростныхъ нападеній. Это ему пока удавалось, но удары, отъ которыхъ онъ уклонялся, обрушивались на судно и продолжали его разрушать.

Обрывокъ порванной цѣпи остался прикрѣпленнымъ къ орудію. Эта цѣпь какимъ-то образомъ замоталась вокругъ винта мушки на казенной части. Одинъ конецъ ея остался прикрѣпленнымъ къ лафету, а другой, свободный, болтался вокругъ пушки, придавая еще больше силы ея скачкамъ. Винтъ крѣпко придерживалъ ее, и эта цѣпь, присоединяя къ ударамъ тараномъ удары ремнемъ, вилась вокругъ пушки, напоминая желѣзный бичъ въ мѣдномъ кулакѣ. Словомъ, эта цѣпь еще болѣе усложняла борьбу.

Однако, человѣкъ продолжалъ бороться; по временамъ онъ даже переходилъ въ наступленіе; онъ пробирался вдоль борта, держа въ рукѣ свою веревку и свою желѣзную полосу; пушка какъ будто понимала его и убѣгала, какъ бы опасаясь западни, а неустрашимый канониръ ее преслѣдовалъ.

Подобныя вещи не могутъ долго продолжаться. Пушка вдругъ какъ бы сказала сама себѣ: «Ну, однако, съ этимъ нужно покончить», и остановилась. Чувствовалось приближеніе развязки. Пушка, какъ бы колеблясь, казалось, принимала, или дѣйствительно принимала,—ибо въ эту минуту она для всѣхъ была существомъ одушевленнымъ,—какое-то окончательное рѣшеніе. Вдругъ она ринулась на канонира. Тотъ отскочилъ въ сторону, пропустилъ ее мимо себя и закричалъ смѣясь: «Сначала!» Орудіе, точно разъярившись, сбило другое съ лѣваго борта; затѣмъ, какъ бы пущенное невидимой пращей, кинулось на правый бортъ, но канониръ снова отскочилъ. Три орудія сдвинулись съ мѣста подъ толчками сорвавшейся пушки; затѣмъ, какъ бы ослѣпленная гнѣвомъ и сама не зная, что она дѣлаетъ, послѣдняя повернулась къ канониру задомъ, покатилась къ носовой части, разбила форъ-штевень и едва не пробила носовой стѣнки судна. Канониръ перебѣжалъ къ лѣстницѣ и остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ старика-секунданта. Онъ держалъ свой ганшпугъ наготовѣ. Пушка какъ будто замѣтила это и, не давая себѣ труда оборачиваться, стала надвигаться на канонира съ быстротою опускаемаго топора. Канониръ, прижатый къ борту, казалось, погибъ окончательно. Весь экипажъ испустилъ крикъ ужаса.

Но старый пассажиръ, стоявшій до сихъ поръ неподвижно, бросился впередъ съ несвойственною его возрасту быстротою. Онъ схватилъ тюкъ фальшивыхъ ассигнацій и успѣлъ, рискуя самъ быть раздавленнымъ, бросить его подъ колеса лафета. Продѣлалъ онъ это опасное и смѣлое движеніе съ ловкостью и точностью человѣка, хорошо освоившагося съ пріемами, описанными въ сочиненіи Дюрозеля: «О морской артиллеріи».

Тюкъ съ ассигнаціями подѣйствовалъ, какъ преграда. Часто камешекъ задерживаетъ обломокъ скалы, древесная вѣтка даетъ иное направленіе снѣжной лавинѣ. Пушка какъ бы споткнулась. Канониръ, въ свою очередь, воспользовавшись этимъ благопріятнымъ моментомъ, продѣлъ свою желѣзную полосу между спицъ заднихъ колесъ лафета: пушка остановилась и наклонилась. Канониръ пустилъ въ ходъ свою полосу въ видѣ рычага и опрокинулъ лафетъ съ орудіемъ; тотъ съ страшнымъ грохотомъ упалъ вверхъ колесами. Канониръ кинулся къ пушкѣ, весь обливаясь потомъ, и охватилъ петлей бейфута мѣдную шею поверженнаго на землю чудовища.

Все было кончено. Человѣкъ вышелъ изъ борьбы побѣдителемъ; муравей совладалъ съ мастодонтомъ; пигмей взялъ въ плѣнъ небесные перуны.

Матросы и солдаты принялись аплодировать. Затѣмъ весь экипажъ бросился къ пушкѣ съ канатами и цѣпями, и черезъ минуту она была прикрѣплена къ мѣсту.

— Милостивый государь,—сказалъ канониръ, кланяясь старому пассажиру,—вы спасли мнѣ жизнь.

Старикъ ничего не отвѣтилъ и снова принялъ свой прежній равнодушный видъ.

VI.

Двѣ чашки вѣсовъ.

Человѣкъ побѣдилъ, но и пушка тоже сдѣлала свое дѣло. Она даже взяла свое. Немедленнаго крушенія избѣжали, но корветъ не былъ спасенъ: судно получило такія поврежденія, что врядъ ли могло долго держаться на водѣ. Обшивной поясъ получилъ пять пробоинъ, въ томъ числѣ одну очень большую въ носовой части; двадцать орудій изъ тридцати были сорваны со своихъ постаментовъ. Схваченное послѣ столькихъ усилій и опять посаженное на цѣпь, орудіе оказалось негоднымъ къ употребленію: винтъ зарядной мушки былъ сломанъ и, такимъ образомъ, наводка орудія сдѣлалась невозможной. Во всей батареѣ оставалось только девять орудій, годныхъ для дѣла. Въ трюмъ просачивалась вода; приходилось немедленно же пустить въ дѣло всѣ насосы, чтобъ избѣжать затопленія. Междупалубное пространство теперь, когда можно было заглянуть въ него, представляло собою ужасный видъ; врядъ ли бо̀льшую картину разрушенія могла бы представлять собою внутренность клѣтки взбѣсившагося слона.

Какъ ни важно было для корвета пройти вдо̀ль берега незамѣченнымъ, но въ данную минуту для него предстояла еще болѣе настоятельная необходимость — позаботиться о своемъ спасеніи. Пришлось освѣтить палубу нѣсколькими фонарями, воткнутыми въ обшивной поясъ.

Во все время, пока продолжалась эта ужасная борьба экипажа съ пушкой, первый, для котораго вопросъ шелъ о жизни и смерти, совсѣмъ не интересовался тѣмъ, что происходило вокругъ, на морѣ. Между тѣмъ, туманъ сгустился, погода измѣнилась къ худшему, вѣтеръ носилъ по своему произволу предоставленное самому себѣ судно. Оказалось, что послѣднее сбилось съ пути и очутилось гораздо ближе къ Джерсею и Гернсею, гораздо южнѣе, чѣмъ бы слѣдовало; судно очутилось въ незнакомомъ фарватерѣ. Громадныя волны хлестали въ раскрытыя раны корвета,—опасныя лобзанія. На морѣ началась мертвая зыбь, вѣтеръ крѣпчалъ, можно было ожидать шквала или даже бури. Ничего не было видно въ десяти шагахъ.

Между тѣмъ, какъ матросы старались исправить на скорую руку опустошенія, произведенныя между деками, затыкали пробоины и устанавливали на мѣста орудія, не поврежденныя во время предшествовавшей сцены, старый пассажиръ снова поднялся на палубу и прислонился къ мачтѣ.

Во время предыдущей суматохи онъ не обратилъ вниманія на маневръ, произведенный тѣмъ временемъ на кораблѣ: шевалье Ла-Вьёвилль велѣлъ выстроить по обѣимъ сторонамъ гротъ-мачты солдатъ морской пѣхоты, и по свистку боцмана дежурные матросы размѣстились по реямъ.

Графъ Буабертло направился къ пассажиру. Позади него шелъ человѣкъ растеряннаго вида, весь запыхавшійся. Костюмъ

его былъ въ крайнемъ безпорядкѣ, но на лицѣ у него виднѣлось самодовольное выраженіе. То былъ канониръ, только что выказавшій столько мужества и самоотверженія при обузданіи чугуннаго чудовища и добившійся подъ конецъ успѣха въ своемъ рискованномъ предпріятіи.

Графъ отдалъ старику честь по-военному и сказалъ: «Г. генералъ, вотъ этотъ человѣкъ». Канониръ стоялъ, вытянувшись въ струнку и опустивъ глаза въ землю.

— Г. генералъ, — продолжалъ графъ Буабертло, — не полагаете ли вы, что въ виду того, что сдѣлалъ этотъ человѣкъ, его начальству тоже слѣдовало бы что-нибудь сдѣлать для него?

— Да, я это полагаю,—отвѣтилъ старикъ.

— Такъ не угодно ли вамъ будетъ распорядиться?—продолжалъ Буабертло.

— Не мнѣ распоряжаться, а вамъ: вѣдь вы здѣсь капитанъ.

— Да, но вы—нашъ генералъ,—отвѣтилъ Буабертло.

— Подойди ближе,—произнесъ старикъ, взглянувъ на канонира. Тотъ выступилъ на шагъ впередъ.

Старикъ повернулся къ графу Буабертло, снялъ у него съ мундира орденъ св. Людовика и прицѣпилъ его къ курткѣ канонира. «Ура» раздалось въ рядахъ матросовъ; а солдаты морской пѣхоты отсалютовали ружьями.

— А теперь разстрѣлять этого человѣка!—проговорилъ старикъ-пассажиръ, указывая пальцемъ на канонира.

Крики восторга мгновенно замерли и замѣнились всеобщимъ молчаніемъ. Среди этого общаго молчанія раздался спокойный, размѣренный голосъ старика:

— Небрежность этого человѣка подвергла опасности все судно; да и теперь еще опасность не миновала, и судно, быть-можетъ, осуждено на погибель. Быть въ открытомъ морѣ, это—то же, что стоять лицомъ къ лицу съ врагомъ; корабль во время плаванія, это—то же, что войско во время сраженія. Буря можетъ на время спрятаться, но все же она постоянно подкарауливаетъ корабль. Все море—не что иное, какъ засада. За всякую ошибку въ виду непріятеля полагается смертная казнь. Поправимыхъ ошибокъ не бываетъ. Мужество требуетъ награды, а упущеніе—наказанія.

Старикъ ронялъ эти слова, одно за другимъ, медленнымъ, серьезнымъ тономъ, въ которомъ звучала неумолимость; они производили впечатлѣніе размѣренныхъ ударовъ сѣкиры по стволу дуба.

Наконецъ старикъ, взглянувъ на солдатъ, проговорилъ: «Исполнить мое приказаніе!

Осужденный, на курткѣ котораго свѣтло блестѣлъ крестъ св. Людовика, поникъ головой.

По знаку графа Буабертло, два матроса спустились внизъ и возвратились черезъ минуту, неся койку-саванъ. За матросами шелъ священникъ корвета, съ самаго отвала судна не перестававшій молиться въ офицерской каютѣ. Сержантъ отсчиталъ изъ ряда построенныхъ морскихъ солдатъ двѣнадцать человѣкъ,

которыхъ онъ выстроилъ въ два ряда, по шести въ каждомъ. Канониръ, не произнеся ни слова, сталъ между двумя шеренгами. Священникъ, съ св. распятіемъ въ рукахъ, вышелъ впередъ и всталъ подлѣ него. «Маршъ!» — скомандовалъ сержантъ. Экзекуціонный взводъ тихимъ шагомъ направился къ носу судна; оба матроса, неся саванъ, слѣдовали за нимъ.

На корветѣ водворилось мертвое молчаніе. Вдали гудѣлъ ураганъ.

Прошло нѣсколько секундъ. Въ ночной темнотѣ раздался залпъ блеснула пороховая молнія, затѣмъ все замолкло, и только послышался всплескъ трупа, сброшеннаго въ море.

Старикъ-пассажиръ стоялъ, прислонившись къ гротъ-мачтѣ. Онъ скрестилъ руки на груди и о чемъ-то думалъ, а Буабертло, показывая на него указательнымъ пальцемъ правой руки, говорилъ вполголоса Вьёвиллю:

— Теперь у Вандеи есть голова.

VII.

Плаваніе по морю—та же лотерея.

Но что станется съ корветомъ?

Тучи, которыя уже въ теченіе всей ночи сливались съ волнами, въ концѣ-концовъ, спустились такъ низко, что горизонта не стало видно, и все безбрежное море какъ бы покрылось саваномъ. Куда ни взглянешь — вездѣ одинъ туманъ! Положеніе во всякомъ случаѣ опасное, даже для неповрежденнаго судна!

А тутъ и темнота и буря! Команда корвета сдѣлала все, что было въ ея силахъ. Она облегчила грузъ корвета, побросавъ въ море все, что можно было выбросить изъ междудечнаго пространства послѣ опустошенія, произведеннаго сорвавшеюся съ цѣпи пушкой, — сорванныя пушки, сломанные лафеты, погнутые или развинченные тамберсы, поломанные куски желѣза или дерева; открыты были борты и спущены были въ море на доскахъ трупы и останки человѣческихъ тѣлъ, обернутые въ брезенты.

Въ морѣ съ каждой минутой становилось все труднѣе держаться. Не то, чтобы разразилась буря; напротивъ, ураганъ какъ будто начиналъ стихать и вихрь унесся на сѣверъ; но валы не уменьшались, а корветъ, при понесенныхъ имъ поврежденіяхъ, не въ состояніи былъ переносить сильной качки и каждый большой валъ могъ сдѣлаться для него гибельнымъ.

Лоцманъ Гакуаль задумчиво стоялъ у руля. Но привычные къ морю люди не такъ-то легко теряютъ бодрость духа. Ла-Вьёвилль принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые сохраняютъ веселость даже въ несчастіи. Онъ обратился къ Гакуалю.

— Ну что, лоцманъ, — проговорилъ онъ, — ураганъ, кажется, усталъ. Онъ собирался чихнуть, да ничего не вышло. Мы какъ-нибудь вывернемся изъ бѣды. Будетъ только свѣжій вѣтеръ — вотъ и все.

— А свѣжій вѣтеръ вызоветъ волненіе, — серьезно отвѣтилъ Гакуаль

Истый морякъ никогда не бываетъ ни веселъ ни печаленъ. Но въ этомъ отвѣтѣ Гакуаля привычное ухо различило бы нотку безпокойства. Для судна, давшаго течь, неспокойное море предвѣщаетъ почти вѣрную гибель. Гакуаль подчеркнулъ свое предсказаніе, сморщивъ брови. Быть-можетъ, онъ находилъ веселый и легкомысленный тонъ Ла-Вьёвилля нѣсколько неумѣстнымъ въ виду недавней катастрофы съ пушкой и съ канониромъ. Въ открытомъ морѣ нѣкоторыя событія приносятъ несчастіе; пучина морская полна тайнъ, и никогда не знаешь заранѣе, что она замышляетъ. Ея необходимо остерегаться.

— Гдѣ мы, лоцманъ?—спросилъ Ла-Вьёвилль, снова становясь серьезнымъ.

— Мы въ руцѣхъ Божіихъ,—отвѣтилъ лоцманъ.

Лоцманъ—настоящій хозяинъ судна; не нужно никогда мѣшать ему дѣлать свое дѣло, а иногда ему нужно дать высказаться. Впрочемъ, этого сорта люди вообще не разговорчивы. Ла-Вьёвилль отошелъ отъ него.

На предложенный имъ лоцману вопросъ взялся отвѣчать небосклонъ. Туманъ, носившійся надъ волнами, вдругъ разсѣялся, и всюду, куда только достигалъ глазъ, видны были въ полумракѣ высоко ходившія волны. Небо представляло собою какую-то облачную крышку, но облака уже не сползали на море; на востокѣ показался бѣлесоватый свѣтъ—предвѣстникъ наступающаго дня, на западѣ виденъ былъ блѣдный свѣтъ заходящей луны. Оба эти свѣта на противоположныхъ концахъ небосклона представлялись въ видѣ узкихъ свѣтлыхъ лентъ, отдѣлявшихъ черное небо отъ чернаго же моря.

На обѣихъ этихъ полосахъ вырисовывались прямые, неподвижные, темные силуэты. На западѣ, на свѣтлой полосѣ, образуемой луной, виднѣлись три высокіе утеса, похожіе на кельтскіе дольмены. На востокѣ, на блѣдномъ утреннемъ горизонтѣ, можно было различить выстроенные въ рядъ паруса, на извѣстномъ другъ отъ друга разстояніи. Утесы были—подводная мель, восемь парусовъ—эскадра.

Позади судна находился пользовавшійся среди моряковъ очень дурною репутаціей утесъ Ле-Менкье, впереди его французскіе крейсеры. На западѣ—крушеніе, на востокѣ—значительно превосходящій силами непріятель; и тамъ и здѣсь—гибель. Для борьбы съ рифомъ у корвета былъ разбитый носъ, поврежденный такелажъ, расшатавшіяся мачты; для борьбы съ непріятельскими судами у него было только девять орудій изъ тридцати, да притомъ же еще лучшіе канониры его были убиты.

Утро только что начинало брезжить, и было еще довольно темно; можно было разсчитывать на то, что еще не скоро совсѣмъ разсвѣтетъ, благодаря тяжелымъ тучамъ, покрывавшимъ небосклонъ и нависшимъ надъ моремъ, точно сводъ. Но вѣтеръ, разсѣивая нижнія тучи, въ то же время относилъ корветъ къ утесу. Судно, полуразбитое и сильно поврежденное, почти уже не слушалось руля, оно скорѣе катилось на волнахъ, чѣмъ само шло, и безпомощно отдавалось на произволъ волнъ.

Опасный утесъ Ле-Менкье былъ въ тѣ времена еще страшнѣе, чѣмъ теперь, когда нѣкоторая часть его снесена безпрерывнымъ могучимъ прибоемъ волнъ. Извѣстно, что и утесы могутъ мѣнять свою форму; каждый приливъ, это—та же черта, проводимая вѣчной пилой. Въ то время приблизиться къ Ле-Менкье—значило погибнуть.

Что касается крейсеровъ, то это была та самая канкальская эскадра, которая впослѣдствіи пріобрѣла громкую извѣстность подъ начальствомъ капитана Дюшена, котораго Леквиніо назвалъ «Père Duchesne».

Положеніе было въ высшей степени критическое. Во время возни съ сорвавшеюся пушкой корветъ, незамѣтно для себя самого, сбился съ пути и шелъ теперь скорѣе по направленію къ Гренвиллю, чѣмъ къ Сенъ-Мало. Если бы даже причиненныя ему поврежденія не препятствовали ему свободно маневрировать и дѣйствовать парусами, то все равно утесъ Ле-Менкье помѣшалъ бы ему вернуться въ Джерсей, между тѣмъ, какъ крейсеры мѣшали ему пристать къ берегу Франціи.

Однако буря утихла, но, какъ вѣрно предсказалъ лоцманъ, установилась мертвая зыбь; волны, разъ взбудораженныя, не могли такъ скоро успокоиться. Море никогда не говоритъ сразу, чего оно желаетъ. Морская пучина имѣетъ свойство дразнить. Можно бы даже сказать, что море дѣйствуетъ съ извѣстнымъ расчетомъ; оно наступаетъ и отодвигается; оно предлагаетъ и снова отказывается; оно готовитъ шквалъ и затѣмъ точно раздумываетъ; оно грозитъ бездной, но не даетъ ея; оно обставляетъ судно опасностями и съ сѣвера и съ юга. Въ теченіе всей ночи корвету «Клэйморъ» приходилось бороться съ туманомъ и страшиться шквала; море обмануло его ожиданія, но самымъ ехиднымъ образомъ: оно пугало бурей, но привело судно къ рифу. Все же—впереди неизбѣжное кораблекрушеніе, хотя и въ иной формѣ. А тутъ еще къ гибели на бурунахъ присоединялась гибель въ бою. Одинъ врагъ какъ бы дополнялъ другого.

— Здѣсь — крушеніе, тамъ — сраженіе! — воскликнулъ Ла-Вьёвилль, смѣясь.—Нечего сказать, намъ везетъ!

VIII.

9 = 380.

Итакъ, корветъ былъ наполовину разбитъ. Въ бѣлесоватомъ свѣтѣ зарождающагося дня, въ сердитомъ плескѣ волнъ, во мракѣ тучъ, въ неопредѣленныхъ очертаніяхъ горизонта было что-то зловѣще-торжественное. Все кругомъ молчало и только вѣтеръ неистово завывалъ. Катастрофа торжественно поднималась изъ морской пучины; она была похожа скорѣе на призракъ, чѣмъ на дѣйствительное нападеніе. Все было неподвижно среди скалъ, никто не шевелился на судахъ эскадры. Стояло какое-то колоссальное безмолвіе. Да полно, было ли все это—дѣйствительностью? Точно какое-то сновидѣніе проносилось надъ моремъ. Въ легендахъ

встрѣчаются такія видѣнія. Корветъ находился какъ бы посрединѣ между демономъ-рифомъ и флотомъ-привидѣніемъ.

Графъ Буабертло отдалъ вполголоса какое-то приказаніе Ла-Вьёвиллю, который выслушалъ и спустился въ батарею. Потомъ графъ взялъ свою подзорную трубу и всталъ на корму возлѣ лоцмана. Всѣ усилія Гакуаля были направлены къ тому, чтобы держать судно наперерѣзъ волнамъ, потому что, если бы его подхватили сбоку волны и вѣтеръ, оно бы неминуемо опрокинулось.

— Гдѣ мы теперь находимся, лоцманъ?—спросилъ капитанъ.

— Возлѣ Ле-Менкье.

— Съ хорошей стороны или съ дурной?

— Съ дурной.

— А каково дно? Можно ли стать на шпрингъ?

— Дно утесистое. Словомъ, всѣ шансы на то, чтобы погибнуть—отвѣтилъ лоцманъ.

Капитанъ направилъ свою подзорную трубу на Ле-Менкье и сталъ разсматривать утесъ; затѣмъ онъ повернулъ ее на востокъ и началъ считать паруса.

— Да, это Ле-Менкье,—продолжалъ лоцманъ, какъ бы говоря самъ съ собою.—На этомъ утесѣ любятъ отдыхать чайки, по пути изъ Голландіи, а также морскіе орлы или рыболовы.

Капитанъ тѣмъ временемъ сосчиталъ паруса. Дѣйствительно, оказалось восемь правильно разставленныхъ военныхъ кораблей, профили которыхъ обрисовывались на морѣ. Посрединѣ можно было различить высокое трехдечное судно.

— Знакомы ли вамъ эти паруса? — спросилъ капитанъ у лоцмана.

— Безъ сомнѣнія,—отвѣтилъ Гакуаль.—Это эскадра.

— Какая? Французская?

— Дьявольская.

Наступила пауза. Наконецъ капитанъ продолжалъ:

— И что же, по вашему мнѣнію, тутъ вся эскадра?

— Нѣтъ, не вся.

Дѣйствительно, 2 апрѣля Валазе донесъ конвенту, что въ Ла-Маншскомъ каналѣ крейсируютъ шесть линейныхъ кораблей и десять фрегатовъ. Теперь капитанъ вспомнилъ объ этомъ обстоятельствѣ.

— Да, да,—сказалъ онъ,—эскадра состоитъ изъ шестнадцати судовъ, а тутъ ихъ всего восемь.

— Остальныя, — проговорилъ Гакуаль, — разсѣялись вдоль всего берега и подстерегаютъ.

Капитанъ, продолжая смотрѣть въ подзорную трубу, бормоталъ сквозь зубы:

— Одинъ трехдечный корабль, два фрегата перваго разряда, пять второразрядныхъ.

— Но и я съ своей стороны слѣдилъ за ними, — продолжалъ Гакуаль.

— Славные корабли! — произнесъ капитанъ. — Мнѣ случалось командовать такими.

— А я,—проговорилъ Гакуаль,—видѣлъ ихъ вблизи. Всѣ они ясно врѣзались мнѣ въ память, и я ужъ ихъ не смѣшаю одно съ другимъ.

— Лоцманъ,—сказалъ капитанъ, передавая Гакуалю свою подзорную трубу,—можете ли вы различить, что вотъ это за линейный корабль?

— Могу, г. капитанъ: это «Котъ д'Оръ».

— Ага, значитъ они его перекрестили. Прежде онъ назывался «Бургундскіе Штаты». Совсѣмъ новенькое судно. Сто двадцать восемь орудій,

Онъ вынулъ изъ кармана записную книжечку и карандашъ и записалъ въ книжечкѣ цифру 128. Затѣмъ онъ продолжалъ:

— А это что за судно, первое слѣва отъ корабля?

— Это фрегатъ «Опытный».

— Перворазрядный фрегатъ. Пятьдесятъ два орудія. Два мѣсяца тому назадъ онъ вооружался въ Брестѣ.

Отмѣтивъ въ своей записной книжкѣ цифру 52, капитанъ спросилъ:

— А второе судно слѣва отъ корабля, какъ его названіе?

— «Дріада».

— Тоже перворазрядный фрегатъ. Сорокъ 18-фунтовыхъ орудій. Онъ плавалъ въ Индію. Вообще имѣетъ славное морское прошлое.

Записавъ подъ цифрой 52 цифру 40, онъ снова поднялъ голову и спросилъ:

— А справа отъ корабля?

— Г. капитанъ, это все фрегаты второго разряда. Ихъ всего пять.

— Какъ звать первый отъ корабля?

— «Рѣшительный».

— Тридцать два 18-фунтовыхъ орудія. А второй?

— «Ришмонъ».

— Такое же вооруженіе. Дальше?

— «Безбожникъ» [1]).

— Довольно странное названіе для корабля. Дальше?

— Дальше—«Калипсо», «Хвататель».

— Итого пять фрегатовъ, вооруженныхъ каждый 32 орудіями, — и капитанъ проставилъ подъ написанными ранѣе цифрами 160.

— Вы, однако, отлично узнаете ихъ, лоцманъ, — проговорилъ Буабертло.

— А вы, капитанъ, ихъ отлично знаете,—отвѣтилъ Гакуайль.— Узнавать недурно, но знать еще лучше.

Капитанъ, глядя въ свою записную книжку, сталъ считать сквозь зубы:

— Сто двадцать восемь, пятьдесятъ два, сорокъ, сто шестьдесятъ...

---

[1]) «Морскіе архивы». Составъ флота къ марту 1793 года.

Въ эту минуту Ла-Вьёвилль снова показался на палубѣ.

— Шевалье,—крикнулъ ему капитанъ,—знаете ли, что мы имѣемъ передъ собою триста восемьдесятъ орудій?

— И прекрасно,—отвѣтилъ Ла-Вьёвилль.

— А вы только что были въ батареѣ, Ла-Вьёвилль. Скажите сколько, наконецъ, у насъ годныхъ въ дѣло орудій?

— Только девять.

— Такъ!—проговорилъ, въ свою очередь, Буабертло. Онъ снова взялъ изъ рукъ лоцмана подзорную трубу и сталъ смотрѣть вдаль. Восемь виднѣвшихся на горизонтѣ судовъ стояли въ полной тишинѣ. Они казались неподвижными, но, между тѣмъ, съ каждой минутой увеличивались. Корветъ незамѣтно приближался къ нимъ.

— Капитанъ,—сказалъ Ла-Вьёвилль, прикладывая руку къ головному убору,—имѣю честь представить рапортъ. Я всегда относился недовѣрчиво къ этому «Клэймору». Нѣтъ ничего непріятнѣе, какъ быть неожиданно посаженнымъ на судно, которое васъ не знаетъ или васъ не любитъ. Англійскій корабль не можетъ быть другомъ француза. Сорвавшаяся проклятая пушка доказала это какъ нельзя лучше. Я тщательно осмотрѣлъ все помѣщеніе. Якоря надежны; желѣзо хорошее, безъ раковинъ, и къ тому же кованое; кольца прочны; канаты превосходны, легко разматываются, достаточной длины, а именно въ 120 саженъ. Артиллерійскихъ припасовъ достаточно. Шесть канонировъ убито. Сто семьдесятъ одинъ выстрѣлъ на пушку.

— Разумѣется, разъ осталось только девять орудій, — проговорилъ вполголоса Буабертло и снова направилъ свою подзорную трубу на горизонтъ.

Эскадра продолжала медленно приближаться.

Морскія орудія имѣютъ то преимущество, что при нихъ достаточно трехъ человѣкъ прислуги; но зато у нихъ тотъ недостатокъ, что они хватаютъ не такъ далеко и не такъ мѣтко, какъ полевыя и крѣпостныя пушки. Предстояло, слѣдовательно, подойти къ эскадрѣ на довольно близкое разстояніе.

Капитанъ сталъ вполголоса отдавать приказанія. На корветѣ водворилось мертвое молчаніе. Не слышно было сигнала тревоги, но всѣ сопряженные съ послѣднею маневры исполнялись въ точности. Корветъ такъ же мало былъ способенъ бороться съ людьми, какъ и съ морскими волнами. Однако экипажъ старался извлечь всю возможную пользу изъ этихъ остатковъ военнаго судна. На шкафутѣ, возлѣ бейфутовъ, навалили все, что было запаснаго по части кабельтововъ и перлиней, съ тѣмъ, чтобы укрѣпить въ случаѣ надобности мачты. Перевязочный пунктъ приведенъ былъ въ порядокъ. Согласно тогдашнему обычаю, по бортамъ развѣсили койки, что, конечно, могло служить нѣкоторой защитой противъ пуль, но не противъ ядеръ. Принесли калиберы для пуль, хотя и было уже нѣсколько поздно провѣрять размѣры послѣднихъ; но дѣло въ томъ, что никто не ожидалъ такой скорой встрѣчи съ непріятелемъ. Каждому матросу роздано было по лядункѣ, по парѣ

пистолетовъ и по кинжалу. Койки были сложены, пушки наведены, ружья заряжены, топоры и дреки уложены по мѣстамъ, крюйтъ-камеры съ порохомъ и зарядами открыты. Всякій всталъ на свое мѣсто—и все это совершалось молча, точно въ комнатѣ умирающаго. Все дѣлалось быстро, но мрачно.

Потомъ корветъ поставили на шпрингъ. Онъ имѣлъ шесть якорей наподобіе фрегата. Они были опущены всѣ шестеро: запасный спереди, верпъ-якорь — сзади, большой якорь — со стороны открытаго моря, отливной якорь—со стороны буруновъ, дагликсъ—съ штирборта, а швартовой якорь—съ бакборта. Девять уцѣлѣвшихъ орудій были направлены всѣ въ одну сторону, дулами къ непріятельской эскадрѣ.

Послѣдняя, въ такомъ же точно безмолвіи, съ своей стороны сдѣлала всѣ приготовленія къ бою. Всѣ восемь судовъ ея образовали теперь дугу, хорду которой представлялъ собою рифъ Ле-Менкье. «Клэйморъ», очутившись въ этомъ полукругѣ и удерживаемый къ тому же якорями, такъ сказать, прислонился къ рифу, т.-е. къ своей погибели. Это относительное положеніе судовъ очень напоминало собою свору собакъ, окружившихъ кабана, не испускающаго ни звука и только скалящаго зубы.

Обѣ стороны приняли выжидательное положеніе. Канониры «Клэймора» стояли возлѣ своихъ орудій.

— А знаете ли, я бы предпочелъ самъ открыть огонь, — сказалъ Буабертло Ла-Вьёвиллю.

— Что жъ, отчего же и не позволить себѣ этого маленькаго кокетства?—отвѣтилъ тотъ.

IX.

Кого-то спасаютъ.

Старикъ-пассажиръ тѣмъ временемъ, оставаясь на палубѣ, смотрѣлъ на все безстрастнымъ взоромъ.

— Сударь, — сказалъ Буабертло, приближаясь къ нему, — всѣ приготовленія окончены. Мы теперь крѣпко привязаны къ нашей могилѣ. Мы не сдвинемся съ мѣста. Во всякомъ случаѣ мы сдѣлаемся добычей или эскадры или рифа. У насъ нѣтъ иного выбора: или сдаться непріятелю или погибнуть въ бурунахъ. Я полагаю, что намъ слѣдуетъ умереть; лучше погибнуть въ бою, чѣмъ отъ кораблекрушенія. Я, по крайней мѣрѣ, предпочитаю быть застрѣленнымъ, чѣмъ утонуть; я предпочитаю огонь водѣ. Но умирать—это наша обязанность, а ни въ какомъ случаѣ не ваша. Вы—довѣренное лицо принцевъ, на васъ возложено важное порученіе, вы должны руководить Вандейской войной. Если васъ не станетъ—дѣло монархіи, быть-можетъ, будетъ проиграно; вы не имѣете права умирать. Нашъ долгъ предписываетъ намъ оставаться здѣсь, вашъ долгъ обязываетъ васъ покинуть судно. Итакъ, генералъ, не угодно ли вамъ тотчасъ же оставить корветъ? Я сейчасъ предоставлю въ ваше распоряженіе лодку и гребца. Добраться до берега въ легкомъ челнокѣ не представляется дѣломъ невозможнымъ.

Еще недостаточно разсвѣло, волны высоки, на морѣ туманъ, поэтому вамъ можно будетъ проѣхать незамѣченнымъ. Бываютъ такіе случаи, когда бѣгство равносильно побѣдѣ.

Старикъ, сохраняя свой строгій видъ, утвердительно кивнулъ головой.

— Солдаты и матросы! — крикнулъ затѣмъ графъ Буабертло, возвышая голосъ.

Всѣ прекратили свои работы, и со всѣхъ концовъ судна лица обернулись въ сторону капитана.

— Вотъ этотъ человѣкъ,—продолжалъ Буабертло, указывая на старика,—является представителемъ короля. Онъ намъ порученъ, мы должны его непремѣнно сберечь. Онъ необходимъ для трона Франціи; за неимѣніемъ принца, онъ—мы, по крайней мѣрѣ, на то надѣемся—сдѣлается вождемъ вандейцевъ. Это—великій полководецъ. Онъ долженъ былъ пристать къ берегу Франціи съ нами,—онъ пристанетъ къ нему безъ насъ. Спасти голову, это значитъ спасти все!

— Вѣрно! вѣрно!—въ одинъ голосъ закричалъ весь экипажъ.

— И ему также, — продолжалъ капитанъ, — предстоятъ весьма серьезныя опасности. Добраться до берега—дѣло не легкое. Челнокъ долженъ быть достаточно великъ, чтобы пуститься въ открытое море, и настолько малъ, чтобы его не замѣтили крейсера. Необходимо добраться до какого-нибудь пункта на материкѣ, чтобы тамъ было достаточно безопасно, и притомъ скорѣе по направленію къ Фужеру, чѣмъ къ Кутансу. Тутъ требуется опытный матросъ, хорошій гребецъ и хорошій пловецъ, и притомъ такой, который былъ бы знакомъ съ мѣстностью и зналъ бы, какъ свои пять пальцевъ, всѣ извилины берега. Покуда еще настолько темно, что лодка можетъ отплыть отъ корвета, не будучи замѣченной; а затѣмъ туманъ, опустившись, окончательно скроетъ ее изъ вида крейсеровъ. По своимъ незначительнымъ размѣрамъ она легко проплыветъ и по мелководью: тамъ, гдѣ не пройдетъ барсъ, проскользнетъ ласточка. Для насъ нѣтъ выхода, для челна выходъ найдется. Лодка можетъ ускользнуть, не будучи замѣчена непріятельскими кораблями; да къ тому же и мы здѣсь тѣмъ временемъ постараемся отвлечь ихъ вниманіе. Не такъ ли?

— Вѣрно! вѣрно!—снова подхватилъ экипажъ.

— Но намъ нельзя терять ни единой минуты,—продолжалъ капитанъ.—Кто охотникъ?

— Я,—раздался голосъ изъ рядовъ выстроенной команды, и одинъ изъ матросовъ ступилъ шагъ впередъ.

X.

Удастся ли ему спастись?

Нѣсколько минутъ спустя отъ корвета отчаливала небольшая лодка, называемая гичкой и служащая исключительно для разъѣздовъ командировъ судовъ. Въ лодкѣ сидѣло два человѣка: на кормѣ—старикъ-пассажиръ, доброволецъ-матросъ—на веслахъ.

Было еще очень темно. Матросъ, согласно наказу капитана усердно гребъ по направленію къ Ле-Менкье. Да, впрочемъ, никакое иное направленіе и не было мыслимо для челнока.

На дно лодки успѣли бросить немного припасовъ,—мѣшокъ сухарей, копченый языкъ и боченокъ воды.

Въ ту минуту, когда гичка отчаливала отъ корвета, Ла-Вьёвиль, обладавшій способностью шутить даже на краю отверстой бездны, перегнулся черезъ ахтеръ-штевень и крикнулъ вслѣдъ отплывавшей лодкѣ:

— Недурно для бѣгства, но еще лучше для потопленія!

— Г. лейтенантъ,—строго замѣтилъ лоцманъ,—теперь не время шутить.

Гичка быстро удалялась, и уже вскорѣ между ней и корветомъ легло довольно значительное пространство. Вѣтеръ и направленіе волнъ благопріятствовали гребцу, и скорлупка подвигалась быстро впередъ, качаясь на волнахъ и скрываясь въ ихъ складкахъ. Надъ моремъ точно висѣло какое-то мрачное ожиданіе.

Вдругъ, среди плещущаго безмолвія безбрежнаго океана, раздался голосъ, который, будучи усиленъ рупоромъ—этой новѣйшей мѣдной маской античной трагедіи — звучалъ чѣмъ-то сверхъестественнымъ. То говорилъ капитанъ Буабертло.

— Матросы его величества короля!—кричалъ онъ.—Поднимите на гротъ-мачтѣ бѣлое знамя. Мы сейчасъ встрѣтимъ нашу послѣднюю зарю.

— Да здравствуетъ король!—раздалось изъ рядовъ экипажа, и съ корвета раздался пушечный выстрѣлъ

Но почти въ то же мгновеніе на дальнемъ горизонтѣ раздался другой возгласъ, громкій и явственный, несмотря на отдаленіе: «Да здравствуетъ республика!»

И надъ океаномъ пронесся гулъ залпа изъ трехъ сотъ орудій.

Борьба началась. Море заволновалось дымомъ, прорѣзываемымъ молніями выстрѣловъ. Сердитыя волны океана стали покрываться брызгами отъ падающихъ снарядовъ.

«Клэйморъ» отважно открылъ огонь по восьми большимъ кораблямъ. Въ то же самое время вся эскадра, сгруппировавшись полукругомъ вокругъ корвета, палила изъ всѣхъ своихъ орудій. На горизонтѣ образовалось зарево: точно огнедышащій вулканъ поднялся изъ морской пучины. Вѣтеръ разносилъ пушечный дымъ сообразно своимъ капризамъ, и суда то появлялись, то исчезали, точно привидѣнія. На первомъ планѣ ясно обрисовывался среди краснаго фона черный остовъ корвета, а на верхушкѣ его гротъ-мачты развѣвался бѣлый флагъ съ золотыми лиліями.

Оба плывшіе въ лодкѣ человѣка молчали. Треугольная мель Ле-Менкье, нѣчто въ родѣ подводнаго конуса, обширнѣе всего острова Джерсея. Но вода покрываетъ почти весь конусъ, и только верхушка его высится надъ водою даже во время самаго сильнаго прилива. Отъ этого конуса идутъ къ сѣверо-востоку шесть большихъ утесовъ, выстроившихся въ прямую линію, напоминая

собою остатки обвалившейся тамъ и сямъ большой стѣны. Проходъ между вершиною конуса и этими шестью утесами доступенъ только для самыхъ мелкосидящихъ судовъ. Онъ ведетъ прямо въ открытое море.

Матросъ, вызвавшійся провести челнокъ, смѣло направилъ послѣдній въ этотъ проходъ; такимъ образомъ онъ ставилъ свой челнъ, такъ сказать, подъ прикрытіе утеса Ле-Менкье, изъ-за котораго не могли попадать въ него выстрѣлы съ непріятельской эскадры. Онъ ловко пробирался по узкому проливу, искусно избѣгая справа и слѣва подводныхъ камней. Вскорѣ между ними и эскадрой очутилась цѣлая линія утесовъ. Зарево на горизонтѣ и грохотъ канонады стали уменьшаться, благодаря увеличивающемуся разстоянію; но изъ доносившихся, хотя и издали, пушечныхъ выстрѣловъ можно было заключить, что корветъ продолжалъ еще держаться и что онъ желалъ выпустить всѣ свои залпы, числомъ сто девяносто одинъ, до послѣдняго.

Вскорѣ челнъ очутился въ открытой водѣ, въ достаточномъ разстояніи отъ рифа, вдали отъ сраженія, внѣ выстрѣловъ. Мало-по-малу профиль моря становился менѣе темнымъ, просвѣты на небѣ расширялись, брызги морской пѣны стали бѣлѣть, на гребняхъ волнъ показались бѣлые барашки. Наконецъ совсѣмъ разсвѣло.

Челнъ ушелъ отъ непріятеля; но ему оставалось еще совершить самую трудную часть своей задачи. Онъ спасся отъ картечи, но не отъ крушенія. Эта небольшая скорлупка очутилась въ открытомъ морѣ, безъ паруса, безъ мачты, безъ палубы, безъ компаса, съ одною только парой веселъ, лицомъ къ лицу съ океаномъ и съ ураганомъ. Атомъ, отданный на произволъ гигантовъ.

И вдругъ, среди этого безбрежнаго и пустыннаго простора, матросъ, сидѣвшій на веслахъ, поднялъ свое озаренное бѣлесоватымъ утреннимъ свѣтомъ лицо, пристально взглянулъ въ глаза старику и произнесъ:

— Я — братъ того артиллериста, котораго вы приказали разстрѣлять.

Книга третья.—ГАЛЬМАЛО.

I

Слово, это—глаголъ.

Старикъ медленно поднялъ голову.

Человѣку, обратившемуся къ нему съ этими словами, было подъ тридцать лѣтъ. Лицо его загорѣло и обвѣтрилось; глаза имѣли довольно странное выраженіе: въ нихъ замѣчался одновременно и смышленый взглядъ матроса и наивный взглядъ крестьянина. Онъ крѣпко сжималъ въ своихъ кулакахъ весла. Видъ его былъ, въ общемъ, кроткій и смирный. За поясомъ у него были заткнуты кинжалъ, два пистолета и чётки.

— Кто вы такой?—переспросилъ старикъ.

— Я только что объявилъ это вамъ,—отвѣтилъ матросъ.

— Ну, такъ чего же вамъ отъ меня нужно?

Матросъ положилъ весла, скрестилъ руки и отвѣтилъ:

— Мнѣ нужно васъ убить.

— Какъ вамъ будетъ угодно,—спокойно отвѣтилъ старикъ.

— Такъ приготовьтесь умереть!—проговорилъ матросъ, возвышая голосъ.

— А для чего, собственно, я буду умирать?—также спокойно спросилъ пассажиръ.

Наступило молчаніе. Матроса, казалось, смутилъ вопросъ старика. Наконецъ онъ сказалъ:

— Вѣдь я уже сказалъ вамъ, что желаю васъ убить.

— А я васъ еще разъ спрашиваю—за что?—проговорилъ старикъ.

— За то, что вы убили моего брата!—воскликнулъ матросъ, сверкая глазами.

— Я началъ съ того, что спасъ ему жизнь,—спокойно замѣтилъ пассажиръ.

— Да, это вѣрно. Сначала вы спасли ему жизнь, а потомъ убили его.

— Неправда, вовсе не я его убилъ, а его собственная вина.

Матросъ выпучилъ глаза на старика, но затѣмъ его брови снова насупились зловѣщимъ образомъ.

— Какъ васъ зовутъ?—спросилъ старикъ.

— Зовутъ меня Гальмало; впрочемъ, вамъ вовсе не нужно знать, какъ меня зовутъ, я могу васъ убить и безъ этого.

Въ это мгновеніе изъ-за тучъ показалось солнце. Одинъ изъ лучей его упалъ прямо на лицо матроса и ярко освѣтилъ это мрачное лицо. Старикъ внимательно въ него всматривался.

Пальба все еще продолжалась, но какъ-то съ перерывами, скачками, точно замирая. Густой дымъ застилалъ горизонтъ.

Челнъ, не управляемый гребцомъ, плылъ по волѣ вѣтра и теченія.

Матросъ схватилъ правой рукой одинъ изъ пистолетовъ, бывшихъ у него за поясомъ, а другою—чётки.

Старикъ поднялся въ лодкѣ и спросилъ:

— Ты вѣришь въ Бога?

— Я вѣрю въ Отца нашего небеснаго,—отвѣтилъ матросъ и перекрестился.

— А есть ли у тебя мать?

— Есть, — отвѣтилъ матросъ и вторично перекрестился. Затѣмъ онъ промолвилъ:—Довольно! Я даю вамъ одну минуту, чтобы приготовиться къ смерти, ваше сіятельство,—и онъ взвелъ курокъ.

— Почему ты называешь меня «ваше сіятельство»?

— Потому что вы знатный баринъ. Это сейчасъ видно

— А у тебя есть свой баринъ?

— Какъ же, есть, да еще и знатный. Развѣ можно жить безъ барина?

— А гдѣ твой баринъ?

— Не знаю. Онъ эмигрировалъ. Его зовутъ маркизъ Лантенакъ, виконтъ Фонтенэ, бретонскій князь. Ему принадлежитъ помѣстье Сэ-Форэ. Я его, положимъ, никогда не видѣлъ, но все же онъ мой баринъ.

— А если бы ты его увидѣлъ, сталъ ли бы ты ему повиноваться?

— Еще бы! Вѣдь не нехристь же я какой-нибудь, чтобы не повиноваться ему. Нужно повиноваться Богу, потомъ королю—богу земному, а затѣмъ своему барину, который для насъ тотъ же король. Но дѣло не въ этомъ: вы убили моего брата,—я долженъ васъ убить.

— Во-первыхъ,—возразилъ старикъ,—если я убилъ твоего брата, то я долженъ былъ это сдѣлать.

— Этакій вздоръ!—мрачно проговорилъ матросъ, сжимая въ кулакѣ ручку пистолета.

— Пускай будетъ по-твоему,—спокойно возразилъ старикъ.—Ну, а гдѣ же священникъ?

— Священникъ?—переспросилъ матросъ, уставившись на него глазами.

— Да, священникъ. Вѣдь я же призвалъ къ твоему брату священника. И ты долженъ доставить мнѣ священника.

— Да гдѣ жъ я его вамъ возьму,—спросилъ матросъ.—Развѣ въ открытомъ морѣ найдешь священника?

Грохотъ орудій доносился все изъ большаго и большаго отдаленія, съ значительными перерывами.

— А у тѣхъ, кто тамъ умираетъ, есть же священникъ,—проговорилъ старикъ.

— Да, это правда, у нихъ свой флотскій священникъ,—согласился матросъ.

— Ты желаешь погубить не только мое тѣло, но и душу, продолжалъ старикъ,—а это нехорошо.

Матросъ въ задумчивости опустилъ голову.

— А губя мою душу, ты вмѣстѣ съ тѣмъ губишь и свою,—серьезно замѣтилъ пассажиръ.—Слушай, мнѣ жаль тебя! Дѣлай, какъ знаешь. Я только что исполнилъ мой долгъ, сначала спасши жизнь твоему брату, а потомъ отнявъ ее у него; я и теперь исполняю мой долгъ, стараясь спасти твою душу. Подумай! Это дѣло касается ближе всего тебя. Слышишь пушечные выстрѣлы? Тамъ люди погибаютъ, страдаютъ, тамъ найдутся и мужья, которые больше не увидятъ своихъ женъ, и отцы, которые больше не увидятъ своихъ дѣтей, и братья, которые, подобно тебѣ, не увидятъ больше своихъ братьевъ. И кто въ этомъ виноватъ? Твой братъ. Ты вѣдь вѣришь въ Бога, не такъ ли? Ну такъ знай, что Господь Богъ скорбитъ въ эту минуту. Онъ скорбитъ за Своего сына, христіаннѣйшаго короля Франціи, который такой же младенецъ, какимъ былъ и Іисусъ, и который теперь заключенъ въ Тампльскую тюрьму; Онъ скорбитъ за оскорбляемую Церковь Свою въ Бретани, Онъ скорбитъ за оскверненные храмы Свои, за разорванныя Евангелія, за поруганные Свои дома молитвъ, за умерщвленныхъ служителей Своихъ. Съ какою цѣлью мы приплыли сюда на этомъ погибающемъ суднѣ? Съ такою, чтобы оказать содѣйствіе дѣлу Божьему. Если бы братъ твой былъ усердный слуга, если бы онъ умно и добросовѣстно исполнялъ свой долгъ, въ батареѣ не случилось бы несчастія, корветъ не былъ бы разбитъ, онъ не сбился бы съ пути, не натолкнулся бы на непріятельскій флотъ, и мы бы въ эту самую минуту высаживались на берегъ Франціи цѣлые и невредимые, бодрыми и мужественными воинами и моряками, съ мечомъ въ рукѣ, съ развѣвающимся надъ нашими головами бѣлымъ знаменемъ, многочисленные, довольные, веселые, и мы бы помогли вѣрнымъ бретонскимъ крестьянамъ спасти короля, сослужить службу Богу. Вотъ для чего мы ѣхали сюда, вотъ что бы мы сдѣлали, вотъ что я, одинъ изъ всѣхъ уцѣлѣвшій, намѣренъ сдѣлать. А ты желаешь помѣшать мнѣ въ этомъ. Въ этой борьбѣ нечестивцевъ противъ служителей Божіихъ, въ этой борьбѣ цареубійцъ противъ монарха, въ этой борьбѣ сатаны противъ Бога ты становишься на сторону сатаны. Братъ твой оказался первымъ союзникомъ дьявола, ты являешься вторымъ. Ты становишься на сторону цареубійцъ и противъ престола, на сторону нечестивцевъ и противъ Церкви. Ты отнимаешь у Бога послѣднее Его средство. Когда не станетъ меня, представителя короля, селенія будутъ продолжать горѣть, населеніе — страдать, священники — проливать слезы, король — томиться въ тюрьмѣ, а Іисусъ Христосъ—скорбѣть о правомъ дѣлѣ. И кто будетъ виновникомъ всего этого? Ты. Ну, что жъ, дѣлай свое богопротивное дѣло. Я, по правдѣ сказать, ожидалъ отъ тебя совсѣмъ иного; но я ошибся. Правда, я убилъ твоего брата. Онъ оказался мужественнымъ—я наградилъ его; онъ оказался виновнымъ—я его наказалъ; онъ не исполнилъ своего долга, но я свой исполнилъ, и я въ случаѣ надобности опять повторю то, что я сдѣлалъ; и клянусь пресвятою Анною Орейскою, смотрящею на насъ съ небесъ, я въ

подобномъ случаѣ точно такъ же разстрѣлялъ бы своего сына, какъ разстрѣлялъ твоего брата. А теперь ты—господинъ своихъ дѣйствій; но я глубоко сожалѣю о тебѣ. Ты солгалъ своему капитану. Ты, христіанинъ, нарушилъ свой обѣтъ; ты, бретонецъ, не сдержалъ своей клятвы; меня поручили твоей честности, и вмѣсто нея я встрѣчаю измѣну; ты желаешь превратить въ холодный трупъ того, кому ты обѣщался спасти жизнь. Знаешь ли ты, кого ты здѣсь губишь? Себя самого. Ты отнимаешь жизнь мою у короля и отдаешь свою душу дьяволу. Ну, что жъ, совершай свое преступленіе! Прекрасно! Ты добровольно мѣняешь райское блаженство на адскія мученія. Благодаря тебѣ, дьяволъ побѣдитъ, благодаря тебѣ, церкви будутъ разрушены и нехристи будутъ продолжать лить изъ колоколовъ пушки; благодаря тебѣ, людей будутъ убивать тѣмъ, что предназначено для спасенія души. Въ эту самую минуту колоколъ, гудѣвшій на твоихъ крестинахъ, быть-можетъ, убиваетъ твою мать. Что жъ, помогай дьяволу, не робѣй! Да, я осудилъ на смерть твоего брата, но знай, что я—орудіе Бога. А ты берешься перерѣшать рѣшенія Господни! Ты, пожалуй, вздумаешь осудить и молнію небесную. Несчастный, не тебѣ ее судить, а ей тебя! Подумай о томъ, что ты собираешься сдѣлать. Знаешь ли ты, что на мнѣ лежитъ благодать Господня, Божіе посвященіе? Нѣтъ, не знаешь? Ну продолжай же, продолжай! Исполни то, что ты замыслилъ. Ты воленъ низвергнуть меня въ адъ и низвергнуться туда самъ вмѣстѣ со мною. Вѣчная погибель и моя и твоя въ твоихъ рукахъ; но отвѣчать предъ Богомъ будешь ты. Мы съ тобою стоимъ съ глазу на глазъ надъ бездной. Продолжай, доканчивай! Я старъ, ты молодъ; я безоруженъ, ты вооруженъ. Ну, убивай же меня!

Пока старикъ, стоя въ лодкѣ, произносилъ эти слова голосомъ, покрывавшимъ шумъ моря, прорывавшіеся сквозь тучи лучи солнца по временамъ окружали его голову точно сіяніемъ. Матросъ сдѣлался мертвенно блѣденъ; потъ крупными каплями выступалъ у него на лбу; онъ дрожалъ, какъ осиновый листъ; по временамъ онъ прикладывался губами къ своимъ чёткамъ. Когда старикъ кончилъ, онъ бросилъ свой пистолетъ, упалъ на колѣни и воскликнулъ:

— Простите, сударь, простите меня! Устами вашими глаголетъ Самъ Господь Богъ. Я неправъ, да и братъ мой былъ неправъ. Я сдѣлаю все, что только можно, чтобы загладить свое преступленіе. Располагайте мною! Приказывайте—я буду повиноваться!

— Я прощаю тебя,—проговорилъ старикъ.

II.

Крестьянская память стоитъ науки полководца.

Съѣстные припасы, положенные въ лодку, оказались излишними. Оба бѣглеца, вынужденные лавировать, пробыли цѣлыхъ 36 часовъ въ морѣ, прежде чѣмъ достигнуть берега. Они провели

на морѣ и всю слѣдующую ночь; къ счастію, погода оказалась хорошею, и только луна свѣтила ярче, чѣмъ это было бы желательно для людей, уходившихъ отъ преслѣдованія. Имъ пришлось сначала удалиться отъ берега Франціи и выйти въ открытое море, въ сторону Джерсея. Они услышали послѣдніе залпы разстрѣливаемаго корвета, раздававшіеся какъ послѣднее рычаніе льва, убиваемаго охотниками въ лѣсу. Затѣмъ надъ морскою поверхностью водворилось мертвое молчаніе. Корветъ «Клэйморъ» умеръ тою же смертью, какъ фрегатъ «Мститель», но слава не досталась ему въ удѣлъ. Героями не могутъ быть тѣ, кто выступаетъ въ бой противъ своей родины.

Гальмало оказался искуснымъ морякомъ. Онъ совершалъ чудеса ловкости и находчивости; это импровизированное плаваніе его между рифами, волнами и непріятельской засадой было поистинѣ образцовымъ. Впрочемъ, вѣтеръ мало-по-малу стихъ и море успокоилось. Гальмало проскользнулъ мимо утесовъ Менкье, обогнулъ Бычачій Бродъ, выбралъ мѣсто съ тихимъ теченіемъ, чтобы отдохнуть нѣсколько часовъ, и затѣмъ, спустившись къ югу, ухитрился проплыть между Гранвилемъ и Шозейскими островами, не будучи замѣченъ ни съ Шозейскаго ни съ Гранвильскаго маяковъ. Онъ вошелъ затѣмъ въ Сенъ-Мишельскую бухту, что было довольно смѣло въ виду сосѣдства Канкаля — мѣста стоянки крейсеровъ.

Къ вечеру второго дня, приблизительно за часъ до солнечнаго захода, онъ, оставивъ позади себя гору Сенъ-Мишель, присталъ къ берегу въ одномъ почти всегда пустынномъ мѣстѣ; пустынно оно было потому, что было очень опасно: въ немъ нетрудно было завязнуть въ пескѣ. Къ счастію, въ то время былъ приливъ. Гальмало, разогнавъ челнъ, продвинулся какъ можно ближе къ берегу, ощупалъ песокъ, нашелъ его довольно твердымъ, посадилъ на него лодку и выпрыгнулъ на берегъ. Старикъ вслѣдъ за нимъ вышелъ изъ лодки и сталъ смотрѣть на горизонтъ.

— Ваше сіятельство,— сказалъ Гальмало,— это — устье рѣчки Куенонъ. Вонъ тамъ, съ правой стороны, Вовуаръ, а съ лѣвой— Гюинъ; а эта колокольня, что прямо передъ нами—Ардевонъ.

Старикъ нагнулся къ лодкѣ, вынулъ изъ нея сухарь, сунулъ его себѣ въ карманъ и сказалъ Гальмало:

— Остальное возьми себѣ!

Гальмало положилъ въ свою котомку остатки говядины и сухарей и взвалилъ ее себѣ на плечи. Затѣмъ онъ спросилъ:

— Ваше сіятельство, вы какъ прикажете мнѣ: впереди васъ итти или за вами?

— Ни того ни другого не нужно,—отвѣтилъ старикъ.

Гальмало взглянулъ на него съ удивленіемъ. Старикъ продолжалъ:

— Намъ слѣдуетъ разстаться, Гальмало. Быть намъ вдвоемъ— ни къ чему не поведетъ. Если не можешь быть въ количествѣ хотя бы одной тысячи, то лучше всего быть одному.

Тутъ онъ вынулъ изъ кармана бантъ изъ зеленой шелковой матеріи, похожій на кокарду, посрединѣ которой была вышита золотая лилія, и спросилъ:

— Ты умѣешь читать?

— Нѣтъ, не умѣю, ваше сіятельство.

— Тѣмъ лучше. Человѣкъ, умѣющій читать, часто бываетъ неудобенъ. А хорошая у тебя память?

— Да, кажется.

— Отлично! Ну, такъ слушай же, Гальмало. Ты пойдешь сейчасъ направо, а я — налѣво. Я направлюсь къ Фужеру, ты — къ Базужу. Котомку свою оставь при себѣ—это придастъ тебѣ видъ крестьянина; а оружіе свое спрячь. Выдерни себѣ изъ изгороди палку и постарайся проползти незамѣченнымъ вонъ черезъ то ржаное поле; затѣмъ ты проберешься мимо забора, перелѣзешь черезъ тынъ и пойдешь полемъ. Старайся избѣгать прохожихъ и не ходи большими дорогами и черезъ мосты. Не входи также въ Понторсонъ. Ахъ, да!—тебѣ придется перебраться черезъ рѣку Куенонъ! Какъ ты это сдѣлаешь?

— Я ее переплыву.

— Хорошо! Да, впрочемъ, на ней есть и бродъ. Тебѣ онъ незнакомъ?

— Какъ же! Между Ансеемъ и Вьёвіелемъ.

— Отлично! Сейчасъ видно, что ты мѣстный уроженецъ.

— Но уже приближается ночь. Гдѣ вы ее проведете, ваше сіятельство?

— Это уже мое дѣло. А ты гдѣ переночуешь?

— По дорогѣ встрѣтятся ямы отъ выбраннаго моха. Прежде, чѣмъ сдѣлаться матросомъ, я былъ крестьяниномъ.

— Брось свою матросскую шапку: она могла бы выдать тебя. Авось, гдѣ-нибудь найдешь какой-нибудь картузъ.

— О, крестьянскую шапку нетрудно найти! Первый встрѣчный рыбакъ продастъ мнѣ свою.

— Хорошо! Теперь слушай. Тебѣ хорошо знакомы лѣса этой мѣстности?

— Я знаю каждый лѣсокъ отъ Нуармутье и до Лаваля.

— Ты и названія ихъ знаешь?

— Мнѣ извѣстны и лѣса и названія ихъ,—мнѣ все извѣстно.

— Хорошо! Теперь слушай внимательно, что я скажу тебѣ, и постарайся хорошенько удержать это въ своей памяти. Сколько миль ты можешь пройти въ день?

— Десять, пятнадцать, восемнадцать. Если понадобится, — и всѣ двадцать.

— Да, пожалуй, понадобится. Слушай же внимательно. Не пророни ни единаго слова изъ того, что я скажу тебѣ. Ты направишься къ Сентъ-Обенскому лѣсу, возлѣ Ламбалля. На краю оврага, который тянется между Сенъ-Ріелемъ и Пледеліакомъ, ты увидишь большое каштановое дерево. Тамъ ты остановишься. Ты никого не увидишь...

— Но это не значитъ, что тамъ никого не будетъ. Понимаю.

— Ты подашь сигналъ. Знаешь ли, какой нужно подать сигналъ?

Гальмало надулъ щеки, повернулся лицомъ къ морю и закричалъ по-совиному. Крикъ этотъ раздался точно изъ ночной тьмы; сходство было поразительное.

— Хорошо,—проговорилъ старикъ,—я вижу, что ты молодецъ. Вотъ,—продолжалъ онъ, подавая Гальмало свою зеленую шелковую кокарду,—условный знакъ. Возьми его. Необходимо, чтобы покуда никто еще не зналъ моего имени. Но этой кокарды достаточно. Эта лилія вышита ея высочествомъ, сестрой короля, въ Тампльской тюрьмѣ.

Гальмало преклонилъ одно колѣно, принялъ съ священнымъ трепетомъ во всемъ тѣлѣ кокарду съ лиліей изъ рукъ старика и уже поднесъ, было, ее къ своимъ губамъ, потомъ, какъ бы самъ испугавшись своей дерзости, онъ спросилъ робкимъ голосомъ:

— Смѣю ли я приложиться къ ней?

— Да, ибо ты цѣлуешь то же распятіе.

Гальмало поцѣловалъ вышитую лилію, а старикъ произнесъ:

— Теперь встань.

Гальмало приподнялся съ земли и бережно спряталъ кокарду за пазуху.

— Ну, такъ слушай же хорошенько,—продолжалъ старикъ.— Вотъ пароль: «*Къ оружію! Не давать пощады!*» Итакъ, на опушкѣ Сентъ-Обенскаго лѣса ты трижды прокричишь этотъ пароль. При третьемъ возгласѣ ты увидишь человѣка, выходящаго какъ бы изъ-подъ земли.

— Изъ ямы подъ однимъ изъ деревьевъ,—знаю.

— Человѣкъ этотъ—Планшено; у него есть еще прозвище— «Королевское Сердце». Ты покажешь ему эту кокарду: онъ пойметъ. Затѣмъ ты направишься, какими ужъ самъ знаешь дорогами, къ Астильескому лѣсу. Тамъ ты встрѣтишь кривоногаго человѣка, не дающаго никому пощады. Прозвище ему Мускетонъ. Ты скажешь ему, что я ему кланяюсь и чтобы онъ поднялъ свои приходы. Затѣмъ ты направишься къ Кубонскому лѣсу, въ одной милѣ отъ Плоэрмеля. Ты крикнешь по-совиному; изъ углубленія выйдетъ человѣкъ: то будетъ г. Тюо, плоэрмельскій сенешалъ, бывшій членомъ такъ называемаго учредительнаго собранія, но стоявшій въ немъ за законность. Ты скажешь ему, чтобъ онъ вооружилъ Кубонскій замокъ, принадлежащій эмигрировавшему маркизу де-Геру. Ты найдешь тамъ рвы, перелѣски, неровную почву,—вообще очень удобную мѣстность. Г-нъ Тюо—человѣкъ прямой и умный. Дальше ты отправишься въ Сенъ-Гюэнъ-Летуа и разыщешь тамъ Жана Шуана, котораго я считаю настоящимъ предводителемъ. Послѣ того ты пойдешь въ Вилль-Англозскій лѣсъ, увидишь тамъ Гиттера, по прозванію Сенъ-Мартена, и скажешь ему, чтобъ онъ тщательно наблюдалъ за нѣкіимъ Курменилемъ, зятемъ старика Гупиля-де-Префельна, предводительствующимъ аржантонскими якобинцами. Запомни хорошенько все, что я тебѣ говорю. Я ничего не излагаю письменно: такъ-то оно будетъ вѣрнѣе. Ла-Руари

слишкомъ много писалъ и этимъ погубилъ все дѣло. Затѣмъ ты отправишься въ лѣсъ возлѣ Ружфё, гдѣ ты найдешь Мьелетта, перепрыгивающаго черезъ рвы съ помощью длиннаго шеста. Умѣешь ли ты пользоваться такимъ шестомъ?

— Еще бы! На то я и бретонецъ и крестьянинъ! Мы постоянно употребляемъ такіе шесты. Они увеличиваютъ наши руки и удлиняютъ наши ноги.

— Другими словами, они приближаютъ непріятеля и сокращаютъ путь. Хорошій снарядъ.

— Одинъ разъ мнѣ пришлось отбиваться при помощи такого шеста отъ трехъ соляныхъ приставовъ, вооруженныхъ саблями. Тому прошло уже десять лѣтъ.

— Значитъ, это было еще при королѣ?

— Да, конечно!

— Значитъ, ты оказывалъ сопротивленіе властямъ еще при королѣ? Кому же это ты сопротивлялся?

— А ей-Богу не знаю! Я провозилъ корчемную соль — вотъ и все. У насъ это называлось—оставлять съ носомъ соляныхъ приставовъ. Но вѣдь одно дѣло—пристава, другое дѣло—король.

— Ну, это разсужденіе не совсѣмъ вѣрно. Впрочемъ, тебѣ все равно этого не понять.

— Прошу извинить меня, ваше сіятельство, если я сболтнулъ что-нибудь лишнее.

— Это ничего не значитъ. Теперь дальше! Знакомъ ли тебѣ замокъ Тургъ?

— Еще бы не знакомъ! Я тамошній уроженецъ. Вѣдь я родился въ Паринье.

— Да, дѣйствительно, замокъ Тургъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ отъ Паринье.

— Знакомъ ли мнѣ Тургскій замокъ! Да вѣдь это родовой замокъ моихъ господъ! Старое зданіе отдѣляется отъ новаго толстыми желѣзными воротами, которыхъ и пушками не пробьешь. Въ новомъ замкѣ хранится знаменитая книга о св. Варѳоломеѣ, которую пріѣзжали смотрѣть издалека. А сколько тамъ лягушекъ! Ребенкомъ я часто, бывало, игралъ съ этими лягушками. Тамъ есть еще подземный ходъ; я его знаю. Быть-можетъ, не найдется другого человѣка, которому онъ былъ бы знакомъ.

— Какой подземный ходъ? Я не знаю, о чемъ ты говоришь.

— А онъ проложенъ еще очень давно, когда Тургскій замокъ подвергался осадамъ. Осажденные имѣли возможность въ случаѣ опасности спасаться черезъ подземный ходъ, выводившій ихъ въ лѣсъ.

— Дѣйствительно, подобные подземные ходы существуютъ въ Жюпельерскомъ замкѣ, а также въ Гюнодейскомъ и въ Шампеонской башнѣ; но ничего подобнаго нѣтъ въ Тургскомъ замкѣ.

— Извините меня, ваше сіятельство, мнѣ ничего неизвѣстно о тѣхъ ходахъ, о которыхъ вы изволите говорить; но я отлично знаю тургскій подземный ходъ, какъ мѣстный уроженецъ. Да къ тому же онъ извѣстенъ только мнѣ одному. О немъ не говорили,

потому что это было запрещено еще со временъ войнъ, веденныхъ его сіятельствомъ княземъ Рогономъ. Но отцу моему тайна эта была извѣстна, и онъ посвятилъ меня въ нее. Мнѣ извѣстенъ и потайной входъ и потайной выходъ; я могу попасть и изъ лѣсу въ башню и обратно — изъ башни въ лѣсъ, никѣмъ не будучи замѣченнымъ. А если непріятель вошелъ въ замокъ, нѣтъ ничего легче, какъ скрыться. Вотъ что такое Тургскій замокъ. Мнѣ ли его не знать!

— Ты, очевидно, ошибаешься, — проговорилъ старикъ послѣ минутнаго молчанія. — Если бы существовалъ такой секретъ, онъ былъ бы мнѣ извѣстенъ.

— Увѣряю васъ, ваше сіятельство, что я не ошибаюсь. Тамъ еще есть поворотный камень.

— Ну, разсказывай еще. Вы, мужики, вѣрите и въ поворотные, и въ поющіе камни, и въ камни, отправляющіеся по ночамъ на водопой къ сосѣднему ручью. Все это однѣ побасенки.

— Но я же вамъ говорю, что я самъ поворачивалъ этотъ камень.

— Точно такъ же, какъ другіе слушали его пѣніе! Товарищъ, Ла-Тургъ — крѣпкая и надежная цитадель, которую нетрудно защищать; но было бы наивно разсчитывать на подземный коридоръ для выхода изъ него.

— Но увѣряю же васъ, ваше сіятельство...

— Нечего терять попусту время,—перебилъ его старикъ.—Поговоримъ лучше о нашихъ дѣлахъ.

Этотъ рѣшительный тонъ заставилъ Гальмало замолчать. Старикъ продолжалъ:

— Итакъ, слушай дальше. Изъ Ружфё ты отправишься въ Моншевріерскій лѣсъ. Тамъ ты встрѣтишь Бенедикта, одного изъ двѣнадцати вождей. Это тоже малый не промахъ. Онъ читаетъ молитву въ то время, какъ по его приказанію разстрѣливаютъ людей. Вообще всякая сентиментальность въ военное время неумѣстна. Изъ Моншевріера ты отправишься...

Здѣсь онъ самъ себя прервалъ словами:

— Ахъ, да, я чуть было не забылъ о деньгахъ,—и вынувъ изъ кармана кошелекъ и бумажникъ, онъ отдалъ ихъ Гальмало и сказалъ:

— Вотъ, въ этомъ бумажникѣ тридцать тысячъ франковъ ассигнаціями, цѣна которыхъ всего три ливра и десять су. Правда, это ассигнаціи фальшивыя, но настоящія стоятъ немногимъ больше. А въ этомъ кошелькѣ, замѣть, сто червонцевъ. Я отдаю тебѣ все, что имѣю при себѣ. Мнѣ самому здѣсь больше ничего не нужно; да оно будетъ и лучше, если при мнѣ не найдутъ денегъ. Итакъ, я продолжаю: изъ Моншевріера ты отправишься въ Антренъ, гдѣ повидаешься съ г. Фроттэ; изъ Антрена — въ Ла-Жюпельеръ, гдѣ ты разыщешь г. Рашкотта; изъ Ла-Жюпельера — въ Нуарьё, гдѣ ты увидишь аббата Бодуэна. Будешь ли ты помнить все это?

— Какъ «Отче нашъ».

— Въ Сенъ-Брисъ-анъ-Коглѣ ты повидаешься съ г. Дюбуа-Гюи, съ г. Тюрпеномъ, — въ Моранне. Знаешь это укрѣпленное мѣсто? Съ княземъ Тальмономъ—въ Шато-Гонтье.

— Развѣ станетъ со мной князь разговаривать?

— Да вѣдь я же съ тобой говорю.

Гальмало поспѣшно снялъ съ головы шляпу.

— Всѣ тебѣ окажутъ самый лучшій пріемъ при видѣ этой вышитой золотой лиліи. Не забывай, что тебѣ придется бывать въ мѣстностяхъ, гдѣ ты встрѣтишь горцевъ и простую деревенщину. Тебѣ будетъ нужно переодѣться, — это нетрудно будетъ сдѣлать. Эти республиканцы до того глупы, что съ синимъ мундиромъ, съ треугольной шляпой и съ трехцвѣтной кокардой можно будетъ всюду пройти. Теперь нѣтъ никакихъ отличій по полкамъ, послѣдніе даже не перенумерованы; всякій надѣваетъ на себя тѣ лохмотья, которыя ему заблагоразсудится. Ты отправишься въ Сенъ-Мервэ и повидаешься тамъ съ Голье, по прозванію Гранъ-Пьеромъ. Далѣе ты отправишься въ Парнейскій лагерь, гдѣ ты увидишь людей съ выпачканными сажей лицами. Они заряжаютъ свои ружья мелкими камнями и двойнымъ зарядомъ пороха, чтобы производить возможно больше шума, — и прекрасно дѣлаютъ. Ты имъ скажешь, чтобъ они убивали, убивали и убивали. Затѣмъ ты пойдешь въ стоянку Черная-Корова, находящуюся на возвышенности, посреди Шарнейскаго лѣса, затѣмъ въ Авуанскую стоянку, затѣмъ въ Зеленый лагерь, затѣмъ въ Муравьиный лагерь. Ты отправишься потомъ въ Гранъ-Бордажъ, называемый также Годе-Пре; тамъ живетъ вдова, на дочери которой женатъ Третонъ, по прозванію «англичанинъ». Гранъ-Бордажъ находится въ Келэнскомъ приходѣ. Ты побываешь у Эпинэ-ле-Шеврейля, у Силле-Гильома, у Паранна, и вообще у всѣхъ предводителей, скрывающихся въ лѣсахъ. Ты встрѣтишь друзей и скажешь имъ, чтобъ они отправлялись на Верхній и Нижній Мэнъ; въ Вэгскомъ приходѣ ты увидишь Жана Третона, въ Биньонѣ — Санъ-Регрэ, въ Бомшанѣ — Шамбору, въ Мезонселлѣ — братьевъ Корбенъ, и въ Сенъ-Жанъ-сюръ-Эрвэ — Пети-Санъ-Пёра, называющагося также Бурдуазо. Совершивъ все это и разнеся повсюду пароль — «къ оружію, не давать пощады», — ты присоединишься къ великой арміи, арміи католической и королевской, въ томъ, мѣстѣ, гдѣ она будетъ въ то время находиться. Ты увидишь де-Лескюра, д'Эльбе, Ла-Рошжаклена,— словомъ, тѣхъ предводителей, которые къ тому времени будутъ въ живыхъ. Ты покажешь имъ переданную мною кокарду; имъ уже извѣстно, что̀ это будетъ означать. Ты, правда, простой матросъ, но Кателино — простой извозчикъ. Ты скажешь имъ отъ моего имени слѣдующее: «Пора вести обѣ войны одновременно—и большую и малую. Большая производитъ больше шума, малая скорѣе приводитъ къ цѣли. Вандейская война хороша, Шуанская значительно хуже, но въ междоусобной борьбѣ худшій способъ веденія войны дѣлается лучшимъ. Польза войны оцѣнивается, судя по количеству причиняемаго ею зла».

— Гальмало, — продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія,— я тебѣ говорю все это, зная, что ты не понимаешь словъ, но понимаешь дѣло. Ты внушилъ мнѣ довѣріе тѣмъ, какъ ты управлялъ лодкой; не зная геометріи, ты маневрировалъ на морѣ, съ

величайшей точностью; тотъ, кто умѣетъ управлять лодкой, можетъ управлять и возстаніемъ; судя по тому, какъ ты справлялся съ кознями моря, я заключаю, что ты успѣшно справишься со всѣми моими порученіями. Итакъ, я продолжаю. Ты, значитъ, скажешь вождямъ, хотя бы и своими словами, но приблизительно слѣдующее: «Я предпочитаю войну въ лѣсахъ войнѣ въ открытомъ полѣ; я вовсе не намѣренъ подставлять сто тысячъ крестьянъ подъ картечь синемундирниковъ и подъ ядра господина Карно; но я желаю, чтобы по прошествіи мѣсяца въ лѣсахъ сидѣли и лежали въ засадѣ пятьсотъ тысячъ истребителей. Республиканская армія, это—дичь; малая война—та же охота. Я—стратегъ кустарниковъ». Впрочемъ, это слово ты опять-таки не поймешь. Но это все равно; зато ты хорошо поймешь слѣдующее: «Не давать пощады!» «Всюду устраивать засаду». «Побольше шуанства и поменьше вандейства!» Ты можешь также прибавить, что англичане за насъ, что мы желаемъ поставить республику между двухъ огней, что Европа намъ поможетъ, что нужно разъ навсегда покончить съ революціей. Монархи ведутъ противъ нея войну регулярную, мы будемъ вести войну партизанскую. Вотъ что ты скажешь. Хорошо ли ты понялъ меня?

— Да, хорошо. Нужно пройтись по всей странѣ огнемъ и мечомъ, не слѣдуетъ давать пощады никому.

— Такъ, такъ,—одобрительно кивалъ старикъ головою.

— Я побываю вездѣ, гдѣ вы приказывали.

— Но только будь остороженъ. Въ этихъ мѣстахъ смерть стережетъ человѣка изъ-за каждаго куста.

— Смерти я не боюсь. Часто младенецъ, ступающій первый шагъ, изнашиваетъ послѣдніе свои башмаки.

— Да ты, я вижу, молодецъ!

— А если меня станутъ спрашивать объ имени вашего сіятельства?

— Покуда оно никому не должно быть извѣстно. Ты отвѣтишь, что ты его не знаешь, и это будетъ правда.

— А гдѣ я васъ снова увижу, ваше сіятельство?

— Тамъ, гдѣ я буду.

— А почемъ же я узнаю, гдѣ вы будете находиться?

— Это будетъ извѣстно всѣмъ и каждому. Не пройдетъ и недѣли, какъ обо мнѣ всѣ заговорятъ. Я скоро дамъ о себѣ знать, я отомщу за короля и за религію, и ты сразу поймешь, что говорятъ именно обо мнѣ

— Понимаю.

— Смотри же, ничего не забудь.

— Будьте спокойны.

— А теперь отправляйся въ путь. Да хранитъ тебя Господь. Ступай.

— Я исполню все, что вы мнѣ велѣли. Я пойду, буду говорить, буду повиноваться, буду приказывать.

— Отлично!

— И если я успѣшно исполню возложенное на меня порученіе...

— Тогда я сдѣлаю тебя кавалеромъ ордена св. Людовика.

— Какъ моего брата. А если не исполню, то вы велите меня разстрѣлять?

— Да, точно такъ же, какъ и твоего брата.

— Понимаю, ваше сіятельство.

Старикъ наклонилъ голову и, казалось, впалъ въ глубокую задумчивость. Когда онъ снова поднялъ глаза, онъ былъ одинъ, и Гальмало виднѣлся лишь въ видѣ черной точки на далекомъ горизонтѣ.

Солнце только что сѣло. Чайки и птицы-рыболовы возвращались домой изъ своихъ экскурсій по морю. Въ природѣ ощущалась та смутная тревога, которая предшествуетъ наступленію ночи. Лягушки квакали, кулики, посвистывая, вылетали изъ лужъ, жаворонки, грачи, жужелицы суетливо носились туда и сюда; перекликались прибрежныя птицы, но ни одинъ звукъ не изобличалъ присутствія человѣка. Всюду царило глубокое молчаніе. Въ заливѣ не видно было ни единаго паруса, въ полѣ— ни единаго поселянина. Повсюду, куда только хваталъ глазъ, была мертвая пустыня. Росшій въ пескѣ чертополохъ дрожалъ отъ ночного вѣтра. На морской берегъ падалъ сверху блѣдный свѣтъ сумерекъ. Вдали, въ темной равнинѣ, сверкала слабымъ блескомъ вода озеръ, напоминая собою какъ бы большіе оловянные листы, разложенные по землѣ. Вѣтеръ дулъ съ моря.

Книга четвертая.—ТЕЛЬМАРКЪ.

I.

Вершина дюны.

Старикъ постоялъ на мѣстѣ, пока Гальмало не скрылся изъ вида, потомъ укутался плотнѣе въ свой плащъ и пошелъ медленными шагами, съ задумчивымъ видомъ. Онъ двинулся по направленію къ Гюину, между тѣмъ какъ Гальмало шелъ къ Бовуару.

Позади него возвышалась, въ видѣ громаднаго треугольника, гора Сенъ-Мишель, съ вершиной, похожей на митру, съ укрѣпленіями, похожими на латы, съ двумя большими башнями—одной круглой, другой четырехугольной, какъ бы помогавшими горѣ нести на себѣ двойную тяжесть церкви и селенія. Своего рода Хеопсова пирамида на океанѣ.

Сыпучій песокъ бухты близъ Сенъ-Мишельской горы постоянно измѣняетъ профиль дюнъ. Въ тѣ времена между Гюиномъ и Ардвономъ была очень высокая дюна, нынѣ совсѣмъ сравнявшаяся съ побережьемъ. Дюна эта, нивелированная съ теченіемъ времени ураганомъ, была очень древняго происхожденія, и на вершинѣ ея стоялъ милевый столбъ, водруженный здѣсь въ двѣнадцатомъ столѣтіи, въ воспоминаніе о собравшемся въ Авраншѣ соборѣ по поводу убіенія св. Ѳомы Кентерберійскаго. Съ вершины этой дюны разстилался широкій горизонтъ и нетрудно было оріентироваться.

Старикъ направился къ этой дюнѣ и взобрался на нее. Дойдя до верхушки, онъ, обратившись спиною къ милевому столбу, сѣлъ на одну изъ четырехъ тумбъ, стоявшихъ по четыремъ угламъ его, и, такъ сказать, сталъ изучать разстилавшуюся у ногъ его географическую карту. Онъ, казалось, отыскивалъ дорогу въ хорошо извѣстной ему мѣстности. На этомъ обширномъ горизонтѣ, слегка подернутомъ надвигавшимися сумерками, земля вдали узкой черной полоской отдѣлялась отъ бѣлесоватаго неба. Можно было различить на немъ группы крышъ одиннадцати мѣстечекъ и селеній; на разстояніи нѣсколькихъ миль вдоль побережья виднѣлось нѣсколько колоколенъ, которыя въ этихъ мѣстахъ нарочно строятся очень высоко, чтобы замѣнять какъ бы маяки для мореплавателей.

По прошествіи нѣсколькихъ мгновеній старикъ, казалось, нашелъ въ сумеркахъ то, чего онъ искалъ. Взоръ его остановился на группѣ деревьевъ, стѣнъ и крышъ, едва виднѣвшейся въ долинѣ и похожей на мызу. Онъ одобрительно кивнулъ головою, какъ бы желая сказать: «да, да, здѣсь»; затѣмъ онъ сталъ водить пальцемъ по воздуху, какъ бы намѣчая себѣ путь черезъ поля и заборы. По временамъ онъ всматривался во что-то такое съ неяс-

ными очертаніями, двигавшееся надъ крышей главнаго зданія мызы, какъ бы спрашивая себя: «что бы это такое могло быть?» Но въ виду поздняго времени онъ не могъ ясно различить этотъ предметъ. То не былъ флюгеръ, потому что онъ развѣвался, а съ другой стороны, это не похоже было и на флагъ.

Старикъ, видимо, усталъ; съ удовольствіемъ отдыхалъ онъ на тумбѣ, на которой усѣлся, и впалъ въ то смутное забытье, въ которое обыкновенно впадаютъ очень уставшіе люди въ первыя минуты отдыха.

На дню бываютъ часы безмолвія и тишины: то часы вечерніе. Какъ разъ былъ такой часъ. Старикъ наслаждался имъ, смотрѣлъ, слушалъ,—что?—безмолвіе. Даже самые сильные характеры подвержены припадкамъ меланхоліи. Вдругъ эту тишину не то чтобы нарушили, а, такъ сказать, подчеркнули какіе-то голоса. То были голоса женскіе и дѣтскіе. Въ сумеркахъ порою раздается точно какой-то веселый трезвонъ. Изъ-за кустарника не видно было группы, изъ среды которой доносились эти голоса; но по звуку послѣднихъ можно было заключить, что эти люди проходили у подножія дюны, направляясь къ равнинѣ и лѣсу. Эти чистые и свѣжіе голоса доносились до старика съ такою отчетливостью, что онъ не проронилъ ни единаго слова.

— Нужно торопиться, кума Флешаръ,—говорилъ одинъ женскій голосъ.—Сюда, что ли?

— Нѣтъ, вонъ туда,—отвѣчалъ другой.

И затѣмъ діалогъ продолжался между обоими голосами, однимъ—громкимъ, другимъ—робкимъ.

— А какъ называется та мыза, на которой мы теперь живемъ?

— Эрбъ-анъ-Пайль.

— А она еще далеко отсюда?

— Да побольше четверти часа ходьбы.

— Нужно поторопиться. Я что-то сильно проголодалась.

— Да, да, мы порядкомъ-таки запоздали.

— Намъ лучше всего было пуститься бѣгомъ. Но ребятишки ваши устали. Насъ только двѣ, и мы не можемъ тащить на рукахъ троихъ дѣтей. Да къ тому же вы и безъ того уже тащите одного, кума Флешаръ. А вѣдь эта малютка у васъ не легонькая. Вы отняли отъ груди эту свою обжору, а между тѣмъ все еще таскаете ее на рукахъ. Зачѣмъ вы ее такъ балуете? Пусть ее себѣ пробѣжится. А то у васъ супъ остынетъ.

— Какіе славные башмаки вы мнѣ дали! Точно на заказъ сшиты по моей ногѣ.

— Еще бы! Не босикомъ же вамъ бѣгать! Ну, торопись, торопись, Рене-Жанъ.

— Да, онъ-то насъ и задержалъ. Ему нужно непремѣнно болтать со всѣми встрѣчными крестьянскими дѣвочками. Не угодно ли! Отъ земли не видать, а ужъ начинаетъ ухаживать.

— Года его уже такіе. Вѣдь ему пятый годъ на исходѣ.

— Скажи-ка, Рене-Жанъ, о чемъ тебѣ нужно было болтать съ этой дѣвчонкой въ деревнѣ?

— Она моя знакомая,—отвѣтилъ дѣтскій голосъ, очевидно, голосъ мальчика.

— Откуда же ты ее знаешь?—продолжала женщина.

— Знаю,—отвѣтилъ мальчикъ:—она подарила мнѣ сегодня такихъ хорошенькихъ звѣрьковъ!

— Скажите на милость!—воскликнула женщина. Мы въ этихъ мѣстахъ всего третій день, этого мальчугана отъ земли не видать, а ужъ успѣлъ обзавестись знакомствами.

Голоса удалились. Настало молчаніе.

II.

Aures habet, et non audit [1]).

Старикъ оставался сидѣть неподвижно. Онъ ни о чемъ не думалъ, да и едва ли что-нибудь соображалъ. Вокругъ него все было ясно, тихо, все дремало въ довѣрчивомъ снѣ. На вершинѣ дюны было еще свѣтло, но въ долинѣ были сумерки, а въ лѣсу было совсѣмъ темно. На востокѣ поднималась луна, а въ зенитѣ мерцало нѣсколько звѣздъ. Этотъ человѣкъ, хотя и сильно озабоченный, очевидно, отдыхалъ среди ночной тишины и спокойствія. Въ душѣ его брезжилась заря надежды, если только слово «надежда» примѣнимо къ ожиданію ужасовъ междоусобной войны. Въ настоящую минуту ему казалось, что, покинувъ столь суровое для него море и ступивъ на землю, онъ избѣгъ всякой опасности. Никому неизвѣстно было его имя, онъ былъ одинокъ, слѣдъ его пропалъ для непріятеля, такъ какъ на морской поверхности не остается никакихъ слѣдовъ. Никто даже не подозрѣвалъ о пребываніи его въ этихъ мѣстностяхъ. Имъ овладѣло чувство полнаго успокоенія. Еще немного—и онъ бы заснулъ.

Въ глазахъ этого человѣка, жертвы столькихъ бурь, и внѣшнихъ и внутреннихъ, эти переживаемыя имъ минуты покоя получали особую прелесть, въ виду полной и безусловной тишины какъ на небѣ, такъ и на землѣ. Только и слышно было, что отдаленное гудѣніе морского вѣтра; но къ этому гулу обыкновенно до такой степени привыкаютъ, что перестаютъ обращать на него вниманіе.

Вдругъ онъ поднялся. Вниманіе его было внезапно пробуждено; онъ сталъ пристально и внимательно всматриваться въ горизонтъ. Взоры его были обращены на Кормерейскую колокольню, возвышавшуюся передъ нимъ изъ глубины долины. На этой колокольнѣ, дѣйствительно, творилось что-то необыкновенное.

Силуэтъ ея ясно вырисовывался на небѣ. Возлѣ церкви пирамидальной формы возвышалась четырехугольная, сквозная, безъ навѣсовъ, открытая со всѣхъ четырехъ сторонъ, согласно бретонскому обычаю, башня. Но,—странное дѣло!—клѣтка этой башни, казалось, то открывалась, то закрывалась; черезъ извѣстные промежутки высокое окно его являлось то бѣлымъ, то чернымъ пятномъ; сквозь нее то просвѣчивало небо, то не просвѣчивало, то

---

[1]) Имѣетъ уши, но не слышитъ.

свѣтлѣло, то темнѣло; и этотъ свѣтъ и эта тѣнь каждую секунду чередовались между собою съ правильностью молота, опускающагося на наковальню.

Эта Кормерейская колокольня возвышалась на разстояніи приблизительно двухъ миль отъ старика. Направо отъ нея, приблизительно на такомъ же разстояніи, возвышалась другая колокольня, Баже-Пиканская. Прорубъ ея то закрывался, то открывался, точно такъ же, какъ и на Кормерейской башнѣ. Онъ взглянулъ влѣво, по направленію къ Танису: то же самое явленіе замѣчалось и на Танисской колокольнѣ. Онъ сталъ поочередно вглядываться во всѣ окрестныя колокольни: налѣво—въ Куртильскую, Пресейскую, Кроллонскую и Авраншенскую; направо—въ Куэнонскую, Мордрейскую и Пасскую, прямо противъ него—въ Понторсонскую. Прорубъ всѣхъ этихъ колоколенъ поочередно являлся то свѣтлымъ, то темнымъ.

Что бы это могло означать? А то, что во всѣ колокола этихъ колоколенъ звонили. Будучи сильно раскачаны, они то появлялись, то снова скрывались. Но что же это былъ за звонъ? Очевидно, набатъ.

Ударяли въ набатъ, ударяли въ него неистово, повсемѣстно, во всѣхъ селеніяхъ, приходахъ, на всѣхъ колокольняхъ.

А между тѣмъ ничего не было слышно. Объяснялось это дальностью разстоянія и тѣмъ, что вѣтеръ дулъ съ моря и относилъ звуки колоколовъ въ противоположную сторону. Странное и непріятное впечатлѣніе производили эти сильно качавшіеся колокола и въ то же время это мертвое молчаніе.

Старикъ всматривался и вслушивался. Онъ не слышалъ набата, но онъ его видѣлъ. Видѣть набатъ, это—довольно странное ощущеніе.

Кого же, однако, сзывали эти колокола? Противъ кого былъ этотъ набатъ?

III.

Польза крупныхъ буквъ.

Очевидно, кого-нибудь преслѣдовали. Но кого?

Этотъ точно вылитый изъ стали человѣкъ задрожалъ. А между тѣмъ не могли же эти колокола призывать къ травлѣ на него. Не могли же узнать такъ скоро делегаты Конвента объ его прибытіи; вѣдь онъ только что ступилъ на берегъ. Весь экипажъ корвета, конечно, погибъ до единаго человѣка; да къ тому же никому на корветѣ, за исключеніемъ Буабертло и Ла-Вьёвилля, не было извѣстно настоящее его имя.

Колокола продолжали неистово гудѣть. Онъ машинально началъ пересчитывать ихъ и смотрѣть на нихъ, и мысли его, переходя отъ одного предположенія къ другому, стали колебаться между сознаніемъ полной безопасности и смутнымъ опасеніемъ какой-то неизвѣстной бѣды. Однако, этотъ набатъ, въ концѣ-концовъ, могъ быть объясненъ самымъ естественнымъ образомъ, и онъ окончательно успокоился, сказавъ себѣ: «Да вѣдь, нако-

нецъ, никому неизвѣстно о моемъ прибытіи и никому неизвѣстно мое имя».

По прошествіи нѣсколькихъ секундъ онъ услышалъ легкій шелестъ позади себя и надъ своей головой, похожій на шелестъ колеблемой вѣтромъ листвы. Сначала онъ не обратилъ на него никакого вниманія; но такъ какъ шелестъ этотъ продолжался, то онъ, въ концѣ-концовъ, повернулъ голову. Это, дѣйствительно, оказался листъ, но только листъ бумаги. Вѣтеръ наполовину сорвалъ прикрѣпленную надъ самой его головой къ милевому столбу большую афишу. Она, очевидно, была приклеена здѣсь лишь очень недавно, такъ какъ она была еще очень сыра и шелестила подъ порывами вѣтра. Старикъ взобрался на дюну съ противоположной стороны и потому сначала не замѣтилъ этой афиши.

Онъ всталъ ногами на тумбу, на которой сидѣлъ, и началъ придерживать рукою отрываемый вѣтромъ уголъ афиши. Небо было ясное, а въ іюнѣ мѣсяцѣ сумерки продолжаются долго; внизу, подъ дюной, было уже темно, но на вершинѣ ея еще достаточно свѣтло. Афиша была отпечатана настолько крупными буквами, что нетрудно было разобрать ихъ. Вотъ что онъ прочелъ:

«*Французская республика, единая и нераздѣльная.*

«Мы, Пріэръ, депутатъ Марнскаго департамента, находящійся при войскахъ Шербургскаго отряда, симъ предписываемъ: Бывшій маркизъ Лантенакъ, виконтъ Фонтенэ, именующій себя бретонскимъ княземъ, воровскимъ образомъ высадившійся на берегъ близъ Гранвилля, симъ объявляется внѣ закона.—За его голову назначается награда.—Тому, кто доставитъ его живымъ или мертвымъ, будетъ выплачено шестьдесятъ тысячъ ливровъ.—Сумма эта будетъ выплачена не ассигнаціями, а золотомъ.—Одинъ батальонъ Шербургскаго отряда немедленно будетъ отправленъ въ поиски за названнымъ бывшимъ маркизомъ Лантенакомъ.—Мѣстное населеніе приглашается оказывать батальону всяческое содѣйствіе.—Гранвилльскій общинный домъ, 2 іюня 1793 года». — Подписано: «*Пріэръ*, **марнскій депутатъ**».

Подъ этою подписью была другая, написанная гораздо болѣе мелкими буквами, но ее невозможно было разобрать въ виду все болѣе и болѣе сгущавшейся темноты.

Старикъ нахлобучилъ шляпу на глаза, застегнулъ свой капюшонъ подъ самымъ подбородкомъ и быстрыми шагами спустился съ дюны. Онъ, очевидно, нашелъ, что ему не зачѣмъ оставаться на этомъ ярко-освѣщенномъ пунктѣ. Быть-можетъ, онъ и безъ того просидѣлъ здѣсь слишкомъ долго, такъ какъ верхушка дюны была единственнымъ пунктомъ во всей окрестности, остававшимся въ яркомъ освѣщеніи.

Спустившись съ дюны и очутившись въ темнотѣ, онъ замедлилъ шагъ. Слѣдуя составленному имъ еще на вершинѣ дюны маршруту, онъ направился къ мызѣ, имѣя, по всей вѣроятности, основаніе надѣяться, что тамъ онъ будетъ въ безопасности.

Кругомъ все было пустынно. Въ этотъ часъ и въ болѣе населенныхъ мѣстностяхъ встрѣчается мало прохожихъ. Позади одно-

го куста онъ остановился, скинулъ съ себя плащъ, вывернулъ свою куртку шерстью вверхъ, надѣлъ опять свой плащъ изъ грубой матеріи, завязалъ его подъ подбородкомъ веревочкой и снова пустился въ путь, пользуясь луннымъ свѣтомъ.

Онъ дошелъ до перекрестка, возлѣ котораго стоялъ старый каменный крестъ. На подножіи креста можно было различить какой-то бѣлый четырехугольникъ, повидимому, такую же афишу, какъ и та, которую онъ только что прочиталъ. Онъ направился къ кресту.

— Куда вы идете?—окликнулъ его чей-то голосъ.

Онъ обернулся. Изъ-за изгороди поднялась фигура какого-то человѣка, такого же высокаго роста, какъ и онъ самъ, такого же стараго и сѣдовласаго, какъ и онъ, въ еще болѣе изодранныхъ лохмотьяхъ,—словомъ, двойникъ его, да и только. Человѣкъ этотъ опирался на палку.

— Позвольте васъ спросить, куда вы идете?—продолжалъ незнакомецъ.

— Сначала вы мнѣ сами скажите, гдѣ это я?—проговорилъ старикъ съ почти надменнымъ спокойствіемъ.

— Вы въ Танисскомъ помѣстьи,—отвѣтилъ незнакомецъ.—Я здѣшній нищій, а вы здѣшній помѣщикъ.

— Я?

— Такъ точно, г. маркизъ Лантенакъ

IV.

Попрошайка.

Маркизъ Лантенакъ, съ этихъ поръ мы такъ и будемъ его называть, серьезно отвѣтилъ:

— Вѣрно! Значитъ, вы можете меня выдать.

— Мы оба здѣсь у себя дома,—продолжалъ неизвѣстный,—вы—въ замкѣ, я—въ кустахъ

— Не въ томъ дѣло! Кончайте, выдавайте меня,—перебилъ его маркизъ.

— Вы пробирались къ мызѣ, не такъ ли?—спросилъ незнакомецъ.—Не ходите туда.

— Почему?

— Потому, что тамъ уже вотъ три дня какъ объявились синіе мундиры.

— Какъ? Ну и что же, обитатели мызы и хутора оказали имъ сопротивленіе?

— Нѣтъ, они отворили имъ ворота.

— Вотъ какъ!—процѣдилъ маркизъ сквозь зубы.

— Видите ли вы эту крышу, г. маркизъ?—спросилъ незнакомецъ, указывая пальцемъ на крышу, возвышавшуюся на нѣкоторомъ разстояніи изъ-за деревьевъ.—Видите ли вы что-нибудь надъ этой крышсй?

— Вижу флагъ.

— Да. Трехцвѣтный,—прибавилъ незнакомецъ.

Это былъ тотъ самый предметъ, который обратилъ на себя вниманіе маркиза, когда тотъ стоялъ на вершинѣ дюны.

— А мнѣ также показалось, что били въ набатъ,— продолжалъ маркизъ.—По какому поводу?

— Да по какому же еще, какъ не по поводу васъ!

— Но теперь его уже не слышно.

— Пому что вѣтеръ относитъ звукъ,—отвѣтилъ незнакомецъ.— А читали ли вы касающуюся васъ афишу? Знаете ли вы, что васъ разыскиваютъ?—и бросивъ взглядъ по направленію къ мызѣ, онъ прибавилъ:—Тамъ цѣлый полубатальонъ республиканцевъ-парижанъ.

— Ну, такъ идемъ же туда,—сказалъ маркизъ и сдѣлалъ шагъ по направленію къ мызѣ.

— Ради Бога, не ходите туда,—проговорилъ незнакомецъ, хватая его за руку.

— А куда же мнѣ итти?

— Да хотя бы ко мнѣ.

Маркизъ пристально взглянулъ на нищаго.

— Послушайте, г. маркизъ, у меня вы не найдете удобствъ, но найдете безопасность. Хижина моя не выше погреба. Вмѣсто постели—охапка водорослей, вмѣсто потолка—плетенка изъ вѣтвей и травы. Но все равно, идемте. На мызѣ васъ разстрѣляютъ; у меня же вы, по крайней мѣрѣ, уснете. Вы, должно-быть, сильно устали. А завтра утромъ синіе мундиры уйдутъ, и вы вольны будете отправиться, куда вамъ заблагоразсудится.

— Но чью же сторону вы держите?—спросилъ маркизъ, пристально глядя на нищаго.—Кто вы такой? Республиканецъ? Роялистъ?

— Я—бѣднякъ.

— Ни роялистъ ни республиканецъ?

— Кажется, ни то ни другое.

— Но все-таки, что же вы—за или противъ короля?

— У меня нѣтъ времени этимъ заниматься.

— Но что же вы думаете о всѣхъ послѣднихъ событіяхъ?

— Я думаю только о томъ, какъ бы прокормиться.

— Однакоже вы вызываетесь мнѣ помочь?

— Я узналъ, что васъ поставили внѣ защиты закона. Что такое послѣ этого законъ? Какъ можно стоять внѣ закона? Я этого не понимаю. Впрочемъ, и я, пожалуй, стою внѣ закона. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, это неизвѣстно. Развѣ умирать съ голоду значитъ стоять въ предѣлахъ закона?

— А давно ли вамъ приходится умирать съ голоду?

— Съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню.

— И въ то же время вы вызываетесь меня спасти? Съ какой стати?

— Потому, что я сказалъ себѣ: вотъ еще болѣе несчастный человѣкъ, чѣмъ я. Я, по крайней мѣрѣ, имѣю право дышать, а онъ и этого права не имѣетъ.

— Это вѣрно! И вы рѣшились меня спасти?

— Безъ сомнѣнія! Теперь вѣдь мы братья, ваше сіятельство. Я прошу хлѣба, вы просите жизни. Мы оба—нищіе.

— Но извѣстно ли вамъ, что за мою голову назначена награда?

— Извѣстно.

— Почему же вамъ это извѣстно?

— Потому, что я прочелъ объявленіе.

— Вы, значитъ, умѣете читать?

— Да, и писать также. Съ какой стати мнѣ быть скотиной?

— Ну, если вы умѣете читать и прочли объявленіе, то вамъ должно быть извѣстно, что человѣкъ, который выдастъ меня, получитъ въ награду шестьдесятъ тысячъ франковъ.

— Да, знаю, и вдобавокъ еще золотомъ, а не ассигнаціями

— Вѣдь шестьдесятъ тысячъ франковъ, это—цѣлое состояніе. Значитъ, вы могли бы составить себѣ состояніе.

— Ну, такъ что же? Я объ этомъ подумалъ. Увидѣвъ васъ, я сказалъ самъ себѣ: какъ подумаешь,—человѣкъ, выдавши этого старика, получитъ шестьдесятъ тысячъ франковъ и составитъ себѣ состояніе! Поторопимся укрыть его.

Маркизъ пошелъ слѣдомъ за нищимъ. Они вошли въ чащу, въ которой была скрыта берлога нищаго. Это было не что иное, какъ отверстіе подъ старымъ дубомъ; оно было вырыто подъ корнями дерева и прикрыто сучьями. Оно было низко, темно, незамѣтно для глаза. Въ немъ было мѣсто для двоихъ.

— Я предвидѣлъ, что мнѣ, быть-можетъ, придется принимать у себя гостя,—замѣтилъ нищій.

Такого рода подземныя жилища встрѣчаются въ Бретани чаще, чѣмъ многіе думаютъ, равно какъ и ниши, продѣланныя въ толстыхъ стѣнахъ. Вмѣсто всякой меблировки въ нихъ бываетъ лишь связка соломы или промытыхъ и высушенныхъ морскихъ водорослей, толстое одѣяло изъ каразеи, нѣсколько горшковъ, сальный огарокъ, огниво и связка лучинъ.

Они нагнулись, проползли нѣкоторое разстояніе и очутились въ подземельѣ, раздѣленномъ толстыми корнями какъ бы на нѣсколько отдѣленій: здѣсь они усѣлись на мѣшкѣ, набитомъ сухими водорослями и замѣнявшемъ постель. Сквозь образуемое двумя корнями отверстіе, замѣнявшемъ въ одно и то же время и дверь и окно, проникалъ нѣкоторый свѣтъ. Правда, уже наступила ночь, но глазъ привыкаетъ даже къ самому слабому проблеску свѣта. Бѣлесоватый свѣтъ луны падалъ на это отверстіе. Въ одномъ углу стояла кружка воды и лежали маисовая лепешка и горсть-другая каштановъ.

— Что же, поужинаемъ?—пригласилъ нищій своего гостя.

Они по-братски раздѣлили каштаны, маркизъ далъ нищему кусокъ своего сухаря, они откусили по куску отъ той же краюхи чернаго хлѣба и поочередно хлебнули изъ кувшина съ водой. Затѣмъ они принялись разговаривать. Маркизъ сталъ разсматривать новаго своего знакомца.

— Значитъ, что бы ни случилось—для васъ совершенно все равно?

— Да, болѣе или менѣе. Ваше дѣло другое, вы—господа. Это дѣло господское.

— Но наконецъ же то, что творится кругомъ...

— Не нашего это ума дѣло,—перебилъ его нищій,—это творится наверху, надъ нашими головами. Еще выше творится и многое другое: солнце восходитъ, луна прибываетъ и убываетъ. Вотъ это все меня интересуетъ.

Онъ глотнулъ изъ кувшина и сказалъ:

— Какая славная, свѣжая вода!

Затѣмъ онъ прибавилъ:

— Какъ вы находите эту воду, ваше сіятельство?

— А какъ ваше имя?—спросилъ, въ свою очередь, маркизъ, не отвѣчая на его вопросъ...

— Мое имя—Тельмаркъ, а мое прозвище—Попрошайка или Нищій. Меня прозвали также «Старикомъ». Да, вотъ уже сорокъ лѣтъ, какъ меня зовутъ «Старикомъ»,—прибавилъ онъ.

— Сорокъ лѣтъ! Да въ то время вы были молоды!

— Я никогда не былъ молодъ. Вы же, г. маркизъ, всегда остаетесь молодымъ. У васъ такіе же прыткіе ноги, какъ у двадцатилѣтняго юноши; вы безъ труда взбираетесь на высокую дюну. Мои же ноги совершенно отказываются служить мнѣ; пройдя съ четверть мили, я уже чувствую усталость. Мы, однако, приблизительно однихъ лѣтъ съ вами. Но богатые люди имѣютъ за собою то преимущество, что они ѣдятъ каждый день. А хорошая ѣда сохраняетъ человѣка,

Помолчавъ немного, нищій продолжалъ:

— Вотъ что ужасно, что есть богатые и бѣдные. Это-то и вызываетъ катастрофы. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, такъ кажется. Бѣдные желаютъ быть богатыми, богатые не желаютъ становиться бѣдными. Вотъ въ этомъ-то и вся суть. Я, впрочемъ, въ это дѣло не вмѣшиваюсь; событія идутъ своимъ чередомъ. Я не стою ни за кредитора ни за должника. Я знаю, что существуетъ долгъ и что нужно заплатить по этому долгу. Вотъ и все. Я предпочелъ бы, чтобы они не убивали короля, хотя я и самъ не могъ бы хорошенько сказать, почему бы я этого желалъ. На это мнѣ отвѣчаютъ: «А какъ же въ прежнія времена вздергивали людей на деревья ни за что ни про что». Вотъ видите ли, я собственными глазами видѣлъ, какъ за несчастный выстрѣлъ изъ ружья, сдѣланный по королевской лани, повѣсили человѣка, у котораго была жена и семь человѣкъ дѣтей. Нечего и говорить—неправы и тѣ и другіе.

Онъ опять помолчалъ и затѣмъ продолжалъ:

— Впрочемъ, какъ я уже сказалъ вамъ, я въ эти дѣла не мѣшаюсь. Что-то такое творится, всѣ суетятся. Я гляжу на звѣзды и молчу.

Тельмаркъ опять задумался на минуту и затѣмъ прибавилъ:

— Я немножко костоправъ, немножко врачъ, я знакомъ съ разными травами, извлекаю пользу изъ всякихъ растеній, крестьяне часто видятъ меня разсматривающимъ то, что, по ихъ мнѣ-

нію, не заслуживаетъ вниманія, и всему этому я обязанъ репутаціей колдуна. Я размышляю, а они воображаютъ, что, значитъ, я знаю.

— Вы здѣшній уроженецъ?—спросилъ маркизъ.

— Я никогда не уходилъ изъ этихъ окрестностей.

— И вы меня знаете?

— Безъ сомнѣнія. Въ послѣдній разъ я видѣлъ васъ въ послѣдній вашъ пріѣздъ, два года тому назадъ. Тогда вы отправились отсюда въ Англію. Только что я замѣтилъ какого-то человѣка на вершинѣ дюны, человѣка высокаго роста. Люди высокаго роста здѣсь рѣдки: въ Бретани почти всѣ люди низкорослы. Я сталъ всматриваться,—я только что прочелъ публикацію. «Эге!» подумалъ я. А когда вы спустились внизъ, я, благодаря лунному свѣту, васъ сейчасъ же узналъ.

— Я, однако, васъ не знаю.

— Вы видѣли меня, но это, пожалуй, все равно, что вы меня не видѣли,—и Тельмаркъ-Попрошайка прибавилъ:—А я васъ видѣлъ. У прохожаго—одно зрѣніе, у нищаго—другое.

— А я васъ раньше встрѣчалъ?

— Часто, ибо я не разъ просилъ у васъ милостыни. Я обыкновенно сидѣлъ на дорогѣ возлѣ вашего замка. Вы частенько давали мнѣ подачки; но дѣло въ томъ, что тотъ, кто даетъ, не смотритъ, а кто получаетъ — всматривается и наблюдаетъ. Нищій, это—тотъ же шпіонъ. Но я, хотя мнѣ и не весело живется, стараюсь не быть злымъ шпіономъ. Я протягивалъ руку, вы видѣли только протянутую руку, и вы бросали въ нее ту милостыню, которая мнѣ необходима была утромъ, чтобы не умереть съ голоду вечеромъ. Иногда мнѣ приходилось голодать по цѣлымъ суткамъ. Порою копейка, это—спасеніе жизни. Я обязанъ вамъ жизнью,—я вамъ ее возвращаю.

— Да, это правда, вы спасаете меня.

— Такъ, ваше сіятельство, я васъ спасаю, только съ однимъ условіемъ,—прибавилъ Тельмаркъ серьезнымъ голосемъ:—съ тѣмъ условіемъ, чтобы вы являлись сюда не для того, чтобы причинять зло.

— Напротивъ, я являюсь сюда для того, чтобы сдѣлать добро.

— Ну, и прекрасно! А теперь давайте спать,—проговорилъ нищій.

Они улеглись рядомъ на постели изъ водорослей. Нищій тотчасъ же заснулъ. Маркизъ, несмотря на свою усталость, сидѣлъ нѣкоторое время въ задумчивости, затѣмъ, сквозь темноту, пристально посмотрѣлъ на нищаго и, наконецъ, тоже легъ. Растянуться на этомъ ложѣ было все равно, что растянуться на землѣ; онъ воспользовался этимъ для того, чтобы приложить ухо къ землѣ и прислушаться. Подъ землей раздавался какой-то глухой гулъ; извѣстно, что звукъ особенно удобно передается почвой. Слышенъ былъ гулъ колоколовъ: то продолжалъ гудѣть набатъ.

V.

Подписано: „Говэнъ“.

Когда онъ проснулся, было уже совсѣмъ свѣтло.

Нищій уже былъ на ногахъ, но не въ берлогѣ, потому что въ ней нельзя было вытянуться во весь ростъ, а внѣ ея, возлѣ входа. Онъ стоялъ, опираясь на свой посохъ. Лицо его ярко освѣщалось утреннимъ солнцемъ.

— Ваше сіятельство,—сказалъ онъ,—на Таниссской колокольнѣ только что пробило четыре часа. Я ясно разслышалъ бой башенныхъ часовъ; значитъ, вѣтеръ перескочилъ и дуетъ теперь съ материка. Никакого другого звука не слышно; значитъ, въ набатъ перестали бить. На мызѣ и на скотномъ дворѣ въ Эрбъ-анъ-Пайлѣ все спокойно; значитъ, синіе мундиры или спятъ или ушли. Слѣдовательно, опасность болѣе или менѣе миновала, и съ нашей стороны было бы благоразумнѣе разстаться. Мнѣ пора уходить. Я иду въ ту сторону,—прибавилъ онъ, указывая рукой по одному изъ направленій горизонта.—А вы направляйтесь вонъ въ эту сторону,—продолжалъ онъ, указывая рукой въ другомъ направленіи. Затѣмъ нищій сдѣлалъ маркизу прощальный жестъ рукою и произнесъ, указывая на остатки ужина:

— Возьмите съ собою каштаны на всякій случай—можетъ-быть, проголодаетесь.

Минуту спустя онъ скрылся за деревьями. Маркизъ тоже всталъ и пошелъ по тому направленію, которое указалъ ему Тельмаркъ.

Стояло чудное лѣтнее утро. Кругомъ чирикали щеглы и воробьи. Маркизъ пошелъ по той самой тропинкѣ, по которой они пришли наканунѣ. Онъ вышелъ изъ кустовъ и очутился на перекресткѣ съ каменнымъ крестомъ. На немъ попрежнему бѣлѣла афиша, казавшаяся особенно бѣлой и яркой на утреннемъ солнцѣ. Онъ припомнилъ, что внизу афиши были какія-то слова, которыхъ онъ не могъ прочесть наканунѣ, вслѣдствіе мелкоты шрифта и наступавшихъ сумерекъ. Онъ подошелъ къ кресту. Дѣйствительно, на афишѣ, послѣ подписи «Пріэръ, марнскій депутатъ», значились слѣдующія слова, напечатанныя мелкимъ шрифтомъ:

«По удостовѣреніи самоличности вышеназваннаго Лантенака, онъ немедленно будетъ разстрѣлянъ». Подписано: «Батальонный командиръ, начальникъ экспедиціонной колонны *Говэнъ*».

— Говэнъ!—проговорилъ маркизъ и впалъ въ глубокую задумчивость, устремивъ глаза на афишу.—Говэнъ,—повторилъ онъ. Онъ снова зашагалъ, обернулся, взглянулъ на крестъ, вернулся назадъ и еще разъ прочиталъ афишу.

Затѣмъ онъ удалился медленными шагами. Если бы кто-нибудь былъ тутъ поблизости, онъ услышалъ бы, какъ маркизъ неоднократно повторилъ вполголоса: «Говэнъ». Онъ шелъ по ложбинкѣ, и ему не видно было крышъ фермы, которую онъ оставилъ влѣво отъ себя. Онъ шелъ вдоль довольно крутой возвышенности, поросшей цвѣтущимъ дикимъ тёрномъ изъ породы такъ называемаго

длинноостнаго. Возвышенность оканчивалась такъ называемой на мѣстномъ нарѣчіи «кабаньей головой». У подошвы возвышенности взоръ тотчасъ же терялся въ чащѣ деревьевъ. Древесная листва была какъ бы вся залита солнечнымъ свѣтомъ. Вся природа какъ будто радовалась прелестному лѣтнему утру.

Вдругъ этотъ веселый пейзажъ сдѣлался ужасенъ. На эти залитые солнцемъ лѣса и поля обрушился вихрь дикихъ криковъ и ружейныхъ выстрѣловъ, и въ сторонѣ мызы поднялся густой дымъ, точно прорѣзываемый огненными языками, такъ что вся мыза стала похожа на ярко-пылающій снопъ соломы. Этотъ быстрый переходъ отъ спокойствія къ ярости представлялъ собою нѣчто неожиданное и мрачное; это былъ какой-то снопъ яркаго адскаго пламени среди чудной утренней зари, какой-то быстрый переходъ къ ужасному. Въ сторонѣ мызы Эрбъ-анъ-Пайль происходила схватка.

Маркизъ остановился.

Въ подобныхъ случаяхъ у человѣка любопытство беретъ обыкновенно верхъ надъ сознаніемъ опасности; онъ желаетъ знать, что дѣлается, хотя бы ему и пришлось погибнуть. Поэтому маркизъ взобрался на возвышенность, у подошвы которой пролегала дорога. Правда, и его могли здѣсь увидѣть, но зато онъ все видѣлъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ очутился на холмѣ и сталъ смотрѣть.

Онъ увидѣлъ пожаръ и дымъ перестрѣлки. Слышны были крики, виденъ былъ огонь. Мыза, очевидно, была центромъ какой-то, еще невѣдомой ему, катастрофы. Что такое тамъ происходило? Мыза подверглась нападенію? Но кто же на нее напалъ? Стычка это или просто военная экзекуція? Синіе мундиры, повинуясь декрету революціоннаго правительства, часто наказывали непокорныя селенія, поджигая ихъ со всѣхъ четырехъ концовъ; такъ, ради примѣра, сжигалась всякая ферма и мыза, не сдѣлавшая предписанныхъ закономъ засѣкъ и не прорубившая въ чащѣ лѣса просѣкъ для свободнаго проѣзда республиканской кавалеріи. Такой экзекуціи еще очень недавно подвергся Бургонскій приходъ, близъ Эрне. Не то ли же самое случилось теперь съ Эрбъ-анъ-Пайлемъ? Было очевидно, что ни одна изъ стратегическихъ просѣкъ, предписанныхъ декретомъ, не была прорублена въ лѣсахъ и рощахъ Таниса и Эрбъ-анъ-Пайля. Быть-можетъ, это было наказаніе; быть-можетъ, авангарду, занимавшему ферму, предписано было ее сжечь. Вѣдь входилъ же этотъ авангардъ въ составъ одной изъ экспедиціонныхъ колоннъ, прозванныхъ «адскими колоннами».

Очень густая и почти непроходимая чаща окружала со всѣхъ сторонъ холмъ, вершину котораго маркизъ избралъ своимъ наблюдательнымъ пунктомъ. Эта чаща, называвшаяся Эрбъ-анъ-Пайльской рощей, но скорѣе похожая на боръ, тянулась до самой фермы и скрывала въ себѣ, какъ и всѣ бретонскія рощи, цѣлую сѣть овраговъ, тропъ, ложбинъ, т.-е. такой лабиринтъ, въ которомъ республиканскимъ арміямъ нетрудно было заблудиться.

Экзекуція, если только это была экзекуція, должно-быть, была безпощадно-жестока, потому что она была непродолжительна. Какъ всякій грубый фактъ, она совершилась быстро. Безчеловѣчность междоусобныхъ войнъ допускаетъ подобныя жестокости. Пока маркизъ, теряясь въ догадкахъ, медлилъ спуститься съ дюны, не рѣшаясь и оставаться, пока онъ прислушивался, всматривался — шумъ и грохотъ прекратились или, вѣрнѣе сказать, разсѣялись. Маркизъ могъ замѣтить, какъ по лѣсной чащѣ разсѣялась ватага, свирѣпая и въ то же время радостная. Подъ деревьями закишѣло точно въ муравьиной кучѣ; какіе-то люди бросились изъ мызы въ лѣсъ. Барабаны били тревогу, ружейная пальба прекратилась, началась какъ будто облава: кого-то, очевидно, разыскивали, преслѣдовали, гнали; синіе мундиры за кѣмъ-то охотились; стоялъ глухой и смутный гулъ; до маркиза долетали возгласы радости и гнѣва, среди которыхъ, однако, трудно было что-нибудь разобрать. Вдругъ, подобно яркому лучу сквозь густой клубъ дыма, въ этомъ безпорядочномъ шумѣ отчетливо пронесся одинъ звукъ: то было одно имя — имя, повторенное тысячью голосовъ, и маркизъ ясно разслышалъ слѣдующія слова: — Лантенакъ! Лантенакъ! Маркизъ Лантенакъ!

Значитъ, искали именно его.

VI.

Случайности междоусобной войны.

Вдругъ вокругъ него, со всѣхъ сторонъ разомъ, среди лѣсной чащи заблистали ружейныя дула, штыки и сабли. Показалось трехцвѣтное знамя, возгласъ «Лантенакъ» раздался у самаго его уха и подъ его ногами, въ кустахъ терновника, появились свирѣпыя лица.

Маркизъ стоялъ одинъ, на возвышенности, и его можно было видѣть издалека. Онъ едва могъ разглядѣть тѣхъ, которые выкрикивали его имя, но онъ самъ былъ виденъ всѣмъ. Онъ стоялъ на холмѣ точно мишень для тысячи ружей, наполнявшихъ лѣсъ. Онъ ничего не могъ различить сквозь чащу, кромѣ устремленныхъ на него блестящихъ зрачковъ.

Онъ снялъ съ головы шляпу, приподнялъ края ея, вырвалъ длинный сухой шипъ изъ куста дикаго терна, вынулъ изъ кармана бѣлую кокарду, прикололь шипомъ кокарду эту къ тульѣ шляпы и, снова надѣвъ шляпу на голову, при чемъ отчетливо видны были бѣлая кокарда и его высокій лобъ, произнесъ громкимъ голосомъ, какъ бы обращаясь разомъ ко всему лѣсу:

— Я — тотъ, кого вы ищете. Я — маркизъ Лантенакъ, виконтъ Фонтенэ, бретонскій князь, генералъ-лейтенантъ королевскихъ войскъ. Исполняйте вашъ долгъ. Пли! — и, распахнувъ свою куртку изъ козьей шерсти, онъ указалъ пальцемъ на свою обнаженную грудь. Затѣмъ онъ опустилъ глаза, какъ бы отыскивая взоромъ обращенныя на него дула ружей, но увидѣлъ себя окруженнымъ одними только колѣнопреклоненными людьми.

Вдругъ по воздуху пронесся тысячеголосый кликъ: «Да здравствуетъ Лантенакъ! Да здравствуетъ его сіятельство! Да здравствуетъ генералъ!» и въ то же время шляпы взвились на воздухъ, сабли засверкали на солнцѣ, и въ чащѣ поднялось множество шестовъ, на которые были надѣты коричневыя шапки.

Люди, которыхъ онъ видѣлъ передъ собою, принадлежали къ отряду вандейцевъ и весь этотъ отрядъ преклонилъ предъ нимъ колѣни.

Есть преданіе, что встарину въ Тюрингенскихъ лѣсахъ жили необыкновенныя существа изъ породы великановъ, не то больше чѣмъ люди, не то меньше. Римляне считали ихъ страшными звѣрями, а германцы смотрѣли на нихъ, какъ на воплощенныя божества. Одни старались ихъ всѣхъ истребить, а другіе — боготворили. Маркизъ очутился въ положеніи подобнаго существа, когда оно, думая, что съ нимъ сейчасъ поступятъ, какъ съ чудовищемъ, вдругъ видитъ, что ему, напротивъ, воздаются божескія почести.

Всѣ эти глаза, еще за минуту передъ тѣмъ горѣвшіе свирѣпымъ блескомъ, устремились теперь на маркиза съ благоговѣйнымъ выраженіемъ.

Вся эта толпа была вооружена ружьями, саблями, косами, кирками, дубинами; у всѣхъ были на головахъ широкополыя войлочныя шляпы или коричневыя шапочки съ бѣлыми кокардами; у всѣхъ замѣчались четки или ладунки; всѣ одѣты были въ широкіе шаровары, доходившіе только до колѣнъ, въ мѣховые полукафтаны, въ кожаные штиблеты, съ голыми икрами, съ длинными волосами, одни съ свирѣпымъ, другіе—съ наивнымъ выраженіемъ лица.

Одинъ молодой и красивый человѣкъ отдѣлился отъ этой колѣнопреклоненной толпы и большими шагами сталъ подниматься на холмъ, къ маркизу. Человѣкъ этотъ, подобно другимъ, имѣлъ на головѣ войлочную шляпу съ бѣлой кокардой и былъ одѣтъ такъ же, какъ и всѣ, въ мѣховую куртку; но на немъ было тонкое бѣлье, а руки его были нѣжны и бѣлы; поверхъ куртки у него была надѣта бѣлая, шелковая портупея, на которой висѣла шпага съ позолоченной рукояткой. Взобравшись на вершину холма, онъ отбросилъ въ сторону шляпу, снялъ съ себя портупею и, преклонивъ одно колѣно, подалъ маркизу шпагу и портупею и сказалъ:

— Дѣйствительно, мы васъ искали и мы васъ нашли. Вотъ шпага главнокомандующаго. Всѣ эти люди — ваши подчиненные. До сихъ поръ я былъ ихъ начальникомъ; теперь я повысился въ чинѣ—я вашъ солдатъ. Примите привѣтъ нашъ, г. маркизъ. Приказывайте, г. генералъ.

Затѣмъ по данному имъ знаку, изъ лѣса вышло нѣсколько человѣкъ, несшихъ трехцвѣтное знамя. Люди эти тоже поднялись на холмъ къ маркизу и положили знамя у ногъ его. Это было то самое знамя, которое онъ только что видѣлъ сквозь деревья.

— Г. генералъ,— сказалъ молодой человѣкъ, только что передавшій ему шпагу и портупею,— это знамя мы только что отняли у синихъ мундировъ, засѣвшихъ на мызѣ Эрбъ-анъ-Пайль. Мое имя — Гаваръ, ваше сіятельство. Я — бывшій крѣпостной маркиза Руари.

— Хорошо,— отвѣтилъ старикъ и съ спокойнымъ и серьезнымъ видомъ опоясался портупеей. Затѣмъ, вынувъ изъ ноженъ шпагу и размахивая ею надъ головой, онъ воскликнулъ:— Да здравствуетъ король!

Всѣ вытянулись въ струнку, и по лѣсной чащѣ пронеслись торжествующіе и грозные въ одно и то же время крики: «Да здравствуетъ король! Да здравствуетъ нашъ маркизъ! Да здравствуетъ Лантенакъ!»

— Сколько же васъ здѣсь всего?— спросилъ маркизъ, обращаясь къ Гавару.

— Семь тысячъ. — Затѣмъ онъ продолжалъ, спускаясь съ возвышенности, между тѣмъ какъ крестьяне раздвигали терновникъ, чтобы очистить проходъ Лантенаку: — Ничего не можетъ быть проще, ваше сіятельство. Все это можно объяснить двумя словами: всѣ ждали только искры. Прокламація республики, возвѣстивъ о вашемъ присутствіи, подняла всю страну за дѣло нашего короля. Кромѣ того, насъ подъ рукой увѣдомилъ о томъ Гранвилльскій мэръ, который тоже одинъ изъ нашихъ; это вѣдь онъ спасъ аббата Оливье. Нынче всю ночь изъ-за васъ били въ набатъ.

— Вотъ какъ! — проговорилъ маркизъ

— Поэтому мы къ вамъ и явились.

— Васъ, вы говорите, семь тысячъ?

— Да, сегодня семь тысячъ, но завтра насъ будетъ пятнадцать. Столько долженъ поставить нашъ округъ. Когда г. маркизъ Анри де-Ларошжакленъ отправился къ католической арміи, тоже цѣлую ночь били въ набатъ, и въ одну ночь къ нему примкнули десять тысячъ человѣкъ изъ шести только приходовъ: Изернейскаго, Коркесскаго, Эшобруаньскаго, Обьесскаго, Сентъ-Обенскаго и Ніёльскаго. У нихъ не было пороху, но они разыскали у одного каменщика шестьдесятъ фунтовъ пороху для взрыванія минъ, и г. Ларошжакленъ съ этимъ количествомъ пороху пустился въ походъ. Мы такъ и предполагали, что вы должны находиться гдѣ-нибудь въ этихъ мѣстахъ, и искали васъ.

— Это вы атаковали синихъ на Эрбъ-анъ-Пайльской фермѣ?

— Изъ-за вѣтра они не слыхали набата. Они ничего не подозрѣвали. Обитатели фермы, простые мужики, оказали имъ хорошій пріемъ. Сегодня утромъ мы окружили ферму. Всѣ синіе спали крѣпчайшимъ сномъ, и въ одинъ мигъ все было кончено. Кстати, я раздобылъ тамъ лошадь. Не соблаговолите ли принять ее, г. генералъ?

— Пожалуй.

Одинъ изъ крестьянъ подвелъ бѣлую лошадь, покрытую кавалерійскимъ чепракомъ. Маркизъ, обойдясь безъ помощи, которую предлагалъ ему Гаваръ, вскочилъ на коня.

— Ура! — закричали крестьяне. (Нужно замѣтить, что этотъ англійскій возгласъ пріобрѣлъ полное право гражданства среди прибрежнаго населенія Бретани и Нормандіи, находящагося въ постоянныхъ сношеніяхъ съ островами по ту сторону Ла-Манша).

— Гдѣ вы намѣрены учредить вашу главную квартиру, ваше сіятельство? — спросилъ Гаваръ, прикладывая руку къ головному убору.

— На первое время въ Фужерскомъ лѣсу.

— Это одинъ изъ семи принадлещихъ вамъ лѣсовъ, г. маркизъ.

— Намъ понадобится отрядный священникъ, — сказалъ Лантенакъ.

— Да вѣдь у насъ есть священникъ — Сентъ-Эрбрейскій викарій.

— А-а! Знаю! Онъ не разъ пріѣзжалъ въ Джерсей.

— Три раза, ваше сіятельство, —проговорилъ священникъ, выступая впередъ изъ рядовъ солдатъ.

— Здравствуйте, г. викарій, — обратился къ нему маркизъ.— Ну, вамъ предстоитъ немало работы.

— Тѣмъ лучше, г. маркизъ.

— Вамъ придется исповѣдывать немало народу, т.-е. тѣхъ, кто того пожелаетъ. Насильно не заставишь.

— Г. маркизъ, — возразилъ священникъ, — отецъ Гастонъ изъ Гемене заставляетъ республиканцевъ исповѣдываться.

— На то онъ и цырюльникъ, — презрительно замѣтилъ маркизъ.—Смерть должна быть свободна.

Въ это время вернулся Гаваръ, уходившій для того, чтобы сдѣлать кое-какія распоряженія.

— Г. генералъ, — сказалъ онъ, — я жду вашихъ приказаній.

— Прежде всего — сборный пунктъ въ Фужерскомъ лѣсу. Пускай отрядъ направляется туда вразсыпную.

— Я уже отдалъ на этотъ счетъ приказанія.

— Вы, кажется, говорили мнѣ, что обитатели Эрбъ-анъ-Пайля хорошо встрѣтили синихъ?

— Да, г. генералъ, и я за это сжегъ ферму.

— А поселокъ вы также сожгли?

— Нѣтъ, ваше сіятельство.

— Сожгите и его.

— Синіе пытались защищаться; но ихъ было полтораста человѣкъ, а насъ семь тысячъ.

— Изъ какого они отряда?

— Изъ отряда Сантерра.

— А-а!!.. того самаго, который командовалъ экзекуціоннымъ взводомъ во время убіенія нашего короля. Значитъ, это парижскій батальонъ?

— Не батальонъ, а полубатальонъ.

— А какъ называется этотъ батальонъ?

— На знамени его, г. генералъ, мы видѣли надпись: «Батальонъ Красной Шапки».

— Значитъ, дикіе звѣри.
— Что прикажете сдѣлать съ ранеными?
— Докончить ихъ.
— А съ плѣнными?
— Разстрѣлять.
— Ихъ около восьмидесяти человѣкъ.
— Такъ вотъ всѣхъ ихъ и разстрѣляйте.
— Въ томъ числѣ двѣ женщины.
— И ихъ разстрѣляйте.
— И трое дѣтей.
— Дѣтей возьмите съ собой. Тамъ ужъ видно будетъ, что съ ними сдѣлать.

Съ этими словами маркизъ погналъ своего коня.

VII.

Не давать пощады (лозунгъ коммуны)! Не давать помилованія (лозунгъ принцевъ)!

Въ то время, какъ все вышеописанное происходило въ Танисѣ, нищій побрелъ по направленію къ Кроллону. Онъ спустился въ овраги и углубился въ темную глухую листву, невнимательный ко всему и внимательный къ пустяку, какъ онъ самъ о томъ объявилъ, скорѣе мечтательный, чѣмъ задумчивый, потому что у задумчиваго есть впереди цѣль, а у мечтателя ея не бываетъ. Онъ плелся, брелъ, останавливался, закусывалъ, гдѣ приходилось, щепоткой дикаго щавеля, утолялъ жажду изъ ручья, приподнималъ по временамъ голову, когда доносился отдаленный шумъ, и затѣмъ снова отдавался ослѣпительному обаянію природы, подставляя лохмотья подъ яркіе лучи солнца, прислушиваясь больше къ пѣнію птицъ, чѣмъ къ звукамъ людскихъ голосовъ.

Это былъ человѣкъ уже старый, подвигавшійся впередъ медленными шагами. Онъ уже не могъ быть хорошимъ ходокомъ, какъ онъ и объявилъ маркизу Лантенаку; онъ утомлялся, пройдя съ четверть мили. Онъ сдѣлалъ небольшой крюкъ по направленію къ Круа-Авраншену, а при наступленіи вечера повернулъ въ обратную сторону. Пройдя Масэ, онъ очутился на тропинкѣ, которая вывела его на совершенно голую возвышенность, безъ малѣйшей растительности. Съ возвышенности открывался далекій видъ на западъ до самаго моря.

Его вниманіе привлекъ столбъ дыма, поднимавшійся въ воздухѣ. Столбъ дыма—это всегда и пріятно такъ, и страшно. Нѣтъ ничего пріятнѣе и нѣтъ ничего страшнѣе. Дымъ бываетъ мирный и дымъ бываетъ преступный. Густота и цвѣтъ дыма обозначаютъ собою всю разницу между миромъ и войною, между братствомъ и ненавистью, между гостепріимствомъ и могилой, между жизнью и смертью. Поднимающійся изъ-за деревьевъ столбъ дыма можетъ являться и символомъ того, что есть самаго лучшаго на свѣтѣ — домашняго очага, и спутникомъ того, что есть самаго ужаснаго

на свѣтѣ—пожара. Часто и все счастіе и все несчастіе человѣка заключаются въ этомъ разносимомъ вѣтромъ дымѣ.

Тотъ дымъ, на который смотрѣлъ Тельмаркъ, былъ дымъ тревожнаго свойства. Онъ былъ черенъ, съ красными проблесками, свидѣтельствовавшими о томъ, что пламя не находило себѣ равномѣрной пищи, что оно то потухало, то высоко поднималось на воздухѣ надъ мызой Эрбъ-анъ-Пайль.

Тельмаркъ ускорилъ шагъ и направился къ этому дыму. Несмотря на усталость, его мучило любопытство, и онъ желалъ поскорѣе узнать, что такое обозначаетъ собою этотъ дымъ. Онъ взобрался на гребень косогора, къ которому прислонилась ферма и скотный дворъ. Но оказалось, что не было больше ни фермы ни скотнаго двора. Видна была только куча горящихъ построекъ—то была мыза Эрбъ-анъ-Пайль.

Печально, когда горитъ дворецъ, но еще печальнѣе, когда горитъ хижина. Охваченная огнемъ хижина, это — верхъ бѣдствія. Разореніе, обрушившееся на бѣдноту, коршунъ, налетѣвшій на земляного червя, — развѣ это не сжимающая сердце безсмыслица?

Судя по библейской легендѣ, оглянуться на пожаръ—значитъ превратиться въ соляной столбъ. Тельмаркъ на минуту превратился въ такой столбъ. Открывшееся предъ его взоромъ зрѣлище сдѣлало его неподвижнымъ. И все это дѣло разрушенія совершалось среди глубочайшаго безмолвія. Не слышно было ни единаго звука; изъ клубовъ этого дыма не раздавалось ни единаго вздоха; горнило огня продолжало дѣйствовать и пожирать селеніе, но не слышно было никакого иного звука, кромѣ треска обрушивающихся балокъ и горящихъ соломенныхъ крышъ. По временамъ дымъ разсѣивался, сквозь обвалившіяся крыши можно было разглядѣть охваченные пламенемъ покои: пламя окрашивало въ рубиновой цвѣтъ всѣ эти жалкіе лохмотья, и старая, нищенская домашняя утварь появлялась при ярко-аломъ свѣтѣ въ изумрудной оправѣ.

Тельмаркъ былъ положительно ослѣпленъ этой яркой картиной бѣдствія. Онъ прислушивался, въ надеждѣ услышать человѣческій голосъ, крикъ, призывъ. Но ничто не двигалось, кромѣ пламени. Неужели же всѣ обитатели фермы бѣжали? Куда же дѣлась эта живая, работящая группа обитателей Эрбъ-анъ-Пайля? Что сталось со всѣмъ этимъ народомъ?

Тельмаркъ спустился съ пригорка. Предъ нимъ стояла неразрѣшимая и мрачная задача. Онъ приближался къ ней медленными шагами, не спуская съ нея глазъ. Онъ приближался къ этимъ развалинамъ медленно, точно привидѣніе. Передъ этой могилой онъ сознавалъ себя какъ бы призракомъ.

Онъ подошелъ къ бывшимъ воротамъ фермы и заглянулъ во дворъ, который теперь не имѣлъ уже стѣнъ и сливался въ одно цѣлое съ группировавшимися вокругъ него постройками. Оказалось, что то, что онъ видѣлъ раньше, было ничто сравнительно съ тѣмъ, что ему предстояло увидѣть. До сихъ поръ то, что онъ

видѣлъ, было страшно. То, что ему предстояло увидѣть, было ужасно.

Посреди двора онъ увидѣлъ какую-то черную кучу, слабо освѣщаемую сверху луной, съ боковъ—пламенемъ. Куча эта была ворохъ людей. Люди эти были трупы. Вокругъ вороха стояла громадная лужа, слабо дымившаяся. Пламя пожара отсвѣчивалось въ этой лужѣ, которая, впрочемъ, и безъ этого освѣщенія была красна: то была лужа крови.

Тельмаркъ приблизился къ кучѣ и сталъ разсматривать одно за другимъ распростертыя здѣсь тѣла: все это были трупы, освѣщенные съ одной стороны луной, а съ другой—пламенемъ.

Всѣ эти трупы были одѣты въ солдатскіе мундиры. Всѣ они были босоноги: очевидно, ихъ разули. Съ нихъ также снято было оружіе; но на нихъ оставили ихъ синіе мундиры. Тамъ и сямъ можно было различить въ грудѣ головъ и тѣлъ пробитыя пулями треугольныя шляпы съ трехцвѣтными кокардами. То были тѣла республиканцевъ, тѣла тѣхъ самыхъ парижанъ, которые еще наканунѣ были всѣ живы и здоровы и составляли гарнизонъ Эрбъанъ-Пайльской фермы. Людей этихъ, очевидно, разстрѣляли, на что указывало симметрическое паденіе тѣлъ; ихъ убили наповалъ, и притомъ весьма аккуратнымъ образомъ. Изъ всей груды не раздавалось ни единаго хрипа.

Тельмаркъ произвелъ смотръ этому ряду труповъ, не пропустивъ изъ нихъ ни одного. Всѣ они были изрѣшечены пулями. Тѣ, которые ихъ разстрѣляли, торопясь, повидимому, уйти въ другое мѣсто, не дали себѣ даже труда ихъ похоронить.

Онъ уже собирался было уходить, какъ взоры его случайно упали на тянувшійся вдоль двора низкій заборъ, и онъ увидѣлъ четыре ноги, высовывавшіяся изъ-за угла этого забора. Эти ноги обуты были въ башмаки, и онѣ были меньше остальныхъ. Тельмаркъ подошелъ поближе: оказалось, что то были женскія ноги. Позади забора лежали рядкомъ двѣ женщины: онѣ также были разстрѣляны.

Тельмаркъ наклонился надъ ними. На одной изъ женщинъ было надѣто нѣчто въ родѣ мундира; подлѣ нея лежалъ разбитый пустой жбанъ: очевидно, то была маркитантка. Голова ея была пробита четырьмя пулями; она была мертва.

Тельмаркъ сталъ разсматривать другую, которая одѣта была въ крестьянское платье. Лицо ея было мертвенно-блѣдно, ротъ разинутъ, глаза закрыты. На головѣ ея незамѣтно было ни единой раны. Платье ея, превратившееся, вѣроятно, вслѣдствіе долгаго странствованія, почти въ лохмотья, было раскрыто на груди, до половины ее обнажая. Тельмаркъ спустилъ платье съ плечъ и увидѣлъ на одномъ плечѣ рану, причиненную ружейной пулей. Была перебита ключица.

— Мать и кормилица,—пробормоталъ онъ, глядя на эти блѣдныя груди.

Онъ дотронулся до нея: тѣло еще не успѣло остыть. На ней незамѣтно было никакихъ иныхъ ранъ кромѣ перебитой ключицы

и раны въ плечѣ. Онъ прикоснулся рукою къ сердцу и почувствовалъ его слабое біеніе. Ясно было, что женщина была еще жива.

Тельмаркъ выпрямился и закричалъ громкимъ голосомъ:

— Эй, неужели здѣсь никого нѣтъ?

— Это ты, Попрошайка?—раздался въ отвѣтъ голосъ, настолько слабый, что его еле было слышно. И въ то же время изъ отверстія высунулась голова. Затѣмъ изъ другой развалины высунулась другая голова.

То были два крестьянина, успѣвшіе укрыться отъ поголовнаго избіенія—единственныя два существа на фермѣ, оставшіяся въ живыхъ. Знакомый имъ голосъ нищаго успокоилъ ихъ и заставилъ ихъ выползти изъ тѣхъ уголковъ, въ которые они забились.

Они стали подходить къ Тельмарку, все еще трясясь отъ страха. Съ своей стороны Тельмаркъ, еще за минуту передъ тѣмъ находившій въ себѣ силы кричать, не могъ произнести ни слова: таково иногда бываетъ вліяніе очень сильнаго страха. Онъ указалъ имъ пальцемъ на лежавшую у его ногъ женщину.

— Что она, еще жива?—спросилъ одинъ изъ крестьянъ.

Тельмаркъ утвердительно кивнулъ головою.

— А всѣ остальные перебиты, не правда ли?—спросилъ крестьянинъ, первый высунувшій свою голову.—Я все видѣлъ, спрятавшись въ погребѣ. Въ такія минуты отъ души благодаришь Бога за то, что Онъ не далъ тебѣ семейства. Господи Іисусе! Всѣхъ перебили! А мой домъ сожгли. У этой женщины были дѣти—трое дѣтей, малъ мала меньше. Ребятишки ревѣли: «Мама», мать кричала: «О, дѣти мои!» Мать они убили, а дѣтей увели съ собою. Я все это видѣлъ, о Боже мой, Боже мой, Боже мой!.. Убивши всѣхъ, они ушли, очень довольные своимъ дѣломъ. Мать они убили, а дѣтей увели съ собою. Но она не умерла, не правда ли, не умерла? Скажи-ка, Попрошайка, какъ ты думаешь, можно будетъ ее спасти? Если хочешь, мы поможемъ тебѣ отнести ее въ твою конуру.

Тельмаркъ утвердительно кивнулъ головой.

Лѣсъ былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ фермы. Они втроемъ живо смастерили изъ хвороста и прутьевъ носилки, положили на нихъ все еще безчувственную женщину и углубились въ чащу. Одинъ изъ крестьянъ несъ носилки въ ногахъ, другой—въ головахъ, а Тельмаркъ шелъ рядомъ, поддерживая руку женщины и щупая ея пульсъ.

Дорогой крестьяне разболтались и обмѣнивались надъ блѣднымъ, окровавленнымъ, освѣщеннымъ луною ликомъ полумертвой женщины, слѣдующими отрывистыми восклицаніями:

— Все перебить! Все сжечь! О, Господи Боже мой, что-то теперь будетъ!

— А вѣдь все это сдѣлано по распоряженію того высокаго старика.

— Да, да, онъ былъ у нихъ командиромъ.

— Я его не видѣлъ въ ту минуту, когда началось разстрѣливаніе. Что онъ былъ тутъ же?

— Нѣтъ, онъ ушелъ раньше. Но все равно, бойня произведена была по его приказанію.

— Такъ, значитъ, онъ во всемъ виноватъ?

— Да, я слышалъ, какъ онъ говорилъ: «Убивайте! Жгите! Не давайте пощады!»

— Говорятъ, это какой-то маркизъ.

— Да еще бы не маркизъ! Вѣдь это нашъ маркизъ и есть!

— А какъ его фамилія?

— Маркизъ Лантенакъ.

Тельмаркъ поднялъ глаза къ небу и пробормоталъ сквозь зубы:

— О, если бы я это зналъ!

КОНЕЦЪ 1 ЧАСТИ.

Часть вторая.—ВЪ ПАРИЖѢ.

Книга первая.—СИМУРДЭНЪ.

I.

Парижскія улицы въ тѣ времена.

Въ тѣ времена весь Парижъ жилъ на улицѣ. Парижане обѣдали на столахъ, поставленныхъ передъ дверьми домовъ; женщины, сидя на церковныхъ папертяхъ, щипали корпію, распѣвая марсельезу; паркъ Монсо и Люксембургскій садъ превращены были въ учебные полигоны; не было такого переулка, въ которомъ бы не кипѣла работа оружейниковъ, въ которомъ не фабриковались бы ружья, на глазахъ рукоплескавшей толпы. Изъ всѣхъ устъ только и раздавались, что слова: «Еще немножечко потерпѣть! Революція въ полномъ ходу». Всѣ глядѣли героями. Даже театры приняли физіономію аѳинскихъ театровъ во время Пелопоннесской войны. На стѣнахъ и заборахъ расклеены были афиши въ родѣ слѣдующихъ: *«Осада Тіонвилля».—«Мать семейства, спасенная изъ пламени».—«Клубъ беззаботныхъ».—«Старшая изъ папъ-женщинъ». — «Солдаты-философы». — «Искусство любить въ деревнѣ»*. Нѣмцы стояли у воротъ Парижа. Ходилъ слухъ, будто прусскій король велѣлъ удержать для себя и для своей свиты ложи въ операх. Времена были опасныя, но никто не боялся. Грозный законъ «о подозрительныхъ», сочиненный Мерленомъ-де-Дуэ, грозилъ гильотиной каждой головѣ. Одинъ прокуроръ, по имени Серанъ, на котораго поданъ былъ доносъ, ждалъ, когда придутъ его арестовать, въ халатѣ и въ туфляхъ и играя на флейтѣ у окошка. Всѣ куда-то спѣшили. На всѣхъ шляпахъ видны были трехцвѣтныя кокарды. Женщины говорили: «А вѣдь красныя шапочки къ намъ идутъ». Весь Парижъ точно куда-то переѣзжалъ. Лавки торговцевъ старымъ хламомъ завалены были коронами, митрами, позолоченными скипетрами, гербами съ лиліями, вывезенными изъ дворцовъ. Паденіе монархіи замѣчалось на каждомъ шагу. На крюкахъ у лоскутниковъ висѣли рясы и стихари. Люди, облеченные въ стихари и епитрахили и сидѣвшіе на ослахъ, покрытыхъ, вмѣсто попонъ, церковными облаченіями, останавливались возлѣ кабаковъ и требовали, чтобы имъ налили водки въ похищенныя изъ соборовъ дароносицы. На улицѣ Сенъ-Жакъ босоногіе мостовщики останавливали телѣжку торговца обувью, дѣлали складчину и покупали пятнадцать паръ башмаковъ, которые они посылали конвенту «для нашихъ солдатъ». Всюду виднѣлись бюсты Франклина, Руссо, Брута, Марата; надъ однимъ изъ бюстовъ Марата, на улицѣ Клошъ-Персъ, было прибито, въ рамкѣ

изъ чернаго дерева, подъ стекломъ; подробно мотивированное обвиненіе противъ Малуэ, съ припиской на поляхъ слѣдующихъ двухъ строкъ: «Подробности эти сообщены мнѣ любовницей Сильвэна Бальи, доброй патріоткой, весьма ко мнѣ расположенной. Подписано: *Маратъ*». На Пале-Рояльской площади надпись на фонтанѣ «Quantos effundit inusus» была закрыта двумя большими акварельными картинами, изъ которыхъ одна изображала Кайе-де Жервиля, сообщающаго собранію лозунгъ арльскихъ шпіоновъ, а другая Людовика XVI, какъ его везли обратно въ Парижъ изъ Варенна въ его королевской каретѣ, съ двумя гренадерами на запяткахъ. Большихъ магазиновъ было открыто немного; но зато на улицахъ часто попадались везомыя женщинами телѣжки съ галантерейнымъ и краснымъ товаромъ, освѣщенныя сальными свѣчками, при чемъ сало капало на товаръ. На ларяхъ торговали бывшія монахини въ бѣлокурыхъ парикахъ; иная штопальщица, штопавшая въ балаганѣ чулки, была графиня; иная портниха—маркиза; герцогиня Буффлеръ жила на чердакѣ, изъ котораго ей виденъ былъ бывшій ея дворецъ. Газетчики громко выкрикивали заглавія продаваемыхъ ими изданій. Уличные пѣвцы встрѣчались чуть не на каждомъ шагу. Толпа освистывала Питу, роялистскаго пѣвца, котораго двадцать два раза брали подъ арестъ и который былъ преданъ суду за то, что хлопнулъ себя по ляжкамъ при произнесеніи слова «гражданинъ»; видя, что жизни его угрожаетъ опасность, онъ воскликнулъ: «Да вѣдь виновата не голова моя, а совсѣмъ другая часть тѣла». Это разсмѣшило судей и спасло ему жизнь. Этотъ Питу зло подсмѣивался надъ тогдашней модой употреблять латинскія и греческія слова; въ любимой его пѣсенкѣ говорилось о какомъ-то мыловарѣ «Cujus» и о женѣ его «Cujusdam». Тутъ же на улицѣ танцовали карманьолу, но при этомъ избѣгались слова «кавалеръ» и «дама», а вмѣсто того говорилось: «гражданинъ» и «гражданка». Плясали въ разоренныхъ монастыряхъ, при чемъ на алтари ставились лампочки, на потолкахъ, на прикрѣпленные крестообразно шесты, втыкались свѣчи, а подъ ногами пляшущихъ были гробницы усопшихъ. Мужчины носили синіе жилеты, называвшіеся «тиранскими». Улица Ришелье была переименована въ улицу Закона; Сентъ-Антуанское предмѣстье—въ предмѣстье Славы; на бастильской площади поставлена была статуя Природы. Въ толпѣ произносились имена нѣкоторыхъ прохожихъ: Шаклэ, Дидье, Никола и Гарнье-Делонэ, карауливших дверь столяра Дюплэ; Вуллана, не пропускавшаго ни одной казни и ходившаго за повозками съ осужденными, — онъ называлъ это «ходить къ красной обѣднѣ»; маркиза Монфлабера, сдѣлавшагося членомъ революціоннаго судилища и требовавшаго, чтобы его называли «Десятое августа». Толпа смотрѣла, какъ проходили воспитанники Военной школы, переименованные декретомъ Конвента въ «кандидаты школы Марса» и прозванные народомъ «пажами Робеспьера». Читались прокламаціи Фрерона, обвинявшаго такъ называемыхъ «подозрительныхъ» въ преступленіи «торгашества». Щеголи, толпясь у дверей мэрій, насмѣхались надъ людьми, являв-

шимися туда для заключенія гражданскихъ браковъ, и гурьбой ходили за новобрачными, приговаривая: «*муниципально* бракосочетавшіеся». Передъ зданіемъ Инвалидовъ на головы статуй, изображавшихъ королей и святыхъ, надѣты были фригійскія шапки. На тротуарныхъ тумбахъ играли въ карты; но и карточная игра подверглась значительному перевороту: вмѣсто королей были геніи, вмѣсто дамъ—свободы, вмѣсто валетовъ—равенства, вмѣсто тузовъ—законы. Общественные сады воздѣлывались подъ пашню, въ Тюильрійскомъ саду работалъ плугъ. Во всемъ обществѣ, въ особенности въ побѣжденныхъ классахъ, сказывалась какая-то скука жизни; кто-то писалъ Фукье-Тэнвиллю: «Будьте такъ любезны—избавьте меня отъ жизни. Вотъ мой адресъ». Всюду масса газетъ. Парикмахерскіе ученики публично расчесывали женскіе парики, между тѣмъ какъ хозяинъ ихъ вслухъ читалъ «Монитеръ»; другіе, собравшись группами и сильно жестикулируя, разсуждали о только что прочитанномъ нумерѣ «Столкуемся» Дюбуа-Крансэ или «Трубы отца Бельроза». Иногда парикмахеры соединяли это ремесло съ ремесломъ колбасниковъ, и можно было видѣть окороки ветчины и колбасы висѣвшими рядомъ съ куклой въ парикѣ изъ золотистыхъ волосъ. Торговцы продавали на улицахъ «эмигрантскую водку»: одинъ изъ нихъ объявлялъ на вывѣскѣ, что продаетъ водку пятидесяти двухъ сортовъ; другіе продавали часы въ формѣ лиры и «диваны герцогинь»; на вывѣскѣ одного парикмахера можно было прочесть слѣдующее: «Брею духовенство, причесываю дворянство, стригу третье сословіе». Ходили гадать на картахъ къ нѣкоему Мартену, жившему въ домѣ № 173 на улицѣ Анжу, которая прежде называлась «Дофиновой». Въ хлѣбѣ, углѣ, мылѣ чувствовался недостатокъ; изъ провинціи пригонялись цѣлыя стада дойныхъ коровъ. Баранина продавалась на рынкахъ по 15 франковъ за фунтъ. Въ объявленіи Коммуны назначалось на каждаго человѣка по одному фунту на 10 дней. Передъ дверьми мясниковъ вытягивался хвостъ; одинъ изъ этихъ хвостовъ, какъ гласитъ преданіе, простирался отъ улицы Пти-Карро до половины улицы Монторгейль». Въ тѣ времена составлять хвостъ называлось «держать веревку», такъ какъ всѣ стоявшіе въ хвостѣ держались за длинную веревку. Въ эти бѣдственныя времена женщины выказывали кротость и бодрость духа, и спокойно проводили ночи у дверей булочныхъ въ ожиданіи, пока ихъ впустятъ. Революція оказывалась изобрѣтательной на средства: ассигнаціи были въ ея рукахъ рычагомъ, такса—точкой опоры. Эмпиризмъ въ данномъ случаѣ спасъ Францію. Врагъ въ Кобленцѣ и врагъ въ Лондонѣ—оба вели биржевую игру на ассигнаціи. По улицамъ расхаживали дѣвушки, предлагая лавендуловое масло, подвязки и искусственныя косы, а такъ же мѣняя деньги; мѣнялы, въ грязныхъ сапогахъ, съ намасленными волосами, въ мѣховыхъ шапкахъ съ лисьими хвостами, стояли отъ улицы Дю-Перронъ до улицы Вивьенъ; на улицѣ Валуа стояли щеголи, въ лакированныхъ сапогахъ, съ зубочистками во рту и съ плюшевыми шляпами на головѣ; дѣвушки обращались къ нимъ на «ты». Толпа преслѣдовала ихъ, равно

какъ и воровъ, которыхъ роялисты въ насмѣшку называли «дѣятельными гражданами». Число кражъ было, впрочемъ, незначительно: суровая нищета отличалась стоической честностью. Босоногіе и голодные оборванцы проходили, серьезно опустивъ глаза, мимо оконъ ювелировъ въ галлереѣ бывшаго Пале-Ройяля. При домовомъ обыскѣ, произведенномъ у Бомарше, въ кварталѣ Сентъ-Антуанъ, одну женщину застали срывающею цвѣтокъ въ саду; толпа осыпала ее пощечинами. Дрова стоили четыреста франковъ серебромъ сажень; на улицахъ можно было видѣть людей, распиливавшихъ на дрова свои кровати. Зимою фонтаны замерзли, и вода продавалась по франку ведро; всѣ превратились въ водовозовъ. За луидоръ давали 3900 франковъ ассигнаціями; извозчикамъ платили по 600 франковъ за одинъ конецъ. Если кто нанималъ извозчика на цѣлый день, то вечеромъ не въ рѣдкость было услышать слѣдующій діалогъ: «Сколько вамъ слѣдуетъ, извозчикъ?»—«Шесть тысячъ франковъ». Одна торговка продавала зелени на 20.000 франковъ въ день. Нищій говорилъ: «Подайте, Христа ради! Мнѣ недостаетъ 230 франковъ, чтобы заплатить за починку моихъ башмаковъ». У входовъ на мосты стояли громадныя, вырѣзанныя изъ дерева и размалеванныя Давидомъ, статуи, которыя Мерсье очень непочтительно называлъ «громадными деревянными болванами»: статуи эти должны были изображать побѣжденныхъ Коалицію и Федерализмъ.

Во всей этой толпѣ незамѣтно было слѣдовъ унынія, а, напротивъ, сказывалась радость по поводу низверженія престоловъ. Волонтеры стекались со всѣхъ сторонъ. Каждая улица выставляла по батальону. На улицахъ то и дѣло попадались большія знамена съ самыми разнообразными девизами; такъ, напр., на знамени Капуцинскаго округа можно было прочесть надпись: «Никто не станетъ насъ брить». На другомъ: «Нѣтъ больше никакихъ благородныхъ званій; есть только благородныя сердца». На всѣхъ стѣнахъ и заборахъ попадались афиши—большія, малыя, бѣлыя, желтыя, зеленыя, красныя, печатныя и писанныя, на которыхъ изображалось громадными буквами: «Да здравствуетъ республика!» Маленькія дѣти лепетали пѣсенку: «Ça ira!» Дѣти эти были—громадное будущее.

Впослѣдствіи трагическій характеръ города замѣнился характеромъ циническимъ. Парижскія улицы въ эпоху революціи имѣли двоякій, рѣзко отличавшійся одинъ отъ другого видъ,—до и послѣ 9-го термидора. Парижъ Сенъ-Жюста смѣнился Парижемъ Тальена. Впрочемъ, подобныя антитезы встрѣчались испоконъ вѣка; послѣ Синая былъ золотой телецъ.

Случаи поголовнаго сумасшествія были въ исторіи человѣчества нерѣдки; подобный случай во Франціи былъ не далѣе, какъ за восемьдесятъ лѣтъ до описываемой эпохи. Послѣ эпохи Людовика XIV, какъ и послѣ эпохи Робеспьера, ощущается сильная потребность втянуть въ себя побольше воздуха; исторія Франціи XVIII столѣтія начинается регентствомъ и оканчивается директоріей: двѣ сатурналіи послѣ двухъ терроризмовъ. Франція, какъ

школьникъ, вырвавшійся изъ-подъ надзора строгаго воспитателя, съ такою же бѣшеною радостью вырывается изъ пуританскаго монастыря, какъ и изъ монархическаго. Послѣ 9-го термидора Парижъ обуяла какая-то безумная радость, не замедлившая принять крайне несимпатичное направленіе. Неистовое желаніе смерти смѣнилось такой же неистовой жаждой жизни, и все величіе исчезло. Былъ у Парижа свой Тримальціонъ, называвшійся Гримо-де-ла-Реньеръ; появился «Альманахъ для обжоръ». Въ Пале-Роялѣ задавались обѣды, при звукахъ трубъ, барабановъ и рожковъ, при чемъ барабанщицами являлись женщины; наступило царство смычка и пѣсни; у Мео устраивались ужины «по-восточному», среди благоухающихъ курильницъ. Живописецъ Бозъ изобразилъ своихъ дочерей, прелестныхъ и невинныхъ 16—17-лѣтнихъ дѣвушекъ, приготовленными для гильотины, т.-е. съ обнаженною грудью и въ красныхъ рубашкахъ. Вслѣдъ за непристойными плясками въ оскверненныхъ церквахъ явились публичные балы Руджіери, Венцеля, Люкэ, Модюи, г-жи Монтансье; мѣсто серьезныхъ «гражданокъ», щипавшихъ корпію, заступили султанши, дикарки, нимфы; босоногіе солдаты, покрытые кровью, грязью и пылью, смѣнились босоногими женщинами, которыя унизывали себя брильянтами. Вмѣстѣ съ безстыдствомъ вновь появилась нечестность: въ верхнихъ слояхъ явились грабители-поставщики, въ низшихъ—мазурики; послѣдними такъ и кишѣлъ Парижъ, и обывателю пришлось крѣпко держаться за свои карманы. Однимъ изъ любимыхъ народныхъ развлеченій сдѣлалась прогулка на площади передъ зданіемъ суда, гдѣ на особыхъ табуретахъ сидѣли связанныя по ногамъ и рукамъ воровки, выставленныя на всеобщее позорище. При выходѣ изъ театровъ мальчишки предлагали дрожки съ прибаутками, въ родѣ слѣдующей: «Гражданинъ и гражданка, у меня найдется мѣсто для двоихъ»; на улицахъ уже не слышно было возгласовъ: «Старый Сапожникъ» или «Другъ Народа», а слышалось: «Письмо Полишинеля», и «Прошеніе Мальчишекъ»; маркизъ де-Садъ предсѣдательствовалъ въ «Обществѣ Пиковыхъ Валетовъ», на Вандомской площади. Реакція была въ одно и то же время и весела и свирѣпа: «Драгуны Свободы» 92 года возрождались подъ именемъ «Рыцарей Кинжала». Въ это время на подмосткахъ появился типъ простака; наступило время щеголей и щеголихъ; вмѣсто «честное слово» говорили: «слово жертвы»; отъ великаго быстро перешли къ смѣшному. Здѣсь повторился замѣчаемый въ Парижѣ ходъ безпрерывнаго движенія. Это—громадный маятникъ цивилизаціи: онъ постоянно переходитъ отъ одного полюса къ другому, отъ Ѳермопилъ къ Гоморрѣ. Послѣ 93 года съ Парижемъ произошло странное затменіе; конецъ вѣка, казалось, забылъ свое начало. Началась какая-то оргія, выступившая на первый планъ и отодвинувшая на задній планъ недавніе ужасы; взрывъ хохота замѣнилъ крики отчаянія; трагедія исчезла въ пародіи, и маскарадный чадъ, въ концѣ-концовъ, затемнилъ на горизонтѣ образъ Медузы.

Но въ то самое время, къ которому относится нашъ разсказъ, парижскія улицы имѣли еще вполнѣ тотъ величественный и мрачный

видъ, который онѣ усвоили себѣ въ началѣ революціи. У нихъ были свои уличные ораторы, въ родѣ Варле, который произносилъ свои рѣчи, взлѣзая на крышу небольшого балаганчика на колесахъ; у него были свои герои, изъ которыхъ одинъ назывался «капитаномъ съ желѣзной палкой»; свои любимцы, въ родѣ Гюффруа, автора памфлета «Ружифъ». Нѣкоторыя изъ этихъ знаменитостей были зловредны, другія, наоборотъ, полезны и симпатичны. Одна изъ нихъ представляла странную смѣсь того и другого: таковъ былъ Симурдэнъ.

II

Симурдэнъ.

Симурдэнъ былъ человѣкъ честный, но мрачный. Онъ когда-то былъ священникомъ, и это обстоятельство наложило на него особый отпечатокъ. Человѣческая душа, подобно небу, можетъ быть въ одно и то же время и безоблачна и темна. Званіе священника навело мракъ на душу Симурдэна. Кто однажды былъ священникомъ—всегда останется имъ. Но подобно тому, какъ въ самую темную ночь на небѣ мерцаютъ звѣзды, такъ и на фонѣ мрачной души Симурдэна блистали достоинства и добродѣтели.

Исторія его жизни была немногосложна. Прежде онъ былъ учителемъ въ одномъ знатномъ домѣ, а впослѣдствіи—сельскимъ священникомъ; получивъ небольшое наслѣдство, онъ отказался отъ своего прихода. Человѣкъ онъ былъ въ высшей степени упрямый. За всякую мысль онъ ухватывался, точно клещами; онъ не считалъ себя въ правѣ отказаться отъ какой-нибудь мысли, пока не доводилъ ее до конца; онъ мыслилъ съ какимъ-то ожесточеніемъ. Онъ былъ знакомъ со всѣми европейскими языками и даже съ нѣкоторыми иными; онъ всю свою жизнь, не переставая, учился, что помогало ему оставаться цѣломудреннымъ. Но подобнаго рода насиліе надъ человѣческой природой представляетъ своего рода опасность. Сдѣлавшись священникомъ, онъ изъ гордости, изъ величія души или по простой случайности, не нарушилъ своихъ обѣтовъ; но вмѣстѣ съ нимъ онъ не сумѣлъ сохранить свою вѣру. Наука расшатала его вѣрованія. Внимательно всматриваясь въ самого себя, онъ почувствовалъ себя какъ бы внутренне искалѣченнымъ; но не будучи въ состояніи освободиться отъ своей священнической оболочки, онъ постарался передѣлать въ себѣ человѣка, только на особый, суровый ладъ: у него отняли семейство, онъ привязался къ отечеству; ему отказали въ супругѣ, онъ полюбилъ человѣчество. Но этотъ громадный объектъ привязанности въ сущности равняется пустотѣ.

Родители его, крестьяне, дѣлая изъ него священника, мечтали о томъ, что онъ выйдетъ изъ народной толпы; но онъ цѣликомъ возвратился въ народъ, и притомъ съ какою-то порывистою страстностью. Онъ не могъ смотрѣть на народныя страданія безъ чувства жгучей нѣжности. Изъ священника онъ превратился въ философа, а изъ философа—въ бойца. Еще при жизни Людовика XV

Симурдэнъ сталъ ощущать въ своей душѣ смутныя республиканскія стремленія. Но какова же была его республика? Быть-можетъ, платоновская, но, быть-можетъ, также и драконовская.

Ему запрещено было любить: онъ сталъ ненавидѣть. Онъ возненавидѣлъ ложь, деспотизмъ, теократію, свою священническую рясу; онъ возненавидѣлъ настоящее и устремилъ жадные взоры къ будущему; онъ отчетливо представлялъ себѣ его, онъ ясно видѣлъ его предъ собою, онъ предугадывалъ его—страшнымъ, но въ то же время и величественнымъ; онъ понималъ, что для развязки бѣдствій человѣчества долженъ явиться освободитель, который будетъ въ то же время и мстителемъ. Онъ уже издали привѣтствовалъ ожидаемую катастрофу.

Когда въ 1789 году катастрофа, наконецъ, наступила, она застала его подготовленнымъ. Симурдэнъ кинулся въ эту громадную работу обновленія человѣчества съ логичностью и послѣдовательностью, свойственными его натурѣ. Логика не знаетъ компромиссовъ. Онъ пережилъ всѣ крупныя событія 1789 года, паденіе Бастиліи, облегченіе народныхъ страданій; онъ пережилъ 19 іюня 1790 года, т.-е. паденіе феодализма; онъ пережилъ и 1792 годъ, т.-е. установленіе республики. На его глазахъ поднялась революція; онъ былъ не такого закала человѣкъ, чтобы почувствовать испугъ предъ этой великаншей; напротивъ того, новыя вѣянія оживили и его; и, будучи почти старикомъ,—ему было 50 лѣтъ отроду, а священникъ старѣется скорѣе другихъ людей,—онъ снова принялся расти вмѣстѣ съ другими, и ростъ его продолжался изъ года въ годъ, по мѣрѣ того, какъ росли событія. Вначалѣ онъ опасался, какъ бы революція не потерпѣла неудачи; онъ внимательно слѣдилъ за ея ходомъ; по мѣрѣ того, какъ она все больше и больше пугала другихъ, онъ, наоборотъ, чувствовалъ себя успокоеннымъ. Онъ желалъ, чтобы эта Минерва, увѣнчанная звѣздами будущаго, была въ то же время и Палладой и чтобы она имѣла на своемъ щитѣ голову Медузы. Онъ желалъ, чтобы она могла въ случаѣ надобности освѣтить своимъ божественнымъ свѣтомъ адскія силы и отплатить имъ ужасами за ужасы.

Такъ онъ дожилъ до 1793 года. Это былъ годъ войны всей Европы противъ Франціи, и Франціи противъ Парижа. А что такое была революція? Это была побѣда Франціи надъ Европой и Парижа надъ Франціей. Въ этомъ-то и заключалось все громадное значеніе этого страшнаго момента 93 года, момента болѣе важнаго, чѣмъ весь предшествовавшій ему вѣкъ. Нельзя представить себѣ ничего болѣе трагическаго, какъ Европу, нападающую на Францію, и Францію, нападающую на Парижъ. Это драма, приближающаяся къ эпопеѣ.

93 годъ былъ годомъ величайшаго напряженія. Гроза въ этомъ году достигла величайшей своей силы. Эта гроза нравилась Симурдэну; онъ чувствовалъ себя хорошо. Эта волнующаяся, дикая и величественная среда какъ нельзя болѣе подходила къ размаху его мыслей. Этотъ человѣкъ, подобно морскому орлу, чувствовалъ внутри себя глубокое спокойствіе, сопряженное съ жаждой опас-

ности извнѣ. Нѣкоторыя натуры, крылатыя, мрачныя, но спокойныя, какъ бы нарочно созданы для бури. Встрѣчаются такія, такъ сказать, бурныя души.

Онъ, впрочемъ, доступенъ былъ и состраданію, но оно у него относилось только къ несчастнымъ. При видѣ страданія, наводящаго страхъ на душу, онъ весь превращался въ самопожертвованіе. Ничто его не отталкивало,—въ этомъ заключалась его доброта. Помогать другимъ было для него настоящею потребностью; онъ разыскивалъ язвы, для того, чтобы цѣловать ихъ. Труднѣе всего дѣлать добрыя дѣла, неприглядныя для взора; онъ именно и предпочиталъ такія дѣла. Однажды въ больницѣ умиралъ человѣкъ, котораго душила злокачественная опухоль въ горлѣ. Нарывъ былъ ужасный, быть-можетъ, даже заразительный, и устранить его нужно было тутъ же, сейчасъ, немедленно. Симурдэнъ случайно оказался тутъ. Онъ приложился губами къ нарыву, высосалъ его—и человѣкъ былъ спасенъ. Въ то время на Симурдэнѣ надѣта была еще священническая ряса, и кто-то изъ присутствовавшихъ сказалъ ему: «Если бы вы это сдѣлали для короля, вы завтра же были бы епископомъ».—«Въ томъ-то и дѣло,—отвѣтилъ Симурдэнъ,—что я для короля этого бы не сдѣлалъ». Этотъ поступокъ и этотъ отвѣтъ сдѣлали его популярнымъ въ бѣдныхъ кварталахъ Парижа, и всѣ страдающіе, плачущіе, угрожающіе готовы были итти за нимъ въ огонь и въ воду. Во время народной ярости противъ барышниковъ, такъ часто выражавшейся въ прискорбныхъ недоразумѣніяхъ, Симурдэну достаточно было одного слова, чтобы помѣшать разграбленію лодки, съ грузомъ мыла, близъ моста св. Николая, и чтобы разсѣять разъяренныя толпы черни, останавливавшія повозки близъ Сенъ-Лазарской заставы.

Симурдэнъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, внутри которыхъ раздается голосъ и которые прислушиваются къ нему. Люди эти кажутся разсѣянными. Это невѣрно: они только внимательны. Симурдэнъ, повидимому, ничего не зная, зналъ, однакоже, все, т.-е. онъ прекрасно знакомъ былъ съ науками, но не знакомъ былъ съ жизнью. У него была повязка на глазахъ, какъ у гомеровской Ѳемиды; въ немъ была слѣпая вѣрность стрѣлы, не видящей цѣли, къ которой она летитъ. Въ революціонныя эпохи ничто не можетъ быть опаснѣе прямолинейности. Симурдэнъ обладалъ этою прямолинейностью. Онъ былъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что при подобныхъ переворотахъ крайняя точка представляетъ собою самую надежную почву, т.-е. онъ раздѣлялъ заблужденіе, свойственное умамъ, замѣняющимъ разумъ логикой. Онъ шелъ дальше конвента, дальше коммуны; былъ членомъ такъ называемаго «клуба епископскаго дворца».

Въ тѣ года въ бывшемъ епископскомъ дворцѣ собиралась группа людей, не вполнѣ довольныхъ дѣйствіями коммуны; тутъ же присутствовали молчаливые зрители, имѣвшіе при себѣ, по выраженію Гара̀, столько же пистолетовъ, сколько и кармановъ. Это было въ высшей степени оригинальное собраніе, парижское и

космополитическое въ одно и то же время, что отнюдь не исключаетъ одно другое, такъ какъ Парижъ—это то мѣсто, гдѣ бьется сердце народовъ. Здѣсь происходило великое плебейское каленіе добѣла. Рядомъ съ этимъ собраніемъ конвентъ казался холоднымъ, а коммуна — вялой. Епископскій клубъ представлялъ собою одну изъ тѣхъ революціонныхъ формацій, похожихъ на формаціи вулканическія. Въ немъ можно было встрѣтить всего понемножку: невѣжества, глупости, честности, геройства, ярости, сыщничества. Въ немъ попадались и агенты герцога брауншвейгскаго, и истые спартанцы, и настоящіе каторжники. Большая часть членовъ ея были люди разсвирѣпѣвшіе, но честные. Жирондисты высказали устами Инара, временнаго предсѣдателя конвента, слѣдующія чудовищныя слова: *Берегитесь, парижане! Отъ вашего города не останется камня на камнѣ, и со временемъ тщетно будутъ искать мѣста, на которомъ когда-то стоялъ Парижъ.* Эти-то слова и вызвали учрежденіе клуба въ епископскомъ дворцѣ. Нашлись люди, принадлежавшіе къ самымъ различнымъ національностямъ, которые почувствовали потребность сгруппироваться вокругъ Парижа. Къ этой группѣ людей примкнулъ и Симурдэнъ. Эта группа являлась реакціей противъ реакціонеровъ. Она возникла вслѣдствіе той публичной потребности въ насиліи, которая составляетъ таинственную и вмѣстѣ съ тѣмъ страшную сторону всякой революціи. Почерпая въ этомъ свою силу, клубъ епископскаго дворца сразу занялъ въ Парижѣ выдающееся положеніе. Среди тогдашнихъ парижскихъ треволненій—Коммуна палила изъ пушекъ, клубъ епископскаго дворца билъ въ набатъ.

Симурдэнъ по своей крайней наивности полагалъ, что всѣ средства дозволены для служенія истинѣ, и это убѣжденіе дѣлало его способнымъ господствовать надъ крайними партіями. Даже люди нечестные видѣли въ немъ человѣка честнаго и были довольны; даже порочнымъ людямъ пріятно видѣть во главѣ своей людей добродѣтельныхъ; хотя это ихъ и стѣсняетъ нѣсколько, но все же это имъ нравится. Паллуа, тотъ самый архитекторъ, который сумѣлъ извлечь для себя личную пользу изъ разрушенія Бастиліи, продавая ея камни и который, когда ему поручено было выкрасить тюрьму Людвика XVI, отъ избытка усердія расписалъ стѣны ея цѣпями и колодками; Гоншонъ, довольно подозрительный витія Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, растратившій, какъ оказалось впослѣдствіи, часть общественныхъ суммъ; Фурнье, тотъ самый американецъ, который 17 іюня стрѣлялъ изъ пистолета въ Лафайета, будучи, какъ увѣряли, подкупленъ самимъ Лафайетомъ; Анріо, выпущенный изъ Бисетрской тюрьмы и бывшій поочередно лакеемъ, канатнымъ плясуномъ, шпіономъ и воромъ, прежде чѣмъ сдѣлаться генераломъ и направлять пушки на конвентъ; Ла-Рейни, бывшій шартрскій старшій викарій, замѣнившій свой молитвенникъ крайнимъ «Перъ-Дюшеномъ»;—всѣ эти люди относились съ величайшимъ уваженіемъ къ Симурдэну, и по временамъ его чистая и убѣжденная личность удерживала многихъ изъ этихъ людей не особенно высокой нравственности отъ предосудительныхъ поступ-

ковъ. Въ то же время большинство членовъ этого революціоннаго клуба, состоявшаго преимущественно изъ людей бѣдныхъ, заблуждающихся, но добрыхъ, вѣрило въ Симурдэна и слѣдовало за нимъ. Помощникомъ его,—или адъютантомъ, если угодно, — былъ другой священникъ-республиканецъ, Данжу, особенно популярный у черни за высокій ростъ и прозванный ею «шестифутовымъ аббатомъ». Кромѣ того, Симурдэнъ могъ бы повести за собою, куда бы только онъ пожелалъ, храбраго народнаго предводителя, прозваннаго «Пиковымъ генераломъ», и смѣлаго Трюшона, иначе «Николая Длиннаго», пытавшагося когда-то спасти графиню Ламбаль и подавшаго ей свою руку для того, чтобы помочь ей перешагнуть черезъ трупы; эта попытка, вѣроятно, и удалась бы ему, если бы тому не помѣшала жестокая шутка цырюльника Шарло.

Коммуна наблюдала за конвентомъ, клубъ епископскаго дворца наблюдалъ за коммуной. Симурдэнъ, человѣкъ прямого, не терпящаго никакихъ интригъ, характера, сумѣлъ порвать не одну интригу, изъ затѣянныхъ Пашемъ, котораго Бёрнонвиль называлъ «чернымъ человѣкомъ». Симурдэнъ находился въ этомъ клубѣ на хорошей ногѣ со всѣми. Съ нимъ совѣщались Добсанъ и Моморо. Онъ говорилъ по-испански съ Гусманомъ, по-итальянски съ Піо, по-англійски съ Арчеромъ, по-фламандски съ Перейрой, по-нѣмецки съ австрійцемъ Проли, внѣбрачнымъ сыномъ одного принца. Онъ умѣлъ согласовать несогласимое. Это придавало ему положеніе не блестящее, но твердое. Самъ Геберъ боялся его.

Въ эти времена и среди такихъ людей Симурдэнъ пользовался могуществомъ человѣка прямолинейнаго. Это былъ человѣкъ безгрѣшный, котораго другіе считали непогрѣшимымъ. Никто никогда не видѣлъ его плакавшимъ; это была добродѣтель недоступная и ледяная. Это былъ праведникъ, способный навести ужасъ на всякаго.

Для духовнаго лица, приставшаго къ революціи, не можетъ быть середины. Священникъ могъ пойти на такое дѣло лишь изъ-за самыхъ высокихъ или изъ-за самыхъ низкихъ побужденій; онъ могъ сдѣлаться только героемъ или подлецомъ. Симурдэнъ оказался героемъ, но героемъ одинокимъ, непонятымъ, затерявшимся среди общей посредственности; онъ являлся единственной возвышенной точкой среди безнадежной равнины. Высокія горныя вершины имѣютъ общее съ дѣвственницей.

По наружности Симурдэнъ былъ до крайности зауряденъ. Одѣвался всегда очень скромно, даже бѣдно. Въ молодости онъ брилъ макушку; теперь онъ былъ лысъ, и рѣдкіе оставшіеся на его головѣ волосы посѣдѣли. Лобъ у него былъ широкій и свидѣтельствовалъ о недюжинномъ умѣ. Говорилъ онъ отрывисто и страстно, торжественнымъ, но нѣсколько сухимъ голосомъ, съ извѣстнымъ оттѣнкомъ повелительности; взоръ его былъ ясенъ и глубокъ, на губахъ никогда не появлялась улыбка, все его лицо носило на себѣ печать какого-то скрытаго негодованія.

Таковъ былъ Симурдэнъ, имя котораго въ наше время врядъ ли кому извѣстно. Въ исторіи встрѣчаются подобные таинственные незнакомцы.

III.

Уголокъ, не погруженный въ рѣку забвенія.

Могъ ли подобный человѣкъ быть человѣкомъ? Могъ ли служитель рода людского питать привязанность къ какому-нибудь одному человѣку? Не слишкомъ ли въ немъ умъ преобладалъ надъ сердцемъ? Могли ли эти объятія, открытыя для всѣхъ вообще, относиться къ кому-нибудь въ частности? Могъ ли Симурдэнъ любить?

На это мы прямо отвѣтимъ: «Да!»

Еще будучи въ молодости учителемъ въ одномъ знатномъ семействѣ, онъ страстно привязался къ своему ученику, единственному сыну и наслѣднику въ этомъ древнемъ родѣ. Да, впрочемъ, вѣдь любить ребенка—такъ легко! Чего только не простишь ребенку! Невинность возраста заставляетъ забыть все. Рабъ прощаетъ ребенку то, что тотъ—сынъ его мучителя; старикъ-негръ способенъ безумно любить бѣлаго младенца.—Итакъ, Симурдэнъ страстно привязался къ своему ученику. Дѣтство имѣетъ то странное свойство, что оно можетъ исчерпать весь запасъ любви. Все, что въ Симурдэнѣ, такъ сказать, было способно любить, сосредоточилось на этомъ ребенкѣ. Кроткое и невинное существо сдѣлалось нѣкоторымъ образомъ добычей сердца, осужденнаго на одиночество. Симурдэнъ любилъ его разомъ всѣми видами любви,—какъ отецъ, какъ братъ, какъ другъ, какъ создатель. Это былъ его сынъ—сынъ не по плоти, а по духу. Онъ не былъ его отцомъ; физически—ребенокъ не былъ его созданіемъ; но онъ былъ его воспитателемъ, и духовно мальчикъ былъ вполнѣ его созданіемъ. Изъ этого барича онъ сдѣлалъ человѣка, и—кто знаетъ!—быть-можетъ, великаго человѣка. Вѣдь человѣку простительно мечтать. Безъ вѣдома семейства,—да развѣ и нужно позволеніе для того, чтобы развить умъ, волю, характеръ?—онъ передалъ молодому виконту, ученику своему, всѣ свои мысли и воззрѣнія, онъ привилъ къ нему всю свою добродѣтель, онъ перелилъ въ его жилы свои убѣжденія, свои идеалы; въ этотъ аристократическій мозгъ онъ влилъ народную душу.

Умъ человѣческій, это—та же грудь кормилицы, и между воспитателемъ, питающимъ своимъ умомъ, и кормилицей, питающей своею грудью, существуетъ несомнѣнная аналогія. Часто воспитатель является больше отцомъ, чѣмъ отецъ, равно какъ и кормилица является часто больше матерью, чѣмъ родная мать.

Симурдэна привязывала къ его воспитаннику глубокая родительская любовь. Онъ приходилъ въ умиленіе при одномъ видѣ этого ребенка. Нужно замѣтить еще, что замѣнить ребенку отца было тѣмъ легче, что ребенокъ этотъ былъ круглый сирота и остался на попеченіи своей слѣпой бабушки и вѣчно отсутствовавшаго дяди. Вскорѣ и бабушка умерла. Оставшійся главою семейства дядя, занимавшій видный постъ въ арміи и при дворѣ и имѣвшій обширныя помѣстья, не любилъ стараго родового замка, жилъ обыкновенно въ Версалѣ или же былъ въ походахъ и оставлялъ сироту въ одиноче-

ствѣ въ старинномъ замкѣ. Такимъ образомъ воспитатель былъ въ полномъ смыслѣ слова хозяиномъ своего дѣла. Нужно еще замѣтить, что ребенокъ этотъ даже и родился на глазахъ у Симурдэна. Будучи еще младенцемъ, онъ перенесъ опасную болѣзнь, при чемъ Симурдэнъ не отходилъ отъ его постели ни днемъ ни ночью. Врачъ лѣчитъ, а сидѣлка спасаетъ: Симурдэнъ сдѣлался сидѣлкой и спасъ ребенка. Такимъ образомъ его воспитанникъ былъ обязанъ ему не только всѣмъ своимъ душевнымъ и умственнымъ развитіемъ, но и здоровьемъ и самою жизнью. Человѣку свойственно боготворить того, кто ему всѣмъ обязанъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Симурдэнъ души не слышалъ въ мальчикѣ.

Но жизнь не преминула ихъ разлучить. Когда воспитаніе было окончено и ребенокъ превратился въ молодого человѣка, Симурдэну пришлось съ нимъ разстаться. О, съ какою холодною и безсознательною жестокостью совершаются эти разлуки! Съ какимъ ужаснымъ спокойствіемъ семейства отпускаютъ и кормилицу, вскормившую ребенка своимъ молокомъ, и воспитателя, вложившаго въ него свою мысль! Симурдэна разсчитали и уволили; онъ покинулъ высшіе слои общества, для того, чтобы снова вернуться въ низшіе; перегородка между великими и малымъ воздвиглась снова; молодой аристократъ, записанный офицеромъ съ самаго дня своего рожденія и сразу получившій капитанскій чинъ, отправился къ своему полку; скромный воспитатель, уже давно тяготившійся въ глубинѣ своего сердца званіемъ священника, поспѣшилъ, однако, вернуться въ тотъ мрачный нижній этажъ церкви, который называется сельскимъ духовенствомъ. Вскорѣ Симурдэнъ потерялъ изъ вида своего воспитанника.

Тѣмъ временемъ произошла революція. Въ душѣ Симурдэна продолжало жить воспоминаніе объ этомъ ребенкѣ, изъ котораго онъ сдѣлалъ человѣка: оно было нѣсколько отуманено крупными общественными событіями, но отнюдь не погасло. Слѣпить статую и вдохнуть въ нее жизнь, конечно, прекрасно; но развить умъ и вдохнуть въ нее чувство правды—еще лучше. Симурдэнъ и разыгралъ роль Пигмаліона по отношенію къ этой душѣ.

Вѣдь бываютъ же дѣти не только по плоти, но и по духу. Этотъ воспитанникъ, этотъ ребенокъ, этотъ сирота былъ единственнымъ существомъ на землѣ, которое Симурдэнъ любилъ.

Но могъ ли быть уязвимъ такой человѣкъ даже въ такой привязанности? Читатель скоро это увидитъ.

Книга вторая.—КАБАЧОКЪ НА ПАВЛИНЬЕЙ УЛИЦѢ.

I.

Миносъ, Эакъ и Радамантъ.

На Павлиньей улицѣ былъ кабачокъ, почему-то называвшійся кофейной. При этой «кофейнѣ» была задняя комната, съ тѣхъ поръ сдѣлавшаяся исторической. Въ ней иногда сходились, болѣе или менѣе тайкомъ, люди до того могучіе и до того стоявшіе на виду, что они не рѣшались заговаривать другъ съ другомъ публично. Здѣсь-то 23 октября 1792 года такъ называемая «Гора» и «Жиронда» обмѣнялись знаменитымъ поцѣлуемъ. Сюда-то Гаратъ, хотя онъ въ томъ и не сознается въ своихъ мемуарахъ, являлся за справками въ ту темную ночь, въ которую онъ, арестовавъ Клавьера въ Бонской улицѣ, остановилъ свою карету на Королевскомъ мосту, для того, чтобы прислушиваться къ звукамъ набата.

28 іюня 1793 года за столомъ въ этой задней комнатѣ сидѣли три человѣка. Стулья ихъ не соприкасались между собою; они сидѣли каждый за одной изъ сторонъ стола, при чемъ четвертая оставалась пустою. Было около восьми часовъ вечера; на улицѣ было еще свѣтло, но въ задней комнатѣ кабачка уже было темно, и привѣшенная къ потолку лампа—по тогдашнимъ временамъ большая роскошь—освѣщала комнату.

Одинъ изъ этихъ трехъ собесѣдниковъ былъ блѣднолицый, серьезный молодой человѣкъ, съ тонкими губами и холоднымъ выраженіемъ глазъ. Лицо его нервно подергивалось, что дѣлало улыбку его похожей на гримасу. Онъ былъ напудренъ, въ перчаткахъ, застегнутъ на всѣ пуговицы; платье его было тщательно вычищено и на немъ не замѣтно было ни одной складки. При свѣтло-синемъ фракѣ онъ носилъ нанковые панталоны, бѣлые чулки, высокій галстукъ, брыжи со сборками и башмаки съ серебряными пряжками. Изъ остальныхъ двухъ его собесѣдниковъ одинъ представлялъ собою что-то въ родѣ великана, другой—что-то въ родѣ карлика. Высокій, на которомъ неуклюже висѣлъ фракъ изъ краснаго сукна, а вокругъ шеи безпорядочно былъ намотанъ шарфъ со свѣсившимися на разстегнутый жилетъ концами, при чемъ нѣкоторыхъ пуговицъ у жилета не хватало, былъ въ сапогахъ съ отворотами и поражалъ своимъ взъерошеннымъ видомъ, хотя на его головѣ и можно было замѣтить слабые слѣды работы парикмахера; его парикъ былъ похожъ на гриву. Лицо у него было рябое, брови сердито сдвинуты, губы толстыя, зубы бѣлые, глаза блестящіе, руки громадныя. Товарищъ его, когда сидѣлъ, казался горбатымъ; цвѣтъ лица у него былъ желтый, глаза были налиты кровью, щеки блѣдны; на его закинутой назадъ головѣ, повязанной

платкомъ, виднѣлись изъ-подъ послѣдняго густо напомаженные волосы; лобъ у него былъ узокъ, но зато ротъ громаденъ и безобразенъ. Панталоны его составляли одно цѣлое съ чулками, жилетъ его когда-то былъ сдѣланъ изъ бѣлаго атласа, но сильно загрязнился, на ногахъ болтались широкіе башмаки; надъ его жилетомъ, въ суконномъ футлярѣ, висѣлъ, насколько можно было судить по очертаніямъ, кинжалъ.

Первый изъ этихъ трехъ человѣкъ былъ Робеспьеръ, второй—Дантонъ, третій—Маратъ.

Они были одни въ комнатѣ. Передъ Дантономъ стояли стаканъ и запыленная бутылка вина, напоминавшая Лютеровскую кружку пива, передъ Маратомъ—чашка кофе, передъ Робеспьеромъ—лежали бумаги. Возлѣ связки бумагъ стояла круглая свинцовая чернильница, въ родѣ тѣхъ, которыя, по всей вѣроятности, еще памятны лицамъ, посѣщавшимъ школы въ началѣ XIX столѣтія. Около чернильницы валялось перо. На бумагѣ была положена большая мѣдная печать, которая представляла собою миніатюрную копію съ Бастиліи и на которой вырѣзаны были слова. «Palloy fecit». Посрединѣ стола разложена была карта Франціи:

Возлѣ двери, но съ наружной ея стороны, стоялъ вѣрный стражъ Марата, тотъ самый полицейскій комиссаръ съ улицы Корделье, которому суждено было двѣ недѣли спустя, а именно 13 іюля, ударить стуломъ по головѣ Шарлотту Кордэ, въ эту самую минуту, т.-е. 28 іюня, замышлявшую въ Каэнѣ убійство Марата. Лоранъ Бассъ занимался также разноской корректурныхъ листовъ «Друга Народа». Будучи приведенъ въ этотъ вечеръ своимъ начальникомъ въ кофейню Павлина, онъ долженъ былъ стоять на-стражѣ возлѣ двери комнаты, въ которой сидѣли Маратъ, Дантонъ и Робеспьеръ, и не пропускать въ эту комнату никого, кромѣ нѣкоторыхъ членовъ комитета общественной безопасности, коммуны или клуба епископскаго дворца. Робеспьеръ велѣлъ впустить Сенъ-Жюста, Дантонъ—Паша, а Маратъ—Гюсмана.

Совѣщаніе продолжалось уже долго. Касалось оно лежавшихъ на столѣ и уже прочтенныхъ Робеспьеромъ бумагъ. Споры становились все оживленнѣе и оживленнѣе, и въ голосахъ этихъ трехъ людей порой звучала сердитая нотка. Громкіе голоса слышны были даже и снаружи. Въ тѣ времена народъ до того уже привыкъ къ трибунамъ и къ публичнымъ рѣчамъ, что у него невольно появлялась потребность слушать; въ тѣ времена даже какой-нибудь разсыльный Фабрицій Пари считалъ себя въ правѣ подсматривать въ замочную скважину, что дѣлаетъ комитетъ общественной безопасности, и это, сказать мимоходомъ, оказалось впослѣдствіи совсѣмъ не лишнимъ, такъ какъ этотъ самый Пари въ ночь съ 30 на 31 марта 1794 года предупредилъ Дантона о рѣшеніяхъ комитета. Итакъ, Лоранъ Бассъ приложилъ ухо къ двери комнаты, въ которой совѣщались Дантонъ, Маратъ и Робеспьеръ. Хотя онъ, собственно, состоялъ на службѣ у Марата, но въ то же время онъ состоялъ агентомъ клуба епископскаго дворца.

II.

Magna testantur voce per umbras [1]).

Наконецъ Дантонъ всталъ и рѣзкимъ движеніемъ отодвинулъ свой стулъ.

— Послушайте!—воскликнулъ онъ.—Есть только одно дѣло неотложной важности, а именно опасность, угрожающая республикѣ. Для меня существуетъ только одинъ долгъ—спасти Францію отъ непріятеля. Для этого хороши всѣ средства, всѣ—рѣшительно всѣ! Когда я имѣю дѣло съ серьезною опасностью, я пользуюсь всѣмъ, чѣмъ могу, и когда мнѣ приходится всего опасаться, я иду напроломъ. Моя мысль подобна львицѣ. Въ дѣлѣ революціи я не допускаю никакихъ полумѣръ, никакихъ церемоній. Немезида должна быть безпощадна. Будемте страшны — и мы будемъ полезны. Развѣ слонъ разбираетъ, куда онъ ставитъ ногу? Раздавимте непріятеля!

— Я противъ этого ничего не имѣю,—отвѣтилъ Робеспьеръ мягкимъ голосомъ и затѣмъ прибавилъ:—Но весь вопросъ въ томъ, гдѣ врагъ?

— Онъ за нашимъ рубежемъ, и выгналъ его—я!—воскликнулъ Дантонъ.

— Нѣтъ, онъ у насъ внутри, и я наблюдаю за нимъ,—проговорилъ Робеспьеръ.

— Ну, такъ я его опять прогоню,—сказалъ Дантонъ.

— Внутренняго врага не изгоняютъ.

— Такъ что же съ нимъ дѣлаютъ?

— Его истребляютъ.

— Я согласенъ и на это,—въ свою очередь, проговорилъ Дантонъ.—Но только я васъ увѣряю, Робеспьеръ, что онъ внѣ страны,—прибавилъ онъ.

— А я васъ увѣряю, Дантонъ, что онъ въ предѣлахъ страны.

— Онъ возлѣ границъ, Робеспьеръ.

— Нѣтъ, Дантонъ, онъ—въ Вандеѣ.

— Успокойтесь,—сказалъ третій голосъ, — онъ—всюду, и вы погибли

То былъ голосъ Марата.

Робеспьеръ взглянулъ на Марата и спокойно возразилъ.

— Намъ не нужно общихъ мѣстъ. Я констатирую факты.

— Педантъ!—пробормоталъ сквозь зубы Маратъ.

Робеспьеръ положилъ руку на разложенныя передъ нимъ бумаги и продолжалъ:

— Я только что прочелъ вамъ донесеніе марнскаго депутата. Я только что передалъ вамъ свѣдѣнія, доставленныя Желамбромъ. Послушайте, Дантонъ, иноземная война—ничто, война внутренняя—все. Иноземная война, это—не что иное, какъ царапина на локтѣ; внутренняя война, это—ракъ въ печени. Изъ всего, что я

---

[1]) Громкимъ голосомъ спорятъ въ темнотѣ.

только что прочелъ вамъ, явствуетъ слѣдующее: Вандея, въ которой до сихъ поръ дѣйствовали вразбродъ разные предводители, готова сплотиться. У нея отнынѣ будетъ одинъ главнокомандующій...

— Центральный разбойникъ,—пробормоталъ сквозь зубы Дантонъ.

— ... а именно человѣкъ, высадившійся 2 іюня близъ Понторсона,—продолжалъ Робеспьеръ.—Вы знаете, кто онъ таковъ. Замѣтьте, что высадка эта совпадаетъ по времени съ задержаніемъ въ Байё, въ этомъ измѣнническомъ Кальвадосскомъ департаментѣ, нашихъ чрезвычайныхъ уполномоченныхъ: депутата котъ-д'орскаго и Ромма; арестованы они 2 іюня, т.-е. въ тотъ же самый день.

— Да, и отправлены въ Каэнскій замокъ,—вставилъ свое слово Дантонъ.

— Въ депешахъ говорится далѣе,—продолжалъ Робеспьеръ,—что партизанская война организуется на широкую ногу. Въ то же время готовится высадка англичанъ; вандейцы и англичане, это значитъ—бретонцы и британцы. Финистерскіе мужланы говорятъ тѣмъ же языкомъ, какъ и корнваллійская сволочь. Я предъявилъ вамъ перехваченное Пюизеемъ письмо, въ которомъ говорится что «двадцать тысячъ красныхъ мундировъ, появившись на мѣстѣ возстанія, заставятъ подняться сто тысячъ человѣкъ». Когда крестьянское возстаніе будетъ въ полномъ разгарѣ, произведена будетъ высадка англичанъ. Вотъ ихъ планъ. Не угодно ли вамъ будетъ прослѣдить.

Робеспьеръ продолжалъ, водя пальцемъ по картѣ

— Англичане могутъ выбрать для высадки любой пунктъ, отъ Канкаля до Пемполя. Крэгъ предпочелъ бы Сентъ-Бріесскую бухту, генералъ Корнваллисъ—Сенъ-Кастскую. Лѣвый берегъ Луары охраняется мятежной Вандейской арміей, а что касается восьмидесяти-мильнаго открытаго пространства между Ансенисомъ и Понторсономъ, то сорокъ нормандскихъ общинъ обѣщали свое содѣйствіе для его защиты. Высадка произведена будетъ въ трехъ пунктахъ: въ Плеренѣ, Иффиніакѣ и Пленефѣ; изъ Плерена высадившіяся войска пойдутъ на Сентъ-Бріе, а изъ Пленефа—на Ламбалль. На второй день они достигнутъ Динана, гдѣ содержатся девятьсотъ англійскихъ плѣнныхъ, и въ то же время займутъ Сенъ-Жуанъ и Сенъ-Меэнъ, гдѣ оставлена будетъ кавалерія. На третій день двѣ колонны направятся: одна изъ Жуана на Бедэ, а другая изъ Динана на Бешерель,—мѣсто, сильно укрѣпленное природой, гдѣ поставлены будутъ двѣ батареи. На четвертый день они будутъ въ Реннѣ, а Реннъ—ключъ Бретани; въ случаѣ взятія Ренна падутъ также Шатонефъ и Сенъ-Мало. Въ Реннѣ хранятся пятьдесятъ полевыхъ орудій и милліонъ патроновъ...

— Которые они, конечно, захватятъ,—пробормоталъ Дантонъ.

— Далѣе,—продолжалъ Робеспьеръ,—они направятъ изъ Ренна три колонны: одну—на Фужеръ, другую—на Витрэ, третью—на Редонъ. Такъ какъ мосты разрушены, то непріятель возьметъ съ собою—на это прямо указывается въ донесеніи—понтоны и бревна,

и, кромѣ того, онъ будетъ имѣть при себѣ проводниковъ, которые укажутъ ему тѣ мѣста, гдѣ кавалерія можетъ переправиться, черезъ рѣку вбродъ. Изъ Фужера онъ направится на Авраншъ, изъ Редона—на Ансенисъ, изъ Витрэ—на Лаваль. Нантъ и Брестъ должны будутъ сдаться. Редонъ господствуетъ надъ всѣмъ теченіемъ Вилэны, Фужеръ—надъ большой дорогой въ Нормандію, Витрэ—надъ Парижской дорогой. По прошествіи двухъ недѣль соберется армія разбойниковъ въ триста тысячъ человѣкъ, и вся Бретань будетъ въ рукахъ короля Франціи.

— То-есть, короля Англіи,—поправилъ Дантонъ Робеспьера.

— Нѣтъ, короля Франціи,—настаивалъ тотъ и затѣмъ продолжалъ:—а король Франціи—врагъ болѣе серьезный. Для того, чтобы прогнать иноземца, достаточно двухъ недѣль, а чтобъ уничтожить у насъ монархію потребовалось восемнадцать столѣтій.

Дантонъ, снова усѣвшись, облокотился на столъ, схватился руками за голову и задумался.

— Вы видите, въ чемъ заключается опасность,—продолжалъ Робеспьеръ.—Витрэ открываетъ англичанамъ дорогу въ Парижъ.

Дантонъ поднялъ голову и, опустивъ свои оба сжатые кулака на лежавшую передъ нимъ карту, точно на наковальню, воскликнулъ:

— А развѣ, Робеспьеръ, Верденъ не открывалъ пруссакамъ дороги въ Парижъ?

— Ну, такъ что жъ изъ этого?

— А то, что мы прогонимъ англичанъ точно такъ же, какъ мы прогнали пруссаковъ.

И Дантонъ снова вскочилъ. Робеспьеръ положилъ свою холодную руку на горячую руку Дантона.

— Дѣло въ томъ, Дантонъ,—проговорилъ онъ,—что Шампань не была за пруссаковъ, а Бретань—за англичанъ. Въ Верденѣ велась война иноземная, въ Витрэ будетъ вестись война междоусобная. А вѣдь это, кажется, разница не маленькая,—прибавилъ онъ серьезнымъ и холоднымъ голосомъ и затѣмъ продолжалъ:—садитесь, Дантонъ, и лучше вглядитесь въ карту, чѣмъ стучать по ней кулакомъ.

Но Дантона не такъ-то легко было унять.

— Никакъ не могу взять въ толкъ,—воскликнулъ онъ,—что опасность усматриваютъ съ запада, когда она надвигается съ востока. Я согласенъ съ вами, Робеспьеръ, что Англія поднимается съ прибрежья океана; но Испанія поднимается съ юга, Италія—съ юго-востока, Германія—съ востока. А тамъ, вдали за ними, заворочался еще русскій медвѣдь. Опасность, Робеспьеръ, охватила насъ кольцомъ и мы находимся внутри этого кольца. Извнѣ—коалиція, внутри—измѣна. На югѣ Серванъ пріотворяетъ для короля Испаніи дверь во Францію, на сѣверѣ Дюмурье переходитъ къ непріятелю. Впрочемъ, онъ всегда меньше угрожалъ Голландіи, чѣмъ Парижу. Неервинденъ совершенно парализуетъ Жеммапъ и Вальми. Философъ Рабо-Сентъ-Этьенъ, измѣнникъ, какъ того, впрочемъ, и слѣдовало ожидать отъ протестанта, вступаетъ въ

переписку съ царедворцемъ Монтескьё. Армія сильно поредѣла; теперь не найдется ни одного батальона, въ которомъ оказалось бы налицо болѣе 400 человѣкъ; въ храбромъ Цвейбрюкенскомъ полку осталось всего полтораста человѣкъ; Памарскій лагерь пришлось покинуть; въ Живе осталось всего только пятьсотъ кулей муки; намъ пришлось отступить до Ландау; Вурмзеръ тѣснитъ Клебера; Майнцъ храбро держится, но еще вопросъ—долго ли это будетъ? Конде можно считать потеряннымъ, равно какъ и Валансьеннъ, что не мѣшаетъ Шанселю, защищающему Валансьеннъ, и старику Феро, защищающему Конде, быть истинными героями, равно какъ и Менье, защищающему Майнцъ. Но зато, къ сожалѣнію, всѣхъ остальныхъ нельзя не признать измѣнниками: Дарвилль измѣняетъ въ Ахенѣ, Мутонъ измѣняетъ въ Брюсселѣ, Валансъ измѣняетъ въ Бредѣ, Нельи измѣняетъ въ Лимбургѣ, Миранда измѣняетъ въ Мастрихтѣ; Штенгель—измѣнникъ, Лану—измѣнникъ, Лигонье—измѣнникъ, Мену—измѣнникъ, Дильонъ—измѣнникъ, это все—презрѣнные послѣдователи Дюмурье. Нужно показать примѣръ. Движенія Кюстина взадъ и впередъ тоже весьма подозрительны; я подозрѣваю его въ томъ, что онъ предпочитаетъ лично для него выгодное взятіе Франкфурта полезному для дѣла республики взятію Кобленца. Положимъ, что Франкфуртъ можетъ заплатить четыре милліона военной контрибуціи; но что это значитъ сравнительно съ уничтоженіемъ гнѣзда эмигрантовъ въ Кобленцѣ? Менье умеръ 13 іюня, и теперь у насъ остается одинъ только Клеберъ. А тѣмъ временемъ силы герцога брауншвейгскаго увеличиваются, и онъ все подвигается впередъ, водружая нѣмецкое знамя на всѣхъ занимаемыхъ имъ французскихъ крѣпостяхъ. Маркграфъ бранденбургскій является въ настоящее время рѣшителемъ судебъ Европы; онъ забираетъ наши провинціи, и, вотъ вы увидите, заявитъ скоро притязаніе на Бельгію. Право, можно было бы подумать, что мы работаемъ въ пользу Берлина. Если такъ будетъ продолжаться и если мы не примемъ противъ этого мѣръ, то окажется, что французская революція была произведена въ пользу Потсдамскаго двора, что единственнымъ результатомъ ея будетъ увеличеніе небольшого государства Фридриха II и что мы умертвили короля Франціи ради короля Пруссіи.

Здѣсь свирѣпый Дантонъ разразился хохотомъ. Хохотъ Дантона вызвалъ улыбку на устахъ Марата.

— У каждаго изъ васъ свой конекъ,—заговорилъ послѣдній:— у васъ, Дантонъ—Пруссія, у васъ, Робеспьеръ—Вандея. Ну, такъ позвольте же и мнѣ высказаться. Вы, сѣвши на вашихъ коньковъ, упускаете изъ виду самое главное: кофейни и кабаки. Кофейня Шуазеля—якобинская, кофейня Патеня—роялистская, кофейня Пріятелей враждебна національной гвардіи, кофейня у Сенъ-Мартенскихъ воротъ стоитъ за послѣднюю, кофейня Регентства высказывается противъ Бриссо, кофейня Корацца—за него, кофейня Прокопа клянется именемъ Дидро, кофейня Французскаго театра—именемъ Вольтера, въ кофейнѣ Ротонды рвутъ на клочки ассигнаціи, кофейни Сенъ-Марсо неистовствуютъ, кофейня Манури обсу-

ждаетъ вопросъ о мукѣ, въ кофейнѣ Фуа—гвалтъ и тукманки, въ кофейнѣ Перрона жужжатъ финансовые трутни. Вотъ на все это слѣдовало бы обратить вниманіе.

Дантонъ пересталъ хохотать; Маратъ продолжалъ улыбаться. Улыбка карлика иногда бываетъ страшнѣе хохота великана.

— Что вы желаете—дурачить насъ, Маратъ?—сердитымъ тономъ спросилъ Дантонъ.

Марата всего передернуло; онъ пересталъ улыбаться.

— А-а, узнаю васъ, гражданинъ Дантонъ,—прошипѣлъ онъ.— Не вы ли въ общемъ собраніи конвента назвали меня «какой-то Маратъ». Но слушайте же! Я прощаю вамъ эту обиду. Мы переживаемъ какое-то глупое время; но это все пустяки. Вспомните, кто я таковъ! Я донесъ на Шазо, на Петіона, на Керсена, на Моретона, на Дюфриша-Валазе, на Лигонье, на Мену, на Банвиля, на Жансонне, на Бирона, на Лидона, на Шамбона. Ну, что жъ, развѣ я былъ неправъ? Я чутьемъ слышу измѣнника и я нахожу полезнымъ доносить на него прежде, чѣмъ онъ успѣетъ совершить преступленіе. Я имѣю привычку говорить наканунѣ то, что вы говорите на слѣдующій день. Кто, какъ не я, представилъ собранію полный планъ уголовнаго законодательства? Что я дѣлалъ до сихъ поръ? Я требовалъ, чтобы революція была дисциплинирована; я велѣлъ снять печати съ тридцати двухъ папокъ съ сданными въ архивъ дѣлами; я потребовалъ выдачи брильянтовъ, врученныхъ г-жѣ Роланъ; я добился того, чтобы комитету общественной безопасности были выданы бланковые приказы объ арестѣ, въ которыхъ оставалось только проставить имя; я указалъ на пропуски въ докладѣ Линде о преступленіяхъ Людовика Капета; я подалъ голосъ за немедленную казнь тирана; я защищалъ батальоны моконсельскій и республиканскій; я не допустилъ прочтенія писемъ Нарбонна и Малуэ; я сдѣлалъ предложеніе въ пользу раненыхъ солдатъ; я заставилъ упразднить «комиссію чести»; я уже послѣ монсскаго дѣла предчувствовалъ измѣну Дюмурье; я потребовалъ, чтобы сто тысячъ родственниковъ эмигрантовъ были задержаны въ видѣ заложниковъ за комиссаровъ, выданныхъ непріятелю; я предложилъ объявить измѣнникомъ всякаго народнаго представителя, переходящаго за парижскія заставы; я снялъ маску съ роландовской интриги въ Марсели, я настоялъ на томъ, чтобы назначена была награда за голову сына Филиппа Эгалитэ; я отстаивалъ Бушотта; я потребовалъ поименнаго голосованія для удаленія Инара съ президентскаго кресла; я заставилъ принять резолюцію о томъ, что парижане оказали великую услугу отечеству. И за все это Лувэ называетъ меня паяцомъ, Финистерскій департаментъ и городъ Луденъ требуютъ моего изгнанія, городъ Амьенъ требуетъ, чтобы на меня надѣли намордникъ. Кобуръ требуетъ моего ареста, а Лекуантъ-Пюираво предлагаетъ конвенту объявить меня сумасшедшимъ. Скажите-ка, гражданинъ Дантонъ, зачѣмъ вы позвали меня на ваше совѣщаніе, если не для того, чтобы выслушать мое мнѣніе? Развѣ я просилъ васъ объ этомъ? Нисколько! Мнѣ вовсе не по вкусу бесѣды съ такими анти-революціонерами, какъ вы и

Робеспьеръ. Впрочемъ, такъ и слѣдовало ожидать, что вы не въ состояніи будете понять меня. Вы такъ же мало на это способны какъ Робеспьеръ, а Робеспьеръ—какъ вы. Неужели же здѣсь не найдется другого государственнаго человѣка, кромѣ меня? Васъ, значитъ, приходится учить политической азбукѣ, для васъ нужно ставить точки надъ *i*. Словомъ, я вотъ что хотѣлъ вамъ сказать: вы оба ошибаетесь; опасность кроется не въ Лондонѣ, какъ полагаетъ Робеспьеръ, и не въ Берлинѣ, какъ думаете вы, Дантонъ, а въ Парижѣ. Она кроется въ отсутствіи у насъ единства, въ томъ, что всякій, начиная съ васъ обоихъ, считаетъ себя въ правѣ тянуть въ свою сторону, въ анархіи въ мысляхъ, въ отсутствіи твердой воли.

— Анархія мыслей!—перебилъ его Дантонъ.—Но кто же ее создалъ какъ не вы сами?

— Робеспьеръ, Дантонъ,—продолжалъ Маратъ, не отвѣчая на это замѣчаніе,—опасность кроется въ этомъ множествѣ кофеенъ, игорныхъ домовъ, клубовъ,—въ клубѣ черныхъ, клубѣ федералистовъ, дамскомъ клубѣ, клубѣ безпристрастныхъ, переселенномъ сюда изъ Клермонъ-Тоннерра, бывшемъ прежде монархистскимъ клубомъ и созданномъ по мысли священника Клода Фоше, клубѣ шерстяныхъ колпаковъ, основанномъ газетчикомъ Прюдомомъ, и т. д. и т. д.; не считая вашего якобинскаго клуба, Робеспьеръ, и вашего кордельерскаго клуба, Дантонъ. Опасность кроется въ голодѣ, заставившемъ носильщика Блена вздернуть на фонарь возлѣ Ратуши булочника Франсуа Дени, и въ судахъ, повѣсившихъ носильщика Блена за то, что онъ повѣсилъ булочника Франсуа Дени. Опасность кроется въ бумажныхъ деньгахъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе теряющихъ свою цѣнность. Недавно кто-то уронилъ въ Тампльской улицѣ сто-франковую ассигнацію, а проходившій мимо нищій замѣтилъ: «Не стоитъ нагибаться, чтобы ее поднять!» Опасность кроется въ скупщикахъ и барышникахъ. Къ чему повело то, что на ратушѣ поднятъ черный флагъ? Вы арестовали барона Тренка, но этого недостаточно: нужно свернуть шею этому старому тюремному интригану. Вы думаете, что все сдѣлано, если предсѣдатель конвента возложилъ вѣнокъ на голову Лабертеша, получившаго сорокъ одинъ сабельный ударъ въ сраженіи при Жеммапѣ и воспѣтаго Шенье? Все это не что иное, какъ комедія и фиглярство! Вы не видите, что творится въ Парижѣ! Вы ищете опасности вдали! А что же дѣлаетъ ваша полиція, Робеспьеръ? Что дѣлаютъ всѣ наши шпіоны: Пайянъ—въ коммунѣ, Коффиналь—въ революціонномъ судилищѣ, Давидъ—въ комитетѣ общественной безопасности, Кутонъ—въ комитетѣ спасенія республики? Вы видите, что я запасся точными свѣдѣніями. Ну, такъ знайте же вотъ что: опасность виситъ надъ вашей головой, лежитъ у васъ подъ ногами; всюду только заговоры и заговоры; прохожіе на улицахъ читаютъ другъ другу выдержки изъ газетъ и киваютъ другъ другу головами; не менѣе шести тысячъ возвратившихся во Францію эмигрантовъ, щеголей и шпіоновъ прячутся въ подвалахъ, коридорахъ и на чердакахъ

Пале-Ройяля; къ булочнымъ не проберешься; женщины, встрѣчаясь въ воротахъ, обращаются другъ къ другу со словами: «Когда же, наконецъ, будетъ миръ?» Сколько вы ни уединяйтесь въ залѣ исполнительнаго совѣта, сколько ни запирайте дверей, всѣмъ очень хорошо извѣстно, что вы тамъ говорите; и въ доказательство тому, Робеспьеръ, я приведу вамъ слова, сказанныя вами вчера вечеромъ Сенъ-Жюсту: «Барбару начинаетъ толстѣть; это можетъ явиться для него помѣхой при бѣгствѣ». Да, опасность всюду, и въ особенности въ центрѣ, въ Парижѣ. Враги республики интригуютъ, патріоты ходятъ босикомъ, аристократы, арестованные 9 марта, уже отпущены на свободу, каретныя лошади, которымъ настоящее мѣсто на границѣ въ запряжкѣ орудій, давятъ патріотовъ на улицахъ Парижа, хлѣбъ въ четыре фунта стоитъ три франка двѣнадцать су, въ театрахъ даются безнравственныя пьесы и—Робеспьеръ отправитъ на эшафотъ Дантона!

— Какъ бы не такъ!—пробормоталъ Дантонъ.

Робеспьеръ продолжалъ внимательно разсматривать карту.

— Въ чемъ предстоитъ настоятельная необходимость,—воскликнулъ Маратъ рѣзкимъ голосомъ,—такъ это въ диктаторѣ! Вы знаете, Робеспьеръ, что я желаю диктатора?

— Да, знаю, Маратъ,—отвѣтилъ Робеспьеръ, поднимая голову отъ карты.—Васъ или меня.

— Да, меня или васъ,—подтвердилъ Маратъ.

— Диктатуру! Суньтесь-ка! — пробормоталъ Дантонъ сквозь зубы.

Отъ вниманія Марата не ускользнуло то, что брови Дантона сердито нахмурились. Онъ продолжалъ:

— Вотъ что я вамъ скажу! Придемте къ соглашенію и сдѣлаемте послѣднее усиліе. Положеніе наше стоитъ того. Вѣдь пришли же мы къ соглашенію относительно 31 мая. А теперь общій вопросъ еще важнѣе тогдашняго вопроса о жирондистахъ,—вопроса въ сущности второстепеннаго. Въ томъ, что вы говорите, есть доля правды; но вся правда, истинная правда—въ томъ, что говорю я. На югѣ—федерализмъ, на западѣ—роялизмъ; въ центрѣ, въ Парижѣ,—поединокъ между конвентомъ и коммуной; на границахъ—отступленіе Кюстина и измѣна Дюмурье. Отчего же все это происходитъ? Отъ нашей разрозненности. Что намъ требуется? Единство. Вотъ въ чемъ спасеніе! Но только намъ не слѣдуетъ терять времени. Парижъ долженъ взять дѣло революціи въ свои руки. Если мы потеряемъ хотъ одинъ часъ, то завтра вандейцы могутъ очутиться въ Орлеанѣ, а пруссаки—въ Парижѣ. Я дѣлаю эту уступку вамъ, Дантонъ, и вамъ, Робеспьеръ; но что же изъ этого слѣдуетъ? А то, что намъ необходима диктатура, что безъ нея намъ невозможно обойтись. Учредимте же ее, примемъ на себя втроемъ роль представителей республики. Мы трое—три головы Цербера. Изъ этихъ трехъ головъ одна говоритъ,—это вы, Робеспьеръ; другая рычитъ,—это вы, Дантонъ...

— А третья кусается,—это вы, Маратъ, перебилъ его Дантонъ.

— Отчего же только третья? Всѣ три кусаются,—замѣтилъ Робеспьеръ.

Наступило молчаніе. Наконецъ снова возобновилась эта мрачная и зловѣщая бесѣда.

— Послушайте, Маратъ,—заговорилъ Робеспьеръ:—прежде чѣмъ вступать въ бракъ, нужно хорошенько узнать другъ друга. Какимъ образомъ вы узнали то, что я говорилъ вчера Сенъ-Жюсту?

— Это ужъ мое дѣло, Робеспьеръ. Моя обязанность—все знать, относительно всего наводить справки.

— Но, Маратъ...

— Я уже сказалъ вамъ, Робеспьеръ, что я люблю все знать. Я знаю, какъ то, о чемъ вы говорите съ Сенъ-Жюстомъ, такъ и то, о чемъ Дантонъ говоритъ съ Лакруа, что происходитъ на Театенской набережной, въ домѣ Лабриффа, гдѣ собираются нимфы эмиграціи, или въ домѣ Тилля, возлѣ Гонесса, принадлежащемъ бывшему управляющему почтами Вальмеранжу, куда приходили когда-то Мери и Казалесъ, куда ходили послѣ того Сіэсъ и Вернье, и гдѣ теперь еженедѣльно происходятъ сходки.

При послѣднихъ словахъ Маратъ пристально взглянулъ на Дантона, тотъ воскликнулъ:

— Если бъ у меня было власти хоть на копейку, я знаю, что я бы сдѣлалъ!

— Мнѣ извѣстно все, что вы говорите, Робеспьеръ, — продолжалъ Маратъ,—какъ мнѣ извѣстно то, что происходило на Тампльской башнѣ, когда тамъ откармливали Людовика XVI до такой степени, что въ теченіе одного сентября мѣсяца волкъ, волчиха и волчата съѣли восемьдесятъ шесть корзинъ персиковъ, между тѣмъ какъ народъ голодалъ; какъ мнѣ извѣстно то, что Роланъ скрывался въ одной квартирѣ на заднемъ дворѣ улицы Лагарпъ; какъ мнѣ извѣстно то, что изъ бывшихъ 14 іюля въ дѣлѣ копій шестьсотъ штукъ были изготовлены Форомъ, оружейникомъ герцога Орлеанскаго; какъ мнѣ извѣстно то, что творится у Сентъ-Илерши, любовницы Силлери, какъ старикъ Силлери самъ натираетъ паркетъ въ желтой гостиной, выходящей на улицу Матюренъ, когда у него обѣдаютъ Бюзо и Керсэнъ; а 27 числа у него обѣдалъ Саладенъ... и знаете ли съ кѣмъ, Робеспьеръ? Съ вашимъ пріятелемъ Ласурсомъ.

— Все это одно пустословіе,—пробормоталъ Робеспьеръ. — Ласурсъ мнѣ вовсе не пріятель.—Затѣмъ онъ прибавилъ съ задумчивымъ видомъ: — А пока въ Лондонѣ существуетъ восемнадцать фабрикъ, изготовляющихъ фальшивыя ассигнаціи нашей республики.

Маратъ продолжалъ спокойнымъ, но слегка дрожащимъ голосомъ, наводившимъ страхъ:

— Вы напрасно на себя напускаете важность. Да, я все знаю, вопреки тому, что Сенъ-Жюстъ называетъ «государственною тайною»...

Маратъ сдѣлалъ особое удареніе на послѣднихъ словахъ, взглянулъ на Робеспьера и продолжалъ:

— Мнѣ извѣстно то, что говорится за вашимъ столомъ въ тѣ дни, когда Леба приглашаетъ Давида отвѣдать стряпни своей невѣсты, Елисаветы Дюплэ, вашей будущей родственницы, Робеспьеръ. Я—народное око и я вижу все изъ глубины моего погреба. Да, я все вижу, все слышу, все знаю. Вы же часто развлекаетесь пустяками и предаетесь самодовольству. Робеспьеръ слушаетъ льстивыя слова своей госпожи Шалабръ, дочери того самаго маркиза Шалабра, который игралъ въ вистъ съ Людовикомъ XV въ самый вечеръ казни Дамьена. Да, знай нашихъ! Сенъ-Жюстъ совсѣмъ уходитъ въ свой галстукъ, Лежандръ щеголяетъ въ новомъ кафтанѣ, бѣломъ жилетѣ и громадныхъ брыжжахъ, думая этимъ заставить всѣхъ забыть его кузнечный фартукъ. Робеспьеръ воображаетъ, что для исторіи очень интересно будетъ знать, что онъ являлся въ учредительное собраніе въ сюртукѣ оливковаго цвѣта, а въ конвентъ—въ сюртукѣ цвѣта небеснаго. Портреты его висятъ по всѣмъ стѣнамъ его комнаты...

— А ваши, Маратъ, висятъ во всѣхъ отхожихъ мѣстахъ,—перебилъ его Робеспьеръ голосомъ еще болѣе спокойнымъ, чѣмъ голосъ самого Марата.

Они продолжали бесѣду въ пріятельски-шутливомъ тонѣ, сквозь который, однако, слышались внутренняя злоба, иронія и угроза.

— Скажите-ка, Робеспьеръ, не вы ли называли тѣхъ, кто желаетъ низверженія престоловъ, «Донъ-Кихотами рода людского»?

— А не вы ли, Маратъ, послѣ 4 августа, въ 559 нумерѣ вашего «Друга Народа»,—вы видите, я даже запомнилъ нумеръ: это можетъ пригодиться,—не вы ли требовали, чтобы дворянству возвращены были его титулы? Не вы ли писали: «Герцогъ всегда останется герцогомъ?»

— А вы, Робеспьеръ, въ засѣданіи 7 декабря защищали Роланшу противъ Віара.

— Точно такъ же, какъ мой братъ защищалъ васъ, Маратъ, когда на васъ нападали въ якобинскомъ клубѣ. Но что же это доказываетъ? Ровно ничего.

— Робеспьеръ, извѣстна даже та комната Тюльерійскаго дворца, въ которой вы сказали Гара́: «Мнѣ уже надоѣла революція».

— А здѣсь, Маратъ, въ этомъ самомъ кабачкѣ, вы 29 октября цѣловались съ Барбару.

— Вы, Робеспьеръ, сказали въ разговорѣ съ Бюзо: «Что это за штука такая ваша республика?»

— Маратъ, вы въ этомъ самомъ кабачкѣ угощали завтракомъ марсельцевъ, по три человѣка отъ каждой роты.

— Вы, Робеспьеръ, ходите въ сопровожденіи рыночнаго носильщика, вооруженнаго дубиной.

— А вы, Маратъ, наканунѣ 10 августа просили Бюзо, чтобъ онъ помогъ вамъ бѣжать въ Марсель, при чемъ собирались переодѣться жокеемъ.

— Во время сентябрьской расправы вы прятались, Робеспьеръ.

— А вы, Маратъ, выставлялись напоказъ.

— Вы, Робеспьеръ, швырнули объ полъ красную фригійскую шапку.

— Да, когда ее вздумалъ надѣть измѣнникъ. Робеспьеръ не не можетъ носить того, что носитъ Дюмурье.

— Въ то время, когда проходили солдаты Шатовьё, вы не захотѣли, чтобы на голову Людовика XVI накинуто было покрывало.

— Я сдѣлалъ лучше: я не накрылъ ему головы, а отрубилъ ее.

Дантонъ вздумалъ вмѣшаться, но вмѣшательство его только подлило масла въ огонь.

— Робеспьеръ, Маратъ,—проговорилъ онъ,—успокойтесь!

Маратъ не любилъ, чтобы его имя ставилось на второмъ планѣ.

— А вы чего вмѣшиваетесь?—воскликнулъ онъ, поворачиваясь къ Дантону.

— Чего я вмѣшиваюсь!—закричалъ въ свою очередь, Дантонъ, привскакивая на стулѣ.—А вотъ чего! Я утверждаю, что не должно быть братоубійства, что два человѣка, служащіе народу, не должны вступать между собою въ борьбу, что и безъ того уже довольно и иноземной и междоусобной войны, и что къ нимъ не слѣдуетъ присоединять еще войну домашнюю; что революцію сдѣлалъ я, и что я не желаю, чтобы ее передѣлывали. Вотъ почему я вмѣшиваюсь!

— Вы бы лучше подумали о томъ, чтобы представить отчеты,—проговорилъ Маратъ, не возвышая голоса.

— Это легко сдѣлать! — воскликнулъ Дантонъ. — Ступайте искать ихъ въ освобожденной мною Аргоннѣ, въ очищенной отъ непріятеля Шампани, въ завоеванной Бельгіи, среди армій, въ рядахъ которыхъ я уже четыре раза подставлялъ свою грудь подъ картечь! Ступайте искать ихъ на площади Революціи, на эшафотѣ 21 января, на разбитомъ тронѣ, на гильотинѣ, этой вдовѣ...

— Гильотина вовсе не вдова, а дѣвственница,—перебилъ Маратъ Дантона.—Возлѣ нея можно лежать ницъ, но ее нельзя оплодотворить.

— Почему вы такъ думаете?— возразилъ Дантонъ. — А вотъ я такъ оплодотворяю ее.

— Посмотримъ,—проговорилъ Маратъ и улыбнулся.

— Маратъ!—воскликнулъ Дантонъ, подмѣтившій эту улыбку.— Я привыкъ дѣйствовать всегда открыто, начистоту. Я ненавижу все, что пресмыкается. Я никогда не былъ и не буду мокрицей Ваше мѣсто—подвалъ, мое—улица. Вы отъ всѣхъ сторонитесь, я доступенъ для всякаго прохожаго.

— Миленькій господинчикъ, не хотите ли зайти къ мнѣ?—пробормоталъ сквозь зубы Маратъ. И, переставъ улыбаться, онъ продолжалъ вызывающимъ голосомъ:—Дантонъ, отдайте отчетъ относительно тридцати трехъ тысячъ экю звонкой монетой, которыя выплатилъ вамъ Монморенъ отъ имени короля, подъ видомъ вознагражденія васъ за потерянное вами мѣсто прокурора суда въ Шатлэ.

— Я участвовалъ въ дѣлѣ 14 іюля, — надменно проговорилъ Дантонъ.

— А королевскія кладовыя? А коронные брильянты?

— Я участвовалъ въ дѣлѣ 6 октября.

— А грабительства вашего alter ego Лакруа въ Бельгіи?

— Я участвовалъ въ дѣлѣ 20 іюня.

— А ссуды, выданныя госпожѣ Монтанье?

— Я возбуждалъ народъ при возвращеніи короля изъ Варенна.

— А оперный театръ, построенный на доставленныя вамъ деньги?

— Я вооружилъ парижскіе кварталы.

— А сто тысячъ секретныхъ суммъ министерства юстиціи?

— Я устроилъ движеніе 10 августа

— А два милліона негласныхъ расходовъ собранія, изъ которыхъ четверть перешла въ вашъ карманъ?

— Я остановилъ наступленіе непріятеля и загородилъ дорогу коалиціи монарховъ.

— Вы—проститутка!—проговорилъ Маратъ.

— Да!—воскликнулъ Дантонъ, вскакивая, съ свирѣпымъ выраженіемъ.—Пускай я продалъ себя, но зато я спасъ міръ!

Робеспьеръ продолжалъ кусать себѣ ногти. Онъ неспособенъ былъ ни смѣяться ни улыбаться: ему недоставало смѣха—перуна Дантона, и улыбки—жала Марата.

— Я подобенъ океану,—продолжалъ Дантонъ.— У меня бываетъ приливъ и отливъ; при отливѣ видно дно моей души, при приливѣ видны ея высоко вздымающіяся волны.

— То-есть, ея пѣна, хотите вы сказать,—ехидно вставилъ Маратъ.

— Нѣтъ, ея буря,—возразилъ Дантонъ.

И они оба, Дантонъ и Маратъ, одновременно вскочили съ мѣстъ. И послѣдній, наконецъ, вышелъ изъ себя и изъ ехидны превратился въ дракона.

— Вотъ какъ!—воскликнулъ онъ.—Вотъ какъ! Ни вы, Робеспьеръ, ни вы, Дантонъ, не желаете меня слушать! Ну, хорошо же, такъ вотъ что я вамъ скажу: вы оба погибли. Ваша политика довела васъ до невозможности итти далѣе; вамъ нѣтъ никакого выхода, и то, что вы теперь дѣлаете, закрываетъ передъ вами всѣ двери, кромѣ двери могилы.

— Въ томъ-то и заключается ваше величіе,—проговорилъ Дантонъ, пожимая плечами.

— Берегись, Дантонъ,—продолжалъ Маратъ. — У Верню былъ такой же большой ротъ и такія же толстыя губы, и такія же нахмуренныя брови, какъ у тебя; онъ былъ такой же рябой, какъ ты и Мирабо, но все это не помѣшало 31-му мая. А-а, ты пожимаешь плечами! Берегись! Иногда отъ пожиманія плечами сваливается съ плечъ голова. Повторяю тебѣ, Дантонъ, твой грубый голосъ, твой безпорядочно-повязанный галстукъ, твои мягкіе сапоги, твои интимные ужины, твои объемистые карманы—все это пахнетъ Луизочкой.

Луизочка — было ласкательное имя, которымъ Маратъ обозначалъ гильотину.

— А что касается тебя, Робеспьеръ, — продолжалъ Маратъ,— то ты корчишь изъ себя умѣреннаго, но это тебѣ ни къ чему не послужитъ. Пудрись, расчесывайся, чистись сколько тебѣ угодно, корчи изъ себя хлыща, щеголяй бѣльемъ, завивай себѣ волосы — все же тебѣ не миновать Гревской площади; заигрывай съ герцогомъ брауншвейгскимъ—тебѣ все же не избѣжать участи Дамьена; ухаживай за своей особой—все же ты будешь сидѣть на позорной колесницѣ!

— Кобленцское эхо!—пробормоталъ Робеспьеръ сквозь зубы.

— Неправда, Робеспьеръ! Я—ничье не эхо, я—всеобщій крикъ! Вы оба—молокососы! Который тебѣ годъ, Дантонъ? Тридцать четвертый! А тебѣ, Робеспьеръ? Тридцать третій! Ну, а я жилъ съ самаго сотворенія міра; имя мнѣ — страданіе человѣчества; мнѣ уже шесть тысячъ лѣтъ!

— Это вѣрно,—согласился Дантонъ.—Въ теченіе шести тысячъ лѣтъ Каинъ сохранился въ своей ненависти, подобно тому, какъ жаба сохраняется въ камнѣ; но вотъ камень треснулъ, Каинъ выпрыгиваетъ изъ него въ людское общество, и это—Маратъ.

— Дантонъ! — воскликнулъ Маратъ, и глаза его сверкнули страшнымъ блескомъ.

— Что такое?—спокойно спросилъ Дантонъ.

Такъ бесѣдовали эти три ужасные человѣка. То была ссора громовержцевъ.

III

Внутреннія судороги.

Бесѣда на время прекратилась. Титаны отдались теченію своихъ мыслей.

Львы бояться удавовъ. Робеспьеръ сильно поблѣднѣлъ, а Дантонъ не менѣе сильно покраснѣлъ. У обоихъ по членамъ пробѣжала дрожь. Свирѣпый взоръ Марата потухъ; на его лицѣ снова отразилось спокойствіе — повелительное спокойствіе, способное устрашить даже такихъ людей, которые сами для многихъ страшны.

Дантонъ чувствовалъ себя побѣжденнымъ, но не желалъ сдаваться. Онъ продолжалъ:

— Маратъ очень громко кричитъ о диктатурѣ и объ единствѣ власти, но онъ обладаетъ одною только способностью—всюду вносить смуту.

Робеспьеръ, разжимая свои тонкія губы, проговорилъ:

— Я придерживаюсь мнѣнія Анахарсиса Клоца: я говорю: ни Роланъ ни Маратъ.

— А я говорю,— возразилъ Маратъ; — ни Дантонъ ни Робеспьеръ.—И, пристально взглянувъ въ глаза имъ обоимъ, онъ продолжалъ: — Позвольте мнѣ дать вамъ совѣтъ, Дантонъ. Вы влюблены, вы думаете о вторичномъ бракѣ. Ну, такъ будьте же благоразумны,—не вмѣшивайтесь въ политику.

И, отступивъ на одинъ шагъ къ выходной двери, онъ отвѣсилъ имъ ироническій поклонъ и проговорилъ:

— Прощайте, господа.

У Дантона и Робеспьера по тѣлу пробѣжала дрожь.

Въ это время изъ глубины комнаты раздался голосъ, произнесшій:

— Ты неправъ, Маратъ!

Всѣ оглянулись. Во время вспышки Марата, совершенно незамѣтно для трехъ собесѣдниковъ, кто-то вошелъ въ находившуюся въ задней стѣнѣ дверь.

— А, это ты, гражданинъ Симурдэнъ,—проговорилъ Маратъ.— Здравствуй!

Дѣйствительно, то былъ Симурдэнъ.

— Я утверждаю, что ты неправъ, Маратъ,—повторилъ онъ

Маратъ поблѣднѣлъ, или вѣрнѣе сказать, позеленѣлъ.

— Ты полезенъ,—сказалъ Симурдэнъ,—Робеспьеръ и Дантонъ необходимы. Зачѣмъ же угрожать имъ? Согласіе, согласіе, граждане! Народъ требуетъ отъ васъ согласія.

Появленіе этого человѣка произвело впечатлѣніе вылитаго ведра холодной воды и, подобно появленію посторонняго человѣка во время семейной ссоры, успокоило, если не дно, то все же хоть поверхность.

Симурдэнъ подошелъ къ столу. Дантонъ и Робеспьеръ его знали. Они не разъ замѣчали въ предназначенныхъ для публики трибунахъ конвента этого серьезнаго и, повидимому, вліятельнаго человѣка, которому простолюдины низко кланялись. Однако Робеспьеръ, какъ формалистъ, спросилъ его:

— Какимъ образомъ вы сюда попали?

— Онъ—членъ клуба епископскаго дворца,—проговорилъ Маратъ голосомъ, въ которомъ звучала какая-то покорность.

Дѣло въ томъ, что Маратъ, съ пренебреженіемъ относясь къ конвенту и водя за носъ коммуну, боялся клуба епископскаго дворца. Здѣсь повторился только общій законъ. Мирабо предчувствовалъ появленіе изъ неизвѣстной дали Робеспьера, Робеспьеръ предчувствовалъ Марата, Маратъ предчувствовалъ Гебэра, Гебэръ предчувствовалъ Бабёфа. Пока подземные слои спокойны, политическій дѣятель смѣло можетъ ходить по землѣ надъ ними; но самый отъявленный революціонеръ сознаетъ существованіе подъ нимъ подпочвы, и самые смѣлые изъ нихъ останавливаются, замѣчая колебаніе почвы у себя подъ ногами. Умъ и проницательность великихъ революціонеровъ въ томъ именно и заключаются, чтобы умѣть отличить движеніе, являющееся результатомъ принциповъ, отъ движеній, являющихся результатомъ личныхъ вожделѣній, чтобы содѣйствовать первому и бороться противъ послѣднихъ.

— Ого!—проговорилъ Дантонъ замѣтивъ смущеніе Марата. — Гражданинъ Симурдэнъ оказывается здѣсь нелишнимъ.

И онъ протянулъ Симурдэну руку.

— Ну, такъ вотъ что, — продолжалъ онъ, — нужно объяснить гражданину Симурдэну въ чемъ дѣло. Онъ подошелъ какъ нельзя

болѣе кстати. Я представляю здѣсь собою «гору», Робеспьеръ—комитетъ общественной безопасности. Маратъ—коммуну, Симурдэнъ—клубъ епископскаго дворца. Пускай онъ насъ разберетъ.

— Хорошо, — проговорилъ Симурдэнъ спокойнымъ голосомъ.— Такъ въ чемъ же дѣло?

— Дѣло идетъ о Вандеѣ, — отвѣтилъ Робеспьеръ.

— О Вандеѣ? — переспросилъ Симурдэнъ и продолжалъ: — Да, это дѣло серьезное. Если революція умретъ, она умретъ благодаря Вандеѣ. Одна Вандея страшнѣе десяти Германій. Для того, чтобы Франція могла жить, нужно убить Вандею.

Эти немногія слова расположили Робеспьера въ его пользу. Тотъ, однако, обратился къ нему съ вопросомъ:

— А что, вы не бывшій ли священникъ?

Обликъ бывшаго священника сразу же бросился въ глаза Робеспьеру, бывшему адвокату.

— Да, гражданинъ, — отвѣтилъ Симурдэнъ.

— Ну, такъ что жъ изъ этого!—воскликнулъ Дантонъ.—Дѣльный священникъ стоитъ всякаго другого. Въ революціонныя эпохи священники переливаются въ гражданъ, какъ колокола — въ монеты и въ пушки. Данжу—священникъ, Дону—равнымъ образомъ. Тома̀ Лендэ состоитъ епископомъ эврёзскимъ; да вы сами, Робеспьеръ, сидите въ конвентѣ локоть-объ-локоть съ епископомъ бовэскимъ Массьё. Старшій викарій Вожуа входилъ въ составъ инсуррекціоннаго комитета 10 августа. Шабо — капуцинъ. Жерль принималъ присягу въ жё-де-помѣ; аббатъ Одранъ потребовалъ, чтобы національное собраніе было объявлено стоящимъ выше короля; аббатъ Гуттъ потребовалъ у законодательнаго собранія, чтобы съ кресла Людовика XVI снятъ былъ балдахинъ; аббатъ Грегуаръ внесъ предложеніе объ упраздненіи королевской власти.

— Да, и предложеніе это было поддержано,—захихикалъ Маратъ,—фигляромъ Колло-д'Эрбуа. Они вдвоемъ сдѣлали дѣло: священникъ повалилъ тронъ, комедіантъ низвергъ короля.

— Возвратимся, однакоже, къ вандейскимъ дѣламъ,—вмѣшался въ разговоръ Робеспьеръ.

— Ну, такъ что же тамъ новаго?—спросилъ Симурдэнъ.—Что творится въ этой вашей Вандеѣ?

— А вотъ что,—отвѣтилъ Робеспьеръ: — она нашла себѣ предводителя; она вскорѣ сдѣлается страшной.

— А кто этотъ предводитель, гражданинъ Робеспьеръ?

— Это бывшій маркизъ Лантенакъ, присваивающій себѣ титулъ бретонскаго принца.

— А-а, я его знаю, — проговорилъ Симурдэнъ, кивнувъ головою. — Я былъ священникомъ въ его помѣстьяхъ. Но, впрочемъ, онъ прежде больше занимался женщинами, чѣмъ войною,—прибавилъ онъ, подумавъ немного.

— Точно такъ же, какъ Биронъ, начальствовавшій въ Лозёнѣ, — замѣтилъ Дантонъ.

— Да, да, это бывшій жуиръ, — задумчиво продолжалъ Симурдэнъ.—Онъ долженъ быть ужасенъ.

— Поистинѣ свирѣпъ,— подтвердилъ Робеспьеръ. — Онъ сжигаетъ дотла селенія, добиваетъ раненыхъ, умерщвляетъ плѣнныхъ, разстрѣливаетъ женщинъ.

— Какъ?! Неужели женщинъ?

— Да. Онъ, между прочимъ, велѣлъ разстрѣлять одну женщину, при которой было трое дѣтей. Неизвѣстно, что сталось съ ребятами. А, впрочемъ, это несомнѣнный полководецъ, знающій военное дѣло.

— Это вѣрно, — согласился Симурдэнъ. — Онъ участвовалъ въ ганноверской войнѣ, и еще въ то время солдаты говорили: «Наверху Ришельё, внизу—Лантенакъ». Настоящимъ главнокомандующимъ былъ въ то время Лантенакъ. Поразспросите-ка объ этомъ вашего товарища Дюссо.

Робеспьеръ задумался на минуту и потомъ проговорилъ, обращаясь къ Симурдэну:

— Ну, такъ вотъ, гражданинъ Симурдэнъ, человѣкъ этотъ уже три недѣли какъ въ Бретани.

— Его нужно объявить стоящимъ внѣ закона, нужно назначить цѣну за его голову.

— И то и другое уже сдѣлано.

— Нужно обѣщать тому, кто его захватитъ, большую сумму денегъ, да не ассигнаціями, а золотомъ.

— Это уже сдѣлано.

— Затѣмъ его нужно отправить на гильотину и отрубить ему голову.

— Это будетъ сдѣлано.

— Кѣмъ?

— Вами.

— Мной?

— Да, комитетъ общественнаго спасенія назначитъ васъ своимъ делегатомъ въ Вандеѣ, и притомъ съ самыми обширными полномочіями.

— Принимаю,— лаконически отвѣтилъ Симурдэнъ.

Робеспьеръ обладалъ драгоцѣннымъ для государственнаго человѣка качествомъ—быть быстрымъ въ своихъ рѣшеніяхъ. Онъ вынулъ изъ лежавшей передъ нимъ кипы бумагъ бѣлый листъ, въ заголовкѣ котораго были оттиснуты слѣдующія слова: *Французская республика единая и нераздѣльная. Комитетъ общественнаго спасенія.*

Симурдэнъ продолжалъ:

— Да, я принимаю. Противъ неумолимаго — неумолимый. Лантенакъ свирѣпъ — и я буду свирѣпъ. Борьба на жизнь и смерть съ этимъ человѣкомъ. Съ Божьей помощью я избавлю отъ него республику.—Здѣсь онъ остановился и затѣмъ прибавилъ: — Все равно: вѣдь я священникъ, я вѣрую въ Бога.

— Теперь ужъ все это устарѣло, — замѣтилъ Дантонъ.

— Я вѣрую въ Бога, — повторилъ Симурдэнъ невозмутимымъ голосомъ.

Мрачный Робеспьеръ одобрительно кивнулъ ему головою. Симурдэнъ спросилъ:

— При комъ я буду состоять делегатомъ?

— При начальникѣ экспедиціонной колонны, высланной противъ Лантенака,—отвѣтилъ Робеспьеръ.—Только я предупреждаю васъ, что это дворянинъ.

— Вотъ тоже вещь, которой я не придаю ни малѣйшаго значенія. Что же такое, что дворянинъ? Велика важность!—воскликнулъ Дантонъ.—О дворянинѣ можно сказать то же, что и о священникѣ: если онъ за насъ, то онъ хорошъ. Знатность рода, это—конечно, предубѣжденіе; но именно потому-то ей и не слѣдуетъ придавать односторонняго значенія. Скажите, Робеспьеръ, развѣ Сенъ-Жюстъ—не дворянинъ? Флорель де-Сенъ-Жюстъ, чортъ побери! Развѣ Анахарсисъ Клоцъ — не баронъ? Развѣ нашъ другъ Карлъ Гессенъ, не пропускающій ни одного засѣданія клуба башмачниковъ, не принцъ и не братъ царствующаго ландграфа Гессенъ-Ротенбургскаго? Развѣ другъ Марата Монто—не маркизъ де-Монто? Въ революціонномъ судилищѣ засѣдаетъ одинъ священникъ — Вилатъ, и одинъ дворянинъ—маркизъ Леруа-де-Монфлаберъ. А между тѣмъ оба они—люди вполнѣ благонадежные

— Вы еще забыли,—вставилъ свое слово Робеспьеръ,—предсѣдателя революціоннаго судилища Антонеля, настоящее имя котораго—маркизъ Антонель.

— А развѣ не дворянинъ Дампьерръ, — продолжалъ Дантонъ, — недавно убитъ передъ стѣнами Конде въ рядахъ республиканскихъ войскъ? Развѣ не дворянинъ Борепэръ предпочелъ пустить себѣ пулю въ лобъ, не желая впустить въ Верденъ пруссаковъ?

— Однако все это не мѣшаетъ тому,—проворчалъ сквозь зубы Маратъ, — что, когда Кондорсэ сказалъ: «Гракхи были знатнаго рода», Дантонъ крикнулъ Кондорсэ: «Всѣ дворяне — измѣнники, начиная съ Мирабо и кончая тобой».

— Гражданинъ Дантонъ, гражданинъ Робеспьеръ, — раздался серьезный голосъ Симурдэна,—вы, можетъ-быть, имѣете основаніе полагаться на дворянство, но народъ на него не полагается, и онъ имѣетъ на то право. А когда на священника возлагается обязанность наблюдать за дворяниномъ, то на него возлагается двойная отвѣтственность, и священникъ долженъ быть непреклоненъ...

— Совершенно вѣрно, — вставилъ Робеспьеръ.

— И неумолимъ, — присовокупилъ Симурдэнъ.

— Хорошо сказано, гражданинъ Симурдэнъ, — заговорилъ Робеспьеръ. — Вамъ придется имѣть дѣло съ молодымъ человѣкомъ, и вы, конечно, будете импонировать ему, будучи вдвое старше его. Нужно руководить имъ, но въ то же время и щадить его. Онъ, повидимому, не лишенъ военныхъ дарованій: относительно этого предмета сходятся всѣ донесенія. Онъ только что прибылъ съ нашей восточной границы, гдѣ онъ оказывалъ чудеса храбрости. Онъ прекрасно умѣетъ руководить сложными экспедиціями. Въ теченіе двухъ недѣль онъ отлично маневрируетъ противъ этого стараго маркиза Лантенака. Онъ не перестаетъ тѣснить и гнать

его передъ собою: вѣроятно, вскорѣ онъ припретъ его къ морю и сбросить его туда. Лантенакъ хитеръ, какъ старый полководецъ, а нашъ военачальникъ юношески смѣлъ. Немудрено, что у него уже появились враги и завистники. Такъ, напримѣръ, генералъ Лешелль, несомнѣнно, ему завидуетъ.

— Этотъ Лешелль,—перебилъ Дантонъ,—непремѣнно желаетъ быть главнокомандующимъ, а между тѣмъ Шарретъ бьетъ его на каждомъ шагу.

— А между тѣмъ, — продолжалъ Робеспьеръ, — онъ ни за что не желаетъ, чтобы кто-нибудь другой, кромѣ него, разбилъ Лантенака. Истинное бѣдствіе въ этой Вандейской войнѣ, это — соперничество отдѣльныхъ начальниковъ; солдаты же наши, это—герои, которыхъ ведутъ въ бой неумѣлые начальники. Простой гусарскій ротмистръ Шамбонъ вступаетъ въ Сомюръ въ сопровожденіи одного только трубача, наигрывающаго на своей трубѣ «Ça ira»; онъ могъ бы продолжать такимъ же образомъ и взять также Шалэ, но онъ не имѣетъ инструкцій и останавливается. Нужно произвести радикальныя перемѣны въ составѣ лицъ, начальствующихъ въ Вандеѣ. Теперь тамъ дробятся, разбрасываются силы республиканцевъ, а разбросанная армія, это—уже не армія: это—камень, превращенный въ щебень. Въ Парамейскомъ лагерѣ остались однѣ только палатки. Между Трегье и Динаномъ безъ всякой пользы разставлено до ста небольшихъ отрядовъ, которые, будучи соединены, могли бы составить цѣлую дивизію и прикрыть все побережье. Лешелль, котораго поддерживаетъ Парренъ, отозвалъ войска со всего сѣвернаго побережья, подъ тѣмъ предлогомъ, что слѣдуетъ защищать южный берегъ, и такимъ образомъ открываетъ доступъ во Францію англичанамъ. Поднять и вооружить полмилліона крестьянъ и подготовить высадку англичанъ на берегъ Франціи—вотъ планъ Лантенака. Молодой начальникъ экспедиціонной колонны преслѣдуетъ, тѣснитъ и бьетъ этого Лантенака безъ позволенія Лешелля, своего начальника; и вотъ Лешелль на него доноситъ. Мнѣнія относительно этого молодого человѣка очень разнорѣчивы: Лешелль желаетъ его разстрѣлять, а марнскій депутатъ совѣтуетъ произвести его въ генералы и назначить на мѣсто Лешелля.

— Этотъ молодой человѣкъ, — сказалъ Симурдэнъ, — мнѣ кажется, обладаетъ большими способностями.

— Да, но у него одинъ недостатокъ, — замѣтилъ Маратъ.

— Какой же? — спросилъ Симурдэнъ.

— Онъ слишкомъ мягокъ, — отвѣтилъ Маратъ. — Онъ твердъ въ бою, но затѣмъ мякнетъ. Онъ прощаетъ, милуетъ, гуманничаетъ, защищаетъ монахинь, спасаетъ женъ и дочерей аристократовъ, отпускаетъ на свободу плѣнныхъ и священниковъ.

— Это большая ошибка, — пробормоталъ Симурдэнъ.

— Не ошибка, а преступленіе! — воскликнулъ Маратъ.

— Иногда! — согласился Дантонъ.

— Часто! — замѣтилъ Робеспьеръ.

— Почти всегда! — настаивалъ Маратъ.

— Да, если имѣешь дѣло съ врагами отечества — всегда, — сказалъ Симурдэнъ.

Маратъ обратился къ Симурдэну съ вопросомъ:

— А что бы ты сдѣлалъ съ республиканскимъ полководцемъ, который освободилъ бы роялистскаго генерала?

— Въ этомъ отношеніи я согласенъ съ Лешеллемъ: я бы велѣлъ его разстрѣлять.

— Или отправить на гильотину, — поправилъ его Маратъ.

— Это дѣло вкуса, — замѣтилъ Симурдэнъ.

— А по мнѣ, такъ и то и другое одинаково хорошо!—воскликнулъ Дантонъ, громко расхохотавшись.

— И ты, навѣрное, получишь либо то, либо другое, — пробормоталъ сквозь зубы Маратъ; и, переводя взоръ съ Дантона на Симурдэна, онъ продолжалъ:

— Итакъ, гражданинъ Симурдэнъ, если бы республиканскій вождь оказался слишкомъ мягкимъ, ты бы велѣлъ отрубить ему голову?

— Въ двадцать четыре часа.

— Въ такомъ случаѣ, — объявилъ Маратъ, — я согласенъ съ мнѣніемъ Робеспьера, что слѣдуетъ послать гражданина Симурдэна въ качествѣ уполномоченнаго отъ комитета общественной безопасности для состоянія при начальникѣ экспедиціонной колонны прибрежной арміи. А какъ фамилія этого начальника?

— Это одинъ бывшій дворянинъ,—отвѣтилъ Робеспьеръ и принялся рыться въ бумагахъ.

— Ну, такъ пускай же попъ слѣдитъ за дворяниномъ, — засмѣялся Дантонъ. — Я не довѣрился бы одному попу и не довѣрился бы одному дворянину; но когда они вмѣстѣ, они взаимно будутъ наблюдать другъ за другомъ, и дѣло пойдетъ какъ по маслу.

Брови Симурдэна еще болѣе нахмурились; но, находя, по всей вѣроятности, замѣчаніе это въ сущности болѣе или менѣе основательнымъ, онъ не возражалъ Дантону и проговорилъ строгимъ голосомъ:

— Если республиканскій военачальникъ, за которымъ я долженъ наблюдать, сдѣлаетъ хоть одинъ сомнительный шагъ—смертная ему казнь!

— А вотъ и его имя,—проговорилъ Робеспьеръ, все это время рывшійся въ бумагахъ. — Гражданинъ Симурдэнъ, военачальникъ, за которымъ вамъ поручается наблюдать, — бывшій виконтъ. Фамилія его — Говэнъ.

— Говэнъ! — воскликнулъ Симурдэнъ, блѣднѣя.

Эта блѣдность не укрылась отъ взоровъ Марата.

— Виконтъ Говэнъ! — повторилъ онъ задумчиво.

— Да, да! — подтвердилъ Робеспьеръ.

— Ну, такъ что же? — спросилъ Маратъ, не спуская глазъ съ Симурдэна.

Наступило молчаніе. Наконецъ Маратъ обратился къ нему со словами:

— Гражданинъ Симурдэнъ, принимаете ли вы, на обозначенныхъ вами самими условіяхъ, порученіе состоять чрезвычайнымъ делегатомъ при командующемъ войсками Говэнѣ? Рѣшено, что ли?

— Рѣшено, — отвѣтилъ Симурдэнъ все болѣе и болѣе блѣднѣя.

Робеспьеръ взялъ лежавшее подлѣ него перо, написалъ своимъ медленнымъ и четкимъ почеркомъ четыре строчки на листѣ бумаги, въ заголовкѣ котораго стояли слова: «Комитетъ общественнаго спасенія», подписалъ свою фамилію и передалъ бумагу и перо Дантону; Дантонъ также подписалъ бумагу, и, наконецъ, ее подписалъ Маратъ, все время не спускавшій взора съ смертельно-блѣднаго лица Симурдэна.

Когда бумага возвратилась къ Робеспьеру, тотъ проставилъ на ней число и передалъ ее Симурдэну, который прочелъ въ ней слѣдующее:

Годъ II Республики.

«Гражданинъ Симурдэнъ, чрезвычайный комиссаръ комитета общественнаго спасенія, облекается неограниченными полномочіями по отношенію къ гражданину Говэну, начальнику экспедиціонной колонны, дѣйствующей вдоль морского побережья.—*Робеспьеръ.*—*Дантонъ.*—*Маратъ.*—28 іюня 1793 года».

Революціонный или такъ называемый гражданскій календарь въ тѣ времена еще не существовалъ легальнымъ образомъ и былъ принятъ конвентомъ, по предложенію депутата Ромма, лишь 5 октября 1793 года.

Пока Симурдэнъ читалъ, Маратъ все смотрѣлъ на него и, наконецъ, произнесъ вполголоса, какъ бы говоря самъ съ собою:

— Нужно будетъ точнѣе опредѣлить все это декретомъ конвента или особымъ постановленіемъ комитета общественнаго спасенія. Тутъ еще остается кое-что сдѣлать.

— Гражданинъ Симурдэнъ, — спросилъ Робеспьеръ, — гдѣ вы живете?

— На Коммерческой улицѣ.

— А-а, тамъ же, гдѣ и я,—замѣтилъ Дантонъ.— Вы, значитъ, мой сосѣдъ.

— Времени нельзя терять, — продолжалъ Робеспьеръ.—Завтра вы получите формальныя инструкціи, подписанныя всѣми членами комитета общественнаго спасенія. Это будетъ подтвержденіемъ порученія, возложеннаго на васъ спеціально при состоящихъ въ арміи делегатахъ,—Филиппо, Пріэрѣ, депутатѣ Марнскомъ, Лекуантрѣ, Алькье и другихъ. У васъ неограниченныя полномочія. Вы можете повѣсить Говэна или отправить его на эшафотъ. Инструкціи вы получите завтра въ три часа. Когда вы думаете выѣхать?

— Завтра въ четыре часа.

Затѣмъ они разстались.

Вернувшись домой, Маратъ предупредилъ Симону Эвра́ръ, что на слѣдующій день онъ отправится въ конвентъ.

Книга третья.—КОНВЕНТЪ.

I.

Залъ конвента.

1.

Мы приближаемся къ вершинѣ.

Вотъ конвентъ. Взоръ становится неподвижнымъ въ виду этой вершины. Никогда на человѣческомъ горизонтѣ не появлялось ничего болѣе высокаго. Конвентъ, это—тотъ же Гималайскій хребетъ. Конвентъ, это—быть-можетъ, кульминаціонный пунктъ исторіи.

Пока живъ былъ конвентъ,—вѣдь и собраніе людей можетъ жить,—никто не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что такое былъ конвентъ. Отъ современниковъ ускользало изъ виду именно его величіе; всѣ были слишкомъ испуганы для того, чтобы быть ослѣпленными. Все великое имѣетъ свойство внушать священный ужасъ. Любоваться холмами и пригорками не трудно; но все слишкомъ высокое, все равно—геній ли или гора, собраніе или образцовое произведеніе искусства, если на нихъ смотрѣть слишкомъ вблизи, пугаютъ. Всякая вершина кажется преувеличеніемъ; подниматься вверхъ—утомительно. Человѣкъ задыхается при подъемѣ, скользитъ при спускѣ, ушибается о неровности, какъ бы ни были онѣ красивы; пѣнящіеся потоки указываютъ на пропасти, облака скрываютъ вершины; подъемъ пугаетъ въ такой же мѣрѣ, какъ и опасность паденія. Вслѣдствіе всего этого чувство страха пересиливаетъ чувство восторга. Человѣкъ испытываетъ странное ощущеніе—отвращеніе къ великому. Онъ видитъ пропасти, но не видитъ красотъ; онъ видитъ чудовище, но не видитъ чуда. Такъ и смотрѣли сначала на конвентъ. Онъ созданъ былъ для того, чтобы на него взирали орлы, а его разглядывали близорукіе.

Теперь онъ представляется намъ въ перспективѣ и обрисовываетъ на глубокомъ небѣ, въ ясной, но трагической дали, громадный профиль французской революціи.

2.

14-е іюля освободило.—10-е августа поразило.—21 сентября произвело сліяніе.

21-е сентября—день осенняго равноденствія, подъ зодіакальнымъ знакомъ вѣсовъ. Какъ справедливо замѣтилъ Роммъ, республика была провозглашена подъ этимъ знакомъ равенства и справедливости. Счастливое остpологическое предзнаменованіе.

Конвентъ, это было первое воплощеніе Вишну для народовъ. Конвентъ открылъ собою новую страницу исторіи и имъ началось сегодняшнее будущее.

Всякая идея требуетъ себѣ соотвѣтствующей оболочки, всякій принципъ требуетъ себѣ соотвѣтствующаго помѣщенія, всякій догматъ требуетъ себѣ храма. Церковь, это—Богъ въ четырехъ стѣнахъ. Когда создался конвентъ, приходилось рѣшить первую задачу, гдѣ его помѣстить?

Сначала для этого избрали манежъ, затѣмъ—Тюильрійскій дворецъ. Поставили раму, декорацію, расписанную Давидомъ свѣтлыми и темными красками, нѣсколько рядовъ скамеекъ, четырехугольную трибуну, идущіе параллельно четырехугольные столбы, цоколи, напоминавшіе собою плахи, длинныя, прямолинейныя балюстрады, прямоугольныя клѣтушки, въ которыхъ тѣснилась публика и которыя носили громкое названіе общественныхъ трибунъ, римскій театральный шатеръ, греческія драпировки, и среди этихъ прямыхъ линій и прямыхъ угловъ помѣстили конвентъ. Въ геометрическіе чертежи втиснули бурю. Фригійская шапка, изображенная надъ трибуной, была выкрашена въ сѣрую краску. Началось съ того, что роялисты принялись смѣяться надъ этой сѣрой «красной шапкой», надъ этимъ неуклюжимъ заломъ, надъ этимъ карточнымъ сооруженіемъ, надъ этимъ святилищемъ изъ папье-маше, надъ этимъ грязнымъ и уродливымъ пантеономъ. Да и могъ ли онъ долго продержаться? Колонны сдѣланы были изъ барочныхъ досокъ, своды—изъ дранокъ, барельефы—изъ мастики, карнизы—изъ еловаго дерева, статуи—изъ глины, выбѣленной подъ мраморъ, стѣны—изъ холста. И въ этомъ-то олицетвореніи временнаго и преходящаго Франція создала вѣчное.

Стѣны зала манежа, когда конвентъ открылъ въ немъ свои засѣданія, всѣ были покрыты афишами, которыми кишѣлъ Парижъ въ эпоху насильственнаго возвращенія короля изъ Варенна. На одной изъ нихъ можно было прочесть: «Король возвращается! Палки тому, кто будетъ рукоплескать ему, висѣлица тому, кто его оскорбитъ». На другой: «Смирно! Не снимать шляпъ! Онъ сейчасъ предстанетъ предъ судьями». На третьей: «Король цѣлился въ народъ, но промахнулся. Теперь очередь стрѣлять за народомъ». На четвертой: «Законъ! Законъ!»

Въ этихъ самыхъ стѣнахъ конвентъ судилъ Людовика XVI.

Въ Тюильрійскомъ дворцѣ, куда конвентъ перенесъ свои засѣданія 10 мая 1793 года и который былъ названъ «Народнымъ дворцомъ», залъ засѣданій занималъ все пространство между павильономъ Часовъ, названнымъ павильономъ Единства, и павильономъ Марсанъ, названнымъ павильономъ Равенства. Въ залъ засѣданій поднимались по большой лѣстницѣ Жана Бюллана. Собраніе занимало весь второй этажъ этой части дворца; а нижній этажъ былъ превращенъ въ большую кордегардію, заставленную кроватями и составленными въ козла ружьями солдатъ, принадлежавшихъ ко всѣмъ родамъ оружія и составлявшихъ охрану конвента. У Собранія была своя почетная стража, называвшаяся «гренадерами конвента».

Трехцвѣтная лента отдѣляла дворецъ, въ которомъ засѣдалъ конвентъ, отъ сада, по которому прогуливался народъ.

3.

Теперь представимъ описаніе самаго зала засѣданій. Въ этомъ страшномъ мѣстѣ все полно интереса.

Прежде всего при входѣ въ залъ бросалась въ глаза громадная статуя Свободы, стоявшая между окнами. Самый залъ, бывшій прежде королевскимъ театромъ и сдѣлавшійся впослѣдствіи театромъ революціи, имѣлъ сорокъ два метра въ длину, десять метровъ въ ширину и одиннадцать метровъ въ вышину. Изящный и великолѣпный залъ, выстроенный Вигарани для царедворцевъ, исчезалъ подъ грубой плотничной работой, произведенной въ 93-мъ году для того, чтобы залъ могъ вынести тяжесть народа. Вся эта работа, имѣвшая цѣлью созданіе публичныхъ трибунъ, имѣла—довольно любопытная подробность—единственной точкой опоры громадный столбъ, десяти метровъ въ окружности и составлявшій одно цѣлое. Немногимъ каріатидамъ пришлось вынести на себѣ такую тяжесть, какъ этому столбу; на немъ держалась, можно сказать, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ вся тяжесть революціи; онъ поддерживалъ и восторги, и брань, и шумъ, и весь хаосъ гнѣва, и даже бунты,—и все же онъ не погнулся и не сломался. Послѣ конвента онъ поддерживалъ совѣтъ старѣйшинъ, и только послѣ 18 брюмера онъ былъ удаленъ. Персье замѣнилъ деревянный столбъ мраморной колонной, которая, однако, просуществовала не такъ долго.

Идеалы архитекторовъ часто бываютъ весьма страннаго свойства. Архитекторъ, прокладывавшій улицу Риволи, поставилъ себѣ идеаломъ траекторію пушечнаго ядра; архитекторъ, составлявшій планъ города Карльсруэ, имѣлъ идеаломъ раскрытый вѣеръ. Громадный комодный ящикъ—вотъ, повидимому, каковъ былъ идеалъ архитектора при устройствѣ зала, въ которомъ конвентъ открылъ свои засѣданіи 10 мая 1793 года: длинный, широкій и плоскій—вотъ каковъ былъ этотъ залъ. Позади одной изъ длинныхъ сторонъ этого параллелограмма былъ устроенъ полукругъ; здѣсь стояли амфитеатромъ скамьи депутатовъ, безъ столиковъ или пюпитровъ. Гаранъ-Кулону, имѣвшему привычку много записывать, приходилось писать на своемъ колѣнѣ. Противъ скамеекъ стояла ораторская трибуна; передъ трибуной—бюстъ Лепельтье-де-Сенъ-Фаржо; позади трибуны—президентское кресло. Голова бюста нѣсколько возвышалась надъ краемъ трибуны, вслѣдствіе чего его впослѣдствіи отсюда убрали.

Амфитеатръ состоялъ изъ девятнадцати полукруглыхъ скамеекъ, слегка возвышавшихся одна надъ другою; скамьи стояли также и въ обоихъ углахъ, вправо и влѣво отъ амфитеатра. Внизу, у подножія трибуны, сидѣли и стояли пристава собранія.

По другую сторону трибуны, въ рамѣ изъ чернаго дерева, висѣлъ на стѣнѣ громадный картонъ, девяти футовъ вышины, на которомъ въ два столбца, раздѣленныхъ подобіемъ скипетра, начертаны были такъ называемыя «права человѣка»; по другую сторону было пустое пространство, которое впослѣдствіи было занято

такою же картонною доскою, съ начертанною на ней, также въ два столбца, раздѣленныхъ мечомъ, конституціей II года. Надъ трибуной, т.-е. надъ самой головой ораторовъ развѣвались на большихъ шестахъ, прикрѣпленныхъ къ переполненнымъ народомъ трибунамъ, три громадныхъ трехцвѣтныхъ флага, свѣшивавшихся концами надъ чѣмъ-то въ родѣ алтаря, на которомъ было начертано слово *законъ*. Позади этого алтаря возвышался, въ видѣ стража свободнаго слова, громадный пукъ ликторскихъ прутьевъ, въ вышину съ добрую колонну. Громадныя статуи, прислоненныя къ стѣнѣ, стояли лицомъ къ народнымъ представителямъ. Направо отъ президента стояла статуя Ликурга, налѣво—статуя Солона. Надъ мѣстами, занимаемыми «горой», виднѣлась статуя Платона. Пьедесталами для этихъ статуй служили простые квадраты, положенные на длинный выступъ стѣны, тянувшійся вдоль всего зала и отдѣлявшій публику отъ собранія. Зрители облокачивались на этотъ выступъ.

Рамка изъ чернаго дерева, въ которую вставлены были «права человѣка», доходила до карниза и отчасти закрывала надкарнизныя фрески, нарушая прямую линію карниза, что приводило въ негодованіе Шабо и заставляло его говорить на ухо сосѣду своему Вадье: «Какъ это безобразно!» Надъ головами статуй вперемежку были размѣщены дубовые и лавровые вѣнки.

Зеленый занавѣсъ, на которомъ намалеваны были болѣе темной зеленою краскою такіе же вѣнки, спускался крупными прямыми складками съ бокового карниза и драпировалъ всю нижнюю часть зала, занятаго собраніемъ. Надъ этимъ занавѣсомъ стѣна была гола и бѣла. Въ эту стѣну углублялись выдолбленные, точно рѣзакомъ, безъ всякихъ украшеній и завитушекъ, два яруса трибунъ для публики, внизу—четырехугольныхъ, вверху—круглыхъ; согласно тогдашней модѣ, архивольты были помѣщены надъ архитравами. Въ каждой изъ обѣихъ длинныхъ стѣнъ зала было по десяти трибунъ, а на каждой изъ двухъ оконечностей ихъ—по громадной ложѣ; итого—двадцать четыре ложи. Тутъ-то и толпилась публика.

Зрители нижнихъ трибунъ взлѣзали на балюстрады и на всѣ архитектурные выступы. Длинная желѣзная полоса, крѣпко вдѣланная въ стѣну на высотѣ половины человѣческаго роста, служила перилами для верхней галлереи и защищала зрителей отъ паденія внизъ, въ случаѣ напора толпы. Разъ, однако, одинъ изъ зрителей свалился-таки внизъ и упалъ прямо на бовэскаго епископа Моссьё. Такъ какъ онъ не убился, то воскликнулъ: «Вотъ и епископъ на что-нибудь пригодился!»

Залъ конвента могъ вмѣстить въ себя до двухъ тысячъ человѣкъ, а при нѣкоторой тѣснотѣ—и до трехъ тысячъ.

Конвентъ имѣлъ по два засѣданія въ сутки: дневное и вечернее.

Спинка президентскаго кресла была круглая, съ позолоченными гвоздями. Ножки его стола были сдѣланы въ видѣ четырехъ крылатыхъ чудовищъ, которыя точно вышли изъ Апокалипсиса

для того, чтобы присутствовать при революціи: они какъ будто выпряжены были изъ колесницы Іезекіиля для того, чтобы тащить телѣгу палача Сансона. На президентскомъ столѣ стояли большой колокольчикъ, почти съ колоколъ, громадная бронзовая чернильница и лежала большая, переплетенная въ пергаментъ книга—протоколы засѣданій. На этомъ же столѣ виднѣлись пятна крови, накапавшія сюда изъ принесенныхъ въ засѣданіе на пикахъ отрубленныхъ головъ.

Къ ораторской трибунѣ вели девять довольно неудобныхъ ступеней. Однажды, поднимаясь по нимъ, Жансоннэ споткнулся и воскликнулъ:

— Да вѣдь эта настоящая лѣстница на эшафотъ!

— Учись и практикуйся!—крикнулъ ему Каррье.

Тамъ, гдѣ стѣны казались слишкомъ голыми, преимущественно въ углахъ зала, архитекторъ помѣстилъ, въ видѣ украшенія, пуки прутьевъ съ высовывавшимися сѣкирами. Направо и налѣво отъ ораторской трибуны на цоколяхъ стояли громадные канделябры въ двѣнадцать футовъ высоты, на двадцать свѣчей каждый. Въ каждой изъ трибунъ для публики было по такому же канделябру. На цоколяхъ были высѣчены круги, которые народъ называлъ «ошейниками гильотины».

Скамьи собранія возвышались амфитеатромъ почти до самыхъ карнизовъ трибунъ, такъ что народные представители и зрители удобно могли бесѣдовать между собою. Выходы изъ трибунъ вели въ цѣлый лабиринтъ коридоровъ, въ которыхъ обыкновенно стоялъ невообразимый гулъ.

Конвентъ не только занималъ весь дворецъ, но волны его доходили даже до сосѣднихъ домовъ—Лонгвилля и Куаньи. Въ послѣдній изъ этихъ домовъ, если вѣрить письму лорда Брэдфорда, послѣ 10 августа перенесена была королевская мебель. Потребовалось цѣлыхъ два мѣсяца для того, чтобы опростать Тюильрійскій дворецъ.

Различные комиссіи конвента размѣстились въ окрестностяхъ зала засѣданій: въ павильонѣ Равенства—комиссіи законодательная, земледѣльческая и торговая; въ павильонѣ Свободы—комиссія морская, финансовая, колоніальная, ассигнаціонная и комитетъ общественнаго спасенія; въ павильонѣ Единства—военная комиссія. Комитетъ общественной безопасности сообщался прямо съ комитетомъ общественнаго спасенія темнымъ коридоромъ, въ которомъ день и ночь горѣлъ фонарь и въ которомъ шмыгали взадъ и впередъ шпіоны различныхъ партій, переговаривавшіеся шопотомъ.

Скамьи, на которыхъ засѣдали члены исполнительной власти, неоднократно перемѣщались. Обыкновенно онѣ стояли вправо отъ президентскаго кресла. На обоихъ концахъ зала были невысокія двери, въ которыя входили и выходили члены конвента.

Этотъ залъ, скудно освѣщаемый днемъ—узкими окнами, а вечеромъ еще того скуднѣе—слабымъ свѣтомъ свѣчей, имѣлъ чрезвычайно мрачный видъ. Дневныя и, въ особенности, ночныя засѣданія носили на себѣ какой-то зловѣщій характеръ. Депу-

таты, сидѣвшіе направо и налѣво, не могли разглядѣть другъ друга и впотьмахъ перебрасывались оскорбленіями. Даже сталкиваясь лицомъ къ лицу, они часто не узнавали другъ друга.

Однажды Беньело, спѣша къ трибунѣ, сталкивается съ кѣмъ-то въ проходѣ.

— Извини, Робеспьеръ,—говоритъ онъ.

— За кого ты меня принимаешь?—отвѣчаетъ хриплый голосъ

— Ахъ, извини, Маратъ,—поправляется Леньело.

Внизу, направо и налѣво отъ президента, находились двѣ привилегированныя трибуны. Какъ оно ни странно, даже въ такомъ архидемократическомъ учрежденіи, какъ конвентъ, бывали привилегированные посѣтители. Однѣ эти трибуны украшены были драпировками, перехваченными посрединѣ позолоченными шнурами съ кисточками. Трибуны же для народа были безъ всякихъ украшеній.

Вообще вся эта обстановка носила на себѣ характеръ чего-то суроваго, свирѣпаго, аскетическаго. Суровость въ свирѣпости,—таковъ, впрочемъ, и весь характеръ революціи. Залъ конвента представлялъ собою лучшій образчикъ того, что художники съ тѣхъ поръ называли «архитектурой мѣсяца мессидора». Все было массивно и въ то же время хрупко; тогдашніе строители принимали симметричность за красоту. Послѣднее слово стиля «ренессансъ» сказано было при Людовикѣ XV, и съ тѣхъ поръ наступила реакція. Благородство стиля доведено было до приторности, а чистота его—до скуки. И архитектурѣ свойственна суровая неприступность. Послѣ ослѣпительныхъ оргій формъ и красокъ восемнадцатаго вѣка искусство какъ бы наложило на себя постъ и не отступало отъ прямыхъ линій. Такого рода прогрессъ ведетъ въ концѣ-концовъ къ безобразію, и произведеніе искусства превращается въ скелетъ. Избытокъ трезвости и сдержанности тоже имѣетъ свои неудобства: стиль дѣлается до того скромнымъ, что дурнѣетъ.

Отрѣшившись отъ всякихъ политическихъ страстей и глядя только на архитектуру этого зданія, нельзя было не чувствовать нѣкотораго трепета. Невольно вспоминался прежній театръ, разукрашенныя гирляндами ложи, потолокъ, расписанный золотомъ по синему фону, граненыя люстры, жирандоли съ алмазными переливами, сизыя драпировки цвѣта голубинаго горла, вся эта масса амуровъ и нимфъ на занавѣсѣ и на драпировкахъ, вся эта королевская любовная идиллія, расписанная, позолоченная и рѣзная, озарявшая своей улыбкою это мѣсто, сдѣлавшееся теперь такимъ суровымъ—и затѣмъ взоръ переносился къ торчавшимъ всюду прямымъ угламъ, холоднымъ и рѣжущимъ, какъ сталь. Это было изящное произведеніе истиннаго художника Буше, обезглавленное бездарнымъ Давидомъ.

4.

Но тотъ, кто всматривался въ собравшихся здѣсь людей, забывалъ о залѣ; тотъ, кто смотрѣлъ драму, забывалъ о театрѣ. Ничто не могло быть и безобразнѣе и возвышеннѣе: одновременно

и сборище героевъ и стадо трусовъ, дикіе звѣри лѣсовъ и гады болотъ. Здѣсь толкались, разговаривали, перебранивались, угрожали другъ другу, боролись и жили всѣ эти борцы, ставшіе теперь призраками. Титаническій списокъ.

Направо — «жиронда», легіонъ мыслителей; налѣво — «гора», группа атлетовъ. Съ одной стороны Бриссо, которому переданы были ключи Бастиліи; Барбару, которому безусловно повиновались марсельцы; Кервелеганъ, начальникъ брестскаго баталіона, расположеннаго въ казармахъ Сенъ-Марсо; Жансоннэ, установившій надзоръ народныхъ представителей надъ командирами отдѣльныхъ воинскихъ частей; мрачный Гадэ, которому однажды ночью королева показывала въ Тюильрійскомъ дворцѣ спящаго дофина, причемъ Гадэ поцѣловалъ ребенка въ лобъ, а вскорѣ послѣ того подалъ голосъ за отсѣченіе головы его отцу; Салль, подававшій вымышленные доносы на сношенія «горы» съ Австріей; Силлери, хромой правой стороны, подобно тому, какъ Кутонъ былъ калѣкой лѣвой; Лозъ-Дюперре, который, когда его назвалъ «негодяемъ» одинъ журналистъ, пригласилъ послѣдняго обѣдать, говоря: «Я знаю, что подъ словомъ «негодяй» слѣдуетъ просто подразумѣвать человѣка, думающаго не такъ, какъ мы»; Рабо-Сентъ-Этьеннъ, начавшій свой альманахъ на 1790 годъ словами: «Революція окончена»; Кинеттъ, одинъ изъ тѣхъ, которые низвергли Людовика XVI; янсенистъ Камюсъ, составлявшій гражданскій уставъ для духовенства, вѣрившій въ чудеса парижскаго архидіакона и каждую ночь падавшій ницъ передъ семифутовымъ распятіемъ, висѣвшимъ въ его комнатѣ; патеръ Фоше, вызвавшій вмѣстѣ съ Камилемъ Дюмуленомъ возстаніе 14-го іюля; Инаръ, имѣвшій неосторожность сказать: «Парижъ будетъ разрушенъ», въ то самое время, когда герцогъ брауншвейгскій говорилъ: «Парижъ будетъ сожженъ»; Жакъ Дюпонъ, который первый воскликнулъ: «Я атеистъ», и которому Робеспьеръ замѣтилъ: „атеизмъ, это — учрежденіе аристократическое»; Ланжюинэ — смѣтливый, храбрый и упрямый бретонецъ; Дюкосъ — нимфа-эгерія Бойе-Фонфреда; Ребекки, Пиладъ своего Ореста — Барбару, подавшій въ отставку потому, что Робеспьеръ не былъ еще казненъ; Ришо, ратовавшій противъ несмѣняемости начальниковъ отдѣловъ; Ласурсъ, которому принадлежало изреченіе: «горе благороднымъ народамъ» и которому, у ступеней эшафота, пришлось самому себѣ противорѣчить слѣдующими гордыми словами, брошенными въ лицо членамъ «горы»: «Мы умираемъ потому, что народъ спитъ, а вы умрете оттого, что народъ проснется!» Бирото, который, настоявъ на отмѣнѣ закона о неприкосновенности народныхъ представителей, самъ накликалъ на свою голову ножъ гильотины; Шарль Вильетъ, который успокоилъ свою совѣсть слѣдующимъ протестомъ: «Я не желаю подавать голосъ подъ ножомъ»; Лувэ, авторъ «Фоблаза», кончившій свою жизнь книгопродавцемъ въ Пале-Ройялѣ, причемъ конторщицей его была графиня Лодойская; Мерсье, авторъ «Парижскихъ силуэтовъ», воскликнувшій: «Всѣ короли почувствовали на своихъ затылкахъ 21-е января»; журналистъ Карра,

который, входя на эшафотъ, сказалъ палачу: «Не хочется умирать, я бы желалъ видѣть продолженіе»; Виже, который въ виду ропота, доносившагося съ трибунъ для публики, воскликнулъ: «Я требую, чтобы, въ случаѣ возобновленія ропота на трибунахъ, мы всѣ удалились отсюда и направились въ Версаль съ саблей въ рукѣ»; Бюзо, которому впослѣдствіи пришлось умереть голодной смертью; Валазе, заколовшійся нѣсколько времени спустя кинжаломъ; Кондорсе, умершій въ Бургъ-ла-Ренѣ (переименованномъ въ Бургъ-Эгалитэ) съ Гораціемъ въ рукахъ; Петіонъ, идолъ толпы въ 1792 году и загрызенный волками въ 1794 году; Марбозъ, Лидонъ, Сенъ-Мартенъ, Дюссо, переводчикъ Ювенала, участвовавшій въ ганноверской кампаніи, Буало, Бертранъ, Лестерпъ-Бовэ, Лесажъ, Гомэръ, Гардьенъ, Мэнвьель, Дюплантье, Лаказъ, Антибуль и, наконецъ, Барнавъ, по прозванію Верньо.

На другой сторонѣ — Антуанъ-Луи-Леонъ Флорель-де-Сенъ-Жюстъ, блѣдный, низколобый, съ правильнымъ профилемъ, съ печальнымъ выраженіемъ лица, молодой человѣкъ двадцати трехъ лѣтъ; Мерлэнъ изъ Тіонвилля, котораго нѣмцы называли «огненнымъ чортомъ»; другой Мерлэнъ, изъ Дуэ, предложившій и проведшій законъ о подозрительныхъ; Субрани, котораго парижская чернь послѣ разрушенія Бастиліи требовала себѣ въ генералы; бывшій священникъ Лебонъ, промѣнявшій кропило на саблю; Бильо-Вареннъ, пересоздатель французской магистратуры; Фабръ д'Эглантинъ, составившій республиканскій календарь; этого человѣка разъ въ жизни посѣтило вдохновеніе, какъ оно посѣтило Руже-де-Лилля, создавшаго «марсельезу». Ни къ тому, ни къ другому больше оно не возвращалось. Манюэль, прокуроръ коммуны, которому принадлежало выраженіе: «Мертвый король, это — нѣсколько больше, чѣмъ сошедшій со сцены человѣкъ»; Гужонъ, взявшій Шпейеръ и Нейштадтъ и обратившій въ бѣгство прусскую армію; Лакруа, изъ адвокатовъ превратившійся въ генерала и назначенный кавалеромъ ордена св. Людовика за шесть дней до 10 августа; Фреронъ-Терситъ, сынъ Фрерона-Зоила; Рюль, впослѣдствіи лишившій себя жизни въ тотъ день, когда пала республика; Фуше съ лицомъ трупа и душой дьявола; Камбуласъ, другъ Дюшена; Жаго, который въ отвѣтъ на жалобы арестованныхъ, что ихъ плохо содержатъ, говорилъ: «Темница, это—каменная одежда»; Жавогъ, перерывшій королевскія гробницы въ Сенъ-Дени; Осселенъ, требовавшій изгнанія всѣхъ аристократовъ, самъ скрывшій, однако, у себя маркизу Шарри; Бентабаль, который, предсѣдательствуя въ засѣданіяхъ, сигналомъ заставлялъ трибуны рукоплескать или шикать; журналистъ Робери, мужъ г-жи Кераліо, ненавидѣвшій Робеспьера и Марата; Гаранъ-Кулонъ, потребовавшій, чтобы палата не допустила чтенія письма испанскаго короля, ходатайствовавшаго за Людовика XVI; аббатъ Грегуаръ, напоминавшій епископовъ первыхъ временъ христіанства, но впослѣдствіи при имперіи превратившійся въ графа Грегуара; Амаръ, сказавшій: «Вся земля осудила Людовика XVI. Къ кому же теперь аппелировать? Только къ звѣздамъ». Руйэ, ко-

торый протестовалъ противъ того, чтобы во время казни Людовика XVI палили изъ пушекъ, доказывая, что изъ-за королевской головы не слѣдуетъ производить больше шуму, чѣмъ изъ-за головы простого смертнаго; Шенье, братъ извѣстнаго поэта; Водье, клавшій передъ собою пистолетъ, когда онъ всходилъ на трибуну; Танисъ, безуспѣшно хлопотавшій о томъ, чтобы примирить Марата и Робеспьера; Лежандръ, мясникъ по ремеслу; Колло-д'Эрбуа, бывшій актеръ, требовавшій смертной казни Робеспьера и перенесенія тѣла Марата въ Пантеонъ; Жениссьё, требовавшій смертной казни для всякаго, кто будетъ носить медаль въ память Людовика XVI; учитель Леонардъ Бурдонъ, морякъ Топсанъ, адвокатъ Гупильо, купецъ Лоранъ-Лекуантръ, врачъ Дюгемъ, скульпторъ Сержантъ, живописецъ Давидъ, бывшій принцъ Жозефъ Эгалите; Лекуантъ-Пюираво, требовавшій, чтобы Маратъ былъ объявленъ сумасшедшимъ; Робертъ Лендэ, покрывшій Францію сѣтью двадцати одной тысячи революціонныхъ комитетовъ; Томасъ Пэнъ, родомъ американецъ; Анахарзисъ Клоцъ, нѣмецкій баронъ, милліонеръ и атеистъ; Роверъ, отличавшійся своею злостью; Шарлье, требовавшій, чтобы аристократамъ говорили на *вы;* Тальенъ, свирѣпый авторъ элегій, одинъ изъ главныхъ виновниковъ 9-го термидора; Камбасересъ, бывшій прокуроръ, впослѣдствіи князь; Каррье, прокуроръ-тигръ; Тюріо, требовавшій открытой подачи голосовъ членами революціоннаго судилища; Бурдонъ, который донесъ на Пэна и на котораго, въ свою очередь, донесъ Гэберъ; Файо, требовавшій организованія въ Вандеѣ «арміи поджигателей»; Таво, тщетно старавшійся примирить гору съ жирондистами; Вернье, требовавшій, чтобы вожаки жирондистовъ и вожаки горы были отправлены въ армію простыми солдатами; Ревбель, защитникъ Майнца; Бурбо, подъ которымъ была убита лошадь при взятіи Сомюра; Генберто, делегатъ при Шербургской арміи; Жаръ-Панвилье, делегатъ при ла-рошельской арміи; Лекарпантье, делегатъ при канкальской эскадрѣ; Робержо, потерпѣвшій впослѣдствіи пораженіе при Раштадтѣ; Левассеръ, Ревершонъ, Моръ, Бернардъ де-Сентъ, Шарль Ришаръ, Леквиніо и, наконецъ, Дантонъ.

Въ сторонѣ отъ обоихъ этихъ лагерей стоялъ совершенно особнякомъ Робеспьеръ, державшій, однако, въ повиновеніи и правую и лѣвую стороны.

5.

Кромѣ жирондистовъ и «горы» въ собраніи была еще третья группа, называвшаяся «равниной». Къ этой группѣ принадлежали колеблющіеся, нерѣшительные, высматривающіе и выжидающіе. «Равнина»,—это была толпа. Самымъ выдающимся человѣкомъ среди нея былъ Сіэсъ, который остановился на третьемъ сословіи и не въ состояніи былъ подняться до народа. Нѣкоторые люди такъ созданы, что они всегда останавливаются на полдорогѣ. Сіэсъ называлъ Робеспьера тигромъ, а тотъ называлъ его кротомъ. Этотъ метафизикъ былъ скорѣе остороженъ, чѣмъ уменъ; онъ скорѣе ухаживалъ за революціей, чѣмъ служилъ ей; онъ заиски-

валъ въ толпѣ, но та относилась къ нему подозрительно; онъ совѣтовалъ быть энергичнымъ, но самъ лишенъ былъ энергіи; онъ приглашалъ жирондистовъ вооружиться, но самъ не подавалъ тому примѣра. Иные мыслители бываютъ въ то же время и борцами: таковы были Кондорсе, Верньо, Камилъ Демуленъ, Дантонъ; иные же бываютъ эпикурейцами: таковъ былъ Сіесъ.

Въ самомъ лучшемъ винѣ бываютъ подонки: такими подонками въ собраніи 1793 года было такъ называемое «болото», группа безумныхъ эгоистовъ и трусовъ, безчестныхъ и безстыдныхъ, злыхъ и раболѣпныхъ, циниковъ и подлецовъ, не имѣвшихъ никакихъ твердыхъ убѣжденій, а склонявшихся лишь на сторону успѣха; они выдали Людовика XVI Верньо, Верньо—Дантону, Дантона—Робеспьеру, Робеспьера—Тальену; они выставляли къ позорному столбу Марата живого и боготворили Марата мертваго; завтра они ниспровергали то, чему поклонялись сегодня; они любили наносить ударъ ослинымъ копытомъ умирающему льву; въ ихъ глазахъ колебаться значило совершать измѣну. Они были сильны числомъ, но слабы характеромъ. Они играли видную роль и 31 мая, и 11 жерминаля, и 9 термидора,—въ этихъ трагедіяхъ, созданныхъ гигантами, но разыгранныхъ карликами.

6

За людьми страстными слѣдовали мечтатели. Утопія принимала у нихъ самыя разнообразныя формы: и воинственную, допускавшую эшафотъ, и гуманную, отмѣнявшую смертную казнь; для трона она являлась страшнымъ призракомъ, для народа—добрымъ ангеломъ. Одни изъ нихъ только и думали, что о войнѣ, другіе—о мирѣ. Карно создалъ четырнадцать армій; Жанъ Дебри мечталъ о всемірной демократической федераціи. Тутъ были и пылкіе ораторы и люди молчаливые. Лаканаль молчалъ и обдумывалъ свой планъ публичнаго народнаго воспитанія; Лантенасъ молчалъ и создавалъ первоначальныя школы; Ревельеръ-Лепо молчалъ и мечталъ о возведеніи философіи въ религію. Другіе занимались второстепенными практическими вопросами: Гюитонъ-Морво занимался оздоровленіемъ госпиталей, Мэръ — вопросомъ объ отмѣнѣ натуральныхъ повинностей, Жанъ Бонъ-Сентъ-Андре — вопросомъ объ отмѣнѣ личнаго задержанія за долги, Дюбоэ — приведеніемъ въ порядокъ архивовъ, Роммъ—созданіемъ новаго календаря, Коренъ-Фюстье—созданіемъ анатомическаго кабинета и естественно-историческаго музея, Гюйомаръ — устройствомъ рѣчного судоходства и устройствомъ плотинъ на Шельдѣ. И у искусства явились свои фанатики или даже мономаны. 21 января, въ то самое время, когда голова Людовика XVI скатывалась на площади Революціи, народный представитель Безаръ отправлялся разсматривать картину Рубенса, найденную на одномъ чердакѣ на улицѣ Сенъ-Лазаръ. Артисты, ораторы, проповѣдники, колоссы, въ родѣ Дантона, взрослыя дѣти, въ родѣ Клотца, актеры и философы — всѣ они шли къ одной цѣли—къ прогрессу. Ничто ихъ не смущало. Конвентъ тѣмъ и былъ великъ, что искалъ возможно большаго

количества реальности въ томъ, что люди называютъ невозможностью. Съ одной стороны его — Робеспьеръ, не сводившій глазъ съ справедливости; съ другой — Кондорсе, не спускавшій глазъ съ долга.

Кондорсе былъ свѣтлая голова и мечтатель; Робеспьеръ былъ человѣкъ дѣла; а иногда, въ моменты серьезныхъ кризисовъ для состарившихся обществъ, дѣло бываетъ почти однозначуще съ истребленіемъ. Революціи похожи на высокія горы, на которыхъ вы можете найти, часто на очень незначительномъ разстояніи, всевозможные климаты, начиная со льда и кончая цвѣтами. Каждая полоса производитъ здѣсь именно тѣхъ людей, которые наиболѣе подходятъ къ ея климату.

Здѣсь можно было видѣть то мѣсто въ углу коридора, гдѣ Робеспьеръ сказалъ на ухо Гарашу, другу Клавьера, это ужасное слово: «Для Клавьера заговоры столь же необходимы, какъ и воздухъ, которымъ онъ дышитъ». Въ этомъ же углу, удобномъ для бесѣды вполголоса, Фабръ-д'Эглантинъ упрекалъ Ромма въ томъ, что тотъ недостаточно умѣло составилъ свой республиканскій календарь. Здѣсь показывали другъ другу то мѣсто, гдѣ когда-то сидѣли рядомъ семеро представителей Гаронны, при поименномъ голосованіи первые подавшіе голоса за казнь Людовика XVI; точно эхо доносилось съ занимаемыхъ ими скамей ужасное слово: «смерть», «смерть», «смерть». Указывали и на другихъ депутатовъ, участвовавшихъ въ этомъ полномъ трагизма голосованіи. Паганель сказалъ: «Смерть. Король можетъ быть полезенъ только своей смертью». Мильо сказалъ: «Въ данномъ случаѣ, если бы смерти не существовало, слѣдовало бы ее изобрѣсти»; старикъ Раффронъ-дю-Трулье воскликнулъ: «Смерть, да только поскорѣе»; Гупильо тоже крикнулъ: «Сейчасъ же на плаху; смерть не терпитъ промедленій“; Сіэсъ лаконически отвѣтилъ: «Смерть»; Тюріо, возставшій противъ обращенія къ народу, предложеннаго Бюзо, и сказавшій при этомъ: „Къ чему столько разговоровъ! Къ чему сорокъ тысячъ судовъ! Къ чему эти безконечные процессы! Этакъ голова Людовика XVI успѣетъ посѣдѣть, прежде чѣмъ свалится!» Огюстенъ Бонъ-Робеспьеръ воскликнулъ вслѣдъ за своимъ братомъ: «Я не признаю такого человѣколюбія, которое душитъ народъ и прощаетъ деспотизмъ. Смерть! Требовать отсрочки, — это значитъ обращаться, вмѣсто суда народнаго, къ суду тирановъ»; Фусседуаръ, замѣститель Бернардена де-Сенъ-Пьера: «Я врагъ пролитія человѣческой крови; но кровь тирана не есть человѣческая кровь. Смерть!» Жанъ Бонъ-Сентъ-Андре, сказавшій: «Свобода народа немыслима безъ смерти тирана». Лавиконтери, выступившій съ слѣдующей формулой: «Покуда дышитъ тиранъ, задыхается свобода»; Шатонёфъ-Рандонъ, воскликнувшій: «Я требую смерти Людовика послѣдняго»; Гюйарденъ, выразившій желаніе, чтобы Людовика казнили на опрокинутомъ тронѣ; Телье, потребовавшій, чтобы голову Людовика XVI сожгли и чтобы пепломъ ея зарядили

пушки, направленныя противъ непріятеля, Тутъ были и представители болѣе снисходительные, напр.: Жантиль, требовавшій для Людовика, вмѣсто смертной казни, пожизненнаго тюремнаго заточенія, такъ какъ, утверждалъ онъ, послѣ Карла I непремѣнно явится Кромвель; Банкаль, требовавшій изгнанія Людовика и говорившій при этомъ: «Пусть же хоть одинъ монархъ въ мірѣ научится самъ добывать себѣ хлѣбъ». Альбуисъ, также требовавшій изгнанія для того, «чтобъ этотъ живой призракъ отправился бродить вокругъ троновъ»; Занджіакоми, требовавшій тюремнаго заключенія: «пусть, — говорилъ онъ, — Людовикъ Капетъ остается жить, какъ вѣчное пугало»; Шальонъ, тоже желавшій, чтобы королю сохранена была жизнь, «такъ какъ въ случаѣ его смерти Римъ сдѣлаетъ изъ него святого». Пока въ собраніи высказывались всѣ эти какъ безпощадныя такъ и болѣе мягкія мнѣнія и дѣлались достояніемъ исторіи, сидѣвшія въ трибунахъ нарядныя и декольтированныя женщины, держа въ рукахъ списки депутатовъ и булавки, отмѣчали послѣднею въ спискѣ — жизнь или смерть королю. Даже и въ трагедіи есть мѣсто состраданію и сожалѣнію.

Исторія конвента неразрывно связана съ исторіей осужденія Людовика XVI. Легенда 21 января, такъ сказать, отсвѣчивалась во всѣхъ его дѣйствіяхъ; и до сихъ поръ еще въ этомъ собраніи чувствовалось то страшное дуновеніе, которое въ началѣ 1793 года задуло старый монархическій факелъ, горѣвшій въ теченіе почти восемнадцати вѣковъ; судбище надъ бывшимъ королемъ являлось какъ бы исходной точкой борьбы новаго общества противъ старыхъ преданій; въ какое бы ни попасть засѣданіе конвента — виднѣлась бросаемая съ эшафота тѣнь Людовкка XVI. И до сихъ поръ еще зрители передавали другъ другу, какъ послѣ осужденія короля Керсэнъ и Роланъ тутъ же, въ засѣданіи, сложили съ себя свои полномочія, и какъ представитель Севрскаго департамента Дюшатель, будучи боленъ, велѣлъ принести себя въ засѣданіе на своей кровати и, умирая, подалъ голосъ за сохраненіе жизни Людовика, что заставило Марата громко расхохотаться; наконецъ зрители искали глазами того депутата, имя котораго не перешло въ исторію, который послѣ 37-часового засѣданія уснулъ отъ изнеможенія на своемъ мѣстѣ, и, будучи разбуженъ приставомъ для того, чтобы подать голосъ, открылъ глаза, произнесъ слово «смерть» и тотчасъ же снова уснулъ.

Въ ту минуту, когда произносился смертный приговоръ надъ Людовикомъ XVI, Робеспьеру оставалось еще жить восемнадцать мѣсяцевъ, Дантону — пятнадцать, Верньо — девять, Марату — пять мѣсяцевъ и три недѣли, Лепельтье-Сенъ-Фаржо — всего одинъ день. Краткое и ужасное дыханіе человѣческихъ устъ!

8.

У народа было свое окошко, сквозь которое онъ смотрѣлъ на то, что дѣлалось въ конвентѣ: то были публичныя трибуны; а когда этого окна оказывалось недостаточно, онъ отворялъ дверь,

и улица вторгалась черезъ нее въ собраніе. Подобнаго рода вторженія толпы въ собраніе своихъ правителей представляютъ собою интересныя историческія явленія. Обыкновенно они имѣли весьма полюбовный характеръ, и улица братски относилась къ курульному креслу Но подобныя братскія отношенія народной толпы, захватившей въ одинъ день, въ нѣсколько часовъ, сорокъ тысячъ ружей и сотни пушекъ, все-таки представляли собою нѣчто страшное. Ежеминутно какое-нибудь новое вторженіе прерывало засѣданія: то приходилось принимать депутаціи, то поздравленія, то изъявленія благодарности, то прошенія. Сентъ-Антуанскія женщины приносили сюда воткнутую на копье голову Людовика XVI; англичане предлагали двадцать тысячъ башмаковъ для босоногихъ солдатъ республики. «Гражданинъ Арну,—сообщалъ «Монитеръ»,—обоньянскій священникъ, командующій дромскимъ батальономъ, проситъ, чтобъ его отправили на границу, съ тѣмъ, чтобы за нимъ сохраненъ былъ его приходъ». Делегаты отдѣльныхъ парижскихъ округовъ прибывали сюда съ блюдами, чашами, кубками, ковчежцами, грудами золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней, предлагаемыми отечеству этой оборванною толпою и требуя, въ видѣ награды, лишь позволенія проплясать «карманьолу» передъ конвентомъ. Шенаръ, Нарбоннъ и Вальеръ приходили сюда пѣть куплеты въ честь депутатовъ «горы». Округъ Монъ-Блана приносилъ бюстъ Лепельтье, а какая-то женщина надѣвала красную шапку на голову президента, который за это публично ее цѣловалъ; другія «гражданки» осыпали цвѣтами «законодателей»; «воспитанники отечества» являлись съ музыкой благодарить конвентъ за то, что онъ подготовилъ «благополучіе вѣка»; женщины отдѣла «стражей Франціи» предлагали розы; женщины квартала «Елисейскихъ Полей» предлагали дубовый вѣнокъ; женщины Тампльскаго отдѣла клялись предъ конвентомъ въ томъ, что будутъ любить только истинныхъ республиканцевъ; кварталъ Мольера представилъ франклиновскую медаль, которая, въ силу декрета, была прицѣплена къ статуѣ Свободы; подкидыши, объявленные «дѣтьми республики», проходили мимо Конвента, одѣтые въ національные мундиры; молодыя дѣвушки изъ квартала «Девяносто второго года» являлись сюда, одѣтыя въ бѣлыя платья, и на слѣдующій день въ «Монитерѣ» было напечатано:» Президентъ получилъ букетъ изъ невинныхъ рукъ молодой красавицы». Ораторы, всходя на трибуны, кланялись толпѣ, порою льстили ей, увѣряли ее, что она непогрѣшима, безупречна, возвышенна; въ толпѣ бываетъ много ребяческаго: она любитъ сладости. Иногда бунтъ, какъ ураганъ, налеталъ на собраніе, врывался въ него разъяренный и выходилъ успокоившимся, подобно тому, какъ Рона, вливаясь въ Женевское озеро мутными волнами, выходитъ изъ него волнами лазуреваго цвѣта. Но, впрочемъ, не всегда все обходилось миролюбиво, и начальнику національной гвардіи Анріо не разъ приходилось ставить передъ Тюильрійскимъ дворцомъ жаровни для раскаливанія ядеръ.

9.

Направляя революцію, собраніе заботилось также о распространеніи цивилизаціи. Это было пекло, но въ то же время и кузница. Въ этомъ котлѣ, въ которомъ кипятился терроръ, зарождался и прогрессъ. Изъ этого хаоса тѣней и изъ этихъ быстро бѣгущихъ по горизонту облаковъ выходили по временамъ яркіе снопы свѣта, подобіе вѣчныхъ законовъ; и эти снопы свѣта навсегда остались на горизонтѣ, навѣки блестятъ на небѣ народовъ; называются они: справедливость, терпимость, доброта, разумъ, истина, любовь. Конвентъ высказалъ слѣдующую великую аксіому: «Свобода каждаго гражданина оканчивается тамъ, гдѣ начинается свобода другого гражданина», т.-е., другими словами, въ двухъ строкахъ резюмировалъ всю науку о людской общественности. Онъ объявлялъ бѣдность священной, глухоту, нѣмоту и слѣпоту — священными, стоящими подъ особымъ покровительствомъ государства; материнство, въ лицѣ незамужней женщины, — священнымъ; онъ старался поднять и утѣшить дѣвушку-мать, онъ установлялъ усыновленіе сиротъ отечествомъ, онъ предписывалъ, чтобъ оказавшійся невиннымъ, несправедливо обвинявшійся подсудимый получалъ вознагражденіе отъ государства. Онъ преслѣдовалъ торговлю невольниками и освобождалъ рабовъ. Онъ ввелъ даровое образованіе, организовалъ національное образованіе учрежденіемъ Нормальной Школы въ Парижѣ, центральныхъ школъ — въ главнѣйшихъ городахъ и элементарныхъ школъ — въ каждой общинѣ. Онъ учреждалъ консерваторіи, музеи. Онъ ввелъ единство уголовнаго и гражданскаго кодексовъ, единство мѣръ и вѣсовъ, единство счисленія путемъ десятичной системы. Онъ пересоздалъ французскіе финансы и замѣнилъ монархическое банкротство общественнымъ кредитомъ. Онъ сдѣлалъ пользованіе воздушнымъ телеграфомъ общимъ достояніемъ, онъ устроилъ богадѣльни для стариковъ, хорошія больницы — для больныхъ, политехническую школу — для юношества, обсерваторію — для астрономовъ, академію—для человѣческаго генія. Будучи національнымъ, конвентъ былъ въ то же время и космополитическимъ. Изъ числа одиннадцати тысячъ двухъ сотъ десяти декретовъ, изданныхъ конвентомъ, одна треть имѣла въ виду цѣль политическую, двѣ трети — цѣли гуманитарныя. Онъ объявлялъ публичную мораль — основой общества и общественную совѣсть — основой закона. И все это — отмѣну рабства, провозглашеніе братства, покровительство гуманизму, направленіе на должный путь человѣческой совѣсти, превращеніе законовъ о трудѣ въ право на трудъ, превращеніе ихъ изъ тягостныхъ въ полезные, упроченіе народнаго богатства, призрѣніе и просвѣщеніе отрочества, покровительство наукамъ и литературѣ, свѣтъ, зажженный на всѣхъ вершинахъ, помощь, оказанная всякой нуждѣ, провозглашеніе самыхъ возвышенныхъ принциповъ — все это конвентъ успѣлъ совершить, имѣя во внутренностяхъ своихъ такую гидру, какъ Вандея, и чувствуя на своихъ плечахъ такіе тигровые когти, какъ монархическая коалиція.

10.

Въ этомъ многочисленномъ собраніи можно было встрѣтить всевозможные типы — человѣческіе, нечеловѣческіе и сверхчеловѣческіе. Это было какое-то сборище противоположностей. Тутъ былъ и Гильотенъ, избѣгавшій Давида, и Базиръ, оскорблявшій Шабо, и Гюаде, смѣявшійся надъ Сенъ-Жюстомъ, и Верньо, презиравшій Дантона, и Лувэ, нападавшій на Робеспьера, и Бюзо, доносившій на Филиппа-Эгалите, и Шамбонъ, клеймившій Паша, и всѣ, ненавидѣвшіе Марата. И сколько бы еще пришлось перечислять другихъ именъ! Армонвиль, прозванный «Краснымъ Колпакомъ», потому что являлся въ засѣданіе не иначе, какъ съ краснымъ фригійскимъ колпакомъ на головѣ, другъ Робеспьера, желавшій, однако, «ради равновѣсія» отправить послѣ Людовика XVI на эшафотъ Робеспьера; Массье, другъ и двойникъ епископа Ламуретта; Легарди, изъ Морбигана, клеймившій бретонскихъ патеровъ; Бареръ, предсѣдательствовавшій въ конвентѣ во время суда надъ Людовикомъ XVI; каноникъ Дану, только и твердившій, что «нужно выиграть время»; Дюбуа-Крансе, съ которымъ любилъ шептаться Маратъ; маркизъ де-Шатонефъ, Лакло, Геро-де-Сешелль, отступавшій передъ Анріо со словами: «Канониры, по мѣстамъ»; Жюльенъ, сравнившій «гору» съ Ѳермопилами; Гамонъ, требовавшій, чтобъ одна изъ трибунъ была отведена исключительно для женщинъ; Лалуа, предложившій конвенту публично благодарить епископа Гобеля, который въ засѣданіи снялъ съ своей головы митру и надѣлъ красный колпакъ; Леконтъ, требовавшій растриженія всѣхъ священниковъ; Феро, отрубленной головѣ котораго вскорѣ послѣ того низко поклонился Буасси-д'Англа; два брата Дюпра, одинъ жирондистъ, другой членъ «горы», ненавидѣвшіе другъ друга не меньше, чѣмъ два брата Шенье.

Съ этой трибуны произнесено было немало головокружительныхъ словъ, которыя часто, даже помимо воли тѣхъ, кто ихъ произноситъ, падаютъ тяжело на вѣсы революціи, будятъ дремлющія страсти и вызываютъ неожиданныя катастрофы, подобно тому, какъ достаточно бываетъ самаго обыкновеннаго звука, чтобы съ горы скатилась лавина. Часто одно лишнее слово вызываетъ крушеніе; если бъ оно не было произнесено, крушенія не случилось бы; самые факты порою какъ будто приходятъ въ гнѣвъ и раздраженіе; такъ вслѣдствіе одного невѣрно понятаго слова, пала голова принцессы Елисаветы, сестры Людовика XVI.

Въ конвентѣ невоздержность на словахъ была очень въ ходу. Угрозы летали по воздуху, точно головни во время сильнаго пожара. Напримѣръ: *Петіонъ:* «Къ дѣлу, Робеспьеръ!» *Робеспьеръ:* «Дѣло это—вы, Петіонъ, и я до васъ доберусь». *Голосъ:* «Смерть Марату!» *Маратъ:* «Въ тотъ день, въ который умретъ Маратъ, не будетъ болѣе Парижа, а въ тотъ день, когда погибнетъ Парижъ, не будетъ болѣе революціи». *Бильо-Варенъ* встаетъ и говоритъ: «Мы желаемъ»... *Бареръ* прерываетъ его: «Ты говоришь точно король». *Филиппо:* «Одинъ изъ членовъ обнажилъ противъ меня

шпагу». *Одуэнъ:* «Президентъ, призовите убійцу къ порядку» *Президентъ:* «Подождите» *Панисъ:* «Ну, такъ я васъ призываю къ порядку, президентъ».

Въ конвентѣ было также немало смѣха и шутокъ. Напримѣръ: *Лекуантръ:* «Священникъ Шанъ-Дебу жалуется на то, что его епископъ, Фоше запрещаетъ ему жениться». *Голосъ:* «Я не возьму въ толкъ, почему Фоше, имѣющій самъ любовницъ, желаетъ мѣшать другимъ имѣть женъ». *Другой голосъ:* «Ну, такъ и ты возьми себѣ любовницу, попъ!» Публика, наполнявшая галлереи, также вмѣшивалась въ разговоры, обращаясь къ депутатамъ на «ты». Однажды депутатъ Рюанъ входитъ на ораторскую трибуну; онъ былъ кривобокъ; кто-то изъ публики крикнулъ ему: «Повернись толстой щекой направо!» Вообще толпа позволяла себѣ большія вольности съ конвентомъ; впрочемъ, однажды, во время бурной сцены 11 апрѣля 1793 года, президентъ велѣлъ арестовать одного изъ крикуновъ.

Однажды Робеспьеръ говорилъ битыхъ два часа, все время глядя на Дантона то прямо ему въ глаза, что не предвѣщало ничего хорошаго, то исподлобья, что было еще хуже. Онъ закончилъ свою рѣчь слѣдующими зловѣщими словами: «Интриганы, взяточники, измѣнники — извѣстны; они въ этомъ собраніи. Они слышатъ насъ, мы видимъ ихъ, мы не спускаемъ съ нихъ глазъ. Пусть они поднимутъ глаза кверху и они увидятъ надъ собою мечъ правосудія; пусть они заглянутъ въ свою совѣсть, и они увидятъ тамъ свой позоръ. Пускай они остерегаются». Когда Робеспьеръ кончилъ, Дантонъ, прищуривъ глаза, откинувшись головою назадъ и глядя на потолокъ, сталъ напѣвать сквозь зубы.

Руссель прекрасно рѣчи говоритъ
Но еще лучше, если онъ молчитъ

По собранію то и дѣло проносились слова «Заговорщикъ!», «Убійца!», «Негодяй!», «Измѣнникъ!», «Постепеновецъ!» Иные доносили другъ на друга, обращаясь къ стоявшему тутъ же бюсту Брута, бросая кругомъ себя свирѣпые взгляды, грозя кулаками, вынимая изъ кармановъ пистолеты, выхватывая изъ ноженъ кинжалы. Слово «гильотина» слышалось каждую минуту. Страсти были возбуждены до крайности; въ собраніи было не меньше восемнадцати священниковъ, подавшихъ голоса за казнь короля. Словомъ собраніе напоминало собою клубы дыма, подхватываемые и разносимые по воздуху ураганомъ.

11.

Да, умы уносились вѣтромъ, но то былъ вѣтеръ, способный творить чудеса. Быть членомъ этого конвента значило быть одною изъ волнъ океана. Въ конвентѣ чувствовалось присутствіе чьей-то воли, но воля эта была ничья. Воля эта была идея—идея неукротимая и безграничная, дувшая въ потемкахъ точно изъ небеснаго зенита. Эта-то идея и называется революціей. Проносясь надъ собраніемъ, она валила съ ногъ одного и поднимала на воздухъ другого; она уносила одного въ брызгахъ пѣны и разбивала другого объ утесы. Эта идея знала, куда она катится, и гнала передъ

собою все и всѣхъ. Приписывать революцію людямъ, это — все равно, что приписывать приливъ волнамъ.

Революція, это—проявленіе дѣятельности неизвѣстнаго. Назовите это проявленіе хорошимъ или дурнымъ, смотря по тому, обращаете ли вы ваши взоры къ будущему или къ прошлому, но не приписывайте ее тому, кто ее произвелъ. Она—общее дѣло крупныхъ событій и крупныхъ личностей, но въ большей мѣрѣ первыхъ, чѣмъ послѣднихъ. Событія тратятъ, люди расплачиваются; событія предписываютъ, люди—подписываютъ. 14 іюля подписано Камилломъ Демуленомъ, 10 августа подписано Дантономъ. 2 сентября подписано Маратомъ, 21 сентября подписано аббатомъ Грегуаромъ, 21 января подписано Робеспьеромъ; но и Демуленъ, и Дантонъ, и Маратъ, и Грегуаръ, и Робеспьеръ во всѣхъ данныхъ случаяхъ являются только простыми секретарями; имя же автора, написавшаго эти великія страницы исторіи, — «Рокъ». Революція является одною изъ формъ того охватывающаго насъ со всѣхъ сторонъ явленія, которое мы называемъ «Неизбѣжностью».

Въ виду этого таинственнаго сочетанія благотворныхъ и вредныхъ явленій возникаетъ вѣчный вопросъ исторіи: «почему?», на что возможенъ только одинъ отвѣтъ: «потому». Эти періодическія катастрофы, приносящія съ собою разрушеніе, но въ то же время и оживляющія цивилизацію, неудобно разсматривать въ подробностяхъ. Порицать или хвалить людей за результаты, это — почти то же, что порицать или хвалить цифры слагаемыхъ за полученную въ итогѣ сумму. То, что должно проходить, — проходитъ, то, что должно дуть,—дуетъ. Послѣ бури небо снова проясняется. Истина и справедливость остаются поверхъ революціи, подобно тому, какъ звѣздное небо остается раскинутымъ поверхъ бурь.

12.

Таковъ былъ этотъ конвентъ, этотъ укрѣпленный лагерь рода людского, противъ котораго разомъ ополчились всѣ поборники тьмы, этотъ сторожевой огонь, зажженный для освѣщенія осажденныхъ идей, этотъ громадный бивуакъ геніевъ, разбитый надъ пропастью. Въ исторіи невозможно найти ничего подобнаго этой групѣ людей, одновременно и законодателей, и черни, и трибунала, и улицы, и ареопага, и рынка, и судей, и подсудимыхъ.

И теперь, по прошествіи восьмидесяти лѣтъ, каждый разъ, когда уму человѣка, кто бы онъ ни былъ, историкъ или философъ, представляется конвентъ, человѣкъ этотъ останавливается и размышляетъ. Да и невозможно не остановиться съ полнымъ вниманіемъ предъ этой громадной процессіей тѣней.

II.

Маратъ на сценѣ.

Маратъ объявилъ Симонѣ Эвраръ, что на слѣдующій день послѣ собранія на Павлиньей улицѣ онъ явится въ конвентъ, и сдержалъ свое обѣщаніе.

Въ числѣ членовъ конвента былъ маркизъ-якобинецъ Луи де-Монто, который впослѣдствіи подарилъ конвенту стѣнные часы, украшенные бюстомъ Марата. Въ то время, когда Маратъ входилъ въ залъ, Шабо подошелъ къ Монто и сказалъ ему: «Бывшій».

— На какомъ основаніи ты называешь меня бывшимъ?—спросилъ Монто.

— Да развѣ ты не былъ маркизомъ?

— Никогда! Отецъ мой былъ солдатомъ, дѣдъ мой былъ ткачомъ.

— Ну, разсказывай намъ сказки, Монто!

— Моя фамилія вовсе не Монто, а Марибонъ!

— Ну, Марибонъ, такъ Марибонъ! Для меня все равно.

И онъ пробормоталъ сквозь зубы:

— Удивительно, какъ нынче всѣ стали открещиваться отъ титула маркиза!

Маратъ остановился въ лѣвомъ проходѣ, глядя на Монто и Шабо. Каждый разъ, когда Маратъ входилъ въ конвентъ, поднимался шумъ, въ родѣ отдаленнаго шума моря; вблизи же его все молчало. Маратъ не обращалъ вниманія на этотъ шумъ, презрительно относясь къ «кваканью болота».

Въ полутьмѣ нижнихъ скамеекъ указывали другъ другу на него пальцами Конпэ изъ Уаза, Прюнель, епископъ Вильаръ, впослѣдствіи сдѣлавшійся членомъ Французской Академіи, Бутру, Пети, Плэшаръ, Боне, Тибодо, Вальдрюшъ.

— Гляди-ка—Маратъ!

— Онъ, значитъ, не боленъ?

— Конечно, боленъ, если онъ явился сюда въ халатѣ!

— Неужели въ халатѣ?

— Да конечно же!

— Чего только онъ себѣ не позволяетъ!

— Въ такомъ видѣ являться въ палату!

— Отчего бы и нѣтъ? Если онъ могъ явиться сюда, увѣнчанный лаврами, то можетъ же онъ являться и въ халатѣ.

— Бронзовое лицо и зубы точно изъ ярь-мѣдянки.

— Халатъ-то, кажется, у него новый.

— Изъ чего онъ сдѣланъ?

— Изъ репса.

— Полосатаго?

— Посмотри-ка на лацканы!

— Они, кажется, сдѣланы изъ тигровой шкуры.

— Нѣтъ, изъ горностая.

— Должно-быть, не изъ настоящаго.

— И на немъ чулки.

— Это странно!

— И башмаки съ пряжками.

— Серебряными!

— Ну, этого не проститъ ему Камбуласъ, носящій деревянные башмаки.

На другихъ скамьяхъ дѣлали видъ, будто не замѣчаютъ Марата, и разговаривали на другія темы. Сантонаксъ обратился къ Дюссо съ вопросомъ:

— Слышали, Дюссо? Бывшій графъ Бріеннъ...

— Тотъ самый, который сидѣлъ въ тюрьмѣ съ бывшимъ герцогомъ Вильруа? Я знавалъ ихъ обоихъ. Ну, что жъ?

— Они такъ перетрусили, что кланялись каждому тюремному сторожу и однажды отказались сыграть партію въ пикетъ, потому что въ поданной имъ колодѣ картъ были короли и королевы.

— Знаю. Ну, такъ что жъ?

— Ихъ обоихъ вчера казнили.

— А вообще какъ они держали себя въ тюрьмѣ?

— Довольно униженно. Но зато на эшафотѣ они выказали немалое мужество.

— Да, да, — воскликнулъ Дюссо, — умирать легче, чѣмъ жить!

Бареръ читалъ только что полученное донесеніе изъ Вандеи. Изъ Морбигана девятьсотъ человѣкъ и нѣсколько орудій отправились на выручку Нанта. Крестьяне угрожали Редону. Была произведена атака на Пенбёфъ. Передъ Мендрэномъ крейсировала эскадра для того, чтобы помѣшать высадкамъ. Начиная съ Энгранда до Мора весь берегъ былъ уставленъ роялистскими батареями. Три тысячи крестьянъ овладѣли Порникомъ съ возгласами: «Смерть англичанамъ!» Одно письмо Сантерра въ конвентъ, прочитанное Бареромъ, оканчивалось слѣдующими словами: «Семь тысячъ крестьянъ атаковали Ваннъ. Мы отбили ихъ нападеніе, и они оставили въ рукахъ нашихъ четыре орудія»...

— А сколько плѣнныхъ? — перебилъ чей-то голосъ.

Бареръ продолжалъ:

— Вотъ приписка къ письму: «Плѣнныхъ ни одного, потому что мы отказываемся брать ихъ» [1]).

Маратъ сидѣлъ неподвижно и не слушалъ, очевидно, чѣмъ-то сильно озабоченный. Онъ держалъ въ рукахъ и нервно мялъ какую-то бумагу, на которой тотъ, кто развернулъ бы ее, могъ бы прочесть слѣдующія строки, написанныя рукою Мояоро и, по всей вѣроятности, заключавшія въ себѣ отвѣтъ на сдѣланный Маратомъ вопросъ:

«Ничего не подѣлаешь противъ всемогущества уполномоченныхъ комиссаровъ, въ особенности противъ делегатовъ комитета общественной безопасности. Хотя Жениссьё и сказалъ въ засѣданіи 6 марта: «Каждый членъ комитета тотъ же король», но это невѣрно: они гораздо могущественнѣе королей; они имѣютъ неограниченное право казнить и миловать. Массадъ въ Анжерѣ, Трюльаръ — въ Сентъ-Амандѣ, Ніонъ — при генералѣ Марсэ, Парренъ — при Сабльской арміи, Мильеръ—при Ніорской арміи—всѣ они всемогущи. Клубъ якобинцевъ назначилъ даже Паррена бригаднымъ генераломъ. Обстоятельства все измѣняютъ. Делегатъ комитета

---

[1]) «Монитёръ», т. XIX, стр. 81.

общественной безопасности держитъ въ своихъ рукахъ главнокомандующаго».

Маратъ смялъ бумагу, сунулъ ее въ карманъ и медленными шагами подошелъ къ Монто и Шабо, продолжавшимъ болтать и не замѣтившимъ, какъ онъ вошелъ въ залу.

— Слушай, Монто или Марибонъ,—говорилъ Шабо,—я выхожу изъ комитета общественной безопасности.

— Почему же? Чѣмъ ты недоволенъ?

— Помилуй! Тамъ священнику поручаютъ наблюдать за дворяниномъ...

— А!

— За дворяниномъ, какъ ты...

— Я не дворянинъ, — сказалъ Монто.

— Попу...

— Въ родѣ тебя...

— Я не попъ, — замѣтилъ Шабо

Оба расхохотались.

— Ну, разскажи обстоятельнѣе, въ чемъ же дѣло? — продолжалъ Монто.

— А вотъ въ чемъ. Какой-то попъ, по имени Симурдэнъ, назначенъ состоять уполномоченнымъ комиссаромъ при какомъ-то виконтѣ, которому фамилія Говэнъ; виконтъ этотъ начальствуетъ экспедиціоннымъ отрядомъ, выдѣленнымъ изъ арміи, охраняющей морское побережье. Теперь дѣло въ томъ, чтобы не позволить дворянину вести фальшивую игру, а попу—измѣнить дѣлу республики.

— Это очень просто,—возразилъ Монто.—Слѣдуетъ только пустить въ ходъ смерть.

— Я того же мнѣнія,— проговорилъ приблизившійся къ нимъ Маратъ.

Оба собесѣдника подняли головы.

— А, здравствуй, Маратъ,—сказалъ Шабо.—Тебя что-то рѣдко стало видно въ нашихъ засѣданіяхъ.

— Мой докторъ предписываетъ мнѣ брать ванны, — отвѣтилъ Маратъ.

— Нужно быть осторожнымъ съ ваннами,—замѣтилъ Шабо:— Сенека умеръ въ ваннѣ.

— Не безпокойся, Шабо,— сказалъ Маратъ, улыбаясь,— здѣсь нѣтъ Нерона.

— Да, но зато здѣсь ты, — проговорилъ грубый голосъ. То былъ Дантонъ, пробиравшійся къ своему мѣсту.

Маратъ даже не обернулся и сказалъ, наклоняясь къ Монто и Шабо:

— Послушайте! Я пришелъ сообщить вамъ нѣчто важное. Нужно, чтобы кто-нибудь изъ насъ троихъ внесъ сегодня въ конвентъ проектъ одного декрета.

— Только не я,—проговорилъ Монто.—Меня не слушаютъ, потому что я маркизъ.

— И меня тоже не слушаютъ, потому что я капуцинъ,—замѣтилъ Шабо.

— И меня не слушаютъ, потому что я Маратъ, — проговорилъ Маратъ.

Всѣ они замолчали. Изъ Марата нелегко было вытянуть отвѣтъ. Однако Монто рѣшился спросить его:

— Такъ въ какомъ же родѣ декрета ты желаешь, Маратъ?

— Въ такомъ, чтобы казнить смертью всякаго военачальника, который позволитъ убѣжать плѣнному бунтовщику.

— Да вѣдь такой декретъ существуетъ, — замѣтилъ Шабо. — Онъ былъ принятъ еще въ концѣ апрѣля.

— Но на дѣлѣ онъ не примѣняется,—возразилъ Маратъ.—Всюду, во всей Вандеѣ, всѣ только и дѣлаютъ, что позволяютъ плѣннымъ бѣжать, и всѣ совершенно безнаказанно даютъ имъ убѣжище.

— Ну, значитъ, Маратъ, декретъ этотъ не исполняется.

— Значитъ, Шабо, нужно предложить конвенту, чтобъ онъ заставилъ исполнять его.

— Да при чемъ же тутъ конвентъ, Маратъ? Это дѣло касается комитета общественной безопасности.

— Цѣль могла бы быть достигнута,—присовокупилъ Маратъ,— если бы комитетъ велѣлъ вывѣсить этотъ декретъ во всѣхъ вандейскихъ общинахъ и показалъ бы два-три примѣра.

— На крупныхъ личностяхъ, — добавилъ Шабо: — на командирахъ отдѣльныхъ частей.

— Да, этого, пожалуй, было бы достаточно, — пробормоталъ Маратъ сквозь зубы.

— Ну, такъ зачѣмъ же дѣло стало? — спросилъ Шабо. — Предложи это самъ комитету, Маратъ.

Маратъ пристально посмотрѣлъ ему въ глаза, что заставило смутиться даже Шабо.

— Комитетъ общественной безопасности, Шабо,—проговорилъ онъ,—это—Робеспьеръ; а я не желаю имѣть съ нимъ дѣла.

— Ну, хорошо, я поговорю съ нимъ, — объявилъ Шабо.

На слѣдующій же день по всѣмъ направленіямъ было разослано предписаніе комитета общественной безопасности о разглашеніи по всѣмъ городамъ и общинамъ Вандеи и о точномъ исполненіи декрета, назначающаго смертную казнь за всякое содѣйствіе бѣгству плѣнныхъ «разбойниковъ» и инсургентовъ.

Декретъ этотъ являлся лишь первымъ шагомъ. Вскорѣ конвентъ пошелъ еще дальше. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, а именно 11 брюмера II года (въ ноябрѣ 1793 года), когда городъ Лаваль открылъ свои ворота передъ бѣглыми вандейцами, онъ издалъ декретъ, въ силу котораго всякій городъ, который дастъ у себя убѣжище бунтовщикамъ, подлежалъ уничтоженію и срытію.

Съ своей стороны европейскіе монархи объявили въ манифестѣ герцога брауншвейгскаго, внушенномъ эмигрантами и составленномъ главноуправляющимъ дѣлами герцога Орлеанскаго, Линнономъ, что всякій французъ, захваченный съ оружіемъ въ рукахъ, будетъ разстрѣлянъ, и что если хоть одинъ волосъ упадетъ съ головы короля Франціи, то Парижъ будетъ снесенъ съ лица земли.

КОНЕЦЪ, 2. ЧАСТИ.

Часть третья.—ВЪ ВАНДЕѢ.

Книга первая.—ВАНДЕЯ.

I.

Лѣса.

Въ Бретани въ тѣ времена было семь страшныхъ лѣсовъ. Вандея, — это было возмутившееся духовенство, а союзникомъ этого возмущенія являлись лѣса. Мракъ помогалъ мраку.

Семь такъ называемыхъ «черныхъ лѣсовъ» Бретани были слѣдующіе: Фужерскій лѣсъ, загораживавшій пространство между Долемъ и Авраншомъ; Пронсескій, имѣвшій восемь миль въ окружности; Пемпонскій, перерѣзанный оврагами и ручьями, почти недоступный со стороны Беньона, но имѣвшій удобное сообщеніе съ роялистскимъ мѣстечкомъ Конкорнэ; Реннскій, въ которомъ слышны были звуки набата республиканскихъ приходовъ, довольно многочисленныхъ въ окрестностяхъ городовъ: въ этомъ-то лѣсу отрядъ Пюисэ уничтожилъ отрядъ Фокара; Машкульскій лѣсъ, въ которомъ, точно дикій звѣрь, скрывался Шарретъ; Гарнашскій, принадлежавшій семействамъ Ла-Тремойль, Говэнъ и Роганъ и, наконецъ, Броселіандскій, принадлежавшій феямъ.

Одинъ изъ аристократовъ Бретани, виконтъ Фонтенэ, бретонскій князь, носилъ титулъ «помѣщика семи лѣсовъ». Князей бретонскихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ князьями французскими. Такъ, напримѣръ, Роганы были князья бретонскіе. Гарнье-де-Сентъ, въ своемъ донесеніи конвенту отъ 15 нивоза II года, слѣдующимъ образомъ отзывается о князѣ Тальмонѣ: «Этотъ Капетъ разбойниковъ, считающійся въ Мэнѣ и въ Нормандіи княземъ».

Исторія бретонскихъ лѣсовъ съ 1792 по 1800 г. могла бы составить предметъ совершенно самостоятельнаго труда, являясь какъ бы легендой въ обширной вандейской эпопеѣ. У исторіи своя правда, у легенды — своя. Легендарная правда — иного свойства, чѣмъ правда историческая. Правда легендарная, это—вымыселъ, имѣющій въ результатѣ реальную истину. Впрочемъ, и исторія и легенда стремятся обѣ къ одной и той же цѣли—къ изображенію, подъ видомъ преходящаго человѣка, человѣка вѣчнаго.

Вандейское возстаніе можетъ быть вполнѣ объяснено только въ томъ случаѣ, если легенда будетъ дополнять исторію: исторія нужна для цѣлаго, легенда—для подробностей. И нужно сказать, что Вандея стоитъ этого труда. Вандея, это — своего рода чудо.

Эта война темныхъ людей — нелѣпая и блестящая, ужасная и величественная—причинила Франціи много бѣдствій, но и была ея гордостью. Вандея, это—рана, но рана почетная.

Иногда человѣческое общество дѣлается своего рода загадкой, разрѣшающейся для мудреца—свѣтомъ, а для невѣжды—потемками, насиліями, варварствомъ. Философъ задумается обвинять. Онъ принимаетъ въ соображеніе неизвѣстное, присущее каждой задачѣ. Задачи, подобно облакамъ, набрасываютъ на все тѣнь.

Тотъ, кто желаетъ составить себѣ вѣрное понятіе о вандейскомъ возстаніи, не долженъ ни на одну минуту упускать изъ виду слѣдующаго антагонизма: съ одной стороны, французскую республику, съ другой—бретонскаго крестьянина. Въ виду этихъ несовмѣстимыхъ элементовъ, постоянной страшной угрозы всѣмъ благодѣяніямъ разомъ, припадка ярости цивилизаціи, избытка стремленія къ прогрессу, несоразмѣрной и непонятной жажды къ реформамъ—съ одной стороны, стоитъ, съ другой стороны этотъ странный и серьезный дикарь, этотъ человѣкъ съ свѣтлыми глазами и длинными волосами, питающійся молокомъ и каштанами, любящій свою соломенную крышу, свой заборъ и свой ровъ, легко различающій по звуку колокола всѣхъ окрестныхъ селъ, употребляющій воду только для питья, носящій вышитую шелкомъ-сырцомъ кожаную куртку, татуирующій свою одежду такъ же, какъ его предокъ кельтъ татуировалъ себѣ лицо, уважающій въ своемъ палачѣ своего господина, говорящій на мертвомъ языкѣ, что равносильно погребенію заживо своей мысли, подгоняющій своихъ воловъ, точащій свою косу, воздѣлывающій только рожь, пекущій лепешки изъ гречневой муки, уважающій прежде всего свой плугъ, а затѣмъ свою бабушку, вѣрующій и въ Богородицу и въ привидѣнія, склоняющій колѣна и предъ алтаремъ церкви и предъ старымъ друидскимъ камнемъ въ лѣсу, земледѣлецъ на нивѣ, рыбакъ на морскомъ берегу, браконьеръ въ лѣсу, любящій и королей своихъ, и господъ, и поповъ, и свою исконную грязь, задумчивый, способный простоять иной разъ въ полнѣйшей неподвижности цѣлые часы на пустынномъ морскомъ берегу, прислушиваясь къ шуму морскихъ волнъ.

И въ виду всего этого спрашивается: могъ ли подобный слѣпецъ примириться съ такимъ яркимъ сіяніемъ?

II.

Люди.

У крестьянина двѣ точки опоры: нива, которая его кормитъ, и лѣсъ, который его скрываетъ.

Теперь даже трудно представить себѣ, чѣмъ были въ то время бретонскіе лѣса. Это были цѣлые города. На первый взглядъ лѣса эти были не что иное, какъ громадный глухой, нѣмой и дикій клубокъ кустарника и терновника, полный неподвижности и тишины; ничто, казалось, не могло быть мертвеннѣе, могилоподобнѣе этихъ чащъ; но если бы можно было моментально, съ быстротою молніи, срубить всѣ эти деревья, то оказалось бы, что въ этихъ лѣсахъ люди копошатся, точно муравьи въ муравейникѣ.

Круглыя и узкія отверстія колодцевъ, скрытыя снаружи наваленными на нихъ камнями и хворостомъ, спускаясь сначала вертикально, а затѣмъ горизонтально, расширялись подъ землей въ видѣ воронокъ и вели къ мрачнымъ и темнымъ подземельямъ,— вотъ что нашелъ Камбизъ въ Египтѣ, а Вестерманъ—въ Бретани, съ тою только разницею, что въ Египтѣ они попадались въ пустынѣ, а въ Бретани—въ лѣсу, и что въ египетскихъ подземельяхъ находились мертвые, а въ бретонскихъ — живые люди. Одна изъ самыхъ глухихъ прогалинъ Миздонскаго лѣса, вся изрытая пещерами и галлереями, въ которыхъ сновали взадъ и впередъ какіе-то таинственные люди, называлась «Большимъ городомъ». Другая прогалина, не менѣе пустынная на поверхности и не менѣе обитаемая подъ землею, называлась «Королевскою площадью».

Впрочемъ, въ Бретани эта подземная жизнь не была новинкой: здѣсь во всѣ времена человѣкъ скрывался отъ человѣка и вырывалъ себѣ берлоги подъ корнями деревьевъ. Обычай этотъ начался еще съ друидскихъ временъ, и эти подземныя пещеры были такъ же старинны, какъ и другіе камни. Личинки легенды и чудовища исторіи—все прошло по этой дикой странѣ: Тевтатъ, Цезарь, Гоэль, Неоменъ, Готфридъ англійскій, Аланъ Желѣзная Перчатка, Пьеръ Моклеркъ, французское семейство Блуа, англійская семья Монфортовъ, короли и герцоги, девять бретонскихъ бароновъ, судьи «Великихъ-Дней», графы Нантскіе, вѣчно враждовавшіе съ графами Реннскими, разбойники, бродяги, Ренэ II, виконтъ Роганъ, королевскіе губернаторы, добрый герцогъ Шонскій, вѣшавшій крестьянъ на деревьяхъ подъ окнами г-жи Севинье, въ пятнадцатомъ столѣтіи—помѣщичья рѣзня, въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ—религіозныя войны, въ восемнадцатомъ—тридцать тысячъ собакъ, натасканныхъ для охоты на людей; въ виду всѣхъ этихъ невзгодъ народъ заблагоразсудилъ исчезнуть. Поочередно троглодиты, спасаясь отъ кельтовъ, кельты, спасаясь отъ римлянъ, бретонцы, спасаясь отъ норманновъ, гугеноты, спасаясь отъ католиковъ, контрабандисты, спасаясь отъ объѣздчиковъ, искали убѣжища сначала въ лѣсной чащѣ, а затѣмъ подъ землею. До такого звѣринаго образа жизни тираннія довела народъ! Въ теченіе цѣлыхъ двухъ тысячелѣтій деспотизмъ всякаго рода— завоеваніе, феодализмъ, фанатизмъ, чиновничество—не переставалъ дѣлать облаву на несчастныхъ жителей Бретани, и эта облава прекращалась въ одной формѣ лишь затѣмъ, чтобы возобновиться въ другой. Поневолѣ людямъ приходилось зарываться въ землю.

Послѣ всѣхъ этихъ гоненій судьбы бретонцы подверглись нашествію войскъ французской республики, вызванному возстаніемъ Бретани, открещивавшейся отъ свободы,—какъ, впрочемъ, нерѣдко случается съ рабами. И вотъ готовыя подземелья снова населились.

III.

Сообщничество людей и лѣсовъ.

Мрачные лѣса Бретани снова вошли въ старую свою роль и сдѣлались сообщниками и пособниками и этого возстанія, подобно тому, какъ они были ими и при другихъ возстаніяхъ. Подпочва такого лѣса сдѣлалась похожа на какой-то звѣздчатый кораллъ, будучи изрыта по всѣмъ направленіямъ цѣлой сѣтью подземныхъ ходовъ, галлерей и келлій. Въ каждой изъ этихъ келлій жило по пяти и по шести человѣкъ. Понятно, что въ нихъ трудно было дышать. Нѣкоторыя цифры даютъ болѣе или менѣе вѣрное понятіе о могучей организаціи такъ называемыхъ крестьянскихъ возстаній. Въ департаментѣ Иля-и-Вилены, въ Пертскомъ лѣсу—убѣжищѣ князя Тальмона, не слышно было голоса людского, не видно было слѣда человѣческаго, а между тѣмъ въ немъ скрывалось шесть тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ Фокара; въ Морбиганѣ, въ Мёлакскомъ лѣсу, никого не было видно, а между тѣмъ здѣсь было восемь тысячъ человѣкъ. Оба эти лѣса, Пертскій и Мёлакскій, считаются, впрочемъ, еще не самыми большими лѣсами Бретани. Вступать въ эти лѣса было страшно для непріятеля. Эти коварныя чащи, наполненныя бойцами, спрятанными въ подземныхъ лабиринтахъ, похожи были на громадныя губки, изъ которыхъ, подъ давленіемъ тяжелой стопы революціи, выступала междоусобная война.

Здѣсь сидѣли въ засадѣ невидимые батальоны. Невидимыя арміи бродили подъ ногами республиканскихъ армій, внезапно появлялись изъ-подъ земли и снова уходили въ нее, выскакивали многочисленныя—и снова исчезали, точно одаренныя и даромъ вездѣсущности и способностью испаряться, то лавина, то пыль, то колоссы, то карлики, великаны въ бою, карлики во время исчезанія. То были барсы, усвоившіе себѣ нравы кротовъ.

Подобно тому, какъ большіе города окружаютъ мелкіе поселки, такъ непроходимые лѣса окружала поросль. Большіе боры соединялись между собою лабиринтомъ порослей. Старые замки, напоминавшіе собою цитадели, усадьбы, игравшіе роль лагерей, фермы, превратившіяся въ западни, мызы, укрѣпленныя рвами и засѣками, являлись петлями этой громадной сѣти, въ которую то и дѣло попадали республиканскія арміи.

Вся эта мѣстность была извѣстна подъ общимъ названіемъ «Рощи». Въ составъ ея входилъ и Миздонскій лѣсъ, съ большимъ прудомъ посрединѣ, — главная квартира Жана Шуана; и Женнскій лѣсъ, въ которомъ расположился Тальеферъ, и Гюиссерійскій лѣсъ, убѣжище Гужъ-ле-Брюана; и Шарнійскій лѣсъ, занятый Куртилье-Батаромъ, по прозванію «Апостолъ Павелъ»; и Бюргольскій лѣсъ, въ которомъ хозяйничалъ загадочный Жакъ, нашедшій себѣ впослѣдствіи столь же загадочную смерть въ Жювардейльскомъ подземельи; и Шарроскій лѣсъ, въ которомъ вожди вандейцевъ Пимуссъ и Князекъ, подвергшись нападе-

нію Шатонёфскаго гарнизона, выхватывали изъ республиканскихъ рядовъ гренадеровъ и уносили ихъ плѣнниками; и Эрезерійскій лѣсъ, свидѣтель пораженія лонгфайскаго гарнизона; и Оньскій лѣсъ, изъ котораго можно было наблюдать за Реннской и за Лавальской дорогами; и Гравельскій, который одинъ изъ князей Ла-Тремуйль выигралъ въ кегли; и Лоржскій, въ департаментѣ Котъ-дю-Норъ, въ которомъ Шарль де-Буагарди царилъ послѣ Бернарда де-Вильнёва; и Баньярскій, близъ Фонтенэ, гдѣ Шальбосъ сражался съ Лескюромъ, имѣя одного человѣка противъ пяти; Дюрондейскій лѣсъ, который нѣкогда оспаривали другъ у друга Аленъ и Эрипу, сынъ Карла Лысаго; лѣсъ Круа-Батайль, мѣсто поединка Серебряной Ноги и Морьера; Содрейскій лѣсъ, только что обысканный, какъ мы видѣли въ началѣ этого разсказа, однимъ изъ парижскихъ батальоновъ, и еще многіе другіе.

Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ лѣсовъ и рощъ встрѣчались не только цѣлые подземные поселки, сгруппированные вокругъ главнаго подземелья, но и цѣлыя селенія, состоявшія изъ землянокъ, пріютившихся подъ свѣсившимися вѣтвями деревьевъ, порою до того многочисленныхъ, что ими бывалъ занятъ весь лѣсъ. Порою на существованіе ихъ указывалъ поднимавшійся среди деревьевъ домъ Особенно извѣстны были два изъ такихъ поселковъ въ Миздонскомъ лѣсу: Лоррьеръ, близъ Летана, и группа шалашей близъ Сентъ-Уэна, прозванная Рю-де-Бо.

Женщины жили въ шалашахъ, а мужчины—въ подземельяхъ. Они извлекали пользу для военныхъ цѣлей изъ старыхъ кельтскихъ галлерей и подкоповъ. Женщины приносили пищу скрывавшимся подъ землею мужчинамъ; случалось, что нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ забывали, и они умирали съ голоду; то были, впрочемъ, по большей части люди неловкіе, которые сами не умѣли находить выхода изъ колодцевъ. Дѣло въ томъ, что обыкновенно крышки надъ колодцами дѣлались такъ искусно изъ сучьевъ и мха, что, не будучи замѣтны въ травѣ снаружи, они, однако, очень легко открывались изнутри. При прорываніи этихъ подземныхъ ходовъ, для предосторожности, вынутая земля выбрасывалась въ ближайшій прудъ. Внутреннія стѣнки колодцевъ и дно ихъ были выложены папоротниками и мхомъ. Эти ямы назывались «ложами». Въ нихъ можно было бы жить недурно, если бы не недостатокъ свѣта, огня, воздуха и хлѣба. Вылѣзать отсюда на свѣтъ Божій безъ особыхъ предосторожностей было небезопасно: какъ разъ можно было попасть подъ ноги проходящему отряду республиканцевъ. Вообще лѣса эти были настоящими западнями: синіе не осмѣливались въ нихъ входить, а бѣлые боялись выходить изъ нихъ.

IV.

Жизнь вандейцевъ подъ землею.

Понятно, что люди, засѣвшіе въ эти звѣриныя логовища, скучали. Поэтому иногда по ночамъ они рисковали выходить и отправлялись поплясать на ближайшую лужайку; большею же

частью они для развлеченія предавались молитвѣ. «Цѣлый день,— жалуется Бурдуазо,—Жанъ Шуанъ заставляетъ насъ перебирать четки».

При наступленіи іюля не было почти никакой возможности помѣшать земледѣльцамъ департамента Нижняго Мэна выходить изъ своихъ убѣжищъ и отправляться на праздникъ жатвы. Нѣкоторые при этомъ переодѣвались женщинами, отправлялись на праздники, а затѣмъ возвращались въ свои ямы или же совершенно спокойно шли на смертный бой, мѣняя временную могилу на постоянную.

По временамъ сидѣвшіе въ колодцахъ приподнимали крышки ихъ и прислушивались, не раздаются ли барабанный бой и ружейная пальба, и издали слѣдили за ходомъ сраженія. Пальба республиканцевъ производилась залпами, пальба роялистовъ—поодиночкѣ. Этимъ они и руководствовались. Если пальба залпами внезапно прекращалась, это означало, что роялисты потерпѣли пораженіе; если пальба одиночная продолжалась и удалялась, это означало, что они одерживали верхъ: дѣло въ томъ, что роялисты всегда преслѣдовали разбитаго непріятеля, а республиканцы никогда этого не дѣлали, не будучи достаточно знакомы съ мѣстностью.

Эти подземные воины прекрасно знали все, что дѣлалось на свѣтѣ. Ничто не могло быть быстрѣе и таинственнѣе ихъ сношеній. Они разрушили всѣ мосты, сняли съ осей всѣ повозки, а между тѣмъ они находили возможность все сообщать другъ другу, о всемъ предупреждать. Между лѣсами, между поселками, между фермами, между хижинами, между кустами—то и дѣло сновали посыльные. Иной крестьянинъ, съ самымъ тупымъ выраженіемъ лица, успѣшно переносилъ, однако, депеши въ своей выдолбленной палкѣ. Бывшій членъ учредительнаго собранія, Боэтиду, доставлялъ имъ для передвиженія по всей Бретани республиканскіе паспорты новаго образца, въ которыхъ оставалось только проставить имя и которыхъ у него были цѣлыя пачки. Было положительно невозможно захватить ихъ врасплохъ. «Тайны,—говоритъ Бюизе,—ввѣренныя четыремъ стамъ человѣкъ, соблюдались самымъ добросовѣстнымъ образомъ».

Казалось, будто этотъ громадный четырехугольникъ, образуемый съ юга линіей, проведенной изъ Сабля въ Туаръ, съ востока—линіей изъ Туара въ Сомюръ и рѣкою Туэ, съ сѣвера—Луарой и съ запада – океаномъ, имѣлъ одинъ общій нервный механизмъ, и что толчокъ на любой точкѣ этой мѣстности отзывался повсюду. Извѣстія въ одно мгновеніе ока передавались изъ Нуармутье въ Люсонъ, и Луэскій лагерь отлично зналъ, что творилось въ Мориноскомъ лагерѣ. Можно было бы подумать, что извѣстія переносятся птицами. Гошъ писалъ 7 мессидора III года: «Можно подумать, что у нихъ есть телеграфъ».

Страна раздѣлена была на кланы, въ родѣ шотландскихъ. У каждаго прихода былъ свой предводитель. Отецъ мой участвовалъ въ этой войнѣ, и потому я могу кое-что разсказать о ней.

V.

Жизнь вандейцевъ на войнѣ.

Многіе вандейцы вооружены были одними только копьями. Было, впрочемъ, и немало хорошихъ охотничьихъ ружей; браконьеры изъ «Рощи» и контрабандисты изъ Лору вообще прекрасные стрѣлки. Это были странные, смѣлые и страшные бойцы. При появленіи декрета о рекрутскомъ наборѣ въ триста тысячъ человѣкъ, въ шести стахъ деревняхъ Бретани ударили въ набатъ, и пожаръ вспыхнулъ разомъ во всей странѣ. Пуату и Анжу взялись за оружіе въ одинъ и тотъ же день. Впрочемъ, зловѣщій шумъ раздался еще 8 іюля 1792 года, за мѣсяцъ до 10 августа, въ Кербадерской равнинѣ. Аленъ Ределеръ, о которомъ нынѣ всѣ забыли, былъ предтечей Ларошжаклэна и Жана Шуана. Роялисты, подъ угрозой смертной казни, заставляли всѣхъ здоровыхъ людей браться за оружіе и забирали лошадей, повозки, съѣстные припасы. По прошествіи нѣсколькихъ дней у Сапино было три тысячи бойцовъ, у Кателино—десять тысячъ, у Штофэ—двадцать тысячъ, а Шарретъ овладѣлъ островомъ Нуармутье. Виконтъ Сепо поднялъ Верхній Анжу, шевалье Дьёзи—департаментъ Вилена-и-Луары, Тристанъ Отшельникъ—Нижній Мэнъ, цырюльникъ Гастонъ—городъ Гемене, а аббатъ Бернье—всю остальную провинцію. Для того, чтобы поднять всѣ эти массы, нужно было немного: въ скинію отряднаго патера сажали большого чернаго кота, который выскакивалъ оттуда во время обѣдни. «Это дьяволъ!» кричали крестьяне, и вся окрестность бралась за оружіе. Изъ исповѣдаленъ раздавались пароли и лозунги. Многіе бретонцы вооружены были большою и толстою дубиной, сажени въ двѣ длины, которая служила имъ оружіемъ въ бою и помогала имъ перепрыгивать черезъ рвы во время походовъ. Во время самаго боя, встрѣчая въ минуту атаки крестъ или часовню, бретонцы становились на колѣни и читали молитву подъ градомъ пуль; по окончаніи ея, тѣ, которые не были перебиты, поднимались на ноги и бросались на непріятеля. Они обладали способностью на полномъ бѣгу заряжать свои ружья. Легковѣрію ихъ не было предѣловъ. Такъ, патеры ихъ показывали имъ людей съ красной полосой вокругъ шеи отъ тугоперетянутой бечевки и увѣряли ихъ, что это—воскресшіе послѣ казни на гильотинѣ. Имъ не чуждъ былъ духъ рыцарства; такъ они похоронили съ почетомъ республиканскаго оруженосца Феска, который далъ изрубить себя на мѣстѣ, не выпустивъ изъ рукъ своего знамени. Сначала они боялись пушекъ; но вскорѣ они стали кидаться на нихъ съ своими дубинами и захватывать ихъ. Первую красивую бронзовую пушку, которую они взяли, они назвали «миссіонеромъ»; другую, вылитую еще во времена религіозныхъ войнъ и на которой выгравированы были гербъ Ришельё и образъ Богоматери, назвали «Маріей-Анной». При взятіи республиканцами Фонтенэ была захвачена и «Марія-Анна», вокругъ которой пали, не моргнувъ

бровью, шестьсотъ крестьянъ; затѣмъ они снова напали на Фонтенэ, чтобы возвратить себѣ «Марію-Анну», разбили республиканцевъ, овладѣли «Маріей-Анной» и повезли ее съ собою, украшенную бѣлымъ флагомъ и убранную цвѣтами, заставляя встрѣчныхъ женщинъ цѣловать ее. Но двухъ орудій было мало. Стоффле взялъ «Марію-Анну»; Катлино, завидуя ему, двинулся изъ Пенъ-анъ-Можа, повелъ приступъ на Жаллэ и взялъ третье орудіе; Форэ атаковалъ Сенъ-Флоранъ и взялъ четвертое. Два другихъ предводителя вандейцевъ, Шуппъ и Сенъ-Поль, придумали слѣдующее: они сдѣлали изъ бревенъ подобіе пушекъ, поставили подлѣ нихъ куколъ, одѣтыхъ артеллеристами, и съ помощью этой артиллеріи, надъ которой они сами немало хохотали, заставили республиканцевъ отступить къ Марейлю. Это было еще лучшей эпохой борьбы. Впослѣдствіи, когда Шальбосъ разбилъ Ла-Марсоньера, вандейцы оставили послѣ себя на полѣ сраженія тридцать два орудія съ англійскими клеймами. Тогдашняя Англія выплачивала субсидіи французскимъ принцамъ; Нанціа писалъ 10 мая 1704 года, что «принцамъ посылаютъ деньги, такъ какъ Питта увѣрили въ томъ, что въ этомъ нѣтъ ничего неприличнаго». Мелинэ пишетъ въ донесеніи 31 марта, что въ рядахъ бунтовщиковъ раздаются клики: «Да здравствуютъ англичане!» Крестьяне стали грабить, ханжи сдѣлались ворами, дикари усвоили себѣ пороки. Пюизей говоритъ (т. II, стр. 187): «Мнѣ нѣсколько разъ удалось спасти мѣстечко Плеланъ отъ разграбленія». А дальше (стр. 434) онъ говоритъ, что нарочно не входилъ въ Монфоръ: «Я сдѣлалъ обходъ, чтобы избѣжать разграбленія домовъ якобинцевъ». Вандейцы ограбили Шолле, разнесли Шалланъ. Не успѣвъ проникнуть въ Гранвилль, они разграбили Вилль-Дьё. Они называли «якобинскою сволочью» тѣхъ изъ поселянъ, которые держали сторону синихъ и преслѣдовали ихъ съ бо̀льшимъ ожесточеніемъ, чѣмъ послѣднихъ. Они убивали не просто какъ солдаты, а какъ разбойники. Имъ нравилось разстрѣливать горожанъ и они называли это «разговѣться». Въ Фонтенэ одинъ изъ ихъ священниковъ, аббатъ Барботенъ, собственноручно изрубилъ одного старика саблей. Въ Сенъ-Жерменѣ-на-Илѣ (Пюизей, т. II, стр. 35) одинъ изъ ихъ предводителей, дворянинъ родомъ, убилъ выстрѣломъ изъ ружья прокурора коммуны и снялъ съ него часы. Въ Машкулѣ они убивали республиканцевъ серіями, по тридцати человѣкъ въ день, и это продолжалось пять недѣль; каждая такая партія въ тридцать человѣкъ называлась «четками». Ихъ ставили спиною ко рву и разстрѣливали; разстрѣлянные падали въ ровъ часто еще живые, но ихъ тѣмъ не менѣе хоронили вмѣстѣ съ другими. Нѣчто подобное повторилось, впрочемъ, и въ наши недавніе дни... У президента округа Жубера отпилили обѣ кисти рукъ; иногда республиканцамъ надѣвали на руки колодки съ рѣжущими краями. Ихъ избивали на публичныхъ площадяхъ при звукахъ охотничьихъ роговъ. Шареттъ, подписывавшійся: «Братство, шевалье Шареттъ» и надѣвавшій на голову, подобно Марату, платокъ, завязанный узломъ на лбу, сжегъ дотла городъ Порникъ, вмѣстѣ

съ его обитателями. Съ своей стороны и Карье былъ свирѣпъ. Терроръ вызывалъ терроръ. Бретонскій инсургентъ очень походилъ на инсургента-грека: короткая куртка, ружье на перевязи, набедренники, широкіе шаровары,—словомъ, бретонскій мужикъ былъ, ни дать ни взять, эллинскій клефтъ. Анри Ларошжакленъ отправился въ бой 21 года отроду съ палкой въ рукѣ и съ парой пистолетовъ за поясомъ. Вандейская армія раздѣлялась на сто пятьдесятъ четыре дивизіи. Инсургенты вели правильныя осады; въ теченіе трехъ дней они блокировали Брессюиръ. Въ Страстную пятницу десять тысячъ крестьянъ обстрѣливали Сабль-д'Олонъ калеными ядрами. Имъ случилось разрушить въ одинъ день не менѣе четырнадцати республиканскихъ лагерей, отъ Монтинье до Курбейля. На высокой стѣнѣ Туара происходилъ слѣдующій діалогъ между Ларошжакленомъ и однимъ крестьянскимъ парнемъ:

— Карлъ.

— Здѣсь!

— Подставь плечи, чтобы я могъ взобраться на нихъ.

— Пожалуйте!

— Ружье твое давай!

— Извольте!

И Ларошжакленъ перепрыгнулъ черезъ стѣну въ городъ, и вандейцы взяли, даже безъ помощи лѣстницъ, башни, которыхъ не могъ въ свое время взять Дюгекленъ. Они предпочитали патронъ червонцу и плакали, теряя изъ виду колокольню своего села. Они не считали постыднымъ обращаться въ бѣгство, и тогда начальники ихъ кричали имъ: «Сбросьте съ себя башмаки, но оставляйте при себѣ ружье». Когда у нихъ не хватало зарядовъ, они, прочитавъ молитву, набрасывались на зарядные ящики республиканцевъ; впослѣдствіи д'Эльбе требовалъ зарядовъ у англичанъ. Когда непріятель приближался, они скрывали своихъ раненыхъ въ хлѣбѣ или въ папоротникѣ и по окончаніи сраженія снова подбирали ихъ. У нихъ не было никакихъ мундировъ, и многіе изъ нихъ являлись настоящими оборванцами. Какъ крестьяне, такъ и дворяне одѣвались въ первые попавшіеся лохмотья. Роже Мулинье носилъ чалму и ментикъ, взятые изъ гардеробной Ла-Флешскаго театра; на шевалье де-Бовилье надѣта была прокурорская мантія и женская шляпка поверхъ шерстяного колпака. На всѣхъ были надѣты бѣлые шарфы и перевязи, и чины различались по цвѣту узловъ на шарфахъ. У Стоффле былъ красный узелъ; у Ларошжаклена—черный; Вимпфенъ, не выходившій, впрочемъ, изъ Нормандіи, носилъ кожаные наручники. Въ рядахъ инсургентовъ были и женщины: г-жа Кескюръ, вышедшая впослѣдствіи замужъ за Ларошжаклена; Тереза де-Мольенъ, любовница Ла-Руари, которая сожгла списки начальниковъ приходовъ; г-жа Ла-Рошфуко, молодая и красивая, которая съ саблей въ рукѣ выстраивала крестьянъ у подошвы высокой башни Пюи-Руссо; Антуанетта Адамсъ, которую называли «шевалье Адамсъ» и которая отличалась такою храбростью, что когда ее взяли въ плѣнъ, то

ее разстрѣляли стоя, изъ уваженія къ ея мужеству. Это было время жестокое и суровое. Г-жа Лескюръ нарочно заставляла свою лошадь наступать на тѣла лежащихъ на землѣ непріятелей, не разбирая того, убиты ли послѣдніе, или же только ранены. Среди мужчинъ еще появлялись по временамъ измѣнники, среди женщинъ—никогда. Г-жа Флёри, актриса Французскаго театра, перешла отъ Ла-Руари къ Марату, но по любви.

Начальники часто бывали такіе же невѣжды, какъ и солдаты: такъ, напр., Сапино былъ совершенно безграмотенъ. Предводители недолюбливали другъ друга; предводители изъ «равнины» открыто кричали: «Долой горцевъ». Кавалерія ихъ была малочисленна и плохо организована. Пюизей писалъ: «Иной охотно отдавалъ мнѣ обоихъ своихъ сыновей, но блѣднѣлъ, когда я требовалъ у него одного изъ его коней». Вилы, косы, мотыки, старыя и новыя ружья, охотничьи ножи, вертела, обитыя желѣзомъ и гвоздями дубины—вотъ ихъ оружіе; нѣкоторые носили на груди изображеніе крестообразно сложенныхъ костей. Они громко кричали во время нападенія, появлялись внезапно, точно выростая изъ-подъ земли, изъ лѣсовъ, изъ-за холмовъ, изъ канавъ, бросались въ разсыпную, убивали, истребляли и снова исчезали. Проходя черезъ республиканскій городъ, они срубали дерево свободы, зажигали его и плясали вокругъ него. Они охотно подкрадывались въ темнотѣ; вообще они руководствовались правиломъ—появляться, какъ снѣгъ на голову. Они могли пройти пятнадцать миль, не потоптавъ ни одной травки, не издавъ ни единаго звука. По вечерамъ, послѣ того какъ начальники ихъ опредѣлили, гдѣ завтра будетъ произведено нападеніе на республиканцевъ, они заряжали свои ружья, читали молитвы, снимали свои деревянные башмаки и длинными колоннами пробирались босикомъ по лѣсу, ступая по мху и вереску, не произнося ни единаго звука, не производя ни малѣйшаго шума, точно стая кошекъ, выступающихъ въ потемкахъ.

VI.

Душа земли переходитъ въ человѣка.

Число вандейскихъ инсургентовъ нельзя опредѣлить меньше, чѣмъ въ пятьсотъ тысячъ человѣкъ, считая здѣсь, впрочемъ, женщинъ и дѣтей. Тюффенъ-де-ла-Пуари опредѣляетъ число однихъ бойцовъ въ полмилліона.

Кромѣ того, имъ помогали федералисты: Жиронда сдѣлалась сообщницей Вандеи. Изъ Лозера прибыло въ Вандею тридцать тысячъ человѣкъ. Открыто возстали восемь департаментовъ,—пять въ Бретани и три въ Нормандіи. Эврё, братаясь съ Каэномъ, имѣлъ своимъ представителемъ въ возстаніи своего мэра Шомона и старшину Гарденбаса. Бюзо, Горзасъ и Барбару въ Каэнѣ, Бриссо—въ Муленѣ, Шассанъ—въ Ліонѣ, Рабо-Сентъ-Этьеннъ—въ Нимѣ, Мельянъ и Дюшатель—въ Бретани,—всѣ эти уста раздували пламя возстанія.

Были двѣ Вандеи: большая, которая вела войну въ лѣсахъ, и малая, которая вела ее въ кустахъ; вотъ оттѣнокъ, отличающій

Шаррета отъ Жана Шуана. Малая Вандея была наивна, большая—испорчена; во всякомъ случаѣ первая была симпатичнѣе. Шарретъ былъ сдѣланъ маркизомъ, генералъ-лейтенантомъ королевскихъ армій и получилъ орденъ св. Людовика; Жанъ Шуанъ остался Жаномъ Шуаномъ; но между тѣмъ первый близко подходитъ къ разбойнику, а второй—къ рыцарю. Что же касается великодушныхъ предводителей—Ларошжаклена, Лескюра, Бонтана, то они просто заблуждались. Великая католическая армія была не что иное, какъ безумная затѣя, и пораженіе ея было неизбѣжно. Вандея не въ состояніи была перейти за Лауру. Междоусобная война не можетъ быть завоевательной. Цезари и Наполеоны могутъ переходить Рейнъ, но для Ларошжаклена немыслимо было перейти за Луару.

Настоящая Вандея, это—Вандея у себя дома; здѣсь она болѣе чѣмъ неуязвима—она неуловима.

Вандеецъ у себя дома, это—контрабандистъ, земледѣлецъ, солдатъ, пастухъ, браконьеръ, вольный стрѣлокъ, звонарь, крестьянинъ, шпіонъ, убійца, причетникъ, звѣрь лѣсной. Ларошжакленъ—не что иное, какъ Ахиллъ, Жанъ Шуанъ—Протей.

Вандейское возстаніе не удалось; другія подобныя же крестьянскія возстанія, какъ, напр., въ Швейцаріи, сопровождались успѣхомъ. Между возстаніемъ горцевъ, какъ, напр., швейцарцевъ, и возстаніемъ въ лѣсахъ, какъ, напр., вандейцевъ, существуетъ та зависящая отъ среды разница, что первые почти всегда борятся за идею, а вторые—за предразсудокъ. Первые носятся въ выси, вторые ползаютъ по землѣ; первые сражаются за человѣчество, вторые—за пустыню; первые жаждутъ свободы, вторые—одиночества; у первыхъ въ виду общіе интересы, у вторыхъ—частные; первые имѣютъ дѣло съ безднами, вторые—съ трясинами; первые—люди потоковъ и пѣны, вторые—люди стоячихъ водъ, гнѣздилища лихорадокъ; у первыхъ надъ головами—лазурь небесная, у вторыхъ—хворостъ; первые облиты свѣтомъ, вторые окутаны потемками.

А на вершинахъ получаются совершенно иные взгляды, чѣмъ въ лощинахъ. Гора, это—цитадель, лѣсъ, это—засада; первая синонимъ смѣлости, вторая—коварства. Еще люди древняго міра помѣщали боговъ на вершинахъ горъ, а сатировъ—въ лѣсной чащѣ. Сатиръ, это—дикарь, полубогъ, получеловѣкъ. Въ свободныхъ странахъ мы находимъ Апеннины, Альпы, Пиренеи, Олимпъ. Парнасъ, это—опять же гора. Монбланъ былъ колоссальнымъ союзникомъ Вильгельма Телля; индійскія поэмы сложились у подножія Гималайскихъ горъ. Греція, Испанія, Италія, Швейцарія богаты горами; Кимврія, Германія, Бретань—лѣсами. Лѣсъ, это—синонимъ варварства.

Свойство почвы внушаетъ человѣку тѣ или другія дѣйствія; оно въ большей мѣрѣ является его сообщникомъ, чѣмъ то обыкновенно полагаютъ. Въ виду нѣкоторыхъ дикихъ пейзажей поневолѣ является желаніе оправдать человѣка и обвинить природу, дѣлающую какъ бы вызовъ человѣку. Пустыня оказываетъ порою

вредное вліяніе на совѣсть, въ особенности на совѣсть малопросвѣщенную. Возвышенная совѣсть, это—Іисусъ и Сократъ; низкая совѣсть—Атрей и Іуда. Низкая совѣсть склонна къ пресмыканію; она любитъ скрываться въ густомъ лѣсу, въ терновникѣ, подъ кустами, въ болотѣ; тамъ она проникается дурными внушеніями. Оптическіе обманы, необъяснимые миражи, ошибки во времени и въ мѣстѣ наводятъ на человѣка тотъ страхъ, полурелигіозный, полуживотный, который въ обыкновенныя времена ведетъ къ предразсудкамъ, а въ смутныя времена—къ жестокости. Галлюцинаціи держатъ факелы, освѣщающіе путь къ убійству. Разбой, это—своего рода головокруженіе. Величественная природа имѣетъ двойной смыслъ: она просвѣщаетъ высокіе умы и ослѣпляетъ низкіе. Когда человѣкъ невѣжественъ, когда пустыня полна миражей, тьма одиночества присоединяется къ тьмѣ разума, и вслѣдствіе того передъ человѣкомъ разверзается нѣсколько безднъ. Какой-нибудь утесъ, какой-нибудь оврагъ, какая-нибудь чаща, какой-нибудь странный вечерній просвѣтъ могутъ натолкнуть человѣка на безумное и свирѣпое дѣйствіе. Можно было бы почти сказать, что есть преступныя мѣстности.

Свидѣтелемъ сколькихъ ужасныхъ вещей былъ мрачный холмъ, возвышающійся между Беньономъ и Плеланомъ!

Широкіе горизонты даютъ широкій просторъ и человѣческой мысли; суженные горизонты суживаютъ и мысль, и люди съ великой душою превращаются въ людей ограниченныхъ. Примѣромъ тому можетъ служить Жанъ Шуанъ. Общія идеи, ненавидимыя во имя частныхъ интересовъ — въ этомъ и заключается борьба за прогрессъ.

Родной край и Отечество—въ этихъ двухъ словахъ резюмируется вся Вандейская война: борьба мѣстной идеи противъ универсальной, крестьянъ противъ патріотовъ.

VII.

Вандея покончила Бретань.

Бретань, это—старая бунтовщица. Въ теченіе цѣлыхъ двухъ тысячелѣтій, каждый разъ, когда она поднималась, она была права; но на этотъ разъ она была неправа. И между тѣмъ, въ сущности, борясь противъ революціи или противъ монархіи, противъ народныхъ представителей-делегатовъ или противъ герцоговъ и маркизовъ-губернаторовъ, противъ ассигнацій или противъ соляного налога, кто бы ни были бойцы—Никола̀ Рапенъ или Франсуа де-Лану, капитанъ Плювіо и госпожа Лагарнашъ или Стоффле, Кокеро и Лешанделье-де-Пьервилль, подъ начальствомъ ли князя Рогана противъ короля, или Ларошжаклена за короля—Бретань вела все одну и ту же борьбу,—борьбу мѣстнаго духа противъ духа центральнаго.

Эти старыя провинціи представляли собою прудъ; всякое движеніе было чуждо этой стоячей водѣ; дувшій на нихъ вѣтеръ не освѣжалъ, а раздражалъ ихъ. Не даромъ часть этой провинціи

называлась Финистеръ [1]): здѣсь кончалась Францiя, кончалась цивилизацiя и останавливалось поступательное движенiе поколѣнiй.

Стой!—кричалъ океанъ сушѣ. Стой!—кричало варварство цивилизацiи. Каждый разъ, когда центръ, Парижъ, давалъ толчокъ, все равно, исходилъ ли этотъ толчокъ отъ королевской, или отъ республиканской власти, дѣлался ли онъ въ смыслѣ деспотизма, или въ смыслѣ свободы, Бретань, чуя что то новое, ощетинивалась. Оставьте насъ въ покоѣ! Чего вамъ отъ насъ нужно? Равнина хватается за вилы, лѣса—за карабинъ. Всѣ наши попытки, наша инициатива въ дѣлѣ законодательства и воспитанiя, наши энциклопедiи, наши философiи, наши генiи, все то, чѣмъ мы гордимся, не имѣетъ никакой цѣны въ глазахъ этихъ дикарей. Мѣстныя колокольни бьютъ въ набатъ, призывая къ борьбѣ противъ французской революцiи, мѣстныя долины возмущаются противъ шумныхъ парижскихъ площадей, и сельская церковь въ какомъ-нибудь Го-де-Прэ колокольнымъ звономъ объявляетъ войну Луврской башнѣ.

Вандейское возстанiе было не что иное, какъ прискорбное недоразумѣнiе. Это была колоссальная свалка, ссора титановъ, безполезный бунтъ, отъ которыхъ въ исторiи осталось только одно слово Вандея,—слово громкое, но мрачное. Вандея сама накладывала на себя руки ради отсутствующихъ, жертвовала собою ради эгоистовъ, предлагала свое беззавѣтное мужество трусамъ; она дѣйствовала безъ стратегiи, безъ тактики, безъ расчета, безъ плана, безъ цѣли, безъ отвѣтственности, безъ головы; она ясно доказывала, что можно имѣть сильную волю и быть безсильнымъ; вандейцы оказались одновременно и рыцарями и дикарями: они наивно вздумали оградить себя противъ свѣта перилами мрака; невѣжество оказывало глупое, но въ то же время геройское и продолжительное сопротивленiе истинѣ, справедливости, разуму, свободѣ. Восьмилѣтняя рѣзня, разоренiе четырнадцати департаментовъ, заброшенныя поля, потоптанныя жатвы, сожженныя деревни, разграбленные города, разгромленные дома, убитыя женщины и дѣти, зажженые факелы въ соломенныхъ крышахъ, проткнутыя шпагами сердца, ужасъ цивилизацiи, надежда сэра Вильяма Питта—вотъ что такое была эта война, эта безсознательная попытка на отцеубiйство.

Вообще же Вандея содѣйствовала дѣлу прогресса, доказавъ необходимость разсѣять исконный бретонскiй мракъ и озарить эту чащу яркими лучами свѣта. И историческiя катастрофы по-своему могутъ приносить извѣстную долю пользы.

---

[1]) Finis terrae—конецъ или край земли.

Книга вторая.—ТРОЕ ДѢТЕЙ.

I.

Plus quam civilia bella. [1])

Лѣто 1792 года было очень дождливое; лѣто 1793 года было очень жаркое. Вслѣдствіе междоусобной войны въ Бретани наступило полное бездорожье. Однако, благодаря хорошему лѣту, можно было путешествовать: хорошо просохшая земля — самая лучшая дорога.

Въ одинъ ясный іюльскій вечеръ, приблизительно съ часъ послѣ захода солнца, всадникъ, ѣхавшій со стороны Авранша, остановился передъ небольшой харчевней Круа-Браншаръ, у въѣзда въ Понторсонъ, на вывѣскѣ которой можно было прочесть слѣдующія слова: «Здѣсь можно получать хорошій медъ». Днемъ было жарко, но теперь начиналъ дуть свѣжій вѣтеръ.

Путникъ былъ укутанъ въ просторный плащъ, покрывавшій и крупъ его лошади. На головѣ у него была надѣта широкополая шляпа съ трехцвѣтной кокардой, что было не совсѣмъ безопасно въ этой странѣ, такъ какъ, того и гляди, можно было ожидать выстрѣла изъ-за какого-нибудь плетня, при чемъ кокарда представляла собою отличную цѣль. Плащъ былъ завязанъ подъ шеей, но спереди онъ распахивался и изъ-подъ него можно было разглядѣть трехцвѣтную перевязь и двѣ ручки пистолетовъ, торчавшія изъ-за пояса. Изъ-подъ свѣсившагося по бокамъ плаща высовывался конецъ сабли.

Когда всадникъ остановилъ своего коня возлѣ харчевни, дверь отворилась, и на порогѣ показался хозяинъ съ фонаремъ въ рукѣ: на дворѣ было еще достаточно свѣтло, но въ комнатѣ уже стемнѣло.

— Что, гражданинъ, вы думаете здѣсь остановиться?—спросилъ хозяинъ, взглянувъ на кокарду.

— Нѣтъ, я ѣду въ Доль.

— Въ такомъ случаѣ лучше возвратитесь въ Авраншъ или оставайтесь въ Понторсонѣ. Въ Долѣ дерутся.

— Вотъ какъ!—замѣтилъ всадникъ и прибавилъ:—Задайте овса моему коню.

Хозяинъ принесъ колоду, высыпалъ въ нее мѣшокъ овса и разнуздалъ лошадь, которая, фыркая, принялась жевать овесъ. Разговоръ продолжался.

— Что, гражданинъ, этотъ конь вашъ собственный или обывательскій?

— Мой собственный. Я купилъ его и заплатилъ свои кровныя денежки.

---

[1]) Нѣчто большее, чѣмъ обыкновенныя междоусобицы.

— А откуда держите путь?

— Изъ Парижа. Только я ѣду окольными дорогами.

— Еще бы! Большія дороги не безопасны. Впрочемъ, почта еще ходитъ.

— До, но только до Алансона. Туда я доѣхалъ по почтовой дорогѣ.

— А-а, скоро во Франціи уже не будетъ почты! Не хватаетъ лошадей. За лошадь въ триста франковъ платятъ шестьсотъ франковъ, а къ фуражу и приступа нѣтъ. Я самъ прежде держалъ почту, а теперь пришлось держать постоялый дворъ. Изъ 1313 прежнихъ содержателей почтовыхъ станцій двѣсти бросили это занятіе. А что, гражданинъ, вы платили прогоны по новому тарифу?

— Да, начиная съ перваго мая.

— Значитъ, по двадцати су за милю въ каретѣ, по двѣнадцати—въ кабріолетѣ и по пяти—въ телѣгѣ. А что вы эту лошадь купили въ Аланосѣ?

— Да, въ Аланосѣ.

— И вы ѣхали на ней цѣлый день?

— Да, съ самаго разсвѣта, равно какъ и вчера и третьяго дня.

— Оно и видно. Вы проѣхали, значитъ, на Домфронъ, Мортенъ и Авраншъ. Послушайтесь моего совѣта, гражданинъ—отдохните. И лошадь ваша устала, да и вы, вѣроятно, не менѣе того.

— Лошади имѣютъ право уставать, но люди этого права не имѣютъ.

Хозяинъ снова уставился на путника и увидѣлъ передъ собою лицо спокойное, серьезное и даже строгое, обрамленное сѣдыми волосами. Затѣмъ онъ перевелъ взоръ на дорогу, на которой ни въ ту ни въ другую сторону не видно было ни души, и спросилъ:

— И вы рѣшаетесь путешествовать совершенно одинъ?

— Нѣтъ, у меня есть конвой: моя сабля и мои пистолеты!

Хозяинъ принесъ ведро воды и напоилъ лошадь, не переставая смотрѣть на пріѣзжаго и бормоча сквозь зубы:

— До чего онъ похожъ на священника!

— Вы говорите, что въ Долѣ дерутся?—спросилъ всадникъ.

— Да. Вѣроятно, мы сейчасъ услышимъ выстрѣлы.

— Но кто же дерется?

— «Бывшій» съ «бывшимъ»; одинъ «бывшій» дерется за республику, а другой—за короля.

— Да вѣдь уже нѣтъ больше короля.

— Все равно: есть дофинъ. И любопытнѣе всего то, что оба «бывшіе»—родня между собой.

Всадникъ внимательно слушалъ его. Трактирщикъ продолжалъ:

— Одинъ молодъ, другой старъ; племянникъ сражается противъ дяди. Дядя—роялистъ, племянникъ—патріотъ; дядя начальствуетъ надъ бѣлыми, племянникъ—надъ синими. Ну, эти-то ужъ

не пощадятъ другъ друга, нѣтъ! Вотъ увидите! Это—борьба на жизнь и на смерть. Хотите ли знать, гражданинъ, какими любезностями они обмѣниваются? Прочтите-ка вотъ эту афишу; ее старикъ велѣлъ расклеить повсюду, на всѣхъ заборахъ, на всѣхъ деревьяхъ и даже на моей двери.

Трактирщикъ поднесъ свой фонарь къ листу бумаги, наклеенному на одной изъ створокъ дверей, и такъ какъ афиша была напечатана очень крупными буквами, то всадникъ, не слѣзая съ коня, могъ прочесть слѣдующее:

«Маркизъ Лантенакъ имѣетъ честь увѣдомить племянника своего, г. виконта Говэна, что если ему, маркизу, удастся захватить г. виконта, то онъ безъ дальнѣйшихъ околичностей велитъ его разстрѣлять».

— А вотъ и отвѣтъ,—продолжалъ трактирщикъ, оборачиваясь и освѣщая фонаремъ другую афишу, приклеенную рядомъ съ первой, на другой створкѣ двери. Путникъ прочелъ:

«Говэнъ предупреждаетъ Лантенака, что, если онъ Лантенака захватитъ, то велитъ его разстрѣлять».

— Вчера,—сказалъ трактирщикъ,—на мою дверь наклеили первую изъ этихъ афишъ, а сегодня утромъ — вторую. Какъ видите, отвѣтъ не заставилъ себя долго ждать.

Путникъ вполголоса, какъ бы говоря самъ съ собою, произнесъ слѣдующія слова, которыя трактирщикъ разслышалъ, но которыхъ не могъ понять.

— Да, это уже не война междоусобная; это — война семейная. Впрочемъ, оно и лучше такъ. Обновленіе народовъ только и можетъ совершиться этой цѣною, — и затѣмъ, не спуская глазъ со второй афиши, онъ поднесъ руку къ шляпѣ и отдалъ ей честь.

— Видите ли, въ чемъ дѣло, гражданинъ, — продолжалъ трактирщикъ.—Мы, жители городовъ и мѣстечекъ, стоимъ за революцію, поселяне — противъ нея; другими словами, мы — французы, они — бретонцы. Это борьба горожанъ противъ мужиковъ. Они называютъ насъ мѣщанами, мы ихъ называемъ мужланами. Дворяне и попы стоятъ за нихъ.

— Ну, однакоже, не всѣ,—проговорилъ всадникъ.

— Понятно, не всѣ, гражданинъ; вотъ видите ли,—прибавилъ онъ, указывая на обѣ афиши,—виконтъ противъ маркиза.—И онъ пробормоталъ сквозь зубы:—И къ тому же бьюсь объ закладъ, что я теперь бесѣдую съ бывшимъ попомъ.

— А на чьей же сторонѣ до сихъ поръ успѣхъ? — спросилъ всадникъ.

— Пока на сторонѣ виконта. Но онъ достается ему не легко. Старикъ жиловатъ. Оба они—изъ семейства Говэновъ, изъ здѣшнихъ. Семейство это раздѣлилось на двѣ вѣтви: на старшую, главою которой считается маркизъ Лантенакъ, и на младшую, съ виконтомъ Говэномъ во главѣ. Теперь обѣ эти вѣтви борются другъ съ другомъ. У деревьевъ это не случается, но среди людей бываетъ. Этотъ маркизъ Лантенакъ пользуется въ Бретани громаднымъ авторитетомъ; крестьяне считаютъ его княземъ.

Въ самый день его высадки подъ его знаменемъ собралось восемь тысячъ человѣкъ; въ теченіе одной недѣли поднялось триста приходовъ. Если бы ему удалось утвердиться на какомъ-нибудь пунктѣ побережья, англичане немедленно бы высадились. Къ счастью по какой-то странной случайности, тутъ же случился его племянникъ съ отрядомъ республиканцевъ, и онъ оттѣснилъ отъ берега своего дядю. Къ тому же случилось, что этотъ Лантенакъ въ самый день своего прибытія велѣлъ перебить множество плѣнныхъ и въ томъ числѣ двухъ женщинъ, у одной изъ которыхъ было трое ребятишекъ, усыновленныхъ однимъ изъ парижскихъ батальоновъ. Это привело въ ярость означенный батальонъ, — называется онъ батальономъ Красной Шапки; уцѣлѣли уже немногіе изъ этого батальона, но все это народъ беззавѣтно храбрый. Они вошли въ составъ отряда Говэна, и ничто не въ состояніи противостоять имъ. Они во что бы то ни стало желаютъ отомстить за смерть женщинъ и выручить ребятишекъ; а между тѣмъ неизвѣстно, что сдѣлалъ съ послѣдними старикъ, и это приводитъ въ ярость парижскихъ гренадеровъ. Если бы не случай съ этими дѣтьми, борьба никогда не велась бы съ такимъ ожесточеніемъ. Виконтъ— храбрый и прекрасный молодой человѣкъ, но старикъ—настоящій извергъ. Крестьяне называютъ эту войну борьбой архангела Михаила противъ Вельзевула; вамъ, быть-можетъ, извѣстно, что архангелъ Михаилъ особенно почитается въ этой странѣ; его имени посвященъ большой утесъ, возвышающійся въ бухтѣ изъ воды. По распространенному въ народѣ преданію, онъ убилъ дьявола и зарылъ его тѣло подъ другой горой, недалеко отсюда, которая зовется «Могильной».

— Да, да, знаю,—проговорилъ путникъ и продолжалъ какъ бы про себя:—Гора называется могильной, «tombelaine». Можетъ-быть, это названіе происходитъ также отъ латинскаго «Tumba Beleni», т.-е. могила Ваала или Вельзевула.

— Я вижу, что эти подробности знакомы вамъ,—сказалъ трактирщикъ и прибавилъ про себя: «Онъ знаетъ по-латыни! Ну, конечно же, это попъ!» Такъ вотъ, гражданинъ, — продолжалъ онъ,—въ глазахъ крестьянъ возобновляется именно борьба св. Михаила противъ Вельзевула. Само собою разумѣется, что для нихъ св. Михаилъ, это—роялистскій генералъ, а Вельзевулъ, это—предводитель патріотовъ. На дѣлѣ же, если здѣсь есть дьяволъ, то это Лантенакъ, а если есть ангелъ, то это Говэнъ. Ахъ, я совсѣмъ было забылъ спросить васъ, гражданинъ, не желаете ли вы поужинать?

— Спасибо; у меня есть кусокъ хлѣба и фляжка съ виномъ. Но вы ничего не сказали мнѣ о томъ, что происходитъ въ Долѣ.

— А вотъ что. Говэнъ командуетъ экспедиціоннымъ отрядомъ, назначеннымъ для операцій вдоль побережья. Цѣль Лантенака заключалась въ томъ, чтобы поднять всю страну, чтобы опереть Нижнюю Бретань на Нижнюю Нормандію, чтобъ открыть доступъ въ страну англичанамъ и чтобы привести двумъ стамъ тысячъ

восставшихъ вандейцевъ англійскій вспомогательный корпусъ въ 20.000 человѣкъ. Говэнъ разстроилъ весь этотъ планъ. Онъ занялъ побережье, оттѣсняетъ Лантенака внутрь страны, а англичанъ — въ море. Недавно еще Лантенакъ былъ здѣсь, но Говенъ оттѣснилъ его; онъ отнялъ у него Пантобо, прогналъ его изъ Авранша и Вильдьё, не допустилъ его до Гранвилля. Теперь онъ разными маневрами старается оттѣснить его въ Фужерскій лѣсъ и тамъ окружить. До сихъ поръ все шло хорошо. Не далѣе, какъ вчера, Говэнъ былъ здѣсь со своей колонной. Но вдругъ старикъ сдѣлалъ ловкій маневръ, и, какъ слышно, идетъ теперь къ Долю. Если ему удастся взять этотъ городъ и установить на близлежащей горѣ батарею,—а при его отрядѣ есть артиллерія, — то англичанамъ можно будетъ высадиться на этомъ пунктѣ, и все будетъ потеряно. Поэтому, такъ какъ нельзя было терять ни минуты, то Говэнъ, человѣкъ очень способный, быстро, никого не спрашиваясь и не дожидаясь приказаній, принялъ самостоятельное рѣшеніе: велѣлъ сѣдлать лошадей и запрягать орудія, собралъ свой отрядъ, и въ то самое время, когда Лантенакъ собрался атаковатъ Доль, двинулся впередъ, чтобы атаковать Лантенака. Въ Долѣ оба эти упрямые бретонца должны стукнуться другъ объ друга. Ударъ будетъ сильный! Въ настоящее время они уже должны быть тамъ.

— А во сколько времени можно добраться отсюда до Доля?

— Для отряда съ обозомъ, по крайней мѣрѣ, нужно три часа. Но они уже тамъ.

— Дѣйствительно, мнѣ кажется, будто я слышу пушечную пальбу,—сказалъ путникъ, прислушиваясь.

— Да, гражданинъ, — подтвердилъ трактирщикъ, вслушиваясь въ свою очередь.—Слышна даже и ружейная перестрѣлка, точно разрываютъ пополамъ холстъ. Вамъ бы лучше переночевать здѣсь. Что вамъ тамъ дѣлать?

— Нѣтъ, я не могу медлить. Мнѣ необходимо продолжать путь.

— Напрасно! Я не знаю, какія у васъ тамъ дѣла, но рискъ очень великъ, и если только дѣло не идетъ о томъ, что для васъ всего дороже на свѣтѣ...

— Именно объ этомъ-то и идетъ дѣло,—перебилъ его всадникъ.

— Напримѣръ, о вашемъ сынѣ...

— Почти что такъ,—проговорилъ всадникъ.

Трактирщикъ поднялъ голову и проговорилъ про себя:

«Этотъ гражданинъ, однако, поразительно похожъ на священника!—и, немного подумавъ, онъ прибавилъ про себя:—Впрочемъ, что жъ! Встрѣчались примѣры, что и у священниковъ бывали дѣти».

— Взнуздайте мою лошадь, — проговорилъ путникъ. — Сколько вамъ съ меня слѣдуетъ?

Трактирщикъ отвѣтилъ и получилъ деньги. Онъ отодвинулъ колоду и ведро къ забору, снова приблизился къ путешественнику и произнесъ:

— Такъ какъ вы рѣшились ѣхать дальше, то послушайтесь, по крайности, моего совѣта. Вы, очевидно, ѣдете въ Сенъ-Мало; ну, такъ не ѣздите на Доль. Съ Сенъ-Мало ведутъ двѣ дороги: одна—черезъ Доль, другая—вдоль морского берега. Обѣ онѣ одинаковой длины. Прибережная дорога проходитъ черезъ Сенъ-Жоржъ-де-Брээнь, Шерюэ и Ирель-Вивье; Доль останется у васъ къ югу, Канкаль — къ сѣверу. Въ концѣ улицы, гражданинъ, дороги эти развѣтвляются: налѣво пойдетъ дорога въ Доль, направо—дорога въ Сенъ-Жоржъ. Послушайтесь меня; если вы поѣдете къ Долю, вы рискуете быть убитымъ. Поэтому не берите влѣво, берите вправо.

— Спасибо, — сказалъ путникъ и далъ шпоры своей лошади.

Во время остановки его на постояломъ дворѣ уже совсѣмъ стемнѣло, и потому трактирщикъ скоро потерялъ его изъ вида.

Когда путникъ доѣхалъ до конца улицы, гдѣ развѣтвляются обѣ дороги, онъ услышалъ голосъ трактирщика, кричавшаго ему издали: «Поѣзжайте направо!»

Онъ повернулъ налѣво.

II.

Доль.

Доль, «испанскій городъ во Франціи, въ Бретани», какъ значится въ старинныхъ географіяхъ, собственно, не городъ, а только улица, длинная готическая улипа, по обѣимъ сторонамъ которой возвышаются дома съ колоннами, не составляющіе, впрочемъ, прямой линіи, а то выдвигающіеся въ широкую улицу, то отступающіе назадъ. Вся остальная часть города составляетъ лишь сѣть переулковъ и закоулковъ, выходящихъ на эту большую діаметральную улицу и напоминающихъ собою ручейки, вливающіеся въ рѣку. Городъ былъ совершенно открытый, не имѣлъ ни стѣнъ ни воротъ; кромѣ того надъ нимъ господствовала гора Монъ-Доль, такъ что онъ не могъ бы выдержать осады; но на улицѣ можно было, благодаря топографическимъ условіямъ, держаться довольно долго. Выступы домовъ, которые можно было видѣть еще лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, и тянувшіяся по обѣимъ сторонамъ ея колоннады дѣлали изъ нея очень удобный пунктъ обороны. Сколько домовъ, столько и цитаделей, и непріятелю приходилось брать каждую изъ нихъ поочередно. Старый рынокъ находился приблизительно посрединѣ улицы.

Тактирщикъ въ Круа-Браншарѣ не ошибся: въ то время, какъ онъ бесѣдовалъ съ путникомъ, въ Долѣ происходила ожесточенная свалка; въ немъ внезапно начался ночной поединокъ между бѣлыми, занявшими городъ съ утра, и синими, прибывшими къ вечеру. Силы обѣихъ сторонъ были неравны: бѣлыхъ было шесть тысячъ, синихъ же — всего полторы тысячи; но зато ожесточеніе было одинаково съ обѣихъ сторонъ. Интересно было то, что не шесть тысячъ атаковали полторы тысячи, а наоборотъ.

Съ одной стороны была безпорядочная толпа, съ другой—правильный строй. Съ одной стороны шесть тысячъ крестьянъ, съ вышитымъ у нихъ на кожаныхъ курткахъ сердцемъ Іисуса, въ шляпахъ, обвитыхъ бѣлыми лентами, съ евангельскими текстами на знаменахъ, съ четками на кушакахъ. Шесть тысячъ простыхъ мужиковъ, вооруженныхъ по большей части вилами и лишь изрѣдка ружьями, да и то безъ штыковъ, тащившихъ за собою на веревкахъ орудія, плохо одѣтыхъ, плохо обученныхъ, плохо вооруженныхъ, но неистовыхъ. Съ другой стороны—полторы тысячи солдатъ, въ треуголкахъ съ трехцвѣтной кокардой, съ загнутыми полями и отворотами, въ перевязяхъ накрестъ, вооруженныхъ тесаками съ мѣдными рукоятками и ружьями съ примкнутыми штыками, вымуштрованныхъ, державшихъ правильный строй, дисциплинированныхъ, хотя и свирѣпыхъ въ бою, умѣвшихъ одинаково хорошо и командовать и повиноваться, тоже своего рода волонтеры, но волонтеры отечества, одѣтые, впрочемъ въ лохмотья и босоногіе. За монархію стояли крестьяне-рыцари; за революцію—босые герои; и душою каждой изъ этихъ армій былъ начальникъ ея: у роялистовъ—старикъ, у республиканцевъ—молодой человѣкъ; съ одной стороны—Лантенакъ, съ другой—Говэнъ. У революціи, рядомъ съ молодыми лицами-гигантами, каковы, напримѣръ, были Дантонъ, Сенъ-Жюстъ, Робеспьеръ, были и молодыя лица-идеалисты, какъ, напримѣръ, Гошъ и Марсо. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Говэнъ.

Говэну было тридцать лѣтъ отроду. У него было геркулесовское тѣлосложеніе, взглядъ пророка и улыбка ребенка. Онъ не курилъ, не пилъ, не говорилъ бранныхъ словъ. Онъ возилъ съ собою во время похода туалетную шкатулку; онъ очень заботился о своихъ ногтяхъ, о своихъ зубахъ, о своихъ темнорусыхъ красивыхъ волосахъ; во время роздыховъ онъ самъ вытряхивалъ свой мундиръ, прострѣленный пулями и побѣлѣвшій отъ пыли. Хотя онъ бросался очертя голову въ самый жаркій бой, но онъ ни разу не былъ раненъ. Голосъ его, хотя по природѣ и мягкій, отчетливо раздавался во время командованія. Онъ подавалъ своимъ солдатамъ примѣръ, ложась отдыхать на голую землю, подъ дождемъ, подъ вѣтромъ, въ снѣгу, завернувшись въ плащъ и положивъ свою красивую голову на камень. Это была героическая и невинная душа. Бросаясь въ атаку, онъ совершенно преображался. У него въ лицѣ было что-то женственное, что дѣлаетъ человѣка во время боя страшнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ мыслитель и философъ, молодой мудрецъ. Взглянуть на него — Алкивіадъ, послушать его—Сократъ.

Въ той великой импровизаціи, которая называется французской революціей, этотъ молодой человѣкъ сразу же выказалъ свои военныя дарованія. Составленный имъ отрядъ представлялъ собою, подобно римскому легіону, цѣлую маленькую армію. Онъ состоялъ изъ пѣхоты и кавалеріи; при немъ были развѣдчики, піонеры, саперы, понтонеры; и подобно тому, какъ при каждомъ римскомъ легіонѣ были катапульты, при этомъ отрядѣ были пушки. Три

конныхъ орудія придавали отряду силу, не лишая его подвижности.

Лантенакъ тоже былъ недюжинный военачальникъ. Онъ былъ разсудительнѣе и даже смѣлѣе своего племянника. Истинные старые герои бываютъ обыкновенно холоднѣе молодыхъ, такъ какъ они уже далеки отъ утренней зари, и смѣлѣе, потому что они ближе къ зарѣ вечерней. Что они, собственно, теряютъ? Почти ничего! Этимъ объясняются смѣлые, хотя въ то же время и искусные маневры Лантенака. Но вообще, и почти всегда, въ этомъ упорномъ поединкѣ старика и молодого человѣка перевѣсъ оставался на сторонѣ послѣдняго. Впрочемъ, это скорѣе слѣдуетъ приписать счастью, чѣмъ чему-либо другому. Счастье вообще благопріятствуетъ молодости. Въ этомъ отношеніи побѣда похожа на женщину.

Лантенакъ былъ въ высшей степени раздраженъ противъ Говэна: во-первыхъ, за то, что тотъ его побѣждалъ, а во-вторыхъ, за то, что онъ былъ ему родственникъ. И что за фантазія пришла этому Говэну, этому молокососу, сдѣлаться якобинцемъ! Да къ тому же еще онъ былъ наслѣдникъ Лантенака, такъ какъ у послѣдняго не было дѣтей, и онъ когда-то считалъ Говэна какъ бы своимъ сыномъ. «О-о, — ворчалъ про себя дядюшка, — если онъ попадется въ мои руки, я убью его, какъ собаку!»

Республика имѣла, впрочемъ, основаніе безпокоиться по поводу этого маркиза Лантенака. Не успѣлъ онъ высадиться на берега Бретани, какъ уже заставилъ всѣхъ трепетать. Его имя пробѣжало по Вандейскому возстанію, точно дорожка изъ пороха, и Лантенакъ сразу же сдѣлался центромъ мятежа. Въ подобнаго рода возстаніи, гдѣ всѣ ревниво относятся другъ къ другу и гдѣ каждый держится своего оврага или своего кустарника, должна непремѣнно быть личность, стоящая выше другихъ, которая могла бы сгруппировать вокругъ себя всѣхъ остальныхъ, равныхъ между собою предводителей. Почти всѣ остальные вожди сразу же подчинились Лантенаку и слушались его и вблизи и издали. Только одинъ изъ нихъ покинулъ его, а именно первый, присоединившійся къ нему—Гаваръ. Почему? А потому, что Гаваръ знакомъ былъ со всѣми тайнами и планами прежней системы междоусобной войны, которые Лантенакъ желалъ измѣнить и упразднить. Онъ не пожелалъ подчиняться Лантенаку и отправился въ Нормандію, къ Боншану.

Лантенакъ, какъ военачальникъ, придерживался школы Фридриха Великаго и старался вести одновременно и большую и малую войну. Онъ не хотѣлъ слышать ни о «нестройной массѣ», какую, собственно, представляла собою католическая и королевская армія, представлявшая собою отличный объектъ для истребленія, ни о разбрасываніи вооруженныхъ силъ по чащамъ и кустарникамъ, что могло утомлять непріятеля, но не въ состояніи было уничтожить его. Партизанская война не можетъ имѣть рѣшающаго вліянія: начинается она съ нападенія на республику и оканчивается нападеніемъ на дилижансъ. Лантенакъ не понималъ ни системы

веденія войны исключительно въ открытомъ полѣ, какъ велъ ее Ларошжакленъ, ни веденія ея исключительно въ лѣсахъ, какъ ее велъ Жанъ Шуанъ. Онъ желалъ войны настоящей, онъ желалъ пользоваться крестьяниномъ, но опираться на солдата. Онъ желалъ, чтобы были банды для малой войны и полки для войны регулярной. Онъ находилъ очень полезными для внезапныхъ нападеній и для засадъ эти отряды поселянъ, собирающіеся и разсѣивающіеся съ одинаковою быстротою, но онъ находилъ ихъ недостаточно стойкими; они въ его глазахъ имѣли слишкомъ большое сходство съ жидкостью; онъ находилъ нужнымъ имѣть болѣе плотный составъ арміи; онъ желалъ присоединить къ безпорядочной арміи лѣсныхъ дикарей правильное войско, которое представляло бы собою какъ бы ось для маневровъ крестьянъ. Это была во всякомъ случаѣ глубокая и опасная мысль; если бъ удалось ее осуществить, то Вандея оказалась бы непобѣдимой.

Но откуда взять регулярное войско, откуда взять солдатъ, изъ чего образовать полки? По глубокому убѣжденію Лантенака, въ этомъ отношеніи могла бы помочь только одна Англія и поэтому онъ не переставалъ хлопотать объ англійскомъ десантѣ. Когда въ дѣлѣ замѣшаны партійныя страсти, совѣсть легко идетъ на компромиссы; изъ-за бѣлой кокарды Лантенакъ не видѣлъ краснаго мундира. У Лантенака была только одна забота: овладѣть какимъ-нибудь прибрежнымъ пунктомъ и предоставить его Питту. Поэтому-то, узнавъ, что Доль не защищенъ, онъ бросился къ Долю, въ надеждѣ овладѣть послѣ этого городка и господствовавшей надъ нимъ горою, а этимъ путемъ—и частью побережья.

Мѣсто было выбрано недурно. Изъ орудій, поставленныхъ на Дольской горѣ, можно было обстрѣливать съ одной стороны Френуа, съ другой—Сенъ-Брeладъ, не подпускать къ берегу канкальскихъ крейсеровъ и очистить весь берегъ для возможнаго десанта, начиная отъ Розъ-сюръ-Куэнона и до Сенъ-Мелуаръ-Дезонда. Для того, чтобы сдѣлать возможнымъ осуществленіе этой рѣшительной попытки, Лантенакъ привелъ съ собою съ небольшимъ шесть тысячъ человѣкъ, выбравъ ихъ изъ самыхъ надежныхъ людей въ своихъ бандахъ, а также всю свою артиллерію, т.-е. десять 16-фунтовыхъ, одно восьмифунтовое и одно полевое четырехфунтовое орудіе. Онъ намѣревался поставить батарею на Дольской горѣ, не безъ основанія полагая, что тысяча выстрѣловъ изъ десяти орудій могутъ принести больше пользы, чѣмъ полторы тысячи выстрѣловъ изъ пяти орудій.

Успѣхъ казался ему несомнѣннымъ. При немъ было шесть тысячъ человѣкъ. Опасаться можно было со стороны Авранша только Говэна съ его полутора тысячью человѣкъ, и со стороны Динана—Лешелля. Правда, у Лешелля было двадцать тысячъ человѣкъ, но онъ былъ еще въ двадцати миляхъ. Поэтому, несмотря на превосходство силъ Лешелля, Лантенакъ считалъ себя съ этой стороны въ безопасности, въ виду значительности разстоянія, а со стороны Говэна — незначительностью силъ непріятеля, при близкомъ разстояніи. Нужно прибавить еще къ этому, что Лешелль былъ чело-

вѣкъ бездарный и что нѣсколько позднѣе онъ допустилъ истребить свой двадцатитысячный отрядъ въ Круа-Батайльской равнинѣ, казнивъ самъ себя за это пораженіе самоубійствомъ.

Итакъ, Лантенакъ имѣлъ основаніе считать себя въ полной безопасности. Неожиданное вступленіе его въ Доль навело ужасъ на жителей, такъ какъ онъ пользовался репутаціей безжалостнаго и жестокаго человѣка. Городское населеніе даже и не пыталось сопротивляться, и испуганные обыватели позаперлись въ своихъ домахъ. Шесть тысячъ вандейцевъ расположились безпорядочнымъ бивуакомъ на городскихъ улицахъ, не имѣя ни квартирьеровъ ни отведенныхъ для постоя опредѣленныхъ помѣщеній, варя себѣ пищу подъ открытымъ небомъ, бросая ружья для перебиранія четокъ, проводя бóльшую часть времени въ церквахъ. Лантенакъ поспѣшилъ взойти съ нѣсколькими артиллерійскими офицерами на Дольскую гору, чтобы произвести рекогносцировку, оставивъ временнымъ начальникомъ въ городѣ своего помощника Гужъ-де-Брюана.

Этотъ Гужъ-де-Брюанъ оставилъ по себѣ нѣкоторый слѣдъ въ исторіи. Онъ имѣлъ два прозвища: «Истребитель синихъ», благодаря безпощаднымъ убійствамъ, произведеннымъ въ рядахъ патріотовъ, и «Иманусъ», благодаря тому, что въ немъ было что-то неестественно-ужасное. «Иманусъ»—слово происходящее отъ латинскаго «immanis»,—слово нижне-нормандское, обозначающее нечеловѣческое, какъ бы сверхъестественное безобразіе, демона, сатира, лѣшаго. Теперешніе старики въ лѣсной Бретани не знаютъ уже ни Гужъ-ле-Брюана, ни «Истребителя синихъ», но они смутно знакомы съ «Иманусомъ», примѣшивая его имя къ мѣстнымъ предразсудкамъ. О немъ говорятъ еще и въ Треморелѣ и въ Плюмога—двухъ селеніяхъ, въ которыхъ Гужъ-ле-Брюанъ оставилъ послѣ себя кровавые слѣды. Въ Вандеѣ было не мало дикарей, но Гужъ-ле-Брюанъ былъ настоящій варваръ. Это былъ какой-то ирокезъ, татуированный крестами и цвѣтами лилій; на его лицѣ отражалась безобразная, почти сверхъестественная душа, не похожая ни на какую другую людскую душу. Въ бою онъ отличался какою-то адскою храбростью, по окончаніи боя — такою же жестокостью. Сердце его было полно преданности тому дѣлу, которому онъ взялся служить, и ярости ко всему остальному. Онъ разсуждалъ такъ же, какъ ползаютъ змѣи, т.-е. спиралью; онъ исходилъ отъ героизма для того, чтобы прійти къ убійству. Трудно было угадать, что внушало ему его рѣшенія, порою чудовищныя до величія. Свирѣпость его имѣла какой-то эпическій характеръ. Этому-то онъ и былъ обязанъ своимъ прозвищемъ «Иманусъ».

Маркизъ Лантенакъ довѣрялъ ему именно по причинѣ его жестокости. Дѣйствительно, жестокость его была внѣ всякаго сомнѣнія; но что касается стратегіи и тактики, то въ этомъ отношеніи онъ стоялъ весьма невысоко, и, быть-можетъ, маркизъ дѣлалъ ошибку, выбирая его своимъ помощникомъ. Какъ бы то ни было, но, удаляясь изъ городка, онъ оставилъ въ немъ Имануса своимъ замѣстителемъ. Тотъ, будучи не столько стратегомъ, сколько простымъ рубакой, былъ

болѣе способенъ передушить всѣхъ жителей, чѣмъ защитить городъ. Однако онъ повсюду разставилъ часовыхъ.

Съ наступленіемъ вечера, когда Лантенакъ, осмотрѣвъ мѣсто для предположенной батареи, возвращался въ Доль, онъ вдругъ услышалъ ружейную пальбу. Онъ сталъ всматриваться: въ сторонѣ большой улицы виднѣлось красное зарево. Было ясно, что на городъ сдѣлано было нападеніе врасплохъ и что на улицахъ происходитъ свалка.

Его не легко было удивить, но здѣсь онъ былъ пораженъ. Онъ не ждалъ ничего подобнаго. Кто бы это могъ быть? Очевидно, то не былъ Говэнъ, такъ какъ было бы безуміемъ нападать на вчетверо сильнѣйшаго непріятеля. Неужели то былъ Лешелль? Но въ такомъ случаѣ какой форсированный переходъ! Прибытіе къ Долю Лешелля было неправдоподобно, Говэна—невозможно.

Лантенакъ далъ своей лошади шпоры. По дорогѣ онъ повстрѣчалъ бѣгущихъ обывателей. Онъ сталъ разспрашивать ихъ, но они совершенно обезумѣли отъ страха. Впрочемъ, онъ разобралъ изъ ихъ криковъ слова: «Синіе, синіе!» Когда онъ прибылъ въ городъ, положеніе дѣлъ было отчаянное.

Вотъ что такое случилось.

III.

Маленькая армія и большія сраженія.

По прибытіи въ Доль крестьяне, какъ сказано было выше, разсѣялись по всему городу, при чемъ каждый заботился только о себѣ, какъ это всегда бываетъ, когда, по выраженію вандейцевъ, «служишь изъ одной чести». При такомъ недостаткѣ дисциплины возможны герои, но невозможны солдаты. Они убрали свои орудія подъ навѣсы стараго рынка, а сами принялись ѣсть, пить, молиться и, наконецъ, разлеглись по улицамъ городка, нимало не заботясь о караульной службѣ. Такъ какъ наступала ночь, то большая часть ихъ заснула, положивъ подъ головы свои котомки, нѣкоторые рядомъ со своими женами (въ Вандеѣ крестьянки нерѣдко слѣдовали за крестьянами, исполняя отчасти развѣдочную службу). Стояла теплая, іюльская ночь, и звѣзды ярко блестѣли въ глубокой синевѣ небесъ. Весь этотъ бивуакъ, скорѣе похожій на приналъ каравана, чѣмъ на военный станъ, предался мирному сну. Вдругъ, при слабомъ свѣтѣ сумерекъ, тѣ, которые не успѣли еще уснуть, увидѣли три орудія, поставленныя въ концѣ улицы.

То былъ Говэнъ. Онъ потихоньку подкрался къ городу, схватилъ часовыхъ, и голова его колонны дебушировала въ главную улицу. Одинъ изъ крестьянъ вскочилъ, воскликнулъ: «Кто идетъ?» и выпалилъ изъ своего ружья; отвѣтомъ на это былъ пушечный выстрѣлъ. Затѣмъ открылся сильный ружейный огонь. Вся задремавшая уже было ватага вскочила на ноги. Непріятное пробужденіе: уснуть подъ звѣздами и проснуться подъ картечью!

Первыя минуты были ужасны. Ничто не можетъ быть безпомощнѣе толпы, на которую напали врасплохъ. Всѣ кинулись къ

оружію, кричали, бѣгали взадъ и впередъ, многіе падали. Растерявшіеся крестьяне, сами не зная, что они дѣлаютъ, стрѣляли по своимъ же. Иные спросонковъ выходили изъ домовъ, опять входили въ нихъ, снова выходили и растерянно толкались въ общей суматохѣ. Члены одного семейства громко звали другъ друга по именамъ; мужчины, женщины, дѣти — всѣ смѣшались въ общей свалкѣ. Сквозь ночную тьму свистѣли пули. Ружейная пальба раздавалась отовсюду; дымъ и гамъ стояли въ воздухѣ. Повозки и телѣги загромождали улицы; лошади становились на дыбы; подъ конскими копытами и подъ колесами повозокъ валялись раненые, испуская дикіе вопли. Многіе были объяты ужасомъ, всѣ поголовно растерялись. Офицеры искали своихъ солдатъ, солдаты — офицеровъ. И среди всего этого можно было видѣть примѣры какого-то страннаго безучастія. Какая-то женщина кормила грудью своего ребенка, сидя возлѣ забора, къ которому прислонился мужъ ея, раненый въ ногу, не обращавшій вниманія на свою рану, спокойно заряжавшій свое ружье и стрѣлявшій наугадъ въ темноту. Иные, лежа ничкомъ, стрѣляли между повозокъ. По временамъ возгласы усиливались, и все это покрывалось громкимъ гуломъ пушекъ. Вообще происходило нѣчто страшное. Все, точно валежникъ въ лѣсу, падало въ кучу. Говэнъ, стоя подъ прикрытіемъ, стрѣлялъ картечью и терялъ мало народу.

Наконецъ, храбрая, но безпорядочная толпа крестьянъ вынуждена была ограничиться обороной; она отступила къ рынку, обширному и темному зданію, представлявшему собою цѣлый лѣсъ каменныхъ столбовъ. Тамъ она снова сдѣлалась стойкою: все, что напоминало собою лѣсъ, внушало ей довѣріе. Имапусъ старался, какъ умѣлъ, замѣнить отсутствующаго Лантенака. У нихъ была при себѣ артиллерія, но, къ великому удивленію Говэна, они ею не пользовались; происходило же это вслѣдствіе того, что всѣ артиллерійскіе офицеры отправились вмѣстѣ съ Лантенакомъ осматривать Дольскую гору, а поселяне безъ ихъ указанія не знали, какъ управляться съ орудіями, но зато они осыпали пулями осыпавшихъ ихъ картечью республиканцевъ. Крестьяне, находясь теперь подъ прикрытіемъ, отвѣчали ружейнымъ огнемъ на непріятельскую картечь. Они устроили себѣ баррикаду изъ роспусковъ, телѣгъ, тюковъ, бочекъ, найденныхъ ими въ старомъ рынкѣ, оставивъ въ ней отверстія, сквозь которыя они просовывали свои карабины. Изъ-за этого прикрытія они открыли убійственный огонь. Все это совершилось съ необыкновенной быстротой, и черезъ четверть часа зданіе рынка представляло собою неприступную цитадель.

Дѣло принимало для Говэна серьезный оборотъ. Этотъ рынокъ, внезапно превратившійся въ цитадель, не входилъ въ его расчеты. Крестьяне собрались здѣсь плотной массой. Говэну удалось напасть на нихъ врасплохъ, но не удалось обратить ихъ въ безпорядочное бѣгство. Онъ сошелъ съ коня и, держа свою шпагу въ скрещенныхъ на груди рукахъ, освѣщенный факеломъ, зажженнымъ на его батареѣ, пристально всматривался въ темноту. При

свѣтѣ факела его высокая фигура рѣзко выдѣлялась на баррикадѣ, представляя собою отличную цѣль; но онъ объ этомъ не думалъ. Дождь пуль, сыпавшихся съ баррикады, падалъ вокругъ погруженнаго въ задумчивость Говэна.

Но ружьямъ приходилось имѣть дѣло съ пушками. Побѣда всегда останется на сторонѣ артиллеріи. Орудія, хорошо направляемыя, обезпечивали ему побѣду. Вдругъ изъ темной массы рынка блеснула точно молнія, раздался какъ бы громовой ударъ, и пушечное ядро пробило стѣну надъ самой головой Говэна. Оказалось, что баррикада стала отвѣчать пушечной пальбой на пушечную.

Что такое случилось? Что это означало? Значитъ, теперь артиллерія была не на одной только сторонѣ.

Второе ядро послѣдовало за первымъ и врѣзалось въ стѣну въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Говэна. Третье ядро снесло съ головы его шляпу. Ядра эти были большого калибра. Стрѣляли изъ 16-фунтоваго орудія.

— Въ васъ мѣтятъ, полковникъ,—закричалъ ему артиллеристъ и поспѣшилъ потушить факелъ. Говэнъ въ задумчивости нагнулся, чтобы поднять свою шляпу.

Дѣйствительно, въ Говэна кто-то цѣлился. То былъ Лантенакъ, только что прибывшій на баррикаду съ противоположной стороны.

— Ваше сіятельство, на насъ напали врасплохъ, — крикнулъ Иманусъ, подбѣгая къ нему.

— А что, дорога въ Динанъ свободна?

— Кажется свободна.

— Нужно начать отступленіе.

— Оно уже началось. Многіе уже искали спасенія по этой дорогѣ.

— Не бѣжать нужно, а отступать. Отчего вы не пустили въ ходъ артиллерію?

— Въ первую минуту команда растерялась и къ тому же не было ни одного офицера.

— Я сейчасъ самъ отправлюсь туда.

— Ваше сіятельство, я направилъ въ Фужеръ сколько можно было обоза, женщинъ,—словомъ, все ненужное. Что прикажете дѣлать съ тремя маленькими плѣнниками?

— А-а, съ этими ребятами! Они намъ служатъ заложниками. Отправьте ихъ въ Тургъ.

Затѣмъ маркизъ отправился на баррикаду. Съ прибытіемъ начальника все приняло совершенно иной видъ. Баррикада была неудобно устроена, и въ ней нельзя было помѣстить болѣе двухъ орудій. Маркизъ велѣлъ поставить здѣсь два шестнадцатифунтовыхъ орудія и устроить для нихъ амбразуры. Перегнувшись черезъ одно изъ орудій, чтобы разсмотрѣть непріятельскую батарею, онъ замѣтилъ Говэна и воскликнулъ:

— А-а, это онъ!

Онъ самъ взялъ въ руки банникъ, вычистилъ, зарядилъ, навелъ орудіе и выстрѣлилъ. Три раза онъ цѣлился въ Говэна, но

не могъ попасть въ него. Третье ядро сорвало только съ Говэна шапку.

— Какой я неловкій!—пробормоталъ Лантенакъ.—Чуточку пониже, и я снесъ бы ему голову.

Вдругъ факелъ потухъ, и онъ больше ничего не могъ разглядѣть.

— Ладно,—проговорилъ онъ и крикнулъ, обращаясь къ крестьянамъ-артиллеристамъ:—Картечь!

Тѣмъ временемъ Говэнъ все больше и больше озабочивался. Положеніе становилось серьезнымъ. Бой вступалъ въ новый фазисъ, батарея роялистовъ уже стала обстрѣливать его. Почемъ знать, не собирается ли она перейти изъ оборонительнаго положенія въ наступательное? Онъ имѣлъ предъ собою, даже если вычесть убитыхъ, раненыхъ и убѣжавшихъ, по крайней мѣрѣ, пять тысячъ человѣкъ, а у него было всего тысяча двѣсти. Что станется съ республиканцами, если непріятель убѣдится въ ихъ малочисленности? Роли не замедлятъ перемѣниться: теперь они нападали, тогда нападать станутъ на нихъ. Стоило только роялистамъ сдѣлать вылазку изъ зданія рынка, и все погибло.

Что было дѣлать? Нечего было и думать о томъ, чтобъ атаковать баррикаду съ фронта при такомъ неравенствѣ силъ: съ тысячью двумя стами человѣкъ трудно выбить пять тысячъ человѣкъ. Дѣйствовать напроломъ было рискованно, ждать было еще опаснѣе. Нужно было кончить. Но какъ?

Говэнъ былъ мѣстный уроженецъ. Онъ былъ хорошо знакомъ съ городомъ и зналъ, что позади рынка находится цѣлый лабиринтъ узкихъ и извилистыхъ улицъ. Онъ обратился къ своему помощнику, тому самому храброму капитану Гешану, прославившемуся впослѣдствіи тѣмъ, что онъ очистилъ отъ вандейцевъ Консизскій лѣсъ, въ которомъ родился Жанъ Шуанъ, и помѣшалъ бунтовщикамъ взять Бургнёфъ, загородивъ имъ проходъ по шоссе мимо Шенскаго пруда.

— Гешанъ,—сказалъ онъ, — я передаю вамъ начальство. Старайтесь поддерживать по возможности сильный огонь и сбить, если возможно, баррикаду пушечными выстрѣлами. Вообще старайтесь отвлечь вниманіе этихъ мужиковъ.

— Понялъ, г. полковникъ,—отвѣтилъ Гешанъ.

— Постройте колонну, велите зарядить ружья и держите ее наготовѣ къ атакѣ.—И затѣмъ онъ сказалъ еще нѣсколько словъ на ухо Гешану.

— Понялъ, г. полковникъ,—повторилъ Гешанъ.

— Что всѣ ваши барабанщики налицо?—спросилъ Говэнъ.

— Всѣ, г. полковникъ.

— Ихъ у насъ девять. Оставьте себѣ двоихъ, а семерыхъ дайте мнѣ.

Семь барабанщиковъ молча вышли изъ рядовъ и выстроились передъ Говэномъ. Затѣмъ послѣдній воскликнулъ:

— Батальонъ Красной Шапки, ко мнѣ!

Двѣнадцать человѣкъ, въ томъ числѣ одинъ сержантъ, выступили изъ рядовъ на нѣсколько шаговъ впередъ.

— Я звалъ весь батальонъ,—замѣтилъ Говэнъ.

— Здѣсь онъ весь,—отвѣтилъ сержантъ.

— Какъ, неужели васъ только двѣнадцать?

— Насъ осталось только двѣнадцать,—проговорилъ сержантъ.

— Хорошо,—сказалъ Говэнъ.

Сержантъ былъ тотъ добрый, хотя и грубоватый Радубъ, который отъ имени батальона усыновилъ трехъ малютокъ, найденныхъ въ Содрэйскомъ лѣсу. Цѣлая половина этого батальона была, какъ, быть-можетъ, помнитъ читатель, истреблена на мызѣ Эрбъ-анъ-Пайль, но Радубъ по какой-то счастливой случайности уцѣлѣлъ.

Недалеко отъ этого мѣста стояла фуражная повозка. Говэнъ указалъ на нее пальцемъ сержанту.

— Радубъ,—сказалъ онъ,—велите вашей командѣ обмотать свои ружья соломой, чтобы при ходьбѣ не было слышно ихъ бряцанія.

Черезъ минуту приказаніе это было исполнено въ потемкахъ и среди глубокаго молчанія.

— Приказаніе ваше исполнено,—доложилъ сержантъ.

— Солдаты, снимите съ себя башмаки,—скомандовалъ Говэнъ.

— Да у насъ ихъ совсѣмъ и нѣтъ,—отвѣтилъ сержантъ.

Вмѣстѣ съ семью барабанщиками составился небольшой отрядецъ въ девятнадцать человѣкъ; Говэнъ былъ двадцатымъ. Онъ скомандовалъ:

— Выстроиться въ одну шеренгу. Слѣдовать за мною. Сначала барабанщики, а затѣмъ батальонъ. Сержантъ, вы будете командовать батальономъ.

Онъ всталъ во главѣ колонны, и пока пушечная пальба поддерживалась съ обѣихъ сторонъ, эти двадцать человѣкъ, пробираясь точно тѣни, углубились въ пустынные переулки городка. Они шли нѣсколько времени, держась возможно ближе къ стѣнамъ домовъ. Весь городъ точно вымеръ; обыватели забились въ погреба. Всѣ двери были заколочены, всѣ оконныя ставни были закрыты; нигдѣ не видно было свѣта.

И среди этого молчанія шумъ на большой улицѣ казался еще сильнѣе. Пушечная пальба продолжалась; республиканская батарея и роялистская баррикада продолжали неистово извергать картечь изъ своихъ орудій.

Послѣ двадцатиминутной ходьбы по извилистымъ улицамъ Говэнъ, ведшій свой небольшой отрядъ съ большою увѣренностью, несмотря на темноту, дошелъ до конца переулка, выходившаго на главную улицу, но только съ противоположной стороны рынка. Позиція непріятеля была обойдена. Говэнъ и его небольшой отрядъ имѣли предъ собою пять тысячъ вандейцевъ, но только съ тыла, а не съ фронта. Онъ что-то сказалъ вполголоса сержанту. Солдата отвязали солому, обмотанную вокругъ ружей; двѣнадцать гренадеръ выстроились за угломъ переулка, а семь барабанщиковъ собирались забить наступленіе по первому сигналу.

Артиллерійскіе залпы производились съ извѣстными промежутками. Вдругъ, въ одинъ изъ этихъ промежутковъ, Говэнъ поднялъ

свою шпагу и голосомъ, звучавшимъ особенно громко среди наступившей на минуту мертвой тишины, онъ скомандовалъ:

— Двѣсти человѣкъ направо, двѣсти—налѣво, всѣ остальные—прямо!

Раздалось двѣнадцать ружейныхъ выстрѣловъ, а семь барабановъ забили дробь.

— Въ штыки! Впередъ! Маршъ!—раздалась страшная для «бѣлыхъ» команда Говэна.

Эффектъ вышелъ поразительный. Вся эта орава крестьянъ, услыхавъ у себя въ тылу такія зловѣщія слова, вообразила, что къ республиканцамъ подоспѣла на помощь чуть не цѣлая армія. Въ то же самое время, услышавъ барабанную дробь, часть республиканскаго отряда, оставшаяся возлѣ рынка подъ начальствомъ Гешана, тоже забила въ барабаны и двинулась бѣглымъ шагомъ. Крестьяне увидѣли себя между двухъ огней. Паника имѣетъ свойство представлять все въ преувеличенномъ видѣ; во время паники пистолетный выстрѣлъ кажется пушечнымъ залпомъ, всюду мерещатся призраки, принимаемые за живыхъ людей, собачій лай представляется рыканіемъ льва. Нужно еще замѣтить, что страхъ охватываетъ крестьянина такъ же легко, какъ огонь соломенную крышу; крестьянинъ не способенъ къ правильному отступленію—онъ сейчасъ же обращается въ безпорядочное бѣгство. Это самое случилось и теперь.

Въ нѣсколько мгновеній площадь опустѣла, поселяне побѣжали безпорядочными толпами или же поодиночкѣ. Офицеры ничего не могли подѣлать. Иманусъ попробовалъ было убить двухъ или трехъ бѣглецовъ, но это ни къ чему не повело. Со всѣхъ сторонъ раздавались клики: «Спасайся, кто можетъ!» и вся эта армія разсѣялась по улицамъ и закоулкамъ, точно сквозь рѣшето, стараясь выбраться изъ города, точно ураганъ подхватилъ и разсѣялъ густое облако. Одни бѣжали по направленію къ Шатонёфу, другіе — къ Плергэ, третьи—къ Антрэну.

Маркизъ Лантенакъ былъ свидѣтелемъ этой паники. Онъ собственноручно заклепалъ орудія и затѣмъ удалился медленными и спокойными шагами, бормоча сквозь зубы:

— Нѣтъ, съ одними мужиками рѣшительно ничего не подѣлаешь! Безъ англичанъ намъ не обойтись.

IV.

Во второй разъ.

Побѣда была полная. Говэнъ обратился къ остаткамъ батальона Красной Шапки и сказалъ имъ:

— Васъ всего двѣнадцать человѣкъ, но вы стоите цѣлой тысячи.

Въ тѣ времена похвала начальника замѣняла знакъ отличія.

Гешанъ, посланный Говэномъ для преслѣдованія бѣглецовъ, захватилъ много плѣнныхъ. Затѣмъ зажжены были факелы и начались поиски въ городѣ. Всѣ, кто не успѣлъ бѣжать, сдались. На

улицахъ разведены были костры: оказалось, что онѣ были покрыты убитыми и ранеными. Кое-гдѣ небольшія группы продолжали еще сопротивляться; ихъ окружили, и они положили оружіе.

Говэнъ успѣлъ замѣтить среди безпорядочнаго бѣгства какого-то храбраго, ловкаго и сильнаго человѣка, который прикрывалъ бѣгство другихъ, но самъ и не думалъ бѣжать. Крестьянинъ этотъ энергично дѣйствовалъ ружьемъ, стрѣляя изъ дула, ударяя прикладомъ, который, наконецъ, и сломалъ; тогда онъ схватилъ въ одну руку пистолетъ, въ другую—саблю. Всѣ боялись подступиться къ нему. Вдругъ Говэнъ замѣтилъ, что онъ зашатался и прислонился къ одному изъ столбовъ. Онъ, очевидно, былъ только что раненъ, но не выпускалъ изъ рукъ своей сабли и своего пистолета. Говэнъ взялъ свою шпагу подъ-мышку, направился къ нему и сказалъ:

— Сдавайся!

Человѣкъ этотъ пристально взглянулъ на него. Изъ-подъ его одежды сочилась кровь, которая образовала уже порядочную лужицу у его ногъ.

— Ты мой плѣнникъ,—продолжалъ Говэнъ.

Вандеецъ продолжалъ молчать.

— Какъ тебя звать?

— Мое прозвище «Пляска Тѣни»,—отвѣтилъ раненый.

— Ты молодецъ,—проговорилъ Говэнъ и протянулъ ему руку.

— Да здравствуетъ король!—громко воскликнулъ вандеецъ и, собравъ послѣднія свои силы, разомъ поднялъ обѣ свои руки, выстрѣлилъ въ Говэна изъ пистолета и ударилъ его по головѣ саблею.

Онъ сдѣлалъ все это съ быстротою тигра; но кто-то оказался еще быстрѣе его. Это былъ всадникъ, прибывшій нѣсколько минутъ тому назадъ и на котораго до сихъ поръ никто не обратилъ вниманія. Человѣкъ этотъ, увидѣвъ, что вандеецъ поднимаетъ на Говэна саблю и пистолетъ, бросился между ними. Не будь его—Говэнъ былъ бы убитъ. Пистолетная пуля попала въ лошадь всадника, а сабельный ударъ въ него самого, и оба они упали. Все это совершилось среди полнѣйшаго безмолвія. Вандеецъ, съ своей стороны, повалился на мостовую. Сабельный ударъ пришелся всаднику поперекъ лица; онъ безъ чувствъ упалъ вмѣстѣ съ лошадью, которая оказалась убитою наповалъ.

— Кто бы могъ быть этотъ человѣкъ?—проговорилъ Говэнъ, приближаясь къ распростертому на мостовой всаднику и всматриваясь въ него. Но все лицо всадника было залито кровью, струившеюся изъ раны, такъ что невозможно было его разглядѣть. Видны были только сѣдые волосы.

— Человѣкъ этотъ спасъ мнѣ жизнь,—продолжалъ Говэнъ.— Не знаетъ ли его кто-нибудь изъ васъ?

— Г. полковникъ,—проговорилъ одинъ изъ солдатъ,—человѣкъ этотъ только что прибылъ въ городъ. Я видѣлъ, какъ онъ въѣзжалъ по Понторсонской дорогѣ

Приблизился отрядный врачъ со своими инструментами. Раненый все еще лежалъ безъ чувствъ. Врачъ осмотрѣлъ его и проговорилъ:

— Рана не опасна. Это пустяки. Только разсѣчена кожа. Мы наложимъ ему перевязку, и черезъ недѣлю онъ будетъ на ногахъ. Сабельный ударъ, однако, здоровый.

Раненый былъ закутанъ въ плащъ, изъ-подъ котораго виднѣлись трецвѣтная перевязь, пара пистолетовъ и сабля. Его положили на носилки и стали раздѣвать. Врачъ велѣлъ принести ведро воды и обмылъ рану. Скоро можно было различить черты его лица. Говэнъ всматривался въ него съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Нѣтъ ли при немъ какихъ-нибудь бумагъ?—спросилъ онъ.

Врачъ ощупалъ боковой карманъ и вынулъ изъ него бумажникъ, который и подалъ Говэну. Тѣмъ временемъ раненый, котораго освѣжила холодная вода, началъ приходить въ себя, и вѣки его глазъ стали подергиваться.

Говэнъ началъ разсматривать бумажникъ. Онъ нашелъ въ немъ сложенный вчетверо листъ бумаги, развернулъ его и прочелъ:

«Комитетъ общественнаго спасенія. Гражданинъ Симурдэнъ»...

— Симурдэнъ!—воскликнулъ онъ.

Этотъ возгласъ заставилъ раненаго открыть глаза.

— Какъ! Симурдэнъ! Это вы!—твердилъ Говэнъ.—Во второй разъ вы спасаете мнѣ жизнь.

Симурдэнъ взглянулъ на Говэна, и окровавленное лицо его озарилось радостной улыбкой.

Говэнъ опустился на колѣни передъ раненымъ и воскликнулъ:

— Учитель мой!

— Твой отецъ,—проговорилъ Симурдэнъ.

V.

Капля холодной воды.

Они не видались въ теченіе многихъ лѣтъ, но сердцемъ они никогда не разставались. Они сразу же узнали другъ друга, какъ будто они разстались не далѣе, какъ наканунѣ.

Въ зданіи Дольской ратуши былъ устроенъ походный лазаретъ. Симурдэна положили на кровать въ небольшой комнаткѣ, смежной съ большой залой, превращенной въ общую палату для раненыхъ. Врачъ, зашивъ рубецъ, объявилъ, что Симурдэнъ нуждается въ покоѣ, и тѣмъ положилъ конецъ взаимнымъ изліяніямъ его и Говэна; къ тому же послѣднему необходимо было сдѣлать разныя распоряженія, являющіяся обыкновенно непосредственнымъ результатомъ побѣды. Симурдэнъ остался одинъ; но онъ не спалъ, охваченный сразу двумя лихорадками: лихорадкой отъ раны и лихорадкой отъ радости.

Онъ не спалъ, а между тѣмъ ему казалось, будто онъ видитъ сонъ. Можетъ ли это быть? Его сны сбываются наяву. Симурдэнъ никогда не вѣрилъ въ возможность большого выигрыша, а между тѣмъ этотъ выигрышъ выпалъ на его долю. Онъ снова нашелъ Говэна! Онъ покинулъ его ребенкомъ и находилъ его теперь молодымъ человѣкомъ, храбрымъ, отважнымъ, уважаемымъ; онъ находилъ его торжествующимъ, и торжествующимъ за народное дѣ-

ло. Говэнъ являлся въ Вандеѣ точкой опоры для революціи, и не кто иной, какъ онъ, Симурдэнъ, воспиталъ его для служенія республикѣ. Этотъ побѣдитель—его воспитанникъ. Въ этомъ молодомъ лицѣ, предназначенномъ, быть-можетъ, для украшенія республиканскаго Пантеона, онъ видѣлъ отраженіе своихъ мыслей; его ученикъ, его духовный сынъ, уже теперь герой, а со временемъ сдѣлается гордостью своей страны; Симурдэну казалось, будто его собственная душа превратилась въ генія. Онъ только что видѣлъ собственными глазами Говэна въ роли военачальника; ему казалось, будто онъ — Хиронъ, видѣвшій подвиги ученика своего Ахилла.

Всѣ случайности этого приключенія, вмѣстѣ съ безсонницей отъ раны, наполняли душу Симурдэна какимъ-то таинственнымъ опьянѣніемъ. Онъ видѣлъ передъ своими глазами восходящее свѣтило, и что его особенно радовало, это свѣтило было отчасти его созданіемъ; еще одинъ такой подвигъ, какъ тотъ, свидѣтелемъ котораго онъ только что былъ, и Симурдэну достаточно будетъ произнести одно слово, для того чтобы республика поставила Говэна во главѣ цѣлой арміи. Ничто не ослѣпляетъ такъ, какъ успѣхъ. Это было время военныхъ мечтаній; всякому хотѣлось создать великаго полководца. Дантонъ желалъ создать Вестермана, Маратъ желалъ создать Россиньоля, Эберъ желалъ создать Ронсена, Робеспьеръ желалъ всѣхъ ихъ уничтожить. «Чѣмъ же Говэнъ хуже другихъ?» размышлялъ Симурдэнъ и впадалъ въ глубокую задумчивость. Передъ нимъ открывался безграничный горизонтъ; онъ переходилъ отъ одной гипотезы къ другой; всѣ препятствія исчезали; разъ кто поставилъ ногу на нижнюю ступень этой лѣстницы, ничто уже не можетъ заставить его остановиться; онъ можетъ подниматься все выше и выше, онъ можетъ добраться до звѣзднаго пространства. Генералъ—только начальникъ арміи; но великій полководецъ въ то же время повелитель идей; а Симурдэнъ уже видѣлъ въ Говэнѣ великаго полководца. Онъ уже мысленно видѣлъ—мечта заносится далеко—Говэна на океанѣ, преслѣдующимъ англичанъ; на Рейнѣ—отражающимъ монархическую коалицію; у подножія Пиренеевъ—разбивающимъ испанцевъ; за Альпами—возстановляющимъ Римскую республику. Въ Симурдэнѣ скрывалось два человѣка—нѣжный и суровый, и оба эти человѣка были довольны, такъ какъ онъ видѣлъ Говэна одновременно и покрытымъ славою и внушающимъ ужасъ. Симурдэнъ былъ убѣжденъ въ томъ, что прежде, чѣмъ создавать, нужно разрушать, и онъ самъ себѣ говорилъ, что теперь не время сентиментальничать. Говэнъ, конечно, окажется «на высотѣ своей задачи», согласно тогдашнему выраженію. Симурдэнъ воображалъ себѣ Говэна въ свѣтломъ ореолѣ, разсѣивающимъ мракъ, носящимся по горизонту, точно метеоръ, парящимъ по воздуху на крыльяхъ справедливости, разума и прогресса, съ мечомъ въ рукѣ, точно ангелъ-истребитель.

Среди этихъ мечтаній, сказать правду, въ достаточной степени бредовыхъ, онъ разслышалъ сквозь полуотворенную дверь голоса

въ большой комнатѣ походнаго лазарета, смежной съ его комнатой. Онъ узналъ голосъ Говэна. Этотъ голосъ, несмотря на многіе годы разлуки, никогда не переставалъ звучать въ его ушахъ, и въ голосѣ взрослаго мужчины онъ узналъ голосъ ребенка. Онъ сталъ прислушиваться. Послышался топотъ шаговъ, и онъ услышалъ, какъ какой-то солдатъ говорилъ:

— Г. полковникъ, вотъ человѣкъ, который стрѣлялъ въ васъ. Онъ успѣлъ незамѣтно пробраться въ какой-то погребъ, но мы разыскали его. Вотъ онъ.

Далѣе Симурдэнъ разслышалъ слѣдующій діалогъ между Говэномъ и плѣнникомъ:

— Ты раненъ?

— Не настолько серьезно, чтобы нельзя было меня разстрѣлять.

— Уложите его въ постель. Перевяжите его рану, лѣчите его, заботьтесь о немъ.

— Я желаю умереть.

— Нѣтъ, ты не умрешь. Ты желалъ убить меня во имя короля; я дарю тебѣ жизнь во имя республики.

Чело Симурдэна омрачилось. Онъ какъ бы пробудился отъ глубокаго сна и пробормоталъ мрачнымъ и печальнымъ голосомъ:

— Да, дѣйствительно, онъ изъ «милостивцевъ».

VI.

Излѣчены тѣлесныя раны, но не душевныя.

Рубецъ скоро заживетъ. Но былъ одинъ человѣкъ, раненый гораздо серьезнѣе, чѣмъ Симурдэнъ: то была разстрѣлянная женщина, которую нищій Тельмаркъ поднялъ въ большой лужѣ крови на мызѣ Эрбъ-анъ-Пайль.

Положеніе Михалины Флешаръ было еще гораздо опаснѣе, чѣмъ то предполагалъ Тельмаркъ. Рана, полученная ею въ грудь, была сквозная, и пуля вышла въ спину, пробивъ лопатку; другая пуля разбила ей ключицу, третья—попала въ плечевую кость. Однако, легкія не были задѣты, и потому она могла выздоровѣть. Крестьяне называли Тельмарка «философомъ», что въ ихъ устахъ означало, что они считали его отчасти врачомъ, отчасти знахаремъ, отчасти колдуномъ. Онъ сталъ ухаживать за раненой въ своей берлогѣ, устланной верескомъ, примѣняя къ ней разныя такъ называемыя «простыя» средства, и, благодаря его заботливости, она стала поправляться. Ключица срослась, раны на груди и на плечѣ затянулись, и черезъ нѣсколько недѣль раненая была уже на ногахъ.

Однажды утромъ она вышла изъ берлоги Тельмарка, опираясь на его руку, и усѣлась на солнышкѣ подъ группой деревьевъ. Тельмарку очень мало было извѣстно относительно нея, такъ какъ раны въ грудь требуютъ безусловнаго молчанія, и во время всей своей тяжкой болѣзни она едва произнесла нѣсколько словъ. Когда она собиралась говорить, Тельмаркъ заставлялъ ее молчать.

Но ее, очевидно, сильно заботила какая-то мысль, и Тельмаркъ видѣлъ по ея глазамъ, что что-то такое раздираетъ ея сердце. Въ это утро она чувствовала себя особенно хорошо и могла даже ходить почти безъ поддержки. Уходъ за больными сближаетъ людей, и Тельмаркъ смотрѣлъ на нее почти съ отеческой нѣжностью. Этотъ добрый старикъ сталъ улыбаться и самъ заговорилъ съ нею.

— Ну вотъ, мы и на ногахъ, — сказалъ онъ. — Раны наши зажили?

— Да, за исключеніемъ раны въ сердцѣ,—отвѣтила она; и помолчавъ немного, она продолжала: — Значитъ, вамъ ничего неизвѣстно о томъ, гдѣ они?

— Кто такіе—они?—спросилъ Тельмаркъ.

— Да мои дѣти.

Это «значитъ» выражало собою цѣлый рой мыслей. Въ немъ слышалось слѣдующее: «Такъ какъ вы ничего не говорите мнѣ о нихъ, такъ какъ вы, проводя цѣлые дни возлѣ меня, ни единымъ словомъ не упоминаете о нихъ, такъ какъ вы заставляете меня молчать каждый разъ, какъ только я желаю спросить о нихъ, такъ какъ вы, очевидно, боитесь, чтобы я не стала разспрашивать о нихъ, то, значитъ, вы ничего не можете сообщить мнѣ о нихъ». Часто въ бреду, въ забытьи, въ горячкѣ она звала своихъ дѣтей, и она отлично замѣтила, — ибо человѣкъ и въ горячечномъ состояніи не лишенъ извѣстной доли наблюдательности,—что старикъ ей не отвѣчалъ.

Но дѣло въ томъ, что Тельмаркъ дѣйствительно не зналъ, что ему ей отвѣтить. Нелегко говорить съ матерью о пропажѣ ея дѣтей. И, наконецъ, что такое онъ зналъ? Ничего. Онъ зналъ, что солдаты разстрѣляли какую-то женщину, что онъ подобралъ эту женщину—скорѣе трупъ, чѣмъ живое существо, что у этого трупа было трое дѣтей и что маркизъ Лантенакъ, велѣвъ разстрѣлять мать, увелъ съ собою дѣтей. Вотъ на чемъ кончались всѣ его свѣдѣнія. Что сталось съ этими дѣтьми? Живы ли они, или убиты? Онъ слышалъ, что въ числѣ ихъ были двое мальчиковъ и одна только что отнятая отъ груди дѣвочка, — вотъ и все. Онъ самъ ставилъ себѣ по поводу этихъ малютокъ множество вопросовъ, но не въ состояніи былъ отвѣчать на нихъ. Окрестные жители, которыхъ онъ разспрашивалъ по этому поводу, только пожимали плечами. Маркизъ Лантенакъ былъ такого рода человѣкъ, о которомъ вообще неохотно разговаривали.

Впрочемъ, неохотно разговаривали не только о Лантенакѣ, но и о Тельмаркѣ. Бретонскіе крестьяне, народъ по природѣ подозрительный, не долюбливали Тельмарка. Онъ казался имъ подозрительнымъ. И чего это онъ постоянно глазѣетъ на небо? Что онъ дѣлалъ и о чемъ онъ думалъ, оставаясь въ теченіе цѣлыхъ часовъ неподвижнымъ? Это былъ, безъ сомнѣнія, странный человѣкъ. Въ этой странѣ, охваченной пламенемъ междоусобной войны, гдѣ всѣ думали только объ одномъ — объ опустошеніи, гдѣ всѣ занимались только однимъ — рѣзней, гдѣ у всякаго только и

было на умѣ, что сжечь домъ, перерѣзать цѣлое семейство, разграбить почту, разнести селеніе, гдѣ у всякаго только и было на умѣ, что устроить засаду или вовлечь непріятеля въ западню, перебить какъ можно больше народу, — этотъ отшельникъ, углубившись въ созерцаніе природы, собирая травы, занимаясь исключительно цвѣтами, птицами и звѣздами, являлся, очевидно, человѣкомъ опаснымъ или же сумасшедшимъ; онъ не прятался ни за какой кустъ, не пытался подстрѣлить кого-нибудь изъ ружья. Понятно, что его всѣ боялись.

— Это безумный,—твердили вокругъ него, и вскорѣ всѣ стали избѣгать Тельмарка. Къ нему никто не обращался съ вопросами, но и никто не отвѣчалъ на его вопросы.

Поэтому понятно, что его попытки собрать свѣдѣнія относительно дѣтей убитой женщины не могли увѣнчаться успѣхомъ. Военныя дѣйствія перенесены были въ другіе округа, маркизъ Лантенакъ исчезъ съ мѣстнаго горизонта, а Тельмаркъ былъ такого рода человѣкъ, что война должна была наступить на него самого, только тогда онъ былъ способенъ замѣтить ея существованіе.

Послѣ произнесенныхъ женщиной словъ «мои дѣти» Тельмаркъ пересталъ улыбаться, а мать снова погрузилась въ задумчивость. Что происходило въ этой душѣ? Она находилась какъ бы на днѣ пропасти. Вдругъ она опять взглянула на Тельмарка и воскликнула почти гнѣвнымъ голосомъ:

— Дѣтей моихъ! Отдайте мнѣ моихъ дѣтей!

Тельмаркъ склонилъ голову, какъ виноватый. Онъ думалъ объ этомъ маркизѣ Лантенакѣ, который, конечно, въ эту минуту не думалъ о немъ и даже, вѣроятно, забылъ о самомъ его существованіи. Онъ сознавалъ это и сказалъ про себя: «Когда эти бары нуждаются въ васъ, они васъ знаютъ; разъ нужда миновала, вы больше для нихъ не существуете». И затѣмъ онъ самъ себѣ поставилъ вопросъ: «Такъ для чего жъ въ такомъ случаѣ я спасъ этого барина?» И тутъ же онъ самъ себѣ отвѣтилъ: «Потому что это—человѣкъ». Но затѣмъ онъ задумался и пробормоталъ про себя: «Да, полно, человѣкъ ли?» И онъ опять съ горечью повторилъ свое восклицаніе: «Ахъ, когда бъ я зналъ!»

Все это приключеніе тяготило его, ибо во всемъ, что онъ сдѣлалъ, онъ видѣлъ какую-то загадку. Онъ съ горечью думалъ о томъ, что хорошій поступокъ можетъ въ то же самое время быть и дурнымъ поступкомъ; тотъ, кто спасаетъ волка, губитъ овецъ; кто вылѣчитъ крыло коршуна, отвѣчаетъ за его когти. Онъ въ глубинѣ души чувствовалъ себя виноватымъ. Безсознательный гнѣвъ этой матери былъ основателенъ. Онъ, правда, находилъ нѣкоторое утѣшеніе въ томъ, что, спасши маркиза, онъ спасъ эту мать. Но дѣти?!

Женщина тоже размышляла. Мысли обоихъ шли, такъ сказать, бокъ о бокъ и, безъ всякихъ словъ, быть-можетъ, встрѣчались въ мечтательномъ сумракѣ. Наконецъ женщина снова уставилась на Тельмарка печальнымъ взоромъ.

— Такъ, однако, не можетъ продолжаться,—проговорила она.

— Тсс!—произнесъ Тельмаркъ, прикладывая палецъ къ губамъ.

— Вы напрасно спасли меня,—продолжала она,—и я на васъ за это въ претензіи. Лучше бы уже было мнѣ умереть: тогда, по крайней мѣрѣ, я увидѣла бы ихъ на томъ свѣтѣ. Я бы, по крайней мѣрѣ, знала, гдѣ они, и если бъ даже они меня не видѣли, то я бы видѣла ихъ. И мертвая можетъ оберегать своихъ дѣтей.

— Успокойтесь, — сказалъ онъ, беря ее за руку и щупая ей пульсъ, — у васъ опять сдѣлается лихорадка.

— Когда мнѣ можно будетъ уйти? — спросила она его почти грубымъ голосомъ.

— Никогда, если вы не будете разсудительны; пожалуй, хоть завтра, если вы не будете волноваться.

— А что вы называете быть разсудительной?

— Полагаться на Бога.

— На Бога! А что Онъ сдѣлалъ съ моими дѣтьми? — Здѣсь голосъ ея вдругъ принялъ опять мягкое выраженіе. — Вы понимаете, — продолжала она, — что такъ я не могу жить. У васъ не было дѣтей, у меня они были. А это немалая разница. Невозможно судить о томъ, о чемъ не имѣешь ни малѣйшаго понятія. Вѣдь у васъ никогда не бывало дѣтей, не правда ли?

— Нѣтъ, не бывало,—отвѣтилъ Тельмаркъ.

— А у меня только и было, что мои дѣти. Безъ дѣтей мнѣ не зачѣмъ жить. Я желала бы знать, почему дѣти мои не со мной? Я чувствую, что происходитъ что-то особенное, чего я не понимаю. Мужа моего убили, меня разстрѣляли,—а я все-таки ничего не понимаю.

— Ну, вотъ, — проговорилъ Тельмаркъ, — у васъ снова начинается жаръ. Перестаньте говорить.

Она взглянула на него и замолчала. Начиная съ этого дня, она не произнесла больше ни слова. Тельмаркъ встрѣтилъ съ ея стороны такое безусловное повиновеніе, какого онъ даже не желалъ. Въ виду этого нѣмого страданія, старикъ начиналъ разсуждать, какъ женщина. «О, да, — говорилъ онъ самъ себѣ,— ея уста молчатъ, но ея глаза говорятъ, и я очень хорошо понимаю, что въ мозгу ея гвоздемъ засѣла какая-то мысль. Быть матерью—и перестать ею быть! Быть кормилицей — и перестать ею быть! Она не можетъ примириться со своей потерей. Она все думаетъ о малюткѣ, которую она еще такъ недавно кормила грудью. Она все думаетъ, все думаетъ, все думаетъ о ней. А, дѣйствительно, должно-быть, пріятно чувствовать прикосновеніе маленькаго розоваго ротика, который высасываетъ душу изъ вашего тѣла и который изъ вашей жизни создаетъ себѣ свою собственную жизнь».

И онъ молчалъ, понимая все безсиліе слова въ виду такого горя. Молчаніе, какъ результатъ затаенной идеи, имѣетъ въ себѣ нѣчто страшное. А какими доводами можно разсѣять затаенную въ умѣ матери идею? Материнство это — нѣчто не поддающееся разсужденію. Мать, въ извѣстномъ смыслѣ,—животное, и это еще болѣе возвышаетъ ее. Материнскій инстинктъ имѣетъ въ себѣ

что-то и божественное и животное въ одно и то же время. Мать перестаетъ быть женщиной и дѣлается самкой. Поэтому во всякой матери есть нѣчто такое, что и ниже и выше разсудка. У матери сильно развито чутье. Въ ней сказывается громадная, таинственная воля мірозданія, которая и руководитъ ею. Это ослѣпленіе, полное прозорливости.

Когда, наконецъ, Тельмаркъ вздумалъ заставить говорить эту несчастную, это ему не удалось. Однажды онъ сказалъ ей:

— Къ сожалѣнію, я становлюсь старъ и мнѣ трудно ходить. Я скорѣе дождусь конца моихъ силъ, чѣмъ конца моего пути. Послѣ пятнадцати минутъ ходьбы ноги мои отказываются служить мнѣ, и мнѣ приходится отдыхать; иначе я могъ бы сопровождать васъ въ вашихъ поискахъ. А впрочемъ, оно, можетъ-быть, и лучше, что я не могу итти съ вами: я бы могъ оказаться для васъ болѣе опаснымъ, чѣмъ полезнымъ. Меня здѣсь, правда, терпятъ, но только терпятъ; парижане подозрительно относятся ко мнѣ, какъ къ крестьянину, а крестьяне видятъ во мнѣ колдуна.

Онъ ждалъ, что она отвѣтитъ ему; но она даже не подняла глазъ. Сосредоточенность на одной какой-нибудь мысли ведетъ или къ безумію или къ героизму. Но на какой героизмъ способна бѣдная крестьянка? Ни на какой. Она можетъ быть матерью — вотъ и все. Она съ каждымъ днемъ погружалась все глубже и глубже въ свою задумчивость. Тельмаркъ наблюдалъ за нею. Онъ всячески старался развлечь ее; онъ принесъ ей нитокъ, иголокъ, наперстокъ; и дѣйствительно, къ великому удовольствію нищаго, она принялась шить. Она не выходила изъ своей задумчивости, но работала—признакъ здоровья. Силы мало-по-малу возвращались къ ней. Она починила свое бѣлье, свою одежду, свою обувь; но взоръ ея попрежнему оставался безсмысленнымъ. Работая, она напѣвала вполголоса разные грустные мотивы. Она произносила шопотомъ какія-то имена, по всей вѣроятности, имена своихъ дѣтей, но, впрочемъ, недостаточно внятно для того, чтобы Тельмаркъ могъ ихъ разслышать. По временамъ она переставала пѣть и прислушивалась къ щебетанію пташекъ, какъ будто тѣ могли сообщить ей какія-нибудь извѣстія о ея дѣтяхъ. Она глядѣла на небо, губы ея шевелились: очевидно, она говорила сама съ собою. Она сшила себѣ мѣшокъ и наполнила его каштанами. Однажды утромъ Тельмаркъ увидѣлъ, какъ она пустилась въ путь, устремивъ неподвижный взоръ въ чащу лѣса.

— Куда вы идете?—окликнулъ онъ ее.

— Я иду ихъ искать,—отвѣтила она.

Онъ даже и не сталъ ее удерживать.

VII.

Два полюса правды.

По прошествіи нѣсколькихъ недѣль, полныхъ разныхъ перипетій междоусобной войны, во всемъ Фужерскомъ округѣ только и рѣчи было, что о двухъ личностяхъ, составлявшихъ самый рѣз-

кій контрастъ, и въ то же вермя дѣлавшихъ одно и то же дѣло, т.-е. сражавшихся рядомъ за великое дѣло республики.

Свирѣпый вандейскій поединокъ продолжался, но вандейцы теряли почву подъ ногами. Въ особенности въ департаментѣ Иля-и-Вилэны, благодаря молодому офицеру, такъ доблестно отбившему въ Долѣ съ полутора тысячами атаку шести тысячъ роялистовъ, возстаніе было если не подавлено, то во всякомъ случаѣ сильно ослаблено и ограничено. Нѣсколько удачныхъ боевъ слѣдовали за вышеупомянутымъ, и эти многократные успѣхи создали новое положеніе дѣлъ.

Итакъ, дѣла приняли новый оборотъ; но тутъ случилось странное осложненіе. Во всей этой части Вандеи перевѣсъ былъ на сторонѣ республики,—это не подлежало сомнѣнію,—но какой республики? Среди опредѣлявшагося торжества обрисовывались двѣ формы республики — республики террористической и республики милостивой, изъ которыхъ первая желала дѣйствовать путемъ строгости, а вторая—путемъ кротости. Вопросъ состоялъ въ томъ, которая изъ нихъ одержитъ верхъ? Обѣ эти республики, примирительная и безпощадная, имѣли здѣсь своими представителями двухъ людей, вліятельныхъ и авторитетныхъ, одинъ изъ которыхъ былъ военачальникъ, а другой—гражданскій делегатъ. Который изъ нихъ одолѣетъ? Изъ этихъ двухъ дѣятелей, одинъ — гражданскій делегатъ имѣлъ сильныя точки опоры въ Парижѣ. Онъ прибылъ къ батальонамъ Сантерра съ страшнымъ лозунгомъ: «Не давать пощады, не давать помилованія!» Онъ имѣлъ при себѣ декретъ конвента, угрожавшій смертною казнью всякому, «кто дастъ свободу или позволитъ бѣжать плѣнному предводителю бунтовщиковъ», неограниченныя полномочія отъ «комитета общественной безопасности», и повелѣніе — оказывать безусловное повиновеніе ему, делегату, подписанное именами Робеспьера, Дантона и Марата. Другой, военный, имѣлъ только одну точку опоры—чувство состраданія. Правда, онъ, кромѣ того, имѣлъ за себя еще руку, разившую непріятелей, и сердце, дававшее пощаду побѣжденному врагу. Послѣ побѣды онъ считалъ себя въ правѣ щадить побѣжденныхъ.

Результатомъ этого являлось скрытое, но глубокое разногласіе между обоими этими людьми. Оба они витали въ различныхъ облакахъ; оба они боролись противъ возстанія и у каждаго изъ нихъ были свои перуны: у одного—побѣда, у другого—терроръ.

Во всей Лѣсной Бретани только и было рѣчи, что о нихъ. Интересъ, который всюду возбуждали оба эти лица, увеличивался еще тѣмъ, что они при рѣзкой противоположности своихъ взглядовъ, были связаны самой тѣсной дружбой. Эти два антагониста были друзьями. Никогда еще болѣе искренняя и болѣе глубокая симпатія не сближала двухъ сердецъ; свирѣпый спасъ жизнь кроткому, и еще не вполнѣ зажилъ рубецъ отъ полученнаго имъ при этомъ случаѣ сабельнаго удара. Оба эти человѣка были воплощеніемъ: одинъ—смерти, другой—жизни, одинъ—принципа террора, другой — принципа миролюбія, — и въ то же время они искренне

любили другъ друга. Странная загадка! Можно ли представить себѣ милосердаго Ореста и жестокосердаго Пилада? Можно ли представить себѣ Аримана братомъ Ормузда?

Нужно еще замѣтить, что тотъ, котораго называли свирѣпымъ, былъ въ иныхъ отношеніяхъ самымъ милосердымъ братомъ: онъ перевязывалъ раненыхъ, ухаживалъ за больными, проводилъ дни и ночи въ лазаретахъ и на перевязочныхъ пунктахъ, съ состраданіемъ относился къ босоногимъ дѣтямъ, никогда ничего не имѣлъ при себѣ, потому что раздавалъ все бѣднымъ. Во время сраженія онъ шелъ во главѣ колоннъ въ самыя опасныя мѣста, въ одно и то же время и вооруженный, потому что у него торчали за поясомъ два пистолета и сабля, и безоружный, потому что никто никогда не видѣлъ, чтобы онъ пользовался этими пистолетами и этой саблей. Онъ подставлялъ самого себя подъ удары, но самъ ихъ не наносилъ. Говорили о немъ, что онъ когда-то былъ священникомъ.

Одинъ изъ этихъ двухъ друзей былъ Говэнъ, другой — Симурдэнъ. Люди эти были связаны дружбой, но принципы ихъ были раздѣлены ненавистью; это была какъ бы одна душа, разрѣзанная на двѣ половинки. Дѣйствительно, Говэну досталась одна половинка души Симурдэна, а именно половинка кроткая; Говэну досталась свѣтлая ея сторона, а на долю Симурдэна осталась темная. Все это не могло не повести къ внутреннему разногласію, и эта глухая борьба не могла рано или поздно не превратиться въ борьбу открытую. Однажды утромъ борьба эта дѣйствительно вспыхнула.

— Ну, въ какомъ положеніи наши дѣла? — спросилъ какъ-то Симурдэнъ у Говэна.

— Вамъ это извѣстно не хуже, чѣмъ мнѣ,—отвѣтилъ Говэнъ.— Я разсѣялъ шайки Лантенака и при немъ осталось всего нѣсколько человѣкъ. Теперь мы оттѣснили его къ Фужерскому лѣсу; черезъ недѣлю онъ будетъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, а черезъ двѣ недѣли захваченъ въ плѣнъ.

— Прекрасно! А дальше что?

— Дальше? Вы читали мое воззваніе? Онъ будетъ разстрѣлянъ.

— Опять излишняя мягкость! Нѣтъ, онъ долженъ быть казненъ на гильотинѣ.

— Что касается меня,—замѣтилъ Говэнъ,—то я, какъ военный, стою за разстрѣляніе.

— А я, — возразилъ Симурдэнъ, — какъ революціонеръ, стою за гильотину.—И, посмотрѣвъ Говэну въ глаза, онъ спросилъ его:—Зачѣмъ ты велѣлъ освободить этихъ монахинь изъ монастыря св. Марка?

— Потому что я не воюю съ женщинами,—отвѣтилъ Говэнъ.

— Да, но эти женщины ненавидятъ народъ, а ненависть одной женщины стоитъ ненависти десяти мужчинъ. А почему ты не отправилъ въ революціонное судилище этихъ старыхъ поповъ-фанатиковъ, захваченныхъ въ Лувинье?

— Потому что я не воюю со стариками, — отвѣтилъ Говэнъ.

— Старый священникъ хуже молодого. Бунтъ, проповѣдуемый сѣдовласымъ человѣкомъ, особенно опасенъ. Морщины внушаютъ довѣріе. Избѣгай всякой сентиментальности, Говэнъ. Не спускай глазъ съ Тампльской башни.

— Съ Тампльской башни? Я бы выпустилъ изъ нея дофина. Я не воюю съ дѣтьми.

Взглядъ Симурдэна принялъ строгое выраженіе, и онъ проговорилъ:

— Говэнъ, знай, что слѣдуетъ воевать съ женщиной, если ей имя Марія-Антуанетта, съ старикомъ, если ему имя Пій VI, и съ ребенкомъ, если его зовутъ Людовикъ Капетъ.

— Мой любезный учитель, я политикой не занимаюсь.

— Но все-таки тебѣ слѣдуетъ стараться о томъ, чтобы не выставлять себя опаснымъ человѣкомъ. Почему при атакѣ на Коссе, когда бунтовщикъ Жанъ Третонъ, окруженный со всѣхъ сторонъ, ринулся одинъ, съ саблей въ рукѣ, противъ цѣлой колонны, ты воскликнулъ: «Разступитесь! Пропустите его!»

— Потому что позорно было бы для полуторы тысячи человѣкъ убивать одного человѣка.

— А почему при Кайльтри-д'Астильэ, когда ты увидѣлъ, что твои солдаты собираются убить вандейца Жозефа Безье, который былъ тяжело раненъ и едва могъ ползти, ты воскликнулъ: «Прочь! Я самъ его прикончу!» и затѣмъ ты выстрѣлилъ изъ пистолета на воздухъ?

— Потому что лежачаго не бьютъ.

— И въ томъ и въ другомъ случаѣ ты былъ неправъ; оба они теперь начальствуютъ отрядами инсургентовъ: Жозефъ Безье — подъ именемъ «Уса», а Жанъ Третонъ — подъ именемъ «Серебряной-Ноги». Даруя жизнь этимъ двумъ личностямъ, ты далъ двухъ враговъ республикѣ.

— Разумѣется, я желалъ бы пріобрѣтать ей друзей, а не враговъ! — воскликнулъ Говэнъ.

— Почему послѣ одержанной тобою при Ландеанѣ побѣды ты не велѣлъ разстрѣлять трехъ сотъ крестьянъ, взятыхъ тобою въ плѣнъ?

— Такъ какъ передъ тѣмъ Боншанъ только что пощадилъ плѣнныхъ республиканцевъ, то я счелъ долгомъ справедливости пощадить плѣнныхъ роялистовъ.

— Значитъ, если ты захватишь въ плѣнъ Лантенака, ты и его пощадишь?

— Нѣтъ, нисколько не значитъ.

— Почему же? Вѣдь помиловалъ же ты триста крестьянъ?

— Крестьяне сами не знаютъ, что они дѣлаютъ, а Лантенакъ это отлично знаетъ.

— Но вѣдь Лантенакъ тебѣ родня.

— Онъ мнѣ не ближе родня, чѣмъ Франція.

— И Лантенакъ старикъ.

— Мнѣ дѣла нѣтъ до его возраста. Измѣнники возраста не имѣютъ. Лантенакъ призываетъ англичанъ, готовитъ Франціи иноземное нашествіе. Лантенакъ—врагъ своего отечества. Поединокъ между нимъ и мною можетъ кончиться лишь его или моею смертью.

— Помни объ этихъ словахъ, Говэнъ.

— Они сказаны.

Оба они нѣкоторое время помолчали. Наконецъ Говэнъ проговорилъ:

— Настоящій, 1793 годъ, будетъ записанъ кровавыми буквами на страницахъ исторіи.

— Берегись!—воскликнулъ Симурдэнъ.—Существуютъ ужасныя обязанности. Не обвиняй того, что не заслуживаетъ обвиненія! Съ которыхъ это поръ врачъ долженъ считаться виновникомъ болѣзни? Да, именно то и характеризуетъ этотъ великій годъ, что онъ не знаетъ жалости! Почему? Потому что это—великій революціонный годъ! Нынѣшній годъ есть воплощеніе революціи. У революціи одинъ серьезный врагъ—дряхлый, отжившій міръ и она должна относиться къ нему безжалостно, точно такъ же, какъ безжалостно относится хирургъ къ своему врагу—гангренѣ. Революція уничтожаетъ королевскую власть въ лицѣ монарха, аристократію—въ лицѣ дворянина, деспотизмъ—въ лицѣ солдата, предразсудки—въ лицѣ священника, несправедливость—въ лицѣ судьи,—словомъ, все, что есть тиранство, во всемъ, что называется тираномъ. Операція опасная, но революція производитъ ее твердой рукой. Что касается количества живого мяса, которое она затрогиваетъ, то спросите объ этомъ мнѣнія Боэргава. Можно ли срѣзать опухоль, не проливъ не единой капли крови? Можно ли потушить пожаръ безъ того, чтобы хоть что-нибудь не было уничтожено огнемъ? Эти жертвы являются однимъ изъ условій успѣха. Хирургъ часто бываетъ похожъ на мясника, а врачъ—на палача. Революція вся отдаетъ себя своей великой, но часто тяжелой задачѣ. Она калѣчитъ организмъ, но этимъ спасаетъ его. Неужели вы отъ нея потребуете, чтобы она бережно обходилась съ заразительнымъ гноемъ, чтобы она щадила ядъ? Но она васъ не послушаетъ! Она взялась за дѣло и докончитъ его. Она дѣлаетъ на цивилизаціи глубокій надрѣзъ, и отъ этого зависитъ здоровье рода человѣческаго. Вамъ больно—что жъ дѣлать? Сколько времени продлится эта боль? Столько же, сколько продлится операція. Но зато ваша жизнь будетъ спасена. Революція ампутируетъ старый міръ; а ампутація немыслима безъ сильной потери крови. Вотъ что такое 93 годъ.

— Но хирургъ всегда спокоенъ,—возразилъ Говэнъ,—а тѣ люди, которыхъ я вижу, неистовствуютъ.

— Для успѣха революціи,—продолжалъ Симурдэнъ,—необходимы неистовые люди. Она отталкиваетъ всякую дрожащую руку. Она вѣритъ только въ людей неумолимыхъ. Дантонъ грозенъ, Робеспьеръ непреклоненъ, Сенъ-Жюстъ неотвратимъ, Маратъ неумолимъ. Замѣть себѣ это, Говэнъ; имена эти намъ необходимы: они замѣняютъ намъ цѣлыя арміи, они устрашаютъ Европу.

— А быть-можетъ, также устрашатъ и будущія поколѣнія,— замѣтилъ Говэнъ. Помолчавъ немного, онъ продолжалъ:—Впрочемъ, любезный мой учитель, вы въ данномъ случаѣ ошибаетесь: я никого не обвиняю. По-моему, настоящая точка зрѣнія на революцію, это—ея полная неотвѣтственность. Здѣсь нѣтъ ни невинныхъ ни виновныхъ. Людовикъ XVI, это—овца, брошенная въ стаю волковъ. Онъ желаетъ бѣжать, онъ желаетъ спастись, онъ сталъ бы кусаться, если бы въ состояніи былъ это сдѣлать. Но не всякому дано быть львомъ. Его попытки вмѣняются ему въ преступленіе. Раздраженная овца скалитъ зубы, а въ этомъ усматривается измѣна. Поэтому овцу растерзываютъ на части, а послѣ того волки начинаютъ кидаться другъ на друга.

— Овца—животное,—замѣтилъ Симурдэнъ.

— А что такое волки?—спросилъ Говэнъ.

Этотъ вопросъ заставилъ задуматься Симурдэна. Наконецъ онъ поднялъ голову и сказалъ:

— Они—общественная совѣсть, они—идея, они—принципы.

— И вмѣстѣ съ тѣмъ они наводятъ ужасъ.

— Да, но наступитъ день, когда то, что создала революція, заставитъ забыть объ этомъ ужасѣ.

— А я, напротивъ, боюсь, что этотъ ужасъ заставитъ забыть обо всемъ, что было хорошаго въ революціи,—возразилъ Говэнъ.— Свобода, Равенство, Братство, это—ученіе мира и согласія. Къ чему же придавать этому ученію видъ чего-то страшнаго? Къ чему мы стремимся? Къ тому, чтобы склонить народы къ идеѣ всеобщей республики. Но въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ ихъ пугать. Къ чему наводить на нихъ страхъ? Пугалами не приманишь ни птицъ ни людей. Дѣлая зло, не достигнешь добра. Нельзя низвергать тронъ и оставлять на мѣстѣ эшафотъ. Уничтожайте короны, но не убивайте людей. Революція должна быть синонимомъ согласія, а не ужаса. Хорошимъ идеямъ должны служить и хорошіе люди. По-моему, самое красивое на человѣческомъ языкѣ, это—слово «амнистія». Я не желаю проливать чьей-либо крови иначе, какъ рискуя и своей. Впрочемъ, я простой солдатъ, я умѣю только сражаться. Но если не умѣешь прощать, то не стоитъ и побѣждать. Во время боя мой противникъ—врагъ мнѣ, но послѣ побѣды онъ мнѣ братъ.

— Берегись!—повторилъ Симурдэнъ въ третій разъ.—Говэнъ, ты для меня больше, чѣмъ сынъ. Берегись!—и онъ присовокупилъ съ задумчивымъ видомъ:—Въ такія времена, какъ наше, состраданіе можетъ быть однимъ изъ видовъ измѣны.

Слушая разговоръ этихъ двухъ людей, можно было бы подумать, что слушаешь діалогъ меча съ палаческой сѣкирой.

VIII.

Опечаленная мать.

Тѣмъ временемъ бѣдная мать продолжала искать своихъ малютокъ. Она шла, куда глаза глядятъ. Чѣмъ она питалась? Это трудно было бы объяснить; да она и сама того не знала. Она шла и

днемъ и ночью; она просила милостыню, питалась травой, спала на голой землѣ, подъ открытымъ небомъ, въ кустарникахъ, часто подъ дождемъ и вѣтромъ.

Она переходила изъ селенія въ селеніе, съ мызы на мызу, и всюду разспрашивала. Она останавливалась у пороговъ домовъ; одежда ея висѣла лохмотьями. Иногда ее впускали, иногда прогоняли. Когда ее не впускали въ дома, она отправлялась въ лѣсъ. Хотя она и была мѣстная уроженка, но она не знала страны, никогда отроду нигдѣ не бывала, кромѣ своей деревни Сискуаньяра и своего прихода Азэ. Часто она, совершенно не зная дороги, кружилась на одномъ и томъ же мѣстѣ, возвращаясь туда, гдѣ была уже прежде, вторично шла по недавно пройденному пути, теряя понапрасну силы и время. Она шла то по большимъ дорогамъ, то по колеямъ, проложеннымъ телѣгами, то по тропинкамъ, протоптаннымъ въ лѣсу. Въ время этихъ скитаній, ея одежда и ея обувь окончательно износились; подъ конецъ ей приходилось ходить босикомъ, и ноги ея были натерты до крови.

Она проходила мимо сражающихся, среди ружейныхъ выстрѣловъ, ничего не видя, ничего не слыша, ничего не избѣгая, думая только о своихъ дѣтяхъ, которыхъ она искала. Такъ какъ вся страна охвачена была возстаніемъ, то нигдѣ не было ни мэровъ, ни полиціи, ни вообще какихъ-либо властей. Ей приходилось имѣть дѣло только съ прохожими. Иногда она останавливала ихъ и спрашивала:

— Не видали ли вы гдѣ-нибудь троихъ дѣтей?

Прохожіе съ удивленіемъ поднимали головы.

— Двухъ мальчиковъ и одну дѣвочку,—продолжала она.—Рене-Жана, Алена и Жоржетту? Вы ихъ не видѣли?.. Старшему четыре съ половиной года, меньшой годъ восемь мѣсяцевъ. Не знаете ли вы, гдѣ они? Ихъ у меня отняли.

Встрѣчаемые смотрѣли на нее съ недоумѣніемъ и ничего не отвѣчали. Видя, что ее не понимаютъ, она присовокупляла:

— Это, видите ли, мои дѣти. Вотъ почему я о нихъ спрашиваю.

Прохожіе удалялись своею дорогой. Она же молча смотрѣла имъ вслѣдъ и царапала себѣ грудь ногтями.

Однажды, впрочемъ, одинъ крестьянинъ, выслушавъ ея вопросъ, сталъ что-то соображать.

— Постойте-ка,—сказалъ онъ.—Вы говорите, трое дѣтей: два мальчика...

— И одна дѣвочка.

— Ихъ-то вы и ищете? Видите ли, я что-то такое слышалъ объ одномъ помѣщикѣ, который захватилъ гдѣ-то трехъ дѣтей и держитъ ихъ при себѣ.

— Гдѣ этотъ человѣкъ?—воскликнула она.—Гдѣ мои дѣти?

— Ступайте въ Тургъ,—отвѣтилъ крестьянинъ.

— И тамъ я найду своихъ дѣтей? Какъ вы сказали? Тургъ? Но гдѣ же это? Далеко?

— Не могу вамъ сказать. Я тамъ никогда не бывалъ.

— Но что это такое? Селеніе, замокъ, мыза?

— И этого не знаю. Я знаю только, что Тургъ—гдѣ-то по-сосѣдству съ Фужеромъ.

— А какъ же пройти туда?

— Вы дойдете до Ванторта,—отвѣтилъ крестьянинъ,—вы оставите Эрне влѣво и Кокселль—вправо, вы пройдете черезъ Лоршанъ, по направленію къ Леру. Словомъ, ступайте все впередъ передъ собою по тому направленію, гдѣ заходитъ солнце,—прибавилъ крестьянинъ, протягивая руку на западъ.

Не успѣлъ еще крестьянинъ опустить руку, какъ она уже шла по указанному ей направленію.

— Только будьте осторожны!—крикнулъ онъ ей вслѣдъ.—Въ той сторонѣ дерутся.

Она даже не обернулась, чтобъ отвѣтить ему, и продолжала итти впередъ.

IX.

Провинціальная Бастилія.

1.

Ла-Тургъ.

Путника, который лѣтъ сорокъ тому назадъ, войдя въ Фужерскій лѣсъ со стороны Леньелэ, выходилъ изъ него со стороны Паринье, ожидала на опушкѣ этой глухой чащи непріятная встрѣча. Выйдя изъ лѣсу, онъ вдругъ видѣлъ передъ собою Ла-Тургъ, но Ла-Тургъ не живой, а мертвый, потрескавшійся, обвалившійся, разрушенный. По отношенію къ зданію развалины то же, что призракъ по отношенію къ человѣку. Трудно было вообразить себѣ болѣе печальное зданіе, чѣмъ Ла-Тургъ. Глазамъ представлялась высокая круглая башня, стоявшая одиноко возлѣ лѣса, точно злоумышленникъ. Эту башню, выстроенную на остроконечномъ утесѣ, можно было принять за остатокъ римской архитектуры, до того правильно и прочно она была построена и до того въ этой солидной массѣ идея могущества смѣшивалась съ идеей разрушенія. Но это была не римская, а такъ называемая романская башня. Будучи начата въ IX столѣтіи, она была окончена въ XII, послѣ третьяго Крестоваго похода. Просвѣты ея сводовъ свидѣтельствовали объ ея древности. Приблизившись къ ней и поднявшись на ея откосъ, посѣтитель видѣлъ передъ собою брешь; войдя въ нее, онъ находилъ вокругъ себя абсолютную пустоту. Это было нѣчто въ родѣ большого каменнаго горна, опрокинутаго книзу широкимъ отверстіемъ. Сверху донизу—никакой разгородки: ни крыши, ни потолковъ, ни половъ; одни только обломки сводовъ и печей, и на различной высотѣ амбразуры для фальконетовъ; гранитные кронштейны и нѣсколько поперечныхъ балокъ, обозначавшихъ прежнее дѣленіе на этажи; на балкахъ густымъ слоемъ лежалъ помётъ ночныхъ птицъ; толстая стѣна, пятнадцати футовъ у основанія и двѣнадцати на вершинѣ, тамъ и сямъ отверстія и расщелины, очевидно, представлявшія прежде двери и окна, сквозь которыя видны были остатки темныхъ лѣстницъ, продѣланныхъ внутри

стѣнъ. По вечерамъ здѣсь можно было слышать крики конюховъ, козодоевъ, черныхъ цаплей и совъ; подъ ногами видны были терновые кусты, камни и гады, а надъ головою, сквозь круглое отверстіе, напоминавшее собою отверстіе громаднаго колодца,—звѣзды.

Въ окрестной мѣстности существовало преданіе, что въ верхнихъ ярусахъ этой башни были потайныя двери, сдѣланныя, какъ и двери гробницъ іудейскихъ царей, изъ громадныхъ камней, поворачивающихся на своей оси, открывающіяся и снова закрывающіяся такъ, что ихъ невозможно и замѣтить въ стѣнѣ; эта архитектурная мода была привезена крестоносцами съ Востока, вмѣстѣ съ стрѣльчатыми сводами. Когда эти вращающіяся двери были закрыты, невозможно было ихъ замѣтить: до того онѣ сливались съ остальными камнями стѣны. И въ настоящее время можно еще встрѣтить такія двери въ нѣкоторыхъ захолустныхъ селеніяхъ Анти-Ливана, уцѣлѣвшихъ отъ громаднаго землетрясенія, бывшаго здѣсь при Тиверіи.

2.

Проломъ.

Проломъ, черезъ который входили въ развалину, былъ сдѣланъ искусственно, посредствомъ взрыва мины. Въ глазахъ знатока, знакомаго съ Эрраромъ, Сарди и Паганомъ, эта мина проведена была не безъ искусства, съ вѣрнымъ соблюденіемъ пропорціи по отношенію къ толщинѣ той стѣны, которую приходилось взорвать. Она должна была заключать въ себѣ не менѣе двухъ берковцевъ пороху. Каналъ, который велъ къ этой минѣ, шелъ извилинами, что во всякомъ случаѣ безопаснѣе, чѣмъ прямой каналъ. Взрывъ разрушилъ значительную часть толстой стѣны, такъ что осаждавшимъ, очевидно, нетрудно было проникнуть въ проломъ. По всему было видно, что этой башнѣ приходилось выдерживать въ различныя эпохи настоящія, правильныя осады: на ней остались слѣды ядеръ, принадлежавшихъ, очевидно, различнымъ эпохамъ; каждый родъ снаряда оставляетъ по себѣ свой особый слѣдъ, и всѣ они оставили по себѣ такіе слѣды, начиная съ каменнаго ядра XIV вѣка и кончая чугуннымъ—XVIII вѣка.

Черезъ проломъ входили въ ту часть зданія, которая когда-то была нижнимъ этажомъ. Напротивъ пролома, въ башенной стѣнѣ, виднѣлось отверстіе, ведущее въ склепъ, высѣченный въ цѣльномъ утесѣ и развѣтвляющійся подъ различными частями зданія. Этотъ склепъ, или застѣнокъ, на три четверти заваленный мусоромъ, былъ расчищенъ въ 1835 году стараніями г. Огюста Ле-Прево, бернэйскаго антикварія.

3.

Застѣнокъ.

Въ прежнія времена во всякомъ зàмкѣ или башнѣ былъ свой застѣнокъ. Застѣнокъ Тургской башни, подобно многимъ другимъ подземнымъ темницамъ той же эпохи, состоялъ изъ двухъ ярусовъ. Первый, въ который проходили черезъ дверцу, представлялъ со-

бою довольно обширную комнату со сводами, находившуюся на одномъ уровнѣ съ залой нижняго этажа. На одной изъ стѣнъ этого помѣщенія видны параллельныя, вертикальныя борозды, проходившія вдоль всей стѣны и довольно глубоко въ ней высѣченныя, напоминавшія собою выбоины отъ колесъ. То и въ дѣйствительности были выбоины, прорытыя двумя колесами: въ прежнія, феодальныя времена въ этой комнатѣ производилось четвертованіе, менѣе шумнымъ образомъ, чѣмъ съ помощью четырехъ лошадей. Здѣсь устроены были два колеса такихъ значительныхъ размѣровъ, что они касались одновременно и стѣнъ и свода. Къ каждому изъ этихъ колесъ привязывали по одной рукѣ и по одной ногѣ пытаемаго, и затѣмъ колеса заставляли вертѣться въ обратномъ направленіи, такъ что привязанный къ нимъ человѣкъ разрывался на части. Вертясь, колеса и образовали вышеупомянутые желоба въ стѣнѣ. Еще и въ наше время можно видѣть подобную комнату въ Віанденѣ.

Подъ этой комнатой была другая, въ которой хоронили людей заживо. Въ нее попадали не черезъ дверь, а черезъ отверстіе въ потолкѣ. Раздѣтаго донага несчастнаго спускали сюда на веревкѣ, продѣтой подъ мышки, черезъ вышеупомянутое отверстіе; черезъ это же отверстіе бросали ему пищу, если онъ не сразу умиралъ. И въ настоящее время можно еще видѣть подобную темницу въ Бульонскомъ за̀мкѣ.

Изъ этого отверстія сильно дуло. Нижнее помѣщеніе, вырытое глубоко въ землѣ, было скорѣе колодцемъ, чѣмъ комнатой; на днѣ его была вода, и воздухъ въ немъ былъ холодный и сырой. Дувшій постоянно снизу вѣтеръ убивалъ нижняго жильца и позволялъ дышать и жить верхнему, иначе послѣднему не хватало бы воздуха. Всякій, кто разъ попадалъ сюда, больше уже отсюда не выходилъ. Поэтому верхнему жильцу нужно было быть крайне осторожнымъ, чтобы не упасть въ это подземелье. Если онъ желалъ жить, то это отверстіе представляло для него постоянную опасность, если онъ желалъ умереть—оно облегчало ему исполненіе этого желанія. Верхній ярусъ былъ темницей, нижній—могилой. Впрочемъ, нѣчто похожее представляло собою и все тогдашнее общество.

Вотъ что предки наши называли «подземной темницей». Теперь эти слова для насъ пустой звукъ, самая же вещь исчезла. Теперь мы можемъ оставаться довольно равнодушными при произнесеніи этихъ словъ.

На наружной стѣнѣ башни, надъ проломомъ, составлявшимъ сорокъ лѣтъ тому назадъ единственный входъ въ нее, видна была амбразура болѣе широкая, чѣмъ остальныя бойницы, возлѣ которой висѣла сломанная и погнутая желѣзная рѣшетка.

4.

Мостъ и за̀мокъ.

Къ этой башнѣ, со стороны противоположной пролому, примыкалъ каменный мостъ на трехъ довольно хорошо сохранившихся балкахъ. На этомъ мосту прежде, очевидно, стояло зданіе, отъ ко-

тораго теперь оставались однѣ только развалины; оно, несомнѣнно было истреблено пожаромъ и оставались одни только стропила, нѣчто въ родѣ почернѣвшаго остова, вытянувшагося возлѣ развалинъ зàмка, точно скелетъ возлѣ призрака. Теперь эта развалина совсѣмъ снесена, и отъ нея не осталось даже и слѣда. Достаточно одного дня и пары мужицкихъ рукъ для того, чтобы разрушить то, что создавали многіе вѣка и многіе короли.

«Тургъ», какъ сокращенно называли зàмокъ окрестные крестьяне, собственно, назывался по-настоящему «Туръ-Говэнъ». Зàмокъ этотъ бывшій сорокъ лѣтъ тому назадъ развалиной, а теперь являющійся какою-то тѣнью, въ 1793 году былъ еще цитаделью. Это былъ старинный укрѣпленный зàмокъ Говэновъ, охранявшій съ западной стороны входъ въ Фужерскій лѣсъ, который, въ свою очередь, превратился въ настоящее время въ сильно порѣдѣвшую рощу. Его выстроили на одномъ изъ тѣхъ громадныхъ шиферныхъ валуновъ, которыхъ такъ много между Майеномъ и Динаномъ, а равно и въ другихъ мѣстахъ Бретани, среди лѣсовъ и кустарниковъ, какъ будто когда-то титаны швыряли ими себѣ другъ другу въ голову.

Вся цитадель состояла изъ одной этой башни. Подъ башней была скала, а у подножія скалы протекалъ одинъ изъ тѣхъ ручьевъ, которые въ январѣ мѣсяцѣ превращаются въ бурные потоки, а въ іюнѣ совершенно пересыхаютъ. Несмотря на всю безыскусственность своей постройки, цитадель эта въ средніе вѣка, при тогдашнихъ военныхъ средствахъ и пріемахъ, была почти неприступна. Слабую сторону ея составлялъ мостъ; но первые Говэны построили ее безъ моста, и въ нее можно было попасть только по временнымъ мосткамъ, которые нетрудно было перерубить немногими ударами топора. Покуда Говэны были виконтами, они довольствовались и этимъ; но когда они сдѣлались маркизами и промѣняли свою берлогу на придворную жизнь, они перекинули черезъ потокъ мостъ, и тѣмъ сдѣлали возможнымъ доступъ къ зàмку со стороны равнины, подобно тому же, какъ они открыли для самихъ себя доступъ ко двору. Герцоги семнадцатаго вѣка точно такъ же мало дорожили неприступностью, какъ герцогини восемнадцатаго. Вмѣсто того, чтобы брать примѣръ съ своихъ предковъ, они стали копировать Версаль.

Противъ самой башни, съ западной стороны, была довольно значительная плоская возвышенность, замыкавшая собою долину; она тянулась почти до самой башни и отдѣлялась отъ нея только очень глубокимъ рвомъ, составлявшимъ русло рѣчонки, впадавшей въ Куэнонъ. Мостъ, соединявшій цитадель съ плоскою возвышенностью, былъ перекинутъ черезъ нее на высокихъ быкахъ; на немъ выстроено было, какъ и въ Шенонсо, зданіе, въ стилѣ Мансара, болѣе удобное для жилья, чѣмъ самая башня. Но въ тѣ времена нравы были очень суровы, и феодалы сохранили обыкновеніе жить въ своихъ башняхъ въ помѣщеніяхъ, скорѣе похожихъ на темницы, чѣмъ на барскіе покои. Что касается зданія на мосту, представлявшаго собою тоже нѣчто въ родѣ маленькаго зàмка, то нижній этажъ его

былъ какъ бы гауптвахтой; надъ этой гауптвахтой была библіотека, а надъ библіотекой — чердакъ. Длинныя и узкія окна, съ маленькими рамами, въ которыя было вставлено богемское стекло, четырехугольные столбы въ простѣнкахъ между окнами, рѣзные медальоны на стѣнкахъ; три яруса: внизу—бердыши и ружья, посрединѣ — книги, наверху — кули овса; все это было нѣсколько дико, но вмѣстѣ съ тѣмъ характерно.

Сосѣдняя башня имѣла видъ мрачный. Она господствовала надъ этой изящной постройкой своими суровыми очертаніями. Съ верхней площадки ея можно было обстрѣливать мостъ. Оба эти зданія составляли скорѣе рѣзкій контрастъ, чѣмъ одно цѣлое. Самые архитектурные стили ихъ нисколько не были похожи одинъ на другой. Хотя, казалось бы, два полукруга должны быть схожи, но между классическимъ архивольтомъ и романскимъ полукругомъ существуетъ громадная разница. Эта башня, настоящее мѣсто которой было бы въ темномъ бору, являлась довольно странной сосѣдкой для этого моста, который хоть сейчасъ переноси въ Версаль. Можно ли представить себѣ Алана-Всклоченную-Бороду, шествующаго подъ руку съ Людовикомъ XIV? Все вмѣстѣ производило непріятное впечатлѣніе. Эти двѣ величественныя, каждая по-своему, постройки производили, стоя рядомъ, какой-то рѣзкій диссонансъ.

Съ стратегической точки зрѣнія, повторяемъ, мостъ дѣлалъ башню почти безоружной; онъ ее украшалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ослаблялъ; выигрывая въ красотѣ, она утрачивала въ силѣ. Этотъ мостъ ставилъ ее въ зависимость отъ плоской возвышенности. Оставаясь неприступной со стороны лѣса, она перестала быть такою со стороны равнины. Прежде она господствовала надъ возвышенностью, теперь послѣдняя господствовала надъ нею. Непріятелю, утвердившемуся тамъ, нетрудно было овладѣть мостомъ. Библіотека и чердакъ могли оказать пользу осаждавшимъ и вредъ осажденнымъ: библіотека и чердакъ схожи между собою въ томъ, что и книги и солома представляютъ собою превосходный горючій матеріалъ; для осаждающаго, надѣющагося извлечь для себя пользу изъ пожара, совершенно безразлично — сжечь ли Гомера или вязанку соломы, лишь бы горѣло. Французы доказали это нѣмцамъ, сжегши Гейдельбергскую библіотеку, а нѣмцы доказали это французамъ, сжегши библіотеку Страсбургскую. Итакъ, этотъ мостъ, соединенный съ Тургской башней, представлялся въ стратегическомъ отношеніи ошибкой; но при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ вида того, что, начиная съ семнадцатаго столѣтія, начиная съ Кольбера и Лувуа, виконты Говэны, точно такъ же, какъ князья Роганы и Ла-Тремуйли, не предполагали, чтобы имъ впослѣдствіи когда-нибудь пришлось выдерживать осаду. Несмотря на то, однакоже, строители моста приняли нѣкоторыя предосторожности. Во-первыхъ, они предвидѣли возможность пожара и потому подвѣсили подъ тремя окнами, обращенными внизъ по теченію рѣчки, въ горизонтальномъ положеніи, на крюкахъ, которые можно было еще видѣть полвѣка тому назадъ, спасательную лѣст-

ницу, достигавшую до земли. Во-вторыхъ, они предвидѣли возможность приступа, и потому они приняли мѣры къ тому, чтобы въ случаѣ нужды изолировать мостъ отъ башни, при помощи невысокихъ, но крѣпкихъ желѣзныхъ воротъ. Ворота эти, устроенныя съ перемычкой, запирались большимъ ключомъ, скрытымъ въ потайномъ мѣстѣ, извѣстномъ одному только хозяину; они были такъ крѣпко построены, что смѣло могли выдержать удары тарана и едва ли даже не пушечныхъ ядеръ. Приходилось переходить черезъ мостъ, чтобы добраться до этихъ воротъ, и черезъ эти ворота, чтобы проникнуть въ башню. Другого входа въ послѣднюю не существовало.

5.

Желѣзныя ворота.

Второй ярусъ мостового зȧмка соотвѣтствовалъ второму же ярусу башни, и для большей опасности на этой-то высотѣ и устроены были желѣзныя ворота.

Желѣзныя ворота эти открывались со стороны моста—въ библіотеку, а со стороны башни—въ большой залъ со сводами, съ громаднымъ каменнымъ столбомъ посрединѣ. Этотъ залъ, какъ уже сказано выше, составлялъ второй этажъ башни. Онъ былъ такой же круглый, какъ и вся башня; освѣщался онъ бойницами, выходившими въ равнину. Стѣны его, сложенныя изъ большихъ очень симметрично уложенныхъ камней, не были оштукатурены. Въ этотъ залъ вела продѣланная въ стѣнѣ витая лѣстница, что было совершенно естественно при толщинѣ стѣны въ 15 футовъ. Въ средніе вѣка приходилось брать городъ — улица за улицей, улицу — домъ за домомъ, домъ — покой за покоемъ, крѣпость — ярусъ за ярусомъ. Тургская башня была въ этомъ отношеніи построена чрезвычайно искусно, и ее нелегко было взять. Изъ одного яруса въ другой приходилось подниматься по узкой витой лѣстницѣ, двери были ниже роста человѣческаго и устроены вкось, такъ что въ нихъ приходилось протискиваться бокомъ и согнувшись; а входить къ осажденнымъ въ согнутомъ положеніи, значитъ рисковать получить ударъ по головѣ прежде, чѣмъ успѣешь выпрямиться; между тѣмъ, осаждающій могъ заранѣе быть увѣренъ, что у каждой изъ подобныхъ дверей его подкарауливаетъ осажденный.

Подъ круглымъ заломъ съ колоннами были два соотвѣтствующіе ему такіе же покоя въ двухъ нижнихъ этажахъ и три въ трехъ верхнихъ ярусахъ. Надъ этими шестью, лежавшими горизонтально другъ на другѣ покоями, была каменная площадка, которая составляла какъ бы крышу этого футляра и на которой стояла небольшая будка.

Около воротъ, со стороны моста, въ толщинѣ стѣны, была небольшая потайная дверь, которая вела въ коридоръ перваго этажа, проходившій подъ библіотекой. Это было еще немалое затрудненіе для осаждавшаго. Мостовое зданіе со стороны равнины предста-

вляло собою одну только отвѣсную стѣну, и мостъ здѣсь обрывался. Подъемный мостъ соединялъ его съ возвышенностью. Этотъ мостъ, представлявшій собою при опусканіи наклонную плоскость, будучи опущенъ, открывалъ доступъ прямо въ длинный коридоръ, или гауптвахту. Но даже овладѣвъ этимъ коридоромъ, осаждающій, для того чтобы добраться до желѣзныхъ воротъ, долженъ былъ прежде захватить открытой силой витую лѣстницу, которая вела во второй этажъ.

6.

Библіотека.

Что касается библіотеки, это была продолговатая комната, одинаковой длины и ширины съ мостомъ, въ которую вела одна только дверь—желѣзныя ворота. Фальшивая дверь, обитая зеленымъ сукномъ, маскировала изнутри входъ въ башню. Стѣны библіотеки во всю ширину и во всю вышину уставлены были стеклянными шкапами красиваго столярнаго стиля XVII столѣтія. Комнату освѣщали шесть большихъ оконъ, по три съ каждой стороны, по одному надъ каждой аркой. Сквозь эти окна снаружи, и даже съ вершины возвышенности, можно было разглядѣть внутренность библіотеки. Въ простѣнкахъ между окнами стояли на дубовыхъ рѣзныхъ тумбахъ шесть мраморныхъ бюстовъ—Ермолая Византійскаго, навкратическаго грамматика Атенея, Свиды, Казаубона, Хлодвига, короля Франціи, и канцлера его Анахала, который, впрочемъ, къ слову будь сказано, былъ такимъ же канцлеромъ, какимъ тотъ королемъ.

Въ библіотекѣ были самыя разнообразныя книги. Одна изъ нихъ заслуживала особаго вниманія. То былъ старинный фоліантъ съ гравюрами, на заглавномъ листѣ котораго было изображено крупными буквами: *Святой Варѳоломей*, а далѣе, болѣе мелкимъ шрифтомъ: *Евангеліе св. Варѳоломея, съ предисловіемъ Пантена, христіанскаго философа, по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли считать это евангеліе подлиннымъ, а св. Варѳоломея—тожественнымъ съ Наѳанаиломъ.* Книга эта, считавшаяся единственнымъ изъ существующихъ на свѣтѣ экземпляровъ, лежала на особомъ аналоѣ посреди библіотеки. Еще въ послѣднемъ столѣтіи многіе нарочно пріѣзжали сюда, чтобы взглянуть на эту рѣдкостную книгу.

7.

Чердакъ.

Что касается чердака, имѣвшаго, подобно библіотекѣ, продолговатую форму моста, то онъ представлялъ собою не что иное, какъ подкровельное пространство, наполненное овсомъ и сѣномъ и освѣщенное шестью небольшими оконцами. Въ немъ не было никакого иного украшенія, кромѣ статуи св. Варнавы, вырѣзанной на двери и подъ которой можно было прочесть слѣдующую подпись:

Святому Варнавѣ пріятно было водить косою по травѣ.

Итакъ, высокая и широкая шестиярусная башня, съ пробитыми кое-гдѣ бойницами, имѣвшая единственнымъ входомъ и выходомъ желѣзныя ворота, выходившія на мостъ и отдѣленныя отъ послѣдняго еще подъемнымъ мостомъ; позади башни—густой боръ, впереди ея — возвышенность, заросшая верескомъ, повыше моста и пониже башни; подъ мостомъ, между башней и возвышенностью, глубокій, узкій, заросшій кустарникомъ оврагъ, превращавшійся зимою въ потокъ, весною—въ ручей, лѣтомъ—въ каменистую канаву,—вотъ что такое представлялъ собою зāмокъ Туръ-Говэнъ, въ простонародьи извѣстный просто подъ именемъ Турга.

X.

Заложники.

Миновалъ іюль, наступилъ августъ. По Франціи пронеслось какое-то вѣяніе героизма и свирѣпости. Два привидѣнія только что мелькнули на горизонтѣ: Маратъ съ ножомъ въ боку и Шарлотта Кордэ безъ головы; все принимало ужасающія формы. Что касается Вандеи, то, потерпѣвъ пораженіе въ большой войнѣ, она стала ограничиваться войною малою, партизанскою, но какъ мы уже говорили выше, еще болѣе опасною. Война эта, такъ сказать, разсѣялась теперь по лѣсамъ. Большая вандейская «католическая и королевская» армія потерпѣла нѣсколько неудачъ; въ силу декрета конвента въ Вандею была послана Майнцская армія; восемь тысячъ вандейцевъ пали при Ансенисѣ; вандейцевъ прогнали изъ-подъ Нанта, изъ Монтегю, изъ Туара, съ острова Нуармутье, изъ Шолле, Мортаня и Сомюра; они уже не могли держаться въ Шатильонѣ; они вынуждены были очистить Портенэ, Клиссонъ, Шатильонъ; они потеряли знамя при Сентъ-Илерѣ, они были разбиты при Порникѣ, при Саблѣ, Фонтенэ, Дрэ, Шато-д'О, Понъ-де-Сэ, имъ угрожали въ Люсонѣ, ихъ тѣснили въ Ла-Шатеньерэ, обратили въ бѣгство подъ Рошъ-сюръ-Йономъ. Но зато, съ другой стороны, они угрожали Ла-Рошели, а въ Гернсейскихъ водахъ стоялъ англійскій флотъ подъ начальствомъ адмирала Крэга, на которомъ, кромѣ довольно значительнаго числа французскихъ морскихъ офицеровъ, былъ десантъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ англійскихъ полковъ, который ждалъ только сигнала маркиза Лантенака, чтобы высадиться на берегъ. Эта высадка могла возвратить побѣду роялистскому возстанію. Питтъ былъ человѣкъ коварный. Впрочемъ, коварство составляетъ такую же часть политики, какъ кинжалъ составляетъ часть полнаго вооруженія. Питтъ заносилъ кинжалъ надъ нашей страной и измѣнялъ своей, ибо безчестить свое отечество, значитъ измѣнять ему; при немъ и благодаря ему Англія вела своего рода пуническія войны: она шпіонила, обманывала, лгала; она не брезгала браконьерами и фальшивыми монетчиками; она дѣлалась мелочною въ своей ненависти; такъ, напр., она захватывала всюду, гдѣ только было возможно, французское сало, стоившее пять франковъ фунтъ. Въ Лиллѣ за-

хваченъ былъ одинъ англичанинъ, при которомъ нашли письмо Прайджента, агента Питта въ Вандеѣ, содержавшее въ себѣ, между прочимъ, слѣдующія строки:

«Прошу васъ не жалѣть денегъ. Мы надѣемся на то, что убійства будутъ совершаться съ должной осторожностью. Переодѣтые священники и женщины наиболѣе пригодны для этой цѣли. Пошлите шестьдесятъ тысячъ фунт. стерл. въ Руанъ и пятьдесятъ тысячъ въ Каэнъ».

Письмо это было прочитано Барѐромъ въ засѣданіи конвента 1 августа. Отвѣтомъ на это коварство служили жестокости Паррена и позднѣе варварства Каррье. Мецскіе и марсельскіе республиканцы требовали, чтобы имъ позволили итти противъ бунтовщиковъ. Особымъ декретомъ конвента повелѣно было сформировать двадцать четыре роты піонеровъ для спасенія всѣхъ изгородей и заборовъ въ Бретани. Словомъ, былъ неслыханный кризисъ. Война прекращалась на одномъ пунктѣ только для того, чтобы возобновиться на другомъ. «Не давать пощады! Не брать плѣнныхъ!» раздавалось съ обѣихъ сторонъ. Ужасная и мрачная страница исторіи!

Въ августѣ мѣсяцѣ Ла-Тургскій за̀мокъ подвергся осадѣ. Однажды вечеромъ, когда уже засвѣтились звѣзды, среди полусвѣта ясной лѣтней ночи, когда въ воздухѣ было такъ тихо, что не шелестилъ ни одинъ листъ въ лѣсу, не колебалась ни одна былинка на лугу, среди тишины надвигавшейся ночи вдругъ раздался звукъ трубы. Раздался онъ съ верхушки башни. Отвѣтомъ на этотъ звукъ былъ звукъ рожка, раздавшійся у подножія башни.

На башнѣ стоялъ одинъ только вооруженный человѣкъ; внизу, у ея подножья, былъ цѣлый лагерь. Среди темноты, окутывавшей Туръ-Говенъ, можно было различить какія-то двигающіяся по разнымъ направленіямъ черныя фигуры. Оказалось, что здѣсь разбитъ былъ бивуакъ. Кое-гдѣ, подъ деревьями бора и среди вереска плоской возвышенности, зажигались огни, издали похожіе на свѣтляковъ, какъ будто земля, завидуя небу, тоже пожелала засвѣтиться звѣздами — печальными звѣздами войны и разрушенія. Со стороны возвышенности лагерь раскидывался до самой долины, а со стороны лѣса углублялся въ чащу. Оказывается, Ла-Тургскій замокъ былъ обложенъ со всѣхъ сторонъ. Количество бивуачныхъ огней показывало, что число осаждающихъ было дово̀льно значительно. Бивуакъ тѣсно обложилъ цитадель, простираясь со стороны башни до самой скалы, а со стороны моста до самаго рва.

Вторично раздался звукъ трубы, которому вторилъ звукъ рожка. Труба, очевидно, спрашивала, а рожокъ отвѣчалъ. Черезъ посредство трубы башня спрашивала бивуакъ: «Можно ли переговорить съ вами?», а лагерь отвѣчалъ при посредствѣ рожка: «Да».

Въ тѣ времена, такъ какъ конвентъ отказался признавать вандейцевъ воюющей стороной и такъ какъ декретомъ конвента запрещено было сноситься съ «разбойниками» черезъ парламентеровъ, то приходилось прибѣгать къ разнымъ обходнымъ путямъ

для сношеній, допускаемыхъ международнымъ правомъ при обыкновенной войнѣ, но не допускаемой при войнѣ междоусобной. Поэтому и приходилось прибѣгать къ такимъ изворотамъ, какъ, напр., къ діалогу между крестьянской трубой и военнымъ рожкомъ. Первый сигналъ имѣлъ только цѣлью вызвать вниманіе противной стороны, второй ставилъ вопросъ: «Желаете ли вы слушать?» Если на этотъ второй сигналъ рожокъ не давалъ отвѣта, то это означало отказъ, если же онъ отвѣчалъ, то это означало согласіе или, другими словами, перемиріе на нѣсколько минутъ.

Такъ какъ рожокъ отвѣтилъ на второй сигналъ, то человѣкъ, стоявшій на верхушкѣ башни, заговорилъ. Вотъ что услышали люди, бывшіе внизу, въ бивуакѣ:

«Слушайте меня! Я—Гужъ-ле-Брюанъ, по прозванію «Истребитель синихъ», потому что я отправилъ на тотъ свѣтъ многихъ изъ вашихъ, а также «Иманусъ», «Лѣшій», потому что я истреблю ихъ еще большее число, чѣмъ истребилъ до сихъ поръ. При нападеніи нашемъ на Гранвилль кто-то изъ вашихъ отрубилъ мнѣ палецъ сабельнымъ ударомъ, а въ Лавалѣ вы казнили на гильотинѣ моего отца, мою мать и мою восемнадцатилѣтнюю сестру Жаклину. Вотъ кто я!

«Я обращаюсь къ вамъ отъ имени господина маркиза Говэна-де-Лантенака, виконта Фонтенэ, бретонскаго князя, владѣтеля семи лѣсовъ, моего господина.

«Знайте, во-первыхъ, что г. маркизъ, прежде чѣмъ запереться въ этой башнѣ, въ которой вы его держите въ осадѣ, поручилъ веденіе военныхъ дѣйствій шести предводителямъ, своимъ помощникамъ: онъ оставилъ Дельера въ мѣстности между Брестской и Эрнейской дорогами; Третона—въ мѣстности между Ла-Роэ и Лавалемъ; Жакэ, по прозванію Тайльфера, — на границѣ Верхне-Мэнской провинціи; Голье, по прозванію Гранъ-Пьера,—въ Шато-Гонтье; Леконта — въ Краонѣ, Дюбуа-Гюи — въ Фужерѣ, а всю Майенскую провинцію онъ поручилъ г. Рошамбо. Такимъ образомъ вы ничего не выиграете, взявши эту цитадель, и даже если г. маркизъ умретъ, Вандея, преданная Богу и королю, не умретъ.

«Я счелъ нужнымъ предупредить васъ объ этомъ. Г. маркизъ здѣсь, возлѣ меня; я лишь передаю его собственныя слова. А теперь не шумите и слушайте, что я вамъ скажу дальше.

«Не забывайте того, что война, которую вы ведете противъ насъ— война несправедливая. Мы, мирные обитатели нашей провинціи, сражаемся честно; мы люди простые и безхитростные; мы живемъ по-божески и никого не трогаемъ. На насъ напала республика, она потревожила насъ въ нашихъ селеніяхъ, она сожгла наши дома и жатвы, разрушила наши мызы, и наши жены и дѣти вынуждены были босикомъ бродить по лѣсамъ, когда еще не наступала весна.

«Вы, слушающіе меня, вы точно звѣрей преслѣдовали насъ въ лѣсу и теперь осаждаете насъ въ этой башнѣ; вы убили или разогнали тѣхъ, кто присоединился къ намъ; вы имѣете при себѣ артиллерію; вы присоединили къ вашему отряду гарнизоны Мортена, Барантона, Тельеля, Ландови, Эврана, Тентеніака и Витрэ, такъ что васъ всѣхъ, нападающихъ на насъ, здѣсь не

менѣе четырехъ съ половиною тысячъ человѣкъ, а насъ защищающихся здѣсь, всего девятнадцать человѣкъ. Но у насъ достаточно съѣстныхъ и военныхъ припасовъ.

«Вамъ удалось подвести мину и взорвать часть нашей скалы и часть нашей стѣны. Такимъ образомъ, въ башнѣ образовалось отверстіе, брешь, въ которую вы можете войти, хотя она и очень узка и хотя надъ нею все еще высится грозная, несокрушимая башня.

«Теперь вы готовитесь къ приступу. Но мы—во-первыхъ, г. маркизъ, бретонскій князь и свѣтскій пріоръ аббатства св. Маріи въ Лантенакѣ, въ которое королева Іоанна внесла вкладъ на вѣчное поминовеніе съ тѣмъ, чтобы тамъ каждый день неукоснительно служилась обѣдня, и другіе защитники башни, въ томъ числѣ г. аббатъ Тюрмо, иначе называемый Гранъ-Франкеръ, товарищъ мой Гинуазо, начальникъ Зеленаго лагеря, другой мой товарищъ Зимній Пѣвецъ, начальникъ Овсянаго лагеря, товарищъ мой Ла-Мюзентъ, начальникъ Муравьинаго лагеря, и я, крестьянинъ, уроженецъ Даона на рѣчкѣ Моріандрѣ, — мы всѣ объявляемъ вамъ слѣдующее. Прислушайтесь!

«Въ нашихъ рукахъ находятся три плѣнника — трое дѣтей. Дѣти эти усыновлены однимъ изъ вашихъ батальоновъ, значитъ, это — ваши дѣти. Мы предлагаемъ возвратить вамъ этихъ трехъ дѣтей, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы вы предоставили намъ свободный выходъ изъ башни.

«Если вы откажетесь отъ этого нашего предложенія, то слушайте: Вы можете атаковать башню только двоякимъ образомъ,— или черезъ проломъ, со стороны лѣса, или черезъ мостъ, со стороны холма. Зданіе на мосту—трехъярусное. Въ нижній этажъ я, Иманусъ, говорящій съ вами, велѣлъ поставить шесть бочекъ смолы и сто пуковъ сухого вереска; въ верхнемъ этажѣ навалена солома, а въ среднемъ хранятся книги и бумаги. Желѣзныя ворота между мостомъ и башней заперты и ключъ отъ нихъ у г. маркиза; я же просверлилъ въ полу подъ воротами отверстіе и провелъ черезъ него пропитанный сѣрою фитиль, одинъ конецъ котораго опущенъ въ одну изъ смоляныхъ бочекъ, а другой—находится у меня подъ рукою, въ самой башнѣ, и я могу зажечь его, когда мнѣ заблагоразсудится. Если вы откажетесь насъ выпустить, мы помѣстимъ троихъ дѣтей во второй этажъ мостового зданія, между ярусомъ, въ который проведенъ фитиль и гдѣ хранится смола, и тѣмъ—въ которомъ сложена солома, и затѣмъ мы запремъ за ними желѣзныя ворота. Если вы поведете атаку со стороны моста, то вы сами подожжете зданіе; если вы поведете ее со стороны пролома, то его подожжемъ мы; а если вы поведете ее одновременно и со стороны моста и со стороны пролома, мы подожжемъ его сообща; но во всякомъ случаѣ трое дѣтей погибнутъ.

«Теперь отъ васъ зависитъ — принять наше предложеніе или отвергнуть его. Если вы его примете, мы немедленно уходимъ; если вы его отвергнете, дѣти умрутъ. Выбирайте!»

Человѣкъ, говорившій съ высоты башни, замолкъ. Снизу раздался голосъ:

— Мы отказываемся.

Голосъ этотъ былъ рѣшителенъ и рѣзокъ. Другой голосъ, менѣе рѣзкій, но тоже твердый, присовокупилъ:

— Мы даемъ вамъ сроку двадцать четыре часа для безусловной сдачи.

Наступило молчаніе. Наконецъ тотъ же голосъ продолжалъ:

— Если завтра, въ этотъ часъ, вы не сдадитесь, мы поведемъ противъ васъ приступъ.

— И тогда не будетъ пощады,—присовокупилъ первый голосъ.

На этотъ рѣзкій голосъ отозвался другой голосъ съ высоты башни. Между двухъ зубцовъ ея просунулась высокая фигура, въ которой при свѣтѣ звѣздъ можно было узнать грозную фигуру маркиза Лантенака, и фигура эта, какъ бы ища кого-то въ темнотѣ, воскликнула:

— Какъ, это ты, попъ?

— Да, это я, измѣнникъ! — отвѣтилъ снизу грубый и рѣзкій голосъ.

XI.

Ужасы войны.

Рѣзкій голосъ, дѣйствительно, былъ голосъ Симурдэна; болѣе молодой и мягкій голосъ былъ голосъ Говэна. Маркизъ Лантенакъ не ошибся, признавъ въ первомъ говорившемъ аббата Симурдэна.

Въ теченіе немногихъ недѣль въ этой странѣ, которую междоусобная война всю залила кровью, Симурдэнъ успѣлъ пріобрѣсти громкую извѣстность, но извѣстность самаго мрачнаго свойства. Про него говорили: «Симурдэнъ въ Вандеѣ будетъ почище Марата въ Парижѣ и Шалье въ Ліонѣ». Аббата Симурдэна настолько же порицали теперь, насколько его прежде уважали: надѣтая наизнанку священническая ряса всегда производитъ такое дѣйствіе. Симурдэнъ наводилъ на всѣхъ ужасъ. Люди слишкомъ строгіе, въ сущности, несчастные люди, ихъ осуждаютъ на основаніи ихъ поступковъ; но тотъ, кто могъ бы взглянуть въ ихъ душу, быть-можетъ, оправдалъ бы ихъ. Непонятый Ликургъ можетъ показаться Тиверіемъ. Какъ бы то ни было, два человѣка, маркизъ Лантенакъ и аббатъ Симурдэнъ склоняли одинаково низко каждый на свою сторону чашку вѣсовъ ненависти: проклятія, расточаемыя роялистами по адресу Симурдэна, составляли должный противовѣсъ ненависти, которую питали республиканцы къ Лантенаку. Каждый изъ этихъ двухъ людей считался въ противномъ лагерѣ чудовищемъ, такъ что въ то самое время, когда марнскій депутатъ назначалъ въ Гранвиллѣ награду за голову Лантенака, Шарретъ назначалъ въ Нуармутье награду за голову Симурдэна.

А между тѣмъ оба эти человѣка, маркизъ и аббатъ, составляли въ извѣстномъ смыслѣ только одного человѣка. У мѣдной маски междоусобной войны два профиля; одинъ изъ нихъ обращенъ къ прошедшему, другой — къ будущему, при чемъ, однако, они оба одинаково ужасны. Лантенакъ былъ однимъ изъ этихъ профилей, Симурдэнъ — другимъ; съ тою только разницею, что на ужасномъ

обликѣ Лантенака лежали исключительно мракъ и тѣнь, а на зловѣщемъ лицѣ Симурдэна отсвѣчивалась утренняя заря.

Такимъ образомъ осажденная Тургская башня добилась отсрочки въ двадцать четыре часа. Благодаря вмѣшательству Говэна, какъ видѣлъ читатель, военныя дѣйствія были пріостановлены на этотъ срокъ. Гужъ-де-Брюанъ, какъ оказалось, имѣлъ совершенно точныя свѣдѣнія: благодаря стараніямъ Симурдэна, подъ начальствомъ Говэна теперь, дѣйствительно, было четыре тысячи пятьсотъ человѣкъ, частью линейныхъ солдатъ, частью національныхъ гвардейцевъ, съ которыми онъ и осадилъ Лантенака въ Ла-Тургѣ; кромѣ того, у него было двѣнадцать орудій, изъ которыхъ онъ поставилъ шесть у опушки лѣса, направивъ ихъ на самую башню, а шесть — на возвышенности съ другой стороны, направивъ ихъ противъ мостового укрѣпленія. Кромѣ того, ему удалось подвести мину и расширить брешь у подножія башни.

Поэтому, по истеченіи суточнаго срока перемирія, борьба должна была возобновиться при слѣдующихъ условіяхъ: на холмѣ и въ лѣсу стояли четыре тысячи пятьсотъ республиканцевъ; въ башнѣ было девятнадцать роялистовъ, имена которыхъ, въ случаѣ желанія, можно было бы возстановить на основаніи публикацій, объявлявшихъ ихъ стоящими внѣ закона. Мы, впрочемъ, быть-можетъ, еще встрѣтимся съ ними.

Симурдэнъ желалъ, чтобы Говэнъ, поставленный во главѣ такого значительнаго отряда, почти цѣлой небольшой арміи, былъ произведенъ въ генералы; но тотъ отказался, сказавъ: «Когда Лантенакъ будетъ захваченъ, тогда посмотримъ. Покуда я еще не заслужилъ этого отличія». Впрочемъ, въ нравахъ республики было поручать команду надъ значительными силами офицерамъ, состоящимъ въ сравнительно невысокихъ чинахъ. Еще нѣсколько лѣтъ спустя, Бонапартъ, командуя цѣлой арміей въ Италіи, состоялъ въ чинѣ артиллерійскаго майора.

Странная судьба выпала на долю замка Туръ-Говэнъ: одинъ Говэнъ его защищалъ, другой нападалъ на него. Этимъ можетъ быть объяснена нѣкоторая сдержанность атаки, но отнюдь не защиты, такъ какъ Лантенакъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые ничего не щадятъ; къ тому же онъ почти всю свою жизнь прожилъ въ Версали и относился очень равнодушно къ Тургу, котораго онъ почти совсѣмъ не зналъ. Онъ просто пришелъ сюда искать убѣжища, будучи тѣснимъ со всѣхъ сторонъ,— вотъ и все, но онъ ни на одну минуту не задумался бы въ случаѣ надобности его срыть. Говэнъ, напротивъ, относился къ старому замку съ большой почтительностью.

Слабый пунктъ этой небольшой крѣпостцы составлялъ мостъ. Но въ библіотекѣ, находившейся на мосту, хранились семейные архивы; если повести съ этой стороны приступъ, невозможно было бы избѣжать пожара; а Говэну казалось, что сжечь архивы, значило бы оскорбить своихъ предковъ. Тургъ былъ однимъ изъ самыхъ старинныхъ замковъ въ Бретани; отъ него зависѣли всѣ бретанскіе лены, подобно тому, какъ въ средніе вѣка всѣ

французскіе лены зависѣли отъ Луврскаго замка. Кромѣ того, Говэна связывали съ этимъ замкомъ семейныя воспоминанія: онъ здѣсь родился и выросъ. И вотъ извилистыя случайности жизни заставили его, взрослаго человѣка, нападать на эти почтенныя стѣны, которыя охраняли его, когда онъ былъ ребенкомъ. Неужели же онъ до того простретъ свою непочтительность къ этому зданію, что превратитъ его въ прахъ и пепелъ? Быть-можетъ, въ какомъ-нибудь углу чердака стоитъ еще колыбель, въ которой онъ, Говэнъ, лежалъ, когда былъ младенцемъ. Воспоминанія часто бываютъ способны растрогать человѣка, и Говэнъ, въ виду этого стариннаго дома, его фамильной собственности, былъ растроганъ. Поэтому-то онъ и пощадилъ мостъ и ограничился тѣмъ, что устранилъ возможность всякой вылазки или бѣгства въ эту сторону, наведя на мостъ батарею; для атаки же онъ избралъ противоположную сторону, подведя подкопъ и мину подъ самое основаніе башни.

Симурдэнъ предоставилъ ему поступать по-своему: но въ душѣ онъ былъ недоволенъ имъ, относясь въ высшей степени равнодушно и даже пренебрежительно ко всему этому «старому, готическому хламу», и столь же мало допуская снисхожденіе къ зданіямъ, какъ и къ людямъ. Щадить замокъ, это, по его мнѣнію, значило выказывать слабость; а слабость характера, по мнѣнію Симурдэна, была однимъ изъ главныхъ недостатковъ Говэна, и онъ, внимательно наблюдая за нимъ, всячески старался остановить его на этой, крайне опасной на его взглядъ, наклонной плоскости. Однако онъ самъ,—и онъ долженъ былъ самъ себѣ сознаться въ томъ не безъ досады, — почувствовалъ нѣкоторое волненіе при видѣ Тургскаго замка, этой библіотеки, изъ которой онъ бралъ первыя книги, по которымъ онъ училъ читать Говэна. Онъ былъ сельскимъ священникомъ въ сосѣднемъ приходѣ Паринье; онъ самъ, Симурдэнъ, жилъ долгое время во флигелѣ на мосту; въ этой самой библіотекѣ онъ, держа у себя на колѣняхъ Говэна, училъ его азбукѣ: среди этихъ старыхъ стѣнъ онъ видѣлъ своего возлюбленнаго воспитанника, своего духовнаго сына, растущимъ и развивающимся физически и духовно. Неужели онъ разрушитъ и сожжетъ эту библіотеку, этотъ мостовой флигель, эти стѣны, среди которыхъ, казалось, еще раздавались благословенія, призываемыя имъ на ребенка? Нѣтъ, онъ рѣшился ихъ пощадить, хотя и не безъ угрызеній совѣсти.

Онъ предоставилъ Говэну вести осаду съ противоположной стороны. Тургскій замокъ имѣлъ свою дикую сторону—башню, и свою цивилизованную сторону — библіотеку. Симурденъ рѣшилъ, что атака должна вестись только съ первой изъ этихъ сторонъ.

Вообще, это старое зданіе, защищаемое однимъ изъ Говэновъ и атакуемое другимъ Говэномъ, еще въ эпоху французской революціи какъ будто жило старой феодальной жизнью. Вся средняя исторія состоитъ изъ разсказовъ о войнахъ между родственниками. Этеоклы и Полиники настолько же греки, насколько и готы. Гамлетъ совершилъ въ Эльсинорскомъ замкѣ то же самое, что Орестъ въ Аргосѣ.

XII.

Мѣры для возможнаго спасенія дѣтей.

Вся ночь проведена была и съ той и съ другой стороны въ приготовленіяхъ.

Какъ только окончились вышеприведенные переговоры, Говэнъ тотчасъ же позвалъ къ себѣ своего помощника. Гешанъ, о которомъ уже была рѣчь выше, былъ человѣкъ довольно дюжинный, честный, храбрый, созданный больше для повиновенія, чѣмъ для командованія, понятливый до тѣхъ поръ, пока это нужно начальству, безстрастный, неподкупный, не способный войти въ сдѣлку съ своею совѣстью. Движенія его души и сердца регулировались чувствомъ долга и дисциплины, подобно тому, какъ движенія пугливой лошади регулируются прикрѣпленными съ обѣихъ сторонъ ея головы наглазниками, для того, чтобы она могла смотрѣть только прямо передъ собою, а не по сторонамъ, и онъ поэтому и шелъ впередъ все по прямой линіи, не озираясь по сторонамъ. Шелъ-то онъ прямо, но по очень узкой дорогѣ. Впрочемъ, это былъ человѣкъ вполнѣ надежный, въ роли начальника—строгій, въ роли подчиненнаго—послушный.

— Гешанъ, намъ нужна лѣстница,—обратился къ нему Говэнъ, какъ только онъ вошелъ.

— Г. полковникъ, у насъ нѣтъ лѣстницъ.

— Но она намъ необходима. Не штурмовая лѣстница, а спасательная.

— Понимаю,—отвѣтилъ Гешанъ, подумавъ немного.—Но для того, чего вы желаете, нужна очень высокая лѣстница.

— Да, такая, которая хватала бы, по крайней мѣрѣ, до третьяго этажа.

— Точно такъ, г. полковникъ, такой приблизительно высоты она должна быть.

— И даже на всякій случай еще выше того. Но какъ же случилось такъ, что у васъ нѣтъ лѣстницы?

— Да вотъ видите ли, г. полковникъ, вы не заблагоразсудили осадить Тургъ со стороны плоской возвышенности, а ограничились съ этой стороны блокадой; вы пожелали атаковать замокъ не со стороны моста, а со стороны башни. Поэтому все вниманіе было обращено на подкопъ, и никто и не думалъ о возможности взлѣзать на стѣну. Вотъ почему мы и не заготовили лѣстницъ.

— Ну, такъ велите сейчасъ сдѣлать лѣстницу.

— Лѣстницу, которая хватала бы до третьяго этажа, нельзя соорудить такъ скоро.

— Въ такомъ случаѣ велите связать вмѣстѣ нѣсколько короткихъ лѣстницъ.

— Да и короткихъ-то лѣстницъ не такъ-то легко найдешь. Крестьяне всюду уничтожаютъ лѣстницы, подобно тому, какъ они снимаютъ съ колесъ телѣги и разрушаютъ мосты.

— Это вѣрно! Они думаютъ парализовать тѣмъ республику.

— Они желаютъ лишить насъ возможности имѣть при себѣ обозъ, перейти черезъ рѣку, взобраться на стѣну.

— Однако, мнѣ во что бы то ни стало нужна лѣстница.

— Вотъ что я придумалъ, г. полковникъ; въ Жавенэ, близъ Фужера, есть большая плотничная мастерская. Тамъ можно будетъ сдѣлать лѣстницу.

— Но вѣдь намъ нельзя терять ни одной минуты.

— А къ какому времени вамъ нужна лѣстница?

— Завтра, къ этому часу,—самое позднее.

— Я сейчасъ пошлю въ Жавенэ нарочнаго съ приказаніемъ непремѣнно изготовить лѣстницу къ завтрашнему дню. Въ Жавенэ стоитъ кавалерійскій патруль, который можетъ доставить ее сюда. Завтра, до заката солнца, лѣстница будетъ здѣсь.

— Хорошо, это будетъ не поздно,—сказалъ Говэнъ,—но только поторопитесь. Ступайте!

Десять минутъ спустя Гешанъ вернулся и сказалъ Говэну:

— Г. полковникъ, нарочный поскакалъ въ Жавенэ.

Говэнъ взошелъ на плоскую возвышенность и долго смотрѣлъ оттуда на мостъ и на стоявшее поперекъ его зданіе. Щипецъ этого зданія, не имѣвшаго съ этой стороны иного входа, кромѣ низенькихъ воротъ, закрытыхъ въ это время поднятымъ подъемнымъ мостомъ, выходилъ на обрывъ оврага. Для того, чтобы добраться съ холма до устоевъ моста, нужно было спуститься съ этого обрыва, что не представлялось невозможнымъ, такъ какъ можно было цѣпляться за кусты. Но разъ спустившись въ ровъ, нападающій былъ совершенно беззащитенъ противъ разныхъ метательныхъ снарядовъ, которые могли сыпаться на него изъ всѣхъ трехъ ярусовъ зданія. Это привело Говэна къ окончательному убѣжденію, что при настоящемъ положеніи осады приступъ можетъ быть поведенъ только черезъ проломъ въ башнѣ.

Онъ принялъ мѣры къ тому, чтобы сдѣлать всякое бѣгство изъ замка невозможнымъ. Онъ сдѣлалъ блокаду Турга еще тѣснѣе; онъ разставилъ свои батальоны такъ, чтобы сквозь ихъ ряды никто не могъ проскочить. Говэнъ и Симурдэнъ распредѣлили между собою роли при предстоящей атакѣ крѣпости: Говэнъ взялся руководить атакой со стороны лѣса, а Симурдэну онъ предоставилъ начальствованіе со стороны холма. Рѣшено было, что тѣмъ временемъ, пока Говэнъ и Гешанъ поведутъ приступъ черезъ подкопъ, Симурдэнъ, зарядивъ всѣ орудія, поставленныя на холмѣ, будетъ наблюдать за оврагомъ и мостомъ.

XIII.

Что дѣлаетъ маркизъ.

Пока снаружи башни дѣлались приготовленія къ атакѣ, внутри ея дѣлались приготовленія къ оборонѣ. Не безъ основанія иногда башню до сравниваютъ съ бочкой; взрывъ мины способенъ сдѣлать башню до такой же степени негодной, какъ ударъ шиломъ бочку. Брешь въ стѣнѣ, это—то же, что дыра въ бочкѣ. Такая-то бѣда и

приключилась съ Тургской башней. Сильный ударъ шиломъ, данный двумя или тремя центнерами пороха, продырявилъ насквозь толстую стѣну. Отверстіе это шло отъ основанія башни, занимало почти всю толщу стѣны и кончалось безобразной аркой въ ея нижнемъ этажѣ. Кромѣ того, осаждающіе, для того, чтобы воспользоваться этимъ отверстіемъ на случай вылазки, расширили его съ помощью пушечныхъ ядеръ.

Нижній этажъ, который отчасти захватывалъ этотъ проломъ былъ занятъ залой — самой обширной комнатой во всей башнѣ, имѣвшей не менѣе сорока футовъ въ діаметрѣ. Во всѣхъ остальныхъ ярусахъ были совершенно одинаковыя комнаты, съ тою только разницею, что онѣ были снабжены бойницами, между тѣмъ какъ въ нижнемъ залѣ не было бойницъ; онъ не имѣлъ также и оконъ, такъ что въ немъ было темно, какъ въ могилѣ. Въ этотъ же залъ выходила дверь подземной темницы, обитая желѣзомъ. Другая дверь изъ залы выходила на лѣстницу, которая вела въ верхніе этажи. Всѣ эти лѣстницы были продѣланы въ самой толщѣ стѣны.

Въ этомъ залѣ было такъ душно, что въ немъ нельзя было провести и сутокъ, не рискуя задохнуться. Теперь, благодаря пролому, сюда проникало немного свѣжаго воздуха. Поэтому осажденные и не старались задѣлать проломъ. Да и къ чему бы это повело? Пушечныя ядра не замедлили бы образовать новый. Поэтому осаждающіе могли разсчитывать попасть сюда черезъ пробитый ими въ стѣнѣ проломъ. А разъ будетъ взята эта комната, не трудно будетъ взять и всю башню.

Осажденные вбили въ стѣну подфакельникъ, вставили въ него факелъ и освѣтили такимъ образомъ залъ.

Возникалъ вопросъ: какъ здѣсь защищаться? Положимъ, можно бы задѣлать отверстіе, но это было бы безполезно. Лучше было воспользоваться имъ для того, чтобы обстрѣливать наступающихъ. Они и устроили въ немъ нѣчто въ родѣ блокгауза, оставивъ небольшія отверстія для ружей. Уголъ этого импровизированнаго блокгауза опирался въ центральный столбъ, а обѣ стороны его— въ стѣну возлѣ пролома. Послѣ того въ подходящихъ мѣстахъ были размѣщены фугасы.

Маркизъ лично всѣмъ распоряжался съ замѣчательной энергіей. Онъ придумывалъ, приказывалъ, руководилъ и самъ помогалъ работать. Лантенакъ принадлежалъ къ числу тѣхъ генераловъ XVIII столѣтія, которые въ восемьдесятъ лѣтъ сохраняли еще юношескую бодрость и свѣжесть. Онъ походилъ на того графа Альберта, который, будучи почти восьмидесяти лѣтъ отроду, прогналъ изъ Риги польскаго короля.

— Не робѣйте, друзья!—говорилъ маркизъ.—Въ началѣ этого столѣтія, въ 1713 году, Карлъ XII, запершись въ Бендерахъ въ одномъ домѣ, держался съ тремястами шведовъ противъ двадцати тысячъ турокъ.

Устроены были баррикады въ двухъ нижнихъ этажахъ, двери были подперты крѣпкими бревнами, вбитыми съ помощью колотушекъ; пришлось только оставить свободнымъ проходъ по витой

лѣстницѣ, такъ какъ загородить ее для осаждающаго значило загородить ее въ то же время и для осажденныхъ. Защита укрѣпленій всегда имѣетъ какое-нибудь слабое мѣсто.

Маркизъ, неутомимый и дѣятельный, какъ молодой человѣкъ, показывалъ всѣмъ личный примѣръ, поднималъ и носилъ балки, помогалъ рабочимъ, приказывалъ, распоряжался, болталъ, шутилъ съ своими подчиненными, оставаясь, однако, все время аристократомъ, гордымъ—несмотря на фамильярность, изящнымъ—несмотря на простоту въ обращеніи. Нечего было и думать о томъ, чтобы возражать ему. Онъ съ самаго начала объявилъ спокойнымъ тономъ: «Если бъ одна половина изъ васъ взбунтовалась, я бы приказалъ другой разстрѣлять ее и сталъ бы защищать башню съ этой остальной половиной». Подобныя слова заставляютъ подчиненныхъ боготворить своего начальника.

XIV.

Что дѣлаетъ Иманусъ.

Тѣмъ временемъ, пока маркизъ распоряжался въ башнѣ и около пролома, Иманусъ распоряжался на мосту. Съ самаго начала осады спасательная лѣстница, подвѣшенная поперекъ наружной стѣны, подъ окнами второго этажа, была убрана по распоряженію маркиза и поставлена Иманусомъ въ библіотечной комнатѣ. Быть-можетъ, эту-то лѣстницу и желалъ замѣнить Говэнъ. Окна нижняго этажа, или гауптвахты, были защищены тройнымъ рядомъ желѣзныхъ полосъ, крѣпко вбитыхъ въ каменную стѣну, и этимъ путемъ не было ни входа ни выхода. Окна библіотеки не были защищены желѣзными полосами, но зато они находились на значительной высотѣ.

Иманусъ взялъ съ собою трехъ надежныхъ, энергичныхъ людей, а именно Уанара, по прозванію Золотая Вѣтка, и обоихъ братьевъ Пиканбуа. Онъ захватилъ глухой фонарь, отперъ желѣзныя ворота и тщательно осмотрѣлъ всѣ три этажа мостового зданія. Уанаръ былъ не менѣе рѣшителенъ и неумолимъ, чѣмъ Иманусъ, такъ какъ республиканцы убили у него брата.

Иманусъ осмотрѣлъ верхній этажъ, наполненный соломой и сѣномъ, и нижній этажъ, въ который онъ велѣлъ принести еще нѣсколько горшковъ съ угольями и поставить ихъ рядомъ съ смоляными бочками. Затѣмъ онъ велѣлъ подложить пуки сухого вереска къ самымъ бочкамъ и удостовѣрился въ томъ, что обмакнутый въ растворъ сѣры фитиль, одинъ конецъ котораго находился въ башнѣ, а другой на мосту, былъ въ исправномъ состояніи. Онъ вылилъ на полъ, подъ бочки и пуки вереска, часть смолы и обмакнулъ въ нее фитиль; затѣмъ онъ велѣлъ поставить въ библіотечномъ залѣ, какъ разъ надъ нижнимъ этажемъ, гдѣ была смола, и подъ верхнимъ, гдѣ была солома, три кровати, въ которыхъ глубокимъ, безмятежнымъ сномъ спали Рене-Жанъ, Аленъ, и Жоржетта. Кроватки перенесены были сюда съ величайшею осторожностью, для того, чтобы не разбудить малютокъ.

Это были обыкновенныя деревенскія люльки, плетеныя ивовыя корзины съ очень низкими стѣнками, которыя ставятся на полъ для того, чтобы ребенокъ одинъ, безъ чужой помощи, могъ выползти изъ нихъ. Подлѣ каждой люльки Иманусъ велѣлъ поставить по мискѣ супа и положить по деревянной ложкѣ. Спасательная лѣстница, снятая съ крюковъ, была положена на полу, вдоль стѣны. Иманусъ велѣлъ разставить люльки рядомъ вдоль другой стѣны, насупротивъ лѣстницы. Затѣмъ, сообразивъ, что сильная тяга воздуха можетъ оказаться полезной для его цѣлей, онъ распахнулъ настежь всѣ шесть оконъ библіотеки. Стояла ясная и теплая лѣтняя ночь.

Затѣмъ онъ послалъ братьевъ Пиканбуа отворить окна нижняго и верхняго этажей. Онъ замѣтилъ на восточномъ фасадѣ зданія раскидистый, старый, высохшій плющъ, цвѣта трута, покрывавшій почти всю стѣну съ этой стороны и обрамлявшій окна. Онъ подумалъ, что плющъ этотъ можетъ оказаться полезнымъ. Наконецъ Иманусъ окинулъ еще разъ все внимательнымъ взглядомъ, вышелъ изъ зданія со своими тремя спутниками и возвратился въ башню. Онъ заперъ желѣзныя ворота на два поворота ключа, внимательно осмотрѣлъ громадный, тяжелый замокъ, затѣмъ, съ довольнымъ видомъ, взглянулъ на фитиль, проходившій сквозь просверленную имъ въ воротахъ дыру и составлявшій отнынѣ единственный путь сообщенія между башней и мостовымъ зданіемъ. Фитиль этотъ шелъ отъ круглаго зала башни, проходилъ сквозь желѣзныя ворота, вдоль свода, спускался въ нижній этажъ, извиваясь по витой лѣстницѣ, проползалъ по полу коридора нижняго этажа и концомъ своимъ приходился какъ разъ въ лужу пролитой жидкой смолы и вороха сухого вереска. Иманусъ высчиталъ, что понадобится приблизительно съ четверть часа для того, чтобъ этотъ фитиль, подожженный внутри башни, зажегъ лужу дегтя подъ библіотечной комнатой. Произведя осмотръ и сдѣлавъ всѣ эти приготовленія, онъ принесъ обратно ключъ отъ желѣзныхъ воротъ маркизу Лантенаку, который сунулъ его въ карманъ.

Нужно было внимательно слѣдить за всѣми движеніями осаждающихъ. Иманусъ поднялся на вышку башни, со своимъ пастушьимъ рогомъ на поясѣ, и сталъ караулить, всматриваясь то направо, по направленію къ лѣсу, то налѣво, по направленію къ мосту. Подлѣ него, въ амбразурѣ стѣны, лежала пороховница, мѣшокъ изъ парусины, наполненный пулями, и кипа старыхъ газетъ, изъ которыхъ онъ, разрывая ихъ, дѣлалъ патроны.

Когда взошло солнце, оно освѣтило въ лѣсу восемь батальоновъ, выстроившихся съ примкнутыми штыками и готовыхъ сейчасъ же кинуться на приступъ; на плоской возвышенности—батарею пушекъ, съ зарядными ящиками, въ которыхъ были и ядра, и картечь; въ башнѣ—девятнадцать человѣкъ, заряжавшихъ мушкетоны, ружья, пистолеты и эспинголы; а въ трехъ люлькахъ—трехъ спящихъ дѣтей.

Книга третья.—ВАРѲОЛОМЕЕВСКАЯ РѢЗНЯ.

I.

Наконецъ, дѣти проснулись. Прежде всѣхъ проснулась маленькая Жоржетта.

Просыпающійся ребенокъ, это все равно, что распускающійся цвѣтокъ. Изъ этихъ невинныхъ душъ точно несется какое-то свѣжее благоуханіе.

Жоржетта, младшая изъ трехъ дѣтей, двадцатимѣсячный ребенокъ, которую еще не далѣе, какъ въ маѣ мѣсяцѣ, мать кормила грудью, приподняла свою головку, усѣлась въ своей люлькѣ, посмотрѣла на свои ножки и принялась болтать. Лучъ утренняго солнца падалъ на ея убогую кроватку; но трудно было бы сказать, у чего былъ нѣжнѣе розовый цвѣтъ—у утренней зари или у ножки ребенка.

Мальчики еще спали: сонъ у мужчины всегда бываетъ крѣпче. А Жоржетта, веселенькая и спокойная, болтала да болтала.

Рене-Жанъ былъ черноволосъ, у Гро-Алена волосы были каштановые, а у Жоржетты совершенно бѣлокурые. Эти оттѣнки волосъ являются обыкновенно у дѣтей сообразно ихъ возрасту и впослѣдствіи, съ годами, часто мѣняются. Рене-Жанъ похожъ былъ на маленькаго Геркулеса; онъ спалъ ничкомъ, подложивъ подъ лицо оба свои кулачка. Гро-Аленъ перекинулъ обѣ ноги за спинку своей люльки

Всѣ трое были одѣты въ лохмотья. Одежда, которою снабдилъ ихъ усыновившій ихъ батальонъ Красной Шапки, давно уже износилась. На нихъ не было даже и бѣлья; оба мальчика были почти голые, а на Жоржеттѣ было надѣто что-то такое, что когда-то представляло юбку, а теперь не похоже было даже на кофточку. Да и кому было заботиться объ этихъ дѣтяхъ? Некому. Матери у нихъ не было; а дикари-крестьяне, таскавшіе ихъ за собою изъ лѣса въ лѣсъ, удѣляли имъ часть своей пищи, но, конечно, не могли няньчиться съ ними. Малютки изворачивались, какъ умѣли. Всѣ ими командовали, но никто не замѣнялъ имъ отца. Но ребенокъ, даже и въ лохмотьяхъ, представляетъ свѣтозарное явленіе. Словомъ, дѣти эти были прелестны.

Жоржетта болтала. Болтовня ребенка, это—то же, что щебетаніе птички, это—тотъ же гимнъ,—невнятный, но возвышенный. Но ребенокъ имѣетъ передъ собою то, чего нѣтъ у птички,—мрачную судьбу человѣка. Отъ этого и происходитъ то, что взрослый человѣкъ не можетъ слышать безъ грусти веселаго пѣнія младенца. Самый возвышенный гимнъ, который можно услышать на землѣ, это—лепетъ человѣческой души на устахъ младенца. Это смутное шептаніе мысли, являющейся пока лишь инстинктомъ, содержитъ въ себѣ какъ бы призывъ къ вѣчной правдѣ: оно мо-

жетъ также являться протестомъ, скромнымъ и печальнымъ, прежде чѣмъ оно переступитъ черезъ порогъ жизни. Это невѣдѣніе, улыбающееся безконечности, какъ бы пріобщаетъ все сотворенное къ судьбѣ, готовящейся этому слабому, безоружному существу. Если случится несчастіе, оно явится злоупотребленіемъ довѣрія. Лепетъ ребенка, это—въ одно и то же время и больше и меньше, чѣмъ человѣческое слово. Это не ноты, и въ то же время это пѣніе; это не слова, и въ то же время это языкъ; лепетъ этотъ начинается на небѣ, но не кончается на землѣ; онъ начинается еще раньше рожденія ребенка и продолжается долго послѣ него. Этотъ лепетъ состоитъ изъ того, что говорилъ ребенокъ, когда онъ былъ еще ангеломъ, и изъ того, что онъ скажетъ, когда станетъ человѣкомъ. У колыбели есть свой вчерашній день, подобно тому, какъ у могилы есть день завтрашній; вчерашній и завтрашній дни сливаютъ въ этомъ щебетаніи свое темное неизвѣстное; и ничто лучше не доказываетъ существованія Бога, вѣчности, отвѣтственности, двойственности судьбы, чѣмъ эта печальная тѣнь въ этой розовой душѣ.

То, что лепетала Жоржетта, очевидно, не печалило ея, такъ какъ все ея милое личико улыбалось: улыбались ея губки, улыбались глазки, улыбались ямочки на щечкахъ. Эта сплошная дѣтская улыбка была какъ бы привѣтомъ зарождающемуся утру. Душа любитъ свѣтъ. Небо было голубое, солнце ярко свѣтило, въ воздухѣ было тепло. Это слабое созданьице, ничего не зная, ничего не соображая, ничего не понимая, безсознательно мечтало, чувствовало себя въ полнѣйшей безопасности среди этихъ честныхъ деревьевъ, среди этой искренней зелени, среди этой чистой и мирной природы, среди мягкаго и пріятнаго шума ручейковъ, листвы, насѣкомыхъ, пташекъ, надъ которыми ярко сіяло невинное, радостное солнце.

Вслѣдъ за Жоржеттой проснулся старшій, «большой» ея братъ— четырехлѣтній Рене-Жанъ. Онъ вскочилъ въ кровати на ножки, перешагнулъ черезъ спинку кровати, увидѣлъ свою миску, нашелъ это вполнѣ естественнымъ, усѣлся на полу и принялся за свой завтракъ. Болтовня Жоржетты не въ состояніи была разбудить младшаго изъ мальчиковъ, толстяка Гро-Алена; но стукъ ложки о миску заставилъ его открыть глаза и усѣсться въ кроваткѣ. Гро-Алену было три года отроду. Онъ увидѣлъ и свою миску, протянулъ ручонку и, не вылѣзая изъ кроватки, поставилъ миску къ себѣ на колѣни, взялъ въ кулачокъ ложку и, слѣдуя примѣру старшаго брата, принялся ѣсть.

Жоржетта ихъ не слушала и продолжала что-то мурлыкать себѣ подъ носъ. Широко открывъ глазенки, она смотрѣла куда-то наверхъ; что́ бы ни было надъ головою ребенка, потолокъ или сводъ, въ глазахъ его постоянно отражается небо.

Рене-Жанъ опорожнилъ свою миску, выскребъ дно ея ложкой, вздохнулъ и проговорилъ серьезнымъ голосомъ: «Я съѣлъ свой супъ». Слова эти вывели Жоржетту изъ ея задумчивости, и она повторила: «Шупъ, шупъ». Затѣмъ увидѣвъ, что Рене-Жанъ уже

кончилъ свой завтракъ, а Гро-Аленъ кончаетъ его, она взяла стоявшую также и подлѣ нея мисочку и принялась ѣсть, поднося, однако, ложку гораздо чаще къ уху, чѣмъ ко рту. По временамъ она отказывалась отъ благъ цивилизаціи и ѣла просто пальцами. Гро-Аленъ, выскребя, по примѣру старшаго своего брата, дно миски, выползъ изъ кроватки, и они вдвоемъ пустились бѣгать.

II.

Вдругъ внизу, со стороны лѣса, раздался громкій и рѣзкій звукъ рожка. На этотъ звукъ сверху, изъ башни, отвѣтилъ звукъ трубы. На этотъ разъ призывъ исходилъ отъ рожка, а труба только вторила. Вторично рожокъ далъ сигналъ и вторично на него отвѣтила труба. Затѣмъ съ опушки лѣса раздался отдаленный, но довольно внятный голосъ, который кричалъ:

— Разбойники, сдавайтесь! Если вы не сдадитесь къ закату солнца, мы начнемъ штурмъ!

— Штурмуйте!—раздался съ верхней площадки голосъ, похожій на рычаніе.

— За полчаса до приступа,—продолжалъ голосъ снизу,—въ видѣ послѣдняго предостереженія сдѣланъ будетъ пушечный выстрѣлъ.

— Штурмуйте!—повторилъ голосъ съ башни.

Эти голоса не доходили до дѣтей, но звуки рожка и трубы хватали дальше и выше, и потому Жоржетта при первомъ звукѣ рожка перестала ѣсть и вытянула шейку; при вторичномъ звукѣ она приподняла указательный пальчикъ правой руки и стала размахивать имъ въ тактъ трубнымъ звукамъ; когда рожокъ и труба замолкли, она, не опуская пальчика, пролепетала вполголоса:

— Музика!

Мальчики, Рене-Жанъ и Гро-Аленъ, не обратили вниманія на звуки трубы и рожка, такъ какъ они всецѣло отдались наблюденіямъ надъ мокрицей, какъ разъ въ это время ползшей по комнатѣ.

— Гляди-ка, животное!—воскликнулъ Гро-Аленъ, первый замѣтившій насѣкомое.

Рене-Жанъ подбѣжалъ къ нему.

— Оно кусается,—продолжалъ Гро-Аленъ.

— Нѣтъ, не кусается, ты только его не трогай,—разсудительно замѣтилъ Рене-Жанъ.

И оба они, наклонившись надъ насѣкомымъ, стали внимательно его разсматривать.

Тѣмъ временемъ Жоржетта окончила свой завтракъ и стала глазами искать своихъ братьевъ. Рене-Жанъ и Гро-Аленъ удалились въ оконную нишу и продолжали, сидя на корточкахъ, наблюдать за движеніями мокрицы, чуть не стукаясь лбами: они отъ восхищенія едва переводили дыханіе и смотрѣли на насѣкомое, переставшее ползти и, очевидно, вовсе не польщенное такимъ избыткомъ вниманія.

Жоржетта, замѣтивъ, что ея братья чѣмъ-то заинтересовались, также пожелала узнать, въ чемъ дѣло. Хотя ей и не легко было добраться до братишекъ, она, однако, рискнула на это предпріятіе. Путешествіе совершилось не безъ затрудненій. Полъ былъ заваленъ опрокинутыми табуретами, кипами бумагъ, пустыми ящиками, баулами и разными другими предметами, которые приходилось обходить,—словомъ, цѣлымъ архипелагомъ подводныхъ камней. Но все-таки Жоржетта пустилась въ путь. Выкарабкавшись изъ своей кроватки, она принялась обходить различныя препятствія, лавировать въ тѣснинахъ; она отодвинула одинъ табуретъ, проползла между двумя ящиками, перешагнула черезъ связку бумагъ, гдѣ ползая, гдѣ спотыкаясь, почти совсѣмъ голенькая и, наконецъ, успѣла выбраться въ то, что морякъ назвалъ бы открытымъ моремъ, т.-е. въ довольно обширное пространство комнаты, которое ничѣмъ не было загромождено и гдѣ уже не было никакихъ опасностей. Она проползла это пространство на четверенькахъ, съ быстротою котенка, и добралась до окошка. Но тутъ она натолкнулась на непреодолимое препятствіе—на длинную лѣстницу, положенную вдоль стѣны, захватывавшую почти все окошко и образовавшую между Жоржеттой и ея братьями нѣчто въ родѣ мыса. Она остановилась и стала размышлять. Окончивъ свой монологъ à parte, она схватилась обѣими своими розовыми ручонками за одну изъ перекладинъ лѣстницы, лежавшей въ горизонтальномъ положеніи, такъ что перекладина приходилась вертикально къ полу. Затѣмъ она попробовала встать на ножки, но упала; два раза она возобновляла свою попытку, которая, наконецъ, въ третій разъ увѣнчалась успѣхомъ; тогда, придерживаясь поочередно за каждую изъ перекладинъ лѣстницы, она направилась вдоль нея; добравшись до конца лѣстницы и не имѣя подъ руками точки опоры, она было споткнулась, но удержалась на ножкахъ, обогнула страшный мысъ, взглянула на Рене-Жана и Гро-Алена и засмѣялась.

III.

Въ эту самую минуту Рене-Жанъ, довольный своими наблюденіями надъ мокрицей, поднялъ голову и проговорилъ:

— Это самка.

Смѣхъ Жоржетты заставилъ разсмѣяться Рене-Жана, а смѣхъ Рене-Жана заразилъ Гро-Алена. Жоржеттѣ удалось, наконецъ, благополучно присоединиться къ братьямъ и, такимъ образомъ, составился небольшой кружокъ, расположившійся на полу. Однако тѣмъ временемъ мокрица исчезла: она воспользовалась смѣхомъ Жоржетты для того, чтобы забраться въ щель въ полу.

Это обстоятельство, впрочемъ, не слишкомъ огорчило дѣтей, такъ какъ наступили другія важныя событія. Во-первыхъ, мимо окна пронеслась стая ласточекъ. Повидимому, ихъ гнѣзда были подъ карнизомъ крыши. Онѣ кружились около окна, безпокоясь, очевидно, за своихъ птенцовъ, описывая большіе круги по воздуху и о чемъ-то между собою тараторя. Это заставило троихъ

дѣтей поднять глаза, и мокрица была забыта. Жоржетта ткнула пальчикомъ по направленію къ ласточкамъ и проговорила:

— Кокочки!

Но Рене-Жанъ поправилъ ее, проговоривъ строгимъ голосомъ:

— Какая ты глупая дѣвочка! Кто же говоритъ «кокочки»? Говорятъ «пташки».

— Птаски,—покорно пролепетала Жоржетта, и всѣ трое принялись смотрѣть на ласточекъ.

Вслѣдъ за тѣмъ въ открытое окно влетѣла пчелка. Пчелка похожа на дѣтскую душу: она перепархиваетъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, какъ душа съ звѣзды на звѣзду, и впитываетъ въ себя медъ, какъ душа впитываетъ въ себя свѣтъ.

Эта пчела, влетѣвъ, громко зажужжала, какъ бы желая сказать: «Вотъ и я! Я только что была въ гостяхъ у розъ; теперь я прилетѣла въ гости къ дѣтямъ. Ну, что вы здѣсь подѣлываете, малютки?» Пчела, это—та же домовитая хозяйка: она, любя, не можетъ не поворчать.

Пока пчела оставалась въ комнатѣ, трое ребятъ не спускали съ нея глазъ. Пчела осмотрѣла всю библіотеку, залетала во всѣ углы, порхала по всей комнатѣ, какъ будто она была дома, въ своемъ ульѣ, и въ качествѣ крылатой, жужжащей гостьи заглядывала черезъ стеклянныя дверцы на корешки книгъ, какъ будто желая ознакомиться съ заглавіями послѣднихъ. Окончивъ свой осмотръ, она улетѣла.

— Она отправилась къ себѣ домой,—проговорилъ Рене-Жанъ.

— Это звѣрь,—замѣтилъ Гро-Аленъ.

— Не звѣрь, а муха,—наставительно произнесъ Рене-Жанъ.

— Мука,—поддакнула Жоржетта.

Затѣмъ Гро-Аленъ нашелъ гдѣ-то веревочку, на одномъ концѣ которой былъ узелъ, схватилъ ее указательнымъ и большимъ пальцами за конецъ, противоположный узлу, и сталъ кружить ее вокругъ себя, съ глубочайшимъ вниманіемъ слѣдя за кругами, описываемыми ею по воздуху. Съ своей стороны Жоржетта, снова превратившись въ четвероногое существо, продолжала ползать въ разныхъ направленіяхъ по полу. Наконецъ ей удалось сдѣлать важное открытіе: она наткнулась въ своихъ странствованіяхъ на старое, изъѣденное молью кресло, изъ-подъ обивки котораго, черезъ нѣсколько дыръ, выглядывалъ конскій волосъ. Это кресло сильно заинтересовало ее: она стала ковырять пальчикомъ дыры и вытаскивать изъ нихъ конскій волосъ.

Вдругъ она подняла кверху пальчикъ, что должно было означать: «Слушайте». Оба мальчика повернули головы. Издали доносился какой-то грохотъ. Вѣроятно, нападающіе совершали какой-нибудь маневръ возлѣ лѣса. Лошади ржали, барабаны били, пушки грохотали, цѣпи лязгали, рожки перекликались, и весь этотъ разнообразный шумъ сливался въ какую-то страшную гармонію. Удивленныя и восхищенныя этимъ новымъ развлеченіемъ, дѣти стали прислушиваться.

— Это Боженька шумитъ,—проговорилъ Рене-Жанъ.

IV.

Шумъ вскорѣ прекратился, но Рене-Жанъ оставался погруженнымъ въ задумчивость.

Какимъ образомъ слагаются и разлагаются мысли въ этихъ маленькихъ головкахъ? Дѣйствію какихъ таинственныхъ законовъ подчинена работа этихъ смутныхъ и сбивчивыхъ разсудковъ? Въ этой маленькой задумавшейся головкѣ въ эту минуту перемѣшалось все: и Боженька, и молитва, и сложенныя ручки, и какая-то нѣжная улыбка, когда-то на васъ останавливавшаяся, но которой теперь уже не было видно, и Рене-Жанъ прошепталъ вполголоса:

— Мама.

— Мама,—повторилъ Гро-Аленъ.

— Мама,—пролепетала Жоржетта.

Рене-Жанъ принялся прыгать. Гро-Аленъ не замедлилъ послѣдовать его примѣру. Вообще, Аленъ считалъ своею обязанностью рабски копировать всѣ движенія и жесты своего старшаго брата. Жоржетта была самостоятельнѣе. Трехлѣтнему возрасту свойственно подражать четырехлѣтнему; но полуторагодовой возрастъ стремится къ большей независимости.

Жоржетта осталась сидѣть на полу, лепеча отъ времени до времени какое-нибудь слово. Она не любила говорить фразами, а лишь отрывочными словами, односложными изреченіями. Она была мечтательница. Однако по прошествіи нѣкотораго времени, примѣръ подѣйствовалъ заразительно и на нее; она нашла нужнымъ подражать братьямъ, и всѣ три пары маленькихъ босыхъ ножекъ принялись топотать, семенить и прыгать по старому пыльному дубовому паркету, подъ строгими взорами мраморныхъ бюстовъ, на которые Жоржетта бросала по временамъ безпокойные взгляды, лепеча: «Люди». Хотя она и старалась подражать братьямъ, но она охотнѣе ползала на четвереньках, чѣмъ бѣгала на двухъ ножкахъ.

Вдругъ Рене-Жанъ, приблизившись къ одному изъ оконъ, поднялъ голову, но сейчасъ же живо опустилъ ее и спрятался за притолоку окна: онъ замѣтилъ кого-то, смотрѣвшаго на него. Это былъ одинъ изъ «синихъ», который, воспользовавшись краткимъ перемиріемъ и, быть-можетъ, отчасти нарушая его, рискнулъ приблизиться до рва, откуда можно было заглянуть внутрь библіотеки. Увидѣвъ, что Рене-Жанъ прячется, Аленъ счелъ нужнымъ также спрятаться подлѣ него, а Жоржетта тоже послѣдовала примѣру старшихъ братьевъ. Они сидѣли тамъ молча, неподвижно, при чемъ Жоржетта приложила свой пальчикъ къ губамъ. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ Рене-Жанъ рискнулъ высунуть голову,—солдатъ все стоялъ на прежнемъ мѣстѣ. Рене-Жанъ быстро отдернулъ голову, и трое малютокъ не осмѣливались переводить дыханіе. Наконецъ этотъ страхъ надоѣлъ Жоржеттѣ, и она, въ свою очередь, рѣшилась выглянуть. Солдатъ ушелъ. Они снова принялись бѣгать и играть.

Гро-Аленъ, хотя вообще старался подражать Рене-Жану и преклонялся предъ нимъ, имѣлъ, однако, одну спеціальность—дѣлать находки. Его братишка и сестренка вдругъ увидѣли его неистово скачущимъ, при чемъ онъ тащилъ за собою небольшую телѣжку о четырехъ колесахъ, которую откопалъ неизвѣстно откуда. Эта кукольная телѣжка, очевидно, валялась здѣсь, всѣми забытая, въ теченіе многихъ лѣтъ, въ добромъ сосѣдствѣ съ твореніями геніевъ и съ бюстами мудрецовъ. Быть-можетъ, это была одна изъ игрушекъ, которою забавлялся Говэнъ, будучи ребенкомъ.

Аленъ сдѣлалъ изъ своей бечевки кнутикъ, которымъ онъ бойко пощелкивалъ, чѣмъ онъ немало гордился. Это, впрочемъ, слабость всѣхъ изобрѣтателей: если нельзя открыть Америки, то открываешь телѣжку. Все-таки открытіе. Но этой находкой ему пришлось подѣлиться съ другими: Рене-Жанъ пожелалъ тоже впрячься въ нее, а Жоржетта—залѣзть въ нее.

Она пробовала взобраться въ нее. Рене-Жанъ изображалъ собою лошадь, а Гро-Аленъ—кучера. Но такъ какъ оказалось, что кучеръ не умѣлъ править, то лошади пришлось его учить, какъ что дѣлается.

– Кричи: «ну-у!» наставительно сказалъ Рене-Жанъ Алену.

— Ну-у!—повторилъ Аленъ. Но въ эту минуту экипажъ опрокинулся и Жоржетта покатилась по полу. Иногда и ангелы умѣютъ кричать, и Жоржетта закричала благимъ матомъ. Потомъ ей захотѣлось плакать.

— Сударыня,—замѣтилъ ей Рене-Жанъ,—вамъ стыдно плакать: вы большая.

— Я больсая,—повторила Жоржетта, и сознаніе своего величія заставило ее забыть про свое паденіе.

Карнизъ подъ окнами былъ очень широкъ. На немъ насѣло немало пыли, нанесенной сюда съ площадки; дожди снова превратили эту пыль въ землю, вѣтеръ принесъ сюда сѣмена и нѣкоторыя травки воспользовались импровизированной грядкой для того, чтобы пустить здѣсь ростки. Между прочимъ, ухитрился пустить здѣсь корни одинъ видъ терновника, извѣстный подъ именемъ «лисьей морошки». Стоялъ августъ мѣсяцъ и вѣтка была покрыта ягодами; она спускалась до самаго пола.

Все тотъ же Гро-Аленъ, открывшій уже веревочку, открывшій телѣжку, открылъ теперь и эту вѣтку. Онъ приблизился къ ней, сорвалъ ягодку и съѣлъ ее. «И мнѣ!» проговорилъ Рене-Жанъ. Жоржетта тоже подоспѣла, галопируя на рукахъ и на колѣнкахъ. Они втроемъ обобрали вѣтку и съѣли всѣ ягоды. При этомъ они до того перепачкали себѣ лица, что изъ трехъ маленькихъ серафимовъ превратились въ трехъ маленькихъ фавновъ, что вызвало бы негодованіе Данта и привело бы въ восторгъ Виргилія. При этомъ они всѣ трое заливались смѣхомъ.

По временамъ они кололи себѣ пальцы, но не обращали на это вниманія. Жоржетта протянула старшему брату свой пальчикъ, на которомъ выступила капелька крови, и проговорила, указывая на вѣтку:

— Она кусается

Гро-Аленъ, который тоже успѣлъ уколоться, подозрительно взглянулъ на вѣтку и проговорилъ:

— Это звѣрь.

— Вовсе не звѣрь, а палка,—поправилъ его Рене-Жанъ.

— Злая палка,—сердито пробормоталъ Гро-Аленъ.

Жоржеттѣ и на этотъ разъ захотѣлось было плакать, но вмѣсто того она засмѣялась.

V.

Однако, Рене-Жанъ, завидуя, быть-можетъ, успѣшнымъ открытіямъ своего младшаго брата, задумалъ великій проектъ. Уже въ теченіе нѣкотораго времени, срывая морошку и укалывая себѣ пальцы, онъ неоднократно обращалъ взоры къ предмету, похожему на церковный аналой, стоявшему посреди библіотеки. На этомъ аналоѣ, или пюпитрѣ, лежалъ знаменитый томъ «Св. Варѳоломей».

Это былъ, дѣйствительно, великолѣпный и замѣчательный томъ in quarto. Онъ былъ изданъ въ Кельнѣ знаменитымъ издателемъ Библіи 1682 года Блёвомъ или, по-латыни, Цезіусомъ. Онъ былъ напечатанъ не на голландской, а на прекрасной арабской бумагѣ, приводившей въ восхищеніе Эдризи, сдѣланной изъ шелка и хлопчатой бумаги и сохранявшей навсегда свой чистый, бѣлый цвѣтъ. Переплетенъ онъ былъ въ позолоченную кожу, съ серебряными застежками; бѣлые листы въ началѣ и въ концѣ книги были сдѣланы изъ того рѣдкаго пергамента, который можно найти только въ монастырѣ св. Матурина и нигдѣ больше. Томъ этотъ былъ переполненъ гравюрами на мѣди и на деревѣ и географическими фигурами изъ разныхъ странъ. Въ видѣ предисловія къ нему былъ напечатанъ протестъ печатниковъ, бумажниковъ и книгопродавцевъ противъ эдикта 1635 года, облагавшаго налогомъ «кожу, пиво, раздвоенно-копытныхъ животныхъ, морскую рыбу и бумагу», а на оборотной сторонѣ заглавнаго листа можно было прочесть посвященіе Грифамъ, игравшимъ въ Ліонѣ такую же роль, какую Эльзевиры играли въ Амстердамѣ. Все это дѣлало этотъ экземпляръ почти такою же достопримѣчательностью, какъ и московскій «Апостолъ».

Вообще книга эта была красива и потому Рене-Жанъ разсматривалъ ее, быть-можетъ, съ излишнею внимательностью. Фоліантъ былъ раскрытъ какъ разъ на страницѣ, на которой былъ большой эстампъ, изображавшій св. Варѳоломея, носящаго на рукѣ свою кожу. Эстампъ этотъ, благодаря наклонному положенію верхней доски аналоя, можно было разглядѣть снизу. Когда были съѣдены всѣ ягоды морошки, Рене-Жанъ взглянулъ на картинку жадно-зловѣщимъ взоромъ; а Жоржетта, слѣдившая глазами за направленіемъ взоровъ старшаго брата, тоже замѣтила эстампъ и пролепетала.

— Калтинка.

Это слово, казалось, положило конецъ нерѣшительности Рене-Жана, и онъ, къ великому удивленію Гро-Алена, совершилъ нѣ-

что необыкновенное. Въ одномъ изъ угловъ библіотеки стоялъ большой стулъ изъ дубоваго дерева. Рене-Жанъ направился къ этому стулу, схватилъ его и совершенно одинъ потащилъ къ аналою. Приставивъ его вплотную къ послѣднему, онъ влѣзъ на стулъ и положилъ оба кулака на книгу Добравшись до своей цѣли, онъ почувствовалъ потребность оказаться на высотѣ своего призванія: онъ схватилъ «калтинку» за верхній уголъ и сталъ отрывать ее; но, несмотря на все свое стараніе, онъ оторвалъ ее вкось, такъ что остался прикрѣпленнымъ къ корешку весь лѣвый уголъ листа, съ лѣвымъ глазомъ и частью сіянія св. мученика. Затѣмъ онъ очень галантерейно преподнесъ Жоржеттѣ всю остальную часть святого, съ перекинутой черезъ руку его кожей включительно. Жоржетта благосклонно приняла подношеніе и пролепетала:

— Человѣкъ.

— И мнѣ, и мнѣ!—завопилъ Аленъ.

Первая вырванная изъ книги страница, это—то же, что первая пролитая капля крови: за этимъ начинается истребленіе.

Рене-Жанъ перевернулъ страницу. За изображеніемъ святого оказалось изображеніе комментатора Пантэна. Рене-Жанъ преподнесъ комментатора Гро-Алену. Тѣмъ временемъ Жоржетта нашла нужнымъ разорвать свой большой листъ на два меньшихъ, затѣмъ оба меньшихъ на четыре еще меньшихъ, и такимъ образомъ св. Варѳоломей, послѣ содранія съ него кожи въ Арменіи, семнадцать вѣковъ спустя былъ четвертованъ въ Бретани.

VI.

Окончивъ четвертованіе листа съ картинкой, Жоржетта протянула къ Рене-Жану руку и пролепетала:

— Еще!

Послѣ святого и комментатора наступила очередь толкователей. Первымъ на очереди оказался Гавантусъ. Рене-Жанъ вырвалъ и его и отдалъ Гавантуса въ распоряженіе Жоржетты. За нимъ черезъ ея руки прошли всѣ толкователи житія св. Варѳоломея.

Дарить пріятно, и Рене-Жанъ простеръ свое великодушіе до того, что самъ себѣ ничего не оставилъ. Аленъ и Жоржетта взирали на него съ благоговѣніемъ, и это вполнѣ удовлетворяло его; восторгъ публики—высшая награда для истиннаго артиста. Итакъ, Рене-Жанъ, неистощимый въ своемъ великодушіи, подарилъ сначала Гро-Алену Фабричіо Пиньаттели, а Жоржеттѣ—патера Стильтинга; затѣмъ Гро-Алену—Альфонса Тоста, а Жоржеттѣ—Корнелія Лапида; далѣе Аленъ получилъ Генриха Гаммонда, а Жоржетта—патера Роберти, въ придачу еще видъ города Дуэ, въ которомъ этотъ патеръ родился въ 1619 году. Алену достался протестъ типографщиковъ, а Жоржеттѣ—посвященіе семейству Грифовъ. Въ фоліантѣ оказались также и географическія карты; Рене-Жанъ раздѣлилъ и ихъ: Эѳіопію онъ подарилъ Алену, а Ликаонію—Жоржеттѣ. Свершивъ все это, онъ сбросилъ книгу на полъ.

То была страшная минута. Аленъ и Жоржетта смотрѣли съ чувствами восторга и ужаса, какъ Рене-Жанъ сперва нахмурилъ брови, раздвинулъ на стулѣ ноги, сжалъ кулаки и, наконецъ, спихнулъ съ аналоя массивный фоліантъ. Паденіе старой книги не лишено трагизма. Этотъ сдвинутый съ мѣста тяжелый томъ повисѣлъ нѣкоторое время на воздухѣ, покачался и, наконецъ, грохнулся на полъ—изорванный, помятый, съ погнутыми застежками. Къ счастію, онъ при своемъ паденіи не задѣлъ малютокъ и растянулся на полу вверхъ корешкомъ.

Дѣти были поражены, но не ушиблены. Нельзя сказать, чтобы всѣ подвиги побѣдителей всегда оканчивались такъ же благополучно. Подобно паденію всякой славы, паденіе рѣдкостнаго фоліанта произвело страшный грохотъ и подняло цѣлое облако пыли.

Покончивъ съ книгой, Рене-Жанъ слѣзъ со стула. Наступило молчаніе ужаса: и побѣда вызываетъ ужасъ у побѣдителя. Трое ребятъ, взявшись за ручонки, стояли въ сторонкѣ, не спуская глазъ съ побѣжденнаго фоліанта. Первымъ оправился отъ чувства робости Гро-Аленъ, онъ рѣшительно приблизился къ остаткамъ книги и ткнулъ ихъ ногою.

Это послужило сигналомъ. Извѣстно, что у дѣтей, какъ и у взрослыхъ, сильно развита страсть къ разрушенію. Рене-Жанъ тоже счелъ нужнымъ ткнуть книгу ногой. Жоржетта намѣревалась было сдѣлать то же, но потеряла равновѣсіе и упала; тогда она накинулась на книгу руками. Дѣтьми овладѣлъ настоящій экстазъ. Они набросились на фоліантъ, веселыя, торжествующія, безпощадныя, рвали картинки и печатные листы, вытаскивали закладки, царапали переплетъ, отклеивали золотыя украшенія на кожаномъ переплетѣ, выковыривали серебряныя гвоздики изъ наугольниковъ, сгибали пергаментные листы, работали одновременно и руками, и ногами, и ногтями, и зубами; эти три хищные ангела, розовые, смѣющіеся и свирѣпые, набросились на беззащитнаго евангелиста. Они уничтожали съ одинаковой безпощадностью и Арменію, и Іудею, и Беневентъ, гдѣ хранятся мощи святого, и Наѳанаила, быть-можетъ, тождественнаго съ Варѳоломеемъ, и папу Геласія, объявившаго евангеліе Варѳоломея-Наѳанаила апокрифическимъ, и всѣ оставшіеся еще въ ней политипажи и карты. Эта безпощадная казнь стараго фоліанта до того поглотила все ихъ вниманіе, что они не обратили даже ни малѣйшаго вниманія на пробѣжавшую мимо нихъ мышку.

Это было полное истребленіе. Разносить по частямъ исторію, легенду, науку, чудеса, истинныя или ложныя, церковную латынь, предразсудки, фанатизмъ, мистеріи, разорвать сверху донизу цѣлую религію,—этотъ трудъ, достойный трехъ великановъ, могутъ совершить и трое малыхъ ребятъ. Правда, имъ пришлось употребить на это дѣло нѣсколько часовъ, но все же они справились съ нимъ и отъ св. Варѳоломея ничего не осталось.

Когда все было кончено, когда была вырвана послѣдняя страница, когда послѣдняя гравюра очутилась на полу, когда отъ

всего фаліанта остались только обрывки печатнаго текста и картинъ въ переплетномъ остовѣ, тогда Рене-Жанъ выпрямился, взглянулъ на валявшіеся на полу клочки бумаги и захлопалъ въ ладоши. Гро-Аленъ послѣдовалъ его примѣру. Жоржетта подняла съ полу одинъ листъ книги, встала на ноги, прислонилась къ подоконнику доходившему ей до подбородка, и стала, отрывая отъ листа полоски, выбрасывать ихъ въ окошко.

Увидѣвъ это, Рене-Жанъ и Гро-Аленъ пожелали послѣдовать ея примѣру. Они, подобно Жоржеттѣ, стали подбирать съ полу листы, разрывать ихъ и опускать обрывки за окошко; и вскорѣ вся старинная книга, страница за страницей, разорванная на мелкіе кусочки этими маленькими пальчиками, улетѣла на вѣтеръ. Жоржетта задумчиво смотрѣла на то, какъ порхали по воздуху эти рои бѣлыхъ бумажекъ, и пролепетала: «Бабочки».

Вскорѣ дѣло истребленія было разнесено вѣтромъ во всѣ четыре стороны свѣта.

VII.

Такова была вторичная казнь св. Варѳоломея, въ первый разъ пріявшаго мученическій вѣнецъ въ 49 году по Рождествѣ Христовѣ.

Тѣмъ временемъ наступилъ вечеръ. Было жарко, воздухъ былъ неподвиженъ, глаза Жоржетты начали слипаться. Рене-Жанъ подошелъ къ своей кроваткѣ, стащилъ съ нея мѣшокъ, набитый соломой, замѣнявшій матрацъ, приволокъ его къ окну, разостлалъ его на полу, вытянулся на немъ и сказалъ: «Давайте спать». Гро-Аленъ положилъ свою голову на животъ Рене-Жана, Жоржетта положила свою на животъ Алена, и трое маленькихъ палачей заснули.

Черезъ открытыя окна проникали въ комнату теплый воздухъ и благоуханіе цвѣтовъ, росшихъ по сосѣднимъ холмамъ и оврагамъ. Въ природѣ все было тихо; все блестѣло, все умиротворялось, все было полно ко всему любовью. Солнце заливало все своимъ ласковымъ свѣтомъ; всѣми порами чувствовалась гармонія, выливавшаяся изо всего; въ безконечности было что-то материнское. Міръ Божій, это—вполнѣ распустившееся чудо, смягчающее свое величіе своею добротою. Кажется, будто что-то невидимое принимаетъ эти таинственныя предосторожности, оберегающія въ страшномъ столкновеніи существъ слабаго противъ сильнаго. И въ то же время это было прекрасно; великолѣпіе равнялось кротости. Вся окрестность, какъ бы объятая сладкой дремою, покрыта была тѣмъ волнистымъ лоскомъ, которымъ покрываютъ долины и рѣки передвигающіяся тѣни. Легкая мгла поднималась къ облакамъ, точно мечты къ видѣніямъ. Стаи птицъ носились надъ Тургской башней: ласточки заглядывали въ окна, какъ бы желая убѣдиться въ томъ, хорошо ли спятъ дѣти. Послѣднія составляли красивую группу, неподвижную, полунагую, точно три маленькихъ амура; они были восхитительны; имъ втроемъ было неполныхъ девять лѣтъ: они, очевидно, видѣли

сладкіе сны, и на устахъ ихъ носилась ангельская улыбка; быть-можетъ, Богъ шепталъ имъ что-то на ухо; они были тѣми, что на всѣхъ человѣческихъ нарѣчіяхъ называются слабыми и благословенными; невинность ихъ внушала почтеніе. Все вокругъ нихъ молчало, какъ будто ихъ ровное дыханіе интересовало весь міръ и какъ будто къ нему прислушивалась вся вселенная; листья не шелестили, трава не шуршала; казалось, будто обширный звѣздный міръ затаилъ дыханіе, для того, чтобы не нарушить сна этихъ трехъ ангеловъ. Нельзя было представить себѣ ничего болѣе величественнаго, нежели это глубокое уваженіе природы къ такимъ маленькимъ созданіямъ.

Солнце уже приближалось къ горизонту. Вдругъ, среди этого глубокаго мира природы, блеснула молнія, сверкнувшая изъ чащи лѣса, и затѣмъ раздался громкій гулъ. То былъ пушечный выстрѣлъ. Эхо подхватило этотъ гулъ и стало перекатывать его съ холма на холмъ, съ возвышенности на возвышенность. Шумъ разбудилъ Жоржетту.

Она приподняла немного голову, вытянула пальчикъ, прислушалась и проговорила: «Бумъ!»

Но шумъ умолкъ, и снова водворилась тишина. Жоржетта опять склонила свою головку на Гро-Алена и снова уснула.

Книга четвертая.—МАТЬ.

I.

Смерть шествуетъ.

Въ этотъ самый вечеръ мать, которая, какъ читатель знаетъ, брела почти наугадъ, едва не падала отъ усталости, проходивъ цѣлый день; она это дѣлала, впрочемъ, ежедневно: она все шла и шла, никогда не останавливаясь. Даже когда она засыпала отъ усталости въ первомъ попавшемся углу, этого нельзя было назвать сномъ, точно такъ же, какъ нельзя было назвать питаніемъ тѣ крохи пищи, которыя она отъ времени до времени принимала и которыя не въ состояніи были бы насытить даже птицу. Она ѣла и спала какъ разъ столько, сколько было необходимо для того, чтобы не упасть на землю мертвой.

Предшествовавшую ночь она провела въ пустомъ сараѣ. Подобныхъ убѣжищъ создаетъ немало междоусобная война. Она нашла среди открытаго поля четыре стѣны, отворенную дверь, немного соломы подъ остатками кровли, и улеглась на этой соломѣ, подъ этой крышей, чувствуя сквозь солому, какъ подъ нею шныряли крысы, и видя сквозь раскрытую кровлю мерцаніе звѣздъ. Она проспала нѣсколько часовъ; затѣмъ она проснулась среди ночи и пустилась въ путь, чтобъ успѣть пройти возможно большее пространство до наступленія сильнаго дневного жара. Для пѣшехода лѣтомъ полночь бываетъ пріятнѣе полудня.

Она, какъ умѣла, старалась держаться того пути, который указалъ ей вантортскій крестьянинъ, и слѣдовала по возможности западному направленію. Если бы кто-нибудь былъ подлѣ нея, онъ могъ бы ясно разслышать, какъ она ежеминутно повторяла: «Ла-Тургъ». Кромѣ именъ своихъ трехъ дѣтей, она теперь помнила только это слово.

Но ходьба не мѣшала ей думать. Она думала о пережитыхъ ею приключеніяхъ, о всемъ, что она перестрадала, о всемъ, съ чѣмъ ей пришлось помириться,—о своихъ встрѣчахъ, о грубомъ съ нею обращеніи, о поставленныхъ ей условіяхъ, о предложенныхъ и заключенныхъ сдѣлкахъ, то изъ-за убѣжища, то изъ-за куска хлѣба, то просто изъ-за указанія дороги. Несчастная женщина болѣе достойна сожалѣнія, чѣмъ несчастный мужчина, потому что она въ то же время является и орудіемъ удовольствія. Ужасный торгъ! Впрочемъ, что ей было за дѣло до этого, лишь бы ей удалось разыскать своихъ дѣтей!

Въ этотъ день ей прежде всего попалось на пути селеніе. Заря едва брезжилась, и все вокругъ было еще окутано ночнымъ сумракомъ. Однако нѣсколько воротъ, выходившихъ на деревенскую улицу, было уже пріотворено, и изъ оконъ высовывались

оловы любопытныхъ. Обыватели волновались, какъ потревоженный пчелиный улей. Вызвано было это волненіе неожиданно раздавшимся среди ночной тишины стукомъ копытъ и колесъ.

На площади, передъ церковью, стояла перепуганная толпа, которая, поднявъ глаза кверху, смотрѣла на что-то, спускавшееся по дорогѣ къ селенію съ ближайшаго холма. То была большая четырехколесная телѣга, запряженная пятью лошадьми, съ цѣпями вмѣсто постромокъ. На телѣгѣ были навалены какіе-то длинные брусья, среди которыхъ виднѣлось что-то такое неопредѣленной формы, и это что-то было покрыто большимъ парусиннымъ чехломъ, похожимъ на саванъ. Десять верховыхъ ѣхали впереди телѣги и столько же позади нея. На нихъ были надѣты треугольныя шляпы и надъ ихъ плечами виднѣлись острея сабель наголо. Все это шествіе, медленно приближаясь, отчетливыми черными линіями выдѣлялось на горизонтѣ; и телѣга, и лошади, и всадники—все казалось чернымъ. Сзади нихъ брезжилась заря.

Все это въѣхало въ селеніе и направилось на площадь. Тѣмъ временемъ, пока повозка спускалась, немного разсвѣло, и можно было яснѣе различить этотъ кортежъ, похожій на шествіе призраковъ, такъ какъ изъ среды его не раздавалось ни единаго звука.

Всадники оказались жандармами, державшими сабли наголо. Покрывало было черное.

Несчастная мать съ своей стороны вошла въ селеніе и приблизилась къ толпѣ крестьянъ въ то самое время, когда на площадь въѣзжали повозка и жандармы. Въ толпѣ раздавались вопросы и отвѣты, произносимые вполголоса.

— Что это такое?

— А это изъ Фужера везутъ гильотину.

— Куда же ее везутъ?

— Не знаю. Говорятъ, что ее везутъ въ какой-то замокъ около Паринье.

— Пускай ее везутъ куда угодно, лишь бы она не останавливалась здѣсь!

Большая повозка со своею кладью, покрытой чѣмъ-то въ родѣ савана, жандармы, лязгъ цѣпей, молчаливый конвой, ранній утренній часъ—во всемъ этомъ было что-то призрачное.

Кортежъ проѣхалъ по площади и выѣхалъ изъ деревни. Послѣдняя лежала въ котловинѣ, какъ разъ между спускомъ и подъемомъ. По прошествіи получаса крестьяне, оставшіеся стоять, какъ окаменѣлые, снова увидѣли мрачный поѣздъ на вершинѣ холма, лежавшаго къ западу. Большія колеса прыгали по выбоинамъ, цѣпи упряжи бряцали среди тишины ранняго утра, сабли блестѣли, обливаемыя лучами восходящаго солнца. Поворотъ дороги—и все исчезло.

Въ эту самую минуту Жоржетта, какъ мы видѣли выше, просыпалась въ библіотечной залѣ и любовалась своими розовыми ножками, между тѣмъ какъ лежавшіе рядомъ съ ней маленькіе братья спали еще сладкимъ сномъ.

II.

Смерть говоритъ.

Мать съ любопытствомъ посмотрѣла на проѣхавшую мимо нея странную повозку, но не поняла, да и не старалась понять, что это такое, такъ какъ передъ глазами ея носилось другое видѣніе — ея дѣти, поглощенныя мракомъ.

Вскорѣ послѣ удаленія кортежа и она вышла изъ деревни и направилась по той же дорогѣ, немного позади задняго взвода жандармовъ. Вдругъ ей припомнилось слово «гильотина». «Гильотина», подумала она. Эта дикарка, Михалина Флешаръ, не знала, что это такое, но какой-то инстинктъ подсказалъ ей невѣдомый смыслъ этого слова. Она, сама не отдавая себѣ отчета, почему-то задрожала, и ей показалось страшнымъ итти за этой машиной; она взяла влѣво, свернула съ дороги и углубилась въ чащу деревьевъ, оказавшуюся Фужерскимъ лѣсомъ.

Пробродивъ нѣкоторое время, она увидѣла на опушкѣ лѣса колокольню и крыши. Она проголодалась и потому пошла по направленію къ этимъ зданіямъ. Селеніе было одно изъ тѣхъ, въ которыхъ республиканцы устроили сторожевой постъ.

Она дошла до площади передъ квартирой мэра. И въ этомъ селеніи среди жителей царили страхъ и волненіе. Передъ низкимъ крыльцомъ въ нѣсколько ступеней, составлявшихъ входъ въ мэрію, толпился народъ. На крыльцѣ стоялъ какой-то человѣкъ, державшій въ рукахъ развернутымъ какой-то листъ; позади него стоялъ военный конвой. Справа отъ него стоялъ барабанщикъ, а слѣва—прибиватель объявленій, съ горшкомъ клея и кистью въ рукѣ. На балконѣ, надъ входной дверью въ мэрію, стоялъ самъ мэръ, опоясавшій поверхъ своего крестьянскаго костюма трехцвѣтный шарфъ. Человѣкъ, съ развернутымъ листомъ бумаги, былъ общественный глашатай. Поверхъ его официальной перевязи висѣла небольшая сумка, что означало, что онъ переходитъ изъ селенія въ селеніе и что ему поручено огласить что-то во всеобщее свѣдѣніе.

Въ ту самую минуту, когда Михалина Флешаръ приблизилась къ крыльцу, глашатай только что развернулъ листъ и принялся читать громкимъ голосомъ:

«Французская республика, единая и нераздѣльная...»

Раздалась барабанная дробь. Въ толпѣ произошло нѣкоторое движеніе; одни сняли шапки, другіе надвинули шляпы еще ниже на глаза. Въ тѣ времена и въ той странѣ можно было почти безошибочно опредѣлить мнѣнія по головному убору: шляпы были роялисты, шапки были республиканцы. Говоръ прекратился. Всѣ стали прислушиваться. Глашатай продолжалъ читать:

«... въ силу данныхъ намъ комитетомъ общественнаго спасенія приказаній и полномочій...»

Барабанщикъ вторично забилъ дробь. Глашатай продолжалъ:

«... и во исполненіе декрета національнаго конвента, лишающаго покровительства закона всѣхъ бунтовщиковъ, захваченныхъ съ

оружіемъ въ рукахъ, а также подвергающаго уголовному наказанію всякаго, кто дастъ у себя убѣжище или будетъ способствовать бѣгству...»

— Что такое значитъ «уголовному наказанію»?— шопотомъ спросилъ одинъ изъ крестьянъ у своего сосѣда.

— Не знаю,—отвѣтилъ сосѣдъ.

«... принимая въ соображеніе,—продолжалъ глашатай, потрясая по воздуху афишей,—17 статью закона 30 апрѣля, предоставляющую неограниченныя полномочія делегатамъ и субделегатамъ въ возмутившихся провинціяхъ,—объявляются стоящими внѣ закона...»

Здѣсь онъ помолчалъ немного и затѣмъ продолжалъ:

«... лица, обозначенныя нижеслѣдующими именами и фамиліями...»

Вся толпа навострила уши. Глашатай еще болѣе возвысилъ голосъ и продолжалъ:

«... Лантенакъ, разбойникъ!»

— Это онъ о нашемъ баринѣ, пробормоталъ одинъ изъ крестьянъ. И по всей толпѣ пронеслось:

— Это нашъ баринъ.

«... Лантенакъ, бывшій маркизъ, а нынѣ, разбойникъ! — продолжалъ глашатай.—Иманусъ, разбойникъ!»

— Это Гужъ-ле-Брюанъ.

— Да, это истребитель синихъ,—проговорили два крестьянина, искоса поглядывая другъ на друга.

«... Гранъ-Франкёръ, разбойникъ», продолжалъ глашатай свое перечисленіе.

— Это священникъ. — Это г. аббатъ Тюрмо, — пронеслось въ толпѣ.

— Да, онъ состоитъ священникомъ гдѣ-то въ окрестностяхъ Шапельскаго лѣса.

— Что не мѣшаетъ ему быть разбойникомъ,—замѣтилъ третій.

«... Буануво, разбойникъ,—читалъ глашатай. — Оба брата Пиканбуа, разбойники.—Узаръ разбойникъ...»

— Это господинъ де-Келенъ, — проговорилъ одинъ изъ крестьянъ.

«... Панье, разбойникъ...»

— Это господинъ Сеферъ.

«... Пласъ-Неттъ, разбойникъ...»

— Это господинъ Жамуа.

Глашатай продолжалъ свое чтеніе, не обращая вниманія на эти комментаріи.

«... Гинуазо, разбойникъ. — Шатенэ, по прозванію Роби, разбойникъ...»

— Гинуазо, это—Бѣлокурый, Шатенэ, это—Сентъ-Уэнъ,—прошепталъ одинъ крестьянинъ.

«... Уанаръ, разбойникъ», читалъ глашатай.

— Онъ изъ Рюлье,—послышалось въ толпѣ.—Да, это Золотая Вѣтка. — Еще его братъ былъ убитъ при нападеніи на Понтор-

сонъ.—Да, да, Уанаръ-Малоньеръ.—Еще такой красивый 19-лѣтній парень!

— Тише!—крикнулъ глашатай.—Выслушайте списокъ до конца: «Бель-Винь, разбойникъ. Ла-Мюзеттъ, разбойникъ. Сабръ-ту, разбойникъ. Брэнъ-д'Амуръ, разбойникъ...»

Какой-то парень толкнулъ локтемъ стоявшую подлѣ него дѣвушку. Та улыбнулась.

«... Шантъ-анъ-Иверъ, разбойникъ,—продолжалъ глашатай.—Ле-Ша, разбойникъ...»

— Это Муларъ,—замѣтилъ одинъ изъ крестьянъ.

«... Табузъ, разбойникъ...»

— Это Гоффръ,—пробормоталъ другой крестьянинъ.

— Да вѣдь ихъ двое, Гоффровъ,—замѣтила какая-то женщина.

— Оба они молодцы,—проговорилъ крестьянинъ.

Глашатай затрясъ афишей, и барабанщикъ забилъ дробь. Глашатай продолжалъ чтеніе:

«... Вышепоименованныя лица, гдѣ бы они ни были захвачены, по удостовѣреніи ихъ личности, будутъ немедленно преданы смерти».

По толпѣ пробѣжало движеніе. Глашатай продолжалъ:

«... А всякій, кто дастъ имъ у себя убѣжище или станетъ способствовать ихъ бѣгству, будетъ преданъ военно-полевому суду и казненъ смертью. Подписано...»

Воцарилось глубокое молчаніе.

— «Подписано: уполномоченный делегатъ комитета общественнаго спасенія *Симурдэнъ*».

— Тоже священникъ,—проговорилъ одинъ изъ крестьянъ.

— Да, бывшій приходскій священникъ въ Паринье,—подтвердилъ другой.

— Тюрмо и Симурдэнъ,—замѣтилъ третій.—Одинъ бѣлый, другой синій; оба священники.

— Это невѣрно, что одинъ синій, другой бѣлый, они оба черные,—сострилъ четвертый.

— Да здравствуетъ республика!—воскликнулъ мэръ, стоявшій все время на балконѣ, приподнимая свою шляпу.

Барабанная дробь возвѣстила толпѣ, что глашатай еще не кончилъ; и, дѣйствительно, онъ сдѣлалъ знакъ рукою.

— Вниманіе! — крикнулъ онъ. — Вотъ еще четыре послѣднія строчки правительственнаго объявленія. Онѣ подписаны начальникомъ экспедиціоннаго отряда на сѣверномъ побережьи, полковникомъ Говэномъ.

— Слушайте! слушайте!—пронеслось въ толпѣ.

«... Подъ страхомъ смертной казни...» прочелъ глашатай. Всѣ затаили дыханіе.

«... Подъ страхомъ смертной казни запрещается, во исполненіе вышеприведеннаго распоряженія, оказывать какую-либо помощь девятнадцати вышепоименованнымъ бунтовщикамъ, окруженнымъ и запертымъ въ настоящее время въ Тургской башнѣ».

— Что? Тургская башня?—раздался въ толпѣ голосъ.

То былъ женскій голосъ, голосъ матери.

III.

Народный гулъ.

Михалина Флешаръ замѣшалась въ толпу. Хотя она и не вслушивалась въ то, что читалось и говорилось, но когда до ея слуха долетѣли слова «Тургская башня», она подняла голову.

— Что!—повторила она.—Тургская башня?

Всѣ оглянулись на нее. Она имѣла совершенно растерянный видъ, а тѣло ея было покрыто лохмотьями

— Это какая-то бродяжка,—раздались вокругъ нея голоса.

Одна крестьянка, несшая въ корзинѣ лепешки изъ гречневой крупы, приблизилась къ ней и сказала ей на ухо:

— Замолчите!

Михалина Флешаръ съ удивленіемъ посмотрѣла на эту женщину. Она снова перестала что-либо понимать. Это слово «Ла-Тургъ» точно молніей озарило ея умъ, и затѣмъ все опять покрылось густымъ мракомъ. Развѣ она не имѣла права спросить? Чего это всѣ такъ на нее уставились?

Барабанщикъ въ послѣдній разъ ударилъ дробь, афишеръ приклеилъ къ стѣнѣ афишу, мэръ возвратился въ свои комнаты, глашатай отправился въ слѣдующую деревню и толпа начала расходиться. Предъ афишей осталась только небольшая кучка людей. Михалина Флешаръ направилась къ этой группѣ. Въ ней шли толки по поводу лицъ, только что объявленныхъ стоящими внѣ закона. Группа эта состояла изъ бѣлыхъ и изъ синихъ, т.-е. изъ крестьянъ и мѣщанъ. Какой-то крестьянинъ говорилъ:

— А все же имъ не удалось захватить всѣхъ. Девятнадцать человѣкъ, это—еще далеко не всѣ. Въ этомъ спискѣ не значится ни Пріу, ни Бенжаменъ Муленъ, ни Гупиль изъ Андульескаго прихода.

— Ни Лорьёнъ изъ Монжана,—вставилъ другой.

— Ни Брисъ-Дени, ни Франсуа Дюдуэ изъ Лаваля,—раздалось въ толпѣ. «Ни Гюэ изъ Лонэ-Вилье». «Ни Грежисъ». «Ни Пилонъ». «Ни Фильёль». «Ни Мениссанъ». «Ни Гегаррэ». «Ни три брата Ложерэ». «Ни господинъ Лешанделье изъ Пьервилля».

— Дураки! — проворчалъ сѣдовласый старикъ. — Развѣ вы не понимаете, что разъ они захватятъ Лантенака, въ ихъ рукахъ будетъ все?

— Да вѣдь они его еще не захватили, — пробормоталъ одинъ изъ болѣе молодыхъ.

— Лантенакъ захваченъ — захвачена душа, — продолжалъ старикъ.—Лантенакъ убитъ—убита Вандея.

— А кто такой этотъ Лантенакъ? — спросилъ одинъ изъ мѣщанъ.

— Это—одинъ изъ «бывшихъ». — отвѣтилъ другой мѣщанинъ.

— Это—одинъ изъ тѣхъ, которые разстрѣливаютъ женщинъ,—присовокупилъ третій.

Михалина Флешаръ услышала эти слова и проговорила:

— Это вѣрно.

На нее оглянулись.

— Да, да, меня разстрѣляли,—продолжала она.

Эти слова «меня разстрѣляли» произвели на толпу странное впечатлѣніе: живое существо вдругъ объявляло себя мертвецомъ. Ее начали разглядывать нѣсколько искоса. Ея внѣшній видъ, дѣйствительно, производилъ тяжелое впечатлѣніе: вся трепещущая, дрожащая, растерянная, озиравшаяся, какъ дикій звѣрь, и до того перепуганная, что она способна была навести страхъ и на другихъ. Въ отчаяніи женщины, при всемъ ея безсиліи, есть что-то ужасное. Передъ собою точно видишь существо, повѣшенное надъ бездной судьбы. Но крестьяне смотрятъ на вещи нѣсколько грубѣе. Одинъ изъ нихъ пробормоталъ сквозь зубы:

— Должно-быть, шпіонка.

— Замолчите же и уходите, — шепнула ей та самая женщина, которая уже раньше заговаривала съ нею.

— Да вѣдь я никому не дѣлаю зла,—отвѣтила Михалина Флешаръ.—Я только разыскиваю своихъ дѣтей.

Женщина взглянула на тѣхъ, которые уставились на Михалину Флешаръ, приложила себѣ палецъ ко лбу и, мигая глазами, проговорила:

— Она говоритъ правду.

Затѣмъ она отвела ее въ сторону и дала ей гречневую лепешку.

Михалина Флешаръ, даже не поблагодаривъ ея, съ жадностью принялась уписывать лепешку.

— Да, — сказали крестьяне, — она ѣстъ, точно скотина. Очевидно, она не виновата.

Затѣмъ и остатки группы разсѣялись; всѣ удалились одинъ за другимъ.

Когда Михалина Флешаръ кончила ѣсть, она сказала крестьянкѣ:

— Хорошо; я насытилась. А теперь укажите мнѣ дорогу въ Ла-Тургъ.

— Ну, вотъ, снова начинается!—воскликнула крестьянка.

— Мнѣ необходимо итти въ Ла-Тургъ. Какъ туда пройти?

— Ни за что вамъ этого не скажу,—проговорила крестьянка.— Чтобы васъ тамъ убили, что ли! Да къ тому же я и не знаю дороги туда. Что же это такое, вы взаправду съ ума сошли? Послушайте, моя милая, у васъ такой усталый видъ. Хотите отдохнуть у меня?

— Я не отдыхаю,—отвѣтила мать.

— У нея съ ногъ даже кожа сошла,—проговорила вполголоса крестьянка.

— Вѣдь вамъ же говорятъ,—съ живостью заговорила Михалина Флешаръ,—что у меня украли моихъ дѣтей: двухъ мальчиковъ и дѣвочку. Я иду изъ жилища Тельмарка-Бродяги, тамъ, въ лѣсу, знаете? Вы можете справиться объ мнѣ у Тельмарка, да и у того крестьянина, котораго я встрѣтила тамъ въ полѣ. Этотъ бродяга меня вылѣчилъ. Кажется, у меня была перебита какая-то кость. Все это, дѣйствительно, было. Да вотъ еще сержантъ Радубъ, и

у него можно справиться. Онъ все скажетъ; вѣдь это онъ встрѣтилъ насъ въ лѣсу. Трое, слышите ли, трое дѣтей. Старшаго зовутъ Рене-Жанъ; я могу доказать это; второго зовутъ Гро-Аленъ, а дѣвочку—Жоржетта. Мой мужъ умеръ; его убили. Онъ былъ мызникомъ въ Сискуаньярѣ. У васъ такой добрый видъ: пожалуйста, укажите мнѣ дорогу. Я не сумасшедшая,—я мать. Я потеряла своихъ дѣтей и теперь ищу ихъ,—вотъ и все. Я сама хорошенько не знаю, откуда я иду. Прошлую ночь я спала на соломѣ въ какомъ-то сараѣ. А теперь я иду въ Ла-Тургъ. Я не воровка. Вы видите, что я говорю правду. Слѣдовало бы помочь мнѣ разыскать моихъ дѣтей. Я не здѣшняя. Меня разстрѣляли, но я сама не знаю гдѣ.

— Послушайте, прохожая,—проговорила крестьянка, пожимая плечами,—во время революціи не слѣдуетъ болтать такого вздора, котораго никто не понимаетъ. Васъ за это могутъ арестовать.

— Гдѣ Ла-Тургъ?—воскликнула несчастная мать.—Ради Младенца Іисуса и Пресвятой Дѣвы прошу васъ, умоляю васъ, скажите мнѣ, какъ мнѣ пройти въ этотъ Тургъ?

— Не знаю!—рѣзко сказала окончательно разсердившаяся крестьянка.—И если бы я и знала, то все-таки не сказала бы вамъ. Это нехорошее мѣсто. Вамъ туда не зачѣмъ итти.

— А я все-таки пойду туда,—сказала Михалина и, дѣйствительно, пошла.

Крестьянка посмотрѣла ей вслѣдъ и пробормотала:

— Однако нужно же ее хоть покормить.

Она побѣжала вслѣдъ за Михалиной и сунула ей въ руку лепешку изъ гречневой муки, со словами: «Возьмите себѣ это на ужинъ».

Михалина Флешаръ взяла лепешку, ничего не отвѣчая, не поворачивая даже головы, и продолжала итти впередъ. Она вышла за околицу селенія. Здѣсь она встрѣтила трехъ дѣтей въ лохмотьяхъ. Она подошла къ нимъ поближе и пробормотала про себя: «Нѣтъ, не они. Двѣ дѣвочки и одинъ мальчикъ». Замѣтивъ, что они уставились на ея лепешку, она отдала ее имъ. Дѣти пугливо схватили ее, а Михалина углубилась въ лѣсъ.

IV.

Ошибка.

Въ это самое утро, еще до разсвѣта, среди царившаго еще въ лѣсу сумрака, по дорогѣ, ведущей отъ Жавенэ къ Лекуссу, случилось слѣдующее:

Въ лѣсной части Бретани всѣ дороги сильно выбиты и, кромѣ того, дорога изъ Жавенэ въ Паринье, черезъ Лекуссъ, проходила глубокой выемкой; къ тому же она была очень извилиста; вообще она походила скорѣе на оврагъ, чѣмъ на дорогу. Эта дорога идетъ изъ Витрэ и когда-то по ней проѣзжала карета госпожи Севинье. Съ правой и съ лѣвой стороны ея тянутся заборы. Словомъ, трудно представить себѣ лучшее мѣсто для засады.

Въ это утро, за часъ передъ тѣмъ, какъ Михалина Флешаръ, пройдя другой стороной лѣса, прибыла въ первое селеніе, гдѣ ей довелось увидѣть мрачное шествіе гильотины, въ лѣсной чащѣ, черезъ которую проходитъ Жавенейская дорога, тотчасъ за мостомъ, черезъ рѣку Куэнонъ, собралась толпа людей, прятавшихся въ густомъ кустарникѣ. Люди эти были крестьяне, одѣтые въ кожаные плащи, въ родѣ тѣхъ, какіе носили короли Бретани въ VI столѣтіи, и которые продолжали носить крестьяне въ XVIII. Люди эти были вооружены, одни—ружьями, другіе—мотыками. Тѣ, у которыхъ были мотыки, только что сложили на небольшой лужайкѣ костеръ изъ сухого хвороста и кругляковъ, который оставалось только поджечь. Тѣ же, у которыхъ были ружья, расположились по обѣ стороны дороги въ выжидательномъ положеніи. Если бы кто-нибудь могъ разглядѣть этихъ людей сквозь чащу листьевъ, то онъ увидѣлъ бы, что всѣ они держали указательный палецъ правой руки у взведенныхъ курковъ, направивъ дула своихъ ружей изъ-за вѣтвей на дорогу. Очевидно было, что они засѣли въ засаду. Среди утреннихъ сумерекъ раздавались отрывочныя, произносимыя вполголоса слова:

— Увѣренъ ли ты въ этомъ?

— Да, такъ говорятъ.

— Она сейчасъ проѣдетъ?

— Говорятъ, что она уже недалеко.

— Ну, такъ пускай же она здѣсь и остается.

— Нужно ее сжечь.

— Насъ именно для этого и собралось здѣсь три деревни.

— А какъ же съ конвоемъ?

— Его перебьютъ.

— Да вѣрно ли, что она проѣдетъ именно по этой дорогѣ?

— Говорятъ.

— Значитъ, ее везутъ изъ Витрэ?

— Конечно.

— А раньше слышно было, что ее повезутъ изъ Фужера.

— Изъ Фужера или изъ Витрэ—все одинъ чортъ.

— Это вѣрно.

— Ну, и пускай себѣ ѣдетъ обратно.

— Конечно.

— Въ Паринье ее везутъ, что ли?

— Кажется.

— Ну, туда она не попадетъ.

— Ни за что!

— Тише, тише!

Дѣйствительно, нелишне было помолчать, такъ какъ начинало уже свѣтать. Вдругъ сидѣвшіе въ засадѣ люди затаили дыханіе: послышался стукъ колесъ и конскій топотъ. Они взглянули изъ-за вѣтвей кустовъ и увидѣли въ выемкѣ дороги длинную повозку, на которой что-то лежало, и конный конвой. Все это направлялось въ ихъ сторону.

— Вотъ она! — проговорилъ человѣкъ, котораго можно было принять за начальника банды.

— Да,—подтвердилъ другой,—да еще съ конвоемъ.

— Въ конвоѣ всего двѣнадцать человѣкъ; а говорили, что ихъ будетъ двадцать.

— Двѣнадцать или двадцать — все равно; мы всѣхъ ихъ перебьемъ.

— Нужно подождать, пока они подъѣдутъ поближе къ выстрѣлу.

Немного погодя повозка и конвой показались изъ-за поворота дороги:

— Да здравствуетъ король! — крикнулъ одинъ изъ крестьянъ, и раздался залпъ изъ ста ружей.

Когда дымъ разсѣялся, конвоя уже не оказалось: семь всадниковъ пали, остальные пятеро обратились въ бѣгство. Крестьяне подбѣжали къ повозкѣ.

— Глядите-ка! — воскликнулъ предводитель. — Это вовсе не гильотина, а приставная лѣстница.

Дѣйствительно, на повозкѣ не оказалось никакой иной клади, кромѣ приставной лѣстницы. Обѣ лошади были ранены; возчикъ оказался убитымъ.

— Впрочемъ, все равно,— продолжалъ предводитель,—лѣстница, которую везутъ подъ конвоемъ, это нѣчто подозрительное. Везли ее по направленію къ Паринье. Очевидно, она предназначалась для того, чтобы по ней взобраться на Тургскую башню.

— Нужно ее сжечь!—воскликнули крестьяне и, дѣйствительно, тутъ же сожгли ее.

Что касается той зловѣщей повозки, которую они въ дѣйствительности поджидали, то она направилась по другой дорогѣ и была уже двумя милями дальше, въ томъ самомъ селеніи, въ которомъ видѣла ее Михалина Флешаръ при восходѣ солнца.

V.

Vox in deserto [1].

Михалина Флешаръ, разставшись съ тремя дѣтьми, которымъ она отдала свою лепешку, пустилась наугадъ дальше, слѣдуя по лѣсной тропинкѣ. Такъ какъ ей не хотѣли указать дорогу, то ей приходилось самой отыскивать ее. Она то присаживалась, то вставала, то снова присаживалась. Она чувствовала, какъ усталость ея переходила изъ мускуловъ въ кости. Такую усталость чувствуютъ рабы; и она, дѣйствительно, была рабой,—рабой своего материнскаго чувства. Ей во что бы то ни стало нужно было найти своихъ дѣтей; каждая потерянная минута могла быть ихъ погибелью. Тотъ, на комъ лежитъ такая обязанность, не имѣетъ больше никакихъ правъ; она не признавала за собою права на отдыхъ. Но она дошла до такой степени усталости, когда каждый

[1]) Голосъ въ пустынѣ.

лишній шагъ дѣлается уже вопросомъ: въ состояніи ли будетъ человѣкъ сдѣлать этотъ лишній шагъ? Она была на ногахъ съ самаго утра, не встрѣчая на своемъ пути ни селенія ни даже отдѣльнаго дома. Она сначала пошла по настоящей тропинкѣ, затѣмъ безъ всякой надобности свернула на другую, и кончилось тѣмъ, что она окончательно заблудилась въ гущѣ лѣса. Приближалась ли она къ цѣли? Достигла ли она конца своихъ страданій? Она шла по тернистому пути и чувствовала то изнеможеніе силъ, которое чувствуетъ обыкновенно путникъ, дѣлая послѣдній переходъ. Неужели она упадетъ на дорогѣ и тутъ же испуститъ духъ? Минутами ей казалось, что она не въ состояніи будетъ сдѣлать и шага впередъ. Въ лѣсу было темно, тропинки исчезали подъ травою, и она не знала, что ей дѣлать. Она стала кричать,— никто не отзывался на ея крикъ. Ей оставалась одна только надежда—на Бога.

Она осмотрѣлась кругомъ и увидѣла сквозь вѣтви просвѣтъ. Она направилась въ ту сторону и внезапно очутилась внѣ лѣса. Передъ нею была долина или, вѣрнѣе сказать, узкая ложбина, на днѣ которой струился по камнямъ ручеекъ. При видѣ воды она вспомнила, что ее давно уже томитъ жажда. Она подошла къ ручью, нагнулась и напилась. Воспользовавшись тѣмъ, что для того, чтобы напиться, ей пришлось стать на колѣни, она кстати горячо, горячо помолилась.

Приподнявшись, она постаралась оріентироваться и перешагнула черезъ ручей. За ложбинкой тянулась, насколько хваталъ глазъ, возвышенность, покрытая низкорослымъ кустарникомъ, которая отъ самаго ручейка поднималась наклонною плоскостью и терялась въ пространствѣ. Если лѣсъ представлялъ собою уединенное мѣсто, то возвышенность эта была пустыня. Въ лѣсу, по крайней мѣрѣ, можно было ласкать себя надеждой, что изъ-за каждаго куста можетъ показаться человѣкъ; на этой же возвышенности сразу было видно, что здѣсь никого нѣтъ. Только нѣсколько птицъ, какъ будто отъ чего-то спасавшихся, летали надъ верескомъ.

Тогда, въ виду этой безнадежной пустыни, чувствуя, какъ ноги ея подкашиваются, и придя въ какое-то изступленіе, несчастная мать обратилась къ пустынѣ съ слѣдующимъ страннымъ окликомъ:

— Эй, кто тутъ?!

Она стала ждать отвѣта, и отвѣтъ не замедлилъ послѣдовать. Раздался глухой, точно выходящій изъ глубины, голосъ, который нѣсколько разъ повторило эхо; но это было похоже не столько на человѣческій голосъ, сколько на громовой ударъ или на пушечный выстрѣлъ. Матери, однако, показалось, будто этотъ голосъ ей отвѣтилъ: «Да». Затѣмъ снова воцарилось мертвое молчаніе.

Михалина ободрилась и оживилась. Значитъ все-таки вблизи есть кто-то, значитъ она не въ безнадежной пустынѣ. Она только что напилась воды и помолилась; и то и другое ее подкрѣпило, и она принялась взбираться на возвышенность съ той стороны, откуда она услышала отдаленный громкій голосъ.

Вдругъ на дальнемъ горизонтѣ обрисовалась высокая башня, одиноко возвышавшаяся среди равнины и позолоченная лучами заходящаго солнца. Но до башни было еще больше мили. Позади нея, сквозь вечернюю мглу, чернѣлъ Фужерскій лѣсъ. Башня эта стояла приблизительно въ томъ же направленіи, откуда раздался звукъ, показавшійся ей призывомъ. Не изъ этой ли башни раздался звукъ?

Михалина Флешаръ дошла до вершины возвышенности. У ногъ ея разстилалась равнина. Она пошла по направленію къ башнѣ.

VI.

Положеніе вещей.

Рѣшительный моментъ наступилъ. Неумолимость одержала верхъ надъ безпощадностью. Лантенакъ былъ въ рукахъ Симурдэна. Берлога стараго мятежнаго роялиста была обложена со всѣхъ сторонъ. и было очевидно, что ему изъ нея не выбраться. Симурдэнъ настаивалъ на томъ, чтобы маркизъ былъ обезглавленъ тутъ же на мѣстѣ, въ своемъ имѣніи, такъ сказать, въ своемъ домѣ, для того, чтобы старое феодальное жилище сдѣлалось какъ бы свидѣтелемъ того, какъ скатится голова его стараго феодальнаго владѣльца, и чтобы примѣръ этотъ остался у всѣхъ надолго въ памяти. Поэтому-то онъ и послалъ въ Фужеръ за гильотиной, перевозку которой въ Тургъ случайно увидѣла Михалина Флешаръ.

Убить Лантенака, по его мнѣнію, значило убить Вандею; а убить Вандею—значило спасти Францію. Симурдэнъ не колебался. Для этого человѣка ничего не стоило быть жестокимъ ради исполненія того, что онъ считалъ своимъ долгомъ.

Маркизъ погибъ,—съ этой стороны Симурдэнъ былъ спокоенъ; но его безпокоило нѣчто другое. Борьба, безъ сомнѣнія, будетъ отчаянная. Говэнъ будетъ распоряжаться ею и, быть-можетъ, пожелаетъ принять въ ней личное участіе. Этотъ молодой начальникъ былъ прежде всего солдатъ и готовъ былъ броситься въ рукопашную схватку. Какъ бы его не убили—Говэна, его духовнаго сына, единственное существо въ мірѣ, къ которому онъ питалъ нѣжную любовь. Правда, до сихъ поръ, Говэну благопріятствовало счастье, но и счастье утомляется. Симурдэнъ трепеталъ. По странной ироніи судьбы онъ очутился между двухъ Говэновъ, изъ которыхъ одному онъ желалъ смерти, другому—долголѣтія.

Пушечный выстрѣлъ, который разбудилъ Жоржетту въ ея кроваткѣ и вызвалъ ея мать изъ лѣсного уединенія, повелъ не къ однимъ только этимъ результатамъ. Вслѣдствіе ли простой случайности или же вслѣдствіе нарочно направленнаго наводчикомъ выстрѣла, ядро, которое должно было, однако, служить лишь простымъ предостереженіемъ, ударилось въ желѣзныя полосы, маскировавшія большую бойницу нижняго этажа башни, погнуло и наполовину сорвало ихъ. Осажденные не имѣли времени исправить это поврежденіе.

Осажденные только похвастались, заявивъ, будто у нихъ очень много боевыхъ припасовъ; въ дѣйствительности же ихъ было у нихъ очень мало. Вообще ихъ положеніе было гораздо болѣе безнадежнымъ, чѣмъ даже предполагали осаждающіе. Если бы у нихъ было достаточно пороху, то они могли бы взорвать башню, какъ только въ нее проникли бы осаждающіе, конечно, взорвавъ вмѣстѣ съ тѣмъ на воздухъ и самихъ себя; они и мечтали объ этомъ, но ихъ запасъ пороха былъ истощенъ; у нихъ едва хватало пороху на тридцать выстрѣловъ на человѣка. Правда, у нихъ было достаточно ружей, мушкетовъ и пистолетовъ, но было мало патроновъ. Они зарядили все имѣвшееся въ ихъ распоряженіи огнестрѣльное оружіе для того, чтобъ имѣть возможность поддерживать безпрерывный огонь; но на сколько времени у нихъ могло хватить пороху? Приходилось въ одно и то же время и поддерживать огонь и беречь снаряды. Вотъ въ чемъ заключалась главная ихъ бѣда. Къ счастью—жалкое счастье!—можно было предвидѣть, что предстоитъ борьба по преимуществу рукопашная, лицомъ къ лицу, на сабляхъ и на кинжалахъ,—борьба, въ которой придется больше рубить и колоть, чѣмъ стрѣлять; это была единственная ихъ надежда.

Впрочемъ, внутренность башни казалась неприступною. Въ нижней залѣ, на которую выходилъ проломъ въ стѣнѣ башни, была баррикада, искусственно сооруженная Лантенакомъ и загораживавшая входъ. Позади баррикады стоялъ длинный столъ, на которомъ навалены были заряженныя ружья, карабины, мушкеты, сабли, кинжалы и топоры. Не имѣя возможности воспользоваться для взорванія башни склепомъ, соединявшимся съ нижней залой, маркизъ велѣлъ наглухо закрыть дверь этого склепа. Надъ нижней залой была круглая комната перваго этажа, въ которую, какъ уже сказано выше, можно было попасть только по очень узкой винтовой лѣстницѣ; эта комната, въ которой, какъ и въ нижней залѣ, стоялъ большой столъ, заваленный всякаго рода оружіемъ, такъ что къ нему оставалось только протянуть руку, была освѣщена большой бойницей, съ которой одно ядро только что сорвало рѣшетку; изъ этой комнаты витая лѣстница вела въ круглую комнату второго этажа, въ которой была желѣзная дверь, выходившая на мостовое зданіе. Эта комната называлась безразлично и «комнатой съ желѣзною дверью», и «зеркальной комнатой», такъ какъ по стѣнамъ ея, на ржавыхъ гвоздяхъ, висѣло множество маленькихъ зеркалъ,—довольно странное украшеніе въ этой суровой обстановкѣ. Такъ какъ продолжительная оборона была немыслима въ этихъ верхнихъ комнатахъ, то зеркальный залъ являлся тѣмъ, что Манессонъ Маллетъ, въ своемъ трактатѣ объ укрѣпленныхъ мѣстахъ, называетъ «послѣднимъ убѣжищемъ, въ которомъ осажденные заключаютъ капитуляцію». Нужно было стараться, во что бы то ни стало, не допускать сюда осаждающихъ.

И эта круглая комната верхняго этажа освѣщалась бойницами; кромѣ того, здѣсь горѣлъ факелъ, вставленный въ желѣзный под-

факельникъ, въ родѣ того, который былъ внизу. Этотъ факелъ былъ зажженъ Иманусомъ, положившимъ возлѣ самаго факела фитиль, пропитанный сѣрою. Ужасныя предосторожности!

Въ глубинѣ нижняго зала, на длинныхъ подмосткахъ, разставлены были яства, напоминавшія собою гомерическій пиръ: большія блюда съ рисомъ, размазней изъ ржи, съ телячьимъ рагу, съ лепешками изъ разваренныхъ въ водѣ муки и овощей, кувшины съ яблочнымъ виномъ. Всякій могъ здѣсь ѣсть и пить, сколько его душѣ было угодно.

Пушечный выстрѣлъ заставилъ всѣхъ встрепенуться. Оставалось всего полчаса до начала приступа.

Иманусъ съ вышки башни наблюдалъ за приближеніемъ осаждающихъ. Лантенакъ строго запретилъ стрѣлять раньше времени, прежде чѣмъ атакующіе подойдутъ на самое близкое разстояніе.

— Ихъ четыре тысячи пятьсотъ человѣкъ,—сказалъ онъ.— Убивать ихъ извнѣ безполезно. Бейте ихъ только тогда, когда они войдутъ. Внутри башни равенство силъ возстановится,—и, засмѣявшись, онъ присовокупилъ:—равенство и братство!

Рѣшено было, что когда непріятель двинется въ атаку, Иманусъ предупредитъ о томъ, протрубивъ въ рогъ. Всѣ, въ глубокомъ молчаніи, размѣстившись за баррикадой или на ступенькахъ лѣстницы, ждали, держа въ одной рукѣ ружье, а въ другой— четки.

Вотъ въ какомъ положеніи находилось дѣло. Нападающимъ предстояло ворваться въ проломъ, овладѣть сперва баррикадой, затѣмъ тремя находящимися одна надъ другою комнатами, и захватить, ступенька за ступенькой, подъ градомъ пуль, двѣ узкія витыя лѣстницы. Осажденнымъ предстояло только одно — умереть.

VII.

Приготовленія.

Говэнъ, съ своей стороны, дѣлалъ приготовленія къ атакѣ. Онъ давалъ послѣднія указанія Симурдэну, который, какъ помнитъ читатель, долженъ былъ, не принимая непосредственнаго участія въ дѣлѣ, охранять холмъ, и Гешану, который долженъ былъ съ бо̀льшею частью отряда оставаться въ наблюдательномъ положеніи у опушки лѣса. Было условлено, что ни нижняя батарея у опушки лѣса ни верхняя батарея на возвышенности не будутъ стрѣлять, если только не будетъ вылазки или попытки къ бѣгству. Говэнъ принялъ личное начальство надъ штурмовой колонной. Это-то обстоятельство и смущало Симурдэна.

Солнце только что зашло. Башня на открытомъ мѣстѣ похожа на корабль въ открытомъ морѣ. Ихъ приходится атаковать одинаковымъ образомъ; это скорѣе абордажъ, чѣмъ штурмъ. Пушки здѣсь дѣлаются излишними. Что за польза обстрѣливать стѣны въ пятнадцать футовъ толщины? Отверстіе въ борту, въ которое одни стараются проникнуть и которое другіе всячески стараются

загородить, топоры, ножи, пистолеты, кулаки, зубы—вотъ что такое этого рода бой.

Говэнъ понималъ, что не было иного средства къ тому, чтобы овладѣть башней. Ничего не можетъ быть убійственнѣе нападенія, въ которомъ противники сходятся лицомъ къ лицу. Ему знакома была страшная внутренность башни, такъ какъ онъ бывалъ въ ней ребенкомъ. Онъ впалъ въ глубокую задумчивость.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него его помощникъ Гешанъ, съ подзорной трубкой въ рукѣ, смотрѣлъ вдаль, по направленію къ Паринье. Вдругъ онъ воскликнулъ:

— А, наконецъ-то!

— Что такое, Гешанъ?—спросилъ Говэнъ, пробужденный этимъ восклицаніемъ изъ своей задумчивости.

— А вотъ, г. полковникъ, везутъ спасательную лѣстницу.

— Какъ, развѣ ея еще не было здѣсь?

— Нѣтъ, г. полковникъ, и я началъ уже тревожиться. Нарочный, котораго я посылалъ въ Жавенэ, вернулся и сообщилъ, что онъ нашелъ у Жавенейскихъ плотниковъ лѣстницу желаемыхъ размѣровъ, что онъ забралъ ее путемъ реквизиціи, что онъ велѣлъ взвалить ее на телѣгу, что онъ потребовалъ конвоя въ двѣнадцать всадниковъ, и что онъ самъ видѣлъ, какъ телѣга, конвой и лѣстница двинулись по дорогѣ въ Паринье, послѣ чего онъ прискакалъ сюда во всю конскую прыть.

— Да, да, знаю; и онъ прибавилъ еще, что такъ какъ повозка запряжена двумя здоровыми лошадьми и двинулась въ путь во второмъ часу утра, то она можетъ быть здѣсь еще до заката солнца. Все это мнѣ извѣстно. Ну, и что же?

— Ну, и вотъ, г. полковникъ, солнце уже зашло, а повозки съ лѣстницей все еще не видать.

— Неужели? Однако намъ нужно же начинать приступъ. Данный нами срокъ уже истекъ. Если мы еще промедлимъ, осажденные подумаютъ, что мы трусимъ.

— Ну, что же, г. полковникъ, поведемъ приступъ!

— Но какъ же мы будемъ штурмовать безъ спасательной лѣстницы?

— Отчего безъ лѣстницы? Съ лѣстницей. Вы только что слышали, какъ я воскликнулъ: «А, наконецъ-то!» Видя, что повозка не ѣдетъ, я взялъ подзорную трубу и сталъ смотрѣть на дорогу изъ Паринье къ Ла-Тургъ; къ великому моему удовольствію, г. полковникъ, я увидѣлъ по дорогѣ повозку съ лѣстницей и конвой. Вонъ она спускается съ холма. Вы сами можете увидѣть ее, г. полковникъ.

— Дѣйствительно, это она,—проговорилъ Говэнъ, взявъ у Гешана подзорную трубу и посмотрѣвъ въ нее. — Впрочемъ, уже смеркается и нельзя хорошенько ее разсмотрѣть. Но вотъ и конвой; ну, конечно, это она! Только конвой кажется мнѣ болѣе многочисленнымъ, чѣмъ тотъ, который вы отправили, Гешанъ.

— Да, и мнѣ самому такъ показалось.

— Они теперь приблизительно въ четверти мили отсюда.

— Черезъ часъ спасательная лѣстница будетъ здѣсь, г. полковникъ. Значитъ, можно начинать штурмъ.

То, что они увидѣли, была, дѣйствительно, повозка, но только не та, которой они ждали.

Говэнъ, обернувшись, увидѣлъ позади себя сержанта Радуба, стоявшаго вытянувшись въ струнку, съ рукою подъ козырекъ, по всѣмъ правиламъ военной дисциплины.

— Что вамъ нужно, сержантъ Радубъ?—спросилъ онъ.

— Гражданинъ-полковникъ, мы, команда батальона Красной Шапки, желали бы просить васъ объ одной милости.

— О какой милости?

— Не будете ли вы, г. полковникъ, такъ добры, чтобы велѣть насъ убить?

— Что такое?—спросилъ Говэнъ.—Убить? Зачѣмъ убить?

— Вотъ видите ли, г. полковникъ, послѣ Дольскаго дѣла вы бережете насъ. А насъ еще 12 человѣкъ. Это для насъ очень обидно.

— Вы будете составлять резервъ.

— Мы предпочли бы составлять авангардъ.

— Но я васъ берегу для рѣшительнаго удара. Вы мнѣ понадобитесь еще. Вы вѣдь тоже входите въ составъ штурмовой колонны.

— Да, но только сзади; а парижане привыкли и имѣютъ право итти впереди всѣхъ.

— Хорошо, я подумаю объ этомъ, сержантъ Радубъ.

— Только сдѣлайте это сегодня, г. полковникъ. Такой удобный случай не скоро представится. Дѣло, очевидно, будетъ жаркое. Можно будетъ здорово обжечь себѣ пальцы о Тургскую башню. Мы просимъ, какъ милости, чтобы насъ послали въ первыхъ рядахъ.

Тутъ сержантъ остановился, покрутилъ себѣ усъ и продолжалъ дрогнувшимъ голосомъ:

— И затѣмъ, вотъ видите ли, г. полковникъ, въ этой башнѣ заперты наши ребята; у насъ тамъ трое дѣтей, т.-е. дѣтей нашего батальона. Всѣ эти Грибульи, Гужъ-ле-Брюаны, Иманусы, и какъ ихъ тамъ зовутъ, этихъ разбойниковъ, угрожаютъ нашимъ дѣтямъ; слышите ли, г. полковникъ, нашимъ малюткамъ! Хотя бы земля разверзлась подъ нашими ногами, мы не допустимъ, чтобы съ ними случилось какое-либо несчастіе. Слышите ли, г. командиръ, мы этого не допустимъ! Я воспользовался недавнимъ перемиріемъ, прокрался къ мосту и посмотрѣлъ на нихъ въ окошко. Оказалось, что они, дѣйствительно, тамъ, эти херувимчики, я видѣлъ ихъ собственными моими глазами и даже, этакій дуракъ, перепугалъ ихъ. Я, сержантъ Радубъ, клянусь всѣмъ, что есть святого, г. полковникъ, что если падетъ хоть одинъ волосъ съ ихъ маленькихъ головокъ, я этого такъ не оставлю. Да и весь нашъ батальонъ говоритъ: «Мы желаемъ, чтобы ребята наши были спасены, или чтобы насъ убили». Вѣдь имѣемъ же мы на то право, чортъ побери! Да, чтобы насъ всѣхъ убили! Счастливо оставаться, г. полковникъ!

Говэнъ протянулъ Радубу руку и проговорилъ:

— Вы—молодцы! Я назначаю васъ въ штурмовую колонну, но я раздѣлю васъ на двѣ части: шесть человѣкъ я поставлю въ авангардъ, для того, чтобы колонна шла за вами, а шесть человѣкъ въ арьергардъ, для того, чтобы никто не отступалъ.

— А что же, г. полковникъ, я попрежнему остаюсь начальникомъ этихъ двѣнадцати человѣкъ?

— Конечно. А кто же иначе?

— Въ такомъ случаѣ благодарю васъ, г. полковникъ. Значитъ, я буду въ авангардѣ.

Радубъ приложилъ руку къ козырьку и возвратился въ свои ряды.

Говэнъ посмотрѣлъ на часы, сказалъ нѣсколько словъ на ухо Гешану, и штурмовая колонна начала строиться.

VIII.

Рѣчь и рычаніе.

Симурдэнъ, еще не ушедшій на свой постъ на возвышенности и стоявшій подлѣ Говэна, приблизился къ трубачу и сказалъ ему:

— Давай сигналъ трубѣ на башнѣ.

Рожокъ подалъ сигналъ, труба съ башни отвѣтила. Затѣмъ рожокъ и труба еще разъ обмѣнялись сигналами.

— Что это значитъ?—обратился Говэнъ къ Гешану.—Чего нужно Симурдэну?

Тѣмъ временемъ Симурдэнъ приблизился къ башнѣ, размахивая бѣлымъ платкомъ.

— Эй, вы тамъ, въ башнѣ,—крикнулъ онъ громкимъ голосомъ,—знаете ли вы меня?

— Знаемъ,—отвѣтилъ голосъ съ башни. То былъ голосъ Имануса.

Затѣмъ между обоими этими голосами произошелъ слѣдующій діалогъ:

— Я—уполномоченный республики.

— Неправда: ты бывшій сельскій попъ изъ Паринье.

— Я—делегатъ комитета общественнаго спасенія, представитель закона.

— Неправда: ты бывшій попъ, ты разстрига.

— Я—Симурдэнъ, комиссаръ революціоннаго правительства.

— Неправда: ты отступникъ, ты дьяволъ.

— Итакъ, вы меня знаете.

— Мы тебя ненавидимъ.

— Вы были бы рады, если бы я попалъ къ вамъ въ руки?

— Сколько насъ тутъ есть, всего восемнадцать человѣкъ, мы всѣ охотно отдали бы наши головы за твою.

— Ну, такъ слушайте же: я отдаюсь вамъ въ руки.

— Милости просимъ,—раздалось съ башни и затѣмъ послышался дикій взрывъ хохота.

Внизу весь лагерь точно замеръ, прислушиваясь къ этому діалогу.

— Но только подъ однимъ условіемъ,—продолжалъ Симурдэнъ.— Слушайте.

— Подъ какимъ же это условіемъ? Говори!

— Вы меня ненавидите, а я васъ люблю. Я—вашъ братъ.

— Да, такой же братъ, какимъ Каинъ былъ Авелю,—раздался голосъ съ башни.

Симурдэнъ продолжалъ съ странной интонаціей голоса, въ одно и то же время и надменной и кроткой:

— Оскорбляйте меня, но выслушайте! Я пришелъ къ вамъ парламентеромъ. Да, вы—мои братья. Вы—темные, заблуждающіеся люди. Я—другъ вашъ. Я—свѣтъ, говорящій съ тьмою. А свѣтъ, это—братство. Да и къ тому же, развѣ у насъ всѣхъ не одна общая мать—родина? Ну, такъ слушайте же меня! Вы узнаете впослѣдствіи, или то узнаютъ дѣти ваши, или же внуки, что все, совершающееся нынѣ, совершается во исполненіе законовъ, предписанныхъ свыше. Неужели же въ ожиданіи того времени, когда всѣ умы, и даже ваши, поймутъ это, когда всѣ страсти, и даже наши, улягутся, въ ожиданіи того, когда прольется свѣтъ,—неужели же никто не сжалится надъ вашею темнотою? Я прихожу къ вамъ, предлагая вамъ мою голову; даже больше—я протягиваю вамъ руку. Я прошу у васъ, какъ милости, чтобы вы погубили меня для того, чтобы спастись самимъ. Я снабженъ самыми обширными полномочіями и я говорю не на вѣтеръ. Наступила рѣшительная минуту; я дѣлаю послѣднюю попытку. Тотъ, кто говоритъ съ вами,—гражданинъ, но этотъ гражданинъ въ то же время и служитель Господень. Гражданинъ воюетъ съ вами, но служитель Господень умоляетъ васъ. Слушайте меня! У многихъ изъ васъ есть жены и дѣти. Я выступаю защитникомъ вашихъ женъ и дѣтей. Я выступаю защитникомъ ихъ противъ васъ самихъ. О, братья...

— Ну, замололъ попъ!—воскликнулъ со смѣхомъ Иманусъ.

— Братья мои,—продолжалъ Симурдэнъ,—не доводите дѣло до крайности. Сейчасъ начнется рѣзня. Многіе изъ насъ, которыхъ вы теперь видите передъ собою, уже не увидятъ завтра солнечнаго свѣта: да, погибнутъ многіе изъ нашихъ, а вы—вы всѣ погибнете. Пощадите самихъ себя. Къ чему безъ всякой пользы проливать столько крови? Къ чему убивать столько людей, когда достаточно убить двоихъ?

— Какъ двоихъ?—спросилъ Иманусъ.—Кого же это?

— Да, двоихъ—Лантенака и меня,—отвѣтилъ Симурдэнъ, возвышая голосъ.—Здѣсь есть два лишнихъ человѣка: Лантенакъ для насъ, и я—для васъ. Вотъ какое я вамъ дѣлаю предложеніе, ручаясь вамъ за то, что, принявъ его, вы всѣ спасете вашу жизнь. Выдайте намъ Лантенака и берите меня. Лантенакъ будетъ казненъ на гильотинѣ, а со мною вы сдѣлаете, что вамъ будетъ угодно.

— Если бы ты попался къ намъ въ руки, попъ,—закричалъ Иманусъ,—мы бы зажарили тебя на медленномъ огнѣ.

— Я и на то согласенъ,—отвѣтилъ Симурдэнъ и продолжалъ:— Вы всѣ, запертые въ башнѣ и обреченные на неминуемую смерть, можете черезъ часъ не только спасти свою жизнь, но и быть свободными. Я предлагаю вамъ спасеніе. Принимаете ли вы мое предложеніе?

— Ты не только негодяй,—закричалъ Иманусъ,—но ты еще и безумецъ! Чего тебѣ отъ насъ надо? Кто тебя просилъ приходить разговаривать съ нами? Чтобы мы выдали г. маркиза! Да чего тебѣ отъ него нужно?

— Головы его. А взамѣнъ того я предлагаю вамъ...

— Свою шкуру! Ибо мы содрали бы съ тебя съ живого шкуру, попъ Симурдэнъ. Ну, такъ нѣтъ же! Твоя шкура не стоитъ его головы. Убирайся прочь!

— Еще разъ подумайте. Наступаетъ страшный моментъ.

Въ то время, пока происходилъ этотъ ужасный обмѣнъ словъ между башней и лужайкой, стало уже темнѣть. Лантенакъ молча слушалъ весь этотъ діалогъ. Предводители, чувствуя свое превосходство, считаютъ себя въ правѣ быть эгоистами.

— Вы, нападающіе на насъ,—крикнулъ Иманусъ Симурдэну,— слушайте: мы уже объявили вамъ наши условія и мы отъ нихъ не отступимъ. Принимайте ихъ, иначе будетъ худо. Согласны ли вы? Мы возвратимъ вамъ находящихся въ рукахъ нашихъ троихъ дѣтей, а вы выпустите насъ всѣхъ изъ башни.

— Всѣхъ, за исключеніемъ одного только Лантенака, — отвѣтилъ Симурдэнъ.

— Какъ, г. маркиза? Выдать г. маркиза! Никогда!

— Намъ необходимъ Лантенакъ. Мы можемъ вступить въ соглашеніе только на этомъ условіи.

— А я повторяю вамъ, что никогда. Въ такомъ случаѣ начинайте.

Водворилось молчаніе. Иманусъ еще разъ протрубилъ сигналъ, спустился съ вышки башни. Маркизъ вынулъ изъ ноженъ шпагу; девятнадцать осажденныхъ молча размѣстились въ нижнемъ залѣ, позади баррикады, и опустились на колѣни. Они ясно слышали размѣренные шаги штурмовой колонны, въ потемкахъ приближавшейся къ башнѣ. Вдругъ стукъ шаговъ раздался уже совсѣмъ близко отъ нихъ, возлѣ самаго пролома. Тогда всѣ, стоя на колѣняхъ, вставили въ отверстіе баррикады дула своихъ ружей и мушкетоновъ, а одинъ изъ нихъ, Гранъ-Франкёръ, или аббатъ Тюрмо, приподнялся и, держа въ правой рукѣ обнаженную саблю, а въ лѣвой—распятіе, произнесъ громкимъ голосомъ:

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Всѣ выпалили залпомъ—и грянулъ бой!

IX.

Исполины противъ великановъ.

Бой былъ поистинѣ ужасный, лицомъ къ лицу, и ожесточеніе его не знало предѣловъ. Для того, чтобы отыскать что-либо подобное, пришлось бы вернуться къ Эсхиловскимъ единобор-

ствамъ или къ феодальнымъ рѣзнямъ начала среднихъ вѣковъ, къ тѣмъ боямъ холоднымъ оружіемъ, которые продолжались до XVII столѣтія и въ которыхъ проникали въ укрѣпленныя мѣста черезъ проломы, къ тѣмъ трагическимъ приступамъ, во время которыхъ, какъ описываетъ одинъ лѣтописецъ, «послѣ взрыва минъ осаждавшіе приближались къ стѣнѣ, прикрываясь большими досками, обитыми жестью, круглыми и продолговатыми щитами, и имѣя при себѣ ручныя бомбы, вытѣсняя осажденныхъ изъ ихъ укрѣпленій и овладѣвая послѣдними, безпощадно истребляя ихъ защитниковъ.

Мѣсто боя было поистинѣ ужасно. Это былъ одинъ изъ тѣхъ проломовъ, которые, на языкѣ инженеровъ, называются «подсводными брешами», т.-е. была трещина, проходящая всю толщу и высоту стѣны, а не простое круглое отверстіе. Порохъ произвелъ здѣсь дѣйствіе бурава. Дѣйствіе мины было такъ сильно, что стѣна треснула на высотѣ слишкомъ сорока футовъ надъ горномъ; но трещина эта была узка и походила скорѣе на щель, чѣмъ на отверстіе, скорѣе на результатъ удара копьемъ, чѣмъ удара топоромъ. Это былъ проколъ въ подножіи башни, откуда расходились въ разныхъ направленіяхъ змѣеобразныя жилки, какой-то безформенный цилиндръ, полный препятствій и опасностей, въ которомъ приходилось стукаться головами о гранитъ, ногами—о щебень, глазами—о мракъ.

Передъ осаждающими, точно громадная пасть, разверзлось это черное отверстіе; это была настоящая пасть акулы, въ которой обломки камней замѣняли зубы. Приходилось сначала проникать въ это отверстіе, а затѣмъ выбираться оттуда. Въ нижнемъ ярусѣ ихъ ожидала баррикада, а сверху ихъ должны были осыпать пулями и картечью. Имъ предстояло выдержать жестокій бой, въ родѣ тѣхъ, которые выдерживаютъ саперы, встрѣчаясь лицомъ къ лицу въ подземныхъ минахъ, или моряки, при взятіи судна на абордажъ. Биться на смерть на днѣ ямы, это—верхъ ужаса.

Какъ только къ пролому прихлынула первая волна осаждающихъ, съ баррикады сверкнули молніи и послышался точно подземный гулъ. Громъ извнѣ явился отвѣтомъ на этотъ гулъ изнутри. Началась ожесточенная перестрѣлка. Слышался голосъ Говэна: «Напроломъ!», и затѣмъ голосъ Лантенака: «Держитесь крѣпче!» и голосъ Имануса: «Ко мнѣ, уроженцы Мэна!» Послѣ того—лязгъ сабельныхъ ударовъ и цѣлый рядъ убійственныхъ залповъ. Факелъ, вставленный въ стѣну, слабо освѣщалъ всѣ эти ужасы. Невозможно было ничего разглядѣть, вся комната наполнилась красноватымъ дымомъ; всякій, входившій сюда, тотчасъ же дѣлался слѣпымъ, вслѣдствіе густого дыма, и глухимъ, вслѣдствіе страшной трескотни. Убитые и раненые валялись среди обломковъ; сражающіеся шагали черезъ трупы, наступали ногами на раны, окончательно ломали надломленные члены; въ воздухѣ стоялъ ревъ, и раненые кусали зубами ноги тѣхъ, кто приближался къ нимъ. По временамъ наступало молчаніе, еще болѣе ужасное, чѣмъ весь этотъ шумъ и гамъ. Люди хватали другъ друга за шиворотъ; слы-

шалось тяжелое дыханіе, скрежетаніе зубами, хрипѣніе, ругань, и все это покрывалось грохотомъ пальбы. Сквозь проломъ изъ башни вытекалъ потокъ крови и исчезалъ въ темнотѣ, дымясь въ окружавшей башню травѣ. Можно было бы подумать, что сама башня была ранена и что кровь текла изъ ея раны.

Но—странное дѣло!—снаружи башни не слышно было почти никакого шума. Ночь была совершенно темная, и вокругъ штурмуемаго замка, въ равнинѣ и въ лѣсу, царила глубокая, какъ бы могильная тишина. Внутри былъ адъ, извнѣ—гробница. Это взаимное истребленіе людей въ потемкахъ, эти ружейные выстрѣлы, эти крики, весь этотъ гамъ и шумъ—терялись подъ тяжелой массой стѣнъ и сводовъ, заглушались какъ бы недостаткомъ воздуха, точно боролись на-смерть не люди, а тѣни. Словомъ, внѣ башни почти ничего не было слышно, и во время всей этой ужасной бойни трое дѣтей спали мирнымъ сномъ.

Бой становился все ожесточеннѣе. Баррикада держалась; нѣтъ ничего труднѣе, какъ брать баррикады въ такомъ тѣсномъ пространствѣ. Если численность была на сторонѣ осаждающихъ, то удобство положенія было на сторонѣ осажденныхъ. Нападающіе понесли уже чувствительныя потери людьми. Выстроившись въ линію у подножія башни, они чуть не поодиночкѣ терялись въ отверстіи пролома, и линія становилась все короче и короче, напоминая собою ящерицу, вползающую въ свою нору.

Говэнъ, пылкій и неосторожный, какъ почти всѣ молодые офицеры, стоялъ посреди залы въ самой ужасной свалкѣ, не обращая вниманія на свиставшія кругомъ него пули. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что, не будучи ни разу раненъ, онъ въ бою дѣлался отчасти фаталистомъ. Обернувшись для того, чтобы отдать какое-то распоряженіе, онъ внезапно, при молніи ружейнаго залпа, увидѣлъ позади себя лицо Симурдэна.

— Симурдэнъ, чего вамъ здѣсь нужно?—воскликнулъ онъ.

— Я желаю быть подлѣ тебя,—отвѣтилъ его бывшій воспитатель

— Да вѣдь этакъ васъ могутъ убить!

— Ну, такъ что жъ! А тебя развѣ не могутъ? Разъ ты здѣсь—и мое мѣсто здѣсь же.

— Нисколько, мой дорогой учитель! Я здѣсь по долгу службы.

— И я также,—спокойно отвѣтилъ Симурдэнъ и остался подлѣ него.

Убитые валялись на каменномъ полу залы, и число ихъ постоянно возрастало. Хотя баррикада еще не была взята, но уже становилось очевиднымъ, что одолѣетъ, въ концѣ-концовъ, численный перевѣсъ. Правда, нападающіе сражались безъ прикрытія, а осажденные — подъ прикрытіемъ; правда, что на одного осажденнаго падали десять осаждающихъ, но къ послѣднимъ подходили все новыя и новыя подкрѣпленія, и, въ концѣ-концовъ, число ихъ постоянно росло, а число осажденныхъ уменьшалось.

Всѣ девятнадцать осажденныхъ собрались позади баррикады, и здѣсь сосредоточилась защита; но и въ числѣ ихъ оказались уже

убитые и раненые, такъ что число сражающихся среди нихъ уменьшилось до пятнадцати. Одинъ изъ самыхъ храбрыхъ изъ ихъ среды, приземистый и лохматый бретонецъ Шантъ-анъ-Иверъ, былъ страшно обезображенъ: у него была раздроблена челюсть и выколотъ глазъ. Онъ подползъ къ витой лѣстницѣ и поднялся въ верхнюю комнату, желая тамъ сначала помолиться, а потомъ умереть. Онъ приблизился къ амбразурѣ, въ надеждѣ вдохнуть тамъ свѣжаго воздуха.

Между тѣмъ, внизу, возлѣ баррикады, бойня становилась все ужаснѣе и ужаснѣе. Въ промежутокъ между двумя залпами Симурдэнъ возвысилъ голосъ и крикнулъ:

— Осажденные, къ чему продолжать безполезное кровопролитіе? Вамъ все равно нѣтъ спасенія,—сдавайтесь! Подумайте: вѣдь насъ четыре тысячи пятьсотъ человѣкъ, а васъ только девятнадцать, то-есть болѣе двухсотъ противъ одного. Сдавайтесь!

— Къ чему эта болтовня!—воскликнулъ Лантенакъ, и двадцать пуль были отвѣтомъ на слова Симурдэна. Баррикада не доходила до свода, что позволяло осажденнымъ стрѣлять изъ-за нея, но вмѣстѣ съ тѣмъ это давало осаждающимъ возможность на нее взобраться.

— Берите приступомъ баррикаду! — крикнулъ Говэнъ. — Есть охотники?

— Есть!—раздался голосъ.

То былъ голосъ сержанта Радуба.

X.

Радубъ.

Но тутъ нападающіе увидѣли нѣчто такое, что повергло ихъ въ крайнее изумленіе. Радубъ пролѣзъ въ проломъ съ остатками своего батальона, то-есть, всего самъ-шостъ, и изъ этихъ шести человѣкъ четверо уже пали. Крикнувъ «есть», онъ, однако, не бросился впередъ, а попятился назадъ, почти согнувшись пробрался между ногъ нападающихъ и, добравшись до отверстія пролома, вылѣзъ изъ него. Что это такое было—бѣгство? Такой человѣкъ—и бѣжать! Что бы это могло означать?!

Выбравшись изъ пролома, Радубъ, еще наполовину ослѣпленный дымомъ, протеръ глаза, при свѣтѣ звѣздъ осмотрѣлъ стѣну башни и кивнулъ головою, какъ бы желая сказать: «Отлично!» Дѣло въ томъ, что еще раньше онъ успѣлъ замѣтить, что глубокая трещина, произведенная взрывомъ, доходила до той амбразуры второго этажа, съ которой ядро сорвало желѣзную рѣшетку. Желѣзныя полосы были настолько погнуты, что сквозь нихъ въ амбразуру могъ пролѣзть человѣкъ. Но недостаточно было пролѣзть: нужно было еще вскарабкаться наверхъ, а это, казалось, было возможно только для кошки.

Но для Радуба это не оказалось невозможнымъ. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которыхъ Пиндаръ называлъ «ловкими атлетами». Можно быть старымъ солдатомъ и молодымъ человѣ-

комъ, а Радубу, уже служившему раньше въ гвардіи, было всего сорокъ лѣтъ отроду. Словомъ, это былъ проворный Геркулесъ.

Онъ положилъ на землю свой мушкетъ, снялъ съ себя амуницію, кафтанъ и жилетъ, оставилъ при себѣ только два пистолета, которые онъ заткнулъ за поясъ своихъ панталонъ, и обнаженную саблю, которую онъ взялъ въ зубы. Ручки обоихъ пистолетовъ высовывались изъ-за его пояса. Избавившись, такимъ образомъ, отъ всего лишняго, онъ, на глазахъ у всѣхъ атакующихъ, не успѣвшихъ еще проникнуть черезъ проломъ, сталъ взбираться по камнямъ, высовывавшимся изъ трещины, точно по ступенькамъ лѣстницы. Тутъ ему какъ нельзя лучше пригодилось то, что онъ былъ босымъ, потому что лазить легче всего босому; онъ всовывалъ ножные пальцы въ попадающіяся ему небольшія отверстія, а колѣнями и руками цѣплялся за выступы. Это было какъ бы взлѣзаніемъ по зубьямъ пилы. «Къ счастію,—думалъ онъ,—въ комнатѣ перваго этажа никого нѣтъ, иначе мнѣ не позволили бы взобраться этимъ путемъ наверхъ».

Такимъ способомъ ему пришлось взобраться на высоту не менѣе сорока футовъ, при чемъ ему порою отчасти мѣшали ручки его пистолетовъ. Кверху трещина суживалась и подъемъ становился все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Опасность паденія съ каждой минутой увеличивалась соразмѣрно съ глубиною бездны. Наконецъ онъ добрался до края бойницы. Раздвинувъ нѣсколько погнутыя и вырванныя изъ стѣны желѣзныя полосы, онъ образовалъ отверстіе настолько широкое, что черезъ него не трудно было пролѣзть. Затѣмъ, напрягши всѣ свои силы, онъ уперся колѣномъ въ корнизъ и просунулъ половину своего тѣла въ амбразуру, вися на рукахъ надъ пропастью и держа саблю въ зубахъ. Оставалось только перешагнуть карнизъ, чтобы очутиться въ залѣ перваго этажа.

Вдругъ изъ-за бойницы выглянуло чье-то лицо. Радубъ сквозь темноту разглядѣлъ передъ собою нѣчто ужасное: выколотый глазъ, раздробленную челюсть, лицо, залитое кровью, и это нѣчто ужасное смотрѣло на него своимъ единственнымъ глазомъ. Но у этой ужасной маски оказались двѣ руки, которыя высунулись въ амбразуру и потянулись по направленію къ Радубу; одна изъ нихъ выхватила оба пистолета изъ-за его пояса, а другая—вырвала саблю, которую онъ держалъ въ зубахъ.

Радубъ оказался обезоруженнымъ. Колѣно его скользило по узкому карнизу, оба его кулака, вцѣпившись въ обломки рѣшетки, съ трудомъ поддерживали тяжесть его тѣла, а подъ нимъ разверзалась пропасть въ сорокъ футовъ.

Читатель, конечно, догадался, что ужасное лицо и эти руки принадлежали раненому и обезображенному Шантъ-анъ-Иверу. Задыхаясь отъ дыма, поднимавшагося снизу кверху, онъ успѣлъ дотащиться до амбразуры. Здѣсь свѣжій воздухъ нѣсколько освѣжилъ его, кровь на его ранахъ запеклась, и онъ немного собрался съ силами. Вдругъ онъ увидѣлъ передъ собою, съ наружной стороны амбразуры, туловище Радуба, и, замѣтивъ, что тотъ вы-

нужденъ былъ обѣими руками крѣпко цѣпляться за карнизъ, такъ что ему оставалось на выборъ—или дать обезоружить себя или свалиться въ бездну, Шантъ-анъ-Иверъ съ зловѣщимъ спокойствіемъ прежде всего вынулъ у него пистолеты изъ-за пояса и саблю изъ стиснутыхъ зубовъ, и затѣмъ началось неслыханное единоборство—единоборство между безоружнымъ и раненымъ. Очевидно было, что всѣ вѣроятности побѣды были на сторонѣ послѣдняго. Достаточно было нанести Радубу самую легкую рану для того, чтобы тотъ свалился въ разверзавшуюся подъ ногами его бездну.

Къ счастію для Радуба, Шантъ-анъ-Иверъ, держа оба пистолета въ одной рукѣ, не могъ выстрѣлить ни изъ одного изъ нихъ и вынужденъ былъ пустить въ ходъ саблю; и, дѣйствительно, онъ нанесъ ею ударъ по плечу Радуба: этотъ ударъ ранилъ Радуба, но вмѣстѣ съ тѣмъ и спасъ его. Дѣло въ томъ, что онъ, хотя и безоружный, сохранилъ еще всѣ свои силы; поэтому онъ не обратилъ вниманія на рану, которая къ тому же не задѣла кости, выпустилъ изъ рукъ желѣзныя полосы, въ тотъ же моментъ сдѣлалъ скачокъ впередъ и очутился въ амбразурѣ, лицомъ къ лицу съ Шантъ-анъ-Иверомъ, бросившимъ саблю въ сторону и державшимъ въ каждой рукѣ по пистолету. Стоя въ амбразурѣ на колѣняхъ, онъ прицѣлился въ Радуба почти въ упоръ; но ослабѣвшая рука его дрожала и онъ не могъ сразу же спустить курокъ.

— Эй, ты,—крикнулъ ему Радубъ, разразившись громкимъ хохотомъ,—неужели ты, уродъ, думаешь напугать меня своей окровавленной мордой? Хорошо же ты, однако, чортъ побери, искромсалъ себѣ лицо!

Шантъ-анъ-Иверъ не переставалъ цѣлиться въ него.

Радубъ продолжалъ:

— Нечего сказать, хорошо обработала тебя картечь! Богиня войны недурно распорядилась съ твоей физіономіей, мой бѣдный малый! Ну, ну, пали, пали, мой милый!

Тотъ, дѣйствительно, выпалилъ, и пуля оторвала у Радуба половину уха. Шантъ-анъ-Иверъ направилъ, было, въ него второй пистолетъ, но Радубъ не далъ ему времени выстрѣлить.

— Довольно, милѣйшій!—воскликнулъ онъ.—Ты меня уже ранилъ два раза. Теперь мой чередъ!

Онъ кинулся на Шантъ-анъ-Ивера, подтолкнулъ его подъ локоть такъ, что пуля попала въ потолокъ, и схватилъ его рукою за разбитую челюсть. Тотъ заревѣлъ и лишился чувствъ.

— Теперь,—проговорилъ Радубъ, перешагивая черезъ него,—лежи здѣсь и не шевелись. Мнѣ нѣтъ ни времени ни охоты заниматься умерщвленіемъ тебя. Ползай сколько тебѣ угодно по полу, сотоварищъ моихъ подошвъ, а то, коли желаешь, и околѣвай: мнѣ это совершенно безразлично. Ты сейчасъ узнаешь, что твой сельскій попъ говоритъ тебѣ одинъ только вздоръ, такъ какъ ты отправишься прямо въ адъ,—и съ этими словами онъ спрыгнулъ въ залу перваго этажа.

— Однако, здѣсь ни зги не видать,—пробормоталъ онъ сквозь зубы.

Шантъ-анъ-Иверъ въ агоніи судорожно метался по полу и ревѣлъ.

— Молчать, — прикрикнулъ Радубъ, оборачиваясь къ нему.— Сдѣлай мнѣ одолженіе и помолчи, гражданинъ, противъ воли. Я въ твои дѣла не вмѣшиваюсь и не желаю доканчивать тебя. Молчать!

Затѣмъ онъ съ безпокойнымъ жестомъ почесалъ у себя въ головѣ, продолжая глядѣть на Шантъ-анъ-Ивера.

— Однако, что я стану теперь дѣлать?—бормоталъ онъ.—Все это очень хорошо, но только я безоруженъ. У меня было два выстрѣла, а ты, негодяй, выпустилъ ихъ на воздухъ. А къ тому же этотъ ѣдкій дымъ просто такъ и ѣстъ глаза.

Задѣвъ нечаянно рукою за оторванное наполовину ухо, онъ вскрикнулъ и продолжалъ:

— Ну, и что же ты выигралъ отъ того, что лишилъ меня половины уха? А впрочемъ, лучше полъ-уха, чѣмъ полголовы! Вѣдь уши, въ сущности, служатъ намъ только для украшенія. Кромѣ того, ты оцарапалъ мнѣ плечо, да это пустяки! Издыхай, мужланъ! Я прощаю тебя!

Онъ сталъ прислушиваться. Снизу доносился страшный шумъ и борьба была ожесточеннѣе, чѣмъ когда-либо.

— Дѣло тамъ, кажется, идетъ недурно,—проговорилъ онъ.— Они ревутъ «да здравствуетъ король!» Однако они издыхаютъ молодцами.

Тутъ онъ задѣлъ ногою за валявшуюся на полу свою саблю. Онъ поднялъ ее и сказалъ, обращаясь къ Шантъ-анъ-Иверу, который не шевелился и, быть-можетъ, уже умеръ:

— Вотъ видишь ли, болванъ, для того, что я желалъ сдѣлать, сабля—все равно что ничего. Мнѣ бы нужны были мои пистолеты... Но я беру ее ради тебя, чтобы тебя, дикаря, побрали черти! Да, ну, а что же я теперь стану дѣлать? Безъ пистолетовъ много не сдѣлаешь!

Онъ сталъ подвигаться впередъ по комнатѣ, стараясь оріентироваться. Вдругъ, сквозь полутьму, онъ замѣтилъ за средней колонной длинный столъ, на которомъ что-то блистало и отсвѣчивало. Онъ потрогалъ рукою: то оказались мушкеты, пистолеты, карабины,—словомъ, цѣлое собраніе огнестрѣльнаго оружія, разложеннаго въ порядкѣ, и, казалось, ожидавшаго только рукъ, чтобы пустить его въ ходъ. Это былъ запасъ оружія, разложеннаго здѣсь осажденными, для второй фазы нападенія,—словомъ, цѣлый арсеналъ.

— Да здѣсь цѣлый буфетъ!—воскликнулъ Радубъ, бросаясь къ оружію. Лицо его приняло свирѣпое выраженіе.

Дверь, которая вела на лѣстницу, соединявшую верхній этажъ съ нижнимъ, находившаяся возлѣ самаго стола, заваленнаго оружіемъ, была открыта настежь. Радубъ, бросивъ свою саблю, схватилъ въ каждую руку по двухствольному пистолету и выстрѣлилъ

изъ нихъ наугадъ на лѣстницу; затѣмъ онъ схватилъ ружье и выстрѣлилъ изъ него, затѣмъ мушкетонъ—и также выстрѣлилъ изъ него; мушкетъ оказался заряженнымъ картечью и изъ него вылетѣло пятнадцать пуль сразу. Послѣ всего этого Радубъ крикнулъ изо всей мочи на лѣстницу: «Да здравствуетъ Парижъ!» и, схвативъ второй мушкетонъ, еще бо́льшихъ размѣровъ, чѣмъ первый, онъ направилъ дуло его на витую лѣстницу и сталъ ждать.

Трудно описать смятеніе, поднявшееся въ залѣ нижняго этажа. Подобнаго рода неожиданности парализуютъ сопротивленіе. Двѣ пули изъ трехъ выстрѣловъ, сдѣланныхъ Радубомъ, попали въ цѣль: одной изъ нихъ убитъ былъ старшій изъ братьевъ Пиканбуа, другою—г. де-Келенъ, по прозванію Узаръ.

— Непріятель пробрался наверхъ!—крикнулъ маркизъ.

Этотъ возгласъ заставилъ защитниковъ баррикады покинуть ее. Точно стая вспугнутыхъ птицъ, всѣ кинулись къ лѣстницѣ. Маркизъ поощрялъ это бѣгство.

— Скорѣе, скорѣе!—говорилъ онъ.—Теперь храбрость заключается въ томъ, чтобы спастись. Заберемся во второй этажъ. Тамъ мы возобновимъ сопротивленіе.

Онъ послѣдній покинулъ баррикаду и этой своей храбрости онъ обязанъ былъ спасеніемъ.

Радубъ, стоя на верхней ступенькѣ лѣстницы, держалъ палецъ на куркѣ мушкетона и наблюдалъ. Первые, появившіеся на поворотѣ лѣстницы, были поражены залпомъ картечи и упали мертвые или раненые. Если бы маркизъ вздумалъ бѣжать вмѣстѣ съ другими, онъ бы тоже былъ убитъ. Прежде чѣмъ Радубъ успѣлъ схватить другой мушкетъ, оставшіеся въ живыхъ ворвались въ верхнюю комнату, маркизъ позади всѣхъ. Они ожидали встрѣтить въ верхней комнатѣ цѣлую толпу осаждающихъ и поэтому не заглянули даже въ нее, а поспѣшили прямо въ третій этажъ, въ зеркальную комнату, ту самую, на которую выходила желѣзная дверь, въ которую былъ проведенъ обмокнутый въ сѣрный растворъ фитиль, гдѣ приходилось сдаваться или умереть.

Говэнъ, удивленный не менѣе осажденныхъ раздавшимися сверху выстрѣлами и не понимая, откуда является къ нему эта помощь, воспользовался, однако, послѣднею, даже и не понимая ея: онъ и окружавшіе его перескочили черезъ баррикаду и, обнаживъ сабли, горячо стали преслѣдовать осажденныхъ до второго этажа. Онъ немало удивился, увидѣвъ здѣсь Радуба. Тотъ, отдавъ ему честь, сказалъ:

— Съ вашего позволенія, г. полковникъ, это сдѣлалъ я. Я вспомнилъ о Долѣ и, послѣдовавъ вашему примѣру, поставилъ непріятеля между двухъ огней.

— Примѣрный ученикъ!—проговорилъ Говэнъ, улыбаясь.

Когда по прошествіи нѣкотораго времени, глаза его нѣсколько привыкли къ темнотѣ, онъ замѣтилъ кровь на лицѣ и на одеждѣ Радуба и воскликнулъ.

— Да ты раненъ, товарищъ!

— Не извольте обращать на это вниманія, г. полковникъ. Однимъ ухомъ больше или меньше, это—все вздоръ; такіе же пустяки—полученный мною ударъ саблей. Вѣдь нельзя же разбить кулакомъ стекло, не порѣзавъ себѣ руку. Къ тому же здѣсь не одна только моя кровь.

Штурмующіе сдѣлали небольшой привалъ въ залѣ перваго этажа, завоеванной Радубомъ. Принесли фонарь; сюда же пришелъ и Симурдэнъ и сталъ совѣщаться съ Говэномъ. Дѣйствительно, было о чемъ потолковать. Осаждающіе, не будучи посвящены въ тайны осажденныхъ, не знали, что у послѣднихъ ощущался недостатокъ въ военныхъ припасахъ, не знали, что у нихъ не хватаетъ уже пороху. Верхній этажъ былъ послѣднимъ ихъ убѣжищемъ и можно было предполагать, что подъ лѣстницу подведена мина.

Несомнѣнно было только одно,—что непріятель не могъ уйти. Тѣ, кто не былъ убиты, были тамъ, наверху; они очутились какъ бы подъ ключомъ, какъ бы въ мышеловкѣ. При этой увѣренности нечего было торопиться и можно было дать себѣ время раздумать и отыскать возможно лучшій исходъ. И безъ того уже потери отряда были значительны. Нужно было стараться о томъ, чтобы не уложить слишкомъ много народу при послѣднемъ приступѣ. Этотъ приступъ и безъ того былъ сопряженъ съ большимъ рискомъ, такъ какъ не трудно было предвидѣть отчаянное сопротивленіе непріятеля.

Бой на нѣкоторое время прекратился. Осаждавшіе, овладѣвъ нижнимъ и вторымъ этажами, ждали для возобновленія атаки команды своего начальника. Говэнъ и Симурдэнъ продолжали совѣщаться. Радубъ молча присутствовалъ при ихъ совѣщаніи. Наконецъ онъ снова, приложивъ руку къ козырьку, робко проговорилъ:

— Г. полковникъ...

— Чего тебѣ нужно, Радубъ?

— Имѣю ли я право на небольшую награду, г. полковникъ?

— Конечно, имѣешь. Говори, чего ты желаешь?

— Я желалъ бы, чтобы мнѣ дозволено было первому итти наверхъ по лѣстницѣ.

Трудно было бы отказать ему въ этой просьбѣ. Да къ тому же онъ бы сдѣлалъ то, о чемъ просилъ, и безъ позволенія.

XI.

Отчаянные.

Тѣмъ временемъ, пока во второмъ этажѣ шли совѣщанія, въ верхнемъ наскоро сооружались баррикады. Успѣхъ опьяняетъ, неудачи приводятъ въ ярость. Между обоими ярусами должна была начаться борьба на жизнь и на смерть. Нижній этажъ, въ предвидѣніи побѣды, предавался надеждѣ, которая была бы самою значительной изъ всѣхъ силъ человѣческой души, если бы не существовало отчаянія.

Отчаяніе царило наверху, отчаяніе спокойное, холодное, мрачное.

Добравшись до этого послѣдняго убѣжища, дальше котораго для нихъ уже ничего не существовало, осажденные прежде всего позаботились о томъ, чтобы загородить входъ. Затворять дверь они сочли безполезнымъ; имъ показалось предпочтительнѣе завалить лѣстницу. Въ подобныхъ случаяхъ какая-нибудь куча, изъ-за которой можно видѣть и сражаться, гораздо полезнѣе затворенной двери.

Ихъ освѣщалъ факелъ, воткнутый Иманусомъ въ подфакельникъ возлѣ фитиля. Въ этой комнатѣ стоялъ одинъ изъ тѣхъ большихъ и тяжелыхъ дубовыхъ сундуковъ, въ которыхъ, ранѣе изобрѣтенія комодовъ съ выдвижными ящиками, хранились бѣлье и одежда. Осажденные притащили этотъ сундукъ и поставили его стоймя къ самой двери. Онъ какъ разъ приходился по ширинѣ ея и герметически закрывалъ входъ. Лишь наверху, около свода, оставалось свободнымъ небольшое пространство, черезъ которое очень удобно можно было стрѣлять въ поднимающихся по узкой лѣстницѣ непріятелей.

Загородивъ входъ, они осмотрѣлись и стали считать. Изъ девятнадцати ихъ оставалось только семеро, да изъ числа этихъ семерыхъ только маркизъ и Иманусъ не были ранены. Впрочемъ и пятеро раненыхъ, какъ это случается во время жаркаго боя, если только рана не безусловно смертельна, сохранили всю свою бодрость и подвижность. Эти пятеро были: Шатенэ, по прозванію Роби, Винуазо, Гранаръ-Золотая-Вѣтка, Бренъ-'д-Амуръ и Гранъ-Франкёръ. Всѣ остальные были перебиты. У нихъ не хватало пороху; патронницы были пусты. Они пересчитали свои заряды, и оказалось, что на семь человѣкъ у нихъ оставалось всего четыре выстрѣла. Очевидно было, что имъ не оставалось ничего иного, какъ умереть. Они были приперты къ самому краю разверстой и ужасной пропасти. Не упасть въ нее казалось совершенно невозможнымъ.

Тѣмъ временемъ штурмъ возобновился на этотъ разъ медленно и методически. Слышно было, какъ осаждающіе, поднимаясь по лѣстницѣ, стучали прикладами ружей по ступенькамъ. О бѣгствѣ нечего было и думать. Черезъ библіотеку? Но на возвышенности стояли шесть пушекъ, съ зажженными фитилями, направленныя на библіотеку. Черезъ верхнія комнаты? Но къ чему бы это повело? Изъ нихъ былъ только одинъ выходъ—на крышу башни, откуда можно было развѣ только броситься головою внизъ.

Семь человѣкъ, переживавшихъ этотъ эпическій бой, видѣли себя безпощадно охваченными и удерживаемыми тою самою толстою стѣной, которая еще недавно защищала ихъ, а теперь выдавала ихъ головою. Они не были еще схвачены, но уже чувствовали себя плѣнниками.

— Друзья мои,—все кончено,—обратился маркизъ къ остальнымъ, возвышая голосъ, и, немного помолчавъ, онъ прибавилъ:—Пускай Гранъ-Франкёръ снова превратится на время въ аббата Тюрмо.

Всѣ встали на колѣни, взявъ въ руки четки. Удары прикладами осаждающихъ слышались все ближе и ближе.

Гранъ-Франкёръ, съ лицомъ, покрытымъ кровью отъ полученной имъ раны въ голову, при чемъ была содрана часть головной

кожи, поднялъ правою рукою распятіе. Маркизъ, хотя и скептикъ въ душѣ, преклонилъ колѣни.

— Пусть каждый изъ васъ,—проговорилъ Гранъ-Франкёръ,— громко покается въ своихъ грѣхахъ. Г. маркизъ, начинайте!

— Я убивалъ,—отвѣтилъ маркизъ.

— Я убивалъ,—сказалъ Уанаръ.

— Я убивалъ,—сказалъ Гинуазо.

— Я убивалъ,—сказалъ Бренъ-д'Амуръ.

— Я убивалъ,—сказалъ Шатенэ.

— Я убивалъ,—сказалъ Иманусъ.

— Во имя Пресвятой Троицы,—проговорилъ Гранъ-Франкёръ,— отпускаю вамъ грѣхи ваши. Да отыдутъ ваши души съ миромъ. Аминь.

— Аминь,—повторили въ одинъ голосъ остальные шестеро.

— А теперь давайте умирать,—проговорилъ маркизъ, поднимаясь на ноги.

— И убивать,—добавилъ Иманусъ.

Удары прикладами стали раздаваться у самой двери. Загораживавшій ее сундукъ зашатался.

— Думайте о Богѣ,—проговорилъ аббатъ.—Земля уже болѣе не существуетъ для васъ.

— Да,—подтвердилъ маркизъ,—мы всѣ уже находимся въ могилѣ.

Всѣ преклонили головы и, ставъ на колѣна, стали креститься. Только маркизъ и аббатъ продолжали стоять. Устремивъ глаза въ землю, священникъ молился, крестьяне молились, маркизъ о чемъ-то думалъ. Сундукъ издавалъ глухіе, зловѣщіе звуки, точно подъ ударами молотовъ.

Въ эту самую минуту громкій, здоровый голосъ вдругъ раздался за ихъ спинами и воскликнулъ:

— Вѣдь вотъ я же правду говорилъ, г. маркизъ!

Всѣ въ изумленіи оглянулись. Въ стѣнѣ неожиданно открылось отверстіе. Камень, аккуратно пригнанный къ остальнымъ, но не скрѣпленный цементомъ, съ желѣзными скобами наверху и внизу, повернулся на своей оси, точно турникетъ, и, поворачиваясь, открылъ отверстіе въ стѣнѣ или, вѣрнѣе сказать, два отверстія, по одному съ каждой стороны оси камня; отверстія эти, хотя довольно узкія, позволяли, однако, человѣку пролѣзть въ нихъ. Позади этой неожиданной двери виднѣлись верхнія ступеньки витой лѣстницы. Въ отверстіе выглядывало человѣческое лицо.

Маркизъ узналъ въ немъ Гальмало.

XII.

Спаситель.

— Какъ! это ты, Гальмало?

— Я, г. маркизъ. Вы видите, что существуютъ вертящіеся камни, и что есть возможность выбраться отсюда. Я, кажется, слава Богу, поспѣлъ во-время. Поторопитесь, и черезъ десять минутъ вы будете въ чащѣ лѣса.

— Великъ и милосердъ Господь!—проговорилъ аббатъ.

— Спасайтесь, г. маркизъ!—закричали всѣ въ одинъ голосъ.

— Нѣтъ, сначала спасайтесь вы всѣ,—спокойно возразилъ маркизъ.

— Вы должны выбраться отсюда первымъ, г. маркизъ,—сказалъ аббатъ.

— Нѣтъ, я выйду послѣднимъ,—отвѣтилъ маркизъ и прибавилъ строгимъ голосомъ:—Къ чему всѣ эти разговоры! У насъ нѣтъ времени на то, чтобъ играть въ великодушіе. Вы ранены. Я приказываю вамъ бѣжать и жить. Пользуйтесь скорѣе этой лазейкой. Спасибо тебѣ, Гальмало!

— Такъ, значитъ, намъ приходится разстаться, г. маркизъ?—спросилъ аббатъ Тюрмо.

— Внизу — конечно! Вѣдь бѣжать можно только поодиночкѣ.

— Но не назначить ли намъ, г. маркизъ, какого-нибудь сборнаго пункта?

— Непремѣнно. Тамъ, въ лѣсу, есть лужайка, называемая Говэновъ Камень. Знакомо ли вамъ это мѣсто?

— Оно намъ всѣмъ знакомо.

— Я буду тамъ завтра въ полдень. Пускай тамъ же будутъ всѣ, кто еще въ состояніи ходить, и мы сызнова начнемъ борьбу.

Тѣмъ временемъ Гальмало, надавивъ на вращающійся камень, замѣтилъ, что онъ уже не вертится и что такимъ образомъ послѣ бѣгства нельзя будетъ снова закрыть отверстіе.

— Г. маркизъ, воскликнулъ онъ,—нужно торопиться: камень больше не поворачивается. Мнѣ удалось открыть отверстіе, но не удастся снова его закрыть.

Дѣйствительно, шарниры, на которыхъ поворачивался камень, очевидно, заржавѣли отъ долгаго неупотребленія, и оказывалось невозможнымъ привести ихъ въ движеніе.

— Г. маркизъ, — продолжалъ Гальмало,—я надѣялся было снова закрыть отверстіе, такъ чтобы синіе, взойдя сюда и никого здѣсь не заставъ, не могли бы взять въ толкъ, куда всѣ дѣвались, и подумали бы, что всѣ вылетѣли въ трубу. Но вотъ этотъ проклятый камень застрялъ. Непріятель увидитъ отверстіе, черезъ которое всѣ бѣжали, и пустится преслѣдовать. Поэтому намъ не слѣдуетъ терять ни минуты. Живѣе спасайтесь всѣ по лѣстницѣ!

— Товарищъ,—спросилъ Иманусъ, кладя ему руку на плечо,—сколько потребуется времени для того, чтобы, пролѣзши въ это отверстіе, найти безопасное убѣжище въ лѣсу?

— А между вами нѣтъ тяжело раненыхъ?—въ свою очередь, спросилъ Гальмало.

— Нѣтъ, никого,—отвѣтили ему.

— Въ такомъ случаѣ достаточно получаса.

— Значитъ, если бы непріятелю не удалось проникнуть сюда въ теченіе получаса...

— То онъ можетъ преслѣдовать насъ, сколько ему угодно: ему насъ не настигнуть.

— А они могутъ ворваться сюда черезъ пять минутъ,—замѣтилъ маркизъ.—Этотъ старый сундукъ не въ состояніи будетъ надолго задержать ихъ. Нѣсколько ударовъ прикладомъ—и онъ будетъ поваленъ. Четверть часа! Да развѣ можно будетъ задержать ихъ на четверть часа?

— Можно,—проговорилъ Иманусъ.—Я берусь за это.

— Какъ! ты, Гужъ-ле-Брюанъ?

— Да, я, г. маркизъ. Видите ли, изъ шести человѣкъ здѣсь пятеро раненыхъ, а у меня же нѣтъ царапины.

— И у меня тоже,—сказалъ маркизъ.

— Да, но вы начальникъ, г. маркизъ, а я—простой солдатъ. А начальникъ и солдатъ—не одно и то же.

— Я это знаю. У каждаго изъ насъ свой особый долгъ.

— Товарищи, — проговорилъ Иманусъ, обращаясь къ своимъ товарищамъ,—дѣло состоитъ въ томъ, чтобы по возможности дольше задержать непріятеля и отсрочить преслѣдованіе. Слушайте! Я сохранилъ всѣ свои силы, я не потерялъ ни единой капли крови; не будучи раненъ, я могу выдержать дольше всякаго другого. Уходите всѣ, но оставьте мнѣ ваше оружіе. Я сдѣлаю изъ него хорошое употребленіе. Я берусь задержать непріятеля на добрыхъ полчаса. Сколько здѣсь соберется заряженныхъ пистолетовъ? Четыре? Хорошо! Положите ихъ тамъ, на полъ.

Всѣ послушались. Онъ продолжалъ:

— Прекрасно. Я остаюсь. Имъ еще придется перевѣдаться со мною. А теперь—маршъ, уходите!

Бываютъ такія обостренныя положенія, въ которыхъ благодарность становится излишней. Всѣ ограничились тѣмъ, что наскоро пожали ему руку.

— До скораго свиданія,—сказалъ ему маркизъ.

— Нѣтъ, г. маркизъ, нѣтъ, надѣюсь, что не до скораго, ибо я черезъ нѣсколько минутъ умру.

Всѣ принялись, одинъ за другимъ, спускаться по узкой лѣстницѣ, раненые впереди. Пока спускались передніе, маркизъ вынулъ изъ записной книжки свой карандашъ и написалъ нѣсколько словъ на камнѣ, который не могъ уже поворачиваться и который оставлялъ отверстіе открытымъ.

— Идите же, г. маркизъ,—крикнулъ ему Гальмало.—Теперь дѣло только за вами.

Онъ сталъ спускаться, маркизъ послѣдовалъ за нимъ. Иманусъ одинъ остался на башнѣ.

XIII.

Палачъ.

Четыре заряженныхъ пистолета положены были на плиты, такъ какъ въ этой комнатѣ, собственно, не было пола. Иманусъ взялъ по одному изъ нихъ въ каждую руку и приблизился къ выходу на лѣстницу, загороженному сундукомъ.

Нападающіе опасались, очевидно, какой-нибудь ловушки, какого-нибудь взрыва, погребающаго подъ развалинами взятой крѣпости и побѣжденныхъ и побѣдителей. Насколько первая атака была рѣшительна, настолько же послѣдняя была осторожна и медленна. Быть-можетъ, они не могли, а быть-можетъ, и не желали проломить сундукъ; ударами прикладовъ они выбили въ немъ дно, ударами штыковъ они продырявили его крышку, и теперь они пытались разглядѣть черезъ эти дыры комнату, прежде чѣмъ въ нее проникнуть. Свѣтъ фонарей, которые они взяли съ собою, поднимаясь на лѣстницу, проходилъ черезъ эти дыры.

Иманусъ замѣтилъ у одной изъ этихъ дыръ чей-то наблюдающій глазъ. Онъ быстро направилъ туда дуло одного изъ своихъ пистолетовъ и спустилъ курокъ; раздался выстрѣлъ, и обрадованный Иманусъ услышалъ страшный крикъ: пуля попала въ глазъ и пробила голову смотрѣвшаго въ отверстіе солдата. Тотъ опрокинулся на лѣстницу навзничь. Однако нападающимъ удалось пробить два довольно значительныхъ отверстія въ крышкѣ сундука и сдѣлать изъ нихъ нѣчто въ родѣ двухъ бойницъ. Иманусъ воспользовался однимъ изъ этихъ отверстій, просунулъ въ него руку и наугадъ выстрѣлилъ въ кучу нападающихъ изъ второго своего пистолета. Пуля пролетѣла, очевидно, рикошетомъ, такъ какъ раздалось нѣсколько криковъ, какъ будто трое или четверо были убиты или ранены, и на лѣстницѣ послышался топотъ, свидѣтельствовавшій о томъ, что нападающіе поспѣшно удалялись.

Иманусъ отбросилъ въ сторону только что разряженные имъ два пистолета и схватилъ два остальныхъ; затѣмъ, держа эти пистолеты въ рукахъ, онъ заглянулъ сквозь отверстія въ сундукѣ и обрадовался достигнутымъ имъ результатамъ: нападающіе поспѣшно спустились съ лѣстницы и никого изъ нихъ уже не было видно, такъ какъ повороты лѣстницы позволяли разглядѣть только три или четыре ступеньки лѣстницы; на этихъ ступенькахъ валялись мертвые и умирающіе.

Иманусъ немного подождалъ и проговорилъ: «Все же выиграно время». Въ эту самую минуту онъ увидѣлъ какого-то человѣка, взбиравшагося ползкомъ на ступеньки лѣстницы, а пониже его изъ-за поворота спирали показалась еще чья-то голова. Иманусъ прицѣлился въ эту голову и выстрѣлилъ. Раздался крикъ, солдатъ упалъ, а Иманусъ переложилъ изъ лѣвой руки въ правую послѣдній изъ оставшихся еще у него заряженныхъ пистолетовъ. Но въ это самое время онъ почувствовалъ жгучую боль и, въ свою очередь, испустилъ громкій крикъ: чья-то сабля воткнулась ему въ животъ. Кулакъ, принадлежавшій проползшему по лѣстницѣ человѣку, просунулся во второе изъ отверстій, пробитыхъ въ днѣ ящика, и этотъ кулакъ вонзилъ саблю въ животъ Имануса.

Рана была ужасная, такъ какъ животъ былъ проткнутъ насквозь. Иманусъ, однако, не упалъ. Онъ только заскрежеталъ зубами, проговорилъ: «ладно» и шатаясь и спотыкаясь, доплелся

до горѣвшаго возлѣ желѣзной двери факела, положилъ свой пистолетъ на полъ, схватилъ факелъ и, поддерживая лѣвой рукою вываливавшіяся внутренности, правою рукою опустилъ факелъ и поджегъ фитиль. Огонекъ тотчасъ же сталъ перебѣгать по пропитанному сѣрой фитилю. Иманусъ выпустилъ изъ рукъ факелъ, продолжавшій еще горѣть на землѣ, схватилъ валявшійся на полу послѣдній свой заряженный пистолетъ, приподнялся, насколько то позволяли его силы, и сталъ раздувать горѣвшій фитиль. Пламя разгорѣлось ярче, прошло подъ дверью и вскорѣ добралось до мостового зданія.

Тогда, увидѣвъ, что ужасное дѣло его увѣнчалось успѣхомъ, быть-можетъ, болѣе довольный своимъ преступленіемъ, чѣмъ своею добродѣтелью, человѣкъ этотъ, который только что былъ героемъ, а теперь сдѣлался гнуснымъ убійцей, собираясь умереть, улыбнулся и проговорилъ:

— Будутъ же они меня помнить! Я мщу на ихъ малюткахъ за нашего малютку, за нашего короля, котораго они держатъ въ темницѣ.

XIV.

Иманусъ также спасается.

Въ это самое мгновеніе раздался сильный трескъ; сундукъ подъ сильнымъ напоромъ повалился, и въ комнату ворвался какой-то человѣкъ, съ обнаженной саблей въ рукѣ, и закричалъ:

— Это я,—Радубъ! Выходите противъ меня! Мнѣ надоѣло ждать, и я прорвался къ вамъ. Одному я уже успѣлъ выпустить кишки. Теперь я васъ всѣхъ вызываю на бой. Пусть другіе слѣдуютъ за мною или не слѣдуютъ, мнѣ все равно. Сколько васъ здѣсь?

Дѣйствительно, Радубъ былъ одинъ. Послѣ бойни, произведенной Иманусомъ на лѣстницѣ, Говэнъ, опасаясь скрытаго подкопа, велѣлъ своимъ солдатамъ отступить и совѣщался съ Симурдэномъ. Стоя на порогѣ двери, съ обнаженной саблей въ рукѣ, Радубъ, ничего не видя впотьмахъ, такъ какъ единственный факелъ, освѣщавшій комнату, почти погасъ, повторилъ свой вопросъ:

— Я одинъ! Сколько же васъ?

Не получая отвѣта, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ. Гаснущій факелъ вспыхнулъ предсмертной, такъ сказать, вспышкой, которая освѣтила всю комнату. Радубъ замѣтилъ одно изъ небольшихъ зеркалъ, висѣвшихъ на стѣнѣ, увидѣлъ въ немъ свое окровавленное лицо и державшееся на одной только кожѣ ухо, и проговорилъ:

— Однакоже, недурно они меня отдѣлали!

Затѣмъ онъ оглядѣлся, удивляясь пустотѣ залы, и воскликнулъ:

— Неужели же здѣсь никого нѣтъ?!

Тутъ онъ замѣтилъ отверстіе въ стѣнѣ, поворачивающійся камень и лѣстницу, и проговорилъ:

— А-а, понимаю! Удрали! Идите сюда, товарищи, идите! Они скрылись, бѣжали, дали тягу! Эта старая башня дала трещину, и они черезъ нее утекли, канальи! Можно ли справиться съ Питтомъ и герцогомъ Кобургскимъ, когда имѣешь дѣло съ такими людьми! Очевидно, имъ помогъ самъ дьяволъ. Здѣсь больше никого нѣтъ!

Въ это самое время раздался пистолетный выстрѣлъ, и пуля, задѣвъ локоть Радуба, ударилась въ стѣну.

— А, нѣтъ! Есть кто-то! Кто бы это оказалъ мнѣ такой любезный пріемъ?

— Это я,—проговорилъ чей-то голось.

Радубъ сталъ всматриваться въ темноту и различилъ на полу какой-то предметъ. То былъ Иманусъ.

— Ага!—воскликнулъ онъ.—Одинъ-то здѣсь, а остальные бѣжали. Ну, ты-то не убѣжишь!

— Ты думаешь?—спросилъ Иманусъ.

— Эй, ты, что валяешься на землѣ,—крикнулъ Радубъ, дѣлая одинъ шагъ впередъ,—кто ты?

— Я—тотъ, кто лежитъ на землѣ и кто смѣется надъ тѣми, что стоятъ на ногахъ.

— Что у тебя въ правой рукѣ?

— Пистолетъ.

— А въ лѣвой?

— Мои кишки.

— Ты мой плѣнникъ!

— Неправда, ошибаешься!—и Иманусъ, нагнувшись къ подожженому имъ фитилю, дунулъ на него послѣднимъ дыханіемъ и испустилъ духъ.

Вскорѣ сюда же явились Говэнъ, Симурдэнъ и другіе. Всѣ они обратили вниманіе на отверстіе въ стѣнѣ, обыскали всѣ углы, осмотрѣли лѣстницу: она вела въ какой-то ровъ. Не оставалось никакого сомнѣнія относительно того, что по ней совершилось бѣгство. Стали расталкивать Имануса, но онъ былъ мертвъ. Говэнъ, съ фонаремъ въ рукѣ, осмотрѣлъ камень, давшій осажденнымъ возможность бѣжать. Онъ когда-то слышалъ объ этомъ вертящемся камнѣ, но до сихъ поръ считалъ эти разсказы легендой. Разсматривая камень, онъ замѣтилъ нѣсколько словъ, написанныхъ карандашомъ. Онъ поднесъ къ этому мѣсту фонарь и прочелъ:

«До свиданія, господинъ виконтъ.—Лантенакъ».

Гешанъ подошелъ къ Говэну. Всякое преслѣдованіе становилось, очевидно, безполезнымъ: со времени бѣгства прошло уже достаточно времени, бѣжавшіе, безъ сомнѣнія, хорошо знали окрестную мѣстность, за нихъ были лѣса, кустарники, овраги, жители. Они, конечно, успѣли уйти уже далеко и отыскать ихъ было невозможно. Весь Фужерскій лѣсъ былъ не что иное, какъ громадное потайное убѣжище. Что было дѣлать? Приходилось начинать все сызнова. Говэнъ и Гешанъ, оба одинаково разочарованные, обмѣнивались своими предположеніями. Симурдэнъ слушалъ ихъ съ серьезнымъ видомъ, не произнося ни слова.

— Кстати, Гешанъ,—вспомнилъ Говэнъ,—а что же лѣстница?

— Ее не привезли, г. полковникъ.

— А между тѣмъ вѣдь я самъ видѣлъ, какъ подъѣзжала повозка подъ конвоемъ жандармовъ.

— Да, но только она привезла не лѣстницу,—отвѣтилъ Гешанъ.

— Что же такое она привезла?

— Гильотину,—отвѣтилъ за Гешана Симурдэнъ.

XV.

Не слѣдуетъ класть въ тотъ же карманъ часы и ключъ.

Маркизъ Лантенакъ не былъ такъ далеко отъ нихъ, какъ они предполагали; но, тѣмъ не менѣе, онъ былъ въ полной безопасности и они никакъ не могли его захватить.

Онъ послѣдовалъ за Гальмало. Лѣстница, по которой онъ и Гальмало спустились вслѣдъ за остальными бѣглецами, кончалась у самаго рва, близъ пролетовъ моста, возлѣ узкаго, сводчатаго коридора. Коридоръ этотъ былъ, собственно, не что иное, какъ глубокая, естественная трещина въ почвѣ, выходившая однимъ концомъ своимъ въ ровъ, а другимъ въ лѣсъ. Эта трещина, совершенно незамѣтная для глаза, извивалась среди густого, непроходимаго кустарника. Тутъ не было никакой возможности найти человѣка. Бѣглецъ, разъ добравшись до этой трещины, могъ считать себя въ полнѣйшей безопасности. Входъ въ этотъ коридоръ со стороны лѣстницы былъ до того закрытъ густо разросшимся кустарникомъ, что строители подземнаго хода сочли даже излишнимъ закрыть его какимъ-либо инымъ способомъ.

Маркизу оставалось теперь заботиться лишь о томъ, какъ бы уйти подальше. Ему даже не зачѣмъ было переодѣваться, такъ какъ съ самаго своего прибытія въ Бретань онъ даже не покидалъ своего крестьянскаго платья, полагая, что такъ онъ скорѣе является знатнымъ бариномъ. Онъ ограничился тѣмъ, что отстегнулъ отъ пояса свою шпагу и бросилъ въ сторону какъ ее, такъ и самый поясъ.

Когда Гальмало и маркизъ вышли изъ подземнаго хода въ трещину, остальныхъ пятерыхъ—Гинуазо, Уанара-Золотой-Вѣтки, Бренъ-д'Амура, Шатенэ и аббата Тюрмо—здѣсь уже не было.

— Они, однако, какъ видно, не теряли даромъ времени,—замѣтилъ Гальмало.

— Послѣдуй и ты ихъ примѣру,—сказалъ маркизъ.

— Г. маркизъ желаетъ, чтобы я покинулъ его?

— Безъ сомнѣнія. Вѣдь я это уже говорилъ тебѣ. Бѣжать удобно только поодиночкѣ. Тамъ, гдѣ проберется одинъ, двое не проберутся. Мы вдвоемъ обратили бы на себя вниманіе; ты былъ бы виновникомъ, что захватили бы меня, а я—что захватили бы тебя. Я и безъ тебя хорошо знаю мѣстность.

— Значитъ, г. маркизъ, остается при томъ, что всѣ соберутся у Говэнова Камня?

— Да, завтра въ полдень.

— Я буду тамъ. Мы всѣ тамъ будемъ. Ахъ, г. маркизъ, — воскликнулъ онъ, — когда я подумаю о томъ, что мы съ вами были вдвоемъ въ открытомъ морѣ, чтобы мы были одни, что я желалъ убить васъ, что вы были моимъ господиномъ, что вы могли напомнить мнѣ о томъ и что вы этого не сдѣлали! Ахъ, что вы за человѣкъ!

— Да, Англія, одна только Англія,—проговорилъ маркизъ, какъ бы не слушая его.—Другого средства нѣтъ! Черезъ двѣ недѣли англичане должны быть во Франціи.

— А мнѣ нужно еще отдать подробный отчетъ г. маркизу. Я исполнилъ всѣ ваши порученія.

— Мы объ этомъ потолкуемъ завтра. Кстати, ты, быть-можетъ, голоденъ?

— Немного, г. маркизъ. Я такъ спѣшилъ къ вамъ, что не успѣлъ ничего поѣсть сегодня.

Маркизъ вынулъ изъ своего кармана палочку шоколаду, переломилъ ее пополамъ, отдалъ одну половину ея Гальмало, а самъ принялся грызть другую.

— Г. маркизъ, — проговорилъ Гальмало, — направо отъ васъ— ровъ, налѣво—лѣсъ.

— Хорошо. Оставь меня. Ступай своей дорогой.

Гальмало повиновался и пошелъ по направленію къ лѣсу. Вскорѣ послышался трескъ сухихъ сучьевъ, и затѣмъ все смолкло. По прошествіи нѣсколькихъ секундъ не было бы ни малѣйшей возможности напасть на его слѣдъ. Лѣсистая часть Бретани, дикая и непроходимая, являлась лучшимъ союзникомъ бѣглецовъ. Человѣкъ здѣсь не исчезалъ, а, такъ сказать, пропадалъ. Эта-то возможность для бунтовщиковъ скрываться въ одно мгновеніе ока заставляла республиканскія арміи дѣйствовать какъ бы ощупью въ этой постоянно отступающей Вандеѣ, противъ этихъ опасныхъ бѣглецовъ.

Маркизъ остался неподвиженъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые стараются ничего не испытывать; но тѣмъ не менѣе онъ невольно полною грудью вздохнулъ въ себя свѣжій воздухъ, послѣ того, какъ вдыхалъ въ себя такъ долго лишь запахъ крови и труповъ. Чувствовать себя вполнѣ спасеннымъ, послѣ того, какъ онъ считалъ себя безвозвратно погибшимъ; чувствовать себя полнымъ жизни, послѣ того какъ уже видѣлъ передъ собою разверстую могилу; уйти отъ смерти и возвратиться къ жизни—это было даже для такого человѣка, какъ Лантенакъ, чувствительнымъ потрясеніемъ. И хотя ему уже не разъ приходилось испытывать подобныя потрясенія, онъ не могъ не ощущать нѣкотораго минутнаго содроганія въ своей закаленной душѣ. Онъ долженъ былъ сознаться самъ себѣ, что онъ былъ доволенъ. Но онъ поспѣшилъ обуздать это чувство, почти похожее на радость.

Но который же былъ часъ? Онъ вынулъ свои часы, нажалъ пружину и прислушался къ ихъ бою. Къ немалому его удивленію,

оказалось, что было всего десять часовъ. Человѣку, только что пережившему одну изъ житейскихъ катастрофъ, гдѣ все его существованіе ставилось на карту, всегда свойственно удивляться, что такія важныя для него минуты не длиннѣе другихъ. Сигнальный пушечный выстрѣлъ сдѣланъ былъ незадолго до солнечнаго заката, штурмъ Тургской башни начался полчаса спустя, между семью и восемью часами, когда начало смеркаться. Такимъ образомъ, этотъ ожесточенный бой, начавшійся въ восемь часовъ, окончился къ десяти. Вся эта трагическая эпопея продолжалась менѣе ста двадцати минутъ. Катастрофы совершаются порою съ быстротою молніи; событія подвержены удивительнымъ сокращеніямъ. Но если хорошенько вдуматься въ это явленіе, то нельзя будетъ не прійти къ заключенію, что удивительнымъ скорѣе представлялось бы обратное явленіе, а именно двухчасовое сопротивленіе этой горсти людей непріятелю, сильнѣйшему въ двѣсти разъ, эта продолжительная геройская борьба девятнадцати противъ четырехъ тысячъ.

Однако пора было уходить. Гальмало, очевидно, находился уже далеко и маркизъ сообразилъ, что и ему незачѣмъ оставаться здѣсь дольше. Онъ снова опустилъ часы въ карманъ, но не въ тотъ самый, въ которомъ они были прежде, такъ какъ онъ только что замѣтилъ, что они находятся тамъ въ соприкосновеніи съ ключомъ отъ желѣзной двери, который незадолго передъ началомъ атаки передалъ ему Иманусъ и что такимъ образомъ стекло его часовъ можетъ разбиться о ключъ; затѣмъ и онъ собирался было направиться въ лѣсъ.

Поворачивая влѣво, онъ замѣтилъ что-то въ родѣ отблеска зарева. Онъ обернулся и сквозь кустарникъ, отчетливо выдѣлявшійся на красномъ фонѣ въ мельчайшихъ своихъ подробностяхъ, замѣтилъ въ оврагѣ какой-то яркій свѣтъ. Онъ пошелъ было въ ту сторону, но затѣмъ спохватился, что ему незачѣмъ показываться среди этого яркаго освѣщенія, отъ чего бы ни происходило послѣднее; да и, наконецъ, какое ему было дѣло до причины этого свѣта? Онъ пошелъ по тому направленію, которое указалъ ему Гальмало, и сталъ приближаться къ лѣсу.

Вдругъ, уже успѣвъ углубиться въ терновникъ и скрыться въ немъ, онъ услышалъ надъ самой своей головой страшный крикъ. Этотъ крикъ раздался, повидимому, съ вершины площадки, надъ самымъ рвомъ. Маркизъ поднялъ глаза и остановился.

Книга пятая.—IN DEMONE DEUS[1]).

I.

Отысканы, но потеряны.

Въ то время, когда Михалина Флешаръ увидѣла башню, залитую красноватымъ свѣтомъ заходящаго солнца, она находилась отъ нея на разстояніи больше мили. Несмотря на свою крайнюю усталость, она не задумалась пройти эту милю. Женщины слабы, но матери сильны.

Итакъ, она пустилась въ путь. Солнце зашло; сначала наступили сумерки, потомъ—совершенная темнота. По дорогѣ она услышала, какъ на какой-то отдаленной, невидимой ею, колокольнѣ пробило сначала восемь, потомъ девять часовъ; вѣроятно, то была колокольня въ Паринье. По временамъ она на секунду останавливалась, прислушиваясь къ неопредѣленнымъ ночнымъ звукамъ. Она шла все прямо, ступая натертыми до крови ногами по дикому терновнику. Она руководилась слабымъ свѣтомъ, исходившимъ изъ отдаленной башни, обрисовывавшимъ ея очертанія и придававшимъ ей таинственныя формы. Этотъ свѣтъ дѣлался болѣе яркимъ, когда звуки усиливались, и затѣмъ снова исчезалъ.

Мѣстность, по которой шла Михалина Флешаръ, поросла травою и верескомъ; но на всемъ пути ей не попалось ни одного дома ни даже дерева. Дорога шла все въ гору и въ отдаленіи какъ бы упиралась въ темное звѣздное небо. Видъ башни, которую она постоянно имѣла передъ глазами, придавалъ ей силы на то, чтобы совершить этотъ трудный подъемъ. Башня эта медленно, но постоянно росла.

Свѣтъ и звуки исходили изъ башни, какъ мы только что сказали, съ перерывами, представляя собою мучительную загадку для несчастной матери. Вдругъ они прекратились; все погасло и замолкло; наступили мертвыя, зловѣщія молчаніе и темнота.

Въ эту самую минуту Михалина Флешаръ дошла до вершины возвышенности. Она увидѣла у своихъ ногъ ровъ, дно котораго терялось среди ночной тьмы. Въ нѣкоторомъ разстояніи передъ собою она увидѣла колеса, откосы, амбразуры: то была республиканская батарея, а на нѣкоторомъ разстояніи, при слабомъ свѣтѣ горѣвшихъ пушечныхъ фитилей, она увидѣла большую постройку, казавшуюся еще болѣе темной, чѣмъ окружавшая ее тьма. Постройка эта состояла изъ моста, быки котораго уходили въ ровъ, и изъ какого-то возвышавшагося на этомъ мосту зданія; и мостъ и зданіе это прислонялись къ чему-то темному и круглому: это и

[1]) Въ демонѣ—богъ.

была башня, составлявшая желанную цѣль долгаго путешествія несчастной матери.

Въ окнахъ и амбразурахъ башни мелькали какія-то тѣни, и, по доносившимся оттуда звукамъ, можно было заключить, что то была толпа людей: нѣсколько такихъ же тѣней появилось и на верхней площадкѣ башни. Подлѣ батареи были разбиты палатки и стояли часовые; но послѣдніе среди глубокой темноты не замѣтили ея.

Она подошла такъ близко къ мосту, что, казалось, могла достать его рукой; но ее отдѣлялъ отъ него ровъ. Однако сквозь темноту она успѣла разглядѣть, что зданіе на мосту было трехъэтажное. Она остановилась въ раздумьи и нерѣшительности передъ этимъ рвомъ и передъ этимъ зданіемъ. Что это такое было? Неужели Ла-Тургъ? Голова у нея закружилась. Она въ недоумѣніи спрашивала себя, зачѣмъ она здѣсь?

Она всматривалась, вслушивалась—и вдругъ все скрылось изъ ея глазъ. Густое облако дыма внезапно появилось между нею и тѣмъ, на что она смотрѣла. Яркій свѣтъ ударилъ ей въ глаза, и она вынуждена была ихъ зажмурить. Когда она снова раскрыла ихъ, то вокругъ нея уже не было темно, а совершенно свѣтло; но то былъ не яркій солнечный свѣтъ, а зловѣщій свѣтъ огня. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея начинался пожаръ. Дымъ изъ чернаго сдѣлался ярко-краснымъ, и изъ него выбивалось пламя. Оно то появлялось, то опять скрывалось, крутясь и извиваясь, точно молнія или змѣя. Пламя это, точно длиннымъ языкомъ, выходило изъ какого-то темнаго пространства: то было окно, рѣшетка котораго уже раскалилась докрасна, въ нижнемъ этажѣ мостового зданія. Изо всего зданія можно было различить одно только это окно. Дымъ застилалъ все, даже возвышенность, и на аломъ фонѣ пламени выдѣлялся только край оврага.

Михалина Флешаръ смотрѣла съ удивленіемъ. Дымъ—то же облако; облако—та же мечта. Что ей было дѣлать? Бѣжать? Оставаться? Она почти утратила всякое сознаніе дѣйствительности.

Пробѣжала струя вѣтра, которая нѣсколько разсѣяла завѣсу дыма, и сквозь образовавшійся просвѣтъ ярко обрисовывалась мрачная башня, мостъ, замокъ, ослѣпительные, ужасные, залитые сверху донизу заревомъ пожара. При этомъ зловѣщемъ освѣщеніи Михалина Флешаръ могла все разглядѣть.

Горѣлъ нижній этажъ мостового зданія. Верхніе два этажа еще не были тронуты пламенемъ, и они какъ бы покоились въ огненной корзинѣ. Съ того возвышеннаго моста, на которомъ стояла Михалина, можно было, сквозь дымъ и огонь, разсмотрѣть внутренность ихъ. Всѣ окна были отворены.

Сквозь большія и высокія окна второго этажа Михалина Флешаръ могла различить стѣны, уставленныя шкапами, какъ ей показалось, — съ книгами, и на полу, возлѣ одного изъ оконъ, въ полутьмѣ, какую-то небольшую группу, похожую на гнѣздо или на выводокъ, которая, казалось, по временамъ шевелилась.

Она стала всматриваться. Что бы могла означать эта маленькая группа тѣней? По временамъ ей казалось, что это живыя существа. У нея была лихорадка, она ничего не ѣла съ самаго утра, она весь день шла, почти не отдыхая, она изнемогала отъ усталости, у нея было нѣчто въ родѣ галлюцинаціи, къ которой она сама относилась съ инстинктивной подозрительностью; а между тѣмъ ея глаза не могли оторваться отъ этой небольшой загадочной кучки, повидимому, неодушевленныхъ и неподвижныхъ предметовъ, лежавшихъ на полу въ комнатѣ, приходившейся какъ разъ надъ горѣвшею частью зданія.

Вдругъ пламя, какъ будто обладая сознательной волей, вытянуло одинъ изъ своихъ языковъ и охватило сухой плющъ, покрывавшій стѣну какъ разъ съ той стороны, откуда смотрѣла Михалина Флешаръ. Казалось, огонь только что замѣтилъ эту новую пищу и спѣшилъ воспользоваться ею. Искра съ жадностью схватила ее и стала подниматься по лозѣ вверхъ съ ужасающей ловкостью порохового привода. Въ одно мгновеніе она добралась до второго этажа, и внутренность послѣдняго освѣтилась. При яркомъ свѣтѣ пламени было можно ясно различить трехъ дѣтей, спокойно спавшихъ на полу, въ красивой позѣ, переплетясь руками и ногами, съ закрытыми вѣками и съ улыбками на устахъ.

Мать узнала своихъ дѣтей и испустила раздирающій крикъ— тотъ крикъ, которымъ могутъ кричать только матери. Ничто не можетъ быть ужаснѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательнѣе этого крика. Когда его испускаетъ женщина, — кажется, будто слышишь волчицу; когда его испускаетъ волчица, — кажется, будто слышишь женщину. Это былъ не крикъ, а ревъ. «Гекуба залаяла», говоритъ Гомеръ.

Этотъ-то крикъ и услышалъ маркизъ Лантенакъ.

Онъ, какъ сказано было выше, остановился между выходомъ изъ подземнаго хода, черезъ который провелъ его Гальмало, и рвомъ. Изъ-подъ нависшаго надъ нимъ кустарника онъ увидѣлъ горѣвшій мостъ, залитую заревомъ башню, и, надъ самой своей головой, на краю возвышенности, противъ горѣвшаго зданія, освѣщенную полымемъ, съ искаженнымъ отъ ужаса лицомъ, женщину, наклонившуюся надъ рвомъ.

Эта-то женщина и испустила тотъ крикъ. Но то была уже не Михалина Флешаръ,—то была Горгона. Несчастіе дѣлаетъ страшнымъ. Крестьянка превратилась въ Эвмениду. Простая поселянка, наивная, грубая, невѣжественная, вдругъ получила чисто-эпическій обликъ отчаянія. Сильное горе обладаетъ свойствомъ чрезвычайно расширять душу. Эта мать въ настоящій моментъ являлась олицетвореніемъ материнства. Она стояла здѣсь, на краю этого рва, предъ этимъ полымемъ, предъ этимъ преступленіемъ, словно какая-нибудь могильная сила. Крикъ ея напоминалъ звѣря, жесты напоминали богиню. Лицо ея приняло угрожающее и въ то же время лучезарное выраженіе. Ничего не можетъ быть величественнѣе блеска глазъ, наполненныхъ слезами. Взглядъ ея, казалось, вызывалъ пожаръ на бой.

Маркизъ сталъ прислушиваться къ звукамъ, доносившимся сверху. Въ нихъ было что-то невнятное и раздирательное; то были скорѣе рыданія, чѣмъ слова.

— О, Боже той! Дѣти мои! Это мои дѣти! Помогите! Пожаръ! Пожаръ! Да вѣдь вы разбойники! Неужели здѣсь никого нѣтъ? Дѣти мои сгорятъ! Бѣда, бѣда! Жоржетта, Гро-Аленъ, Рене-Жанъ! Дѣти мои! Но что бы это могло значить? Какъ попали туда мои дѣти? Они спятъ! Я съ ума сойду! Это невозможно! Помогите!

Въ башнѣ и на площадкѣ стало замѣчаться сильное движеніе. Со всѣхъ сторонъ на мѣсто пожара сбѣгались люди. Осаждающимъ, послѣ картечи, приходилось возиться съ огнемъ. Говэнъ, Симурдэнъ, Гешанъ отдавали приказанія. Но что можно было сдѣлать? Въ небольшомъ ручейкѣ, протекавшемъ въ оврагѣ, было всего нѣсколько ведеръ воды. Волненіе все усиливалось. Весь край площадки покрылся встревоженными и испуганными лицами.

И дѣйствительно, зрѣлище было ужасное, тѣмъ болѣе ужасное, что всѣ сознавали невозможность помощи. Пламя по загорѣвшемуся сухому плющу добралось до верхняго этажа, гдѣ обильную пищу для него представляла сложенная тамъ солома. Теперь горѣлъ уже весь чердакъ. Пламя, точно радуясь, весело прыгало,— ужасное веселье! Казалось, будто какія-то невидимыя преступныя уста раздували это пламя. Можно было подумать, что вся гнусная душа Имануса превратилась въ вихрь искръ, жила убійственною жизнью огня и будто эта чудовищная душа превратилась въ истребительное пламя. Средній этажъ, въ которомъ находилась библіотека, еще не былъ охваченъ пламенемъ; вышина его потолка и толщина стѣнъ замедляли дѣйствіе огня, отдаляли минуту, когда и библіотека сдѣлается добычей пламени; но, тѣмъ не менѣе, это ужасное мгновеніе приближалось; и сюда уже стали пробираться огненные языки изъ верхняго и нижняго этажа, уже и на нихъ ложилось ужасное лобзаніе смерти. Внизу — точно погребъ лавы, наверху—точно громадный костеръ; прогоритъ полъ— и дѣти провалятся въ горячій очагъ; прогоритъ потолокъ—на нихъ посыплются горячіе уголья. А между тѣмъ Рене-Жанъ, Гро-Аленъ и Жоржетта спали глубокимъ, безмятежнымъ, дѣтскимъ сномъ, и сквозь завѣсу огня и дыма, которая то закрывала, то снова открывала окна, ихъ можно было различить въ этой огненной пещерѣ, на яркомъ фонѣ, лежавшими въ спокойныхъ, милыхъ позахъ, точно трое младенцевъ, мирно уснувшихъ въ пеклѣ. Кажется, даже тигръ могъ бы заплакать, увидѣвъ эти розаны въ пеклѣ, эти колыбели въ могилѣ.

— Пожаръ! — продолжала вопить мать, ломая себѣ руки. — Я кричу пожаръ, а никто не приходитъ! Что же они всѣ оглохли, что ли? Жгутъ дѣтей моихъ! Приходите же, эй вы, кто тамъ есть! Сколько уже дней я хожу, чтобы разыскать ихъ, и вотъ въ какомъ видѣ я ихъ нахожу! Пожаръ! Помогите! Вѣдь это ангелы, сущіе ангелы! Въ чемъ они-то виноваты, эти невинные младенцы! Меня

разстрѣляли, а ихъ сжигаютъ. Развѣ можно такъ поступать? Помогите! Спасите дѣтей моихъ! Неужели вы меня не слышите? Вѣдь, кажется, можно бы сжалиться даже надъ собакой, а не только надъ человѣкомъ. Дѣти мои, дѣти мои! Они спятъ! Ахъ, Жоржетта! Я вижу отсюда животикъ этого амурчика. Рене-Жанъ! Гро-Аленъ! Вѣдь ихъ такъ зовутъ! Вы, значитъ, видите, что я ихъ мать! И какіе только теперь творятся ужасы! Я шла дни и ночи! Я не далѣе, какъ сегодня утромъ, говорила о нихъ съ встрѣчной женщиной. Помогите! Пожаръ! Да это какія-то чудовища! Вѣдь это просто ужасъ! Старшему нѣтъ еще и пяти лѣтъ, а младшей два года. Вонъ ихъ голенькія ножонки! Пресвятая Богородица, они спятъ! Небо возвращаетъ ихъ мнѣ, а адъ отнимаетъ ихъ у меня. А я-то сколько исходила ради нихъ! Дѣти мои, которыхъ я вскормила моею грудью! Я была такъ несчастлива тѣмъ, что не могла отыскать ихъ. Сжальтесь надо мною! Мнѣ нужно имѣть моихъ дѣтей. А они вѣдь, дѣйствительно, въ огнѣ. Посмотрите на мои бѣдныя ноги, онѣ всѣ въ крови. Помогите! Не можетъ быть, чтобы, пока на землѣ есть люди, этимъ бѣднымъ малюткамъ дали умереть такою ужасною смертью. О разбойники! И что это за ужасный домъ такой! Ихъ у меня украли для того, чтобы убить! Господи Іисусе! Я желаю получить своихъ дѣтей. О! я не знаю, что я готова была бы сдѣлать! Я не хочу, чтобъ они умирали! Помогите! Помогите! О, если бы имъ суждено было умереть такой смертью, я, кажется, въ состояніи была бы убить всѣхъ людей.

Одновременно съ отчаянными мольбами несчастной матери раздавались голоса на площадкѣ и во рву:

«Лѣстницу!» — «Нѣтъ лѣстницы!» — «Воды!» — «Нѣтъ воды!»— «Тамъ наверху, во второмъ этажѣ, есть дверь!»—«Да она желѣзная!»—«Выломайте ее!»—«Невозможно!»

А между тѣмъ отчаянные вопли матери продолжались:

— Пожаръ! Помогите! Да торопитесь же! А то убейте меня! Дѣти мои, дѣти! О, какое ужасное пламя! Выньте ихъ оттуда! Бросьте ихъ мнѣ сюда!

Въ промежуткахъ между этими возгласами слышался ровный трескъ пламени.

Маркизъ ощупалъ свой карманъ и вынулъ оттуда ключъ отъ желѣзной двери. Затѣмъ, согнувшись, онъ прошелъ подъ сводъ, черезъ который онъ убѣжалъ, и направился по подземному коридору.

II.

Отъ каменной двери до желѣзной.

Цѣлая армія, хлопотавшая надъ невозможнымъ спасеніемъ, четыре тысячи человѣкъ, не имѣвшіе возможности спасти трехъ дѣтей,—вотъ каково было положеніе дѣлъ.

Дѣйствительно, лѣстницы не оказывалось налицо. Та, которая была послана изъ Жаневэ, какъ видѣли читатели, не прибыла. Пламя вырывалось изъ мостового замка, точно изъ жерла вулкана.

Смѣшно было и думать о томъ, чтобы залить его водою изъ почти высохшаго ручья: это было все равно. какъ если бы стараться залить вулканъ стаканомъ воды.

Симурдэнъ, Гешанъ и Радубъ спустились въ ровъ. Говэнъ снова поднялсл во второй этажъ башни, въ которомъ былъ вертящійся камень, потайной выходъ и желѣзная дверь, ведущая въ библіотеку. Какъ извѣстно, отсюда проведенъ былъ пропитанный сѣрою фитиль, зажженый Иманусомъ; отсюда-то и начался пожаръ. Говэнъ захватилъ съ собою двадцать саперовъ. Выломать желѣзную дверь — вотъ послѣднее, оставшееся еще средство. Но она, къ несчастью, была замѣчательно прочна. Сначала начали было рубить ее топорами, но топоры ломались.

— Съ этимъ желѣзомъ и сталь превращается въ стекло, — съ досадой проговорилъ одинъ изъ саперовъ.

Дѣйствительно, дверь была сдѣлана изъ кованаго желѣза и, кромѣ того, обита толстыми желѣзными полосами въ три дюйма толщины. Попробовали было выломать дверь желѣзными полосами, просунутыми подъ дверь, но полосы эти сломались, точно спички.

— Точно спички!—воскликнулъ тотъ же саперъ. А Говэнъ съ мрачнымъ видомъ пробормоталъ:

— Эту дверь можно вышибить только пушечнымъ ядромъ. Нужно было бы втащить сюда пушку.

— Да и то еще это вопросъ, — замѣтилъ саперъ.

Всѣ въ отчаяніи опустили руки. Всѣ эти люди безмолвно, съ видомъ отчаянія и досады, смотрѣли на страшную, несокрушимую дверь. Изъ-за щелей ея виднѣлся красноватый отблескъ. Очевидно было, что пожаръ за этой дверью все усиливается. А возлѣ нея лежалъ ужасный трупъ Имануса, зловѣщаго побѣдителя.

Еще, быть-можетъ, нѣсколько минутъ — и все рухнетъ. Что было дѣлать? Не оставалось никакой надежды. Говэнъ въ отчаяніи воскликнулъ, устремивъ глаза на вертящійся камень въ стѣнѣ и на отверстіе, черезъ которое совершилось бѣгство:

— Вотъ какимъ путемъ ушелъ маркизъ Лантенакъ!

— И опять вернулся,—раздался чей-то голосъ, и чья-то бѣлая голова показалась въ отверстіи потайного выхода.

То былъ маркизъ. Уже въ теченіе многихъ лѣтъ Говэнъ не видѣлъ его такъ близко. Онъ отступилъ. Всѣ бывшіе въ комнатѣ остались на своихъ мѣстахъ, точно вкопанные, точно окаменѣлые.

Маркизъ держалъ въ рукѣ большой ключъ. Высокомѣрнымъ взоромъ онъ заставилъ разступиться нѣсколькихъ саперовъ, стоявшихъ на его дорогѣ, направился прямо къ желѣзной двери, нагнулся и вложилъ ключъ въ замочную скважину. Замòкъ заскрипѣлъ, дверь повернулась на своихъ петляхъ, и показалось цѣлое море пламени. Маркизъ твердыми шагами вошелъ въ него съ высоко поднятою головою. Всѣ съ содроганіемъ слѣдили за нимъ.

Едва только маркизъ прошелъ нѣсколько шаговъ по горѣвшей комнатѣ, какъ обгорѣлый полъ, вслѣдствіе сотрясенія шаговъ мар-

киза, рухнулъ позади него и образовалъ пропасть между нимъ и дверью. Но маркизъ даже не обернулся и продолжалъ итти впередъ. Вскорѣ онъ исчезъ въ дыму, и ничего не стало видно.

Успѣлъ ли онъ пройти дальше? Не открылась ли подъ его ногами новая огненная рытвина? Неужели онъ только и добился того, что самъ погибъ? Невозможно было отвѣтить на эти вопросы. Передъ глазами возвышалась только стѣна огня и дыма. За нею былъ маркизъ, но мертвый или живой — это было неизвѣстно.

III.

Уснувшія дѣти пробуждаются.

Дѣти, наконецъ, открыли глаза. Пожаръ, не успѣвшій еще охватить библіотечнаго зала, бросалъ на его потолокъ розовый отблескъ. Дѣти, незнакомыя еще съ этимъ видомъ зари, стали съ любопытствомъ смотрѣть на нее, а Жоржетта даже восхищалась ею.

Пожаръ разгорался во всемъ своемъ зловѣщемъ величіи. Въ клубахъ густого чернаго, съ красноватымъ отблескомъ, дыма появлялись то черная гидра, то ярко-красный драконъ. Длинные огненные языки улетали въ пространство и рѣяли въ темнотѣ, точно сражающіяся, преслѣдующія другъ друга кометы. Пламя бываетъ очень щедро и разбрасываетъ на вѣтеръ драгоцѣнные камни; не даромъ уголь и алмазъ тождественны по составу. Въ стѣнѣ третьяго яруса образовалась трещина, черезъ которую падалъ изъ пламени въ оврагъ цѣлый дождь драгоцѣнныхъ камней. Вороха соломы и мѣшки овса, горѣвшіе на чердакѣ, начинали струиться изъ оконъ потоками золотого дождя, при чемъ зерна овса превращались въ аметисты, а стебли соломы — въ кораллы.

Всѣ трое дѣтей вскочили на ноги.

— Ахъ, какъ хорошо!—воскликнула Жоржетта.

— Они просыпаются!—проговорила мать.

И, дѣйствительно, сначала всталъ Рене-Жанъ, затѣмъ Гро-Аленъ, затѣмъ Жоржетта. Рене-Жанъ протянулъ руки къ окошку и сказалъ:

— Мнѣ жарко.

— Мнѣ залко,—повторила Жоржетта.

— Дѣти мои!—воскликнула мать.—Рене, Аленъ, Жоржетта!

Дѣти оглянулись вокругъ, ничего не понимая. То, что на взрослыхъ людей наводитъ ужасъ, въ дѣтяхъ возбуждаетъ только удивленіе; а тотъ, кто легко удивляется, не легко пугается; невѣдѣніе является источникомъ храбрости. Дѣти до того невинны, что если бы они увидѣли адъ, они стали бы имъ любоваться.

— Рене! Аленъ! Жоржетта! — повторила мать.

Рене-Жанъ обернулся. Этотъ голосъ вывелъ его изъ его разсѣянности. У дѣтей память коротка, но воспоминанія живучи. Все прошлое для нихъ является вчерашнимъ днемъ. Рене-Жанъ увидѣлъ свою мать, нашелъ это совершенно естественнымъ, и,

смутно сознавая себя въ странной обстановкѣ, чувствуя потребность опоры, воскликнулъ:

— Мама!

— Мама,—повторилъ Гро-Аленъ.

— Мама, — пролепетала Жоржетта и протянула къ ней свои ручонки.

Несчастная женщина испустила страшный вопль:

— Дѣти мои!

Всѣ трое подошли къ окошку; къ счастью, огонь еще не добрался до этого окошка.

— Мнѣ очень жарко,—проговорилъ Рене-Жанъ и прибавилъ:— Горитъ.

Затѣмъ онъ сталъ искать глазами своими мать и закричалъ:

— Иди же, мама!

— Мама, мама! — повторила Жоржетта.

Несчастная женщина, съ распущенными волосами, съ окровавленными ногами, въ разорванной одеждѣ, цѣпляясь за кусты, спустилась въ ровъ. Здѣсь уже стояли Симурдэнъ и Гешанъ, столь же безсильные внизу, какъ и Говэнъ наверху. Солдаты, приведенные въ отчаяніе сознаніемъ своей безполезности, безъ толку шныряли вокругъ нихъ. Жаръ былъ невыносимый, но никто его не чувствовалъ. Всѣ смотрѣли на мостъ, на его быки, на вышину стѣнъ, на недоступность оконъ и въ то же время всѣ сознавали необходимость принять безотлагательно какое-нибудь рѣшеніе. Но приходилось взбираться въ третій этажъ, а для этого не было никакихъ вспомогательныхъ средствъ. Сюда же прибѣжалъ и Радубъ, съ сабельной раной въ плечѣ, съ оторваннымъ ухомъ, обливаясь потомъ и кровью. Онъ увидѣлъ Михалину Флешаръ и узналъ ее.

— Какъ! — воскликнулъ онъ.— Вы, разстрѣлянная, воскресли, стало-быть!

— Мои дѣти! — проговорила ему въ отвѣтъ мать.

— Это вѣрно,—замѣтилъ Радубъ.—Теперь не время толковать о чемъ-либо другомъ,—и онъ принялся карабкаться на мостъ, но всѣ усилія его были тщетны.

Вцѣпившись ногтями въ камень, онъ проползъ нѣсколько секундъ. Но камни были гладки: въ нихъ не оказывалось ни малѣйшей трещины, ни малѣйшаго выступа, стѣна была такъ аккуратно выведена, точно она была совершенно новая, и Радубъ не замедлилъ упасть на землю. А между тѣмъ пожаръ продолжалъ свирѣпствовать съ страшной силой; въ открытомъ окнѣ, на ярко-красномъ фонѣ, отчетливо обрисовывались три дѣтскія головки.

Михалина, стоя на колѣняхъ, обнимала устои моста и кричала: «Спасите! Спасите!»

Глухой трескъ раздался изъ библіотечнаго зала: стекла въ книжныхъ шкапахъ стали лопаться отъ жары и съ шумомъ падать на полъ. Очевидно было, что черезъ нѣсколько минутъ все зданіе рухнетъ. Тутъ не въ состояніи была помочь никакая человѣческая сила. Еще нѣсколько секундъ, и все будетъ кончено. Всѣ

съ замираніемъ сердца ждали конечной катастрофы. А изъ горѣвшаго зданія продолжали доноситься дѣтскіе голоса: «Мама, мама!..»

Всѣми овладѣлъ пароксизмъ страха.

Вдругъ у окна, сосѣдняго съ тѣмъ, возлѣ котораго стояли дѣти, на ярко-красномъ фонѣ пламени, появилась чья-то высокая фигура. Всѣ головы поднялись кверху, всѣ глаза устремились на эту фигуру. Несомнѣнно было одно: тамъ, наверху, въ библіотечномъ залѣ, въ этомъ пеклѣ, находился какой-то человѣкъ. Черная фигура его обрисовывалась на фонѣ огня, но волосы его были бѣлы. Всѣ сразу узнали маркиза Лантенака.

Онъ исчезъ было, но вскорѣ снова показался. Старикъ подошелъ къ окну, держа въ рукахъ длинную лѣстницу. То была спасательная лѣстница, лежавшая въ библіотечной комнатѣ, вдоль стѣны, которую онъ притащилъ къ окошку. Онъ схватилъ ее за одинъ конецъ, а другой конецъ съ силою и ловкостью атлета опустилъ за окно и установилъ его на краю рва. Стоявшій внизу Радубъ, взволнованный и обрадованный, протянулъ руки, ухватился за спущенный конецъ лѣстницы, крѣпко обнялъ его и воскликнулъ:

— Да здравствуетъ республика!

— Да здравствуетъ король! — отвѣтилъ маркизъ.

— Ну, ладно,—проворчалъ сквозь зубы Радубъ,—ты можешь тамъ кричать, что тебѣ угодно, говорить даже, если желаешь, глупости, а все же ты явился здѣсь Самимъ милосердымъ Господомъ Богомъ.

Лѣстница была поставлена, сообщеніе между горѣвшимъ зданіемъ и остальнымъ міромъ установлено. Двадцать человѣкъ, и во главѣ ихъ Радубъ, кинулись къ лѣстницѣ, и въ одно мгновеніе размѣстились по ступенькамъ ея снизу доверху, такъ что на деревянной лѣстницѣ образовалась еще лѣстница людская. Радубъ, взобравшись на самую верхнюю ступеньку, стоялъ въ уровень съ подоконникомъ, лицомъ къ окну. Солдаты, разсѣянные по склонамъ холма и среди вереска, тѣснились, волнуемые самыми разнообразными чувствами, составляя группы на откосахъ холма, во рву, на площадкѣ башни.

Маркизъ снова исчезъ, но черезъ нѣсколько секундъ появился у окна, держа въ рукахъ ребенка. Раздались неистовыя рукоплесканія.

То былъ первый ребенокъ, выхваченный маркизомъ изъ горѣвшей комнаты,—Гро-Аленъ.

— Я боюсь, — кричалъ ребенокъ. — Маркизъ передалъ его Радубу, который, въ свою очередь, передалъ его черезъ голову стоявшему позади него солдату, передавшему его слѣдующему; и пока Гро-Аленъ, громко кричавшій отъ испуга, очутился внизу лѣстницы, маркизъ, снова отошедшій на нѣсколько минутъ отъ окна, возвратился къ нему съ Рене-Жаномъ на рукахъ. Тотъ кричалъ, барахтался и даже ударилъ Радуба по лицу въ то мгновеніе, когда маркизъ передавалъ его сержанту.

Маркизъ снова вошелъ въ комнату, объятую пламенемъ, въ которой теперь оставалась одна только Жоржетта. Онъ подошелъ къ ней и она ему улыбнулась. Этотъ точно изъ гранита высѣченный человѣкъ почувствовалъ, какъ на глазахъ у него выступили слезы.

— Какъ тебя звать?—спросилъ онъ ребенка.

— Оржетта,—отвѣтила она.

Онъ взялъ ее на руки. Она продолжала улыбаться. Въ то самое мгновеніе, когда онъ передавалъ ее Радубу, эта черствая и мрачная душа озарилась отблескомъ невинности, и старикъ поцѣловалъ ребенка.

— А-а, это наша малютка,—радостно воскликнули солдаты, и Жоржетта, въ свою очередь, была спущена съ рукъ на руки на землю, среди восторженныхъ кликовъ присутствующихъ. Всѣ рукоплескали, топали ногами; старики-гренадеры рыдали, а ребенокъ имъ улыбался

Мать стояла у подножія лѣстницы, задыхаясь, съ блуждающими глазами, какъ бы опьяненная всею этою неожиданностью, переброшенная внезапно, безъ перехода, изъ ада въ рай. Избытокъ радости причиняетъ сердцу своего рода боль. Она протягивала руки, схватила ими сначала Гро-Алена, затѣмъ Рене-Жана и, наконецъ, Жоржетту. Она покрывала поцѣлуями то того, то другого, то третью, затѣмъ захохотала и, наконецъ, упала на землю безъ чувствъ.

— Всѣ спасены!—пронесся въ толпѣ громкій крикъ.

Дѣйствительно, всѣ были спасены, кромѣ старика. Но никто о немъ въ эту минуту не думалъ, и, быть-можетъ, всего меньше онъ самъ.

Онъ простоялъ нѣкоторое время въ задумчивости у окошка, какъ бы желая дать пламени время принять какое-нибудь рѣшеніе. Затѣмъ безъ всякой торопливости, медленно, гордо, онъ перешагнулъ черезъ подоконникъ и, не оборачиваясь, выпрямившись, прислоняясь спиною къ ступенькамъ, имѣя позади себя пожаръ, а подъ ногами — пропасть, принялся молча спускаться съ лѣстницы, съ спокойствіемъ и величественностью призрака. Люди, стоявшіе еще на лѣстницѣ, поспѣшили сойти съ нея; всѣ присутствующіе почувствовали дрожь, всѣ съ какимъ-то священнымъ трепетомъ ужаса отступали передъ этимъ спускающимся сверху человѣкомъ, какъ передъ привидѣніемъ. А онъ спокойно и медленно продолжалъ опускаться въ разстилавшуюся у ногъ его тьму; по мѣрѣ того, какъ они отступали, онъ къ нимъ подходилъ, и на его мраморно-блѣдномъ лицѣ не было замѣтно ни малѣйшей складки, въ его глазахъ, напоминавшихъ глаза призрака, не видно было никакого блеска. По мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ этимъ людямъ, испуганные зрачки глазъ которыхъ устремлены были на него изъ темноты, онъ, казалось, выросталъ съ каждымъ шагомъ, лѣстница дрожала и глухо звучала подъ его тяжелыми шагами. Его можно было бы принять за извѣстную статую командора, снова опускающуюся въ могилу.

Когда маркизъ дошелъ до послѣдней ступеньки лѣстницы, когда онъ ступилъ ногою на землю, на плечо его опустилась чья-то рука. Онъ обернулся.

— Я тебя арестую,—проговорилъ Симурдэнъ.

— Правильно,—отвѣтилъ ему Лантенакъ.

Книга шестая.—ПОСЛѢ ПОБѢДЫ НАЧИНАЕТСЯ БОРЬБА.

I.

Лантенакъ въ плѣну.

Маркизъ, дѣйствительно, опустился въ могилу.

Его увели. Секретная тюрьма въ нижнемъ этажѣ башни была немедленно отперта по распоряженію и подъ наблюденіемъ Симурдэна. Въ нее принесли лампу, кружку воды, краюху чернаго хлѣба, связку соломы, и менѣе чѣмъ четверть часа спустя послѣ того, какъ рука священника опустилась на плечо маркиза, дверь темницы, въ которую бытъ посаженъ Лантенакъ, заперлась на ключъ. Послѣ того Симурдэнъ отправился разыскивать Говэна. Въ ту самую минуту на отдаленной колокольнѣ въ Паринье било одиннадцать часовъ. Симурдэнъ сказалъ Говэну:

— Я сейчасъ созову военный судъ, но ты въ составъ его не войдешь. Ты и Лантенакъ—родственники; и ты и онъ—изъ рода Говэновъ. Ты слишкомъ близкій родственникъ для того, чтобы быть судьей, и я очень осуждаю Филиппа Эгалитэ за то, что онъ не отвелъ себя отъ суда надъ Капетомъ. Военный судъ будетъ составленъ изъ трехъ лицъ: одного офицера, капитана Гешана, одного нижняго чина, унтеръ-офицера Радуба, и меня, въ качествѣ предсѣдателя. Но все это до тебя не касается. Мы будемъ сообразоваться съ декретомъ конвента; мы ограничимся удостовѣреніемъ тождества бывшаго маркиза Лантенака съ теперешнимъ нашимъ плѣнникомъ. Завтра военный судъ, послѣзавтра — гильотина. Конецъ Вандеѣ!

Говэнъ не возразилъ ни слова, и Симурдэнъ, весь поглощенный важностью предстоявшаго ему дѣла, ушелъ отъ него. Симурдэну предстояло сдѣлать распоряженія относительно выбора мѣста и времени для казни маркиза. Онъ имѣлъ привычку, подобно Лекиніо въ Гранвиллѣ, Тальену въ Бордо, Шалье въ Ліонѣ и Сенъ-Жюсту въ Страсбургѣ, — подавать собою «хорошій примѣръ» и лично присутствовать при казняхъ. Въ тѣ времена считалось полезнымъ, чтобы судья слѣдилъ за чистотою работы палача. Французскій терроръ 1793 года заимствовалъ этотъ обычай у средневѣковыхъ французскихъ парламентовъ и у испанской инквизиціи.

Говэнъ тоже былъ озабоченъ. Со стороны лѣса дулъ холодный вѣтеръ. Говэнъ, предоставивъ Гешану дѣлать необходимыя распоряженія, направился къ своей палаткѣ, раскинутой на лужайкѣ, близъ опушки лѣса, у самаго подножія Тургской башни, отыскалъ тамъ свой плащъ съ башлыкомъ и укутался въ него. Плащъ этотъ, согласно тогдашней республиканской модѣ, избѣгавшей всякихъ излишнихъ украшеній, былъ обшитъ лишь узенькимъ галуномъ,

обозначавшимъ начальника отряда. Онъ сталъ расхаживать по лужайкѣ, откуда начался приступъ. Онъ былъ одинъ. Пожаръ еще продолжался, но никто на него не обращалъ вниманія. Радубъ ухаживалъ за дѣтьми и за ихъ матерью съ почти материнской нѣжностью. Зданіе на мосту догорало, саперы рыли рвы, хоронили убитыхъ, перевязывали раненыхъ, разбирали баррикаду, уносили изъ комнатъ трупы, уничтожали слѣды побоища, выносили и выбрасывали обломки,—словомъ солдаты дѣлали съ чисто-военнымъ проворствомъ то, что можно было бы назвать уборкой послѣ оконченнаго сраженія.

Но Говэнъ ничего этого не видѣлъ и только по временамъ бросалъ задумчивый взоръ на караулъ возлѣ пролома, удвоенный по распоряженію Симурдэна. Несмотря на потемки, онъ могъ различать этотъ проломъ приблизительно въ двухстахъ шагахъ отъ того угла лужайки, куда онъ удалился. Онъ ясно видѣлъ передъ собою это черное отверстіе, откуда три часа тому назадъ начался штурмъ и черезъ которое онъ проникъ въ башню. Изъ-за него онъ видѣлъ комнату нижняго этажа, въ которую вела дверь темницы маркиза. Караулъ возлѣ пролома стерегъ эту темницу. Не спуская глазъ съ пролома, онъ въ то же время явственно слышалъ слова, звучавшія точно погребальный звонъ: «Завтра—военный судъ, послѣзавтра — гильотина».

Пожаръ, который удалось изолировать и который саперы усердно заливали, не сразу прекратился и по временамъ озарялъ окрестность яркимъ пламенемъ. По временамъ слышался трескъ потолковъ и видны были обвалившіяся, обгорѣлыя балки, при чемъ искры разлетались во всѣ стороны, пламя освѣщало отдаленный горизонтъ и Тургская башня бросала свою гигантскую тѣнь на всю площадку, до самаго лѣса.

Говэнъ медленными шагами расхаживалъ взадъ и впередъ по лужайкѣ передъ проломомъ. По временамъ онъ скрещивалъ руки на спинѣ, подъ капюшономъ своего военнаго плаща. Онъ думалъ.

II.

Говэнъ задумался.

Съ Говэномъ произошла рѣзкая перемѣна. Маркизъ Лантенакъ преобразился, и Говэнъ былъ очевидцемъ этого преображенія.

Никогда бы онъ не могъ повѣрить тому, чтобы подобныя вещи могли явиться результатомъ стеченія какихъ бы то ни было обстоятельствъ. Никогда ему не могло бы даже во снѣ присниться, чтобы могла случиться подобная вещь. Непредвидѣнность, надменно и безъ жалости играющая людьми, овладѣла теперь Говэномъ и держала его въ своей власти. Говэнъ видѣлъ передъ собою невозможное, сдѣлавшееся дѣйствительнымъ, видимымъ, осязательнымъ, неизбѣжнымъ, неумолимымъ.

Что думалъ объ этомъ Говэнъ? Тутъ нечего было вилять: нужно было принимать рѣшеніе. Вопросъ былъ поставленъ реб-

ромъ. Нечего было и думать о томъ чтобъ уклоняться отъ разрѣшенія его.

Кто же поставилъ этотъ вопросъ? Событія. Да не одни только событія. Ибо когда событія, по существу своему измѣнчивыя, ставятъ намъ вопросъ, насъ вынуждаетъ отвѣчать на него сама справедливость, неизмѣнная по своему существу. Позади тучи, набрасывающей на насъ свою тѣнь, есть свѣтило, проливающее на насъ свой свѣтъ. Мы точно такъ же мало можемъ избѣгнуть свѣта, какъ и тѣни.

Говэнъ подвергался нѣкотораго рода допросу. Онъ появлялся передъ кѣмъ-то страннымъ—передъ своею совѣстью. Говэнъ ощущалъ въ себѣ внутреннее колебаніе, шатаніе. Его самыя твердыя рѣшенія, его самыя вѣрныя обѣщанія, его самые неизмѣнные замыслы,—все это колебалось въ глубинѣ его воли. И душа можетъ дрожать.

Чѣмъ больше онъ размышлялъ о томъ, что онъ только что видѣлъ, тѣмъ сильнѣйшее имъ овладѣвало смущеніе. Въ душѣ республиканца Говэна заговорилъ болѣе сильный голосъ—голосъ человѣка. Невозможно было уклониться отъ дѣятельной роли въ готовившихся событіяхъ. Предсталъ крупный фактъ,—и Говэнъ составлялъ одну изъ частей этого факта. Онъ не могъ отказаться отъ участія въ немъ, и хотя Симурдэнъ и сказалъ ему: «Это до тебя не касается», онъ ощущалъ нѣчто подобное тому, что ощущаетъ дерево въ ту минуту, когда его отрываютъ отъ его корня.

Всякій человѣкъ покоится на какой-нибудь основѣ. Потрясеніе этой основы неизбѣжно потрясетъ его организмъ. Говэнъ ощущалъ это потрясеніе. Онъ крѣпко сжималъ голову обѣими руками, какъ бы желая выдавить изъ нея истину. Разобраться среди такого положенія было дѣломъ нелегкимъ. Ничто не можетъ быть труднѣе, какъ упростить сложное. Онъ видѣлъ передъ собою страшныя слагаемыя, которымъ нужно было подвести итогъ; а подводить итогъ даннымъ судьбы — дѣло нелегкое. Онъ пробовалъ это сдѣлать, онъ старался отдать самому себѣ отчетъ, онъ пытался собрать свои мысли, дать опредѣленное направленіе своей волѣ, припомнить факты, ясно изложить ихъ самому себѣ въ своемъ умѣ. Кому не случалось въ важные моменты жизни самому себѣ излагать ходъ событій и ставить себѣ вопросъ, — куда итти, впередъ или назадъ?

Говэнъ присутствовалъ при чудѣ: ему одновременно приходилось выдерживать и земную и неземную борьбу, борьбу добраго начала со злымъ,—и онъ одержалъ побѣду надъ своимъ собственнымъ сердцемъ. Будучи человѣкомъ, не чуждымъ всѣхъ людскихъ пороковъ и слабостей, — способности увлекаться и заблуждаться, слѣпоты, упрямства, гордости, эгоизма, — Говэнъ увидѣлъ воочію совершившееся чудо, — побѣду человѣчества надъ человѣкомъ. Доброе начало въ человѣкѣ одержало побѣду надъ злымъ.

И чѣмъ, какимъ способомъ? Съ помощью какихъ средствъ оно повергло на землю колосса злобы и ненависти? Какое въ этихъ видахъ оно пустило въ ходъ оружіе, какія военныя приспособленія?—Колыбель.

Въ умѣ Говэна произошло какое-то просвѣтлѣніе. Среди междоусобной войны, среди столкновенія страстей вражды и мести, въ самую мрачную и печальную минуту свалки, въ ту самую минуту, когда преступленіе пылало яркимъ пламенемъ, а ненависть окутала все густою тьмою, въ эту минуту борьбы, когда считаются дозволенными всѣ средства, когда борющійся перестаетъ различать, что истинно, что справедливо, что честно, — въ эту минуту въ душѣ его внезапно блеснулъ яркій, вѣчный свѣтъ, озарившій потемки людскихъ дѣлъ и людскихъ страстей. Надъ мрачнымъ поединкомъ ложнаго и истиннаго, въ глубинѣ его души, вдругъ засіялъ свѣтлый ликъ истины. Вдругъ въ борьбу вмѣшалась сила слабости.

На аренѣ ея появились три бѣдныя, едва родившіяся существа, одинокія, покинутыя сироты, лепечущія, улыбающіяся и невинныя, на которыя обрушилась междоусобная война, законъ или беззаконіе возмездія, страшная логика мщенія, рѣзня, братоубійство, ярость, злопамятство,—словомъ, всѣ фуріи разомъ; появился гнусный и подлый поджогъ, съ помощью котораго предполагалось совершить преступленіе; появилось ужасное, но не осуществившееся предумышленіе; появились старинная феодальная свирѣпость, старинная непримиримая ненависть, ложная теорія о неизбѣжности войны, государственныя соображенія, всѣ безобразныя умыслы закоснѣлой жестокости, — и всѣ эти ужасы разсѣялись вправхъ предъ свѣтлыми и ясными взорами трехъ существъ, едва начинавшихъ жить. Оно, впрочемъ, и вполнѣ естественно, ибо тотъ, кто не жилъ, не успѣлъ еще сотворить зла; онъ олицетворяетъ собою справедливость, истину, невинность. Вѣдь ангелы небесные—тѣ же дѣти.

Въ этомъ кроются поучительные примѣры и уроки. Разъяренные участники безпощадной борьбы вдругъ увидѣли предъ собою, рядомъ со всѣми ужасами, покушеніями, убійствами, рядомъ съ жаждой мести и фанатизмомъ, раздувающими пламя костровъ, рядомъ со смертью, шествующею съ факеломъ въ рукѣ, надъ легіономъ преступленій,—всемогущество невинности. И невинность побѣдила. И можно было воскликнуть: «Нѣтъ, междоусобной войны не существуетъ, варварства не существуетъ, ненависти не существуетъ, преступленія не существуетъ, мрака не существуетъ. Для того, чтобы разсѣять всѣ эти страшные призраки, достаточно взгляда свѣтлыхъ, ясныхъ, невинныхъ дѣтскихъ глазъ. Никогда, ни въ какой борьбѣ, не бывали виднѣе вмѣстѣ Богъ и сатана.

Ареной этой борьбы недавно была душа человѣческая — душа Лантенака. Теперь борьба возобновлялась, болѣе ожесточенная, но вмѣстѣ съ тѣмъ, быть-можетъ, и болѣе рѣшительная, въ другой душѣ—въ душѣ Говэна. Какое обширное поле борьбы—душа человѣческая! Мы отданы цѣликомъ во власть этихъ боговъ, этихъ чудовищъ, этихъ демоновъ—нашихъ мыслей. И эти ужасныя воюющія стороны часто топчутъ ногами нашу душу.

Говэнъ размышлялъ. Маркизъ Лантенакъ, окруженный со всѣхъ сторонъ, осажденный, осужденный, поставленный внѣ за-

кона, прижатый къ стѣнѣ, какъ дикій звѣрь въ циркѣ, захваченный, какъ гвоздь клещами, запертый въ своемъ зàмкѣ, сдѣлавшемся его темницей, охваченный со всѣхъ сторонъ желѣзнымъ и огненнымъ кольцомъ, успѣлъ скрыться, успѣлъ совершить чудо—бѣжать: это самое трудное въ такого рода войнѣ чудо. Онъ успѣлъ добраться до лѣса, въ которомъ онъ могъ укрыться, успѣлъ бы добраться и до селеній, откуда онъ могъ бы возобновить борьбу, и до потемокъ, среди которыхъ онъ могъ бы исчезнуть. Онъ снова успѣлъ бы сдѣлаться тѣмъ страшнымъ и неуловимымъ, тѣмъ таинственнымъ призракомъ, тѣмъ полководцемъ-невидимкой, тѣмъ начальникомъ подземныхъ бойцовъ, тѣмъ лѣшимъ, какимъ онъ былъ прежде. На сторонѣ Говэна была побѣда, но на сторонѣ Лантенака были свобода, безопасность, возможность передвиженія, неистощимый выборъ убѣжищъ. Онъ снова дѣлался недосягаемымъ, неуловимымъ. Льва захватили въ его берлогѣ. но онъ успѣлъ изъ нея ускользнуть.

И вдругъ онъ въ нее возвращается. Маркизъ Лантенакъ добровольно, сознательно, ничѣмъ не будучи вынуждаемъ къ тому, покинулъ лѣсъ, тьму, безопасность, свободу для того, чтобы снова подвергнуться величайшей опасности. И Говэнъ видѣлъ собственными глазами, какъ онъ твердо и мужественно сначала бросился въ горящее зданіе, рискуя въ немъ погибнуть, а затѣмъ спустился по лѣстницѣ, которая отдавала его непріятелю и, будучи спасательной лѣстницей для другихъ, дѣлалась лѣстницей погибели для него.

И для чего онъ все это дѣлалъ? Для того, чтобы спасти трехъ маленькихъ дѣтей.

А что теперь собирались сдѣлать съ этимъ человѣкомъ?—Казнить его.

Итакъ, этотъ человѣкъ, ради трехъ дѣтей, — своихъ собственныхъ?—нѣтъ; своихъ родственниковъ?—нѣтъ; своего сословія?—нѣтъ,—ради трехъ первыхъ встрѣчныхъ дѣтей, безродныхъ, нищихъ, босоножекъ,—этотъ аристократъ, этотъ князь, этотъ старикъ, освобожденный, спасенный, побѣдитель,—ибо удачное бѣгство есть та же побѣда,—ради трехъ дѣтей снова всѣмъ рискнулъ, все себѣ испортилъ, все снова поставилъ ребромъ! Этотъ человѣкъ, возвращая матери ея дѣтей, въ то же время надменно принесъ непріятелю свою жизнь, подставилъ подъ топоръ эту голову, до сихъ поръ такую страшную, а съ этого момента—такую величественную.

И какъ же собирались поступить съ этой головой? — Принять ее и отрубить.

Маркизу Лантенаку предстоялъ выборъ между своей жизнью и чужою. Онъ выбралъ чужую и взамѣнъ ея предложилъ свою. Оставятъ ли ему ее? Нѣтъ, его собираются убить.

И это — отплата за геройство! И этотъ варварскій поступокъ являлся отвѣтомъ на поступокъ геройскій! И это — подкладка революціи! Какое униженіе для республики!

Въ то самое время, когда аристократъ, воспитанный на крѣпостничествѣ и на предразсудкахъ, внезапно преобразившись,

вновь сдѣлался «человѣкомъ», они, люди свободы и равенства, собирались совершить гнусное убійство! И возвышенный, божественный законъ о всепрощеніи, о самоотверженности, объ искупленіи, о самопожертвованіи, останется удѣломъ борцовъ тьмы и не будетъ существовать для воиновъ свободы и истины! Какъ! Неужели здѣсь не начнется борьба великодушія? Неужели болѣе сильная сторона примирится съ этимъ пораженіемъ и сдѣлается стороною болѣе слабой? Неужели побѣдители сдѣлаются убійцами? Неужели они подадутъ поводъ утверждать, что на сторонѣ монархіи — тѣ, которые спасаютъ дѣтей, а на сторонѣ республики — тѣ, которые убиваютъ стариковъ?

Неужели всему міру дано будетъ то зрѣлище, что этотъ храбрый солдатъ, этотъ могучій старецъ, этотъ обезоруженный боецъ, скорѣе украденный, чѣмъ захваченный, застигнутый на мѣстѣ хорошаго поступка, скрученный по рукамъ съ собственнаго его позволенія, не успѣвшій еще стереть съ своего лба пота благороднаго усилія, вступитъ на ступени эшафота, какъ вступаютъ на ступени къ апоѳеозу? Неужели подъ ножъ гильотины будетъ положена эта голова, вокругъ которой будутъ летать, умоляя о пощадѣ, три души спасенныхъ имъ ангельчиковъ? И неужели въ виду этой казни, позорной для палачей, предстанетъ улыбающееся лицо этого старца и краснѣющее отъ стыда лицо республики?

И неужели все это совершится въ присутствіи Говэна, главнаго начальника? И неужели, имѣя возможность этому помѣшать, онъ это допуститъ? Неужели онъ удовлетворится надменнымъ отвѣтомъ: «Это до тебя не касается?» Неужели совѣсть его не подскажетъ ему, что въ подобныхъ случаяхъ устраненіе себя равносильно сообщничеству? Неужели онъ не пойметъ, что въ подобнаго рода дѣлѣ тотъ, кто позволяетъ дѣлать, хуже того, кто дѣлаетъ, ибо первый—жалкій трусъ?

Но, съ другой стороны, развѣ не онъ, Говэнъ, обѣщалъ эту смерть? Развѣ не онъ, Говэнъ, человѣкъ сострадательный, объявилъ во всеуслышаніе, что Лантенакъ стоитъ внѣ состраданія и что онъ предоставляетъ Лантенака въ распоряженіе Симурдэна? Онъ, такъ сказать, задолжалъ эту голову. Теперь онъ платилъ ею,—вотъ и все!

Но дѣйствительно ли это была та же самая голова? До сихъ поръ Говэнъ видѣлъ въ Лантенакѣ лишь безпощаднаго бойца, фанатика роялизма и феодализма, убійцу плѣнниковъ, разнузданнаго войною звѣря, человѣка, забрызганнаго кровью. Этого человѣка онъ не боялся; этого осудителя на смерть онъ осуждалъ на смерть; съ этимъ неумолимымъ онъ былъ неумолимъ. Тутъ все было какъ нельзя болѣе просто, дорога была проторена и съ нея трудно было сбиться; все было какъ бы предусмотрѣно, внушаемый этимъ человѣкомъ ужасъ служилъ путеводною нитью: убивай того, кто убиваетъ. Но вдругъ, неожиданно, эта прямая линія уклонилась въ сторону, непредвидѣнный поворотъ дороги открывалъ новый горизонтъ, случилась какая-то метаморфоза. На сценѣ появился новый, неожиданный Лантенакъ. Чудовище превраща-

лось въ героя, болѣе чѣмъ въ героя—въ человѣка; на мѣсто души являлось сердце. Теперь Говэнъ уже не видѣлъ предъ собою убійцы: онъ видѣлъ спасителя. Говэна какъ бы озарилъ небесный свѣтъ. Лантенакъ поразилъ его молніей доброты.

И неужели этотъ преображенный Лантенакъ не преобразитъ Говэна? Неужели этотъ яркій снопъ свѣта не дастъ отблеска? Неужели человѣкъ прошлаго пойдетъ впередъ, а человѣкъ будущаго—назадъ? Неужели сынъ варварства и предразсудковъ неожиданно взмахнетъ крыльями и воспаритъ въ высь и оттуда будетъ смотрѣть, какъ тамъ, гдѣ-то внизу, въ грязи и въ потемкахъ, будетъ пресмыкаться носитель идеала? Неужели Говэнъ останется лежать ничкомъ въ старой колеѣ жестокости, между тѣмъ какъ Лантенакъ улетитъ въ горнія области духа?

А кромѣ того, еще и семейныя узы. Развѣ эта кровь, которую онъ собирался пролить — ибо дозволить пролить чью-либо кровь то же самое, что пролить ее самому — развѣ это не его кровь, не кровь Говэновъ? Его дѣдъ умеръ, но дядя его былъ живъ, и дядя этотъ былъ — маркизъ Лантенакъ. Неужели первый не поднимется въ гробу, чтобы помѣшать второму опуститься въ него? Неужели онъ не крикнетъ изъ-за гроба своему внуку, чтобы тотъ относился съ уваженіемъ къ этой коронѣ изъ сѣдыхъ волосъ, родной сестрѣ его заоблачнаго сіянія? Развѣ здѣсь между Говэномъ и Лантенакомъ не виднѣлся негодующій взоръ призрака?

Теперь, значитъ, вопросъ шелъ о томъ, можетъ ли Говэнъ не возвратиться въ лоно семейства въ тотъ самый моментъ, когда Лантенакъ возвратился въ лоно человѣчности; о томъ, соединятся ли дядя и племянникъ въ заоблачномъ свѣтѣ, или же подъему духа дяди будетъ соотвѣтствовать упадокъ племянника?

Вотъ какимъ образомъ былъ поставленъ вопросъ въ душѣ Говэна въ то время, когда въ ней происходила эта трагическая внутренняя борьба. Отвѣтъ, казалось, напрашивался самъ собой: нужно спасти Лантенака.

Да, а Франція?—Здѣсь эта головокружительная задача внезапно принимала иную форму.

Какъ, въ то время, когда Франція находилась въ опасности, когда она подвергалась со всѣхъ сторонъ нападенію ожесточенныхъ непріятелей, когда границы ея были открыты, когда Германія шагала черезъ Рейнъ, Италія — черезъ Альпы, Испанія — черезъ Пиренеи, когда она была ограждена только съ одной стороны бездной океана, когда она, прислонившись къ нему, опираясь на него, могла еще продолжать борьбу, когда она занимала еще это неприступное положеніе, — неужели въ это время у ней вдругъ отнимутъ и эту послѣднюю точку опоры? Правда, и теперь на этомъ океанѣ была не одна она, но и Англія. Но пока Англія не знала ее, какъ перебраться черезъ этотъ океанъ на сушу. И вотъ находится человѣкъ, который желаетъ перекинуть для нея мостъ черезъ океанъ, протянуть ей руку, человѣкъ, который собирается крикнуть всѣмъ этимъ Питтамъ, Крэгамъ, Корнваллисамъ, Дундасамъ, всѣмъ этимъ морскимъ разбойникамъ:

«Идите сюда! Англія, бери Францію!» И человѣкъ этотъ былъ не кто иной, какъ маркизъ Лантенакъ!

И человѣкъ этотъ былъ въ ихъ рукахъ! Послѣ трехмѣсячной облавы и травли его, наконецъ, удалось захватить. Рука революціи, наконецъ, опустилась на плечо этого опаснаго врага; кулакъ 93 года схватилъ за шиворотъ этого убійцу-роялиста; по какому-то таинственному велѣнію свыше, такъ часто вмѣшивающемуся въ людскія дѣла, этотъ отцеубійца ожидалъ теперь должнаго возмездія въ своей собственной семейной темницѣ; представитель феодализма сидѣлъ въ феодальномъ застѣнкѣ; камни его собственнаго замка заграждали ему выходъ изъ него, и тотъ, кто намѣревался предать свою родину, былъ преданъ своимъ же домомъ. Во всемъ этомъ очевиденъ былъ перстъ Божій. Часъ возмездія пробилъ; революція взяла въ плѣнъ своего заклятаго врага; онъ уже не могъ болѣе сражаться, бороться, вредить. Во всей этой Вандеѣ, гдѣ было столько рукъ, онъ былъ единственная голова; разъ онъ сойдетъ со сцены — междоусобная война кончится. Теперь онъ схваченъ,—трагическая и счастливая развязка; послѣ стольких убійствъ, онъ, виновникъ этихъ убійствъ, былъ здѣсь, налицо, и теперь была его очередь умереть. Неужели найдется кто-нибудь, кто спасетъ его?!

Симурдэнъ, т.-е. 93 годъ, держалъ въ своихъ рукахъ Лантенака, т.-е. монархію. Неужели найдется кто-нибудь, кто вырветъ эту добычу изъ этихъ желѣзныхъ клещей? Лантенакъ, олицетвореніе всѣхъ золъ прошлаго, лежалъ уже въ могилѣ, тяжелая дверь вѣчности захлопнулась надъ нимъ,—и вдругъ кто-то придетъ извнѣ и отодвинетъ задвижку! Злодѣй умеръ, и вмѣстѣ съ нимъ умерли возстаніе, братоубійство, звѣрская война,—и вдругъ кто-то воскреситъ ихъ!

О, какъ захохочетъ эта мертвая голова! Съ какимъ насмѣшливымъ выраженіемъ этотъ призракъ скажетъ: «Прекрасно, вотъ я и ожилъ, глупцы!» Съ какимъ усердіемъ онъ примется за свое отвратительное дѣло! Съ какою радостью Лантенакъ снова окунется въ бездну междоусобія и ненависти! Какъ завтра же снова запылаютъ дома, снова начнется избіеніе плѣнныхъ, добиваніе раненыхъ, разстрѣливаніе женщинъ!

И все же Говэнъ не преувеличивалъ смысла и значенія того поступка, который такъ привлекалъ его. Трое дѣтей погибали, Лантенакъ спасъ ихъ. Но кто же ихъ губилъ? Не самъ ли Лантенакъ? Кто поставилъ ихъ колыбельки среди горящаго зданія? Развѣ не Иманусъ? А кто такой былъ Иманусъ? Развѣ не клевретъ Лантенака? Отвѣтственность, естественно, падаетъ на начальника. Значитъ, поджигателемъ и убійцей былъ Лантенакъ. Что же онъ такое сдѣлалъ необыкновеннаго? Онъ не пожелалъ настаивать на своемъ злодѣяніи,—вотъ и все. Задумавъ и затѣявъ преступленіе,—онъ отступилъ въ послѣдній моментъ, когда оставалось его осуществить. Оно ему самому внушало ужасъ. Крикъ матери пробудилъ на днѣ его души остатокъ состраданія, этотъ откликъ гуманности, существующій во всякой душѣ. даже въ са-

мой преступной. Услышавъ этотъ крикъ, онъ одумался; изъ тьмы, въ которую онъ собирался окунуться, онъ снова вышелъ на свѣтъ. Совершивъ преступленіе, онъ постарался его загладить. Вся его заслуга заключалась въ томъ, что онъ не остался чудовищемъ до конца.

И изъ-за этой-то незначительной заслуги возвращать ему все! Возвращать ему просторъ, поля, долины, воздухъ, свѣтъ, возвращать ему лѣсъ, которымъ онъ воспользуется для разбоевъ, возвращать ему свободу, которою онъ воспользуется для порабощенія, возвращать ему жизнь, которою онъ воспользуется для новыхъ убійствъ!

Если же сдѣлать попытку войти съ нимъ въ соглашеніе, если вступить въ переговоры съ этимъ надменнымъ человѣкомъ, если предложить ему свободу на извѣстныхъ условіяхъ, если спросить его, согласится ли онъ, взамѣнъ дарованія ему жизни, воздерживаться на будущее время отъ бунта и отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій, — то это было бы лишь величайшей ошибкой, громаднымъ даннымъ ему преимуществомъ; отвѣтомъ на такія предложенія могъ бы быть только презрительный, высокомѣрный отвѣтъ его: «Оставьте позоръ себѣ! Убейте меня!»

Дѣйствительно, съ такимъ человѣкомъ не оставалось дѣлать ничего иного, какъ или убить или освободить его. Это былъ человѣкъ-кремень, не знавшій компромиссовъ: или все или ничего; или орломъ воспрянуть вверхъ или низвергнуться въ бездну. Это была загадочная душа.

Убить его?—какой позоръ! Освободить его?—какая отвѣтственность! Разъ Лантенакъ будетъ на свободѣ, съ Вандеей придется начинать все сызнова, точно съ гидрой, до тѣхъ поръ, пока не будетъ отрублена ея голова. Моментально, съ быстротою молніи, вновь разольется пламя, которое съ удаленіемъ со сцены этого человѣка должно потухнуть. Лантенакъ не успокоится до тѣхъ поръ, пока не осуществитъ своего ужаснаго плана, т.-е. пока онъ не прикроетъ, точно гробъ крышкой, Францію Англіей, а республику—монархіей. Спасти Лантенака значило принести въ жертву Францію. Сохранить жизнь Лантенаку значило обречь на смерть тысячи невинныхъ людей — мужчинъ, женщинъ, дѣтей, значило снова зажечь пламя братоубійственной борьбы; это значило подготовить высадку англичанъ, затормозить революцію, разрушить города, растерзать народъ, залить кровью Бретань, возвратить дракону его добычу. И умственному взору Говэна среди безконечныхъ переливовъ свѣта и тѣни ясно представлялась одна картина: освобожденіе тигра, и вопросъ снова являлся предъ нимъ въ первоначальномъ своемъ видѣ, и Сизифовъ камень внутренней борьбы человѣка съ самимъ съ собою снова скатывался внизъ.

Значитъ, Лантенакъ былъ тигръ? Но быть-можетъ, онъ былъ имъ прежде, а теперь ужъ онъ не тигръ? Теченіе мыслей Говэна приняло форму спирали. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ даже по самомъ тщательномъ обсужденіи можно было отрицать самоотверженіе Лантенака, его стоическое самопожертвованіе, его благородное

безкорыстіе? Какъ! Въ виду всѣхъ разинутыхъ пастей междоусобной борьбы выказать такое человѣколюбіе! Какъ! Въ виду столкновенія низкихъ истинъ явиться выразителемъ высшей истины! Какъ! Явиться воплощеннымъ доказательствомъ того, что выше королевской власти, выше революціи, выше земныхъ треволненій стоитъ чуткая душа человѣческая, подсказывающая, что сильный долженъ защищать слабаго, что спасшійся долженъ спасать погибающихъ, что старикъ долженъ по-отечески относиться ко всѣмъ дѣтямъ. И доказать всѣ эти высокія истины — цѣною своей головы! Какъ! Бывши полководцемъ, отказываться отъ борьбы, отъ сраженій, отъ возмездія! Какъ! Бывши роялистомъ, взять въ руки вѣсы, положить на одну чашку ихъ короля Франціи, пятнадцативѣковую монархію, возстановленіе стараго порядка, спасеніе стараго общества, а на другую—трехъ какихъ-то крестьянскихъ ребятишекъ, и прійти къ тому выводу, что король, престолъ, скипетръ, пятнадцативѣковая монархія перевѣшиваются этими тремя ребятишками! Какъ! Неужели все это ничего не значитъ? Неужели тотъ, кто все это сдѣлалъ, останется тигромъ и съ нимъ будутъ обращаться, какъ съ дикимъ звѣремъ? Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Не можетъ быть чудовищемъ тотъ человѣкъ, который только что озарилъ свѣтомъ божественнаго поступка мрачную бездну междоусобныхъ войнъ! Меченосецъ преобразился въ свѣтоносца; адскій сатана снова сдѣлался свѣтлымъ Люциферомъ. Лантенакъ искупилъ всѣ свои варварскіе поступки однимъ самоотверженнымъ поступкомъ. Губя себя матеріально, онъ спасъ себя морально; онъ снова сдѣлался невиннымъ, онъ самъ подписалъ свое помилованіе. Развѣ не существуетъ право самопрощенія? Отнынѣ онъ сдѣлался достойнымъ почтенія.

Лантенакъ только что сталъ выше общечеловѣческаго уровня. Теперь очередь сдѣлать то же самое наступила для Говэна. Борьба благородныхъ страстей съ дурными производила въ тѣ времена всеобщій хаосъ. Лантенакъ, возвышаясь надъ этимъ хаосомъ, видѣлъ изъ него начало человѣчности; теперь Говэну предстояло выдѣлить изъ него семейное начало.

Что же ему предстояло теперь дѣлать? Неужели онъ обманетъ довѣріе Провидѣнія?

Нѣтъ! И онъ самъ себѣ говорилъ:

— Нужно спасти Лантенака.

«Прекрасно! — шепталъ ему какой-то другой голосъ. — Значитъ, ты намѣреваешься дѣйствовать на руку англичанамъ? Что жъ! Дезертируй, переходи на сторону непріятеля! Спасай Лантенака и измѣняй Франціи! Твое рѣшеніе безразсудно, мечтатель!»

И Говэнъ дрожалъ, видя предъ собою сквозь тьму улыбку сфинкса. Вообще ему казалось, будто онъ забрался въ какой-то тупикъ, въ которомъ сталкивались самыя противоположныя истины, не находя изъ него исхода, и въ которомъ уставились другъ въ друга глазами три самыя высокія для человѣка идеи — человѣчество, семейство, отечество.

Каждая изъ этихъ идей поднимала, въ свою очередь, голосъ, и каждая изъ нихъ говорила правду. Какъ тутъ выбирать? Каждая, въ свою очередь, казалось, указывала на самый вѣрный и мудрый выходъ и говорила: «Поступай такъ!» Но слѣдовало ли поступать такъ? Да! Нѣтъ! Разумъ говорилъ одно, чувство — другое, а оба эти совѣта были діаметрально противоположны. Но разумъ выходитъ изъ головы, чувство — изъ совѣсти; первый — исходитъ отъ человѣка, второе — свыше. Поэтому-то чувство бываетъ менѣе ясно, но болѣе могущественно, хотя и строгій разумъ — великая сила.

Говэнъ колебался среди этихъ мучительныхъ недоумѣній. Передъ нимъ открывались двѣ бездны: погубить маркиза или спасти его? Нужно было броситься либо въ ту, либо въ другую.

На какую изъ нихъ указывалъ долгъ?

III.

Капюшонъ командира.

Тутъ, дѣйствительно, былъ вопросъ долга. Вопросъ этотъ стоялъ мрачнымъ предъ Симурдэномъ, страшнымъ — предъ Говэномъ; простымъ—предъ первымъ, сложнымъ, извилистымъ, разнообразнымъ — предъ вторымъ.

Пробило полночь, затѣмъ часъ утра. Говэнъ, самъ того не замѣчая, приблизился къ пролому. Пожаръ почти совсѣмъ прекратился и распространялъ вокругъ себя лишь слабый свѣтъ, озаряя по временамъ площадку позади башни и затѣмъ вновь застилая ее дымомъ. Эти проблески свѣта, вдругъ покрываемые внезапною мглою, придавали всѣмъ окружавшимъ предметамъ какой-то фантастическій видъ. Расхаживавшіе вдали часовые походили на призраки. Говэнъ, погруженный въ задумчивость, безсознательно смотрѣлъ на это періодическое застиланіе пламени дымомъ и дыма пламенемъ. Эти появленія и исчезновенія свѣта въ глазахъ имѣли какую-то странную аналогію съ появленіемъ и исчезновеніемъ истины въ его умѣ.

Вдругъ, среди двухъ клубовъ дыма, головня, вылетѣвшая изъ догоравшаго зданія, ярко освѣтила вершину холма и обрисовала красный силуэтъ какой-то повозки. Говэнъ сталъ всматриваться въ эту повозку. Она была окружена всадниками, съ жандармскими треуголками на головахъ. Ему показалось, будто это та же самая повозка, которую онъ разглядѣлъ вдали, въ подзорную трубу Гешана, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, при солнечномъ закатѣ. На повозкѣ копошились какіе-то люди, повидимому, разгружавшіе ее. То, что они снимали съ нея, казалось тяжелымъ и испускало по временамъ какой-то металлическій звукъ; но трудно было сказать, что это было; оно какъ будто было похоже на плотничный срубъ. Двое рабочихъ сняли съ повозки и поставили на землю ящикъ, который, судя по его формѣ, содержалъ въ себѣ какой-то треугольный предметъ. Въ это мгновеніе головня догорѣла и все снова погрузилось въ мракъ. Но Говэнъ продолжалъ стоять на

мѣстѣ, устремивъ въ темное пространство задумчивый и неподвижный взоръ.

Тѣмъ временемъ на площадкѣ зажглись фонари, по ней расхаживали какія-то тѣни; но съ той стороны, гдѣ стоялъ Говэнъ, т.-е. около рва, можно было различить только тѣхъ, которые стояли на самомъ краю площадки. Слышны были также голоса, но словъ нельзя было разобрать. По временамъ раздавался какой-то стукъ. Слышенъ былъ также какой-то металлическій лязгъ, похожій на лязгъ косы, проводимой по точильному камню.

Пробило два часа. Говэнъ медленно, какъ-то нерѣшительно, направился къ пролому. При его приближеніи стоявшій у пролома часовой, узнавъ въ немъ въ полумракѣ офицера по галуну и по капюшону, отдалъ ему честь. Говэнъ вошелъ въ залъ нижняго этажа, превращенный въ гауптвахту. На потолкѣ висѣлъ фонарь, освѣщавшій комнату какъ разъ настолько, что можно было пройти по комнатѣ, не наступая на караульныхъ, разлегшихся на соломѣ по всему полу и по большей части спавшихъ крѣпкимъ сномъ. Теперь они лежали здѣсь, на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ они нѣсколько часовъ тому назадъ дрались на жизнь и на смерть. Картечь, въ видѣ кусковъ чугуна и свинца, которою усыпанъ былъ полъ, правда, составляла не особенно удобную подстилку, но они были утомлены и спали крѣпкимъ сномъ. Эта комната, недавняя свидѣтельница ужасной борьбы, только что оглашалась криками, стонами, ревомъ, зубовнымъ скрежетомъ; еще недавно здѣсь били, убивали, умирали; многіе изъ товарищей спавшихъ здѣсь солдатъ нѣсколько часовъ тому назадъ испустили послѣдній свой вздохъ на тѣхъ самыхъ камняхъ, на которыхъ спали теперь оставшіеся въ живыхъ; эта солома, на которой они вытягивали теперь свои усталые члены, была пропитана кровью ихъ товарищей. Теперь все было кончено, кровь перестала течь, сабли были вытерты, мертвые лежали мертвыми, а живые спали мирнымъ сномъ. Такова война! А завтра повторится такая же рѣзня и смѣнится такимъ же сномъ.

Когда Говэнъ вошелъ въ комнату, нѣкоторые изъ его команды проснулись и встали и всталъ между прочимъ, и офицеръ, бывшій въ эту ночь караульнымъ начальникомъ. Говэнъ указалъ ему рукою на дверь темницы и проговорилъ:

— Отоприте!

Задвижки были отодвинуты. Говэнъ вошелъ въ темницу, и дверь за нимъ снова захлопнулась.

Книга седьмая.—ФЕОДАЛИЗМЪ И РЕВОЛЮЦІЯ.

I.

Предокъ.

На полу каморки, возлѣ четырехугольнаго окошечка, стоялъ фонарь. Возлѣ него помѣщался кувшинъ съ водой и лежали ломоть чернаго хлѣба и связка соломы. Такъ какъ каморка была высѣчена въ скалѣ, то узникъ, который вздумалъ бы поджечь солому, даромъ потратилъ бы свой трудъ: темница ни въ какомъ случаѣ не могла бы загорѣться и развѣ только что онъ самъ бы задохся.

Въ ту минуту, когда дверь повернулась на своихъ петляхъ, маркизъ расхаживалъ по своей каморкѣ; эта машинальная борьба свойственна всѣмъ дикимъ звѣрямъ, заключеннымъ въ клѣтку. Услышавъ скрипъ отворяющейся и снова затворяющейся двери, онъ поднялъ голову, и фонарь, стоявшій на полу какъ разъ между ними, освѣтилъ лица обоихъ этихъ людей. Они взглянули другъ на друга, и эти обоюдные взгляды сдѣлали ихъ обоихъ неподвижными. Наконецъ, маркизъ разразился хохотомъ и воскликнулъ:

— Здравствуйте, господинъ виконтъ. Давненько-таки я уже не имѣлъ счастія васъ видѣть. Очень любезно съ вашей стороны, что вы пришли меня навѣстить. Благодарю васъ. Я очень буду радъ немного побесѣдовать съ вами; я уже началъ было скучать. Напрасно ваши друзья теряютъ столько времени. Къ чему всѣ эти удостовѣренія личности, всѣ эти военные суды, вся эта канитель! Я бы сталъ дѣйствовать живѣе. Потрудитесь подойти поближе—здѣсь я хозяинъ и приглашаю васъ. Ну, что вы скажете о томъ, что кругомъ насъ дѣлается? Курьезно, не правда ли? Жили-были когда-то король и королева; король—это былъ король; королева — это была Франція. И вотъ королю отрубили голову, а королеву насильно выдали замужъ за Робеспьера и отъ этого брака родилась дочь, которую назвали «Гильотина», и съ которою, повидимому, мнѣ предстоитъ познакомиться завтра утромъ. Очень буду радъ тому, равно какъ и тому, что имѣю теперь счастье видѣть васъ у себя. Вы ради этого и пожаловали ко мнѣ? Быть-можетъ, васъ повысили въ чинѣ и назначили палачомъ? А если это просто дружескій визитъ, то я какъ нельзя болѣе имъ тронутъ. Вы, г. виконтъ, быть-можетъ, уже забыли, что такое дворянинъ? Ну, такъ вотъ вамъ одинъ образчикъ; — это я. Всмотритесь въ него поближе! Это любопытно. Онъ вѣритъ въ Бога, вѣритъ въ традицію, вѣритъ въ семейство, вѣритъ въ своихъ предковъ, вѣритъ въ примѣръ своего отца, въ вѣрность, въ честность, въ преданность своему монарху, въ уваженіе къ закону, въ добродѣтель, въ справедливость,—и онъ съ удовольствіемъ велѣлъ бы

разстрѣлять васъ. Потрудитесь присѣсть,—правда, на полъ, такъ какъ въ этой гостиной нѣтъ ни одного кресла; но тотъ, кто живетъ среди грязи, можетъ посидѣть и на землѣ. Я говорю это не для того, чтобы оскорбить васъ, а просто потому, что мы называемъ грязью то, что вы называете народомъ. Вѣдь не станете же вы требовать, чтобы я заоралъ: «свобода, равенство, братство»,—не правда ли? Это, вотъ видите ли, одна изъ комнатъ моего стариннаго замка. Когда-то господа запирали сюда мужиковъ; теперь мужики запираютъ сюда господъ. И эти-то нелѣпости называются революціей. Повидимому, мнѣ собираются перерѣзать горло черезъ тридцать шесть часовъ. Я въ этомъ не вижу никакого неудобства. Кстати, если бы вы были человѣкъ вѣжливый, вы бы велѣли прислать мнѣ сюда мою табакерку, она тамъ, наверху, въ зеркальной комнатѣ, въ которой вы играли, когда были ребенкомъ, а я бралъ васъ къ себѣ на колѣни и давалъ вамъ прыгать и шалить. А теперь я вамъ вотъ что скажу, милостивый государь: ваше имя — Говэнъ, и страннымъ образомъ въ вашихъ жилахъ течетъ благородная кровь, та же кровь, что и въ моихъ — ей Богу!—а между тѣмъ эта кровь, дѣлающая изъ меня порядочнаго человѣка, сдѣлала изъ васъ негодяя. Вотъ въ чемъ странность! Вы возразите мнѣ, что въ этомъ не ваша вина; да, но и не моя. Дѣло въ томъ, что можно быть безсознательнымъ бездѣльникомъ. Это часто зависитъ отъ воздуха, которымъ человѣкъ дышитъ. Въ такія времена, какъ наши, человѣкъ не всегда можетъ отвѣчать за всѣ свои дѣйствія; революція дѣйствуетъ за всѣхъ, и всѣ ваши великіе преступники, въ сущности, люди совсѣмъ невинные. Да вотъ, начать хоть бы съ васъ! Позвольте мнѣ полюбоваться вами! Да, я любуюсь такимъ юношей, какъ вы, который, происходя изъ почетнаго семейства, занимая видное положеніе въ обществѣ, имѣя возможность пролить свою благородную кровь за благородное дѣло, будучи виконтомъ Говэномъ, родомъ изъ вотъ этой самой башни Туръ-Говэнъ, бретонскимъ княземъ, имѣя возможность быть герцогомъ по праву рожденія и пэромъ Франціи по праву наслѣдства, т.-е. имѣя почти все, чего только можетъ желать на землѣ здравомыслящій человѣкъ, находитъ, будучи тѣмъ, что онъ есть, удовольствіе въ томъ, чтобы быть тѣмъ, чѣмъ вы сдѣлались, вслѣдствіе чего враги считаютъ его преступникомъ, а друзья — глупцомъ. Кстати, передайте, пожалуйста, мой поклонъ господину аббату Симурдэну.

Маркизъ говорилъ совершенно спокойно, просто, ничего не подчеркивая, тономъ благовоспитаннаго человѣка, съ яснымъ, свѣтлымъ взоромъ, заложивъ обѣ руки въ карманы своего жилета. Онъ остановился, потянулъ въ себя воздухъ и продолжалъ:

— Не скрою отъ васъ того, что я сдѣлалъ все, что было въ моихъ силахъ, для того, чтобы убить васъ. Увѣряю васъ, я самъ, лично, три раза направлялъ на васъ орудіе. Я сознаюсь, что это было не очень вѣжливо, но было бы крайне ошибочно предполагать, будто во время войны непріятель долженъ стараться быть намъ пріятнымъ. А вѣдь мы ведемъ войну съ вами, г. мой пле-

мянникъ. Вездѣ только кровь и огонь и вы даже убили нашего короля. Хорошее времечко, нечего сказать!

Онъ снова остановился и затѣмъ продолжалъ:

— И какъ подумаешь, что ничего этого не случилось бы, если бы догадались повѣсить Вольтера и сослать на каторгу Руссо! О, что за бичъ Божій — эти умные люди! А кстати, въ чемъ, собственно, вы упрекаете ее, эту монархію? Правда, что когда аббата Пюсселя ссылали въ его аббатство Корбиньи, ему позволили ѣхать въ каретѣ и не торопили его въ дорогѣ; а что касается вашего господина Титона, который былъ, съ вашего позволенія, превеликій развратникъ и который предпочиталъ посѣщеніе публичныхъ женщинъ посѣщенію церкви, то его перевели изъ Венсенскаго замка въ замокъ Гамъ, въ Пикардіи, мѣсто, я съ этимъ согласенъ, не изъ самыхъ пріятныхъ. Вотъ и всѣ обвиненія! Я помню ихъ. И я, въ свое время, немало кричалъ по этому поводу. Я былъ такъ же глупъ, какъ и вы.

Маркизъ потрогалъ свой жилетный карманъ, какъ бы ища въ немъ табакерки, и продолжалъ:

— Да, такъ же глупъ, но не такъ же золъ. Мы просто болтали для того, чтобы болтать. Тогда же существовала также и манія слѣдствій и дознаній. А затѣмъ появились господа философы. Сожгли ихъ сочиненія, вмѣсто того, чтобы сжечь самихъ авторовъ, въ дѣло замѣшались придворныя интриги, выползли всѣ эти олухи — Тюрго, Кенэ, Мальзербы, физіократы, и пр. и пр.,—пошла катавасія! Всему виною писаки и виршеплеты. Энциклопедисты! Дидро! Даламберъ! Негодяи они, больше ничего! А еще человѣкъ такого высокаго рода и ума, какъ король прусскій, пошелъ на эту удочку! Я живо справился бы со всѣми этими бумагомарателями. Со мною шутки были бы плохи. Вонъ онѣ, на стѣнѣ, борозды отъ колесъ, съ помощью которыхъ производилось колесованіе. Мы шутить не любили. Долой ихъ, всѣхъ этихъ писакъ! Пока будутъ Вольтеры, будутъ и Мараты. Пока будутъ негодяи, марающіе бумагу, будутъ и негодяи, которые убиваютъ; пока будутъ чернила, будетъ черно; пока рука человѣческая будетъ держать гусиное перо, пошлыя глупости будутъ вызывать глупости жестокія. Книги создаютъ преступниковъ. Слово «химера» имѣетъ двоякій смыслъ: оно означаетъ и мечту и чудовище. И что вы тамъ за чепуху такую несете? Что вы тамъ лепечете о вашихъ правахъ? Права человѣка! Права народа! Что за безсмыслица, что за сумбуръ, что за нелѣпица! Когда я говорю: Авуаза, сестра Конана II, принесла съ собою графство Бретань въ приданое Гоэлю, графу Нантскому и Корнваллійскому, которому наслѣдовалъ Аленъ Ферганъ, дядя Берты, вышедшей замужъ за Алена Чернаго, владѣтеля Ромъ-Сюръ-Іона, и родившей отъ него Алена Малаго, прадѣда Гюи или, по мѣстному произношенію, Говэна де-Туара, нашего общаго предка,—когда я говорю это, я говорю нѣчто ясное, опредѣленное, и это можетъ явиться источникомъ права. А ваши шуты, ваши бездѣльники, ваша голь перекатная — что они называютъ источникомъ права? Богоубійство и цареубійство! Это ли не омерзительно?

Этакіе негодяи! Мнѣ очень жаль васъ, милостивый государь, но и въ вашихъ жилахъ течетъ славная кровь древняго бретонскаго рода; и вы и я, мы имѣемъ общаго предка—Говэна де-Туара; къ числу нашихъ предковъ принадлежитъ и тотъ знатный герцогъ Монбазонъ, который былъ пэромъ Франціи и имѣлъ орденскую цѣпь, который взялъ приступомъ Туръ и былъ раненъ въ арксномъ сраженіи, и который умеръ 86 лѣтъ отроду, въ званіи великаго ловчаго Франціи въ своемъ Кузьерскомъ замкѣ въ Турени. Я могъ бы еще упомянуть здѣсь о герцогѣ Ледюнуа, сынѣ госпожи де-ла-Гарнашъ, о Клавдіи Лотарингскомъ, герцогѣ Шеврёзъ, о Генрихѣ Ленонкурѣ и о Франсуазѣ де-Лаваль-Буадофэнъ. Но къ чему бы это повело? Вы, милостивый государь,—идіотъ, и вы желаете быть ровней моему конюху. И, наконецъ, не забывайте того, что я былъ уже старикъ, когда вы были еще только молокососомъ. Я вамъ носъ утиралъ, и еще утру. А вы, выросши, ухитрились сдѣлаться меньше. Съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами въ послѣдній разъ видѣлись, каждый изъ насъ пошелъ своей дорогой: я — по пути чести, вы — въ противоположную сторону. Да, я не знаю, чѣмъ все это кончится, но знаю то, что всѣ ваши друзья—великіе негодяи. Я не спорю, я согласенъ, многое теперь прекрасно, прогрессъ несомнѣненъ. Вы отмѣнили въ арміи унизительное наказаніе—штофъ воды, который долженъ былъ выпивать передъ фронтомъ изобличенный въ пьянствѣ солдатъ въ теченіе трехъ дней кряду; у васъ теперь конвентъ, епископъ Габель, господинъ Геберъ, и вы безпощадно истребляете всѣ остатки прошлаго, начиная съ Бастиліи и кончая календаремъ. Въ календарѣ вы замѣнили святыхъ овощами. Прекрасно, господа граждане, распоряжайтесь, располагайтесь, какъ вамъ удобнѣе, управляйте, важничайте, не стѣсняйтесь. Но все это не помѣшаетъ тому, что религія останется религіей, что королевская власть проходитъ пятнадцативѣковой полосою черезъ всю нашу исторію, и что старинное французское дворянство, даже обезглавленное, будетъ стоять цѣлой головою выше васъ! Что касается вашихъ придирокъ по поводу историческаго права королевскихъ родовъ, то мы на это отвѣтимъ только пожиманіемъ плечъ. Хильперихъ, въ сущности, былъ лишь простымъ монахомъ, по имени Даніиломъ; Хильпериха изобрѣлъ Ренфруа для того, чтобы досадить Карлу Мартелу; все это извѣстно намъ не хуже, чѣмъ вамъ. Вопросъ вовсе не въ этомъ, а въ томъ, чтобы Франція осталась старой Франціей, осталась великимъ государствомъ, осталась тою гармонически сложенной страной, въ которой существуетъ, во-первыхъ, священная особа монарховъ, самодержавныхъ властителей государства, затѣмъ существуютъ вельможи, затѣмъ слуги короны на сушѣ и на морѣ, въ области финансовъ и администраціи; далѣе существуютъ высшая и низшая юстиція, управленіе коронными имуществами, акцизами и податями и, наконецъ, государственная полиція въ трехъ ея градаціяхъ. Все это было разумно и гармонично устроено; вы все это разрушили. Вы, жалкіе невѣжды, разрушили провинціальное устройство, сами даже не вѣдая того, что такое провинціальное

устройство. Геній Франціи представляетъ собою амальгаму геніевъ всѣхъ другихъ европейскихъ странъ, и каждая изъ французскихъ провинцій являлась представительницей одной изъ добродѣтелей Европы: нѣмецкую откровенность можно было найти въ Пикардіи, шведское великодушіе — въ Шампани, голландское трудолюбіе — въ Бургундіи, подвижность Польши — въ Лангедокѣ, испанскую важность—въ Гаскони, италіанскую мудрость—въ Провансѣ, греческую проницательность—въ Нормандіи, швейцарскую вѣрность—въ Дофинэ. Вы ничего этого не хотѣли знать. Вы безжалостно все ломали, разрушали, низвергали и спокойно разыграли роль безсмысленныхъ звѣрей. А, вы не желаете больше имѣть дворянства! Ну, его у васъ и не будетъ. Вы сами объ этомъ пожалѣете. У васъ не будетъ рыцарей, не будетъ героевъ. Прощай, прежнее величіе! Найдите ка мнѣ теперь другого д'Ассиса. Вы всѣ дрожите за вашу шкуру! У васъ не будетъ больше рыцарей Фонтенуа, вѣжливо раскланивавшихся, прежде чѣмъ убить человѣка; у васъ не будетъ болѣе бойцовъ въ шелковыхъ чулкахъ, какъ при осадѣ Лериды; у васъ уже не будетъ болѣе тѣхъ изящныхъ битвъ, въ которыхъ султаны мелькали, какъ метеоры. Вы—народъ отпѣтый. Вы сдѣлаетесь жертвой нашествія, насилія. Если Аларихъ возвратится, онъ уже не встрѣтитъ Хлодвига; если Абдуррахманъ возвратится, онъ уже не очутится лицомъ къ лицу съ Карломъ Мартеломъ; если саксонцы возвратятся, они уже не увидятъ предъ собою Пепина; вамъ не дождаться уже такихъ битвъ, какъ битвы при Аньяделѣ, Рокруа, Лансѣ, Стаффордѣ, Штейнкирхенѣ, Ла-Марсайлѣ, Року, Лауфельдѣ, Магонѣ; вамъ уже не дождаться Мариньяно съ Францискомъ I, Бувина съ Филиппомъ-Августомъ, берущимъ въ плѣнъ одною рукою Рено, графа Булонскаго, а другою—Феррана, графа Фландрскаго. Вы, пожалуй, дождетесь Азенкура, но у васъ не найдется знаменщика Банвилля, который, завернувшись въ свое знамя, спокойно дастъ себя убить. Ничего, ничего, продолжайте! Будьте новыми людьми! Мельчайте!

Маркизъ помолчалъ съ минуту и продолжалъ:

— Но мы не желаемъ мельчать. Убивайте королей, убивайте дворянъ, убивайте священниковъ, низвергайте, разрушайте, умерщвляйте все, топчите все ногами, наступайте каблуками вашихъ сапогъ на стародавнія преданія, топчите ногами тронъ, пляшите на алтарѣ, низвергайте Бога, смѣйтесь надъ нимъ, это — ваше дѣло! Вы трусы и измѣнники, неспособные на преданность и на жертвы! Я сказалъ все, что желалъ сказать. Теперь велите вести меня на гильотину, г. виконтъ. Имѣю честь быть вашимъ всепокорнѣйшимъ слугою. Да, да, я вамъ наговорилъ много горькихъ истинъ. Впрочемъ, что же? Для меня это все равно: я человѣкъ мертвый.

— Вы—свободны,—проговорилъ Говэнъ.

Онъ приблизился къ маркизу, снялъ съ себя свой плащъ, накинулъ его ему на плечи и опустилъ ему на глаза капюшонъ. Оба они были одинаковаго роста.

— Послушай, что ты дѣлаешь?—воскликнулъ маркизъ.

— Поручикъ, выпустите меня! — крикнулъ Говэнъ въ дверь, не отвѣчая маркизу.

Дверь распахнулась.

— Не забудьте снова запереть дверь за мною,—крикнулъ снова Говэнъ и вытолкнулъ за дверь удивленнаго маркиза.

Нижній залъ, превращенный въ гауптвахту, освѣщался, какъ уже было сказано, лишь однимъ, тускло горѣвшимъ фонаремъ, такъ что въ комнатѣ царилъ полумракъ. При этомъ слабомъ свѣтѣ тѣ изъ солдатъ, которые еще не спали, видѣли, какъ черезъ нихъ и ихъ спящихъ товарищей шагалъ, направляясь къ выходной двери, человѣкъ высокаго роста, въ плащѣ и въ обшитомъ галуномъ капюшонѣ ихъ полковника; они отдали ему честь, и человѣкъ этотъ прошелъ мимо.

Маркизъ медленными шагами прошелъ черезъ гауптвахту, пролѣзъ черезъ проломъ, не разъ стукнувшись о него головою, и вышелъ на лужайку. Стоявшій тутъ часовой, признавъ въ немъ Говэна, отдалъ ему честь.

Выйдя на лужайку, чувствуя подъ своими ногами, вмѣсто каменныхъ плитъ, луговую траву, видя въ двухстахъ шагахъ передъ собою лѣсъ, а за лѣсомъ — тьму, просторъ, свободу, жизнь, онъ остановился на минуту, какъ человѣкъ, съ которымъ только что случилось нѣчто необычайное, который поступилъ необдуманно и теперь, воспользовавшись открытою дверью, старается сообразить, хорошо ли онъ поступилъ, или дурно. Колеблется, итти ли ему дальше, и старается собраться съ мыслями. Послѣ нѣсколькихъ секундъ глубокой задумчивости онъ поднялъ кверху правую руку, щелкнулъ пальцами, проговорилъ: «Однако!» — и направился въ лѣсъ.

Дверь темницы заперли опять. Тамъ остался Говэнъ.

II.

Военный судъ.

Въ тѣ времена военный судъ былъ донельзя упрощенъ. Это была простая расправа. Дюма въ законодательномъ собраніи представилъ проектъ военно-уголовнаго судопроизводства, состоявшій всего изъ нѣсколькихъ параграфовъ. Впослѣдствіи Тало нѣсколько дополнилъ его въ совѣтѣ пятисотъ, но окончательный уставъ военнаго судопроизводства былъ изданъ только при Имперіи. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что только со временъ Имперіи ведетъ свое начало правило о томъ, чтобы при постановленіи рѣшеній военныхъ судовъ голоса отбирались, начиная съ младшаго чина. Въ эпоху революціи этого правила не существовало.

Въ 1793 году предсѣдатель военно-ссудной комиссіи олицетворялъ собою почти всю комиссію: онъ выбиралъ остальныхъ членовъ, велъ допросъ, опредѣлялъ порядокъ подачи мнѣній. Онъ былъ не столько членомъ, сколько хозяиномъ комиссіи.

Симурдэнъ рѣшилъ, что засѣданіе военнаго суда будетъ происходить въ томъ самомъ залѣ нижняго этажа, въ которомъ при-

защитѣ замка устроена была баррикада, и гдѣ теперь была гауптвахта. Онъ считалъ нужнымъ сократить все: какъ путь изъ тюрьмы до зала засѣданій, такъ и путь изъ зала засѣданій до эшафота.

Въ полдень, согласно его распоряженію, засѣданіе суда открылось при слѣдующей обстановкѣ: три соломенныхъ стула, столъ изъ еловаго дерева, на столѣ двѣ зажженныя свѣчи передъ столомъ табуретъ. Стулья предназначались для судей, табуретъ—для подсудимаго. По обѣимъ сторонамъ стола стояли два другіе табурета: одинъ для военнаго прокурора, должность котораго исполнялъ полковой фурьеръ, другой для секретаря, должность котораго исполнялъ капралъ. Позади средняго стула было разставлено нѣсколько трехцвѣтныхъ знаменъ. Въ эту эпоху грубой простоты докораціи не были изысканны, и требовалось очень не много времени для того, чтобы превратить гауптвахту въ залъ судебныхъ засѣданій.

Средній стулъ, предназначавшійся для предсѣдателя, стоялъ какъ разъ противъ двери тюремной кельи, около которой стояли два жандарма съ саблями наголо. Солдаты составляли публику.

На среднемъ стулѣ сидѣлъ Симурдэнъ, направо отъ него старшій членъ суда, капитанъ Гешанъ, налѣво—младшій членъ, сержантъ Радубъ, въ шляпѣ съ трехцвѣтной кокардой, съ саблей на боку и съ двумя пистолетами за поясомъ. Проходившій по всему лицу его шрамъ ярко-краснаго цвѣта придавалъ его лицу какое-то свирѣпое выраженіе. Онъ, впрочемъ, въ концѣ-концовъ послушался совѣтовъ своихъ товарищей и далъ перевязать свою рану. Голова его была перевязана платкомъ, на которомъ виднѣлось большое пятно крови.

Въ полдень, еще до открытія засѣданія, близъ судейскаго стола стоялъ солдатъ нарочный, лошадь котораго фыркала возлѣ пролома. Симурдэнъ писалъ депешу. Вотъ что онъ писалъ: «Граждане-члены комитета общественнаго спасенія. Лантенакъ захваченъ въ плѣнъ. Онъ будетъ казненъ завтра». Затѣмъ онъ проставилъ число, подписалъ депешу, сложилъ, запечаталъ ее и передалъ ее нарочному, который немедленно ускакалъ.

Послѣ того онъ произнесъ громкимъ голосомъ:

— Отоприте темницу.

Стоявшіе возлѣ двери два жандарма отодвинули запоры, отворили дверь и вошли въ карцеръ.

Симурдэнъ поднялъ голову, скрестилъ на груди руки, взглянулъ на дверь и крикнулъ:

— Приведите арестанта!

Въ оставшейся отворенной двери появился среди двухъ жандармовъ арестантъ. То былъ Говэнъ.

— Говэнъ!—воскликнулъ, вздрогнувъ, Симурдэнъ и вслѣдъ затѣмъ сейчасъ же прибавилъ:—Я арестанта требовалъ.

— Я и есть арестантъ,—отвѣтилъ Говэнъ.

— Какъ ты? А Лантенакъ?

— Лантенакъ свободенъ. Онъ ушелъ.

— Да, да, дѣйствительно,—заговорилъ Симурдэнъ дрожащимъ голосомъ,—этотъ замокъ принадлежалъ ему, онъ знаетъ въ немъ всѣ входы и выходы. Изъ темницы есть, вѣроятно, какой-нибудь потайной выходъ. Мнѣ бы раньше слѣдовало объ этомъ подумать. Онъ, очевидно, нашелъ какое-нибудь средство бѣжать, обойдясь безъ всякой посторонней помощи.

— Нѣтъ, ему помогли бѣжать,—промолвилъ Говэнъ.

— Помогли бѣжать? Но кто же?

— Я.

— Ты! Не можетъ быть! Ты бредишь!

— Я входилъ къ нему въ темницу, былъ наединѣ съ узникомъ, снялъ съ себя плащъ и накинулъ ему на плечи, опустилъ капюшонъ на его лицо. Онъ вышелъ изъ темницы вмѣсто меня, а я остался въ ней вмѣсто него. А теперь я здѣсь передъ вами.

— Неправда, не можетъ быть, ты этого не сдѣлалъ.

— Нѣтъ, совершенная правда. Я это сдѣлалъ.

— Приведите сюда Лантенака!

— Да говорятъ же вамъ, что его уже нѣтъ здѣсь. Солдаты, видя на немъ мой плащъ, позволили ему безпрепятственно пройти, принявъ его за меня, тѣмъ болѣе, что было еще темно.

— Ты съ ума сошелъ!

— Я разсказываю только то, что было.

Наступило молчаніе. Наконецъ, Симурдэнъ началъ, заикаясь:

— Но въ такомъ случаѣ ты заслуживаешь...

— Смерти,—докончилъ за него Говэнъ.

Симурдэнъ былъ блѣденъ, какъ мертвецъ, и неподвиженъ, какъ человѣкъ, котораго только что поразила молнія. Онъ, казалось, задыхался. На лбу его выступили крупныя капли пота. Наконецъ ему удалось придать своему голосу нѣкоторую твердость, и онъ проговорилъ:

— Жандармы, посадите подсудимаго на его мѣсто.

Говэнъ усѣлся на табуретъ подсудимаго.

— Жандармы, обнажите ваши сабли,—продолжалъ Симурдэнъ.

Это была обычная формула, употреблявшаяся въ военномъ судѣ, когда подсудимый обвинялся въ преступленіи, за которое полагалась смертная казнь. Жандармы обнажили сабли.

Голосъ Симурдэна снова принялъ свое обычное выраженіе.

— Подсудимый, встаньте!—проговорилъ онъ.

Онъ больше уже не обращался къ Говэну на «ты».

III.

Подача голосовъ.

Говэнъ поднялся съ мѣста.

— Ваше имя?—спросилъ Симурдэнъ.

— Говэнъ,—отвѣтилъ подсудимый.

— Ваше званіе?—продолжалъ Симурдэнъ допросъ.

— Командующій экспедиціонной колонной на сѣверномъ побережьѣ.

— Вы находитесь въ родствѣ или свойствѣ съ бѣжавшимъ плѣнникомъ?

— Я его внучатный племянникъ.

— Извѣстна ли вамъ прокламація конвента?

— Я вижу одинъ экзепляръ ея на судейскомъ столѣ.

— Что вы можете объяснить по поводу этого декрета?

— Что я скрѣпилъ его своею подписью, велѣлъ приводить его въ исполненіе и самъ составилъ то объявленіе, внизу котораго значится мое имя.

— Выберите себѣ защитника.

— Я самъ себя буду защищать.

— Слово за вами.

Къ Симурдэну снова возвратилась вся его невозмутимость. Только эта невозмутимость была больше похожа на неподвижность скалы, чѣмъ на спокойствіе человѣка.

Говэнъ молчалъ, какъ бы собираясь съ мыслями.

— Что вы можете сказать въ свою защиту?—продолжалъ Симурдэнъ.

Говэнъ медленно поднялъ голову и, ни на кого не глядя, отвѣтилъ:

— А вотъ что: одна вещь помѣшала мнѣ разглядѣть другую; доброе дѣло, увидѣнное мною вблизи, скрыло отъ взоровъ моихъ сотню преступныхъ дѣлъ; съ одной стороны, старикъ, съ другой стороны, трое дѣтей, все это встало между мною и сознаніемъ моего долга. Я забылъ про сожженныя деревни, про опустошенныя поля, про умерщвленныхъ плѣнниковъ, про добитыхъ раненыхъ, про разстрѣлянныхъ женщинъ, про Францію, головою выданную англичанамъ,—и освободилъ убійцу отечества. Я виновенъ. Говоря это, я какъ бы говорю противъ самого себя. Но это невѣрно: я говорю за себя. Когда виновный признаетъ свою вину, онъ спасаетъ единственное, что заслуживаетъ спасенія, — свою честь.

— И вы больше ничего не можете сказать въ свое оправданіе?—спросилъ Симурдэнъ.

— Я могу только прибавить, что, будучи начальникомъ, я долженъ былъ подавать собою примѣръ, и что такъ же должны поступать и вы, господа, какъ судьи.

— Какой примѣръ вы подразумѣваете?

— Смертную казнь. Я нахожу ее справедливой и даже необходимой.

— Садитесь, подсудимый.

Фурьеръ, исполнявшій обязанности прокурора, всталъ съ своего мѣста и прочелъ, во-первыхъ, декретъ, которымъ бывшій маркизъ Лантенакъ объявлялся стоящимъ внѣ закона; во-вторыхъ, декретъ конвента, назначавшій смертную казнь всякому, кто будетъ способствовать бѣгству плѣннаго бунтовщика. Въ заключеніе, онъ обратилъ вниманіе суда на значившуюся въ концѣ афиши подпись «Командующій экспедиціоннымъ отрядомъ *Говэнъ*».

Окончивъ чтеніе, фурьеръ-прокуроръ опустился на свой стулъ. Симурдэнъ, скрестивъ руки, сказалъ:

— Подсудимый, приглашаю васъ быть внимательнымъ. Публика, вы можете смотрѣть и слушать, но должны молчать. Вы имѣете дѣло съ яснымъ и точнымъ закономъ. Сейчасъ будетъ приступлено къ голосованію; приговоръ будетъ постановленъ простымъ большинствомъ голосовъ. Каждый изъ судей подастъ свой голосъ поочереди, вслухъ, въ присутствіи обвиняемаго, такъ какъ правосудію нечего скрывать. Слово за старшимъ изъ судей. Ваше мнѣніе, капитанъ Гешанъ.

Капитанъ Гешанъ, казалось, не видѣлъ ни Симурдэна ни Говэна. Онъ устремилъ глаза на афишу, на которой былъ перепечатанъ декретъ конвента, и смотрѣлъ въ нее, точно въ бездну.

— Въ законѣ сказано коротко и ясно,—наконецъ, проговорилъ онъ.—Судья, въ одно и то же время, и больше и меньше, чѣмъ человѣкъ. Онъ меньше, чѣмъ человѣкъ, ибо ему не полагается сердца; онъ больше, чѣмъ человѣкъ, ибо ему данъ мечъ. Въ 414 г. отъ основанія Рима Манлій казнилъ своего сына, который провинился въ томъ, что одержалъ побѣду безъ его позволенія; нарушеніе дисциплины требовало возмездія. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ нарушеніемъ закона, а законъ долженъ стоять еще выше, чѣмъ дисциплина. Неумѣстное состраданіе можетъ подвергнуть опасности отечество. Полковникъ Говэнъ далъ возможность бѣжать бунтовщику Лантенаку. Говэнъ виновенъ, я подаю голосъ за смертную казнь.

— Секретарь, запишите,—проговорилъ Симурдэнъ.

Секретарь записалъ: «Капитанъ Гешанъ—за смертную казнь».

Тутъ Говэнъ возвысилъ голосъ и сказалъ:

— Гешанъ, ваше мнѣніе основательно. Благодарю васъ.

— Слово за вторымъ судьею,—продолжалъ Симурдэнъ.—Сержантъ Радубъ, говорите!

Радубъ поднялся съ мѣста, повернулся въ сторону Говэна и отдалъ ему честь. Затѣмъ онъ воскликнулъ:

— Если это все такъ, то казните и меня! Ибо, клянусь честью, я бы самъ поступилъ такъ, какъ, во-первыхъ, поступилъ старикъ, а во-вторыхъ—какъ г. полковникъ. Когда я увидѣлъ этого 80-лѣтняго старца кинувшимся въ огонь, чтобы вытащить оттуда троихъ ребятишекъ, я сказалъ себѣ: «А вѣдь славный онъ человѣкъ, право». А когда я услышалъ, что г. полковникъ спасъ старика отъ вашей дурацкой гильотины, я, чортъ возьми, сказалъ себѣ: «Полковника слѣдовало бы произвести за это въ генералы, онъ просто молодецъ, и если бы существовали еще кресты и святые, я далъ бы ему крестъ св. Людовика». И неужели мы теперь сдѣлаемъ глупость? Если для этого выиграны были сраженія при Вальми, при Жеммапѣ, при Флёрюсѣ и при Вальтиньи, такъ это нужно было сказать заранѣе. Какъ! Передъ вами тотъ самый полковникъ Говэнъ, который въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ не перестаетъ бить этихъ неучей-роялистовъ, который шпагой своей спасаетъ республику, который такъ блистательно и умно выигралъ Дольское дѣло,—передъ вами такой человѣкъ, и вы стараетесь отъ него отдѣлаться! Вмѣсто того, чтобы произвести его въ гене-

ралы, вы собираетесь отрубить ему голову! Да вѣдь это все равно что броситься внизъ головою черезъ перила Новаго моста; и если бы вы сами, гражданинъ Говэнъ, были не моимъ начальникомъ, а подчиненнымъ, я бы сказалъ вамъ, что вы только что наговорили удивительныхъ глупостей. Старикъ хорошо сдѣлалъ, что спасъ дѣтей, вы хорошо сдѣлали, что спасли старика, и если людей начнутъ казнить за то, что они совершаютъ хорошіе поступки, то все пойдетъ къ чорту и я ничего больше не буду понимать. На чемъ же мы тогда остановимся? Мнѣ просто не вѣрится, чтобы все это творилось наяву; я ничего не понимаю. Значитъ, старику слѣдовало дать ребятишкамъ сгорѣть живьемъ; значитъ, полковнику слѣдовало допустить, чтобы старику отрубили голову! Ну, въ такомъ случаѣ рубите мнѣ голову; по мнѣ это все равно. Если бы ребятишки погибли, батальонъ Красной Шапки былъ бы обезчещенъ. Этого, что ли, добивались? Что мы—людоѣды, что ли? Я вѣдь тоже коечто смыслю въ политикѣ: вѣдь я былъ членомъ Пиковаго клуба. Мы просто дѣлаемся какими-то скотами, животными. Я откровенно высказываю мое мнѣніе; я не люблю неопредѣленныхъ положеній. Для чего же, наконецъ, чортъ побери, мы даемъ убивать другъ друга? Для того, чтобы намъ убили нашего начальника? Какъ бы не такъ! Мнѣ нуженъ мой начальникъ. Сегодня онъ мнѣ еще болѣе дорогъ, чѣмъ былъ вчера. Взвести его на гильотину—да это просто было бы смѣшно! Нѣтъ, ужъ пожалуйста избавьте насъ отъ этого! Пусть говорятъ, что хотятъ, но это немыслимо.

Радубъ снова усѣлся на свое мѣсто. Вслѣдствіе волненія рана его снова раскрылась и струйка крови текла изъ повязки вдоль его шеи, съ того мѣста, гдѣ прежде было его ухо.

— Итакъ, вы подаете голосъ за оправданіе подсудимаго?— спросилъ Симурдэнъ у Радуба.

— Я подаю голосъ за то,—отвѣтилъ Радубъ,—чтобы его произвели въ генералы.

— Я васъ спрашиваю, желаете ли вы его оправданія?

— Я желаю, чтобъ онъ былъ признанъ первымъ человѣкомъ въ республикѣ.

— Сержантъ Радубъ, подаете ли вы голосъ за оправданіе полковника Говэна? Да или нѣтъ?

— Я подаю голосъ за то, чтобы мнѣ отрубили голову вмѣсто него.

— Значитъ, за оправданіе,—сказалъ Симурдэнъ. — Секретарь, запишите.

Секретарь помѣтилъ: «Сержантъ Радубъ—за оправданіе». Затѣмъ онъ прибавилъ:

— Одинъ голосъ за смертную казнь; одинъ за оправданіе. Равенство голосовъ.

Очередь подать голосъ была за Симурдэномъ. Онъ всталъ, снялъ съ головы шляпу и положилъ ее на столъ. Онъ уже не былъ блѣденъ, но лицо его приняло какой-то землистый оттѣнокъ. Если бы всѣ присутствующіе въ залѣ лежали въ гробу, то не могло бы царить болѣе глубокаго молчанія. Симурдэнъ произнесъ серьезнымъ, твердымъ и медленнымъ голосомъ:

— Подсудимый Говэнъ, дѣло ваше разсмотрѣно. Отъ имени республики, военный судъ, большинствомъ двухъ голосовъ противъ одного...

Онъ остановился, какъ бы колеблясь. Колебался ли онъ передъ смертью? Колебался ли онъ передъ жизнью? Изъ каждой груди вырвалось по тяжелому вздоху. Симурдэнъ продолжалъ:

— ...приговариваетъ васъ къ смертной казни.

Лицо его носило мучительное выраженіе мрачнаго торжества надъ самимъ собою. Но это выраженіе только слегка промелькнуло на его лицѣ. Онъ снова сдѣлался точно мраморнымъ, сѣлъ на свое мѣсто, надѣлъ на голову шляпу и прибавилъ:

— Говэнъ, ваша казнь будетъ совершена завтра утромъ, на восходѣ солнца.

— Благодарю судъ,—произнесъ Говэнъ, вставая и кланяясь.

— Уведите осужденнаго,—проговорилъ Симурдэнъ.

Онъ сдѣлалъ знакъ рукой. Дверь темницы отворилась. Говэнъ вошелъ въ нее, и дверь за нимъ захлопнулась. Оба жандарма остались на часахъ возлѣ двери, съ обнаженными саблями.

Радубъ грохнулся на полъ безъ чувствъ, и его вынесли изъ зала.

IV.

Послѣ Симурдэна-судьи—Симурдэнъ воспитатель.

Военный станъ очень похожъ на пчелиный улей, въ особенности въ революціонныя эпохи. Гражданское жало, кроющееся въ солдатѣ, легко и быстро выходитъ наружу и не затрудняется, послѣ побѣды надъ непріятелемъ, вонзаться въ предводителя. Храбрый отрядъ, взявшій Тургскій замокъ, испускалъ самое разнообразное жужжаніе: сначала онъ роптал противъ полковника Говэна, узнавъ о бѣгствѣ Лантенака; когда же увидѣли Говэна, выходящимъ изъ камеры, въ которой предполагали заключеннымъ Лантенака, извѣстіе это съ быстротою молніи разнеслось по всему лагерю и подѣйствало, какъ электрическій токъ. Въ маленькой арміи пробѣжалъ ропотъ. Вначалѣ ропотъ этотъ сводился къ слѣдующему: «Все это дѣлается лишь для виду. Вѣрьте же послѣ этого бывшимъ дворянамъ и попамъ. Мы только что видѣли виконта, спасающаго маркиза; а теперь мы увидимъ попа, оправдывающаго виконта». Когда разнеслась вѣсть объ осужденіи Говэна, пошелъ другого рода ропотъ: «На что же это похоже? Осудить на смерть нашего начальника, нашего храбраго начальника, нашего молодого полковника, нашего героя! Какъ! его, освободителя Понторсона, Вильдьё, Понтъ-о-Бо! Побѣдителя при Долѣ и при Ла-Тургѣ! Того, кто дѣлаетъ насъ непобѣдимыми! Того, кто въ Вандеѣ является лучшимъ мечомъ республики! Человѣка, который въ теченіе пяти мѣсяцевъ успѣшно дѣйствуетъ противъ шуановъ и поправляетъ всѣ глупости Лешелля и другихъ генераловъ! И этотъ Симурдэнъ осмѣливается осуждать его на смерть! И за что? За то, что онъ спасъ старика, спасшаго трехъ дѣтей! Попъ убиваетъ солдата!»

Такъ роптал побѣдоносный и недовольный лагерь. Чувство раздраженія противъ Симурдэна росло. Казалось бы, что четыре тысячи человѣкъ противъ одного, это—сила; однако, въ сущности, это не была сила: эти четыре тысячи человѣкъ были толпа, а Симурдэнъ былъ воля. Симурдэну достаточно было сморщить брови, чтобы внушить къ себѣ уваженіе и повиновеніе цѣлой арміи. Въ тѣ суровыя времена достаточно было, чтобы за кѣмъ-либо появилась тѣнь комитета общественнаго спасенія, для того чтобы этотъ кто-нибудь сдѣлался человѣкомъ страшнымъ и чтобы нареканія превратились въ шопотъ, шопотъ—въ молчаніе. Какъ до, такъ и послѣ этого ропота Симурдэнъ оставался властителемъ судьбы Говэна, какъ и судьбы всѣхъ остальныхъ. Извѣстно было, что отъ него ничего не добьешься, и что онъ послушается только своей совѣсти, внутренній голосъ которой слышенъ только ему одному. Все зависѣло отъ него одного. То, что онъ сдѣлалъ, какъ членъ военнаго суда, онъ могъ передѣлать, какъ гражданскій комиссаръ. Ему одному принадлежало право помилованія. Онъ имѣлъ неограниченныя полномочія. Достаточно было одного его знака, чтобы возвратить Говэну свободу; ему принадлежало право казнить и миловать; гильотина зависѣла отъ него одного. Въ этотъ трагическій моментъ онъ былъ всемогущъ.

Между тѣмъ время шло и наступала ночь.

V.

Темница.

Зала суда снова превратилась въ гауптвахту. Караулъ былъ удвоенъ, какъ и наканунѣ. Возлѣ запертой двери тюрьмы стояли парные часовые.

Около полуночи черезъ гауптвахту прошелъ какой-то человѣкъ съ фонаремъ въ рукѣ. Онъ далъ себя узнать и велѣлъ отпереть двери тюрьмы. То былъ Симурдэнъ.

Онъ вошелъ въ тюрьму и лишь наполовину притворилъ за собою дверь. Въ камерѣ, въ которой сидѣлъ Говэнъ, было темно и царило молчаніе. Симурдэнъ сдѣлалъ шагъ впередъ, поставилъ фонарь на полъ и остановился. Впотьмахъ слышно было ровное дыханіе спящаго человѣка. Симурдэнъ, задумавшись, прислушивался къ этимъ мирнымъ звукамъ.

Говэнъ лежалъ въ глубинѣ темницы, на связкѣ соломы. Его-то дыханіе и было слышно. Онъ спалъ глубокимъ сномъ. Симурдэнъ подошелъ къ нему, какъ можно осторожнѣе, остановился возлѣ самаго его ложа и сталъ смотрѣть на него. Мать, смотрящая на своего спящаго груднаго ребенка, не могла бы смотрѣть болѣе нѣжнымъ и кроткимъ взоромъ. Этотъ взглядъ былъ, можетъ-быть, сильнѣе самого Симурдэна. Послѣдній прижалъ, какъ то дѣлаютъ иногда дѣти, оба кулака къ глазамъ и остался одну минуту неподвижнымъ. Затѣмъ онъ преклонилъ колѣни, тихонько приподнялъ руку Говэна и приложился къ ней губами.

Говэнъ пошевелился и широко раскрылъ глаза, какъ дѣлаютъ люди, которыхъ вдругъ разбудили. Фонарь слабо освѣщалъ камеру, но молодой человѣкъ все же сразу узналъ Симурдэна.

— Какъ, это вы, дорогой наставникъ!—проговорилъ онъ и прибавилъ:—а мнѣ приснилось, будто смерть цѣлуетъ мнѣ руку.

Симурдэнъ судорожно вздрогнулъ, какъ это свойственно дѣлать людямъ, когда на нихъ нахлынетъ волна мыслей; иногда эта волна такъ высока и такъ бурна, что угрожаетъ залить душу. Сердце Симурдэна было переполнено, и онъ могъ произнести только одно слово: «Говэнъ!»

И оба они стали смотрѣть другъ другу прямо въ глаза: Симурдэнъ взоромъ, полнымъ горькихъ и ѣдкихъ слезъ, Говэнъ—съ кроткой и добродушной улыбкой. Наконецъ Говэнъ приподнялся на своемъ локтѣ и сказалъ:

— Этотъ рубецъ на вашемъ лицѣ, это—слѣдъ сабельнаго удара, который вы получили, спасая меня. Еще не далѣе, какъ вчера, вы стояли въ свалкѣ сраженія рядомъ со мною и ради меня. Если бы Провидѣніе не привело васъ къ моей колыбели, то гдѣ бы я теперь былъ? Во мракѣ. Если мнѣ не чуждо сознаніе долга, то этимъ я обязанъ вамъ. Я родился слѣпымъ вѣдь, предразсудки ослѣпляютъ—вы сняли пелену съ моихъ глазъ, вы возвратили свободу моимъ мыслямъ, и изъ того, что было только муміей, вы сдѣлали человѣка; въ мертворожденнаго вы вложили душу; безъ васъ я бы навѣкъ остался нравственнымъ карликомъ. Я вамъ обязанъ своимъ существованіемъ. Я былъ не что иное, какъ баринъ,—вы сдѣлали изъ меня гражданина; я былъ только гражданиномъ,—вы сдѣлали изъ меня гражданина образованнаго; вы воспитали мое тѣло для земной жизни, а душу—для небесной. Вы дали мнѣ, при моемъ вступленіи въ житейскую дѣйствительность, ключъ отъ истины, а на случай перехода въ иной міръ—ключъ отъ свѣта. О, дорогой мой учитель, благодарю васъ! Вы меня создали.

Симурдэнъ сѣлъ на солому подлѣ Говэна и сказалъ ему:

— Я пришелъ поужинать съ тобой.

Говэнъ отломилъ кусокъ чернаго хлѣба и протянулъ ему.

Симурдэнъ взялъ.

Потомъ Говэнъ подалъ ему кружку съ водой. Симурдэнъ сказалъ:

— Пей сначала ты.

Говэнъ сдѣлалъ глотокъ и передалъ кружку Симурдэну, который сталъ пить съ жадностью. Во время этого ужина Говэнъ ѣлъ, а Симурдэнъ больше пилъ: доказательство тому, что первый былъ спокоенъ, а у другого былъ лихорадочный жаръ. Въ этой темницѣ царило какое-то ужасающее спокойствіе.

Поужинавъ, они принялись бесѣдовать. Говэнъ сказалъ:

— Готовятся великія вещи. То, что творитъ въ настоящее время революція, покрыто таинственностью. Позади дѣла видимаго кроется дѣло невидимое; одно скрываетъ другое. Видимое дѣло—сурово, невидимое—величественно. Въ настоящую минуту все для меня какъ нельзя болѣе ясно. Все это странно, но прекрасно. По

необходимости пришлось воспользоваться матеріаломъ, оставшимся отъ прошлаго. Вотъ почему и явился этотъ странный 93-й годъ: подъ лѣсами варварства созидается храмъ цивилизаціи.

— Да,—подтвердилъ Симурдэнъ,—изъ этого временнаго создастся конечное. Конечное, т.-е. установленіе точной параллели между правами и обязанностями, пропорціональные и прогрессивные налоги, всеобщая воинская повинность, нивелировка, устраненіе привилегій, и, надъ всѣмъ и всѣми, эта прямая линія—законъ. Республика абсолютная.

— Я, съ своей стороны, предпочелъ бы республику идеальную,—сказалъ Говэнъ и, помолчавъ немного, продолжалъ:—ну, дорогой наставникъ, а во всемъ, на что вы только что указали, какое же вы отведете мѣсто самопожертвованію, самоотреченію, преданности, великодушному сплетенію симпатій, любви? Возстановить равновѣсіе—хорошо; но возстановить гармонію—еще лучше. Лира должна стоять выше вѣсовъ. Ваша республика размѣриваетъ, развѣшиваетъ, разграфляетъ человѣка, моя же—уноситъ его въ высь, въ небесную лазурь. Между ними та же разница, какая существуетъ между теоріей и орломъ.

— Да, но, уносясь вверхъ, ты рискуешь исчезнуть въ облакахъ.

— А вы, оставаясь на землѣ, рискуете запутаться въ мелочахъ.

— Гармонія—не что иное, какъ мечта.

— Да вѣдь и алгебра не что иное, какъ фикція.

— Я бы желалъ, чтобы человѣкъ созданъ былъ Эвклидомъ.

— А я,—сказалъ Говэнъ,—предпочелъ бы Гомеровскаго человѣка.

Строгая улыбка Симурдэна остановилась на Говэнѣ, какъ бы желая остановить полетъ этой души.

— Все это—одна поэзія. Не вѣрь поэтамъ.

— Да, это слово мнѣ знакомо. Не вѣрь вѣяніямъ, не вѣрь лучамъ, не вѣрь благоуханію, не вѣрь цвѣтамъ, не вѣрь звѣздамъ..

— Но вѣдь все, что ты только что перечислилъ, не накормитъ тебя.

— А почему вамъ это извѣстно? Вѣдь и мысль—та же пища. Мыслить—значитъ питаться.

— Это все абстракціи. А республика, это—дважды два четыре Если я далъ всякому, что ему слѣдуетъ...

— То вамъ остается еще дать ему то, чего ему не слѣдуетъ.

— Что ты этимъ разумѣешь?

— Я этимъ разумѣю взаимную уступчивость всѣхъ каждому и каждаго всѣмъ, составляющую основу общественной жизни.

— Внѣ положительнаго права ничего не существуетъ.

— Нѣтъ, существуетъ многое.

— Я признаю одно только право.

— А я смотрю выше и вижу нѣчто, стоящее надъ правомъ,—справедливость.

По временамъ оба они останавливались, точно озаряемые внутреннимъ свѣтомъ.

— Объясни мнѣ свою мысль точнѣе, — проговорилъ Симурдэнъ.

— Извольте. Вы желаете всеобщей воинской повинности. Противъ кого? Противъ другихъ людей. Я же не желаю никакой военной службы: я желаю мира. Вы желаете, чтобы бѣднымъ помогало государство, а я желаю, чтобы вовсе не было бѣдныхъ. Вы желаете пропорціональнаго налога, а я не желаю никакого налога.

— Но какъ же ты обойдешься безъ налоговъ?

— А вотъ какъ! Во-первыхъ, уничтожьте всякое паразитство Во-вторыхъ, старайтесь какъ слѣдуетъ пользоваться вашимъ богатствомъ. Вы бросаете удобреніе въ помойныя ямы,—вывозите его на поля. Три четверти французской почвы не воздѣлываются,—воздѣлайте ихъ. Пусть всякій имѣетъ участокъ земли, и всякій клочокъ земли имѣетъ своего воздѣлывателя,—и вы увеличите во сто разъ производство страны. Въ настоящее время французскій крестьянинъ ѣстъ мясо только четыре раза въ годъ; при раціональной обработкѣ земли Франція могла бы прокормить триста милліоновъ людей, т.-е. всю Европу. Старайтесь утилизировать природу, эту могучую союзницу, которою вы теперь пренебрегаете. Заставьте работать въ нашу пользу вѣтеръ, воду, магнетическіе токи. Шаръ земной имѣетъ цѣлую подземную сѣть, въ которой вы найдете и масло, и воду, и огонь; пробуравьте кору земную и заставьте выйти наружу эту воду для вашихъ фонтановъ, это масло для вашихъ лампъ, этотъ огонь для вашихъ очаговъ. Подумайте надъ движеніемъ волнъ морскихъ, надъ приливомъ и отливомъ, надъ громадной силой морской пучины. Что такое океанъ? Громадная потерянная сила! Какъ глупо, что земля не пользуется океаномъ!

— Мнѣ кажется, у тебя просто бредъ.

— Нисколько, все это вполнѣ реально, — возразилъ Говэнъ и прибавилъ:—а что вы дѣлаете изъ женщины?

— То, чѣмъ ей и подобаетъ быть,—отвѣтилъ Симурдэнъ:—служанкою мужчины.

— Это прекрасно; но только подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ и мужчина сдѣлался слугой женщины.

— Что за вздоръ!—воскликнулъ Симурдэнъ.—Мужчина—слуга женщины! Да это немыслимо! Мужчина—властелинъ. Я допускаю одинъ только видъ неограниченной власти—власть мужчины у домашняго очага.

— Да, но только подъ однимъ условіемъ: чтобы женщина была царицей въ домѣ.

— Значитъ, ты желаешь для мужчины и для женщины...

— Равенства.

— Равенства? Да вѣдь это немыслимо! Это два существа, совершенно различныя даже по природѣ своей

— Я вѣдь только и сказалъ: равенство, я не говорилъ: тождество.

Снова наступило молчаніе, какъ бы передышка въ этомъ умственномъ поединкѣ.

— А ребенокъ? Кому ты его отдаешь?—спросилъ, наконецъ, Симурдэнъ.

— Во-первыхъ, отцу, который его зачалъ, затѣмъ матери, которая его родила, далѣе учителю, который его воспитываетъ, затѣмъ городу, который его вскармливаетъ, потомъ родинѣ—его духовной матери и, наконецъ, человѣчеству—его прабабкѣ.

— Но ты ничего не упомянулъ о Богѣ.

— Все, о чемъ я говорилъ,—отецъ, мать, учитель, городъ, отечество, человѣчество,—все это только ступени лѣстницы, ведущей къ Богу.

Симурдэнъ молчалъ, а Говэнъ продолжалъ:

— Когда человѣкъ дошелъ до конца лѣстницы, онъ дошелъ до Бога. Дверь разверзается, и ему остается только войти.

— Говэнъ, возвратись на землю, — проговорилъ Симурдэнъ, маня его къ себѣ рукою.—Постараемся осуществить возможное.

— Начните съ того, чтобы не дѣлать его невозможнымъ.

— Возможное всегда осуществимо.

— Ну, не всегда. Когда поступаютъ сурово съ утопіей, ее убиваютъ. Нѣтъ ничего болѣе хрупкаго, чѣмъ яйцо.

— Нужно, однако, схватить утопію, наложить на нее ярмо дѣйствительности и вставить ее въ рамку факта. Абстрактная идея должна превратиться въ идею конкретную. То, что она потеряетъ въ красотѣ, она выиграетъ въ пользѣ; она сдѣлается меньше, но здоровѣе. Право должно найти доступъ въ законъ; когда право дѣлается закономъ, оно становится безусловнымъ. Вотъ что я называю возможнымъ.

— Нѣтъ, возможное—нѣчто бо́льшее.

— А-а, ты опять вдался въ область мечтаній.

— Возможное, это—таинственная птица, постоянно парящая надъ человѣкомъ.

— Нужно ее изловить.

— Да, но только живою,—сказалъ Говэнъ и продолжалъ:— Мой девизъ—всегда впередъ! Если бы Богъ желалъ, чтобы человѣкъ шелъ назадъ, Онъ вставилъ бы ему глаза на затылкѣ. Намъ слѣдуетъ всегда смотрѣть въ сторону зари, зарожденія, распусканія. То, что падаетъ, служитъ на пользу тому, что возвышается. Трескъ стараго дерева служитъ призывомъ новому. Каждый вѣкъ долженъ совершить свое дѣло, нынче гражданственное, завтра человѣческое; нынче вопросъ о правѣ, завтра вопросъ о заработкѣ; а право и заработокъ это, въ сущности, одно и то же слово. Человѣкъ не для того живетъ, чтобы ему не платили; Богъ, даруя ему жизнь, беретъ на Себя, такъ сказать, нѣкоторое обязательство; право это—врожденная заработная плата; заработная плата, это—пріобрѣтенное право.

Говэнъ говорилъ съ пророческимъ вдохновеніемъ. Симурдэнъ слушалъ его. Роли перемѣнились, и теперь казалось, будто ученикъ сдѣлался учителемъ.

— Ты, однако, быстро шагаешь,—проговорилъ вполголоса Симурдэнъ.

— Какъ же иначе, вѣдь мнѣ нельзя терять времени,—сказалъ Говэнъ, улыбаясь. И затѣмъ онъ продолжалъ:—О, дорогой мой учитель, вотъ какая разница между моими и вашими утопіями. Вы стремитесь къ обязательной казармѣ, я желаю школы. Вы мечтаете о человѣкѣ-солдатѣ, я мечтаю о человѣкѣ-гражданинѣ. Вы желаете человѣка-страшилища, я желаю человѣка-мыслителя. Вы основываете республику мечей, я основываю... я основалъ бы,—поправился онъ,—республику умовъ.

Симурдэнъ посмотрѣлъ на полъ темницы и сказалъ:

— Ну, а пока чего бы ты желалъ?

— Того, что есть.

— Ты, значитъ, извиняешь настоящій моментъ? Но почему же?

— Потому, что это—буря. Буря всегда знаетъ то, что она дѣлаетъ. Сломленный дубъ оздоровляетъ лѣсъ. Цивилизація заболѣла чумой, этотъ сильный вѣтеръ развѣялъ заразу. Быть-можетъ, онъ недостаточно разборчивъ; но развѣ онъ и можетъ быть инымъ? Ему вѣдь предстоитъ произвести радикальную чистку. Въ виду густоты міазмовъ понятна сила дуновенія. А что мнѣ за дѣло до бури,—продолжалъ Говэнъ,—если у меня есть компасъ; что мнѣ за дѣло до событій, если у меня есть совѣсть?—и онъ прибавилъ груднымъ, торжественнымъ голосомъ:—И, наконецъ, есть Нѣкто, Которому невозможно дѣйствовать наперекоръ.

— Кто же это?—спросилъ Симурдэнъ.

Говэнъ поднялъ надъ головою указательный палецъ. Симурдэнъ слѣдилъ взоромъ за направленіемъ этого поднятаго пальца, и ему показалось, будто сквозь сводъ темницы виднѣется звѣздное небо. Они помолчали, послѣ чего Симурдэнъ продолжалъ:

— По-твоему, общество должно стоять выше природы? Я тебѣ говорю, что это не возможность, а мечта.

— Нѣтъ, это цѣль. Иначе на что бы годилось общество? Оставайтесь въ лонѣ природы. Будьте дикарями. Отаити—рай, но только въ этомъ раю не мыслятъ. Я предпочелъ бы разумный адъ глупому раю. Но къ чему тутъ адъ? Будемте просто человѣческимъ обществомъ,—и мы будемъ выше природы. Да! Если вы ничего не можете прибавить къ природѣ, то почему вы выходите изъ нея? Въ такомъ случаѣ лучше довольствуйтесь медомъ, какъ пчела, и трудомъ, какъ муравей. Оставайтесь рабочимъ скотомъ, вмѣсто того, чтобы быть разумнымъ царемъ природы. Если вы что-нибудь прибавите къ природѣ, вы по необходимости станете выше ея; прибавлять—значитъ увеличивать; увеличивать—значитъ возвышаться. Общество, это — возвышенная природа. Я желаю всего того, чего недостаетъ ульямъ, всего того, чего недостаетъ муравейникамъ—искусства, поэзіи, памятниковъ, героевъ, геніевъ. Вѣчно носить тяжести,—не въ этомъ призваніе человѣка. Я желаю, чтобы каждый изъ атрибутовъ человѣчества являлся однимъ изъ символовъ цивилизаціи и однимъ изъ двигателей прогресса;

я желаю свободы духа, равенства сердецъ, братства душъ. Нѣтъ, прочь всякое иго! Человѣкъ созданъ не для того, чтобы влачить за собою цѣпи, но для того, чтобы расправлять крылья. Долой пресмыкающагося человѣка! Я желаю превращенія куколки въ насѣкомое; я желаю, чтобы земляной червь превратился въ крылатую бабочку и упорхнулъ. Я желаю...

Онъ остановился. Глаза его горѣли. Губы продолжали двигаться, но изъ нихъ не вылетало никакого звука.

Дверь оставалась полуотворенною, и въ темницу доносились кое-какіе звуки извнѣ. Слышны были звуки рожковъ: то трубили, по всей вѣроятности, утреннюю зорю; затѣмъ послышался стукъ ружейныхъ прикладовъ о землю: то, очевидно, смѣнялись караулы; затѣмъ, довольно близко отъ башни, насколько можно было различить въ темнотѣ, послышались звуки, указывавшіе какъ бы на передвиженіе бревенъ и досокъ, перемежавшіеся глухими звуками, похожими на стукъ молотковъ.

Симурдэнъ, весь блѣдный, прислушивался къ этимъ звукамъ; Говэнъ ихъ не слышалъ. Онъ становился все задумчивѣе и задумчивѣе. Онъ, казалось, даже не дышалъ,—до того внимательно онъ слѣдилъ за видѣніями, возникавшими въ его мозгу. Онъ ощущалъ пріятную и сладостную дрожь. Въ глазахъ его становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе.

Такъ прошло довольно много времени. Наконецъ Симурдэнъ спросилъ его:

— О чемъ ты думаешь?

— О будущемъ,—отвѣтилъ Говэнъ и снова погрузился въ задумчивость.

Симурдэнъ поднялся съ соломеннаго ложа, на которомъ они оба сидѣли, но Говэнъ этого даже не замѣтилъ. Симурдэнъ, не спуская глазъ съ погруженнаго въ свои мысли молодого человѣка, медленными шагами приблизился къ двери и вышелъ. Дверь темницы снова заперлась.

VI.

Тѣмъ временемъ взошло солнце,

На горизонтѣ стало свѣтать. Вмѣстѣ съ дневнымъ свѣтомъ на Тургской площадкѣ, надъ Фужерскимъ лѣсомъ, появилось нѣчто странное, неподвижное, удивительное, нѣчто незнакомое птицамъ небеснымъ. Это нѣчто появилось за ночь; оно точно выросло, а не было построено. Издали оно обрисовывалось на горизонтѣ въ видѣ силуэта, составленнаго изъ прямыхъ, угловатыхъ линій, и было похоже на какую-нибудь еврейскую букву или на одинъ изъ тѣхъ египетскихъ іероглифовъ, которые составляли часть древней, загадочной азбуки.

Первая мысль, возникавшая при взглядѣ на эту вещь, была мысль о безполезномъ. Она стояла среди цвѣтущаго вереска. Невольно приходилось спрашивать себя, на что нужна эта вещь, а затѣмъ по членамъ пробѣгала дрожь. Это было нѣчто въ родѣ

помоста, поставленнаго на четыре столба. На одномъ изъ концовъ помоста возвышались двѣ высокія прямыя переводины, соединенныя наверху поперечнымъ брусомъ, и подъ этимъ брусомъ висѣлъ треугольникъ, казавшійся чернымъ при утреннемъ полусвѣтѣ. Къ другому концу помоста была приставлена лѣстница. Внизу, между двумя бревнами, какъ разъ подъ треугольникомъ, можно было различить нѣчто въ родѣ рамы, составленной изъ двухъ подвижныхъ половинъ, которыя, будучи приставлены другъ къ другу, образовали круглое отверстіе, размѣрами равное почти среднему размѣру человѣческой шеи. Верхняя половина этой рамы скользила по жолобу, такъ что она могла и подниматься и опускаться. Въ настоящее время оба полукруга, образовавшіе при соединеніи ихъ полный кругъ, были раздвинуты. У основанія обоихъ столбовъ, поддерживавшихъ перекладину съ треугольникомъ, видна была доска, поднимавшаяся и опускавшаяся на шарнирахъ и похожая на доску качели. Возлѣ этой доски стояла продолговатая корзина, а немного впереди нея, на концѣ помоста, между двумя столбами, другая квадратная. Все это было выкрашено красной краской. Все было сдѣлано изъ дерева, за исключеніемъ желѣзнаго треугольника. Чувствовалось, что все это было построено человѣкомъ,—до того оно было безобразно, ничтожно и мелочно; и въ то же время казалось, будто это сооруженіе принесли и поставили сюда злые духи,—до того оно было ужасно.

Это безобразное сооруженіе было—гильотина.

Противъ нея, въ нѣсколькихъ шагахъ, во рву, было другое чудовище—Тургская башня: каменное чудовище рядомъ съ чудовищемъ деревяннымъ; и, нужно замѣтить, когда человѣкъ прикоснется къ камню и къ дереву, камень и дерево перестаютъ уже быть камнемъ и деревомъ, а принимаютъ отчасти человѣческія свойства. Зданіе, это—догматъ, машина, это—идея.

Тургская башня была тѣмъ ужаснымъ завѣщаніемъ прошлаго, которое въ Парижѣ называлось Бастиліей, въ Лондонѣ—Тоуэромъ, въ Германіи—Шпильбергомъ, въ Испаніи—Эскуріаломъ, въ Москвѣ—Лобнымъ мѣстомъ, въ Римѣ — зàмкомъ св. Ангела. Въ Тургѣ сосредоточились цѣлыхъ пятнадцать вѣковъ, вассальство, крѣпостничество, феодализмъ; въ гильотинѣ — одинъ только 93 годъ; и эти двѣнадцать мѣсяцевъ уравновѣшивали эти пятнадцать вѣковъ.

Тургъ — это была монархія; гильотина — это была революція. Печальная очная ставка! Съ одной стороны долгъ, съ другой—платежъ. Съ одной стороны готическая сложность и запутанность—крѣпостной, помѣщикъ, рабъ, баринъ, простонародье, дворянство, сложное законодательство, переплетшееся съ обычнымъ правомъ, союзъ судьи и священника, безчисленныя повинности, государственныя, феодальныя, клерикальныя и частныя, подушная подать, законы о выморочныхъ имуществахъ, привилегіи, исключенія, прерогативы, предразсудки, фанатизмъ, имущественная необезпеченность, скипетръ, престолъ, произволъ, божественное право; съ другой стороны, вещь очень простая—ножъ гильотины. Съ одной стороны узелъ—съ другой—топоръ.

Тургская башня долго оставалась одинокой въ этой пустынѣ. Она стояла здѣсь съ своими бойницами, изъ которыхъ лились кипяченое масло, горячая смола и расплавленный свинецъ, съ своими подземельями, полъ которыхъ былъ покрытъ истлѣвшими костями. съ своими снарядами для четвертованія, со всею своею мрачной трагедіей, которою она была переполнена. Она возвышалась своими мрачными очертаніями надъ этимъ лѣсомъ, она пользовалась въ его тѣни пятнадцатью вѣками мрачнаго спокойствія, она являлась въ этой мѣстности единственной силой, единственнымъ предметомъ, внушавшимъ уваженіе и ужасъ; она царила безраздѣльно. и столь же безраздѣльно являлась олицетвореніемъ варварства. И вдругъ вблизи нея, противъ нея, воздвигается нѣчто,—нѣтъ, болѣе чѣмъ нѣчто,—нѣкто—нѣкто столь же ужасный, какъ и она,—гильотина.

Иногда кажется, будто и у камней есть глаза, будто статуя наблюдаетъ, башня караулитъ, фасадъ зданія глядитъ. Тургская башня какъ будто разсматривала гильотину. Она какъ будто сама себѣ задавала вопросъ: что бы это такое могло быть это нѣчто, точно выросшее изъ подъ земли? И, дѣйствительно, оно выросло изъ-подъ земли. Въ печальной почвѣ зародилось это печальное растеніе. Въ извѣстный день эта неизвѣстная мстительница, эта свирѣпая машина-истребительница выросла изъ-подъ земли, обильно политой пòтомъ, слезами и кровью, изъ-подъ земли, въ которой вырыто было столько могилъ для невинно-погибшихъ и замученныхъ, изъ-подъ земли, въ которой превратились въ пыль и прахъ столько жертвъ разнаго вида тираніи, изъ-подъ земли, въ нѣдрахъ которой было зарыто столько преступленій, въ видѣ ужасныхъ сѣмянъ,—и 93 годъ сказалъ старому міру: «Вотъ и я!» А гильотина имѣла право сказать старому зàмку: «Я твоя дочь».

И зàмокъ—вѣдь и неодушевленные предметы живутъ—почувствовалъ, что гильотина его убила. Тургскій зàмокъ, въ виду этого страшнаго явленія, какъ бы растерялся, какъ бы испугался. Гранитная масса была ужасна, но величественна; эта же новая вещь, эта наклонная доска съ своимъ треугольникомъ, была хуже. Новое всемогущество внушало ужасъ всемогуществу павшему. Исторія преступная съ омерзѣніемъ смотрѣла на исторію карающую. Насиліе прошлаго сравнивало себя съ насиліемъ настоящаго. Старинная крѣпость, старинная тюрьма, старинное феодальное гнѣздо, въ которомъ когда-то раздавалось столько стоновъ и воплей, это сооруженіе, возведенное для борьбы и для убійства, отбывшее свою службу, сыгравшее свою роль, развѣнчанное, полуразрушенное, изнасилованное, превращенное въ груду камней, стоившую не болѣе груды пепла, безобразное, мертвое, но величественное, носившее еще отпечатокъ минувшихъ временъ,—съ ужасомъ смотрѣло на этотъ новый снарядъ разрушенія. Вчерашній день трепеталъ передъ сегодняшнимъ, жестокой старинѣ приходилось испытывать на себѣ ужасы новѣйшей эпохи; то, что прошло, таращило испуганные глаза на грядущіе ужасы, призракъ смотрѣлъ на привидѣніе.

Но природа безпощадна. Она не соглашается убирать свои цвѣты, свои благоуханія, свои лучи, свое благозвучіе въ виду людской гнусности; она подавляетъ человѣка контрастомъ между божественной красотой и житейскимъ безобразіемъ; она не подаритъ ему ни одного крылышка бабочки, ни одной птичьей пѣсни; она заставляетъ его—среди убійствъ, варварства, мщенія—смотрѣть на свою святыню; она мѣшаетъ ему уклониться отъ тяжелаго упрека, которымъ являются для него радостные лучи солнца и безупречная ясность лазури. Она устраиваетъ такъ, что все безобразіе людскихъ законовъ выступаетъ въ обнаженномъ видѣ среди вѣчнаго сіянія. Человѣкъ ломаетъ и сокрушаетъ, человѣкъ убиваетъ и разрушаетъ; но лѣто остается лѣтомъ, лилія—лиліей, звѣзда—звѣздою.

Никогда небо не было чище и яснѣе, чѣмъ въ это чудное лѣтнее утро, при солнечномъ восходѣ. Легкій вѣтерокъ шелестилъ верескомъ, легкій туманъ, опускаясь на землю, ползалъ по вѣтвямъ кустовъ. Фужерскій лѣсъ, весь полный прохлады отъ испареній, поднимавшихся изъ ручейковъ, дымился на утренней зарѣ, какъ огромная кадильница, полная ѳиміама. Синева неба, бѣлизна облаковъ, хрустальная прозрачность водъ, зелень лѣса, самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, доходившая въ гармонической гаммѣ отъ аквамариноваго цвѣта до изумруднаго, группы переплетающихся вѣтвями деревьевъ, зеленая скатерть травы, глубокія лощины,—все дышало миромъ и тѣмъ спокойствіемъ, которыми природа какъ бы желаетъ подать примѣръ человѣку. И среди этой чудной обстановки возвышался ужасающій позоръ человѣчества, среди нея виднѣлись, съ одной стороны, феодальная башня, съ другой—эшафотъ, эти эмблемы войны и казней, эти два олицетворенія кровожаднаго вѣка и кровавой минуты, эта ночная сова прошлаго и этотъ сумеречный нетопырь будущаго. Въ виду цвѣтущаго, благоухающаго, прекраснаго и любвеобильнаго міра Божьяго, чудное небо заливало золотомъ и башню и гильотину, какъ бы говоря людямъ: «Посмотрите, что я дѣлаю и что вы дѣлаете».

Да, вотъ какимъ можетъ быть то подавляющее употребленіе, которое солнце дѣлаетъ изъ своего свѣта.

Это зрѣлище имѣло своихъ свидѣтелей. На площадкѣ были выстроены въ боевомъ порядкѣ четыре тысячи человѣкъ экспедиціонной колонны. Они окружали гильотину съ трехъ сторонъ, образуя нѣчто въ родѣ буквы *E*; батарея, выстроившаяся посрединѣ болѣе длинной изъ этихъ трехъ линій, составляла какъ бы зарубку этого *E*. Красная машина была какъ бы заключена среди этихъ трехъ боевыхъ линій, среди этой живой изгороди солдатъ, выстроенныхъ у самыхъ краевъ плоской возвышенности. Четвертую, открытую сторону этой буквы *E* составлялъ ровъ, и она была обращена къ Тургу. Такимъ образомъ, составлялся открытый съ одной стороны параллелограммъ, посреди котораго стоялъ эшафотъ. По мѣрѣ того, какъ солнце поднималось выше, тѣнь, бросаемая гильотиной, сокращалась на травѣ. Артиллеристы стояли возлѣ своихъ орудій съ зажженными фитилями.

Изъ рва поднимался легкій синеватый дымокъ: то догорали остатки зданія на мосту. Дымокъ этотъ растушевывалъ, не застилая фасада, стѣны Тургской башни, вышка которой вырисовывалась на горизонтѣ. Вышка эта отдѣлялась отъ гильотины однимъ только рвомъ, и разстояніе между ними было такъ незначительно, что между ними легко можно было бы переговариваться.

На эту вышку перенесены были судейскій столъ и одинъ изъ судейскихъ стульевъ; надъ ними развѣвались трехцвѣтныя знамена. Солнце поднималось изъ-за Тургской башни и обрисовывало черными линіями очертанія крѣпости, а на вышкѣ ея—фигуру какого-то человѣка, сидѣвшаго неподвижно, со сложенными на груди руками, передъ судейскимъ столомъ, подъ сѣнью трехцвѣтныхъ знаменъ

Человѣкъ этотъ былъ Симурдэнъ. На немъ, какъ и наканунѣ, надѣтъ былъ мундиръ гражданскаго делегата; на головѣ его была треугольная шляпа съ трехцвѣтнымъ султаномъ, къ лѣвому боку прицѣплена была сабля, а за поясомъ заткнуты пистолеты.

Онъ молчалъ; да и всѣ молчали. Солдаты держали ружья къ ногѣ и стояли, опустивъ глаза въ землю. Они прикасались другъ къ другу локтями, но не разговаривали. Они думали объ этой братоубійственной войнѣ, о многочисленныхъ сраженіяхъ, о столь храбро перенесенной ими стрѣльбѣ изъ-за изгородей, о толпахъ озлобленныхъ крестьянъ, разсѣянныхъ ихъ дуновеніемъ, о взятыхъ городахъ, о выигранныхъ сраженіяхъ, о побѣдахъ,—и имъ казалось теперь, будто вся эта слава обращается для нихъ въ позоръ. Тяжелое ожиданіе сжимало всѣ груди. На помостѣ гильотины виднѣлся расхаживавшій взадъ и впередъ палачъ. Усиливавшійся съ каждой минутой утренній свѣтъ величественно заливалъ все небо.

Вдругъ послышались тѣ глухіе звуки, которые издаютъ обтянутые трауромъ барабаны. Эти мрачные, похоронные звуки все приближались; ряды разступились, и въ карре вступило и направилось къ эшафоту цѣлое шествіе.

Сначала барабанщики съ обтянутыми крепомъ барабанами, затѣмъ рота гренадеръ, далѣе взводъ жандармовъ съ обнаженными саблями и, наконецъ, осужденный, Говэнъ, шедшій на свободѣ, не скованный и не связанный ни по рукамъ ни по ногамъ, въ походной формѣ, съ саблей на боку. Позади него шелъ другой взводъ жандармовъ.

На лицѣ Говэна какъ бы застыло то выраженіе задумчивой радости, которое освѣтило его въ ту минуту, когда онъ сказалъ Симурдэну: «Я думаю о будущемъ». Ничто не могло быть очаровательнѣе и торжественнѣе этой долгой улыбки.

Прибывъ на зловѣщее мѣсто казни, онъ бросилъ первый взглядъ не на гильотину, къ которой онъ относился съ презрѣніемъ, а къ вышкѣ башни. Онъ былъ увѣренъ, что Симурдэнъ не преминетъ присутствовать при его казни. Онъ сталъ искать его глазами на вышкѣ и вскорѣ нашелъ.

Симурдэнъ былъ блѣденъ и холоденъ. Если бы кто-нибудь стоялъ подлѣ него локоть къ локтю, онъ бы не услышалъ его дыханія. Увидѣвъ Говэна, онъ даже не шевельнулъ бровью.

Тѣмъ временемъ Говэнъ продолжалъ приближаться къ эшафоту. Онъ не спускалъ глазъ съ Симурдэна, а тотъ не спускалъ глазъ съ него. Казалось, будто Симурдэнъ искалъ себѣ въ этомъ взглядѣ опоры.

Говэнъ дошелъ до подножія эшафота и взошелъ на него. Офицеръ, командовавшій взводомъ гренадеръ, послѣдовалъ за нимъ на помостъ. Опъ снялъ съ своего пояса шпагу и передалъ ее офицеру; потомъ снялъ съ себя галстукъ и передалъ палачу. Онъ былъ похожъ скорѣе на видѣніе, чѣмъ на человѣка. Никогда, кажется, онъ не былъ красивѣе. Его темнорусые волосы разносились по вѣтру,—въ то время еще не вошло въ моду стричь волосы. Его бѣлая шея напоминала женскую, а его величественный и геройскій взглядъ дѣлалъ его похожимъ на архангела. Онъ и на эшафотѣ оставался мечтателемъ: вѣдь и плаха—та же вершина. Говэнъ стоялъ величественный и спокойный. Солнце, заливая его своими лучами, образовало вокругъ его головы какъ бы сіяніе.

Нужно было, однако, привязать осужденнаго къ доскѣ. Палачъ приблизился къ нему съ веревкой въ рукѣ.

Но въ эту минуту солдаты, увидѣвъ своего молодого вождя почти уже положеннымъ подъ ножъ, не выдержали; сердце этихъ, привыкшихъ ко всѣмъ ужасамъ войны, людей переполнилось. Послышалось нѣчто ужасное—рыданіе толпы. Со всѣхъ сторонъ раздались возгласы: «Пощадите! Пощадите!» Нѣкоторые опустились на колѣни; другіе побросали свои ружья и стали простирать свои руки къ площадкѣ башни, на которой сидѣлъ Симурдэнъ. Одинъ гренадеръ воскликнулъ, указывая на гильотину. «А что, здѣсь допускаются замѣстители? Я—замѣститель!» Всѣ неистово вопили: «Пощадите! Пощадите!»—и даже львы, услыхавъ этотъ вопль, были бы тронуты или испуганы, потому что солдатскія слезы—это ужасная вещь.

Палачъ остановился, не зная, что ему дѣлать. Тогда сухой и глухой голосъ, который, однако, всѣ услышали, до того онъ былъ зловѣщъ, крикнулъ съ вышки башни: «Да совершится правосудіе!»

Всѣ узнали этотъ голосъ,—то былъ голосъ Симурдэна. Весь отрядъ вздрогнулъ. Колебанія палача прекратились, и онъ приблизился къ Говэну съ веревкой въ рукѣ.

— Подождите,—сказалъ Говэнъ; и онъ обернулся въ сторону Симурдэна, сдѣлалъ ему остававшеюся еще свободной правою рукою прощальный жестъ и затѣмъ далъ себя связать.

Когда его связали, онъ сказалъ палачу:

— Извините, еще одну секунду,—и вслѣдъ за тѣмъ воскликнулъ:—Да здравствуетъ республика!

Его положили на качающуюся доску. Эту красивую, гордую голову всунули въ позорный ошейникъ; палачъ тихонько приподнялъ волосы на затылкѣ, потомъ пожалъ пружину; треуголь-

ный ножъ сдвинулся съ своего мѣста и сталъ спускаться — сначала медленно, потомъ быстрѣе; послышался отвратительный стукъ...

Въ то же мгновеніе раздался другой звукъ: удару топора отвѣтилъ выстрѣлъ изъ пистолета. Оказалось, что Симурдэнъ выхватилъ одинъ изъ торчавшихъ за его поясомъ пистолетовъ, и въ то самое мгновеніе, когда голова Говэна скатывалась въ красную корзину, выстрѣлилъ себѣ въ самое сердце. Изо рта у него хлынула кровь, и онъ упалъ со стула бездыханнымъ трупомъ.

И эти двѣ души, эти двѣ трагическія сестры, полетѣли на небо вмѣстѣ; при этомъ темнота одной изъ нихъ сливалась со свѣтлостью другой.

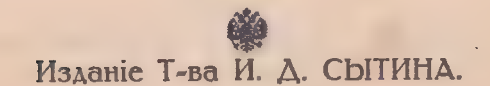
КОНЕЦЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ВИКТОРА ГЮГО

Томъ V.

СЪ КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКИМЪ ОЧЕРКОМЪ ПРОФЕССОРА А. И. КИРПИЧНИКОВА.



Изданіе Т-ва И. Д. СЫТИНА.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., свой домъ.
МОСКВА.—1915

ГАНЪ-ИСЛАНДЕЦЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ. — Перев. подъ редакціей Е. Н. Киселева.

Часть первая.

I.

— Видѣли вы его? Кто его видѣлъ? — Не я. — Кто же? — Не знаю.

Стернъ.—„Тристрамъ Шэнди“.

— Вотъ къ чему приводитъ любовь, сосѣдъ Нильсъ. Не лежала бы на этомъ черномъ камнѣ бѣдная Гута Стерсенъ, какъ выброшенная приливомъ морская звѣзда, если бы сидѣла дома, чинила сѣти да смотрѣла за лодкой своего отца, а нашего стараго пріятеля. Да утѣшитъ его святой Узуфъ-рыбарь въ его горѣ.

— Да и женихъ ея, Гиль Стадтъ,—послышался въ отвѣтъ пронзительный и дрожащій голосъ,—не лежалъ бы здѣсь, рядомъ съ нею, если бы не влюбился въ Гутъ и не выдумалъ искать счастья въ этихъ проклятыхъ Рераасскихъ копяхъ, а и теперь качалъ бы колыбель братишки, сидя въ своей закоптѣлой хижинѣ.

— Память-то у васъ старѣетъ, какъ и сами вы, тетка Олли,— прервалъ сосѣдъ Нильсъ, къ которому обращался первый собесѣдникъ.—У Гиля никогда не было брата, и тѣмъ горше старой вдовѣ Стадтъ. Теперь ея хижина совсѣмъ опустѣла... Подниметъ она глаза, чтобы успокоить молитвой свое горе, а на потолкѣ еще виситъ пустая колыбель сына, едва успѣвшаго вырасти и уже мертваго.

— Бѣдная мать!—промолвила тетка Олли.—Малый-то самъ виноватъ, нечего было итти въ рудокопы.

— И то правда,—сказалъ Нильсъ.—Эти адскія копи отнимаютъ у насъ по человѣку за каждый осколокъ добытой мѣди. Не правда ли, кумъ Брааль?

— Рудокопы—безумцы,—отвѣчалъ рыбакъ.—Рыбѣ не нужно выходить изъ воды, а человѣку спускаться въ землю.

— А если Гилю Стадту надо было заработать денегъ на свадьбу?—проговорилъ какой-то молодой человѣкъ въ толпѣ.

— И все-таки нечего было итти на вѣрную смерть. Вѣдь все равно, никакая любовь не сможетъ наполнить жизни. Нечего сказать, хорошую свадебную постель заработалъ Гиль для своей Гуты.

— Такъ эта дѣвушка утопилась съ горя, что погибъ ея женихъ?— спросилъ кто-то изъ зѣвакъ, толпившихся вокругъ труповъ.

— Что за сказки! — громко вскричалъ солдатъ, протискавшійся впередъ.—Я отлично знаю эту дѣвушку. Правда, былъ у нея женихъ рудокопъ, котораго придавило обваломъ въ подземныхъ галлереяхъ Шторвадсгрубе, что около Рерааса, да только былъ и любовникъ, одинъ изъ моихъ товарищей. Вотъ она вчера и захотѣла пробраться тайкомъ въ Мункгольмъ и отпраздновать съ милымъ дружкомъ смерть жениха, а лодка-то и налети на рифъ. Она и утонула.

Въ толпѣ поднялся ропотъ. «Не можетъ этого быть», говорили старухи, молодые молчали, а сосѣдъ Нильсъ подмигивалъ Браалю и напоминалъ ему его замѣчаніе: «Вотъ къ чему приводитъ любовь».

Солдатъ уже готовъ былъ разсердиться на старухъ за ихъ противорѣчіе. Онъ даже успѣлъ обозвать ихъ «старыми вѣдьмами изъ Кираготской пещеры», и тѣ, въ свою очередь, не собирались спустить ему такой обиды, такъ что готова была завязаться изрядная перебранка, но въ это время послышался чей-то рѣзкій голосъ:

— Тише вы! Чего разгалдѣлись!

Все смолкло. Такъ при внезапномъ крикѣ пѣтуха смолкаетъ кудахтанье куръ...

Но прежде, чѣмъ продолжать нашъ разсказъ, не мѣшаетъ описать мѣсто, гдѣ происходила эта сцена. Читатель, вѣроятно, уже догадался, что это было одно изъ тѣхъ мрачныхъ зданій, которыя общественное состраданіе и предусмотрительность посвящаютъ неизвѣстнымъ трупамъ.

Такія зданія служатъ обыкновенно послѣднимъ убѣжищемъ несчастливцамъ. Въ нихъ толпятся и равнодушные зѣваки, и любители наблюденій, а нерѣдко и друзья и родственники, у которыхъ тяжелое, невыносимое безпокойство отняло всякую надежду, кромѣ послѣдней—найти хотя трупъ близкаго человѣка. Въ ту отдаленную эпоху и въ той мало цивилизованной странѣ, куда я перенесъ читателя, люди еще не додумались до того, чтобы устраивать изъ этихъ зданій мрачно-роскошные и скорбно-изящные памятники, какъ это дѣлается въ наше время въ нашихъ роскошныхъ и грязныхъ городахъ. Здѣсь свѣтъ не проходилъ сквозь фонарь въ видѣ надгробнаго памятника, не скользилъ по украшеннымъ лѣпной работой сводамъ и не освѣщалъ красивыя ложа для труповъ, приспособленныя какъ бы для того, чтобы мертвецамъ было удобнѣе лежать. Когда пріотворялась дверь въ помѣщеніе смотрителя, то, утомленный зрѣлищемъ отвратительныхъ обнаженныхъ труповъ, взоръ не отдыхалъ, какъ теперь, на изящной мебели и на весело рѣзвящихся дѣтяхъ. Здѣсь смерть царила во всемъ своемъ безобразіи, во всемъ своемъ ужасѣ, и никто не думалъ украшать кистями и лентами ея ободранный скелетъ.

Обширная зала, въ которой находились наши собесѣдники, казалась еще обширнѣе отъ царствовавшей въ ней темноты. Свѣтъ

попадалъ въ нее лишь сквозь низкую четырехугольную дверь, выходившую на Дронтгеймскій портъ и сквозь грубо сдѣланное отверстіе въ потолкѣ, куда вмѣстѣ съ тусклымъ бѣлесоватымъ свѣтомъ попадалъ и дождь, и градъ, и снѣгъ, смотря по погодѣ, и все это сыпалось на трупы, лежавшіе какъ разъ подъ отверстіемъ. Зала была раздѣлена на двѣ части невысокой чугунной балюстрадой. Публика попадала въ первую часть черезъ четырехугольную дверь, а за рѣшеткой виднѣлось шесть длинныхъ плитъ изъ чернаго гранита, поставленныхъ въ одинъ рядъ и параллельно другъ другу. Въ каждомъ отдѣленіи было еще по небольшой боковой двери. Двери эти вели въ помѣщенія смотрителя и его помощника, расположенныя въ задней, обращенной къ морю, части зданія. Рудокопъ и его невѣста занимали двѣ гранитныхъ постели. На тѣлѣ молодой дѣвушки уже появились крупныя голубыя и багровыя пятна, вѣрные признаки разложенія. Черты лица Гиля были рѣзки, выраженіе мрачно, но весь трупъ былъ такъ обезображенъ, что трудно было судить, такъ ли онъ былъ красивъ, какъ говорила тетка Олли.

Передъ этими-то обезображенными останками и начался тотъ разговоръ, который мы сообщили читателю. Высокій, сухой старикъ, сидѣвшій со скрещенными руками и опущенной головой на разломанной скамьѣ, въ самомъ темномъ углу, казалось, не обращалъ на этотъ разговоръ ни малѣйшаго вниманія, до тѣхъ поръ, пока не всталъ и не прокричалъ своей фразы: «Тише вы, чего разгалдѣлись!» взявъ при этихъ словахъ солдата за рукавъ.

Всѣ замолчали. Солдатъ оглянулся и тотчасъ же громко расхохотался, увидя старика. И дѣйствительно, худое лицо его, рѣдкіе и грязные волосы, длинные пальцы и полный костюмъ изъ оленьей кожи вполнѣ оправдывали такой веселый пріемъ. Въ толпѣ женщинъ, на минуту примолкшей, снова раздался ропотъ.

— А, это смотритель Спладгеста [1])! — Это адскій привратникъ мертвыхъ!—Это дьявольскій Спіагудри.—Это проклятый колдунъ...

— Тише—вы! крикливыя твари. Что сегодня, шабашъ что ли? Ступайте къ вашимъ метламъ, а то, пожалуй, безъ васъ улетятъ! Оставьте въ покоѣ этого почтеннаго потомка бога Тора.

И пытаясь изобразить на своемъ лицѣ привѣтливую улыбку, Спіагудри обратился къ солдату:

— Вы говорите, что эта женщина...

— У! старый плутъ,—проворчала тетка Олли.—Мы для него жалкія женщины, потому что если наше тѣло попадетъ въ его когти, то онъ получаетъ по таксѣ только тридцать аскалиновъ, а не сорокъ, какъ за мужской трупъ.

— Молчать, старухи!—повторилъ Спіагудри.—Вѣдь вотъ чортовы дочери, чисто ихъ котлы: какъ нагрѣются, такъ и разбурлятся... Не можете ли вы сказать мнѣ, достойный воинъ, вашъ товарищъ, любовницей котораго была Гута, конечно, убьетъ себя съ отчаянія?

---

[1]) Названіе дронтгеймскаго морга.

Тутъ уже вспыхнулъ долго сдерживаемый взрывъ негодованія.

— Слышите вы этого безбожника!—закричало десятка два визгливыхъ голосовъ.—Онъ готовъ уморить человѣка, лишь бы получить свои сорокъ аскалиновъ.

— А что же такое, каждый живетъ своимъ ремесломъ. Солдатъ получаетъ за свою службу, я за свою.

— Слишкомъ много чести для солдата, что вы сравниваете его съ собой, сосѣдъ Спіагудри,—иронически замѣтилъ рыбакъ Браалъ.

— Сосѣдъ!—вскричалъ смотритель, оскорбленный такой фамильярностью.—Скажите лучше—хозяинъ, потому что легко можетъ случиться, любезнѣйшій господинъ рыбакъ, что мнѣ придется предоставить вамъ на недѣльку одну изъ моихъ каменныхъ постелей. Впрочемъ,—прибавилъ онъ со смѣхомъ,—если я и заговорилъ о смерти этого солдата, то только потому, что обычай самоубійства очень распространенъ при той трагической страсти, которую обыкновенно внушаютъ дамы.

— Ну, трупище, хранитель труповъ,—сказалъ солдатъ,—что же тебѣ нужно, и для чего ты строишь такую любезную рожу, которая напоминаетъ послѣднюю улыбку повѣшеннаго?

— Прекрасно, мужественный воинъ. Не даромъ я всегда говорилъ, что подъ каской жандарма Турна, побѣдившаго дьявола языкомъ и саблей, больше остроумія, чѣмъ подъ четвероугольной шапочкой профессора Шенинга, описавшаго нашъ соборъ.

— Въ такомъ случаѣ, если ты мнѣ вѣришь, старый кожаный мѣшокъ, то оставь свое ремесло и продай себя въ кабинетъ рѣдкостей вице-короля въ Бергенѣ. Клянусь святымъ Бельфегоромъ, рѣдкія животныя цѣнятся на вѣсъ золота. Но скажи, наконецъ, что тебѣ отъ меня нужно?

— Когда тѣла, которыя сюда приносятъ, найдены въ водѣ, то намъ приходится уступать половину таксы рыбакамъ. Я хотѣлъ попросить васъ, славный наслѣдникъ жандарма Турна, предложить вашему товарищу не топиться, а избрать какой-нибудь другой родъ смерти. Ему вѣдь все равно, а я думаю, онъ не захочетъ напослѣдокъ обидѣть бѣднягу, который пріютитъ его трупъ, если потеря Гуты заставитъ его рѣшиться на самоубійство.

— Ну, ужъ это вы ошибаетесь, любезный и гостепріимный господинъ смотритель. Мой товарищъ и не подумаетъ воспользоваться вашимъ любезнымъ приглашеніемъ. Навѣрно, онъ уже теперь утѣшился съ какой-нибудь новой валькиріей. Клянусь моими усами, ваша Гута ему уже давно надоѣла.

При этихъ словахъ гроза, которую Спіагудри отвелъ было на свою голову, обрушилась съ новой силой на несчастнаго солдата.

— Какъ, негодный плутъ!—завопили сарухи.—Такъ-то вы о насъ помните! Любите послѣ этого такихъ негодяевъ!

Молодыя дѣвушки молчали, и нѣкоторыя изъ нихъ даже невольно находили, что этотъ повѣса недуренъ собою.

— Ого!..—проговорилъ солдатъ.—Не къ шабашу ли онѣ готовятся? Казнь Вельзевула должна быть ужасна, если ему хоть разъ въ недѣлю приходится слушать такой хоръ.

Неизвѣстно, чѣмъ бы отвѣтили старухи на эту новую выходку, если бы въ это время шумъ на улицѣ не привлекъ общаго вниманія. Шумъ этотъ все усиливался, и скоро цѣлый рой полуголыхъ мальчишекъ, съ крикомъ толпящихся вокругъ покрытыхъ носилокъ, шумно вошелъ въ Спладгестъ.

— Откуда это?—спросилъ носильщиковъ привратникъ.

— Съ Урхтальскаго прибрежья.

— Оглипиглапъ!—крикнулъ Спіагудри.

Одна изъ боковыхъ дверей отворилась, и показался небольшого роста лапландецъ, одѣтый, какъ и Спіагудри, въ кожаное платье. Знакомъ онъ велѣлъ носильщикамъ слѣдовать за собой, и дверь снова затворилась за нимъ, прежде чѣмъ любопытная толпа успѣла догадаться по длинѣ лежащаго на носилкахъ тѣла, было ли оно мужское или женское.

Вопросъ этотъ занималъ еще всѣ умы, когда Спіагудри и его помощникъ показались за рѣшеткой, неся трупъ мужчины, который и положили на третью плиту.

— Давно не попадалось намъ такой хорошей одежды,—проговорилъ Оглипиглапъ, вѣшая надъ мертвецомъ изящный капитанскій мундиръ.

Голова трупа была совершенно обезображена, и всѣ члены окровавлены. Чтобы смыть кровь, смотритель нѣсколько разъ окатилъ трупъ водою изъ стараго, полуразломаннаго ведра.

— Клянусь Вельзевуломъ, — вскричалъ солдатъ,—это офицеръ нашего полка. Но кто же это? Можетъ-быть, капитанъ Болларъ, съ горя, что у него дядя умеръ... Да нѣтъ, онъ наслѣдникъ. Баронъ Рандмеръ, можетъ-быть? Онъ вчера проигралъ свою землю; да вѣдь завтра ему никто не мѣшаетъ отыграться и въ придачу выиграть чей-нибудь замокъ. Можетъ-быть, капитанъ Лори—у него утонула собака, или казначей Штункъ—ему жена измѣнила. Но изъ-за всего этого не стоило стрѣляться.

Толпа все росла. Въ это время мимо Спладгеста проѣзжалъ верхомъ молодой человѣкъ, одѣтый по-дорожному. На немъ былъ простой зеленый плащъ и шляпа съ чернымъ перомъ, пришпиленнымъ алмазной застежкой. Перо это красиво колебалось надъ высокимъ, отѣненнымъ длинными каштановыми волосами лбомъ. Шпоры и сапоги, забрызганные грязью, свидѣтельствовали, что молодой человѣкъ пріѣхалъ издалека. Увидя стеченіе народа, онъ сошелъ съ лошади, бросилъ поводья ѣхавшему за нимъ слугѣ и вошелъ въ Спладгестъ. Въ то время, какъ онъ входилъ, какой-то низенькій коренастый человѣкъ, также въ плащѣ и въ огромныхъ перчаткахъ, говорилъ солдату:

— Откуда вы взяли, что онъ застрѣлился. Этотъ человѣкъ, я увѣренъ, столько же виноватъ въ своей смерти, сколько вашъ соборъ въ томъ, что у него загорѣлась крыша.

На это замѣчаніе одновременно послышались два отвѣта.

— Нашъ соборъ!—проговорилъ Нильсъ.—Его теперь кроютъ мѣдью. Говорятъ, это проклятый Ганъ поджогъ его, чтобы дать

работу рудокопамъ, среди которыхъ былъ вотъ этотъ самый Гиль Стадтъ, которому покровительствовалъ Исландецъ.

— Какого чорта!—вскричалъ солдатъ.—Вы смѣете увѣрять меня, второго стрѣлка Мункгольмскаго гарнизона, что этотъ человѣкъ не застрѣлился.

— Этотъ человѣкъ убитъ,—хладнокровно отвѣтилъ низенькій человѣкъ.

— Экій оракулъ, подумаешь! Твои сѣрые глаза видятъ не больше, чѣмъ руки, которыя ты прячешь въ перчатки среди лѣта.

Въ глазахъ низенькаго человѣка блеснула молнія,

— Солдатъ, помолись своему святому, чтобы эти руки какъ-нибудь не отпечатались на твоемъ лицѣ.

— А... пойдемъ въ такомъ случаѣ,— въ гнѣвѣ вскричалъ солдатъ.— Впрочемъ, нѣтъ —прибавилъ онъ,—не хорошо говорить о дуэли въ присутствіи мертвыхъ.

Низенькій человѣкъ проворчалъ что-то на незнакомомъ языкѣ и скрылся.

— Его подняли на Урхтальскомъ прибрежьѣ, — проговорилъ кто-то въ толпѣ.

— На Урхтальскомъ прибрежьѣ? — повторилъ солдатъ.— Тамъ долженъ былъ сегодня утромъ высадиться капитанъ Диспольсенъ. Онъ ѣхалъ изъ Копенгагена.

— Капитанъ Диспольсенъ не возвратился въ Мункгольмъ.

— Говорятъ, Ганъ-Исландецъ бродитъ теперь на этомъ побережьѣ,—замѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ.

— Тогда, можетъ быть, это и дѣйствительно капитанъ Диспольсенъ. Всякій знаетъ, что этотъ Ганъ убиваетъ такимъ діавольскимъ способомъ, что его жертвы имѣютъ видъ самоубійцъ.

— А каковъ на видъ этотъ Ганъ?

— Гигантъ,—отвѣчалъ одинъ.

— Карликъ,—отвѣчалъ другой.

— Значитъ, никто его не видѣлъ?

— Кто видитъ его въ первый разъ, тотъ видитъ и въ послѣдній.

— Говорятъ, только три человѣка говорили съ нимъ,—сказала тетка Олли,—этотъ проклятый Спіагудри, вдова Стадтъ и... — но онъ несчастливо жилъ и несчастливо умеръ,—этотъ бѣдный Гиль, что здѣсь лежитъ.

— А,—вскричалъ солдатъ, — теперь я навѣрно знаю, что это капитанъ Диспольсенъ. Я узнаю стальную цѣпь, которую подарилъ ему передъ отъѣздомъ нашъ узникъ, старый Шумакеръ.

— Вы дѣйствительно увѣрены, что это капитанъ Диспольсенъ?—спросилъ молодой человѣкъ съ необычайной живостью.

— Увѣренъ, клянусь Вельзевуломъ.

Молодой человѣкъ быстро вышелъ на улицу.

— Найми лодку въ Мункгольмъ,—приказалъ онъ слугѣ.

— Но, сударь... какъ же генералъ?

— Ты отведешь къ нему лошадей. Я буду у него завтра. Ну, ужъ поздно, а я тороплюсь, позови скорѣй лодку.

Слуга повиновался и нѣсколько времени слѣдилъ глазами за своимъ молодымъ господиномъ, который сѣлъ въ лодку и медленно сталъ удаляться отъ берега.

II.

Я посижу около васъ, а вы разскажите мнѣ какую-нибудь хорошенькую исторійку, чтобы убить время.

Матюренъ.—«Бертрамъ».

Читатель уже знаетъ, что мы съ нимъ находимся въ Дронтгеймѣ, одномъ изъ четырехъ главныхъ городовъ Норвегіи, хотя онъ и не былъ резиденціей вице-короля. Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, т.-е. въ 1699 г., Норвегія была еще соединена съ Даніей, и управленіе ею ввѣрялось вице-королямъ, которые жили въ Бергенѣ. Городъ этотъ гораздо обширнѣе Дронтгейма, расположенъ южнѣе и гораздо красивѣе, несмотря на вульгарное имя, которымъ назвалъ его знаменитый адмиралъ Тромпъ. Тѣмъ не менѣе, Дронтгеймъ довольно красивъ, когда подъѣзжаешь къ нему со стороны залива того же имени. Довольно широкій портъ, однако, не всегда доступный для судовъ, имѣлъ въ то время видъ длиннаго канала, обставленнаго съ одной стороны датскими и норвежскими, а съ другой иностранными судами, какъ предписывали портовыя правила.

Въ глубинѣ виднѣлся городъ, окруженный обработанными полями. Надъ городомъ горделиво поднимались высокіе шпицы собора. Церковь эта представляла собою одинъ изъ красивѣйшихъ образцовъ готической архитектуры, какъ можно судить по книгѣ профессора Шёнинга, составившаго описаніе собора прежде, чѣмъ его испортили многочисленные пожары. Она была увѣнчана епископальнымъ крестомъ, обозначавшимъ, что это есть соборъ дронтгеймскаго лютеранскаго епископства. Надъ городомъ поднимались въ голубоватой дали бѣлыя и острыя вершины Кольскихъ горъ, похожія на острые зубцы какой-нибудь древней короны.

Посреди порта, на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ берега, возвышалась одинокая крѣпость Мункгольмъ, построенная на утесахъ, о которые разбивались волны. Въ этой мрачной тюрьмѣ содержался въ то время узникъ, замѣчательный своимъ блестящимъ и быстрымъ возвышеніемъ и не менѣе быстрымъ паденіемъ.

Шумакеръ, родившійся въ незнатной семьѣ, какъ-будто для того получилъ всѣ милости своего повелителя, чтобы съ кресла великаго канцлера Даніи и Норвегіи попасть въ качествѣ измѣнника на скамью подсудимыхъ, оттуда на эшафотъ, а съ эшафота, лишь по особой милости короля, въ мрачную тюрьму на сѣверной окраинѣ обоихъ королевствъ. Его погубили люди, имъ же возвышенные, и онъ даже лишенъ былъ возможности обвинить ихъ въ неблагодарности. Могъ ли онъ жаловаться на то, что подъ нимъ обломились тѣ ступени, которыя онъ поднялъ такъ вы-

соко вовсе не ради нихъ, а только для того, чтобы возвыситься самому.

Человѣкъ, создавшій въ Даніи аристократію, видѣлъ теперь изъ глубины своего изгнанія, какъ эти созданные имъ вельможи дѣлили между собой его бывшія званія. Графъ Алефельдъ, его смертельный врагъ, былъ теперь самъ великимъ канцлеромъ, его военные чины перешли къ генералу Аренсдорфу, какъ къ великому маршалу, а епископъ Споллисонъ занималъ его бывшее мѣсто инспектора всѣхъ университетовъ. Единственный не обязанный ему своимъ возвышеніемъ врагъ его былъ вице-король Норвегіи, графъ Ульрихъ-Фридрихъ Гульденлью, побочный сынъ короля Фридриха III. Этотъ врагъ былъ великодушнѣе всѣхъ остальныхъ.

Къ этимъ-то унылымъ мункгольмскимъ утесамъ и подходила довольно медленно лодка молодого человѣка съ чернымъ перомъ. Солнце быстро спускалось за крѣпость, которая начинала уже загораживать его косые лучи, настолько косые, что крестьяне на дальнихъ Ларсинскихъ холмахъ на востокѣ могли видѣть около себя движущуюся тѣнь часового, ходившаго по самому высокому фасу крѣпости.

III.

> Ахъ, ничто не могло сильнѣе оскорбить меня!.. Безнравственный молодой человѣкъ!.. Онъ осмѣлился на нее смотрѣть. Его взгляды оскверняли ея чистоту... Клавдія! одна эта мысль выводитъ меня изъ себя.
>
> *Лессингъ.*

— Андрью, поди-ка, скажи, чтобы черезъ полчаса пробили зорю. Сорсилль смѣнитъ Дукнэса у главныхъ воротъ, а Мальдивіусъ станетъ на платформѣ большой башни. Да хорошенько чтобы смотрѣли за башней Шлезвигскаго Льва. Въ семь часовъ не забудь выстрѣлить изъ пушки, чтобы поднимали портовую цѣпь... Впрочемъ, нѣтъ, капитанъ Диспольсенъ еще не вернулся, такъ, напротивъ, вели зажечь маякъ, да посмотри, зажженъ ли Вальдерогскій маякъ, какъ сегодня приказано. Да позаботься, чтобы оставили ужинъ для капитана Диспольсена. А, чуть не забылъ, отправь-ка на двое сутокъ подъ арестъ Торика Бельфаста. Онъ сегодня гдѣ-то цѣлый день пропадалъ.

Такъ говорилъ караульный сержантъ въ закоптѣлой гауптвахтѣ Мункгольма, расположенной въ низкой башнѣ надъ первыми воротами замка.

Солдаты, къ которомъ онъ обращался, бросили игру или встали съ коекъ и пошли исполнять его приказанія, потомъ снова все стихло.

Въ эту минуту снаружи до слуха сержанта долетѣлъ мѣрный плескъ веселъ.

— Вотъ, должно-быть, и капитанъ Диспольсенъ,—проговорилъ сержантъ, отворяя маленькое рѣшетчатое окошко, выходившее на заливъ.

Дѣйствительно, къ желѣзнымъ воротамъ подошла лодка.

— Кто тамъ?—хрипло крикнулъ сержантъ.

— Отворите,—отвѣчали снизу:—миръ и безопасность.

— А есть у васъ пропускъ?

— Есть.

— Это надо провѣрить. А если вы лжете, клянусь заслугами моего святого патрона, я спущу васъ въ заливъ... Нѣтъ, все еще не капитанъ,—добавилъ онъ про себя, затворяя окно. За желѣзными воротами блеснулъ свѣтъ, заскрипѣли ржавые засовы и, наконецъ, ворота отворились. Сержантъ взялъ у вновь прибывшаго бумагу и внимательно осмотрѣлъ ее.

— Проходите, — сказалъ онъ. — Впрочемъ, постойте, оставьте тутъ брильянтовую застежку съ вашей шляпы. Въ государственныя тюрьмы нельзя ходить съ драгоцѣнными вещами. Уставъ гласитъ, что исключенiе допускается только для короля и членовъ королевской фамилiи, для вице-короля и членовъ его семейства. Вы, конечно, не имѣете ни одного изъ этихъ достоинствъ?

Молодой человѣкъ, не отвѣчая, отстегнулъ застежку и бросилъ ее вмѣсто платы за перевозъ рыбаку, который привезъ его. Боясь, какъ бы молодой человѣкъ не раскаялся въ своей щедрости, рыбакъ поторопился отплыть поскорѣе подальше, между тѣмъ какъ сержантъ, ворча на неосторожность государственной канцелярiи, раздающей такой щедрой рукой пропуски, заперъ засовы и сталъ, стуча ботфортами, подниматься по винтовой лѣстницѣ, ведущей въ кордегардiю, молодой человѣкъ, закинувъ плащъ на плечо, быстро прошелъ подъ темнымъ сводомъ башни, миновалъ длинный плацдармъ, артиллерiйскiй сарай, гдѣ лежало всего нѣсколько старыхъ кулевринъ, какiя теперь можно видѣть въ музеяхъ въ Копенгагенѣ (что, впрочемъ, не мѣшало часовому строго крикнуть на прибывшаго, чтобы онъ обошелъ подальше), и, наконецъ, подошелъ къ главнымъ воротамъ. Здѣсь опять провѣрили его пропускъ и пропустили его. Въ сопровожденiи солдата онъ перешелъ по дiагонали, какъ человѣкъ хорошо знакомый съ расположенiемъ крѣпости, черезъ одинъ изъ четырехугольныхъ дворовъ, окружавшихъ главный круглый дворъ. Изъ центра этого двора поднимался высокiй круглый утесъ, на которомъ была расположена высокая башня, такъ называемый замокъ Шлезвигскаго Льва, потому что здѣсь Рольфъ Карликъ держалъ въ заключенiи своего брата Iоаѳама Льва, герцога Шлезвигскаго.

Мы не имѣемъ въ виду давать здѣсь полное описанiе этой башни, тѣмъ болѣе, что читатель, попавъ въ государственную тюрьму, испугается, пожалуй, что ему не удастся «убѣжать черезъ садъ». Но пусть читатель успокоится, потому что замокъ Шлезвигскаго Льва, назначенный для знатныхъ узниковъ, давалъ имъ, въ числѣ другихъ удобствъ, возможность прогуливаться по нѣкоторому подобiю сада, довольно обширнаго и запущеннаго, гдѣ росло нѣсколько кустовъ остролистника, да нѣсколько старыхъ тисовъ и сосенъ, ютившихся между утесами и тѣснившихся къ толстой каменной оградѣ съ большими башнями.

Подойдя къ подошвѣ круглаго утеса молодой человѣкъ поднялся по грубо высѣченнымъ ступенямъ до подножія одной изъ башенъ ограды. Въ этой башнѣ была скрытая въ стѣнѣ дверь, служившая входомъ въ башню. Онъ громко протрубилъ въ рогъ, который далъ ему часовой у главныхъ воротъ, и тотчасъ внутри послышался голосъ, громко кричавшій:

— Отворите, отворите скорѣе, это, вѣрно, этотъ проклятый капралъ.

Скрытая въ стѣнѣ дверь растворилась, и передъ молодымъ человѣкомъ открылась обширная готическая зала, довольно скудно освѣщенная. Въ этой залѣ, небрежно растянувшись на кучѣ плащей и оленьихъ шкуръ, лежалъ молодой офицеръ. Около него на полу стояла тройная лампа въ родѣ тѣхъ, что наши предки вѣшали прежде на потолкѣ посреди комнаты. Богатство и нѣсколько преувеличенная изысканность костюма офицера плохо гармонировали съ голыми стѣнами и грубой обстановкой помѣщенія. Не выпуская изъ рукъ книги, которую онъ читалъ, онъ полуобернулся къ вновь прибывшему.

— Это вы, капитанъ? Здравствуйте. Вы, вѣроятно, не думали, что заставляете ждать человѣка, который не имѣетъ удовольствія васъ знать. Но мы скоро познакомимся, не правда ли? Прежде всего позвольте мнѣ отъ души пожалѣть васъ, что вы возвратились. За то короткое время, которое я провелъ въ этомъ почтенномъ замкѣ, я успѣлъ вполнѣ оцѣнить всю прелесть пребыванія въ немъ и сталъ не веселѣе, чѣмъ сова, которую прибиваютъ вмѣсто пугала къ воротамъ крѣпостныхъ башенъ. Право, когда я вернусь въ Копенгагенъ на свадьбу сестры, то девяносто шесть дамъ изъ сотни меня не узнаютъ. Скажите, носятъ ли еще розовые банты внизу камзола, не перевели ли какого-нибудь новаго романа этой француженки, госпожи Скюдери? Я сейчасъ какъ разъ читаю «Клелію». Я думаю, ее еще читаютъ въ Копенгагенѣ. Теперь это мой кодексъ учтивости и любезности, нужно и этимъ довольствоваться, когда приходится вздыхать здѣсь, вдали отъ стольких прекрасныхъ глазъ. Правда, глаза нашей юной узницы,— вы знаете, о комъ я говорю,—не менѣе прекрасны, но—увы!—мнѣ они ничего не говорятъ. А не прикажи мнѣ отецъ... Скажу вамъ по секрету, капитанъ, мой отецъ поручилъ мнѣ... заняться... вы понимаете, этой самой дочерью Шумакера, но, какъ я ни стараюсь, ничего не выходитъ; это статуя, а не женщина. Она постоянно плачетъ и никогда не глядитъ на меня.

Молодой человѣкъ никакъ не могъ прервать многословія офицера, но при послѣднихъ словахъ у него вырвался крикъ удивленія:

— Какъ, — вскричалъ онъ, — вамъ поручено обольстить дочь этого несчастнаго Шумакера!

— Обольстить! Пожалуй, если это теперь такъ называется въ Копенгагенѣ. Но это не удастся самому дьяволу. Третьяго дня я былъ въ караулѣ и нарочно для нея надѣлъ великолѣпные французскіе брыжжи, которые мнѣ прислали изъ Парижа. И, представьте себѣ, она даже ни разу не подняла на меня глазъ хоть

я три раза прошелся по ея комнатѣ, гремя своими новыми шпорами, знаете, самыми модными: на нихъ колесико немного больше ломбардскаго дуката.

— Боже мой, Боже мой! — вскричалъ молодой человѣкъ, хватаясь за голову. —Но это возмутительно!

— Не правда ли,—подтвердилъ офицеръ, не понявъ истиннаго смысла этого восклицанія.—Не обратить на меня никакого вниманія! Это невѣроятно, но, однако, это вѣрно.

Молодой человѣкъ, не слушая, быстро ходилъ по комнатѣ, не въ силахъ будучи сдерживать свое волненіе.

— Не угодно ли вамъ подкрѣпиться, капитанъ Диспольсенъ?— крикнулъ ему офицеръ.

Молодой человѣкъ вышелъ изъ своей задумчивости.

— Я не капитанъ Диспольсенъ.

— Какъ, — строго проговорилъ офицеръ, приподнимаясь на своемъ ложѣ.—Кто же вы въ такомъ случаѣ и какъ вы осмѣливаетесь являться сюда и въ такой часъ?

— Я хочу видѣть графа Гриффенфельда... то-есть вашего узника.

— Графа, графа! — недовольнымъ тономъ пробормоталъ офицеръ, — Но, впрочемъ, бумага въ порядкѣ. Вотъ подпись Груммонда Кнуда, вице-канцлера. Вы знаете, этотъ Груммондъ Кнудъ братъ стараго генерала Левина Кнуда, дронтгеймскаго губернатора; этотъ Левинъ Кнудъ воспитывалъ моего будущаго зятя.

— Очень вамъ благодаренъ, лейтенантъ, за сообщеніе всѣхъ подробностей о вашихъ семейныхъ дѣлахъ. Не находите ли вы, что уже сообщили ихъ достаточно?

«А вѣдь этотъ дерзкій человѣкъ, пожалуй, правъ», подумалъ лейтенантъ, закусывая губу.

— Эй! привратникъ, проведите этого господина къ Шумакеру, да не ворчите, что я снялъ вашу старозавѣтную лампу. Мнѣ хотѣлось осмотрѣть эту штуку. Вѣроятно, она сдѣлана еще во времена Шильда Язычника. Да къ тому же теперь на потолокъ не вѣшаютъ ничего, кромѣ хрустальныхъ люстръ.

И, сказавъ это, мученикъ моды снова погрузился въ изученіе любовныхъ приключеній амазонки Клеліи и Горація Кривого.

IV.

Бенволіо.
Да гдѣ жъ это Ромео? Развѣ онъ
Не приходилъ домой сегодня ночью?
Меркуціо.
Онъ къ своему отцу не возвращался.
Я спрашивалъ его слугу.
Шекспиръ.

Тѣмъ временемъ во дворъ дворца дронтгеймскаго губернатора въѣхалъ всадникъ, держа въ поводу лошадь. Съ недовольнымъ видомъ покачавъ головой, всадникъ слѣзъ съ сѣдла и собирался было вести лошадей въ конюшню, какъ вдругъ кто-то схватилъ его за руку и проговорилъ:

— Какъ, вы одинъ, Поэль, а гдѣ же вашъ господинъ?

Это былъ самъ старый генералъ Левинъ Кнудъ. Увидя изъ окна слугу молодого человѣка и пустое сѣдло, онъ быстро спустился на дворъ и теперь смотрѣлъ на слугу взглядомъ, еще болѣе обезпокоеннымъ, чѣмъ самый тонъ его вопроса.

— Моего господина уже нѣтъ въ Дронтгеймѣ, ваше превосходительство,—отвѣчаль Поэль съ глубокимъ поклономъ.

— Уже нѣтъ! Значитъ, онъ здѣсь былъ и уѣхалъ, не повидавши своего генерала, не обнявъ своего стараго друга? Когда же онъ былъ здѣсь?

— Онъ пріѣхалъ сегодня вечеромъ и сегодня же вечеромъ уѣхалъ.

— Сегодня вечеромъ! Но гдѣ же онъ былъ и куда уѣхалъ?

— Былъ въ Спладгестѣ, а уѣхалъ въ Мункгольмъ.

— Фу! А я уже думалъ, что онъ уѣхалъ къ антиподамъ. Но что ему нужно въ Мункгольмѣ, и что ему было нужно въ Спладгестѣ? Вотъ странствующій рыцарь! Впрочемъ, я самъ виноватъ, я его такъ воспиталъ. Я хотѣлъ, чтобы онъ былъ свободенъ, несмотря на свое положеніе.

— Зато онъ не подчиняется, какъ рабъ, этикету.

— Но въ то же время онъ рабъ своихъ причудъ. Ну, да онъ, вѣроятно, скоро вернется. Подкрѣпитесь-ка, Поэль... Впрочемъ, постойте, скажите мнѣ,—лицо генерала приняло озабоченное выраженіе,—скажите, много вы блуждали?

— Мы прибыли прямой дорогой изъ Бергена, ваше превосходительство. Мой господинъ былъ грустенъ.

— Грустенъ? Что у него вышло съ отцомъ? Какъ онъ относится къ этому браку?

— Не знаю. Но, говорятъ, его свѣтлость требуетъ этого брака.

— Требуетъ! Вы говорите, вице-король требуетъ? Но, если онъ требуетъ, значитъ, Орденеръ отказывается.

— Не знаю, ваше превосходительство. Только онъ, кажется, опечаленъ.

— Да? А не знаете вы, какъ принялъ его отецъ?

— Въ первый разъ они видѣлись въ лагерѣ около Бергена. Его свѣтлость изволили сказать: «Я не часто вижу васъ, сынъ мой».—«Тѣмъ пріятнѣе для меня, мой господинъ и отецъ,—отвѣчалъ господинъ Орденеръ,—что вы это замѣчаете». Потомъ онъ разсказалъ его свѣтлости о своей поѣздкѣ на сѣверъ, и его свѣтлость сказали: «Хорошо». А на другой день мой господинъ вернулся изъ дворца и сказалъ: «Меня хотятъ женить, но мнѣ нужно повидаться съ моимъ вторымъ отцомъ, генераломъ Левиномъ». Я осѣдлалъ лошадей, и мы поѣхали.

— Онъ назвалъ меня вторымъ отцомъ, это правда, Поэль?—спросилъ генералъ измѣнившимся голосомъ.

— Истинная правда, ваше превосх дительство.

— Какое несчастіе, если онъ не хочетъ этого брака, потому что тогда я скорѣе готовъ навлечь на себя немилость короля, чѣмъ вмѣшаться въ это дѣло. Но дочь великаго канцлера обоихъ

королевствъ... Кстати, Поэль, знаетъ ли онъ, что его будущая теща, графиня Алефельдъ, здѣсь incognito со вчерашняго дня, и что сюда же ждутъ и графа?

— Не знаю, ваше превосходительство.

«Навѣрно, знаетъ,—подумалъ про себя генералъ.—Иначе изъ-за чего же онъ выдумалъ уѣзжать, не успѣвъ пріѣхать».

И, ласково кивнувъ головой Поэлю, генералъ возвратился во дворецъ, принявъ по дорогѣ честь отъ сдѣлавшаго ему на караулъ часового. Но безпокойство генерала ничуть не уменьшилось сравнительно съ тѣмъ, какимъ оно было, когда онъ выбѣжалъ на дворъ къ Поэлю.

V.

Казалось, всѣ страсти волновали когда-то его душу и теперь оставили его. У него остался только печальный и проницательный взглядъ человѣка, искушеннаго въ знаніи людей видящаго съ перваго взгляда, куда что клонится.

Шиллеръ.

Когда, наконецъ, длинное странствованіе по винтовымъ лѣстницамъ и высокимъ заламъ замка Шлезвигскаго Льва было окончено и привратникъ отворилъ дверь въ помѣщеніе Шумакера, то первый вопросъ, долетѣвшій до слуха молодого человѣка, былъ все о томъ же капитанѣ.

— Кто это? Капитанъ Диспольсенъ наконецъ? — спросилъ старикъ, сидѣвшій за письменнымъ столомъ, спиной къ двери и опустивъ голову на руки.

Старикъ былъ одѣтъ въ длинную хламиду изъ черной шерстяной матеріи. Надъ постелью, стоявшей въ глубинѣ комнаты, виднѣлся разбитый гербовый щитъ, вокругъ котораго висѣли разорванныя цѣпи орденовъ Слона и Данеброга. Надъ щитомъ была укрѣплена опрокинутая графская корона. Два обломка руки правосудія, перевязанные накрестъ, дополняли это странное украшеніе. Старикъ этотъ былъ Шумакеръ.

— Нѣтъ, сударь,—отвѣчалъ привратникъ.—Вотъ тотъ, котораго вы желали видѣть,—прибавилъ онъ, обращаясь къ молодому человѣку. И, затворивъ за собою дверь, онъ оставилъ вдвоемъ Шумакера и молодого посѣтителя, не успѣвъ разслышать брюзгливаго отвѣта старика: «если это не капитанъ, то я никого не желаю видѣть».

Услышавъ эти слова, молодой человѣкъ остановился у дверей, и узникъ, думая, что онъ одинъ, такъ какъ онъ сидѣлъ спиной къ двери, снова погрузился въ свою молчаливую задумчивость.

— Этотъ капитанъ, навѣрно, бросилъ и предалъ меня!—вскричалъ онъ вдругъ.—Люди... люди—это тотъ кусокъ льда, который арабъ принялъ за алмазъ, спряталъ въ свой ранецъ, и когда сталъ искать его, то не нашелъ даже и воды.

— Я не изъ этихъ людей,—сказалъ посѣтитель.

Шумакеръ порывисто всталъ съ мѣста.

— Кто это здѣсь подслушиваетъ меня? Какой-нибудь жалкій клевретъ этого Гульденлью?

— Не говорите дурно о вице-королѣ, графъ.

— Графъ! Вы называете меня такъ, думая польстить мнѣ. Не старайтесь напрасно. Я уже ничего не значу.

— Я не зналъ васъ, когда вы были у власти, но это не мѣшаетъ мнѣ быть вашимъ другомъ.

— Значитъ, вы еще на что-нибудь отъ меня надѣетесь? Воспоминанія, которыя остаются о несчастныхъ, измѣряются всегда тѣми надеждами, которыя они еще возбуждаютъ.

— На это могу скорѣе пожаловаться я, нежели вы, благородный графъ, потому что я васъ вспомнилъ, а вы обо мнѣ забыли. Я—Орденеръ.

Въ грустныхъ глазахъ старика блеснула радость, и онъ не могъ удержать улыбки, блеснувшей, какъ солнечный лучь сквозь мрачную тучу.

— Орденеръ! Милости просимъ, путешественникъ Орденеръ. Дай Богъ всякаго счастья тому путешественнику, который сумѣлъ вспомнить объ узникѣ.

— Но вы же забыли меня, графъ.

— Да, забылъ, какъ забываютъ вѣтерокъ, который освѣжилъ насъ и исчезъ, не успѣвъ обратиться въ сокрушительный ураганъ.

— Значитъ, вы не разсчитывали на мое возвращеніе, графъ Гриффенфельдъ?

— Старый Шумакеръ не разсчитывалъ. Но, не дальше какъ сегодня, одна молодая дѣвушка сказала мнѣ, что восьмого минувшаго мая исполнился ровно годъ со времени вашего послѣдняго посѣщенія.

Орденеръ вздрогнулъ.

— Ваша Этель вспомнила обо мнѣ? Боже мой, неужели она!

— А кто же?

— Вашей дочери угодно было сосчитать время моего отсутствія. О, сколько грустныхъ дней провелъ я! Я объѣхалъ всю Норвегію отъ Христіаніи до Вардехуса, но мысли мои все время влекли меня въ Дронтгеймъ.

— Пользуйтесь вашей свободой, благо ея никто у васъ не отнимаетъ. Но послушайте, Орденеръ, скажите мнѣ, наконецъ, кто вы. Я хотѣлъ бы знать васъ подъ другимъ именемъ. Это же имя носитъ сынъ одного изъ моихъ смертельныхъ враговъ.

— Можетъ-быть, этотъ смертельный врагъ относится къ вамъ лучше, чѣмъ вы къ нему, графъ.

— Вы избѣгаете отвѣта... Ну, что же, храните вашу тайну, можетъ-быть, это лучше... Вдругъ я узнаю, что освѣжающій меня плодъ содержитъ убійственный ядъ!

— Графъ!—вскричалъ Орденеръ, вспыхнувъ.—Графъ,—повторилъ онъ тономъ кроткаго упрека.

— Могу ли я вполнѣ довѣрять вамъ, когда вы всегда въ разговорѣ со мной заступаетесь за Гульденлью, моего неумолимаго врага...

— Вице-король,—прервалъ Орденеръ,—уже сдѣлалъ распоряженіе, что вы можете пользоваться полной свободой въ предѣлахъ замка Шлезвигскаго Льва. Я узналъ объ этомъ въ Бергенѣ, и, вѣроятно, на-дняхъ васъ извѣстятъ объ этомъ офиціально.

— Я не смѣлъ надѣяться на эту милость. Кажется, я никому, кромѣ васъ, и не говорилъ о своемъ желаніи. Впрочемъ, это очень естественно. Они уменьшаютъ тяжесть моихъ оковъ по мѣрѣ того, какъ увеличивается тягость моихъ лѣтъ. И когда мои болѣзни окончательно лишатъ меня силъ, мнѣ, безъ сомнѣнія, скажутъ: вы свободны.

При этихъ словахъ горькая улыбка мелькнула на губахъ старика.

— А вы, молодой человѣкъ,—продолжалъ онъ,—попрежнему продолжаете мечтать о независимости?

— Если бы я не мечталъ о ней, меня бы здѣсь не было.

— Какимъ образомъ пріѣхали вы въ Дронтгеймъ?

— Верхомъ.

— А въ Мункгольмъ?

— Въ лодкѣ.

— И вы думаете, что вы свободны, когда вамъ приходится переходить съ сѣдла въ лодку! Какое безуміе! Вѣдь не ваши собственные члены, а животныя, вещи—однимъ словомъ, матерія исполняетъ вашу волю. И это вы называете свободой!

— Я принуждаю матеріи и живыя существа служить мнѣ.

— Кто подчиняетъ себѣ другихъ—тотъ и самъ неизбѣжно подчиняется. Нѣтъ, независимость возможна только въ уединеніи.

— Вы не любите людей, графъ?

Старикъ засмѣялся грустнымъ смѣхомъ.

— Я плачу, что я человѣкъ, и смѣюсь надъ всякимъ, кто думаетъ меня утѣшать. Вы узнаете, если еще не знаете, до чего недовѣрчивымъ дѣлаетъ человѣка несчастіе, до чего неблагодарнымъ—успѣхъ. Послушайте, вы изъ Бергена, не знаете ли вы, какой счастливый вѣтеръ подулъ на капитана Диспольсена? Должно-быть, съ нимъ случилось что-нибудь хорошее, если онъ забылъ меня.

Орденеръ нѣсколько смутился.

— Капитанъ Диспольсенъ?—повторилъ онъ.—Я явился сегодня къ вамъ именно для того, чтобы поговорить о немъ. Я знаю, что онъ пользовался вашимъ довѣріемъ...

— Вы это знаете?—съ безпокойнымъ видомъ перебилъ узникъ.—Нѣтъ, вы ошибаетесь. Никто въ мірѣ не пользуется моимъ довѣріемъ. Правда, у Диспольсена находятся мои бумаги, и очень важныя бумаги, и онъ отправился къ королю въ Копенгагенъ по моему дѣлу. Признаюсь, я разсчитывалъ на него даже больше, чѣмъ на всякаго другого, потому что, когда я былъ у власти, я не оказалъ ему никакой услуги.

— Я видѣлъ его сегодня, графъ.

— Ваше смущеніе объясняетъ остальное: онъ измѣнникъ.

— Онъ умеръ.

— Умеръ!

Узникъ скрестилъ на груди руки и опустилъ голову. Черезъ минуту онъ снова обратился къ молодому человѣку.

— Ну, развѣ я не говорилъ вамъ, что съ нимъ случилось что-нибудь очень хорошее!

И, обернувшись къ стѣнѣ, гдѣ висѣли знаки его былого величія, онъ махнулъ рукой, какъ бы желая удалить свидѣтеля своего горя, которое онъ напрасно старался пересилить.

— Я жалѣю не Диспольсена,—проговорилъ онъ:—всего однимъ человѣкомъ меньше; не себя,—что мнѣ терять? Но что будетъ съ моей несчастной дочерью, если у нея отнимутъ отца, если имъ удастся сдѣлать меня жертвою этой адской махинаціи... Но, скажите, какъ онъ умеръ? гдѣ вы его видѣли?

— Я видѣлъ его въ Спладгестѣ, и пока еще не выяснено, что здѣсь самоубійство или убійство.

— А, это очень важно. Если онъ убитъ, то я знаю, откуда направленъ ударъ. Тогда все потеряно. Онъ везъ мнѣ доказательства заговора, который они противъ меня затѣяли. Эти доказательства могли спасти меня и погубить ихъ. Конечно, они сумѣли ихъ уничтожить. Бѣдная Этель!

— Графъ,—сказалъ Орденеръ съ поклономъ,—завтра я сообщу вамъ, былъ ли онъ убитъ.

Шумакеръ не отвѣчалъ ни слова и только проводилъ уходившаго Орденера взглядомъ, въ которомъ выражалось спокойствіе отчаянія, еще болѣе ужасное, чѣмъ спокойствіе смерти.

Очутившись въ пустынной передней, Орденеръ хорошенько не зналъ, куда итти. Было уже довольно поздно, и въ комнатѣ было совершенно темно. Отворивъ наудачу одну изъ дверей, Орденеръ очутился въ огромномъ коридорѣ, освѣщенномъ одною луною, которая быстро неслась среди блѣдныхъ облаковъ. Блѣдный прерывистый свѣтъ ея, падая въ узкія и высокія окна, рисовалъ на противоположной стѣнѣ частый переплетъ ихъ, и эти изображенія то появлялись, то скрывались вновь, словно длинная процессія привидѣній.

Молодой человѣкъ перекрестился и пошелъ на красноватый огонекъ, слабо свѣтившійся въ концѣ коридора.

Вскорѣ онъ увидѣлъ полуоткрытую дверь, а за ней молодую дѣвушку, стоявшую на колѣняхъ передъ простымъ готическимъ алтаремъ и произносившую вполголоса акаѳистъ Св. Дѣвѣ, простую и высокую молитву, въ которой душа, возвышающаяся къ Матери Семи Скорбей, проситъ у нея для себя однѣхъ лишь молитвъ. Молодая дѣвушка была одѣта въ платье изъ чернаго крепа, отдѣланное бѣлымъ газомъ, какъ бы для того, чтобы всякій могъ увидѣть съ перваго же взгляда, что дни ея до сихъ поръ протекали въ печали и невинности. Несмотря на ту скромную позу, въ которой она стояла, на всей ея фигурѣ лежалъ

отпечатокъ чего-то особеннаго. У нея были черные глаза и длинные черные волосы—красота очень рѣдкая на сѣверѣ. Поднятый къ небу взоръ ея не потемнѣлъ отъ сосредоточенной молитвы, а скорѣе горѣлъ восторгомъ. Казалось, дѣва съ береговъ Кипра или изъ долины Тибра, одѣтая въ фантастическія одежды Оссіана, пришла на далекій сѣверъ и простерлась предъ крестомъ Распятаго.

Орденеръ вздрогнулъ и едва не потерялъ сознанія. Онъ узналъ молящуюся.

Она молилась за своего отца, за павшаго вельможу, за стараго покинутаго узника, читая вслухъ псаломъ объ освобожденіи.

Потомъ она стала молиться за другого, но Орденеръ не услышалъ имени того, за кого она молилась, не услышалъ потому, что она не произнесла его. Но она произносила пѣснь суламитянки—супруги, ожидающей возвращенія возлюбленнаго супруга.

Орденеръ отошелъ въ глубину галлереи, охваченный невольнымъ чувствомъ уваженія къ этой дѣвушкѣ, бесѣдовавшей съ Небомъ. Молитва—великая тайна. Сердце Орденера вдругъ наполнилось какимъ-то непонятнымъ для него восторгомъ.

Дверь молельни тихо затворилась, и скоро къ Орденеру стала приближаться женская фигура, едва освѣщенная колеблющимся свѣтомъ лампы, которую молодая дѣвушка несла въ рукѣ. Орденеръ невольно остановился, весь охваченный неизъяснимымъ волненіемъ. Онъ даже долженъ былъ прислониться къ стѣнѣ, такъ какъ имъ овладѣла неодолимая слабость. Только сердце порывисто билось въ груди, такъ что Орденеръ могъ слышать его біеніе.

Молодая дѣвушка прошла бы мимо Орденера, не замѣтивъ его, такъ какъ онъ стоялъ около темной стѣны. Но вдругъ она услышала шуршаніе его плаща и его прерывистое дыханіе.

— Боже мой!—вскричала она испуганно.

Орденеръ бросился къ ней и поддержалъ ее одною рукою, другою напрасно стараясь поймать лампу, которую молодая дѣвушка выпустила изъ рукъ. Лампа упала и погасла.

— Это я,—сказалъ онъ тихо.

— Орденеръ!—вскричала молодая дѣвушка.

Звукъ этого голоса, который она слышала послѣдній разъ годъ тому назадъ, еще стоялъ у нея въ ушахъ.

Въ это время луна вышла изъ-за тучъ и освѣтила вспыхнувшее мгновенной радостью личико молодой дѣвушки. Радость эта скоро уступила мѣсто смущенію. Стыдливымъ движеніемъ молодая дѣвушка освободилась изъ рукъ все еще поддерживавшаго ее Орденера и проговорила:

— Это господинъ Орденеръ.

— Да, это онъ, графиня Этель.

— Почему вы называете меня графиней?

— Почему вы называете меня господиномъ Орденеромъ?

Молодая дѣвушка улыбнулась и замолчала. Молодой человѣкъ замолчалъ и вздохнулъ. Она первая прервала молчаніе.

— Какимъ образомъ вы здѣсь?

— Простите, если мое присутствіе васъ огорчаетъ. Мнѣ нужно было поговорить съ вашимъ отцомъ.

— Значитъ, вы пріѣхали только къ моему отцу? — сказала Этель измѣнившимся голосомъ.

Молодой человѣкъ опустилъ голову. Слова эти показались ему очень несправедливыми.

— Безъ сомнѣнія, вы уже давно въ Дронтгеймѣ,—продолжала молодая дѣвушка тономъ упрека.—Вѣроятно, ваше отсутствіе изъ этого замка не показалось вамъ долгимъ?

Орденеръ, глубоко оскорбленный, не отвѣчалъ.

— Это очень понятно, — продолжала молодая дѣвушка дрожащимъ отъ гнѣва и горя голосомъ. — Но, надѣюсь, — прибавила она гордо,—вы не слышали, какъ я молилась, господинъ Орденеръ.

— Я васъ слышалъ, графиня,—отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— А, господинъ Орденеръ, это недостойно—слушать чужую молитву.

— Я не слушалъ васъ, графиня, а только слышалъ.

— Я молилась за отца,—сказала Этель, пристально смотря на молодого человѣка и какъ бы ожидая отвѣта.

Орденеръ молчалъ.

— Я молилась еще,—продолжала она наблюдая съ безпокойствомъ, какое дѣйствіе произведутъ ея слова на Орденера, — я молилась еще за одного человѣка, который носитъ ваше имя, за Орденера Гульденлью, сына вице-короля. Потому что нужно молиться за всѣхъ, даже за нашихъ гонителей.

И молодая дѣвушка покраснѣла, такъ какъ думала, что солгала. Но этой мнимой ложью она только выдала себя. Она не произносила имени Орденера въ своей молитвѣ, она повторяла его лишь мысленно.

— Орденеръ Гульденлью очень несчастенъ, сударыня, если вы считаете его въ числѣ своихъ гонителей, но онъ долженъ быть очень счастливъ, если вы поминаете его въ своихъ молитвахъ.

— О, нѣтъ,—сказала Этель, смущенная и испуганная этимъ холоднымъ тономъ.—Я не молилась за него. Я не знаю, что я сдѣлала, что я дѣлаю!.. Я не знаю сына вице-короля... Не смотрите на меня такъ строго. Я обидѣла васъ? Но неужели вы не можете простить бѣдной узницѣ, вы, который проводите время около какой-нибудь прекрасной благородной дамы, свободной и счастливой, какъ вы.

— Я, графиня!—вскричалъ Ординеръ.

Этель плакала. Молодой человѣкъ бросился къ ея ногамъ.

— Развѣ вы не сказали,—продолжала Этель, улыбаясь сквозь слезы,—что ваше отсутствіе не показалось вамъ долгимъ?

— Кто, я, графиня?

— Не называйте меня такъ,—тихо сказала она.—Теперь я ни для кого не графиня, а для васъ въ особенности.

Молодой человѣкъ быстро поднялся съ колѣнъ. Не въ силахъ сдержать своего порыва, онъ крѣпко прижалъ къ сердцу молодую дѣвушку.

— Зови же меня твоимъ Орденеромъ, моя Этель! Скажи мнѣ,— и онъ горячимъ взоромъ впился въ мокрые отъ слезъ глаза дѣвушки,—скажи мнѣ: ты любишь меня?

Отвѣта молодой дѣвушки не было слышно, потому что Орденеръ вмѣстѣ съ этимъ отвѣтомъ похитилъ съ губъ ея ту первую радость любви, тотъ первый поцѣлуй, который въ глазахъ Бога обращаетъ влюбленныхъ въ супруговъ.

Оба смолкли. Для нихъ настала одна изъ тѣхъ краткихъ и рѣдкихъ на землѣ торжественныхъ минутъ, когда душа испытываетъ неземное блаженство. Въ эти минуты двѣ души бесѣдуютъ безъ словъ, на имъ однимъ лишь понятномъ языкѣ. Все человѣческое молчитъ тогда, и два безплотныхъ существа таинственно сливаются въ одно на всю земную жизнь и на вѣчную жизнь за гробомъ.

Этель медленно освободилась изъ объятій Орденера. При свѣтѣ луны они смотрѣли другъ на друга въ опьянѣніи счастья. Но въ глазахъ юноши горѣло гордое, мужественное пламя, а отуманенный взоръ Этели свѣтился тихимъ свѣтомъ той стыдливости, которая въ сердцѣ дѣвушки неразлучна со всѣми радостями любви.

— А сейчасъ, въ этомъ коридорѣ вы избѣгали встрѣчи со мной, мой Орденеръ,—проговорила, наконецъ, Этель.

— Я не избѣгалъ ея. Я былъ какъ слѣпой, прозрѣвшій послѣ долгихъ лѣтъ и невольно отворачивающійся на минуту отъ свѣта.

— Это сравненіе скорѣе подходитъ ко мнѣ, потому что во время вашего отсутствія у меня не было другого счастья, кромѣ счастья видѣть моего бѣднаго отца. Я проводила мои долгіе дни въ томъ, что утѣшала его и... ждала васъ,—докончила она, опуская глаза.— Я читала отцу басни Эдды, а когда онъ начиналъ сомнѣваться въ людяхъ—Евангеліе, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, не усомнился въ Богѣ. Потомъ я говорила ему о васъ, и онъ умолкалъ. Это доказываетъ, что онъ васъ любитъ. Только когда я проводила цѣлые вечера у окна, смотря на путешественниковъ, подъѣзжавшихъ къ замку, и на корабли, входившіе въ портъ, онъ качалъ головою и горько улыбался, а я плакала. Эта тюрьма, въ которой я провела всю жизнь, стала мнѣ отвратительна, а между тѣмъ, мой отецъ, который до вашего появленія наполнялъ всю мою жизнь, былъ со мною. Но васъ не было, и я стала желать той свободы, которой я не знаю.

Въ глазахъ молодой дѣвушки, въ ея наивной нѣжности, въ милой нерѣшительности ея признаній было какое-то невыразимое очарованіе. Орденеръ слушалъ ее въ мечтательномъ восхищеніи, какъ существо, похищенное изъ міра реальнаго въ міръ идеальный.

— А я,—сказалъ онъ,—я не хочу безъ васъ этой свободы.

— Какъ, Орденеръ, вы останетесь теперь всегда съ нами?

Этотъ вопросъ напомнилъ молодому человѣку то, что онъ забылъ.

— Нѣтъ, моя дорогая Этель, я еще уѣду сегодня, а завтра вернусь, но завтра же уѣду опять, и тогда уже возвращусь, чтобы никогда не оставлять васъ.

— Опять уѣдете,—грустно проговорила Этель.

— Повторяю вамъ, моя дорогая, я вернусь и вырву васъ изъ этой тюрьмы или похороню себя въ ней вмѣстѣ съ вами.

— Жить здѣсь съ нимъ... О, не обманывайте меня! Могу ли я надѣяться на такое счастье!

— Клянусь тебѣ, чѣмъ хочешь, моя дорогая! Развѣ ты уже не моя жена, моя Этель?

И онъ снова прижалъ ее къ груди.

— Да, я твоя,—проговорила она чуть слышно.

И чистыя, благородныя сердца ихъ радостно бились одно близъ другого и становились отъ того только еще чище, еще благороднѣе. Вдругъ около нихъ кто-то громко расхохотался. Человѣкъ, закутанный въ плащъ, открылъ потайной фонарь и освѣтилъ испуганное и смущенное лицо Этели и удивленное лицо Орденера.

— Молодцомъ! Ай, да славная парочка! Но, мнѣ кажется, вы успѣли пробыть такъ мало въ странѣ Нѣжности, что не успѣли еще обойти всѣ извилины ручейка Чувствительности и должны были итти кратчайшей дорогой, чтобы попасть такъ скоро въ хижину Поцѣлуя.

Читатель, вѣроятно, уже узналъ по этой тирадѣ молодого поклонника госпожи Скюдери. Оторванный отъ чтенія «Клеліи» сигналомъ, возвѣщавшимъ полночь, котораго, конечно, не слыхали влюбленные, капитанъ отправился въ ночной обходъ. Проходя по восточному коридору, онъ услышалъ чьи-то голоса и увидѣлъ двѣ тѣни, движущіяся въ концѣ галлереи, точно привидѣнія. Но эти привидѣнія нисколько не испугали смѣлаго лейтенанта, а только возбудили его любопытство. Спрятавъ фонарь подъ плащъ, онъ подкрался на цыпочкахъ къ привидѣніямъ и своимъ внезапнымъ смѣхомъ рѣзко вывелъ ихъ изъ ихъ восторженнаго оцѣпенѣнія.

Въ первое мгновеніе Этель хотѣла убѣжать отъ Орденера, но тотчасъ же возвратилась и спрятала свою голову на его груди, какъ бы прося защиты и помощи.

Орденеръ поднялъ голову. Въ эту минуту онъ былъ похожъ на оскорбленнаго короля.

— Горе тому,—вскричалъ онъ,—кто посмѣлъ испугать и огорчить тебя, моя Этель.

— Дѣйствительно, горе мнѣ,—насмѣшливо возразилъ лейтенантъ.—Какъ посмѣлъ я испугать нѣжную Мандану!

— Господинъ лейтенантъ,—надменно проговорилъ Орденеръ,—не угодно ли вамъ молчать!

— Не угодно ли вамъ молчать самому, господинъ дерзкій!

— Слышите вы меня!—загремѣлъ Орденеръ.—Купите молчаніемъ себѣ прощеніе.

— Tibi tua [1]),—отвѣчалъ лейтенантъ.—Можете отнести къ себѣ ваши слова. Купите вы себѣ молчаніемъ прощеніе.

— Молчать!—вскричалъ Орденеръ, такъ что стекла задрожали въ окнахъ. И, посадивъ молодую дѣвушку на старое кресло, стоявшее неподалеку, онъ сильно потрясъ офицера за плечо.

— Мужикъ!—вскричалъ лейтенантъ полусмѣясь, полусердито.— Развѣ вы не видите, что плащъ, который вы такъ безбожно мнете, сдѣланъ изъ лучшаго абингдонскаго бархата.

Орденеръ пристально взглянулъ на него.

— Лейтенантъ, мое терпѣніе короче моей шпаги.

— Понимаю, милѣйшій,—съ иронической усмѣшкой сказалъ лейтенантъ.—Вы, конечно, желали бы, чтобы я оказалъ вамъ честь драться съ вами. Но знаете ли вы, кто я? Нѣтъ, нѣтъ! «Принцъ противъ принца, пастухъ противъ пастуха», какъ говоритъ Леандръ.

— Если бы нужно было къ этому прибавить: «негодяй противъ негодяя», то, конечно, я не могъ бы въ этомъ отношеніи равняться съ вами.

— Я бы, пожалуй, разсердился, мой почтенный пастухъ, если бы вы носили мундиръ.

— Я не ношу ни кистей, ни шитаго золотомъ мундира, лейтенантъ, но со мной зато шпага.

И, отбросивъ назадъ свой плащъ, молодой человѣкъ схватился за рукоять шпаги; но въ это время Этель, придя въ себя при видѣ этой неминуемой опасности, съ крикомъ мольбы и ужаса бросилась къ Орденеру и схватила его за руку.

— Вотъ это умно, сударыня, а то молодцу пришлось бы дорого поплатиться за свою смѣлость,—сказалъ лейтенантъ, который нисколько не смутился при угрожающемъ движеніи Орденера, и, въ свою очередь, взялся за шпагу.

— Бога ради, господинъ Орденеръ, не дѣлайте меня причиной и свидѣтельницей такого несчастья. Орденеръ, умоляю тебя,— прибавила она, поднявъ на него свои чудные глаза.

Орденеръ медленно опустилъ въ ножны наполовину вынутую шпагу, а лейтенантъ воскликнулъ.

— Клянусь честью, кавалеръ,—я не знаю кавалеръ ли вы, но даю вамъ этотъ титулъ, потому что, повидимому, вы его заслуживаете,—клянусь честью, мы дѣйствуемъ по закону храбрости, но совершенно забываемъ законы вѣжливости. Молодая особа вполнѣ права. Такія дѣла, какъ наше съ вами, не дѣлаются въ присутствіи дамъ, хотя, да проститъ мнѣ уважаемая дама это замѣчаніе, они не рѣдко возникаютъ изъ-за нихъ. Мнѣ кажется теперь, что я не унижу себя дуэлью съ вами, но здѣсь мы можемъ говорить лишь о duellum remotum. Какъ оскорбленный, вы можете назначить часъ, мѣсто и оружіе. Мой тонкій Толедскій клинокъ или Меридскій кинжалъ готовы скреститься съ вашей шпагой, вышедшей изъ Ашкрейтскихъ кузницъ, или съ вашимъ охотничьимъ ножомъ, закаленнымъ въ озерѣ Спарбо.

---

[1]) Тебѣ твое.

Duellum remotum [1]), которую предлагалъ Орденеру офицеръ, часто употребляется на сѣверѣ, откуда, какъ говорятъ, вышелъ и самый обычай дуэли. Такія дуэли возникали между самыми храбрыми дворянами. Duellum remotum откладывалась на нѣсколько мѣсяцевъ, иногда на нѣсколько лѣтъ, и въ это время противники не должны были ни словомъ ни дѣломъ касаться причины, вызвавшей столкновеніе. Если дуэль происходила изъ-за соперничества въ любви, то соперники должны были воздерживаться отъ свиданій съ предметомъ своей страсти, чтобы дѣло оставалось въ томъ же положеніи. Никакихъ гарантій, кромѣ добросовѣстности противниковъ, при этомъ не требовалось. Такъ, въ средніе вѣка, когда судьи на турнирѣ находили, что законы турнира нарушены, они бросали на сцену жезлъ, и сражающіеся моментально останавливались. Но пока дѣло не разъяснилось, грудь побѣжденнаго оставалась въ томъ же разстояніи отъ острея шпаги побѣдителя.

— Хорошо, кавалеръ,—отвѣчалъ Орденеръ послѣ короткаго размышленія.—Я извѣщу васъ о мѣстѣ встрѣчи.

— И прекрасно! По крайней мѣрѣ, я буду имѣть возможность присутствовать на празднествахъ по случаю свадьбы моей сестры. Знайте же, что вы будете имѣть честь драться съ будущимъ шуриномъ знатнаго вельможи, сына вице-короля Норвегіи, барона Орденера Гульденлью, который по случаю этого брака будетъ пожалованъ титуломъ графа Даннешильда, произведенъ въ полковники и награжденъ орденомъ Слона. Самъ же я, сынъ великаго канцлера обоихъ королевствъ, буду, по всей вѣроятности, произведенъ въ капитаны.

— Прекрасно, прекрасно,—нетерпѣливо проворчалъ Орденеръ,—но вы еще не капитанъ, не сынъ вице-короля, не полковникъ, а шпаги—всегда шпаги.

— А невѣжи—всегда невѣжи, какъ ни старайся возвысить ихъ до себя,—пробормоталъ сквозь зубы офицеръ.

— Кавалеръ,—продолжалъ Орденеръ,—вы знаете правила чести. Вы сюда больше не войдете и будете хранить молчаніе обо всемъ этомъ дѣлѣ.

— Что касается до молчанія, то въ этомъ отношеніи вы можете на меня положиться. Я буду такъ же нѣмъ, какъ Муцій Сцевола, когда онъ держалъ руку на огнѣ. И сюда тоже я не буду входить такъ же, какъ и аргусы гарнизона: я только что получилъ приказаніе о прекращеніи наблюденія за Шумакеромъ. Сегодня вечеромъ я долженъ былъ сообщить ему объ этомъ, но не успѣлъ: мнѣ нужно было примѣрять новые башмаки, которые мнѣ прислали изъ Кракова. Хотите, я вамъ ихъ покажу?

Этель, видя, что они успокоились, и не понимая, что значитъ duellum remotum, успѣла уже уйти къ себѣ, шепнувъ тихо на ухо Орденеру: «До завтра».

— Я хотѣлъ бы, чтобы вы помогли мнѣ выйти изъ крѣпости.

---

[1]) Отсроченный поединокъ.

— Охотно, хотя уже довольно поздно, или, вѣрнѣе, очень рано. Но какъ вы найдете лодку?

— Это мое дѣло,—отвѣчалъ Орденеръ.

И, спокойно бесѣдуя, другъ съ другомъ, они миновали садъ, круглый дворъ, за нимъ четырехугольный, миновали главныя ворота, прошли опять мимо артиллерійскаго сарая и вошли въ ту башню, черезъ которую Орденеръ попалъ въ крѣпость. На этотъ разъ никто его не задерживалъ, видя, что онъ идетъ вмѣстѣ съ дежурнымъ офицеромъ. По приказанію офицера желѣзная дверь башни отворилась.

— До свиданья, лейтенантъ Алефельдъ! — сказалъ Орденеръ.

— До свиданья,—отвѣчалъ офицеръ.—Позвольте мнѣ сказать вамъ, что вы производите впечатлѣніе храбраго человѣка. Не знаю только, будутъ ли тѣ, кого вы ко мнѣ пришлете, достойными по своему рожденію званія секундантовъ, или же имъ придется ограничиться скромнымъ званіемъ свидѣтелей.

Они обмѣнялись рукопожатіемъ, желѣзная дверь затворилась, и лейтенантъ, напѣвая арію Люлли, пошелъ къ себѣ любоваться своими польскими башмаками и упиваться французскимъ романомъ.

Оставшись одинъ, Орденеръ раздѣлся, завернулъ свое платье въ плащъ и привязалъ его на голову сабельной портупеей. Сдѣлавъ это, онъ, согласно высказаннымъ Шумакеромъ принципамъ независимости, бросился въ спокойныя и холодныя воды залива и поплылъ къ берегу, направляясь къ Спладгесту. Въ это мѣсто онъ могъ, впрочемъ, надѣяться попасть во всякомъ случаѣ, даже если бы ему случилось утонуть.

Волненія этого дня не мало утомили молодого человѣка, и потому онъ не безъ труда доплылъ до берега. Поспѣшно одѣвшись, онъ пошелъ къ Спладгесту, чернѣвшему темной массой на площади порта. Было темно, такъ какъ луна совершенно скрылась за облаками.

Подойдя къ зданію Спладгеста, онъ услышалъ тамъ шумъ голосовъ и замѣтилъ слабый свѣтъ, выходившій изъ верхняго отверстія. Крайне удивленный, онъ сильно постучалъ въ дверь, и голоса тотчасъ же смолкли. Орденеръ снова постучалъ, и свѣтъ снова появился, при чемъ Орденеръ замѣтилъ, какъ что-то темное вылѣзло изъ верхняго отверстія и прижалось къ плоской крышѣ зданія. Орденеръ постучалъ въ третій разъ рукоятью сабли и крикнулъ:

— Отворите, именемъ его величества короля, отворите именемъ его свѣтлости вице-короля

Дверь медленно отворилась, и Орденеръ увидѣлъ длинную и худую физіономію Спіагудри. Одежда смотрителя была въ безпорядкѣ, взглядъ мутенъ, волосы растрепаны, руки окровавлены. Онъ держалъ въ рукахъ лампу, колеблющееся пламя которой дрожало, однако, не такъ замѣтно, какъ все его длинное тѣло.

VI.

> Пирро. Никогда!
> Анжело. Какъ, ты смѣешь корчить изъ себя честнаго человѣка. Негодяй! Если ты скажешь еще хоть одно слово...
> Пирро. Анжело, молю тебя, ради Бога...
> Анжело. Предоставь мнѣ дѣлать то, чему ты не можешь помѣшать.
> Пирро. Ахъ, когда дьяволъ ухватитъ хотя бы одинъ волосъ, приходится отдавать ему всю голову. О, я несчастный!
>
> *Эмилія Галотти.*

Прошло около часа съ тѣхъ поръ, какъ молодой человѣкъ вышелъ въ первый разъ изъ Спладгеста. Стемнѣло, и толпа разошлась. Оглипиглапъ заперъ наружную дверь мрачнаго зданія, Спіагудри полилъ послѣдній разъ водою лежавшіе на черныхъ плитахъ трупы и оба разошлись по своимъ комнатамъ. Оглипиглапъ тотчасъ же улегся на свою кровать и заснулъ не менѣе крѣпко, чѣмъ ввѣренные его попеченію трупы, а Спіагудри усѣлся за каменнымъ столомъ, заваленнымъ старыми книгами, сухими растеніями и вываренными скелетами, и погрузился въ научныя занятія. Эти занятія, въ сущности совершенно невинныя, не мало способствовали тому, что за Спіагудри утвердилась репутація колдуна, водившаго знакомство съ дьяволомъ. Впрочемъ, въ то время такая репутація была печальной привилегіей всякой науки.

Такъ прошло нѣсколько часовъ. Спіагудри уже собирался ложиться спать, но остановился на мрачномъ изреченіи Тормодуса Торфеуса. «Когда человѣкъ зажигаетъ лампу, то смерть часто является прежде, чѣмъ лампа погаснетъ».

— Не въ обиду будь сказано ученому доктору,—проговорилъ онъ,—но со мной этого сегодня не случится.

И онъ взялъ лампу въ руки, чтобы погасить ее.

— Спіагудри!—послышался вдругъ голосъ изъ той комнаты, гдѣ лежали трупы.

Старый смотритель задрожалъ съ ногъ до головы. Онъ не подумалъ, какъ подумалъ бы всякій другой на его мѣстѣ, что печальные гости Спладгеста взбунтовались противъ своего хранителя. Онъ былъ слишкомъ ученъ, чтобы дѣлать надъ собой волю воображаемымъ страхамъ. И если теперь онъ испугался, то только потому, что слишкомъ хорошо зналъ звавшій его голосъ.

— Спіагудри!—послышалось снова изъ залы.—Что мнѣ уши тебѣ вырвать, что ли, чтобы ты услышалъ.

— Да сжалится святой Госпицій не надъ душой моей, но надъ тѣломъ,—пробормоталъ испуганный старикъ и торопливо бросился къ боковой двери. Однако ему не удавалось итти слишкомъ скоро: страхъ замедлялъ его шаги. Отворивъ дверь, онъ вошелъ въ

то отдѣленіе, гдѣ лежали трупы, и лампа, которую онъ держалъ въ рукахъ, освѣтила странную и ужасную картину.

Съ одной стороны стояло слегка согбенное худое тѣло Спіагудри, а противъ него, у ногъ обнаженнаго трупа Гиля Стадта, занимавшаго вмѣстѣ съ трупами молодой дѣвушки и капитана глубину сцены, стояло другое странное существо. То былъ маленькій, толстый, коренастый человѣкъ, одѣтый съ ногъ до головы въ звѣриныя шкуры, на которыхъ еще краснѣли слѣды запекшейся крови. Только тѣ три нѣмыхъ свидѣтеля, которые лежали здѣсь въ полумракѣ, и могли безъ ужаса слушать разговоръ, который начался между двумя живыми. Въ чертахъ лица маленькаго человѣка, хорошо освѣщенныхъ лампой, было что-то необычайно дикое. У него была густая рыжая борода. Надъ лбомъ, изъ-подъ надвинутой оленьей шапки торчали жесткіе волосы того же цвѣта. Ротъ былъ огроменъ, изъ-подъ толстыхъ губъ виднѣлись острые бѣлые и рѣдкіе зубы, носъ согнутъ, какъ орлиный клювъ, а въ изсиня сѣрыхъ необычайно подвижныхъ глазахъ, косо смотрѣвшихъ на Спіагудри, свѣтилась свирѣпость тигра, едва умѣрявшаяся хитростью обезьяны. Широкая сабля, кинжалъ безъ ноженъ и топоръ съ каменнымъ лезвеемъ и длинною рукоятью составляли вооруженіе этого необыкновеннаго существа. На рукахъ у него были надѣты огромныя перчатки изъ шкуры голубой лисицы.

— Эта старая кикимора что-то долго заставляетъ меня ждать,— пробормоталъ онъ и зарычалъ какъ дикій звѣрь.

Если бы Спіагудри могъ поблѣднѣть, онъ бы поблѣднѣлъ.

— Знаешь ли ты,—продолжалъ онъ,—обращаясь уже прямо къ Спіагудри,—знаешь ли ты, что я пришелъ съ Урхтальскаго побережья? Что же ты задерживаешь меня? Или ты хочешь обмѣнить свою соломенную постель на одну изъ этихъ каменныхъ?

Спіагудри задрожалъ еще больше. Оставшіеся у него единственные два зуба громко стучали.

— Простите,—проговорилъ онъ, сгибаясь чуть не до земли.— Я очень крѣпко спалъ.

— Смотри, какъ бы тебѣ не заснуть еще крѣпче.

Лицо Спіагудри исказилось гримасой ужаса, и эта гримаса была еще забавнѣе, чѣмъ гримаса смѣха.

— Что это съ тобой,—продолжалъ маленькій человѣкъ,—развѣ мое присутствіе тебѣ непріятно?

— О, мой господинъ и повелитель,—сказалъ старый смотритель,—вы знаете, что для меня нѣтъ большаго счастья, чѣмъ посѣщенія вашего превосходительства.

Только развѣ мертвый не расхохотался бы при видѣ усилій, которыя при этихъ словахъ дѣлалъ Спіагудри, стараясь состроить веселое лицо.

— Старая безхвостая лисица! Мое превосходительство приказываетъ тебѣ сейчасъ же отдать мнѣ одежду Гиля Стадта.

При этихъ словахъ свирѣпое лицо маленькаго человѣка стало мрачно и задумчиво.

— О, простите, у меня нѣтъ этой одежды. Все, что остается послѣ рудокоповъ, мы должны сдавать въ королевскую казну, такъ какъ король наслѣдуетъ имъ въ качествѣ ихъ природнаго опекуна...

Маленькій человѣкъ злобно усмѣхнулся, скрестивъ руки на груди, и повернулся къ трупу. Нѣсколько времени онъ стоялъ молча, но вдругъ, въ порывѣ бѣшенаго горя, онъ кинулся на трупъ, схватилъ его руками, приподнялъ, и, сжимая въ своихъ могучихъ объятіяхъ, сталъ испускать дикіе крики, въ которыхъ слышалось безумное горе и безумная любовь. Иногда онъ произносилъ нѣсколько словъ на незнакомомъ языкѣ и снова начиналъ громко и дико стонать, какъ стонетъ медвѣдица, лаская трупъ убитаго охотникомъ медвѣжонка.

Наконецъ онъ положилъ трупъ на каменное ложе и снова обратился къ Спіагудри.

— Знаешь ли ты, старый колдунъ, какъ зовутъ того рожденнаго подъ несчастной звѣздой солдата, котораго эта тварь предпочла Гилю?

И при этихъ словахъ онъ толкнулъ ногою трупъ Гуты Стерсенъ.

Спіагудри отрицательно покачалъ головой.

— Такъ хорошо же. Клянусь топоромъ Ингольфа, моего родоначальника, я истреблю всѣхъ, кто носитъ этотъ мундиръ,—проговорилъ онъ, указывая на одежду капитана.—Тотъ, кому я хочу отомстить, попадетъ въ число моихъ жертвъ. Я подожгу весь лѣсъ, чтобы спалить растущій въ немъ ядовитый кустъ. Я поклялся въ этомъ въ тотъ день, какъ Гиль умеръ, и вотъ я уже доставилъ ему одного товарища, чтобы порадовать его трупъ! О, Гиль, ты лежишь здѣсь мертвый, безсильный, ты, который догонялъ вплавь тюленя, настигалъ серну на бѣгу, побѣждалъ въ рукопашномъ бою медвѣдей Кольскихъ горъ. Недвижимъ лежишь ты, проходившій въ одинъ день весь Дронтгеймскій округъ, отъ Оркеля до Сміазенскаго озера, взбиравшійся, какъ бѣлка на дубъ, на вершины Дофрэ-Фьельда. Безгласенъ лежишь ты, чей голосъ заглушалъ громъ, когда ты пѣлъ, стоя на грозныхъ вершинахъ Конгсберга. О, Гиль! Къ чему же я засыпалъ Фарэрскія копи, къ чему сжегъ Дронтгеймскій соборъ! Всѣ мои труды пропали даромъ, я не увижу въ тебѣ продолженія рода дѣтей Исландіи, дѣтей Ингольфа Истребителя. Никто не наслѣдуетъ этого каменнаго топора! Наоборотъ, мнѣ приходится наслѣдовать твой черепъ и пить изъ него морскую воду и человѣческую кровь.

И, схвативъ голову трупа, онъ повернулся къ Спіагудри.

— Ну-ка, помоги мнѣ!

И, снявъ перчатки, онъ обнажилъ огромныя руки съ длинными, кривыми и твердыми, какъ когти хищнаго звѣря, ногтями.

Спіагудри, увидя, что онъ собирается отрубить голову у трупа, не могъ сдержать крика ужаса.

— Боже мой! Вы хотите отрубить голову мертвецу!

— А развѣ ты предпочелъ бы, чтобъ я отрубилъ здѣсь голову живому?—спокойно возразилъ маленькій человѣкъ.

— О, позвольте умолять вашу милость... Какъ ваше превосходительство рѣшаетесь... Ваша честь... Сударь... Ваша свѣтлость не захочетъ...

— Кончишь ты когда-нибудь? Точно мнѣ нужны всѣ эти титулы, живой скелетъ, чтобы повѣрить въ твое глубокое уваженіе къ моей саблѣ?

— Ради святого Вальдемара, святого Узуфа, святого Госпиція, пощадите мертваго.

— Помогай мнѣ, и не трудись толковать дьяволу о святыхъ.

— Сударь,—продолжалъ умолять Спіагудри,—ради вашего знаменитаго предка, святого Ингольфа.

— Ингольфъ былъ такой же проклятый, какъ и я.

— Вотъ отъ этого-то проклятія я и хочу васъ спасти.

Маленькій человѣкъ нетерпѣливо топнулъ ногой. Глаза его загорѣлись, какъ угли.

— Помогай мнѣ!—крикнулъ онъ, взмахнувъ саблей.

Эти два слова были сказаны такъ, какъ сказалъ бы ихъ левъ, если бъ онъ могъ говорить. Полумертвый отъ страха Спіагудри не рѣшился больше настаивать. Онъ сѣлъ на черный камень и сталъ поддерживать влажную и холодную голову трупа, тогда какъ маленькій человѣкъ принялся съ необыкновеннымъ проворствомъ отдѣлять черепъ.

Окончивъ эту операцію, онъ нѣсколько минутъ смотрѣлъ на окровавленный черепъ, произнося какія-то странныя слова, и потомъ, отдавъ его Спіагудри, приказалъ вычистить и вымыть.

— А я,—проговорилъ онъ при этомъ съ дикимъ рычаніемъ,—я даже не буду имѣть умирая и того утѣшенія, что наслѣдникъ души Ингольфа будетъ пить изъ моего черепа морскую воду и человѣческую кровь.

Онъ снова мрачно задумался, но скоро заговорилъ опять.

— За ураганомъ слѣдуетъ ураганъ, за лавиной—лавина, а я буду послѣдній въ родѣ. О, почему Гиль не ненавидѣлъ, какъ я, всякое человѣческое лицо! Какой демонъ, враждебный демону Ингольфа, толкнулъ его въ эти копи, чтобы найти немного золота!

Въ это время Спіагудри вернулся, неся черепъ Гиля. Услышавъ послѣднія слова, онъ проговорилъ:

— Вы совершенно правы, мой господинъ. Золото, какъ говоритъ Снорро Струлесонъ, нерѣдко само покупается слишкомъ дорогой цѣной.

— Ты мнѣ напомнилъ одно порученіе, которое я хотѣлъ тебѣ дать,—сказалъ маленькій человѣкъ.—Возьми этотъ ящичекъ, я нашелъ его на этомъ офицерѣ. Онъ очень крѣпко запертъ, вѣроятно, въ немъ золото,—единственная вещь, которая драгоцѣнна въ глазахъ людей. Передай его вдовѣ Стадтъ, въ Троктрэ, въ уплату за сына.

Съ этими словами онъ вынулъ изъ ранца маленькую желѣзную шкатулочку и передалъ ее Спіагудри, который съ поклономъ принялъ ее.

— Смотри же, исполни мое порученіе,—проговорилъ маленькій человѣкъ, бросая на Спіагудри подозрительный взглядъ.—Помни, что двумъ демонамъ ничего не мѣшаетъ свидѣться. Я знаю, до чего ты жаденъ, такъ помни, что ты отвѣчаешь мнѣ за эту шкатулку.

— Хотя бы своей душой!—вскричалъ Спіагудри.

— Нѣтъ, лучше мясомъ и костями!

Въ это время послышался сильный ударъ въ дверь. Спіагудри задрожалъ и прикрылъ лампу рукою. Маленькій человѣкъ только удивился.

— Что это такое?—спросилъ онъ.—А ты, старая дрянь, какъ же ты задрожишь, когда услышишь трубу послѣдняго суда?

Раздался второй, еще болѣе сильный ударъ.

— Какой-нибудь мертвецъ торопится скорѣе войти,—проговорилъ маленькій человѣкъ.

— Нѣтъ, сударь, намъ не приносятъ труповъ послѣ полуночи.

— Ну, мертвый тамъ или живой, мнѣ надо убираться. А ты, Спіагудри, будь нѣмъ и вѣренъ. Клянусь тебѣ духомъ Ингольфа и черепомъ Гиля, что въ твоей трупной гостиницѣ перебываетъ весь Мункгольмскій полкъ.

И, надѣвъ перчатки и привязавъ къ поясу черепъ Гиля, маленькій человѣкъ съ ловкостью серны выскочилъ въ верхнее отверстіе, лишь слегка опершись при этомъ на плечи Спіагудри.

Въ это время третій ударъ потрясъ весь Спладгестъ, и голосъ снаружи потребовалъ отворить именемъ короля и вице-короля. Еще не успѣвъ успокоиться отъ прежняго страха и уже волнуемый новымъ, старикъ подошелъ къ наружной двери и отперъ ее.

VII.

Она устала все время гнаться по крутымъ каменистымъ тропинкамъ за этой радостью, въ которую обратилось временное блаженство.

Изъ „Исповѣдей“ св. Августина.

Вернувшись къ себѣ въ кабинетъ послѣ разговора съ Поэлемъ, дронтгеймскій губернаторъ, чтобы немного разсѣяться, позвалъ одного изъ секретарей и приказалъ ему докладывать поступившія въ канцелярію бумаги.

Секретарь поклонился и началъ докладъ.

— Докторъ богословія Англивіусъ проситъ о смѣщеніи доктора богословія Фокстиппа, завѣдующаго епископской библіотекой, по причинѣ полной его неспособности. Онъ не знаетъ, кѣмъ замѣнить этого доктора, но имѣетъ честь сообщить, что онъ, докторъ Англивіусъ, долго исполнялъ обязанности библіотекаря...

— Пусть этотъ чудакъ обратится къ епископу.

— Аѳанасій Мюндеръ, священникъ, тюремный духовникъ, проситъ о помилованіи двѣнадцати осужденныхъ на казнь преступни-

ковъ, по случаю бракосочетанія его высокородія Орденера Гульденлью, барона Торвика, кавалера ордена Даннеброга, сына вице-короля, съ благородной дѣвицей Ульрикой Алефельдъ, дочерью его свѣтлости великаго канцлера обоихъ королевствъ.

— Помѣтьте: исполнить. Мнѣ жаль этихъ осужденныхъ.

— Фаустъ Пруденцій Дестромбидесъ, норвежскій подданный, латинскій поэтъ, проситъ позволенія написать похвальную оду въ честь вышеназванныхъ благородныхъ новобрачныхъ.

— Помню, помню; должно-быть, онъ ужъ очень старъ. Вѣдь это тотъ самый, что въ 1174 году готовилъ оду къ бракосочетанію Шумакера, въ то время графа Гриффенфельда, съ принцессой Луизой Шарлоттой Гольштейнъ-Аугустенбургской, но эта свадьба разстроилась. Боюсь, какъ бы этотъ Фаустъ Пруденцій не оказался пѣвцомъ разстроенныхъ браковъ. Хорошо, помѣтьте, да справьтесь по поводу этого поэта, нѣтъ ли свободнаго мѣста въ Дронтгеймской богадѣльнѣ.

— Рудокопы Дульдбрансгаля, Фарэрскихъ острововъ, Зундъ-Мэра, Губфалло, Рэрааса и Конгсберга просятъ объ освобожденіи ихъ отъ королевской опеки.

— Какой безпокойный народъ эти рудокопы! Говорятъ, они уже начинаютъ роптать, что долго нѣтъ отвѣта на ихъ просьбу. Отложите ее, она требуетъ зрѣлаго обсужденія.

— Браалъ, рыбакъ, на основаніи Одельсрехта[1]), объявляетъ, что онъ не оставилъ намѣренія выкупить свое родовое имущество.

— Синдики Нэса, Лэвига, Индаля, Сконгена, Стода, Спарбо и другихъ городовъ и мѣстечекъ сѣверной части Дронтгеймскаго округа просятъ объ оцѣнкѣ головы разбойника, убійцы и поджигателя Гана, родомъ изъ Клипстадура въ Исландіи. Протестуетъ— Николь Оругиксъ, палачъ Дронтгеймскаго округа, считающій Гана своею собственностью. Поддерживаетъ просьбу—Бенигнусъ Спіагудри, смотритель Спладгеста, къ которому долженъ будетъ поступить трупъ въ случаѣ принятія просьбы.

— Этотъ бандитъ очень опасенъ, въ особенности въ виду броженія среди рудокоповъ. Пусть объявятъ, что его голова оцѣнена въ тысячу королевскихъ талеровъ.

— Бенигнусъ Спіагудри, врачъ, антикварій, скульпторъ, минералогъ, натуралистъ, ботаникъ, юристъ, химикъ, механикъ, физикъ, астрономъ, богословъ, грамматикъ..

— Развѣ это не тотъ Спіагудри, о которомъ сейчасъ шла рѣчь?

— Тотъ самый, ваше превосходительство... смотритель учрежденія, называемаго Спладгестомъ, въ городѣ его величества Дронтгеймѣ, имѣетъ честь доложить, что онъ, Бенигнусъ Спіагудри, открылъ: 1) что неподвижныя звѣзды не освѣщаются свѣтиломъ,

---

[1]) Подъ именемъ Одельсрехта разумѣется своеобразный законъ, устанавливающій среди норвежскихъ крестьянъ нѣчто въ родѣ майората. Всякій кто принуженъ былъ продать свое родовое имѣніе, могъ воспрепятствовать пріобрѣтателю отчуждать его, объявляя черезъ каждыя 10 лѣтъ, что онъ имѣетъ въ виду его выкупить.

называемымъ солнцемъ; 2) что настоящее имя Одина есть Фригге, сынъ Фридульфа; 3) что морской червь питается пескомъ; 4) что шумъ населенія удаляетъ рыбу отъ береговъ Норвегіи, вслѣдствіе чего средства къ жизни уменьшаются по мѣрѣ возрастанія населенія; 5) что заливъ по имени Отте-Зундъ именовался прежде Лимфіордомъ и принялъ настоящее имя лишь послѣ того, какъ Отонъ Рыжій бросилъ въ него свое копье. Кромѣ того, онъ имѣетъ честь доложить, что передѣлка древней статуи Фреи въ статую Провосудія, украшающую нынѣ дронтгеймскую площадь, была произведена по его совѣту и подъ его руководствомъ, и что дьяволъ, изображающій преступленіе, былъ по его же совѣту передѣланъ изъ льва, находившагося подъ ногами идола.

— Ну, довольно вамъ перечислять эти важныя заслуги. Чего онъ проситъ?

— Всепокорнѣйшій слуга вашего превосходительства считаетъ возможнымъ въ виду столькихъ полезныхъ работъ своихъ для науки и для искусства просить ваше превосходительство объ увеличеніи на десять аскалиновъ таксы за каждый мужской и женскій трупъ, что можетъ быть лишь пріятно мертвецамъ, такъ какъ докажетъ вниманіе властей къ ихъ особамъ.

Въ это время дверь кабинета отворилась, и стоявшій у дверей лакей громко продолжалъ:

— Благородная дама графиня Алефельдъ.

Въ то же время какая-то важная дама, съ небольшой графской короной на головѣ, одѣтая въ богатое платье изъ пунцоваго атласа, подбитое горностаемъ и украшенное золотыми кистями, вошла въ комнату. Генералъ поспѣшилъ къ ней навстрѣчу и, предложивъ ей руку, довелъ ее до кресла.

Графинѣ было на видъ около пятидесяти лѣтъ, и лицо ея было изборождено глубокими морщинами, но не столько возрастъ, сколько заботы, гордость и тщеславіе наложили свою печать на это когда-то красивое лицо. Усѣвшись противъ генерала, графиня подняла на него свои надменные глаза и проговорила съ принужденной улыбкой:

— Однако, вашъ воспитанникъ заставляетъ себя ждать, генералъ. Онъ долженъ былъ быть здѣсь еще до заката солнца.

— Онъ бы и былъ здѣсь, графиня, если бы, пріѣхавъ въ Дронтгеймъ, не отправился тотчасъ въ Мункгольмъ.

— Какъ въ Мункгольмъ? Надѣюсь, онъ поѣхалъ туда не къ Шумакеру?

— Очень возможно, что и къ нему.

— Баронъ Торвикъ первымъ дѣломъ отправился къ Шумакеру?

— Почему же нѣтъ, графиня? Шумакеръ несчастенъ.

— Сынъ вице-короля имѣетъ сношенія съ государственнымъ узникомъ!

— Фридрихъ Гульденлью, сударыня, поручая мнѣ своего сына, просилъ меня воспитать его такъ, какъ я воспиталъ бы своего. Я подумалъ, что знакомство съ Шумакеромъ можетъ принести

Орденеру пользу, тѣмъ болѣе, что ему придется со временемъ также занимать высокое положеніе. Поэтому, съ согласія вице-короля, я испросилъ у моего брата, Груммонда Кнуда, пропускъ во всѣ тюрьмы и передалъ его Орденеру. Онъ имъ и пользуется.

— А давно ли баронъ Орденеръ сдѣлалъ это полезное знакомство, генералъ?

— Около года тому назадъ, графиня. И, кажется, общество Шумакера ему нравилось, такъ какъ оно довольно надолго привязало его къ Дронтгейму, и онъ не безъ сожалѣнія уѣхалъ отсюда лишь въ силу моего настойчиваго предложенія отправиться на сѣверъ Норвегіи.

— А Шумакеръ знаетъ, что его утѣшитель—сынъ одного изъ его величайшихъ враговъ?

— Онъ знаетъ, что Орденеръ его другъ, и этого ему довольно.

— Но, скажите, генералъ, допуская эту связь и даже покровительствуя ей, вы знали, что у Шумакера есть дочь?

— Зналъ, графиня.

— И это обстоятельство вамъ казалось не имѣющимъ значенія для вашего воспитанника?

— Воспитанникъ Левина Кнуда и сынъ Фридриха Гульденлью—вполнѣ порядочный человѣкъ, графиня. Онъ знаетъ, какое препятствіе отдѣляетъ его отъ дочери Шумакера, и не способенъ не только соблазнить, но и смутить безъ законной цѣли сердце дѣвушки, а тѣмъ болѣе дочери несчастнаго человѣка.

Графиня Алефельдъ вспыхнула, потомъ поблѣднѣла и отвернулась, стараясь избѣжать спокойнаго взгляда старика, какъ будто это былъ взглядъ грознаго обвинителя.

— Но мнѣ кажется, генералъ, что эта связь и странна и неосторожна,—проговорила она.—Говорятъ, что рудокопы начинаютъ волноваться, что къ нимъ присоединяются сѣверные горцы, и что во всемъ этомъ дѣлѣ замѣшано имя Шумакера.

— Вы меня удивляете, сударыня! — вскричалъ генералъ. — До сихъ поръ Шумакеръ совершенно спокойно переносилъ свое несчастіе. Вѣроятно, это ни на чемъ не основанный слухъ.

Въ это время дверь отворилась, и лакей доложилъ, что посланный отъ его свѣтлости великаго канцлера проситъ позволенія переговорить съ графиней.

Графиня поднялась съ кресла, поклонилась генералу и быстро прошла въ свои апартаменты, расположенные въ одномъ изъ флигелей дворца, а графъ снова принялся просматривать бумаги Придя къ себѣ, графиня приказала впустить посланнаго и сѣла ждать его на большой софѣ, окруженная женщинами своего штата.

Наконецъ, посланный вошелъ. Увидя его, графиня сдѣлала невольное движеніе отвращенія, которое, однако, тотчасъ же поспѣшила скрыть подъ благосклонной улыбкой.

Видъ посланнаго, однако, вовсе не внушалъ съ перваго взгляда отвращенія. Это былъ человѣкъ немного ниже средняго роста, съ брюшкомъ, которое мало соотвѣтствовало его званію гонца. Но стоило хорошенько присмотрѣться къ нему, чтобы почувствовать

къ нему невольную антипатію. Въ выраженіи его лица было что-то донельзя наглое, въ улыбкѣ что-то діавольское и мрачное. Глубоко поклонившись графинѣ, онъ подалъ ей пакетъ, перевязанный шелковыми лентами.

— Позвольте, сударыня, — проговорилъ онъ при этомъ, — сложить къ вашимъ ногамъ драгоцѣнное посланіе вашего сіятельнаго супруга и моего досточтимаго господина.

— Развѣ онъ самъ не ѣдетъ сюда?—спросила графиня.—И почему онъ выбралъ васъ гонцомъ?

— Важныя дѣла задержали прибытіе его свѣтлости. Это письмо все объяснитъ, графиня. Что же касается до меня, то, по приказанію моего господина, я долженъ буду имѣть честь просить у васъ отдѣльной аудіенціи

Графиня поблѣднѣла.

— Отдѣльной аудіенціи, Мусдэмонъ?—повторила она.

— Если это почему-нибудь огорчаетъ васъ, сударыня, то я въ отчаяніи, но...

— Нѣтъ, это нисколько не огорчаетъ меня,—сказала графиня, усиливаясь улыбнуться.—Но развѣ вамъ такъ необходимо говорить со мной наединѣ?

— Совершенно необходимо, сударыня. Письмо, которое вы изволили у меня взять, должно содержать на этотъ счетъ формальныя указанія.

Было что-то странное въ этомъ смущеніи гордой графини передъ слугою, который съ ней былъ наружно такъ почтителенъ. Медленно открывая пакетъ, она прочитала письмо, потомъ снова перечитала его и проговорила слабымъ голосомъ, обращаясь къ женщинамъ:

— Оставьте насъ однихъ.

— Простите, сударыня, — проговорилъ гонецъ, опускаясь на одно колѣно,—если я рѣшаюсь затруднять васъ.

— Нѣтъ, напротивъ, я очень рада васъ видѣть,—отвѣчала графиня съ вынужденной улыбкой.

Женщины удалились.

— Ты забыла, Эльфегія, что когда-то ты не была такъ недовольна, когда мы оставались вдвоемъ, — сказалъ гонецъ, сразу мѣняя тонъ

Эти слова сопровождались такимъ смѣхомъ, какимъ, вѣроятно, смѣется діаволъ, когда умираетъ человѣкъ, продавшій ему душу.

Гордая графиня опустила голову. Краска стыда залила ея лицо.

— О, если бы можно было это забыть,—прошептала она.

— Чудачка! Какъ ты можешь краснѣть отъ того, чего не видѣлъ ни одинъ человѣческій глазъ.

— Чего не видятъ люди, видитъ Богъ.

— Богъ!.. Нѣтъ, ты не стоишь того, чтобы обманывать своего мужа. Онъ не такъ легковѣренъ, какъ ты.

— Вы совсѣмъ не щадите моей совѣсти, Мусдэмонъ.

— Но если у тебя есть совѣсть, зачѣмъ ты сама не щадишь ея, совершая каждый день новыя преступленія?

Графиня Алефельдъ закрыла лицо руками.

— Надо выбирать, Эльфегія,—продолжалъ гонецъ.—Или давать волю совѣсти — тогда не надо грѣшить, или ужъ грѣшить, но спрятать совѣсть подальше. Дѣлай, какъ я: выбирай послѣднее, это, по крайней мѣрѣ, веселѣе.

— Охъ, не пришлось бы вамъ вспомнить эти слова, когда вы будете на томъ свѣтѣ,—тихо проговорила графиня.

— Ну, будетъ шутить, моя дорогая, — проговорилъ Мусдэмонъ, обнимая ее за шею. — Постарайся быть такою, какою ты была двадцать лѣтъ тому назадъ, если не тѣломъ, то хоть душою.

Бѣдная графиня, раба своего сообщника, попыталась отвѣтить на его отвратительную ласку. Въ этомъ грѣшномъ объятіи двухъ существъ, презиравшихъ и ненавидѣвшихъ другъ друга, было что-то такое, что возмущало даже ихъ самихъ, несмотря на всю глубину ихъ паденія. Когда-то эти незаконныя ласки доставляли имъ радость, но одинъ Богъ знаетъ ради чего они продолжали оказывать ихъ другъ другу теперь, такъ какъ теперь эти ласки причиняли имъ только одно мученіе. Таково странное, но справедливое свойство всякаго грѣха. Преступленіе само становится казнью для преступника.

Наконецъ графиня рѣшилась прекратить эту пытку и, освободившись изъ объятій своего отвратительнаго любовника, спросила, какое словесное порученіе далъ ему ея мужъ.

— Алефельдъ,—сказалъ Мусдэмонъ,—въ ту самую минуту, какъ могущество его готово было окрѣпнуть благодаря браку Орденера Гульденлью съ нашей дочерью...

— Съ нашей дочерью!—вскричала графиня, и взглядъ ея снова загорѣлся гордымъ презрѣніемъ.

— Ну, разумѣется. Ульрика можетъ быть столько же и моей дочерью, сколько дочерью графа. Такъ вотъ видишь ли, этотъ бракъ не можетъ удовлетворить вполнѣ твоего мужа до тѣхъ поръ, пока Шумакеръ не будетъ совершенно погубленъ. Этотъ старый любимецъ короля почти такъ же опасенъ въ своей тюрьмѣ, какъ и въ своемъ дворцѣ. При дворѣ у него есть какіе-то друзья, не знатные, но могущественные, можетъ-быть, по тому именно, что они не знатны. Съ мѣсяцъ тому назадъ король узналъ, что переговоры великаго канцлера съ герцогомъ Гольштейнъ-Плэнскимъ подвигаются туго, и вскричалъ въ нетерпѣніи: «Гриффенфельдъ одинъ сумѣлъ бы сдѣлать это лучше, чѣмъ всѣ они вмѣстѣ». А вслѣдъ за тѣмъ пріѣхалъ изъ Мункгольма въ Копенгагенъ нѣкій интриганъ Диспольсенъ, и король далъ ему нѣсколько секретныхъ аудіенцій, послѣ которыхъ приказалъ справиться въ государственной канцеляріи, гдѣ хранятся патенты на титулы и имѣнія Шумакера. Неизвѣстно, на что разсчитываетъ Шумакеръ, но если дѣло идетъ только о томъ, чтобы возвратить ему свободу, то вѣдь отъ этого недалеко и до возвращенія къ власти. Надо, чтобы онъ умеръ, и умеръ на законномъ основаніи. Подъ предлогомъ осмотра инкогнито сѣверныхъ провинцій твой мужъ отправился самъ убѣдиться, къ чему привела наша пропаганда среди рудокоповъ. Мы

хотимъ устроить среди нихъ именемъ Шумакера возстаніе, которое потомъ легко будетъ усмирить. Одно только насъ безпокоитъ— пропажа нѣсколькихъ бумагъ, касающихся этого плана. Есть основаніе думать, что эти бумаги находятся въ рукахъ Диспольсена. Мы знаемъ, что онъ повезъ изъ Копенгагена въ Мункгольмъ къ Шумакеру его дипломы, а можетъ-быть, и эти документы, которые могутъ погубить, или, по меньшей мѣрѣ, скомпрометировать насъ. Поэтому мы отправили въ Кольскія ущелья нѣсколькихъ вѣрныхъ людей съ порученіемъ отдѣлаться отъ Диспольсена и захватить бумаги. Но, говорятъ, Диспольсенъ поѣхалъ изъ Бергена моремъ, такъ что съ этой стороны наши труды пропали даромъ. Однако до меня дошли какіе-то слухи объ убійствѣ капитана, которому фамилія Диспольсенъ. Ну, это мы увидимъ. А пока мы разыскиваемъ нѣкоего знаменитаго разбойника, Гана-Исландца, котораго хотимъ поставить во главѣ возстанія. Ну, а ты, дорогая, какія у тебя новости? Попалась ли, наконецъ, мункгольмская пташка въ сѣти нашего сынка Фридриха?

— Нашего сынка!—снова вскричала графиня съ гордымъ негодованіемъ.

— А что же! Сколько ему лѣтъ? Двадцать четыре. А вѣдь мы знаемъ другъ друга уже двадцать шесть лѣтъ, Эльфегія.

— Видитъ Богъ,—вскричала графиня,— что мой Фридрихъ законный наслѣдникъ великаго канцлера.

— Богъ, можетъ-быть, и видитъ, ну, а дьяволъ можетъ и не видѣть. Впрочемъ, твой Фридрихъ шальной. Онъ даже недостоинъ быть моимъ сыномъ, такъ что намъ не стоитъ ссориться изъ-за такихъ пустяковъ. Онъ годенъ развѣ на то, чтобы въ случаѣ нужды соблазнить дѣвушку. Удалось ли ему это, по крайней мѣрѣ?

— Нѣтъ еще, сколько мнѣ извѣстно.

— Послушай, Эльфегія, нельзя же такъ пассивно относиться къ нашему дѣлу. Ты видишь, что мы съ графомъ стараемся изо всѣхъ силъ. Завтра я отправлюсь къ твоему мужу, такъ ты ужъ, пожалуйста, не ограничивайся молитвами за наши грѣхи, словно Мадонна, которую итальянцы призываютъ передъ тѣмъ, какъ совершить убійство. Да и Алефельду не мѣшало бы получше вознаградить меня за мои услуги, а то онъ слишкомъ мало для меня дѣлаетъ. Моя карьера связана съ его успѣхами, но, право, мнѣ надоѣло быть слугою мужа, когда я любовникъ жены, и ограничиваться ролью наставника и воспитателя, когда я почти отецъ.

Въ это время пробило полночь. Вошла одна изъ женщинъ и доложила, что по правиламъ дворца нужно гасить огни.

Графиня, довольная, что можетъ, наконецъ, прекратить этотъ тяжелый разговоръ, позвала свою свиту.

— Разрѣшите мнѣ, милостивая графиня, явиться къ вамъ завтра откланяться,—проговорилъ Мусдэмонъ съ глубокимъ поклономъ и вышелъ изъ комнаты.

VIII.

Навѣрно, ты убилъ его. У тебя взглядъ убійцы и весь ты такой мрачный и свирѣпый видъ.

Шекспиръ: „Сонъ въ лѣтнюю ночь“.

— Честное слово, старикъ,—сказалъ Орденеръ, увидя Спіагудри,—я началъ уже думать, что твои трупы обязаны отворять двери.

— Простите, сударь,—пробормоталъ Спіагудри, у котораго еще звучали въ ушахъ слова: именемъ короля и вице-короля...—я... я очень крѣпко спалъ.

— Ну, значитъ, твои мертвецы не спали, это они, вѣрно, и разговаривали?

Спіагудри смутился.

— Вы... слышали, господинъ чужестранецъ?

— Конечно. Ну, да не въ этомъ дѣло. Ваши дѣла меня не касаются, у меня есть свои. Войдемъ-ка!

Спіагудри вовсе не хотѣлось показывать вновь прибывшему трупъ Гиля, но послѣднія слова его немного успокоили, да къ тому же, какъ онъ могъ помѣшать войти своему гостю? Поэтому онъ впустилъ молодого человѣка и снова заперъ дверь.

— Бенигнусъ Спіагудри,—сказалъ онъ,—къ вашимъ услугамъ, сударь, во всемъ, что касается науки. Но, судя по вашему ночному посѣщенію, вы ожидали встрѣтить во мнѣ колдуна. Въ такомъ случаѣ, вы ошиблись; ne famam credas [1]); я не колдунъ, а скромный ученый. Не угодно ли вамъ пожаловать въ мою лабораторію?

— Мнѣ тамъ нечего дѣлать. Намъ нужно остановиться около этихъ труповъ.

— Около труповъ! — вскричалъ Спіагудри, снова задрожавъ,— но, сударь, ихъ нельзя сейчасъ видѣть.

— Какъ, нельзя видѣть трупы, которые и выставлены для того, чтобы на нихъ смотрѣли? Повторяю, мнѣ нужно справиться у васъ по поводу одного изъ нихъ, и вы обязаны дать мнѣ всѣ свѣдѣнія! Слушайтесь лучше добромъ, старикъ, или я силой заставлю васъ слушаться.

Спіагудри всегда чувствовалъ уваженіе къ саблямъ, а на боку у Орденера висѣло это оружіе.

— Nihil non arrogat armis [2]),—пробормоталъ онъ. И, вынувъ изъ своей связки одинъ изъ ключей, онъ отперъ дверцу рѣшетки и впустилъ своего ночного гостя во второе отдѣленіе.

— Покажите мнѣ одежду капитана,—сказалъ Орденеръ.

Въ эту минуту свѣтъ лампы упалъ на окровавленную голову Гиля Стадта.

---

[1]) Не вѣрь молвѣ.

[2]) Ничто не можетъ противиться оружію.

— Боже мой, что за ужасное святотатство! — вскричалъ Орденеръ.

— Сжальтесь надо мной, ради святого Госпицiя,—прошепталъ старый смотритель.

— Старикъ,—проговорилъ Орденеръ угрожающимъ голосомъ,— далеко ли ты самъ отъ смерти, чтобы забывать объ уваженiи къ ней? Такъ знай же, несчастный, что живые научатъ тебя, какъ нужно обращаться съ мертвыми.

— Смилуйтесь!—вскричалъ Спiагудри, — это не я. Если бы вы знали...

Онъ спохватился, вспомнивъ слова маленькаго человѣка: «Будь вѣренъ и нѣмъ».

— Вы не видѣли, какъ кто-то выскочилъ изъ этого отверстiя?— прибавилъ онъ тихо.

— Ну, да, видѣлъ. Это твой сообщникъ.

— Нѣтъ, это единственный виновникъ. Клянусь всѣми клятвами ада, всѣми благословенiями рая, клянусь этимъ окровавленнымъ тѣломъ, это не я!

И онъ упалъ къ ногамъ Орденера.

Какъ ни отвратителенъ былъ Спiагудри, но въ его отчаянiи, въ его мольбахъ слышалась истина, и Орденеръ невольно повѣрилъ ему.

— Встань, старикъ, — сказалъ онъ. — Если ты не оскорбилъ смерти, то не унижай и своей старости.

Смотритель всталъ.

— Кто же это сдѣлалъ?—продолжалъ Орденеръ.

— О, молчите, сударь. Вы не знаете, о комъ вы говорите.

И Спiагудри снова повторилъ про себя: «будь вѣренъ и нѣмъ».

— Кто это сдѣлалъ, я спрашиваю,—холодно повторилъ Орденеръ.

— Ради неба, сударь, не говорите такъ, молчите, изъ страха...

— Страхъ не заставитъ меня молчать, но заставитъ тебя говорить.

— Простите меня, молодой господинъ,—въ отчаянiи вскричалъ Спiагудри,—я не могу...

— Можешь, разъ я такъ хочу. Кто осквернитель?

Спiагудри попробовалъ извернуться...

— Ну, извольте, сударь. Осквернитель этого трупа — убiйца этого офицера.

— Значитъ, этотъ офицеръ убитъ?—сказалъ Орденеръ, приведенный этимъ отвѣтомъ къ цѣли своихъ розысковъ.

— Да, сударь, безъ сомнѣнiя.

— Но кѣмъ, кѣмъ?

— Ради той святой, которую призывала, рождая васъ, ваша мать, не допытывайтесь объ этомъ имени, не принуждайте меня открывать его.

— Если бы къ причинамъ, которыя побуждаютъ меня узнать это имя, нужно было что-нибудь прибавлять, то твои слова, старикъ, прибавили бы къ нимъ любопытство. Я приказываю тебѣ назвать убiйцу.

— Хорошо,—сказалъ Спіагудри,—взгляните, какими длинными и острыми когтями исцарапано тѣло этого несчастнаго. Эти царапины укажутъ вамъ убійцу.

— Какъ,—сказалъ Орденеръ,—это какой-нибудь дикій звѣрь.

— Нѣтъ, сударь.

— Но, если это не самъ дьяволъ...

— Тс! Берегитесь. Можетъ-быть, вы слишкомъ близки къ истинѣ. Развѣ вы не слыхали,—тихо продолжалъ Спіагудри,—о человѣкѣ или о чудовищѣ въ человѣческомъ образѣ, когти котораго такъ же длинны, какъ у Астарота, который насъ погубилъ, или какъ у Антихриста, который насъ погубитъ.

— Яснѣе, старикъ!

— Горе!—говоритъ Апокалипсисъ...

— Имя убійцы!..

— Имя!.. О, сжальтесь надо мною. Сжальтесь надъ собой, наконецъ.

— Твоя вторая просьба уничтожила бы первую, если бы у меня и не было важныхъ причинъ вырвать это имя. Не злоупотребляй моимъ терпѣніемъ!

— Ну, если вы этого хотите, то знайте,—проговорилъ старикъ, выпрямившись, торжественно и громко, этотъ убійца, этотъ осквернитель трупа—Ганъ-Исландецъ.

Это имя было знакомо Орденеру.

— Какъ!—вскричалъ онъ, — Ганъ! этотъ отвратительный бандитъ!

— Не называйте его бандитомъ, онъ живетъ всегда одинъ [1]).

— Но если такъ, почему же ты его знаешь, несчастный? Какія злодѣянія сблизили васъ?

— О, благородный господинъ, не судите по внѣшности. Развѣ стволъ дуба станетъ ядовитымъ, если въ немъ укроется змѣя?

— Не говори пустяковъ! Только сообщникъ можетъ быть другомъ злодѣя.

— Я не другъ его и тѣмъ болѣе не сообщникъ. Если мои клятвы не убѣдили васъ, то извольте, Бога ради, замѣтить, что это отвратительное преступленіе черезъ двадцать четыре часа, когда придутъ за трупомъ Гиля Стадта, всецѣло отразится на мнѣ. Меня обвинятъ и накажутъ, какъ святотатца.

Эти соображенія личнаго интереса произвели на Орденера гораздо большее впечатлѣніе, чѣмъ умоляющій голосъ старика. Они же въ значительной степени вызвали то патетическое, хотя безполезное, сопротивленіе, которое Спіагудри оказывалъ преступленію маленькаго человѣка. Орденеръ замолчалъ, какъ бы въ раздумьи, и въ это время Спіагудри безпокойно присматривался къ выраженію его лица, стараясь угадать, тишина или новая буря смѣнитъ его молчаніе.

---

[1]) Слово бандитъ происходитъ отъ слова банда, что значитъ шайка.
Прим. перев.

Наконецъ Орденеръ заговорилъ строгимъ, но уже спокойнымъ тономъ.

— Старикъ, не думай обманывать меня. Скажи, нашелъ ты на этомъ офицерѣ какія-нибудь бумаги?

— Клянусь честью, нѣтъ.

— А не знаешь, нашелъ ли ихъ Ганъ?

— Клянусь святымъ Госпиціемъ—не знаю.

— Не знаешь? А знаешь ты, гдѣ прячется Ганъ-Исландецъ?

— Онъ нигдѣ не прячется. Онъ всегда бродитъ.

— Хорошо! Но есть же у него какія-нибудь временныя убѣжища?

— У него ихъ столько,—тихо отвѣчалъ старикъ,—сколько рифовъ на островѣ Гиттеренъ, сколько лучей у Сиріуса.

— Я опять повторяю, говори точнѣе. Послушай: ты связанъ какой-то таинственной связью съ этимъ разбойникомъ, и утверждаешь, что ты не сообщникъ его. Но разъ ты его знаешь, ты долженъ знать, куда онъ сейчасъ ушелъ,—а если ты не его сообщникъ, то ты долженъ провести меня къ нему.

Спіагудри не могъ удержать движенія ужаса.

— Провести васъ къ нему! И вы, сударь, такой молодой, полный жизни, хотите сами итти въ пасть этого чудовища, этого демона? Когда Ингіальдъ Четверорукій шелъ сражаться съ великаномъ Никтольмомъ, то у него, по крайней мѣрѣ, было четыре руки.

— Ну, что же,—сказалъ съ улыбкой Орденеръ,—если нужно непремѣнно четыре руки, то вѣдь ты же будешь моимъ проводникомъ.

— Я? вашимъ проводникомъ? Какъ можете вы насмѣхаться надъ старикомъ, который самъ почти нуждается въ проводникѣ?

— Не пытайся обойти меня, старикъ,—сказалъ Орденеръ.— Если это оскверненіе трупа, въ которомъ я согласенъ считать тебя невиновнымъ, подвергаетъ тебя наказанію, какъ святотатца, ты все равно не можешь оставаться здѣсь. Надо, слѣдовательно, бѣжать. Я предлагаю тебѣ свою защиту и помощь, но съ условіемъ, что ты проводишь меня въ убѣжище разбойника. Ты будешь моимъ проводникомъ, я—твоимъ покровителемъ. Скажу больше. Если я найду Гана-Исланца, я приведу его сюда живымъ или мертвымъ. Тогда тебѣ можно будетъ доказать свою невинность, и я обѣщаю вновь устроить тебя на прежнемъ мѣстѣ. А пока вотъ тебѣ больше королевскихъ талеровъ, чѣмъ ты получишь здѣсь въ годъ.

Приберегая кошелекъ къ концу, Орденеръ соблюдалъ въ своихъ аргументахъ постепенность, требуемую здравыми законами логики. Но и сами по себѣ эти аргументы были достаточно вѣски, чтобы заставить Спіагудри задуматься. Онъ началъ съ того, что взялъ деньги.

— Вы правы, благородный господинъ,—сказалъ онъ.—Если я послѣдую за вами, то когда-нибудь я подвергнусь мести страшнаго Гана. Если я останусь, то завтра попаду въ руки палача Оругикса. Какая теперь казнь полагается за святотатство?.. Ну, да

это все равно. Въ обоихъ случаяхъ моя жизнь подвергается опасности. А такъ какъ по вѣрному замѣчанію Сэмонда Сигфуссона, иначе называемаго Мудрымъ: inter duo pericula aequalia minus imminens eligendum est[1]), то я пойду съ вами. Да, сударь, я буду вашимъ проводникомъ. Извольте, однако, помнить, что я сдѣлалъ все отъ меня зависящее, чтобы отклонить васъ отъ вашего смѣлаго плана.

— Хорошо, ты будешь моимъ проводникомъ, старикъ, но помни, я полагаюсь на твою честность.

— О, сударь, честь Спіагудри такъ же чиста, какъ то золото, которымъ вы меня столь милостиво пожаловали.

— И совѣтую ей такой быть до конца! Иначе знай, что сталь моей шпаги въ своемъ родѣ не хуже моего золота. Но гдѣ теперь можетъ быть Ганъ-Исландецъ?

— Въ настоящее время по какому-то распоряженію государственной канцеляріи весь югъ Дронтгмейскаго округа наводненъ королевскими войсками, поэтому Ганъ, вѣроятно, отправился въ Вальдерлонгскую пещеру или къ Сміазенскому озеру. Нашъ путь лежитъ черезъ Сконгенъ.

— Когда ты можешь за мной слѣдовать?

— Послѣ наступающаго дня, когда стемнѣетъ и Спладгестъ запрется, вашъ покорный слуга начнетъ исполнять обязанность вашего проводника, вслѣдствіе чего мертвецы будутъ лишены моихъ заботъ. Въ теченіе дня я найду средство скрыть отъ любопытныхъ глазъ оскверненіе трупа.

— А гдѣ я тебя найду?

— На Дронтгеймской площади, если позволите, около статуи Правосудія, бывшей Фреи. Я надѣюсь, она защититъ меня своей тѣнью въ благодарность за прекраснаго дьявола, котораго я придумалъ помѣстить у ея ногъ...

Спіагудри готовъ былъ воспроизвести словесно все то, что онъ написалъ въ своемъ прошеніи губернатору, если бы Орденеръ не перебилъ его.

— Итакъ, старикъ, нашъ договоръ заключенъ.

Въ это время надъ ними послышалось какъ-будто чье-то рычаніе. Смотритель вздрогнулъ.

— Что это?—спросилъ онъ.

Орденеръ былъ также удивленъ.

— Нѣтъ ли здѣсь еще кого-нибудь живого?—спросилъ онъ.

— Ахъ, да. Вы напомнили мнѣ о моемъ помощникѣ, Оглипиглапѣ,—отвѣчалъ успокоенный предположеніемъ Орденера Спіагудри.—Онъ всегда храпитъ во снѣ. Не даромъ говоритъ епископъ Арнгримъ, что спящій лапландецъ производитъ столько же шума, сколько бодрствующая женщина.

Они подошли къ двери, и Спіагудри отворилъ ее.

— Прощайте, молодой господинъ, да сохранитъ васъ небо,—сказалъ онъ.—До вечера. Если вамъ случится пройти мимо кре-

---

[1]) Изъ равныхъ опасностей надлежитъ избирать наименѣе близкую.

ста святого Госпиція, благоволите помолиться за вашего покорнаго слугу, Бенигнуса Спіагудри.

Съ этими словами Спіагудри поспѣшно затворилъ дверь. Поспѣшность эта объяснилась съ одной стороны боязнью, какъ бы его не замѣтили, съ другой,—необходимостью предохранить лампу отъ предразсвѣтнаго вѣтра. Подойдя къ трупу Гиля, онъ сталъ укладывать голову трупа такъ, чтобы нельзя было увидѣть раны.

Нужно было много причинъ, чтобы заставить робкаго смотрителя принять рискованное предложеніе незнакомца. Причинами этого смѣлаго рѣшенія были: во-первыхъ, страхъ передъ Орденеромъ, во-вторыхъ—страхъ передъ палачомъ Оругиксомъ, въ-третьихъ—старинная ненависть къ Гану-Исландцу, ненависть, въ которой онъ самъ себѣ едва смѣлъ признаваться, до такой степени она была подавлена страхомъ, въ-четвертыхъ—любовь къ наукамъ, для которыхъ его путешествіе могло оказаться полезнымъ, въ-пятыхъ—вѣра въ то, что хитрость поможетъ ему скрыться отъ взоровъ Гана, въ-шестыхъ—особое пристрастіе къ металлу, заключавшемуся въ кошелькѣ молодого человѣка, а по всей вѣроятности, и въ желѣзной шкатулкѣ, похищенной у капитана и назначенной для вдовы Стадтъ. Но эта посылка въ настоящее время врядъ ли могла когда-нибудь дойти по назначенію.

Наконецъ послѣднею причиною была худо ли, хорошо ли обоснованная надежда занять когда-нибудь снова то мѣсто, которое онъ теперь покинулъ. Въ такомъ случаѣ, ему было совершенно все равно, кто кого убьетъ, разбойникъ незнакомца, или незнакомецъ разбойника. Думая объ этомъ, онъ невольно сказалъ вслухъ:

— Во всякомъ случаѣ это дастъ мнѣ лишній трупъ.

Въ это время вновь послышалось рычаніе, и Спіагудри снова задрожалъ.

— Нѣтъ, это не храпѣніе Оглипиглапа,—пробормоталъ онъ.— Этотъ шумъ слышенъ снаружи... Но чего я все пугаюсь,—прибавилъ онъ,—вѣроятно, это какая-нибудь собака залаяла.

И, расположивъ члены трупа такъ, чтобы его изувѣченіе не бросалось въ глаза, онъ заперъ всѣ двери и улегся въ постель, чтобы отдохнуть отъ треволненій этой ночи и набраться силы на будущую.

IX.

Жюльетта.
Когда-нибудь увидимся ли мы?
Ромео.
Увидимся, увѣренъ въ этомъ я,
И будемъ обо всѣхъ своихъ несчастьяхъ
Впослѣдствіи съ улыбкой вспоминать.
Шекспиръ.

Маякъ Мункгольмскаго замка погасъ. Матросъ, входящій въ Дронтгеймскій заливъ, могъ бы видѣть на мѣстѣ его каску часового, блестѣвшую, подобно подвижной звѣздѣ, въ лучахъ заходя-

щаго солнца, когда Шумакеръ, опираясь на руку дочери, спустился по обыкновенію въ садъ, окружающій замокъ. И отецъ и дочь плохо спали этой ночью. Старикъ не спалъ отъ безсонницы, молодой дѣвушкѣ не давали спать сладкія грезы. Нѣсколько времени они гуляли молча. Наконецъ, старый узникъ поднялъ глаза на молодую дѣвушку, и лицо его приняло серіозное и печальное выраженіе.

— Ты краснѣешь и улыбаешься, Этель. Ты счастлива, потому что тебѣ нечего краснѣть за прошлое, и ты улыбаешься будущему.

Этель покраснѣла еще больше и перестала улыбаться.

— Отецъ,—сказала она въ смущеніи,—я взяла съ собою книгу Эдды...

— Ну, что же, почитай, дитя,—сказалъ Шумакеръ, и снова погрузился въ свою обычную задумчивость. И, присѣвъ на сѣрый обломокъ скалы, осѣненной густой и темной зеленью ели, старый узникъ сталъ слушать не столько чтеніе, сколько нѣжный голосокъ дочери; такъ путникъ, утоливши жажду, съ наслажденіемъ прислушивается къ журчанію напоившаго его ручья.

Этель читала исторію пастушки Алланіи, которая отказывала королю до тѣхъ поръ, пока онъ не доказалъ, что онъ воинъ. Принцъ Регнеръ Лодброкъ получилъ руку пастушки, только одержавъ побѣду надъ клипстадурскимъ разбойникомъ, Ингольфомъ-Истребителемъ.

Вдругъ шумъ шаговъ и шуршаніе листьевъ подъ ногами идущаго прервали чтеніе и вывели Шумакера изъ задумчивости. Изъ-за утеса, на которомъ они сидѣли, показался лейтенантъ Алефельдъ. Этель опустила голову, узнавши лейтенанта, который всегда являлся не во время, но тотъ, не смущаясь, началъ:

— Кажется, сударыня, съ вашихъ прелестныхъ устъ только что слетѣло имя Ингольфа-Истребителя. Я его услышалъ и подумалъ, что вы, вѣроятно договорились уже до предка, начавъ говорить о потомкѣ—о Ганѣ-Исландцѣ, внукѣ этого знаменитаго разбойника. Молодыя дѣвушки очень любитъ говорить о разбойникахъ. А про этого Ингольфа и его потомство разсказываютъ чрезвычайно интересныя и страшныя исторіи. Ингольфъ-Истребитель имѣлъ только одного сына, рожденнаго отъ колдуньи Тоарки. У этого сына былъ также одинъ сынъ и тоже отъ колдуньи. И вотъ уже четыре столѣтія этотъ родъ увѣковѣчивается на горе Исландіи и всегда чрезъ одного отпрыска, который, въ свою очередь, производитъ только одну вѣтвь. И такимъ путемъ единственнаго наслѣдованія адскій духъ Ингольфа сохранился въ полной неприкосновенности и до нашихъ дней въ лицѣ Гана-Исландца, который имѣлъ счастье сейчасъ занимать ваши дѣвственныя мысли, сударыня.

Офицеръ остановился на минуту. Этель молчала отъ смущенія; Шумакеръ—отъ скуки. Обрадовавшись, что если ему не отвѣчаютъ, то, по крайней мѣрѣ, слушаютъ, Алефельдъ продолжалъ:

— У этого клипстадурскаго разбойника одна страсть—ненависть къ людямъ, одна забота—побольше имъ вредить.

— Онъ уменъ,—быстро замѣтилъ старикъ.

— Онъ живетъ всегда одинъ,—сказалъ лейтенантъ.

— Онъ счастливъ,—произнесъ Шумакеръ.

Лейтенантъ былъ въ восторгѣ отъ этого двойного отвѣта, который могъ обѣщать начало разговора.

— Да сохранитъ васъ богъ Митра отъ такихъ мудрецовъ и счастливцевъ! Будь проклятъ тотъ злонамѣренный вѣтеръ, который занесъ въ Норвегію послѣдняго демона Исландіи. Впрочемъ, я неправъ, выразившись такъ, потому что Норвегія обязана Ганомъ-Исландцемъ одному епископу. Если вѣрить легендамъ, нѣсколько исландскихъ крестьянъ, найдя въ Бессестедтскихъ горахъ Гана еще ребенкомъ, хотѣли его убить, какъ Астіагъ убилъ бактрійскаго львенка; но епископъ скальгольтскій воспротивился этому и взялъ медвѣжонка подъ свое покровительство, надѣясь сдѣлать изъ дьявола христіанина. Употребивъ тысячу средствъ для развитія этого адскаго ума, епископъ добился только того, что Ганъ въ злодѣйствахъ далеко превзошелъ своихъ предковъ. Добрый епископъ забылъ, что цикута не обратилась въ вавилонскихъ теплицахъ въ лилію. И Ганъ отплатилъ своему воспитателю за его заботы тѣмъ, что въ одну прекрасную ночь бѣжалъ моремъ на стволѣ дерева, освѣтивъ свое бѣгство пожаромъ епископскаго дома. Вотъ какъ разсказываютъ старухи о переселеніи въ Норвегію этого Исландца, изъ котораго воспитаніе сдѣлало только усовершенствованное чудовище. Съ тѣхъ поръ цѣлая тьма преступленій ознаменовала присутствіе этого воплощеннаго Аримана въ Дронтгеймскомъ округѣ. Фарэрскіе рудники были засыпаны и погребли подъ собою триста рудокоповъ, Голенскій утесъ упалъ ночью на пріютившуюся подъ нимъ деревушку, Гальфъ-Броэнскій мостъ провалился, увлекая за собою всѣхъ проходившихъ, Дронтгеймскій соборъ сгорѣлъ, въ бурныя ночи гасли маяки, и кромѣ всего этого множество злодѣяній скрылось въ водахъ озера Спарбо или Сміазена, въ пещерахъ Вальдерога и Риласса, въ ущельяхъ Дофъ-Фіельда. Старухи увѣряютъ, что съ каждымъ новымъ преступленіемъ у Гана прибавляется по волосу въ бородѣ. Въ такомъ случаѣ, его борода должна быть такъ же густа, какъ борода самаго почтеннаго ассирійскаго мага. А между тѣмъ, какъ вамъ, навѣрное, небезызвѣстно, сударыня, губернаторъ не разъ пытался остановить ростъ этой необыкновенной бороды.

Шумакеръ еще разъ прервалъ молчаніе

— И всѣ усилія овладѣть этимъ человѣкомъ,—сказалъ онъ, съ торжествомъ глядя на лейтенанта и иронически улыбаясь,—были напрасны. Поздравляю государственную канцелярію.

Офицеръ не понялъ сарказма бывшаго великаго канцлера.

— Ганъ до сихъ поръ неуловимъ, какъ Горацій Коклесъ. Старые солдаты, молодые милиціонеры, поселяне, горцы—все умираетъ отъ него или бѣжитъ передъ нимъ. Это демонъ, котораго нельзя ни поймать ни избѣжать. Самое лучшее, на что могутъ надѣяться его преслѣдователи,—это не найти его вовсе.

— Васъ, можетъ-быть, удивляетъ, сударыня,—продолжалъ онъ, фамильярно усаживаясь возлѣ Этели, которая поспѣшила подвинуться поближе къ отцу,—что я такъ хорошо освѣдомленъ обо всемъ, что касается этого сверхъестественнаго существа. Я не безъ цѣли собралъ всѣ эти легенды. Мнѣ кажется, я былъ бы счастливъ, если бы и вы раздѣляли мое мнѣніе, что приключенія Гана могли бы послужить содержаніемъ прелестнаго романа въ родѣ превосходныхъ сочиненій госпожи Скюдери, напримѣръ, «Артамены» или «Клеліи». Изъ нея я прочелъ всего еще шесть страницъ, но это не мѣшаетъ мнѣ находить этотъ романъ великимъ произведеніемъ. Можно было бы, напримѣръ, смягчить нашъ климатъ, украсить наши легенды, измѣнить наши варварскія имена. Тогда Дронтгеймъ, который я бы назвалъ «Дуртиніанумъ», увидѣлъ бы свои лѣса превращенными моею магическою палочкою въ прелестныя рощи, орошаемыя тысячью ручейковъ, ужъ, конечно, болѣе поэтичныхъ, чѣмъ наши бурные потоки. Наши черныя, глубокія пещеры уступили бы мѣсто очаровательнымъ гротамъ, выстланнымъ золотистыми камешками и лазурными раковинами. Въ одномъ изъ такихъ гротовъ жилъ бы знаменитый волшебникъ Ганнусъ изъ Туле... вѣдь вы согласны со мною, сударыня, что имя Ганъ-Исландецъ не ласкаетъ слуха? Этотъ гигантъ... вы понимаете, было бы величайшимъ абсурдомъ, если бы герой подобнаго романа, не былъ гигантъ... этотъ гигантъ происходилъ бы по прямой линіи отъ бога Марса,—Ингольфъ-Истребитель ничего не говоритъ воображенію,—и отъ дочери кумской колдуньи-волшебницы Теонны... Не находите ли вы, что имя Тоарки замѣнено чрезвычайно удачно. Гигантъ, воспитанный великимъ волшебникомъ изъ Туле, убѣгаетъ изъ дворца жреца въ колесницѣ, влекомой двумя драконами... Было бы очень глупо оставить, какъ въ легендѣ, какой-то жалкій стволъ дерева. Очутившись подъ небомъ Дуртиніанума, очаровавшись этой чудной страной, Ганнусъ рѣшаетъ сдѣлать ее театромъ своихъ преступленій. Ну, конечно, не легко сдѣлать что-нибудь пріятное для чтенія изъ разбойничьихъ подвиговъ Гана. Но можно было бы смягчить ихъ ужасъ какой-нибудь удачно придуманной любовью. Этотъ гигантъ могъ встрѣтить прекрасную пастушку Альциппу, пасущую своего ягненка въ лѣсу изъ миртъ и оливъ; онъ подпадаетъ подъ власть ея чудныхъ глазъ. Но Альциппа любитъ прекраснаго Лицидаса, офицера гарнизона, стоящаго въ ихъ деревушкѣ. Гигантъ взбѣшенъ счастьемъ офицера, офицеръ—притязаніями гиганта... Вы понимаете, сударыня, сколько очарованія можетъ придать подобный вымыселъ приключеніямъ Ганнуса. Я готовъ поставить свои краковскіе башмаки противъ пары коньковъ, что подобный сюжетъ, обработанный госпожою Скюдери, свелъ бы съ ума всѣхъ дамъ въ Копенгагенѣ.

Эти слова вывели Шумакера изъ мрачной задумчивости, которая не покидала его во все время, пока лейтенантъ такъ напрасно изощрялся въ остроуміи.

— Копенгагенъ!—быстро проговорилъ онъ.—Нѣтъ ли чего-нибудь новаго въ Копенгагенѣ?

— Насколько мнѣ извѣстно, ничего,—отвѣчалъ лейтенантъ,—кромѣ согласія, даннаго королемъ на важный бракъ, который занимаетъ въ данную минуту оба королевства.

— Что?—вскричалъ Шумакеръ.—Какой бракъ?

Приготовленный отвѣтъ замеръ на устахъ лейтенанта. Къ бесѣдовавшимъ кто-то подходилъ. Всѣ подняли глаза на новоприбывшаго.

Мрачное лицо узника прояснилось, веселая физіономія лейтенанта стала серьезна, и хорошенькое личико Этели, блѣдное и смущенное въ продолженіе длиннаго монолога офицера, освѣтилось живой радостью, а ея прелестная улыбка встрѣтила новоприбывшаго. Это былъ Орденеръ. Старикъ, молодая дѣвушка и офицеръ оказались въ довольно странномъ положеніи. У каждаго была общая тайна съ Орденеромъ. Поэтому, очутившись вмѣстѣ, они чувствовали себя неловко. Возвращеніе Орденера въ замокъ не удивило ни Шумакера ни Этели, которые его ждали, но оно изумило лейтенанта; съ своей стороны, Орденеръ былъ чрезвычайно удивленъ его присутствіемъ. Онъ не опасался какой-нибудь нескромности со стороны офицера по поводу вчерашней сцены, такъ какъ законъ чести предписывалъ тому соблюдать тайну, но ему странно было видѣть лейтенанта мирно бесѣдующимъ съ узниками. Всѣмъ четверымъ не о чемъ было говорить вмѣстѣ, потому, быть-можетъ, что имъ многое надо было сказать другъ другу наединѣ. И Орденеръ былъ встрѣченъ общимъ молчаніемъ.

Лейтенантъ первый нарушилъ его.

— Клянусь шлейфомъ королевской мантіи,—воскликнулъ онъ, разражаясь смѣхомъ,—наше молчаніе напоминаетъ мнѣ молчаніе галльскихъ сенаторовъ, когда римлянинъ Бреннъ... по чести, я уже успѣлъ позабыть, кто тамъ былъ римлянинъ, кто галлы, ну, да это все равно! Вы, можетъ-быть, поможете мнѣ сообщить этому почтенному старцу, нѣтъ ли чего-нибудь новенькаго? Передъ вашимъ приходомъ я только что началъ говорить о бракѣ, который занимаетъ теперь мидянъ и персовъ?

— О какомъ бракѣ?—спросили одновременно Шумакеръ и Орденеръ.

— По покрою вашего платья, сударь,—вскричалъ лейтенантъ,—я сразу подумалъ, что вы явились точно съ какой-то другой планеты, а теперь вашъ вопросъ превращаетъ мою догадку въ увѣренность. По всей вѣроятности, вы прибыли вчера съ береговъ Ниддера въ волшебной колесницѣ, запряженной двумя крылатыми грифами. Иначе вы не могли бы проѣхать по Норвегіи, не услыхавъ ничего о бракѣ сына вице-короля съ дочерью великаго канцлера.

Шумакеръ повернулся къ лейтенанту.

— Что такое? Орденеръ Гульденлью женится на Ульрикѣ Алефельдъ?

— Совершенно вѣрно, — отвѣтилъ офицеръ.—И бракъ этотъ совершится ранѣе, нежели въ Копенгагенѣ пройдетъ мода на французскія фижмы.

— Сыну Фридриха должно быть теперь около двадцати двухъ лѣтъ. Я уже цѣлый годъ пробылъ въ Копенгагенской крѣпости, когда до меня дошелъ слухъ о его рожденіи. Пусть онъ женится молодымъ,—продолжалъ старикъ съ горькой улыбкой, тогда, по крайней мѣрѣ, въ часъ немилости его не упрекнутъ въ томъ, что онъ надѣялся на кардинальскую шапку.

Старый временщикъ намекалъ на свои собственныя несчастья, но лейтенантъ не понялъ намека.

— Ну, что вы,—смѣясь сказалъ онъ,—баронъ Торвикъ получитъ титулъ графа, орденъ Слона и полковничьи эполеты, что вовсе не вяжется съ кардинальской шапкой.

— Тѣмъ лучше,—отвѣчалъ Шумакеръ.

Потомъ, послѣ небольшой паузы, онъ прибавилъ, покачивая головою, какъ будто видя предъ собой свое мщеніе:

— Когда-нибудь, быть-можетъ, съ него сорвутъ почетный орденъ, разобьютъ у него на лбу графскую корону и будутъ бить его по щекамъ полковничьими эполетами.

Орденеръ схватилъ старика за руку.

— Ради вашей ненависти не проклинайте счастье врага, не зная еще, счастье ли оно для него.

— Ну,—проговорилъ лейтенантъ,—что значатъ для барона Торвика проклятія этого старика?

— Сударь!—воскликнулъ Орденеръ,—они значатъ для него болѣе, чѣмъ вы думаете... Быть-можетъ. И, кромѣ того,—продолжалъ онъ послѣ небольшого молчанія,—этотъ бракъ не такъ вѣроятенъ, какъ вы полагаете.

— Fiat quod vis[1]),—возразилъ лейтенантъ съ ироническимъ поклономъ:—король, вице-король и великій канцлеръ—всѣ на сторонѣ этого брака, они желаютъ его, стремятся къ нему... Но разъ это не нравится господину иностранцу, то что могутъ значить король, вице-король и великій канцлеръ.

— Вы, быть-можетъ, сами не знаете, насколько вы въ этомъ правы,—серьезно сказалъ Орденеръ.

— О! честное слово, это забавно!—вскричалъ лейтенантъ, откидываясь на спину и разражаясь смѣхомъ. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы баронъ Торвикъ былъ здѣсь и слышалъ пророка, такъ смѣло рѣшающаго его судьбу. Мой ученый пророкъ, вѣрьте мнѣ, у васъ еще слишкомъ мала борода для того, чтобы вы могли быть хорошимъ предсказателемъ.

— Сударь,—холодно отвѣтилъ Орденеръ,—я не думаю, чтобъ Орденеръ Гульденлью могъ жениться на женщинѣ, не любя ея.

— А, такъ вотъ въ чемъ дѣло? А кто вамъ сказалъ, что онъ не любитъ Ульрики Алефельдъ?

— Я васъ спрошу, въ свою очередь: кто сказалъ вамъ, что онъ ее любитъ?

Въ пылу разговора, какъ это часто случается, лейтенантъ началъ утверждать то, чего не зналъ навѣрное.

---

[1]) Да будетъ по желанію твоему.

— Кто мнѣ это сказалъ? Вотъ забавный вопросъ! Да весь свѣтъ знаетъ, что этотъ бракъ не только блестящая партія, но и бракъ по страсти.

— Весь свѣтъ, исключая меня,—серьезно сказалъ Орденеръ.

— Исключая васъ, можетъ-быть. Но вы не можете помѣшать тому, чтобы сынъ вице-короля былъ влюбленъ въ дочь великаго канцлера.

— Влюбленъ?!

— Безумно!

— Надо дѣйствительно быть безумнымъ, чтобы въ нее влюбиться.

— Не забывайте, о комъ и съ кѣмъ вы говорите. Какъ будто бы сынъ вице-короля не можетъ влюбиться, не посовѣтовавшись съ такимъ грубіяномъ.

И съ этими словами офицеръ поднялся съ мѣста. Въ глазахъ Орденера мелькнула молнія. Этель бросилась къ нему.

— О!—сказала она,—ради Бога успокойтесь. Не слушайте этихъ оскорбленій. Какое дѣло намъ до того, что сынъ вице-короля любитъ дочь канцлера.

Нѣжная ручка, съ лаской коснувшаяся груди молодого человѣка, укротила клокотавшую тамъ бурю. Загорѣвшійся нѣжностью взглядъ Орденера остановился на молодой дѣвушкѣ, и онъ уже не слыхалъ словъ лейтенанта, къ которому вернулось его веселое настроеніе.

— Сударыня,—говорилъ тотъ,—вы съ невыразимой граціей выполнили роль сабинскихъ дамъ между ихъ отцами и мужьями. Я былъ несдержанъ. Я забылъ,—продолжалъ онъ,—что между нами существуетъ братская связь, и что мы не можемъ больше раздражать другъ друга. Вашу руку, кавалеръ. Но согласитесь, вѣдь и вы забыли, что говорили о сынѣ вице-короля его будущему зятю, лейтенанту Алефельду...

При этомъ имени Шумакеръ, который до сихъ поръ слѣдилъ за всѣмъ происходившимъ съ видомъ равнодушнаго нетерпѣнія, быстро поднялся съ своего каменнаго сидѣнья.

— Алефельдъ!—внѣ себя закричалъ онъ.—Одинъ изъ Алефельдовъ здѣсь передо мной! Змѣя! Какъ я не узналъ въ сынѣ его отвратительнаго отца! Оставьте меня въ покоѣ въ моей тюрьмѣ! Я не приговоренъ къ пыткѣ—смотрѣть на васъ. Недостаетъ только, какъ онъ только что осмѣливался желать, чтобы рядомъ съ сыномъ Алефельда стоялъ сынъ Гульденлью! Измѣнники! Негодяи! Отчего же они сами не идутъ любоваться слезами моего безсильнаго бѣшенства! О, проклятая порода! Уйди отъ меня, сынъ Алефельда!

Офицеръ, сначала ошеломленный рѣзкостью этихъ проклятій, нашелъ, наконецъ, слова для выраженія своего гнѣва.

— Замолчи, старый безумецъ! Кончишь ли ты свою чортову обѣдню?

— Уйди отъ меня! Уйди!—кричалъ старикъ,—и унеси съ собою мое проклятіе тебѣ и презрѣнному роду Гульденлью, который скоро породнится съ твоимъ.

— Какъ?—воскликнулъ офицеръ въ бѣшенствѣ —ты наносишь мнѣ двойное оскорбленіе!

Лейтенантъ былъ внѣ себя. Орденеръ остановилъ его.

— Умѣйте уважать старика въ своемъ врагѣ, лейтенантъ. У насъ съ вами есть уже счеты, я берусь удовлетворить васъ и за эти оскорбленія.

— Хорошо,—сказалъ лейтенантъ,—но помните, что это двойной долгъ, и мы будемъ драться на-смерть, такъ какъ я мщу за себя и за своего будущаго зятя. Знайте, съ моей перчаткой вы поднимаете и перчатку Орденера Гульденлью.

— Лейтенантъ Алефельдъ,—отвѣчалъ Орденеръ,—принимая такъ близко къ сердцу интересы отсутствующихъ, вы доказываете этимъ свое великодушіе. Не позволитъ ли вамъ оно сжалиться надъ старикомъ, несчастье котораго даетъ ему право быть несправедливымъ?

Алефельдъ былъ изъ тѣхъ людей, у которыхъ добродѣтель пробуждается съ похвалою. Онъ пожалъ руку Орденеру и подошелъ къ Шумакеру, который, уже уставъ отъ своей вспышки, упалъ въ объятія плачущей Этели.

— Господинъ Шумакеръ,—сказалъ офицеръ,—вы злоупотребили своею старостью, а я, быть-можетъ, злоупотребилъ бы своей молодостью, если бы у васъ не нашлось защитника. Сегодня я вошелъ въ вашу тюрьму въ послѣдній разъ съ тѣмъ, чтобы сообщить вамъ, что отнынѣ вы можете пользоваться, по особому приказанію вице-короля, полной свободой въ предѣлахъ замка. Примите эту пріятную новость изъ устъ врага.

— Уйдите,—произнесъ старикъ глухимъ голосомъ.

Лейтенантъ раскланялся и удалился, внутренно удовлетворенный одобрительнымъ взглядомъ, которымъ проводилъ его Орденеръ.

Нѣсколько минутъ Шумакеръ сидѣлъ молча, скрестивъ на груди руки и опустивъ голову. Потомъ онъ взглянулъ на Орденера, такъ же молча стоявшаго передъ нимъ.

— Ну?—сказалъ онъ.

— Графъ, Диспольсенъ убитъ.

Голова старика вновь упала на грудь. Орденеръ продолжалъ:

— Его убійца—знаменитый разбойникъ Ганъ-Исландецъ.

— Ганъ-Исландецъ!—вскричали одновременно Шумакеръ и Этель.

— Онъ ограбилъ капитана,—продолжалъ Орденеръ.

— И вы ничего не слыхали о желѣзной шкатулкѣ, запечатанной гербовой печатью Гриффенфельдовъ?

— Нѣтъ, сударь.

Шумакеръ уронилъ голову на руки.

— Я вамъ возвращу ее, графъ, довѣрьтесь мнѣ. Убійство было совершено вчера утромъ. Ганъ убѣжалъ къ сѣверу. У меня есть проводникъ, которому извѣстны его убѣжища. Я часто проходилъ по горамъ Дронтгеймскаго округа, и убійцу я отыщу.

Этель поблѣднѣла. Шумакеръ всталъ. Радость засвѣтилась въ его взорѣ, какъ будто онъ повѣрилъ снова, что еще есть добродѣтель въ людяхъ.

— Благородный Орденеръ,—сказалъ онъ,—прощайте!

И, поднявъ руку къ небу, онъ исчезъ между кустарниками. Орденеръ вернулся къ Этели. Она сидѣла на потемнѣвшемъ отъ мха утесѣ, вся блѣдная, какъ алебастровая статуя на черномъ пьедесталѣ.

— Боже! что съ вами, Этель?—вскричалъ онъ, бросаясь къ ней и поддерживая ее,—что съ вами?

— О!—произнесла, вся дрожа, едва слышнымъ голосомъ молодая дѣвушка:—если въ васъ есть хоть капля не любви, но хоть жалости ко мнѣ, если вы вчера не забавлялись, говоря со мною, если вы пришли сюда не для того, чтобы убить меня, о, Орденеръ, мой Орденеръ, откажитесь, ради Бога, ради всего святого, откажитесь отъ своего безумнаго предпріятія! О, Орденеръ, о, мой возлюбленный,—продолжала она, и слезы покатились изъ ея глазъ, и головка ея склонилась на грудь Орденера,—принеси мнѣ эту жертву. Не преслѣдуй этого разбойника, этого ужаснаго демона. Съ какой стати тебѣ преслѣдовать его? Скажи, что можетъ быть тебѣ дороже спокойствія несчастной, которую вчера ты назвалъ своей.

Рыданія не дали ей продолжать. Обѣими руками она обняла Орденера за шею и не сводила съ него умоляющихъ глазъ.

— Этель, дорогая моя, повѣрьте, ваши тревоги напрасны: доброму дѣлу помогаетъ Богъ. Знайте, что дѣло, на которое я иду, ваше дѣло. Въ этой желѣзной шкатулкѣ..

Этель прервала его.

— Мое дѣло! Но мнѣ ни до чего нѣтъ дѣла, кромѣ тебя, Орденеръ! А если ты умрешь, что станется со мною?

— Почему ты думаешь, что я непремѣнно умру?

— Ахъ! ты не знаешь этого Гана, этого ужаснаго разбойника! Знаешь ли ты, къ какому чудовищу ты идешь? Знаешь ли ты, что онъ можетъ повелѣвать бурями, что онъ сбрасываетъ утесы на деревни, что по его волѣ рушатся своды подземныхъ пещеръ, что его дыханье гаситъ маяки на скалахъ. И ты думаешь, Орденеръ, что ты въ состояніи противостоять этому гиганту, которому помогаютъ демоны, ты, съ твоими бѣлыми руками и хрупкой шпагой.

— А ваши молитвы, Этель, а мысль, что я сражаюсь за васъ? Увѣряю тебя, Этель, тебѣ сильно преувеличили силу и могущество этого разбойника. Это такой же человѣкъ, какъ и мы, который будетъ убивать другихъ только до тѣхъ поръ, пока самъ не падетъ мертвымъ.

— Ты не хочешь меня слушать! Развѣ мои слова ничего для тебя не значатъ? Что будетъ со мной, если ты уѣдешь, если ты станешь переходить отъ опасности къ опасности, рискуя, невѣдомо изъ-за какихъ земныхъ интересовъ, своею жизнью, которая принадлежитъ мнѣ.

Здѣсь, подъ вліяніемъ ея любви, разсказы лейтенанта снова встали въ ея воображеніи, но еще страшнѣе, еще ужаснѣе. Она продолжала голосомъ, поминутно прерываемымъ рыданіями:

— Увѣряю тебя, Орденеръ, они обманываютъ тебя, говоря, что онъ только человѣкъ и ничего больше. Ты долженъ больше вѣрить мнѣ, чѣмъ имъ: вѣдь ты знаешь, я не стану тебя обманывать. Тысячу разъ пытались съ нимъ бороться, но онъ разбивалъ цѣлые батальоны. Мнѣ бы хотѣлось только, чтобы другіе подтвердили тебѣ это. Ты бы повѣрилъ и не пошелъ.

Просьбы молодой дѣвушки, можетъ-быть, и поколебали бы Орденера, если бы онъ не далъ уже слова. Слова, вырвавшіяся наканунѣ въ порывѣ отчаянія у Шумакера, пришли ему на память и укрѣпили его въ его намѣреніи.

— Я могъ бы, дорогая Этель, сказать вамъ, что не пойду, и все-таки исполнить свое намѣреніе. Но я никогда не буду васъ обманывать, даже для того, чтобы васъ успокоить. Ваши слезы, повторяю, не должны смущать меня, когда дѣло идетъ о вашей судьбѣ, состояніи, счастьѣ, можетъ-быть, о жизни, о твоей жизни, моя дорогая.

И онъ крѣпко сжалъ ее въ объятіяхъ.

— Но что мнѣ за дѣло до всего этого?—возразила она плача.— Другъ мой, мой Орденеръ, радость моя, вѣдь ты знаешь, что ты вся моя радость, не причиняй же мнѣ ужаснаго и несомнѣннаго несчастья, желая избавить меня отъ несчастья небольшого и сомнительнаго. Что значитъ для меня мое состояніе, моя жизнь?

— Дѣло идетъ, Этель, и о жизни твоего отца.

Она вырвалась изъ объятій Орденера.

— Отца!—повторила она глухо, вся поблѣднѣвъ.

— Да, Этель. Этотъ разбойникъ, подученный, по всей вѣроятности, врагами графа Гриффенфельда, захватилъ компрометирующія твоего отца бумаги, а положеніе его и безъ того печально. Я хочу возвратить ему эти бумаги вмѣстѣ съ жизнью.

Этель стояла блѣдная и нѣмая. Ее слезы изсякли, грудь дышала тяжело и неровно. Она равнодушно смотрѣла въ землю взглядомъ человѣка, приговореннаго къ смерти, надъ которымъ уже занесенъ топоръ палача.

— О жизни отца,—прошептала она и медленно подняла глаза на Орденера.

Орденеръ привлекъ ее къ себѣ.

— О, благородная дѣвушка! Поди ко мнѣ, дай мнѣ почувствовать біеніе твоего великодушнаго сердца. Я скоро возвращусь, Этель. Иди, ты будешь моею. Я хочу быть спасителемъ твоего отца, чтобы заслужить счастье быть его сыномъ. О, моя Этель, моя возлюбленная!

Можно ли описать, что происходитъ въ благородномъ сердцѣ человѣка, почувствовавшаго себя понятымъ другимъ благороднымъ сердцемъ. И если два подобныя сердца соединены неразрывными цѣпями любви, кто можетъ описать эти невыразимыя радости? Въ подобныя минуты человѣкъ испытываетъ въ одно мгновеніе все

радости, все счастье жизни, которому жертва придаетъ лишь новое очарованіе.

— О, мой Орденеръ, иди! Но если ты не вернешься, печаль убьетъ меня, и мысль о смерти будетъ служить для меня утѣшеніемъ.

Они встали и рука-объ-руку молча пошли чрезъ мрачныя аллеи темнаго сада къ башнѣ, служившей выходомъ. Тамъ Этель вынула изъ-за корсажа маленькія золотыя ножницы и отрѣзала локонъ своихъ чудныхъ черныхъ волосъ.

— Возьми этотъ локонъ, Орденеръ, пусть онъ будетъ счастливѣе меня.

Орденеръ благоговѣйно поднесъ къ губамъ этотъ подарокъ своей возлюбленной.

— Орденеръ,—продолжала Этель,—думай обо мнѣ. Я буду за тебя молиться. Можетъ-быть, моя молитва будетъ такъ же сильна передъ Богомъ, какъ твое оружіе передъ демономъ.

Орденеръ невольно склонился передъ этимъ ангеломъ. Его душа была слишкомъ переполнена, чтобы онъ могъ говорить.

Нѣсколько минутъ они стояли молча, прижавшись другъ къ другу. Въ эту последнюю минуту прощанія передъ вѣчной, быть-можетъ, разлукой, Орденеръ наслаждался въ послѣдній разъ возможностью прижать къ сердцу свою Этель. Потомъ, напечатлѣвъ на блѣдномъ лбу молодой дѣвушки цѣломудренный и долгій поцѣлуй, онъ скрылся подъ темнымъ сводомъ винтовой лѣстницы, одинъ изъ поворотовъ которой донесъ до него вскорѣ послѣднее мрачное и нѣжное «прости».

X.

> Ты не повѣришь, что она несчастна. Все, что окружаетъ ее, говоритъ о счастьѣ. Она носитъ золотыя ожерелья и пурпурныя платья, при ея приходѣ ее встрѣчаетъ поклонами толпа вассаловъ, послушные пажи разстилаютъ ковры подъ ея ногами... Но никто не видитъ ее въ ея убѣжищѣ. Тамъ она плачетъ, и мужъ не слышитъ ея рыданій. Эта несчастная—я, жена уважаемаго человѣка и мать сына, улыбки котораго рвутъ мнѣ сердце, какъ кинжалы.
>
> *Матюренъ.—„Бертрамъ“.*

Графиня Алефельдъ встала съ постели послѣ безсонной ночи и прилегла на софу. Она задумалась о томъ горькомъ осадкѣ, который оставляютъ послѣ себя нѣкоторыя наслажденія, о преступленіи, которое точитъ жизнь радостями безъ счастья, горемъ безъ утѣшенія. Она думала о Мусдэмонѣ, объ этомъ человѣкѣ, который когда-то казался ей такимъ обворожительнымъ, а теперь, когда она узнала не только его тѣло, но и душу, былъ ей такъ ужасенъ и противенъ. Графиня плакала, но не о томъ, что была обманута, а лишь о томъ, что этотъ обманъ безвозвратно разсѣялся. То не

были слезы раскаянія, а только слезы сожалѣнія, и потому онѣ не облегчили ея сердца... Вдругъ дверь отворилась. Графиня поспѣшно вытерла глаза и въ раздраженіи обернулась къ вошедшему, такъ какъ приказала не безпокоить себя, но гнѣвъ ея уступилъ мѣсто ужасу, когда она увидѣла Мусдэмона. Однако скоро она нѣсколько успокоилась, такъ какъ вслѣдъ за Мусдэмономъ вошелъ сынъ ея Фридрихъ.

— Матушка! — вскричалъ лейтенантъ, — какимъ образомъ вы здѣсь? Я думалъ вы въ Бергенѣ. Развѣ наши дамы снова возвратились къ прежней модѣ на путешествія?

Графиня встрѣтила сына жаркими поцѣлуями, но лейтенантъ, какъ всѣ балованныя дѣти, отвѣчалъ на нихъ довольно холодно. Можетъ-быть, эта холодность сына была самымъ чувствительнымъ наказаніемъ для несчастной. Фридрихъ былъ ея любимцемъ, единственнымъ существомъ, къ которому она сохранила безкорыстную привязанность; въ порочной женщинѣ часто исчезаетъ супруга, но мать нерѣдко остается.

— Я очень рада, что, узнавъ о моемъ пріѣздѣ въ Дронтгеймъ, ты тотчасъ же явился сюда, Фридрихъ,—сказала она.

— О, вѣдь я не зналъ, что вы здѣсь. Мнѣ просто надоѣло сидѣть въ крѣпости, и я поѣхалъ въ городъ развлечься, но встрѣтилъ Мусдэмона, и онъ привелъ меня сюда.

Бѣдная мать только вздохнула.

— Кстати,—продолжалъ Фридрихъ,—я очень радъ васъ видѣть. Вы, по крайней мѣрѣ, скажете мнѣ, не вышли ли изъ моды банты изъ розовыхъ лентъ внизу камзола. Надѣюсь, вы привезли мнѣ флаконъ масла юности, которое я употребляю для бѣлизны кожи? Вы, вѣроятно, не забыли захватить новый романъ, переведенный въ Копенгагенѣ, а также и золотые галуны, которые я просилъ васъ купить для моего краснаго кафтана? И потомъ еще, привезли вы эти гребешки, которые теперь носятъ подъ прической, чтобы лучше держались букли?..

Но графиня ничего не привезла сыну, кромѣ своей единственной любви.

— Я была больна, Фридрихъ,—проговорила она.—Болѣзнь помѣшала мнѣ подумать о вашихъ удовольствіяхъ.

— Ахъ, вы были больны. Но теперь вамъ лучше, надѣюсь? Ну, какъ поживаютъ мои нормандскія собаки? Держу пари, что безъ меня никто не купалъ каждый день въ розовой водѣ мою обезьяну, а ужъ попугай, навѣрно, околѣлъ. Вѣдь безъ меня никто не подумаетъ о моихъ животныхъ.

— Но зато ваша мать все время думаетъ о васъ,—проговорила графиня измѣнившимся голосомъ.

Самъ ангелъ-истребитель, которому поручено будетъ въ послѣдній часъ ввергнуть въ геенну грѣшныя души, сжалился бы въ эту минуту надъ мученіями сердца матери. Мусдэмонъ смѣялся, стоя въ углу комнаты.

— А стальная шпага не заржавѣла въ желѣзныхъ ножнахъ, господинъ лейтенантъ,—сказалъ онъ.—Вы и въ Мункгольмскихъ

башняхъ не забыли здравыхъ обычаевъ копенгагенскихъ гостиныхъ. Но скажите на милость, къ чему всѣ эти масла юности, бантики, гребешки и прочія осадныя орудія, когда единственная женская крѣпость, которую заключаютъ въ себѣ башни Мункгольма, недоступна.

— Дѣйствительно, недоступна,—со смѣхомъ вскричалъ Фридрихъ.—Право, тутъ самъ генералъ Шаккъ ничего бы не подѣлалъ. Какъ захватить крѣпость, гдѣ все закрыто? Что можно сдѣлать съ лифомъ до самаго горла и съ рукавами чуть не до самыхъ пальцевъ? Только по рукамъ да по лицу и можно судить, что молодая особа не черна, какъ эѳіопскій царь. Нѣтъ, когда крѣпость занята гарнизономъ Стыдливости, она неодолима!

— Неужели!—вскричалъ Мусдэмонъ.—А развѣ нельзя принудить Стыдливость капитулировать? Стоитъ только повести на приступъ Любовь, вмѣсто того, чтобы ограничиваться блокадой Ухаживанья.

— Напрасный трудъ. Любовь уже проникла въ крѣпость и служитъ только подкрѣпленіемъ Стыдливости.

— А, вотъ это новость! Любовь къ вамъ?

— Кто вамъ сказалъ, что ко мнѣ?

— Но къ кому же?—вскричали въ одинъ голосъ Мусдэмонъ и графиня.

До сихъ поръ графиня молчала, но слова сына напомнили ей объ Орденерѣ.

Лейтенантъ совсѣмъ уже собрался описать позабавнѣе ночную сцену въ галлереѣ замка, но тотчасъ же вспомнилъ о молчаніи, предписанномъ закономъ чести. Его веселость смѣнилась смущеніемъ.

— А почемъ я знаю, къ кому? — проговорилъ онъ.—Какой-то грубіянъ, вассалъ, вѣроятно.

— Кто-нибудь изъ солдатъ гарнизона!—вскричалъ со смѣхомъ Мусдэмонъ.

— Такъ ты увѣренъ, что она любитъ крестьянина-вассала?—съ своей стороны, вскричала графиня. — Какъ бы было хорошо, если бъ это было такъ.

— Ну, разумѣется, такъ. Это вовсе не солдатъ,—прибавилъ лейтенантъ, нѣсколько уязвленный предположеніемъ Мусдэмона,—но... тѣмъ не менѣе, я вполнѣ увѣренъ въ томъ, что говорю, и потому прошу васъ, матушка, нельзя ли сократить мое безполезное пребываніе въ этомъ проклятомъ замкѣ.

Лицо графини прояснилось при извѣстіи о паденіи молодой дѣвушки. Поспѣшность, съ которой Орденеръ Гульденлью отправился въ Мункгольмъ, представилась теперь ей совсѣмъ въ иномъ освѣщеніи. Она приписала это желанію Орденера познакомиться съ ея сыномъ.

— Ты намъ сейчасъ разскажешь, что за любовь завелась у этой Этели. Впрочемъ, тутъ нечему удивляться. Дочери такого человѣка только и пристало любить какого-нибудь проходимца. Но зачѣмъ же ты проклинаешь этотъ замокъ, разъ въ немъ ты

имѣлъ честь видѣть одно лицо, которое пожелало первое сдѣлать тебѣ визитъ.

— Что вы говорите, матушка?—съ удивленіемъ спросилъ Фридрихъ.—Какое лицо? Какой визитъ?

— Безъ шутокъ, Фридрихъ! Развѣ у тебя вчера никого не было? Какъ видишь, я все отлично знаю.

— Даже лучше, чѣмъ я, матушка! Чортъ побери, если я вчера видѣлъ какія-нибудь лица, кромѣ тѣхъ, что украшаютъ карнизы старыхъ башенъ Мункгольма.

— Какъ, ты никого не видѣлъ?

— Никого, матушка, честное слово.

Не упоминая о своемъ вчерашнемъ противникѣ, лейтенантъ повиновался закону молчанія. Да и могъ ли, впрочемъ, считаться за кого-нибудь этотъ бродяга?

— Какъ, развѣ сынъ вице-короля не былъ вчера въ Мункгольмѣ?—вскричала графиня.

Лейтенантъ расхохотался.

— Сынъ вице-короля! Ну, матушка, вы или бредите или смѣетесь.

— Ни то, ни другое! Кто вчера былъ дежурнымъ?

— Я самъ, матушка.

— И ты не видѣлъ барона Орденера?

— И не думалъ.

— Но подумай. Онъ могъ войти инкогнито. Вѣдь ты никогда не видѣлъ его, такъ какъ ты воспитывался въ Копенгагенѣ, а онъ въ Дронтгеймѣ. Подумай, что говорятъ о его причудахъ, о его странностяхъ. Увѣренъ ли ты, что никого не видѣлъ?

Фридрихъ съ минуту колебался.

— Нѣтъ, никого!—вскричалъ онъ, наконецъ.—Я не могу сказать иначе.

— Въ такомъ случаѣ,—сказала графиня,—баронъ не ѣздилъ въ Мункгольмъ...

Мусдэмонъ, слушавшій внимательно весь разговоръ, перебилъ графиню.

— Позвольте, сударыня! Не будете ли вы такъ добры, лейтенантъ, не припомните ли имени этого вассала, котораго любитъ дочь Шумакера?

Ему пришлось повторить вопросъ: Фридрихъ какъ будто задумался и не слушалъ словъ Мусдэмона.

— Не знаю... Или... нѣтъ, не знаю,—отвѣчалъ лейтенантъ.

— А какимъ образомъ вы узнали, что она любила вассала?

— Вассала?.. Развѣ я сказалъ вассала? Ну, да, конечно, вассала!—Лейтенантъ оказался въ довольно затруднительномъ положеніи. Этотъ допросъ и тѣ мысли, которыя онъ возбуждалъ въ немъ, съ одной стороны, съ другой,—обязанность хранить молчаніе, повергли его въ смущеніе, съ которымъ онъ боялся не совладать.

— Право, Мусдэмонъ, и вы, матушка,—сказалъ онъ, наконецъ,—если допросы теперь въ модѣ, то ужъ допрашивайте другъ

друга, а меня оставьте въ покоѣ. Мнѣ, право, нечего вамъ сказать.

И, отворивъ дверь, онъ быстро вышелъ изъ комнаты, оставивъ мать и Мусдэмона передъ цѣлой стѣной догадокъ и умозаключеній. Мусдэмонъ что-то крикнулъ ему вслѣдъ, какъ будто позвалъ его, но тотъ не слушая сбѣжалъ съ лѣстницы, сѣлъ верхомъ и поѣхалъ къ порту. Онъ рѣшилъ вернуться въ Мункгольмъ, думая застать тамъ этого незнакомца, который сумѣлъ-таки заставить задуматься эту легкомысленнѣйшую голову.

«Если это былъ Орденеръ Гульденлью,—думалъ лейтенантъ,— то моя бѣдная Ульрика... Но нѣтъ. Вѣдь не сумасшедшій онъ въ самомъ дѣлѣ, чтобы промѣнять богатую дѣвушку, дочь всемогущаго министра на дочь нищаго узника. Во всякомъ случаѣ, дочь Шумакера можетъ быть только прихотью. Ничто не мѣшаетъ, имѣя жену, имѣть и любовницу. Это даже принято. Но нѣтъ, это не Орденеръ. Сынъ вице-короля не надѣнетъ стараго камзола. А это перо безъ застежки, намокшее отъ дождя, растрепанное вѣтромъ! А плащъ, изъ котораго можно сдѣлать цѣлую палатку. И волосы тоже не завиты, не причесаны какъ слѣдуетъ. Шпоры тоже желѣзныя, сапоги въ пыли, въ грязи. Нѣтъ, это не онъ. Потомъ еще баронъ Торвикъ кавалеръ Данеброга, а у этого нѣтъ никакихъ орденовъ. Будь у меня орденъ, я бы, кажется, спалъ съ нимъ. О, нѣтъ, онъ даже *Клеліи* не читалъ. Ну, какой же это сынъ вице-короля!»

XI.

Человѣкъ, который, имѣя опытъ, еще сохранилъ жаръ души, человѣкъ, воспользовавшійся жизнью, но не склонившійся подъ бременемъ годовъ, не можетъ оскорбить пылкой добродѣтели, первѣйшій законъ которой—самопожертвованіе.

Г-жа Сталь.—„О Германіи“.

— Ахъ, это вы, Поэль? Что вамъ нужно?

— Вы изволили меня звать, ваше превосходительство.

— Да?.. А, вѣрно, вѣрно, подайте-ка мнѣ эту папку.

Поэль подалъ губернатору папку, которую тотъ могъ взять самъ, стоило только протянуть руку.

Генералъ машинально переложилъ папку, даже не открывъ ея, и началъ разсѣянно перебирать бумаги.

— Ахъ, да,—сказалъ онъ.—Я хотѣлъ васъ спросить, который часъ?

— Шесть часовъ утра, — отвѣчалъ слуга, взглянувъ на часы, стоявшіе какъ разъ противъ генерала.

— Я еще хотѣлъ спросить... что новаго во дворцѣ?

— Ничего, ваше превосходительство. Все еще ждутъ моего господина, о которомъ вы, кажется, изволите безпокоиться.

— Напрасно вамъ это кажется! Я? Безпокоюсь? Но я знаю, зачѣмъ онъ уѣхалъ, и еще не жду его.

Генералъ такъ дорожилъ своимъ авторитетомъ, что этотъ авторитетъ казался ему поколебленнымъ, разъ подчиненный могъ угадать его тайную мысль и подумать, что Орденеръ дѣйствовалъ безъ его приказанія.

— Ну, ступайте, Поэль,—сказалъ онъ.

Слуга вышелъ.

— Нѣтъ, это невозможно!—вскричалъ генералъ, оставшись одинъ.—Орденеръ злоупотребляетъ моею снисходительностью. Нельзя слишкомъ сильно гнуть клинокъ, онъ можетъ и сломаться. Подвергать меня сарказмамъ этой графини, догадкамъ слугъ! И все изъ-за того, чтобы старый врагъ получилъ первымъ тѣ привѣтствія, на которыя имѣетъ право старый другъ. Ну, помни, Орденеръ, твои причуды погубятъ твою свободу. Приди онъ только... Чортъ меня возьми, если я не встрѣчу его, какъ порохъ искру... Ну, подожди ты!

И генералъ началъ дѣлать помѣтки на бумагахъ, не читая ихъ,—до такой степени онъ былъ взволнованъ.

— Генералъ, отецъ мой,—послышался около него знакомый голосъ.

И Орденеръ сжалъ въ своихъ объятіяхъ старика, который не удержался отъ радостнаго восклицанія:

— Орденеръ, дорогой, ну какъ же я радъ.

Въ это время генералъ одумался.

— Я очень радъ, баронъ,—продолжалъ онъ уже другимъ тономъ,—что вы умѣете владѣть своими чувствами. Вы, кажется, очень рады меня видѣть. Вѣроятно, для того, чтобы одержать надъ собой побѣду, вы на цѣлыя сутки отложили это свиданіе!

— Отецъ, вы часто говорили, что несчастнаго врага слѣдуетъ посѣтить раньше, чѣмъ счастливаго друга.

— Конечно, но если несчастіе врага близко, неминуемо. Между тѣмъ, будущее Шумакера...

— Грознѣе, чѣмъ когда-либо. Генералъ, если бъ вы знали, какая гнусная интрига затѣяна противъ этого несчастнаго. Люди, родившіеся его друзьями, хотятъ его погубить, но человѣкъ, родившійся его врагомъ, сумѣетъ спасти его...

Генералъ, лицо котораго успѣло принять прежнее мягкое выраженіе, перебилъ Орденера.

— Что ты толкуешь, Орденеръ,—сказалъ онъ,—Шумакеръ здѣсь подъ моей защитой. Кто хочетъ погубить его, какія интриги?

Орденеру трудно было отвѣтить вполнѣ ясно на этотъ вопросъ. Въ его распоряженіи были лишь самыя слабыя данныя, и онъ самъ не зналъ хорошенько, каково дѣйствительное положеніе человѣка, для котораго онъ рѣшился подвергнуть опасности свою жизнь. Многіе найдутъ, что онъ поступалъ безразсудно, но юныя души въ своихъ поступкахъ руководствуются не расчетомъ, а инстинктомъ. Да и кто будетъ отрицать, что въ этомъ мірѣ, гдѣ

осторожность такъ скупа, гдѣ мудрость такъ насмѣшлива, великодушіе состоитъ въ близкомъ родствѣ съ безразсудствомъ. Все относительно, все ограничено на землѣ, и не будь за людьми Бога, добродѣтель была бы великимъ бѣдствіемъ. Орденеръ былъ въ такомъ возрастѣ, когда люди еще вѣрятъ, и когда они сами возбуждаютъ къ себѣ довѣріе. И генералъ точно такъ же повѣрилъ ему и принялъ отъ него тѣ доводы, которые не могли бы устоять противъ холоднаго разсудка.

— Какіе люди, какія интриги, отецъ мой? Подождите, черезъ нѣсколько дней я разъясню все, и тогда вы все узнаете. Я уѣзжаю сегодня же вечеромъ.

— Какъ, ты пробудешь со мной такъ мало? Но куда же и зачѣмъ ты ѣдешь?

— Вы позволяли мнѣ иногда дѣлать хорошее дѣло тайно.

— Да, но ты ѣдешь, хорошенько не зная зачѣмъ, а между тѣмъ, ты знаешь, какое у тебя самого есть важное дѣло.

— Отецъ далъ мнѣ мѣсяцъ на размышленіе. Я употреблю этотъ мѣсяцъ на дѣла другого рода. Хорошее дѣло всегда приноситъ съ собою хорошій совѣтъ. А тамъ, когда вернусь, увидимъ.

— Но неужели ты можешь противиться этому браку? — озабоченно сказалъ генералъ.—Говорятъ, Ульрика Алефельдъ такъ красива. Ты видѣлъ ее когда-нибудь?

— Кажется, видѣлъ, и, кажется, она очень красива,—сказалъ Орденеръ.

— Ну и что же?—спросилъ генералъ.

— Ульрика Алефельдъ не будетъ моей женой.

Этотъ холодный и рѣшительный отвѣтъ поразилъ генерала, какъ ударъ грома. Ему вспомнились подозрѣнія гордой графини.

— Орденеръ,—сказалъ онъ.—Я долженъ бы быть умнѣе. Вѣдь я самъ былъ молодъ. Ну, а вышелъ я старый дуракъ. Вѣдь у Шумакера есть дочь.

— Да, генералъ, и я хотѣлъ говорить о ней съ вами. Защитите, защитите эту бѣдную, слабую, притѣсняемую дѣвушку.

— Ты что-то ужъ очень горячо принимаешь къ сердцу ея интересы,—серьезно проговорилъ генералъ.

Орденеръ слегка пришелъ въ себя.

— А какъ же иначе могу я относиться къ бѣдной женщинѣ, у которой хотятъ отнять и жизнь, и то, что дороже жизни,— честь.

— Жизнь! Честь! Но, кажется, я здѣсь губернаторъ, и ничего не знаю объ этихъ ужасахъ. Объяснись.

— Мой благородный отецъ, жизнь узника и его дочери находится въ опасности. Они могутъ стать жертвой адскаго заговора.

— Но это очень серьезно. Какія у тебя доказательства?

— Старшій сынъ одной могущественной семьи находится въ настоящее время въ Мункгольмѣ. Онъ живетъ тамъ для того, чтобы обольстить графиню Этель. Онъ самъ мнѣ это сказалъ.

Генералъ отступилъ на три шага.

— Боже мой! Бѣдная, покинутая дѣвушка! Но слушай, Орденеръ. Этель и Шумакеръ находятся подъ моей охраной. Кто же этотъ негодяй, и что это за семья?

— Эта семья—Алефельды.

— Алефельды! Да, теперь ясно. Фридрихъ Алефельдъ находится въ настоящее время въ Мункгольмѣ. И тебя хотятъ породнить съ этой породой, Орденеръ. Да, я понимаю твое отвращеніе.

Скрестивъ на груди руки, старикъ нѣсколько минутъ хранилъ молчаніе. Наконецъ онъ сжалъ Орденера въ объятіяхъ.

— Ступай!..—проговорилъ онъ.—Знай, что твои друзья не останутся беззащитны. Я останусь за тебя. Да, иди. Ты поступаешь хорошо во всѣхъ отношеніяхъ. Эта адская графиня Алефельдъ здѣсь, ты знаешь?

— Благородная дама, графиня Алефельдъ,—доложилъ въ эту минуту лакей.

При этомъ имени Орденеръ машинально отступилъ въ глубину комнаты. Графиня вошла, не замѣтивъ его

— Вашъ воспитанникъ смѣется надъ вами, генералъ!—вскричала она.—Онъ не былъ въ Мункгольмѣ.

— Неужели?!—вскричалъ генералъ.

— Ну, разумѣется! Мой сынъ, Фридрихъ, былъ вчера дежурнымъ въ замкѣ и никого не видѣлъ.

— Вотъ какъ!—удивлялся генералъ.

— Поэтому, генералъ,—съ торжествующей улыбкой сказала графиня,—не ждите больше вашего Орденера.

— Я его и не жду больше,—сухо отвѣчалъ генералъ.

— Я думала, мы одни, генералъ,—проговорила графиня, оборачиваясь.—Кто это?..

И графиня устремила на Орденера испытующій взглядъ. Молодой человѣкъ поклонился.

— Правда, я видѣла его всего одинъ разъ,—продолжала она какъ бы про себя.—Но... не будь на немъ этого костюма... Генералъ, это сынъ вице-короля?—спросила она уже громко.

— Онъ самый, сударыня,—отвѣчалъ Орденеръ, кланяясь еще разъ.

Графиня улыбнулась.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ по праву будущаго родства спросить васъ, гдѣ вы вчера были, графъ?

— Графъ? Но, кажется, я еще не имѣлъ несчастія потерять отца, графиня.

— Я и не хочу этого сказать. Гораздо лучше стать графомъ женившись, чѣмъ потерявъ отца.

— Нисколько не лучше, графиня.

Графиня, нѣсколько сбитая съ толку этимъ отвѣтомъ, сочла, однако, за лучшее разсмѣяться.

— Мнѣ сказали, значитъ, правду, что вы немного дикарь. Но, надѣюсь, это обойдется, въ особенности, когда Ульрика Алефельдъ надѣнетъ этому дикарю на шею цѣпь ордена Слона.

— Дѣйствительно, цѣпь,—сказалъ Орденеръ.

Смѣхъ графини сталъ еще непринужденнѣе.

— Вы увидите, генералъ, что вашъ неприступный воспитанникъ не захочетъ принять отъ дамы и чина полковника.

— И вы правы, графиня. Человѣкъ, который носитъ шпагу, — долженъ быть обязанъ своими эполетами ей, а не женской юбкѣ.

Физіономія графини совсѣмъ омрачилась.

— Ого! Откуда явился господинъ баронъ? Правда ли, что вы не были вчера въ Мункгольмѣ?

— Сударыня, я не всегда отвѣчаю на всѣ вопросы... Мы еще увидимся, генералъ.

Съ этими словами Орденеръ подошелъ къ генералу, пожалъ ему руку, и, поклонившись графинѣ, вышелъ изъ комнаты.

Графиня, удивленная всѣмъ тѣмъ, чего она не знала, осталась наединѣ съ генераломъ, взбѣшеннымъ всѣмъ тѣмъ, что онъ зналъ.

XII.

...Человѣкъ, сидящій около него въ эту минуту, раздѣляющій съ нимъ хлѣбъ и пьющій за его здоровье, будетъ его убійцей.

Шекспиръ.—Тимонъ Аѳинскій.

Если читатель перенесется вслѣдъ за нами на каменистую дорогу, что ведетъ изъ Дронтгейма въ Сконгенъ, то онъ услышитъ шаги путешественниковъ, которые вышли изъ Дронтгейма Сконгенскими воротами на закатѣ солнца и теперь поднимались по узкой, вьющейся по холмамъ около самаго берега дорогѣ. Дорога идетъ вдоль берега залива до небольшого мѣстечка Вигла, и лишь отсюда сворачиваетъ внутрь полуострова.

Оба путника закутаны въ плащи. Одинъ изъ нихъ идетъ легкой и твердой поступью, выпрямившись и высоко неся голову; изъ-подъ плаща виденъ конецъ сабли, на шляпѣ качается черное перо. Другой нѣсколько выше ростомъ. Онъ идетъ слегка согнувшись. На спинѣ, подъ старымъ обтрепаннымъ плащомъ, онъ несетъ котомку. Въ рукахъ у него палка, на которую онъ опирается, и кромѣ этой палки при немъ нѣтъ никакого оружія. Онъ идетъ неровной торопливой походкой и отъ времени до времени боязливо озирается. Если въ темнотѣ читатель не увидитъ лицъ путниковъ, то, можетъ-быть, онъ узнаетъ ихъ по разговору, который завязалъ одинъ изъ нихъ послѣ цѣлаго часа молчанія.

— Взгляните, мой молодой господинъ, съ этого мѣста видна и башня Вигла и Дронтгеймскія колокольни. Видите впереди на горизонтѣ эту темную массу—это башня Вигла, а сзади—Дронтгеймскій соборъ. Его темныя арки вырисовываются на темномъ небѣ, точно ребра скелета мамонта.

— А Вигла далеко отъ Сконгена? — спросилъ другой пѣшеходъ.

— Намъ нужно будетъ еще пройти Ордальсъ. Въ Сконгенѣ мы будемъ не раньше трехъ часовъ утра.

— А сколько это бьетъ сейчасъ?

— Неужели вы слышите колоколъ, молодой господинъ? О, Боже мой! Дѣйствительно, это звонятъ въ Дронтгеймѣ. Ну, если такъ, то бѣда! Разъ мы слышимъ этотъ звонъ, значитъ, вѣтеръ дуетъ со стороны Дронтгейма, а нордъ-вестъ всегда нагоняетъ грозу.

— Да, и звѣзды за нами скрылись, тамъ, вѣрно, тучи.

— Бога ради, пойдемте скорѣе, сударь. Гроза надвигается, а можетъ-быть, въ городѣ уже узнали объ оскверненіи трупа Гиля и о моемъ бѣгствѣ.

— Охотно. Но, кажется, ваша ноша тяжела. Отдайте ее мнѣ, я моложе и сильнѣе васъ.

— Нѣтъ, сударь. Орлу не пристало носить на себѣ чешую черепахи, я недостоинъ того, чтобы вы утруждали себя изъ-за меня.

— Но вѣдь вы же устанете тащить эту котомку. Что въ ней такое? Сейчасъ вы споткнулись и тамъ что-то зазвенѣло, какъ-будто желѣзо.

Старикъ быстро отдалился отъ молодого.

— Зазвенѣло? О, нѣтъ, сударь, вы ошиблись. Тамъ только... провизія и немного платья. Нѣтъ, нѣтъ, она вовсе не тяжелая.

Благосклонное предложеніе молодого человѣка, казалось, повергло его стараго спутника въ ужасъ, который онъ, однако, усиливался скрыть.

— Ну, если она вамъ не мѣшаетъ,—сказалъ молодой, не замѣчая ужаса старика,—оставьте ее у себя.

Старикъ успокоился, но, однако, поторопился перемѣнить разговоръ.

— А непріятно итти здѣсь ночью, какъ бѣглецамъ,— сказалъ онъ,—тѣмъ болѣе, что дорога эта очень интересна. Если итти по ней днемъ, не торопясь, то влѣво отъ насъ, на берегу залива, можно найти множество камней съ руническими надписями. Легенда считаетъ эти надписи дѣломъ рукъ боговъ и гигантовъ. А вправо отъ насъ, за этими утесами, разстилается Скіольдское болото. Оно, по всей вѣроятности, сообщается съ моремъ подземнымъ каналомъ, потому что тамъ ловится морской червь. Это странное животное, которое, согласно открытію вашего покорнаго слуги и проводника, питается пескомъ. А въ башнѣ Виглѣ, къ которой мы приближаемся, язычникъ король Вермонъ приказалъ изжарить сосцы великомученицы Этельреды на кострѣ, сложенномъ изъ дерева самого животворящаго креста. Эта реликвія была привезена въ Копенгагенъ королемъ Олафомъ III и отвоевана королемъ Норвегіи. Говорятъ, съ тѣхъ поръ изъ этой проклятой башни нѣсколько разъ пытались сдѣлать часовню, но какъ только надъ ней ставили крестъ, тотчасъ его сжигалъ небесный огонь.

Въ эту минуту вспыхнула страшная молнія и освѣтила на мгновеніе заливъ, холмы, утесы и башню. Путники невольно остановились, и тотчасъ же вслѣдъ за молніей раздался сильный ударъ грома и прокатился отъ облака къ облаку въ небѣ и отъ утеса къ утесу на землѣ.

Они взглянули на небо. Всѣ звѣзды скрылись за облаками, въ безпорядкѣ клубившимися въ вышинѣ. Надъ ихъ головами, какъ грозная, готовая обрушиться лавина, собиралась буря. Но вихрь, который гналъ эти массы облаковъ, еще не успѣлъ спуститься на землю. Внизу было совершенно тихо, деревья стояли неподвижно и дождя еще не было слышно. Лишь вверху раздавался грозный гулъ, сливавшійся съ гуломъ залива. Только эти звуки и слышались во мракѣ ночи, удвоенномъ мракомъ бури.

Но вдругъ въ этой грозной тишинѣ, невдалекѣ отъ путниковъ послышалось какъ бы рычаніе. Старикъ затрепеталъ.

— Боже Всемогущій!—вскричалъ онъ, хватая за руку молодого человѣка.—Это или смѣхъ дьявола или голосъ...

Новая молнія и новый ударъ грома не дали ему докончить. Буря разразилась съ страшною силою, какъ будто ждала этого сигнала. Путешественники закутались въ плащи, чтобы укрыться отъ ливня и отъ пыли, которую вѣтеръ поднялъ съ сухой еще земли и гналъ прямо на нихъ.

— Старикъ! Я сейчасъ видѣлъ при свѣтѣ молніи башню Виглу вправо отъ насъ. Сойдемъ съ дороги и попытаемся тамъ укрыться отъ бури,—сказалъ молодой.

— Въ Проклятой Башнѣ! Да сохранитъ насъ святой Госпицій! Подумайте, сударь, вѣдь эта башня необитаема.

— Тѣмъ лучше. Намъ не придется ждать у двери.

— Но, подумайте, какое святотатство осквернило ее.

— Ну и пусть она очистится, давъ намъ пріютъ. Ну, идемъ. Въ такую ночь я сталъ бы искать гостепріимства въ любомъ воровскомъ вертепѣ.

И, несмотря на возраженія старика, онъ схватилъ его за руку и повлекъ за собою къ зданію, то и дѣло появлявшемуся невдалекѣ при вспышкѣ молніи. Подойдя поближе, они увидѣли свѣтъ въ одной изъ бойницъ.

— Вотъ видите,—сказалъ молодой,—въ башнѣ-то живутъ. Надѣюсь, теперь вы успокоились.

— Боже мой, Боже мой! Куда вы меня ведете! Да проститъ меня святой Госпицій, что я войду въ эту молельню демона.

Они уже стояли у подножія башни. Молодой путникъ громко постучалъ въ новую дверь, закрывавшую входъ въ эту развалину, пользующуюся такой дурной славой.

— Успокойтесь старикъ. Какой-нибудь благочестивый отшельникъ освятилъ своимъ присутствіемъ и своими молитвами эту оскверненную башню.

— Нѣтъ, я не войду. Ни одинъ отшельникъ не можетъ жить въ этомъ проклятомъ мѣстѣ.

Въ это время свѣтъ сталъ спускаться отъ бойницы къ бойницѣ и, наконецъ, блеснулъ въ замочной скважинѣ.

— Что ты такъ поздно, Николь?—послышался чей-то рѣзкій голосъ.—Висѣлицу въ Сконгенѣ ставятъ въ полдень, а оттуда не больше шести часовъ ходу. Или вышла какая-нибудь задержка?

При этихъ словахъ дверь отворилась, и на порогѣ показалась женская фигура. При видѣ двухъ чужихъ, вмѣсто того, кого она ждала, она испуганно вскрикнула и отступила на три шага.

Видъ этой женщины не обѣщалъ ничего хорошаго. Она была высокаго роста. Желѣзная лампа, которую она держала высоко надъ головою, ярко освѣщала ея мертвенно блѣдное лицо. Въ ея сухой угловатой фигурѣ было что-то такое, дѣлавшее ее похожей на трупъ. Глубоко сидѣвшіе глаза сверкали мрачно и грозно, словно погребальные факелы. Она была одѣта въ пунцовую юбку, на которой виднѣлись какія-то пятна подозрительнаго краснаго цвѣта. Изъ-подъ юбки видны были босыя ноги. На плечахъ была накинута тоже красная мужская куртка съ обрѣзанными по локоть рукавами. Вѣтеръ, врывавшійся въ открытую дверь, раздувалъ сѣдыя космы ея волосъ, едва связанныя шнуркомъ изъ древесной коры. Это придавало еще болѣе дикое выраженіе ея и безъ того свирѣпому лицу.

— Хозяйка,—сказалъ молодой.—Вы видите, какой ливень. У васъ есть крыша, а у насъ золото.

Старикъ дернулъ молодого за плащъ и тихо проговорилъ:

— Что вы говорите, сударь? Если здѣсь живетъ не самъ дьяволъ, то, навѣрно, какой-нибудь бандитъ. Наше золото не поможетъ намъ, а только насъ погубитъ.

— Молчите,—сказалъ молодой.

И, вынувъ изъ кармана кошелекъ, онъ показалъ его хозяйкѣ.

Немного оправившись отъ удивленія, женщина пристальнымъ взглядомъ своихъ мутныхъ глазъ смотрѣла то на одного, то на другого.

— Чужестранцы!—вскричала она, наконецъ.—Или васъ покинули ваши ангелы-хранители? Что нужно вамъ отъ проклятыхъ обитателей башни Виглы? Чужестранцы! Не люди указали вамъ эти развалины, не люди посовѣтовали вамъ искать въ нихъ пріюта, потому что каждый сказалъ бы вамъ: лучше буря и молнія, чѣмъ очагъ этой башни. Сюда можетъ входить лишь одинъ человѣкъ, но зато онъ не можетъ входить въ жилища другихъ. Онъ оставляетъ уединеніе только для толпы. Онъ живетъ только для смерти. Ему нѣтъ мѣста нигдѣ, кромѣ какъ въ людскихъ проклятіяхъ. Онъ служитъ только мести и живетъ и существуетъ лишь преступленіями. И самый негодный злодѣй въ часъ казни прибавляетъ свое презрѣніе къ тому пороку его, который льется на этого человѣка. Чужестранцы, спѣшите отсюда, пока ваша нога не успѣла еще коснуться этого порога. Не безпокойте волчицу и ея дѣтенышей въ этомъ логовищѣ. Идите на дорогу, идите тѣмъ путемъ, которымъ ходятъ всѣ люди, и не говорите никому, что на ваши лица падалъ лучъ лампы, которая свѣтитъ проклятымъ хо-

зяевамъ этой башни, если вы не хотите, чтобы ваши братья бѣгали отъ васъ, какъ отъ зачумленныхъ.

И съ этими словами она сдѣлала нѣсколько шаговъ навстрѣчу путникамъ. Старикъ дрожалъ всѣми членами и смотрѣлъ на молодого умоляющимъ взглядомъ.

Но тотъ ничего не понялъ изъ этой загадочной рѣчи и попросту рѣшилъ, что имѣетъ дѣло съ сумасшедшей. Тѣмъ не менѣе, онъ вовсе не желалъ возвращаться опять подъ дождь, который лилъ, какъ изъ ведра, и вошелъ въ сѣни, увлекая за собой своего спутника.

— Честное слово, хозяюшка, вы описали интересную личность, и я не прочь познакомиться съ этимъ человѣкомъ.

— Съ нимъ быстро знакомятся и еще быстрѣе кончаютъ знакомство. Если вы хотите этого, идите, убейте кого-нибудь или оскверните трупъ.

— Оскверните трупъ,—пробормоталъ дрожащимъ голосомъ старикъ, прячась за своего спутника.

— Не понимаю,—отвѣчалъ тотъ.—Эти способы знакомства по меньшей мѣрѣ слишкомъ сложны. Гораздо проще прямо остаться здѣсь. Надо быть сумасшедшимъ, чтобы итти дальше въ такую погоду.

— Но надо быть трижды сумасшедшимъ,—пробормоталъ старикъ,—чтобы въ такую погоду искать пріюта въ такомъ мѣстѣ.

— Несчастный!—вскричала женщина.—Зачѣмъ стучишь ты у двери того, кто умѣетъ открывать только дверь гроба?

— Если бы дѣйствительно съ вашей дверью открылась для меня дверь гроба,—сказалъ молодой,—то все же никто не посмѣлъ бы сказать, что я отступилъ передъ мрачными словами. Моя сабля отвѣчаетъ мнѣ за все. Ну, запирайте-ка дверь, а то холодно, да берите скорѣй это золото.

— Зачѣмъ оно мнѣ?—отвѣчала хозяйка.—Въ вашихъ рукахъ оно драгоцѣнно, въ моихъ оно станетъ дешевле олова. Но хорошо. Оставайтесь за золото. Оно можетъ спасти отъ небесной грозы, но не спасетъ отъ людского презрѣнія. Оставайтесь. Вы платите за гостепріимство дороже, чѣмъ другіе за убійство. Ждите меня здѣсь и давайте ваше золото. Да, въ первый разъ я беру подъ этой кровлей золото изъ рукъ, не запятнанныхъ кровью.

Она поставила лампу на землю, заперла дверь и исчезла подъ темнымъ сводомъ лѣстницы, устроенной въ глубинѣ комнаты.

Пока старикъ дрожалъ, призывая на всѣ лады святого Госпиція и проклиная украдкой неосторожность своего молодого спутника, тотъ взялъ лампу и сталъ обходить круглую комнату, въ которой они очутились. Вдругъ онъ невольно вздрогнулъ.

— Боже мой! висѣлица!—вскричалъ старикъ, слѣдившій за нимъ взглядомъ.

Дѣйствительно, къ стѣнѣ была прислонена огромная висѣлица, упиравшаяся верхушкой въ сырой темный сводъ.

— Да, висѣлица,—отвѣчалъ молодой человѣкъ.—А вотъ желѣзныя и деревянныя пилы, цѣпи, кандалы, какіе-то тиски...

— О, небо, гдѣ мы!—вскричалъ старикъ.

Молодой человѣкъ спокойно продолжалъ свой осмотръ.

— Вотъ свертокъ веревки. Вотъ горнъ, жаровня. Здѣсь щипцы и ножи. А вотъ кожаные кнуты со стальными наконечниками, топоръ, молотъ...

— Что за адская кладовая!—вскричалъ старикъ, пришедшій въ ужасъ отъ этого перечня.

— А вотъ мѣдныя трубы, колеса съ бронзовыми зубцами, ящикъ гвоздей... Да, меблировка довольно грустная. Вы, вѣроятно, недовольны, что мое нетерпѣніе привело васъ сюда за мною?

— Конечно, вы сами это понимаете.

— Не бойтесь. Что за бѣда! Вѣдь я съ вами.

— Нечего сказать, защита,—пробормоталъ старикъ, у котораго ужасъ началъ даже вытѣснять почтеніе къ своему спутнику:—сабля въ тридцать дюймовъ противъ висѣлицы въ тридцать локтей!

Красная женщина вернулась и, взявъ въ руку лампу, знакомъ пригласила путешественниковъ слѣдовать за собою. Они стали осторожно подниматься по узкой полуразрушенной лѣстницѣ, устроенной въ толщѣ башенной стѣны. Когда они проходили мимо бойницъ, порывы вѣтра яростно кидались на пламя лампы, и хозяйка прикрывала его своими длинными блѣдными руками. Порою изъ-подъ ногъ ихъ съ шумомъ катились камни, которые встревоженное воображеніе старика принимало за человѣческія кости. Наконецъ они поднялись въ верхній этажъ и очутились въ такой же круглой залѣ, какъ и внизу. Посрединѣ пылалъ очагъ. Дымъ отъ него уходилъ въ отверстіе, пробитое въ потолкѣ, но далеко не весь, и волны его разстилались по комнатѣ. Этотъ-то свѣтъ и замѣтили наши путники. Надъ очагомъ жарился на вертелѣ кусокъ свѣжаго мяса. Старикъ съ отвращеніемъ отвернулся.

На этомъ проклятомъ очагѣ горѣлъ костеръ изъ животворящаго креста, сжигая члены мученицы

Невдалекѣ отъ очага стоялъ простой столъ. Женщина пригласила къ нему путниковъ.

— Скоро поспѣетъ ужинъ,—сказала она,—да и мужъ скоро вернется. Онъ, навѣрно, спѣшитъ теперь, чтобы духъ полночи не унесъ его, когда онъ будетъ итти мимо Проклятой Башни.

Теперь Орденеръ — читатель, вѣроятно, уже узналъ и его и его проводника, Бенигнуса Спіагудри,—могъ разсмотрѣть во что переодѣлся его спутникъ, чтобы его какъ-нибудь не узнали и не схватили. Спіагудри снялъ свою кожаную одежду и замѣнилъ ее полнымъ чернымъ костюмомъ, который остался въ Спладгестѣ отъ знаменитаго дронтгеймскаго грамматика. Этотъ утопился съ отчаянія, что не могъ найти, отчего слово Jupiter даетъ въ родительномъ падежѣ форму Jovis. Свои башмаки онъ замѣнилъ ботфортами почталіона, раздавленнаго лошадьми, и его тонкія ноги такъ свободно болтались въ нихъ, что онъ принужденъ былъ набить полсапога сѣномъ. Огромный парикъ молодого изящнаго французскаго путешественника, ограбленнаго и убитаго у воротъ

Дронтгейма, скрывалъ его лысину и разсыпался локонами по его угловатымъ плечамъ. Одинъ глазъ былъ залѣпленъ пластыремъ. Блѣдныя ввалившіяся щеки блестѣли яркимъ румянцемъ, благодаря баночкѣ румянъ, найденной въ карманѣ умершей отъ несчастной любви старой дѣвы. Дождь размылъ эту гримировку, и румяна растеклись до самаго подбородка. Передъ тѣмъ какъ сѣсть, онъ снялъ узелъ, который несъ на спинѣ и, подложивъ его подъ себя, завернулся въ свой старый плащъ.

Орденеръ съ удивленіемъ разглядывалъ костюмъ своего спутника, а тотъ съ ужасомъ уставился на мясо, которое жарила хозяйка. Отъ времени до времени съ губъ его срывались отрывистыя замѣчанія: человѣческое мясо... horrendas epulas [1]). Людоѣды... Ужинъ Молоха... Ne pueros coram populo Medea trucidet... [2]) Гдѣ мы!.. Атрей... Колдунья... Ирменсуль... Діаволъ поразилъ Ликаона...

Наконецъ онъ вскричалъ:

— О, слава Богу! Я вижу хвостъ!

Орденеръ, все время внимательно его слушавшій, понималъ отчасти его мысли. При послѣднихъ словахъ онъ улыбнулся.

— Это еще ничего не значитъ, что хвостъ. Можетъ-быть, это окорокъ самого чорта,—сказалъ онъ.

Спіагудри не разслышалъ этой шутки. Взглядъ его устремился теперь въ глубину залы. Онъ снова задрожалъ и наклонился къ Орденеру.

— Взгляните, сударь, тамъ въ тѣни, на соломѣ,—прошепталъ онъ.

— Ну?

— Три обнаженныхъ неподвижныхъ тѣла, три дѣтскихъ трупа.

— Стучатъ!—вскричала красная женщина.

Дѣйствительно, снизу, сквозь усиливавшійся шумъ бури, послышался ударъ въ дверь, вслѣдъ за нимъ еще два, посильнѣе.

— Ну, наконецъ, это Николь.

И, взявъ лампу, хозяйка торопливо пошла внизъ.

Тотчасъ же, прежде, чѣмъ путники успѣли перемолвиться словомъ, внизу послышались голоса. Вдругъ до нихъ донеслась фраза:

— Молчи женщина. Мы останемся здѣсь. Не нужно отворять двери грому: онъ входитъ самъ.

Спіагудри такъ и прильнулъ къ Орденеру.

— Горе намъ! горе намъ!—прошепталъ онъ.

На лѣстницѣ послышался шумъ шаговъ, и въ комнату вошли два человѣка въ одеждѣ духовныхъ лицъ. За ними шла испуганная хозяйка.

Одинъ изъ нихъ былъ довольно высокаго роста и былъ одѣтъ какъ лютеранскій пасторъ. Другой былъ очень малъ ростомъ. На немъ была надѣта ряса отшельника, опоясанная веревочнымъ поясомъ. Изъ-подъ спущеннаго на лицо капюшона виднѣлась длинная

---

1) Ужасный пиръ.

2) Чтобы Медея не терзала отроковъ при народѣ.

черная борода, руки были совершенно закрыты широкими рукавами расы.

Мирный видъ прибывшихъ успокоилъ страхъ, который овладѣлъ Спіагудри при звукѣ голоса одного изъ нихъ.

— Не безпокойтесь, хозяюшка,—сказалъ пасторъ.—Христіанскіе священники стараются быть полезными тѣмъ, кто вредитъ имъ, такъ неужели они захотятъ вредить тѣмъ, кто имъ полезенъ. Мы скромно просимъ у васъ пріюта. Если мой почтенный спутникъ говорилъ съ вами немного рѣзко, то онъ просто забылъ о томъ, что наши обѣты требуютъ отъ насъ, чтобы мы умѣряли голосъ. Но,—увы!—и сами святые иногда грѣшили... Я заблудился, идя изъ Сконгена въ Дронтгеймъ и очутился въ бурю одинъ, во мракѣ, безъ проводника. Мой почтенный братъ встрѣтился со мною, и такъ какъ до его жилища было тоже далеко, то онъ предложилъ мнѣ отправиться къ вамъ. Онъ хвалилъ мнѣ ваше гостепріимство, и, безъ сомнѣнія, онъ не ошибся. Не говорите же намъ, какъ дурной пастырь: Advena, cur intras? [1]) Примите насъ, и Богъ спасетъ отъ грозы вашу жатву, укроетъ отъ бури ваше стадо, какъ вы спасли отъ грозы и укрыли отъ бури заблудившихся путниковъ...

— Старикъ,—свирѣпо перебила пастора хозяйка,—у меня нѣтъ ни жатвы ни стада.

— А если вы бѣдны, то помните, что Богъ благословляетъ бѣднаго прежде, чѣмъ богатаго. Да состаритесь вы съ вашимъ супругомъ, окруженные общимъ уваженіемъ, не за богатство, а за добродѣтели. Ваши дѣти вырастутъ такими же уважаемыми людьми и будутъ продолжать дѣло своего отца.

— Молчите! Если наши дѣти будутъ тѣмъ же, чѣмъ мы, то и они состарятся всѣми презираемыя. Это презрѣніе и будетъ передаваться изъ поколѣнія въ поколѣніе. Молчите! Насъ нельзя благословлять, потому что благословеніе, обращенное къ намъ, становится проклятіемъ!

— О, небо! Но кто же вы? Въ какихъ преступленіяхъ проводите вы жизнь?

— Что такое, по-вашему, преступленіе, что такое добродѣтель? Мы здѣсь не можемъ быть добродѣтельны и не можемъ совершать преступленія.

— Это помѣшанная,—сказалъ пасторъ, обращаясь къ отшельнику, молча сушившему у очага свое платье.

— Нѣтъ, попъ, я не помѣшанная. Узнайте гдѣ вы... Лучше внушать страхъ, чѣмъ состраданіе. Я жена...

Но въ это время раздался громкій стукъ въ дверь и помѣшалъ разслышать конецъ фразы, что было очень непріятно Орденеру и Спіагудри, внимательно слушавшимъ весь этотъ разговоръ.

— Будь проклятъ этотъ синдикъ, назначившій намъ квартиру такъ близко отъ дороги,—проворчала красная женщина.—Пожалуй, и это еще не Николь.

Тѣмъ не менѣе, она взяла лампу.

---

[1]) Зачѣмъ ты входишь, пришлецъ?

— Да если это и новый гость, не все ли равно. Ручей можетъ протечь тамъ, гдѣ уже пронесся потокъ.

Четыре путешественника остались одни и стали оглядывать другъ друга при свѣтѣ очага. Спіагудри, испуганный сначала голосомъ отшельника, но потомъ успокоенный его черной бородой, задрожалъ бы, вѣроятно, снова, если бы могъ видѣть, какими глазами смотрѣлъ на него отшельникъ изъ-подъ своего капюшона.

Пасторъ заговорилъ первымъ:

— Братъ отшельникъ!—сказалъ онъ,—вы, вѣроятно, одинъ изъ католическихъ священниковъ, которымъ удалось спастись отъ послѣдняго преслѣдованія. Должно-быть, вы шли въ свое убѣжище, когда я васъ встрѣтилъ, на свое счастье. Не можете ли вы сказать мнѣ, гдѣ мы?

Отшельникъ не успѣлъ отвѣтить, какъ дверь на лѣстницу отворилась.

— Что за чудеса, жена!—вскричалъ вошедшій,—стоило начаться грозѣ, и за нашимъ столомъ, подъ нашей проклятой кровлей я застаю цѣлую толпу.

— Я ничего не могла сдѣлать, Николь...

— Что за бѣда! Я радъ гостямъ, если они платятъ. Не все ли равно, какъ заработать деньги, пріютивъ ли путника или придушивъ разбойника!

Говоря это, вошедшій стоялъ въ дверяхъ, и всѣ четверо могли хорошо разсмотрѣть его. Это былъ человѣкъ огромнаго роста, одѣтый, какъ и хозяйка, въ красную одежду. Огромная голова его сидѣла, казалось, непосредственно на плечахъ, такъ что длинная костистая шея его граціозной супруги казалась въ его присутствіи еще длиннѣе. Толстый носъ, глубоко посаженные подъ низкимъ лбомъ и нависшими густыми бровями глаза, окруженные красноватыми линіями и блестѣвшіе кровавымъ огнемъ, бритый подбородокъ, широкій ротъ съ темными губами, похожими на края неизлѣчимой язвы, курчавыя баки на щекахъ—все это придавало лицу его что-то звѣриное. Увидя гостей, онъ даже не потрудился прикоснуться къ своей сѣрой войлочной шляпѣ.

Спіагудри не могъ удержаться отъ крика при видѣ этой фигуры, а пасторъ отвернулся съ выраженіемъ удивленія и отвращенія. Хозяинъ, видимо, узналъ его и тотчасъ обратился къ нему.

— Ахъ, это вы, господинъ пасторъ. Вотъ ужъ никакъ не ожидалъ увидѣть сегодня еще разъ вашу смиренную фигуру и испуганное лицо.

Священникъ успѣлъ подавить первое движеніе отвращенія. Лицо его приняло прежнее ясное и спокойное выраженіе.

— А я очень радъ, сынъ мой, что случай привелъ пастыря къ заблудшей овцѣ, чтобы она могла вернуться въ стадо вѣрныхъ.

— Клянусь висѣлицей Амона, первый разъ въ жизни меня сравнили съ овцой. Ахъ, отецъ мой, не воображайте, что вы сдѣлаете удовольствіе коршуну, сравнивъ его съ голубемъ.

— Тотъ, Кто обращетъ коршуна въ голубку, заботится не объ удовольствіи, сынъ мой, а объ утѣшеніи. Вы думаете, что я боюсь васъ, а я васъ только жалѣю.

— Однако, у васъ большой запасъ жалости. А я думалъ, она у васъ вся вышла на того бѣднягу, которому вы показывали сегодня крестъ, чтобы заслонить отъ него висѣлицу.

— Несчастный былъ меньше достоинъ жалости, чѣмъ вы. Онъ плакалъ, а вы смѣетесь. Блаженъ тотъ, кто познаетъ въ тяжкій часъ искупленія, насколько слово Божіе сильнѣе руки человѣческой!

— Недурно сказано,—съ какой-то злобной веселостью отвѣчалъ хозяинъ.—Такъ блаженъ плачущій!.. Впрочемъ, вѣдь и вся вина-то нашего пріятеля была въ томъ, что онъ слишкомъ любилъ короля. Такъ любилъ, что не могъ жить безъ его портретовъ, и печаталъ ихъ на мѣдныхъ кружкахъ, а потомъ золотилъ, чтобы сдѣлать ихъ достойными королевскаго изображенія... И нашъ милостивый король не остался въ долгу и пожаловалъ ему пеньковую цѣпь ордена Висѣлицы, котораго я состою магистромъ, а его преподобіе—главнымъ духовникомъ.

— Остановитесь, несчастный! Какъ тотъ, кто казнитъ, можетъ такъ говорить о казни. Слышите этотъ громъ?

— Ну, что такое громъ? Это просто сатана хохочетъ.

— Великій Боже! Онъ видѣлъ только что смерть и богохульствуетъ

— Ну, нельзя ли безъ проповѣдей, старый безумецъ,—сердито крикнулъ хозяинъ.—Берегитесь, какъ бы вамъ не пришлось проклинать ангела мрака, который два раза въ день свелъ насъ вмѣстѣ. Старайтесь подражать вашему товарищу, отшельнику, онъ молчитъ себѣ, потому что хочетъ вернуться цѣлымъ въ Линрасскую пещеру. Очень благодаренъ вамъ, братъ отшельникъ, за тѣ благословенья, которыя вы шлете каждое утро Проклятой Башнѣ, проходя по холму. Только вы казались мнѣ издали повыше ростомъ, и борода у васъ была точно не черная, а сѣдая. Однако вѣдь вы Линрасскій отшельникъ, единственный отшельникъ Дронтгеймскаго округа.

— Да, я единственный,—глухимъ голосомъ отвѣчалъ отшельникъ.

— Ну, значитъ, мы съ вами коллеги. Я вѣдь тоже отшельникъ только въ другомъ родѣ. Ну, Бэкли, поторопись съ бараниной: ѣсть хочется, меня сегодня задержалъ этотъ проклятый докторъ Ванрилль. Не хотѣлъ мнѣ дать двѣнадцати аскалиновъ за трупъ, и конецъ. А этому дьявольскому смотрителю въ Спардгестѣ даютъ сорокъ!.. Что это съ вами, господинъ въ парикѣ, вы чуть не упали?.. Да, кстати, Бэкли, кончила ты скелетъ этого отравителя Англивіуса? Пора бы было ужъ отправить его въ Бергенъ, въ музей рѣдкостей. А изъ твоихъ поросятъ ходилъ кто-нибудь въ Левигъ къ синдику за долгомъ? Вѣдь онъ мнѣ много долженъ. Четыре экю за варку одной колдуньи да двухъ алхимиковъ, да двадцать аскалиновъ за повѣшеніе жида Тифэйна, да за поправку городской висѣлицы одинъ экю.

— Плата осталась у синдика. Твой сынъ забылъ деревянную ложку, а въ руки ему не захотѣлъ отдать платы ни одинъ изъ слугъ судьи,—рѣзко отвѣчала женщина.

Мужъ нахмурился.

— Попадись мнѣ въ руки ихъ шея. Они увидятъ, что я обойдусь и безъ деревянной ложки, чтобы ихъ вздернуть. Впрочемъ, нужно угождать этому синдику. Къ нему вѣдь отослана просьба вора Ивара. Онъ жалуется, что его пыталъ на допросѣ я, а не пытальщикъ, указывая на то, что, еще не бывъ на судѣ, онъ не могъ подвергаться позору. Кстати, жена, не вели ты дѣтямъ играть моими тисками и щипцами. Они всегда такъ все перебудоражатъ, что, напримѣръ, сегодня я не могъ употребить въ дѣло своихъ инструментовъ. Гдѣ они, эти чудовища,—продолжалъ хозяинъ, приблизившись къ кучѣ соломы, гдѣ Спіагудри чудились три трупа.—А, вонъ они, спятъ себѣ, какъ повѣшенные, и никакой шумъ ихъ не беретъ.

По этимъ словамъ, ужасный смыслъ которыхъ такъ мало соотвѣтствовалъ веселому и спокойному тону хозяина, читатель, вѣроятно, догадался, кто онъ былъ. Спіагудри тотчасъ же узналъ его, такъ какъ не разъ видѣлъ его во время мрачныхъ церемоній на Дронтгеймской площади. Это открытіе едва не привело его къ обмороку, въ особенности потому, что съ нѣкотораго времени у него было личное основаніе бояться этого правительственнаго чиновника. Онъ нагнулся къ Орденеру и прошепталъ:

— Николь Оругиксъ, палачъ Дронтгеймскаго округа.

Орденеръ сначала вздрогнулъ отъ ужаса и готовъ былъ пожалѣть о бурѣ, бушевавшей за дверью, но потомъ какое-то странное любопытство овладѣло молодымъ человѣкомъ. Отъ души жалѣя своего спутника, вполнѣ понимая его душевное состояніе, Орденеръ въ то же время съ любопытствомъ вслушивался въ рѣчь этого страннаго и страшнаго человѣка, стараясь запечатлѣть въ памяти всѣ подробности его образа жизни. Такъ горожанинъ съ любопытствомъ прислушивается къ рычанію тигра и вою гіэны, привезенныхъ изъ пустыни въ городъ. Бенигнусъ же былъ далеко не въ томъ настроеніи, чтобы заниматься психологическими наблюденіями. Онъ спрятался за Орденера, завернулся въ плащъ и то и дѣло ощупывалъ свой пластырь, надвигалъ на лицо локоны парика и лишь отъ времени до времени глубоко вздыхалъ.

Тѣмъ временемъ хозяйка положила на блюдо четверть баранины, отрѣзавъ предварительно такъ обрадовавшій Спіагудри хвостъ. Палачъ сѣлъ противъ Орденера и Спіагудри, между двумя священниками, а жена его, поставивъ на столъ кувшинъ пива съ медомъ, пять тарелокъ и кусокъ риндеброда [1]), усѣлась къ огню точить мужу щипцы.

— Ну-съ, святой отецъ, покушайте ягненка, котораго вамъ предлагаетъ овца,—сказалъ со смѣхомъ Оругиксъ.—А вы, господинъ въ парикѣ, это вѣтеръ что ли такъ растрепалъ вашу прическу?

---

[1]) Хлѣбъ съ корою, которымъ питается въ Норвегіи бѣдное населеніе.

— Да, сударь, вѣтеръ, гроза,—пробормоталъ Спіагудри.

— Ободритесь, старина. Вѣдь и господа священники и я—добрые ребята. Кто вы такой, и кто вашъ молодой молчаливый спутникъ? Поговорите же немного. Если ваши слова такъ же забавны, какъ наружность, то у насъ будетъ веселый ужинъ.

— Вы шутите сударь,—сказалъ Спіагудри, кривя губы и прищуривая глаза, въ тщетномъ стараніи изобразить на лицѣ улыбку.—Я просто бѣдный старикъ...

— Ну, да,—прервалъ веселый палачъ,—какой-нибудь старый ученый или колдунъ.

- Это вѣрно, сударь, что я ученый, но я не колдунъ.

— А жаль. Для нашего веселаго сенедріона только и не хватаетъ колдуна. Ну, выпьемъ, гости дорогіе, авось, тогда у господина ученаго развяжется языкъ, и онъ насъ позабавитъ. За здоровье сегодняшняго повѣшеннаго, отецъ проповѣдникъ. А вы что же, господинъ отшельникъ, отказываетесь отъ моего пива?

Дѣйствительно, отшельникъ вынулъ изъ-подъ рясы большую фляжку съ чистою водою и налилъ себѣ въ стаканъ.

— Ну, что же, господинъ отшельникъ, не хотите моего пива, такъ я попробую вашей воды.

— Пожалуйста,—отвѣчалъ отшельникъ.

— Снимите только перчатку. Наливать нужно голой рукой.

Отшельникъ покачалъ головою.

— Нѣтъ, это обѣтъ,—сказалъ онъ.

— Ну, все равно, наливайте,—сказалъ палачъ.

Но едва онъ поднесъ стаканъ къ губамъ, какъ тотчасъ же оттолкнулъ его, между тѣмъ какъ пустынникъ залпомъ выпилъ свой.

— Что за адскій напитокъ,—вскричалъ палачъ.—Я не пилъ его съ тѣхъ поръ, какъ чуть не утонулъ во время переѣзда изъ Копенгагена въ Дронтгеймъ. Слушайте, отшельникъ, эта вода не изъ Линрасскаго источника, а морская.

— Морская!—съ ужасомъ повторилъ Спіагудри, взглянувъ при этомъ на перчатку пустынника.

— Ну, васъ, кажется, все здѣсь пугаетъ, даже напитокъ, которымъ умерщвляетъ свою плоть святой отецъ,—со смѣхомъ сказалъ палачъ.

— Нѣтъ, сударь!.. Но морская вода... Только одинъ...

— Ну, ну, господинъ докторъ, вы не знаете, что сказать. Ваше смущеніе происходитъ или оттого, что у васъ не чиста совѣсть, или вы просто насъ презираете.

Слова эти, въ которыхъ слышалось уже нѣкоторое раздраженіе, напомнили Спіагудри о необходимости скрывать свой страхъ. Чтобы смягчить ужаснаго хозяина, онъ призвалъ на помощь всю свою память и немного собрался съ духомъ.

— Мнѣ ли презирать васъ, сударь,—васъ, чье присутствіе въ провинціи даетъ ей merum imperium [1]),—васъ, исполнителя высшаго

---

[1]) Право крови—право держать палача.

дѣла власти, мечъ правосудія, щитъ невинности? Самъ Аристотель въ послѣдней главѣ шестой книги своей Политики помѣщаетъ васъ среди судебныхъ дѣятелей, а де-Путео въ своемъ трактатѣ «De Syndico» назначаетъ вамъ жалованье въ пять золотыхъ экю, что видно изъ словъ «Quinque aureos manivolto». Я же знаю, что въ Кронстадтѣ ваши коллеги получаютъ дворянство послѣ отсѣченія трехсотъ головъ, а во Франконіи вашу ужасную, но почтенную должность исполняетъ самый молодой новобрачный. Въ Рейтлингенѣ то же право принадлежитъ младшему совѣтнику, а въ Стэдіэнѣ—послѣднему поселившемуся въ городѣ гражданину. А во Франціи ваши собратья имѣютъ право havadium'a на каждаго больного въ Сэнъ-Ладрѣ, а также на поросятъ и на пироги въ Крещенскій сочельникъ. Какъ же мнѣ не питать къ вамъ самаго глубокаго уваженія, когда аббатъ монастыря Сэнъ-Жермэнъ де Прэ лично вручаетъ вамъ въ день св. Винцента свиную голову, и вы идете съ ней во главѣ процессіи.

Но здѣсь ученый пылъ старика былъ прерванъ.

— Право, я первый разъ объ этомъ слышу. До сихъ поръ я еще ничего не получилъ отъ этого аббата. Но что бы вы тамъ ни размазывали, а все-таки я долженъ признаться, что недоволенъ должностью. Развѣ мнѣ мѣсто здѣсь, въ этой жалкой дырѣ? Вы сами знаете, вѣдь не кто иной, какъ я, былъ назначенъ исполнять смертный приговоръ надъ самимъ Шумакеромъ!

— Надъ Шумакеромъ, надъ графомъ Гриффенфельдомъ,—вскричалъ Орденеръ.

— Да-съ! Это васъ удивляетъ, господинъ нѣмой! Выпьемъ-ка, я разскажу вамъ, какъ было дѣло. Началъ-то я блестяще, а кончилъ скверно.

Онъ осушилъ стаканъ и началъ свой разсказъ.

— Въ 1676 году я былъ помощникомъ Рома Стуальда, королевскаго палача въ Копенгагенѣ. Когда графа Гриффенфельда приговорили къ смерти, хозяинъ мой заболѣлъ, и по его ходатайству я былъ назначенъ замѣнить его на этотъ случай. 5 іюня,—никогда не забуду я этого дня,—я еще въ пять часовъ утра поставилъ съ помощью плотника эшафотъ. Изъ уваженія къ осужденному мы затянули его чернымъ сукномъ. Въ восемь часовъ утра эшафотъ окружила гвардія. Шлезвигскіе уланы сдерживали тѣснившуюся вокругъ толпу. Кто не былъ бы опьяненъ на моемъ мѣстѣ! Держа въ рукахъ саблю, я стоялъ на эшафотѣ. На меня были обращены всѣ взоры. Въ эту минуту я былъ самымъ главнымъ лицомъ въ обоихъ королевствахъ. Моя карьера сдѣлана, говорилъ я себѣ. Дѣйствительно, что могли сдѣлать безъ меня всѣ эти господа, которые поклялись погубить канцлера? Я уже чувствовалъ себя королевскимъ палачомъ въ столицѣ. У меня будутъ помощники, привилегіи... Десять часовъ пробило на крѣпостной башнѣ. Осужденный вышелъ изъ тюрьмы, перешелъ площадь и твердо, спокойно вошелъ на эшафотъ. Я хотѣлъ подвязать ему волосы, онъ уклонился и самъ оказалъ себѣ эту послѣднюю услугу. «Давно я самъ не причесывался», сказалъ онъ съ улыбкой тюремному священ-

нику. Я предложилъ ему черную повязку. Онъ отказался съ негодованіемъ, но безъ всякаго презрѣнія ко мнѣ. «А вѣдь это, должно-быть, въ первый разъ, пріятель, представители двухъ крайнихъ должностей правосудія, канцлеръ и палачъ, стоятъ такъ близко другъ отъ друга». Эти слова врѣзались въ мою память. Отъ черной подушки, которую я хотѣлъ подложить ему подъ ноги, онъ также отказался. Потомъ, поцѣловавъ священника, онъ сталъ на колѣни, передъ тѣмъ громко объявивъ, что умираетъ невиннымъ. Тогда ударомъ молота я разбилъ его гербовый щитъ, вскричавъ по обычаю: «Это не дѣлается безъ законной причины». Это оскорбленіе поколебало твердость графа. Онъ поблѣднѣлъ, но тотчасъ проговорилъ: «Король далъ мнѣ гербъ, король можетъ и взять его». Онъ положилъ голову на плаху, повернувъ глаза къ западу, а я обѣими руками поднялъ саблю... Въ это время до меня донесся крикъ: «Помилованіе, помилованіе Шумакеру, именемъ короля!» Я обернулся. Къ эшафоту, махая надъ головой пергаментомъ, скакалъ адъютантъ. Шумакеръ всталъ, на лицѣ его не выразилось радости, только удовлетвореніе. Ему передали бумагу. «Боже мой,— вскричалъ онъ,—вѣчная тюрьма! Такое помилованіе страшнѣе смерти». И грустный, убитый, онъ сошелъ съ эшафота, на который входилъ веселымъ. А мнѣ было все равно. Я не подозрѣвалъ, что спасеніе этого человѣка было равносильно моей погибели. Разобравъ эшафотъ, я вернулся къ патрону еще полный розовыхъ надеждъ, жалѣя только о потерянномъ золотомъ экю, платѣ за обезглавленіе. Но этимъ дѣло не кончилось. На другой день я получилъ приказъ ѣхать въ Дронтгеймскій округъ съ дипломомъ провинціальнаго палача!.. Палачъ—въ самой послѣдней провинціи. Да, господа, такъ малыя причины приводятъ къ большимъ послѣдствіямъ. Враги графа, чтобы прослыть снисходительными, устроили все такъ, чтобы помилованіе пришло уже послѣ казни. Все дѣло было въ одной минутѣ. Они обозлились на то, что я промедлилъ, какъ будто прилично было не дать знаменитому преступнику немного позабавиться передъ смертью. Они хотѣли, чтобы королевскій палачъ, назначенный казнить канцлера, торопился, какъ провинціальный, когда онъ вѣшаетъ какого-нибудь жида! Къ этому присоединилась и интрига. У меня былъ братъ, а можетъ-быть, и теперь есть. Перемѣнивъ имя, онъ проникъ въ домъ новаго канцлера, графа Алефельда, и, конечно, мое присутствіе въ Копенгагенѣ было ему не по вкусу. Онъ презираетъ меня, потому что очень возможно, что когда-нибудь мнѣ придется его вѣшать.

При этихъ словахъ разсказчикъ расхохотался. Когда его веселость прошла, онъ продолжалъ:

— Но, какъ видите, дорогіе гости, я примирился со своею участью. Къ чорту самолюбіе! Чего мнѣ нужно? Я честно дѣлаю свое дѣло, продаю трупы; а то Бэкли дѣлаетъ скелеты и отправляетъ ихъ въ Бергенскій анатомическій музей. Я надъ всѣмъ смѣюсь, даже надъ этой бабой, которая прежде была цыганкой, а теперь сходитъ съ ума отъ одиночества. Мои наслѣдники возрастаютъ въ страхѣ дьявольскомъ и висѣличномъ. Моимъ именемъ

въ Дронтгеймѣ пугаютъ ребятъ. Синдики доставляютъ мнѣ повозку и красное платье. Проклятая Башня предохраняетъ меня отъ дождя ничуть не хуже, чѣмъ епископскій дворецъ. Священники, укрываясь у меня отъ грозы, угощаютъ меня проповѣдями. Ученые угощаютъ меня льстивыми лекціями. Въ концѣ-концовъ, я ничуть не хуже другихъ: я пью, ѣмъ, вѣшаю и сплю.

Само собой разумѣется, что во время этой рѣчи палачъ не забывалъ о пивѣ и то и дѣло принимался хохотать.

— Онъ убиваетъ и спитъ! о несчастный!—прошепталъ пасторъ.

— Какъ счастливъ этотъ бѣднякъ!—вскричалъ отшельникъ.

— Да, братъ отшельникъ, я такой же бѣднякъ, какъ вы, но счастливѣе васъ. Да и самое ремесло было бы ничего, если бъ у меня не отбивали барышей. Какая-то знаменитая свадьба, не знаю ужъ какая, дала поводъ новому главному пастору Дронтгеймскаго округа просить о помилованіи двѣнадцати осужденнымъ, которые принадлежатъ мнѣ.

— Вамъ?—вскричалъ пасторъ.

— Ну, разумѣется. Я долженъ былъ семерыхъ наказать кнутомъ, двоихъ заклеймить и трехъ повѣсить. Всего выходитъ двѣнадцать. Слѣдовательно, я теряю двѣнадцать экю и тридцать аскалиновъ, если ихъ помилуютъ. Хорошъ, по-вашему, этотъ попъ, который зарится на мое добро. Зовутъ его, если вамъ угодно знать, Аѳанасій Мюндеръ. Ну, попадись онъ мнѣ!

Пасторъ всталъ и проговорилъ спокойнымъ и ровнымъ голосомъ:

— Я Аѳанасій Мюндеръ.

Все лицо Оругикса запылало отъ гнѣва. Онъ быстро всталъ со стула, но, встрѣтившись съ спокойнымъ, яснымъ взоромъ пастора, безмолвно и смущенно опустился на стулъ.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Орденеръ, который всталъ изъ-за стола, готовый защищать священника, заговорилъ первый.

— Николь Оругиксъ,—сказалъ онъ,—вотъ тринадцать экю, чтобы вознаградить васъ за убытокъ отъ помилованія осужденныхъ.

— Увы, удастся ли мнѣ еще добиться этого помилованія. Нужно еще будетъ говорить съ сыномъ вице-короля, такъ какъ помилованіе зависитъ отъ его брака съ дочерью канцлера.

— Вы получите то, чего просите,—звучно сказалъ Орденеръ.— Орденеръ Гульденлью не надѣнетъ обручальнаго кольца, если съ вашихъ осужденныхъ не будутъ сняты оковы.

— Вы ничего не можете сдѣлать для этого, молодой чужестранецъ, но да услышитъ и да благословитъ васъ Богъ.

Тринадцать экю Орденера докончили то, что началъ взглядъ священника. Николь совершенно умиротворился, и къ нему вернулась его прежняя веселость.

— Послушайте, господинъ пасторъ,—сказалъ онъ. — Вы славный человѣкъ, вполнѣ достойный того, чтобы служить въ часовнѣ святого Иларіона. Я сказалъ о васъ больше того, что думалъ. Вы

идете прямо своей дорогой, не ваша вина, что она пересѣкаетъ мою. Но на кого я золъ, такъ это на стараго сторожа труповъ, этого колдуна, смотрителя Спладгеста; какъ его зовутъ, чортъ возьми? Сплiугри?.. Спадугри?.. Господинъ докторъ, вавилонская башня учености, вы все знаете, не знаете ли, какъ зовутъ этого вашего собрата? Вѣроятно, вамъ случалось его встрѣчать верхомъ на метлѣ на шабашахъ.

Будь въ эту минуту у Спiагудри подъ руками какое-нибудь средство передвиженiя, хотя бы въ родѣ летучей метлы, онъ не задумался бы ввѣрить ей свое испуганное бренное тѣло. Никогда еще не была въ немъ такъ сильна любовь къ жизни, какъ въ эту минуту, когда онъ всѣми своими органами чувствовалъ неминуемую опасность. Его все пугало,—и обстановка Проклятой Башни, и воспоминанiя палача, и мутный взглядъ красной женщины, и голосъ, и перчатки, и напитокъ пустынника, и смѣлость его спутника, но больше всего палачъ, этотъ палачъ, въ логовище котораго онъ попалъ, убѣгая отъ висѣвшаго надъ нимъ подозрѣнiя въ преступленiи. Онъ дрожалъ такъ сильно, что не могъ двинуть ни однимъ членомъ, въ особенности, когда заговорили о немъ и когда онъ услышалъ замѣчанiе Оругикса. Такъ какъ ему и въ голову не приходило подражать въ геройствѣ священнику, то онъ никакъ не могъ отвѣтить на послѣднiй вопросъ палача.

— Ну, — переспросилъ, палачъ, — знаете вы имя смотрителя Спладгеста? Что вы оглохли, что ли, подъ своимъ парикомъ?

— Немного, сударь... Но я не знаю этого имени, клянусь вамъ.

— Онъ не знаетъ?—сердито заговорилъ пустынникъ.—Онъ не долженъ былъ клясться. Этого человѣка зовутъ Бенигнусъ Спiагудри.

— Я, я! Боже мой,—въ ужасѣ вскричалъ старикъ.

Палачъ расхохотался.

— Да кто вамъ говоритъ, что это вы. Дѣло идетъ объ этомъ поганомъ смотрителѣ. И чего это онъ всегда пугается, этотъ ученый? Интересно знать, что бы было, если бъ у него была серьезная причина бояться. Забавно было бы его, напримѣръ, повѣсить! Итакъ, почтенный докторъ, вы не знаете Спiагудри?

— Нѣтъ, сударь,—отвѣчалъ смотритель, немного успокоенный тѣмъ, что его инкогнито не обнаружено.—Я его не знаю, увѣряю васъ. И мнѣ было бы даже очень непрiятно его знать, разъ онъ имѣетъ несчастiе быть вамъ не по сердцу.

— А вы какъ будто его знаете, отецъ отшельникъ? — продолжалъ Оругиксъ.

— Да, какъ же. Онъ очень высокъ, старъ, сухъ, лысъ...

Спiагудри, не на шутку взволнованный этимъ описанiемъ, поторопился поправить парикъ.

— Руки у него длиннѣе, чѣмъ у вора, не воровавшаго цѣлую недѣлю, спина согнута.

Спiагудри сѣлъ какъ можно прямѣе.

— Однимъ словомъ, его легко можно бы было принять за одинъ изъ его труповъ, не будь у него такихъ острыхъ глазъ.

Спіагудри поднесъ руку къ спасительному пластырю.

— Благодарю васъ,—сказалъ палачъ,—теперь-то если я гдѣ-нибудь встрѣчу, то ужъ узнаю стараго жида!

Спіагудри, который считалъ себя хорошимъ христіаниномъ, не могъ при этомъ ругательствѣ удержаться отъ восклицанія:

— Жида! о, сударь!..

Но онъ сейчасъ же спохватился, боясь, что сказалъ слишкомъ много.

— Ну, жидъ, язычникъ, не все ли равно, разъ, какъ говорятъ, онъ знается съ чортомъ.

— Я бы готовъ былъ повѣрить этому,—сказалъ пустынникъ,—если бъ онъ не былъ такой трусъ. Какъ могъ бы онъ вступить въ договоръ съ сатаною, когда онъ со страху даже себя не узнаетъ?

При этихъ словахъ подъ капюшономъ пустынника мелькнула ехидная улыбка.

Пустынникъ говорилъ медленно, какъ бы измѣненнымъ голосомъ, и эта медленность придавала его словамъ странный оттѣнокъ.

«Себя не узнаетъ» внутренно повторилъ Спіагудри.

— А досадно, что этотъ негодяй такой трусъ, — сказалъ палачъ.—Не стоитъ, значитъ, труда его ненавидѣть. Со змѣей нужно сражаться, а ящерицъ прямо давятъ.

Спіагудри попытался было защитить себя.

— Но, господа, увѣрены ли вы, что человѣкъ этотъ таковъ, какимъ вы его описываете? Развѣ у него такая репутація?

— Самая отвратительная репутація!—вскричалъ пустынникъ.

Бенигнусъ обернулся къ палачу.

— Но, скажите, въ чемъ вы его упрекаете?—сказалъ онъ.—Я увѣренъ, что ваша ненависть имѣетъ основаніе.

— Еще бы не имѣла: конечно, имѣетъ. Я и Спіагудри, мы торгуемъ однимъ и тѣмъ же, и онъ дѣлаетъ все, чтобы повредить мнѣ.

— О, не вѣрьте этому, сударь. А если бы и такъ, то вѣдь этотъ человѣкъ не видѣлъ васъ, какъ я, рядомъ съ женою, среди прелестныхъ дѣтей, среди чужестранцевъ, которыхъ вы принимаете у своего домашняго очага. Если бы онъ, какъ я, имѣлъ случай наслаждаться вашимъ гостепріимствомъ, то онъ не могъ бы быть вашимъ врагомъ.

Но едва Спіагудри кончилъ эту искусную рѣчь, какъ красная женщина, хранившая до сихъ поръ молчаніе, встала и проговорила съ какой-то злобной торжественностью:

— Змѣиное жало становится еще опаснѣе, когда оно смазано медомъ.

И, сказавъ это, она снова сѣла и принялась точить щипцы. Острый звукъ этой мрачной работы какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ обстановкѣ и производилъ впечатлѣніе хора въ греческой трагедіи.

— Эта женщина сумасшедшая, — пробормоталъ Спіагудри, не зная, чѣмъ объяснить, что лесть его была такъ дурно принята.

— Бэкли права, господинъ бѣлокурый докторъ. И я, дѣйствительно, буду считать, что у васъ не языкъ, а змѣиное жало, если вы будете еще пытаться оправдывать этого Спiагудри!—вскричалъ палачъ.

— Да сохранитъ меня отъ этого Создатель! Я и не думаю его оправдывать!—въ испугѣ вскричалъ смотритель.

— И отлично! Къ тому же вы не знаете, до чего доходитъ его наглость. Представьте себѣ, что онъ смѣетъ оспаривать у меня право собственности на Гана-Исландца.

— На Гана-Исландца!—живо проговорилъ отшельникъ.

— Ну, да! А вы знаете этого разбойника?

— Знаю.

— Ну, вотъ, видите ли! Каждый разбойникъ достается, въ концѣ-концовъ, палачу, не правда ли? Что же дѣлаетъ этотъ дьяволъ Спiагудри? Онъ проситъ, чтобы голова Гана была оцѣнена.

— Онъ проситъ объ этомъ?—спросилъ пустынникъ.

— Имѣетъ наглость. И все для того, чтобы тѣло Гана досталось ему, а не мнѣ. Онъ просто ограбить меня хочетъ.

— Вотъ ужъ это совсѣмъ безчестно, господинъ Оругиксъ. Осмѣливаться оспаривать у васъ имущество, которое такъ безспорно принадлежитъ вамъ,—промолвилъ пустынникъ.

Эти слова сопровождались насмѣшливой улыбкой, которая привела Спiагудри въ ужасъ.

— Это тѣмъ болѣе подло,—сказалъ палачъ,—что такая казнь, какъ казнь Гана, только и можетъ дать мнѣ возможность получить повышенiе послѣ неудачи съ Шумакеромъ.

— Вы думаете?

— Разумѣется. Какъ только Ганъ будетъ арестованъ, я устраиваю пиръ горой. Милости просимъ тогда ко мнѣ на поросенка.

— Съ удовольствiемъ. Но, кто знаетъ, буду ли я самъ въ это время на свободѣ. Къ тому же, вы только что послали къ черту всякое честолюбiе.

— А какъ же иначе, если какой-нибудь Спiагудри и его просьба объ оцѣнкѣ головы Гана могутъ разрушить мои самые прочные планы?

— А Спiагудри самъ подалъ эту просьбу? — спросилъ пустынникъ какимъ-то страннымъ голосомъ.

Для Спiагудри этотъ голосъ былъ тѣмъ же, чѣмъ взглядъ жабы для птицы.

— Нельзя судить такъ поспѣшно, господа. Можетъ-быть, это пустые слухи,—сказалъ онъ.

— Пустые слухи! Какiе ужъ тутъ слухи, когда просьба синдиковъ, скрѣпленная подписью Спiагудри, находится въ ностоящее время въ Дронтгеймѣ! Теперь дѣло только за резолюцiей губернатора.

Палачъ былъ такъ хорошо освѣдомленъ, что Спiагудри не рѣшился продолжать своего оправданiя. Онъ только мысленно въ сотый разъ проклялъ своего молодого спутника. Но можно вообра-

зить, что сталось съ нимъ, когда пустынникъ, какъ будто что-то обдумывавшій, вдругъ спросилъ у палача тономъ, въ которомъ слышалась нескрываемая насмѣшка:

— Скажите, пріятель Николь, какая казнь полагается за святотатство?

На Спіагудри эти слова произвели такое дѣйствіе, какъ-будто съ него сорвали парикъ и пластырь. Онъ съ трепетомъ ждалъ отвѣта Николя, но тотъ въ это время допивалъ свое пиво...

— Это зависитъ отъ того, въ чемъ состояло святотатство, — отвѣтилъ онъ, наконецъ.

— Если оно состояло въ оскверненіи трупа?

Теперь Спіагудри съ минуты на минуту ждалъ, что загадочный пустынникъ назоветъ его имя.

— Прежде,—сказалъ Николь,—ихъ зарывали живыми вмѣстѣ съ оскверненнымъ трупомъ.

— А теперь?

— Теперь много мягче.

— Мягче,—едва дыша, повторилъ Спіагудри.

— Да,—продолжалъ палачъ съ небрежнымъ и довольнымъ видомъ артиста, говорящаго о своемъ искусствѣ, — теперь имъ сначала выжигаютъ каленымъ желѣзомъ букву С на икрахъ.

— А потомъ?—спросилъ привратникъ, къ которому по полному отсутствію икръ эта казнь врядъ ли могла быть примѣнена.

— А потомъ ихъ только вѣшаютъ,—отвѣчалъ палачъ.

— Боже мой, вѣшаютъ!—вскричалъ Спіагудри.

— Ну да, а что же еще? И чего онъ на меня смотритъ, какъ осужденный на висѣлицу?

— Я съ удовольствіемъ вижу, что власть начала проникаться духомъ человѣчности,—сказалъ пустынникъ.

Тѣмъ временемъ гроза уже прошла, на дворѣ стало тихо, и вдругъ среди этой тишины звонко раздались рѣзкіе, прерывистые звуки рога.

— Николь,—сказала женщина.—Это преслѣдуютъ какого-нибудь злодѣя. Слышишь рогъ стрѣлковъ?

— Рогъ стрѣлковъ!—повторили всѣ на разные голоса. Но голосъ Спіагудри звучалъ смертельнымъ ужасомъ. Почти тотчасъ же раздался громкій стукъ у входа въ башню.

XIII.

> Остается найти только человѣка, и тогда возстаніе вспыхнетъ по первому сигналу. Элементы его всѣ налицо. Кто начнетъ? Да, какъ только будетъ найдена точка опоры, все поколеблется.
>
> *Бонапартъ.*

Левигъ представляетъ собою небольшой городокъ, расположенный на сѣверномъ берегу Дронгеймскаго залива и защищенный сзади низкой цѣпью голыхъ холмовъ, причудливо разрѣзанныхъ

разными пашнями, что придаетъ имъ видъ мозаичныхъ панно, прислоненныхъ къ горизонту. Видъ городка печаленъ. Деревянныя и тростниковыя хижины рыбаковъ, коническія земляныя постройки рудокоповъ, доживающихъ здѣсь свой вѣкъ на сбереженія, хрупкіе шалаши, оставленные охотниками за сернами, съ соломенными крышами и стѣнами изъ звѣриныхъ шкуръ, окаймляютъ кривыя улицы мѣстечка.

На мѣстѣ, гдѣ теперь сохранились только слѣды большой башни, тогда возвышалась старая крѣпость, построенная ордою Финъ-Аркера, владѣльца Левига и брата по оружію съ королемъ Гальфданомъ Язычникомъ. Въ тысяча шестьсотъ девяносто восьмомъ году въ крѣпости жилъ синдикъ городка, такъ какъ это было лучшее помѣщеніе въ городѣ, если не считать того, которое занималъ серебристый аистъ, поселявшійся каждое лѣто на остроконечной верхушкѣ церковной колокольни, подобно бѣлой жемчужинѣ на острой шапочкѣ мандарина.

Въ то самое утро, когда Орденеръ прибылъ въ Дронтгеймъ, какая-то знатная особа, также инкогнито, высадилась въ Левигѣ. Золоченыя носилки, хотя и съ снятыми гербами, и четыре огромныхъ, съ ногъ до головы вооруженныхъ лакея, сопровождавшихъ особу, сдѣлались тотчасъ же предметомъ общихъ толковъ и общаго любопытства. Хозяинъ «Золотой Чайки», маленькой таверны, гдѣ остановилось знатное лицо, принялъ съ своей стороны чрезвычайно таинственный видъ и отвѣчалъ на всѣ разспросы: я ничего не знаю, съ такимъ видомъ, будто хотѣлъ сказать: я-то знаю все, но вы ничего не узнаете. Огромные лакеи были нѣмѣе рыбъ и мрачнѣе, чѣмъ отверстія шахты.

Синдикъ сначала заперся въ своей башнѣ, ожидая перваго визита отъ иностранца, но вскорѣ жители съ удивленіемъ увидѣли, что онъ два раза напрасно являлся въ «Золотую Чайку», а вечеромъ выжидалъ поклона путешественника, сидѣвшаго передъ полуоткрытымъ окномъ

Кумушки заключили изъ этого, что знатная особа открыла свой высокій санъ господину синдику. Но онѣ ошибались. У синдика былъ посланный отъ иностранца и предъявилъ ему паспортъ своего господина. Синдикъ замѣтилъ на большой печати зеленаго сургуча двѣ скрещенныя руки правосудія, поддерживающія горностаевую мантію, увѣнчанную графской короной, помѣщенной въ щитѣ, вокругъ котораго висѣли цѣпи орденовъ Слона и Данеброга. Этого было вполнѣ достаточно для синдика, живѣйшимъ желаніемъ котораго было получить отъ государственной канцеляріи лучшій синдикатъ въ Дронтгеймскомъ округѣ. Но всѣ усилія его представиться знатному иностранцу были напрасны, такъ какъ тотъ не желалъ никого видѣть.

Второй день пребыванія путешественника въ Левигѣ склонялся къ вечеру, когда хозяинъ гостиницы вошелъ въ его комнату, докладывая ему съ низкимъ поклономъ, что ожидаемый его милостью посланный только что прибылъ.

— Хорошо,—сказалъ его милость,—пусть войдетъ.

Минуту спустя, посланный вошелъ, старательно притворилъ за собою дверь и, низко поклонившись, остановился, почтительно выжидая вопроса.

— Я васъ ждалъ сегодня утромъ. Что васъ задержало?

— Интересы вашей милости, графъ. Развѣ у меня есть другія заботы?

— Что дѣлаетъ Эльфегія? Какъ поживаетъ Фридрихъ?

— Они здоровы...

— Хорошо, хорошо,—прервалъ графъ,—нѣтъ ли у васъ чего-нибудь поинтереснѣе? Что новаго въ Дронтгеймѣ?

— Ничего, кромѣ того, что баронъ Торвикъ пріѣхалъ туда вчера.

— Да, я знаю, онъ хотѣлъ посовѣтоваться съ старымъ мекленбуржцемъ Левиномъ по поводу своего будущаго брака. Знаете ли вы, каковы результаты его свиданія съ губернаторомъ?

— Вчера въ полдень, когда я уѣхалъ, онъ еще не былъ у генерала.

— Какъ? Прибывъ наканунѣ? Вы меня удивляете, Мусдэмонъ. А видѣлся ли онъ съ графиней?

— Нѣтъ.

— Такъ вы его видѣли?

— Нѣтъ, благородный графъ. Впрочемъ, я его и не знаю.

— Такъ откуда же, если его никто не видалъ, вы знаете, что онъ въ Дронтгеймѣ?

— Отъ его слуги, который остановился вчера во дворцѣ губернатора.

— А онъ самъ гдѣ же остановился?

— Его слуга увѣряетъ, что тотчасъ по пріѣздѣ онъ отправился въ Мункгольмъ, побывавъ предварительно въ Спладгестѣ.

Глаза графа загорѣлись.

— Въ Мункгольмъ! Въ тюрьму, гдѣ Шумакеръ! Вы увѣрены въ томъ? Я всегда думалъ, что этотъ честный Левинъ—измѣнникъ. Въ Мункгольмъ! Что его привлекаетъ туда? Ужъ не отправился ли онъ совѣтоваться съ Шумакеромъ?..

— Благородный графъ, — прервалъ его Мусдэмонъ, — вѣдь навѣрное еще неизвѣстно, былъ ли онъ тамъ.

— Что такое! Что вы говорите? Вы смѣетесь надо мною!

— Простите, графъ, но я передалъ вамъ лишь слова слуги барона. А господинъ Фридрихъ, который былъ вчера дежурнымъ въ замкѣ, не видѣлъ тамъ барона Орденера.

— Прекрасное доказательство! Мой сынъ вѣдь не знаетъ сына вице-короля. Орденеръ могъ явиться туда инкогнито.

— Да. Но господинъ Фридрихъ увѣряетъ, что онъ никого не видѣлъ.

Графъ, казалось, успокоился.

— Это другое дѣло. Такъ мой сынъ утверждаетъ, что тамъ никого не было?

— Онъ три раза подтвердилъ мнѣ это. А интересы господина Фридриха въ этомъ случаѣ вполнѣ совпадаютъ съ интересами вашей милости.

Это соображеніе посланнаго вполнѣ успокоило графа.

— Да,—сказалъ онъ,—я понимаю. Баронъ, прибывъ въ Дронтгеймъ, захотѣлъ, вѣроятно, прокатиться по заливу, а слуга вообразилъ, что онъ отправился въ Мункгольмъ. Дѣйствительно, что ему тамъ дѣлать? Съ моей стороны было очень глупо безпокоиться. Эта небрежность моего зятя по отношенію къ старому Левину доказываетъ только, что онъ вовсе его не такъ любитъ, какъ я боялся. Вы не повѣрите, дорогой Мусдэмонъ,—продолжалъ графъ съ улыбкой,—что я уже вообразилъ Орденера влюбленнымъ въ Этель Шумакеръ и построилъ цѣлый романъ и интригу изъ этой поѣздки въ Мункгольмъ. Но, слава Богу, Орденеръ не такой безумецъ, какъ я. Кстати, какъ чувствуетъ себя эта молодая Даная въ объятіяхъ моего сына?

У Мусдэмона были тѣ же подозрѣнія относительно Этели Шумакеръ и ему труднѣе было побороть ихъ, чѣмъ графу. Однако, въ восторгѣ отъ улыбки своего покровителя, онъ счелъ за лучшее не тревожить ясности его духа, но, напротивъ, постарался отыскать средство ее увеличить: хорошее настроеніе великихъ міра сего выгодно для ихъ фаворитовъ.

— Графъ, вашъ сынъ не имѣлъ успѣха у дочери Шумакера, но, кажется, другой былъ болѣе счастливъ.

— Другой? Кто же?—живо спросилъ графъ.

— Не знаю, какой-то не то крестьянинъ не то вассалъ...

— Правда ли это?—вскричалъ графъ, и мрачное лицо его просіяло.

— Господинъ Фридрихъ увѣрялъ въ этомъ меня и графиню.

Графъ всталъ и принялся ходить по комнатѣ, потирая руки.

— Мусдэмонъ, милый Мусдэмонъ, еще одно усиліе, и мы у цѣли. Отростокъ дерева погибъ. Намъ остается только повалить стволъ... Нѣтъ ли у васъ еще чего-нибудь хорошенькаго?

— Диспольсенъ убитъ.

Морщины на лицѣ графа разгладились совершенно.

— Вотъ удача за удачей! А его бумаги? Нашли ли, главное, желѣзную шкатулку?

— Я долженъ сообщить вамъ, что, къ сожалѣнію, убійство было совершено не нашими. Онъ былъ убитъ и ограбленъ на Урхтальскихъ отмеляхъ, и убійцей его считается Ганъ-Исландецъ.

— Ганъ-Исландецъ! — вскричалъ графъ, и лицо его омрачилось.—Какъ? этотъ знаменитый разбойникъ, котораго мы хотимъ поставить во главѣ нашего возстанія?

— Онъ самый. И я боюсь, судя по всему, что̀ о немъ разсказываютъ, что намъ трудно будетъ его найти. Во всякомъ случаѣ, у меня есть въ виду вождь, который приметъ его имя, и, въ случаѣ надобности, замѣнитъ его. Это одинъ горецъ, высокій и крѣпкій, какъ дубъ, смѣлый, какъ волкъ снѣжной пустыни. Невозможно, чтобы подобный гигантъ не былъ похожъ на Гана-Исландца.

— Развѣ этотъ Ганъ-Исландецъ высокаго роста? — спросилъ графъ.

— По слухамъ, какіе ходятъ въ народѣ, — да, ваша милость.

— Я всегда восхищался, милый Мусдэмонъ, искусствомъ, съ какимъ вы строите свои планы. Когда вспыхнетъ возстаніе?

— О, въ самомъ близкомъ будущемъ. Даже, можетъ-быть, въ эту самую минуту. Рудокопы уже давно страдаютъ отъ притѣсненій. Всѣ съ радостью ухватились за идею возстанія. Оно вспыхнетъ сначала въ Гульдбраншалѣ, распространится въ Зундъ-Моерѣ, достигнетъ Конгсберга. Двѣ тысячи рудокоповъ могутъ быть подняты на ноги въ три дня. Возстаніе произойдетъ отъ имени Шумакера. Отъ его имени дѣйствуютъ наши эмиссары. Южные резервы и гарнизоны Дронтгейма и Сконгена будутъ поколеблены. И вы явитесь тогда, чтобы подавить возмущеніе — это будетъ новая важная заслуга ваша въ глазахъ короля—и чтобы избавить его отъ безпокойнаго Шумакера. Вотъ на какихъ незыблемыхъ основаніяхъ возвысится зданіе, которое увѣнчаетъ бракъ благородной Ульрики и барона Торвика.

Интимный разговоръ двухъ негодяевъ никогда не бываетъ продолжителенъ: все, что есть еще въ нихъ человѣческаго, быстро приходитъ въ ужасъ отъ того, что есть адскаго въ ихъ душахъ. Когда двѣ развращенныя души обнаруживаются другъ передъ другомъ во всей своей безстыдной наготѣ, ихъ взаимное безобразіе возмущаетъ даже ихъ самихъ. Преступленіе внушаетъ ужасъ самому преступленію, и два злодѣя, бесѣдующіе со всѣмъ цинизмомъ, который допускается разговоромъ наединѣ, о своихъ страстяхъ, удовольствіяхъ и дѣлахъ, являются одинъ для другого какъ бы ужаснымъ зеркаломъ. Ихъ собственная низость унижаетъ ихъ въ другомъ, ихъ гордость смущаетъ ихъ и собственное ничтожество приводитъ ихъ въ ужасъ. И они не могутъ бѣжать отъ себя, не узнавать самихъ себя въ себѣ подобныхъ. Каждое постыдное отношеніе, каждое ужасное совпаденіе, каждое низкое сходство рѣзко обнаруживаются передъ ними, какъ будто на нихъ указываетъ имъ какой-то неутомимый наблюдатель. Какою бы таинственностью ни окружены были ихъ разговоры, они всегда имѣютъ двухъ невыносимыхъ свидѣтелей: Бога, Котораго они не видятъ, и совѣсть, которую они чувствуютъ. Конфиденціальные разговры съ Мусдэмономъ были тѣмъ болѣе утомительны для графа, что тотъ, не стѣсняясь, всегда ставилъ на видъ, что его патронъ наравнѣ съ нимъ участвуетъ въ исполненныхъ или задуманныхъ преступленіяхъ. Многіе приспѣшники стараются, по крайней мѣрѣ, наружно устранить своихъ покровителей отъ всякихъ злодѣяній. Они берутъ на себя отвѣтственность за преступленія и предоставляютъ даже часто патрону думать, какъ будто онъ сдѣлалъ все, чтобы помѣшать совершиться выгодному злодѣйству.

Мусдэмонъ съ утонченнымъ расчетомъ придерживался противоположнаго образа дѣйствій. Онъ предпочиталъ имѣть видъ исполнителя, а не совѣтчика. Онъ зналъ душу своего патрона такъ же, какъ тотъ зналъ его душу. Онъ не скомпрометировалъ бы себя, не скомпрометировавъ при этомъ и графа. Голова, которую графъ

съ удовольствіемъ приказалъ бы срубить послѣ головы Шумакера, была голова Мусдэмона. Онъ былъ въ этомъ увѣренъ такъ, какъ будто графъ самъ сказалъ ему это, и графъ зналъ, что это ему извѣстно.

Графъ узналъ все, что ему хотѣлось знать. Онъ былъ удовлетворенъ, оставалось только отпустить Мусдэмона.

— Мусдэмонъ,—сказалъ онъ съ милостивой улыбкой, — вы самый вѣрный и самый усердный изъ моихъ слугъ. Все идетъ прекрасно, и этимъ я вамъ обязанъ. Я сдѣлаю васъ тайнымъ секретаремъ государственной канцеляріи.

Мусдэмонъ глубоко поклонился.

— Но это не все, — продолжалъ графъ. — Я попробую попросить для васъ въ третій разъ орденъ Данеброга. Но все-таки боюсь, что ваше низкое происхожденіе, ваше недостойное родство...

Мусдэмонъ краснѣлъ, блѣднѣлъ и старался скрыть свое лицо въ низкомъ поклонѣ.

— Можете итти, — сказалъ графъ, протягивая ему руку для поцѣлуя.—Ступайте, тайный секретарь, приготовьте себѣ дипломъ на новую должность и грамоту на орденъ. Можетъ-быть, они застанутъ короля въ хорошемъ расположеніи духа.

— Согласится или не согласится его величество, я просто смущенъ и горжусь добротой ко мнѣ вашего сіятельства...

— Поторопитесь, мой милый, такъ какъ я спѣшу уѣхать. Надо еще постараться собрать вѣрныя свѣдѣнія объ этомъ Ганѣ.

Мусдэмонъ съ поклономъ пріотворилъ дверь, намѣреваясь выйти.

— Да,—сказалъ графъ,—я забылъ... Въ качествѣ частнаго секретаря вы напишете въ государственную канцелярію, чтобы оттуда прислали отставку здѣшнему синдику. Онъ роняетъ свой санъ и значеніе въ кантонѣ тысячью низостей, которыя онъ продѣлываетъ передъ неизвѣстными ему пріѣзжими.

XIV.

Монахъ, идущій ночью въ молельню,
Рыцарь, объѣзжающій боевого коня,
Тотъ, кто умираетъ подъ звукъ трубы,
И тотъ, кто умираетъ подъ мирные звуки молитвы,
Одинаково служатъ предметомъ твоихъ заботъ,
Которыя ты расточаешь и воину подъ шлемомъ,
И монаху съ тонзурой.

Гимнъ святому Ансельму.

— Да, сударь, мы по справедливости должны совершить паломничество въ Линрасскую пещеру. Можно ли было думать, что этотъ пустынникъ, котораго я проклиналъ, какъ адскаго духа, будетъ нашимъ ангеломъ-хранителемъ, и что копье, которое, ка-

залось, угрожало намъ каждую минуту, послужитъ намъ мостомъ черезъ пропасть.

Въ такихъ довольно причудливыхъ выраженіяхъ высказывалъ Бенигнусъ Спіагудри передъ Орденеромъ свою радость, восторгъ и благодарность таинственному пустыннику. Легко догадаться, что наши путешественники уже вышли изъ Проклятой Башни. Мы застаемъ ихъ уже довольно далеко отъ деревушки Виглы, съ трудомъ идущими по дорогѣ, перерѣзанной болотами, загроможденной огромными камнями, которыхъ немало занесли на эту сырую и вязкую почву разлившіеся отъ вчерашней грозы потоки. Еще не разсвѣло. Только кустарники, растущіе на вершинахъ скалъ по обѣ стороны дороги, черными группами вырисовывались на бѣловатомъ небѣ, и предметы представлялись глазу еще безцвѣтными, постепенно принимающими свои очертанія въ этомъ тускломъ и какъ бы густомъ свѣтѣ, который разливаетъ сѣверная заря въ холодномъ утреннемъ туманѣ.

Орденеръ шелъ молча. Онъ уже нѣсколько минутъ находился въ томъ сладкомъ полуснѣ, который часто является при ходьбѣ. Наканунѣ ему удалось заснуть только въ тѣ немногіе часы, когда онъ возвращался ночью въ лодкѣ рыбака изъ Спладгеста въ Мункгольмъ. Поэтому пока его тѣло шло по направленію къ Скونгену, мысль его улетѣла къ Дронтгеймскому заливу, въ мрачную темницу, подъ темными сводами которой было заключено единственное въ мірѣ существо, составлявшее его надежду и счастье. Когда онъ бодрствовалъ, воспоминаніе объ Этели владѣло всѣми его мыслями; когда онъ засыпалъ, это воспоминаніе становилось фантастическимъ образомъ, освѣщавшимъ его сны. Въ этой второй жизни, жизни сна, когда живетъ какъ будто одна душа, когда наше физическое существо со всѣми его матеріальными страданіями находится какъ бы въ обморокѣ, онъ видѣлъ эту чудную дѣвушку не красивѣе, не чище, не счастливѣе, но свободнѣе, больше ему принадлежащей. Только по пути въ Сконгенъ забытье его тѣла и оцѣпенѣніе всѣхъ его способностей не могло быть полнымъ. Время-отъ-времени рытвина, камень, древесная вѣтка, попавшая подъ ноги, возвращали его внезапно отъ мечты къ дѣйствительности.

Тогда онъ поднималъ голову, полуоткрывалъ усталые глаза и съ сожалѣніемъ чувствовалъ себя вырваннымъ изъ своего небеснаго путешествія для утомительнаго пути по землѣ, гдѣ ничто не вознаграждало его за отлетѣвшія сновидѣнія, кромѣ удовольствія ощущать на груди своей локонъ, замѣняющій ему Этель, пока она вся не будетъ, наконецъ, его.

Потомъ воспоминаніе о ней вновь вызывало фантастическій образъ, и онъ нѣжно всплывалъ передъ нимъ уже не во снѣ, но въ смутной и упорной мечтѣ.

— Сударь,—повторилъ Спіагудри громче, и его голосъ и одновременно съ тѣмъ толчокъ о древесный стволъ разбудили Орденера,—не бойтесь ничего, сударь: стрѣлки, выйдя изъ башни, пошли направо вмѣстѣ съ отшельникомъ. Мы уже достаточно да-

леко отъ нихъ и намъ можно разговаривать безъ опасенія. Правда, до сихъ поръ молчать было благоразумнѣе.

— Право,—зѣвая сказалъ Орденеръ,—вы немного далеко простираете свою осторожность. Вотъ уже три часа, по крайней мѣрѣ, какъ мы ушли изъ башни и отъ стрѣлковъ.

— Правда, правда, сударь, но осторожность никогда не мѣшаетъ. Видите, если бы я назвалъ себя въ эту минуту, когда начальникъ этого адскаго отряда спрашивалъ Бенигнуса Спіагудри такимъ голосомъ, какимъ, навѣрное, Сатурнъ спрашивалъ своего новорожденнаго сына, чтобы пожрать его, если бы въ эту ужасную минуту я не прибѣгъ къ осторожному молчанію, скажите, сударь, гдѣ бы я теперь былъ?

— Честное слово, старикъ, я думаю, что въ ту минуту изъ васъ и тисками нельзя было бы вырвать вашего имени.

— А развѣ я не былъ правъ? Заговори я,—и пустынникъ, да охранитъ его святой Госпицій, не успѣлъ бы спросить начальника, не Мункгольмскіе ли стрѣлки въ его отрядѣ. Очевидно, онъ спросилъ это такъ себѣ единственно для того, чтобы выиграть время. А вы замѣтили, съ какой странной улыбкой предложилъ онъ имъ слѣдовать за собой послѣ утвердительнаго отвѣта начальника?

Здѣсь смотритель на минуту остановился, какъ бы собираясь съ силами. Потомъ онъ заговорилъ голосомъ, полнымъ слезливаго энтузіазма:

— Добрый священникъ! Достойный и добродѣтельный анахоретъ, проводящій въ жизнь правила христіанской человѣчности и евангельскаго милосердія! А я еще боялся его, судя по внѣшности, правда, довольно странной. Но она скрываетъ такую прекрасную душу! Замѣтили ли вы еще, сударь, что было что-то странное въ звукѣ его голоса, когда онъ, уводя съ собою стрѣлковъ, сказалъ мнѣ: до свиданія. Въ другое время этотъ тонъ напугалъ бы меня, но чѣмъ виноватъ тутъ благочестивый и добрый священникъ? Одиночество, безъ сомнѣнія, придаетъ голосу этотъ странный тембръ... Я знаю, сударь, — и Бенигнусъ значительно понизилъ голосъ,—другого отшельника, этого ужаснаго, живущаго, какъ... но нѣтъ, изъ уваженія къ достойному Линрасскому пустыннику я не сдѣлаю этого постыднаго сближенія... Въ его перчаткахъ также нѣтъ ничего удивительнаго—теперь достаточно холодно для того, чтобы ихъ носить... И его соленое питье также меня не удивляетъ: у католическихъ монаховъ часто бываютъ странныя правила. На это есть даже указаніе въ стихахъ знаменитаго Урензіуса, отшельника Кавказскихъ горъ:

Rivos despiciens, maris undam potat amaram. [1])

Какъ это я не вспомнилъ этой строки въ той проклятой Вигльской развалинѣ! Немного побольше памятливости,— и я былъ бы избавленъ отъ тысячи безумныхъ опасеній, хотя трудно сохранить

---

[1]) Озираясь на берега, онъ пьетъ горькую морскую воду.

ясность мысли въ подобномъ притонѣ, сидя за столомъ палача... Палача!—существа, обреченнаго на общее презрѣніе и отвращеніе, которое отличается отъ убійцы только бо̀льшимъ количествомъ и безнаказанностью убійствъ, — сердце котораго ко всей жестокости самыхъ ужасныхъ разбойниковъ присоединяетъ еще низость, какой не можетъ быть въ тѣхъ (она исключается въ нихъ опасностью ихъ преступленій), — существа, предлагающаго пищу и наливающаго питье тою же рукою, которая двигаетъ орудіями пытки и раздробляетъ кости несчастныхъ межъ сближенными досками кобылы. Дышать однимъ воздухомъ съ палачомъ! Да самый жалкій нищій съ ужасомъ бросилъ бы свои послѣднія лохмотья, защищавшіе его наготу отъ болѣзней и простуды, если бы ихъ осквернило нечистое прикосновеніе палача.

И канцлеръ, подписавъ его дипломы, бросаетъ печати подъ столъ въ знакъ отвращенія и проклятія. А во Франціи, когда умретъ палачъ, нижніе полицейскіе чины предпочитаютъ платить штрафъ въ 40 ливровъ, лишь бы ихъ не назначили на его мѣсто. Въ Пештѣ осужденный на казнь Черчилль, которому предложено было помилованіе, если онъ согласится быть палачомъ, предпочелъ смерть этому презрѣнному ремеслу. Замѣчательно также, что Турмеренъ, епископъ маестрихтскій, велѣлъ вновь освятить церковь, куда вошелъ палачъ. Вы знаете также, что французскіе короли, въ знакъ особой чести военнымъ, предписываютъ казнить ихъ ихъ же товарищамъ, чтобы эти благородные люди, даже когда они преступны, не были бы обезчещены прикосновеніемъ палача. И, наконецъ, въ заключеніе всего, въ «Схожденіи святого Георгія въ адъ», написанномъ ученымъ Мелазіусомъ Итурамомъ, Харонъ пропускаетъ впередъ сначала Робина Гуда, а потомъ палача Филиппкраса. Право, сударь, если я когда-нибудь достигну власти,— а это можетъ знать только одинъ Богъ, — я отмѣню палачей и возстановлю старый обычай и прежніе тарифы. За убійство князя будутъ платить, какъ въ тысяча сто пятидесятомъ году, тысячу четыреста сорокъ двойныхъ королевскихъ экю, за убійство графа— тысячу четыреста сорокъ простыхъ экю, за убійство барона—тысячу четыреста сорокъ низкихъ экю. Убійство дворянина оплачивалось бы тысячью четыреста сорока аскалинами, убійство горожанина...

— Мнѣ кажется, я слышу топотъ лошади, кто-то догоняетъ насъ,—прервалъ его Орденеръ. Оба обернулись. Пока разглагольствовалъ Спіагудри, успѣло уже настать утро, и они могли различить шагахъ въ ста позади одѣтаго во все черное человѣка, сидящаго верхомъ на маленькой бѣлой лошадкѣ. Одной рукой человѣкъ дѣлалъ имъ какіе-то знаки, другою погонялъ свою лошадь.

— Ради Бога, сударь, — сказалъ трусливый Спіагудри, — пойдемте поскорѣе: этотъ черный человѣкъ, мнѣ кажется, что-то очень похожъ на стрѣлка.

— Какъ, старикъ! Насъ двое и мы побѣжимъ передъ однимъ?..

— Увы! двадцать кобчиковъ бѣгутъ передъ одной совой. Какая честь въ томъ, что мы будемъ его ждать?

— А съ чего вы взяли, что онъ такъ страшенъ? Не безпокойтесь, мой храбрый проводникъ, я узнаю этого путника. Подождемъ его.

Надо было уступить. Минуту спустя, всадникъ подъѣхалъ, и Спіагудри пересталъ дрожать, узнавъ спокойнаго и яснаго, какъ всегда, пастора Аѳанасія Мюндера.

Священникъ съ улыбкой имъ поклонился и, остановивъ лошадь, проговорилъ задыхающимся голосомъ:

— Дѣти мои, для васъ я вернулся назадъ, и Богъ не допуститъ, конечно, чтобы мое отсутствіе, вызванное желаніемъ добра, послужило во вредъ тѣмъ, кому мое присутствіе полезно.

— Господинъ пасторъ, — отвѣчалъ Орденеръ, — мы счастливы, если можемъ чѣмъ-нибудь вамъ послужить.

— Напротивъ, благородный юноша, я хочу оказать вамъ услугу. Не можете ли вы сказать мнѣ, какова цѣль вашего путешествія?

— Нѣтъ, не могу, господинъ пасторъ.

— Я бы хотѣлъ, сынъ мой, чтобы вашъ отвѣтъ дѣйствительно не былъ пустой отговоркой, вызванной недовѣріемъ. Ибо горе тому, кому не довѣряетъ порядочный человѣкъ, хотя бы послѣ самаго кратковременнаго знакомства.

Смиреніе и кротость священника тронули Орденера.

— Я могу сказать вамъ только одно, отецъ мой, что мы идемъ въ сѣверныя горы.

— Я такъ и думалъ, сынъ мой, поэтому я и догонялъ васъ. Въ этихъ горахъ много шаекъ рудокоповъ и охотниковъ; онѣ не безопасны для путешественниковъ.

— И что же?

— Что же? я знаю, напрасно было бы пытаться вернуть съ дороги благороднаго молодого человѣка, если онъ самъ ищетъ опасности. Но уваженіе, которое я къ вамъ чувствую, внушило мнѣ другой способъ быть вамъ полезнымъ. Несчастный фальшивый монетчикъ, у котораго я былъ вчера съ послѣднимъ утѣшеніемъ отъ Господа, былъ рудокопъ. Передъ смертью онъ отдалъ мнѣ этотъ пергаментъ, на которомъ стоитъ его имя, говоря, что это предохранитъ меня отъ всякой опасности, если я когда-нибудь попаду въ эти горы. Увы! на что этотъ пергаментъ бѣдному священнику, который живетъ и умретъ вмѣстѣ съ своими заключенными. Къ тому же, inter castra latronum, [1]) мы должны искать защиты только въ терпѣніи и молитвѣ, единственномъ оружіи Бога. Если я и не отказался отъ этого пергамента, то только потому, что не хотѣлъ огорчить отказомъ того, кому такъ мало оставалось жить. И это мнѣ было внушено какъ бы Самимъ Богомъ, такъ какъ сейчасъ я могу отдать этотъ пропускъ, чтобы онъ предохранилъ васъ отъ всякихъ случайностей. И пусть даръ умирающаго принесетъ добро путнику!

Растроганный Орденеръ принялъ подарокъ стараго священника.

---

1) Въ станѣ разбойниковъ.

— Отецъ мой,—сказалъ онъ,—да услышитъ Господь ваше пожеланіе. Благодарю васъ. Однако,—прибавилъ онъ, берясь рукою за саблю,—я всегда ношу свой пропускъ съ собою.

— Молодой человѣкъ, — сказалъ священникъ, — быть-можетъ, этотъ жалкій лоскутокъ бумаги послужитъ вамъ лучше, чѣмъ ваша желѣзная сабля. Взоръ кающагося часто бываетъ могущественнѣе меча архангела. Прощайте. Меня ждутъ мои заключенные... Помолитесь когда-нибудь за нихъ и за меня также.

— Святой отецъ,—проговорилъ, улыбаясь Орденеръ,—я вамъ сказалъ уже, что ваши осужденные получатъ помилованіе. Будьте въ этомъ увѣрены.

— О, не говорите такъ увѣренно! Не искушайте Творца! Человѣкъ не знаетъ, что происходитъ въ сердцѣ другого человѣка. Вѣдь вы не знаете, каково еще будетъ рѣшеніе сына вице-короля. Увы! можетъ-быть, онъ еще и на захочетъ принять и выслушать бѣднаго священника. Прощайте, сынъ мой! Богъ да благословитъ вашъ путь и да вызоветъ Онъ въ вашей прекрасной душѣ воспоминаніе о бѣдномъ священникѣ и молитву о несчастныхъ заключенныхъ!

XV.

Здравствуй, Гюго, видѣлъ ли ты когда-нибудь такую страшную грозу?

Матюренъ.—Бертрамъ.

Въ одной изъ залъ, прилегающихъ къ апартаментамъ дронтгеймскаго губернатора, трое писцовъ его превосходительства сидѣли за чернымъ столомъ, заваленнымъ пергаментами, бумагами, печатями и различными письменными принадлежностями. Свободный четвертый стулъ у стола указывалъ, что одинъ изъ писцевъ запоздалъ.

Нѣсколько времени всѣ трое молча писали каждый на своемъ мѣстѣ. Потомъ одинъ изъ нихъ воскликнулъ:

— Знаете, Ваферней, этому бѣдному библіотекарю—Фокстиппу—епископъ отказалъ отъ мѣста изъ-за рекомендательнаго письма, которымъ была поддержана просьба доктора Англивіуса.

— Что вы такое разсказываете, Ричардъ?—живо спросилъ тотъ изъ писцевъ, къ которому Ричардъ вовсе и не обращался.—Ваферней не могъ написать такого рекомендательнаго письма, такъ какъ просьба Англивіуса возмутила губернатора, когда я ее ему прочелъ.

— Вы, дѣйствительно, говорили мнѣ объ этомъ,—отвѣчалъ Ваферней,—но я нашелъ на просьбѣ слово tribuatur [1]), написанное рукою его превосходительства.

— Правда!—вскричалъ другой.

— Да, мой милый, и нѣкоторыя другія рѣшенія его превосходительства, о которыхъ вы мнѣ говорили, также измѣнены. Напримѣръ, на просьбѣ рудокоповъ генералъ написалъ: negetur [2])

---

[1]) Исполнить.
[2]) Отклонить.

— Какъ такъ? Я ничего не понимаю! Генералъ вѣдь опасался возмущенія среди этихъ рудокоповъ.

— Онъ хотѣлъ, быть-можетъ, ихъ устрашитъ суровостью. Меня заставляетъ такъ думать то обстоятельство, что просьба пастора Мюндера за двѣнадцать приговоренныхъ также отвергнута.

Писецъ, къ которому обращался Ваферней, быстро поднялся съ мѣста.

— Что вы говорите? Я не могу вамъ повѣрить! Губернаторъ такъ добръ и выказывалъ такъ много состраданія къ этимъ приговореннымъ...

— Ну, прочтите сами, Артуръ.

Артуръ взялъ бумаги и посмотрѣлъ на роковой знакъ отказа.

— Правда,—сказалъ онъ.—Но я едва вѣрю глазамъ. Я хочу вновь представить эти бумаги губернатору. Когда его превосходительство поставилъ эту резолюцію?

— Мнѣ кажется,—отвѣтилъ Ваферней,—дня три тому назадъ.

— Это было, — вставилъ Ричардъ пониженнымъ голосомъ,— утромъ передъ краткимъ появленіемъ и быстрымъ таинственнымъ исчезновеніемъ барона Орденера.

— Послушайте, — живо вскричалъ Ваферней, прежде чѣмъ Артуръ имѣлъ время отвѣтить,—нѣтъ ли также знака tribuatur на нелѣпой просьбѣ Бенигнуса Спіагудри?

Ричардъ разразился смѣхомъ.

— Это не тотъ ли старый смотритель труповъ, который также исчезъ такимъ страннымъ образомъ?

— Да,—отвѣтилъ Артуръ.—Въ Спладгестѣ нашли обезображенный трупъ, и противъ Спіагудри возбуждено судебное преслѣдованіе, какъ противъ святотатца. Но маленькій лапландецъ, который ему прислуживалъ и остался теперь одинъ въ Спладгестѣ, думаетъ заодно со всѣмъ народомъ, что его унесъ діаволъ, какъ колдуна.

— Вотъ,—смѣясь сказалъ Ваферней,—человѣкъ, который пользуется хорошей репутаціей.

Онъ еще не кончилъ смѣяться, какъ въ дверяхъ показался четвертый писецъ.

— Честное слово, Густавъ, вы порядкомъ запоздали сегодня! Ужъ не женились ли вы вчера какъ-нибудь случайно?

— Да нѣтъ,—возразилъ Ваферней,—онъ опоздалъ потому, что пошелъ дальней дорогой, чтобы показаться въ новомъ плащѣ подъ окнами прекрасной Розили.

— Ваферней,—сказалъ новоприбывшій,—мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы вы угадали. Но причина моего опозданія далеко не такъ пріятна. И я сомнѣваюсь, чтобы мой новый плащъ произвелъ какой-нибудь эффектъ на тѣхъ, у кого я былъ.

— Откуда же вы?—спросилъ Артуръ.

— Изъ Спладгеста.

— Богъ свидѣтель,—вскричалъ Ваферней, роняя перо,—мы только что о немъ говорили! Но, хотя о немъ можно говорить для препровожденія времени, я все-таки не понимаю, для чего туда ходить.

— И еще болѣе непонятно, для чего тамъ останавливаться,— сказалъ Ричардъ.—Но что же вы видѣли тамъ, Густавъ?

— Да,—сказалъ Густавъ,—васъ разбираетъ любопытство, вы хотите если не видѣть, то хоть слышать. И вы будете подѣломъ наказаны, если я не опишу вамъ всѣхъ ужасовъ, присутствуя при которыхъ, вы дрожали бы отъ страха.

Трое писцовъ столпились около Густава, который заставилъ себя немного попросить, хотя его внутреннее желаніе поразсказать, было не менѣе сильно, чѣмъ явное желаніе его товарищей послушать.

— Ну, Ваферней, вы можете передать мой разсказъ своей молоденькой сестрѣ; она такъ любитъ всякія страшныя исторіи Я былъ увлеченъ къ Спладгесту стремившейся туда толпой. Въ Спладгестъ только что принесли трупы трехъ солдатъ Мункгольмскаго полка и двухъ стрѣлковъ. Трупы эти были найдены вчера мили за четыре отсюда въ ущельяхъ, на днѣ Каскадтиморской пропасти. Нѣкоторые изъ зрителей увѣряютъ, что эти несчастные составляли отрядъ, посланный три дня тому назадъ на поиски за бѣжавшимъ смотрителемъ Спладгеста. Если это правда, то трудно представить себѣ, какъ могло быть убито сразу столько вооруженныхъ людей. По обезображеннымъ до нельзя трупамъ видно, что они были сброшены съ вершины скалъ. Право, волосы встаютъ на головѣ отъ ужаса.

— Какъ, Густавъ, вы ихъ видѣли?—вскричалъ Ваферней.

— Они до сихъ поръ такъ и стоятъ у меня передъ глазами.

— Подозрѣваютъ ли кого-нибудь въ убійствѣ?

— Нѣкоторые думаютъ, что это дѣло шайки рудокоповъ, и увѣряютъ, что вечера въ горахъ были слышны звуки рога, которымъ тѣ обыкновенно перекликаются.

— Правда?—спросилъ Артуръ.

— Да.—Но одинъ старый крестьянинъ разрушилъ эти предположенія, совершенно справедливо замѣтивъ, что около Каскадтимора нѣтъ ни копей ни рудокоповъ.

— Кто же это можетъ быть?

— Неизвѣстно. Если бы тѣла не были цѣлы, можно было бы думать, что это какіе-нибудь дикіе звѣри, такъ какъ на трупахъ видны длинныя и глубокія царапины. Такія же царапины есть и на трупѣ старика съ длинной бѣлой бородой, который принесенъ въ Спладгестъ третьяго дня утромъ, послѣ этой ужасной грозы, которая помѣшала вамъ, мой милый Леандръ Ваферней, посѣтить на томъ берегу залива вашу Геро Ларсинскаго холма.

— Ну, ладно, Густавъ,—сказалъ, смѣясь, Ваферней,—но кто же этотъ старикъ?

— Судя по его высокому росту, длинной бѣлой бородѣ, четкамъ, которыя онъ держитъ въ рукахъ, хотя все остальное тѣло совершенно обнажено, это—одинъ изъ окрестныхъ пустынниковъ. Кажется, его называли Линрасскимъ пустынникомъ. Очевидно, что бѣднякъ также убитъ, но съ какою цѣлью? Теперь не перегрызаютъ другъ другу горла изъ-за религіозныхъ убѣжденій, а у ста-

рика ничего не было, кромѣ одежды изъ грубой шерсти и общаго расположенія.

— И вы говорите,—замѣтилъ Ричардъ,—что его тѣло такъ же исцарапано, какъ и тѣла солдатъ, будто когтями дикаго звѣря?

— Да, другъ мой. И одинъ рыбакъ утверждаетъ, что видѣлъ подобныя же черты на тѣлѣ офицера, найденнаго нѣсколько дней тому назадъ близъ Урхтальскихъ отмелей.

— Это странно,—проговорилъ Артуръ.

— Это ужасно,—прибавилъ Ричардъ.

— Ну,—сказалъ Ваферней,—довольно болтать. За работу! Мнѣ кажется, скоро придетъ генералъ. Мой милый Густавъ, мнѣ очень интересно посмотрѣть на эти трупы. Если хотите, зайдемте сегодня послѣ занятій на минуточку въ Спладгестъ.

XVI.

> Она такъ легко могла стать счастливой! Простая хижина въ какой-нибудь альпійской долинѣ, маленькое хозяйство,—вотъ все, что было нужно для исполненія ея скромныхъ желаній, чѣмъ была бы полна ея тихая жизнь. Но мнѣ, врагу Неба, надо было разбить ея жизнь, изуродовать ея судьбу и сдѣлать ее жертвою ада.
>
> *Гете.— Фаустъ.*

Въ 1675 году, т.-е. за двадцать четыре года до описываемыхъ нами событій, въ деревушкѣ Троктрэ замѣчалось необыкновенное оживленіе. Вся деревня праздновала свадьбу красавицы Люціи Пельниръ и красиваго храбраго парня, Кароля Стадта.

Надо сказать, что они давно уже любили другъ друга, и всѣмъ хотѣлось принять участіе въ праздникѣ молодыхъ людей въ тотъ день, когда ихъ пылкія желанія, ихъ безпокойныя надежды пришли, наконецъ, къ желанному концу.

Кароль и Люція выросли вмѣстѣ и часто въ дѣтствѣ Кароль, уставъ отъ игръ, засыпалъ на груди Люціи, а Люція въ юности не разъ возвращалась домой послѣ работъ объ руку съ Каролемъ. Люція была самая хорошенькая и самая скромная изъ деревенскихъ дѣвушекъ, Кароль самый храбрый изъ молодыхъ людей въ округѣ. Они любили другъ друга, и нельзя было опредѣлить времени, когда началась эта любовь. Можетъ-быть, она родилась вмѣстѣ съ ихъ жизнію.

Но какъ ни просто возникла ихъ любовь, бракъ ихъ осложнился разными препятствіями. Хозяйственные и семейные интересы, ссора родныхъ—все это отдалило ихъ свадьбу на цѣлый годъ. На цѣлый годъ пришлось имъ разстаться. И Кароль много страдалъ вдали отъ Люціи, а Люція много плакала вдали отъ своего Кароля, прежде чѣмъ насталъ счастливый день, когда они соединились, наконецъ, чтобы съ тѣхъ поръ страдать и плакать вмѣстѣ.

Кȧроль получилъ руку Люціи лишь послѣ того, какъ спасъ ее отъ ужасной опасности. Однажды онъ услыхалъ въ лѣсу отчаянные крики. Это кричала его Люція, захваченная разбойникомъ, наводившимъ ужасъ на всѣхъ горцевъ въ окружности. Это чудовище съ человѣческимъ лицомъ было извѣстно въ околоткѣ подъ именемъ Гана, благодаря странному дикому рычанію, которымъ онъ наводилъ ужасъ на запоздалыхъ путниковъ. Никто не зналъ хорошенько, звѣрь это или человѣкъ, никто не рѣшался напасть на него. Но Кȧроль рѣшился. Увидѣвъ свою Люцію въ рукахъ этого ужаснаго разбойника, который, казалось, хотѣлъ унести ее съ собою, онъ смѣло напалъ на него. Любовь придала ему силы. Онъ освободилъ свою возлюбленную, возвратилъ ее ея отцу, а тотъ отдалъ ее Кȧролю.

И вотъ, вся деревня веселилась въ день, когда повѣнчали двухъ влюбленныхъ. Одна Люція казалась печальной. Никогда, однако, она не смотрѣла на Кȧроля съ такою нѣжностью, но въ этомъ взглядѣ отражалась глубокая печаль, особенно замѣтная среди всеобщей радости. Всѣ кругомъ удивлялись, глядя на невѣсту. И чѣмъ счастливѣе казался ея возлюбленный, тѣмъ печальнѣе смотрѣли ея прекрасные глаза.

— О, моя Люція!—сказалъ ей Кароль послѣ вѣнца,—этотъ разбойникъ, который составляетъ несчастье всей страны, составилъ наше счастье.

— Она наклонила голову и ничего не сказала.

Наступилъ вечеръ. Молодыхъ оставили однихъ въ ихъ новой хижинѣ, а на улицѣ игры и танцы возобновились съ новой силой какъ будто всѣ хотѣли ознаменовать счастье супруговъ.

На другое утро Кȧроль Стадтъ исчезъ. Нѣсколько строкъ, написанныхъ его рукою, были доставлены отцу Люціи Пельниръ охотникомъ Кольскихъ горъ, который встрѣтилъ Кароля на зарѣ блуждающимъ по берегу залива. Старикъ Пельниръ показалъ эту записку пастору и синдику, и отъ вчерашняго праздника осталось только мрачное отчаяніе Люціи.

Эта таинственная катастрофа заинтриговала всю деревню, но напрасно старались ее объяснить. И въ той же церкви, гдѣ нѣсколько дней тому назадъ призывались благословенія счастью Кȧроля, были совершены о немъ заупокойныя молитвы.

Неизвѣстно, что привязывало еще къ жизни вдову Стадтъ.

По прошествіи девяти печальныхъ и одинокихъ мѣсяцевъ она родила сына, и въ тотъ же день деревня Голенъ была разрушена обваломъ скалы, подъ которой она ютилась.

Рожденіе сына не разсѣяло мрачнаго отчаянія матери. Гиль Стадтъ ни въ чемъ не былъ похожъ на Кȧроля. Его бурное дѣтство обѣщало еще болѣе бурную жизнь.

Иногда какой-то маленькій человѣкъ, дикой и свирѣпой наружности, въ которомъ горцы, видѣвшіе его издали, признавали знаменитаго Гана-Исландца, заходилъ въ пустынную хижину вдовы Стадтъ. И тогда проходившіе мимо хижины слышали доносившійся оттуда жалобный голосъ вдовы и рычаніе тигра. Человѣкъ уво-

дилъ къ себѣ молодого Гиля, и долгіе мѣсяцы о немъ ничего не было слышно. Потомъ онъ возвращалъ его матери еще болѣе мрачнымъ и свирѣпымъ.

Въ чувствѣ вдовы Стадтъ къ ея ребенку была странная смѣсь ужаса и нѣжности. Иногда она нѣжно ласкала его, какъ единственное существо, которое еще привязывало ее къ жизни, иногда она отталкивала его съ ужасомъ, призывая Кароля, своего дорогого Кароля. Никто на свѣтѣ не сумѣлъ бы сказать, что волновало тогда ея сердце.

Гилю исполнилось двадцать три года. Онъ увидѣлъ Гуту Стерсенъ и безумно влюбился въ нее. Гута Стерсенъ была богата, онъ—бѣденъ. И онъ отправился въ Рэраасъ, чтобы сдѣлаться рудокопомъ и добыть золота. Съ тѣхъ поръ его мать ничего о немъ не слыхала.

Однажды ночью она сидѣла передъ прялкой за работой, которой она кормилась. Лампа гасла. Мрачныя стѣны хижины, нѣмые свидѣтели тайны ея брачной ночи, терялись въ полумракѣ. Она съ тревогой думала о своемъ сынѣ. Она страстно желала его видѣть, хотя его присутствіе могло бы только живѣе напомнить ей ея несчастье, а, можетъ-быть, доставило бы и новое горе.

Эта бѣдная мать любила своего сына, несмотря на его неблагодарность. И какъ могла бы она не любить его? Она сколько изъ-за него выстрадала.

Она встала, прошла въ глубину комнаты и вынула изъ шкапа запыленное Распятіе. Съ минуту она смотрѣла на него умоляющимъ взглядомъ, потомъ вдругъ оттолкнула его съ ужасомъ.

— Молиться!—вскричала она.— Развѣ я могу молиться! Ты можешь молиться только аду, несчастная! Вѣдь ты ему принадлежишь.

Она вновь погрузилась въ свои мрачныя думы. Вдругъ кто-то постучался у двери. Это было рѣдкое явленіе у вдовы Стадтъ, потому что уже нѣсколько лѣтъ, благодаря всему необыкновенному что было въ ея жизни, вся деревня Троктрэ подозрѣвала ее въ сношеніяхъ съ дьяволомъ. И никто не подходилъ къ двери ея хижины. Такимъ образомъ, суевѣріе и невѣжество создали ей репутацію колдуньи, благодаря ея несчастью, какъ оно придало ту же репутацію Спіагудри, благодаря его учености.

— О, если бъ это былъ сынъ мой Гиль!— вскричала вдова, бросаясь къ двери.

Увы! это не былъ ея сынъ. Въ дверяхъ стоялъ пустынникъ, маленькаго роста, одѣтый въ грубую рясу. Изъ-подъ опущеннаго на глаза капюшона видна была только черная борода.

— Святой отецъ!—сказала женщина,—что вамъ угодно? Вы не знаете развѣ, въ чью дверь вы постучались?

— Какъ не знать!—отвѣчалъ пустынникъ рѣзкимъ, слишкомъ знакомымъ ей голосомъ.

И, сорвавъ перчатки, черную бороду и капюшонъ, онъ обнажилъ отвратительную физіономію, рыжую бороду и руки съ острыми когтями.

Вдова вскрикнула и закрыла лицо руками

— Ну,—сказалъ маленькій человѣкъ,—развѣ въ продолженіе двадцати четырехъ лѣтъ ты не привыкла видѣть супруга, котораго ты будешь созерцать и въ вѣчности?

Она пролепетала въ ужасѣ:

— Въ вѣчности...

— Слушай, Люція Пельниръ, я принесъ тебѣ вѣсть о сынѣ

— О сынѣ? Гдѣ онъ? Почему онъ не вернулся?

— Онъ не можетъ.

— Но вы что-то знаете о немъ... Ради Бога... Впрочемъ, развѣ вы можете принести мнѣ что-либо хорошее?

— На этотъ разъ я принесъ тебѣ нѣчто хорошенькое,—сказалъ человѣкъ глухимъ голосомъ.—Ты—слабая женщина, и я удивляюсь, какъ могла ты произвести на свѣтъ такого сына, какъ Гиль. Порадуйся! Ты боялась, какъ бы твой сынъ не пошелъ по моимъ слѣдамъ. Не бойся этого больше.

— Какъ?—вскричала радостно бѣдная мать,—мой сынъ, мой милый Гиль измѣнился?

Пустынникъ наблюдалъ за нею съ мрачной улыбкой.

— О, да, онъ очень измѣнился,—произнесъ онъ.

— Почему же онъ не поспѣшилъ ко мнѣ? Гдѣ вы его видѣли? Что онъ дѣлалъ?

— Онъ спалъ.

Вдова, поглощенная своей радостью, не замѣчала ни страшнаго взгляда ни ужасной улыбки маленькаго человѣка.

— Почему же вы не разбудили его и не сказали ему: Гиль, иди къ матери!

— Онъ спалъ очень крѣпко.

— О! Когда же онъ придетъ? Скажите мнѣ, умоляю васъ, скоро ли я его увижу?

Мнимый пустынникъ вынулъ изъ-подъ платья какой-то предметъ, съ виду похожій на чашу странной формы.

— Ну, вдова, — сказалъ онъ, — выпей за возвращеніе своего сына.

Вдова вскрикнула отъ ужаса. Это былъ человѣческій черепъ. Она испуганно взмахнула руками и не могла произнести ни слова.

— Нѣтъ, нѣтъ,—вскричалъ рѣзко маленькій человѣкъ своимъ ужаснымъ голосомъ,—не отворачивайся, женщина. Гляди. Ты спрашивала о возвращеніи твоего сына... Гляди, говорю я тебѣ. Вотъ все, что отъ него осталось.

При красноватомъ свѣтѣ лампы онъ поднесъ къ блѣднымъ губамъ несчастной матери голый и изсохшій черепъ ея сына.

Слишкомъ много несчастій пронеслось надъ головой этой бѣдной женщины, и еще одно лишнее не могло ее убить. Она подняла на пустынника внимательный и тупой взглядъ

— О смерть!—сказала она тихо.—Смерти хочу я, позвольте мнѣ умереть.

— Умирай, если хочешь. Но вспомни, Люція Пельниръ, Трoктрэйскій лѣсъ, вспомни день, когда демонъ, овладѣвъ твоимъ тѣ-

ломъ, отдалъ тѣмъ твою душу дьяволу. Я демонъ, Люція, и ты моя вѣчная подруга. Теперь умирай, если хочешь.

Въ этихъ дикихъ странахъ существуетъ повѣрье, что адскіе духи появляются иногда среди людей, чтобы жить между ними преступленіями и убійствами. Ганъ-Исландецъ пользовался и этой ужасной славой. Было также повѣрье, что женщина, которая, по своей ли волѣ или насильно, сдѣлается добычей одного изъ этихъ демоновъ въ человѣческомъ образѣ, должна неизбѣжно занять съ нимъ мѣсто въ аду.

Воспоминанія, вызванныя пустынникомъ, казалось, вернули вдову къ прошлому.

— Увы!—сказала она печально,—я не могу даже умереть. А что я сдѣлала? Вѣдь ты знаешь, мой возлюбленный Кáроль, я невинна. Руки молодой дѣвушки не въ силахъ сопротивляться рукамъ демона...

Она продолжала съ отчаяніемъ во взорѣ и ея слова, казалось, рождались съ судорожнымъ подергиваніемъ ея блѣдныхъ губъ.

— Да, Кáроль, до этого дня я была чиста и невинна. И демонъ требуетъ, чтобы я вспомнила тотъ ужасный день. О, Кáроль! я не обманула тебя! Но ты пришелъ слишкомъ поздно... Увы! я была его прежде, чѣмъ сдѣлаться твоею. Горе мнѣ! Я буду навѣкъ наказана. Я не соединюсь съ тѣми, кого я оплакиваю! Къ чему умирать? Я уйду съ этимъ чудовищемъ въ міръ, на него похожій, въ міръ демоновъ, міръ отверженныхъ. А что я сдѣлала? Мои несчастья въ жизни будутъ преступленіями въ вѣчности!

Пустынникъ поднялъ на нее торжествующій и властный взглядъ.

— О!—воскликнула она, обернувшись къ нему,—скажите мнѣ, не брежу ли я? Вы знаете, со дня моего паденія, въ роковыя ночи, когда вашъ духъ посѣщалъ меня, меня осаждали нечистыя видѣнія, ужасные сны и страшные призраки...

— Нѣтъ, женщина, ты не спишь. Это такъ же вѣрно, какъ смерть твоего сына.

Воспоминанія о прежнихъ бѣдствіяхъ, казалось, какъ будто затѣнили передъ нею ея новое несчастье.

Слова пустынника возвратили ее къ нему.

— О, сынъ мой! сынъ мой!—говорила она, и звукъ ея голоса могъ бы растрогать всякаго, кромѣ того злого существа, которое ее слышало.—Нѣтъ, онъ вернется, онъ не умеръ... Я не хочу повѣрить, что онъ умеръ.

— Ну, хорошо, иди въ такомъ случаѣ и спроси объ этомъ Рэраасскія скалы, которыя его раздавили, спроси объ этомъ Дронтгеймскій заливъ, который его поглотилъ.

Вдова упала на колѣни.

— Боже мой! Боже мой!—вскричала она съ усиліемъ.

— Молчи, служительница ада! Не призывай этого имени.

Несчастная умолкла. Онъ продолжалъ:

— Не сомнѣвайся въ смерти своего сына. Онъ былъ наказанъ за грѣхи своего отца. Онъ позволилъ своему твердому сердцу размягчиться отъ взгляда женщины. Я тобою владѣлъ, но я никогда

не любилъ тебя. Несчастье твоего Кàроля пало на него. Нашъ сынъ былъ обманутъ своей невѣстой, той, ради которой онъ умеръ.

— Умеръ,—проговорила она,—онъ умеръ... Развѣ это правда? О, Гиль, ты былъ рожденъ изъ моего несчастья, ты былъ зачатъ въ ужасѣ и рожденъ въ печали, твой ротъ разрывалъ мою грудь... Ребенкомъ ты никогда не отвѣчалъ ласками на мои ласки, поцѣлуями на мои поцѣлуи. Ты всегда бѣжалъ и отталкивалъ свою мать, такую одинокую, такую покинутую... Ты не старался заставить меня позабыть мои прошлыя несчастія, ты причинялъ мнѣ только новыя огорченія. Ты меня покидалъ для демона, виновника твоего существованія и моего вдовства. Никогда въ долгіе, долгіе года, никогда, Гиль, не видала я отъ тебя ни одной радости. И все-таки теперь твоя смерть кажется мнѣ самой невыносимой изъ моихъ горестей. И воспоминаніе о тебѣ полно для меня восторга и утѣшенія!..

Она не въ силахъ была продолжать и закрыла лицо своимъ чернымъ шерстянымъ платкомъ; нѣсколько времени слышались только ея глухія рыданія.

— Слабая женщина!—проговорилъ пустынникъ,—перестань предаваться печали; я уже насладился своей. Слушай, Люція Пельниръ, пока ты еще оплакиваешь своего сына, я уже началъ за него мстить. Солдатъ Мункгольмскаго полка былъ причиной смерти твоего сына; изъ-за него его обманула невѣста. Я истреблю весь полкъ. Слушай, Люція, и вѣрь.

Онъ откинулъ рукава своей мантіи и показалъ вдовѣ свои безобразныя руки, залитыя кровью.

— Да,—сказалъ онъ съ какимъ-то дикимъ рычаніемъ,—духъ Гиля можетъ свободно и радостно прогуливаться по Урхтальскимъ прибрежьямъ и ущельямъ Каскадтимора. Видишь эту кровь, женщина?.. Утѣшься же.

Потомъ вдругъ, какъ будто что-то вспомнивъ, онъ перебивалъ самъ себя:

— Вдова, развѣ тебѣ не передавали отъ меня желѣзной шкатулки? Какъ? Я прислалъ тебѣ золото и принесъ кровь! А ты все еще плачешь... Развѣ ты не людской породы?

Вдова, поглощенная своимъ несчастьемъ, молчала.

— Ну,—сказалъ онъ съ свирѣпымъ смѣхомъ,—ты нѣма и недвижима. Ты и не изъ породы женщинъ, Люція Пельниръ.—И онъ взялъ ее за руку, чтобы обратить на себя ея вниманіе.—Развѣ тебѣ не передавалъ мой посланный желѣзной шкатулки съ печатями?

Вдова отрицательно покачала головою и снова погрузилась въ свою мрачную задумчивость.

— А, несчастный! — вскричалъ маленькій человѣкъ, — несчастный измѣнникъ! Спіагудри, ты дорого заплатишь за это золото.

И схвативъ свое платье пустынника, онъ бросился изъ хижины съ рычаніемъ гіены, ищущей добычи.

XVII.

Съ плачемъ расчесываю я свои волосы. Я плачу потому, что ты уходишь въ горы, оставляя меня одну.

Старинный романсъ.

Четыре долгихъ, скучныхъ, однообразныхъ дня протекло для Этели, и въ эти четыре дня она была все время одна. Одна молилась она въ маленькой молельнѣ, одна подолгу за полночь бродила въ галлереѣ, одна задумчиво гуляла по темнымъ аллеямъ мрачнаго тюремнаго сада. Иногда, правда, ее сопровождалъ отецъ, но и въ его присутствiи ее давила тягота одиночества, потому что настоящiй спутникъ ея на пути жизни былъ далеко отъ нея.

Бѣдная дѣвушка! Что сдѣлала она? За чьи грѣхи обрушилось на нее столько несчастiй? Еще не успѣвъ покинуть колыбели, она уже попала въ тюрьму. Свѣтъ, богатство, почести, наслажденiя молодости, торжество красоты,—все было у нея отнято съ самаго дѣтства. На глазахъ узницы-дочери погибалъ узникъ-отецъ. И судьба, точно желая дать ей узнать все горе, какое бываетъ на свѣтѣ, пропустила къ ней въ тюрьму любовь съ ея муками.

Если бы Орденеръ былъ здѣсь съ ней, она не вздыхала бы о свободѣ. Вѣдь она едва знала, каковъ мiръ за стѣнами ея тюрьмы. Въ Орденерѣ сливались для нея и свѣтъ, и свобода, и небо. Приди онъ—и она забудетъ объ этихъ темныхъ зубчатыхъ стѣнахъ и башняхъ, унизанныхъ часовыми. Но,—увы!—уже второй разъ пришлось ей испытывать мученiе разлуки. Краткiе часы, проведенные съ возлюбленнымъ, часы, полные святыхъ ласкъ и чистыхъ поцѣлуевъ, смѣнились днями и ночами, полными слезъ и молитвы...

Какъ часто завидовала она теперь вольнымъ ласточкамъ, прилетавшимъ за кормомъ къ рѣшеткамъ ея окна, какъ часто посылала она свою мысль вслѣдъ за легкимъ несущимся къ сѣверу облакомъ и цѣлыми часами смотрѣла вдаль, смотрѣла, и вдругъ въ ужасѣ отвертывалась и закрывала глаза, какъ будто боялась увидѣть на этихъ горахъ, голубоватымъ туманомъ рисовавшихся на горизонтѣ, призракъ гиганта разбойника, грозно занесшаго могучую руку надъ ея Орденеромъ.

Есть ли на свѣтѣ мученiе страшнѣе разлуки? Но мало, кто знаетъ всю глубину этихъ мукъ, потому что мало, кто знаетъ и всю глубину любви... Кругомъ какъ будто разстилается мрачная, угрюмая, мертвая пустыня, а тамъ, за ея предѣлами, гдѣ находится другое любимое и далекое существо, воображенiе создаетъ цѣлый мiръ ужасовъ и опасностей... Всѣ духовныя силы сливаются въ одно страстное, неутолимое желанiе быть съ тѣмъ, кого нѣтъ, все окружающее проходитъ мимо сознанiя. Человѣкъ дышитъ, ходитъ, дѣйствуетъ, но безъ мысли, безъ воли... Какъ заблудившаяся, потерявшая солнце планета, движется тѣло, а душа не съ нимъ, но гдѣ-то далеко, далеко...

XVIII.

Надъ огромнымъ щитомъ неумолимые вожди
Ужасаютъ адъ страшными клятвами
И, омочивъ руки въ крови зарѣзаннаго быка,
Клянутся отомстить или умереть.

Семь вождей передъ Ѳивами.

Берега Норвегіи изобилуютъ узкими бухтами, заливами, лагунами, небольшими мысами, настолько многочисленными, что они утомляютъ память путешественника и терпѣніе топографа. Однако, если вѣрить народной молвѣ, каждый перешеекъ имѣетъ своего демона, который посѣщаетъ его, каждый заливъ свою фею, которая въ немъ обитаетъ, и каждый мысъ своего святого, который ему покровительствуетъ. Народное суевѣріе смѣшиваетъ всякія вѣрованія, лишь бы они возбуждали ужасъ.

На Кельвельскомъ берегу, въ нѣсколькихъ миляхъ къ сѣверу отъ Вальдерогской пещеры, одно мѣсто, какъ говорили, было свободно отъ всякихъ духовъ, подземныхъ, земныхъ и небесныхъ. Это была прибрежная поляна, надъ которой возвышался утесъ; на вершинѣ утеса виднѣлись еще древнія развалины замка Ральфа или Радульфа-Исполина.

Эта маленькая дикая лужайка, съ запада окаймленная моремъ и тѣсно сжатая съ остальныхъ трехъ сторонъ покрытыми верескомъ скалами, была обязана этой привилегіей одному имени стараго норвежскаго дворянина, своего перваго владѣльца. Потому что какая фея или какой дьяволъ или ангелъ осмѣлились бы сдѣлаться хозяевами или покровителями владѣнія, нѣкогда принадлежащаго Радульфу-Исполину.

Правда, одного имени страшнаго Радульфа было достаточно, чтобы придать грозный характеръ этимъ мѣстамъ, и безъ того достаточно дикимъ. Но въ концѣ-концовъ, воспоминаніе не такъ страшно, какъ духъ. И никогда ни одинъ рыболовъ, застигнутый бурею или грозою, приставъ въ заливѣ Ральфа, не видалъ ни блуждающихъ огоньковъ на вершинахъ скалъ, ни феи, прогуливающейся по вереску въ своей колесницѣ, запряженной свѣтящимися червячками, ни святого, восходящаго къ лунѣ послѣ молитвы.

Если бы, однако, въ ночь, послѣдовавшую за разразившейся наканунѣ грозою, когда волны ходили по морю, и свирѣпо вылъ вѣтеръ, какой-нибудь заблудившійся морякъ присталъ къ этому гостепріимному берегу, то весьма возможно, что онъ былъ бы пораженъ суевѣрнымъ ужасомъ при видѣ трехъ человѣкъ, сидящихъ около костра, зажженнаго посреди поляны.

Двое изъ нихъ носили большія войлочныя шляпы и длинныя широкія панталоны—обычный костюмъ королевскихъ рудокоповъ. Ихъ руки были обнажены до плечъ, ноги запрятаны въ рыжіе са-

ноги; на красныхъ поясахъ висѣли сабли и длинные пистолеты; на шеѣ у каждаго висѣлъ рогъ. Одинъ былъ старъ, другой молодъ. Густая борода старика и длинные волосы юноши придавали что-то дикое ихъ отъ природы суровымъ и жестокимъ лицамъ.

По костюму третьяго легко было узнать горца изъ сѣверной Норвегіи. На немъ была медвѣжья шапка, кафтанъ изъ промасленной кожи и короткія узкія панталоны, оставлявшія колѣни обнаженными. За спиною его висѣло длинное ружье, а въ рукахъ блестѣлъ топоръ.

Человѣкъ, увидѣвшій эти три странныя фигуры, на которыя костеръ, раздуваемый морскимъ вѣтромъ, бросалъ измѣнчивыя красноватыя тѣни, былъ бы въ полномъ правѣ испугаться, если бы даже не вѣрилъ ни въ привидѣнія ни въ духовъ. Для этого было бы достаточно вѣрить въ существованіе воровъ и быть немного побогаче поэта.

Всѣ трое время-отъ-времени поворачивали головы по направленію тропинки, затерянной въ лѣсу, окружавшемъ долину Ральфа, и по тѣмъ изъ ихъ словъ, которыя не относилъ вѣтеръ, можно было догадаться, что они кого-то поджидаютъ.

— Какъ ты думаешь, Кенниболь, вѣдь мы не ждали бы такъ спокойно посланнаго отъ Гриффенфельда, если бъ сидѣли въ сосѣдней долинѣ, долинѣ духа Тюльбитильбета, или тамъ, въ бухтѣ святого Гутберта?

— Не говорите такъ громко, Іона,—отвѣчалъ горецъ старому рудокопу.—Да будетъ благословенъ Ральфъ-Исполинъ, нашъ покровитель. Да сохранитъ меня Богъ отъ долины Тюльбитильба! Когда-то я собиралъ тамъ боярышникъ и нашелъ мандрагору... Изъ нея полилась кровь, и она стала такъ кричать, что я чуть было не сошелъ съ ума!

Молодой рудокопъ разсмѣялся.

— Правда, Кенниболь, я думаю, крика мандрагоры вполнѣ достаточно, чтобы такъ подѣйствовать на вашъ бѣдный мозгъ!

— У самого у тебя бѣдный мозгъ! — съ сердцемъ произнесъ горецъ.—Видите, Іона, онъ смѣется надъ мандрагорой. Онъ смѣется какъ безумецъ, играющій мертвой головой!

— Гм!..—произнесъ Іона. — Пусть-ка онъ сходитъ въ Вальдерогскую пещеру, гдѣ головы убитыхъ Ганомъ, этимъ исландскимъ демономъ, возвращаются каждую ночь и пляшутъ вокругъ его постели, скрежеща зубами, чтобы его усыпить...

— Это вѣрно,—сказалъ горецъ.

— Но,—возразилъ молодой рудокопъ,—развѣ господинъ Гаккетъ, котораго мы здѣсь ждемъ, не обѣщалъ намъ, что Ганъ-Исландецъ станетъ во главѣ нашего возстанія?

— Обѣщалъ,—отвѣчалъ Кенниболь.—И съ помощью этого демона мы, навѣрное, побѣдимъ всѣ зеленые мундиры Дронтгейма и Копенгагена.

— Тѣмъ лучше!—вскричалъ старый рудокопъ,—но я-то ужъ не стану часовымъ ночью около него.

Въ эту минуту до слуха собесѣдниковъ донеслось шуршаніе сухихъ листьевъ подъ чьими-то ногами. Они обернулись и при свѣтѣ костра узнали новоприбывшаго.

— А! это господинъ Гаккетъ! Здравствуйте, господинъ Гаккетъ! Вы запоздали. Мы ждемъ васъ уже около часа!

Гаккетъ былъ маленькій, толстый человѣкъ, одѣтый во все черное. Выраженіе его лица представляло странную смѣсь веселости и свирѣпости.

— Да, друзья мои, я запоздалъ, потому что не зналъ дороги и мнѣ надо было принять нѣкоторыя предосторожности. Сегодня утромъ я разстался съ Шумакеромъ. Вотъ три кошелька, которые мнѣ поручено передать вамъ.

Оба старика схватили золото съ поспѣшностью, столь свойственной крестьянамъ этой бѣдной страны—Норвегіи.

Молодой рудокопъ оттолкнулъ кошелекъ, который ему протягивалъ Гаккетъ.

— Оставьте себѣ свое золото, господинъ посланный. Я бы солгалъ, если бы сказалъ, что возстаю за вашего графа Шумакера. Я возстаю за права рудокоповъ, я возстаю затѣмъ, чтобы кровать моей матери не была покрыта одѣяломъ, изорваннымъ и изрѣзаннымъ, какъ берега нашей дорогой Норвегіи.

Ничуть не смутившись, повидимому, Гаккетъ отвѣчалъ улыбаясь:

— Ну и пусть эти деньги послужатъ для вашей матери, Норбитъ, чтобы у нея было два новыхъ одѣяла на эту зиму.

Молодой человѣкъ наклоненіемъ головы выразилъ свое согласіе. Посланный, какъ искусный ораторъ, поспѣшилъ прибавить:

— Но остерегайтесь повторять то, что вы сейчасъ такъ неосторожно сказали, что не ради Шумакера, графа Гриффенфельда, вы беретесь за оружіе.

— Однако, однако,—пробормотали оба старика,—мы прекрасно знаемъ, что рудокоповъ угнетаютъ, а графа этого, этого государственнаго узника, мы совсѣмъ не знаемъ.

— Какъ!—живо возразилъ посланный.—Можете ли вы быть такъ неблагодарны? Вы стонали въ своихъ подземельяхъ безъ свѣта и воздуха, лишенные всякой собственности, какъ рыбы! Кто пришелъ къ вамъ на помощь? Кто зажегъ ваше мужество? Кто далъ вамъ золото и оружіе? Развѣ не онъ сдѣлалъ все это, не мой знаменитый господинъ, благородный графъ Гриффенфельдъ, самъ теперь болѣе невольникъ и еще болѣе несчастный, чѣмъ вы! А теперь, осыпанные его милостями, вы отказываетесь ему служить для завоеванія свободы и еще вмѣстѣ съ тѣмъ себѣ!..

— Вы правы,—прервалъ его молодой рудокопъ,—такъ было бы не ладно.

— Да, господинъ Гаккетъ,—сказали оба старика,—мы будемъ биться за графа Шумакера.

— Мужайтесь, друзья мои! Возстаньте во имя вашего благодѣтеля и пронесите имя его отъ края до края Норвегіи! Слушайте!

Все способствуетъ вашему правому дѣлу. Вы только что освободились отъ страшнаго противника, генерала Левина Кнуда, губернатора провинціи. Благодаря таинственному могуществу графа Гриффенфельда, онъ въ настоящее время отозванъ въ Бергенъ. Теперь скажите мнѣ, Кенниболь, Іона и вы, дорогой Норбитъ, всѣ ли ваши товарищи готовы?

— Мои братья изъ Гульдбраншаля,—сказалъ Норбитъ,—ждутъ только моего знака. Завтра, если вы хотите...

— Завтра... Хорошо. Надо, чтобы молодые рудокопы, начальникомъ которыхъ вы состоите, первые подняли знамя. А у васъ какъ, Іона?

— Шестьсотъ храбрецовъ съ Фарэрскихъ острововъ, которые уже три дня живутъ въ Бенналагскомъ лѣсу, питаясь мясомъ серны и медвѣжьимъ жиромъ, ждутъ только звука рога стараго вождя Іоны изъ мѣстечка Левига.

— Прекрасно. Что скажете вы, Кенниболь?

— Всѣ, кто только въ состояніи носить топоръ въ Кольскихъ ущельяхъ и взбираться на скалы безъ наколѣнниковъ, готовы присоединиться къ братьямъ-рудокопамъ, когда они будутъ нуждаться въ ихъ помощи.

— Довольно. Возвѣстите своимъ товарищамъ, чтобы они не сомнѣвались въ побѣдѣ,—прибавилъ посланный, возвышая голосъ.—Скажите имъ, что Ганъ-Исландецъ будетъ ими предводительствовать.

— Это правда?—спросили разомъ всѣ трое, и въ голосѣ ихъ слышались и надежда и ужасъ

Посланный отвѣчалъ:

— Я васъ жду всѣхъ троихъ черезъ четыре дня въ этотъ же часъ съ вашими отрядами въ копи Апсиль-Коръ около озера Сміазена, у долины Голубой Звѣзды. Ганъ-Исландецъ будетъ со мною.

— Мы придемъ,—сказали вожди.—И пусть Богъ не покинетъ тѣхъ, кому помогаетъ демонъ!

— Не бойтесь ничего со стороны Бога,—отвѣчалъ Гаккетъ, усмѣхаясь.—Слушайте. Вы найдете въ развалинахъ Крага знамена для нашихъ войскъ. Не забывайте клича: *да здравствуетъ Шумакеръ! Спасемъ Шумакера*! Теперь надо расходиться. Сейчасъ настанетъ день. Но прежде клянитесь самой страшной изъ клятвъ, что все останется между нами.

Не отвѣчая ни слова, каждый изъ вождей вскрылъ себѣ остреемъ сабли жилу на лѣвой рукѣ. Потомъ, взявъ руку посланнаго, они окропили ее каждый нѣсколькими каплями своей крови.

— Мы отдадимъ тебѣ нашу кровь,—сказали они.

Потомъ молодой воскликнулъ:

— Пусть вся моя кровь вытечетъ изъ жилъ, какъ та, которую я сейчасъ пролилъ! Пусть злой духъ надругается надъ моими планами, играя ими, какъ вѣтеръ соломинкой! Пусть моя рука сдѣлается тяжела, какъ свинецъ, въ минуту, когда мнѣ придется мстить за оскорбленіе! Пусть летучія мыши поселятся въ моей

могилѣ! Пусть меня живого навѣщаютъ мертвецы! Пусть надо мною, мертвымъ, надругаются живые! Пусть мои глаза изойдутъ слезами, какъ глаза женщины, если когда-нибудь я заговорю о томъ, что было въ этотъ часъ въ долинѣ Ральфа-Исполина! Да услышатъ меня блаженные святые!

— Аминь,—проговорили оба старика.

Они разошлись. На полянѣ виднѣлся только полупотухшій костеръ, и его умирающіе лучи освѣщали время-отъ-времени одинокія и пустынныя развалины древняго замка Радульфа-Исполина

XIX.

Теодоръ. Бѣжимъ сюда, Тристанъ.
Тристанъ. Какая странная немилость!
Теодоръ. Узнаютъ ли насъ?
Тристанъ. Не знаю, но боюсь этого.
Лопе де-Вега.—Собака садовника.

Бенигнусъ Спіагудри съ трудомъ отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, какіе мотивы могли заставить молодого человѣка, богатаго и имѣющаго впереди долгую жизнь, какимъ былъ Орденеръ, пуститься по доброй волѣ на поиски за ужаснымъ Ганомъ-Исландцемъ. Не разъ съ тѣхъ поръ, какъ они находились въ дорогѣ, онъ осторожно подходилъ къ этому вопросу, но молодой искатель приключеній хранилъ упорное молчаніе о причинахъ, вызвавшихъ его на настоящее путешествіе. Бѣдняга былъ не болѣе счастливъ и въ другихъ разспросахъ, а между тѣмъ, было такъ естественно, что его странный спутникъ въ высшей степени затронулъ его любопытство.

Однажды, онъ какъ-то осмѣлился спросить объ имени и фамиліи своего молодого господина.

— Называйте меня просто Орденеръ,—отвѣчалъ тотъ, и этотъ мало удовлетворительный отвѣтъ былъ произнесенъ тономъ, не допускающимъ возраженія.

Въ концѣ-концовъ, приходилось примириться. У всякаго свои тайны, и развѣ самъ Спіагудри не пряталъ заботливо въ своемъ дорожномъ мѣшкѣ подъ плащомъ нѣкую таинственную шкатулочку, всякіе разспросы о которой казались ему и неумѣстными и непріятными?

Прошло уже четыре дня съ тѣхъ поръ, какъ они вышли изъ Дронтгейма, но они прошли еще очень немного, отчасти изъ-за того, что дороги были попорчены грозою, отчасти потому, что Спіагудри, минуя изъ осторожности населенныя мѣста, выбиралъ обходныя и проселочныя тропинки, что, конечно, удлиняло ихъ путь.

Наконецъ, на четвертый день къ вечеру, оставивъ Сконгенъ вправо, они добрались до озера Спарбо. Передъ ними открылось мрачное, но великолѣпное зрѣлище.

Огромная водяная поверхность озера блестѣла, освѣщенная послѣдними лучами дня и первыми звѣздами ночи, въ рамѣ изъ высокихъ скалъ, черныхъ елей и огромныхъ дубовъ.

Видъ озера вечеромъ производитъ иногда на извѣстномъ разстояніи странный оптическій обманъ. Вамъ кажется, что передъ вами разверзлась какая-то огромная пропасть, пронизавшая насквозь земной шаръ, и черезъ которую виднѣется небо.

Орденеръ остановился, созерцая эти старые друидическіе лѣса, покрывающіе въ изобиліи берега озера, и выбѣленныя мѣломъ хижины Спарбо, разбросанныя тамъ и сямъ, подобно разбредшемуся стаду бѣлыхъ козъ. Онъ слушалъ и отдаленный гулъ кузницъ [1]), къ которому примѣшивается шумъ будто зачарованнаго лѣса-великана, съ его разноголосымъ птичьимъ населеніемъ, и величавая гармонія волнъ. На сѣверѣ огромная гранитная скала, еще освѣщенная солнцемъ, величаво высилась надъ маленькой деревушкой Эльмоэ. Потомъ ея вершина склонялась подъ кучей старинныхъ развалинъ, какъ гигантъ, согнувшійся подъ тяжестью ноши.

Когда душа печальна, она любитъ меланхолическіе пейзажи. Она придаетъ имъ еще болѣе мрачности своей грустью. Поставьте несчастнаго межъ дикихъ высокихъ горъ, у мрачнаго озера, близъ темнаго лѣса, когда день клонится къ вечеру,—онъ увидитъ эту величавую картину, эту серьезную природу какъ бы подъ густой темной вуалью. И ему покажется, что солнце не садится, но умираетъ.

Орденеръ мечталъ, молчаливый и неподвижный. А его спутникъ громко воскликнулъ:

— Чудесно, молодой господинъ! великолѣпно! Какъ хорошо такъ мечтать, стоя на берегу норвежскаго озера, въ которомъ преимущественно водятся плейронекты!

Это замѣчаніе и жестъ, его сопровождающій, заставили бы улыбнуться всякаго, но не человѣка, разлученнаго, быть-можетъ, навсегда съ его возлюбленной. Ученый смотритель продолжалъ:

— Однако, позвольте мнѣ оторвать васъ отъ вашего ученаго созерцанія и напомнить, что день клонится къ вечеру и что намъ нужно торопиться, если мы хотимъ засвѣтло добраться до деревушки Эльмоэ.

Замѣчаніе было вполнѣ справедливо. Орденеръ быстро зашагалъ по дорогѣ. Спіагудри шелъ за нимъ, не прерывая своихъ разсужденій о ботаническихъ и физическихъ особенностяхъ, представляемыхъ озеромъ Спарбо.

Молодой человѣкъ его почти не слушалъ.

— Господинъ Орденеръ,—повѣствовалъ, между тѣмъ, старикъ-смотритель,—если бы вы вѣрили своему проводнику, вы бы оставили свое страшное предпріятіе и остались бы на берегахъ этого интереснаго озера. Здѣсь мы могли бы оба предаться ученымъ изысканіямъ, напримѣръ, изысканію о stella canora palustris. Это удивительное растеніе. Многіе ученые считаютъ его легендарнымъ, но епископъ Арнгримъ утверждаетъ, что видѣлъ его и слышалъ на берегахъ Спарбо. Прибавьте къ этому, что мѣсто это

---

[1]) Воды озера Спарбо знамениты закалкою стали.

славится по всей Европѣ изобиліемъ гипса. Развѣ все это не нравится вамъ, молодой господинъ? Откажитесь-ка отъ своего безумнаго путешествія, такъ какъ, не въ обиду будь вамъ сказано, оно и опасно и не выгодно, periculum sine pecunia [1]), а слѣдовательно, безумно и задумано, въ минуту, когда вамъ лучше было бы думать о чемъ-либо другомъ...

Орденеръ, не обращая никакого вниманія на слова бѣдняги, время отъ времени небрежно отзывался на нихъ тѣми ничего не значущими междометіями, которыя принимаются за отвѣты только неугомонными болтунами.

Разговаривая такимъ способомъ, они дошли до Эльмоэ. На деревенской площади было замѣтно какое-то необычайное оживленіе. Крестьяне, охотники, рыбаки, кузнецы—всѣ выбѣгали изъ своихъ хижинъ и вскорѣ толпою окружили небольшой холмикъ, на которомъ стояло нѣсколько человѣкъ. Одинъ изъ нихъ трубилъ въ рогъ, махая въ то же время надъ головою небольшимъ знаменемъ, бѣлымъ съ чернымъ.

— Это, навѣрное, какой-нибудь шарлатанъ,—сказалъ Спіагудри,—ambubaiarum collegia, pharmacopolae, какой-нибудь несчастный, который изъ золота дѣлаетъ свинецъ и раны превращаетъ въ язвы. Посмотримъ какое адское изобрѣтеніе будетъ онъ предлагать этимъ бѣднымъ мужикамъ. Добро бы эти лицемѣры ограничивались королями, слѣдуя примѣру датчанина Борха и миланца Борри, въ рукахъ которыхъ нашъ Фридрихъ III [2]) былъ совершенной игрушкою. Но они не брезгуютъ и крестьянскимъ грошомъ.

Спіагудри ошибался. Подойдя поближе къ холмику, они по черному платью и остроконечной шапкѣ узнали синдика, окруженнаго нѣсколькими стрѣлками. Человѣкъ, трубившій въ рогъ, былъ глашатай.

Бѣдный смотритель прошепталъ, дрожа отъ страха:

— Право, господинъ Орденеръ, входя въ эту деревушку, я никакъ не ожидалъ напасть на синдика. Да сохранитъ меня святой Госпицій! Что это онъ хочетъ говорить?

Раздавшійся въ это мгновеніе скрипучій голосъ глашатая положилъ конецъ его недоумѣнію. Немногочисленная толпа жителей Эльноэ благоговѣйно внимала чтецу.

— Именемъ его величества и по приказанію его превосходительства губернатора Левина Кнуда,—читалъ глашатай,—главный синдикъ Дронтгеймскаго округа доводитъ до свѣдѣнія всѣхъ жителей городовъ, пригородовъ, деревень и мѣстечекъ провинціи, что: 1-е,

---

[1]) Опасность безъ денегъ.

[2]) Фридрихъ III былъ одураченъ датскимъ химикомъ Борхомъ и особенно миланскимъ шарлатаномъ Борри, который называлъ себя любимцемъ архангела Михаила. Этотъ лицемѣръ, удививъ своими якобы чудесами Страсбургъ и Амстердамъ, не зналъ границъ своему честолюбію и лжи. Обманывая народъ, онъ осмѣливался обманывать и королей. Онъ началъ съ королевы Христины въ Гамбургѣ и кончилъ королемъ Фридрихомъ въ Копенгагенѣ.

голова Гана, родомъ изъ Клипстадура въ Исландіи, убійцы и поджигателя, оцѣнена въ тысячу королевскихъ экю...

Смутный ропотъ пробѣжалъ по рядамъ слушателей. Глашатай продолжалъ:

— 2-е, голова Бенигнуса Спіагудри, трупоосквернителя и святотатца, бывшаго смотрителя Спладгеста въ Дронтгеймѣ, оцѣнена въ четыре королевскихъ экю. 3-е, этотъ указъ будетъ обнародованъ во всей провинціи синдиками городовъ, деревень и мѣстечекъ, а они должны помогать его исполненію.

Синдикъ взялъ указъ изъ рукъ глашатая и прибавилъ мрачнымъ и торжественнымъ голосомъ:

— Жизнь этихъ людей принадлежитъ тому, кто захочетъ ее взять.

Читатель, безъ сомнѣнія, легко догадается, что чтеніе этого указа было выслушано злосчастнымъ Спіагудри не безъ нѣкотораго смущенія и страха.

Необыкновенныя усилія, которыя онъ дѣлалъ, чтобы скрыть свое волненіе, конечно, непремѣнно привлекли бы вниманіе окружающей его толпы, если бы она не была всецѣло поглощена первой частью указа.

— Голова Гана оцѣнена!—воскликнулъ старый рыбакъ, явившійся на площадь, таща съ собой и свои мокрыя сѣти.—Клянусь святымъ Узуфомъ, не все ли это равно, что оцѣнить голову Вельзевула?

— Чтобы сохранить соотношеніе между Ганомъ и Вельзевуломъ, нужно было бы,—сказалъ охотникъ, котораго можно было узнать по его курткѣ изъ шкуры серны,—предложить только 1.500 экю за рогатую голову послѣдняго.

— Слава Пресвятой Богородицѣ,—проговорила, перебирая спицы своего вязанья, древняя старуха со сморщеннымъ желтымъ лицомъ.—Мнѣ хотѣлось бы видѣть голову этого Гана: говорятъ у него вмѣсто глазъ свѣтятся горячіе угли.

— Да, навѣрное,—подтвердила другая,—вѣдь только отъ одного его взгляда загорѣлся каѳедральный соборъ въ Дронтгеймѣ. Мнѣ бы хотѣлось видѣть его всего, его змѣиный хвостъ, ноги съ раздвоенными копытами и его огромныя крылья, какъ у летучей мыши...

— Кто это насказалъ вамъ подобныхъ сказокъ?—прервалъ ее охотникъ съ видомъ превосходства.—Я самъ видѣлъ этого Гана-Исландца въ Медсигатскихъ ущельяхъ. Это такой же человѣкъ, какъ и мы. Только онъ высокъ, какъ сорокалѣтній тополь.

— Правда?—съ страннымъ выраженіемъ прозвучалъ въ толпѣ чей-то голосъ.

Звукъ его заставилъ вздрогнуть Спіагудри. Голосъ принадлежалъ маленькому человѣку, всю одежду котораго составляла тростниковая рогожа и тюленья шкура. Лицо его было скрыто подъ широкополой шляпой рудокопа.

— А по-моему, — проговорилъ съ громкимъ смѣхомъ кузнецъ съ висѣвшимъ за поясомъ огромнымъ молоткомъ, — пусть за его

голову даютъ 1.000 или 10.000 королевскихъ экю, пусть онъ будетъ четырехъ или сорока саженей роста, не я, во всякомъ случаѣ, отправлюсь его искать.

— Да и не я!—сказалъ рыбакъ.

— И не я! и не я!—повторили всѣ въ одинъ голосъ.

— Если же кто-нибудь все-таки попытается,—сказалъ маленькій человѣкъ, — то онъ найдетъ Гана-Исландца завтра въ Арбарскихъ развалинахъ у Сміазена, а послѣзавтра въ Вальдерогской пещерѣ.

— Вы увѣрены въ этомъ, пріятель?

На этотъ разъ вопросъ былъ сдѣланъ одновременно Орденеромъ, который прислушивался къ этой сценѣ съ любопытствомъ, легко понятнымъ всякому, кромѣ Спіагудри, и другимъ человѣкомъ маленькаго роста, довольно толстымъ, одѣтымъ въ черное, съ лицомъ веселымъ, но пріятнымъ. Онъ пришелъ сюда при первыхъ звукахъ рога, выйдя изъ единственной таверны въ деревушкѣ.

Маленькій человѣкъ въ широкополой шляпѣ съ минуту, казалось, внимательно присматривался къ нимъ обоимъ. Потомъ онъ проговорилъ глухимъ голосомъ:

— Да.

— Откуда вы знаете это, что говорите такъ увѣренно?—спросилъ Орденеръ.

— Я знаю, гдѣ находится Ганъ-Исландецъ такъ же, какъ и то, гдѣ Бенигнусъ Спіагудри. И тотъ и другой недалеко отсюда въ настоящую минуту.

Всѣ страхи пробудились съ новой силой въ душѣ бѣднаго смотрителя. Онъ не смѣлъ поднять глазъ на таинственнаго маленькаго человѣка и, находя, что французскій парикъ недостаточно скрываетъ его, онъ принялся тянуть за плащъ Орденера, шепча ему:

— Сударь, ради Бога, сжальтесь, помилуйте... Уйдемте отсюда... Уйдемте изъ этого проклятаго преддверія ада.

Орденеръ, тоже очень удивленный, внимательно приглядывался къ маленькому человѣку, который, обернувшись спиной къ свѣту, казалось, заботливо старался скрыть свое лицо.

— Я его видѣлъ, этого Бенигнуса Спіагудри!—вскричалъ рыбакъ,—въ Спладгестѣ въ Дронтгеймѣ. Онъ, должно-быть, важный преступникъ. За него вѣдь назначено цѣлыхъ четыре экю!

Охотникъ разразился смѣхомъ.

— Четыре экю! Ну, ужъ я-то не погонюсь за ними! За шкуру голубой лисицы платятъ дороже.

Это сопоставленіе, которое при другихъ обстоятельствахъ не на шутку разобидѣло бы смотрителя, успокоило его на этотъ разъ.

Тѣмъ не менѣе, онъ хотѣлъ опять обратиться къ Орденеру съ новыми просьбами поскорѣе итти дальше, но тотъ, узнавъ, что ему было нужно, предупредилъ его и вышелъ изъ толпы, начинавшей понемногу рѣдѣть.

Идя къ деревушкѣ Эльмоэ, наши путники намѣревались переночевать въ ней, но теперь они поспѣшно вышли изъ нея, какъ

бы по молчаливому соглашенію, не говоря другъ съ другомъ ни слова о томъ, почему они такъ торопятся. Орденеръ въ душѣ хотѣлъ поскорѣе разыскать разбойника. Спіагудри желалъ уйти какъ можно дальше отъ стрѣлковъ.

Орденеръ былъ слишкомъ серьезно настроенъ для того, чтобы смѣяться надъ злоключеніями своего спутника. Онъ первый прервалъ молчаніе, ласково спросивъ Спіагудри:

— Старикъ, гдѣ та развалина, въ которой завтра, какъ увѣряетъ этотъ маленькій человѣкъ, знающій, кажется, все на свѣтѣ, можно встрѣтить Гана?

— Не знаю... Я плохо разслышалъ, — сказалъ Спіагудри, и на этотъ разъ онъ, дѣйствительно, не зналъ.

— Придется, значитъ, искать его уже послѣзавтра въ Вальдерогской пещерѣ,—сказалъ Орденеръ.

— Въ Вальдерогской пещерѣ? Это, дѣйствительно, любимое мѣстопребываніе Гана-Исландца.

— Пойдемъ туда,—сказалъ Орденеръ.

— Въ такомъ случаѣ повернемъ налѣво, позади этой скалы, тогда мы менѣе чѣмъ въ два дня дойдемъ до Вальдерога.

— Знаете ли вы этого страннаго человѣка, который, кажется, хорошо васъ знаетъ? — спросилъ Орденеръ.

Этотъ вопросъ пробудилъ въ Спіагудри всѣ его страхи, которые начинали понемногу ослабѣвать по мѣрѣ удаленія отъ Эльмоэ.

— Нѣтъ, господинъ, — отвѣчалъ онъ дрожащимъ голосомъ. — Только у него странный очень голосъ.

Орденеръ попытался его успокоить:

— Не бойтесь ничего, старинушка.—Служите мнѣ хорошенько, и я васъ не оставлю. Если я вернусь, побѣдивъ Гана, я вамъ обѣщаю не только помилованіе, но и тысячу королевскихъ экю, предлагаемыхъ правительствомъ.

Честный Спіагудри былъ необыкновенно привязанъ къ жизни, но и золото онъ любилъ не менѣе сильно. Обѣщаніе Орденера произвело на него магическое дѣйствіе. Оно не только усыпило всѣ его опасенія, но и вызвало въ немъ ту привычную ему веселость, которая выражалась у него несмолкаемой болтовней, странными жестами и учеными разсужденіями.

— Господинъ Орденеръ,—сказалъ онъ,—если бы мнѣ пришлось спорить о васъ съ Оверомъ Бильсейтомъ, иначе называемымъ Болтуномъ, ничто не помѣшало бы мнѣ утверждать, что вы умный и почтенный молодой человѣкъ. Дѣйствительно, что можетъ быть достойнѣе и похвальнѣе (quid cithara, tuba, vel campana dixgnius), какъ рисковать своею жизнію для того, чтобы освободить свою страну отъ чудовища, отъ разбойника, отъ демона, въ которомъ, кажется, воплотились сразу всѣ разбойники, чудовища и демоны. Пусть мнѣ посмѣютъ сказать, что вами двигаетъ корыстный интересъ... Нѣтъ! благородный Орденеръ предоставляетъ плату за свой подвигъ своему товарищу по путешествію, почтенному старцу, который служитъ ему проводникомъ. Но я провожу васъ только за милю до Вальдерогской пещеры, не правда ли? Вы вѣдь позволите

подождать результата вашего слазнаго подвига въ деревушкѣ, лежащей въ лѣсу, въ милѣ отъ Вальдерогскаго берега? И когда ваша блистательная побѣда станетъ извѣстна, то во всей Норвегіи будетъ такая радость, какая охватила Вермунда-Изгнанника, когда съ вершины этой скалы онъ увидѣлъ огонь, зажженный на Мункгольмской башнѣ его братомъ Гальфданомъ въ знакъ освобожденія.

— Какъ? Развѣ съ вершины этой скалы виденъ Мункгольмскій замокъ?

— Да, господинъ, въ двѣнадцати миляхъ къ югу, среди тѣхъ горъ. Въ этотъ часъ маякъ замка долженъ быть виденъ совершенно ясно.

— Правда!—воскликнулъ Орденеръ, съ восторгомъ ухватившійся за идею еще разъ взглянуть на мѣсто, гдѣ было все его счастье.—Старикъ, конечно, есть какая-нибудь тропинка, ведущая на вершину скалы?

— Да. Тропинка идетъ изъ этого лѣса и поднимается довольно отлого до самой вершины скалы. Тамъ она идетъ далѣе ступеньками, высѣченными въ скалѣ товарищами Вермунда-Изгнанника, и доходитъ до замка, гдѣ онъ жилъ. Это и есть тѣ развалины, которыя вы видите при свѣтѣ луны.

— Хорошо, старикъ. Вы мнѣ укажете тропинку, и въ этихъ развалинахъ мы проведемъ ночь.

— Вы такъ хотите, господинъ? Но вѣдь мы такъ устали...

— Старикъ, я помогу вамъ итти. А самъ я совсѣмъ не усталъ.

— Господинъ, эта тропинка давно заброшена... Она загромождена корнями, камнями. Къ тому же теперь ночь.

— Я пойду впереди.

— Можетъ-быть, какой-нибудь дикій звѣрь, или нечистый духъ, или безобразное чудовище...

— Я пустился въ путь вовсе не для того, чтобы избѣгать чудовищъ.

Намѣреніе остановиться на ночь такъ близко отъ Эльмое было очень не по вкусу Спіагудри, но мысль увидѣть Мункгольмскій маякъ и, можетъ-быть, свѣтъ изъ окна Этели приводила въ восторгъ и влекла впередъ Орденера.

— Господинъ мой,—сказалъ Спіагудри,—бросьте эту мысль, вѣрьте мнѣ, у меня есть предчувствіе, что это принесетъ намъ несчастье.

Но просьба эта была ничто передъ желаніемъ Орденера.

— Идемъ,—сказалъ онъ съ нетерпѣніемъ. Вспомните, что вы обязались хорошо служить мнѣ. Я хочу, чтобы вы указали мнѣ тропинку. Гдѣ она?

— Мы сейчасъ выйдемъ на нее,—сказалъ смотритель, принужденный повиноваться.

Дѣйствительно, вскорѣ передъ ними открылась тропинка. Они пошли по ней, и Спіагудри съ удивленіемъ и ужасомъ замѣтилъ, что трава на ней была помята и истоптана, какъ будто по забытой тропинкѣ Вермунда-Изгнанника только что прошла цѣлая толпа.

XX.

Леонардо. Васъ требуетъ король.
Генрихъ. Это зачѣмъ?

Лопе де-Вега.

Сидя за своимъ письменнымъ столомъ, на которомъ въ безпорядкѣ были разбросаны бумаги и лежало нѣсколько только что распечатанныхъ писемъ, генералъ Левинъ Кнудъ, казалось, о чемъ-то глубоко задумался. Стоящій около него секретарь, очевидно, ожидалъ приказаній.

Генералъ въ задумчивости то постукивалъ ногою по мягкому ковру, то разсѣянно игралъ орденомъ Слона, висѣвшимъ у него на шеѣ. Время отъ времени онъ раскрывалъ ротъ, какъ бы намѣреваясь заговорить, но останавливался, теръ лобъ рукою, снова посматривая на лежавшія передъ нимъ распечатанныя депеши.

— Что за чортъ!—произнесъ онъ, наконецъ.

За этимъ энергичнымъ восклицаніемъ снова послѣдовало молчаніе.

— Кто бы могъ представить, — заговорилъ, наконецъ, генералъ, — что эти рудокопы дойдутъ до этого! Несомнѣнно какіе-нибудь тайные подстрекатели внушили имъ мысль о возстаніи. Но, знаете ли вы, Ваферней, эта вещь далеко не шуточная. Знаете ли вы, что отъ пяти до шести тысячъ жителей Фарэрскихъ островов подъ командой нѣкоего стараго бандита, по имени Іоны, бѣжали уже изъ копей; что молодой фанатикъ, по имени Норбитъ, также сталъ во главѣ недовольныхъ въ Гульдбраншалѣ; что въ Зундъ-Моерѣ, Губфало и Конгсбергѣ эти бездѣльники, ждавшіе только сигнала, также, быть-можетъ, возстали. Знаете ли вы, что къ нимъ присоединились горцы, и что ими командуетъ эта хитрая кольская лисица, старый Кенниболь? Извѣстно ли вамъ, наконецъ, что по слухамъ, распространившимся на сѣверѣ Дронтгеймскаго округа, если вѣрить тому, что пишутъ мнѣ синдики, во главѣ возстанія сталъ не кто иной, какъ этотъ ужасный Ганъ-Исландецъ, голова котораго уже оцѣнена нами. Что вы скажете на все это, милый мой Ваферней? А?

— Ваше превосходительство,—сказалъ Ваферней,—знаетъ, какія мѣры...

— Во всемъ этомъ непріятномъ дѣлѣ есть еще одно обстоятельство, котораго я никакъ не могу себѣ объяснить. Какъ говорятъ, виновникъ всего не кто другой, какъ нашъ узникъ Шумакеръ. Это какъ будто никого не удивляетъ, но для меня это самое непонятное. Мнѣ кажется немыслимымъ, чтобы человѣкъ, съ которымъ дружитъ мой честный Орденеръ, могъ оказаться измѣнникомъ. А между тѣмъ, по слухамъ, рудокопы возстаютъ отъ его имени. Его имя —ихъ лозунгъ и боевой кличъ. Они присоединяютъ къ нему даже всѣ титулы, которыхъ лишилъ его король. Все это кажется совершенно вѣрнымъ... Но какъ могло

случиться, что графиня Алефельдъ знала всѣ эти подробности еще шесть дней тому назадъ, въ минуту, когда первые видимые симптомы возстанія едва намѣчались въ копяхъ... Это странно. Ну, да все равно. Надо быть готовымъ на все. Дайте мнѣ мою печать, Ваферней.

Генералъ написалъ три письма, запечаталъ ихъ и передалъ секретарю.

— Отправьте это письмо барону Вэтэйну, полковнику стрѣлковъ, расположенныхъ въ Мункгольмѣ. Надо, чтобы его полкъ шелъ какъ можно скорѣе на мѣсто возстанія. Вотъ это письмо коменданту Мункгольма съ приказаніемъ усилить надзоръ за бывшимъ великимъ канцлеромъ. Надо будетъ мнѣ самому съѣздить и допросить этого Шумакера. Вотъ это письмо отошлите въ Сконгенъ, коменданту майору Вольму, чтобы онъ отправилъ часть гарнизона на мѣсто возстанія. Идите, Ваферней, и поторопитесь отправкою этихъ писемъ.

Секретарь вышелъ. Губернаторъ снова погрузился въ раздумье.

«Все это въ высшей степени непріятно,—думалъ онъ.—Тамъ— возставшіе рудокопы, здѣсь — эта интриганка графиня. Да еще этотъ безумецъ Орденеръ, исчезнувшій неизвѣстно куда. Можетъ-быть, онъ путешествуетъ среди этихъ бандитовъ, оставивъ подъ моимъ покровительствомъ Шумакера, который злоумышляетъ противъ государства, и его дочь, ради спокойствія которой я долженъ былъ удалить роту, гдѣ былъ Фридрихъ Алефельдъ, обвиняемый Орденеромъ... А между тѣмъ мнѣ кажется, что эта рота могла бы остановить передовыя отряды мятежниковъ. Она удобно расположена для этого. Вальстромъ, гдѣ она стоитъ, находится у озера Сміазена и у Арбарскихъ развалинъ. Эти мѣста непремѣнно будутъ охвачены возстаніемъ...»

На этомъ мѣстѣ своихъ размышленій генералъ былъ прерванъ скрипомъ отворяемой двери.

— Что вамъ нужно, Густавъ?

— Генералъ, какой-то посланный желаетъ видѣть ваше превосходительство.

— Что еще тамъ такое! Опять какая-нибудь непріятность. Пусть войдетъ.

Введенный посланный подалъ губернатору пакетъ.

— Ваше сіятельство, — сказалъ онъ, — это отъ его свѣтлости вице-короля.

Генералъ быстро разорвалъ конвертъ.

— Клянусь святымъ Георгомъ, — вскричалъ онъ съ удивленіемъ, — мнѣ кажется, они тамъ всѣ посходили съ ума! Изволите видѣть, вице-король приглашаетъ меня явиться къ нему въ Бергенъ. Этого требуетъ, — говоритъ онъ, — спѣшное дѣло по приказанію короля. Нечего сказать, кстати явилось это спѣшное дѣло! «Великій канцлеръ, который находится въ настоящее время въ Дронтгеймскомъ округѣ, замѣститъ васъ въ ваше отсутствіе...» Признаюсь, я вовсе не довѣряю такому замѣстителю. «Епископъ ему поможетъ...» Дѣйствительно, Фридрихъ удачно выбралъ пра-

вителей для страны, охваченной возстаніемъ — двухъ штатскихъ, канцлера и епископа. Однако приглашеніе экстренное, это приказъ короля. Надо отправляться. Но передъ отъѣздомъ я самъ допрошу этого Шумакера. Я прекрасно вижу, что меня хотятъ запутать въ цѣлую сѣть интригъ. Но у меня есть компасъ — моя совѣсть; съ нимъ я никогда не ошибусь.

XXI.

Кажется вся природа получила голосъ,
чтобы обвинить его въ его преступленіи.

Изъ трагедіи „*Каинъ*".

— Сегодня, сіятельнѣйшій графъ, въ Арбарскихъ ущельяхъ мы его навѣрное встрѣтимъ. Все заставляетъ меня вѣрить этому драгоцѣнному указанію, которое я получилъ вчера вечеромъ, какъ я вамъ уже разсказывалъ, въ деревушкѣ Эльмоэ.

— А далеко это Арбарское ущелье?

— Около озера Сміазена. Проводникъ меня увѣрялъ, что мы тамъ будемъ раньше полудня.

Такой разговоръ вели два всадника, закутанные въ темные плащи. Они ѣхали раннимъ утромъ по узкой извилистой тропинкѣ, одной изъ тѣхъ, которыя бороздятъ во всѣхъ направленіяхъ лѣсъ, лежащій между озерами Сміазеномъ и Спарбо.

Впереди на маленькой сѣрой лошадкѣ ѣхалъ горный проводникъ, съ топоромъ за плечами и охотничьимъ рогомъ, а сзади еще четыре всадника, вооруженные съ головы до ногъ. Разговаривавшіе время отъ времени оборачивались къ нимъ, какъ бы боясь быть услышанными.

— Если этотъ разбойникъ, дѣйствительно, находится въ Арбарскомъ ущельѣ, — сказалъ одинъ изъ разговаривавшихъ, — то намъ осталось только уговорить его, такъ какъ самое главное было его встрѣтить.

— Вы думаете, Мусдэмонъ? А если онъ не согласится?

— Не согласится! Какой разбойникъ устоитъ противъ золота и безнаказанности?

— Вы забываете, что этотъ разбойникъ не совсѣмъ обыкновенный злодѣй. Не судите его по общей мѣркѣ. А если онъ откажется, какъ исполните вы обѣщаніе, данное третьяго дня ночью тремъ вождямъ возстанія?

— Ахъ, благородный графъ, въ этомъ случаѣ, на который я гляжу, какъ на невозможный, если мы не застанемъ молодчика въ ущельѣ, смѣю напомнить, что вѣдь подложный Ганъ-Исландецъ будетъ ждать меня черезъ два дня для свиданія съ вождями у Голубой Звѣзды, не далеко отъ Арбарскаго ущелья.

— Вы правы, вы всегда правы, милѣйшій Мусдэмонъ,—сказалъ графъ.

И снова каждый погрузился въ свои думы.

Мусдэмонъ, въ интересахъ котораго было поддерживать хорошее расположеніе духа графа, обратился, думая развлечь своего патрона, съ вопросами къ проводнику.

— Что это за развалившійся крестъ, вонъ тамъ за молоденькими дубками?

Проводникъ, человѣкъ съ тупымъ выраженіемъ лица и пристально устремленнымъ куда-то взглядомъ, покачалъ головою и отвѣтилъ:

— Это, сударь, самая старая висѣлица въ Норвегіи.—Святой король Олай велѣлъ сдѣлать ее для одного судьи, который вошелъ въ стачку съ разбойникомъ.

Но тутъ Мусдэмонъ замѣтилъ на лицѣ патрона выраженіе, совсѣмъ противоположное тому, которое ему хотѣлось вызвать. А проводникъ, между тѣмъ, продолжалъ:

— Да, странная это исторія; тетка Ози мнѣ ее разсказывала... Разбойнику же и было поручено повѣсить судью.

Проводникъ въ своей простотѣ и не замѣчалъ, что исторія, вмѣсто того, чтобы позабавить господъ, казалась имъ почти оскорбленіемъ. Мусдэмонъ остановилъ его.

— Довольно, довольно. Эта исторія намъ знакома.

— Негодяй! — прошепталъ графъ. — Ему знакома эта исторія! Берегись, Мусдэмонъ, ты мнѣ поплатишься за это

— Вы изволите что-то говорить, ваше сіятельство?— спросилъ Мусдэмонъ съ предупредительнымъ видомъ.

— Я думалъ, какъ бы устроить для васъ полученіе ордена Данеброга. Бракъ моей дочери Ульрики съ барономъ Орденеромъ будетъ удобнымъ для этого случаемъ.

Мусдэмонъ разсыпался въ изъявленіяхъ благодарности.

— А теперь,— продолжалъ графъ,— поговоримъ о нашихъ дѣлахъ. Увѣрены ли вы, что приказъ объ отозваніи дошелъ до мекленбуржца?

Читатель, быть-можетъ, помнитъ, что графъ имѣлъ обыкновеніе называть такъ генерала Левина Кнуда. Кнудъ, дѣйствительно, былъ родомъ изъ Мекленбурга.

«О *нашихъ* дѣлахъ!—усмѣхнулся про себя Мусдэмонъ.—Какъ будто *мои* дѣла не совсѣмъ *наши* дѣла!»

— Сіятельнѣйшій графъ, — продолжалъ онъ громко, — я думаю, что посланный вице-короля долженъ быть въ эту минуту въ Дронтгеймѣ, и что поэтому генералъ Левинъ тоже скоро выѣдетъ.

— Это отозваніе генерала, — сказалъ графъ ласково, — одинъ изъ вашихъ самыхъ мастерскихъ ходовъ. Такъ это хорошо задумано и прекрасно выполнено!

Мусдэмону хотѣлось, какъ уже было говорено раньше, во всѣ свои продѣлки замѣшать и графа. И онъ льстиво замѣтилъ:

— Честь изобрѣтенія этого плана принадлежитъ и вамъ въ равной степени, ваше сіятельство.

Графъ, зная заднюю мысль своего приспѣшника, притворился непонимающимъ.

— Ну, мой милый.—сказалъ онъ, улыбаясь,—вы всегда скромничаете. Но повѣрьте, я не забуду вашихъ огромныхъ услугъ. Присутствіе Эльфегіи и отсутствіе мекленбуржца обезпечиваютъ мой успѣхъ въ Дронтгеймѣ. Разъ я буду начальникомъ округа, а Ганъ-Исландецъ приметъ команду надъ возставшими, что я ему сегодня и предложу, то въ глазахъ короля вся слава подавленія возстанія и захвата этого ужаснаго разбойника будетъ принадлежать мнѣ и только мнѣ!

Когда они говорили такъ вполголоса, проводникъ повернулся къ нимъ и сказалъ:

— Вотъ направо горка, милостивые господа, на которой Біортъ Справедливый велѣлъ обезглавить Веллона, низкаго измѣнника, который удалилъ истинныхъ защитниковъ короля и призвалъ въ лагерь непріятеля, чтобы показать, будто онъ одинъ только спасъ жизнь Біорту...

Всѣ эти преданія старой Норвегіи были не совсѣмъ по вкусу Мусдэмону, и онъ грубо прервалъ разсказчика:

— Ну, ну, старый болтунъ, молчите да смотрите побольше на дорогу! Какое дѣло намъ, что эти развалившіяся хижины и сухія деревья напоминаютъ вамъ разныя глупыя исторіи. Не видите вы развѣ, что надоѣли моему господину своими бабьими сказками?

XXII.

Въ тотъ часъ, когда рычитъ левъ, и волкъ воетъ на луну, а земледѣлецъ храпитъ, утомленный трудами, въ тотъ часъ, когда въ очагѣ блестятъ обгорѣвшія головни, и сова мрачнымъ крикомъ своимъ напоминаетъ больнымъ и несчастнымъ о темномъ покрывалѣ смерти, — въ тотъ часъ открываются могилы, и привидѣнія идутъ бродить по дорожкамъ кладбища.

Шекспиръ.—Сонъ въ лѣтнюю ночь.

Вернемся назадъ. Мы оставили Орденера и Спіагудри въ то время, какъ они съ трудомъ поднимались при свѣтѣ восходящей луны на утесъ, возвышавшійся неподалеку отъ Эльмоэ. Утесъ этотъ называется Шеей Коршуна, и, дѣйствительно, нѣсколько напоминаетъ своей изогнутой формой шею хищной птицы. По мѣрѣ ихъ восхожденія лѣсъ все рѣдѣлъ и мельчалъ. Трава уступала мѣсто мху, дикій шиповникъ и широколиственные вязы смѣнялись тощими березками и дубками. Это обѣднѣніе растительности указывало на приближеніе къ вершинѣ горы, такъ какъ всегда на высокихъ горахъ слой растительной зелени, покрывающей скелетъ горы, становится все тоньше и тоньше отъ подошвы къ вершинѣ.

— А трудненько-таки подниматься, господинъ Орденеръ,—говорилъ Спіагудри;—только моя преданность къ вамъ и заставляетъ меня лѣзть на такую крутизну... А взгляните-ка направо, —прибавилъ онъ, со свойственной ему легкостью перескакивая съ

одного предмета на другой,—взгляните-ка, какой чудный convolvulus. Жаль, что темно, и я не могу обстоятельно разсмотрѣть его... Да! не досадно ли? Вдругъ такого ученаго, какъ я, и оцѣнили въ какихъ-то жалкихъ четыре экю... Это положительно дерзость. Положимъ знаменитый Федръ былъ невольникъ, а если вѣрить Плануду, то и самъ Эзопъ былъ проданъ на рынкѣ, какъ скотъ или какая-нибудь вещь, а кому же не пріятно имѣть хоть какое-нибудь сходство съ великимъ Эзопомъ?

— Да и съ знаменитымъ Ганомъ тоже,—прибавилъ съ улыбкой Орденеръ.

— О, господинъ, ради святого Госпиція, не упоминайте этого имени... Я бы съ радостью отказался отъ этого сходства. Но вотъ что странно, вѣдь цѣна головы этого чудовища достанется мнѣ, его товарищу по несчастью... По чести, господинъ Орденеръ, вы великодушнѣе Язона, вѣдь тому и въ голову не пришло отдать золотое руно кормчему корабля Арго. А ваше предпріятіе, цѣль котораго я положительно отказываюсь понимать, ничуть не меньше опасно, чѣмъ предпріятіе Язона.

— Но вѣдь вы же знаете Гана-Исландца,—сказалъ Орденеръ.— Разскажите мнѣ что-нибудь о немъ. Вы уже сказали мнѣ, что онъ не гигантъ, какъ о немъ обыкновенно разсказываютъ...

— Постойте, — перебилъ вдругъ Спіагудри,— слышите, кто-то идетъ за нами.

— Слышу,—спокойно отвѣчалъ Орденеръ.—Вѣроятно, мы спугнули какого-нибудь звѣря, и онъ зашумѣлъ въ кустахъ, убѣгая въ чащу.

— Вы правы. Эти лѣса давно не видѣли человѣка. Судя по шуму, это, должно-быть, крупный звѣрь, вѣроятно, олень или лось,—здѣсь они водятся,—можетъ-быть, и рысь. Я видѣлъ одну рысь въ Копенгагенѣ, — это — огромный звѣрь. Если угодно, я вамъ опишу его...

— Мнѣ гораздо интереснѣе послушать описаніе другого звѣря, Гана-Исландца, перебилъ Орденеръ.

— О, мой господинъ, какъ можете вы такъ спокойно произносить это имя... Вы не знаете... Боже мой, слышите?..—И Спіагудри едва не прижался къ Орденеру, весь дрожа отъ страха. Причиной этого страха было донесшееся до нихъ рычаніе, совершенно подобное тому, которое, какъ помнитъ читатель, наводило такой ужасъ на Спіагудри въ ночь его бѣгства изъ Дронтгейма.

— Слышали вы? — повторилъ смотритель, едва дыша отъ страха.

— Слышу, но не понимаю, чего вы испугались. Обыкновенная вещь. Какой-нибудь дикій звѣрь, можетъ-быть, одна изъ тѣхъ рысей, о которыхъ вы сейчасъ говорили. Неужели вы думали пройти въ такое время по такому дикому мѣсту, не побезпокоивъ здѣшняго четвероногаго населенія. Но, увѣряю васъ, они испуганы еще больше вашего.

Спокойствіе молодого человѣка нѣсколько ободрило Спіагудри.

— Можетъ-быть, вы и правы. Но это рычаніе ужасно напоминаетъ мнѣ одинъ голосъ... Ахъ, сударь, и зачѣмъ вы вздумали итти въ этотъ замокъ Вермунда! Боюсь, какъ бы на Шеѣ Коршуна съ нами не случилось бѣды.

— Вамъ нечего бояться, когда я съ вами,—сказалъ Орденеръ.

— О, я знаю, страхъ незнакомъ вамъ, но вѣдь только святой Павелъ могъ безбоязненно брать въ руки змѣй. Развѣ вы не замѣтили, что и тропинка, по которой мы шли, какъ будто недавно протоптана, и трава, какъ была примята, такъ и осталась, еще не успѣвъ подняться?

— Все это меня ничуть не занимаетъ. Какое мнѣ дѣло, примята или не примята трава! Вотъ скоро мы выйдемъ изъ вереска и не будемъ слышать ни шаговъ, ни голосовъ звѣрей. Поэтому вамъ уже не придется пугаться. Но соберитесь съ силами, такъ какъ высѣченная въ скалѣ тропинка будетъ, вѣроятно, не такъ удобна.

— Она не будетъ круче, но ученый путешественникъ Суксонъ говоритъ, что нерѣдко на ней бываютъ обвалы, и она загромождается камнями, которые невозможно сдвинуть, и приходится черезъ нихъ перебираться. Шёнингъ говоритъ, что невдалекѣ отъ Малаэрской потерны лежитъ огромная треугольная глыба, на которой начертано три руническихъ знака. Мнѣ давно хотѣлось ее видѣть.

Пройдя еще немного по обнаженной тропинкѣ, они дошли до обвалившейся башни, черезъ которую имъ предстояло пройти.

— Вотъ и Малаэрская потерна,— сказалъ Спіагудри. — Здѣсь много очень интересныхъ построекъ, по которымъ можно судить, каковы были укрѣпленія въ старыхъ норвежскихъ замкахъ. Этотъ проходъ, одно изъ передовыхъ укрѣпленій замка, охранялся днемъ и ночью чытырьмя часовыми. По поводу этой потерны монахъ Урензій замѣчаетъ, что слово janua, происходящее отъ Janus, храмъ котораго имѣлъ столь знаменитыя двери, по всей вѣроятности, является первоначальнымъ корнемъ слова янычаръ. Вамъ, конечно, извѣстно, что янычарами называется войско, охраняющее особу турецкаго султана. Не странно ли, что отъ имени самаго миролюбиваго государя, котораго только знаетъ исторія, произошло названіе этихъ свирѣпѣйшихъ солдатъ.

Разговаривая такимъ образомъ, оба путника не безъ труда подвигались впередъ по усыпанной крупными валунами и острыми голышами тропинкѣ. Кое-гдѣ нога ихъ скользила по мху, которымъ иногда обрастаютъ утесы. Спіагудри ни на минуту не прерывалъ своей ученой болтовни, а Орденеръ неутомимо шелъ впередъ, забывая объ усталости при мысли о томъ, что ему удастся еще разъ увидѣть далекій и милый Мунгольмъ.

— А, вотъ она! вотъ она! — вскричалъ Спіагудри. — О, этотъ видъ вознаградилъ меня за всю мою усталость.

— Что такое?—спросилъ Орденеръ, думавшій въ это время объ Этели.

— Треугольная пирамида, о которой упоминаетъ Шёнингъ. Я буду, считая Шёнинга и епископа Ислейфа, третьимъ изъ людей, имѣвшихъ счастье видѣть ее. Досадую только, что приходится разсматривать ее лишь при свѣтѣ луны.

Но, подойдя къ знаменитой пирамидѣ, Спіагудри испустилъ вдругъ крикъ, въ которомъ слышались и огорченіе и страхъ.

Орденеръ тотчасъ поспѣшилъ къ нему, спрашивая о причинѣ его волненія, но Спіагудри не могъ выговорить ни слова.

— Вы думали, что эта глыба загораживаетъ проходъ,—сказалъ Орденеръ,—но вы видите, что она лежитъ въ сторонѣ отъ дороги. Это должно радовать васъ.

— Это именно и приводитъ меня въ отчаяніе,—жалобно отвѣчалъ Спіагудри.

— Но почему же?

— Да развѣ вы не видите, сударь, что пирамида сдвинута съ мѣста, что основаніе оказывается теперь на воздухѣ, а къ землѣ приходится та самая сторона, на которой были руническія письмена! О, какъ я несчастенъ!

— Я понимаю, что это должно огорчать васъ,—сказалъ Орденеръ.

— И къ тому же,—продолжалъ Спіагудри,—перемѣна положенія глыбы указываетъ на присутствіе здѣсь какого-нибудь сверхчеловѣческаго существа. Если это сдѣлалъ не дьяволъ, то я знаю лишь одного человѣка во всей Норвегіи, который могъ бы...

— Опять начинаются ваши страхи! А что если эта глыба лежитъ въ такомъ положеніи уже цѣлый вѣкъ?

— Правда,—сказалъ немного успокоившись Спіагудри.— Прошло уже около полутораста лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ ее изслѣдовалъ послѣдній наблюдатель. Но мнѣ кажется, что она перевернута недавно. Посмотрите, то мѣсто, гдѣ она лежала, еще не успѣло высохнуть.

Но Орденеру надоѣло слушать разглагольствованія смотрителя—онъ слишкомъ торопился увидѣть желанный огонекъ. Поэтому онъ попросту оттащилъ старика отъ чудеснаго утеса и мало-помалу успѣлъ разсѣять опасенія, внушенныя Спіагудри перемѣщеніемъ камня.

— Слушайте,—сказалъ онъ,—вы можете поселиться на берегу этого озера и спокойно предаться вашимъ ученымъ занятіямъ, какъ только получите тысячу экю за голову Гана.

— Вы правы, но не говорите такъ рѣшительно о побѣдѣ, до которой еще очень далеко. Я хочу дать вамъ совѣтъ, какъ легче овладѣть чудовищемъ.

— Совѣтъ? какой?—живо проговорилъ Орденеръ.

— Разбойникъ,—началъ Спіагудри тихимъ голосомъ—и безпокойно оглядываясь по сторонамъ,—разбойникъ носитъ на поясѣ черепъ, изъ котораго обыкновенно пьетъ. Это—черепъ его сына, въ оскверненіи трупа котораго меня обвиняютъ.

— Да не бойтесь, говорите громче. Я едва васъ слышу. Ну и что же?

— Вотъ этимъ черепомъ вамъ и нужно стараться завладѣть,— прошепталъ Спіагудри, наклоняясь къ самому уху Орденера. — Чудовище связываетъ съ нимъ какія-то суевѣрныя представленія. Когда черепъ его сына будетъ въ вашихъ рукахъ, вы сдѣлаете съ Ганомъ все, что вамъ угодно.

— Хорошо, но какъ овладѣть этимъ черепомъ?

— Хитростью, сударь. Во время его сна, напримѣръ...

— Довольно,—прервалъ Орденеръ.—Вашъ совѣтъ мнѣ не годится. Я не долженъ знать, спитъ ли когда-нибудь мой врагъ. Для того, чтобы драться, я долженъ знать одну лишь свою шпагу.

— О, господинъ! Хотя и не доказано, что архангелъ Михаилъ, сражаясь съ сатаною, употребилъ хитрость...

Но тутъ Спіагудри внезапно остановился, протянулъ впередъ руки и прошепталъ едва слышно:

— О, небо! Что это такое? Скажите, сударь, вы не видѣли маленькаго человѣка, который шелъ впереди насъ?

— Нѣтъ, я ничего не вижу,—промолвилъ Орденеръ.

— Ничего? Впрочемъ, онъ сейчасъ скрылся за поворотомъ тропинки. О, господинъ, умоляю васъ, остановимтесь! Не ходите вы дальше.

— Да почему же? Если тотъ, кого вы будто бы видѣли, такъ быстро скрылся, значитъ онъ не расположенъ насъ ждать. А если онъ бѣжитъ отъ насъ, то съ какой же стати мы-то отъ него побѣжимъ?

— Да сохранитъ насъ святой Госпицій, — пробормоталъ Спіагудри, по обыкновенію прибѣгая къ своему излюбленному святому.

— Вы, вѣроятно, приняли за человѣка движущуюся тѣнь ночной птицы,—сказалъ Орденеръ.

— Нѣтъ, мнѣ кажется, я ясно видѣлъ человѣческую фигуру. Впрочемъ лунный свѣтъ нерѣдко вызываетъ странныя ошибки. Такъ, Бальданъ изъ Мернейга принялъ за тѣнь убитой имъ матери бѣлый занавѣсъ своей кровати. Это заставило его сознаться въ своей винѣ судьямъ Христіаніи, которые уже готовы были приговорить къ смерти ни въ чемъ неповиннаго пажа покойной. Такимъ образомъ, лунный свѣтъ спасъ жизнь этому пажу

Никто не умѣлъ такъ легко забывать о настоящемъ, погружаясь въ прошедшее, какъ Спіагудри. Для него достаточно было какого-нибудь отдаленнаго воспоминанія изъ давно прошедшихъ временъ, чтобы тотчасъ же изгладить изъ памяти самое недавнее впечатлѣніе. Такъ и на этотъ разъ разсказъ о Бальданѣ разсѣялъ его страхъ, и онъ успокоился

— Можетъ-быть, и меня обманулъ лунный свѣтъ, — сказалъ онъ.

Наконецъ они подошли почти къ самой вершинѣ утеса. Изъ-за гребня стали показываться тѣ части развалинъ, которыхъ они еще не видѣли. Читатель не долженъ удивляться, что мы такъ часто видимъ развалины на вершинахъ норвежскихъ горъ. Кому случалось бывать въ горахъ Европы, тотъ вѣрно нерѣдко видѣлъ на

гребняхъ самыхъ высокихъ горъ остатки стараго замка или крѣпости, похожіе на старыя орлиныя гнѣзда. Эти развалины были особенно многочисленны въ Норвегіи въ описываемую нами эпоху. Иногда онѣ представлялись въ видѣ старыхъ полуразрушенныхъ стѣнъ, окружавшихъ какой-нибудь утесъ, иногда въ видѣ острыхъ башенокъ, увѣнчивавшихъ, какъ корона, острую вершину утеса. Кое-гдѣ нѣсколько такихъ башенъ группировались вокругъ центральнаго зданія, выдѣляясь темнымъ пятномъ на бѣлой вершинѣ горы, точно тіара на сѣдой головѣ епископа. Рядомъ съ легкими острыми арками готическаго монастыря поднимались тяжелыя египетскаго стиля колонны саксонской церкви. Рядомъ съ увѣнчанной четырехугольными башнями цитаделью какого-нибудь вождя языческихъ временъ поднимались зубчатыя стѣны средневѣковой крѣпости барона-христіанина. Всѣ эти зданія, странной, почти невѣдомой архитектуры, въ настоящее время представляютъ одни лишь обломки, свидѣтельствуя одновременно и о могуществѣ и о ничтожествѣ человѣка. Сколько, можетъ-быть, интересныхъ, захватывающихъ жизненныхъ драмъ видѣли ихъ старыя стѣны! Но проходятъ дни, проносятся событія, закрываются глаза ихъ очевидцевъ, забываются устныя преданія, и тайна вѣковъ вѣчно остается тайной.

Замокъ Вермунда-изгнанника былъ одинъ изъ тѣхъ, которому суевѣрная молва приписывала наибольшее число чудесныхъ исторій. По его стѣнамъ, сложеннымъ изъ голышей и скрѣпленнымъ цементомъ, ставшимъ отъ времени тверже камня, можно было судить, что онъ построенъ въ пятомъ или въ шестомъ столѣтіи. Изъ пяти башенъ уцѣлѣла вполнѣ только одна. Остальныя, болѣе или менѣе обвалившіяся, усыпали обломками вершину утеса. Между башнями тянулись стѣны, дававшія возможность судить о внутреннемъ расположеніи дворовъ замка. Проникнуть внутрь ограды было очень трудно, потому что обломки, камни, колючіе кустарники, ютившіеся между обломками, и ползучія растенія, спускавшія въ самую пропасть свои длинные стебли, загораживали дорогу. На стебляхъ этихъ, какъ говорили легенды, качались ночью мрачныя души утопленниковъ, самоубійцъ озера Спарбо. За эти стебли водный духъ привязывалъ облако, на которомъ ночью пріѣзжалъ къ озеру, оставаясь здѣсь до развѣта. Много страшныхъ тайнъ видѣли здѣсь самые смѣлые рыбаки, когда, пользуясь сномъ морскихъ собакъ [1]), они подплывали ночью къ утесу, который поднимался надъ ихъ головами, какъ сломанная арка исполинскаго моста.

Не безъ труда проникли наши путники внутрь ограды, такъ какъ прежнія ворота были завалены камнями и имъ пришлось пробираться сквозь трещину стѣны. Единственная уцѣлѣвшая башня, о которой мы уже упоминали, стояла на самомъ краю утеса. Изъ этой-то башни, по словамъ Спіагудри, и можно было видѣть огонь Мункгольмскаго маяка. Туда они и направились,

[1]) Рыбаки избѣгаютъ морскихъ собакъ, потому что онѣ пугаютъ рыбу.

хотя стало совершенно темно, такъ какъ луна спряталась за большое темное облако. Они собирались уже пробираться черезъ вторую стѣну, окружавшую внутренній дворъ замка, какъ вдругъ Спіагудри остановился и схватилъ Орденера за руку При этомъ рука старика такъ дрожала, что самъ Орденеръ нѣсколько смутился.

— Что такое?—спросилъ онъ.

Спіагудри, не отвѣчая, еще крѣпче сжалъ его руку, какъ бы умоляя его молчать.

— Но...

Новое пожатіе, сопровождаемое тяжелымъ вздохомъ старика, заставило Орденера рѣшиться терпѣливо подождать, когда пройдетъ этотъ новый припадокъ страха.

Наконецъ Спіагудри заговорилъ тихо и робко.

— Что вы объ этомъ скажете, сударь?

— О чемъ?—спросилъ Орденеръ.

— Да, сударь, теперь вы навѣрно раскаиваетесь, что забрались въ это проклятое мѣсто.

— Нисколько. Я даже хочу подняться на башню. Да и почему это я долженъ раскаиваться?

— Какъ, сударь, развѣ вы не видѣли?..

— Чего?

— Вы не видѣли?—съ возрастающимъ ужасомъ повторилъ проводникъ.

— Да нѣтъ же,—нетерпѣливо отвѣчалъ Орденеръ.—И не видѣлъ и не слышалъ ничего, кромѣ стука вашихъ зубовъ, когда вы задрожали со страха.

— Какъ, вы не видѣли въ темнотѣ за этой стѣной двухъ глазъ, свѣтившихся какъ двѣ кометы и устремленныхъ на насъ?

— Нѣтъ не видѣлъ.

— Не видѣли, какъ они двигались, поднимались, опускались и, наконецъ, исчезли между развалинами?

— Не понимаю, о чемъ вы толкуете. Въ чемъ же дѣло-то?

— Какъ, развѣ вы не знаете, что во всей Норвегіи есть только одинъ человѣкъ, у котораго глаза свѣтятся въ темнотѣ.

— Ну, и что же такое? Что это за господинъ съ кошачьими глазами? Если Ганъ, вашъ знаменитый исландецъ, такъ тѣмъ лучше: по крайней мѣрѣ, мнѣ не придется итти до Вальдерога.

Это «тѣмъ лучше» пришлось совсѣмъ не по вкусу Спіагудри, и онъ невольно выдалъ свою тайную мысль:

— Но, сударь, вы обѣщали меня оставить въ Сурбѣ, за одну милю отъ мѣста боя.

Орденеръ улыбнулся.

— Вы правы, старикъ. Съ моей стороны было бы несправедливо подвергать васъ опасности. Но не бойтесь. Вамъ этотъ Ганъ просто вездѣ мерещится. Развѣ не могла забраться въ эти развалины какая-нибудь дикая кошка?

Спіагудри снова успокоился,—потому ли, что объясненіе Орденера показалось ему правдоподобнымъ, или потому, что въ спокойствіи молодого человѣка было что-то заразительное.

— Право, сударь,—сказалъ онъ,—безъ васъ я бы десять разъ умеръ отъ страха въ этихъ горахъ. Впрочемъ, безъ васъ я бы сюда и не пошелъ.

Въ это время луна вышла изъ-за облака и освѣтила входъ въ башню. Они раздвинули закрывавшій этотъ входъ густой занавѣсъ плюща, при чемъ на нихъ дождемъ посыпались ящерицы и птичьи гнѣзда, и вошли внутрь башни. Спіагудри высѣкъ огня изъ двухъ голышей и зажегъ кучу сухихъ листьевъ, собранную Орденеромъ. При яркомъ свѣтѣ разгорѣвшагося пламени они могли осмотрѣться кругомъ. Въ башнѣ не было ничего, кромѣ круглыхъ стѣнъ. Потолки четырехъ этажей обвалились одинъ за другимъ, образовавъ въ нижнемъ этажѣ огромную кучу обломковъ. Узкая, разломанная въ нѣсколькихъ мѣстахъ лѣстница безъ перилъ вилась вдоль внутренней поверхности стѣны, доходя до самой вершины. Какъ только загорѣлся огонь, цѣлыя тучи совъ и филиновъ закружились надъ ихъ головами, и летучія мыши принялись летать надъ самымъ огнемъ, почти касаясь его своими пепельно-сѣрыми крыльями.

— Не очень весело насъ здѣсь принимаютъ, — сказалъ Орденеръ.—Смотрите, опять не испугайтесь!

— Мнѣ бояться летучихъ мышей!—сказалъ Спіагудри.—Я прожилъ всю жизнь съ трупами и не боялся вампировъ. Нѣтъ, я боюсь только живыхъ людей. Конечно, я не храбрецъ, но и не суевѣръ. Если угодно, не будемъ обращать вниманія на всѣхъ этихъ дамъ съ такими пріятными голосами и подумаемъ объ ужинѣ.

Но Орденеръ думалъ только о Мункгольмѣ.

— У меня здѣсь есть запасъ провизіи,—продолжалъ Спіагудри, доставая изъ-подъ плаща свой ранецъ. — Если у васъ такой же аппетитъ, какъ у меня, то хлѣбъ и сыръ, который я съ собой взялъ, быстро будутъ уничтожены. Я вижу, что мы долго еще не будемъ въ состояніи приблизиться къ границамъ закона короля Филиппа Красиваго, который гласитъ: Nemo audeat comedere praeter duo fercula cum potagio [1]). Навѣрно, на вершинѣ башни есть гнѣзда чаекъ и фазановъ, но развѣ къ нимъ доберешься по такой лѣстницѣ, которая можетъ сдержать развѣ только однихъ сильфовъ?

— Однако нужно, чтобы она меня сдержала, — сказалъ Орденеръ,—потому что я хочу подняться на вершину башни.

— Какъ, сударь, вы хотите достать эти гнѣзда? Не дѣлайте, ради Бога, такой неосторожности. Стоитъ ли рисковать жизнію для того, чтобы получше поужинать? Наконецъ вы можете ошибиться и набрать совиныхъ гнѣздъ.

— Очень мнѣ нужны ваши гнѣзда! Но вы сказали мнѣ, что съ вершины башни виденъ Мункгольмскій маякъ.

— Да, на югѣ. Теперь я вижу, что вами руководитъ желаніе опредѣлить этотъ важный географическій пунктъ, и для этого вы предприняли ваше трудное путешествіе въ замокъ Вермунда-Изгнан-

---

[1]) Никто не долженъ съѣдать больше двухъ ломтей съ похлебкой.

ника. Но подумайте, мой молодой господинъ, прежде чѣмъ рѣшиться на это восхожденіе. Любознательность ученаго можетъ иногда заставить его пренебречь усталостью, но рисковать изъ-за этой любознательности жизнью не слѣдуетъ. Умоляю васъ, не ходите по этой лѣстницѣ. Она и вороны не сдержитъ.

Бенигнусу очень не хотѣлось оставаться одному внизу. Но, когда онъ всталъ, чтобы удержать Орденера за руку, ранецъ упалъ у него съ колѣнъ и громко зазвенѣлъ о камни.

— Что это у васъ тамъ звенитъ?—спросилъ Орденеръ.

Этотъ нескромный съ точки зрѣнія Спіагудри вопросъ отбилъ у него охоту удерживать молодого человѣка.

— Если же вы такъ хотите итти, то будьте, по крайней мѣрѣ, внимательны,—сказалъ онъ, не отвѣчая на вопросъ.

— Но что это гремитъ въ вашемъ ранцѣ?—спросилъ еще разъ Орденеръ.

Эта нескромная настойчивость очень не понравилась старому смотрителю, и въ глубинѣ души онъ осыпалъ Орденера проклятіями.

— Охота вамъ, молодой господинъ, заниматься какой-то жалкой желѣзной тарелкой, которая загремѣла о камень. Разъ ужъ я не могу удержать васъ,—поспѣшно прибавилъ онъ,—то, по крайней мѣрѣ, спускайтесь оттуда скорѣе и держитесь хорошенько за плющъ.

Орденеръ бросилъ съ себя плащъ и пошелъ по лѣстницѣ.

Спіагудри слѣдилъ за нимъ глазами до тѣхъ поръ, пока на верху башни въ пространствѣ, едва освѣщенномъ колеблющимся пламенемъ костра и мутнымъ ровнымъ свѣтомъ луны, стала видна только какая-то едва уловимая тѣнь. Тогда Спіагудри сѣлъ и поднялъ свой мѣшокъ.

— Ну, милѣйшій Спіагудри, пока тебя никто не видитъ, разбей-ка поскорѣе эту неудобную желѣзную оболочку. По крайней мѣрѣ, тогда можно будетъ завладѣть oculis et manu [1]) заключеннымъ въ ней сокровищемъ да и скрыть его будетъ легче и нести поудобнѣе.

Взявъ большой камень, онъ уже готовился разбить крышку, но въ это время лучъ свѣта упалъ на запиравшую ящикъ желѣзную печать. Знавшій толкъ въ старинѣ смотритель остановился.

— Клянусь святымъ Виллебродомъ Нумизматомъ, это гербъ Гриффенфельдовъ,—вскричалъ онъ, протирая заржавленную крышку.—Какъ я сейчасъ было сглупилъ! Вѣдь это, пожалуй, единственный оставшійся образецъ этого знаменитаго герба, разбитаго въ 1676 году рукою палача. Чортъ возьми! Не будемъ трогать этой крышки. Какова бы ни была цѣнность того, что подъ ней лежитъ, если только тамъ не Пальмирскія монеты и не Карѳагенскія медали, что невѣроятно, она стоитъ дороже. Итакъ, я единственный обладатель уничтоженнаго герба графа Гриффенфельда. Надо получше спрятать это сокровище. Можетъ-быть, мнѣ удастся рас-

---

[1]) Глазами и руками.

крыть этотъ ящикъ безъ вандализма. Гербъ Гриффенфельдовъ! Да, да, вотъ рука правосудія, вѣсы въ красномъ полѣ. Вотъ счастье!

При каждомъ новомъ геральдическомъ открытіи, которое онъ дѣлалъ, отчищая старую печать, онъ издавалъ или довольное или восторженное восклицаніе.

— Навѣрно, мнѣ удастся открыть замокъ какимъ-нибудь растворяющимъ веществомъ, не ломая печати. Вѣроятно, въ шкатулкѣ лежатъ сокровища бывшаго канцлера. Если кто-нибудь и позарится на обѣщанныя за мою голову четыре экю и схватитъ меня, мнѣ не трудно будетъ откупиться. Эта шкатулка меня спасетъ.

Съ этими словами онъ машинально поднялъ голову, и тотчасъ выраженіе радости на его лицѣ смѣнилось выраженіемъ безумнаго ужаса. Онъ задрожалъ съ головы до ногъ. Все лицо его сморщилось, ротъ открылся, глаза остановились, голосъ замеръ въ горлѣ.

Противъ него по ту сторону костра стоялъ, скрестивъ на груди руки, маленькій человѣкъ. По окровавленной одеждѣ изъ звѣриныхъ шкуръ, по каменному топору, по рыжей бородѣ и по сверкающему взгляду Спіагудри сразу узналъ того, кто былъ у него въ Спладгестѣ.

— Это я!—проговорилъ маленькій человѣкъ.—Такъ тебя спасетъ эта шкатулка?—продолжалъ онъ съ злобной ироніей.—Спіагудри! Эта ли дорога въ Троктрэ!

— Троктрэ! О, господинъ... Я шелъ,—забормоталъ несчастный.

— Ты шелъ въ Вальдерогъ,—загремѣлъ маленькій человѣкъ.

Спіагудри едва собрался съ силами, чтобы отрицательно покачать головой.

— Ты велъ ко мнѣ врага. Благодарю тебя! Однимъ человѣкомъ будетъ меньше. Не бойся, вѣрный проводникъ, онъ послѣдуетъ за тобой.

Несчастный смотритель хотѣлъ крикнуть, но могъ только простонать.

— Чего же ты боишься? Вѣдь ты искалъ меня. Не думай кричать—или ты мертвъ.

И онъ помахалъ своимъ каменнымъ топоромъ надъ головою смотрителя.

— Ты измѣнилъ мнѣ,—продолжалъ онъ голосомъ, похожимъ на шумъ потока въ ущельи.

— О, нѣтъ, ваша милость, ваше превосходительство,—сказалъ Бенигнусъ заплетающимся языкомъ.

Его собесѣдникъ зарычалъ.

— А, ты хочешь обмануть меня! Не надѣйся! Слушай, я былъ на крышѣ Спладгеста, когда ты заключалъ свой договоръ съ тѣмъ безумцемъ. Мой голосъ слышалъ ты два раза, меня слышалъ ты и во время грозы, меня видѣлъ въ башнѣ Виглѣ, и я сказалъ тебѣ: до свиданья.

Спіагудри оглянулся, какъ бы ища помощи. Маленькій человѣкъ продолжалъ:

— Я не хотѣлъ упустить тѣхъ солдатъ, которые тебя преслѣдовали: они были изъ Мункгольмскаго полка. А ты все равно не ушелъ бы отъ меня. Меня ты видѣлъ въ Эльмоэ въ одеждѣ рудокопа, мой голосъ, мои шаги слышалъ ты въ пути, мои глаза узналъ ты въ темнотѣ. Это—я.

Увы! Бѣднаго смотрителя не нужно было особенно убѣждать. Онъ упалъ къ ногамъ своего страшнаго судьи.

— Сжальтесь!—простоналъ онъ глухимъ голосомъ.

— Проси этого у шкатулки, отъ которой ты ждалъ спасенія,— проговорилъ маленькій человѣкъ, бросая на него взглядъ, свѣтившійся ярче, чѣмъ пламя костра.

— О, сжальтесь, сжальтесь!

— Я сказалъ тебѣ: будь вѣренъ и нѣмъ. Ты не сумѣлъ быть вѣрнымъ, но я научу тебя быть нѣмымъ.

Смотритель застоналъ, понявъ смыслъ этихъ странныхъ словъ.

— Не бойся, я не разлучу тебя съ твоимъ сокровищемъ.

И съ этими словами, снявъ свой кожаный поясъ, онъ продѣлъ его въ кольцо шкатулки и повѣсилъ шкатулку на шею Спіагудри, который согнулся подъ ея тяжестью.

— Ну, какому дьяволу ввѣряешь ты свою душу? Зови его скорѣе, чтобы другой демонъ не овладѣлъ ею раньше.

Старикъ въ отчаяніи повалился на землю, знаками выражая свой страхъ и свою мольбу.

— Нѣтъ, нѣтъ, не отчаивайся, вѣрный Спіагудри. Твой спутникъ не останется безъ проводника, онъ пойдетъ за тобою. Ну, за мной!

И, какъ тигръ добычу, схвативъ старика своими желѣзными руками, онъ вынесъ его изъ башни. Страшный крикъ пронесся по развалинамъ и замеръ, слившись съ дикимъ хохотомъ. Все смолкло.

XXIII.

Да, показать влюбленному издалека то, что онъ боготворитъ, можно. Но кто передастъ сцены ожиданія, прощанія, сладкія и горькія мысли и воспоминанія, чарующія грезы?..

Матюренъ.—Бертрамъ.

Тѣмъ временемъ Орденеръ добрался до вершины башни. При этомъ восхожденіи онъ, по крайней мѣрѣ, разъ двадцать едва не свалился внизъ и не разбился на смерть. При его неожиданномъ появленіи, столѣтнія совы вылетѣли изъ своихъ гнѣздъ, ютящихся между развалинами, и, пугливо косясь на него, отлетѣли прочь, неровно и неслышно махая крыльями. Изъ-подъ ногъ его сыпались мелкіе камни и катились въ пропасть, гулко ударяясь о выдавшіяся тамъ и сямъ скалы.

Въ другое время Орденеръ долго блуждалъ бы вокругъ задумчивымъ взглядомъ, долго бы всматривался въ глубокую бездну, казавшуюся еще глубже во мракѣ ночи; онъ слѣдилъ бы глазами

за темными, едва освѣщенными мутнымъ свѣтомъ луны контурами на горизонтѣ, стараясь угадать, гдѣ кончаются горы и начинаются облака. Онъ оживилъ бы въ своемъ воображеніи всѣ тѣ гигантскіе образы, которые создаютъ въ горахъ лунный свѣтъ и туманъ. Онъ жадно вслушивался бы въ далекія жалобы стонущаго отъ вѣтра лѣса, прислушивался бы къ шуму волнъ озера, къ пронзительному свисту вѣтра въ травѣ, что росла въ разсѣлинахъ скалъ. Онъ одухотворилъ бы всѣ эти мертвые голоса природы, которые раздаются вокругъ спящихъ селеній въ темнотѣ ночи. Но сегодня, все это хотя и дѣйствовало на его воображеніе, однако не могло прогнать другихъ мыслей, которыя занимали его въ эту минуту. Дойдя до вершины башни, онъ бросилъ взглядъ на югъ, и несказанная радость охватила его сердце, когда вдали, между двумя горами, онъ увидѣлъ свѣтящійся какъ красная звѣзда огонекъ. Это былъ огонь мункгольмскаго маяка.

Кто не пойметъ радости, охватившей молодого человѣка въ эту минуту, тому, стало-быть, не суждено понимать лучшія радости жизни. Все сердце его наполнилось восторгомъ и забилось сильно-сильно, такъ, что у него даже захватило дыханіе. Неподвижно стоялъ онъ на вершинѣ одинокой башни, напряженно вглядываясь въ эту далекую звѣздочку, отъ которой шелъ свѣтъ надежды и утѣшенія. Казалось, этотъ лучъ свѣта, пронизавшій сумракъ ночи, принесъ съ собою Орденеру частицу его Этели, частицу той, въ комъ было все его счастье, вся его радость... Нѣтъ, не можетъ быть, чтобы души не могли обмѣниваться таинственными сношеніями, для которыхъ нѣтъ ни времени, ни пространства. Напрасно вещественный міръ воздвигаетъ преграды между тѣми, кто любитъ другъ друга. Живя въ идеальномъ мірѣ, они видятся другъ съ другомъ въ разлукѣ и соединяются въ смерти. Что значитъ тѣлесное раздѣленіе, физическое разстояніе для двухъ сердецъ, тѣсно связанныхъ между собою одною мыслію, однимъ желаніемъ? Истинная любовь можетъ страдать, но умереть не можетъ. Кто не стоялъ цѣлыми часами въ дождливую ночь, глядя на освѣщенное окно, кто не бродилъ весь охваченный сладкой тревогой вокругъ дома той, кого любилъ, кто не искалъ случая пройти лишній разъ мимо ея двери, не возвращался со своей дороги, чтобы слѣдить по пустыннымъ улицамъ за платьемъ или бѣлымъ покрываломъ, узнаннымъ въ темнотѣ, тотъ можетъ сказать, что никогда не любилъ.

Орденеръ смотрѣлъ на далекій маякъ и думалъ. Прежнюю радость смѣнило какое-то печальное удовлетвореніе.

«Да,—думалъ онъ,—долго нужно человѣку итти во мракѣ ночи по опасной дорогѣ, чтобы увидѣть, наконецъ, во тьмѣ одну маленькую точку счастья. Она тамъ! Спитъ ли она, грезитъ ли, или думаетъ обо мнѣ? Но кто скажетъ ей, что ея Орденеръ стоитъ печально и одиноко на краю бездны, не имѣя ничего отъ нея, кромѣ локона волосъ да луча ея свѣта».

— Можетъ-быть,—прошепталъ онъ, взглянувъ на красноватые лучи костра, пробивавшіеся сквозь щели башни,—можетъ-быть, и

она видитъ этотъ свѣтъ изъ окна своей далекой тюрьмы и равнодушно смотритъ на далекій огонь.

Вдругъ, на краю пропасти, подъ ногами Орденера, раздался страшный крикъ и вслѣдъ за нимъ громкій, торжествующій хохотъ. Онъ взглянулъ внизъ, въ башню, — тамъ никого не было. Безпокоясь за старика, онъ сталъ поспѣшно спускаться; но не успѣлъ онъ пройти нѣсколько ступенекъ, какъ до его слуха донесся глухой плескъ тѣла, упавшаго въ глубокія волны озера.

КОНЕЦЪ 1 ЧАСТИ.

Часть вторая.

I.

Графъ донъ Санчо Діацъ де-Сальданья горько плакался въ своей тюрьмѣ. Полный отчаянія слалъ онъ вдаль угрозы королю Альфонсу.

О, горе, горе! Мои сѣдые волосы напоминаютъ мнѣ, сколько времени провелъ я въ этой страшной тюрьмѣ.

Изъ испанскихъ романсовъ.

Солнце садилось, отбрасывая горизонтальными лучами тѣнь отъ оконной рѣшетки на черную мантію Шумакера и креповое платье Этели. Они сидѣли у остраго готическаго окна: старикъ — въ креслѣ, облокотившись высокимъ морщинистымъ лбомъ на руки, молодая дѣвушка—на табуретѣ, у его ногъ. Лица Шумакера не было видно, только одна его бѣлая борода рѣзко выдѣлялась на темномъ фонѣ одежды.

— Отецъ,—сказала Этель, стараясь хоть чѣмъ-нибудь развлечь его,—отецъ, сегодня мнѣ снилось будущее, такое хорошее, свѣтлое. Поднимите голову, взгляните на это прекрасное небо.

— Небо я вижу сквозь тюремную рѣшетку, а твое будущее сквозь призму моихъ несчастій,—мрачно промолвилъ старикъ.

И, снова уронивъ голову на руки, онъ замолчалъ.

— О комъ вы думаете, отецъ?—заговорила опять Этель,—о господинѣ Орденерѣ?

— Объ Орденерѣ?—повторилъ старикъ, какъ бы припоминая.— А, я знаю, о комъ ты говоришь... Что такое?

— Какъ вы думаете, скоро онъ вернется? Онъ уже давно уѣхалъ, четвертый день...

Старикъ печально покачалъ головой.

— Четвертый день! Наступитъ четвертый годъ, и мы все-таки его не увидимъ.

Этель поблѣднѣла.

— Боже мой! Неужели вы думаете, что онъ не вернется?

Шумакеръ не отвѣчалъ. Молодая дѣвушка со страхомъ и мольбою въ голосѣ повторила свой вопросъ.

— Развѣ онъ не обѣщалъ вернуться?—рѣзко отвѣчалъ плѣнникъ.

— Конечно, обѣщалъ,—поспѣшно сказала Этель.

— Какъ же можешь ты разсчитывать на его возвращеніе, развѣ онъ не человѣкъ? Коршунъ можетъ вернуться къ трупу, но весна не возвращается, когда годъ приходитъ къ концу.

Этель нѣсколько успокоилась, видя, что слова отца основываются на его мрачномъ настроеніи, а не на твердой увѣренности. Въ дѣтскомъ сердцѣ дѣвушки ни на минуту не смолкалъ голосъ, заглушавшій мрачную философію старика.

— Отецъ,—сказала она твердо,—господинъ Орденеръ вернется; онъ не таковъ, какъ другіе люди.

— Откуда ты можешь знать это?

— Вы и сами это знаете,—отвѣчала Этель.

— Я ничего не знаю,—сказалъ старикъ.—Я слышалъ только слова человѣка, возвѣщавшія дѣла Бога. Я подумалъ надъ этимъ,—прибавилъ онъ съ горькимъ смѣхомъ,—и рѣшилъ, что это слишкомъ хорошо, чтобы вѣрить этому.

— А я повѣрила и именно потому, что это такъ хорошо.

— О, если бы ты была тѣмъ, чѣмъ должна быть по рожденію, графинею Тонсбергъ и княжною Воллинъ, если бы тебя окружала толпа красивыхъ измѣнниковъ, корыстныхъ обожателей, то много зла причинило бы тебѣ твое легковѣріе.

— Это не легковѣріе, отецъ. Это просто довѣріе.

— Вотъ и видно, что въ твоихъ жилахъ есть французская кровь.

Это замѣчаніе незамѣтно возбудило въ старикѣ воспоминанія, и онъ продолжалъ уже смягченнымъ тономъ:

— Да, тѣ, которые лишили меня всѣхъ моихъ правъ, не могутъ все-таки помѣшать тебѣ быть дочерью Шарлотты, княжны Тарентской, и правнучкой графини Фландрской, Адели или Этели, имя которой ты носишь.

Но Этель думала о другомъ.

— Вы ошибаетесь въ Орденерѣ, отецъ. Онъ такъ благороденъ.

— Благороденъ! Въ какомъ смыслѣ благороденъ? Мало ли негодяевъ я дѣлалъ благородными.

— Его благородство не пожалованное, а природное.

— Значитъ, онъ говорилъ тебѣ, что онъ происходитъ отъ какого-нибудь ярла или кэрсы [1]).

— Объ этомъ я, какъ и вы, ничего не знаю. Можетъ-быть,—продолжала она,—онъ вассалъ или вилланъ по происхожденію. Увы, короны и гербы нерѣдко украшаютъ бархатъ подножки экипажа! Я хочу только сказать, что онъ благороденъ сердцемъ.

Изъ всѣхъ, кого знала Этель, Орденера она знала и меньше и больше, чѣмъ кого-либо. Онъ явился въ ея жизни, какъ тѣ ангелы, что являлись нѣкогда первымъ людямъ, окутанные и сіяніемъ и тайной. Одно ихъ присутствіе уже указывало на ихъ безплотную небесную природу и вызывало поклоненіе. Орденеръ показалъ Этели то, что люди всего старательнѣе прячутъ,—сердце, и скрылъ отъ

---

[1]) Такъ назывались въ Норвегіи знатные дворяне до образованія Гриффенфельдомъ служилой аристократіи обще-европейскаго характера. Титулъ hersa соотвѣтствовалъ титулу барона, jarl—графа. Отсюда англійское earl—графъ.

нея то, что они любятъ выставлять напоказъ,—имя и національность. Чтобы повѣрить ему, Этели довольно было одного его взгляда. Она любила его, она готова была отдать ему всю жизнь, ей открыты были всѣ тайники его души, но его имя было ей неизвѣстно.

— Благороденъ сердцемъ!—повторилъ старикъ.—Да, такое благородство выше того, что дается королями. Оно дается Богомъ, а Богъ не такъ легко даетъ его... и никогда не отнимаетъ.

И съ послѣдними словами онъ взглянулъ на свой разбитый гербъ.

— Значитъ, тотъ, у кого осталось то благородство, о которомъ я говорю, легко можетъ утѣшиться, когда у него отнимутъ другое,— проговорила молодая дѣвушка.

Эти слова заставили старика вздрогнуть и какъ бы ободрили его.

— Ты права,—сказалъ онъ.—Но знаешь, иногда немилость, которую другіе считаютъ несправедливой, кажется мнѣ заслуженной. Такова ужъ наша жалкая природа. Стоитъ случиться несчастью, и сейчасъ же въ самыхъ глубокихъ уголкахъ совѣсти начинаютъ вставать воспоминанія объ ошибкахъ, о заблужденіяхъ. Эти голоса дремали въ дни счастья, а теперь проснулись и возбудили сомнѣніе въ моемъ истинномъ благородствѣ.

— Не говорите такъ, отецъ, — промолвила Этель, понявъ по измѣнившемуся голосу отца, что въ немъ проснулась какая-то новая затаенная боль.—Не говорите такъ,—повторила она, цѣлуя морщинистую холодную руку старика.—Вы слишкомъ строго относитесь къ двумъ благороднымъ людямъ, къ себѣ и Орденеру.

— Какъ ты легко рѣшаешь, Этель. Ты будто не знаешь, что жизнь не шутка.

— Развѣ я не хорошо дѣлаю, что отдаю справедливость великодушному Орденеру?

Шумакеръ недовольно нахмурилъ брови.

— Я не могу одобрить такого восхваленія человѣка, котораго ты не знаешь и, конечно, никогда больше не увидишь.

При этихъ ледяныхъ словахъ сердце дѣвушки сжалось, какъ будто на него навалили камень.

— Не думайте такъ, отецъ мой. Мы увидимъ его! Развѣ не для васъ рискуетъ онъ своей жизнью?

— Признаюсь, я и самъ сначала повѣрилъ его словамъ, но нѣтъ, онъ не пойдетъ и, конечно, не вернется къ намъ.

— Онъ пойдетъ, отецъ, онъ пойдетъ!

Молодая дѣвушка произнесла эти слова почти обиженнымъ тономъ. Да она и была обижена за своего Орденера. Увы, она знала слишкомъ хорошо, что говорила правду.

— Ну, что же,—спокойно отвѣчалъ узникъ.—Положимъ, онъ и пойдетъ и будетъ рисковать жизнію, развѣ это мѣняетъ дѣло? Все равно онъ не вернется, потому что никто еще не уходилъ живымъ отъ этого разбойника.

Бѣдная Этель! Какъ больно задѣли эти равнодушно сказанныя слова тайную рану ея сердца. Она опустила голову, чтобы скрыть отъ отца свое блѣдное лицо и двѣ слезы, повисшія на рѣсницахъ.

— Можетъ-быть, въ то время, какъ вы такъ говорите, онъ умираетъ за васъ, отецъ.

Старикъ покачалъ головою.

— Я этого не думаю да и не желаю. А если бы и такъ, въ чемъ моя вина? Я неблагодаренъ по отношенію къ этому молодому человѣку? Но кто же не былъ неблагодаренъ по отношенію ко мнѣ?

Этель только вздохнула въ отвѣтъ, а Шумакеръ наклонился надъ столомъ и сталъ машинально обрывать уголки лежавшихъ передъ нимъ растрепанныхъ и испещренныхъ отмѣтками «Жизнеописаній знаменитыхъ людей», Плутарха.

Черезъ минуту послышался шумъ отворяемой двери. Шумакеръ не оборачиваясь, крикнулъ:

— Нельзя ли не входить, оставьте меня въ покоѣ!

Это была его обычная формула пріема посѣтителей.

— Его превосходительство губернаторъ,—отвѣчалъ голосъ тюремнаго сторожа.

Дѣйствительно, къ Шумакеру подходилъ старикъ, одѣтый въ полную генеральскую форму, съ орденами Слона, Данеброга и Золотого Руна. Узникъ слегка привсталъ ему навстрѣчу, повторяя сквозь зубы: «губернаторъ, губернаторъ!» Вошедшій, между тѣмъ, вѣжливо поклонился Этели, которая съ тайнымъ страхомъ и безпокойствомъ смотрѣла на неожиданнаго гостя.

Не безполезно будетъ напомнить читателю, каковы были причины этой поѣздки въ Мункгольмъ генерала Левина. Мы уже сообщали въ главѣ XX первой части этой правдивой исторіи о тѣхъ извѣстіяхъ, которыя получилъ губернаторъ о волненіяхъ рудокоповъ. Естественно, у губернатора возникла мысль допросить Шумакера, но ему тяжело было рѣшиться привести эту мысль въ исполненіе. Его доброй, честной душѣ было противно это копанье въ душѣ несчастнаго узника, перенесшаго такъ много, узника, котораго онъ помнилъ во всемъ блескѣ величія и власти. Пусть даже онъ былъ виновенъ, все же его горе давало ему право на болѣе или менѣе осторожное къ нему отношеніе. Но этотъ допросъ былъ необходимъ въ интересахъ службы. Генералъ не считалъ возможнымъ уѣхать изъ Дронтгейма, не попытавшись освѣтить возстаніе рудокоповъ данными, добытыми путемъ допроса предполагаемаго руководителя этого возстанія. И вотъ наканунѣ своего отъѣзда, послѣ долгаго конфиденціальнаго разговора съ графиней Алефельдъ, губернаторъ рѣшился, наконецъ, поѣхать къ узнику. Дорогой мысли объ интересахъ государства, о томъ, что его враги, если онъ выкажетъ небрежность по отношенію къ Шумакеру, могутъ этимъ воспользоваться, наконецъ, коварные навѣты графини,— все это укрѣпило его въ его рѣшеніи, придало ему твердость. Онъ поднимался въ башню, разсчитывая быть строгимъ и неумолимымъ. Онъ обѣщалъ себѣ забыть о канцлерѣ графѣ Гриффенфельдѣ и видѣть передъ собой только заговорщика Шумакера. Онъ рѣшилъ забыть все прежнее, переломить свой характеръ,—однимъ словомъ, явиться непреклоннымъ и строгимъ судьей передъ прежнимъ собратомъ по успѣху и по власти.

Но едва онъ вошелъ въ комнату бывшаго канцлера—онъ былъ пораженъ лицомъ старика, которое, несмотря на то, что выражало явное раздраженіе, внушало невольное уваженіе. Съ другой стороны, кроткое и въ то же время гордое личико Этели смягчило сердце старика. Такимъ образомъ уже одинъ видъ узниковъ наполовину разсѣялъ суровое настроеніе генерала.

Онъ подошелъ къ павшему министру и, протянувъ ему руку, проговорилъ:

— Здравствуйте, графъ Гриф... господинъ Шумакеръ,—быстро спохватился онъ.

Но Шумакеръ не замѣтилъ протянутой руки. Генералъ остановился. Нѣсколько смущенный своей невольной оговоркой и холоднымъ пріемомъ, онъ пытался найти какія-нибудь строгія слова, чтобы достойно отвѣтить на этотъ пріемъ, но Шумакеръ первый прервалъ молчаніе.

— Вы губернаторъ Дронтгеймскаго округа?—спросилъ онъ.

Такимъ образомъ изъ допрашивающаго генералъ обратился въ допрашиваемаго. Нѣсколько изумленный такимъ началомъ, онъ утвердительно кивнулъ головой.

— Въ такомъ случаѣ, у меня къ вамъ жалоба, — продолжалъ Шумакеръ.

— Жалоба? Какая жалоба?

И на добромъ лицѣ генерала появилось выраженіе неподдѣльнаго интереса.

— По предписанію вице-короля я могу пользоваться полной свободой и спокойствіемъ въ этой башнѣ, — сердито продолжалъ Шумакеръ.

— Я знаю объ этомъ предписаніи.

— Тѣмъ не менѣе, господинъ губернаторъ, меня осмѣливаются безпокоить и являться ко мнѣ въ тюрьму.

— Кто же? Назовите мнѣ того, кто могъ себѣ позволить...

— Вы, господинъ губернаторъ.

Слова эти, произнесенныя надменнымъ тономъ, задѣли генерала.

— Но вы забываете,—заговорилъ онъ почти сердито,—вы забываете, что моя власть, когда дѣло идетъ о службѣ королю, не знаетъ никакихъ ограниченій.

— Кромѣ тѣхъ, которыя налагаетъ уваженіе къ чужому несчастію. Впрочемъ, люди не заботятся объ этихъ тонкостяхъ.

Бывшій канцлеръ говорилъ вполголоса, какъ бы самъ съ собой, но губернаторъ разслышалъ эти слова.

— Да, вы правы, графъ Грифф... то-есть господинъ Шумакеръ. Гнѣвъ я долженъ былъ предоставить вамъ, потому что на моей сторонѣ власть и сила.

Шумакеръ съ минуту молчалъ.

— Знаете, генералъ,—заговорилъ онъ снова,—въ вашемъ голосѣ, въ вашемъ лицѣ есть что-то, напоминающее мнѣ одного изъ моихъ прежнихъ знакомыхъ. Это было очень давно, когда я еще былъ свободенъ и находился у власти. Врядъ ли кто помнитъ те-

перь этого человѣка. Его звали Левинъ Кнудъ, онъ былъ родомъ изъ Мекленбурга. Вы не знавали этого безумца, генералъ?

— Знавалъ,—спокойно отвѣчалъ генералъ.

— А, вы еще помните его. А я думалъ, что о людяхъ можно вспоминать только въ несчастіи.

— Онъ былъ вѣдь капитаномъ милиціи,—продолжалъ генералъ.

— Да, простымъ капитаномъ, хотя король очень любилъ его. Но онъ думалъ только объ удовольствіяхъ и былъ совершенно лишенъ всякаго честолюбія. Удивительный это былъ человѣкъ. Можно ли представить себѣ такую умѣренность желаній въ любимцѣ короля!

— Что же тутъ особеннаго?

— Я его любилъ, этого Левина Кнуда. Онъ меня нисколько не безпокоилъ. Онъ былъ другомъ короля, но видѣлъ въ королѣ только друга, любя его не для наградъ, не для карьеры, а повинуясь исключительно влеченію сердца.

Генералъ хотѣлъ перебить Шумакера, но тотъ продолжалъ говорить, не то изъ духа противорѣчія, не то потому, что ему, дѣйствительно, были пріятны эти воспоминанія.

— Если вы знали капитана, то, конечно, вамъ извѣстно, что у него былъ сынъ и умеръ въ ранней юности. Но знаете ли вы, что произошло, когда этотъ сынъ родился?

— Я помню гораздо лучше, что произошло, когда онъ умеръ,— сказалъ генералъ измѣнившимся голосомъ и закрывая глаза рукою.

— Немногіе знаютъ объ этомъ,—продолжалъ Шумакеръ, не замѣчая волненія генерала.—Но этотъ поступокъ можетъ дать вамъ понятіе о его странностяхъ. Король самъ хотѣлъ крестить ребенка, но Левинъ отказался отъ этой чести. Мало этого, въ крестные отцы сыну онъ выбралъ стараго нищаго, который часто просилъ милостыню у воротъ дворца. Я никакъ не могу понять, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ?

— Я могу объяснить вамъ это. Приглашая нищаго крестить сына, Левинъ, безъ сомнѣнія, думалъ, что бѣднякъ значитъ у Бога больше, чѣмъ король.

— Вы правы,—сказалъ Шумакеръ, немного подумавъ.

Губернаторъ хотѣлъ уже перейти къ цѣли своего посѣщенія, но Шумакеръ остановилъ его.

— Пожалуйста, если вы дѣйствительно знаете Левина Кнуда, то позвольте мнѣ поговорить о немъ. Изъ всѣхъ, кого я зналъ въ дни моего величія, только онъ одинъ является въ моемъ воспоминаніи чистымъ, незапятнаннымъ, не возбуждающимъ ни ужаса, ни отвращенія. Если его странности и граничили подчасъ съ безуміемъ, то все же благородныя качества этого человѣка дѣлали его такимъ, какихъ мало.

— Я съ вами не согласенъ. По-моему, онъ былъ такой, какъ и всѣ, и было и есть много людей, которые стоятъ гораздо выше его.

Шумакеръ скрестилъ на груди руки и поднялъ глаза къ небу.

— Да, всѣ они таковы. Нельзя похвалить передъ ними человѣка, чтобы они не постарались сейчасъ же очернить его, какъ бы онъ ни былъ достоинъ похвалы. Даже это рѣдкое удовольствіе— справедливо похвалить кого-нибудь, они отравляютъ ядомъ клеветы или презрительнаго равнодушія.

— Если бы вы знали меня, вы не заподозрили бы меня въ намѣреніи очернить генер... капитана Левина.

— Оставьте, оставьте! По порядочности, по великодушію этотъ человѣкъ не имѣлъ себѣ равныхъ. Говорить противное—значитъ клеветать на него и безмѣрно восхвалять это отвратительное человѣчество.

— Увѣряю васъ, что я вовсе не имѣю какого-либо дурного намѣренія по отношенію къ Левину Кнуду,—сказалъ генералъ, стараясь успокоить разгнѣваннаго Шумакера.

— Не говорите, не говорите этого. Хотя онъ и былъ со странностями, но до него далеко кому бы то ни было. Всѣ люди или лжецы, или клеветники, или завистники, а онъ... да знаете ли вы, что половину своихъ доходовъ онъ отдавалъ на копенгагенскія больницы?

— Я не зналъ, что это вамъ извѣстно.

— Такъ и есть! Онъ хотѣлъ очернить его совершенно спокойно, думая, что я не знаю о добрыхъ дѣлахъ этого человѣка!

— Да нѣтъ же...

— По-вашему, я и о томъ не знаю, что онъ упросилъ короля отдать предназначенный ему самому полкъ другому офицеру да еще тому, который его же, Левина, ранилъ на дуэли! «Онъ старше въ чинѣ и имѣетъ больше правъ на этотъ полкъ, чѣмъ я», говорилъ онъ королю.

— А я думалъ, что это осталось тайной.

— Но скажите, наконецъ, господинъ губернаторъ, развѣ стали эти поступки хуже оттого, что были сдѣланы тайно? Если Левинъ скрывалъ то добро, которое дѣлалъ, значитъ ли это, что нужно отрицать это добро? И какъ всѣ люди похожи другъ на друга! И смѣть сравнивать съ ними Левина, человѣка, который, не имѣя возможности спасти покушавшагося на его жизнь солдата, платилъ пенсію вдовѣ преступника!

— Ахъ, всякій сдѣлалъ бы то же!

— Вы сдѣлали бы? Я сдѣлалъ бы? Да никогда, никто! Оттого, что вы носите блестящій генеральскій мундиръ и ордена, вы думаете будто и дѣйствительно оказали великія заслуги! Воображаю! А Левинъ умретъ капитаномъ!.. Да, впрочемъ, онъ и не заботился о своемъ возвышеніи.

— Зато милость короля позаботилась объ этомъ.

— Милость! Не милость, а справедливость! Чѣмъ же его наградили?

— Его величество наградилъ Левина Кнуда выше его заслугъ.

— Прекрасно! Вѣроятно, его послѣ тридцатилѣтней службы произвели въ майоры. Но вамъ и этого кажется много! Поневолѣ

вспомнишь персидскую пословицу: «заходящее солнце завидуетъ восходящей лунѣ!»

Шумакеръ былъ такъ разсерженъ, что губернаторъ едва могъ проговорить, постоянно прерываемый бывшимъ министромъ:

— Если вы будете перебивать меня... то... я никогда не объясню вамъ...

— Нѣтъ, нѣтъ,—не слушая, кричалъ Шумакеръ,—сначала вы показались мнѣ немного похожимъ на Левина, но нѣтъ, теперь я не вижу ни малѣйшаго сходства.

— Но выслушайте меня!..

— Что я буду васъ слушать, когда вы увѣряете, что Левинъ Кнудъ не стоитъ какой-то жалкой награды.

— Клянусь вамъ...

— Того и жди, вы начнете увѣрять, что онъ, какъ всѣ вы, двуличный, пошлый, отвратительный лицемѣръ!

— Вотъ уже нѣтъ...

— Что онъ, ну, говорите, измѣнилъ другу! отплатилъ зломъ за добро, отравилъ отца, убилъ мать!..

— Вы ошибаетесь... Я не хочу...

— А знаете ли вы, что онъ убѣдилъ вице-канцлера Винда, а также Шееля, Виндинга и Лассона не подавать во время суда надо мной голоса за смертный приговоръ? И вы хотите, чтобы я хладнокровно слушалъ, какъ вы на него клевещете! Да, таковъ онъ былъ по отношенію ко мнѣ, а я сдѣлалъ для него больше зла, чѣмъ добра, потому что и я, какъ всѣ люди, гадокъ и золъ.

Во время этого страннаго разговора благородный Левинъ Кнудъ испытывалъ своеобразное волненіе. Его одновременно и рѣзко оскорбляли и искренне хвалили. Онъ совершенно не зналъ, какъ отнестись къ этимъ лестнымъ оскорбленіямъ. Это и задѣвало и трогало его. То онъ готовъ былъ выйти изъ себя, то едва удерживался, чтобы не поблагодарить Шумакера. Ему нравилась эта горячая защита его личности, обращенная къ нему и направленная противъ него же. Ему хотѣлось только, чтобы въ этомъ панегирикѣ Шумакера было поменьше горечи и раздраженія. Но, въ глубинѣ души, эти яростныя похвалы капитану Левину настолько трогали его, что передъ ними въ его душѣ блѣднѣли оскорбленія, направленныя на губернатора Дронтгеймскаго округа. И, ласково глядя на опальнаго временщика, онъ рѣшилъ предоставить ему свободу высказать до конца и негодованіе и благодарность.

Наконецъ Шумакеръ, послѣ длинной рѣчи, осуждавшей людскую неблагодарность, безсильно упалъ въ кресло на руки дрожащей Этели и проговорилъ страдальческимъ тономъ:

— О, люди! что я вамъ сдѣлалъ, что вы дали мнѣ возможность такъ хорошо узнать васъ!

Между тѣмъ, генералъ все еще не могъ приступить къ выполненію прямой цѣли своего посѣщенія. Къ нему вернулось прежнее отвращеніе къ этому допросу, къ этой пыткѣ старика. Къ простой жалости присоединились теперь и практическія соображенія. Съ одной стороны, узникъ находился въ такомъ волненіи, что трудно

было ждать какихъ-либо результатовъ отъ допроса, съ другой—въ довѣрчивомъ сердцѣ Левина сложилось твердое убѣжденіе, что такой человѣкъ, какъ Шумакеръ, не можетъ-быть заговорщикомъ. Тѣмъ не менѣе, какъ же могъ онъ уѣхать изъ Дронтгейма, не допросивъ Шумакера. Къ этому его обязывало самое положеніе губернатора. Поэтому соображенія служебнаго долга побѣдили въ немъ еще разъ голосъ сердца, и онъ сказалъ какъ можно мягче:

— Будьте добры, успокойтесь немного, графъ Шумакеръ.

Это обращеніе «графъ Шумакеръ» пришло на языкъ генералу какъ бы по вдохновенію. Казалось, это соединеніе титула съ простой фамиліей примиряло необходимость преклоненія передъ приговоромъ о лишеніи правъ съ необходимостью уваженія къ несчастію приговореннаго.

— Я долженъ сказать, что явился сюда для выполненія тяжелой обязанности...

— Прежде всего,—перебилъ его узникъ,—позвольте, господинъ губернаторъ, задать вамъ одинъ вопросъ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ интересуетъ меня гораздо больше, чѣмъ все, что вы имѣете сообщить мнѣ. Сейчасъ вы говорили мнѣ, что этотъ безумецъ Левинъ награжденъ за свои заслуги. Въ чемъ же состояла эта награда?

— Его величество произвелъ Левина въ генералы, господинъ Гриффенфельдъ, и уже болѣе двадцати лѣтъ этотъ безумецъ спокойно доживаетъ свой вѣкъ, пользуясь всѣми преимуществами своего чина и благоволеніемъ короля.

Шумакеръ опустилъ голову.

— Да,—проговорилъ онъ,—этотъ безумецъ Левинъ, которому не было никакого дѣла до чиновъ и славы, умретъ генераломъ. А мудрецъ Шумакеръ, разсчитывавшій умереть великимъ канцлеромъ, доживаетъ свой вѣкъ въ тюрьмѣ.

Съ этими словами узникъ закрылъ лицо руками. Тяжелые вздохи вырывались изъ его старческой груди.

Этель, понявшая изъ всего разговора только то, что онъ опечалилъ отца, попыталась развлечь его.

— Посмотрите на сѣверъ, отецъ,—сказала она.—Видите этотъ огонекъ. Прежде я никогда его не замѣчала.

Дѣйствительно, на темномъ фонѣ ночного неба вдали горѣло слабое пламя. Казалось, оно находилось на вершинѣ какой-нибудь далекой горы. Но взглядъ и мысли Шумакера не стремились постоянно на сѣверъ, какъ это было у его дочери, и онъ не отвѣчалъ ни слова. Зато на генерала слова молодой дѣвушки произвели извѣстное впечатлѣніе. «Можетъ-быть, этотъ огонь зажженъ бунтовщиками»,—подумалъ онъ, и эта мысль снова напомнила ему, зачѣмъ онъ сюда явился.

— Господинъ Гриффенфельдъ,—началъ онъ,—мнѣ очень жаль, но необходимо, чтобы вы подверглись...

— Ну, конечно! Мало того, что меня засадили въ эту тюрьму, что я живу здѣсь всѣми оставленный, что у меня не осталось ничего, кромѣ горькихъ воспоминаній о быломъ величіи и власти, нужно еще, чтобы вы являлись сюда, нарушали мое уединеніе,

любовались моими муками. Какъ я былъ бы счастливъ, если бы ваше мѣсто занималъ Левинъ Кнудъ. Какъ генералъ, онъ имѣетъ на него право. Ужъ онъ-то, клянусь вамъ, господинъ губернаторъ, не явился бы въ тюрьму мучить несчастнаго узника...

Генералъ во время этой короткой рѣчи едва не назвалъ себя, но косвенный упрекъ Шумакера отнялъ у него возможность это сдѣлать. Упрекъ этотъ такъ согласовался съ его внутреннимъ убѣжденіемъ, что у него явилось какъ бы чувство стыда передъ самимъ собою. Тѣмъ не менѣе, онъ попробовалъ возразить на это предположеніе Шумакера. Странная вещь! Благодаря различію характеровъ, эти люди какъ бы помѣнялись ролями, и судья вынужденъ былъ до нѣкоторой степени оправдываться передъ обвиняемымъ.

— Но если бы Левина Кнуда принуждалъ къ этому долгъ службы, то не сомнѣвайтесь...

— Нѣтъ, ужъ позвольте въ этомъ усомниться, господинъ гугернаторъ. Не сомнѣвайтесь вы сами, что онъ отбросилъ бы со всѣмъ негодованіемъ, на которое способна его благородная душа, всякую мысль о принятіи на себя обязанности шпіонить за несчастнымъ узникомъ, мучить его. Нѣтъ, я знаю его лучше васъ. Онъ никода не принялъ бы на себя обязанностей палача! А теперь, генералъ, я васъ слушаю. Что угодно отъ меня вашему превосходительству?—И бывшій министръ смѣрилъ губернатора гордымъ взглядомъ.

Вся рѣшимость генерала пропала. Прежнее отвращеніе пробудилось въ немъ съ новой, непобѣдимой силой. «Онъ правъ,—подумалъ онъ. — Мучить несчастнаго по простымъ подозрѣніямъ! Нѣтъ, пусть это поручатъ кому-нибудь другому!»

Эти размышленія быстро привели его къ рѣшенію. Онъ подошелъ къ удивленному Шумакеру, сжалъ его руку и быстро вышелъ изъ комнаты, бросивъ на прощанье:

— Графъ Шумакеръ, сохраните навсегда ваше уваженіе къ Левину Кнуду.

II.

Левъ. У-у-у!
Тезей. Славно ты рычишь, левъ!

Шекспиръ.—Сонъ въ лѣтнюю ночь.

Если путешественникъ нашихъ дней забредетъ когда-нибудь въ снѣговыя горы, окружающія словно бѣлымъ поясомъ воды Сміазенскаго озера, то онъ не найдетъ ни малѣйшаго слѣда того, что норвежцы семнадцатаго столѣтія называли Арбарскими развалинами. Никто не знаетъ, какого рода постройкѣ обязаны своимъ происхожденіемъ эти развалины, если только они заслуживаютъ этого имени. По выходѣ изъ лѣса, окружавшаго южный край озера, передъ глазами путешественника открывался пологій склонъ усѣянный остатками стѣнъ и башенъ. За этими развалинами открывалось сводчатое отверстіе, ведущее въ галлерею, пронизы-

вавшую всю гору насквозь. Теперь это отверстіе совершенно исчезло подъ обвалами. Галлерея эта, освѣщенная лишь коническими отдушинами, продѣланными въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ сводѣ, вела въ продолговатую овальную залу, наполувину вырытую въ скалѣ и оканчивающуюся чѣмъ-то въ родѣ циклопической постройки. Вокругъ всей залы въ стѣнахъ были устроены ниши, въ которыхъ виднѣлись грубо высѣченныя изъ гранита фигуры. Нѣкоторыя изъ этихъ таинственныхъ изваяній, упавъ съ пьедесталовъ, валялись прямо на полу среди другихъ безформенныхъ обломковъ, поросшихъ мхомъ и травою. Среди этихъ обломковъ скользили ящерицы, раскидывали свои сѣти пауки и ползали всѣ тѣ гады и насѣкомыя, которые обыкновенно гнѣздятся въ развалинахъ. Свѣтъ проникалъ сюда только черезъ дверь, продѣланную въ стѣнѣ, противоположной входу въ галлерею. Эта дверь имѣла видъ удлиненной арки, но настолько грубой, что ее нельзя было отнести къ какому-нибудь опредѣленнному стилю. По всей вѣроятности, архитекторъ придалъ ей эту форму случайно.

Дверь эту можно было съ такимъ же правомъ назвать и окномъ. Правда, она доходила до пола залы, но выходила въ огромную пропасть, такъ что совершенно нельзя было понять, куда вели три или четыре ступеньки, расположенныя снаружи подъ этимъ страннымъ выходомъ.

Зала эта оказывалась внутренностью гигантской башни, казавшейся издали одной изъ вершинъ горы, если смотрѣть на нее со стороны пропасти. Башня стояла совершенно отдѣльно, и, какъ уже было сказано, никто не зналъ, какому зданію она принадлежала. Только наверху, на площадкѣ, недоступной для самыхъ смѣлыхъ охотниковъ, виднѣлась масса, похожая издали не то на утесъ изогнутой формы, не то на обломокъ колоссальной арки. Эта башня и арка и были извѣстны въ округѣ подъ именемъ Арбарскихъ развалинъ, но происхожденіе имени было такъ же неизвѣстно, какъ и происхожденіе самаго памятника

На одномъ изъ камней, разсѣянныхъ по полу продолговатой залы, сидѣлъ одѣтый въ звѣриныя шкуры маленькій человѣкъ, съ которымъ мы уже не разъ встрѣчались въ нашемъ разсказѣ. Онъ сидѣлъ спиной къ свѣту или, вѣрнѣе, къ тусклымъ сумеркамъ, которымъ только и проникали въ башню, хотя на небѣ ярко сіяло полуденное солнце. Несмотря на то, что свѣтлѣе здѣсь никогда не бывало, все-таки нельзя было разсмотрѣть, какъ слѣдуетъ того предмета, надъ которымъ онъ наклонился. Только иногда слышались какіе-то глухіе стоны, и по тѣмъ слабымъ движеніямъ лежавшаго передъ маленькимъ человѣкомъ тѣла, которыми эти стоны сопровождались, можно было заключить, что они исходили отъ этого тѣла. Иногда маленькій человѣкъ выпрямлялся, подносилъ къ губамъ чашу, похожую на человѣческій черепъ, и большими глотками пилъ изъ этой чаши дымящуюся жидкость, цвѣта которой нельзя было различить.

Вдругъ маленькій человѣкъ поднялся на ноги и прислушался.

— Кто-то ходитъ по галлереѣ,—проговорилъ онъ.—Неужели это уже канцлеръ обоихъ королевствъ?

И онъ расхохотался ужаснымъ хохотомъ, закончившимся дикимъ рычаніемъ. Какъ бы въ отвѣтъ на это рычаніе изъ галлереи послышалось другое.

— Ого!—проговорилъ хозяинъ Арбарскихъ развалинъ,—это не человѣкъ, но все-таки это врагъ—волкъ

Дѣйствительно, изъ-подъ свода галлереи вышелъ огромный волкъ, пріостановился на минуту, и медленно, прижавшись къ землѣ, поползъ на человѣка, пристально глядя на него сверкавшими въ темнотѣ глазами. Человѣкъ стоялъ, скрестивъ на груди руки и смотрѣлъ на волка.

— А, это ты, сѣрый волкъ, самый старый волкъ Сміазенскихъ лѣсовъ! Здравствуй, волкъ. Глаза твои блестятъ, ты голоденъ, а здѣсь пахнетъ трупами. Ты соберешь сюда и другихъ голодныхъ волковъ. Милости просимъ, сміазенскій волкъ, я всегда хотѣлъ съ тобой повстрѣчаться. Говорятъ, ты такъ старъ, что не можешь умереть, ну, завтра этого не скажутъ!

Звѣрь отвѣчалъ на эту рѣчь ужаснымъ рычаніемъ, потомъ волкъ прилегъ и бросился на человѣка.

Тотъ не отступилъ ни на шагъ. Быстрѣе молніи онъ схватилъ правой рукой волка за брюхо, а лѣвой прикрылъ лицо отъ раскрытой пасти врага, ставшаго на заднія лапы и положившаго переднія на плечи человѣка. Вслѣдъ за тѣмъ онъ такъ стиснулъ горло волка, что тотъ едва могъ захрипѣть отъ боли.

— Ага! Сміазенскій волкъ,—торжествуя вскричалъ человѣкъ,—ты разорвалъ мнѣ куртку!—твоя шкура ее замѣнитъ! И къ этой побѣдной фразѣ онъ прибавилъ нѣсколько словъ не незнакомомъ странномъ языкѣ.

Но въ эту минуту конвульсивное движеніе волка заставило его споткнуться объ одинъ изъ лежавшихъ на полу камней. Оба упали. Рычаніе человѣка смѣшалось съ ревомъ волка.

При паденіи человѣкъ выпустилъ горло волка и уже чувствовалъ, какъ зубы врага вонзились въ его плечо. Но въ эту минуту сражавшіеся наткнулись на какую-то бѣлую лохматую массу, лежавшую въ самой темной части залы. Это былъ медвѣдь, онъ проснулся отъ толчка и зарычалъ

Едва лѣнивые глаза его раскрылись настолько, что онъ могъ увидѣть борьбу, онъ съ яростью бросился, но не на человѣка, а на волка, на сторону котораго склонялась въ эту минуту побѣда. Огромная пасть его раскрылась, и онъ схватилъ волка за среднюю часть тѣла, принудивъ его, такимъ образомъ, оставить поверженнаго наземь врага.

Но человѣкъ, видимо, вовсе не былъ благодаренъ за эту великую услугу. Весь въ крови, онъ вскочилъ на ноги и изо всей силы ударилъ медвѣдя ногой въ животъ, точно провинившуюся собаку.

— Звали тебя, Фріанъ! Чего мѣшаешься не въ свое дѣло?—крикнулъ онъ.—Вонъ!

И при этомъ онъ снова испустилъ яростное рычаніе.

Медвѣдь, укушенный волкомъ и побитый человѣкомъ, жалобно завылъ, опустилъ голову и выпустилъ голоднаго волка, который съ новымъ бѣшенствомъ бросился на человѣка.

Борьба завязалась вновь. Медвѣдь ушелъ на свое мѣсто и спокойно смотрѣлъ на эту битву на жизнь и на смерть, попеременно поглаживая морду то той, то другой лапой.

Но маленькій человѣкъ, когда волкъ снова набросился на него, схватилъ окровавленную морду звѣря и съ неслыханной силой сжалъ рукой его пасть. Волкъ барахтался и извивался отъ боли и бѣшенства, но рука врага держала его крѣпко. Бѣлая пѣна выступила у волка изо рта, глаза выкатились изъ орбитъ.

Въ этой дикой борьбѣ противники какъ бы обмѣнялись ролями. Острые зубы человѣка дробили кости звѣря, острые ногти человѣка раздирали его мясо, и дикое рычаніе, дышавшее свирѣпой злобой, издавалъ не звѣрь, а человѣкъ.

Наконецъ человѣкъ, собравъ всѣ силы, истощенныя долгой борьбой, сдѣлалъ отчаянное усиліе и еще крѣпче сжалъ морду своего четвероногаго врага. Изъ ноздрей волка брызнула кровь, глаза его потухли, полузакрылись, онъ зашатался и упалъ на землю. Только по слабому движенію хвоста да по конвульсивнымъ судорогамъ, подергивавшимъ время отъ времени его члены, можно было видѣть, что онъ еще живъ. Но вотъ послѣдній разъ все тѣло волка конвульсивно вздрогнуло, и онъ издохъ.

— Ага! ты мертвъ, сміазенскій волкъ,—вскричалъ маленькій человѣкъ, презрительно отталкивая ногой трупъ.—Неужели ты надѣялся еще жить послѣ встрѣчи со мной? Нѣтъ, ты не помчишься теперь неслышными шагами по глубокому снѣгу за своей добычей. Ты самъ теперь только и годенъ въ пищу волкамъ и коршунамъ. Много за свою долгую хищническую жизнь пожралъ ты путниковъ, заблудившихся у Сміазена. Теперь ты не будешь ѣсть людей; это досадно!

И, вооружившись острымъ камнемъ, онъ присѣлъ около еще теплаго трупа волка, отдѣлилъ ноги и голову отъ туловища и, разрѣзавъ шкуру на животѣ, содралъ ее всю сразу. Отъ стараго сміазенскаго волка остался одинъ голый, окровавленный остовъ.

— Что дѣлать,—проговорилъ онъ,—человѣческая кожа слишкомъ тонка и не укрываетъ отъ холода. Приходится довольствоваться звѣриными шкурами.

И съ этими словами онъ накинулъ на плечи волчью шкуру, повернувъ ее окровавленной стороной вверхъ, а шерстью внизъ. Этотъ отвратительный трофей придалъ ему еще болѣе отвратительный видъ.

Тѣмъ временемъ медвѣдь, вѣроятно, наскучивъ бездѣйствіемъ, потихоньку подошелъ къ тому предмету, о которомъ мы упоминали въ началѣ этой главы. Скоро въ залѣ послышалось щелканье зубовъ, сопровождавшееся слабыми, болѣзненными стонами. Маленькій человѣкъ обернулся.

— Фріанъ! — грозно крикнулъ онъ. — Ахъ, ты дрянь! Поди сюда!

И, схвативъ огромный камень, онъ пустилъ его въ голову звѣря. Ошеломленный ударомъ, медвѣдь оставилъ таинственный предметъ и, облизываясь и пожимая хвостъ, тихо поползъ къ ногамъ маленькаго человѣка, какъ бы прося прощенія.

И между двумя чудовищами,—такъ какъ обитатель Арбарскихъ развалинъ вполнѣ заслуживалъ этого названія,—начался странный разговоръ. Рычалъ звѣрь, рычалъ и человѣкъ, но въ рычаніи звѣря слышались подчиненіе и просьба, въ рычаніи человѣка—власть и гнѣвъ.

— Вотъ твоя добыча,—сказалъ, наконецъ, человѣкъ, указывая крючковатымъ пальцемъ на ободранный трупъ волка.—А мою—предоставь мнѣ!

Медвѣдь обнюхалъ трупъ волка, недовольно тряхнулъ головой и посмотрѣлъ на человѣка, казавшагося его хозяиномъ.

— А, не нравится! То лучше, потому что еще трепещетъ. У тебя тонкій вкусъ, Фріанъ, не хуже чѣмъ у людей. Ты хочешь, чтобы то, что ты ѣшь, еще жило, ты любишь, чтобы мясо умирало у тебя на зубахъ, тебѣ нравится только то, что еще страдаетъ. Ты похожъ на меня, Фріанъ, потому что и я не человѣкъ, я выше этого жалкаго рода, я, какъ и ты, дикій звѣрь. Я хотѣлъ бы, чтобъ ты умѣлъ говорить, Фріанъ, ты сказалъ бы мнѣ, такъ ли радъ ты, какъ я, когда ты пожираешь человѣческія внутренности. Впрочемъ, нѣтъ, не нужно, чтобы ты говорилъ, твой голосъ тогда напоминалъ бы, пожалуй, голосъ человѣка. Рычи у моихъ ногъ, Фріанъ, рычи тѣмъ рычаніемъ, что леденитъ кровь въ жилахъ горнаго охотника. Твой голосъ для меня—голосъ друга, потому что для людей онъ голосъ врага. Подними же голову, Фріанъ. Лижи мою руку своимъ языкомъ, такъ часто купавшимся въ крови человѣка. У тебя и у меня бѣлые зубы. Не наша вина, что они не красны, какъ свѣжая рана: новая кровь, которую мы пьемъ, смываетъ старую. Не разъ видѣлъ я изъ глубины темной пещеры дѣвушекъ Колы и Эльмоэ. Онѣ мыли въ потокѣ свои босыя ноги, онѣ пѣли нѣжными голосами, ихъ губы улыбались, но мнѣ больше нравится твоя волосатая морда, твои дикіе крики: они пугаютъ людей.

Говоря это, маленькій человѣкъ сидѣлъ на камнѣ, а медвѣдь ласкалъ его руку, играя и барахтаясь, какъ маленькая собачка на диванѣ свѣтской дамы. Но что было всего удивительнѣе, такъ это особое вниманіе, съ которымъ медвѣдь вслушивался въ слова своего хозяина. Казалось, онъ особенно понималъ тѣ странныя односложныя восклицанія, которыми человѣкъ пересыпалъ свою рѣчь. И медвѣдь выражалъ имъ свое сочувствіе, то поднимая внезапно голову, то тихо ворча.

— Люди говорятъ, что я бѣгу отъ нихъ,—продолжалъ маленькій человѣкъ.—Не я, а они бѣгутъ отъ меня. Изъ страха они дѣлаютъ то, что я дѣлалъ бы изъ ненависти. Однако, ты знаешь, Фріанъ, я люблю встрѣчать людей, когда голоденъ или хочу пить.

Вдругъ въ глубинѣ галлереи онъ замѣтилъ слабый красноватый свѣтъ, который, однако, становился все ярче, освѣщая старыя сырыя стѣны.

— Вотъ какъ разъ человѣкъ. Когда говорятъ объ адѣ, сатана показываетъ рога. Ну, вставай, Фріанъ!

Звѣрь тотчасъ поднялся на ноги.

— Ну, надо вознаградить тебя за послушаніе, удовлетворивъ твой аппетитъ.

И съ этими словами онъ наклонился надъ тѣмъ, что лежало на землѣ. Послышался трескъ разрубаемой топоромъ кости, но стоновъ уже не было слышно.

— Ну, кажется, теперь здѣсь только мы съ тобой живы, Фріанъ. На, доканчивай, что началъ.

И съ этими словами онъ кинулъ медвѣдю какой-то предметъ. Медвѣдь схватилъ эту добычу съ такой жадностью, что едва можно было уловить форму этого предмета. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ похожъ на человѣческую руку, покрытую кускомъ темной матеріи, напоминавшей своимъ оттѣнкомъ цвѣтъ мундировъ мункгольмскихъ стрѣлковъ.

— Ну, идутъ,—сказалъ маленькій человѣкъ, вглядываясь въ свѣтлое пятно въ галлереѣ. Оставь меня одного, Фріанъ! Ну, маршъ!..

Послушное чудовище бросилось къ двери, спустилось задомъ по наружнымъ ступенямъ и исчезло, унося съ довольнымъ рычаніемъ свою отвратительную добычу.

Въ ту минуту въ отверстіи галлереи показался человѣкъ высокаго роста. Онъ былъ окутанъ длиннымъ коричневымъ плащомъ. Въ рукахъ у него былъ потайной фонарь. Онъ открылъ его и направилъ лучъ свѣта прямо въ лицо маленькаго человѣка.

Тотъ продолжалъ сидѣть на камнѣ, скрестивъ на груди руки.

— Я не хочу привѣтствовать тебя,—проговорилъ онъ.—Тебя привела сюда мысль, а не чутье. Я веду знакомство только съ волками.

Пришедшій не отвѣчалъ, и внимательно разсматривалъ хозяина.

— Смотри на меня!—вскричалъ тотъ, поднимая голову.—Можетъ-быть, черезъ часъ у тебя не будетъ голоса, чтобы хвалиться тѣмъ, что ты меня видѣлъ. Но вошедшій, освѣщая по очереди фонаремъ всѣ части тѣла маленькаго человѣка, былъ скорѣе удивленъ, чѣмъ испуганъ.

— Чему ты удивляешься?—вскричалъ маленькій человѣкъ со смѣхомъ, похожимъ на трескъ разбиваемаго черепа.—У меня, какъ и у тебя, есть и руки и ноги. Вся разница въ томъ, что мои члены не будутъ пищей волковъ и шакаловъ, какъ твои.

Наконецъ незнакомецъ заговорилъ. Но въ голосѣ его не было ни тѣни страха. Онъ только говорилъ тише обыкновеннаго, какъ бы боясь, что его услышатъ.

— Я прихожу къ вамъ другомъ, а не врагомъ,—сказалъ онъ.

— Почему же не сбросилъ ты тогда оболочку человѣка?

— Я хочу оказать вамъ услугу, если вы тотъ, кого я ищу.

— То-есть, получить услугу отъ меня. Человѣкъ, ты не туда попалъ, я оказываю услугу только тѣмъ, кому надоѣла жизнь.

— По вашимъ словамъ я узнаю въ васъ того, кого мнѣ нужно. Но вашъ ростъ... Ганъ-Исландецъ гигантъ. Можетъ-быть, это не вы...

— Первый разъ слышу, чтобъ въ этомъ передо мной сомнѣвались.

— Какъ, это вы!—Незнакомецъ приблизился къ маленькому человѣку.—Говорятъ, Ганъ-Исландецъ—колоссальнаго роста.

— Прибавь къ моему росту мою славу, и я буду выше Геклы!

— Неужели? Вы дѣйствительно Ганъ, уроженецъ Клипстадура, въ Исландіи?

— Не словами отвѣчалъ я всегда на этотъ вопросъ!—вскричалъ маленькій человѣкъ, вскочивъ съ своего мѣста.

Это восклицаніе сопровождалось такимъ взглядомъ, что незнакомецъ отступилъ на три шага.

— Ограничьтесь для отвѣта на него этимъ взглядомъ,—проговорилъ онъ почти умоляющимъ голосомъ, бросая на входъ такой взглядъ, который ясно выражалъ сожалѣніе о томъ, что онъ переступилъ этотъ порогъ.—Только ваши интересы заставили меня прійти сюда.

Входя въ залу, незнакомецъ только мелькомъ увидѣлъ того человѣка, съ которымъ имѣлъ дѣло. Поэтому онъ могъ еще сохранить нѣкоторое хладнокровіе. Но когда жилецъ Арбарскихъ развалинъ всталъ со своимъ лицомъ тигра, весь въ крови, едва прикрытый еще свѣжей шкурой волка, когда ему бросились въ глаза его руки съ огромными ногтями, его горящій взглядъ, незнакомецъ невольно содрогнулся. Такъ вздрагиваетъ невѣжественный путешественникъ, когда вдругъ, думая, что ласкаетъ угря, онъ чувствуетъ укусъ змѣи.

— Мои интересы!--продолжало чудовище.—Ты, значитъ, хочешь сказать мнѣ, что есть какой-нибудь источникъ, который можно отравить, что можно сжечь какую-нибудь деревню, или убить какого-нибудь мункгольмскаго стрѣлка?

— Можетъ-быть. Слушайте! Норвежскіе рудокопы готовы къ возстанію. Знаете вы, чѣмъ сопровождается возстаніе?

— Да, убійствомъ, насиліемъ, святотатствомъ, поджогами, грабежами.

— Все это я предлагаю вамъ.

Маленькій человѣкъ расхохотался.

— Я не нуждаюсь въ твоихъ предложеніяхъ, я могу взять все это такъ.

Свирѣпый хохотъ, сопровождавшій эти слова, снова заставилъ незнакомца вздрогнуть. Однако, онъ продолжалъ:

— Я предлагаю вамъ отъ имени рудокоповъ начальство надъ возставшими.

Маленькій человѣкъ помолчалъ. Вдругъ на лицѣ его появилось выраженіе адскаго коварства.

— Ты предлагаешь мнѣ это отъ ихъ имени?

Этотъ вопросъ, казалось, немного смутилъ незнакомца. Но увѣренный въ томъ, что его страшный собесѣдникъ не знаетъ его, онъ скоро оправился.

— Да,—сказалъ онъ.

— Что за причина возстанія рудокоповъ?—спросилъ маленькій человѣкъ.

— Они хотятъ освободиться отъ притѣсненій, которыя имъ дѣлаютъ назначенные именемъ короля опекуны.

— Только эта причина?—тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ продолжалъ маленькій человѣкъ,

— Они хотятъ еще освободить Мункгольмскаго узника.

— И только? — повторилъ маленькій человѣкъ съ прежней усмѣшкой.

— Другой причины я не знаю.

— Не знаешь?

Чудовище смотрѣло на своего собесѣдника уже съ нескрываемой насмѣшкой. Чтобы скрыть свое смущеніе, незнакомецъ вынулъ изъ-подъ плаща кошелекъ и бросилъ его къ ногамъ Гана.

— Вотъ плата за ваше участіе въ возстаніи,—сказалъ онъ.

Маленькій человѣкъ оттолкнулъ кошелекъ ногой.

— Не нужно! Неужели ты думаешь, что если бы я захотѣлъ твоего золота или твоей крови, я сталъ бы спрашивать у тебя позволенія, чтобы взять ихъ?

Незнакомецъ сдѣлалъ жестъ удивленія, смѣшаннаго съ ужасомъ.

— Этотъ подарокъ передали мнѣ для васъ королевскіе рудокопы.

— Не нуженъ онъ мнѣ, говорю я. Золото мнѣ безполезно. Душу люди готовы продать, но жизнь они не продаютъ, приходится брать ее силой.

— Я передамъ рудокопамъ, что страшному Гану-Исландцу не нужны деньги, но онъ соглашается быть ихъ вождемъ.

— Нѣтъ, не соглашаюсь.

Этотъ короткій и рѣшительный отвѣтъ, казалось, очень непріятно поразилъ мнимаго посланника рудокоповъ.

— Какъ?—вскричалъ онъ.

— Такъ, не хочу!

— Вы отказываетесь принять участіе въ возстаніи, которое обѣщаетъ вамъ столько выгодъ?

— Грабить фермы и деревни, убивать крестьянъ и солдатъ я могу и въ одиночку.

— Но, подумайте, если вы примете это предложеніе, то вамъ обезпечена безнаказанность!

— И эту безнаказанность ты обѣщаешь мнѣ тоже отъ имени рудокоповъ?—со смѣхомъ проговорилъ маленькій человѣкъ.

— Не скрою отъ васъ,—съ таинственнымъ видомъ отвѣчалъ незнакомецъ,—что это я предлагаю вамъ отъ имени очень значительнаго лица, заинтересованнаго въ возстаніи.

— А это значительное лицо увѣрено, что его не повѣсятъ?

— Если бы вы знали его, вы бы не задали этого вопроса.

— А! Кто же это?

— Этого я не могу вамъ сказать.

Маленькій человѣкъ подошелъ къ незнакомцу и съ сардоническимъ смѣхомъ ударилъ его по плечу.

— А хочешь, я тебѣ скажу, кто это?—сказалъ онъ.

Невольное движеніе вырвалось у человѣка въ плащѣ, движеніе ужаса и оскорбленной гордости. Онъ не ожидалъ ни этого вопроса, ни этой грубой фамильярности чудовища.

— Ты мнѣ просто смѣшонъ! — продолжалъ маленькій человѣкъ.—Развѣ ты не знаешь, что мнѣ все извѣстно? Это значительное лицо—канцлеръ обоихъ королевствъ, а канцлеръ обоихъ королевствъ—ты!

И дѣйствительно, это былъ канцлеръ. Прибывъ въ Арбарскія развалины, на пути къ которымъ мы видѣли его вмѣстѣ съ Мусдэмономъ, Алефельдъ пожелалъ лично склонить разбойника къ участію въ возстаніи. Разумѣется, онъ не предполагалъ, что разбойникъ все уже знаетъ и даже ждетъ его. Несмотря на всю свою хитрость и проницательность графъ Алефельдъ никакъ не могъ понять, почему разбойникъ былъ такъ хорошо освѣдомленъ. Можно было предполагать измѣну со стороны Мусдэмона, тѣмъ болѣе, что тотъ самъ внушилъ благородному графу мысль переговорить съ разбойникомъ лично. Но для чего могла быть нужна Мусдэмону эта измѣна? Правда въ руки разбойника могли путемъ грабежа попасть какія-нибудь бумаги, относящіяся къ планамъ великаго канцлера: онъ могъ найти ихъ на одной изъ своихъ жертвъ, но, кромѣ Мусдэмона и Фридриха Алефельда, никто не былъ посвященъ въ тайну возстанія. Какъ ни былъ легкомысленъ молодой графъ, все же нельзя было предположить, что онъ разболталъ такую тайну. Къ тому же, онъ былъ въ Мункгольмскомъ гарнизонѣ, — такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ отецъ. Но тѣ, кто дочитаетъ эту главу, увидятъ, что послѣднее предположеніе окажется довольно невѣроятнымъ.

Однимъ изъ главныхъ качествъ графа Алефельда было умѣнье не теряться ни при какихъ обстоятельствахъ. Такъ и теперь онъ лишь на одну секунду смутился, когда разбойникъ такъ грубо раскрылъ его инкогнито. Выраженіе удивленія и страха быстро сбѣжало съ его блѣднаго надменнаго лица, смѣнившись обычнымъ выраженіемъ спокойствія и увѣренности.

— Ну, хорошо,—сказалъ онъ,—я буду откровененъ. Я, дѣйствительно, канцлеръ. Но будьте откровенны и вы.

Собесѣдникъ канцлера расхохотался.

— Развѣ я заставлялъ просить себя, чтобы сказать тебѣ и свое и твое имя?

— Скажите мнѣ также откровенно, какъ вы узнали: кто я?

— Развѣ тебѣ не говорили, что Ганъ-Исландецъ видитъ сквозь горы?

Но графъ хотѣлъ настоять на своемъ.

— Считайте меня за друга,—сказалъ онъ.

— Твою руку, графъ Алефельдъ,—грубо проговорилъ маленькій человѣкъ.—А знаешь,—прибавилъ онъ, взглянувъ прямо въ лицо министра,—если бы наши души въ эту минуту одновременно вы-

летѣли изъ нашихъ тѣлъ, то сатана, пожалуй, призадумался бы, чья ему больше подходитъ.

Гордый вельможа до крови закусилъ губы, но постарался скрыть свое неудовольствіе, такъ какъ ему было и страшно съ этимъ чудовищемъ и хотѣлось въ то же время сдѣлать его своимъ орудіемъ.

— Не пренебрегайте своей выгодой, примите начальство надъ возставшими и положитесь на мою благодарность.

— Канцлеръ Норвегіи, ты разсчитываешь, какъ старая баба, связать себѣ платье изъ краденой пряжи... Берегись, какъ бы этой пряжи не перепутала кошка.

— Еще разъ подумайте, не отказывайтесь отъ моихъ предложеній.

— Еще разъ я, разбойникъ, говорю тебѣ, великому канцлеру обоихъ королевствъ: нѣтъ!

— Я ожидалъ другого отвѣта послѣ той великой услуги, которую вы мнѣ уже оказали.

— Какой услуги?—спросилъ разбойникъ.

— Развѣ не вами былъ убитъ капитанъ Диспольсенъ?—отвѣчалъ канцлеръ.

— Можетъ-быть, графъ Алефельдъ, только я его не знаю. Что это за человѣкъ?

— Какъ, развѣ не къ вамъ попала желѣзная шкатулка, которая у него была?

При этомъ вопросѣ разбойникъ какъ бы припомнилъ что-то.

— Подождите, теперь я припоминаю и этого человѣка и его шкатулку,—сказалъ онъ.—Дѣло было на Урхтальскомъ прибрежьѣ.

— Но, если вы передадите эту шкатулку мнѣ, моя благодарность будетъ безпредѣльна. Скажите, что сталось съ этой шкатулкой. У васъ она?

— А, значитъ, для его милости, канцлера Норвегіи, эта шкатулка имѣетъ большое значеніе?

— Да.

— А какая будетъ мнѣ награда, если я скажу, гдѣ она.

— Все, что вамъ будетъ угодно, милѣйшій Ганъ.

— Ну, такъ я не скажу.

— Вы шутите! Подумайте, какую услугу вы мнѣ окажете.

— Я и думаю.

— Я обезпечу вамъ огромное состояніе, я буду просить для васъ милости у короля.

— Проси лучше милости у меня для себя самого. Слушай, канцлеръ Даніи и Норвегіи! Тигры не пожираютъ гіэнъ, и я выпущу тебя отсюда живымъ, потому что каждая минута твоей жизни, каждая мысль твоя порождаютъ для людей зло, для тебя—преступленіе. Но не возвращайся больше сюда, иначе я покажу тебѣ, что моя ненависть не щадитъ никого, даже злодѣевъ. Что же до твоего капитана, то не воображай, что я убилъ его для тебя. Его погубилъ мундиръ, такъ же, какъ и этого несчастнаго, котораго я прирѣзалъ вовсе не для того, чтобы оказать тебѣ услугу, увѣряю тебя.

И съ этими словами онъ взялъ графа за руку и подвелъ его къ лежавшему во мглѣ пещеры тѣлу. Лучъ фонаря освѣтилъ трупъ офицера, одѣтый въ форму мункгольмскихъ стрѣлковъ. Канцлеръ съ ужасомъ приблизился къ тѣлу. Вдругъ взглядъ его остановился на блѣдномъ, окровавленномъ лицѣ мертвеца. Несмотря на полуоткрытый ротъ, мертвенно блѣдныя щеки, потухшіе глаза, всклоченные волосы, онъ узналъ трупъ.

— Господи! Мой сынъ, Фридрихъ!—вскричалъ онъ.

Нельзя не признать, что въ самыхъ сухихъ, самыхъ озлобленныхъ сердцахъ бываетъ подчасъ далекій уголокъ, въ которомъ кроется какая-нибудь, можетъ-быть, невѣдомая самому человѣку привязанность. Она сокрыта среди страстей и пороковъ, какъ тайный свидѣтель, какъ будущій мститель. Ея назначеніе какъ будто въ томъ, чтобы само преступленіе могло узнать, что такое горе. Молча ждетъ она, когда наступитъ ея время. Испорченный человѣкъ носитъ ее въ глубинѣ сердца и не чувствуетъ ея, потому что обычнымъ непріятностямъ трудно пробить закрывающую ее кору эгоизма и злобы. Но когда наступаетъ тяжкое горе, когда оно, какъ острый мечъ проникаетъ до самой глубины души, скрытая привязанность открывается, и чѣмъ неожиданнѣе ея появленіе, чѣмъ глубже была она скрыта, тѣмъ ужаснѣе и душевная боль. Заглушенная природа просыпается, и непривычное ощущеніе повергаетъ такого человѣка въ бездну неслыханныхъ мукъ. Въ одинъ пріемъ переживаетъ онъ все горе своей жизни; всѣ пережитыя несчастія одновременно терзаютъ обнаженную душу. Адскія муки раздираютъ сердце, едва научившееся чувствовать, вся накипь жизни растравляетъ свѣжую рану, и для человѣка настаетъ состояніе, которому нѣтъ имени, потому что само отчаяніе ничто передъ этимъ состояніемъ.

Графъ Алефельдъ любилъ своего сына такою безсознательною любовью. Мы говоримъ «своего сына», потому что графъ не зналъ, что жена ему измѣняетъ, и Фридрихъ, наслѣдникъ его имени, былъ для него роднымъ сыномъ. Думая, что сынъ въ Мункгольмѣ, графъ никакъ не разсчитывалъ найти его въ Арбарскихъ развалинахъ и увидѣть мертвымъ. Но сомнѣній не было, не могло быть! Этотъ истерзанный, окровавленный трупъ былъ трупъ его сына!.. Что же произошло въ немъ въ ту минуту, когда онъ одновременно понялъ, что любитъ сына, и что этотъ сынъ погибъ! Нельзя описать, что перечувствовалъ онъ, когда рядъ этихъ ощущеній сразу обрушился на его сердце. Пораженный удивленіемъ, ужасомъ, отчаяніемъ, онъ отшатнулся, ломая руки, отъ дорогого трупа и повторялъ:

— Сынъ мой! Сынъ мой!

Разбойникъ захохоталъ. Страшно было слышать этотъ смѣхъ, сливавшійся со стонами отца передъ трупомъ сына.

— Клянусь Ингольфомъ, графъ Алефельдъ, сколько ни будешь ты кричать, ты его не разбудишь.

Но въ то же время лицо чудовища омрачилось.

— Плачь о своемъ сынѣ, я мщу за своего,—сказалъ онъ.

Въ это время въ галлереѣ послышались торопливые шаги нѣсколькихъ человѣкъ. Чудовище оглянулось. Въ галлерею вбѣжало четверо вооруженныхъ людей высокаго роста со шпагами наголо. За ними спѣшилъ пятый, низенькій и толстый. Онъ также держалъ въ одной рукѣ обнаженную шпагу. Въ другой у него былъ факелъ.

— Мы услышали вашъ голосъ, графъ, и бросились къ вамъ на помощь,—сказалъ онъ.

Читатель, конечно, узналъ Мусдэмона и четверыхъ слугъ, сопровождавшихъ графа въ его поѣздкѣ.

Но едва свѣтъ факела освѣтилъ пещеру, какъ всѣ пятеро въ ужасѣ остановились. Глазамъ ихъ представилась ужасная картина. Кровавый остовъ волка, обезображенный трупъ молодого офицера, надъ нимъ обезумѣвшій отъ горя отецъ съ мутными, блуждающими глазами, а рядомъ ужасное и отвратительное лицо разбойника, смотрящаго на нихъ съ дерзкимъ недоумѣніемъ,—все это имѣло такой видъ, что могло смутить хоть кого. Но при видѣ этого неожиданнаго подкрѣпленія, графъ вспомнилъ о мести, и его отчаяніе уступило мѣсто бѣшенству.

— Смерть разбойнику!—вскричалъ онъ, выхвативъ шпагу.— Онъ убилъ моего сына. Смерть ему, смерть!

Всѣ пятеро кинулись на разбойника. Это внезапное нападеніе заставило его отступить къ двери, ведущей въ пропасть, но то рычаніе, которое онъ издалъ, выражало скорѣе гнѣвъ, чѣмъ боязнь.

Шесть шпагъ направились на него своими остреями. Но взглядъ разбойника былъ все-таки грозенъ для нападающихъ. Онъ схватилъ свой каменный топоръ. Число нападающихъ было таково, что ему пришлось ограничиться лишь обороной, и онъ блестяще справился съ этой задачей. Топоръ его завертѣлся въ его рукахъ съ такою быстротою, что кругъ вращенія его прикрывалъ разбойника, какъ настоящій щитъ. Тысячи искръ летѣли отъ шпагъ, когда онѣ сталкивались съ лезвеемъ топора, но не одно острее не могло достичь тѣла разбойника. Однако, утомленный предшествовавшей борьбой съ волкомъ, онъ незамѣтно подавался назадъ и скоро оказался у самой двери надъ пропастью.

— Смѣлѣе, друзья!—вскричалъ графъ.—Сбросимъ въ бездну это чудовище.

— Скорѣе туда упадутъ звѣзды, чѣмъ я,—крикнулъ въ отвѣтъ разбойникъ.

Тѣмъ не менѣе, ему все-таки пришлось спуститься на первую ступень лѣстницы. Успѣхъ ободрилъ нападающихъ. Они удвоили свои усилія.

— Впередъ, еще одно усиліе,—кричалъ графъ.—Нѣтъ, негодяй, ты совершилъ свое послѣднее преступленіе. Смѣлѣе, смѣлѣе, друзья!

Продолжая вертѣть правой рукой съ топоромъ, разбойникъ взялъ лѣвою рогъ, висѣвшій у него на поясѣ, и громко протрубилъ нѣсколько разъ. Въ отвѣтъ изъ пропасти донеслось рычаніе.

Прошло нѣсколько секундъ. Нападавшіе успѣли уже оттѣснить разбойника на вторую ступеньку лѣстницы. Побѣда становилась вопросомъ времени. Но въ это время на обломанномъ концѣ лѣстницы показалась голова бѣлаго медвѣдя. Пораженные, испуганные, нападавшіе отступили.

Медвѣдь поднялся на лѣстницу и свирѣпо оскалилъ на нападавшихъ свои ужасные зубы.

— Спасибо, Фріанъ!—вскричалъ разбойникъ.

И, пользуясь замѣшательствомъ враговъ, онъ вскочилъ на спину медвѣдя, который тотчасъ же сталъ спускаться задомъ, продолжая грозно скалить зубы на враговъ своего господина.

Когда они немного оправились отъ удивленія и страха, разбойникъ былъ уже далеко. Медвѣдь осторожно спускался, ловко цѣпляясь за выступы утесовъ и стволы деревьевъ. Они хотѣли скатить на него одну изъ каменныхъ глыбъ, но, прежде чѣмъ успѣли приподнять ее, странный всадникъ уже скрылся въ одной изъ пещеръ.

III.

> Нѣтъ, нѣтъ, не будемъ смѣяться. Видите ли: то, что казалось мнѣ такимъ забавнымъ, имѣетъ и свою серіозную, очень серіозную сторону, какъ и все въ мірѣ. Вѣрьте мнѣ: слово случай—это богохульство; случая нѣтъ. И развѣ въ этомъ дѣлѣ вы не видите цѣли, назначенной Провидѣніемъ?
>
> *Лессингъ.—Эмилія Голотти.*

Да, нерѣдко въ томъ, что люди называютъ случаемъ, обнаруживаются глубокія основанія. Теченіе событій направляется какой-то таинственной рукой, указывающей имъ и путь и конечную цѣль. Человѣкъ жалуется на капризы счастья, на странности судьбы, но вдругъ изъ этого хаоса выходятъ ужасныя молніи или чудесные лучи, и человѣческая мудрость невольно преклоняется передъ высокими уроками судьбы. Если бы, напримѣръ, въ то время, какъ Фридрихъ Алефельдъ рисовался передъ копенгагенскими дамами въ какомъ-нибудь роскошномъ салонѣ, прельщая ихъ великолѣпіемъ костюма, изысканностью манеръ и вычурными комплиментами, если бы въ то время, говоримъ мы, явился человѣкъ, знающій будущее, и открылъ бы ему, что его блестящій мундиръ, которымъ онъ такъ гордился, будетъ причиной его гибели, что чудовище въ образѣ человѣка будетъ пить его кровь, какъ пьетъ теперь онъ самъ богемскія и французскія вина, что его волосы, для которыхъ не находилось по его мнѣнію достойныхъ благовоній, будутъ мести пыль въ логовищѣ дикихъ звѣрей, что его рука, которую такъ граціозно умѣлъ онъ предлагать дамамъ, будетъ брошена медвѣдю, какъ обглоданная кость косули,—если бы все это сказалъ этотъ человѣкъ, то чѣмъ отвѣтилъ бы на это мрачное пророчество Фридрихъ? Хохотомъ—и только. И, что всего ужаснѣе, всѣ были бы на сторонѣ безумца!

Попробуемъ же разсмотрѣть эту судьбу съ высшей точки зрѣнія. Не было ли дѣйствіемъ таинственной силы то обстоятельство, что преступленіе графа и графини Алефельдъ обратилось въ кару для нихъ самихъ? Они устроили гнусный заговоръ противъ дочери узника; эта несчастная случайно находитъ покровителя, который считаетъ нужнымъ удалить ихъ сына, предназначеннаго быть исполнителемъ ихъ ужаснаго плана. Этотъ сынъ, ихъ единственная надежда, отосланъ далеко отъ того мѣста, гдѣ долженъ былъ дѣйствовать, и въ новомъ мѣстопребываніи его другой мстительный случай посылаетъ ему навстрѣчу смерть. Такимъ образомъ, желая обезчестить невинную, но ненавистную имъ дѣвушку, они сами столкнули въ могилу своего далеко не невиннаго, но горячо любимаго сына, то-есть они стали несчастны по своей собственной винѣ.

IV.

А, вотъ и наша прекрасная графиня.— Простите, сударыня, что я не могу сегодня насладиться вашимъ посѣщеніемъ. Я такъ занятъ. Другой разъ, дорогая графиня, другой разъ, но сегодня я васъ не задерживаю.

Le prince à Orsina.

На другой день послѣ своей поѣздки въ Мункгольмъ, дронтгеймскій губернаторъ какъ можно раньше приказалъ запрягать свою дорожную карету. Онъ надѣялся уѣхать прежде, чѣмъ проснется графиня Алефельдъ. Но мы уже сказали, что графиня была далеко не изъ сонливыхъ. Поэтому въ ту минуту, какъ генералъ подписалъ послѣднія инструкціи епископу, къ которому должно было перейти управленіе округомъ, и надѣвалъ уже мѣховое пальто, готовясь выйти изъ дому, швейцаръ доложилъ ему о графинѣ. Этотъ несвоевременный визитъ смутилъ стараго солдата, который привыкъ смѣяться подъ картечью, но совершенно терялся передъ женскими хитростями. Тѣмъ не менѣе, онъ довольно любезно простился съ графиней, но когда та наклонилась къ нему съ таинственнымъ видомъ, на лицѣ генерала мелькнуло выраженіе неудовольствія. Онъ предвидѣлъ, о чемъ будетъ рѣчь.

— Что же онъ сказалъ вамъ, генералъ?—спросила графиня.

— Кто? Поэль? Онъ сказалъ, что карета сейчасъ будетъ готова.

— Я говорю о мункгольмскомъ узникѣ, генералъ.

— А!

— Отвѣтилъ ли онъ удовлетворительнымъ образомъ на вашъ допросъ?

— Но... да, конечно, графиня,—съ понятнымъ смущеніемъ отвѣчалъ генералъ.

— Есть ли у васъ доказательства, что онъ замѣшанъ въ заговорѣ рудокоповъ?

— О, нѣтъ, сударыня, онъ невиненъ!

Но генералъ тотчасъ же спохватился, увидя, что высказалъ убѣжденіе своего сердца, но не разума.

— Онъ невиненъ,—повторила графиня, нѣсколько смутившись въ свою очередь, хотя и недовѣрчиво.

Это смущеніе происходило оттого, что графиня все-таки боялась, не удалось ли Шумакеру представить генералу ясныя доказательства своей невинности, что, конечно, было бы очень непріятно ея мужу.

Губернаторъ имѣлъ время подумать и потому на восклицаніе графини онъ отвѣчалъ тономъ, въ которомъ слышалось уже нѣкоторое сомнѣніе.

— Да... невиненъ... если хотите...

Тонъ этотъ успокоилъ графиню.

— Если я хочу, генералъ!..

И она расхохоталась.

Смѣхъ этотъ оскорбилъ губернатора.

— Графиня,—проговорилъ онъ холодно,—позвольте мнѣ отдать отчетъ въ моемъ разговорѣ съ бывшимъ великимъ канцлеромъ одному лишь вице-королю.

И съ глубокимъ поклономъ онъ вышелъ изъ комнаты и спустился по лѣстницѣ на дворъ, гдѣ его ожидала карета

Графиня вернулась къ себѣ.

«Поѣзжай, поѣзжай, странствующій рыцарь,—думала она.—По крайней мѣрѣ, твой отъѣздъ избавитъ насъ отъ покровителя нашихъ враговъ. Твой отъѣздъ—признакъ возвращенія моего Фридриха. Подумать только! Смѣть отправить въ эти ужасныя горы лучшаго копенгагенскаго кавалера! Къ счастью, теперь мнѣ не трудно будетъ добиться, чтобы моего сына вернули сюда».

— Милая Лизбета,—обратилась она къ своей любимой дамѣ,—прикажите выписать изъ Бергена двѣ дюжины маленькихъ гребешковъ, которые носятъ въ волосахъ наши франты. Да справьтесь также о новомъ романѣ госпожи Скюдери и посмотрите за тѣмъ, чтобы обезьяну Фридриха мыли каждое утро розовой водой.

— Какъ, сударыня, развѣ господинъ Фридрихъ можетъ вернуться?

— Да, и чтобы ему было пріятнѣе меня увидѣть, я хочу исполнить всѣ его желанія. Это будетъ ему сюрпризъ, когда онъ вернется.

Бѣдная мать!

V.

> Бернаръ бѣжитъ вдоль берега Арлансы, подобно льву, вышедшему изъ логовища навстрѣчу охотникамъ, готовый побѣдить или умереть
>
> Онъ идетъ, храбрый, рѣшительный испанецъ.
>
> Быстрыми шагами, съ копьемъ, своей надеждой, въ рукахъ, бѣжитъ Бернаръ вдоль берега Арлансы.
>
> *Изъ испанскихъ романсовъ.*

Спустившись съ башни, откуда виденъ былъ Мункгольмскій маякъ, Орденеръ долго разыскивалъ своего проводника. Долго звалъ онъ его, но ему отвѣчало одно лишь эхо развалинъ. Это

непонятное исчезновенiе удивило, но не напугало его. Онъ приписалъ это исчезновенiе какому-нибудь новому страху, напавшему на боязливаго Спiагудри. Великодушно упрекнувъ себя за то, что оставилъ старика на нѣсколько минутъ одного, онъ рѣшилъ провести ночь на утесѣ, чтобы дать ему время вернуться. Закусивъ немного, онъ завернулся въ плащъ, легъ у потухавшаго костра, поцѣловалъ локонъ Этели и скоро заснулъ, такъ какъ можно спать и съ неспокойнымъ сердцемъ, лишь бы чиста была совѣсть.

На восходѣ солнца онъ всталъ, но Спiагудри не возвратился. Въ башнѣ оставался, однако, его плащъ и котомка, что указывало на очень поспѣшное бѣгство. Отчаявшись увидѣть Спiагудри, по крайней мѣрѣ, здѣсь, на утесѣ, Орденеръ рѣшился итти одинъ, такъ какъ на другой день ему нужно было захватить Гана-Исландца въ Вальдерогѣ.

Уже изъ первыхъ главъ нашего разсказа видно, что Орденеръ съ раннихъ лѣтъ прiучилъ себя къ трудамъ и лишенiямъ бродячей жизни. Не разъ уже обошелъ онъ весь сѣверъ Норвегiи, и теперь, когда онъ зналъ, гдѣ найти разбойника, проводникъ былъ ему не нуженъ. Итакъ, онъ пошелъ на сѣверо-западъ безъ Спiагудри, такъ что теперь уже некому было сообщать ему, сколько кварца или шпата находится въ каждомъ холмѣ, какое преданiе связано съ каждыми развалинами и отъ вулканическихъ или отъ нептуническихъ причинъ произошла та или другая трещина.

Цѣлый день шелъ онъ по этимъ горамъ, которыя отходятъ короткими цѣпями отъ главной горной цѣпи, прорѣзывающей всю Норвегiю по длинѣ, подобно тому, какъ ребра отходятъ отъ позвоночнаго столба. Горы эти доходятъ до самаго моря, такъ что на всемъ протяженiи берега заливы чередуются съ мысами, а вся мѣстность представляетъ чередованiе горныхъ хребтовъ и долинъ. Это странное расположенiе почвы по справедливости позволяетъ сравнить Норвегiю съ хребтомъ огромной рыбы.

Нельзя сказать, чтобы путешествiе въ этой странѣ было удобно. То и дѣло приходится пользоваться вмѣсто дороги каменистымъ русломъ высохшаго потока или же перебираться черезъ такое русло по животрепещущему мостику, сложенному изъ нѣсколькихъ древесныхъ стволовъ. Орденеру приходилось иногда итти нѣсколько часовъ, не встрѣчая ни малѣйшаго признака человѣческаго жилья. Только иногда вдали виднѣлись крылья вѣтряной мельницы или дымокъ дальней кузницы, разстилавшiйся по воздуху, какъ черный султанъ. Иногда онъ встрѣчалъ крестьянина, сидящаго верхомъ на маленькой, сѣрой, понурой лошадкѣ, едва ли не менѣе дикой, чѣмъ ея хозяинъ, или торговца мѣхами въ саняхъ, запряженныхъ двумя оленями. За санями тащилась обыкновенно привязанная къ нимъ веревка съ безконечнымъ количествомъ узловъ, имѣвшая своимъ назначенiемъ отпугивать волковъ.

Если Орденеръ спрашивалъ у такого купца дорогу въ Вальдерогскую пещеру, тотъ просто отвѣчалъ ему:

— Идите все на сѣверо-западъ, вы придете въ деревню Гервалинъ, потомъ перейдете Додлисакскiй оврагъ и этой же ночью вы

дойдете до Сурба, а отъ этой деревни до Вальдерога всего двѣ мили.

Такъ отвѣчалъ странствующій торговецъ, знающій лишь названія и относительное положеніе тѣхъ мѣстъ, которыя ему приходилось проѣзжать. Но стоило Орденеру обратиться съ этимъ вопросомъ къ крестьянину, напитанному мѣстными повѣрьями, передаваемыми изъ устъ въ уста, результатъ получался совсѣмъ иной. Крестьянинъ останавливалъ лошадь, удивленно всматривался въ Орденера и говорилъ, качая головою:

— Вальдерогъ! Вальдерогская пещера! Тамъ поютъ камни, пляшутъ кости мертвыхъ и живетъ исландскій демонъ.

— Неужели, ваша милость, вы хотите туда итти?

— Да, туда,—отвѣчалъ Орденеръ.

— Значитъ, у васъ недавно умерла мать, или пожаръ сжегъ вашу ферму, или сосѣдъ укралъ у васъ откормленнаго борова?

— Нѣтъ, ничего подобнаго.

— Тогда какой-нибудь колдунъ васъ испортилъ?

— Послушайте, я спрашиваю у васъ дорогу въ Вальдерогъ.

— Я вамъ и отвѣчаю, сударь. Идите все на сѣверъ. Я знаю, какъ вы туда пойдете, но какъ вы оттуда вернетесь, я не знаю.

И крестьянинъ уѣзжалъ, осѣняя себя крестомъ.

Къ печальному однообразію дороги присоединялось и другое неудобство. Съ полудня небо обложилось тучами и пошелъ тонкій пронизывающій дождь, отчего итти сдѣлалось еще труднѣе. Ни одна птица не отваживалась подниматься на воздухъ. Только иногда надъ головой продрогшаго подъ своимъ плащемъ Орденера пролеталъ ястребъ, кречетъ, или же соколъ-рыболовъ слеталъ при его появленіи съ окружавшихъ прудъ тростниковъ, унося въ когтяхъ рыбу.

Было уже совсѣмъ темно, когда нашъ молодой путешественникъ, миновавъ осиновый и березовый лѣса, окружавшіе Додлисакскій оврагъ, пришелъ въ деревушку Сурбъ. Здѣсь, если читатель помнитъ, Спіагудри хотѣлъ основать свою главную квартиру. Запахъ смолы и каменноугольнаго дыма показывалъ, что деревушка населена рыбаками. Орденеръ подошелъ къ первой хижинѣ, которую могъ различить въ темнотѣ. Узкій, низкій входъ былъ по норвежскому обычаю затянутъ прозрачной рыбьей кожей, сквозь которую можно было замѣтить колеблющееся пламя затопленнаго очага. Орденеръ постучалъ въ деревянную раму двери и проговорилъ:

— Примите путника.

— Войдите, войдите,—отвѣчалъ голосъ изнутри.

Въ ту же минуту чья-то рука предупредительно приподняла рыбью кожу, и Орденеръ вошелъ въ конической формы жилище, которое служитъ обычнымъ помѣщеніемъ для норвежскихъ рыбаковъ. Это было нѣчто въ родѣ палатки изъ земли и хвороста. Посреди нея пылалъ огонь, и красное пламя торфа сливалось съ яркимъ бѣлымъ огнемъ еловыхъ полѣньевъ. У огня, за столомъ, уставленнымъ деревянными тарелками и глиняной посудой, сидѣли

рыбакъ, его жена и двое дѣтей, одѣтыхъ въ лохмотья. Напротивъ нихъ, между сѣтями и веслами, на подстилкѣ изъ звѣриныхъ шкуръ и листьевъ, лежали два оленя. Очевидно, эта подстилка служила ложемъ и для хозяевъ и для гостей, которыхъ угодно будетъ Богу привести въ хижину. Но все это можно было увидѣть далеко не сразу, такъ какъ ѣдкій тяжелый дымъ наполнялъ все помѣщеніе и, не успѣвая выходить сквозь продѣланное въ вершинѣ конуса отверстіе, окутывалъ всѣ предметы плотнымъ колеблющимся пологомъ.

Какъ только Орденеръ переступилъ черезъ порогъ комнаты, рыбакъ и его жена встали и ласково отвѣтили на его поклонъ. Норвежскій крестьянинъ любитъ путешественника, можетъ-быть, столько же изъ любопытства, сколько изъ природной склонности къ гостепріимству.

— Вамъ, вѣроятно, холодно и вы хотите кушать, сударь,—сказалъ рыбакъ.—Вотъ огонь, на которомъ можно высушить вашъ плащъ, а вотъ и риндебродъ, которымъ можно утолить вашъ голодъ. А потомъ, я надѣюсь, вы разскажете намъ, кто вы, откуда, куда идете, и какія исторіи разсказываютъ старухи въ вашей странѣ.

— Да, сударь, а къ риндеброду можно прибавить и соленой трески, приготовленной на китовомъ жиру,—прибавила жена рыбака.—Садитесь и кушайте, сударь.

— А если ваша милость не любитъ угощенія святого Узульфа [1]), то подождите немного. Обѣщаю вамъ, что угощу васъ чудеснымъ окорокомъ косули или, по крайней мѣрѣ, крыломъ королевскаго фазана. Мы ждемъ возвращенія лучшаго охотника изъ всѣхъ, какіе только есть въ трехъ провинціяхъ. Не такъ ли, Маазе?

Maase—значитъ по-норвежски чайка. Жена, видимо, нисколько не была обижена этимъ именемъ, вѣроятно, это было одно изъ тѣхъ ласковыхъ прозвищъ, которыми иногда называютъ другъ друга супруги.

— Конечно, лучшій охотникъ!—вскричала она.—Дѣло идетъ о моемъ братѣ, знаменитомъ Кенниболѣ, дай ему Богъ удачи. Онъ пришелъ къ намъ на нѣсколько дней, и вы можете выпить изъ одной чашки съ нимъ нѣсколько глотковъ пива. Онъ тоже путешественникъ.

— Спасибо, хозяюшка,—съ улыбкой отвѣчалъ Орденеръ,—но, видно, мнѣ придется удовольствоваться вашей треской, которая кстати такъ вкусна на видъ. Мнѣ некогда ждать вашего брата, я долженъ сейчасъ же итти дальше, хотя мнѣ и хотѣлось бы познакомиться съ такимъ знаменитымъ охотникомъ.

Маазе была, съ одной стороны, очень довольна похвалами своей трескѣ и своему брату, съ другой — неподдѣльно огорчена, что путешественникъ такъ скоро уходитъ.

— Вы очень добры, сударь, — сказала она. — Но неужели вы насъ такъ скоро оставите?

---

[1]) Патронъ рыбаковъ.

— Такъ нужно.

— Вы хотите итти въ горы въ такую погоду и такъ поздно?

— У меня важное дѣло.

Эти отвѣты затронули врожденное любопытство хозяевъ и въ то же время не мало удивили ихъ.

Рыбакъ всталъ и проговорилъ:

— Меня зовутъ Кристофъ Бульдусъ Брааль, я рыбакъ, изъ деревни Сурбо.

— А я Маазе Кенниболь, его жена и слуга, — сказала хозяйка.

По обычаю норвежскихъ крестьянъ, когда они хотятъ вѣжливо спросить чужестранца объ его имени, они называютъ свое.

— А я,—отвѣчалъ Орденеръ, — путникъ, не увѣренный ни въ своемъ имени, ни въ той дорогѣ, по которой иду.

Этотъ отвѣтъ, повидимому, не удовлетворилъ Брааля.

— Клянусь короной Гормона Стараго, — сказалъ онъ, — я думалъ, что во всей Норвегіи только одинъ человѣкъ не увѣренъ въ своемъ имени, а именно баронъ Торвикъ, который, какъ говорятъ, принимаетъ титулъ графа Даннешильда по случаю своего брака съ дочерью вице-канцлера. Это, по крайней мѣрѣ, самая свѣжая новость, которую я привезъ изъ Дронтгейма. Поздравляю васъ, господинъ чужестранецъ, съ этимъ сходствомъ съ сыномъ вице-короля, графа Гульденлью.

— Если ужъ ваша милость, — прибавила Маазе, вся загораясь любопытствомъ,—если ужъ ваша милость не хотите ничего намъ разсказать о себѣ, то разскажите хоть о томъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, хотя бы, напримѣръ, объ этомъ знаменитомъ бракѣ, о которомъ слышалъ мой мужъ.

— Да,—сказалъ съ важнымъ видомъ рыбакъ,—это самое новое. Не пройдетъ мѣсяца, какъ сынъ вице-короля женится на дочери вице-канцлера.

— Я въ этомъ сомнѣваюсь,—сказалъ Орденеръ.

— Вы сомнѣваетесь, сударь! Но могу васъ увѣрить, что это такъ. Я знаю объ этомъ изъ хорошаго источника. Тотъ, кто передавалъ мнѣ эту новость, слышалъ ее самъ отъ господина Поэля, любимаго слуги барона Торвика, то-есть графа Даннешильда. Развѣ за послѣдніе шесть дней что-нибудь случилось, и этотъ важный бракъ разстроился?

— Я такъ думаю,—съ улыбкой отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ, я былъ неправъ. Не надо было разводить огня для жаренья рыбы, пока та еще не попалась въ сѣть. Но вѣрно ли это, отъ кого вы-то это знаете?

— Ни отъ кого. Я такъ разсуждаю въ своей головѣ

При этихъ наивныхъ словахъ рыбакъ невольно забылъ свою норвежскую вѣжливость и громко расхохотался.

— Извините, сударь, но видно, что вы дѣйствительно путешественникъ и, вѣроятно, иностранецъ. Вы какъ будто думаете, что событія пойдутъ такъ, какъ вамъ будетъ угодно. Захотите—дождь пойдетъ, захотите—солнце засвѣтитъ.

И рыбакъ, какъ всѣ норвежскіе крестьяне, оказавшійся глубокимъ политикомъ, началъ толковать Орденеру, почему предполагаемый бракъ не можетъ разстроиться. Онъ необходимъ для семейныхъ интересовъ Алефельдовъ; вице-король не можетъ отказать королю, который желаетъ этого брака, и, наконецъ, будущихъ супруговъ соединяетъ истинная страсть. Однимъ словомъ, рыбакъ Брааль нимало не сомнѣвался въ томъ, что этотъ союзъ состоится. Онъ былъ увѣренъ въ этомъ не меньше, чѣмъ въ томъ, что убьетъ завтра проклятую морскую собаку, которая заражаетъ озеро Мастеръ-Бикъ.

Орденеру вовсе не хотѣлось поддерживать разговоръ на политическую тему съ такимъ свѣдущимъ государственнымъ человѣкомъ, но, къ счастью, прибытіе новаго лица вывело его изъ затрудненія.

— Это онъ, мой братъ!—вскричала старая Маазъ.

Повидимому, только прибытіе брата и могло оторвать ее отъ восторженнаго созерцанія своего многорѣчиваго мужа. Рыбакъ всталъ навстрѣчу прибывшему и протянулъ ему руку.

— Милости просимъ, братъ,—сказалъ онъ.—Нашъ братъ, знаменитый охотникъ Кенниболь, — прибавилъ онъ, обращаясь къ Орденеру.

— Привѣтъ и вамъ,—сказалъ горецъ, освобождаясь отъ повисшихъ ему на шею племянниковъ и снимая свою барашковую шапку.—Ну, не важная была у меня охота на вашихъ берегахъ, не лучше, чѣмъ могла бы быть ловля у тебя въ нашихъ горахъ. Право, пожалуй, я скорѣй бы могъ наполнить свою сумку, если бъ искалъ гномовъ и лѣшихъ въ лѣсу королевы Мэбъ. Сестра Маазе, ты первая чайка, которую я сегодня вижу. Взгляните, пожалуйста, изъ-за этого жалкаго тетерева первый охотникъ Дронтгеймскаго округа пробродилъ цѣлый день по полянамъ...

И съ этими словами онъ вынулъ изъ ягдташа тетерева и положилъ его на столъ, объявивъ, что такая дрянь не стоитъ и выстрѣла.

— Ну, подожди, Кенниболь,—прибавилъ онъ сквозь зубы,—скоро твоему ружью придется поработать по крупной дичи. Не шкуры серны и лося, а красные камзолы и зеленые мундиры будутъ пронизывать его пули.

Хотя эти слова были произнесены въ полголоса, но, тѣмъ не менѣе, они возбудили любопытство Маазе.

— Что это ты говоришь, братъ?—спросила она.

— То, что у каждой женщины сидитъ на языкѣ по домовому.

— Вѣрно, братъ, — вскричалъ рыбакъ. — Всѣ эти дочери Евы любопытны, какъ ихъ проматерь. Но ты что-то говорилъ о зеленыхъ мундирахъ?

— Братъ Брааль, — сердито проговорилъ Кенниболь, — свои тайны я довѣряю только своему ружью: оно, во всякомъ случаѣ, не проболтается.

— Въ деревнѣ толкуютъ о возстаніи рудокоповъ,—настойчиво продолжалъ рыбакъ.—Не знаешь ли ты чего объ этомъ?

Горецъ взялъ шапку и надвинулъ ее на глаза, бросивъ косой взглядъ на Орденера. Потомъ онъ нагнулся къ рыбаку и отрывисто проговорилъ:

— Молчи!

Тотъ покачалъ головой.

— Ну, братъ, какъ рыба ни молчитъ, а все въ сѣть попадаетъ.

Всѣ на минуту замолчали. Мужчины обмѣнивались выразительными взглядами, дѣти ощипывали тетерева, Маазе вся обратилась въ слухъ, хотя никто не произносилъ ни слова. Орденеръ наблюдалъ, Кенниболь заговорилъ первый.

— Ну если сегодня вамъ и придется попоститься, — сказалъ онъ, очевидно, желая перемѣнить разговоръ,—то завтра ужъ можно будетъ попировать. Лови рыбу покрупнѣе, братъ, мы приготовимъ ее на медвѣжьемъ салѣ.

— На медвѣжьемъ салѣ!—вскричала Маазъ.—Развѣ поблизости видѣли медвѣдя? Патрикъ, Регнеръ, не смѣйте выходить изъ хижины!

— Успокойся, сестра, завтра тебѣ уже нечего будетъ бояться. Да, дѣйствительно, въ двухъ миляхъ отсюда я видѣлъ бѣлаго медвѣдя. Онъ несъ какъ будто человѣка или животное, но вѣрнѣе всего какого-нибудь пастуха, такъ какъ они одѣваются въ звѣриныя шкуры; впрочемъ, издали трудно разобрать. Но что меня больше всего удивило, онъ несъ свою добычу на спинѣ, а не во рту.

— Неужели?

— Да, и, вѣроятно, животное уже умерло, потому что оно не пыталось защищаться.

— Но, въ такомъ случаѣ, какъ же оно могло держаться на спинѣ медвѣдя?—резонно замѣтилъ рыбакъ.

— Этого я такъ и не могъ понять. Но все-таки медвѣдь этотъ поѣлъ послѣдній разъ въ жизни. Здѣсь въ деревнѣ я уже нашелъ себѣ шестерыхъ товарищей, и завтра, сестра, я принесу тебѣ лучшую шкуру, которую когда-либо видали снѣга нашихъ горъ.

— Берегись, братъ! Ты видѣлъ странныя вещи,—сказала Маазъ.— Можетъ-быть, этотъ медвѣдь—дьяволъ.

— Съ ума ты сошла,—со смѣхомъ сказалъ охотникъ.—Чтобы дьяволъ обратился въ медвѣдя! Въ кошку, въ обезьяну—сколько угодно, но въ медвѣдя!.. Клянусь святымъ Эльдономъ-заклинателемъ, надъ твоимъ суевѣріемъ расхохочется ребенокъ или старая баба.

Женщина опустила глаза.

— Братъ, ты былъ моимъ господиномъ, пока мужъ мой не обратилъ на меня своего взгляда. Дѣлайте такъ, какъ внушаетъ вамъ вашъ ангелъ хранитель.

— Но въ какой сторонѣ встрѣтилъ ты медвѣдя?—спросилъ рыбакъ.

— Въ направленіи отъ Сміазена къ Вальдерогу.

— Къ Вальдерогу!—сказала женщина и перекрестилась.

— Къ Вальдерогу!—повторилъ Орденеръ.

— Но, надѣюсь, не ты же ходилъ къ Вальдерогу, братъ?—сказалъ рыбакъ.

— Боже меня сохрани! Конечно, не я! Медвѣдь туда шелъ.

— И ты пойдешь туда за нимъ завтра?—съ ужасомъ въ голосѣ спросила Маазъ.

— Конечно, нѣтъ! Неужели вы думаете, что даже медвѣдь посмѣетъ выбрать себѣ логовищемъ эту пещеру, гдѣ...

Онъ остановился, и всѣ трое перекрестились.

— Правда,—сказалъ рыбакъ.—И у звѣрей есть инстинктъ, который заставляетъ ихъ избѣгать такихъ мѣстъ.

— Но скажите, хозяева,—спросилъ Орденеръ,—что такого страшнаго въ этой Вальдерогской пещерѣ?

Всѣ трое съ удивленіемъ переглянулись, точно не понимая, какъ можно было задать такой вопросъ.

— Вѣдь, кажется, тамъ гробница короля Вальдера?—прибавилъ молодой человѣкъ.

— Да,—сказала женщина,—и эта каменная гробница поетъ.

— И это еще не все,—сказалъ рыбакъ.

— Нѣтъ,—продолжала женщина,—ночью тамъ пляшутъ кости умершихъ.

— И это еще не все,—сказалъ горецъ.

Всѣ замолчали, какъ бы не смѣя продолжать.

— Ну,—спросилъ Орденеръ,—что же тамъ еще необычайнаго?

— Молодой человѣкъ,—сказалъ горецъ,—не слѣдуетъ говорить такъ легко о томъ, передъ чѣмъ дрожитъ такой старый волкъ, какъ я.

— Но, тѣмъ не менѣе,—съ улыбкой отвѣчалъ Орденеръ,—я хотѣлъ бы знать все, что бываетъ въ этой Вальдерогской пещерѣ, потому что я какъ разъ туда иду.

Всѣ трое окаменѣли отъ ужаса.

— Въ Вальдерогъ! О, небо! вы идете въ Вальдерогъ?

— И онъ говоритъ это такъ же просто, какъ я иду въ Лёвигъ продавать треску, или къ заливу Ральфа ловить селедку. Въ Вальдерогъ! Боже мой!

— Несчастный молодой человѣкъ,—вскричала женщина,—значитъ, вы родились безъ ангела хранителя, значитъ, у васъ нѣтъ патрона въ числѣ святыхъ! Увы, это очень даже возможно, потому что вы какъ будто не знаете и своего имени.

— А зачѣмъ, позвольте узнать, понадобилось вашей милости итти въ это ужасное мѣсто?

— Мнѣ нужно спросить кое-что у кое-кого,—отвѣчалъ Орденеръ.

Удивленіе всѣхъ троихъ удвоилось вмѣстѣ съ любопытствомъ.

— Послушайте, господинъ чужестранецъ, вы, видимо, не знаете этой страны. Можетъ-быть, вы ошибаетесь, можетъ-быть, вамъ нужно не въ Вальдерогъ?

— Впрочемъ, если вы хотите говорить тамъ съ кѣмъ-нибудь изъ людского рода, то вы тамъ никого не найдете,—прибавилъ горецъ.

— Кромѣ демона,—сказала Маазъ.

— Демона? Какого демона?

— Того, для кого поетъ гробница и пляшутъ мертвецы!

— Да развѣ вы не знаете,—заговорилъ, понижая голосъ, рыбакъ, — что Вальдерогская пещера — излюбленное мѣстопребываніе...

— Не произноси этого имени,—вскричала Маазе,—оно приноситъ несчастіе!

— Чье мѣстопребываніе?—спросилъ Орденеръ.

— Воплощеннаго Вельзевула,—отвѣчалъ Кенниболь.

— Я не понимаю, о чемъ вы толкуете, хозяева. Мнѣ сказали, что въ Вальдерогѣ живетъ Ганъ-Исландецъ.

— Ну, вотъ! значитъ вы знаете! Онъ и есть этотъ демонъ!— съ ужасомъ вскричали всѣ трое разомъ.

Маазе опустила на лицо свой шерстяной платокъ, призывая всѣхъ святыхъ въ свидѣтели, что не она произнесла это имя.

Когда рыбакъ, въ свою очередь, нѣсколько пришелъ въ себя, онъ пристально взглянулъ на Орденера, какъ будто въ молодомъ человѣкѣ было что-то для него непонятное.

— Я думалъ, что мнѣ не придется указывать дорогу въ Вальдерогъ ни одному здравомыслящему и вѣрующему въ Бога человѣку, даже и въ томъ случаѣ, если я проживу дольше моего отца, который умеръ ста двадцати лѣтъ.

— Конечно!—вскричала Маазе.—Да его милость и не пойдетъ въ Вальдерогъ; вѣдь, чтобы итти туда, надо заключить договоръ съ дьяволомъ!

— Я пойду туда, добрые хозяева, и вы окажете мнѣ самую большую услугу, если укажете туда кратчайшій путь.

— Самую кратчайшую дорогу туда, куда вы хотите итти, вы найдете, если броситесь съ ближайшаго утеса въ ближайшій потокъ,—сказалъ рыбакъ.

— Развѣ вы находите, что все равно, безплодная ли смерть или полезная опасность?—спокойно спросилъ Орденеръ.

Брааль покачалъ головой, а Кенниболь посмотрѣлъ на молодого человѣка испытующимъ взглядомъ.

— Я понимаю,—вскричалъ, наконецъ, рыбакъ,—вы хотите заработать тѣ тысячу экю, которыя обѣщаетъ главный синдикъ за голову этого исландскаго демона!

Орденеръ улыбнулся.

— Повѣрьте мнѣ, сударь,—съ волненіемъ продолжалъ рыбакъ,— откажитесь отъ этого плана. Я бѣденъ и старъ, но и своего остатка жизни я не отдалъ бы за тысячу экю, хотя бы мнѣ оставалось жить одинъ день.

Женщина сострадательнымъ взоромъ слѣдила за тѣмъ, какое дѣйствіе произведетъ на гостя просьба ея мужа.

— Гораздо болѣе важный интересъ заставляетъ меня искать этого разбойника, котораго вы зовете демономъ. Я дѣлаю это для другихъ, не для себя...

Горецъ, все время слѣдившій за Орденеромъ, перебилъ его.

— Теперь и я васъ понимаю. Я знаю, зачѣмъ вамъ понадобился исландскій демонъ.

— Я хочу заставить его сражаться.

— Ну, да. У васъ есть на то серьезныя причины, не такъ ли?

— Я уже только что сказалъ это.

Горецъ подошелъ къ Орденеру съ значительнымъ видомъ и вплотную наклонился къ его уху.

— Вы дѣйствуете для графа Гриффенфельда, для Шумакера, не правда ли?—прошепталъ онъ.

Орденеръ былъ необычайно удивленъ этимъ вопросомъ.

— Откуда вы знаете?—вскричалъ онъ.

И дѣйствительно, ему трудно было понять, какъ разгадалъ этотъ горецъ ту тайну, которой онъ не повѣрялъ никому, даже генералу Левину.

Кенниболь нагнулся къ нему еще разъ.

— Желаю вамъ успѣха,—сказалъ онъ. Я вижу, что вы благородный человѣкъ, разъ вы такъ рискуете для угнетенныхъ.

Удивленіе Орденера было таково, что онъ едва могъ подыскать слова, чтобы спросить у горца, какимъ образомъ онъ узналъ о цѣли его путешествія.

— Молчите,—сказалъ Кенниболь, прикладывая палецъ къ губамъ.—Я думаю, что вы получите отъ жителя Вальдерога то, что вамъ нужно. Но помните, моя рука, какъ и ваша, готова служить мункгольмскому узнику. Братъ! Сестра!—продолжалъ онъ, возвысивъ голосъ,—примите этого человѣка какъ новаго брата. Ну, я думаю, и ужинъ готовъ.

— Значитъ, ты убѣдилъ его милость отказаться отъ мысли посѣтить этого демона!—вскричала Маазе.

— Молись, сестра, чтобы съ нимъ не случилось ничего дурного. Это достойный, благородный человѣкъ. А теперь, сударь, послушайте и отдохните съ нами, а завтра я покажу вамъ дорогу, и мы отправимся на поиски: вы—за своимъ дьяволомъ, а я—за своимъ медвѣдемъ.

VI.

> Товарищъ, а товарищъ, отъ какого товарища ты рожденъ? Отъ какого человѣка происходишь ты, если смѣешь нападать на Фафнира?
>
> *Эдда.*

Солнце едва успѣло озолотить самыя высокія вершины утесовъ, когда одинъ рыбакъ, выѣхавшій до разсвѣта на ловлю въ море, увидѣлъ, какъ со скалъ спустилась фигура, не то въ плащѣ, не то въ саванѣ, и скрылась подъ темнымъ сводомъ Вальдерогской пе-

щеры... Пораженный ужасомъ, рыбакъ поручилъ свою душу и свою лодку святому Узульфу, и, вернувшись домой, со страхомъ разсказывалъ семьѣ, что видѣлъ, какъ одно изъ привидѣнiй, живущихъ въ пещерѣ Гана-Исландца, возвращалось домой на восходѣ солнца.

Это привидѣнiе, о которомъ шли потомъ разсказы въ долгiя ночи у камелька, былъ Орденеръ, благородный сынъ вице-короля. Въ то время, какъ въ обоихъ королевствахъ думали, что онъ находится около своей гордой невѣсты, онъ шелъ, одинокiй, никому невѣдомый, готовый отдать свою жизнь за дочь опальнаго узника, которой онъ отдалъ свое сердце и свое будущее.

Печальныя предвѣстiя, мрачныя предсказанiя провожали его къ цѣли его путешествiя. Простившись съ нимъ, добрая Маазе стала на молитву у порога своего дома. Кенниболь и его шесть товарищей, указавъ ему дорогу, разстались съ нимъ не доходя полмили до Вальдерога. И эти отважные охотники, съ улыбкой шедшiе на опасную медвѣжью охоту, долго съ ужасомъ смотрѣли на ту тропинку, по которой пошелъ безстрашный путникъ.

Молодой человѣкъ вошелъ въ пещеру, какъ въ давно желанную пристань. Онъ испытывалъ небесную радость, думая, что сейчасъ онъ совершитъ дѣло всей своей жизни или отдастъ всю свою кровь за свою Этель. Ему предстоялъ бой съ разбойникомъ, наводившимъ ужасъ на цѣлую провинцiю, съ чудовищемъ, можетъ-быть, съ демономъ: но не этотъ страшный образъ занималъ его мысли. Передъ нимъ вставалъ образъ милой, кроткой дѣвушки, которая, онъ зналъ, въ эту минуту молилась за него въ своей темницѣ. Если бы онъ жертвовалъ собой для какой-нибудь другой женщины, можетъ-быть, онъ и подумалъ бы о тѣхъ опасностяхъ, за которыми шелъ такъ далеко, подумалъ бы хотя бы для того, чтобы презрѣть эти опасности. Но теперь его сердце было такъ полно любви и святого самоотверженiя, что въ немъ уже не было мѣста для какихъ бы то ни было размышленiй.

Высоко неся голову, шелъ онъ подъ звонкими сводами пещеры, и шаги его, повторяемые эхомъ, гулко раздавались въ тишинѣ. Онъ не смотрѣлъ на вѣковыя базальтовыя скалы, на сталактиты, свѣшивавшiеся надъ его головой, на скопленiя мха, плюща и лишаевъ, на всѣ эти причудливыя сочетанiя камня и растенiй, которыя въ суевѣрныхъ глазахъ норвежскихъ крестьянъ обращались въ толпу демоновъ или въ процессiю призраковъ. Равнодушно прошелъ онъ мимо гробницы короля Вальдера, съ которой было связано столько мрачныхъ преданiй. Не пѣсня очарованной гробницы, а только вой вѣтра въ подземныхъ галлереяхъ доходилъ до его слуха. Онъ шелъ подъ искривленными аркадами, куда свѣтъ проникалъ лишь черезъ трещины, наполовину заросшiя травою и верескомъ. Часто нога его натыкалась на какiе-то предметы, которые съ пустымъ звукомъ катились по камню и въ темнотѣ имѣли видъ какъ будто разбитыхъ череповъ съ оскаленными зубами.

Но ужасъ не закрадывался въ его душу. Онъ только удивлялся, что до сихъ поръ не встрѣчаетъ страшнаго хозяина этой мрачной пещеры.

Наконецъ онъ достигъ круглой залы, естественнымъ путемъ образовавшейся въ толщѣ утеса. Здѣсь оканчивался подземный путь. Другого выхода не было. Только кое-гдѣ въ стѣнахъ пещеры виднѣлись щели, сквозь которыя можно было видѣть бывшіе наружи лѣса и горы.

Удивленный тѣмъ, что безплодно прошелъ весь этотъ подземный путь, онъ уже отчаивался встрѣтить разбойника. Но его вниманіе невольно привлекло странное сооруженіе, находившееся посреди залы. На трехъ огромныхъ камняхъ, образовавшихъ какъ бы массивный треножникъ, покоилась широкая квадратная глыба, а на ней возвышался какъ бы алтарь, съ отверстіемъ посрединѣ, высѣченный также изъ цѣлаго камня. Орденеръ узналъ одну изъ тѣхъ друидическихъ построекъ, которыя ему не разъ приходилось встрѣчать во время своихъ странствій по Норвегіи.

Во Франціи замѣчательнѣйшими образцами такихъ построекъ являются памятники Локмаріакера и Карнака. Эти странныя зданія построены безъ всякихъ скрѣпленій, какъ временныя палатки, но простояли вѣка, держась одной своей тяжестью.

Молодой человѣкъ, задумавшись, облокотился на этотъ алтарь, каменное жерло котораго побурѣло отъ глубоко впитавшейся въ него крови человѣческихъ жертвъ. Вдругъ онъ вздрогнулъ, услышавъ голосъ, выходившій какъ бы изъ камня:

— Юноша, ты стоишь уже одной ногой въ гробу, разъ ты пришелъ въ это мѣсто.

Орденеръ выпрямился и схватился за шпагу. Въ глубинѣ грота тихо, но отчетливо произнесенныя слова повторило эхо:

— Юноша, ты стоишь уже одной ногой въ гробу, разъ ты пришелъ въ это мѣсто.

Въ то же время съ другой стороны алтаря показалась ужасная голова съ красными волосами. Послышался отвратительный хохотъ, и голова повторила:

— Да, юноша, ты стоишь одной ногой въ гробу, придя въ это мѣсто.

— Я не знаю, гдѣ моя нога, но моя рука у рукоятки шпаги,— спокойно отвѣчалъ молодой человѣкъ.

Чудовище вышло изъ-подъ алтаря и встало, какъ бы показывая все свое коренастое жилистое тѣло, свою дикую кровавую одежду, свои когтистыя руки и тяжелый каменный топоръ.

— Это я!—проговорило оно съ дикимъ рычаніемъ.

— Это я,—отвѣчалъ Орденеръ.

— Я ждалъ тебя.

— А я не только ждалъ, я искалъ тебя.

Разбойникъ скрестилъ на груди руки.

— Ты знаешь, кто я?

— Знаю.

— И не боишься?

— Теперь не боюсь.

— Теперь? Значитъ, ты боялся, когда шелъ сюда?—съ торжествующимъ видомъ сказалъ разбойникъ.

— Да, боялся, что тебя не встрѣчу.

— Но ты только что попиралъ ногами человѣческіе трупы!

— Можетъ-быть, завтра къ нимъ прибавится и твой.

Маленькій человѣкъ весь задрожалъ отъ гнѣва. Орденеръ стоялъ спокойно и гордо.

— Берегись,—вскричалъ разбойникъ.—Я обрушусь на тебя какъ норвежскій градъ на дождевой зонтикъ.

— Противъ тебя мнѣ довольно и такого щита.

Казалось, во взглядѣ Орденера было что-то такое, что властвовало надъ чудовищемъ. Онъ сталъ вырывать ногтями шерсть изъ своей одежды. Такъ тигръ грызетъ траву прежде чѣмъ броситься на добычу.

— Глядя на тебя, я узналъ, что такое жалость, — сказалъ онъ.

— Глядя на тебя, я узналъ, что такое презрѣніе.

— Дитя, твой голосъ нѣженъ, цвѣтъ лица свѣжъ, какъ у дѣвушки. Скажи, какой ты хочешь смерти?

— Твоей.

Маленькій человѣкъ захохоталъ.

— Развѣ ты не знаешь, что я демонъ, что во мнѣ живетъ духъ Ингольфа-Истребителя?

— Я знаю, что ты разбойникъ и убиваешь людей ради золота...

— Ты ошибаешься,—перебило чудовище,—я убиваю ихъ только ради ихъ крови.

— Развѣ не заплатили тебѣ Алефельды за убійство капитана Диспольсена?

— Что ты говоришь? Что это за имена?

— Ты развѣ не знаешь капитана Диспольсена, котораго ты убилъ на Урхтальскомъ побережьѣ?

— Можетъ-быть, и убилъ, но я забылъ о немъ, какъ черезъ три дня забуду о тебѣ.

— Ты скажешь, что не знаешь графа Алефельда, который заплатилъ тебѣ за то, чтобы достать ему желѣзную шкатулку, бывшую у капитана Диспольсена?

— Алефельда?.. Подожди!.. Да, я знаю его. Вчера я пилъ кровь его сына изъ черепа своего сына.

Орденеръ вздрогнулъ отъ отвращенія.

— Тебѣ показалось мало платы?

— Какой платы?—спросилъ разбойникъ.

— Послушай! Мнѣ противно на тебя смотрѣть. Намъ надо кончить. Недѣлю тому назадъ ты захватилъ желѣзную шкатулку, ограбивъ одну изъ своихъ жертвъ, офицера Мункгольмскаго полка.

Это слово заставило разбойника вздрогнуть.

— Мункгольмскаго полка!—повторилъ онъ сквозь зубы.—Можетъ-быть, и ты офицеръ Мункгольмскаго полка?

— Нѣтъ,—сказалъ Орденеръ.

— Тѣмъ хуже.

Лицо разбойника стало мрачно.

— Слушай,—настойчиво продолжалъ Орденеръ,—гдѣ эта шкатулка, которую ты похитилъ у капитана?

Маленькій человѣкъ подумалъ съ минуту.

— Клянусь Ингольфомъ! Кому только нѣтъ дѣла до этой шкатулки! Право, твой гробъ будутъ искать не такъ усердно, какъ ищутъ ее, если только твои кости когда-нибудь соберутъ въ гробъ.

Слова эти, показавъ Орденеру, что разбойникъ знаетъ о шкатулкѣ, возбудили въ немъ надежду вновь овладѣть ею.

— Скажи, что ты сдѣлалъ съ этой шкатулкой. Она у графа Алефельда?

— Нѣтъ.

— Ты лжешь, потому что ты смѣешься.

— Хочешь вѣрь, хочешь не вѣрь. Мнѣ какое дѣло.

Дѣйствительно, разбойникъ принялъ насмѣшливый видъ, который внушалъ Орденеру недовѣріе. Онъ понялъ, что ничего больше не оставалось дѣлать, какъ привести разбойника въ бѣшенство или напугать его, если это возможно.

— Слушай, ты!—вскричалъ онъ возвысивъ голосъ,—изволь сейчасъ отдать мнѣ шкатулку!

Разбойникъ свирѣпо захохоталъ въ отвѣтъ.

— Ну, давай скорѣе!—загремѣлъ Орденеръ.

— Ишь ты, какъ расходился!—съ тѣмъ же смѣхомъ сказалъ разбойникъ,—попробуй-ка приказать что-нибудь буйволу или медвѣдю.

— Хоть самому демону въ пеклѣ!

— Вотъ сейчасъ ты этимъ и занимаешься.

Орденеръ вынулъ шпагу. Въ темнотѣ она сверкнула, какъ молнія.

— Дѣлай, что тебѣ приказываютъ!—вскричалъ онъ.

— Вотъ какъ! Да знаешь ли ты,—вскричалъ разбойникъ, потрясая топоромъ,—что мнѣ ничего не стоило переломать тебѣ кости и высосать твою кровь, какъ только ты вошелъ. Я только потому и медлилъ, что хотѣлъ полюбоваться, какъ храбрый воробей нападетъ на коршуна!

— Защищайся, несчастный!—вскричалъ Орденеръ.

— Первый разъ слышу такое предложеніе,—пробормоталъ разбойникъ, скрежеща зубами.

И съ этими словами онъ вскочилъ на гранитный алтарь и весь сжался, подобно леопарду, который ждетъ охотника на вершинѣ утеса, чтобы неожиданно на него наброситься. Устремивъ пристальный взглядъ на Орденера, онъ какъ бы соображалъ, съ какой стороны ему удобнѣе напасть на него, и, конечно, Орденеру пришлось бы плохо, если бы онъ промедлилъ хоть одну секунду. Но Орденеръ не далъ разбойнику долго думать. Онъ храбро напалъ на чудовище, направивъ прямо ему въ лицо острее своей шпаги.

Тогда начался страшный бой, неописуемый, невообразимый. Стоя на алтарѣ, маленькій человѣкъ напоминалъ одного изъ тѣхъ идоловъ, которымъ во времена варварства приносили на этомъ самомъ камнѣ нечистыя жертвы и святотатственныя возношенія. Движенія его были такъ быстры, что съ какой стороны ни нападалъ на него Орденеръ, всюду онъ встрѣчался съ чудовищемъ лицомъ къ лицу, всюду встрѣчалъ лезвее его топора. Съ первыхъ же ударовъ Орденеръ могъ бы быть изрубленъ въ куски, но ему пришла счастливая мысль обмотать плащомъ лѣвую руку, такъ что большинство ударовъ чудовища терялось въ этомъ развѣвающемся щитѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ оба противника дѣлали неслыханныя усилія, чтобы ранить другъ друга. Загорѣвшіеся сѣрые глаза чудовища вышли изъ орбитъ отъ гнѣва. Удивленный такимъ смѣлымъ нападеніемъ, такой стойкостью слабаго на видъ врага, онъ уже не смѣялся. Иронія уступила мѣсто глухому бѣшенству. Ужасная неподвижность лица чудовища и смѣлое спокойствіе Орденера какъ нельзя болѣе противорѣчили быстротѣ ихъ движеній. Въ тишинѣ слышался лишь звонъ оружія, шумъ шаговъ и тяжелое дыханіе сражающихся. Вдругъ маленькій человѣкъ испустилъ бѣшеное рычаніе: лезвее его топора запуталось въ складкахъ плаща Орденера. Разбойникъ изо всѣхъ силъ принялся дергать топоръ, но съ каждымъ новымъ усиліемъ и лезвее и рукоятка все крѣпче и крѣпче запутывались. Шпага молодого человѣка коснулась груди разбойника.

— Еще разъ,—вскричалъ съ торжествомъ Орденеръ,—отдашь ты мнѣ желѣзную шкатулку, которую ты подло укралъ?

Маленькій человѣкъ помолчалъ одно мгновеніе, но только одно мгновеніе...

— Нѣтъ, и будь ты проклятъ!—вскричалъ онъ.

— Подумай!—повторилъ Орденеръ, не измѣняя своего угрожающаго положенія.

— Нѣтъ и нѣтъ!

Молодой человѣкъ опустилъ шпагу.

— Ну, въ такомъ случаѣ, распутывай твой топоръ. Будемъ продолжать.

Презрительный смѣхъ былъ отвѣтомъ чудовища.

— Ты строишь изъ себя рыцаря, мальчишка!—вскричалъ онъ.— Какъ будто мнѣ нужно твое великодушіе!

И прежде, чѣмъ Орденеръ успѣлъ повернуть голову, разбойникъ поставилъ ногу на плечо своего благороднаго побѣдителя и въ одинъ прыжокъ оказался въ двѣнадцати шагахъ отъ него, на полу залы. Другой прыжокъ—и онъ уже висѣлъ на Орденерѣ, висѣлъ, какъ пантера, вцѣпившаяся когтями и зубами въ бокъ огромнаго льва. Его острые ногти вонзились въ плечи молодого человѣка, узловатыя ноги сдавили его бока, кровавая пасть, съ острыми, какъ у хищнаго звѣря, зубами, приблизилась къ самому лицу Орденера. Разбойникъ не говорилъ; ни одного человѣческаго звука не вырывалось болѣе изъ жарко дышавшей груди его, только глухое рычаніе, да порою хриплые рѣзкіе крики выдавали

его бѣшенство. Это былъ не дикій звѣрь, не демонъ, нѣтъ, это было то, чего нѣтъ отвратительнѣе,—человѣкъ, въ которомъ не было ничего человѣческаго.

Орденеръ пошатнулся при этомъ неожиданномъ нападеніи и непремѣнно упалъ бы, если бы сзади него не оказалось толстой колонны друидическаго памятника. Такимъ образомъ онъ только слегка откинулся назадъ, задыхаясь подъ тяжестью висѣвшаго на немъ врага. Если читатель подумаетъ, что все это произошло такъ быстро, какъ только можно себѣ вообразить, то онъ пойметъ и весь ужасъ этой минуты.

Орденеръ, какъ мы сказали, пошатнулся, но не дрогнулъ. Онъ поторопился мысленно проститься съ Этелью, и эта мысль была какъ бы молитвой. Она снова вернула ему всѣ его силы. Онъ охватилъ чудовище обѣими руками и, взявъ свою шпагу за середину лезвея, повернулъ ее и надавилъ остреемъ на позвоночный столбъ чудовища. Разбойникъ вскрикнулъ отъ боли, вырвался изъ рукъ своего смѣлаго противника и упалъ на спину въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, держа въ зубахъ кусокъ зеленаго плаща, который онъ откусилъ въ бѣшенствѣ. Но тотчасъ же онъ гибкимъ движеніемъ поднялся на ноги и проворно бросился на Орденера. Бой начался въ третій разъ, еще страшнѣе, еще ожесточеннѣе. Случайно чудовище очутилось около кучи каменныхъ глыбъ, среди которыхъ уже выросъ и мохъ и трава. Два человѣка обыкновенной силы едва могли бы приподнять меньшій изъ этихъ камней. Но разбойникъ схватилъ одну изъ глыбъ одной рукой и началъ раскачивать ее надъ головой по направленію къ Орденеру. Взглядъ его въ эту минуту былъ ужасенъ. Минута — и огромный камень полетѣлъ въ голову Орденера. Молодой человѣкъ едва успѣлъ уклониться. Съ грохотомъ разлетѣлась въ куски гранитная глыба, ударившись о подземную стѣну, наполнивъ шумомъ все подземелье. Едва успѣлъ Орденеръ оправиться отъ неожиданности, какъ въ рукахъ разбойника очутилась вторая глыба. Раздраженный такимъ измѣнническимъ образомъ дѣйствій, Орденеръ поднялъ шпагу и бросился на разбойника, но огромная глыба уже вылетѣла изъ его рукъ и на пути встрѣтила тонкое стальное лезвее шпаги, которое со звономъ разлетѣлось въ мелкіе кусочки. Свирѣпый смѣхъ чудовища вновь раскатился подъ сводами подземелья. Орденеръ былъ обезоруженъ.

— Нѣтъ ли у тебя чего сказать передъ смертью Богу или дьяволу!—вскричалъ разбойникъ.

Глаза его метали молніи. Всѣ члены напряглись отъ бѣшеной радости. Содрогаясь отъ нетерпѣнія, онъ бросился къ лежавшему на землѣ запутанному въ плащѣ топору. Бѣдная Этель!..

Вдругъ снаружи доносится отдаленное рычаніе. Чудовище останавливается. Шумъ удваивается. Къ жалобному реву медвѣдя примѣшиваются крики людей. Разбойникъ слушаетъ. Болѣзненные крики звѣря раздаются снова. Разбойникъ быстро схватываетъ топоръ и бросается, но не къ Орденеру, а къ одной изъ выходившихъ наружу трещинъ, о которыхъ мы уже упоминали. До край-

ности удивленный тѣмъ, что чудовище какъ будто забыло о немъ, Орденеръ подходитъ къ одной изъ такихъ трещинъ и видитъ на сосѣдней полянѣ бѣлаго медвѣдя, вплотную окруженнаго семью охотниками. Между этими охотниками находится какъ будто и тотъ Кенниболь, чьи слова такъ поразили его наканунѣ. Онъ оборачивается, разбойника нѣтъ въ пещерѣ, а снаружи до него доносится ужасный голосъ:

— Держись, Фріанъ, я здѣсь!

VII.

Проигрался въ кости славный малый Пьеръ...
Ренье.

Полкъ Мункгольмскихъ стрѣлковъ идетъ по дорогѣ отъ Дронтгейма въ Сконгенъ, то и дѣло вытягиваясь въ длинную ленту, чтобы пройти черезъ многочисленныя ущелья, находящіяся на этой дорогѣ. Онъ то идетъ вдоль берега потока, и линія штыковъ напоминаетъ тогда длинную змѣю, ползущую по оврагу, сверкая чешуею, то поднимается на гору по вьющейся винтомъ тропинкѣ, и гора имѣетъ тогда видъ тріумфальной колонны, на которую поднимаются бронзовые батальоны.

Солдаты идутъ, низко опустивъ штыки и завернувшись въ плащи. Видъ у нихъ недовольный, скучающій: они любятъ бой, бивакъ, но что можетъ быть хуже похода? Вчера еще такъ забавлявшія ихъ тяжеловѣсныя шутки и старыя остроты сегодня не веселятъ ихъ. Холодно, туманно, скучно. Тихо въ рядахъ, развѣ иногда послышится короткій смѣхъ, когда свалится съ своей маленькой лошадки маркитантка, или уроненный жестяной котелокъ упадетъ въ пропасть, звеня по попавшимся ему на пути утесамъ.

Лейтенантъ баронъ Рандмеръ, молодой датчанинъ, для развлеченія завязываетъ разговоръ съ выслужившимся изъ солдатъ капитаномъ Лори. Капитанъ, мрачный, сосредоточенный, идетъ тяжелымъ, увѣреннымъ шагомъ. Лейтенантъ легкой походкой идетъ съ нимъ рядомъ, помахивая сорваннымъ по дорогѣ хлыстикомъ.

— Что призадумались, капитанъ, о чемъ грустите?

— Вѣроятно, мнѣ есть о чемъ грустить, — сурово отвѣчаетъ старый офицеръ.

— Да всякому есть о чемъ, только не стоитъ. Готовъ держать пари, что у меня не меньше причинъ грустить, чѣмъ у васъ, а развѣ я грустенъ?

— Не думаю, баронъ Рандмеръ. Я потерялъ мое единственное имущество, все, что у меня было.

— Представьте, и я тоже! Не далѣе, какъ двѣ недѣли тому назадъ, лейтенантъ Альберикъ выигралъ у меня за одинъ разъ мой родовой замокъ со всѣми окружающими его владѣніями.

— Вы потеряли только замокъ, баронъ, а я—я лишился своей собаки.

При этомъ отвѣтѣ на лицѣ молодого человѣка появилось какое-то нерѣшительное выраженіе. Онъ не зналъ, смѣяться ему, или дѣйствительно горе капитана заслуживаетъ сочувствія.

— Утѣшьтесь, капитанъ. Смотрите, я проигралъ замокъ.

— Что за важность замокъ. Ну, выиграете другой, и кончено.

— Но и вы можете достать другую собаку!

Старикъ покачалъ головой.

— Да, другую, но не видать ужъ мнѣ моего бѣднаго Дрэка.

Онъ замолчалъ. Крупныя слезы покатились по его жесткимъ, морщинистымъ щекамъ.

— Я никого не любилъ, кромѣ него. Родителей моихъ, миръ ихъ праху, какъ и праху Дрэка, я не зналъ. Въ Померанской войнѣ онъ спасъ мнѣ жизнь. Ни разу въ жизни онъ не измѣнилъ мнѣ. Послѣ Огольфена генералъ Шакъ погладилъ его рукой и сказалъ: «Славная у тебя собака, сержантъ Лори».—Тогда я былъ еще сержантомъ.

— А любопытно, должно-быть, быть сержантомъ! — сказалъ баронъ, махая хлыстикомъ.

Старый служака не слышалъ этого замѣчанія. Казалось, онъ говорилъ самъ съ собой, и поэтому его довольно трудно было разслышать.

— Бѣдный Дрэкъ! Столько разъ ты возвращался цѣлымъ и невредимымъ изъ окоповъ и вдругъ утонулъ, какъ кошка, въ проклятомъ Дронтгеймскомъ заливѣ. Бѣдняга, бѣдняга, я думалъ, что ты, какъ и я, умрешь на полѣ битвы.

— Ну, можно ли быть такимъ печальнымъ, когда завтра мы будемъ драться,—сказалъ баронъ.

— Съ кѣмъ драться!—презрительно проговорилъ капитанъ.

— Какъ съ кѣмъ? съ этими разбойниками рудокопами, съ чертями горцами.

— Какими-то молотобойцами, жуликами съ большой дороги. Вѣдь они даже въ колонну не сумѣютъ какъ слѣдуетъ построиться. И съ такой дрянью приходится драться мнѣ послѣ того, какъ я дрался въ Помераніи, въ Голштиніи, въ Сконіи, въ Далекарліи, подъ начальствомъ такихъ полководцевъ, какъ славный генералъ Шакъ и доблестный графъ Гульденлью.

— Но вы не знаете развѣ, что этими шайками предводительствуетъ ужасный разбойникъ, огромный и сильный какъ Голіаѳъ. Говорятъ, онъ ничего не пьетъ, кромѣ человѣческой крови, и вообще воплощенный демонъ.

— А я увѣренъ, что этотъ страшный полководецъ не знаетъ ни одного ружейнаго пріема, не сумѣетъ даже мушкета зарядить въ четыре темпа.

Рандмеръ разсмѣялся.

— Смѣйтесь, смѣйтесь! Чего ужъ веселѣе, когда приходится скрещивать шпагу съ паршивымъ заступомъ или пику съ навозными вилами. Непріятель, нечего сказать. Да мой Дрэкъ не удостоилъ бы куснуть кого-нибудь изъ нихъ за ногу!

Капитанъ долго бы еще продолжалъ изливать свое негодованіе, но въ это время къ бесѣдующимъ, запыхавшись, подбѣжалъ офицеръ.

— Капитанъ Лори! Рандмеръ!

— Въ чемъ дѣло?—спросили оба вмѣстѣ

— Я дрожу отъ ужаса, друзья мои! Алефельдъ, лейтенантъ Алефельдъ, сынъ великаго канцлера, вы знаете, баронъ, такой фатъ, франтъ...

— Да, большой франтъ, — отвѣчалъ баронъ. — Но на послѣднемъ костюмированномъ балѣ въ Шарлоттенбургѣ мой костюмъ былъ изящнѣе... Ну, что же съ нимъ случилось?

— Я знаю, о комъ вы говорите, это — Фридрихъ Алефельдъ, лейтенантъ третьей роты, у него голубые отвороты. Онъ очень небрежно относится къ службѣ.

— Теперь на это не будутъ жаловаться, капитанъ.

— Какъ?—сказалъ Рандмеръ.

— Онъ въ Вальстромскомъ гарнизонѣ, — холодно продолжалъ старый капитанъ.

— Да, но сейчасъ къ полковнику пріѣхалъ гонецъ... Ахъ, бѣдный...

— Да въ чемъ дѣло, капитанъ Болларъ! Вы меня прямо пугаете.

— Да пустяки, вѣроятно,—сказалъ Лори.—Ну, опоздалъ куда-нибудь, по обыкновенію, посадили его подъ арестъ, а вы и переполошились. Сынъ канцлера! Ахъ, какой ужасъ!

— Ошибаетесь, капитанъ Лори. Лейтенантъ Алефельдъ съѣденъ заживо.

Оба капитана пристально посмотрѣли другъ на друга. Рандмеръ первый пришелъ въ себя отъ удивленія и разсмѣялся.

— Знаю, знаю, что вы шутникъ, капитанъ Болларъ, но меня-то ужъ не поддѣнете, какъ хотите.

И, скрестивъ руки на груди, лейтенантъ далъ полную свободу смѣху и клялся, что всего забавнѣе довѣрчивость, съ которой капитанъ Лори относится къ баснямъ Боллара.

— А вы умно придумали, ей-Богу! Всего смѣшнѣе, что Фридрихъ такъ нѣжно заботился о своей кожѣ, а вы вдругъ... живьемъ!..

— Рандмеръ, — серьезно сказалъ Болларъ, — вы совсѣмъ сумасшедшій. Говорю вамъ: Алефельдъ умеръ, я это знаю отъ полковника. Понимаете—умеръ.

— Какъ онъ хорошо играетъ свою роль, вотъ забавникъ! — хохоталъ Рандмеръ.

Болларъ пожалъ плечами и обернулся къ Лори, который хладнокровно сталъ разспрашивать его о подробностяхъ.

— Конечно, конечно, — присоединился смѣшливый лейтенантъ,—разскажите-ка намъ, какъ съѣли этого бѣднягу: волкъ ли имъ позавтракалъ, медвѣдь ли поужиналъ?

— Прежде всего, — сказалъ Болларъ, — полковникъ получилъ депешу, что гарнизонъ Вальстрома отступаетъ прямо на насъ передъ значительной партіей мятежниковъ.

Старый Лори нахмурилъ брови.

— Далѣе,—продолжалъ Болларъ,—въ депешѣ говорится, что лейтенантъ Фридрихъ Алефельдъ, охотясь три дня тому назадъ около Арбарскихъ развалинъ, встрѣтился съ чудовищемъ, которое схватило его, утащило въ пещеру и съѣло.

Лейтенантъ расхохотался еще больше.

— И вы вѣрите этимъ дѣтскимъ сказкамъ, дружище Лори! Прекрасно, прекрасно, сохраняйте серьезный видъ, дорогой Болларъ, вы замѣчательно милы. Ну, разскажите теперь, что же это людоѣдъ какой-нибудь или вампиръ, что такъ-таки поволокъ да и скушалъ цѣлаго лейтенанта, какъ шестидневнаго козленка.

— Вамъ я ничего не скажу,—нетерпѣливо проговорилъ Болларъ,—а вотъ Лори, который не такъ безумно недовѣрчивъ, скажу. Чудовище, которое выпило кровь Алефельда, дорогой Лори, не кто иной, какъ Ганъ-Исландецъ.

— Предводитель разбойниковъ!—вскричалъ старый офицеръ.

— Ну, что, капитанъ Лори,—насмѣшливо сказалъ Рандмеръ.— Къ чему знать ружейные пріемы, когда такъ славно работаешь челюстями?

— Баронъ Рандмеръ, — сказалъ Болларъ, — у васъ такой же характеръ, какъ у Алефельда. Какъ бы и васъ не постигла та же участь!

— Но все-таки всего забавнѣе — невозмутимое спокойствіе капитана Боллара.

— А для меня всего ужаснѣе — неистощимая веселость лейтенанта Рандмера.

Въ эту минуту къ собесѣдникамъ подходила группа офицеровъ, о чемъ-то оживленно между собой разговаривавшихъ.

— Надо позабавить ихъ выдумкой Боллара,—вскричалъ Рандмеръ. — Господа, — продолжалъ онъ, идя къ нимъ навстрѣчу, — господа, знаете ли вы, что бѣднягу Алефельда загрызъ Ганъ-Исландецъ.

И онъ не могъ удержаться отъ новаго припадка смѣха. Но, къ его удивленію, этотъ смѣхъ былъ встрѣченъ даже съ нѣкоторымъ негодованіемъ.

— Какъ, вы смѣетесь! Я не думалъ, что Рандмеръ можетъ смѣяться, сообщая такое извѣстіе! Смѣяться надъ такимъ несчастіемъ!

— Какъ, да развѣ это правда? — смущенно сказалъ Рандмеръ.

— Да вѣдь вы же сами это говорите. Что же вы себѣ не вѣрите?—закричали со всѣхъ сторонъ.

— Но я думалъ, что это шутка Боллара.

— Это была бы шутка крайне дурного тона,—сказалъ старый офицеръ,—но, къ сожалѣнію, это не шутка. Баронъ Вэтэйнъ, нашъ полковникъ, только что получилъ это роковое извѣстіе.

— Но это ужасно, ужасно!—повторяли всѣ.

— Намъ придется сражаться съ волками и медвѣдями въ человѣческомъ образѣ.

— Насъ всѣхъ перестрѣляютъ изъ-за угла, какъ фазановъ.

— Эта смерть Алефельда, — торжественно проговорилъ Болларъ,—заставляетъ содрогаться отъ ужаса! Нашъ полкъ положительно преслѣдуетъ судьба. Сначала смерть капитана Диспольсена, потомъ этихъ бѣдныхъ солдатъ, трупы которыхъ найдены въ Каскадтиморѣ, теперь это... Три несчастія въ такое короткое время!

Баронъ Рандмеръ долго стоялъ молча. Наконецъ онъ проговорилъ:

— Это невѣроятно... Такъ хорошо танцовалъ... и вдругъ!..

Послѣ этого глубокомысленнаго замѣчанія онъ снова замолчалъ, а капитанъ Лори, высказавъ свое огорченіе по поводу смерти молодого лейтенанта, сдѣлалъ замѣчаніе стрѣлку Бельфасту, что мѣдь на его перевязи вычищена хуже обыкновеннаго.

VIII.

— Послушайте! Вонъ кто-то спускается по приставной лѣстницѣ.

. . . .

— Да, это шпіонъ.

— Небо не могло оказать мнѣ большей радости! Я могу отдать вамъ... свою жизнь. Я вашъ, но, Бога ради, чья это армія?..

— Графа изъ Барселоны.

— Какого графа?

. . . .

— Въ чемъ дѣло?

— Генералъ, это непріятельскій шпіонъ.

— Откуда ты?

— Я шелъ сюда, никакъ не ожидая видѣть ничего подобнаго.

Лопе де Вега.

Есть что-то мрачное, отчаянное въ томъ видѣ, въ какомъ представляется послѣ заката солнца чистое пустое поле человѣку, идущему одиноко, безъ спутника. Тихо. Только слышно, какъ шуршитъ подъ ногой прошлогодняя солома да трещатъ стрекозы. На западѣ медленно скопляются облака, похожія на трупы привидѣній. И жутко, и грустно...

При такой именно обстановкѣ, одинъ со своими печальными мыслями, шелъ Орденеръ послѣ своей безплодной встрѣчи съ исландскимъ разбойникомъ. Сначала онъ былъ ошеломленъ неожиданнымъ исчезновеніемъ противника, потомъ бросился было за нимъ вдогонку, но заблудился и до самаго вечера пробродилъ по густо заросшей верескомъ пустынѣ. Наконецъ онъ вышелъ на широкую равнину и оглянулся кругомъ. Во всѣ стороны разстилалось необозримое пространство, и на немъ ни огонька, ни дымка, ничего, что могло бы обѣщать пріютъ и отдыхъ на ночь истомленному морально и физически путнику. Нехорошо было у него на душѣ! Путешествіе его кончилось, но цѣль такъ и осталась недостигнутой. Всѣ обманчивыя надежды рухнули разомъ, и тысяча печальныхъ, унылыхъ мыслей, съ которыми еще вчера онъ

могъ легко бороться, теперь овладѣли имъ всецѣло. Что дѣлать теперь? Какъ вернуться къ Шумакеру, къ Этели, не принеся имъ обѣщаннаго спасенія? И что за несчастье грозитъ имъ, если шкатулка не будетъ въ ихъ рукахъ. А бракъ съ Ульрикой Алефельдъ!.. Если бъ ему можно было, по крайней мѣрѣ, освободить Этель изъ этой ужасной тюрьмы, бѣжать съ ней, скрыть свое счастіе въ какомъ-нибудь далекомъ уголкѣ...

Онъ завернулся въ плащъ и легъ на землю. Темное небо было сплошь покрыто облаками. Отъ времени до времени сверкала молнія, и свѣтъ ея походилъ на свѣтъ факела, сверкающій сквозь траурное креповое покрывало. Холодный вѣтеръ вихремъ кружился по долинѣ. Все обѣщало близкую бурю, но Орденеръ не замѣчалъ этого. Да и не все ли равно? Если бъ онъ могъ укрыться отъ бури, то вѣдь отъ горя онъ укрыться не могъ, и мрачныя мысли и подъ кровомъ не дали бы ему желаннаго отдыха.

Вдругъ до него донесся смутный шумъ голосовъ. Онъ приподнялся на локтѣ. Недалеко отъ него въ темнотѣ двигались какія-то тѣни. Вглядѣвшись пристальнѣе, онъ увидѣлъ свѣтъ, а потомъ къ его величайшему удивленію, всѣ тѣни одна за другой исчезли гдѣ-то подъ землею... Все исчезло. Орденеръ не былъ суевѣренъ. Его серьезный и зрѣлый умъ не поддавался тѣмъ темнымъ вѣрованіямъ, которыя пугаютъ дѣтей и народы, переживающіе дѣтскій періодъ своей исторической жизни. Но въ этомъ странномъ видѣніи было что-то сверхъестественное, такъ что Орденеръ на минуту усомнился въ силахъ человѣческаго разума. «Кто знаетъ,— подумалъ онъ,—можетъ-быть, и дѣйствительно духи умершихъ возвращаются иногда на землю».

Онъ всталъ, перекрестился и подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ исчезло видѣніе.

Пошелъ дождь. Тяжелыя капли съ глухимъ шумомъ падали на землю. Вѣтеръ раздувалъ плащъ Орденера и рвалъ перо на шляпѣ. Вдругъ Орденеръ остановился. Сверкнула молнія, и онъ увидѣлъ у себя подъ ногами глубокій круглый колодецъ, куда бы онъ непремѣнно свалился, не случись этой благодѣтельной молніи. Онъ заглянулъ въ колодецъ. На страшной глубинѣ блестѣлъ огонекъ, окрашивая красноватымъ цвѣтомъ нижнюю часть этого огромнаго цилиндра, прорытаго въ нѣдрахъ земли. Тяжелая тьма колодца казалась еще гуще по сравненію съ этимъ точно зажженнымъ гномами огонькомъ. Молодой человѣкъ нагнулся надъ трещиной и прислушался. До него донесся смутный гулъ голосовъ. Теперь онъ не сомнѣвался, что такъ неожиданно появившіяся и необычайно скрывшіяся существа спустились въ эту пропасть, и вдругъ имъ овладѣло неодолимое желаніе спуститься туда къ нимъ, хотя бы эта дорога вела въ самый адъ. Желаніе это было неотразимо, какъ велѣніе судьбы. Но какъ спуститься? Какъ спустились туда тѣ, кого онъ хотѣлъ увидать? Если это были не привидѣнія, то на дно пропасти долженъ былъ вести какой-нибудь путь. Въ это время сверкнула новая молнія, и онъ увидѣлъ верхній конецъ спускавшейся въ глубину колодца лѣстницы. Лѣстница эта пред-

ставляла собою длинную деревянную мачту, сквозь которую были пропущены на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга короткія желѣзныя полосы. Спускаясь, нужно было держаться за эти полосы руками и на нихъ же ставить ноги.

Орденеръ не колебался болѣе. Ухватившись руками за верхнюю полосу, онъ повисъ надъ бездной, нащупалъ ногами другую полосу и началъ спускаться, даже не подумавъ о томъ, что, можетъ-быть, лѣстница не доходитъ до дна, что, можетъ-быть, онъ никогда больше не увидитъ солнца. Скоро тьма окружила его со всѣхъ сторонъ и только вспышки молніи указывали ему, гдѣ находится небо. Скоро дождь уже пересталъ достигать до него въ видѣ тяжелыхъ капель, на лицо его лишь изрѣдка попадали мелкія брызги. Вѣтра онъ также уже не чувствовалъ больше, а только слышалъ его вой гдѣ-то высоко надъ головою. Все ниже и ниже спускался онъ, а до подземнаго огня все еще было очень далеко. Но онъ безстрашно продолжалъ спускаться и только старался не смотрѣть внизъ, чтобы не закружилась голова.

Наконецъ воздухъ началъ все болѣе и болѣе сгущаться, шумъ голосовъ становился яснѣе, красноватый свѣтъ озарилъ стѣны колодца, и по этимъ признакамъ Орденеръ понялъ, что до дна остается уже немного. Спустившись еще на нѣсколько ступеней, онъ уже могъ различить входъ въ подземелье, освѣщенный дрожащимъ краснымъ свѣтомъ. Вдругъ до слуха его донеслись слова, заставившія его насторожиться.

— А Кенниболя все нѣтъ,—послышался чей-то нетерпѣливый голосъ.—Что бы это могло задержать его?

— Не знаемъ, господинъ Гаккетъ.

– Онъ долженъ былъ ночевать въ Сурбѣ у своей сестры Мазе Брааль.

— Вы видите,—продолжалъ первый голосъ,—я держу всѣ свои обѣщанія. Я обѣщалъ дать вамъ въ предводители Гана-Исландца и привелъ его.

Слова эти были встрѣчены шумомъ, смыслъ котораго трудно было понять. Любопытство Орденера, уже возбужденное при имени Кенниболя, удвоилось, когда онъ услышалъ имя Гана-Исландца.

— Друзья мои, Іона, Норбитъ,—продолжалъ тотъ же голосъ,— если Кенниболь и опоздалъ, то это не мѣшаетъ намъ начать свое дѣло. Намъ нечего бояться. Нашли вы свои знамена въ Крагскихъ развалинахъ?

— Да, сударь,—отвѣтило сразу нѣсколько голосовъ.

— Такъ за дѣло! Пора! Вотъ золото, вотъ вашъ непобѣдимый вождь. Смѣло идите на правое дѣло, на освобожденіе благороднаго Шумакера, несчастнаго графа Гриффенфельда.

— Да здравствуетъ Шумакеръ!—закричало множество голосовъ, и подземное эхо раскатисто повторило этотъ кличъ.

Любопытство Орденера дошло до послѣдней степени. Онъ едва дышалъ, стараясь не проронить ни одного слова. Но онъ не вѣрилъ своимъ ушамъ. Шумакеръ, Кенниболь, Ганъ-Исландецъ!..

Всѣ эти имена трудно уживались вмѣстѣ въ представленіи Орденера. Что за мрачная драма крылась въ этомъ подземельѣ,—драма, изъ которой ему пришлось нечаянно узнать одну лишь сцену. Кого защищали здѣсь, чьей головою играли?

— Передъ вами,—продолжалъ тотъ же голосъ,—другъ и довѣренное лицо графа Гриффенфельда...

Орденеръ слышалъ этотъ голосъ первый разъ въ жизни.

— Довѣрьтесь же мнѣ и вы, какъ онъ мнѣ довѣряется. Друзья, все вамъ благопріятствуетъ, вы дойдете до самаго Дронтгейма, не встрѣтивъ ни одного врага на своемъ пути...

— Господинъ Гаккетъ,—прервалъ чей-то голосъ оратора,—Петерсъ говорилъ мнѣ, что видѣлъ, будто весь Мункгольмскій полкъ идетъ намъ навстрѣчу.

— Онъ обманулъ васъ. Правительство еще ничего не знаетъ о вашемъ возстаніи. Его спокойствіе таково, что даже самъ вашъ притѣснитель, тотъ, кто отвергъ ваши справедливыя жалобы, тотъ, кто мучитъ несчастнаго Шумакера, однимъ словомъ генералъ Левинъ Кнудъ уѣхалъ изъ Дронтгейма въ столицу на свадьбу своего племянника Орденера Гульденлью, который женится на Ульрикѣ Алефельдъ.

Читатель можетъ судить о волненіи Орденера. Здѣсь, въ дикой, пустынной странѣ, подъ какимъ-то таинственнымъ сводомъ, какіе-то неизвѣстные люди произносили имена всѣхъ тѣхъ, кто такъ или иначе интересовалъ его, произносили, наконецъ, его собственное имя! Страшное сомнѣніе закралось въ его душу. Неужели все это не сонъ, неужели онъ дѣйствительно слышитъ голосъ агента графа Шумакера? Какъ, Шумакеръ, почтенный старецъ, отецъ его благородной Этели, рѣшился возстать противъ своего короля и повелителя, вступилъ въ стачку съ разбойниками, поднималъ факелъ междоусобной войны! И для этого лицемѣра, мятежника, онъ, Орденеръ, сынъ вице-короля Норвегіи, воспитанникъ генерала Левина Кнуда шелъ на смерть! Для него онъ искалъ исландскаго разбойника, для него сражался съ нимъ, а между тѣмъ этотъ разбойникъ тоже въ стачкѣ съ Шумакеромъ, иначе тотъ не могъ бы поставить его во главѣ этихъ бандитовъ! Кто знаетъ, можетъ-быть, и въ этой шкатулкѣ, которую Орденеръ хотѣлъ купить хотя бы цѣною крови, хранились какія-нибудь недостойныя тайны, касавшіяся этого отвратительнаго заговора! А, можетъ-быть, мстительный Мункгольмскій узникъ просто насмѣялся надъ нимъ. Можетъ-быть, онъ узналъ фамилію Орденера, можетъ-быть,—и эта мысль была такъ тяжка для великодушнаго молодого человѣка,—можетъ-быть, онъ просто желалъ гибели сыну своего врага, направляя его въ это роковое путешествіе.

Въ жизни человѣка нѣтъ минуты печальнѣе той, когда обнаруживается неблагодарность другого,—того другого, съ чьимъ именемъ были постоянно связаны уваженіе и любовь. Эти минуты разочарованія старятъ, старятъ самой ужасной старостью, старостью опыта. Исчезаетъ высшее удовольствіе жизни — чувствовать себя преданнымъ кому-либо душою, исчезаетъ

лучшая иллюзія жизни, въ которой и хороши-то однѣ лишь иллюзіи.

Таковы были грустныя мысли, смутно тѣснившіяся въ душѣ Орденера. Молодому человѣку въ эту минуту захотѣлось умереть, ему казалось, что счастье всей его жизни безвозвратно исчезло. Въ увѣреніяхъ того, кто говорилъ отъ имени графа Гриффенфельда, многое, правда, казалось Орденеру лживымъ, или, по крайней мѣрѣ, сомнительнымъ, но вѣдь все это говорилось, чтобы воспользоваться довѣрчивостью этихъ темныхъ людей, и Шумакеръ становился отъ этого лишь еще виновнѣе въ глазахъ Орденера. И этотъ Шумакеръ былъ отцомъ его Этели!

Эти размышленія подѣйствовали на него тѣмъ сильнѣе, что нахлынули на него какъ-то сразу. Онъ покачнулся на своей лѣстницѣ, но сейчасъ же взялъ себя въ руки и снова сталъ слушать съ тѣмъ болѣзненно-напряженнымъ любопытствомъ, съ какимъ выслушивается вѣсть о самомъ ужасномъ несчастіи.

— Итакъ,—продолжалъ голосъ посланнаго,—вами командуетъ самъ знаменитый Ганъ-Исландецъ! Кто рѣшится сразиться съ вами! Ваше дѣло, дѣло вашихъ женъ, вашихъ дѣтей, дѣло безвиннаго узника, болѣе двадцати лѣтъ томящагося въ позорной тюрьмѣ, ваше дѣло ждетъ васъ. Такъ, идите. Свобода вамъ! Свобода Шумакеру! Смерть тиранамъ!..

— Смерть тиранамъ!—загремѣли тысячи голосовъ, и подземелье наполнилось бряцаньемъ оружія и воинственными звуками охотничьихъ роговъ.

— Стойте!—вскричалъ Орденеръ.

Онъ быстро спустился по лѣстницѣ. Мысль не дать Шумакеру впасть въ преступленіе, мысль избавить отъ бѣдствій родину овладѣла всѣмъ его существомъ. Но въ ту минуту, какъ онъ появился на порогѣ подземелья, другое чувство заполонило его душу. Чувство это было боязнь погубить безполезными разглагольствованіями отца своей Этели, можетъ-быть, самое Этель. Онъ остановился на порогѣ, весь блѣдный отъ волненія, съ удивленіемъ разсматривая представившуюся ему картину.

Передъ нимъ была какъ бы огромная площадь подземнаго города, края которой терялись за множествомъ колоннъ, поддерживавшихъ своды. Колонны эти блестѣли, какъ хрусталь, при свѣтѣ множества факеловъ, которые держали въ рукахъ собранные здѣсь странно вооруженные люди. Эта толпа, собравшаяся въ подземельѣ, эти факелы, эти свирѣпыя лица напоминали сказочныя сборища колдуновъ и демоновъ, державшихъ вмѣсто факеловъ звѣзды и освѣщавшихъ свои празднества пожарами лѣсовъ и замковъ, какъ повѣствуютъ о томъ старыя хроники.

— Смерть, смерть чужестранцу!—заревѣла толпа.

Сотни рукъ поднялись на Орденера. Онъ хотѣлъ взяться за шпагу, но не нашелъ ея. Въ своемъ великодушнымъ порывѣ онъ забылъ, что онъ одинъ и безоруженъ.

— Подождите, подождите,—послышался голосъ, въ которомъ Орденеръ узналъ голосъ посла Шумакера.

Это былъ маленькій толстенькій человѣкъ, одѣтый въ черное, съ веселымъ и фальшивымъ взглядомъ.

— Кто вы?—спросилъ онъ, подходя къ Орденеру.

Орденеръ молчалъ. Его окружили со всѣхъ сторонъ. Не было мѣста на его груди, куда бы не направлено было острее шпаги или дуло пистолета.

— Ты боишься?—съ улыбкой спросилъ маленькій человѣкъ.

— Если бы вмѣсто этихъ шпагъ твоя рука лежала на моей груди, то ты увидѣлъ бы, что мое сердце бьется не быстрѣе твоего, если только у тебя есть сердце.

— Ага! Онъ еще храбрится... Ну, пусть издохнетъ.

И онъ повернулся къ нему спиной.

— Дай мнѣ смерть,—сказалъ Орденеръ.—Это все, что мнѣ отъ тебя нужно.

— Подождите минутку, господинъ Гаккетъ,—сказалъ какой-то старикъ съ густою бородою.—Здѣсь вы у меня, и я одинъ имѣю право отправить его разсказывать покойникамъ, что онъ здѣсь видѣлъ.

Гаккетъ засмѣялся.

— Какъ вамъ угодно, Іона! Мнѣ все равно, кто бы ни судилъ этого шпіона, лишь бы его приговорили.

Старикъ обратился къ Орденеру.

— Кто ты, такъ дерзко проникшій въ наше собраніе, желая узнать, кто мы?

Орденеръ молчалъ. Окруженный странными сторонниками этого Шумакера, за котораго онъ такъ недавно готовъ былъ отдать жизнь, онъ желалъ въ эту минуту одной лишь смерти.

— Его милость не хочетъ отвѣчать,—сказалъ старикъ.—Что же, дѣло обычное. Разъ лисица поймана, она уже не кричитъ. Убейте его.

— Пусть смерть этого человѣка будетъ первымъ подвигомъ между вами Гана-Исландца,—сказалъ Гаккетъ.

— Да, да,—заревѣла толпа.

Орденеръ, удивленный, но попрежнему смѣлый, искалъ глазами Гана-Исландца, съ которымъ такъ храбро бился еще сегодня утромъ. Но удивленіе его удвоилось, когда онъ увидѣлъ, что къ нему подходилъ человѣкъ огромнаго роста въ одеждѣ горца. Гигантъ устремилъ на Орденера чудовищно глупый взглядъ и спросилъ топоръ.

— Ты не Ганъ-Исландецъ,—рѣшительно сказалъ Орденеръ.

— Смерть ему, смерть!—бѣшено вскричалъ Гаккетъ.

Орденеръ увидѣлъ, что нужно умирать. Онъ хотѣлъ вынуть локонъ Этели, хранившійся у него на груди, чтобы поцѣловать его послѣдній разъ, но при этомъ движеніи у него изъ-за пояса выпала бумага.

— Что это за бумага?—сказалъ Гаккетъ.—Возьмите-ка ее, Норбитъ.

Тотъ, кого называли Норбитомъ, оказался смуглымъ молодымъ человѣкомъ, съ рѣзкими чертами и благороднымъ выраженіемъ лица. Онъ поднялъ бумагу и развернулъ ее.

— Боже мой!—вскричалъ онъ.—Это пропускъ отъ моего бѣднаго друга Христофора Недлама, котораго они казнили недѣлю тому назадъ въ Сконгенѣ за поддѣлку монеты.

— А,—тономъ обманутаго ожиданія сказалъ Гаккетъ,—я думалъ это что поважнѣе! Возьмите себѣ эту бумагу, Норбитъ. Ну, дорогой Ганъ, дѣлайте свое дѣло.

Но Норбитъ сталъ передъ Орденеромъ.

— Я беру этого человѣка подъ свое покровительство. Моя голова упадетъ прежде, чѣмъ хоть одинъ волосъ съ его головы. Я не допущу, чтобы пропускъ моего друга былъ поруганъ.

Орденеръ, такъ чудесно избавленный отъ неминуемой опасности, опустилъ голову и внутренно устыдился, вспомнивъ, какъ надменно принялъ пожеланіе священника: «Да будетъ даръ умирающаго благодѣяніемъ для путника».

— Ну, ну, не говорите глупостей, пріятель Норбитъ. Человѣкъ этотъ шпіонъ. Онъ долженъ умереть.

— Дайте мнѣ топоръ,--повторилъ гигантъ.

— Онъ не умретъ! — вскричалъ Норбитъ. — Что скажетъ духъ моего бѣднаго Недлама, котораго они недостойно повѣсили. Я утверждаю, что онъ не умретъ: этого не хочетъ Недламъ.

— Норбитъ правъ, — сказалъ старый Іона. — Какъ, вы хотите, чтобы этого чужестранца убили, господинъ Гаккетъ, когда у него пропускъ отъ Христофора Недлама.

— Но вѣдь это шпіонъ, шпіонъ,—повторилъ Гаккетъ.

Старикъ сталъ передъ Орденеромъ рядомъ съ Норбитомъ и проговорилъ торжественнымъ тономъ:

— У него пропускъ отъ Христофора Недлама, повѣшеннаго въ Сконгенѣ.

Гаккетъ увидалъ, что нужно уступить. Въ толпѣ поднялся ропотъ, что онъ настаиваетъ на смерти того, у кого есть пропускъ фальшиваго монетчика Недлама.

— Ну, пусть живетъ,—сказалъ онъ сквозь зубы съ подавленнымъ бѣшенствомъ.—Въ концѣ-концовъ, это—ваше дѣло.

— А, взяла наша! — вскричалъ Норбитъ. — Слушай, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Орденеру, — ты, должно-быть, хорошій малый, разъ у тебя пропускъ Недлама, моего друга. Мы—рудокопы, и теперь рѣшили взбунтоваться: ужъ очень насъ душитъ эта опека короля! Вотъ этотъ самый господинъ Гаккетъ все толкуетъ про нѣкоего Шумакера, но я его не знаю. Чужестранецъ, наше дѣло правое. Отвѣчай мнѣ, какъ отвѣтилъ бы ты на исповѣди: хочешь быть за насъ?

Въ умѣ Орденера промелькнула новая мысль.

— Да,—отвѣчалъ онъ.

Норбитъ подалъ ему шпагу. Орденеръ молча взялъ оружіе.

— Братъ, — сказалъ Норбитъ, — если ты хочешь выдать насъ, убей меня сначала.

Въ эту минуту послышался вдали звукъ рога.

— Кенниболь, Кенниболь,—зашумѣла толпа.

IX.

Есть мысли въ головѣ, которыя поднимаются къ небесамъ.

Изъ испанскихъ романсовъ.

Часто въ душѣ возникаетъ внезапное вдохновеніе, какъ бы наитіе. Цѣлые томы мыслей, разсужденій не передадутъ ихъ широты и глубины, какъ не передастъ свѣтъ тысячи факеловъ яркаго и быстраго сверканья молніи...

Мы не будемъ поэтому пытаться разбирать подробно тотъ таинственный толчокъ, который заставилъ сына вице-короля Норвегіи принять предложеніе Норбита и стать въ ряды бандитовъ-бунтовщиковъ. Тутъ было и великодушное желаніе разобраться, во что бы то ни стало, во всей этой темной путаницѣ, и горькое отвращеніе къ жизни, и отчаяніе. Можетъ-быть, сюда примѣшалось и смутное сомнѣніе въ виновности Шумакера, внушенное всѣмъ ложнымъ, поддѣльнымъ, что обратило на себя вниманіе Орденера, который инстинктомъ чувствовалъ присутствіе всякой фальши. Не мало значенія имѣла тутъ и любовь къ Этели. Наконецъ тутъ дѣйствовало и смутное сознаніе возможности принести пользу самому Шумакеру, очутившись съ яснымъ взглядомъ на дѣло въ толпѣ его слѣпыхъ приверженцевъ.

X.

Это начальникъ? Что за ужасный взглядъ! Я не рѣшился бы заговорить съ нимъ.

Матюренъ.— Бертрамъ.

Когда раздались крики, возвѣщавшіе прибытіе знаменитаго охотника Кенниболя, Гаккетъ бросился ему навстрѣчу, оставивъ Орденера съ двумя другими вождями.

— Наконецъ-то вы, Кенниболь! Пойдемте, я представлю васъ Гану-Исландцу.

Кенниболь былъ весь въ поту, блѣдный, съ окровавленными руками; онъ задыхался отъ усталости. Услышавъ имя Гана-Исландца, онъ задрожалъ и отступилъ на три шага.

— Ганъ-Исландецъ!—вскричалъ онъ.

— Успокойтесь, Кенниболь, вѣдь онъ будетъ помогать вамъ. Смотрите на него, какъ на друга, какъ на товарища.

Но Кенниболь какъ будто не слушалъ.

— Ганъ-Исландецъ здѣсь!—повторилъ онъ.

— Ну, да,—сказалъ Гаккетъ, подавляя улыбку.—Вы его такъ боитесь?

— Но, неужели это правда? — повторилъ еще разъ охотникъ. — Вы утверждаете, что Ганъ-Исландецъ здѣсь, въ этомъ рудникѣ?

Гаккетъ обратился къ окружающимъ.

— Ужъ не сошелъ ли Кенниболь съ ума, — сказалъ онъ. — Теперь я вижу, — продолжалъ онъ, обращаясь опять къ Кенниболю, — что васъ задержалъ страхъ передъ Ганомъ-Исландцемъ.

— Клянусь святой мученицей Этельредой, — вскричалъ Кенниболь, поднявъ руку къ небу, — клянусь, не страхъ передъ Ганомъ-Исландцемъ, а самъ Ганъ-Исландецъ задержалъ меня!

При этихъ словахъ въ толпѣ горцевъ и рудокоповъ пронесся ропотъ удивленія. На лицѣ Гаккета промелькнуло то же недовольное выраженіе, которое можно было замѣтить при появленіи Орденера.

— Какъ, что вы говорите?—сказалъ онъ тихо.

— Я говорю, что безъ вашего проклятаго Гана-Исландца я былъ бы здѣсь прежде, чѣмъ первый разъ крикнула ночная сова.

— Правда? Что же онъ съ вами сдѣлалъ?

— Ахъ, не спрашивайте! Пусть у меня въ одинъ день побѣлѣетъ борода, какъ горностаева шерсть, если меня теперь комунибудь удастся соблазнить на охоту за бѣлымъ медвѣдемъ!

— А, значитъ, васъ едва не съѣлъ бѣлый медвѣдь?

Кенниболь презрительно пожалъ плечами.

— Медвѣдь? Вотъ еще! За кого вы меня принимаете, чтобъ я не сумѣлъ справиться съ медвѣдемъ?

— Ахъ, извините,—съ улыбкой сказалъ Гаккетъ.

— Если бы вы знали, что со мной случилось,—проговорилъ охотникъ, понижая голосъ, то вы не говорили бы мнѣ, что Ганъ-Исландецъ здѣсь.

Гаккетъ снова какъ будто нѣсколько смутился. Онъ схватилъ Кенниболя за руку, какъ бы стараясь не допустить его до того мѣста, гдѣ надъ головами рудокоповъ поднималась огромная голова гиганта.

— Разскажите же мнѣ, дорогой Кенниболь,—сказалъ онъ почти торжественно,—что̀ васъ задержало. Вы знаете, что въ такой моментъ, какъ настоящій, все можетъ имѣть очень большое значеніе.

— Это вѣрно,—послѣ нѣкотораго размышленія сказалъ Кенниболь.

И, уступая настойчивому требованію Гаккета, онъ разсказалъ ему, что сегодня утромъ онъ съ шестью товарищами отправился на охоту за бѣлымъ медвѣдемъ. Скоро они встрѣтили звѣря и въ пылу охоты не замѣтили, что подошли близко къ Вальдерогской пещерѣ, къ которой никто обыкновенно не смѣетъ приближаться. На ревъ медвѣдя изъ пещеры выскочилъ маленькій человѣкъ, настоящій демонъ съ виду. Размахивая каменнымъ топоромъ, онъ бросился на выручку къ звѣрю. При видѣ этого демона, который, очевидно, былъ не кто иной, какъ Ганъ-Исландецъ, всѣ семеро замерли отъ ужаса. Шестеро товарищей Кенниболя стали добычей обоихъ чудовищъ. Самъ Кенниболь спасся лишь поспѣшнымъ бѣгствомъ, да и то ему удалось спастись только благодаря быстротѣ своихъ ногъ, усталости чудовища, а главное, благодаря защитѣ святого Сильвестра, покровителя охотниковъ.

— Вы видите, господинъ Гаккетъ,—сказалъ Кенниболь, окончивъ свой украшенный всѣми цвѣтами горной риторики и весь проникнутый чувствомъ ужаса разсказъ,—вы видите, что если я пришелъ поздно, то меня нельзя винить, и въ то же время нельзя допустить, что исландскій демонъ, котораго я оставилъ вмѣстѣ съ его медвѣдемъ надъ трупами товарищей, могъ быть въ то же время здѣсь, въ Апсиль-Корской копи въ качествѣ нашего друга. Этого не можетъ быть. Теперь я знаю этого воплощеннаго демона, я его видѣлъ.

Гаккетъ внимательно выслушалъ рѣчь Кенниболя и сказалъ серьезнымъ тономъ:

— Видите ли, дружище Кенниболь, когда вы говорите о Ганѣ-Исландцѣ или объ адѣ, то не думайте, чтобы что-либо оказалось невозможнымъ. Я уже зналъ обо всемъ, что вы мнѣ разсказали.

На суровомъ лицѣ охотника отразилось крайнее удивленіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и полное довѣріе къ словамъ Гаккета.

— Какъ?—только и могъ онъ произнести.

— Да,—продолжалъ Гаккетъ съ едва замѣтнымъ даже для тонкаго наблюдателя выраженіемъ насмѣшливаго торжества,—я зналъ все, кромѣ того, впрочемъ, что именно вы были героемъ этого печальнаго приключенія. Ганъ-Исландецъ разсказалъ мнѣ это по дорогѣ сюда.

— Неужели?—сказалъ Кенниболь.

Взглядъ его выражалъ страхъ, смѣшанный съ уваженіемъ по отношенію къ этому Гаккету, такъ просто бесѣдовавшему съ демономъ.

— Да,—хладнокровно продолжалъ Гаккетъ,—но теперь не бойтесь, я васъ провожу къ Гану-Исландцу.

Крикъ ужаса вырвался у Кенниболя.

— Не бойтесь, повторяю. Смотрите на него, какъ на вождя и товарища. Только смотрите не напоминайте ему о томъ, что произошло сегодня утромъ. Вы понимаете?

Приходилось уступить, но тѣмъ не менѣе Кенниболь не безъ внутренняго отвращенія рѣшился итти знакомиться съ демономъ. Оба собесѣдника подошли къ той группѣ, гдѣ стояли Орденеръ, Іона и Норбитъ.

— Да поможетъ вамъ Богъ, Іона, да поможетъ вамъ Богъ, Норбитъ!—сказалъ Кенниболь.

— Спасибо на добромъ словѣ. Намъ очень нужна его помощь.

Въ это время взгляды Орденера и Кенниболя встрѣтились.

— Ахъ, вы здѣсь, молодой человѣкъ!—сказалъ охотникъ, протягивая молодому человѣку свою жесткую морщинистую руку.—Милости просимъ. Кажется, ваша смѣлость привела васъ къ успѣху.

Орденеръ, до сихъ поръ не понимавшій, почему этотъ горецъ такъ хорошо его понимаетъ, хотѣлъ вызвать его на объясненія, но его предупредилъ Норбитъ.

— Вы знаете этого чужестранца?!—вскричалъ онъ.

— Знаю ли! Клянусь ангеломъ-хранителемъ, я его люблю и уважаю. Онъ тоже преданъ тому правому дѣлу, которому мы служимъ.

И онъ снова взглянулъ на Орденера съ тѣмъ довѣріемъ, съ какимъ смотрѣлъ на него наканунѣ у Брааля. Въ это время къ нему подошелъ Гаккетъ со своимъ гигантомъ, котораго всѣ эти бандиты, видимо, старались избѣгать.

— Вотъ, Кенниболь, вашъ вождь, знаменитый Ганъ Клипстадурскій.

Кенниболь взглянулъ на гиганта, и въ его глазахъ выразилось скорѣе удивленіе, чѣмъ страхъ. Онъ наклонился къ Гаккету.

— Ганъ-Исландецъ, котораго я покинулъ сегодня въ Вальдерогѣ, былъ совсѣмъ маленькаго роста,—прошепталъ онъ.

— Вы забываете, Кенниболь, что это демонъ,—также шопотомъ отвѣчалъ Гаккетъ.

— Правда, онъ могъ перемѣнить обличье,—сказалъ суевѣрный охотникъ.

И онъ отвернулся и перекрестился тайкомъ, дрожа отъ страха.

XI.

Маска приближается. Это самъ Анжело. Плутъ хорошо знаетъ свое ремесло, очевидно, онъ увѣренъ въ успѣхѣ.

Лессингъ.

Тусклый разсвѣтъ едва пробивался сквозь густыя вѣтви столѣтнихъ дубовъ, когда на небольшую поляну вышелъ человѣкъ маленькаго роста и подошелъ къ другому, который, видимо, ожидалъ его; между ними завязался тихій разговоръ.

— Простите, ваше сіятельство, что я заставилъ васъ ждать. Меня задержали нѣкоторыя обстоятельства.

— А именно?

— Вождь горцевъ, Кенниболь, явился въ назначенное мѣсто лишь въ полночь, а зато насъ смутилъ неожиданнный свидѣтель.

— Кто такое?

— Какой-то человѣкъ спустился въ рудникъ и ворвался какъ сумасшедшій на наше совѣщаніе. Я сначала думалъ, что это шпіонъ, и хотѣлъ, чтобы его прикололи, но у него оказался пропускъ какого-то очень чтимаго нашими рудокопами повѣшеннаго, и они взяли его подъ свое покровительство. Я подумалъ надъ этимъ обстоятельствомъ и рѣшилъ, что это просто какой-нибудь слишкомъ любопытный путешественникъ или чудакъ-ученый. На всякій случай я принялъ противъ него свои мѣры.

— Ну, а все отстальное идетъ хорошо?

— Отлично. Гульдбрансгальскіе рудокопы, подъ начальствомъ молодого Норбита, Фарэрскіе, подъ начальствомъ старика Іоны, и Кольскіе горцы, подъ начальствомъ Кенниболя, вѣроятно, уже начали наступленіе. Въ четырехъ миляхъ отъ Голубой Звѣзды съ ними соединятся рудокопы изъ Губфалло и Зундъ-Мэра. Рудокопы Конгсберга, а также отрядъ кузнецовъ изъ Сміазена, которые уже принудили отступить Вальстромскій гарнизонъ, ожидаютъ весь

отрядъ и присоединятся къ нему нѣсколько позже, какъ это извѣстно вашей милости. Соединившись, всѣ банды остановятся сегодня ночью въ двухъ миляхъ отъ Сконгена, въ ущельѣ Чернаго Столба.

— Ну, а какъ они приняли вашего Гана-Исландца?

— Съ полной довѣрчивостью.

— И я не могу отомстить этому чудовищу за смерть сына! Какое несчастіе, что онъ ускользнулъ отъ насъ!

— Благородный графъ! Подождите думать объ этомъ. Воспользуйтесь сначала именемъ злодѣя, чтобы отомстить Шумакеру, а потомъ можно будетъ придумать, какъ отомстить и самому Гану. Итакъ, бунтовщики будутъ итти весь сегодняшній день, а на ночь остановятся въ двухъ миляхъ отъ Сконгена, въ ущельѣ Чернаго Столба.

— Какъ, вы рѣшились допустить такое многочисленное сборище бунтовщиковъ такъ близко отъ Сконгена, Мусдэмонъ!..

— Не извольте безпокоиться. Прикажите только немедленно дать знать полковнику Вэтэйну, полкъ котораго, по всей вѣроятности, находится въ Сконгенѣ, что сегодня ночью всѣ силы возставшихъ будутъ безъ всякой охраны стоять бивуакомъ въ ущельѣ Чернаго Столба, которое точно для того и создано, чтобы служить имъ ловушкой.

— Понимаю! Но зачѣмъ вы устроили все въ такомъ огромномъ размѣрѣ? Право, эти шайки слишкомъ ужъ многочисленны.

— Чѣмъ значительнѣе будетъ возстаніе, тѣмъ болѣе тяжкимъ явится преступленіе Шумакера и тѣмъ важнѣе окажутся ваши заслуги. Къ тому же весьма важно, чтобы покончить его однимъ ударомъ.

— Хорошо. Но зачѣмъ вы выбрали мѣсто такъ близко отъ Сконгена?

— Это единственное мѣсто во всѣхъ горахъ, гдѣ оборона совершенно немыслима. Оттуда выйдутъ только тѣ, кому предназначено явиться передъ судомъ.

— Прекрасно! Но что-то говоритъ мнѣ, что надо скорѣе покончить съ этимъ дѣломъ. Насколько, съ одной стороны, все хорошо устраивается, настолько, съ другой, является множество тревожныхъ опасеній. Вы знаете, что мы организовали въ Копенгагенѣ тайное разслѣдованіе относительно бумагъ, которыя могли попасть въ руки этого Диспольсена?

— И что же, сударь?

— То, что я недавно узналъ о какихъ-то таинственныхъ сношеніяхъ этого интригана съ проклятымъ астрологомъ Кумбисульсумомъ.

— Но вѣдь этотъ астрологъ недавно умеръ?

— Да, и передъ смертью онъ передалъ агенту Шумакера всѣ относящіяся до его дѣла бумаги.

— Проклятіе! Тамъ были мои письма, изложеніе нашего плана!

— Вашего плана, Мусдэмонъ!

— Виноватъ, ваше сіятельство. Но какимъ образомъ вы могли такъ довѣриться этому шарлатану, этому старому измѣннику Кумбисульсуму?

— Я не вы, Мусдэмонъ. У меня есть свои опредѣленныя вѣрованія, къ чему вы, я знаю, неспособны. Повѣрьте, что у меня

было много основаній вѣрить опытности старика въ дѣлѣ магіи и вообще его учености.

— Пусть такъ, но вѣдь ваше сіятельство были настолько же неувѣрены въ его вѣрности, насколько увѣрены въ его знаніяхъ. Впрочемъ, еще рано тревожиться. Диспольсенъ умеръ, бумаги его затеряны, а черезъ нѣсколько дней всѣ успѣютъ забыть о тѣхъ, кому эти бумаги были нужны.

— Во всякомъ случаѣ, какое же обвиненіе можетъ подняться до меня?

— Да и до меня также, разъ я нахожусь подъ высокимъ покровительствомъ вашего сіятельства.

— О, конечно, конечно! Въ случаѣ чего вы можете смѣло на меня разсчитывать. Но пожалуйста поторопитесь развязкой. Сейчасъ я пошлю гонца къ полковнику. Поѣдемъ, за этими кустами меня ждутъ мои люди. Намъ нужно направиться въ Дронтгеймъ. Вѣроятно, мекленбуржецъ уже выѣхалъ оттуда. Продолжайте только попрежнему служить мнѣ, Мусдэмонъ, и разсчитывайте на меня, несмотря на всѣхъ Кумбисульсумовъ и Диспольсеновъ.

— Я только прошу ваше сіятельство не оставлять надежды!..

Оба собесѣдника вошли въ чащу, голоса ихъ стали стихать, и скоро послышался лишь удаляющійся топотъ лошадей.

XII.

> Бейте въ барабаны! Они идутъ. Всѣ они дали клятву, одну страшную клятву: не возвращаться въ Кастилію безъ плѣннаго графа, своего господина
>
> Въ колесницѣ везутъ они его статую и рѣшили не возвращаться, пока каменный графъ самъ не обратится вспять.
>
> И въ знакъ того, что всякій, кто отступитъ на шагъ, будетъ считаться измѣнникомъ, они подняли руки къ небу и поклялись.
>
> . . . .
>
> Такъ идутъ они къ Арлансону, идутъ медленно, потому что везущіе колесницу быки не могутъ итти скорѣе.
>
> Бургосъ пустъ, пусты и его окрестности. Одни женщины да дѣти остались дома.
>
> Они идутъ, бесѣдуя о лошадяхъ, о соколиной охотѣ и о томъ, не нужно ли освободить Кастилію отъ дани, которую она платитъ Леону.
>
> И при входѣ въ Наварру на самой границѣ они встрѣчаютъ...
>
> *Изъ испанскихъ романсовъ.*

Пока въ одномъ изъ лежащихъ въ окрестностяхъ Сміазена лѣсовъ шелъ описанный выше разговоръ, инсургенты раздѣлились на три колонны и вышли изъ свинцоваго Апсиль-Корскаго рудника главнымъ входомъ, который вывелъ ихъ на дно глубокаго оврага.

Несмотря на свое желаніе быть поближе къ Кенниболю, Орденеръ попалъ въ отрядъ Норбита. При тускломъ свѣтѣ начинавшагося дня Орденеръ могъ видѣть только рядъ факеловъ, свѣтъ которыхъ, борясь съ разсвѣтомъ, сверкалъ на лезвеяхъ топоровъ, вилъ, заступовъ, на наконечникахъ дубинъ, на тяжелыхъ молотахъ и на рычагахъ. Всѣ эти орудія мирнаго труда получили теперь страшное назначеніе—служить орудіями истребленія себѣ подобныхъ. Но нѣкоторые инсургенты имѣли въ рукахъ и настоящее оружіе: пики, мушкеты, карабины и аркебузы, что указывало на извѣстную организацію этой толпы и заставляло подозрѣвать въ этомъ возстаніи настоящій заговоръ.

Когда встало солнце, и факелы, дымясь, погасли, Орденеръ могъ лучше разсмотрѣть эту оригинальную армію. Инсургенты шли въ безпорядкѣ, распѣвая хриплыми голосами и по временамъ издавая боевой кличъ, похожій на вой стаи голодныхъ волковъ, спѣшащихъ на падаль. Армія эта раздѣлилась на три отряда или, вѣрнѣе, на три толпы. Впереди шли Кольскіе горцы подъ командой Кенниболя. Они всѣ были одѣты въ одежду изъ звѣриныхъ шкуръ, какъ и вождь ихъ, и даже походили на него суровымъ и смѣлымъ выраженіемъ лицъ. Потомъ шли молодые рудокопы подъ начальствомъ Норбита, а за ними старики подъ командой Іоны. Рудокопы были одѣты въ широкія панталоны и круглыя войлочныя шляпы. У всѣхъ руки были совершенно обнажены. Непривычные къ свѣту глаза ихъ тупо смотрѣли на солнце. Надъ этими шумными бандами вѣяли огненно-красныя знамена съ надписями въ родѣ: «Да здравствуетъ Шумакеръ!» «Освободимъ нашего освободителя!» «Свобода графу Гриффенфельду!» «Смерть Гульденлью!» Смерть притѣснителямъ!» «Смерть Алефельду!» Но, повидимому, бунтовщики смотрѣли на эти знамена не какъ на символъ, а какъ на лишнюю тяжесть. Надоѣстъ нести знамя одному, захочется ему поиграть на рогѣ и дополнить его нестройными звуками нестройный концертъ всей этой толпы, и онъ сейчасъ же передаетъ товарищу тяжелую эмблему свободы.

Въ арьергардѣ шло нѣсколько повозокъ, запряженныхъ оленями и ослами. Въ этихъ повозкахъ, вѣроятно, везлись боевые припасы. Авангардъ составлялъ одинъ гигантъ, приведенный Гаккетомъ. Онъ широко шагалъ впереди, неся въ рукахъ топоръ и дубину. Далеко позади шелъ Кенниболь и первые ряды его отряда. Онъ съ ужасомъ смотрѣлъ на гиганта и ни на минуту не отводилъ отъ него глазъ, какъ бы ожидая, что вотъ-вотъ этотъ демоническій вождь приметъ какой-нибудь новый видъ.

Съ глухимъ гуломъ катился этотъ человѣческій потокъ, наполняя встрѣчные лѣса звуками роговъ, которые носятъ на поясѣ всѣ охотники сѣверной части Дронтгеймскаго округа. Скоро къ этому потоку присоединились банды изъ Зундъ-Мэра, Губфало, Конгсберга и, наконецъ, отрядъ сміазенскихъ кузнецовъ. Этотъ отрядъ выдѣлялся изъ всѣхъ остальныхъ. Онъ шелъ въ порядкѣ, твердымъ размѣреннымъ шагомъ, но эта правильность, этотъ порядокъ напоминали скорѣе духовную процессію, а не движеніе

войска. Вооруженіе кузнецовъ составляли клещи и молоты, толстые кожаные передники прикрывали ихъ, какъ кирасы. Впереди начальникъ, безъ оружія, съ непокрытой головой несъ высокій деревянный крестъ. Никакихъ другихъ знаменъ у нихъ не было.

Все это сборище не встрѣчало на своемъ пути ни одного человѣческаго существа. При ихъ приближеніи пастухъ спѣшилъ загнать свое стадо въ пещеру, селянинъ покидалъ свою деревню. Жители долинъ и равнинъ вездѣ одинаковы, и рогъ бандита наводитъ на нихъ не меньшій ужасъ, чѣмъ труба солдата.

Толпа проходила черезъ холмы и лѣса, изрѣдка встрѣчая на своемъ пути небольшія мѣстечки и деревушки, шла по дорогамъ, на которыхъ было больше звѣриныхъ, чѣмъ человѣческихъ слѣдовъ, обходила лагуны, перебиралась черезъ потоки, овраги и болота. Орденеръ не зналъ ни одного изъ этихъ мѣстъ. Только разъ взглядъ его поймалъ на горизонтѣ голубоватый призракъ изогнутаго утеса. Онъ обратился къ одному изъ своихъ сосѣдей и спросилъ:

— Что это за утесъ тамъ, на югѣ, товарищъ?

— Это Шея Коршуна, что около Эльмоэ,—отвѣчалъ тотъ.

Орденеръ глубоко вздохнулъ.

XIII.

Да сохранитъ и да благословитъ тебя Богъ, дочь моя.

Ренье.

Обезьяна, попугаи, гребешки и ленты, все было готово у графини Алефельдъ для принятія лейтенанта Фридриха. Съ большими расходами она выписала новый романъ знаменитой Скюдери. По ея приказанію романъ былъ переплетенъ въ богатый переплетъ съ рѣзными золочеными застежками и положенъ между флаконами для духовъ и ящичками для мушекъ на изящный туалетъ съ золочеными ножками и украшеніями изъ мозаики, который она поставила въ будуаръ своего любимаго сына. Окинувъ взоромъ всю обстановку, полную сотенъ мелочей, подсказанныхъ ей материнской любовью, она рѣшила, что пора приняться за настоящее дѣло. Заботы объ удобствахъ сына нѣсколько отвлекли ее отъ ненависти. Теперь эти заботы были окончены. Ей оставалось только начать вредить Этели и Шумакеру. Отъѣздъ генерала Левина предавалъ ихъ обоихъ вполнѣ въ ея руки.

За послѣднее время въ башнѣ Мункгольмскаго замка произошло много такого, о чемъ она имѣла лишь самыя смутныя данныя. Кто былъ тотъ вилланъ или крестьянинъ, который заставилъ дочь бывшаго канцлера полюбить себя, если вѣрить уклончивымъ и смутнымъ сообщеніямъ Фридриха? Каковы были отношенія барона Орденера къ мункгольмскимъ узникамъ? Каковы были причины непонятнаго отсутствія Орденера въ то самое время, когда оба королевства были заняты его предстоящимъ бракомъ съ Ульрикой Алефельдъ, которую онъ какъ будто прези-

ралъ? Наконецъ, что произошло между Левиномъ Кнудомъ и Шумакеромъ? Графиня положительно терялась въ догадкахъ. Наконецъ она рѣшила для разъясненія всѣхъ этихъ тайнъ съѣздить сама въ Мункгольмъ Это рѣшеніе подсказывали ей и интересы ея ненависти и женское любопытство.

Однажды вечеромъ Этель была въ саду одна. Стоя около столба потайной двери, въ которой послѣдній разъ скрылся Орденеръ, она въ шестой разъ чертила какой-то таинственный знакъ на этомъ столбѣ алмазомъ своего перстня. Вдругъ дверь отворилась. Этель вздрогнула. Дверь эта не отворялась съ тѣхъ поръ, какъ закрылась за Орденеромъ.

Блѣдная, высокая женщина, вся въ бѣломъ, стояла передъ Этелью, улыбаясь сладкой и въ то же время непріятной улыбкой. Эта улыбка была похожа на отравленный медъ; за кроткимъ, спокойнымъ выраженіемъ глазъ пришедшей свѣтилась какъ будто ненависть и злоба, смѣшанная съ невольнымъ восхищеніемъ.

Этель съ удивленіемъ, почти со страхомъ, смотрѣла на незнакомку. Съ тѣхъ поръ, какъ умерла на ея рукахъ ея старая кормилица, это была первая женщина, которую она видѣла въ мрачной оградѣ Мункгольмскаго замка.

— Дитя мое,—кротко сказала незнакомка,—вы дочь мункгольмскаго узника?

Этель невольно слегка отвернулась. Что-то отталкивало ее отъ этой злой незнакомки, какимъ-то тайнымъ ядомъ, казалось ей, былъ пропитанъ этотъ ласковый голосъ.

— Меня зовутъ Этель Шумакеръ,—отвѣчала она.—Отецъ говоритъ, что когда я была въ колыбели, меня звали графиней Тонсбергъ и княжной Воллинъ.

— Вашъ отецъ говоритъ вамъ это! — вскричала высокая женщина, но тотчасъ же прибавила болѣе сдержаннымъ тономъ:—вы перенесли много несчастій, не правда ли?

— Съ колыбели приняло меня несчастіе въ свои желѣзныя объятія. Отецъ говоритъ, что оно будетъ держать меня до самой смерти.

На губахъ женщины мелькнула улыбка.

— И вы не ропщете противъ тѣхъ, которые бросили васъ въ эту темницу? Не проклинаете вы виновниковъ вашихъ несчастій?

— Нѣтъ. Я боюсь, что наши проклятія навлекутъ на ихъ головы тѣ же несчастія, какія они заставили вытерпѣть насъ.

— А знаете ли вы,—безстрастно продолжала графиня,—кто виновникъ того несчастія, на которое вы жалуетесь?

Этель на минуту задумалась.

— Все происходитъ по волѣ Неба,—сказала она, наконецъ.

— Вашъ отецъ никогда не говорилъ вамъ о королѣ?

— О королѣ? Нѣтъ, я молюсь за него утромъ и вечеромъ, не зная его.

Этель не поняла, почему незнакомка при этомъ отвѣтѣ закусила губы.

— Не говоритъ ли когда-нибудь вашъ отецъ въ гнѣвѣ о своихъ смертельныхъ врагахъ, генералѣ Аренсдорфѣ, епископѣ Споллисонѣ, канцлерѣ Алефельдѣ?

— Я не знаю, о комъ вы говорите.

— А знаете ли вы имя Левина Кнуда?

Воспоминаніе о сценѣ, происшедшей третьяго дня между губернаторомъ и Шумакеромъ было еще слишкомъ живо въ Этели, и потому имя Левина Кнуда ее нѣсколько поразило.

— Левина Кнуда? — повторила она. — Мнѣ кажется, что мой отецъ чувствуетъ къ этому человѣку глубокое уваженіе и даже привязанность.

— Какъ!—вскричала незнакомка.

— Да. Мой отецъ не далѣе какъ третьяго дня горячо защищалъ этого Левина Кнуда передъ дронтгеймскимъ губернаторомъ.

Эти слова удвоили удивленіе графини.

— Передъ дронтгеймскимъ губернаторомъ! Не смѣйтесь же надо мной. Я пришла сюда въ вашихъ интересахъ. Какъ могъ защищать вашъ отецъ генерала Левина Кнуда передъ дронтгеймскимъ губернаторомъ!

— Генерала? Кажется, дѣло шло о капитанѣ... впрочемъ, нѣтъ, вы правы. Но, увѣряю васъ, мой отецъ выражалъ по отношенію къ генералу Левину Кнуду не меньшую привязанность, чѣмъ та ненависть, которую выражалъ онъ по отношенію къ дронтгеймскому губернатору.

«Вотъ еще странная тайна!» подумала графиня, любопытство которой разгоралось все больше и больше.—Скажите, дитя мое,—проговорила она,—что произошло между вашимъ отцомъ и губернаторомъ?

Допросъ этотъ, видимо, утомлялъ бѣдную Этель. Она пристально взглянула на незнакомку.

— Развѣ я преступница, что вы меня допрашиваете такимъ образомъ?—сказала она.

При этихъ простыхъ словахъ графиня какъ будто смутилась, почувствовавъ, что отъ нея ускользаютъ плоды ея искуснаго разговора.

— Вы не говорили бы со мной такъ, если бы знали, зачѣмъ и для кого я сюда пришла, — сказала она слегка взволнованнымъ тономъ.

— Какъ,—вскричала Этель,—это онъ прислалъ васъ? Вы принесли мнѣ извѣстіе о немъ!

И вся кровь бросилась въ ея прекрасное личико, и сердце больно забилось отъ нетерпѣнія и безпокойства.

— О комъ?—спросила незнакомка.

Молодая дѣвушка остановилась, передъ тѣмъ какъ произнести обожаемое имя. Она увидѣла, что въ глазахъ незнакомки мелькнула молнія мрачной радости, подобная лучу адскаго пламени.

— Вы не знаете, о комъ я говорю,—сказала она печально.

На лицѣ графини снова отразилось выраженіе обманутаго ожиданія.

— Бѣдное дитя!—вскричала она.—Что я могу для васъ сдѣлать, скажите?

Этель не слушала. Мысли ея были тамъ, за сѣверными горами, вмѣстѣ съ отважнымъ путешественникомъ. Голова ея опустилась на грудь, руки точно сами собою сложились на молитву.

— Вашъ отецъ надѣется выйти изъ этой тюрьмы?

Дѣвушка не отвѣчала. Графиня повторила свой вопросъ, и это вывело Этель изъ задумчивости.

— Да,—отвѣчала она.

И на глазахъ у нея показались слезы.

Глаза графини оживились при этомъ отвѣтѣ.

— Надѣется? Неужели? Когда же? Какимъ образомъ?

— Онъ надѣется выйти изъ тюрьмы въ ту минуту, когда выйдетъ изъ этого міра.

Часто бываетъ, что простота кроткой юной души одерживаетъ верхъ надъ всѣми хитростями, на которыя способно состарѣвшееся въ злобѣ сердце. Казалось, эта мысль мелькнула и у графини, потому что выраженіе ея лица внезапно измѣнилось. Она положила свою холодную руку на руку Этели и сказала почти откровеннымъ тономъ:

— Послушайте, знаете ли вы, что вашему отцу снова грозитъ слѣдствіе, что онъ подозрѣвается въ возбужденіи рудокоповъ къ возстанію?

Эти слова: слѣдствіе, возстаніе, не возбуждали въ Этели яснаго представленія. Она подняла глаза на незнакомку.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Что вашъ отецъ въ заговорѣ противъ правительства, что его преступленіе почти открыто, что ему грозитъ смерть.

— Преступленіе! Смерть!—вскричала бѣдная дѣвушка.

— Преступленіе и смерть,—серьезно повторила незнакомка.

— Мой отецъ, отецъ, который проводитъ все время, слушая чтеніе Эдды и Евангелія—заговорщикъ! Скажите, что онъ вамъ сдѣлалъ?

— Не смотрите на меня такъ: повторяю, я далеко не врагъ вамъ. Вашего отца подозрѣваютъ въ важномъ преступленіи, и я вамъ сообщаю объ этомъ. Мнѣ думается, что это даетъ мнѣ право на нѣкоторую благодарность, а никакъ не можетъ вызвать въ васъ ненависти.

Упрекъ этотъ тронулъ Этель.

— О, простите, сударыня! До сихъ поръ я не встрѣчала ни одного человѣческаго существа, которое бы не было намъ врагомъ. Простите меня.

Незнакомка улыбнулась.

— Какъ, дитя мое, развѣ до сихъ поръ вы не встрѣчали ни одного друга?

Яркая краска залила щеки молодой дѣвушки. Съ минуту она колебалась.

— Да,—сказала она, наконецъ.—Богъ видитъ истину. Мы нашли одного друга, но только одного.

— Одного!—поспѣшно вскричала незнакомка.—Бога ради назовите его. Вы не знаете какъ это важно! Это нужно для спасенія вашего отца! Его фамилія?

— Я не знаю.

Незнакомка поблѣднѣла.

— Почему вы смѣетесь надо мной? Потому ли, что я хочу оказать вамъ услугу? Подумайте, дѣло идетъ о жизни вашего отца. Скажите, скажите, кто этотъ другъ?

— Видитъ Богъ, сударыня, я знаю только его имя. Его зовутъ Орденеръ.

Этель произнесла это имя съ трудомъ, какъ всегда бываетъ, когда произносится имя, которое будитъ въ человѣкѣ все, что онъ любитъ.

— Орденеръ! Орденеръ!—повторяла незнакомка съ какимъ-то страннымъ волненіемъ. Рука ея нервно теребила вышитый край ея бѣлаго покрывала.—Орденеръ! Но какъ зовутъ его отца?—продолжала она голосомъ, въ которомъ слышалось смущеніе.

— Не знаю,—отвѣчала молодая дѣвушка.—Но не все ли равно, кто его отецъ. Этотъ Орденеръ, сударыня, благороднѣйшій изъ людей.

Увы, тонъ голоса Этели выдалъ всю тайну ея сердца незнакомкѣ. Она приняла спокойный, сдержанный видъ и спросила, пристально глядя на молодую дѣвушку:

— Вы слышали о будущемъ бракѣ сына вице-короля съ дочерью великаго канцлера Алефельда?

Этотъ вопросъ ей пришлось повторить, чтобы снова навести умъ Этели на мысли, которыя ничуть не интересовали ее.

— Кажется, слышала,—просто отвѣтила молодая дѣвушка.

Ея спокойствіе, ея равнодушный видъ какъ будто изумили незнакомку.

— Что же вы думаете объ этомъ бракѣ?

Но, какъ она ни старалась, въ лицѣ Этели ей не удалось замѣтить ни малѣйшей перемѣны.

— По правдѣ сказать, ничего. Дай имъ Богъ счастья,—проговорила Этель.

— Графы Гульденлью и Алефельдъ, отцы помолвленныхъ, злѣйшіе враги вашего отца.

— Дай Богъ счастья ихъ дѣтямъ,—кротко повторила Этель.

— Мнѣ пришла въ голову удачная мысль,—продолжала незнакомка.—Если вашему отцу угрожаетъ опасность, то вы могли бы по случаю этого брака просить для него помилованія черезъ сына вице-короля.

— Да вознаградятъ васъ святые за ваши заботы о насъ, сударыня. Но какимъ образомъ моя просьба можетъ дойти до сына вице-короля?

Слова эти были произнесены такъ искренно, что у незнакомки вырвался невольный жестъ удивленія.

— Какъ, развѣ вы его не знаете?

— Этого знатнаго господина? Но вы забываете, что я не видѣла ничего, что находится за этой оградой.

— Но что же въ такомъ случаѣ толковалъ мнѣ этотъ старый безумецъ Левинъ,—пробормотала сквозь зубы графиня.—Но это невозможно,—продолжала она уже громко.—Вы должны были его видѣть. Сынъ вице-короля бывалъ здѣсь.

— Можетъ-быть, сударыня. Но изъ всѣхъ, кто бывалъ здѣсь, я видѣла только одного человѣка, моего Орденера!

— Вашего Орденера!—повторила незнакомка.—Знаете ли вы,—продолжала она, какъ бы не замѣчая, какъ покраснѣла Этель,—знаете ли вы молодого человѣка съ открытымъ благороднымъ лицомъ, прекрасно сложеннаго, съ гордой, увѣренной походкой, мягкимъ и въ то же время серьезнымъ взглядомъ? Цвѣтъ лица его нѣженъ, какъ у дѣвушки, волосы каштановаго цвѣта.

— О!—вскричала Этель,—это онъ, мой женихъ, мой обожаемый Орденеръ. Скажите, сударыня, вы знаете о немъ что-нибудь? Гдѣ вы его встрѣтили? Онъ сказалъ вамъ, что любитъ меня, что вся моя любовь принадлежитъ ему, не правда ли? Увы, у бѣдной узницы нѣтъ ничего на свѣтѣ, кромѣ ея любви. О, благородный другъ! Не прошло недѣли съ тѣхъ поръ, какъ я видѣла его на этомъ самомъ мѣстѣ; видѣла его зеленый плащъ, подъ которымъ бьется такое благородное сердце! Я до сихъ поръ помню, какъ изящно качалось черное перо его шляпы надъ его красивымъ лбомъ...

Она не докончила. Она увидѣла, что незнакомка поблѣднѣла, задрожала, потомъ покраснѣла и вскричала пронзительно громкимъ голосомъ:

— Несчастная, ты любишь Орденера Гульденлью, жениха Ульрики Алефельдъ, сына смертельнаго врага твоего отца, вице-короля Норвегіи.

Этель упала безъ чувствъ.

XIV.

Кополиканъ. Идите такъ тихо, чтобы сама земля не слышала шума вашихъ шаговъ. Удвойте осторожность, друзья. Если мы нападемъ врасплохъ, я вамъ ручаюсь за побѣду.

Тюкапель. Ночь покрыла все своимъ покровомъ. Страшная мгла окутываетъ землю. Мы не слышимъ ни одного часового, мы не видѣли ни одного шпіона.

Ринго. Впередъ.

. . . .

Тюкапель. Что слышу я? Неужели мы открыты!

Лопе де-Вега.

— А знаешь, Гульдонъ Стайнеръ, мой старый товарищъ, зимній вѣтеръ-таки порядкомъ студитъ мнѣ носъ и щеки,—говорилъ Кенниболь, отвернувшись на минуту отъ гиганта, шедшаго во главѣ возставшихъ, и обращаясь къ горцу, случайно оказавшемуся съ нимъ рядомъ.

Тотъ покачалъ головой, переложилъ знамя, которое несъ, съ одного плеча на другое и промолвилъ съ усталымъ вздохомъ:

— Да, есть-таки. А воображаю, что дѣлается въ проклятыхъ ущельяхъ Чернаго Столба. Туда вѣтеръ бросается, какъ порохъ. И не думаю, что намъ будетъ тамъ такъ тепло, какъ тому пламени, которое скачетъ на горящемъ хворостѣ.

— Да, нужно будетъ развести костры побольше, чтобы самыя совы проснулись на вершинахъ скалъ... Не люблю я совъ. Въ ту ужасную ночь, когда я видѣлъ фею Убфемъ, она имѣла видъ совы.

— Клянусь святымъ Сильвестромъ, недурные удары крыльевъ шлетъ намъ ангелъ вѣтра. А хорошо бы было поджечь всѣ ели на горахъ. Вѣдь это было бы недурно на видъ: армія, грѣющаяся у горящаго лѣса.

— Помилуй Богъ, Гульдонъ! А косули, а кречеты, а фазаны? Жарить дичь—прекрасно, слова нѣтъ, но кто же ее жжетъ!

— Узнаю стараго Кенниболя! — со смѣхомъ вскричалъ Гульдонъ.—Все тотъ же волкъ для косуль, медвѣдь для волковъ и буйволъ для медвѣдей.

— Далеко еще до Чернаго Столба?—спросилъ чей-то голосъ въ толпѣ.

— Мы придемъ туда къ вечеру, пріятель,—отвѣчалъ Кенниболь.—А теперь мы какъ разъ у Четырехъ Крестовъ.

Собесѣдники помолчали. Слышенъ былъ только топотъ множества ногъ, свистъ вѣтра, да издали доносилось пѣніе сміазенскихъ кузнецовъ.

— Гульдонъ Стайнеръ,—сказалъ Кенниболь, кончивъ насвистывать пѣсенку охотника Роллона,—вѣдь ты на-дняхъ былъ въ Дронтгеймѣ?

— Какъ же. Знаешь моего брата, рыбака Георга? Такъ вотъ онъ заболѣлъ, я и пробылъ тамъ нѣсколько времени и рыбачилъ на его лодкѣ, чтобы его семья не умерла съ голоду.

— Такъ, такъ! Ну, а не случалось ли тебѣ тамъ видѣть этого узника-то, какъ его тамъ, Шумакера, Глеффенгема... ну, однимъ словомъ того, во имя котораго мы возстали и котораго гербъ вышитъ на знамени, которое ты несешь?

— А тяжелая штука, будь она неладна! Такъ ты говоришь про графа, что сидитъ въ Мункгольмѣ. Какъ же, увидишь его! Для этого,—продолжалъ онъ, понижая голосъ,—надо имѣть такіе глаза, какъ у этого дьявола, что идетъ впереди. И какъ это послѣ его прохода сѣрой не пахнетъ! Удивительно. Да, только вѣдь этотъ Ганъ-Исландецъ и видитъ сквозь стѣны. Правда, при помощи кольца феи Мебъ можно, говорятъ, пролѣзть хоть въ замочную скважину, да поди, добудь его. Скажу я тебѣ—между нами есть только одинъ... Онъ-то, я увѣренъ, видѣлъ графа... Этого узника-то, о которомъ ты толкуешь.

— Одинъ? Кто же—господинъ Гаккетъ? Да его сейчасъ тутъ нѣтъ, онъ вернется только къ ночи.

— Да нѣтъ, не Гаккетъ.

— А кто же?

— Этотъ молодой-то, въ зеленомъ плащѣ, съ чернымъ перомъ; что свалился-то на насъ сегодня, какъ снѣгъ на голову.

— Ну?

— Да, вотъ онъ и знаетъ этого графа, не хуже, чѣмъ я тебя, къ примѣру.

Кенниболь подмигнулъ, хлопнулъ Гульдона по плечу и проговорилъ торжествующимъ тономъ, какъ человѣкъ довольный своей проницательностью:

— А, знаешь, я такъ и думалъ.

— Да, — повторилъ Гульдонъ Стайнеръ, снова перекладывая знамя на другое плечо.—Ужъ это я знаю, что тотъ, зеленый-то видѣлъ графа, какъ ты тамъ его зовешь, все забываю. И видѣлъ онъ его въ самой башнѣ Мункгольмскаго замка, и хотѣлось ему туда не меньше, чѣмъ намъ съ тобой въ королевскій паркъ, къ примѣру.

— А откуда ты это все знаешь?

— А вотъ, взгляни-ка!

И съ этими словами старый горецъ осторожно отвернулъ полу своей куртки и что-то таинственно показалъ охотнику.

— Милосердный Боже!—вскричалъ Кенниболь.—Это блеститъ, какъ алмазы.

И дѣйствительно, грубая портупея Гульдона Стайнера была застегнута богатой алмазной застежкой.

— Да это и есть алмазы,—сказалъ Стайнеръ, опуская полу куртки.—Это такъ же вѣрно, какъ то, что до луны два дня ходу, и что моя портупея сдѣлана изъ буйволовой кожи.

Лицо Кенниболя потемнѣло и приняло строгое выраженіе. Онъ опустилъ глаза въ землю и заговорилъ съ какой-то суровой торжественностью.

— Гульдонъ Стайнеръ изъ деревни Шоль-Зэ, что въ Кольскихъ горахъ. Твой отецъ, Медпратъ Стайнеръ, прожилъ сто два года, и его никто не могъ ни въ чемъ упрекнуть, потому что нѣтъ ничего преступнаго въ томъ, что иногда онъ убивалъ по ошибкѣ лань или лося, принадлежавшихъ королю. Гульдонъ Стайнеръ, ты уже сѣдъ, на твоихъ плечахъ лежитъ уже пятьдесятъ семь лѣтъ. Только для совъ этотъ возрастъ считается молодостью. Гульдонъ Стайнеръ, товарищъ, если ты пріобрѣлъ эту застежку неправымъ путемъ, не такимъ правымъ путемъ, какъ пріобрѣтаетъ фазанъ свинцовую пулю, то для тебя было бы лучше, чтобы не алмазы, а простыя просяныя зерна украшали эту вещь.

Въ этой странной, витіеватой рѣчи стараго охотника слышались и угроза и какое-то умиленіе.

— Я владѣю ею на законномъ основаніи,—спокойно сказалъ Стайнеръ.—Это такъ же вѣрно, какъ то, что Кенниболь самый смѣлый охотникъ въ Кольскихъ горахъ, и что эти алмазы суть алмазы.

— Правда!—сказалъ Кенниболь голосомъ, въ которомъ слышалось колебаніе между довѣріемъ и сомнѣніемъ.

— Господь и мой святой патронъ знаютъ, что я говорю правду. Дѣло было въ тотъ самый вечеръ, когда я только что указалъ Спладгестъ нѣсколькимъ сыновьямъ нашей старой матери Норвегіи, котсрые несли тѣло офицера, найденнаго на Урхтальскомъ прибрежьѣ. Это было съ недѣлю тому назадъ. Къ лодкѣ моей подошелъ молодой человѣкъ. «Въ Мункгольмъ!»—сказалъ онъ. Мнѣ не очень хотѣлось туда ѣхать. Вольной птицѣ не пристало летать близко около клѣтки. Но молодой человѣкъ былъ такъ важенъ и гордъ, за нимъ слуга велъ пару осѣдланныхъ лошадей, и въ лодку ко мнѣ онъ вошелъ, даже не спрашивая моего согласія. Нечего было дѣлать. Я взялъ свои весла, то-есть весла моего брата. Видно, такъ хотѣлъ мой добрый ангелъ. Когда мы подплыли къ Мункгольму, пассажиръ мой, поговоривъ съ господиномъ сержантомъ, который, вѣроятно, командуетъ фортомъ, бросилъ мнѣ вмѣсто платы эту застежку. Видитъ Богъ, я говорю правду. Случись это немного раньше, эта вещь должна бы была достаться брату Георгу, но въ то время, какъ меня нанялъ этотъ человѣкъ, да поможетъ ему Господь въ дѣлахъ его, день, который я взялся проработать за брата, уже миновалъ.

— Хорошо.

Лицо вождя мало-по-малу прояснилось настолько, насколько то позволяла его обычная суровость.

— Увѣренъ ли ты, старый товарищъ, что этотъ молодой человѣкъ тотъ самый, что идетъ теперь вмѣстѣ съ нами въ отрядѣ Норбита?—спросилъ онъ уже болѣе мягкимъ тономъ.

— Увѣренъ. Среди тысячи лицъ я узналъ бы лицо моего благодѣтеля. Къ тому же онъ одѣтъ въ тотъ же плащъ, на немъ та же шляпа съ чернымъ перомъ, что была въ тотъ вечеръ.

— Я вѣрю тебѣ, Гульдонъ.

— И ясно, что онъ хотѣлъ видѣть знаменитаго узника. Не будь тутъ какой-нибудь тайны, зачѣмъ было ему такъ щедро награждать лодочника? Зачѣмъ, наконецъ, онъ теперь идетъ съ нами вмѣстѣ?

— Ты правъ.

— И знаешь что, вождь, мнѣ кажется, этотъ молодой человѣкъ пользуется у графа, котораго мы хотимъ освободить, бо́льшимъ довѣріемъ, чѣмъ Гаккетъ. Этотъ Гаккетъ, по-моему, только и годенъ на то, чтобъ мяукать, какъ дикая кошка.

Кенниболь выразительно кивнулъ головой.

— Ты сказалъ то, товарищъ, что хотѣлъ я сказать. Во всемъ этомъ дѣлѣ я охотнѣе готовъ повиноваться этому молодому человѣку, чѣмъ Гаккету. Да помогутъ мнѣ святой Сильвестръ и святой Олай, я думаю, что если нами командуетъ исландскій демонъ, то этимъ мы обязаны гораздо больше этому незнакомцу, чѣмъ болтливой воронѣ Гаккету.

— По правдѣ, вождь?—спросилъ Гульдонъ.

Кенниболь готовъ былъ отвѣтить, но въ это время кто-то ударилъ его по плечу. Онъ оглянулся. Передъ нимъ стоялъ Норбитъ.

— Кенниболь, намъ измѣнили!—сказалъ онъ.—Гормонъ Вэстрэмъ только что пришелъ съ юга. На насъ наступаетъ цѣлый полкъ стрѣлковъ. Въ Спарбо стоятъ шлезвигскіе уланы, въ Левигѣ три роты датскихъ драгунъ ожидаютъ лошадей. По всей дорогѣ онъ видѣлъ не меньше зеленыхъ мундировъ, чѣмъ кустовъ. Поспѣшимъ въ Сконгенъ. Не будемъ останавливаться, пока не придемъ туда. Тамъ, по крайней мѣрѣ, мы можемъ защищаться. Кромѣ того, Гормонъ какъ будто замѣтилъ блескъ ружей между кустами, когда проходилъ ущельемъ Чернаго Столба.

Молодой вождь былъ блѣденъ, взволнованъ, но въ голосѣ его слышались смѣлость и рѣшимость.

— Не можетъ быть!—вскричалъ Кенниболь.

— Это вѣрно, я знаю,—отвѣчалъ Норбитъ.

— Но господинъ Гаккетъ...

— Онъ или трусъ, или предатель. Ужъ повѣрь мнѣ, братъ Кенниболь. Скажи-ка, гдѣ этотъ Гаккетъ?

Въ эту минуту къ нимъ подошелъ и старый Іона. По убитому виду старика было сразу видно, что и ему извѣстна роковая новость.

Глаза обоихъ стариковъ, Іоны и Кенниболя, встрѣтились. Оба точно по безмолвному соглашенію покачали головой.

— Ну, что же, Іона? Ну, что же, Кенниболь?—сказалъ Норбитъ.

Старый вождь Фарэрскихъ рудокоповъ медленно провелъ рукой по морщинистому лбу и тихо промолвилъ, какъ бы въ отвѣтъ на нѣмой вопросъ Кенниболя:

— Да, сомнѣній нѣтъ. Гормонъ Вэстрэмъ видѣлъ все это своими глазами.

— Но если такъ, то что же намъ дѣлать?—сказалъ Кенниболь.

— Что дѣлать?—повторилъ вмѣсто отвѣта Іона.

— Я думаю, Іона, что всего лучше остановиться.

— А я думаю, Кенниболь, что еще лучше отступить.

— Остановиться! Отступить! Надо итти впередъ! — вскричалъ Норбитъ.

Два старика съ холоднымъ удивленіемъ взглянули на молодого человѣка.

— Впередъ! А Мункгольмскіе стрѣлки?—сказалъ Кенниболь.

— А шлезвигскіе уланы?—прибавилъ Іона.

— А датскіе драгуны?—напомнилъ Кенниболь.

Норбитъ топнулъ ногою.

— А королевская опека! А моя мать, которая умираетъ отъ голода и холода!

— Да, эта опека!..—проговорилъ Іона и даже вздрогнулъ.

— Что жъ дѣлать!—сказалъ Кенниболь.

Іона взялъ Кенниболя за руку.

— Охотникъ,—сказалъ онъ,—ты не имѣешь чести состоять подъ опекой его величества короля Христіана IV, ты не знаешь, что это такое! Да освободитъ насъ отъ нея святой король Олай!

— Проси этого у своей сабли, — свирѣпо промолвилъ Норбитъ.

— Молодому человѣку легко говорить смѣлыя слова,—сказалъ Кенниболь,—но подумайте, если мы пойдемъ дальше, то всѣ эти зеленые мундиры...

— А я думаю,—сказалъ Норбитъ,—что хотя мы и вернемся въ горы, какъ лисицы передъ волками, то все же наши имена извѣстны, про наше возстаніе узнали. И если умирать, такъ ужъ лучше умереть съ пулей стрѣлка въ груди, чѣмъ съ петлей палача на шеѣ.

Іона кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— Да, намъ будетъ петля, а нашимъ братьямъ все равно останется опека!.. Пожалуй, Норбитъ и правъ.

— Дай руку, Норбитъ,—сказалъ Кенниболь.—Я вижу, что опасность грозитъ намъ и впереди и позади. Такъ лучше прямо итти къ пропасти, чѣмъ упасть въ нее, пятясь ракомъ!

— Такъ идемъ же! — вскричалъ Іона, ударивъ по рукояти сабли.

Норбитъ радостно пожалъ руки стариковъ.

— Слушайте, друзья,—сказалъ онъ.—Будьте смѣлы, какъ я, а я буду остороженъ, какъ вы. Не будемъ останавливаться раньше Сконгена. Тамъ гарнизонъ не великъ, мы раздавимъ его. Намъ нужно, во что бы то ни стало, пройти ущелье Чернаго Столба, даже въ томъ случаѣ, если его стерегутъ стрѣлки. Такъ будемъ же хранить самое глубокое молчаніе и попытаемся пройти незамѣченными.

— Я думаю, что стрѣлки не дошли еще до Ордальскаго моста, по ту сторону Сконгена, но все же будь по-твоему. Итакъ—молчаніе.

— Молчаніе!—повторилъ Кенниболь.

— А теперь, Іона,—сказалъ Норбитъ,—вернемся къ нашимъ отрядамъ. Можетъ-быть, завтра мы будемъ въ Дорнтгеймѣ, несмотря на стрѣлковъ, уланъ и на всѣ зеленые мундиры юга.

Вожди разстались. Новый лозунгъ «молчаніе» передался по рядамъ, и черезъ нѣсколько минутъ шумныя банды возставшихъ стали похожи, при тускломъ свѣтѣ сгущавшихся сумерекъ, на армію привидѣній, безшумно двигавшихся по извилистымъ дорожкамъ кладбища.

Дорога, по которой они шли, становилась все уже и все глубже зарывалась между двумя стѣнами скалъ, круто возвышавшихся надъ дорогой. Въ ту минуту, какъ красноватая луна взошла на горизонтѣ, окруженная причудливыми, холодными, каждую минуту мѣнявшими форму облаками, Кенниболь наклонился къ Стайнеру и проговорилъ:

— Тише! Мы входимъ въ ущелье Чернаго Столба.

Дѣйствительно, до нихъ уже доносился шумъ потока, стремившагося между скалъ вдоль самой дороги, и на югѣ уже видѣлась высокая продолговатая пирамида, прозванная Чернымъ Столбомъ. Мрачнымъ пятномъ вырисовывалась она на фонѣ сѣраго неба и снѣга горныхъ вершинъ. А на западѣ, сквозь густой туманъ, едва виднѣлась темная полоса лѣса Спарбо и длинный амфитеатръ

скалъ, громоздившихся другъ на друга, точно ступени исполинской лѣстницы.

Мятежники, принужденные вслѣдствіе узости дороги втянуться въ длинную колонну, продолжали итти впередъ. Не зажигая факеловъ, въ глубокомъ молчаніи вступили они въ ущелье. Даже шума шаговъ ихъ не было слышно за шумомъ водопадовъ, за воемъ вѣтра, сгибавшаго вѣковые лѣса друидовъ и крутившаго клубы тумана вокругъ обледянѣлыхъ вершинъ. Свѣтъ луны, то и дѣло заволакивавшейся тучами, не достигалъ до этихъ затерянныхъ въ глубинѣ ущелья людей, не серебрилъ наконечниковъ ихъ пикъ, и сами горные орлы не подозрѣвали, что въ эту минуту подъ ихъ гнѣздами проходитъ такое множество людей.

Вдругъ старый Гульдонъ Стайнеръ коснулся плеча Кенниболя.

— Взгляни,—сказалъ онъ,—что-то блеститъ за этимъ пучкомъ дрока и остролистника.

— Вижу,—отвѣчалъ Кенниболь.—Это потокъ блеститъ, отражая облака.

И они прошли мимо.

Другой разъ Гульдонъ быстро удержалъ Кенниболя за руку.

— Посмотри, не ружья ли это блестятъ въ тѣни того утеса?

Кенниболь внимательно посмотрѣлъ въ указанномъ направленіи.

— Успокойся, дружище Гульдонъ, это просто лунный свѣтъ упалъ на ледяную вершину.

Затѣмъ уже ничто не тревожило ихъ больше, и, вытянувшись по извилистой дорогѣ ущелья, возставшіе начали мало-по малу забывать всю опасность своего положенія.

Послѣ двухъ часовъ труднаго похода по загроможденной огромными камнями и стволами деревьевъ дорогѣ, авангардъ подошелъ къ небольшой группѣ елей, росшихъ въ концѣ ущелья. Черные мшистые утесы поднимались надъ этой рощей, покрывая ее своей тѣнью. Гульдонъ Стайнеръ подошелъ къ Кенниболю и выразилъ свое удовольствіе по поводу того, что они уже почти вышли изъ проклятаго ущелья, и оно не оказалось роковымъ для отряда, благодаря святому Сильвестру.

Кенниболь разсмѣялся. Онъ клялся, что никогда не раздѣлялъ этихъ бабьихъ страховъ. Для него, какъ и для большинства людей, прошедшая опасность казалась несуществующей. Нерѣдко люди выказываютъ заднимъ числомъ недовѣрчивость, чтобы доказать свою храбрость, которой, можетъ-быть, у нихъ и не было, пока существовала опасность.

Въ эту минуту его вниманіе привлекли двѣ круглыя, свѣтящіяся, какъ горячіе угли, точки, двигавшіяся въ чащѣ лѣса.

— Клянусь спасенімъ моей души,—сказалъ онъ тихо, взявъ за руку Гульдона,—это глаза рыси. И красавица же она, судя по глазамъ.

— Да,—сказалъ Стайнеръ,—и если бы не шелъ передъ нами тотъ великанъ, я бы подумалъ, что это исл...

— Тс...—прошепталъ Кенниболь.—Ну, ужъ не миновать ей рукъ стараго Кенниболя, коли попалась ему на глаза.

Онъ схватилъ свой карабинъ и прежде, чѣмъ Гульдонъ успѣлъ удержать неосторожнаго охотника, раздался громкій выстрѣлъ. Но не жалобный стонъ дикой кошки раздался въ отвѣтъ на выстрѣлъ, а ужасное рычаніе тигра и за нимъ еще ужаснѣйшій человѣческій хохотъ.

Но эхо отъ выстрѣла уже не было слышно. Едва блеснулъ онъ въ темнотѣ, какъ тысячи голосовъ раздались въ ущельѣ, въ лѣсу, и громовое «Да здравствуетъ король!» поразило смятенный слухъ возставшихъ, Со всѣхъ сторонъ затрещали ружейные выстрѣлы и при свѣтѣ этихъ выстрѣловъ возставшіе увидѣли, что одинъ за другимъ падаютъ ихъ товарищи, что за каждымъ утесомъ скрывается батальонъ, за каждымъ деревомъ—солдатъ.

XV.

Къ оружію! Къ оружію, вожди!

Окальскій плѣнникъ.

Да соблаговолитъ читатель пережить еще разъ вмѣстѣ съ нами только что описанный день, перенесясь въ Сконгенъ, куда входилъ полкъ стрѣлковъ, видѣнный нами на походѣ въ седьмой главѣ этой книги, — входилъ въ ту самую минуту, какъ возставшіе выступали изъ Апсиль-Корскаго рудника.

Отдавъ приказанія о размѣщеніи солдатъ, баронъ Вэтэйнъ, командиръ стрѣлковъ, отправился въ отведенный ему у самыхъ воротъ города домъ. Но у двери дома онъ вдругъ почувствовалъ, что чья-то тяжелая рука фамильярно опустилась къ нему на плечо. Онъ обернулся. Передъ нимъ стоялъ человѣкъ маленькаго роста. Большая тростниковая шляпа скрывала его лицо, оставляя наружи только густую рыжую бороду. Онъ старательно кутался въ плащъ изъ грубой сѣрой ткани. По остатку капюшона, висѣвшему на этомъ плащѣ, можно было предположить, что когда-то онъ служилъ одеждой отшельнику. Изъ-подъ плаща не видно было ничего, кромѣ огромныхъ рукъ, скрытыхъ подъ толстыми перчатками,

— Что тебѣ отъ меня надо, молодецъ?—рѣзко спросилъ полковникъ.

— Полковникъ Мункгольмскихъ стрѣлковъ,—отвѣчалъ какимъ-то загадочнымъ тономъ незнакомецъ.—Слѣдуй за мной. Я долженъ сообщить тебѣ важное извѣстіе.

Полковникъ не сразу отвѣтилъ. Его нѣсколько поразило это странное приглашеніе.

— Важное извѣстіе, полковникъ,—повторилъ человѣкъ въ перчаткахъ.

Эта настойчивость заставила барона принять опредѣленное рѣшеніе. Въ тотъ критическій моментъ, который переживала провинція, нельзя было пренебрегать ни однимъ свѣдѣніемъ, которое могло помочь въ исполненіи задачи.

— Идемъ,—сказалъ онъ.

Маленькій человѣкъ пошелъ впередъ, полковникъ—за нимъ, и скоро они вышли изъ города.

— Полковникъ,—сказалъ тогда маленькій человѣкъ.—Хочешь ты однимъ ударомъ истребить всѣхъ бунтовщиковъ?

Полковникъ засмѣялся.

— Это было бы недурное начало кампаніи.

— Тогда пошли сегодня же всѣхъ твоихъ солдатъ въ засаду къ ущелью Чернаго Столба, въ двухъ миляхъ отсюда. Какъ только ты увидишь первый огонь, нападай на нихъ сразу. Побѣда будетъ легкая. Ихъ шайки ночуютъ тамъ этой ночью.

— Это хорошее извѣстіе, благодарю васъ. Но откуда вы это знаете?

— Если бъ ты зналъ меня, полковникъ, то ты скорѣе спросилъ бы меня, какъ я могу этого не знать.

— Кто же вы?

Незнакомецъ топнулъ ногой,

— Я не затѣмъ пришелъ сюда, чтобы говорить тебѣ это.

— Не бойтесь, кто бы вы ни были, ваша услуга будетъ вамъ зачтена. Можетъ-быть, вы тоже изъ числа возставшихъ?

— Я отказался участвовать въ возстаніи.

— Тогда зачѣмъ же вы скрываете ваше имя, если вы вѣрный подданный короля?

— Какое тебѣ дѣло?

Но полковникъ хотѣлъ добыть еще какихъ-нибудь разъясненій отъ незнакомца.

— Скажите, правда ли, что разбойниками командуетъ знаменитый Ганъ-Исландецъ?

— Ганъ-Исландецъ!—какимъ-то необыкновеннымъ тономъ проговорилъ маленькій человѣкъ.

Баронъ повторилъ свой вопросъ. Хохотъ, похожій скорѣе на рычаніе, былъ ему единственнымъ отвѣтомъ. Полковникъ попытался еще задать нѣсколько вопросовъ, касающихся числа возставшихъ и ихъ вождей, но маленькій человѣкъ перебилъ его:

— Полковникъ Мункгольмскихъ стрѣлковъ! Я сказалъ тебѣ все, что имѣлъ сказать. Устрой сегодня засаду въ ущельяхъ Чернаго Столба всѣмъ полкомъ, и ты можешь раздавить все это человѣчье стадо.

— Вы не хотите открыть, кто вы, и такимъ образомъ лишаете себя благодарности короля, но баронъ Вэтэйнъ тѣмъ не менѣе считаетъ долгомъ отблагодарить васъ за услугу.

И полковникъ бросилъ къ ногамъ маленькаго человѣка кошелекъ.

— Оставь себѣ свое золото, полковникъ, мнѣ оно не нужно. И если бы тебѣ понадобилась плата за то, чтобы убить всѣхъ этихъ людей, я бы самъ далъ тебѣ золота за ихъ кровь.

И онъ указалъ на большой мѣшокъ, висѣвшій у него на веревочномъ поясѣ.

И прежде, чѣмъ полковникъ успѣлъ прійти въ себя отъ изумленія, въ которое повергли его необъяснимыя слова этого таинственнаго существа, собесѣдникъ его скрылся. Баронъ медленно пошелъ къ себѣ, думая, насколько можно вѣрить этому извѣстію. Но въ ту минуту, какъ онъ былъ уже около своего дома, ему подали письмо съ гербовой печатью великаго канцлера. Это письмо было дѣйствительно отъ графа Алефельда и къ великому удивленію полковника заключало въ себѣ то же извѣстіе и тотъ же совѣтъ, который только что далъ ему за городскими воротами непонятный человѣкъ въ тростниковой шляпѣ и сѣрыхъ перчаткахъ.

XVI.

> Сто знаменъ развѣвались надъ головами храбрецовъ. Ручьи крови текли со всѣхъ сторонъ, и смерть казалась лучше, чѣмъ бѣгство. Саксонскій бардъ назвалъ бы эту ночь праздникомъ мечей. Крикъ орловъ, кидающихся на добычу, этотъ шумъ войны, былъ бы гораздо пріятнѣе для его слуха, чѣмъ веселыя пѣсни на свадебномъ пиру.
>
> *Вальтеръ-Скоттъ.—Айвенго.*

Мы не будетъ пытаться описывать, въ какое смятеніе пришли и безъ того нестройныя колонны возставшихъ, когда роковое ущелье вдругъ точно выкинуло изъ всѣхъ своихъ извивовъ несмѣтныя толпы враговъ, когда всѣ окрестныя вершины ощетинились штыками. Трудно было бы сказать, что выражалъ тотъ тысячеголосый крикъ, который вырвался изъ этой безпощадно избиваемой толпы: отчаяніе ли, страхъ или бѣшенство. Ужасный огонь появлявшихся со всѣхъ сторонъ новыхъ и новыхъ взводовъ королевскихъ войскъ усиливался съ каждой минутой и прежде чѣмъ изъ рядовъ мятежниковъ раздался второй вслѣдъ за роковымъ выстрѣломъ Кенниболя выстрѣлъ, вокругъ нихъ образовалось цѣлое облако удушливаго горячаго дыма, сквозь который слѣпо пролетала смерть. Не видя своихъ товарищей въ этомъ тяжеломъ облакѣ, возставшіе метались изъ стороны въ сторону, едва различая вдали стрѣлковъ, драгунъ и уланъ, которые, словно черти въ адскомъ горнилѣ, являлись опоясанные огненнымъ кольцомъ выстрѣловъ на утесахъ и на опушкѣ лѣса.

Всѣ эти отряды, растянувшіеся на цѣлую милю по извилистой, узкой дорогѣ, съ одной стороны которой клубился глубокій потокъ, а съ другой поднималась отвѣсная стѣна скалъ, походили на куски раздавленной змѣи, корчащіеся въ крови и старающіеся соединиться.

Но когда прошелъ первый моментъ неожиданности, общее отчаяніе какъ бы придало единую душу всѣмъ этимъ смѣлымъ по натурѣ людямъ. Охваченная бѣшенствомъ толпа испустила крикъ, вырвавшійся точно изъ одной груди, крикъ, покрывшій на минуту торжествующій кличъ нападающихъ. И когда враги увидѣли,

что эти люди, лишенные начальниковъ, почти безоружные, стали подъ свинцовымъ дождемъ взбираться на отвѣсныя скалы, цѣпляясь руками и зубами за корни, перекинувшіеся черезъ пропасти, размахивая топорами и вилами, — они, эти хорошо вооруженные, искусно расположенные, занимавшіе прекрасную позицію и ни одного человѣка не потерявшіе солдаты не могли удержать невольнаго движенія ужаса.

Нѣкоторымъ изъ этихъ полудикарей удавалось подниматься на вершины, то пользуясь мостами изъ труповъ, то поднимаясь на плечи товарищей, но едва поднималъ такой смѣльчакъ съ крикомъ «Свобода!» топоръ или узловатую дубину, какъ ужъ летѣлъ въ пропасть, увлекая за собой слѣдовавшихъ за нимъ товарищей.

И бѣгство и оборона были невозможны. Всѣ выходы изъ ущелья, всѣ сколько-нибудь доступные пункты были заняты солдатами. Большая часть несчастныхъ инсургентовъ умирала, бѣшено грызя песокъ и стараясь разбить, уничтожить передъ смертью свое безполезное оружіе. Другіе просто усѣлись на камни и ждали, когда пуля сброситъ ихъ въ мутныя волны потока. Нѣкоторые изъ тѣхъ, кого предусмотрительный Гаккетъ снабдилъ длинными ружьями, пытались стрѣлять, но въ отвѣтъ на одну пулю летѣли десятки, сотни. Въ шумѣ битвы лишь изрѣдка слышались вопли умирающихъ, бѣшеные клики вождей, спокойная команда офицеровъ. Сплошной гулъ стоялъ надъ этой бойней, гулъ, которому какъ бы аккомпанировали ружейные залпы. Надъ ущельемъ поднялся тяжелый кровавый туманъ, то и дѣло освѣщаемый вспыхивающими огнями залповъ. А побѣлѣвшій отъ пѣны потокъ, одинаково враждебный обѣимъ враждебнымъ сторонамъ, несся между ними, бурный и холодный, унося съ собою падавшіе въ него трупы и какъ бы требуя новыхъ и новыхъ. Но прежде всѣхъ и больше всѣхъ подверглись дѣйствію огня кольскіе горцы, предводимые Кенниболемъ. Едва успѣлъ онъ зарядить вновь свой карабинъ, какъ вся роща, въ которую втянулся, какъ помнитъ читатель, отрядъ Кенниболя, наполнилась словно по волшебству стрѣлками. Отрядъ былъ окруженъ ими со всѣхъ сторонъ. Мало этого, сверху, съ плоской вершины и нависшихъ надъ рощей утесовъ, цѣлый батальонъ стрѣлковъ положительно осыпалъ пулями несчастныхъ горцевъ. Помощи ждать было неоткуда. Растерявшійся Кенниболь взглянулъ на гиганта. Вотъ теперь-то настало время проявиться его дьявольской силѣ. Но Ганъ-Исландецъ не взлеталъ къ небу, не сыпалъ на нападающихъ сверху горы и скалы, не разверзалъ бездонной пропасти подъ ихъ ногами, не поражалъ ихъ молніей, не изрыгалъ на нихъ пламени. Нѣтъ, онъ такъ же, какъ и самъ Кенниболь, отступилъ назадъ, на лицѣ его отразилось даже нѣкоторое смущеніе, и онъ самымъ обыкновеннымъ голосомъ попросилъ у Кенниболя карабинъ, потому что, какъ объяснилъ онъ, въ такую минуту топоръ ему нуженъ не больше, чѣмъ веретено старой бабы. Удивленный, но все еще не потерявшій вѣры въ сверхъестественную силу гиганта, Кенниболь передалъ ему свой собственный мушкетъ, при чемъ страхъ передъ

чудовищемъ вытѣснилъ изъ его души даже страхъ передъ пулями. Теперь-то онъ и ожидалъ чуда. Вотъ-вотъ его мушкетъ обратится въ цѣлую пушку, а то и въ дракона, изрыгающаго пламя изъ ноздрей, изъ глазъ и изо рта. Ничего подобнаго. Гигантъ просто зарядилъ карабинъ порохомъ и пулей, какъ дѣлалъ и самъ Кенниболь, прицѣлился и выстрѣлилъ. Это онъ продѣлалъ еще и еще разъ, при чемъ Кенниболь могъ замѣтить, что самые пріемы гиганта далеко не обличаютъ въ немъ хорошаго стрѣлка. У самого Кенниболя это вышло бы гораздо лучше. Видя, что чудеснаго не дождешься, Кенниболь раскинулъ умомъ, чтобы съ помощью какого-нибудь человѣческаго средства выбраться изъ грустнаго положенія, въ которомъ находились его товарищи. Уже Гульдонъ Стайнеръ лежалъ около него, весь израненный, уже онъ видѣлъ, что товарищи его подъ вліяніемъ безумнаго ужаса только жмутся другъ къ другу, не пытаясь даже защищаться. Кенниболь понялъ, что прежде всего необходимо постараться уменьшить губительную силу огня, такъ какъ всякій залпъ вырывалъ изъ рядовъ по меньшей мѣрѣ человѣкъ двадцать. Онъ приказалъ своимъ товарищамъ разсыпаться за кусты, за камни, вытянуться вдоль дороги, которая въ этомъ мѣстѣ была гораздо шире, чѣмъ на всемъ протяженіи ущелья, и попытаться отвѣчать на все усиливавшійся огонь стрѣлковъ. Горцы были почти всѣ хорошо вооружены, такъ какъ были охотниками по ремеслу. Приказаніе начальника было исполнено очень быстро, чего, можетъ-быть, Кенниболь и не достигъ бы въ другую, менѣе критическую минуту. Лицомъ къ лицу съ опасностью люди обыкновенно теряютъ голову и охотно повинуются тому, кто одинъ за всѣхъ берется распоряжаться и не теряетъ присутствія духа и хладнокровія.

Но отъ этой мудрой мѣры далеко было не только до побѣды, но даже и до спасенія. Многіе горцы уже совершенно отказались отъ безполезнаго сопротивленія и, несмотря на ободренія Кенниболя и примѣръ гиганта, улеглись около раненыхъ, рѣшившись дожидаться смерти, не давая себѣ труда причинять ее другимъ. Читатель можетъ удивиться, что люди эти, привыкшіе чуть не ежедневно рисковать жизнью, гоняясь по ледникамъ горныхъ вершинъ за дикими звѣрями, такъ скоро впали въ отчаяніе. Но тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Въ простыхъ сердцахъ храбрость имѣетъ чисто мѣстный характеръ. Можно смѣяться подъ картечью и въ то же время бояться темноты, дрожать передъ пропастью. Можно ходить одинъ на одинъ на медвѣдя, перепрыгивать черезъ пропасти и въ то же время постыдно бѣжать передъ первымъ артиллерійскимъ залпомъ. Нерѣдко храбрость—простая привычка. Человѣкъ перестаетъ бояться смерти лишь въ той или иной формѣ, но вообще боится ея ничуть не меньше.

Окруженный цѣлыми грудами умирающихъ собратьевъ, Кенниболь начиналъ самъ приходить въ отчаяніе, хотя онъ всего лишь былъ слегка раненъ въ руку и видѣлъ, что гигантъ исполнялъ свои обязанности мушкетера съ безстрастіемъ самаго ободрительнаго свойства. Вдругъ онъ замѣтилъ въ рядахъ батальона, рас-

положеннаго на высотахъ, какое-то необычайное смятеніе. Очевидно, что причина этого смятенія крылась не въ слабомъ огнѣ горцевъ. Онъ услышалъ крики ужаса, стоны умирающихъ, проклятія... Стрѣльба сразу стала рѣже, дымъ разсѣялся, и Кенниболь ясно увидѣлъ, что на Мункгольмскихъ стрѣлковъ сыплются съ возвышавшейся надъ занятымъ ими плато вершины огромныя каменныя глыбы. Глыбы эти сыпались съ необычайной быстротой, съ грохотомъ разбивались при паденіи, сталкивались одна съ другою, и обломки ихъ прыгали между солдатами, разстраивая ихъ ряды. Солдаты торопливо спускались съ высоты и разбѣгались въ разныя стороны.

Кенниболь взглянулъ въ ту сторону, гдѣ стоялъ гигантъ. Онъ подумалъ, что Ганъ-Исландецъ взлетѣлъ, наконецъ, на вершину утеса и началъ поражать оттуда враговъ. Но нѣтъ, къ его удивленію, гигантъ стоялъ на прежнемъ мѣстѣ. Кенниболь взглянулъ на вершину, откуда сыпались камни, и не увидѣлъ ничего. Онъ не могъ предположить, что часть возставшихъ успѣла добраться до этой вершины, потому что тамъ не видно было блеска оружія, оттуда не слышалось побѣдныхъ криковъ. Огонь совершенно прекратился. Стрѣлковъ не было видно, очевидно, остатки батальона спрятались за густыми деревьями у подножья высоты. Стрѣльба другой части стрѣлковъ также ослабла. Кенниболь искусно воспользовался этимъ неожиданнымъ обстоятельствомъ. Онъ воодушевилъ своихъ товарищей и указалъ имъ на массу вражескихъ труповъ, покрывавшихъ плато, куда все еще продолжали сыпаться камни.

Ободренные горцы, въ свою очередь, отвѣтили побѣднымъ крикомъ на стоны враговъ и, хотя разсѣянные въ чащѣ стрѣлки продолжали весьма серьезно безпокоить ихъ своимъ огнемъ, они собрались въ колонну и рѣшили вырваться открытой силой изъ рокового ущелья.

Кенниболь затрубилъ въ рогъ, раздались уже крики: «Свобода! Долой опеку!» Но въ эту минуту послышались дробь барабана и звукъ трубы, и изъ-за поворота дороги вышелъ отрядъ, состоявшій частью изъ остатковъ разогнаннаго обломками скалъ батальона, частью изъ свѣжихъ подкрѣпленій. Передъ глазами горцевъ выросла огромная ощетинившаяся колонна штыковъ. Но, не дойдя до горцевъ, колонна остановилась, и командовавшій ею офицеръ взмахнулъ небольшимъ бѣлымъ знаменемъ и пошелъ къ горцамъ въ сопровожденіи трубача. Кенниболь, однако, не смутился этимъ неожиданнымъ появленіемъ. При грозной опасности бываютъ такія минуты, когда удивленіе, боязнь уже невозможны.

При первомъ же звукѣ трубы и барабана старая лисица Кенниболь остановилъ своихъ товарищей. Когда батальонъ развернулся, онъ велѣлъ зарядить всѣ карабины и построилъ горцевъ по два въ рядъ, чтобы его отрядъ представлялъ возможно меньшую цѣль для непріятеля. Самъ онъ сталъ во главѣ отряда вмѣстѣ съ гигантомъ, съ которымъ въ пылу сраженія онъ почти освоился и даже посмѣлъ замѣтить, что глаза его не сверкаютъ какъ раска-

ленный кузнечный горнъ, и что когти, которые, какъ говорили, растутъ у него на рукахъ, вовсе ужъ не такъ отличаются отъ обыкновенныхъ человѣческихъ ногтей.

Увидя, что командиръ королевскихъ стрѣлковъ идетъ къ нему съ парламентерскимъ флагомъ, Кеннибоhь пріостановилъ на минуту приготовленія къ бою, тѣмъ болѣе, что огонь стрѣлковъ, бывшихъ въ лѣсу, совершенно прекратился и только крики ихъ указывали на ихъ присутствіе.

Офицеръ съ бѣлымъ флагомъ дошелъ до середины разстоянія, отдѣлившаго другъ отъ друга два отряда, и остановился. Трубачъ протрубилъ три раза. Когда звуки трубы смолкли, офицеръ заговорилъ громкимъ голосомъ, который былъ слышенъ, несмотря на шумъ продолжавшейся въ глубинѣ ущелья битвы:

— Именемъ короля обѣщается помилованіе тѣмъ, которые положатъ оружіе и выдадутъ зачинщиковъ правосудію его величества!

Но едва произнесъ онъ эти слова, какъ изъ сосѣдняго перелѣска грянулъ выстрѣлъ. Офицеръ пошатнулся, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, вскрикнулъ: «Измѣна!» и упалъ на землю.

Никто не зналъ, кто былъ виновникомъ этого рокового выстрѣла.

— Измѣна! Подлость! — послышалось изъ вздрогнувшаго, какъ одинъ человѣкъ отъ бѣшенства и негодованія батальона.

И вслѣдъ за тѣмъ страшный залпъ ружей поразилъ горцевъ.

— Измѣна!—вскричали, въ свою очередь, горцы, увидя страшные результаты этого залпа.

И въ свою очередь они отвѣтили дружнымъ залпомъ по королевскимъ стрѣлкамъ.

— Впередъ! Смерть, смерть негодяямъ!—закричали стрѣлки.

— Смерть! Смерть! — повторили горцы.

И отряды кинулись другъ на друга и встрѣтились почти на самомъ трупѣ убитаго офицера. Звонъ оружія и клики сражающихся слились въ одинъ ужасающій гулъ.

Ряды смѣшались. Начальники возставшихъ, офицеры, солдаты, горцы, все смѣшалось, сцѣпилось такъ, что трудно было разобрать что-нибудь въ этой массѣ дошедшихъ до послѣднихъ предѣловъ бѣшенства людей. Казалось двѣ стаи голодныхъ тигровъ встрѣтились въ пустынѣ и кинулись одна на другую. Длинныя пики, штыки, бердыши были уже безполезны въ этой схваткѣ. Одни топоры да сабли блестѣли надъ головами сражающихся, а многимъ приходилось дѣйствовать только книжалами да... зубами.

Одинаковое бѣшенство, одинаковое негодованіе воодушевляло и стрѣлковъ и горцевъ. Одинъ и тотъ же крикъ, «измѣна, месть!» вылеталъ, хриплый и грозный, изъ груди тѣхъ и другихъ. Свалка дошла до тѣхъ предѣловъ, когда чужая смерть кажется дороже своей жизни, когда нога равнодушно топчетъ раненыхъ, когда умирающій приподнимается, чтобы вцѣпиться зубами въ того, кто топчетъ его ногой.

Въ эту минуту какой-то маленькій человѣкъ кинулся въ самую середину свалки. Нѣкоторые приняли его за животное, такъ какъ

онъ былъ одѣтъ въ звѣриныя шкуры. Какой-то ужасный смѣхъ, какое-то радостное рычаніе вырывалось изъ его груди. Никто не зналъ, откуда онъ явился, за кого онъ сражался. Его каменный топоръ не разбиралъ жертвъ и одинаково раздроблялъ черепъ горца и грудь солдата. Тѣмъ не менѣе, онъ какъ будто охотнѣе убивалъ Мункгольмскихъ стрѣлковъ. Все разступалось передъ нимъ. Каменный топоръ крутился вокругъ него, не останавливаясь ни на секунду, и во всѣ стороны летѣли отъ этого топора кровавые лоскуты мяса, раздробленныя кости и изрубленные члены.

Какъ духъ носился онъ въ этой схваткѣ и, какъ и всѣ, кричалъ «месть!», но этотъ крикъ сопровождался какими-то странными словами, среди которыхъ часто слышалось имя Гилль. На этой бойнѣ онъ чувствовалъ себя будто на праздникѣ.

Одинъ изъ горцевъ, на котораго упалъ его убійственный взглядъ, бросился къ ногамъ великана, такъ мало оправдавшаго возложенныя на него Кенниболемъ надежды.

— Ганъ-Исландецъ! Спаси меня!—вскричалъ горецъ.

— Ганъ-Исландецъ!—повторилъ маленькій человѣкъ.

И онъ подошелъ къ великану.

— Ты Ганъ-Исландецъ?—спросилъ онъ.

Вмѣсто отвѣта гигантъ поднялъ топоръ. Но когда онъ опустилъ его, маленькій человѣкъ отскочилъ назадъ и лезвее топора разсѣкло черепъ несчастнаго, умолявшаго гиганта о помощи.

Неизвѣстный разсмѣялся.

— Клянусь Ингольфомъ, я думалъ, что Ганъ-Исландецъ половчѣе!

— Такъ спасаетъ Ганъ-Исландецъ того, кто его умоляетъ о спасеніи,—сказалъ великанъ.

— Ты правъ.

Два страшныхъ бойца бѣшено кинулись другъ на друга. Каменный и желѣзный топоры столкнулись, и оба лезвея разлетѣлись вдребезги. Быстрѣе мысли маленькій человѣкъ схватилъ тяжелую дубину, оставленную на землѣ умирающимъ, и, увернувшись отъ рукъ гиганта, который нагнулся, чтобы схватить его, обѣими руками поднялъ дубину и нанесъ страшный ударъ въ лобъ своему колоссальному противнику.

Гигантъ глухо вскрикнулъ и упалъ. Маленькій человѣкъ съ торжествующимъ крикомъ сталъ топтать его ногами.

— Ты взялъ имя не по себѣ,—сказалъ онъ, наконецъ.

И, взмахнувъ дубиной, бросился искать себѣ другихъ жертвъ. Но гигантъ не умеръ, а только былъ ошеломленъ ударомъ. Вскорѣ онъ открылъ глаза и пошевелился. Но въ эту минуту его замѣтилъ одинъ изъ стрѣлковъ и кинулся къ нему съ громкимъ крикомъ:

— Ганъ-Исландецъ взятъ въ плѣнъ! Побѣда!

— Ганъ-Исландецъ взятъ въ плѣнъ!—закричало множество голосовъ, но въ однихъ слышалось торжество, а въ другихъ—отчаяніе.

Маленькій человѣкъ исчезъ.

Горцы уже нѣсколько времени чувствовали, что непріятель подавляетъ ихъ численностью, такъ какъ Мункгольмскіе стрѣлки

соединились съ тѣми стрѣлками, что были въ лѣсу, и съ отрядами спѣшившихся уланъ и другихъ, которые явились изъ глубины ущелья, гдѣ бой уже окончился послѣ сдачи главнѣйшихъ начальниковъ бунтовщиковъ. Храбрый Кенниболь, раненый въ руку въ самомъ началѣ сраженія, былъ взятъ въ плѣнъ. Плѣненіе Гана-Исландца окончательно убило бодрость горцевъ. Они положили оружіе.

Когда первые лучи разсвѣта освѣтили острыя покрытыя льдомъ вершины, въ ущельи Чернаго Столба царствовало уже нѣмое спокойствіе. Лишь изрѣдка слышались слабые стоны, которые тотчасъ подхватывалъ и уносилъ вѣтеръ.

Черныя тучи воронья со всѣхъ сторонъ неслись къ ущелью. Нѣсколько пастуховъ, проходившихъ мимо ущелья, съ ужасомъ прибѣжали домой и говорили, что видѣли въ ущельѣ звѣря съ человѣческой головой, который пилъ кровь, сидя на грудахъ труповъ.

XVII.

Гори же, кто хочетъ, подъ этими скрытыми огнями.

Брантомъ.

— Отвори окно, Этель. Свѣтъ плохо проходитъ сквозь темный переплетъ окна, а мнѣ хочется побольше свѣта.

— Смотрите на свѣтъ, отецъ. Ночь быстро приближается.

— Но на холмахъ вокругъ залива еще есть солнце. Мнѣ хочется подышать свѣжимъ воздухомъ, хоть сквозь рѣшетки тюрьмы. Небо такъ чисто.

— Да, отецъ, но надвигается гроза.

— Гдѣ ты видишь тучу, Этель?

— Я жду грозы, потому что небо чисто, отецъ.

Старикъ съ удивленіемъ взглянулъ на дочь.

— Если бъ я такъ думалъ въ дни моей молодости, я не былъ бы здѣсь,—сказалъ онъ.—То, что ты говоришь, справедливо,—прибавилъ онъ уже спокойнѣе, — но не соотвѣтствуетъ твоему возрасту. Я не понимаю, почему твой юный разумъ начинаетъ походить на мой старческій опытъ.

Этель опустила глаза, какъ бы смущенная этимъ простымъ и серьезнымъ замѣчаніемъ. Она тоскливо стиснула руки и глубоко вздохнула.

— Дочь моя,—сказалъ старикъ.—Уже нѣсколько дней ты такъ блѣдна, какъ будто въ твоихъ жилахъ нѣтъ ни капли крови. Уже не первое утро я замѣчаю, что твои вѣки распухли послѣ слезъ и безсонной ночи. Уже нѣсколько дней я не слышу твоего голоса, и ничто не отвлекаетъ меня отъ мрачныхъ размышленій о прошедшемъ. Ты стала печальнѣе, чѣмъ я, а между тѣмъ, на твоей душѣ не лежитъ, какъ на моей, бремя пусто и напрасно прожитой жизни. Горе окружаетъ твою юность, но не можетъ проникнуть въ глубь сердца. Утреннія облака скоро разсѣиваются. Въ твоемъ возрастѣ люди мечтаютъ о свѣтломъ будущемъ,

какъ бы ни было мрачно настоящее. Что же съ тобой, дочь моя? Однообразное уединеніе оберегаетъ тебя отъ неожиданныхъ несчастій. Какую же вину чувствуешь ты за собой? Не думаю, чтобы ты огорчалась за меня, ты должна уже привыкнуть къ моему несчастью, которому ничѣмъ нельзя помочь. Правда, въ моихъ рѣчахъ нѣтъ надежды, но это еще не причина, чтобы въ твоихъ глазахъ я читалъ отчаяніе.

При этихъ словахъ въ голосѣ мрачнаго узника слышались ласковыя, нѣжныя ноты. Этель молча стояла передъ нимъ. Вдругъ она отвернулась, судорожнымъ движеніемъ закрыла лицо руками, упала на колѣни и горько зарыдала. Бѣдное сердце дѣвушки не выдержало томившаго ее горя. Что сдѣлала она этой незнакомкѣ? Зачѣмъ та раскрыла ей тайну, которая разрушила всю ея жизнь? Увы, съ тѣхъ поръ, какъ несчастная узнала полное имя своего Орденера, она ни на минуту не забылась сномъ, ни на минуту не отдохнула отъ горькихъ душевныхъ мукъ. Она только потому радовалась ночи, что могла плакать свободно. Итакъ, все кончено. Онъ не принадлежитъ ей, тотъ, воспоминаніями о комъ была наполнена вся ея жизнь, именемъ кого были полны ея молитвы, кого въ мечтахъ она уже видѣла своимъ супругомъ. Тотъ вечеръ, когда Орденеръ первый разъ сжалъ ее въ объятіяхъ, до сихъ поръ казался ей свѣтлымъ сномъ, и этотъ сонъ возвращался къ ней каждую ночь. Неужели эта любовь, которая, несмотря ни на что, жила въ ея сердцѣ, была грѣшной любовью? Ея Орденеръ— женихъ другой. Что испытало ея дѣвическое сердце, когда въ него впервые закралась змѣя ревности! Что пережила она въ безсонныя ночи, думая, что, можетъ-быть, въ эту минуту Орденеръ находится въ объятіяхъ другой женщины, которая богаче, красивѣе, знатнѣе! «Это было безумно, — говорила она себѣ, — думать, что для меня онъ пошелъ на смерть. Орденеръ — сынъ вице-короля, знатный вельможа, а я бѣдная узница, дочь опальнаго... Онъ, свободный, ничѣмъ не связанный, ушелъ и женился, женился на своей прекрасной невѣстѣ, дочери гордаго графа, дочери канцлера. Но неужели онъ обманулъ меня, мой Орденеръ! Кто могъ бы сказать, что этотъ голосъ можетъ обмануть?..»

И снова плакала бѣдная Этель, и снова вставалъ передъ ея глазами ея Орденеръ, тотъ Орденеръ, который сталъ для нея дивнымъ божествомъ, наполнившимъ всю ея жизнь. Гордый, красивый, въ богатомъ нарядѣ, ведетъ онъ къ алтарю другую женщину и наклоняется къ этой другой съ той самой улыбкой, которая была нѣкогда лучшей радостью для Этели...

Но, несмотря на это невыразимое горе, Этель ни на минуту не забывала объ отцѣ. Она тщательно старалась скрыть свое горе отъ несчастнаго старика, употребляя для этого героическія усилія. Нѣтъ хуже того горя, которое нужно скрывать. Когда слезы приходится глотать, онѣ кажутся втрое горше. Прошло нѣсколько дней, прежде чѣмъ отецъ замѣтилъ въ ней перемѣну, и только его почти ласковые вопросы вызвали наружу долго сдерживаемыя въ сердцѣ слезы.

— Этель,—сказалъ онъ, наконецъ,—ты живешь вдали отъ людей, почему же ты плачешь?

Отецъ съ горькой улыбкой смотрѣлъ на плачущую дочь.

Но Этель уже поднялась. Страшнымъ усиліемъ воли она остановила свои слезы и проговорила, утирая шарфомъ заплаканные глаза:

— Простите, отецъ, это была минута слабости.

И она подняла глаза, стараясь улыбнуться. Потомъ она пошла въ глубину комнаты, взяла Эдду, сѣла около своего молчаливаго отца и, раскрывъ наудачу книгу, стала читать, подавляя волненіе, слышавшееся въ ея голосѣ. Но это чтеніе было совершенно безплодно. Она совершенно не понимала, что читаетъ, отецъ также не слушалъ.

— Довольно, дитя мое,—сказалъ онъ, наконецъ.

Этель закрыла книгу.

— Этель,—сказалъ Шумакеръ,—думаешь ты когда-нибудь объ Орденерѣ?

Молодая дѣвушка вздрогнула.

— Объ этомъ Орденерѣ,—продолжалъ Шумакеръ,—который пошелъ...

— Отецъ,—прервала Этель,—зачѣмъ намъ о немъ думать? Я, какъ и вы, думаю, что онъ не возвратится.

— Не возвратится! Но я этого не думаю. Напротивъ, какое-то предчувствіе говоритъ мнѣ, что онъ долженъ возвратиться.

— Вы прежде не такъ думали, отецъ, когда съ такимъ недовѣріемъ говорили объ этомъ молодомъ человѣкѣ.

— Развѣ я говорилъ о немъ съ недовѣріемъ?

— Да, отецъ. И я присоединяюсь къ вашему мнѣнію. Я думаю, что онъ обманулъ насъ.

— Обманулъ! Если я такъ думалъ и говорилъ, то это привычка всѣхъ людей голословно обвинять человѣка. Я ничего не видѣлъ отъ Орденера, кромѣ выраженій преданности.

— Но почему вы знаете, что за его сердечными словами не скрывалось предательскихъ мыслей?

— Люди не имѣютъ обыкновенія подходить близко къ несчастію и немилости. Если этотъ Орденеръ не былъ ко мнѣ привязанъ, какая цѣль была у него являться ко мнѣ въ тюрьму?

— Увѣрены ли вы, отецъ, что онъ являлся сюда безъ всякой цѣли?—сказала слабымъ голосомъ Этель.

— Съ какой же?—быстро спросилъ старикъ.

Этель молчала. Ей было слишкомъ трудно обвинять того, кого она такъ недавно и такъ горячо защищала передъ отцомъ.

— Я уже не графъ Гриффенфельдъ, не канцлеръ Даніи и Норвегіи, не всемогущій министръ, не любимецъ, имѣющій возможность располагать милостями короля. Я просто опальный узникъ, политически зачумленный. Говорить обо мнѣ безъ выраженія отвращенія со всѣми этими людьми, которыхъ я когда-то осыпалъ наградами и милостями,—уже храбрость. Переступать мой порогъ, не будучи палачомъ или тюремщикомъ,—самоотверженіе, а пересту-

пать его, называя меня своимъ другомъ,—это уже больше, это героизмъ. Нѣтъ, я не буду подражать въ неблагодарности людямъ. Этотъ молодой человѣкъ заслужилъ мою благодарность, хотя бы тѣмъ, что я видѣлъ на его лицѣ доброжелательное выраженіе, что его голосъ говорилъ мнѣ слова утѣшенія.

Этели тяжело было слушать эту рѣчь, которая за нѣсколько дней передъ тѣмъ привела бы ее въ восторгъ, когда еще Орденеръ былъ ея Орденеромъ. Старикъ, помолчавъ, продолжалъ:

— Слушай, дитя мое, я хочу поговорить съ тобой серьезно. Я старѣюсь, я чувствую, что жизнь уходитъ, мой конецъ близокъ...

— Не говорите, не говорите такъ, отецъ,—прервала его Этель съ подавленнымъ рыданіемъ.—Пощадите вашу бѣдную дочь. Неужели вы хотите покинуть меня? Что будетъ со мной, когда я останусь одна на свѣтѣ безъ вашего покровительства и защиты!

— Безъ покровительства опальнаго,—сказалъ отецъ, качая головой.—Какъ бы то ни было,—продолжалъ онъ,—я думалъ объ этомъ. Да, твое будущее счастье занимаетъ меня больше, чѣмъ мои прошлыя несчастія. Слушай же меня и не прерывай. Этотъ Орденеръ не заслуживаетъ, чтобы ты судила его такъ строго, и я не думалъ, что ты такъ дурно къ нему относишься. У него открытая и благородная внѣшность, что, правда, ничего еще не доказываетъ, но, мнѣ кажется, онъ не лишенъ и нѣкоторыхъ добродѣтелей, хотя въ каждой человѣческой душѣ кроются зародыши всѣхъ пороковъ и преступленій. Это ужъ законъ природы. Нѣтъ огня безъ дыма.

Старикъ опять пріостановился и продолжалъ, пристально глядя на дочь:

— Почувствовавъ приближеніе смерти, я сталъ думать о тебѣ и о немъ, и если онъ вернется, я назначаю его, Этель, твоимъ покровителемъ и мужемъ.

Этель поблѣднѣла и задрожала. Отецъ ея пытался осуществить ея мечту о счастіи въ ту минуту, когда мечта эта разлетѣлась какъ дымъ. Горькая мысль: «я могла бы, значитъ, быть счастлива», придала новую силу ея отчаянію. Съ минуту она не могла говорить, боясь дать волю горячимъ слезамъ, застилавшимъ ея глаза. Отецъ ждалъ.

— Какъ,—сказала она, наконецъ, глухимъ голосомъ,—вы предназначили мнѣ его въ мужья, не зная его имени, его происхожденія, его семьи?

— Я не предназначалъ, а предназначаю,—отвѣчалъ отецъ почти повелительнымъ тономъ.—Что значитъ происхожденіе? Мнѣ не нужно знать его семьи, потому что я знаю его самого. Подумай, это единственный якорь спасенія, который у тебя остается. Я думаю, что, къ счастію, онъ не питаетъ къ тебѣ такого отвращенія, какъ ты къ нему.

Бѣдная дѣвушка подняла глаза къ небу.

— Ты слышишь,—продолжалъ отецъ,—мнѣ нѣтъ дѣла до его происхожденія. Конечно, онъ не знатенъ. Тѣхъ, кто родится во

дворцахъ, не учатъ посѣщать тюрьмы. Не выражай же гордыхъ сожалѣній, помни, ты только Этель Шумакеръ, а не княжна Воллинъ и не графиня Тонсбергъ. Ты спустилась даже ниже той ступени, откуда поднялся твой отецъ. Будь же счастлива, если этотъ человѣкъ согласится принять твою руку, кто бы онъ ни былъ. Если онъ скромнаго происхожденія, тѣмъ лучше: твоя жизнь протечетъ вдали отъ бурь, тревожившихъ жизнь твоего отца. Ты будешь далеко отъ ненависти, отъ зависти, имя твое будетъ никому неизвѣстно, и это скромное существованіе будетъ гораздо лучше моего, потому что оно кончится лучше, чѣмъ началось.

Этель упала на колѣни.

— Сжальтесь! Сжальтесь, отецъ!

Онъ удивленно развелъ руками.

— Что ты хочешь этимъ сказать, дитя мое?

— Ради Неба, не описывайте мнѣ этого счастья, оно не для меня.

— Этель,—строго сказалъ старикъ,—не относись легко къ вопросу всей твоей жизни. Я отказался отъ руки принцессы королевской крови Гольштейнъ - Аугустенбургской, и моя гордость была жестоко наказана. Ты отвергаешь руку незнатнаго, но честнаго человѣка,—берегись, чтобы и тебѣ не понести за это кары.

— Дай Богъ, чтобы это былъ незнатный и честный человѣкъ!— прошептала Этель.

Старикъ всталъ и въ волненіи прошелся по комнатѣ.

— Дитя мое! Твой бѣдный отецъ проситъ тебя объ этомъ. Не дай мнѣ умереть, не успокоенному за твое будущее, обѣщай мнѣ быть женой этого незнакомца.

— Я всегда буду вамъ повиноваться, отецъ, но не надѣйтесь на его возвращеніе.

— Я все взвѣсилъ и, судя по-тому, какъ этотъ Орденеръ произносилъ твое имя, я думаю...

— Что онъ любитъ меня,—горько прервала Этель.—О, нѣтъ, не думайте этого.

— Я не знаю, выражаясь по-твоему, по-дѣвически, любитъ ли онъ тебя, но я знаю, что онъ вернется, — холодно отвѣчалъ отецъ.

— Оставьте эту мысль, отецъ. Впрочемъ, можетъ-быть, вы бы и сами не пожелали, чтобъ онъ былъ вашимъ зятемъ, если бы вы знали, кто онъ.

— Этель, онъ имъ будетъ, каково бы ни было его имя и положеніе.

— Ну, а если этотъ молодой человѣкъ, въ которомъ вы видѣли утѣшителя, въ которомъ хотите видѣть поддержку своей дочери, если бы онъ оказался сыномъ вашего врага, вице-короля Норвегіи, графа Гульденлью...

Шумакеръ отшатнулся.

— Что ты говоришь? Боже мой, Орденеръ... Этотъ Орденеръ... Это невозможно!

У Этели замерло сердце, когда она увидѣла, какая нечеловѣческая ненависть загорѣлась въ тусклыхъ глазахъ старика. Она уже раскаивалась въ своихъ неосторожныхъ словахъ.

Ударъ былъ нанесенъ. Нѣсколько минутъ Шумакеръ стоялъ неподвижно, скрестивъ на груди руки. Все тѣло его конвульсивно вздрагивало, глаза загорѣлись и готовы были выскочить изъ орбитъ. Пристально устремленный на полъ взглядъ, казалось, хотѣлъ пронзить насквозь каменныя плиты. Наконецъ изъ его посинѣвшихъ губъ вырвалось нѣсколько словъ. Казалось, онъ бредилъ.

— Орденеръ!.. Да, такъ, Орденеръ Гульденлью. О, старый безумецъ, открой свои объятія этому честному молодому человѣку, который явился тебя зарѣзать!

Вдругъ онъ топнулъ ногой и загремѣлъ:

— Они шлютъ сюда всю свою проклятую породу, чтобы унизить меня въ моемъ паденіи. Я уже видѣлъ одного Алефельда, я чуть не улыбался Гульденлью! Чудовища! Кто бы могъ подумать, что у этого Орденера такая душа и такое имя!

И, весь разбитый отъ волненія, старикъ упалъ въ кресло и тяжело переводилъ духъ, въ то время, какъ трепещущая отъ ужаса Этель плакала у его ногъ.

— Не плачь, не плачь, дитя, дай я обниму тебя,—сказалъ онъ, наконецъ, и сжалъ дѣвушку въ своихъ объятіяхъ.

Этель не могла объяснить себѣ, что значитъ эта ласка въ минуту гнѣва, но старикъ продолжалъ:

— По крайней мѣрѣ, ты была проницательнѣе твоего отца, тебя не обманула змѣя съ ласковымъ взоромъ и ядовитымъ жаломъ. Благодарю тебя за ту ненависть, которую ты выказала къ этому проклятому Орденеру.

Этель вздрогнула отъ этой похвалы, увы, такъ мало заслуженной.

— Успокойтесь, отецъ,—сказала она.

— Обѣщай мнѣ,—продолжалъ Шумакеръ,—хранить всегда это чувство къ сыну Гульденлью, поклянись мнѣ!

— Богъ запрещаетъ клятву, отецъ!

— Клянись,—пылко продолжалъ онъ,—что въ твоемъ сердцѣ не будетъ мѣста иному чувству къ Орденеру Гульденлью, кромѣ того, которое ты испытываешь теперь.

— Не будетъ,—спокойно и увѣренно отвѣчала Этель.

— Хорошо, дочь моя. По крайней мѣрѣ, если я не могу завѣщать тебѣ богатства и почестей, которыя они у меня похитили, я завѣщаю тебѣ свою ненависть. Слушай, они похитили славу, они похитили честь твоего отца, они стащили его съ эшафота въ темницу, какъ бы желая подвергнуть его всякому позору, всѣмъ наказаніямъ. О, несчастные! И подумать, что этой властью, которую они употребили противъ меня, они обязаны мнѣ же! Да услышитъ меня адъ и Небо, и да будутъ они прокляты во всю свою жизнь въ ихъ потомствѣ.

Онъ замолкъ и поцѣловалъ Этель, которая дрожала, слушая эти проклятія.

— Но, скажи мнѣ, Этель, — заговорилъ онъ снова, — какимъ образомъ твой инстинктъ подсказалъ тебѣ это? Какъ угадала ты, что этотъ человѣкъ носилъ имя, написанное желчью на днѣ моего сердца? Какъ проникла ты эту тайну?

Этель собрала всѣ силы, чтобы отвѣтить, но въ это время въ комнату вошелъ человѣкъ, одѣтый въ черное. Въ рукахъ онъ держалъ жезлъ изъ чернаго дерева, на шеѣ его висѣла цѣпь изъ вороненой стали. За нимъ стояли аллебардисты, одѣтые также въ черное.

— Что тебѣ нужно?—рѣзко и удивленно спросилъ узникъ.

Вмѣсто отвѣта вошедшій, не глядя на Шумакера, развернулъ пергаментъ съ привѣшенной къ нему зеленой печатью и прочиталъ:

«Именемъ его величества всемилостивѣйшаго государя, короля Христіана, повелѣвается Шумакеру, заключенному въ королевской крѣпости Мункгольмъ, слѣдовать за подателемъ означеннаго приказа».

— Что тебѣ нужно?—повторилъ Шумакеръ свой вопросъ.

Человѣкъ въ черномъ безстрастно и спокойно сталъ читать вновь указъ.

— Довольно,—сказалъ старикъ.

И, вставъ съ кресла, онъ сдѣлалъ знакъ удивленной и испуганной Этели итти съ нимъ вмѣстѣ за этой мрачной свитой.

XVIII.

Мрачный сигналъ поданъ. Презрѣнный служитель правосудія постучался къ нему и объявилъ, что за нимъ пришли.

Жозефъ де-Местръ.

На землю спустилась ночь. Холодный вѣтеръ свистѣлъ вокругъ башни, и двери развалинъ Виглы дрожали на петляхъ, какъ будто чья-то рука потрясала ихъ всѣ за разъ.

Мрачные обитатели башни, палачъ и его семья, собрались вокругъ горѣвшаго посреди залы очага, бросавшаго красноватые колеблющіеся отблески на ихъ мрачныя лица и красныя одежды. Въ лицахъ дѣтей было что-то свирѣпое, какъ въ смѣхѣ ихъ отца, и безумное, какъ во взглядѣ ихъ матери. Всѣ взгляды были обращены на Оругикса. Онъ сидѣлъ на деревянной скамьѣ и съ трудомъ переводилъ духъ. Сапоги его были покрыты пылью, что указывало на его возвращеніе изъ какого-то далекаго путешествія.

— Слушай, жена, слушайте, дѣти. Не даромъ пропадалъ я цѣлыхъ два дня, я принесъ добрыя вѣсти. Черезъ мѣсяцъ я буду главнымъ палачомъ. Это вѣрно, какъ сдѣланная мною петля, какъ ударъ топора. Радуйтесь, волчата, быть-можетъ, отецъ оставитъ вамъ въ наслѣдство копенгагенскій эшафотъ!

— Въ чемъ дѣло, Николь?—спросила Бэкли.

— Радуйся и ты, старая цыганка,—съ неуклюжимъ смѣхомъ продолжалъ Николь.—Можешь купить теперь бусы изъ зеленаго стекла на свою шею, похожую на шею удавленнаго аиста. Скоро нашъ договоръ кончается, но, можетъ-быть, когда я черезъ мѣсяцъ буду главнымъ палачомъ обоихъ королевствъ, ты не откажешь разбить со мной вторую кружку.

— Что такое, отецъ? — спросили дѣти, изъ которыхъ старшій игралъ окровавленнымъ станкомъ для кнута, а младшій занимался ощипываніемъ живой птички, которую утащилъ изъ гнѣзда.

— Что такое, ребята? Убей-ка сначала птицу, Гаспаръ, она кричитъ, какъ немазанное колесо, да и не надо быть жестокимъ. Вы спрашиваете, что такое? Ничего, пустяки, только не пройдетъ недѣли, какъ бывшій канцлеръ Шумакеръ, мункгольмскій узникъ, уже видѣвшій разъ меня вблизи въ Копенгагенѣ, а съ нимъ и знаменитый разбойникъ Ганъ-Исландецъ, можетъ-быть, сразу пройдутъ чрезъ мои руки.

Блуждающій взглядъ красной женщины выразилъ удивленіе и любопытство.

— Шумакеръ! Ганъ-Исландецъ, какъ, Николь?

— Вотъ и все. Вчера утромъ на пути въ Сконгенъ я встрѣтилъ на Ордальскомъ мосту весь Мункгольмскій полкъ, торжественно возвращающійся изъ какого-то похода. У солдатъ былъ необыкновенно побѣдоносный видъ. Я спросилъ одного изъ нихъ, въ чемъ дѣло, и оказалось, что стрѣлки возвращаются изъ ущелья Чернаго Столба, гдѣ они разбили въ пухъ и прахъ шайки разбойниковъ, то-есть возмутившихся рудокоповъ. Солдатъ говорилъ довольно охотно, вѣрно, онъ не зналъ, почему у меня красная куртка и красная повозка. Узнай, кромѣ того, Бэкли, что эти бунтовщики возстали за Шумакера, а командовалъ ими Ганъ-Исландецъ. И вотъ для Гана тутъ возстаніе противъ королевской власти, а для Шумакера—верховная измѣна, что неуклонно приведетъ этихъ господъ на висѣлицу или на плаху. Кромѣ этихъ двухъ великолѣпныхъ казней, изъ которыхъ за каждую я получу по пятнадцати золотыхъ дукатовъ, и за которыя, конечно, буду повышенъ въ должности, предстоитъ еще нѣсколько менѣе важныхъ...

— Такъ неужели же Гана-Исландца поймали?—вскричала Бэкли.

— Зачѣмъ перебиваешь ты своего господина и повелителя, о, легкомысленная женщина! Да, этотъ неуловимый Ганъ-Исландецъ, наконецъ, схваченъ вмѣстѣ съ нѣсколькими другими его помощниками, предводителями возставшихъ. За каждаго изъ нихъ я получу также по двѣнадцати экю, не считая выручки отъ продажи труповъ. Могу вамъ сказать даже, что я видѣлъ его, окруженнаго солдатами.

Жена и дѣти придвинулись къ Оругиксу.

— Какъ, ты видѣлъ его, отецъ?

— Молчите, ребята. Чего разорались, точно воръ подъ висѣлицей! Да, я его видѣлъ. Онъ огромнаго роста, руки у него были

скованы за спиною, голова обвязана бинтомъ. Вѣроятно, онъ былъ раненъ въ голову. Но пусть не безпокоится, я его живо вылѣчу!

И палачъ жестомъ показалъ, какъ онъ вылѣчитъ Гана.

— За нимъ,—продолжалъ онъ,—шло четверо его соучастниковъ. Всѣ они также ранены. Ихъ ведутъ въ Дронтгеймъ, гдѣ ихъ будутъ судить съ участіемъ главнаго синдика и подъ предсѣдательствомъ великаго канцлера.

— А каковы на видъ другіе плѣнники, отецъ?

— Впереди шли два старика. Одинъ былъ одѣтъ горцемъ, другой рудокопомъ. У обоихъ убитый, печальный видъ. Позади шло двое молодыхъ. Одинъ, молодой рудокопъ, шелъ съ поднятой головой и даже посвистывалъ, другой... Помнишь, Бэкли, тѣхъ путешественниковъ, которые явились сюда дней двѣнадцать тому назадъ, въ ту ночь, когда была гроза?

— Помню—какъ Сатана помнитъ день своего паденія,—отвѣчала жена.

— Замѣтила ты того молодого человѣка, который шелъ со старымъ ученымъ въ большомъ парикѣ? Онъ еще былъ въ широкомъ зеленомъ плащѣ и въ шляпѣ съ чернымъ перомъ.

— Онъ и сейчасъ еще у меня передъ глазами, и я до сихъ поръ слышу его голосъ, когда онъ говорилъ: у насъ есть золото, женщина.

— Ну, вотъ, старуха, или я не вѣшалъ никого, кромѣ тетеревовъ, или четвертый плѣнникъ былъ этотъ молодой человѣкъ. Правда, лица его я не видалъ, оно было закрыто перомъ, и къ тому же онъ опустилъ голову, но костюмъ, но походка, но видъ! Да пусть я проглочу каменную сконгенскую висѣлицу, если это не онъ. Что скажешь, Бэкли, вѣдь правда, забавно? Такъ еще недавно я далъ ему возможность поддержать жизнь, а теперь я же готовъ ему помочь прекратить ее. Испытавъ разъ мое гостепріимство, онъ испытаетъ и мое искусство!

И палачъ снова расхохотался.

— Ну, порадуемся же, Бэкли, и выпьемъ за мое будущее повышеніе. Дай-ка стаканчикъ того пива, что деретъ горло словно пилой. Ну, за здоровье господина Николя Оругикса, будущаго королевскаго палача. Признаюсь тебѣ, старая грѣшница, мнѣ такъ не хотѣлось итти въ Нэсъ, вѣшать какого-то вора, укравшаго не то капусту, не то салатъ! Но, подумавъ, я рѣшилъ, что и тридцать два аскалина не лишнее, да къ тому же пренебрегать казнію мелкихъ воровъ и мошенниковъ я буду въ правѣ лишь послѣ того, какъ обезглавлю бывшаго великаго канцлера и знаменитаго исландскаго демона. И въ ожиданіи патента на званіе главнаго палача, я отправился въ Нэсъ, и вотъ возьми то, что я заработалъ.

И, вынувъ изъ ранца кошелекъ, онъ передалъ его женѣ.

Въ это время за дверью трижды протрубилъ рогъ.

— Это стража главнаго синдика,—вскричалъ Оругиксъ и быстро спустился внизъ.

Черезъ минуту онъ вернулся съ большимъ пакетомъ въ рукахъ. Сломавъ печать, онъ передалъ его женѣ.

— Вотъ прочти-ка, что мнѣ прислалъ синдикъ. Вѣдь ты всякую чертовщину разберешь.

Взявъ бумагу, женщина нѣсколько времени просматривала ее про себя и, наконецъ, стала читать вслухъ, а дѣти смотрѣли на нее удивленными глазами.

«Именемъ главнаго синдика,—читала она,—приказывается провинціальному палачу Николю Оругиксу немедленно явиться въ Дронтгеймъ съ почетнымъ топоромъ, плахой и черной матеріей».

— И все?—недовольнымъ тономъ спросилъ палачъ.

— Все,—отвѣчала Бэкли.

— Провинціальному палачу,—проворчалъ сквозь зубы палачъ и сердито посмотрѣлъ на бумагу.

— Ну, надо, однако, отправляться. Все-таки мнѣ велѣно взять почетный топоръ и драпировку. Счисти-ка ржавчину съ топора, Бэкли, да осмотри въ порядкѣ ли драпировка. Въ концѣ-концовъ, еще рано приходить въ отчаяніе. Можетъ-быть, они хотятъ дать мнѣ повышеніе лишь по исполненіи этой казни. Тѣмъ хуже для осужденныхъ, что они не будутъ имѣть чести быть отправленными на тотъ свѣтъ рукою королевскаго палача.

XIX.

Эльвира. Что-то сталось съ бѣднымъ Санго, его что-то не видно въ городѣ.
Нупо. Санго умѣетъ скрыться.

Лопе де-Вега.—Лучшій алькадъ—король.

Графъ Алефельдъ озабоченно прохаживался по комнатѣ своей жены, волоча по полу длинный шлейфъ черной атласной мантіи, подбитой горностаемъ. На немъ былъ надѣтъ большой судейскій парикъ, грудь была украшена орденами, между которыми виднѣлись орденскія цѣпи Слона и Данеброга. Однимъ словомъ, онъ былъ одѣтъ въ полный костюмъ великаго канцлера Даніи и Норвегіи. Кромѣ него и графини въ комнатѣ никого не было.

— Ну, уже девять часовъ, сейчасъ начнется засѣданіе. Не нужно опаздывать, необходимо, чтобы въ ночь уже былъ постановленъ приговоръ, чтобы казнь произошла не позже завтрашняго утра. Главный синдикъ ручается, что палачъ явится въ Дронтгеймъ до разсвѣта. Эльфегія, велѣли вы приготовить лодку для моей поѣздки въ Мункгольмъ?

— Графъ, она ожидаетъ васъ уже около получаса,—отвѣтила приподнимаясь графиня.

— А носилки готовы?

— Да, графъ.

— Ну, пора! Итакъ, Эльфегія, вы говорите, что между Орденеромъ Гульденлью и дочерью Шумакера есть любовная интрига?

— И даже очень любовная, — съ гнѣвной и презрительной улыбкой проговорила графиня.

— Кто бы могъ подумать это? Однако я все-таки подозрѣвалъ что-нибудь въ этомъ родѣ.

— И я тоже. Да я увѣрена, что все это штуки этого проклятаго Левина.

— Старая мекленбургская лисица! Какъ бы мнѣ навлечь на него гнѣвъ короля! А, слушайте, Эльфегія, вотъ лучъ свѣта!

— Въ чемъ дѣло?

— Вамъ извѣстно, что всѣхъ подсудимыхъ, которыхъ мы будемъ судить въ Мункгольмѣ, шесть человѣкъ. Шумакеръ, который, надѣюсь, завтра въ этотъ часъ уже не будетъ мнѣ страшенъ, этотъ богатырь-горецъ, нашъ подставной Ганъ-Исландецъ, который поклялся выдержать свою роль до конца, въ надеждѣ, что Мусдэмонъ, отъ котораго онъ получилъ уже много денегъ, поможетъ ему удрать! Что за дьявольскія идеи приходятъ этому Мусдэмону! Изъ четырехъ остальныхъ трое—предводители возставшихъ, а четвертый—какой-то проходимецъ, неизвѣстно какимъ образомъ попавшій въ Апсиль-Корскій рудникъ во время совѣщанія. Благодаря принятымъ Мусдэмономъ мѣрамъ, онъ попалъ въ наши руки. Мусдэмонъ думаетъ, что это шпіонъ Левина Кнуда. Дѣйствительно, когда его привели сюда, онъ первымъ дѣломъ спросилъ о генералѣ и, видимо, смутился, когда узналъ объ отсутствіи мекленбуржца. Ни на одинъ вопросъ Мусдэмона онъ не пожелалъ отвѣчать.

— Почему же вы не допросили его сами? — спросила графиня.

— Да когда же мнѣ было? Все это время я былъ по горло занятъ. Я уже положился въ этомъ дѣлѣ на Мусдэмона, его это дѣло интересуетъ не меньше, чѣмъ меня. Да, впрочемъ, этотъ человѣкъ самъ по себѣ ничего не значитъ: такъ какой-то бродяга. Но мы можемъ воспользоваться имъ, выставивъ его агентомъ Левина Кнуда; а такъ какъ онъ былъ схваченъ среди бунтовщиковъ, то можно будетъ на этомъ основаніи возбудить подозрѣніе противъ Кнуда въ томъ, что онъ находился въ сообществѣ съ Шумакеромъ. Этого будетъ достаточно, если не для того, чтобы возбудить противъ проклятаго Левина обвиненіе, то, по крайней мѣрѣ, чтобы навлечь на него опалу.

Графиня съ минуту подумала.

— Вы правы,—сказала она, наконецъ.—Но какъ быть съ этой роковой страстью барона Торвика къ Этели Шумакеръ?

Канцлеръ потеръ себѣ лобъ. Вдругъ онъ пожалъ плечами.

— Право, Эльфегія, мы съ вами точно новички въ жизни, такъ мало мы знаемъ людей. Когда Шумакеръ будетъ вторично осужденъ за верховную измѣну, когда его подвергнутъ позорной казни, когда дочь его, наслѣдница его безчестія, упадетъ на самую низкую ступень общественной лѣстницы, то неужели вы думаете, что Орденеръ хоть на одну минуту вспомнитъ объ этой интрижкѣ своей юности, которую вы громко называете страстью? Неужели вы мо-

жете думать, основываясь на восторженной болтовнѣ дѣвчонки, что онъ хоть на минуту затруднится въ выборѣ между обезчещенной дочерью жалкаго преступника и знатной дочерью славнаго канцлера? О людяхъ нужно судить по себѣ, Эльфегія, и гдѣ вы встрѣчали человѣка, который разсуждалъ бы иначе?

— Хорошо, если бы была ваша правда. Но, вѣроятно, вы найдете не безполезнымъ, что я просила синдика привести Этель на процессъ отца и помѣстить въ ту же трибуну, гдѣ буду я. Мнѣ интересно изучить ее.

— Все, что можетъ освѣтить это дѣло, имѣетъ для насъ большую цѣнность,—спокойно сказалъ канцлеръ.—Но, скажите, извѣстно ли вамъ, гдѣ теперь этотъ Орденеръ?

— Никто этого не знаетъ. Онъ достойный ученикъ этого Левина, такой же странствующій рыцарь. Я думаю, что теперь онъ въ Уардъ-Гоузѣ.

— Ну, ничего, наша Ульрика привяжетъ его къ мѣсту. Однако пора итти. Я забываю, что меня ждутъ въ судѣ.

— Еще одно слово,—остановила графиня канцлера:—вчера я васъ спрашивала, но ваши мысли были заняты другимъ, и вы мнѣ не отвѣтили. Гдѣ мой Фридрихъ?

— Фридрихъ,—болѣзненно повторилъ канцлеръ и поднесъ руку къ лицу.

— Да, отвѣтьте мнѣ, гдѣ Фридрихъ? Его полкъ вернулся безъ него. Поклянитесь мнѣ, что Фридриха не было въ этомъ ужасномъ ущельѣ Чернаго Столба! Почему вы измѣнились въ лицѣ? Я страшно безпокоюсь.

Лицо канцлера приняло снова безстрастное выраженіе.

— Успокойтесь, Эльфегія. Клянусь вамъ, что онъ не былъ въ ущельѣ Чернаго Столба. И, наконецъ, списокъ убитыхъ и раненыхъ офицеровъ опубликованъ.

— Да, вы меня успокоили. Только два офицера убито, капитанъ Лори и молодой баронъ Рандмеръ, который такъ дурачился вмѣстѣ съ моимъ Фридрихомъ на балахъ въ Копенгагенѣ. Да, я внимательно прочитала списокъ, но скажите, онъ остался въ Вальстромѣ?

— Да, онъ остался тамъ.

— Такъ, пожалуйста, — стараясь улыбнуться нѣжной улыбкой, проговорила мать, — вызовите скорѣе Фридриха изъ этой ужасной страны. Это единственная милость, которой я прошу у васъ.

Канцлеръ вѣжливо отстранилъ удерживавшія его руки жены.

— Меня ждетъ судъ, прощайте; то, чего вы просите, не зависитъ отъ меня,—сказалъ онъ и быстро вышелъ изъ комнаты.

Графиня осталась одна, мрачная, задумчивая.

«Не зависитъ отъ него! Когда ему довольно одного слова, чтобы вернуть мнѣ сына,—подумала она.—Нѣтъ, онъ, дѣйствительно, злой человѣкъ».

XX.

Такъ-то обращаются съ человѣкомъ моего званія! Такъ-то уважаютъ здѣсь правосудіе!

Кальдеронъ.—Луи-Перецъ Галисійскій.

При выходѣ изъ башни Шлезвигскаго Льва стража отдѣлила трепещущую Этель отъ отца и ее повели черезъ темные, неизвѣстные ей коридоры и привели въ какую-то полутемную келью, гдѣ и заперли. Въ противоположной двери стѣнѣ было продѣлано большое забранное рѣшеткой отверстіе, сквозь которое проникалъ свѣтъ лампъ и факеловъ. Передъ отверстіемъ стояла скамья, на которой сидѣла женщина съ закрытымъ вуалью лицомъ. При входѣ молодой дѣвушки эта женщина указала ей на мѣсто около себя. Этель робко и молчаливо повиновалась и взглянула за рѣшетку. Мрачная и внушительная картина представилась ея глазамъ.

На концѣ залы, обтянутой чернымъ сукномъ и слабо освѣщенной висячими мѣдными лампами, возвышалась трибуна подковообразной формы. За столомъ сидѣло семеро судей, одѣтыхъ въ черныя мантіи. Грудь судьи, сидѣвшаго посрединѣ, была украшена алмазными орденскими цѣпями и золотыми звѣздами, блестѣвшими на темномъ фонѣ его одежды. Справа отъ него, другой судья былъ одѣтъ въ горностаевую мантію и опоясанъ бѣлымъ поясомъ. Это былъ главный синдикъ округа. На правой сторонѣ залы возвышалась эстрада подъ балдахиномъ, на которой сидѣлъ старикъ въ епископскомъ одѣяніи, на лѣвой сторонѣ находился заваленный бумагами столъ, около котораго стоялъ человѣкъ небольшого роста въ огромномъ парикѣ и въ длинной черной мантіи.

Прямо противъ суда стояла деревянная скамья, окруженная вооруженной аллебардами стражей съ факелами въ рукахъ. Колеблющійся свѣтъ ихъ освѣщалъ массу головъ, тѣснившихся къ рѣшеткѣ, отдѣлявшей зрителей отъ суда. Этели казалось, что она грезитъ наяву, но, тѣмъ не менѣе, она далеко не равнодушно относилась ко всему происходившему. Какой-то внутренній голосъ говорилъ ей, что нужно быть внимательной, что эта минута имѣетъ большое значеніе въ ея жизни. Сердце ея было охвачено глубокимъ волненіемъ. Съ одной стороны, ей хотѣлось сейчасъ же узнать, въ чемъ дѣло, съ другой—ей хотѣлось никогда не знать этого. Уже нѣсколько дней мысль о томъ, что Орденеръ потерянъ для нея навсегда, будила въ ней желаніе разомъ покончить съ существованіемъ, разомъ заглянуть на послѣднюю страницу книги своей судьбы. И потому-то, понимая, что насталъ рѣшительный часъ въ ея жизни, она смотрѣла на мрачную картину суда не столько со страхомъ, сколько съ какой-то мрачной и нетерпѣливой радостью.

Предсѣдатель всталъ и именемъ короля объявилъ засѣданіе открытымъ. Маленькій человѣкъ въ черномъ сталъ невнятно и

быстро читать какія-то бумаги, въ которыхъ часто повторялось имя ея отца вперемежку со словами: заговоръ, бунтъ, верховная измѣна. Этель вспомнила, что говорила ей въ тюремномъ саду незнакомка, вспомнила о тяготѣвшемъ, по словамъ ея, обвиненіи на ея отцѣ и невольно вздрогнула, когда маленькій человѣкъ закончилъ чтеніе словомъ смерть, произнесеннымъ съ особымъ удареніемъ. Въ ужасѣ она повернулась къ дамѣ, окутанной вуалью. Эта незнакомка внушала ей какой-то особенный страхъ.

— Гдѣ мы, что все это значитъ?—робко спросила она.

Таинственная дама знакомъ приказала ей молчать. Этель снова стала смотрѣть въ залу.

Почтенный старикъ въ одеждѣ епископа поднялся съ мѣста и проговорилъ громко и ясно:

— Во имя всемогущаго и милосердаго Бога я, Памфилъ Элевтеръ, епископъ королевскаго города Дронтгейма и всего Дронтгеймскаго округа, привѣтствую почтенный судъ, судящій отъ имени короля, нашего высокаго повелителя. Видя, что подсудимые—люди и христіане, видя, что у нихъ нѣтъ защитника, я почтительно прошу судъ разрѣшить мнѣ оказать имъ посильную помощь въ томъ тяжеломъ положеніи, въ какое они попали по волѣ Неба, прося при этомъ Бога подкрѣпить мою немощь и просвѣтить мою слѣпоту.

И, спустившись съ трона, епископъ сѣлъ на скамью подсудимыхъ. Въ толпѣ пронесся одобрительный ропотъ. Предсѣдатель всталъ и сухо проговорилъ:

— Аллебардисты, успокойте толпу! Господинъ епископъ, судъ благодаритъ васъ отъ имени подсудимыхъ. Жители Дронтгейма, приготовьтесь выслушать судъ его величества. Приговоръ будетъ окончательный. Стража, ввести подсудимыхъ.

Боязливое ожиданіе воцарилось въ залѣ. Толпа заволновалась, словно море передъ грозою. Этель услышала подъ собою какое-то необычайное движеніе. Зрители нетерпѣливо задвигались, раздался шумъ шаговъ, блеснули ружья и аллебарды, и шестеро закованныхъ подсудимыхъ съ обнаженными головами вошли за рѣшетку. Этель увидѣла только перваго изъ нихъ, старика съ сѣдой бородой въ длинномъ черномъ одѣяніи. Это былъ ея отецъ. Этель должна была опереться о рѣшетку, всѣ предметы завертѣлись передъ ея глазами, казалось, она слышала біеніе своего сердца.

— Помоги мнѣ, Господи!—слабо прошептала она.

Неизвѣстная дама нагнулась къ ней и дала ей понюхать флаконъ съ солями. Этель немного оправилась.

— Бога ради, сударыня, скажите хоть одно слово; мнѣ кажется, что кругомъ меня не люди, а привидѣнія... Одно слово, сударыня!

Но незнакомка осталась глуха къ ея просьбѣ и снова повернулась къ окну. Этель молча послѣдовала ея примѣру.

Предсѣдатель всталъ и проговорилъ торжественнымъ тономъ.

— Подсудимые, вы обвиняетесь въ верховной измѣнѣ, заговорѣ и вооруженномъ сопротивленіи власти его величества короля.

Углубитесь въ свою совѣсть и обдумайте ваше положенiе, потому что надъ каждымъ изъ васъ тяготѣетъ обвиненiе въ оскорбленiи величества.

Въ эту минуту лучъ свѣта упалъ на лицо одного изъ подсудимыхъ, молодого человѣка, который сидѣлъ съ низко опущенной головой, какъ бы желая скрыть свои черты подъ своими длинными локонами. Этель вздрогнула. Холодный потъ выступилъ у нея на лбу. Ей показалось, что въ подсудимомъ она узнала... Но нѣтъ, это была жестокая ошибка. Въ этой слабо освѣщенной залѣ, гдѣ люди двигались, какъ тѣни, гдѣ едва можно было различить распятiе изъ чернаго дерева, висѣвшее надъ кресломъ предсѣдателя, было не трудно ошибиться.

Однако на молодомъ человѣкѣ былъ какъ будто зеленый плащъ, его вьющiеся локоны были какъ будто каштановаго цвѣта, и когда неожиданный лучъ свѣта упалъ на его лицо... Но нѣтъ, этого не могло быть, это былъ ужасный обманъ зрѣнiя.

Подсудимые сидѣли на скамьѣ, около епископа. Съ краю Шумакеръ, посрединѣ четверо его товарищей по несчастью, одѣтыхъ въ грубыя одежды и, наконецъ, рядомъ съ епископомъ, молодой человѣкъ съ каштановыми волосами.

Предсѣдатель обратился къ Шумакеру.

— Старикъ,—услышала Этель его суровый голосъ, — назовите суду ваше имя и званiе.

Старикъ поднялъ свою красивую голову.

— Когда-то,—началъ онъ, пристально глядя на предсѣдателя,— меня звали графомъ Гриффенфельдомъ, графомъ Тонбергомъ, княземъ Воллиномъ, княземъ Священной Имперiи, кавалеромъ ордена Слона, Данеброга, Золотого Руна и Подвязки, первымъ министромъ, генералъ-инспекторомъ университетовъ, великимъ канцлеромъ Данiи и Нор...

— Подсудимый, — прервалъ предсѣдатель, — судъ не спрашиваетъ васъ, какъ васъ звали и кѣмъ вы были, но какъ васъ зовутъ и кто вы такой въ настоящее время.

— Хорошо, теперь меня зовутъ Iоганномъ Шумакеромъ, мнѣ шестьдесятъ девять лѣтъ, и я не кто иной, какъ бывшiй вашъ благодѣтель, канцлеръ Алефельдъ.

Предсѣдатель какъ будто смутился.

— Я узналъ васъ, ваше сiятельство, — прибавилъ бывшiй канцлеръ,—а такъ какъ вы, видимо, меня не узнали, то я взялъ на себя смѣлость напомнить вамъ, что мы старые знакомые.

— Шумакеръ, — сказалъ президентъ, едва сдерживая бѣшенство, — будьте кратки. У суда нѣтъ времени выслушивать эти не идущiя къ дѣлу замѣчанiя.

— Мы перемѣнились ролями, благородный канцлеръ. Когда-то я называлъ васъ просто: Алефельдъ, а вы, обращаясь ко мнѣ, говорили: ваше сiятельство.

— Подсудимый, сказалъ предсѣдатель, — вы вредите себѣ, напоминая о томъ позорномъ приговорѣ, которому вы подверглись.

— Если этотъ приговоръ для кого-нибудь и позоренъ, то ни въ коемъ случаѣ не для меня, графъ Алефельдъ!

При этихъ словахъ старикъ всталъ.

Предсѣдатель протянулъ къ нему руку.

— Садитесь, не оскорбляйте судей, которые васъ осудили, и короля, который вамъ далъ этихъ судей. Вспомните, что его величество благоволилъ сохранить вамъ жизнь, и ограничьтесь защитой по настоящему дѣлу.

Шумакеръ только пожалъ плечами въ отвѣтъ.

— Имѣете ли вы сдѣлать какія-либо объясненія суду по поводу уголовнаго преступленія, въ которомъ вы обвиняетесь?

Видя, что Шумакеръ молчитъ, предсѣдатель повторилъ вопросъ.

— Это вы мнѣ говорите? — сказалъ Шумакеръ. — Я полагалъ, что вы говорите сами съ собой. О какомъ преступленіи идетъ тутъ рѣчь? Далъ ли я другу поцѣлуй Іуды? Или, можетъ-быть, отравилъ, осудилъ, опозорилъ своего благодѣтеля, или ограбилъ того, кому былъ всѣмъ обязанъ? Я совершенно не знаю, зачѣмъ меня привели сюда. Вѣроятно, для того, чтобы я могъ судить, съ какимъ искусствомъ вы осуждаете на смертную казнь невинныхъ. Мнѣ бы, не скрою, хотѣлось посмотрѣть, такъ ли легко вы сумѣете погубить меня, какъ вы губите государство. Вѣроятно, вамъ достаточно будетъ одной запятой, чтобы погубить меня. Вѣдь вамъ же было довольно одной буквы, чтобы затѣять войну со Швеціей [1]).

Не успѣлъ онъ кончить этой горькой насмѣшки, какъ маленькій человѣкъ въ черномъ всталъ.

— Господинъ предсѣдатель, — сказалъ онъ съ глубокимъ поклономъ, — я прошу о лишеніи подсудимаго слова, если онъ будетъ продолжать оскорблять судъ.

— Господинъ тайный секретарь, — послышался голосъ епископа, — по закону нельзя лишать слова подсудимаго.

— Вы правы, господинъ епископъ, — торопливо сказалъ предсѣдатель. — Мы не стѣсняемъ защиты. Я только приглашаю обвиняемаго умѣрить свои выраженія, если онъ понимаетъ свои интересы.

Шумакеръ покачалъ головой.

— Повидимому, на этотъ разъ графъ Алефельдъ много увѣреннѣе въ желательномъ для него исходѣ, чѣмъ въ 1677 году.

— Замолчите,—сказалъ предсѣдатель.—Ваше имя?—обратился онъ сейчасъ же къ слѣдующему подсудимому.—Это былъ горецъ огромнаго роста, голова его была забинтована.

---

[1]) Дѣйствительно, между Даніей и Швеціей возникли весьма серьезныя затрудненія изъ-за требованія графа Алефельда, чтобы въ титулѣ короля датскаго слово Gotorum писалось Gothorum, что какъ бы давало право королю датскому, какъ rex Gothorum, на Готію, шведскую провинцію, тогда какъ слово Gotorum давало лишь указаніе на древній титулъ короля датскаго: король Готовъ. Безъ сомнѣнія, на это h, какъ причину если не войны, то долгихъ переговоровъ и намекалъ Шумакеръ.

— Я Ганъ изъ Клипстадура въ Исландіи.

Шопотъ ужаса пронесся въ толпѣ, и самъ Шумакеръ невольно поднялъ голову и взглянулъ на своего сосѣда, отъ котораго инстинктивно отодвинулись всѣ остальные подсудимые.

— Ганъ-Исландецъ, — сказалъ предсѣдатель, когда волненіе улеглось,—что вы имѣете объяснить суду?

Этель не меньше другихъ зрителей была поражена при имени этого разбойника, котораго она уже такъ давно воображала себѣ въ самомъ ужасномъ видѣ. Пристально и боязливо посмотрѣла она на чудовищнаго гиганта, съ которымъ, быть-можетъ, сражался ея Орденеръ, жертвой котораго, быть-можетъ, онъ палъ. Эта мысль еще усилила ея волненіе, и она едва уловила отвѣтъ Гана-Исландца, отвѣтъ, сказанный на грубомъ горскомъ нарѣчіи. Она поняла только, что разбойникъ признавался въ томъ, что былъ начальникомъ возставшихъ.

— Вы приняли это начальство по своей волѣ или по чьему-либо настоянію?—спросилъ предсѣдатель.

— Нѣтъ, не по своей волѣ.

— Кто же подстрекалъ васъ къ этому преступленію?

— Человѣкъ, по имени Гаккетъ.

— Кто же этотъ Гаккетъ?

— Агентъ Шумакера, котораго онъ называлъ также графомъ Гриффенфельдомъ.

— Шумакеръ, знаете вы этого Гаккета?

— Вы предупредили меня, графъ Алефельдъ, я только что хотѣлъ задать вамъ этотъ вопросъ,—отвѣчалъ Шумакеръ.

— Ваша ненависть подсказываетъ вамъ дурную систему защиты, судъ оцѣнитъ ее.

— Господинъ тайный секретарь,—проговорилъ епископъ,—находится ли Гаккетъ въ числѣ моихъ кліэнтовъ?

— Нѣтъ, ваше преосвященство,—отвѣчалъ секретарь.

— Извѣстно ли, что съ нимъ сталось?

— Его не могли схватить, онъ исчезъ.

Казалось, давая эти отвѣты, секретарь умышленно измѣнялъ голосъ.

— А я думаю, что онъ въ кого-нибудь обратился, — сказалъ Шумакеръ.

— Господинъ секретарь, — продолжалъ епископъ, — приняты ли мѣры для разысканія этого Гаккета? Имѣются ли его примѣты?

Секретарь еще не успѣлъ отвѣтить, какъ одинъ изъ подсудимыхъ, молодой рудокопъ, съ гордымъ и строгимъ лицомъ поднялся съ мѣста.

— Эти примѣты легко описать, — громко сказалъ онъ. — Этотъ подлый Гаккетъ — маленькій человѣкъ съ открытымъ лицомъ, но открытымъ, какъ жерло пушки. Голосъ его, господинъ епископъ, очень напоминаетъ голосъ вонъ того барина, что сидитъ за столомъ слѣва. Кажется, ваше преосвященство, вы изволите называть его тайнымъ секретаремъ. И будь здѣсь посвѣтлѣе, да не будь

у этого господина такъ много волосъ на головѣ, я готовъ бы утверждать, что этотъ Гаккетъ очень походитъ на господина секретаря.

— Товарищъ говоритъ правду, — подтвердили двое другихъ подсудимыхъ.

— Вотъ какъ! — съ торжествующимъ видомъ проговорилъ Шумакеръ.

Секретарь сдѣлалъ невольное движеніе не то отъ испуга, не то отъ негодованія, что его позволили себѣ сравнивать съ Гаккетомъ. Предсѣдатель, самъ нѣсколько смущенный, поспѣшилъ остановить подсудимыхъ.

— Говорите только, когда васъ спрашиваютъ, и не позволяйте себѣ оскорблять служителей правосудія недостойными сравненіями, — сказалъ онъ.

— Однако, господинъ предсѣдатель,—сказалъ епископъ,—вѣдь дѣло идетъ о примѣтахъ, и если Гаккетъ нѣсколько и похожъ на господина секретаря, то это можетъ оказаться полезнымъ...

— Ганъ-Исландецъ,—перебилъ его президентъ,—вы чаще всѣхъ видѣли Гаккета, скажите, похожъ ли онъ дѣйствительно на достоуважаемаго господина секретаря?

— Нисколько,—безъ всякихъ колебаній отвѣчалъ гигантъ.

— Вы видите, господинъ епископъ?

Епископъ склонилъ голову въ знакъ того, что онъ удовлетворенъ этимъ отвѣтомъ. Предсѣдатель обратился къ слѣдующему подсудимому съ обычной формулой.

— Ваше имя?

— Вильфридъ Кенниболь изъ Кольскихъ горъ.

— Были вы среди возставшихъ?

— Да, сударь. Правда дороже жизни. Я былъ взятъ въ проклятомъ ущельѣ Чернаго Столба. Я былъ начальникомъ горцевъ.

— Кто подстрекалъ васъ къ возстанію?

— Наши братья рудокопы жаловались на притѣсненія, и это вѣдь очень просто. Пусть у человѣка будетъ глиняная хижина, да двѣ скверныхъ лисьихъ шкуры, лишь бы онъ былъ ихъ полнымъ обладателемъ—и ничего. А когда все подъ опекой, то это ужъ совсѣмъ скверно. Правительство не слушало ихъ жалобъ, они и вздумали взбунтоваться, а насъ попросили помочь. Ну, какъ же отказать въ такихъ пустякахъ людямъ одной вѣры? Мы и согласились.

— А былъ кто-нибудь, кто ободрялъ васъ и управлялъ возстаніемъ?

— Какой-то Гаккетъ все уговаривалъ насъ освободить изъ Мунггольма сидѣвшаго тамъ графа. Мы обѣщали. Одной свободой больше, это для насъ ничего не стоило.

— Этого графа звали Шумакеръ или Гриффенфельдъ?

— Такъ точно.

— Вы его никогда не видали?

— Нѣтъ. Но если это тотъ старикъ, который наговорилъ вамъ сейчасъ такую пропасть именъ, то я долженъ былъ согласиться, что...

— Что?..

— Что у него прекрасная сѣдая борода, не хуже, чѣмъ у свекра моей сестры Маазе изъ Сурба; этотъ свекоръ прожилъ до ста двадцати лѣтъ.

Въ полутьмѣ залы нельзя было разглядѣть, какое впечатлѣніе произвелъ на предсѣдателя наивный отвѣтъ горца. Онъ приказалъ развернуть нѣсколько красныхъ знаменъ, лежавшихъ передъ судомъ.

— Вильфридъ Кенниболь, узнаете вы эти знамена?

— Какъ же, сударь. Намъ ихъ далъ Гаккетъ отъ имени Шумакера. Графъ приказалъ также раздать оружіе и рудокопамъ. Намъ-то оно не нужно, мы, горцы, живемъ нашимъ ружьемъ, и я вѣдь не всегда сидѣлъ, какъ теперь, связанный, словно старая курица, и не разъ изъ самой глубины долины подстрѣливалъ парящаго въ высотѣ орла, когда онъ кажется не больше малиновки.

— Прошу господъ судей обратить вниманіе на показаніе подсудимаго, которымъ удостовѣряется, что Шумакеръ при посредствѣ Гаккета раздавалъ возставшимъ знамена и оружіе,—сказалъ секретарь.

— Кенниболь, — продолжалъ предсѣдатель, — имѣете вы еще что-нибудь сказать суду?

— Ничего, кромѣ того, что я не заслуживаю смерти. Я вѣдь только помогалъ братьямъ, а самъ я ничего никогда не дѣлалъ противозаконнаго, и, хоть я старый охотникъ, но во всю жизнь не подстрѣлилъ ни одной королевской лани.

Предсѣдатель, не отвѣчая на это замѣчаніе, допросилъ двухъ прочихъ подсудимыхъ. Это были начальники рудокоповъ. Старшій изъ нихъ, по имени Іона, повторилъ, только въ другихъ выраженіяхъ, показанія Кенниболя. Другой, тотъ самый молодой человѣкъ, который замѣтилъ сходство между измѣнникомъ Гаккетомъ и секретаремъ, назвался Норбитомъ и открыто признался въ томъ, что участвовалъ въ возстаніи, но наотрѣзъ отказался объяснить что-либо по поводу Гаккета и Шумакера. По его словамъ, онъ далъ клятву молчать и помнилъ только объ этой клятвѣ. Ни просьбы, ни угрозы предсѣдателя не могли вырвать ни одного слова у непреклоннаго молодого человѣка. Къ тому же онъ утверждалъ, что бунтовалъ вовсе не для Шумакера, а для того, чтобы его матери не было холодно и голодно. Онъ не отрицалъ, что, можетъ-быть, и заслужилъ смерть, но утверждалъ, что, осудивъ его на смерть, судъ совершитъ несправедливость, такъ какъ, убивая его, убьютъ и его бѣдную мать, которая ужъ ничѣмъ не виновата.

Когда Норбитъ кончилъ, секретарь изложилъ въ нѣсколькихъ словахъ улики, тяготѣвшія надъ подсудимыми и въ особенности надъ Шумакеромъ. Онъ прочиталъ нѣкоторые девизы на знаменахъ и выдвинулъ противъ Шумакера какъ полное согласіе показаній всѣхъ его сообщниковъ, такъ и молчаніе Норбита, связаннаго фанатической клятвой.

— Намъ остается, — сказалъ онъ въ заключеніе, — допросить лишь одного подсудимаго. Мы имѣемъ основаніе видѣть въ немъ тайнаго агента той власти, которая такъ плохо наблюдала за должнымъ спокойствіемъ Дронтгеймскаго округа. Эта власть благопріятствовала если не явнымъ содѣйствіемъ, то роковою небрежностью взрыву возстанія, которое погубило всѣхъ этихъ несчастныхъ и снова приведетъ на эшафотъ Шумакера, уже разъ сведеннаго съ эшафота милостью короля.

Этель отъ страха за Орденера вернулась опять къ страху за отца. Она содрогнулась при мрачныхъ словахъ секретаря, и изъ глазъ ея брызнули слезы, когда отецъ всталъ и спокойно проговорилъ:

— Прекрасно сыграно, канцлеръ Алефельдъ. Вѣроятно, вы уже были такъ предусмотрительны, что заранѣе пригласили палача?

Несчастная дѣвушка думала, что горе ея дошло теперь до крайняго предѣла. Но она ошибалась.

Шестой подсудимый, гордый, красивый, поднялся съ своего мѣста. На вопросъ предсѣдателя объ имени онъ отвѣтилъ громко и твердо.

— Меня зовутъ Орденеръ Гульденлью, баронъ Торвикъ, кавалеръ Данеброга.

У секретаря вырвался невольный крикъ удивленія.

— Сынъ вице-короля!

— Сынъ вице-короля! — словно многократное эхо повторилось это восклицаніе въ толпѣ.

Предсѣдатель откинулся на спинку кресла, судьи, до той поры неподвижные, стали наклоняться другъ къ другу, словно деревья во время урагана. Но еще больше было волненіе среди зрителей. Они поднимались на карнизы, на рѣшетки, всѣ сразу заговорили, и стража, забывъ объ обязанности смотрѣть за порядкомъ, сама громко выражала свое удивленіе.

Чья душа, уже привыкшая къ волненіямъ, могла бы понять, что происходило въ душѣ Этели? Кто могъ бы передать эту неслыханную смѣсь ощущеній радости и отчаянія, это безпокойное ожиданіе, которое было сразу и восторгомъ и печалью и въ то же время не было ни тѣмъ ни другимъ?.. Онъ былъ здѣсь передъ нею, но ея передъ нимъ не было. Она его видѣла, но онъ не видѣлъ ея. Это былъ Орденеръ, ея Орденеръ, котораго она уже считала мертвымъ. Она знала, что для нея онъ потерянъ, что онъ обманулъ ее, и въ то же время она любила его точно новой, сильнѣйшей любовью. Онъ здѣсь, да, онъ здѣсь, это не сонъ, онъ здѣсь, ея Орденеръ, тотъ, кого она больше видѣла во снѣ, чѣмъ наяву. Но кѣмъ былъ онъ теперь: ангеломъ ли избавителемъ, демономъ ли погубителемъ? надѣяться ли ей на него, дрожать ли за него? Тысячи мыслей, предположеній нахлынули въ ея бѣдную голову, и какъ гаснетъ костеръ, заваленный топливомъ, такъ погасъ ея разумъ и отказался служить ей. Всѣ мысли, всѣ ощущенія эти промелькнули въ ней, какъ молнія, въ ту минуту, какъ

сынъ вице-короля произнесъ свое имя. Она первая узнала его, и другіе еще не успѣли узнать его, какъ она уже лежала въ обморокѣ.

Но скоро она снова пришла въ себя, благодаря заботамъ своей таинственной сосѣдки. Она жадно впилась въ Орденера тѣмъ взглядомъ, который сразу охватываетъ все существо того, на кого смотрятъ. Волненіе суда и народа уже улеглось, а имя Орденера Гульденлью все еще звучало въ ея ушахъ. Съ тягостнымъ безпокойствомъ замѣтила она, что рука его была на перевязкѣ, что онъ былъ окованъ, какъ другіе, она увидѣла, что плащъ его былъ разорванъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, что вѣрная шпага его не виситъ у него на поясѣ. Ничто не укрылось отъ ея заботливаго взгляда, потому что взглядъ любящей женщины то же, что взглядъ матери. Она окружала всею душою того, кого не могла прикрыть всѣмъ тѣломъ, и надо, къ стыду или къ славѣ любви, не знаемъ, сказать, что въ той залѣ, гдѣ былъ ея отецъ, гдѣ были его преслѣдователи, она видѣла только одного человѣка, Орденера.

Мало-по-малу въ залѣ возстановилось молчаніе, и предсѣдатель нашелъ возможнымъ начать допросъ сына вице-короля.

— Господинъ баронъ...—началъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Здѣсь я не господинъ баронъ, — твердымъ голосомъ перебилъ его Орденеръ. — Какъ графа Гриффенфельда зовутъ здѣсь просто Іоганномъ Шумакеромъ, такъ и меня звать слѣдуетъ просто Орденеромъ Гульденлью.

Предсѣдатель снова нѣсколько смутился.

— Ну, хорошо,—продолжалъ онъ.—Орденеръ Гульденлью, безъ сомнѣнія, вы явились передъ нашимъ судилищемъ по какому-нибудь несчастному случаю. Бунтовщики захватили васъ, когда вы путешествовали, принудили васъ слѣдовать за собою и такимъ образомъ вы очутились въ ихъ рядахъ. Не правда ли?

Секретарь всталъ.

— Господа судьи, — сказалъ онъ, — уже одно имя сына вице-короля Норвегіи стоитъ цѣлой защитительной рѣчи. Баронъ Орденеръ Гульденлью не можетъ быть бунтовщикомъ. Нашъ благородный предсѣдатель совершенно правильно объяснилъ причины этого непріятнаго недоразумѣнія. Единственною виною благороднаго узника является то, что онъ не заявилъ раньше о своемъ санѣ и имени. Мы просимъ о его немедленномъ освобожденіи, отказываемся отъ всякаго обвиненія относительно барона и не можемъ не выказать глубокаго сожалѣнія, что ему пришлось сидѣть на этой опозоренной преступнымъ Шумакеромъ и его сообщниками скамьѣ.

— Что такое?—вскричалъ Орденеръ.

— Господинъ тайный секретарь отказывается отъ обвиненія по отношенію къ вамъ, — сказалъ предсѣдатель.

— Онъ ошибается,—звучнымъ голосомъ возразилъ Орденеръ.— Я долженъ быть здѣсь единственнымъ обвиняемымъ, единственнымъ подсудимымъ и единственнымъ осужденнымъ, потому что...—

онъ пріостановился и проговорилъ уже не такъ твердо: — потому что я одинъ виновенъ.

— Одинъ виновенъ!—повторилъ предсѣдатель.

— Одинъ виновенъ!—вскричалъ секретарь.

Въ толпѣ поднялся снова ропотъ удивленія. Бѣдная Этель содрогнулась. Она забыла, что это заявленіе ея возлюбленнаго спасаетъ ея отца. Она уже какъ бы видѣла смерть своего Орденера.

— Аллебардисты, пригласите присутствующихъ къ порядку, — сказалъ предсѣдатель, пользуясь этимъ перерывомъ, чтобы нѣсколько оправиться отъ удивленія.

— Объяснитесь, Орденеръ Гульденлью,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Орденеру.

Молодой человѣкъ подумалъ съ минуту, тяжело вздохнулъ и заговорилъ спокойнымъ и рѣшительнымъ тономъ.

— Я знаю,—сказалъ онъ,—что мнѣ грозитъ позорная смерть, я знаю, что жизнь моя могла быть полезной, славной, но Богъ, одинъ Богъ видитъ глубину моего сердца. Я рѣшилъ исполнить первую и главную обязанность: я рѣшилъ принести Ему въ жертву жизнь, можетъ-быть, честь, но я умру безъ угрызеній совѣсти, безъ раскаянія... Господа судьи, не удивляйтесь моимъ словамъ. Въ душѣ и судьбѣ человѣка есть тайны, въ которыя вамъ не проникнуть, и не здѣсь, на землѣ, а только на небѣ можно судить ихъ. Слушайте же, господа судьи, и поступайте со мной по совѣсти и по закону, отпустивъ этихъ несчастныхъ и, главное, этого несчастнаго Шумакера, который уже много разъ успѣлъ искупить больше преступленій, чѣмъ можетъ совершить человѣкъ. Да, я виновенъ, и виновенъ одинъ. Шумакеръ невиненъ, а эти люди введены въ заблужденіе. Зачинщикъ возстанія рудокоповъ — я!

— Вы!—вскричали какимъ-то страннымъ тономъ предсѣдатель и секретарь.

— Да, я. Не прерывайте меня, господа судьи, я тороплюсь кончить, потому что, обвинивъ себя, я оправдаю этимъ несчастныхъ. Я поднялъ рудокоповъ во имя Шумакера, я приказалъ раздать имъ знамена, я послалъ имъ отъ имени Мункгольмскаго узника золото и оружіе. Гаккетъ былъ моимъ агентомъ.

При послѣднемъ признаніи у секретаря вырвался жестъ удивленія.

— Я постараюсь быть краткимъ, господа судьи, — продолжалъ Орденеръ. — Я былъ взятъ въ рядахъ тѣхъ самыхъ рудокоповъ, которыхъ я поднялъ противъ короля. Все сдѣлалъ одинъ я. Теперь, судите. Если я доказалъ свою виновность, я доказалъ и невинность Шумакера, и невинность тѣхъ несчастныхъ, которыхъ вы считаете его сообщниками.

Молодой человѣкъ говорилъ, поднявъ глаза къ небу. Этель едва дышала. Ей казалось, что, оправдывая ея отца, молодой человѣкъ съ какой-то скрытой горечью произноситъ его имя. Рѣчь его и удивляла и пугала молодую дѣвушку. Она ничего не понимала, она видѣла во всемъ этомъ ясно только одно—несчастье.

Казалось, то же чувство занимало и предсѣдателя. Казалось, онъ не могъ вѣрить тому, что слышалъ своими ушами. Тѣмъ не менѣе, онъ снова обратился къ сыну вице-короля:

— Если вы, дѣйствительно, виновникъ возстанія, то съ какою цѣлью вы его возбудили?

— Этого я не могу сказать.

Новый вопросъ предсѣдателя заставилъ Этель содрогнуться.

— Не находились ли вы въ любовной связи съ дочерью Шумакера?

Закованный въ цѣпи Орденеръ сдѣлалъ шагъ по направленію къ суду и вскричалъ полнымъ негодованія голосомъ:

— Канцлеръ Алефельдъ, довольствуйтесь тѣмъ, что я отдаю вамъ свою жизнь, и умѣйте уважать благородную и невинную дѣвушку. Не пытайтесь обезчестить ее второй разъ.

Бѣдная Этель, которой вся кровь бросилась въ лицо, не поняла этихъ словъ *второй разъ*, которыя съ особымъ удареніемъ произнесъ ея защитникъ. Но по исказившему все лицо предсѣдателя гнѣву видно было, что онъ-то ихъ понялъ.

— Орденеръ Гульденлью, не забывайте вы сами уваженія къ правосудію и его представителямъ. Отъ имени суда объявляю вамъ замѣчаніе. А теперь я вторично приглашаю васъ объяснить, съ какою цѣлью совершили вы то преступленіе, въ которомъ вы себя обвиняете?

— Повторяю вамъ, что этого я сказать не могу.

— Не имѣли ли вы въ виду освободить Шумакера? — сказалъ секретарь.

Орденеръ молчалъ.

— Подсудимый Орденеръ, не будьте нѣмы. Суду извѣстно, что вы поддерживали сношенія съ Шумакеромъ, и ваше признаніе служитъ не столько къ оправданію его, сколько къ обвиненію. Вы часто бывали въ Мункгольмѣ и, очевидно, придавали этимъ посѣщеніямъ большое значеніе, чему доказательствомъ является эта алмазная застежка.

И съ этими словами предсѣдатель взялъ со стола и показалъ Орденеру алмазный аграфъ для прикрѣпленія пера къ шляпѣ.

— Признаете ли вы, что эта застежка принадлежала вамъ?

— Да, но по какому случаю...

— Одинъ изъ бунтовщиковъ передалъ ее передъ смертью господину секретарю и заявилъ, что получилъ ее отъ васъ за то, что перевезъ васъ изъ Дронтгейма въ крѣпость Мункгольмъ. Я спрошу господъ судей, не доказываетъ ли такая щедрая плата за такую небольшую услугу, какое значеніе придавалъ подсудимый Орденеръ Гульденлью посѣщеніямъ той тюрьмы, въ которой содержался Шумакеръ.

— Его милость говоритъ правду, — вскричалъ Кенниболь. — Я узнаю эту застежку. Эту же исторію мнѣ разсказывалъ бѣдняга Гульдонъ Стайнеръ.

— Молчите, — сказалъ предсѣдатель. — Предоставьте дать отвѣтъ Орденеру Гульденлью.

— Я не скрою, — отвѣчалъ Орденеръ, — что я хотѣлъ видѣть Шумакера. Но эта застежка ничего не доказываетъ. Въ крѣпость запрещено ходить съ алмазами, а дорогой матросъ жаловался мнѣ на свою бѣдность. Я и бросилъ ему эту пряжку, которую все равно не могъ оставить у себя.

— Извините, ваша честь, — сказалъ секретарь, — но уставъ дѣлаетъ исключенiе изъ этого правила для сына вице-короля. Значитъ, вы могли...

— Я не хотѣлъ называть своего имени.

— Почему? — спросилъ предсѣдатель.

— Этого я не могу вамъ объяснить.

— Ваши сношенiя съ Шумакеромъ и его дочерью доказываютъ, что цѣлью вашего заговора было ихъ освобожденiе.

Шумакеръ, который до сихъ поръ только презрительно пожималъ плечами, поднялся съ мѣста.

— Мое освобожденiе! Цѣлью этого адскаго замысла была моя погибель, и такой эта цѣль осталась и понынѣ. Неужели вы думаете, что Орденеръ Гульденлью признался бы въ своемъ участiи въ преступленiи, если бы не былъ схваченъ въ рядахъ бунтовщиковъ? О, я вижу, что онъ наслѣдовалъ ненависть ко мнѣ отъ отца. Что же до его отношенiй со мной и моей дочерью, то пусть этотъ ненавистный Гульденлью узнаетъ, что моя дочь наслѣдовала мою ненависть и къ нему и ко всей породѣ Гульденлью и Алефельдовъ.

Орденеръ глубоко вздохнулъ. Этель мысленно опровергала слова отца. Шумакеръ снова упалъ на скамью.

— Судъ обсудитъ это, — сказалъ предсѣдатель.

— О, господа судьи, — вскричалъ Орденеръ. — Сейчасъ вы углубитесь въ вашу совѣсть. Не забывайте же, что Орденеръ Гульденлью виновенъ одинъ, что Шумакеръ невиненъ, что эти остальные несчастные были обмануты моимъ агентомъ Гаккетомъ. Все сдѣлалъ я, одинъ я!

— Его милость говоритъ правду, — сказалъ Кенниболь, — потому что его милость взялъ на себя привести къ намъ Гана-Исландца, да не принесетъ мнѣ несчастье его имя. Я знаю, что этотъ молодой человѣкъ рѣшился пойти одинъ въ Вальдерогскую пещеру, чтобы предложить ему быть нашимъ вождемъ. Онъ повѣрилъ мнѣ свое тайное предпрiятiе въ Сурбѣ, у моего брата Браалея. Вѣрно и то, что этотъ проклятый Гаккетъ обманулъ насъ и слѣдовательно мы не заслуживаемъ смерти.

— Объявляю судебное слѣдствiе оконченнымъ, — сказалъ предсѣдатель. — Ваше слово, господинъ секретарь.

съ Секретарь всталъ, поклонился суду, провелъ нѣсколько разъ рукою по кружевнымъ брыжжамъ своей мантiи, не спуская глазъ предсѣдателя, и заговорилъ глухимъ и мрачнымъ голосомъ:

— Господинъ предсѣдатель, господа судьи! Обвиненiе попрежнему обладаетъ самыми вѣскими данными. Орденеръ Гульденлью, затмившiй навсегда блескъ своего славнаго имени, доказалъ только свою вину, но не доказалъ невинности Шумакера и его сообщни-

ковъ Гана-Исландца, Вильфрида Кенниболя, Іоны и Норбита. Поэтому я прошу судъ признать всѣхъ шестерыхъ подсудимыхъ виновными въ верховной измѣнѣ и въ оскорбленіи величества.

Въ толпѣ поднялся ропотъ. Предсѣдатель собирался произнести формулу закрытія засѣданія, но епископъ потребовалъ минуту вниманія.

— Господа судьи, — заговорилъ онъ. — Слово защиты должно раздаться послѣднимъ. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы дѣло защиты было поручено кому-нибудь сильнѣе, моложе меня, я старъ, я слабъ, но я надѣюсь, что Богъ поможетъ мнѣ въ моемъ дѣлѣ. Меня удивляютъ строгія требованія господина секретаря. Преступленіе Шумакера ничемъ не доказано. На судѣ оказалось невозможнымъ установить его прямое участіе въ возстаніи, а сознаніе Орденера Гульденлью и его утвержденіе, что онъ единственный виновникъ всего, устраняютъ всякое предположеніе о виновности Шумакера. Поэтому, господа судьи, я не сомнѣваюсь, что вы его оправдаете. Я прошу у васъ христіанскаго снисхожденія и для остальныхъ подсудимыхъ: они только заблудшія овцы добраго пастыря, не исключая и молодого Орденера Гульденлью, который имѣетъ за собой, по крайней мѣрѣ, ту заслугу, и, скажу я, заслугу великую передъ Богомъ, что онъ чистосердечно сознался въ своемъ преступленіи. Вспомните, господа судьи, что онъ находится еще въ томъ возрастѣ, когда Богъ не отказываетъ въ поддержкѣ споткнувшемуся, когда Онъ готовъ поднять павшаго. Орденеръ носитъ на себѣ едва четверть того бремени лѣтъ, какое лежитъ на моей головѣ. Положите на вѣсы правосудія его молодость, его неопытность и не отнимайте отъ него такъ рано жизни, которую еще такъ недавно далъ ему Создатель.

Старикъ замолчалъ и сталъ около Орденера, который улыбался. По приглашенію предсѣдателя судьи удалились въ совѣщательную комнату.

Въ то время, какъ въ этомъ страшномъ святилищѣ нѣсколько человѣкъ рѣшало судьбу шести другихъ людей, подсудимые неподвижно сидѣли на скамьѣ, окруженные двумя рядами аллебардистовъ. Шумакеръ, опустивъ голову на грудь, казалось, былъ погруженъ въ глубокое раздумье. Гигантъ съ какой-то глупой увѣренностью смотрѣлъ направо и налѣво. Кенниболь и Іона вполголоса молились, сложивъ руки, а Норбитъ время отъ времени стучалъ ногою и конвульсивно вздрагивалъ, звеня цѣпями. Между ними и читавшимъ покаянные псалмы епископомъ стоялъ, скрестивъ на груди руки и поднявъ глаза къ небу, Орденеръ.

За ними слышался шумъ толпы, уже не стѣснявшейся послѣ ухода судей. Знаменитый Мункгольмскій узникъ, ужасный исландскій демонъ, и въ особенности сынъ вице-короля, занимали всѣ умы. Шумъ, въ которомъ изрѣдка слышался смѣхъ, наполнялъ залу, то затихая, то разрастаясь, какъ колеблемое вѣтромъ пламя.

Такъ прошло нѣсколько часовъ, длинныхъ, томительныхъ, такихъ длинныхъ, что странно было, какъ могли они уложиться въ одну ночь. Толпа безпокойно посматривала на дверь совѣщатель-

ной комнаты, но тамъ ничего не было видно. Только два солдата, съ бердышами въ рукахъ, ходили взадъ и впередъ передъ дверью, словно нѣмыя привидѣнія.

Наконецъ факелы и лампы поблѣднѣли, блѣдные лучи разсвѣта проскользнули сквозь узкія стекла оконъ. Страшная дверь отворилась, и прежній шумъ, словно по волшебству, смѣнился глубокимъ молчаніемъ. Слышно было только тяжелое дыханіе да глухое движеніе напряженнаго ожиданія.

Судьи съ предсѣдателемъ во главѣ медленно вышли изъ совѣщательной комнаты и заняли мѣста въ прежнемъ порядкѣ

Секретарь глубоко поклонился суду.

— Господинъ предсѣдатель,—сказалъ онъ,—какой окончательный приговоръ именемъ короля имѣетъ объявить судъ? Мы готовы выслушать его съ глубокимъ почтеніемъ.

Судья, сидѣвшій справа отъ предсѣдателя, всталъ.

— Его сіятельство, нашъ достохвальный предсѣдатель, будучи утомленъ продолжительностью засѣданія, соблаговолилъ поручить намъ, главному синдику и предсѣдателю ipso jure настоящаго почтеннѣйшаго суда, прочитать вмѣсто него данный именемъ короля приговоръ. Приступая къ исполненію этой обязанности, я приглашаю присутствующихъ молча выслушать слово непогрѣшимаго правосудія короля.

Голосъ синдика принялъ важное и торжественное выраженіе. Всѣ сердца дрогнули.

«Именемъ нашего досточтимаго господина и законнаго государя короля Христіана, мы, судьи верховнаго суда Дронтгеймскаго округа, постановили по совѣсти слѣдующій приговоръ касательно Іоганна Шумакера, государственнаго узника, Вильфрида Кенниболя, жителя Кольскихъ горъ, Іоны, королевскаго рудокопа, Норбита, королевскаго рудокопа, Гана изъ Клипстадура въ Исландіи и Орденера Гульденлью, барона Торвика, кавалера ордена Данеброга, преданныхъ суду по обвиненію въ верховной измѣнѣ и оскорбленіи величества, при чемъ Ганъ-Исландецъ, кромѣ того, по обвиненію въ рядѣ убійствъ, поджоговъ и разбоевъ:

«1. Іоганнъ Шумакеръ не виновенъ.

«2. Вильфридъ Кенниболь, Іона и Норбитъ виновны, но судъ извиняетъ ихъ, какъ введенныхъ въ заблужденіе.

«3. Ганъ-Исландецъ виновенъ во всѣхъ приписываемыхъ ему преступленіяхъ.

«4. Орденеръ Гульденлью виновенъ въ верховной измѣнѣ и оскорбленіи величества».

Судья остановился на минуту, какъ бы переводя духъ.

Орденеръ смотрѣлъ на него и въ глазахъ его свѣтилась небесная радость.

«Іоганнъ Шумакеръ,—продолжалъ судья,—судъ васъ оправдываетъ и постановляетъ вернуть васъ обратно въ тюрьму.

«Кенниболь, Іона и Норбитъ, судъ смягчаетъ заслуженное вами наказаніе и приговариваетъ васъ къ вѣчному заключенію и штрафу въ тысячу королевскихъ экю каждаго.

«Ганъ изъ Клипстадура, убійца и поджигатель, сегодня вечеромъ вы будете препровождены на Мункгольмскую военную площадь и повѣшены за шею впредь до наступленія смерти.

«Орденеръ Гульденлью, измѣнникъ, по лишеніи васъ титуловъ передъ настоящимъ судомъ вы будете отправлены сегодня вечеромъ на то же мѣсто съ факеломъ въ рукахъ, гдѣ по отрубленіи вамъ головы, тѣло ваше будетъ предано огню, пепелъ разсѣянъ по вѣтру, голова же выставлена будетъ у позорнаго столба.

«Удалитесь всѣ. Таково правосудіе короля».

Едва синдикъ окончилъ чтеніе, какъ въ залѣ послышался страшный крикъ. Этотъ крикъ подѣйствовалъ на присутствующихъ больше, чѣмъ самый смертный приговоръ. Даже Орденеръ поблѣднѣлъ и радостное выраженіе лица его нѣсколько омрачилось.

XXI.

Несчастье ихъ сравняло...

Шарль Нодье.

Итакъ, все совершится или, вѣрнѣе, все совершилось... Онъ спасъ отца той, кого любилъ, онъ спасъ и ее, сохранивъ ей отца. Великодушный умыселъ молодого человѣка удался вполнѣ, теперь оставалось лишь самое легкое—умереть.

Пусть тѣ, кто считаетъ его виновнымъ или безумнымъ, судятъ его такъ, какъ онъ судитъ себя самъ въ своей душѣ, полный священнаго восторга. Входя въ ряды возставшихъ, онъ лелѣялъ одну мысль: если нельзя помѣшать преступленію Шумакера, то можно, по крайней мѣрѣ, избавить старика отъ кары, принявъ ее на свою голову.

«Безъ сомнѣнія, Шумакеръ виновенъ,—думалъ онъ.—Но озлобленный заключеніемъ и несчастьемъ, онъ не такъ виноватъ, какъ былъ бы другой на его мѣстѣ. Онъ добивается только своего освобожденія и для этой цѣли не останавливается и передъ бунтомъ. Но что будетъ съ Этелью, когда у нея отнимутъ отца, когда онъ погибнетъ на эшафотѣ, когда новое безчестіе упадетъ на ея юную головку, когда она останется одна въ своей темницѣ или среди враговъ, безъ поддержки, безъ помощи?»

Эта мысль побудила его пожертвовать собою, и онъ готовился къ этой жертвѣ безъ колебаній, съ радостью, потому что нѣтъ выше счастья для человѣка какъ пожертвовать жизнію за жизнь, нѣтъ—за одну слезу, за одну улыбку любимаго существа.

Его взяли въ рядахъ бунтовщиковъ, его судили, его приговорили къ позорному наказанію, онъ оставитъ по себѣ покрытую позоромъ память, но что все это значитъ, если этой цѣной онъ купилъ спасеніе отца своей Этели;

И вотъ онъ сидитъ окованный въ сырой темницѣ, куда едва проникаетъ свѣтъ и воздухъ сквозь темныя отдушины. Около него его послѣдняя пища, кусокъ чернаго хлѣба и кружка воды. Шею давитъ тяжелый желѣзный ошейникъ, на рукахъ, на ногахъ на-

дѣты желѣзные кандалы. Каждый часъ приближаетъ его больше къ смерти, чѣмъ другихъ смертныхъ цѣлый годъ. Онъ мечтаетъ, и сладки его мечты.

«Быть-можетъ, — думаетъ онъ, — воспоминаніе обо мнѣ не погибнетъ вмѣстѣ со мною хотя въ одномъ человѣческомъ сердцѣ. Быть-можетъ, она уронитъ хоть одну слезу за всю мою кровь. Быть-можетъ, иногда она пожалѣетъ о томъ, кто отдалъ ей жизнь, и въ дѣвственныхъ снахъ будетъ иногда видѣть смутный образъ погибшаго друга. Да и кто знаетъ, что есть тамъ, за порогомъ жизни. Быть-можетъ, освободившись отъ тѣлесныхъ оковъ, душа можетъ возвращаться къ землѣ и слѣдить за душами тѣхъ, кого она любитъ, сноситься таинственными путями со своими еще плѣнными подругами и приносить имъ небесныя, невѣдомыя на землѣ радости.

Но къ этимъ утѣшительнымъ размышленіямъ примѣшивались и горькія мысли. Эта ненависть, которую выказалъ ему Шумакеръ, въ ту самую минуту, какъ онъ жертвовалъ за него жизнію, угнетала сердце Орденера. Этотъ раздирающій крикъ, раздавшійся послѣ смертнаго приговора, имъ однимъ понятый и узнанный, пронзалъ ему душу. И неужели онъ такъ и не увидитъ больше своей Этели? Неужели его послѣднія минуты не усладятся прикосновеніемъ, звукомъ голоса той, за кого онъ умиралъ? Орденеръ сидѣлъ, глубоко погруженный въ эти смутныя грезы, которыя то же для мысли, что сонъ для тѣла. Вдругъ скрипъ ржавыхъ засововъ рѣзко поразилъ его ухо, уже прислушивавшееся къ голосамъ другого міра. Тяжелая дверь темницы отворилась. Осужденный всталъ, спокойный, почти радостный. Онъ думалъ, что за нимъ пришелъ палачъ, и уже приготовился сбросить съ плечъ существованіе, какъ сбрасываютъ плащъ. Но онъ ошибся. Свѣтлое бѣлое видѣніе показалось на порогѣ тюрьмы. Орденеръ не вѣрилъ глазамъ и съ минуту сомнѣвался, живъ онъ или уже умеръ... Это была она, его Этель.

Она упала въ его объятія, она покрывала слезами руки Орденера, вытирая ихъ длинными волнами своихъ черныхъ косъ, она цѣловала его позорныя оковы своими чистыми устами, она не говорила, и, казалось, въ первомъ же словѣ, которое прорвется сквозь ея рыданія, выльется вся великая скорбь ея сердца.

А Орденеръ испытывалъ такое блаженство, какого не испытывалъ съ самаго дня рожденія. Онъ нѣжно прижималъ къ груди свою Этель, и если бы всѣ силы земли и ада соединились въ одномъ ужасномъ усиліи, онѣ не могли бы вырвать Этели изъ его объятій. Ожиданіе близкаго конца придавало что-то торжественное восторгу Орденера, и онъ чувствовалъ, себя такъ, какъ будто съ этой минуты Этель стала принадлежать ему навѣки.

Онъ не спрашивалъ у нея, какъ проникла она въ тюрьму. Она была здѣсь, могъ ли онъ думать о чемъ-нибудь другомъ! Онъ не задавался вопросомъ, какъ эта юная, опальная, одинокая дѣвушка сквозь тройной рядъ дверей, тройной рядъ солдатъ и тюремщиковъ, могла выйти изъ своей тюрьмы и притти въ тюрьму возлю-

бленнаго. Это казалось ему просто. Тайное сознаніе могущества любви твердо укрѣпилось въ его сердцѣ. Зачѣмъ было имъ говорить, когда души ихъ и безъ словъ понимали другъ друга, и тѣло молча прислушивалось къ этимъ голосамъ души. И они молчали. Есть чувства, которыхъ не выразишь словами.

Наконецъ молодая дѣвушка подняла голову съ груди молодого человѣка.

— Орденеръ,—сказала она,—я пришла тебя спасти.

Но эти слова надежды звучали въ ея устахъ, какъ слова смертельнаго страха.

Орденеръ улыбнулся.

— Меня спасти! Что ты говоришь, Этель, вѣдь бѣгство невозможно.

— Я сама это знаю. Замокъ полонъ солдатъ, всѣ двери бдительно охраняются, но я принесла тебѣ другое средство къ спасенію.

— Не баюкай себя ложными надеждами, черезъ нѣсколько часовъ ударъ топора слишкомъ жестоко покончитъ съ ними.

— О, нѣтъ, Орденеръ, ты не умрешь. Спаси меня отъ этой страшной мысли, или нѣтъ, представь мнѣ ее во всемъ ея ужасѣ, чтобы дать мнѣ силы на жертву для твоего спасенія.

— Жертву? Какую жертву?—тихо сказалъ Орденеръ.

Она закрыла лицо руками.

— О, Боже!—невнятно вырвалось у нея сквозь рыданія.

Но эта минута слабости длилась недолго. Она выпрямилась, глаза ея блестѣли, уста улыбались... Она была прекрасна, какъ ангелъ, поднимающійся отъ ада къ небу.

— Слушайте, Орденеръ. Вы не взойдете на эшафотъ. Для вашего спасенія довольно, чтобы вы обѣщали жениться на Ульрикѣ Алефельдъ.

— На Ульрикѣ Алефельдъ! Отъ тебя ли я слышу это имя, моя Этель?

— Не перебивайте меня, — продолжала она съ спокойствіемъ мученицы.—Меня прислала сюда графиня Алефельдъ. Вамъ обѣщаютъ королевское помилованіе, если вы обѣщаете отдать вашу руку дочери великаго канцлера. И я явилась сюда, чтобы получить отъ васъ клятву жениться на Ульрикѣ и жить для нея. Меня избрали посредницей, думая, что мой голосъ будетъ имѣть для васъ нѣкоторое значеніе.

— Этель,—проговорилъ осужденный ледянымъ тономъ,—прощайте. Когда пойдете назадъ, будьте добры, скажите, чтобы поскорѣе прислали палача.

Этель поблѣднѣла, затрепетала, ноги ея подкосились, и она упала на колѣни на каменный полъ, въ отчаяніи сжимая руки.

— Что я ему сдѣлала?—промолвила она упавшимъ голосомъ.

Орденеръ молчалъ, не поднимая глазъ отъ земли.

— Вы не отвѣчаете мнѣ, вы не хотите говорить со мной, — молвила она, обнимая его колѣни.—Что же мнѣ остается на землѣ? Одна лишь смерть?

Слезы отуманили взоръ Орденера.

— Вы разлюбили меня, Этель,—промолвилъ онъ.

— Боже,—вскричала бѣдная дѣвушка, сжимая въ объятіяхъ колѣни узника,—я разлюбила его! Ты говоришь, что я разлюбила тебя! И ты могъ сказать это, мой Орденеръ!

— Вы разлюбили меня, потому что вы меня презираете.

Но онъ тотчасъ раскаялся въ этихъ словахъ. Этель съ раздирающимъ рыданіемъ поднялась съ пола, обвила руками его шею и заговорила прерывистымъ голосомъ.

— О, прости, прости меня, мой Орденеръ, какъ я прощаю тебя. Презирать тебя! Великій Боже! Развѣ ты не гордость, не счастье, не божество мое! Развѣ въ моихъ словахъ звучитъ что-нибудь, кромѣ глубокой любви, кромѣ горячаго восхищенія тобой, мой любимый, мой единственный! Ты такъ строго говорилъ со мной, ты сдѣлалъ мнѣ больно, а вѣдь я хотѣла спасти тебя, пожертвовавъ всѣмъ счастьемъ жизни для твоего спасенія.

Орденеръ смягчился и старался поцѣлуями осушить слезы Этели.

— Но развѣ ты не показала неуваженія ко мнѣ, предложивъ мнѣ купить жизнь цѣною низкаго забвенія моихъ клятвъ, цѣною моей и твоей любви. Моей любви, — прибавилъ онъ, пристально глядя на Этель,—за которую сегодня я пролью всю мою кровь.

Этель глубоко вздохнула, прежде чѣмъ отвѣтить.

— Выслушай меня, Орденеръ, и не торопись осуждать меня. Быть-можетъ, у меня больше силы, чѣмъ у другой женщины. Съ высоты нашей башни видно, какъ на военномъ плацу строятъ для тебя эшафотъ. Ты не знаешь, какъ больно видѣть медленныя приготовленія къ смерти того, въ комъ вся жизнь, все счастье. Графиня Алефельдъ, которая была со мной въ то время, когда я слушала твой смертный приговоръ, пришла въ тюрьму, куда я ушла вмѣстѣ съ отцомъ. Она спросила меня, хочу ли я спасти тебя. Она предложила мнѣ это ужасное средство. О, мой Орденеръ! Мнѣ нужно было разрушить все счастье, отказаться отъ тебя, отдать тебя другой или отдать тебя на казнь. Мнѣ дали выбирать между моимъ несчастіемъ и твоей смертью, и я, не колеблясь, выбрала первое.

Онъ почтительно поцѣловалъ руку этого ангела.

— Я тоже не колеблюсь, Этель. Ты не стала бы предлагать мнѣ руки Ульрики Алефельдъ, если бы ты знала, почему я умираю.

— Что? какая тайна?..

— Позволь, чтобы это осталось тайной для тебя, моя возлюбленная! Я хочу умереть такъ, чтобы ты не знала благодарить или ненавидѣть меня должна ты за мою смерть.

— Ты хочешь умереть! Ты умрешь! Боже и это правда, эшафотъ растетъ, и нѣтъ той силы, которая могла бы спасти отъ смерти моего Орденера. Взгляни на твою рабу, на твою подругу мой возлюбленный, и обѣщай мнѣ выслушать меня безъ гнѣва. Отвѣчай мнѣ, какъ Богу, увѣренъ ли ты, что не можешь быть

счастливъ съ этой женщиной? Быть-можетъ, даже навѣрно, она красива, добра, благородна и лучше той, за кого ты гибнешь. Не отворачивайся отъ меня, Орденеръ. Ты такъ молодъ, такъ благороденъ, тебѣ такъ рано умирать. Ты будешь жить съ ней въ какомъ-нибудь блестящемъ городѣ, гдѣ тебѣ некогда будетъ думать о мрачной башнѣ. Дни твои потекутъ мирно, ты не будешь ничего знать обо мнѣ, ты выбросишь меня изъ своего сердца, изъ своей памяти. Но живи, живи, пусть лучше я умру, оставленная тобою. Я не буду долго страдать, я умру скоро, если буду знать, что ты принадлежишь другой.

Она остановилась и залилась слезами, но въ глазахъ ея свѣтилось болѣзненное желаніе одержать эту роковую побѣду, которая будетъ стоить ей жизни.

— Этель, не говори больше объ этомъ. Не будемъ въ этотъ часъ произносить другихъ именъ, кромѣ нашихъ.

— Итакъ, ты хочешь умереть!

— Такъ нужно. За тебя я пойду на эшафотъ съ радостью, но къ алтарю съ другой женщиной я пошелъ бы съ отвращеніемъ. Не говори мнѣ больше объ этомъ. Это огорчаетъ и обижаетъ меня.

Она плакала.

— Онъ умретъ, Боже, онъ умретъ и такой позорной смертью!

— Вѣрь мнѣ, Этель,—съ улыбкой проговорилъ осужденный,— эта смерть не такъ позорна, какъ та жизнь, которую ты мнѣ предлагаешь.

Въ эту минуту взглядъ его, оторвавшись отъ Этели, упалъ на старика въ одеждѣ священника, который стоялъ въ тѣни подъ низкимъ сводомъ двери.

— Что вамъ угодно?—спросилъ Орденеръ.

— Я пришелъ сюда вмѣстѣ съ посланной графини Алефельдъ и ожидалъ, пока вамъ угодно будетъ меня замѣтить.

Дѣйствительно, Орденеръ видѣлъ только Этель, а Этель, увидя Орденера, въ свою очередь, забыла о своемъ спутникѣ.

— Я—священникъ, которому поручено... — продолжалъ старикъ.

— Я понимаю,—сказалъ Орденеръ.—Я готовъ.

Священникъ приблизился.

— Господь также готовъ принять васъ, сынъ мой.

— Ваше лицо мнѣ знакомо, я гдѣ-то видѣлъ васъ, — сказалъ Орденеръ, вглядѣвшись въ лицо священника.

Тотъ поклонился.

— Я тоже узнаю васъ, сынъ мой. Это было въ башнѣ Виглѣ. Сегодня мы оба могли удостовѣриться, какъ трудно придавать значеніе человѣческимъ словамъ. Вы обѣщали мнѣ тогда помилованіе для осужденныхъ, и я не повѣрилъ вамъ, потому что не могъ догадаться, что вы сынъ вице-короля. А вы, въ свою очередь, разсчитывая на свою власть и могущество...

Орденеръ докончилъ рѣчь священника, который нѣсколько замялся.

— Теперь не могу уже выхлопотать никому помилованія, даже себѣ... Да, вы правы, я мало заботился о будущемъ, и оно наказало меня, показавъ, что оно сильнѣе, чѣмъ я.

Священникъ опустилъ голову.

— Богъ силенъ,—сказалъ онъ и прибавилъ, ласково взглянувъ на Орденера:—и милосердъ...

Орденеръ на минуту задумался.

— Слушайте,—сказалъ онъ, наконецъ.—Когда я умру, поѣзжайте въ Бергенъ къ моему отцу, вице-королю Норвегіи, и скажите ему, что послѣдняя милость, которой проситъ у него сынъ, это — помилованіе вашихъ осужденныхъ. Я увѣренъ, что онъ помилуетъ ихъ.

На глазахъ священника показались слезы.

— Вы благородно мыслите, сынъ мой, если, храбро отказываясь отъ милости себѣ, вы находите въ себѣ силы хлопотать за другихъ. Я слышалъ вашъ разговоръ и, порицая слишкомъ опасное развитіе человѣческихъ страстей, я въ то же время былъ глубоко тронутъ. А теперь я скажу: Unde scelus? [1]) Какъ могъ человѣкъ, такъ близко стоящій къ истинной справедливости, запятнать себя такимъ преступленіемъ?

— Отецъ мой, я не сказалъ этого этому ангелу, не могу сказать и вамъ. Вѣрьте только, что не преступленіе причина моего осужденія.

— Какъ? объяснитесь, сынъ мой?

— Не настаивайте! Дайте мнѣ унести въ могилу тайну моей смерти,—твердо проговорилъ молодой человѣкъ.

— Нѣтъ, онъ не можетъ быть преступенъ,—прошепталъ священникъ.

И, вынувъ черное распятіе, священникъ положилъ его на камень, высѣченный въ видѣ алтаря изъ гранитной плиты. Рядомъ съ распятіемъ онъ помѣстилъ зажженную желѣзную лампочку и раскрытую Библію.

— Молитесь и размышляйте, сынъ мой. Я вернусь черезъ нѣсколько часовъ. Пойдемте, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Этели.—Пора оставить осужденнаго одного.

Этель, до сихъ поръ молча слушавшая бесѣду Орденера со священникомъ, радостная и спокойная встала съ своего мѣста. Какой-то божественный огонь блестѣлъ въ ея глазахъ.

— Мнѣ еще нельзя итти съ вами, отецъ мой. Вамъ слѣдуетъ раньше соединить узами брака Этель Шумакеръ и Орденера Гульденлью. Если бы ты былъ свободенъ, могучъ и знатенъ, — продолжала она, обращаясь къ Орденеру, — я бы только оплакивала свою судьбу и не стала бы соединять ее съ твоей. Но теперь, когда ты не боишься заразы моего несчастія, когда ты самъ, какъ и я, въ тюрьмѣ, покрытъ позоромъ смертнаго приговора, я сама иду къ тебѣ навстрѣчу. Я надѣюсь, что ты позволишь той, которая не могла быть тебѣ подругой въ жизни, стать тебѣ подругой

---

[1]) Откуда преступленіе?

въ смерти. Я знаю, ты любишь меня достаточно сильно, ты понимаешь, что я не переживу тебя ни одной минутой.

Осужденный упалъ къ ея ногамъ и поцѣловалъ край ея платья.

— Вы, отецъ мой, замѣните намъ нашихъ отцовъ,—продолжала она.—Пусть эта темница будетъ храмомъ, этотъ камень—алтаремъ. Вотъ мое кольцо. Мы на колѣняхъ передъ Богомъ и передъ вами. Благословите же насъ и произнесите тѣ святыя слова, которыя должны соединить насъ навѣки.

Оба стали на колѣни. Священникъ смотрѣлъ на нихъ, и во взглядѣ его выражалось удивленіе и состраданіе.

— Какъ? Что вы дѣлаете, дѣти мои?

— Пора, отецъ мой, — сказала молодая дѣвушка. — Время не терпитъ. Богъ и смерть ожидаютъ насъ.

Бываютъ въ жизни такія минуты, когда воля человѣка выростаетъ до сверхчеловѣческихъ размѣровъ, когда сопротивляться ей безполезно. Такъ было и теперь. Священникъ со вздохомъ поднялъ глаза къ небу.

— Да проститъ мнѣ Господь, если я согрѣшу моей снисходительностью. Вы любите другъ друга, и вамъ осталось слишкомъ мало времени любить другъ друга на землѣ. Я думаю, что не измѣню святому долгу, узаконивъ вашу любовь.

Сладкій и вмѣстѣ страшный обрядъ былъ совершонъ. Священникъ благословилъ ихъ въ послѣдній разъ. Они встали съ колѣнъ мужемъ и женою.

Болѣзненная радость освѣтила черты осужденнаго. Казалось, онъ начиналъ чувствовать горечь смерти, испытавъ счастіе жизни. Черты лица его подруги носили отпечатокъ какой-то величавой простоты. Она была еще скромна, какъ молодая дѣвушка, но уже чувствовала въ душѣ естественную гордость новобрачной.

— Слушай, мой Орденеръ, развѣ не правда, что смерть принесла намъ счастье? Она соединила насъ, а жизнь не могла этого сдѣлать. Когда тебя будутъ казнить, я стану у окна башни, я увижу, какъ ты будешь подниматься на эшафотъ, и наши души вмѣстѣ улетятъ на небо. А если я умру раньше рокового удара топора, я подожду тебя. Вѣдь мы мужъ и жена, мой Орденеръ, и сегодня вечеромъ гробъ будетъ нашей брачной постелью.

Онъ прижалъ ее къ сердцу и проговорилъ.

— Ты моя, Этель! Наконецъ!

— Дѣти мои, — послышался тронутый голосъ священника, — проститесь, пора.

— Уже!—вскричала Этель.

Но тотчасъ же къ ней вернулось прежнее спокойствіе и она опустилась на колѣни передъ Орденеромъ.

— Прощай, мой Орденеръ, мой возлюбленный, мой супругъ и господинъ. Благослови меня.

Узникъ осѣнилъ крестомъ ея голову и обернулся, чтобы проститься съ священникомъ. Аѳанасій Мюндеръ стоялъ передъ нимъ на колѣняхъ

— Что вамъ угодно, отецъ мой?—съ удивленіемъ проговорилъ Орденеръ.

— Вашего благословенія, сынъ мой

— Да благословитъ васъ Небо и да пошлетъ вамъ все то счастіе, о которомъ вы молитесь для вашихъ братьевъ, другихъ людей,—растроганнымъ и торжественнымъ голосомъ произнесъ Орденеръ

Послѣдніе прощальные поцѣлуи послышались подъ сводомъ, потомъ загремѣли засовы, и желѣзная дверь отдѣлила другъ отъ друга новобрачныхъ, готовыхъ къ смерти и ждущихъ свиданія за гробомъ.

XXII.

Кто выдастъ мнѣ Луи Переца живымъ или мертвымъ, тотъ получитъ въ награду двѣ тысячи экю.

Кальдеронъ.—Луи Перецъ Галисійскій.

— Баронъ Вэтэйнъ, полковникъ Мункгольмскихъ стрѣлковъ кто изъ солдатъ, сражавшихся подъ вашимъ начальствомъ въ ущельяхъ Чернаго Столба, взялъ въ плѣнъ Гана-Исландца?

Съ такими словами предсѣдатель суда обратился къ полковнику. Судъ былъ снова въ полномъ составѣ. По старому норвежскому обычаю, судьи, постановившіе приговоръ, не должны расходиться до исполненія приговора. Передъ ними стоялъ гигантъ съ веревкой на шеѣ, той самой, на которой онъ долженъ былъ повиснуть черезъ нѣсколько часовъ.

Полковникъ, сидѣвшій окола стола секретаря, всталъ, поклонился суду и епископу, снова сѣвшему на свой тронъ, и проговорилъ:

— Господа судьи, солдатъ, взявшій въ плѣнъ Гана-Исландца, находится здѣсь. Его зовутъ Торикъ Бельфастъ, онъ стрѣлокъ второго разряда въ моемъ полку.

— Пусть онъ явится за полученіемъ обѣщанной награды,—сказалъ предсѣдатель.

Изъ толпы вышелъ молодой солдатъ въ мундирѣ Мункгольмскихъ стрѣлковъ и остановился передъ судомъ.

— Вы Торикъ Бельфастъ?

— Такъ точно, ваша милость.

— Вы взяли въ плѣнъ Гана-Исландца?

— Такъ точно, съ помощью Вельзевула, если будетъ угодно вашему превосходительству.

Въ комнату внесли большой мѣшокъ и положили его передъ судомъ.

— Узнаете ли вы въ этомъ человѣкѣ знаменитаго Гана-Исландца?—спросилъ предсѣдатель, показавъ на гиганта.

— Конечно, хорошенькая мордочка Кэтти мнѣ лучше знакома, но, клянусь святымъ Бельфегоромъ, если Ганъ-Исландецъ существуетъ, то онъ не можетъ быть не кѣмъ инымъ, кромѣ этого великана.

— Приблизьтесь, Торикъ Бельфастъ,—сказалъ предсѣдатель.— Вотъ тысяча экю, обѣщанная главнымъ синдикомъ.

Солдатъ быстро подошелъ къ суду, но въ это время изъ толпы послышался голосокъ:

— Мункгольмскій стрѣлокъ, не ты взялъ въ плѣнъ Гана-Исландца!

— Клянусь всѣми чертями,—вскричалъ солдатъ, обернувшись,— хоть у меня сейчасъ нѣтъ ничего кромѣ трубки, но я обѣщаю дать тому, кто говоритъ это, десять тысячъ экю, если онъ докажетъ, что говоритъ правду!

И, скрестивъ руки, онъ обвелъ увѣреннымъ взглядомъ всю залу.

— Ну, пусть явится тотъ, кто говоритъ это.

— Это сказалъ я!—вскричалъ человѣкъ маленькаго роста, протискиваясь сквозь толпу.

Это новое лицо было одѣто въ плащъ изъ тростниковой цыновки и шерсти морской коровы, какъ обыкновенно одѣваются гренландцы. Это одежда напоминала по своей формѣ коническую крышу шалаша. У него была густая черная борода, черные волосы и рыжія брови. Все, что можно было разобрать подъ этой обильной растительностью, было отвратительно. Рукъ его не было видно.

— Ты!—съ хохотомъ вскричалъ солдатъ.—А кто же, по-твоему, красавецъ, взялъ въ плѣнъ этого чортова гиганта?

Маленькій человѣкъ злобно улыбнулся и покачалъ головой.

— Я,—сказалъ онъ.

Въ эту минуту барону Вэтэйну показалось, что въ этомъ человѣкѣ онъ узналъ таинственное существо, извѣстившее его въ Сконгенѣ о прибытіи бунтовщиковъ. Канцлеру Алефельду, въ свою очередь, показалось, что онъ узналъ въ этомъ человѣкѣ хозяина Арбарскихъ развалинъ, а секретарю вспомнился одинъ крестьянинъ изъ деревни Эльмоэ, который такъ хорошо указалъ ему, гдѣ скрывается Ганъ-Исландецъ. Но всѣ трое были отдѣлены другъ отъ друга и не могли подѣлиться мелькнувшимъ у нихъ впечатлѣніемъ, которое къ тому же быстро изгладилось, когда они обратили вниманіе на нѣкоторое отличіе въ чертахъ лица и костюмѣ маленькаго человѣка отъ того, что они видѣли раньше.

— Такъ это ты?—иронически вскричалъ солдатъ —Право, не будь на тебѣ этой тюленьей штуки, я бы подумалъ, что ты тотъ самый грубый карликъ, что двѣ недѣли тому назадъ хотѣлъ затѣять со мной ссору въ Спладгестѣ. Это было въ тотъ день, когда туда принесли Гиля Стадта...

— Гиля Стадта!—перебилъ, вздрогнувъ, маленькій человѣкъ.

— Ну, да, Гиля Стадта,—равнодушно подтвердилъ солдатъ,— отвергнутаго поклонника дѣвушки, которая была влюблена въ одного изъ моихъ товарищей, и изъ-за которой этотъ Гиль и погибъ, какъ дуракъ.

— А не было ли тамъ еще трупа офицера твоего полка?—глухо промолвилъ маленькій человѣкъ.

— Былъ. Я всю жизнь не забуду этого дня. Я еще тогда опоздалъ изъ отпуска и меня едва не смѣстили съ должности стрѣлка второго класса. Этотъ офицеръ былъ капитанъ Диспольсенъ.

При этомъ имени секретарь всталъ съ мѣста.

— Эти два человѣка злоупотребляютъ терпѣніемъ суда. Мы просимъ господина предсѣдателя сократить этотъ безполезный разговоръ.

— Да, клянусь честью моей Кэтти, мнѣ больше ничего и не нужно,—вскричалъ Торикъ Бельфастъ,—лишь бы ваши милости присудили мнѣ мои тысячу экю, обѣщанныя за голову Гана, потому что я взялъ его въ плѣнъ.

— Ты лжешь!—вскричалъ маленькій человѣкъ.

Солдатъ поискалъ было саблю на боку.

— Счастливъ твой Богъ, что мы передъ судомъ, гдѣ всякій солдатъ, будь онъ даже Мункгольмскій стрѣлокъ, безоруженъ какъ старый пѣтухъ!

— Награда принадлежитъ мнѣ,—холодно сказалъ маленькій человѣкъ,—потому что безъ меня не удалось бы взять Гана-Исландца.

Солдатъ взбѣсился и поклялся, что онъ взялъ Гана-Исландца, когда онъ, упавъ на полѣ битвы, только что началъ приходить въ себя.

— Ну, да, можетъ-быть, ты его и захватилъ, но сбилъ-то его съ ногъ я, а слѣдовательно, безъ меня тебѣ бы его не захватить, и награда моя по праву.

— Неправда, не ты сбилъ его съ ногъ, а какой-то духъ, одѣтый въ звѣриныя шкуры.

— Я!

— Нѣтъ, не ты.

Предсѣдатель приказалъ обоимъ замолчать и спросилъ полковника, дѣйствительно ли Торикъ Бельфастъ привелъ къ нему Гана-Исландца. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ объявилъ, что награда принадлежитъ солдату.

Маленькій человѣкъ заскрежеталъ зубами, а солдатъ жадно протянулъ руки къ мѣшку.

— Одну минуту!—вскричалъ маленькій человѣкъ.—Господинъ предсѣдатель, по указу синдика эта сумма принадлежитъ тому, кто доставитъ Гана-Исландца.

— Ну?—сказали судьи.

Маленькій человѣкъ повернулся къ гиганту.

— Этотъ человѣкъ не Ганъ-Исландецъ

Ропотъ удивленія пробѣжалъ по залѣ. Предсѣдатель и секретарь, видимо, заволновались.

— Нѣтъ,—громко повторилъ маленькій человѣкъ,—деньги не должны доставаться проклятому мункгольмцу, потому что этотъ человѣкъ не Ганъ-Исландецъ.

— Уведите этого бѣшенаго, онъ сошелъ съ ума,—сказалъ предсѣдатель.

— Да позволитъ мнѣ господинъ предсѣдатель замѣтить,—раздался голосъ епископа,—что, отказываясь выслушать этого чело-

вѣка, онъ отнимаетъ послѣднее средство спасенія у осужденнаго. Защита проситъ продолженія очной ставки.

— Судъ готовъ удовлетворить ваше преосвященство,—отвѣчалъ предсѣдатель.—Вы назвались Ганомъ-Исландцемъ,—продолжалъ онъ, обращаясь къ гиганту.—Подтверждаете ли вы это теперь, предъ лицомъ смерти.

— Подтверждаю. Я Ганъ-Исландецъ,—отвѣчалъ осужденный.

— Вы слышали, господинъ епископъ?—сказалъ предсѣдатель.

— Лжешь, Кольскій горецъ!—кричалъ въ то же время маленькій человѣкъ.—Не смѣй присвоивать себѣ имени, которое тебя давитъ. Вспомни, оно уже разъ было для тебя роковымъ.

— Я Ганъ изъ Клипстадура въ Исландіи,—повторилъ гигантъ, не сводя глазъ съ секретаря.

Маленькій человѣкъ, между тѣмъ, приблизился къ Мункгольмскому стрѣлку, который какъ и всѣ зрители, съ любопытствомъ слѣдилъ за этой сценой.

— Кольскій горецъ, говорятъ, Ганъ-Исландецъ пьетъ человѣческую кровь. Если ты Ганъ, на, пей ее!

И съ этими словами онъ выхватилъ изъ-подъ плаща ножъ, вонзилъ его въ сердце солдата и швырнулъ трупъ къ ногамъ гиганта.

Крикъ ужаса раздался въ толпѣ. Солдаты, охранявшіе гиганта, отступили. Быстрѣе молніи маленькій человѣкъ кинулся на беззащитнаго горца и новымъ ударомъ кинжала свалилъ его на трупъ солдата. Потомъ, сбросивъ свой плащъ и сорвавъ парикъ и фальшивую бороду, онъ обнажилъ узловатыя руки и ноги и явился передъ судьями во всемъ блескѣ своего безобразія, если можно такъ выразиться. На плечахъ его висѣла окровавленная одежда изъ звѣриныхъ шкуръ, а лицо внушало большій ужасъ, чѣмъ окровавленный послѣ двухъ убійствъ кинжалъ, который онъ держалъ въ рукахъ.

— Ну-ка, судьи! Гдѣ Ганъ-Исландецъ?

— Схватить чудовище!—испуганно вскричалъ предсѣдатель.

Ганъ бросилъ кинжалъ.

— Онъ не нуженъ мнѣ, потому что здѣсь нѣтъ больше Мункгольмскихъ стрѣлковъ.

И съ этими словами онъ безъ сопротивленія сдался аллебардистамъ, которые приготовились было чуть ли не осаждать его по правиламъ осадной войны. Чудовище приковали къ скамьѣ подсудимыхъ, а его жертвы вынесли на носилкахъ. Горецъ еще дышалъ, когда его поднимали.

Трудно описать тотъ ужасъ, то негодованіе, то удивленіе, которое овладѣло всѣми присутствующими во время этой страшной и отвратительной сцены. Но когда разбойникъ, спокойный и безстрастный, занялъ мѣсто на роковой скамьѣ, всѣ эти чувства уступили мѣсто любопытству. Толпа стала внимательной и спокойной.

— Господа судьи...—заговорилъ епископъ.

— Не трудись защищать меня, дронтгеймскій епископъ, я Ганъ-Исландецъ,—перебилъ его разбойникъ.

— Господинъ предсѣдатель...—заговорилъ секретарь.

— Не трудись обвинять меня. Я Ганъ-Исландецъ.

И, весь окровавленный, онъ обвелъ всю залу такимъ смѣлымъ и злобнымъ взглядомъ, что всѣ, судьи, стража, зрители, задрожали отъ ужаса передъ однимъ безоружнымъ и закованнымъ человѣкомъ.

— Слушайте, судьи. Не ждите отъ меня длинныхъ разглагольствованій. Я—клипстадурскій демонъ. Моя мать старая Исландія. Когда-то она была простымъ вулканомъ, но нѣкій гигантъ, падая съ неба, оперся объ ея вершину и она расплющилась въ островъ. О себѣ мнѣ нечего говорить. Я потомокъ Ингольфа-Истребителя и во мнѣ живетъ его душа. Я совершилъ больше убійствъ, зажегъ больше пожаровъ, чѣмъ вы произнесли за свою жизнь неправедныхъ приговоровъ. У меня есть общія тайны съ канцлеромъ Алефельдомъ. Я съ наслажденіемъ выпилъ бы всю кровь изъ вашихъ жилъ. По природѣ я ненавижу людей и вредить имъ—мое наслажденіе. Полковникъ Мункгольмскихъ стрѣлковъ, это я принесъ тебѣ извѣстіе о проходѣ рудокоповъ черезъ ущелье Чернаго Столба, зная, что ты убьешь тамъ много людей. Я же раздавилъ цѣлый батальонъ твоихъ стрѣлковъ, сбрасывая на нихъ каменныя глыбы; я мстилъ за сына. А теперь, судьи, мой сынъ умеръ, и я пришелъ къ вамъ за смертью. Душа Ингольфа давитъ меня, потому что мнѣ некому ее передать. У меня нѣтъ наслѣдника. Жизнь надоѣла мнѣ, она не будетъ никому урокомъ и примѣромъ. Я выпилъ много крови, я не хочу больше. Теперь вы можете пить мою кровь.

Онъ замолчалъ. Всѣ невольно повторяли каждое изъ этихъ страшныхъ словъ.

— Сынъ мой, — сказалъ епископъ,—съ какимъ намѣреніемъ совершили вы столько преступленій?

— Клянусь тебѣ, почтеннѣйшій епископъ, не для того, чтобы разбогатѣть, какъ твой борглумскій собратъ [1]). Меня толкало на нихъ что-то непонятное мнѣ самому.

— Но во всѣхъ своихъ служителяхъ живетъ Богъ,—скромно отвѣчалъ старикъ.—Вы хотите оскорбить меня, между тѣмъ какъ мнѣ хотѣлось бы защитить васъ по возможности.

— Напрасный трудъ. Спроси у твоего другого собрата, епископа скальгольтскаго, изъ Исландіи. Клянусь Ингольфомъ, не странно ли, что двое епископовъ заботились о моей жизни: одинъ у колыбели, другой у гроба. Епископъ, ты старый безумецъ.

— Вѣрите вы въ Бога, сынъ мой?

— Почему же нѣтъ? Я хочу, чтобы Богъ былъ. Иначе богохульство не имѣло бы смысла.

Епископъ сѣлъ, глубоко взволнованный.

---

[1]) Нѣкоторыя хроники указываютъ, что въ 1525 году одинъ изъ борглумскихъ епископовъ прославился своими разбоями. Говорили, что онъ знается съ пиратами, опустошавшими берега Норвегіи

— Ну, судьи, чего же вы ждете? Если бы я былъ на вашемъ мѣстѣ, а вы на моемъ, я не заставилъ бы васъ такъ долго ждать смертнаго приговора.

Судъ удалился для совѣщанія и скоро вынесъ приговоръ, по которому Ганъ приговаривался къ «повѣшенію за шею впредь до наступленія смерти».

— Вотъ это недурно! Канцлеръ Алефельдъ, я знаю на твой счетъ много такого, за что и тебѣ было бы то же. Но ужъ лучше я помолчу. Живи, потому что ты вредишь людямъ. Ну, теперь я увѣренъ, что не буду въ Нистьэмѣ [1]).

Секретарь приказалъ стражѣ увести Гана и заключить его на время въ башню Шлезвигскаго Льва, пока ему не приготовятъ помѣщенія рядомъ съ казармами Мункгольмскихъ стрѣлковъ.

— Рядомъ съ казармами Мункгольмскихъ стрѣлковъ!—съ радостнымъ рычаніемъ повторило чудовище.

XXIII.

> Тѣмъ временемъ, такъ какъ трупъ Понція Леонскаго, который оставался у источника, былъ обезображенъ солнцемъ, Альнуксарскіе мавры овладѣли имъ и отнесли его въ Гренаду.
>
> *Охальскій узникъ*

На разсвѣтѣ того дня, который нами уже описанъ, въ ту самую минуту, когда выносился смертный приговоръ Орденеру, новый смотритель Спладгеста, бывшій помощникъ, а нынѣ преемникъ Бенигнуса Спіагудри, Оглипиглапъ, былъ разбуженъ сильными ударами въ дверь подвѣдомственнаго ему зданія. Съ досадой онъ поднялся съ постели, зажегъ мѣдную лампу, щуря на свѣтъ заспанные глаза, и, ворча на сырость въ залѣ, пошелъ отворять.

У дверей стояли рыбаки съ озера Спарбо. Они несли на покрытыхъ тростникомъ и водорослями носилкахъ найденный ими въ водѣ озера трупъ. Когда они сложили свою ношу, Оглипглапъ выдалъ имъ квитанцію въ пріемѣ трупа, дававшую имъ право на вознагражденіе, и, оставшись одинъ, принялся раздѣвать замѣчательно длинный и худой трупъ. Первое, что онъ увидѣлъ, поднявъ покрывало, былъ огромный парикъ.

— Право, этотъ парикъ уже былъ у меня въ рукахъ. Конечно, онъ принадлежалъ тому щеголю-французу... а вотъ и ботфорты бѣдняги почтальона Краметта, котораго раздавили лошади, и... что за чортъ, вѣдь это платье профессора Синграмтакса, который недавно утонулъ. Что же это за другъ, который одѣтъ въ платье моихъ старыхъ знакомыхъ?

И онъ поднесъ лампу къ лицу трупа. Но разложившіяся черты уже потеряли свой цвѣтъ и форму, и онъ не могъ узнать трупъ

---

[1]) По народнымъ повѣрьямъ *Нистьэмъ*—адъ для тѣхъ, кто умираетъ отъ болѣзни или отъ старости.

по лицу. Порывшись въ карманахъ мертвеца, онъ вынулъ нѣсколько лоскутковъ пергамента, покрытыхъ тиной и пропитанныхъ водой. Тщательно вытеревъ ихъ своимъ кожанымъ передникомъ, онъ съ трудомъ прочелъ нѣсколько полустертыхъ безсвязныхъ словъ:

— «Рудбекъ. Саксонецъ грамматикъ. Арнгримъ, епископъ голумскій.—Въ Норвегіи два графства, Ларвигъ и Ярльсбергъ, и одна баронія...—Серебряные рудники имѣются только въ Конгсбергѣ, магнитныя залежи и залежи горнаго льна—въ Зундмерѣ, аметистовыя копи—въ Гульдбраншалѣ, халцедоновыя, агатовыя и яшмовыя—на Фарэрскихъ островахъ. Въ Нукагивѣ, во время голода мужчины съѣдаютъ женъ и дѣтей. Тормодусъ Торфэусъ; Ислейфъ, епископъ скальгольтскій, первый норвежскій историкъ.—Меркурій игралъ въ шахматы съ луной и выигралъ у нея семьдесятъ вторую часть дня. Мальстромъ—пропасть. H i r u n d o, h i r u d o. Цицеронъ, овечій горохъ, слава... Фродъ ученый... Одинъ совѣтовался съ головой мудреца Мимера (Магометъ и голубь, Серторій и серна...) Чѣмъ больше въ почвѣ... тѣмъ меньше въ ней гипса».

— Я не вѣрю своимъ глазамъ!—вскричалъ онъ, роняя бумагу.—Это почеркъ моего бывшаго начальника, Бенигнуса Спіагудри.

И, осмотрѣвъ еще разъ трупъ, онъ узналъ длинныя руки, рѣдкіе волосы и все худое, длинное тѣло несчастнаго.

— А не даромъ значитъ его обвинили въ оскверненіи трупа. Вотъ дьяволъ и унесъ его да и утопилъ въ озерѣ Спарбо. Эхъ, жизнь человѣческая! Ну, кто бы подумалъ, что докторъ Спіагудри, такъ долго охранявшій другихъ въ этой гостиницѣ мертвыхъ, самъ окажется въ ней гостемъ.

И философъ-лапландецъ поднялъ тѣло, чтобы положить его на одно изъ шести мраморныхъ ложъ, но вдругъ онъ замѣтилъ, что на шеѣ Спіагудри виситъ на ремнѣ что-то тяжелое.

— Это, вѣроятно, камень съ которымъ демонъ бросилъ его въ воду.

Но онъ ошибся. Это была небольшая желѣзная шкатулка. Тщательно вытеревъ ее, онъ замѣтилъ на ней широкій гербовый замокъ.

— Вѣроятно, тутъ какая-нибудь чертовщина, вѣдь покойникъ, не тѣмъ будь помянутъ, былъ святотатецъ и колдунъ. Отнесу-ка я ее къ епископу, а то вдругъ тамъ сидитъ демонъ.

И отвязавъ шкатулку отъ трупа, онъ положилъ его на плиту, а самъ поспѣшно направился въ епископскій дворецъ, бормоча молитвы, которыя должны были защитить его отъ чаръ страшной шкатулки.

XXIV

> Человѣкъ это говоритъ или адскій духъ? Какой злобный духъ его мучитъ? Покажи мнѣ врага, что живетъ въ твоемъ сердцѣ.
>
> *Матюренъ.*

Ганъ-Исландецъ и Шумакеръ находятся въ одной и той же залѣ башни Шлезвигскаго Льва. Оправданный эксъ-канцлеръ медленно ходитъ взадъ и впередъ. Глаза его полны горькихъ слезъ.

Осужденный разбойникъ, окруженный стражею, смѣется надъ своими цѣпями.

Узники молча смотрятъ другъ на друга. Они оба враги людей и какъ будто чувствуютъ себя близкими другъ другу.

— Кто ты?—спрашиваетъ, наконецъ, бывшій канцлеръ.

— Я скажу тебѣ свое имя, чтобы обратить тебя въ бѣгство. Я—Ганъ-Исландецъ.

Шумакеръ подошелъ къ нему.

— Возьми мою руку.

— Ты хочешь, чтобы я откусилъ ее?

— Ганъ-Исландецъ, я люблю тебя, потому что ты ненавидишь людей.

— Но ты человѣкъ. Я ненавижу и тебя

— Слушай, я ненавижу людей, какъ ты, потому что они отплатили мнѣ зломъ за добро.

— Ты ненавидишь ихъ не такъ, какъ я. Я ненавижу ихъ, потому что они дѣлали мнѣ добро, а я платилъ имъ зломъ.

Шумакеръ вздрогнулъ подъ взглядомъ чудовища. Какъ ни старался онъ побѣдить свою природу, но его душа не лежала къ этому звѣрю.

— Да,—вскричалъ онъ,—я ненавижу людей за то, что они лживы, неблагодарны, жестоки. Имъ я обязанъ всѣмъ несчастіемъ моей жизни.

— Тѣмъ лучше. А я обязанъ имъ всѣмъ своимъ счастьемъ.

— Какимъ счастьемъ?

— Слышать, какъ трепещетъ ихъ мясо подъ моими зубами, чувствовать, какъ ихъ теплая кровь льется въ мое пересохшее горло, трепетать отъ радости, разбивая живыхъ людей объ утесы и слыша ихъ крики и трескъ ихъ костей. Вотъ то счастіе, что доставили мнѣ люди.

Шумакеръ съ ужасомъ отступилъ отъ чудовища, къ которому подходилъ, почти гордясь, что на него походитъ. Въ глубокомъ волненіи онъ закрылъ лицо руками. Глаза его наполнились слезами негодованія, но уже не на человѣческій родъ, а на себя самого. Его благородное сердце устыдилось той ненависти къ людямъ, которой онъ такъ гордился, которую такъ долго лелѣялъ, когда онъ увидѣлъ ее отраженной въ Ганѣ, какъ въ ужасномъ зеркалѣ.

— Ну,—со смѣхомъ сказало чудовище,—ну, врагъ людей, посмѣешь ли ты еще хвалиться тѣмъ, что похожъ на меня!

Старикъ вздрогнулъ.

— Боже мой, я готовъ скорѣе любить людей, чѣмъ ненавидѣть ихъ такъ, какъ ты.

Въ это время стража пришла за чудовищемъ, чтобы увести его въ болѣе крѣпкую тюрьму. Шумакеръ остался одинъ въ башнѣ.. но врага людей тамъ уже не было.

XXV.

> Зло идетъ за мной по пятамъ. Ужели, Господи, Ты отдашь меня въ его руки? Оно испортило Твои пути подъ моими ногами. Не казни же меня, потому что мое преступленіе—его преступленіе.
>
> *А. де-Виньи.*

Роковой часъ настал. Солнце уже наполовину скрылось за горизонтомъ. Караулы въ Мункгольмѣ были удвоены и передъ каждой дверью мрачно и молчаливо расхаживались часовые. Шумъ города на этотъ разъ громче доносился до мрачныхъ башенъ Мункгольма, да и въ самой крѣпости замѣчалось необычайное оживленіе. Во всѣхъ дворахъ слышалась громкая дробь затянутыхъ крепомъ барабановъ. Отъ времени до времени съ нижней башни раздавались пушечные выстрѣлы, а тяжелый колоколъ на главной башнѣ мѣрно раскачивался и потрясалъ мрачными и гулкими звуками уже дышавшій ночной прохладой воздухъ. Изъ всѣхъ городскихъ гаваней тысячи судовъ спѣшили къ страшному мѣсту. Высокій эшафотъ, затянутый чернымъ сукномъ и окруженный солдатами, возвышался посреди плацпарада. Несмѣтная толпа въ нетерпѣливомъ волненіи тѣснилась на площади. По эшафоту прогуливался человѣкъ въ красной курткѣ, то опираясь на блестящій топоръ, который онъ держалъ въ рукахъ, то поправляя плаху и острый колъ, стоящій на эшафотѣ. Около эшафота былъ приготовленъ костеръ, на которомъ горѣло нѣсколько смоляныхъ факеловъ. Между эшафотомъ и костромъ былъ вырытъ столбъ, на которомъ висѣла доска съ надписью: «Орденеръ Гульденлью, измѣнникъ». А на флагштокѣ башни Шлезвигскаго Льва колыхалось полотнище большого чернаго знамени.

Въ это самое время передъ судомъ, все еще остававшемся въ залѣ засѣданія, явился Орденеръ. Всѣ судьи были налицо. Не было только епископа: теперь защитѣ уже не было мѣста.

Сынъ вице-короля былъ одѣтъ во все черное. Цѣпь ордена Данеброга сверкала на его груди. Онъ былъ блѣденъ, но гордъ и спокоенъ. Аѳанасія Мюндера съ нимъ не было, онъ еще не успѣлъ возвратиться въ тюрьму, какъ за Орденеромъ уже пришли.

Орденеръ уже пережилъ внутренно свою жертву, но, тѣмъ не менѣе, супругъ Этели еще думалъ о жизни съ горькимъ чувствомъ. Не такъ думалъ онъ провести первый день послѣ свадьбы. Въ тюрьмѣ онъ молился и думалъ. Теперь онъ стоялъ передъ той чертой, за которой кончается всякая молитва и всякая мысль. Онъ чувствовалъ себя сильнымъ той силой, которую даютъ людямъ только Богъ и любовь.

Толпа, взволнованная гораздо больше, чѣмъ самъ осужденный, смотрѣла на него съ жаднымъ вниманіемъ. Блескъ его положенія, его ужасная судьба, возбуждали всѣхъ и завистливыхъ и состра-

дательныхъ. Эти люди хотѣли присутствовать при наказанiи, не понимая ни самаго преступленiя, ни его мотивовъ.

Въ глубинѣ души человѣка живетъ странное чувство, которое гонитъ его на зрѣлище казни, какъ на какое-то удовольствiе. Люди какъ будто хотятъ подмѣтить отпечатокъ смерти и разрушенiя на искаженномъ лицѣ осужденнаго, какъ будто ждутъ откровенiя неба или ада въ этотъ страшный и торжественный моментъ, какъ будто надѣются увидѣть тѣнь крыла смерти, витающей надъ головой несчастiя, какъ будто стремятся узнать, что останется отъ человѣка, когда его покинетъ надежда. Это существо, которое дышитъ, двигается, живетъ и вотъ сейчасъ перестанетъ жить, дышать и двигаться,—существо, окруженное подобными ему людьми, которые всѣ жалѣютъ его, но изъ которыхъ никто ему не придетъ на помощь, этотъ насчастный, умирающiй, но сильный и здоровый, сломленный сразу вещественной силой и отвлеченною властью, эта жизнь, которой не можетъ дать, но отнимаетъ публичное общестзо, вся эта внушительная обстановка закономѣрнаго убiйства, глубоко возбуждаютъ и потрясаютъ воображенiе. Для насъ осужденный на смерть приговоромъ, исполненiе котораго лишь отложено на неопредѣленный срокъ, несчастный, который точно знаетъ, когда истечетъ этотъ срокъ, представляетъ предметъ болѣзненнаго и страннаго любопытства.

Читатель помнитъ, что передъ казнью Орденеръ еще долженъ былъ быть лишенъ титуловъ и отличiй передъ лицомъ суда. Когда вызванное его приходомъ волненiе улеглось, предсѣдатель приказалъ принести геральдическiя книги и статутъ ордена Данеброга.

Пригласивъ осужденнаго стать на одно колѣно и предложивъ присутствующимъ соблюдать молчанiе, онъ открылъ книгу кавалеровъ ордена Данеброга и громко и торжественно прочелъ слѣдующее:

«Христiанъ, милостью Всемогущаго, король Данiи и Норвегiи, вандаловъ и готовъ, герцогъ Шлезвигскiй, герцогъ Гольштейнскiй, герцогъ Стормарнскiй и Дитмарсенскiй, графъ Ольденбургскiй и Дельменгорстскiй, объявляемъ во всеобщее свѣдѣнiе:

«Возстановивъ по предложенiю великаго канцлера нашего, графа Гриффенфельда (предсѣдатель прочелъ это слово такъ быстро, что его едва можно было разобрать), королевскiй орденъ Данеброга, основанный славнымъ предкомъ нашимъ, святымъ Вальдемаромъ, и имѣя въ виду, что сей почетный орденъ основанъ былъ въ память священнаго знамени Данеброга, ниспосланнаго съ неба нашему благословенному государству,—а потому всякое нарушенiе кавалеромъ этого ордена законовъ чести, Церкви и государства является ложью передъ божественнымъ установленiемъ ордена,—повелѣваемъ мы, да всякiй кавалеръ этого ордена, предавшiй душу дiаволу путемъ злодѣянiя или измѣны, по выраженiи ему публичнаго порицанiя судьею, будетъ изверженъ навсегда изъ числа кавалеровъ сего нашего королевскаго ордена».

Предсѣдатель закрылъ книгу

— Орденеръ Гульденлью, баронъ Торвикъ, кавалеръ ордена Даненброга, вы виновны въ верховной измѣнѣ, за каковое преступленіе вамъ будетъ отрублена голова, тѣло ваше будетъ сожжено, а пепелъ развѣянъ по вѣтру. Орденеръ Гульденлью, измѣнникъ, вы стали недостойны занимать мѣсто среди кавалеровъ ордена Даненброга. Преклонитесь. Именемъ короля я сейчасъ долженъ буду публично лишить васъ этого званія.

Предсѣдатель протянулъ руку къ книгѣ ордена и готовъ былъ уже произнести надъ Орденеромъ роковую формулу, какъ вдругъ приставъ возвѣстилъ о прибытіи его преосвященства епископа дронтгеймскаго. Вслѣдъ за нимъ въ залу поспѣшно вошелъ самъ епископъ, въ сопровожденіи другого духовнаго лица.

— Остановитесь!—вскричалъ онъ такъ громко, какъ трудно было ожидать отъ человѣка его возраста.—Остановитесь, господинъ предсѣдатель. Благодареніе небу, я пришелъ во-время.

Вниманіе собранія удвоилось. Всѣ предчувствовали какое-нибудь новое событіе. Предсѣдатель недовольно повернулся къ епископу

Позвольте замѣтить вашему преосвященству, что ваше присутствіе здѣсь безполезно. Судъ сейчасъ лишитъ правъ осужденнаго и затѣмъ надъ нимъ будетъ исполненъ приговоръ.

— Остерегайтесь прикоснуться къ тому, кто чистъ предъ Господомъ,—сказалъ епископъ.—Осужденный невиненъ.

Крикъ удивленія вырвался изъ всѣхъ устъ, крикъ ужаса изъ устъ предсѣдателя и секретаря.

— Да, трепещите, судьи, продолжалъ епископъ, прежде чѣмъ предсѣдатель успѣлъ прійти въ себя.—Трепещите! Вы едва не пролили невинной крови.

Орденеръ смущенно поднялся съ колѣнъ. Онъ думалъ, что его благородная хитрость открылась, что найдены какія-нибудь новыя доказательства виновности Шумакера.

— Господинъ епископъ,—сказалъ предсѣдатель, успѣвшій уже овладѣть собою,—въ этомъ дѣлѣ преступленіе, какъ будто хочетъ ускользнуть отъ насъ, переходя съ одной головы на другую. Не будьте слишкомъ довѣрчивы. Если Орденеръ Гульденлью невиненъ, то кто же виновенъ?

— Сейчасъ вы узнаете это,—отвѣчалъ епископъ.—Господа судьи, вы судили во мракѣ,—продолжалъ онъ, указывая на желѣзную шкатулку, которую несъ за нимъ слуга.—Въ этой шкатулкѣ заключенъ чудесный свѣтъ, который разсѣетъ весь этотъ мракъ.

Предсѣдатель, секретарь и Орденеръ, казалось, были одинаково поражены при видѣ таинственной шкатулки.

— Выслушайте насъ, господа судьи,—продолжалъ епископъ.—Когда мы возвращались сегодня въ нашъ дворецъ, чтобы отдохнуть послѣ безсонной ночи и помолиться за осужденныхъ, намъ передали эту шкатулку. Смотритель Спладгеста, какъ намъ сказалъ слуга, принесъ ее сегодня утромъ къ намъ во дворецъ, чтобы ее передали намъ, такъ какъ, по его увѣренію, въ ней должна

была заключаться какая-нибудь дьявольская тайна. Свое предположеніе смотритель основывалъ на томъ, что шкатулка была найдена на тѣлѣ святотатца Бенигнуса Спіагудри, трупъ котораго былъ извлеченъ изъ озера Спарбо.

Вниманіе Орденера удвоилось. Слушатели хранили благоговѣйное молчаніе. Предсѣдатель и секретарь сидѣли, согнувшись, какъ приговоренные къ смерти. Казалось, они забыли всю свою дерзость и все свое коварство. Въ жизни каждаго злодѣя бываютъ минуты, когда онъ чувствуетъ свое безсиліе.

— Благословивъ эту шкатулку, мы сломали печать, на которой былъ, какъ можно замѣтить и теперь, уничтоженный нынѣ гербъ Гриффенфельда. Дѣйствительно, мы нашли тамъ дьявольскую тайну. Судите сами, почтенные господа судьи. Я увѣренъ, что вы отнесетесь къ намъ съ полнымъ вниманіемъ, потому что здѣсь дѣло идетъ о человѣческой крови, а у Господа на счету каждая ея капля.

И, открывъ шкатулку, онъ вынулъ изъ нея пергаментъ, на которомъ было написано слѣдующее:

«Я, Блакстамъ Кумбисульсумъ, докторъ, симъ удостовѣряю передъ смертью, что мною передана капитану Диспольсену, защитнику передъ копенгагенскимъ судомъ бывшаго графа Гриффенфельда, бумага, цѣликомъ написанная рукою Туріафа Мусдэмона, служителя канцлера графа Алефельда, дабы вышеупомянутый капитанъ сдѣлалъ изъ нея то употребленіе, которое признаетъ нужнымъ. Да проститъ мнѣ Господь мои преступленія. Копенгагенъ, одиннадцатаго января тысяча шестьсотъ девяносто девятаго года.

«Кумбисульсумъ».

Секретарь дрожалъ конвульсивной дрожью. Онъ хотѣлъ говорить и не могъ. Тѣмъ временемъ епископъ передалъ пергаментъ блѣдному и взволнованному предсѣдателю.

— Что я вижу!—вскричалъ предсѣдатель, развернувъ пергаментъ.—«Докладъ благородному графу Алефельду о средствѣ законнымъ образомъ избавиться отъ Шумакера»... Клянусь вамъ, господинъ епископъ...

И предсѣдатель выронилъ изъ рукъ бумагу.

— Читайте, читайте, господинъ предсѣдатель, — сказалъ епископъ.—Я увѣренъ, что вашъ недостойный служитель злоупотребилъ вашимъ именемъ, какъ и именемъ несчастнаго Шумакера. Но видите, что вышло изъ вашей немилосердной ненависти къ вашему павшему предшественнику. Одинъ изъ вашихъ приближенныхъ приготовилъ вашимъ именемъ его гибель, надѣясь, безъ сомнѣнія, заслужить ваше благоволеніе.

Слова эти показали предсѣдателю, что епископъ, несмотря на знаніе всего содержимаго шкатулки, далекъ отъ подозрѣній, относящихся къ нему лично, и потому нѣсколько успокоили его. Орденеръ также вздохнулъ свободнѣе. Онъ начиналъ понимать, что невинность отца его Этели выйдетъ на свѣтъ одновременно съ его невинностью. И онъ испытывалъ глубокое удивленіе передъ причудами судьбы, которая вела его за этой шкатулкой къ страш-

ному разбойнику, въ то время, какъ она была у его же проводника, Бенигнуса Спіагудри. Такимъ образомъ онъ искалъ то, что шло съ нимъ рядомъ. И не странно ли? Та самая шкатулка, въ погонѣ за которой онъ едва не сложилъ головы на плахѣ, теперь являлась его спасеніемъ.

Между тѣмъ, предсѣдатель, вполнѣ овладѣвъ собою, сталъ читать длинный докладъ, въ которомъ Мусдэмонъ подробно излагалъ весь отвратительный планъ, уже извѣстный читателю. При этомъ онъ выражалъ глубокое негодованіе, которое раздѣляли и всѣ слушатели. Нѣсколько разъ секретарь пытался встать, чтобы сказать что-нибудь въ свою защиту, но каждый разъ шумъ толпы заставлялъ его снова опуститься на стулъ. Наконецъ чтеніе гнуснаго документа окончилось. Ропотъ ужаса и отвращенія пробѣжалъ въ толпѣ.

— Схватить этого человѣка!—сказалъ предсѣдатель, указывая на секретаря.

Безсильный, безмолвный негодяй покинулъ свое мѣсто. Его бросили на позорную скамью среди криковъ черни.

— Господа судьи,—сказалъ епископъ,—трепещите и радуйтесь. Истина, которая вамъ открылась, будетъ еще подтверждена присутствующимъ здѣсь уважаемымъ братомъ нашимъ Аѳанасіемъ Мюндеромъ, тюремнымъ духовникомъ здѣшняго города.

Дѣйствительно, сопровождавшій епископа священникъ былъ не кто иной, какъ Аѳанасій Мюндеръ. Онъ поклонился суду и своему пастырю и по знаку предсѣдателя далъ слѣдующее показаніе.

— То, что я скажу, истина. Да покараетъ меня Господь, если я произнесу здѣсь хоть одно слово иначе, какъ съ добрымъ намѣреніемъ. То, что я видѣлъ сегодня утромъ въ темницѣ сына вице-короля, заставило меня думать, что этотъ молодой человѣкъ не виновенъ, хотя вы, господа судьи, и осудили его согласно его сознанію. Нѣсколько часовъ тому назадъ я былъ позванъ, чтобы напутствовать умирающаго горца, который былъ такъ жестоко убитъ въ этой самой залѣ, и котораго вы, господа судьи, осудили, какъ Гана-Исландца. Вотъ, что сказалъ мнѣ умирающій: «Я не Ганъ-Исландецъ. Я достаточно наказанъ за то, что принялъ это имя. Меня подкупилъ, чтобы я взялъ на себя эту роль, тайный секретарь государственной канцеляріи. Зовутъ его Мусдэмонъ. Онъ устроилъ и все возстаніе подъ именемъ Гаккета. Я думаю, что онъ одинъ виноватъ во всемъ этомъ». И, испросивъ моего благословенія, онъ просилъ меня поторопиться и сообщить все, что онъ сказалъ, суду. Богъ свидѣтель, что я говорю правду. Да поможетъ Онъ мнѣ спасти кровь невиннаго, не послуживъ въ то же время причиной пролитія крови виновнаго.

И съ этими словами онъ снова поклонился епископу и суду.

— Вы видите, господинъ предсѣдатель,—сказалъ епископъ,— что одинъ изъ моихъ кліэнтовъ не даромъ подмѣтилъ сходство между Гаккетомъ и господиномъ секретаремъ.

— Туріафъ Мусдэмонъ,—обратился предсѣдатель къ новому подсудимому,—что вы имѣете сказать въ свое оправданіе?

Мусдэмонъ поднялъ на своего господина такой взглядъ, который привелъ того въ ужасъ. Къ негодяю вернулась вся его увѣренность.

— Ничего!—отвѣчалъ онъ помолчавъ.

— Итакъ,—продолжалъ предсѣдатель слабымъ и измѣнившимся голосомъ,—вы признаете себя виновнымъ въ приписываемомъ вамъ преступленіи, вы признаете себя виновнымъ въ составленіи заговора, направленнаго одновременно противъ государства и противъ отдѣльнаго лица, а именно Шумакера?

— Да, признаю,—отвѣчалъ Мусдэмонъ.

Епископъ всталъ.

— Для устраненія послѣднихъ сомнѣній,—сказалъ онъ,—я прошу спросить подсудимаго, были ли у него сообщники?

— Сообщники!—повторилъ Мусдэмонъ.

Съ минуту онъ какъ будто обдумывалъ отвѣтъ. Ужасное страданіе выразилось на лицѣ предсѣдателя.

— Нѣтъ, у меня не было сообщниковъ,—отвѣчалъ онъ, наконецъ.

Предсѣдатель взглянулъ на подсудимаго благодарнымъ взглядомъ.

— Нѣтъ, у меня не было сообщниковъ,—увѣреннѣе повторилъ Мусдэмонъ.—Все это я предпринялъ изъ привязанности къ моему господину, чтобы погубить его врага Шумакера. Графу ничего не было объ этомъ извѣстно.

Взгляды подсудимаго и предсѣдателя встрѣтились снова.

— Если у Мусдэмона не было сообщниковъ, то судъ долженъ признать, что баронъ Орденеръ Гульденлью невиновенъ,—сказалъ епископъ.

— Но, въ такомъ случаѣ, какимъ образомъ онъ самъ могъ признать свою виновность?—сказалъ предсѣдатель.

— А какимъ образомъ этотъ горецъ увѣрялъ на свою же погибель, что онъ Ганъ-Исландецъ? Только Богу извѣстно, что дѣлается въ глубинѣ человѣческаго сердца!

— Господа судьи,—сказалъ Орденеръ,—теперь, когда настоящій виновникъ открытъ, я могу объяснить вамъ все. Я дѣйствительно ложно оговорилъ себя, чтобы спасти бывшаго канцлера Шумакера, такъ какъ съ его смертью дочь его лишилась бы покровителя.

Предсѣдатель закусилъ губы.

— Мы просимъ судъ провозгласить невиновность нашего кліэнта Орденера,—сказалъ епископъ.

Предсѣдатель наклонилъ голову въ знакъ согласія. Затѣмъ по просьбѣ главнаго синдика были осмотрѣны остальныя заключавшіяся въ шкатулкѣ бумаги. Бумаги эти оказались дипломами Шумакера и его патентами на ордена. Тутъ же оказалось нѣсколько писемъ Шумакера къ Диспольсену, горькихъ, но совершенно невидныхъ писемъ, страшныхъ развѣ для одного канцлера Алефельдаи.

Скоро судъ вновь удалился и послѣ короткаго совѣщанія, въ то время какъ толпа на площади все еще упорно ожидала казни сына вице-короля, вынесъ рѣшеніе, которымъ Туріафъ Мусдэмонъ приговаривался къ смертной казни, а Орденеръ Гульденлью возстановлялся во всѣхъ своихъ правахъ, титулахъ и достоинствахъ.

XXVI.

За сколько продашь ты свой скелетъ, плутъ? По чести онъ не стоитъ ни одного обола.

Св. Михаилъ сатанѣ (мистерія).

Остатки Мункгольмскаго полка возвратились въ свои казармы, находившіяся въ оградѣ форта и окруженныя большимъ квадратнымъ дворомъ. Съ наступленіемъ ночи всѣ двери казармъ по обыкновенію заперли и внѣ казармъ остались одни лишь часовые да сторожевой взводъ, расположенный передъ военной тюрьмой, примыкавшей къ казармамъ. Тюрьма эта, самая крѣпкая изъ всѣхъ тюремъ Мунгольма и охраняемая строже другихъ, была назначена для содержанія двухъ осужденныхъ, которыхъ должны были повѣсить на другой день утромъ.

Ганъ-Исландецъ лежитъ одинъ на полу въ своей кельѣ. Онъ закованъ. Голова его опирается на камень. Сквозь маленькое рѣшетчатое отверстіе, продѣланное въ дубовой двери кельи, льется тусклый свѣтъ и доносятся голоса, смѣхъ и грохотъ игральныхъ костей по барабану. Это его стража въ сосѣдней залѣ коротаетъ ночь за игрой и виномъ. Чудовище, видимо, взволновано. Онъ то сжимаетъ, то разжимаетъ руки, шевелитъ ногами, грызетъ свои цѣпи. Вдругъ онъ начинаетъ громко звать тюремщика. Тотъ подходитъ къ рѣшетчатому отверстію.

— Что тебѣ нужно?

— Мнѣ холодно, товарищъ. Моя каменная постель жестка и сыра. Дай-ка мнѣ связку соломы и немного огня.

— Что жъ, отчего не побаловать бѣднягу, котораго завтра повѣсятъ. Можно. Есть у тебя деньги?

— Нѣтъ.

— Какъ, у тебя, знаменитѣйшаго разбойника во всей Норвегіи нѣтъ въ карманѣ нѣсколькихъ жалкихъ дукатовъ?

— Нѣтъ.

— Нѣсколькихъ королевскихъ экю?

— Да нѣтъ же, говорятъ тебѣ.

— Ну, хоть нѣсколько аскалиновъ?

— Ничего у меня нѣтъ, мнѣ не на что купить даже шкуру крысы или душу человѣка.

Тюремщикъ покачалъ головою.

— Это другое дѣло. Тебѣ не на что жаловаться. Твоя келья не холоднѣе той, гдѣ тебѣ придется лежать завтра, а тамъ ты не замѣтишь ни холода, ни того, что постель жестка.

И тюремщикъ ушелъ. Вслѣдъ ему полетѣло проклятіе чудовища. Оно снова стало двигаться въ цѣпяхъ, которыя время отъ времени слегка потрескивали, какъ будто начиная подаваться подъ бѣшеными усиліями чудовища.

Снова отворилась дверь, и въ келью вошелъ человѣкъ высокаго роста, одѣтый съ ногъ до головы въ красное. Въ рукахъ онъ несъ

потайной фонарь. Съ нимъ вмѣстѣ вошелъ и тюремщикъ, который только что отказалъ разбойнику въ его просьбѣ. Ганъ снова сталъ неподвиженъ.

— Ганъ-Исландецъ,—сказалъ человѣкъ, одѣтый въ красное,— я Николь Оругиксъ, палачъ Дронтгеймскаго округа. Завтра на разсвѣтѣ я буду имѣть честь повѣсить твое превосходительство за шею на прекрасной новой висѣлицѣ, что стоитъ на дронтгеймской площади.

— А ты увѣренъ, что тебѣ придется меня вѣшать?

Палачъ расхохотался.

— Я желалъ бы, чтобъ ты былъ такъ увѣренъ въ томъ, что взойдешь завтра прямо на небо по лѣстницѣ Іакова, какъ я въ томъ, что ты полѣзешь завтра по моей лѣстницѣ на висѣлицу

— Правда?—насмѣшливо спросило чудовище.

— Говорю тебѣ, господинъ разбойникъ, что я окружной палачъ.

— Если бы я былъ не я, то хотѣлъ бы быть тобой.

— Ну, а я тебѣ этого не скажу,—сказалъ палачъ, потирая руки.—Да, моя рука-таки знаетъ, сколько вѣситъ человѣческая голова. Славное наше ремесло, право!

— Пилъ ты когда-нибудь кровь?

— Нѣтъ; но я пыталъ преступниковъ.

— А случалось тебѣ пожирать внутренности еще живого ребенка?

— Нѣтъ; зато мнѣ случалось слышать, какъ трещатъ кости въ желѣзныхъ тискахъ, видѣть, какъ рвутся и корчатся на колесѣ руки и ноги. Мнѣ случалось зазубривать пилу, распиливая черепа живыхъ людей, содравъ сначала волосы и кожу, сжимать раскаленными на огнѣ клещами живое мясо, сжигать кровь въ жилахъ, впрыскивая въ нихъ расплавленный свинецъ или горячее масло.

— Да,—задумчиво сказалъ разбойникъ,—у тебя тоже есть свои наслажденія.

— Однимъ словомъ,—продолжалъ палачъ,—хоть ты и Ганъ-Исландецъ, но, навѣрно, изъ моихъ рукъ вылетѣло побольше человѣческихъ душъ, чѣмъ изъ твоихъ, не считая твоей, которая вылетитъ завтра.

— Если только у меня есть душа. Но неужели ты думаешь, дронтгеймскій палачъ, что тебѣ удастся выпустить изъ тѣла Гана духъ Ингольфа, не поплатившись своей душой?

Палачъ расхохотался.

— Ну, это мы завтра увидимъ,—сказалъ онъ.

— Увидимъ,—повторилъ разбойникъ.

— Ну, я пришелъ съ тобой говорить не о душѣ твоей, а только о тѣлѣ,—сказалъ палачъ.—Слушай-ка. Твой трупъ по смерти по праву принадлежитъ мнѣ. Однако законъ предоставляетъ тебѣ получить отъ меня плату впередъ. Сколько же ты за него хочешь?

— Сколько я хочу за свой трупъ?

— Да. Смотри, не запрашивай!

— Эй, товарищъ,—сказалъ Ганъ, обращаясь къ тюремщику,— сколько ты хочешь за связку соломы и горшокъ горячихъ угольевъ?

Тюремщикъ подумалъ.

— Два золотыхъ дуката,—сказалъ онъ, наконецъ.

— Ну, вотъ, ты и дай мнѣ два дуката за мой трупъ, палачъ.

— Два золотыхъ дуката!—вскричалъ палачъ.—Но это страшно дорого. Два золотыхъ дуката за какой-то жалкій трупъ. Нѣтъ, такъ дорого я не дамъ.

— Ну, какъ хочешь. Не получишь трупа.

— Вѣдь тебя бросятъ на живодерню. А если твой трупъ попадетъ ко мнѣ, ты будешь украшать королевскій музей въ Копенгагенѣ или кабинетъ рѣдкостей въ Бергенѣ.

— Какое мнѣ дѣло!

— Долго спустя послѣ твоей смерти всѣ будутъ осматривать твой скелетъ и говорить: вотъ скелетъ знаменитаго Гана-Исландца. Кости твои тщательно отполируютъ, свяжутъ мѣдными гвоздиками, поставятъ подъ стеклянный колпакъ и каждый день будутъ обметать съ этого колпака пыль. А что ожидаетъ тебя вмѣсто всѣхъ этихъ почестей, если ты не продашь своего трупа? Бросятъ тебя въ какую-нибудь яму, и будутъ тебя рвать коршуны и точить черви.

— Ну, что же? Вѣдь и живыхъ терзаютъ большіе и сильные и точатъ малые и слабые.

— Два золотыхъ дуката! Вотъ вѣдь какую заломилъ цѣну! Нѣтъ, братъ Ганъ. Этакъ мы съ тобой не сойдемся.

— Это первая и, вѣроятно, послѣдняя продажа, которую мнѣ приходится дѣлать. Такъ пусть она будетъ мнѣ выгодна.

— Смотри, не раскайся въ своемъ упрямствѣ. Вѣдь завтра ты будешь въ моихъ рукахъ.

— Ты думаешь?

Палачъ не замѣтилъ, съ какимъ выраженіемъ были произнесены эти слова.

— Да, есть разные способы затягивать петлю... А если ты будешь разсудительнѣе, то я тебя повѣшу получше.

— Мнѣ очень мало дѣла до того, что ты завтра будешь дѣлать съ моей шеей,—насмѣшливо отвѣчалъ разбойникъ.

— Можетъ-быть, ты уступишь. Хочешь два королевскихъ экю? Зачѣмъ тебѣ такая прорва денегъ?

— Обратись къ своему товарищу,—отвѣчалъ разбойникъ, указывая на тюремщика.—Онъ проситъ съ меня два дуката за связку соломы и горшокъ угольевъ.

— Клянусь пилой святого Іосифа,—сказалъ палачъ сердито, смотря на тюремщика,—это возмутительно продавать какую-то несчастную солому на вѣсъ золота! Два дуката!

— Благодарите, что я не спросилъ четыре! Вотъ ужъ вы-то, мастеръ Николь, совсѣмъ по-жидовски торгуетесь. Что, вамъ жалко отдать два дуката за трупъ, который вы продадите, по крайней мѣрѣ, за двадцать какому-нибудь ученому или врачу!

— Я никогда не платилъ за трупъ больше пятнадцати аскалиновъ,—сказалъ палачъ.

— За какой трупъ! Какой-нибудь жидъ или воришка, конечно, больше и не стоитъ. Но Ганъ-Исландецъ!.. Всякій знаетъ, что вы за него возьмете, сколько пожелаете.

— Да вы-то чего суетесь!—грубо сказалъ Оругиксъ.—Вѣдь я не мѣшаюсь въ ваши доходы, не спрашиваю васъ на сколько въ годъ вы наворуете у заключенныхъ одежды и драгоцѣнностей, сколько наживете на бульонѣ, въ который льете грязную воду, да сколько такъ вытяните изъ нихъ денегъ по мелочамъ за всякую услугу. Нѣтъ, не дамъ я двухъ дукатовъ!

— А я меньше, чѣмъ за два дуката, не продамъ огня и соломы,—упрямо сказалъ тюремщикъ.

— А я меньше, чѣмъ за два дуката не отдамъ трупа,—спокойно сказалъ разбойникъ.

Палачъ помолчалъ съ минуту и, наконецъ, сказалъ;

— Ну, ладно, некогда мнѣ, дѣло есть!

И, вынувъ изъ кармана кожаный мѣшокъ, онъ медленно, скрѣпя сердце, открылъ его.

— Получай, проклятый исландскій демонъ, свои два дуката. Навѣрно сатана не дастъ того за твою душу,что я даю за твое тѣло.

Разбойникъ взялъ двѣ золотыя монеты. Тюремщикъ тотчасъ протянулъ за ними руку.

— Постой, пріятель, принеси-ка мнѣ сначала то, что я просилъ.

Тюремщикъ ушелъ и скоро вернулся со связкой свѣжей соломы и съ грѣлкой, полной горячихъ угольевъ, которые и поставилъ около осужденнаго.

— Ну, вотъ это дѣло,—сказалъ разбойникъ, отдавая деньги.— По крайней мѣрѣ, погрѣюсь и высплюсь за ночь. Слушай-ка—прибавилъ онъ мрачно.—Вѣдь эта келья примыкаетъ къ казармамъ Мункгольмскихъ стрѣлковъ?

— Да,—отвѣчалъ тюремщикъ.

— А откуда вѣтеръ?

— Съ востока, кажется.

— Это хорошо.

— А зачѣмъ тебѣ это знать, пріятель?—спросилъ тюремщикъ.

— Такъ, ни зачѣмъ.

— Ну, прощай, товарищъ. До завтра!

— До завтра!—повторилъ разбойникъ.

Тяжелая дверь закрылась за палачомъ и его спутникомъ, такъ что они уже не могли слышать дикаго и насмѣшливаго хохота, который сопровождалъ послѣднія слова разбойника.

XXVII.

Неужели ты надѣялся умереть иною смертью?

Алекс. Сумэ.

Бросимъ теперь взглядъ въ другую келью тюрьмы, прилегавшей къ казармамъ, — въ ту, въ которой заключенъ нашъ старый знакомый Туріафъ Мусдэмонъ.

Читатель, можетъ-быть, удивился, что Мусдэмонъ при своей хитрости и подлости такъ открыто сознался суду въ своемъ преступленіи и такъ великодушно скрылъ участіе въ немъ своего неблагодарнаго патрона, канцлера Алефельда. Но это вовсе не значитъ, что Мусдэмонъ обратился на путь истинный. Увидя, что его адская интрига открыта и неопровержимо доказана, онъ въ первую минуту былъ ошеломленъ и испуганъ. Но когда первое впечатлѣніе это прошло, его трезвый умъ подсказалъ ему, что уже нечего думать о томъ, чтобы погубить своихъ жертвъ, а надо только заботиться о собственномъ спасеніи. Ему представилось два выхода: свалить все на графа Алефельда, такъ низко его покинувшаго, или же принять на себя все преступленіе, не открывая участія графа. Обыкновенный умъ избралъ бы первое рѣшеніе, Мусдэмонъ предпочелъ второе. Канцлеръ былъ все-таки канцлеръ. Къ тому же бумаги, безусловно уличающія Мусдэмона, не содержали прямыхъ уликъ противъ канцлера. Кромѣ того, канцлеръ обмѣнялся съ секретаремъ нѣсколькими значительными взглядами, и этого Мусдэмону было довольно, чтобы взять на себя всю вину. Онъ былъ увѣренъ, что графъ Алефельдъ облегчитъ ему бѣгство, если не изъ благодарности за прошлыя услуги, то изъ нужды въ будущихъ.

Онъ ходилъ по своей кельѣ, слабо освѣщенной лампой, въ увѣренности, что ночью дверь тюрьмы передъ нимъ откроется. Отъ скуки онъ занялся осмотромъ этой кельи, выстроенной еще древними королями, которыхъ имена едва помнитъ исторія. Больше всего его удивляло то, что полъ въ кельѣ былъ деревянный и шаги его такъ гулко раздавались въ комнатѣ, какъ будто подъ поломъ было пустое пространство. Въ самомъ замкѣ свода было вдѣлано кольцо, на которомъ болтался обрывокъ старой, полуистлѣвшей веревки. Время шло. Часы на башнѣ уже нѣсколько разъ принимались бить, и протяжный звонъ ихъ мрачно разносился въ тишинѣ ночи. Наконецъ послышался шумъ шаговъ. Сердце Мусдэмона забилось надеждой. Огромный замокъ скрипнулъ, зазвенѣлъ, цѣпи упали, и когда дверь отворилась, лицо Мусдэмона расплылось въ радостную улыбку.

Въ келью вошелъ человѣкъ въ красной одеждѣ... Онъ несъ подмышкой свертокъ пеньковой веревки. За нимъ шло четверо аллебардистовъ въ черной одеждѣ со шпорами и бердышами.

Мусдэмонъ былъ еще въ парикѣ и судейской мантіи. Эта одежда, видимо, произвела впечатлѣніе на краснаго человѣка. Онъ почтительно поклонился.

— Съ вашей ли честью, сударь, мы должны имѣть дѣло?— спросилъ онъ съ нѣкоторымъ колебаніемъ.

— Да, да,—торопливо отвѣчалъ Мусдэмонъ, надежда котораго на бѣгство еще болѣе укрѣпилась, когда онъ увидѣлъ такое вѣжливое обращеніе. На кровавый цвѣтъ одежды вошедшаго онъ не обратилъ вниманія.

— Васъ зовутъ Туріафъ Мусдэмонъ?—спросилъ вошедшій, заглянувъ въ развернутый пергаментъ, который держалъ въ рукахъ.

— Совершенно вѣрно. Васъ послалъ великій канцлеръ, друзья мои?

— Такъ точно, ваша честь.

— Не забудьте же, когда окончите ваше дѣло, выразить его милости мою глубокую благодарность.

Человѣкъ въ красной одеждѣ удивленно взглянулъ на Мусдэмона.

— Вашу... благодарность?

— Конечно, друзья мои. Вѣроятно, мнѣ не удастся въ скоромъ времени поблагодарить его лично.

— Вѣроятно,—съ ироніей отвѣчалъ человѣкъ въ красномъ.

— А вы понимаете,—продолжалъ Мусдэмонъ,—что я долженъ поблагодарить его за такую услугу.

— Клянусь,—съ тяжелымъ смѣхомъ вскричалъ человѣкъ въ красномъ,—по вашимъ словамъ можно думать, что канцлеръ дѣлаетъ для вашей милости совсѣмъ другое.

— Безъ сомнѣнія! Въ настоящее время онъ только строго воздаетъ мнѣ должное.

— Строго, можетъ-быть. Но все-таки вы признаете, что это должное. За всѣ двадцать шесть лѣтъ, какъ я служу, мнѣ первый разъ приходится слышать подобное признаніе! Однако намъ некогда разговаривать. Готовы вы, сударь?

— Готовъ, — радостно отвѣчалъ Мусдэмонъ, дѣлая шагъ къ двери.

— Подождите, подождите минутку,—вскричалъ человѣкъ въ красномъ, наклоняясь, чтобы сложить на полъ свой свертокъ веревки.

Мусдэмонъ остановился.

— Къ чему вся эта веревка?—спросилъ онъ.

— Ваша милость совершенно правильно задаете мнѣ этотъ вопросъ. Дѣйствительно, здѣсь гораздо больше, чѣмъ мнѣ нужно. Но въ началѣ этого процесса я думалъ, что будетъ гораздо больше осужденныхъ.

И съ этими словами онъ сталъ развязывать свой свертокъ.

— Ну, поскорѣе,—сказалъ Мусдэмонъ.

— Вы очень торопитесь, сударь. Развѣ у васъ нѣтъ еще какой-нибудь просьбы?

— Никакой, кромѣ той, которую я уже вамъ говорилъ,—поблагодарить за меня его милость. Но, ради Бога, поскорѣе, я спѣшу выйти отсюда. Далеко намъ итти?

— Далеко ли?—повторилъ человѣкъ въ красномъ, отмѣривая нѣсколько саженъ веревки.—Нѣтъ, будьте спокойны, ваша милость, мы покончимъ все, не выходя отсюда.

Мусдэмонъ вздрогнулъ.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Что хотите сказать вы сами?—былъ отвѣтъ.

— Боже мой!—блѣднѣя вскричалъ Мусдэмонъ.

Онъ начиналъ понемногу понимать, въ чемъ дѣло.

— Кто вы?—спросилъ онъ.

— Я? Палачъ.

Несчастный задрожалъ, какъ сухой листъ при сильномъ вѣтрѣ.

— Вы пришли помочь мнѣ бѣжать? — спросилъ онъ едва слышно.

Палачъ расхохотался.

— Разумѣется! Я помогу вамъ бѣжать въ страну духовъ, тамъ-то васъ ужъ никто не поймаетъ.

Мусдэмонъ упалъ лицомъ на землю.

— Сжальтесь! О, сжальтесь!—вскричалъ онъ.

— Первый разъ въ жизни слышу такую просьбу! — хладнокровно проговорилъ палачъ.—Вы, кажется, принимаете меня за короля?

Несчастный ползалъ на колѣняхъ, волоча въ пыли свою мантію, стуча объ полъ лбомъ, цѣлуя ноги палача и издавая глухіе крики сквозь подавленныя рыданія.

— Ну, будетъ!—вскричалъ палачъ.—Никогда еще черная мантія не унижалась передъ моей красной курткой.—И онъ оттолкнулъ Мусдэмона ногою.

— Молись Богу и Его святымъ, товарищъ! Онъ услышитъ тебя скорѣе, чѣмъ я.

Но Мусдэмонъ остался на колѣняхъ и, закрывъ лицо руками, горько плакалъ. Тѣмъ временемъ палачъ, поднявшись на носки, продернулъ веревку въ кольцо, закрѣпилъ ее однимъ концомъ, а на другомъ сдѣлалъ мертвую петлю.

— Я кончилъ,—сказалъ онъ,—готовъ ты?

— Нѣтъ,--вскричалъ, вставая съ колѣнъ, Мусдэмонъ.—Тутъ какая-нибудь ужасная ошибка. Графъ Алефельдъ не такой подлецъ! Не можетъ быть, чтобы онъ прислалъ васъ ко мнѣ. Отпустите меня, берегитесь навлечь на себя гнѣвъ канцлера.

— Развѣ ты не заявилъ мнѣ, что тебя зовутъ Туріафомъ Мусдэмономъ?

Узникъ съ минуту помолчалъ.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ вдругъ,—нѣтъ, я не Мусдэмонъ. Меня зовутъ Туріафъ Оругиксъ.

— Оругиксъ!—вскричалъ палачъ,—Оругиксъ!

И онъ быстро сорвалъ съ головы осужденнаго скрывавшій его лицо парикъ.

— Братъ!—вскричалъ онъ съ удивленіемъ.

— Твой братъ!—вскричалъ осужденный.

Въ этомъ восклицаніи слышались и удивленіе, и стыдъ, и радость.

— Такъ ты?..

— Николь Оругиксъ, палачъ Дронтгеймскаго округа, къ твоимъ услугамъ, братъ Туріафъ.

Осужденный бросился на шею палача. Онъ называлъ его братомъ, своимъ милымъ, своимъ любезнымъ братомъ. Но эта братская встрѣча не могла бы растрогать того, кто былъ ей свидѣтелемъ. Туріафъ съ дѣланной и боязливой улыбкой расточалъ ты-

сячи ласкъ Николю, а Николь отвѣчалъ на нихъ мрачными и смущенными взглядами. Мусдэмонъ былъ похожъ на тигра, ласкающаго слона въ то время, какъ слонъ давитъ тяжелой ногой его брюхо.

— Какое счастіе, братъ Николь! Какъ радъ я, что снова вижу тебя!

— Ну, а я такъ за тебя не радъ, братъ Туріафъ.

— У тебя есть жена, дѣти. Ты сведешь меня къ моей дорогой сестрѣ, позволишь расцѣловать моихъ милыхъ племянниковъ.

— Ишь ты,—пробормоталъ палачъ.

— Я буду имъ вторымъ отцомъ. Слушай, братъ, у меня есть власть, связи...

— Были когда-то,—мрачно отвѣчалъ палачъ.—Теперь думай о тѣхъ связяхъ, которыми ты, безъ сомнѣнія, заручился у святыхъ.

На лицѣ осужденнаго появилось выраженіе полной безнадежности.

Боже, что это значитъ, Николь? Нѣтъ, я спасенъ, разъ я встрѣтилъ тебя. Подумай, насъ носила одна утроба, насъ вскормила одна грудь, мы вмѣстѣ играли дѣтьми... Вспомни, Николь, ты братъ мой.

— До сихъ поръ ты не вспоминалъ объ этомъ,—сурово отвѣчалъ Николь.

— Нѣтъ, я не могу умереть отъ руки брата.

— Это твоя вина, Туріафъ. Вѣдь никто, какъ ты, разбилъ мою карьеру, помѣшавъ мнѣ быть палачомъ въ Копенгагенѣ и забросивъ меня сюда, на эту жалкую должность. Если бы ты былъ хорошимъ братомъ, тебѣ сегодня не пришлось бы возмущаться. Мою обязанность исполнилъ бы другой, потому что меня не было бы въ Дронтгеймѣ. Ну, мы довольно поговорили, братъ. Надо умирать. Смерть ужасна для злодѣя по той же причинѣ, почему она прекрасна для честнаго человѣка. Въ обоихъ случаяхъ душа освобождается отъ тѣлесной оболочки, но для честнаго человѣка эта оболочка—темница, для злодѣя—крѣпость. Въ послѣднюю минуту передъ развращенной душой открывается адъ, а не небытіе, на которое она надѣялась. Безпокойно стучитъ она въ страшную дверь смерти и съ ужасомъ слышитъ, что за этой дверью не пустое пространство.

Осужденный снова повалился на полъ и застоналъ раздирающимъ душу стономъ.

— Милосердіе Божіе! Святые ангелы, если вы существуете, сжальтесь надо мною. Николь, мой Николь, ради нашей матери, пощади мою жизнь!

Палачъ показалъ свой пергаментъ.

— Не могу. Мнѣ приказано.

— Это приказаніе ко мнѣ не относится. Тамъ говорится про Мусдэмона, а я Туріафъ Оругиксъ.

— Смѣешься ты, что ли?—сказалъ палачъ, пожимая плечами,— Вѣдь я знаю, что дѣло идетъ о тебѣ. Къ тому же,—жестко прибавилъ онъ,—вчера ты не былъ бы Туріафомъ Оругиксомъ для

своего брата, будь же для него и сегодня Туріафомъ Мусдэмономъ.

— О, братъ мой, братъ мой, подожди хоть до завтра. Немыслимо, чтобы великій канцлеръ приказалъ казнить меня. Это ошибка! Графъ Алефельдъ меня любитъ. О, отдай мнѣ жизнь, Николь! Я снова войду въ милость, и всѣ услуги...

— Ты можешь оказать мнѣ только одну услугу, Туріафъ,—прервалъ палачъ.—Я уже потерялъ двѣ казни, на которыя больше всего разсчитывалъ: бывшаго канцлера Шумакера и сына вице-короля. Мнѣ всегда не везетъ. Теперь мнѣ остался только Ганъ-Исландецъ да ты. Твоя казнь, какъ ночная и тайная, принесетъ мнѣ двѣнадцать золотыхъ дукатовъ. Дай же мнѣ спокойно заработать мои деньги, вотъ единственная услуга, которой я отъ тебя жду.

— О, Боже!—простоналъ осужденный.

— Правда, эта услуга будетъ первой и послѣдней, но зато я обѣщаю тебѣ, что ты не будешь страдать. Я повѣшу тебя по-братски.

Мусдэмонъ поднялся съ пола. Ноздри его раздувались, губы дрожали, изо рта клубилась бѣлая пѣна.

— Сатана! — вскричалъ онъ въ бѣшенствѣ. — Я спасъ Алефельда, я цѣловалъ моего брата, и все-таки они убьютъ меня! Умереть ночью, въ темной кельѣ! И міръ не услышитъ моихъ проклятій, не прогремитъ съ одного конца королевства до другого мой голосъ, обличающій ихъ преступленія! Для того ли я запятналъ всю мою жизнь, чтобы окончить ее такой смертью? Несчастный!—продолжалъ онъ, обращаясь къ брату.—Такъ ты хочешь быть братоубійцей?

— Я палачъ,—спокойно отвѣчалъ Николь.

— Нѣтъ!—вскричалъ осужденный, и бѣшено бросился на палача. Глаза его метали молніи и проливали слезы, онъ былъ похожъ на затравленнаго звѣря.—Нѣтъ, я не умру такъ. Не для того я жилъ ядовитой змѣей, чтобы меня раздавили, какъ жалкаго беззубаго червя. Я оставлю всю жизнь въ моемъ послѣднемъ укусѣ, но этотъ укусъ будетъ смертеленъ.

И съ этими словами онъ сдавилъ, какъ врага, того, кого недавно обнималъ, какъ брата. Отчаяніе, словно дрожью взволновало всю его душу, и ласкающій тигръ обратился въ тигра, жаждущаго крови. Въ эту минуту выползла наружу вся отвратительная сущность этого льстиваго и ласковаго Мусдэмона. Трудно было рѣшить, кто изъ двухъ братьевъ былъ ужаснѣе, когда они боролись, одинъ съ свирѣпостью дикаго звѣря, другой съ коварнымъ бѣшенствомъ демона.

Но четверо аллебардистовъ, до сихъ поръ неподвижные и безстрастные, тотчасъ пришли на помощь палачу, и скоро Мусдэмонъ, которому только бѣшенство придало силы, долженъ былъ выпустить брата. Онъ прижался лицомъ къ стѣнѣ, вцѣпился ногтями въ камни, и зарычалъ:

— Умереть! И крикъ мой не пронижетъ эти своды, и мои руки не опрокинутъ этихъ стѣнъ! О, демоны ада!

Его схватили. Онъ не сопротивлялся. Послѣднее усиліе истощило всѣ его силы. Съ него сняли мантію, чтобы его связать. Въ эту минуту изъ его одежды выпалъ запечатанный конвертъ.

— Что это?—спросилъ палачъ.

Адская надежда блеснула въ мутномъ взглядѣ осужденнаго.

— Какъ я забылъ объ этомъ?—пробормоталъ онъ.—Слушай, братъ Николь,—прибавилъ онъ почти дружелюбно.—Эти бумаги принадлежатъ великому канцлеру. Обѣщай мнѣ передать ихъ ему, и тогда я буду спокоенъ, дѣлай со мной, что хочешь.

— Такъ какъ ты успокоился, то я исполню твою послѣднюю просьбу, хотя ты и поступилъ сейчасъ со мною далеко не побратски. Бумаги эти будутъ переданы великому канцлеру, слово Оругикса.

— Попроси, чтобы тебя допустили къ нему лично. Быть-можетъ, удовольствіе, которое эти бумаги доставятъ его милости, послужитъ тебѣ на пользу, — проговорилъ Туріафъ, улыбаясь, брату, который по природѣ своей плохо понималъ улыбки.

— Правда, братъ?—сказалъ Оругиксъ.—Ну, спасибо. Можетъ-быть, это доставитъ мнѣ мѣсто главнаго палача. Ну, хорошо, разстанемся друзьями. Я тебѣ прощаю, что ты меня исцарапалъ, прости мнѣ и ты пеньковое ожерелье, которое я надѣну тебѣ на шею.

— А канцлеръ обѣщалъ мнѣ на шею кое-что другое,—отвѣчалъ Мусдэмонъ.

Аллебардисты отвели его связаннымъ на середину кельи, палачъ надѣлъ ему на шею роковую петлю.

— Готовъ ты, Туріафъ?

— Одну минуту, одну минуту!—сказалъ осужденный, къ которому вернулся весь его ужасъ.—Бога ради, братъ, не дергай веревки, пока я тебѣ не скажу.

— Мнѣ не нужно дергать веревки,—отвѣчалъ палачъ.

Минуту спустя, онъ повторилъ свой вопросъ:

— Готовъ ты?

— Еще минуту. Неужели я непремѣнно долженъ умереть?

— Мнѣ некогда, Туріафъ,—проговорилъ палачъ, давъ знакъ аллебардистамъ отойти отъ осужденнаго.

— Еще одно слово, братъ! Не забудь передать пакетъ графу Алефельду.

— Будь покоенъ. Ну, готовъ ты?—повторилъ онъ въ третій разъ.

Несчастный открылъ было ротъ, можетъ-быть, для того, чтобы вымолить себѣ еще минуту жизни, но нетерпѣливый палачъ нагнулся и повернулъ мѣдную ручку, которая торчала изъ пола

Полъ выскользнулъ изъ-подъ ногъ несчастнаго, и онъ провалился въ четвероугольное отверстіе, образовавшееся у него подъ ногами. Веревка съ глухимъ шумомъ натянулась и заколыхалась отъ послѣднихъ конвульсій несчастнаго. Теперь въ темномъ отверстіи висѣла одна лишь качавшаяся веревка. Свѣжій воздухъ и шумъ воды несся оттуда... Сами аллебардисты въ ужасѣ отсту-

пили. Палачъ подошелъ къ отверстію, схватилъ все еще трепетавшую веревку и, опустившись нѣсколько внизъ, всталъ на плечи брата. Роковая веревка натянулась и остановилась неподвижно. Изъ отверстія донесся подавленный вздохъ.

— Ну, кончено,—сказалъ палачъ.—Прощай, братъ.

И съ этими словами онъ вынулъ изъ-за пояса ножъ.

— Ступай кормить рыбу въ заливѣ. Пусть твое тѣло пойдетъ въ воду, а душа въ огонь.

И онъ перерѣзалъ натянутую веревку. Свободный конецъ ея хлестнулъ по потолку, послышался плескъ тѣла, упавшаго въ воду, и все стихло.

Палачъ закрылъ трапъ, снова повернулъ ручку. Когда онъ выпрямился, то замѣтилъ, что вся келья наполнена дымомъ.

— Что это? Откуда этотъ дымъ? — спросилъ онъ у аллебардистовъ

Но тѣ также не понимали, въ чемъ дѣло. Открывъ дверь, они увидѣли, что и всѣ коридоры тюрьмы полны густого, удушливаго дыма.

Въ тревогѣ они выбѣжали по потайному ходу на дворъ, гдѣ имъ представилось страшное зрѣлище.

Страшный пожаръ, раздуваемый восточнымъ вѣтромъ, пожиралъ военную тюрьму и казарму стрѣлковъ. Пламя крутилось вихремъ, ползло по каменнымъ стѣнамъ, лизало раскаленныя крыши и длинными языками вырывалось изъ оконъ. Черныя башни Мункгольма, то рѣзко вырисовывались на небѣ, окрашенныя кровавымъ заревомъ, то скрывались за густыми клубами дыма.

Одинъ изъ тюремщиковъ, пробѣгавшій дворомъ, торопливо сообщилъ имъ, что огонь показался въ то время, какъ стража заснула, изъ кельи Гана-Исландца, которому имѣли неосторожность дать огня и соломы.

— Ну, развѣ не несчастный я человѣкъ!—вскричалъ Оругиксъ.—Теперь и Ганъ-Исландецъ ускользнулъ отъ меня. Сгоритъ вѣдь, собака, и даже трупъ его мнѣ не достанется! А я заплатилъ за него цѣлыхъ два золотыхъ дуката!

Разбуженные шумомъ стрѣлки тѣснились къ дверямъ, стараясь ихъ выломать, но крѣпкіе запоры не поддавались. Изнутри зданія неслись крики отчаянія и боли. Стрѣлки бросались изъ объятыхъ пламенемъ оконъ и разбивались о каменныя плиты, которыми былъ вымощенъ дворъ. Побѣдоносное пламя охватило все зданіе прежде, чѣмъ подоспѣли другія части гарнизона.

Всякая помощь была уже безполезна. По счастью, зданіе стояло отдѣльно. Главную дверь разбили топорами, но было уже поздно. Обгорѣлыя стропила обрушились прямо на несчастныхъ солдатъ, увлекая за собой кровлю и верхнія части зданія. Густое облако раскаленной пыли и горячаго дыма окутало все зданіе. Послѣдніе слабые крики скоро затихли.

На другое утро во дворѣ стояли лишь четыре черныя стѣны, окружавшія кучу еще дымяшихся обломковъ, которые загорались другъ отъ друга.

Когда развалины нѣсколько остыли, и люди пришли разгребать обломки, то подъ слоемъ камня, бревенъ и обгорѣлыхъ желѣзныхъ листовъ нашли кучу обгорѣлыхъ скелетовъ да около тридцати изувѣченныхъ солдатъ. Это было все, что осталось отъ славнаго Мункгольмскаго полка.

Когда же докопались до той роковой кельи, гдѣ былъ Ганъ-Исландецъ и откуда начался пожаръ, то нашли обгорѣлые остатки человѣческаго тѣла, а рядомъ съ нимъ желѣзную грѣлку и разорванныя цѣпи.

Но, несмотря на то, что трупъ былъ всего одинъ, въ пеплѣ оказалось два черепа.

XXVIII.

Саладинъ

Браво, Ибрагимъ!
Ты вѣстникъ счастья въ полномъ смыслѣ слова.
Благодарю за радостную вѣсть.

Ибрагимъ.

И только-то?

Саладинъ.

А что же нужно больше?

Ибрагимъ.

Такъ неужели жъ больше ничего
Для вѣстника-то счастья не найдется?

Лессингъ.—Натанъ Мудрый.

Блѣдный, съ искаженнымъ лицомъ, графъ Алефельдъ ходитъ большими шагами по своему кабинету. Въ рукахъ у него пачка только что прочитанныхъ писемъ. Канцлеръ отъ времени до времени гнѣвно стучитъ ногой по мрамору пола и по коврамъ съ золотыми кистями.

На другомъ концѣ комнаты стоитъ въ почтительной позѣ Николь Оругиксъ въ своей красной одеждѣ и мнетъ въ рукахъ войлочную шляпу.

— Ты оказалъ мнѣ услугу, Мусдэмонъ! — шепчетъ канцлеръ сквозь стиснутые зубы.

Палачъ робко поднимаетъ глаза на канцлера.

— Вы довольны, ваша милость?

— Что тебѣ нужно?—быстро обернувшись къ нему, спрашиваетъ канцлеръ.

Палачъ, довольный, что обратилъ, наконецъ, на себя вниманіе канцлера, радостно улыбается.

— Что мнѣ нужно, ваша милость? Мѣсто главнаго палача въ Копенгагенѣ, если вы соблаговолите наградить меня этой высокой милостью за добрыя вѣсти, которыя я принесъ.

Канцлеръ зоветъ аллебардистовъ, стоящихъ на часахъ у дверей.

— Схватить этого нахала, который смѣетъ надо мной смѣяться.

Стража схватываетъ смущеннаго и удивленнаго Николя и тащитъ его вонъ изъ кабинета.

— Но, сударь...—пытается онъ еще сказать.

— Ты больше не палачъ, я уничтожаю твой дипломъ,—бѣшено кричитъ ему вслѣдъ канцлеръ и яростно захлопываетъ дверь.

Канцлеръ снова читаетъ и перечитываетъ письма, точно хочетъ упиться своимъ позоромъ. Эти письма—письма его жены къ Мусдэмону. Онъ узнаетъ этотъ хорошо знакомый ему почеркъ. Онъ видитъ, что Ульрика не его дочь, что, можетъ-быть, и Фридрихъ, котораго онъ такъ жалѣлъ, не былъ его сыномъ. Гордость, которая привела графа къ преступленію, эта безумная гордость и несла теперь наказаніе. Не только месть ускользнула изъ его рукъ,—все его честолюбивыя мечты разсыпались въ прахъ, прошедшее было поругано, будущее—темно и пусто. Онъ хотѣлъ погубить своихъ враговъ, а вмѣсто того погубилъ свое могущество, своего совѣтника и, наконецъ, потерялъ даже права мужа и отца.

Но ему хочется, по крайней мѣрѣ, увидѣть ту, которая такъ постыдно измѣнила ему. Быстро идетъ онъ по огромнымъ заламъ, потрясая роковыми письмами. Бѣшено открываетъ онъ дверь въ комнату жены, входитъ... Но преступная супруга только что получила увѣдомленіе отъ барона Вэтэйна объ ужасной гибели сына. Бѣдная мать помѣшалась отъ горя.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Что я сказалъ шутя, то вы приняли серьезно.

Изъ испанскихъ романсовъ.

Уже двѣ недѣли описанныя нами событія занимали всѣ умы въ городѣ и въ округѣ и толковались на всѣ лады. Городская чернь, ожидавшая семи казней подъ рядъ, уже перестала разсчитывать на это удовольствіе, а полуслѣпыя старухи уже начали разсказывать, что во время пожара онѣ видѣли, какъ Ганъ-Исландецъ вылетѣлъ въ пламени изъ казармы и съ хохотомъ столкнулъ ногою крышу на несчастныхъ стрѣлковъ.

Въ это время Орденеръ, послѣ отсутствія, показавшагося очень долгимъ его Этели, снова появился въ башнѣ Шлезвигскаго Льва въ сопровожденіи Левина Кнуда и Аѳанасія Мюндера. Когда онъ вошелъ, Шумакеръ прогуливался по саду, опираясь на руку дочери. Трудно было молодымъ супругамъ не броситься другъ другу въ объятія, но дѣлать нечего, пришлось ограничиться однимъ лишь взглядомъ. Шумакеръ радостно пожалъ руку Орденеру и ласково поклонился его спутникамъ.

— Да благословитъ небо ваше возвращеніе, молодой человѣкъ,—сказалъ старый узникъ.

— Благодарю васъ, сударь. Я только что былъ у моего отца въ Бергенѣ и теперь пріѣхалъ въ Дронтгеймъ обнять другого отца.

— Что вы хотите этимъ сказать? — съ удивленіемъ спросилъ старикъ.

— То, что я прошу васъ отдать за меня вашу дочь.

— Мою дочь!—вскричалъ старикъ, оборачиваясь къ покраснѣвшей, трепещущей Этели.

— Да, сударь, я люблю вашу Этель. Я посвятилъ ей всю свою жизнь, и она моя.

Шумакеръ нахмурился.

— Вы достойный и благородный молодой человѣкъ. Правда, вашъ отецъ сдѣлалъ мнѣ много зла, но ради васъ я ему прощаю. Я съ удовольствіемъ увидѣлъ бы мою дочь вашей женой, но есть одно препятствіе.

— Какое?—съ безпокойствомъ спросилъ Ордене

— Вы любите мою дочь, но увѣрены ли вы, что она васъ любитъ?

Этель и Орденеръ переглянулись, нѣмые отъ удивленія.

— Да,—продолжалъ старикъ.—Мнѣ это очень жаль, потому что я люблю васъ и хотѣлъ бы назвать васъ своимъ сыномъ, но моя дочь этого не захочетъ. Недавно она мнѣ выказала свое нерасположеніе къ вамъ. Со времени вашего отъѣзда она молчитъ, когда я говорю о васъ, и какъ будто даже избѣгаетъ о васъ думать, точно стѣсняется... Откажитесь отъ вашей любви, Орденеръ... Что дѣлать. Любовь проходитъ, какъ и ненависть.

— Но, сударь...—началъ Орденеръ.

— Отецъ!—вскричала Этель, сложивъ руки.

— Будь покойна, дитя мое! Пусть этотъ бракъ мнѣ нравится, но онъ не нравится тебѣ, и я не буду насиловать твоего сердца. За эти двѣ недѣли я очень измѣнился. Не бойся, я не буду настаивать. Ты свободна.

— Нѣтъ, она не свободна, — съ улыбкой сказалъ Аѳанасій Мюндеръ.

— Вы ошибаетесь, отецъ,—ободрившись, сказала Этель.—Я не ненавижу Орденера.

— Какъ!—вскричалъ отецъ.

— Я...

Она пріостановилась.

— Она моя жена, отецъ, — сказалъ Орденеръ, опускаясь на колѣни.—Простите меня, какъ уже простилъ меня мой другой отецъ, и благословите вашихъ дѣтей.

Шумакеръ, въ свою очередь удивленный, благословилъ склонившуюся передъ нимъ молодую чету.

— Я такъ много проклиналъ въ своей жизни, что теперь безъ разбора хватаюсь за всякій случай благословлять. Но объясните мнѣ...

Ему объяснили. Старикъ заплакалъ отъ благодарности и любви.

— Я считалъ себя опытнымъ, а между тѣмъ, я, старикъ, не умѣлъ понять сердца молодой дѣвушки.

— Теперь я Этель Гульденлью,—съ дѣтской радостью вскричала молодая дѣвушка.

— Орденеръ Гульденлью, насколько же ты лучше меня!—сказалъ старикъ.—Въ дни моей славы я никогда не соединилъ бы своей судьбы съ судьбою дочери бѣднаго опальнаго узника.

Генералъ взялъ узника за руку и передалъ ему свертокъ пергаментовъ.

— Не говорите такъ, графъ. Вотъ ваши грамоты, которыя король уже отослалъ вамъ съ Диспольсеномъ. Король возвращаетъ вамъ свою милость и свободу. Таково приданое вашей дочери, графини Даннешильдъ.

— Милость! Свобода!—въ восторгѣ вскричала Этель.

— Графиня Даннешильдъ,—прибавилъ ея отецъ.

— Да, графъ,—продолжалъ генералъ,—вамъ возвращены всѣ ваши права и имѣнія.

— Но кому я этимъ обязанъ? — спросилъ счастливый Шумакеръ.

— Генералу Левину Кнуду,—отвѣчалъ Орденеръ.

— Левину Кнуду! Не говорилъ ли я вамъ, генералъ, что Левинъ Кнудъ—лучшій изъ людей. Но почему же онъ самъ не пришелъ извѣстить меня о моемъ счастіи? Гдѣ онъ?

Орденеръ съ удивленіемъ показалъ на генерала, который улыбался сквозь слезы.

— Вотъ онъ!

Встрѣча старыхъ друзей молодости была необычайно трогательна.

Тронулось, наконецъ, и сердце стараго Шумакера. Узнавъ Гана-Исландца, онъ пересталъ ненавидѣть людей, узнавъ Орденера и Левина Кнуда, онъ началъ любить ихъ.

Скоро свадьба, состоявшаяся въ мрачной тюремной кельѣ, была отпразднована великолѣпными праздниками.

Жизнь начала улыбаться молодымъ супругамъ, которые умѣли когда-то улыбаться смерти. Графъ Алефельдъ видѣлъ ихъ счастливыми, и это было для него самымъ жестокимъ наказаніемъ.

Выпала своя радость на долю и Аѳанасія Мюндера.

Двѣнадцать осужденныхъ были помилованы, а съ ними и товарищи Орденера по несчастью: Кенниболь, Норбитъ и Іона. Радостные вернулись они въ свои хижины и возвѣстили умиротвореннымъ рудокопамъ о снятіи опеки.

Шумакеръ недолго радовался на счастье Этели и Орденера. Свобода и счастье слишкомъ потрясли его душу. Онъ умеръ въ томъ же 1699 году, и за гробомъ его ждала другая свобода, другое счастье. Его похоронили въ церкви въ Веэрѣ, помѣстьѣ его зятя въ Ютландіи. Могила сохранила ему навѣкъ тѣ титулы, которые при жизни отняло заключеніе. Эта смерть какъ бы напомнила его дѣтямъ, что на землѣ нѣтъ полнаго счастья.

Отъ брака Этели и Орденера произошла фамилія графовъ Даннешильдъ.

КОНЕЦЪ.

Безплатное приложенiе
къ журналу
„ВОКРУГЪ СВѢТА“
за 1915 годъ.